This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

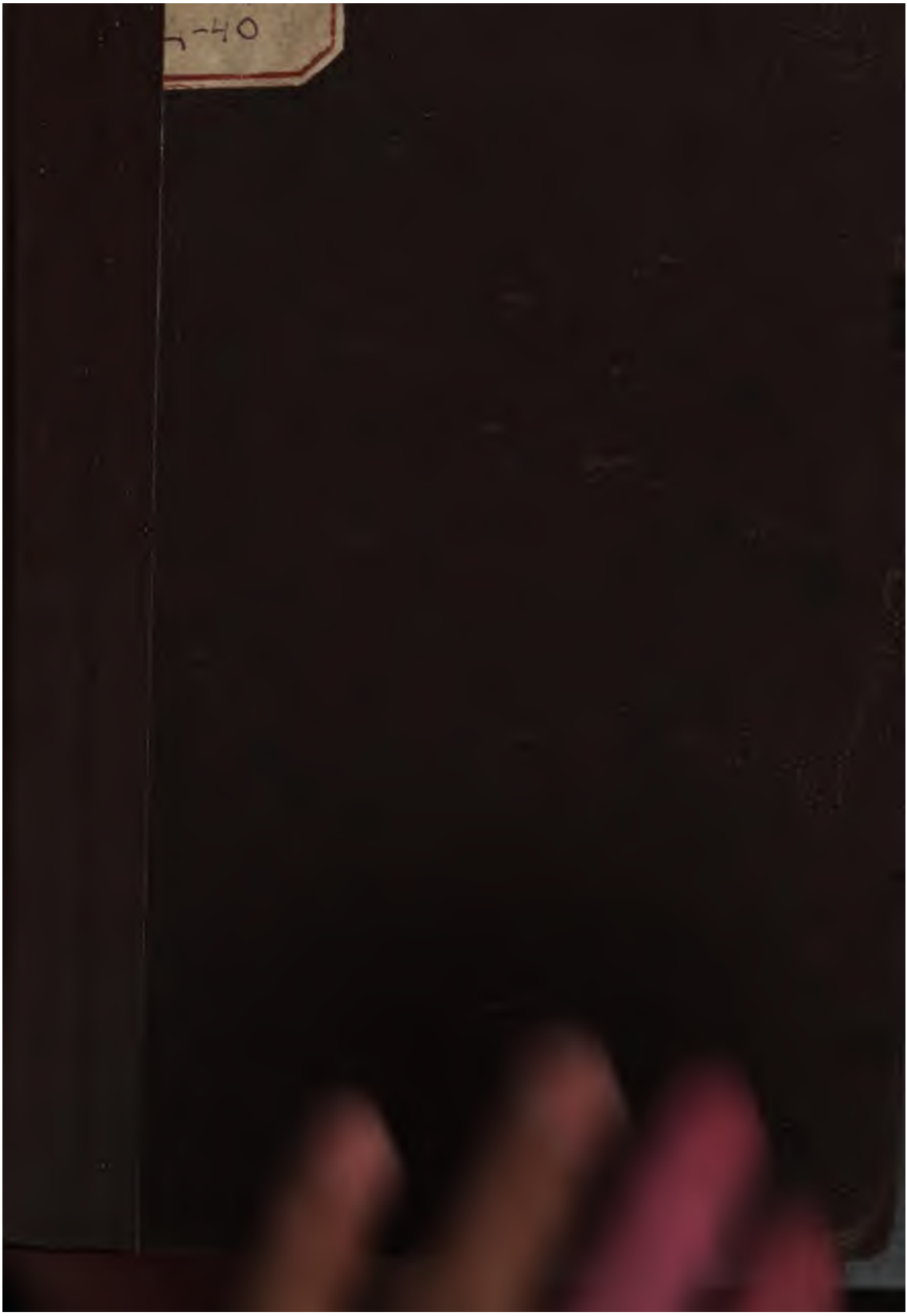
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



opm
3269

ЭПОХА ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ.

Настоящее 5-е (двойное) изданіе отпечатано въ количествѣ 2400 экземпляровъ.—Доходъ отъ 1200 экземпляровъ, за покрытіемъ расходовъ изданія, обращается на благотворительныя цѣли.

Отчеты о первыхъ четырехъ изданіяхъ напечатаны въ №№ 81 и 137 *Русскихъ Вѣдомостей* за 1892 г. въ № 128 за 1893 г., въ № 84 за 1894 годъ.

ИЗЪ ЭПОХИ

ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ

(ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.—ОТМѢНА ТѢЛЕС. НАКАЗ.—УНИВЕРСИТ. АВТОНОМІЯ.—ЗЕМСТВО.—ЦЕНЗУР. РЕФОРМА.—НОВЫЙ СУДЪ.—ВОИНСКАЯ РЕФОРМА И ПР).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ

Чѣмъ ночь темнѣй—тѣмъ звѣзды ярче.
Майковъ.

Гр. Джаншіева.

Съ портретами А. М. Унковскаго и С. И. Зарудняго и библіотечною карточкою.

5-е дополненное изданіе

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій пер., д. Мамонтова.
1894

DK221
D9
1894

146653/52

134/71
38

83297
98

И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы срываемъ,
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его...

Некрасовъ.

ПАМЯТИ

БѢЛИНСКАГО и ГРАНОВСКАГО.

Наканунѣ пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новеллъ

(вмѣсто предисловія).

И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
А все невольно взоръ съ надеждой смотритъ въ даль.
Плещеевъ.

Когда по кривымъ, грязнымъ закоулкамъ Стамбула приближаетесь вы къ храму Софіи-Премудрости, васъ невольно охватываетъ чувство удивленія и досады. Вамъ бросаются прежде всего въ глаза четыре тощихъ минарета, несоизмѣримыхъ ни съ объемомъ, ни съ общимъ характеромъ зданія и прилѣпившихся къ нему некстати и неестественно, что называется съ боку-припека. Затѣмъ вы напрасно ищете самый остовъ великой Софіи: онъ весь исчезъ подъ грудою неуклюжихъ мазанокъ, пристроекъ и придѣловъ, набросанныхъ варварскимъ усердіемъ мусульманскаго благочестія. Нужно возвести очи „горѣ", къ классически-правильному очертанію дивнаго купола, легко и величаво осѣняющаго указанную разнохарактерную груду, чтобы увидѣть слабый отблескъ первоначальнаго цѣльнаго плана, увидѣть лучъ той глубокой мысли и свѣтлаго идеала, которые носились предъ очами творца этого храма и которые не могло загасить совсѣмъ даже наивно-дикое изувѣрство ислама. Только проникнувъ внутрь храма вы впервые поддаетесь очарованію его дивной гармоніи. Но и тутъ вы на каждомъ шагу наталкиваетесь на послѣдующія кощунственныя ломки, пестрыя передѣлки, приспособленія храма къ новому назначенію, оскор-

бляющія не только религіозное, но эстетическое чувство и громко вопіющія о томъ, что

L'impie a porté l'outrage ou sanctuaire:

на мѣстѣ „святой святыхъ“ — неказистый ассортиментъ наскоро и кое-какъ прилаженныхъ принадлежностей неприхотливаго мусульманскаго культа; на стѣнахъ крикливыя вывѣски съ стихами изъ корана; чудесныя художественныя мозаики, плодъ долгихъ трудовъ и предметъ гордость византійскихъ художниковъ, исчезли подъ мазнею турецкихъ штукатуровъ, дабы не оскорблять иконокластическихъ чувствъ добрыхъ мусульманъ; даже цыновки на полу пришлось искривить въ сторону Каабы, чтобы приспособить храмъ Софіи для новаго назначенія.

Рѣдко гдѣ пестрота стиля, нарушеніе законовъ искусства производятъ такое удручающее впечатлѣніе, какъ у порога поруганнаго храма, воздвигнутаго на великолѣпномъ берегу Золотаго Рога во славу предвѣчной мудрости и обращеннаго на служеніе Каабѣ... Но народно-культурный инстинктъ, не могущій мириться съ профанаціею святыни, сложилъ въ утѣшеніе себѣ легенду о неизбѣжности возстановленія храма въ его первоначальной красѣ и величіи. У одной изъ задѣланныхъ нишъ храма благочестивый драгоманъ-грекъ шепчетъ вамъ на ухо: сюда удалился священникъ съ дарами, не кончивъ литургіи, когда Магометъ-завоеватель верхомъ всходилъ на амвонъ,—но священникъ ждетъ съ дарами, и онъ вернется для окончанія литургіи, когда храмъ будетъ возвращенъ его первоначальному назначенію...

Судьба храма св. Софіи и приведенная легенда пришли мнѣ на память, когда объявлено было въ газетахъ объ учрежденіи особой Коммиссіи для пересмотра нашего законодательства, дѣйствующаго въ новомъ судѣ, о которомъ симпатичный поэтъ говоритъ:

Благочестивыми воздвигнутъ былъ руками,
Какъ благолѣпный храмъ, Россіи новый строй,
Предъ алтаремъ служилъ тотъ дѣятель былой,
И вѣрущихъ сонмъ тѣснился въ этомъ храмѣ.
Теперь онъ опустѣлъ; всѣ входы прахъ занесъ;
Священнодѣйствій нѣтъ; онъ теменъ и печаленъ...

Необходимость приведенія въ порядокъ запущеннаго храма правосудія признается нынѣ всѣми, необходимость пересмотра безчисленныхъ „пестрыхъ“ новеллъ, сыпавшихся какъ изъ рога изобилія чуть не со дня открытія новыхъ судовъ [1]) и облѣпившихъ со всѣхъ сторонъ стройное монументальное зданіе Судебныхъ Уставовъ, бьетъ въ глаза всѣмъ, даже завзятымъ практикамъ, равнодушнымъ къ вопросамъ объ архитектоникѣ, стилѣ и вообще къ теоретическимъ руководящимъ началамъ.— И такъ, мы наканунѣ очень крупнаго событія: пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новеллъ. Что онъ принесетъ собою? дѣйствительный ли коренной ремонтъ „благолѣпнаго храма“, согласный съ планомъ первыхъ храмоздателей или только наружную подчистку для устраненія бьющей въ глаза пестроты, замазку трещинъ и щелей и единообразную окраску въ одинъ цвѣтъ стараго остова зданія и новыхъ пристроекъ? кто знаетъ? Qui vivra—verra!

Есть только одинъ прискорбный признакъ, благодаря которому нельзя поставить черезчуръ радужную прогностику для стоящей на очереди великой законодательной задачи, а именно: современное вялое, апатическое настроеніе общества образъ мыслей нынѣшнихъ „властителей думъ“.—Оставляя въ сторонѣ невѣжественную крѣпостническую клику литературы мещерскаго толка, дикія и алчныя вожделѣнія которой слишкомъ нелѣпы, невѣжественны и несвоевременны, чтобы могли разсчитывать на большое сочувствіе и примѣненіе, что же представляетъ господствующее большинство органовъ современной печати, какъ не болѣе или менѣе откровенное отрицаніе всякихъ твердыхъ руководящихъ принциповъ, всякой послѣдовательной раціональной программы? „Здоровая традиція всякой литературы, претендующей на воспитательное значенье, говорилъ Салтыковъ—писатель, равно великій и какъ мыслитель, и какъ художникъ,—заключается въ подготовленіи почвы *будущаю*. Литература провидитъ за-

[1]) Первая новелла о измѣненіи подсудности дѣлъ о печати, обязанная своимъ происхожденіемъ П. А. Валуеву (см. главу X) была издана 12 декабря 1866 г.; всѣхъ же новеллъ насчитываютъ до 700, т. е. почти по два на каждый мѣсяцъ.

коны будущаго, воспроизводитъ образъ будущаго человѣка. *Утопизмъ* не пугаетъ, потому что онъ можетъ запугать и поставить въ тупикъ только массу. Типы, созданные литературою всегда идутъ *далѣе* тѣхъ, которые имѣютъ ходъ на рынкѣ, и потому-то они кладутъ извѣстную печать даже на такое общество, которое, повидимому, всецѣло находится подъ гнетомъ эмпирическихъ тревогъ и опасеній. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ типовъ, современный человѣкъ, незамѣтно для самого себя, получаетъ новыя привычки, ассимилируетъ себѣ новые взгляды, пріобрѣтаетъ новую складку, однимъ словомъ — постепенно вырабатываетъ изъ себя *новаго человѣка*. Что бы было въ томъ случаѣ, если бы литература, забывъ о своихъ воспитательныхъ задачахъ, пошла по другому пути... хоть, напримѣръ, по пути безплодныхъ обращеній къ прошлому или... являлась не воспитательницею руководительницею общества, въ его исканіяхъ идеаловъ будущаго, а обуздательницею и укротительницею“ [2]).

Достаточно бросить бѣглый взглядъ кругомъ, чтобы убѣдиться, на сколько удачно выполняетъ указанный выше великимъ учителемъ завѣтъ современная литература, идеалы которой В. С. Соловьевъ въ противоположность Платоновскимъ идеаламъ, съ ихъ высокимъ полетомъ подъ самое поднебесье, вѣрно назвалъ ползучими и низменными.

Интересы дня, часа, минуты съ отрицаніемъ всякихъ общихъ кабинетныхъ теоретическихъ измышленій — вотъ лозунгъ мудрецовъ вѣка сего, для которыхъ невыносима всякая раціональная программа, будь она хоть составлена, какъ писалъ Н. А. Милютинъ, „семью мудрецами и изложена на четвертушкѣ бумаги“ [3]). Если вы стоите за принципы, если вы доказываете, что безъ нихъ невозможно никакое разумное,

---

[2]) Сочин. II, 503, 504, 505. — Отвращеніе Салтыкова къ противоестественному ремеслу „сыщиковъ пера и доносчиковъ печати“ вполнѣ раздѣлялъ и такой благонамѣренный писатель, какъ кн. П. Вяземскій (впослѣдствіи тов. мин. народ. просв.), возмущавшійся доносами печати, несвойственными „духу званія писателя“ (см. ниже предисловіе къ 3-му изданію).

[3]) См. ниже главу V, прил. 48.

законодательное строительство, разсчитывающее на будущность, значитъ вы фантазеръ, теоретикъ, вы заражены „доктриною“, а доктрина — это клеймо, которое навсегда дискредитируетъ человѣка, это разрывная пуля, которая на повалъ убиваетъ „серьезнаго“ публициста предъ общественнымъ мнѣніемъ, по увѣренію нынѣшнихъ „трезвыхъ“ его руководителей, твердящихъ на разные лады: доктрина — вотъ чума, доктрина—вотъ причина и т. д.

Не легко созидать что-нибудь прочное и жизне-способное при такомъ настроеніи литературы, не легко даже производить цѣлесообразный капитальный ремонтъ.

Намъ говорятъ, какое кому дѣло до „либеральныхъ принциповъ“, нужно только, чтобы „судъ былъ судомъ“, чтобъ существовало „правосудіе“. И прекрасно, но развѣ этимъ что-нибудь опредѣленное сказано, указано, или предрѣшено? Вѣдь все равно, что больному, ищущему выздоровленія, прописать здоровье .. Вы хотите правосудія? Позвольте, да кто же желаетъ чего-нибудь другаго или большаго? je ne demande mieux que ça, какъ говорятъ французы.—Но вѣдь и Джефрайсы и Шешковскіе всѣхъ временъ тоже взывали къ правосудію. Вопросъ, стало быть не въ цѣляхъ, а въ путяхъ и въ средствахъ [4]) достиженія правосудія. Дѣло въ томъ, что безъ такъ наз. „либеральныхъ“ принциповъ, т. е. безъ гласности, суда присяжныхъ, несмѣняемости судей, отдѣленія суда отъ администраціи и другихъ либеральныхъ принциповъ невозможно осуществленіе „правосудія“, какъ невозможно здоровье организма безъ чистаго воздуха, свѣжей пищи и пр. Инымъ не нравится эпитетъ «либеральный», ну, и Богъ съ нимъ,—

Что въ имени тебѣ моемъ?

будемъ называть ихъ „консервативными“ [5]), благо они существуютъ и съ грѣхомъ пополамъ примѣняются у насъ въ теченіе почти трехъ земскихъ давностей.

Но устраняя вопросъ о названіи,—нужно, однако, твердо

---

[4]) См. post-scriptum къ главѣ XII

[5]) См. главу VIII, примѣч. 29.

помнить и вполнѣ проникнуться убѣжденіемъ: а) что безъ этихъ раціональныхъ основоначалъ, какъ свидѣтельствуетъ и общеевропейскій и нашъ собственный опытъ, *абсолютно невозможно* водвореніе правосудія и б) что сила и послѣдствія ихъ проявляются только тогда, когда они проведены строго послѣдовательно, *въ полномъ объемѣ*, а не въ гомеопатическихъ дозахъ, словомъ — когда судебное законодательство составлено не ощупью и палліативнымъ способомъ, а согласно раціональной или радикальной программѣ, основанной на общихъ «непреложныхъ» [6]) научныхъ принципахъ.

Зная очень хорошо, какъ пугаетъ нынѣче все, что̀ хоть издали пахнетъ радикализмомъ, я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь утверждать, что только радикальное, т. е. всесторонее проведеніе извѣстнаго начала можетъ обезпечить водвореніе связанныхъ съ нимъ благъ. Не могу не привести на первый разъ въ подкрѣпленіе своего положенія авторитетъ публициста, благонадежность коего въ наше время, кажется, не можетъ быть заподозрѣна.

„Многіе думаютъ, писалъ онъ, что правило благоразумія будто бы требуетъ не вдругъ заводить хорошее, но по немножку и по частямъ; такъ, напримѣръ, вполнѣ признавая необходимость реформы судоустройства, не споря о преимуществѣ гласности и другихъ началъ *раціональнаго* судопроизводства, иные думаютъ, что вводить ихъ можно только по частямъ. У этихъ людей всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа и т. п. Они думаютъ, что дѣло пойдетъ лучше, когда такому, по ихъ мнѣнію, обществу будутъ давать лучшее устройство понемногу, сначала заведя одну часть, потомъ другую. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиться и принести пользу *только тогда*, когда взяты ея начала *во всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Если вы хотите получить благотворное дѣйствіе отъ тѣхъ началъ, въ благотворности которыхъ не сомнѣваетесь, то дайте имъ *возможно большій просторъ*, допустите ихъ дѣйствовать съ

6) Сила вещей заставила такую раціональную программу принять даже такого осторожнаго человѣка, какъ графъ Д. Н. Блудовъ (см. ниже главу VIII, § 1).

наибольшею силой, не компрометтируйте, не ослабляйте, не разрывайте, не разрушайте связи, безъ которой они *теряютъ всякій смыслъ*“ [7]).

Только при такомъ радикальномъ всестороннемъ проведеніи основныхъ началъ раціональнаго судоустройства и возможно ожидать дѣйствительнаго улучшенія судебнаго дѣла. Если бы состоялся пересмотръ и примѣненіе Судебныхъ Уставовъ въ такомъ направленіи, то тутъ только въ *первый* разъ былъ бы сдѣланъ откровенный, искренній, честный опытъ практической провѣрки этихъ началъ. Говоримъ: „первый, потому что, какъ свидѣтельствуетъ исторія судебной реформы, частью само наше судебное законодательство [8]), главнымъ же образомъ осуществленіе его на дѣлѣ обставлено было съ самаго откры-

[7]) Русс. Вѣст. 1860, № 2.—Ссылку на либеральныя мнѣнія М. Н. Каткова обыкновенно стараются отражать тѣмъ, что впослѣдствіи онъ сталъ держаться противоположныхъ взглядовъ. Но истина не перестаетъ быть истиною оттого, что лицо, ее исповѣдывавшее потомъ отъ нея откажется. Доводы, приводимые Катковымъ, такъ убѣдительны и хорошо изложены, что они цѣнны сами по себѣ. Что касается отношенія къ нимъ самого Каткова, то нужно имѣть въ виду одно, что прогрессивные взгляды были высказаны имъ не въ возрастѣ зеленой молодости, а въ самую зрѣлую и цвѣтущую пору человѣческой жизни. Въ виду отсутствія физіологическаго закона о большемъ проясненіи взглядовъ съ приближеніемъ къ старости, отступленіе отъ прежнихъ взглядовъ Каткова, если бы оно даже было вполнѣ искренно и безкорыстно, ни сколько не свидѣтельствовало бы объ ошибочности ихъ. Если ужъ можно говорить о физіологическомъ дѣйствіи старости, то нужно имѣть въ виду скорѣе ея разслабляющее, а не проясняющее дѣйствіе. Основываясь на этомъ общеизвѣстномъ фактѣ, Ренанъ за долго до своей смерти предостерегалъ отъ тѣхъ отреченій, которыя быть можетъ, сдѣлаетъ онъ въ концѣ жизни, вслѣдствіе упадка умственныхъ способностей. Къ счастью для Ренана, ему не пришлось дожить до такого паденія.

[8]) При разсмотрѣніи основныхъ началъ судебной реформы 1862 г., Государственный Совѣтъ внесъ нѣкоторыя существенныя измѣненія, такъ, напр., устранилъ судъ присяжныхъ по литературнымъ и политическимъ процессамъ. Кромѣ того, вопреки заявленію многихъ общественныхъ собраній въ 1859—60 гг. не допустилъ непосредственной отвѣтственности административныхъ чиновниковъ предъ судомъ, а поставилъ ее въ зависимость отъ согласія начальства. На серьезныя неудобства такого порядка настойчиво указывалъ еще въ 1863 г. А. М. Унковскій (см. прилож. 1-е къ книгѣ моей: «А. М. Унковскій». М. 1894).

тія новаго суда такъ неблагопріятно и двусмысленно, что М. Н. Катковъ, въ виду первыхъ и очень раннихъ попытокъ къ колебанію гласности и несмѣняемости, уже осенью 1866 г., съ нескрываемою душевною тревогою за участь дорогихъ институтовъ, защищалъ ихъ въ слѣдующихъ прочувствованныхъ строкахъ, искренность которыхъ невозможно заподозрить. Указывая на враждебное отношеніе къ новому судебному со стороны старой „бюрократической администраціи, бывшей *все во всемъ*“, краснорѣчивый публицистъ продолжаетъ:

„Все, что̀ есть живаго, мыслящаго, разумѣющаго, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго въ наше время новаго порядка вещей на Руси. Не было ли бы грустно, если бъ отмѣна крѣпостнаго права ограничилась только его формою и оставила его сущность? Но было бы не менѣе грустно, если бы новый порядокъ вещей оказался только формою безъ сущности. Чѣмъ важнѣе, чѣмъ шире наши начинанія, тѣмъ менѣе было бы намъ отъ нихъ чести, если бы они ограничились *только видомъ*. Вотъ почему оскорбителенъ всякій намекъ, клонящійся къ тому, чтобы затемнить сущность новаго порядка вещей и лишить его силы, дающей ему всю его цѣнность, чтобы изъ каждаго начинающагося дѣла *вынуть ею душу и оставить шелуху*, которая давала бы только сильнѣе чувствовать тщету начинанія. Дѣйствительно ли наше преобразованіе судебное должно вывести на новые пути, чтобы Россія могла держаться достойнымъ образомъ среди другихъ націй, чтобы геній ея народа могъ обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее? Правда ли, что это всеоживляющее, всевозбуждающее начало *публичности*, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества и къ содѣйствію его государственной пользѣ,—начало, безъ котораго ничто не можетъ правильно и плодотворно развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гніенія, ничто не можетъ быть обезпечено отъ злоупотребленій и обмановъ; правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ готовый исчезнуть? Правда ли,

что въ настоящее время положены основы благоустроенной и независимой судебной власти? правда ли, что мы имѣемъ судебныя учрежденія, которыми обезпечиваются законъ и право и весь народъ привлекается къ дѣятельному участію въ дѣлѣ правосудія? Есть ли это дѣйствительность или все это только фантомъ? Для *вида ли только* судебная власть признана *независимою и самостоятельною* или она дѣйствительно поставлена такъ, что для нея обязательны *только законъ и правда?*“... [9]) Вотъ какія тревоги вызывали первые же мѣсяцы примѣненія Судебныхъ Уставовъ въ ихъ искреннихъ друзьяхъ!..

Твердо вѣря въ плодотворную силу принциповъ Судебныхъ Уставовъ, онъ же, М. Н. Катковъ, предсказалъ и направленіе и духъ *будущаго пересмотра* вводимаго законодательства, которому могли, какъ онъ утверждалъ, не сочувствовать только одни крѣпостники *Вѣсти*, названныя Ѳ. М. Дмитріевымъ „бѣлыми революціонерами“ [10]). „Пока Россія будетъ процвѣтать, говорилъ Катковъ, пока дѣла ея будутъ идти къ лучшему, а не къ худшему *начала*, вводимыя къ намъ новыми Судебными Уставами, будутъ въ силѣ и съ основанными на нихъ учрежденіями будетъ на вѣки-вѣковъ связано имя преобразователя Россіи... Всякое измѣненіе (въ Уставахъ), направленное не къ худшему, а *къ лучшему*, можетъ быть клонится лишь къ тому, чтобы судебное дѣло *не менѣе, а болѣе* соотвѣтствовало своему назначенію, чтобы судебная власть была *не менѣе, а болѣе самостоятельна и независима*“ [11]).

Чтобы подкрѣпить приведенный авторитетъ еще болѣе цѣннымъ указаніемъ, сошлюсь на мудраго наставника десятковъ поколѣній юношества, на слова проф. Рѣдкина, изъ числа слушателей котораго нѣкоторые входятъ въ составъ коммиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ и предъ которымъ должны-бы преклоняться всѣ порядочные люди безъ различія политическихъ воззрѣній.

---

[9]) См. Моск. Вѣдом., 1866 г., № 168.

[10]) Характеристику ихъ см. въ примѣч. 87 глава IV.

[11]) См. Моск. Вѣд., 1866 г., № 198.

Сравнивая между собою два пути законодательнаго творчества палліативный, эмпирическій и раціональный, научный, достойный учитель говорилъ: „*На административномъ поприщѣ вы не будете вынуждены прибѣгать, идя ощупью, не освѣщаемые наукою, къ полумѣрамъ, къ средствамъ палліативнымъ*, къ разнымъ кунстштюкамъ, перебиваясь ими со-дня-на-день, лишь бы на короткій срокъ вашего служенія, а затѣмъ: *après moi le déluge. Нѣтъ, съ твердою помощью началъ науки вы сумѣете радикально лѣчить всякую общественную болѣзнь*, ясно сознавая настоящее, прозрѣвши будущее, какъ пророкъ, и своею раціональною дѣятельностью приготовите благосостояніе вашему отечеству, а себѣ вѣчную память людей, приготовлявшихъ благодатную почву и сѣявшихъ сѣмена добра“ [12]).

Сошлемся, наконецъ, на представителя точной науки, указанія которой обязательны для всѣхъ здравомыслящихъ людей, независимо отъ ихъ личныхъ вкусовъ и симпатій. Профессоръ В. Я. Данилевскій, въ прекрасной рѣчи своей „Чувство и жизнь“, произнесенной въ Москвѣ, въ общемъ собраніи IX съѣзда естествоиспытателей, съ научными данными въ рукѣ, развивалъ ту же мысль, которую въ той или иной формѣ высказывалъ и vates - прорицатель Салтыковъ, и публицистъ Катковъ, и юристъ Рѣдкинъ, это—необходимость, для плодотворной дѣятельности, соприкосновенія, если не осуществленія, съ принципомъ, цѣльною идеею, идеаломъ, утопіею, которая одна только будитъ здоровую энергію *мысли и чувства*. „Что руководитъ человѣкомъ въ его борьбѣ со зломъ, съ лишеніями, спрашиваетъ проф. Данилевскій, что даетъ ему энергію иниціативы? Не идея, не отвлеченная мысль, но живое чувство не всегда сознанное, но всегда могучее, защищаетъ его отъ опасности и гибели; лишь наши чувствованія побуждаютъ энергію, волю усилія которой, руководимыя *разумомъ*, должны вести къ наибольшему благу. Тѣ же чувства, которыя въ личной жизни человѣка служатъ путеводнымъ сигналомъ для его инстинкта самосохраненія, тѣ же чувства въ выс-

---

[12]) Изъ лекціи I, 37.

шей *альтруистической* формѣ—предохраняютъ человѣчество отъ опасныхъ искаженій въ жизни всего общества... Мы чувствуемъ потребность въ идеальныхъ построеніяхъ, мы стремимся къ лучшему во всѣхъ областяхъ нашей жизни, къ *идеалу*, хотя бы и не достижимому" [13]). Итакъ, „альтруизмъ", „идеалъ" или, по термонологіи Салтыкова, „утопія", „бредня", вотъ могущественный возбудитель и двигатель для плодотворной общественной дѣятельности.

И развѣ героическая эпопея подготовки и проведенія великихъ реформъ 60-хъ годовъ не служитъ блестящимъ подтвержденіемъ этой еретической, для нынѣшнихъ не въ мѣру охлажденныхъ публицистовъ, мысли о могуществѣ „бредни", о силѣ чувства, которой обязаны своимъ существованіемъ не только Судебные Уставы, но и величайшая изъ реформъ — отмѣна крѣпостнаго права [14]).

Если творцамъ Судебныхъ Уставовъ удалось съ изумительною быстротою составить лучшій памятникъ русскаго законодательства,—который, встрѣченный враждебно со стороны могущественныхъ почитателей дореформеннаго строя, съумѣлъ, однако, съ честью выдержать почти тридцатилѣтній безпрерывный натискъ ихъ глашатаевъ, давно добился единодушнаго признанія непререкаемости своихъ основныхъ принциповъ со стороны людей науки [15]), и, наконецъ, дождался, въ наши дни, оффиціальнаго признанія ихъ безспорности со стороны авторитетнаго представителя власти [16]),—то секретъ успѣха этого образцоваго законодательнаго творчества заключается въ твердости и живости вѣры его участниковъ въ силу добра, въ разумъ, въ науку, въ принципы ея.

---

[13]) См. *Русскія Вѣдомости* отъ 9-го января 1894 г.

[14]) См. Салтыковъ. Сочин. VI, 218.

[15]) Одинъ изъ представителей науки проф. Н. В. Муравьевъ (нынѣ министръ юстиціи), говоря объ основныхъ началахъ судебной реформы, далъ имъ такую прекрасную характеристику: «эти начала признаны всѣмъ человѣчествомъ; они такъ высоки и чисты, вліянія и послѣдствія ихъ такъ благодѣтельны для русской жизни, что дальше ихъ намъ *нѣзачѣмъ* и *нѣкуда* идти». *Русс. Вѣст.*, 1875, № 10, стр. 874.

[16]) См. прим. 29 главы VIII.

Если нашлись и достойные исполнители для этого изумительнаго законодательнаго акта, появившагося неожиданно, словно Минерва изъ головы Юпитера, то только потому, что они пламенно вѣрили въ въ прогрессъ, въ свою благородную миссію, они сознавали ея величіе, они проникались благоговѣніемъ къ данной имъ въ руководство маленькой, но многозначительной книжкѣ Судебныхъ Уставовъ, глубоко чувствуя и торжественно исповѣдуя, подобно творцамъ ихъ, что Уставы эти „истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости, въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ“ [17]).

Но вѣра вѣрой, чувство чувствомъ, не нужно однако преувеличивать ихъ значенье и забывать, что не героическими и временными порывами опредѣляется характеръ, направленіе, традиціи обыденной общественной дѣятельности. Если члены новой магистратуры такъ честно и смѣло отправляли свои судейскія обязанности,—при отправленіи которыхъ они безпрестанно должны были столковаться съ одной стороны, съ, привыкшими къ своеволію и безнаказанности, высокопоставленными знатными особами, а съ другой съ представителями, воспитанной на произволѣ, администраціи, полиціи, съ, интересами казны, съ мимолетными и иногда очень требовательными видами правительства, олицетворяемыми въ то время политикой П. А Валуева или потомъ гр. К. И. Палена — то только потому, что надежнымъ щитомъ, охранявшимъ ихъ судейскую независимость служила гарантія *несмѣняемости* т. е. убѣжденіе, что никакіе, ни тайные, ни явные навѣты и даже прямые доносы о тенденціозности новыхъ судовъ, о политической неблагонадежности судей для нихъ не опасны. Вѣдь такія обвиненія тянутся чуть не со дня почти открытія новыхъ судовъ. Если ни крѣпостническія, ни „внушенныя“ вопли *Вѣсти*, ни реакціонныя сатурналіи *Московскихъ Вѣдомостей*, ни невѣжественно-кликушеская абракадабра *Гражданина* не въ состояніи были въ общемъ [19]) расшатать устои правосудія, то, безъ сомнѣнія, тутъ зна-

[17]) См. предисл. С. И. Зарудnаго къ ч. I Суд. Уставовъ изд. госуд канц.

[19]) И. С. Аксаковъ справедливо указывалъ, что даже безъ прямой

чительную роль играла благодѣтельная ст. 243 учр. суд. уст., дававшая судьямъ увѣренность, что ихъ не лишатъ судейскаго званья и мѣста раньше, чѣмъ обвиненія не будутъ провѣрены въ гласномъ судѣ. Припомните, какъ рвалъ и металъ противъ несмѣняемости послѣ перваго же литературнаго процесса А. Н. Пыпина и Ю. Г. Жуковскаго, послѣ дѣла Протопова П. А. Валуевъ [20]), сама судебная администрація послѣ дѣла Свиридова, Мельницкихъ. Что бы было съ независимостью судей, если бы ихъ не прикрывала своимъ довольно благонадежнымъ щитомъ ст. 243?—Конечно и при несмѣняемости въ рукахъ судебной администраціи, всецѣло располагающей судебной карьерой, оставались неисчислимыя и могущественныя средства проявлять свой гнѣвъ и милость противъ судей, карать и миловать ихъ, соотвѣтственно большей или меньшей ихъ послушности временнымъ видамъ ея, что въ значительной степени умаляетъ значеніе несмѣняемости, но съ такими неудобствами могли еще мириться лучшіе члены магистратуры. Это не были воплощенные ангелы, не были герои добродѣтели и самопожертвованія à outrance, это были просто средніе порядочные честные люди, въ большинствѣ служившіе въ старыхъ судахъ. Но только здѣсь они были безвредны и безсильны, въ новомъ же судѣ, благодаря данной имъ гарантіи несмѣняемости, благодаря его воспитательному значенію [21]), этимъ простымъ людямъ, при содѣйствіи представителей общества, удалось совершить дѣло великой государственной важности: водворить возможную, при нашихъ условіяхъ, законность, правду и равенство на судѣ, возстановить довѣріе народа къ суду и въ общемъ неизмѣримо вы-

---

отмѣны несмѣняемости, одни уже толки объ ея отмѣнѣ могутъ поколебать независимость судей и вселить стремленіе улавливать модные современные виды. (Соч. т. IV, 590), т. е. rendre des services et pas des arrêts, вопреки девизу французскихъ судей.

20) Никитенко въ своемъ дневникѣ удостовѣряетъ (III, 115) что появившаяся въ *Вѣсти* послѣ оправданія сумасшедшаго Протопопова статья съ обвиненіемъ новаго суда въ революціонныхъ тенденціяхъ была внушена Валуевымъ.

21) Разница между старыми и новыми судами, писалъ Катковъ, та, что первые портятъ людей, а вторые улучшаютъ. Ср. Главу XX §§ 1—3

соко поднять уровень правосудія, сравнительно съ непосредственно ему предшествовавшимъ состояніемъ, которое, по словамъ М. Н. Каткова „прилично было развѣ Хивѣ и Бухарѣ„ и при воспоминаніи о которомъ, какъ писалъ И. С. Аксаковъ: „волосъ становится дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ".—словомъ, съ сравнительно недавнимъ временемъ, когда:

Русь въ судахъ была черна неправдою черною

и когда никто на Руси не имѣлъ *понятія* о *независимомъ судьѣ*, смѣло примѣняющимъ законъ.

„Какъ ни бѣдны мы, писалъ проф Б. И. Утинъ, гражданскими доблестями, однако нѣтъ сферы, въ которой не сохранилась-бы память о людяхъ честно и энергически, съ знаніемъ и умомъ послужившихъ общему дѣлу. *Не сохранилась только память о лицахъ безстрашно державшихъ вѣсы правосудія; типъ судьи*, праведно судящаго и пользующагося общимъ довѣріемъ, чуждъ не только древней, но новой Россіи" [22]). И такой типъ создалъ новый судъ!—

Вотъ что, сдѣлали Судебные Уставы, составленные согласно послѣдовательной, раціональной программѣ, съ беззавѣтною вѣрою въ добрые инстинкты русскаго народа, въ силу добра и прогресса, съ теплою вѣрою въ науку и указанные ею гуманно-либеральные принципы 29-го сентября 1862 г.; Уставы эти впервые за все время тысячелѣтняго существованія Россіи создали судъ независимый; создали типъ честнаго судьи, безстрашно примѣняющаго, благодаря своей несмѣняемости, законъ равный для всѣхъ.

Съ этимъ благороднымъ знаменемъ науки и правды, на которомъ написано было: «hoc vinces», и прикрытые щитомъ несмѣняемости, смѣло вступили доблестные дѣятели новаго суда въ неравный бой съ многочисленными и сильными противниками. Побѣдили ли эти піонеры законности, равенства и милости?... Не вина ихъ, если этого нельзя утверждать, если этого, къ несчастью, нельзя утверждать вполнѣ. Но кто же дерзнетъ сказать, что они потерпѣли пораженіе, или посра-

---

[22]) См. *Отечественныя Записки*. 1892, ноябрь Утина—Судебная реформа 5.

мили свое знамя, что они не подняли русское правосудіе высоко, очень высоко, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, такъ высоко, что по выраженію одной газеты, можно было подумать, что Россія очутилась на другой планетѣ“ [23]).

И такъ, вотъ одинъ путь, вотъ одинъ методъ законодательнаго творчества, простой и смѣлый, не хитрый, но воодушевленный, раціональный, прогрессивный, благословленный лучшими представителями знанія и человѣчности [24]). вотъ какіе законодательные плоды онъ приноситъ, какихъ дѣятелей, какую школу создаетъ онъ.

Есть и другой методъ—это методъ палліативныхъ „кунстштюковъ“, доведенный до совершенства половинчатою, разношерстною, двусмысленною программою всепримирявшаго, гибкаго, неискренняго [25]) П. А. Валуева: плоды его дѣятельности тоже хорошо извѣстны.

Стало быть, и опытъ жизни и наука учатъ: либо раціональное творчество и неприклонность логики, „которой одной дано, по выраженію Салтыкова, роковая сила совершать *чудеса*“, либо палліативные кунстштюки безъидейное топтанье на мѣстѣ при кажущемся движеніи впередъ.

Одно изъ двухъ—tertium non datur:

Двѣ легли дороги передъ вами,
А которая лучше, выбирайте сами!...

Петровскіе выс.
Звениг. у.
14 іюля 1894 г.

---

[23]) См. *Новое Время* отъ 17 Апрѣля 1891, статью по поводу 25-ти лѣтія новаго суда.

[24]) Проф. Миттермайеръ въ прощальной лекціи своей говорилъ: „да не проростетъ у васъ быльемъ забвенья память о вашемъ учителѣ, и при всякомъ движеніи впередъ мысли и знанья, при всякой борьбѣ за развитіе человѣчности въ правѣ, за охрану правъ личности, за прогрессъ—воспоминайте вашего стараго преподавателя, и мое *сочувствіе и благословеніе* будетъ съ вами“. См. Н. С. Таганцева—Послѣд. 25-ти лѣтіе въ ист. угол. права. СПб. 1892, 15.

[25]) Валуевъ приведетъ общество, писалъ Никитенко, къ полнѣйшей вѣрѣ, что ничему вѣрить нельзя. (Дневникъ III, 178).

Къ 45-ой годовщинѣ смерти Бѣлинскаго.

1848—26 мая—1893 г.

(Вмѣсто предисловія къ 4-му изданію).

Есть имена, при произнесеніи которыхъ невольно обнажается голова. Есть писатели, жизнь и творенія которыхъ такъ чисты и возвышенны, что чѣмъ больше съ ними знакомишься, тѣмъ больше проникаешься къ нимъ уваженіемъ, удивленіемъ, почти благоговѣніемъ. Такія имена какъ бы очищаютъ человѣка, нейтрализуютъ все, что̀ есть въ немъ мелкаго, низменнаго, мутнаго и, наполняя сознательнымъ умиленіемъ сердца почитателей, вырываютъ дань невольнаго уваженія даже у враговъ. Къ подобнымъ немногимъ свѣтлымъ, чистымъ, святымъ именамъ принадлежитъ и имя Виссаріона Бѣлинскаго, какъ высшее воплощеніе беззавѣтнаго служенія родинѣ.

Скорбная своеобразность переживаемаго нами смутнаго времени „пестрыхъ“ сумерокъ выражается, между прочимъ, въ томъ, что

> ... вдругъ стало неизвѣстно,
> Что̀ глупо, что́ умно, что́ честно, что́ безчестно.

Благодаря такой путаницѣ понятій, подверглась сомнѣнію, да при томъ со стороны, откуда менѣе всего можно было ожидать, культурная миссія критико-публицистической дѣятельности Бѣлинскаго. Вопросъ этотъ, достаточно разработанный, еще разъ былъ всесторонне разъясненъ недавно, благодаря появленію въ прошломъ году собранія извѣстныхъ

статей Н. Г. Чернышевскаго [1]) о Бѣлинскомъ, замѣчательныхъ по превосходному разъясненію исторической роли критики Бѣлинскаго и обрисовывающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно силу ума, рѣдкую эрудицію, добросовѣстность и... скромность достойнаго его преемника. Именно появленіе этой книги и дало „ученому“ критику одного почтеннаго журнала удобный случай для развѣнчанія „властителя думъ“ передовыхъ людей сороковыхъ годовъ и послѣдующихъ поколѣній. По справкѣ съ нѣсколькими новыми брошюрами о Гегелѣ на *италіанскомъ* языкѣ (о, бездна учености—знай нашихъ!), признано нужнымъ „пересмотрѣть дѣло“ и установлено, что Бѣлинскій и по части учености былъ слабъ, и въ критикѣ не имѣлъ твердыхъ идеаловъ и метафизическихъ принциповъ, и школы не создалъ, и не умѣлъ распространить свѣтъ, заключающійся въ русской поэзіи, и т. д.

Отчего не пересмотрѣть дѣло, если современная „ученая“ критика не находитъ болѣе подходящей для себя „злобы дня“! Менѣе всего за фетишизмъ стоялъ Бѣлинскій, и имя его не нуждается для своей авторитетности въ нѣмомъ и безсознательномъ поклоненіи. Но когда въ основаніи ученой критики лежитъ непозволительное, неимовѣрное невѣжество [2]), то великая тѣнь его можетъ не тревожиться.—Если же мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ по поводу помянутаго гнилаго продукта необузданнаго самомнѣнія, то только потому, что въ наше время шатанія мысли и онъ можетъ усилить путаницу въ понятіяхъ, и безъ того достаточно запутанныхъ.

На „патентованную“ ученость самодовольнаго педанта „самоучка“ Бѣлинскій никогда не претендовалъ, да она, съ ея черствымъ, кабинетнымъ игнорированіемъ жгучихъ вопросовъ жизни, была чужда кипучей натурѣ этого,—всю жизнь горѣвшаго чистымъ и яркимъ пламенемъ беззавѣтной любви къ ближнему,—отзывчиваго журналиста,

---

[1]) Очерки Гоголевскаго періода. Спб., 1892.

[2]) См. статьи В. Е. Якушкина «В. Г. Бѣлинскій» въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1893, № 142, и слѣд. и Общественную хронику *Вѣстника Европы* 1893, № 6.

Когда въ отвѣтъ стенаніямъ народа
Мысль русская стонала въ полу-тонъ.

Что критика Бѣлинскаго и его школы, несмотря на его необыкновенную живую воспріимчивость къ образамъ нетлѣнной красоты [3]), могла, точнѣе, должна была, не упиваясь замысловатыми кунстштюками метафизической эстетики, выдвинуть на первый планъ „тенденціозность“, „утилитарность“, „гражданскіе мотивы“, то вѣдь на то были свои общеизвѣстныя причины, кои и донынѣ не перестали дѣйствовать. Нужно было самообольщеніе витавшихъ въ туманѣ археологическихъ бредней славянофиловъ или фиглярство и способность обращенія литературы въ орудіе гешефта и доноса самодовольныхъ „ученыхъ“ Сенковскаго, Греча, Булгарина и др., чтобы при существованіи язвъ дореформеннаго строя игнорировать гражданскіе мотивы и беззаботно кушаться въ безбрежномъ морѣ будуарнаго „чистаго“ искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ изощряться въ обличеніи неблагонадежности Пушкина, Гоголя и др. Утилитаристъ Бѣлинскій не такъ смотрѣлъ на искусство, какъ эти „идеалисты“. „Что мнѣ въ томъ, писалъ онъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность! Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ на небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто должны быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними во Христѣ, но кто мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Прочь же отъ меня блаженство, если оно достояніе мнѣ одному изъ тысячъ... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи. Можетъ быть, писалъ Бѣлинскій, это очень выгодно и усладительно для *меломановъ*, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи“ [4]). Таковъ былъ

---

[3]) См. н. ст. Якушкина въ № 142 *Русс. Вѣдом.*

[4]) См. А. Н. Пыпина—Бѣлинскій, его жизнь и переписка. СПб. 1876, т. II, 31, 33, 236.

высокій, человѣчный, культурно-соціальный, „утилитарный“ критерій и девизъ критики Бѣлинскаго и его школы.

Немногимъ дано такъ всецѣло проникнуться такимъ благороднымъ девизомъ, какъ это было у Бѣлинскаго, до конца жизни не совершившаго противнаго ему или даже двусмысленнаго поступка; не всѣ разумѣющіе этическій смыслъ искусства и не лишенные эстетическаго вкуса, способны понять и оцѣнить высокое общественное значеніе „гражданской“ критики Бѣлинскаго и его послѣдователей 60-хъ гг.

Нашъ маститый поэтъ, у котораго трудно отнять любовь къ красотѣ, напрасно старался истолковать любителямъ „чистаго искусства“ сущность и смыслъ направленія „утилитарной“ эстетики этихъ

> ... дѣтей суровыхъ міра,
> Сказавшихъ на-прямикъ, что не до стиховъ,
> Пока есть на землѣ бѣдникъ, просящій хлѣба:
> Такъ пахарь-труженикъ, желающій дождя,
> Не станетъ пѣть, въ пыли за плугомъ идя,
> Красу безоблачнаго неба...

Въ такомъ именно положеніи „пахаря-труженика“ была школа Бѣлинскаго и его преемниковъ. Во времена общаго напряженія силъ дла борьбы съ общимъ врагомъ,—будетъ ли то время войны или мира, будетъ ли то врагъ внѣшній или внутренній, въ видѣ общественнаго неустройства, — все должно быть направлено на служеніе общему дѣлу... Но говорятъ

> Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

Да, мм. гг., берутъ, когда этого требуетъ общественное благо: одинъ изъ величайшихъ жрецовъ чистаго искусства, безподобный Микель Анджело не задумался бросить рѣзецъ и заманчивую тишь своею мастерской, чтобы взобраться на городскія стѣны Флоренціи и помогать укрѣпленію осаждаемаго роднаго города!...

Ну, довольно, кажется объ этихъ старыхъ, давно опровергнутыхъ упрекахъ! Нѣтъ, нельзя умолчать еще объ одномъ

упрекѣ. Бѣлинскій, изволите ли видѣть, не умѣлъ „разносить свѣтъ русской поэзіи по необъятному пространству Россіи“.

Risum teneatis, amici!...

Это ужъ слишкомъ! Кто же, какъ не Бѣлинскій и его сподвижники, учили обязанностямъ званья человѣка въ то время, когда, по выраженію цензора Никитенко, „единственнымъ нашимъ назначеніемъ было быть солдатомъ, а не человѣкомъ“ [5])? Некрасовъ говоритъ о Бѣлинскомъ:

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ли не первый вспомнилъ *о народѣ*,
Едва-ли не первый ты заговорилъ,
О равенствѣ, о братствѣ и свободѣ.

Что же, какъ не разносимый Бѣлинскимъ и его достойными преемниками эпохи великихъ реформъ свѣтъ, „добрыя чувства“ двигали и двинули величайшее изъ событій русской исторіи и всего нынѣшняго столѣтія—освобожденіе крестьянъ—пропагандою котораго Бѣлинскій истомилъ себя [6]) и свое поколѣніе съ самой студенческой скамьи! Онъ зналъ свои силы, вѣрилъ въ свое призваніе „учительства“ и не уставая будилъ общественное вниманіе. „Многимъ, можетъ быть, укажу, писалъ онъ, на возможность блаженства, многимъ помогу дойти до него, многихъ заставлю любить, уважать себя и признавать ихъ обязанными мнѣ своимъ развитіемъ“. И этого онъ достигъ. Многіе, и въ томъ числѣ такіе корифеи, какъ Тургеневъ, Кавелинъ [7]), Кольцовъ, Некрасовъ, Жемчужниковъ, Панаевъ и др., открыто и съ признательностью заявляли о благотворномъ вліяніи на нихъ Бѣлинскаго, который дѣйствительно умѣлъ

Глаголомъ жечь сердца людей

такъ, какъ никакому педанту-ученому, будь онъ хоть семи

---

[5]) См. Дневникъ, т. I.

[6]) См. главу 1, примѣч. 6.

[7]) Вы замѣните мнѣ *всѣхъ и все*, писалъ Бѣлинскому Кольцовъ.— Образъ Бѣлинскаго я ношу, въ своей головѣ и въ своемъ сердцѣ, какъ *святыню*. писалъ Кавелинъ. (*Русс. Мысль*. 1892, № 1, 108).

пядей во лбу (знаменитый гуманистъ-ученый Грановскій принадлежалъ къ типу прямо противоположному) [8]) никогда не снилось!...

Сравнивая „ученаго" болтуна, бывшаго профессора Сенковскаго (барона Брамбеуса) съ его семитическими языками и семью литературами—съ „самоучкою" Бѣлинскимъ, Герценъ говоритъ: у Бѣлинскаго былъ въ отличіе отъ перваго „избытокъ того вѣчно тревожнаго демона любви и негодованія, который виденъ въ слезахъ и въ смѣхѣ, того убѣжденія, которое было дѣломъ его жизни, картою, на которой все поставлено, страстью, болью; въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнетическаго демонизма, подъ которымъ работалъ говорящій; оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ, будятъ, становятся силою, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями" [9])....

„Разносить свѣтъ по необъятному пространству Россіи"—не слишкомъ ли много затребовано? И многіе ли въ состояніи удовлетворить такому колоссальному требованію? Но и оно оказалось по плечу такому вдохновенному, неутомимому проповѣднику гуманности, какъ Бѣлинскій. И на это имѣется громкое доказательство, тѣмъ болѣе внушительное, что исходитъ отъ политическаго противника его, славянофила И. С. Аксакова.

---

[8]) Считая себя слугою своего народа, проф. Грановскій приносилъ величайшую изъ жертвъ, какая только возможна для ученаго. Отказываясь сознательно отъ высшаго для ученаго наслажденія—самостоятельнаго разысканія новыхъ научныхъ горизонтовъ, Грановскій съ самоотверженіемъ ограничивался болѣе скромной задачей—переносомъ въ Россію плодовъ европейской науки.

— Значеніе такого отреченья отъ личной славы, ради общественнаго блага, было съ особенною любовью отмѣчено горячимъ проповѣдникомъ альтруизма, знаменитымъ критикомъ *Современника* (1856 г., № 6) Н. Г. Чернышевскимъ, котораго недавно критикъ *Сѣвернаго Вѣстника*. г. Волынскій имѣлъ безпримѣрную смѣлость обвинять, въ чемъ бы вы думали?—въ «буржуазныхъ» тенденціяхъ... Много вздора было говорено и писано о Чернышевскомъ, но никто еще не доходилъ до этихъ геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости или того спеціальнаго вида «экспромта», о которомъ упоминается въ Театральномъ Разъѣздѣ.

[9]) См. гл. IV, прим. 18.

Описывая свои странствованія по разнымъ частямъ необъятной Россіи, Аксаковъ, скрѣпя сердце, констатируетъ замѣчательный фактъ распространенія вреднаго, по его мнѣнію, но все же громаднаго вліянія Бѣлинскаго. „Много я ѣздилъ по Россіи, пишетъ онъ въ 1856 году, имя Бѣлинскаго извѣстно *каждому* сколько нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ... Мы, *Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*, говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ Аксаковъ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эманципаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Если вамъ *нужно честнаго человѣка*, способнаго *сострадать* болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу—ищите таковыхъ въ провинціи между *послѣдователями Бѣлинскаго*“ [10]).

Вотъ что сдѣлалъ своею критикою, своею „неученою“ критикою Бѣлинскій!...

Вы, нынѣшніе, нутка!

Нѣтъ, много чуднàго, нелѣпаго наблюдается въ современной общественности, но и въ ней не много найдется явленій, подобныхъ этимъ ученымъ критикамъ, не достойнымъ развязать ремень у ногъ великаго критика и мнящимъ себя

[10]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ III, 290.

призванными свысока учить благороднаго учителя нѣсколькихъ поколѣній... уму-разуму и элементарнымъ правиламъ „ученой“ критики. Хоть бы вспомнили эти самодовольные Нарциссы основное правило всякой разумной критики—необходимость чувства мѣры и такта, правило, обязательное даже въ мудрости—

Imponit finem sapiens et rebus honestis.

Петровскіе выс.
Звенигор. у.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Совершенно неожиданная для автора, быстрая распродажа первыхъ двухъ изданій настоящей книги, само собою разумѣется, въ значительной степени должна быть приписана сочувствію читающей публики цѣли изданій, но ею одною врядъ ли можно объяснить этотъ фактъ. Приписать подобный успѣхъ особымъ достоинствамъ собранныхъ здѣсь бѣглыхъ очерковъ нѣтъ никакой возможности, потому что для автора не менѣе ясны, нежели для критики, погрѣшности ихъ, кои только отчасти и далеко не всѣ, находятъ объясненіе въ спѣшности работы. Если за всѣмъ тѣмъ „Историческія Справки“ встрѣтили сочувственный откликъ, то смѣю думать, что фактъ поучительный и, можетъ быть, имѣющій, въ ряду другихъ фактовъ, нѣкоторый общественный интересъ, въ качествѣ симптома современнаго настроенія.

И по темѣ, и по направленію „Историческія Справки“ рѣзко расходятся съ дающимъ нынѣ тонъ журналистикѣ, частью откровенно реакціоннымъ, частью откровенно равнодушнымъ направленіемъ.—Кому изъ современныхъ руководителей общественнаго мнѣнія нуженъ „старый либеральный хламъ“ изъ недавней великой просвѣтительной эпохи, при наступленіи которой, какъ Гуттенъ въ XVI в., восклицали съ умиленіемъ: „новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“ [1])?! Нынѣшніе „властители думъ“ давно уже порѣшили, что все это освободительно-гуманное движеніе 60-хъ годовъ,—сущій вздоръ, навѣянный легкомысленнымъ и пагубнымъ увлеченіемъ Европою.

---

[1]) См. ниже (гл. XIV) рѣчь публициста Павлова на литературномъ обѣдѣ 28 декабря 1857 г. въ Москвѣ, по случаю приступа къ освобожденію крестьянъ.

Окруженная хоромъ торжествующихъ „назадниковъ“ (если позволительно употребить это слово, получающее уже право гражданства), едва замѣтная кучка защитниковъ идей славной преобразовательной эпохи—которыя нынѣ удобляются „старому заброшенному погребу“,—являются въ видѣ:

Rari nantes in gurgite vasto...

Если при такой неблагопріятной и прямо даже враждебной обстановкѣ встрѣтила въ публикѣ сочувственный пріемъ книга, посвященная столь сильно оклеветанной эпохѣ 60-хъ годовъ, то, кажется, не будетъ совсѣмъ произвольнымъ самообольщеніемъ думать, что авторитетъ нынѣшнихъ „властителей думъ“ начинаетъ слегка колебаться. А если это такъ, то кто знаетъ?—быть можетъ, и не очень далеко то время, когда очистится вполнѣ общественное сознаніе, и въ литературѣ совершится спасительный поворотъ въ сторону старыхъ добрыхъ просвѣтительныхъ традицій русской литературы, такъ беззастѣнчиво попираемыхъ органами ретроградной печати. Пора, давно пора!

Въ своемъ невѣжественномъ ожесточеніи противъ всего, что хоть отдаленнымъ образомъ напоминаетъ нашу просвѣтительную эпоху возрожденія, обскуранты дошли до такого умопомраченія, что неистово вопіютъ еще громче, чѣмъ ихъ достойные предшественники:

Ученье—вотъ чума,
Ученость—вотъ причина и т. д.

Подобное открытое поруганіе священнѣйшаго изъ завѣтовъ русской литературы, казалось бы, должно было давно возмутить всѣхъ, кому сколько-нибудь дороги интересы литературы и просвѣщенья!... И это не фраза! Этотъ *обязательный* для *всякаго*, уважающаго свое званіе, литератора, символъ вѣры и правило поведенія давно уже, почти полвѣка тому назадъ, точно формулированы благонамѣреннымъ критикомъ, формулированы въ такихъ сильныхъ, возвышенныхъ и задушевныхъ выраженіяхъ, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести эти дивныя строки, за которыя многое простится ихъ автору.

„Немного такихъ истинъ несомнительныхъ, немного такихъ правилъ *непреложныхъ*,—писалъ князь П. А. Вяземскій, впослѣдствіи, въ концѣ 50-хъ гг., товарищъ министра народнаго просвѣщенія, — коихъ святость должна пребыть несомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя и независимыя отъ воли людей. Но, посвятивъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ей вѣрнымъ *безъ изъятія*, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе французскихъ роялистовъ: Vive le roi quand même! Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ *исключительныхъ истинъ*. Почитая его единымъ, прочнымъ основаніемъ благосостоянія общаго и частнаго, совѣстью правительствъ и лицъ, простительно ли, напримѣръ, пугаться малодушно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію, или, положимъ, и влекущихся за нимъ по неисповѣдимымъ законамъ Провидѣнія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что̀ ни есть на землѣ?“ [2]).

Вотъ противъ какой основной заповѣди грѣшатъ вольно или невольно враги освободительнаго движенія и корифеи современной реакціонной печати. Но этого мало. Рядомъ съ откровеннымъ до безстыдства обскурантизмомъ идетъ у нихъ и другое не менѣе вредное искаженіе роли литературы, также энергично осуждаемое тѣмъ же поэтомъ-критикомъ, благонадежность котораго не въ состояніи заподозрить даже нынѣшніе сыщики печати. „Писатель, который по *званію* своему *обязанъ* быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ, говоритъ князь, *доносчикомъ на него*, подобенъ врачу, который, призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ“ [3])...

---

[2]) См. Очерки Гоголевскаго періода русской литературы Н. Г. Чернышевскаго. Спб. 1882, стр. 107.

[3]) Тамъ же.

А между тѣмъ полюбуйтесь на литературные нравы и пріемы нынѣшнихъ „властителей думъ!“ Послѣ двухъ словъ третье непремѣнно призывъ къ обузданію, просьба: дабы повелѣно было и пр., словомъ, вмѣсто литературной борьбы, вмѣсто свободнаго обмѣна идей въ свободной „республикѣ словесности“, вы находите „инквизицію печати“ и „юридическія бумаги“, какъ выражались во времена Бѣлинскаго. На что уже связана по рукамъ и ногамъ провинціальная печать,—даже для борьбы съ этимъ лежачимъ врагомъ у ретроградныхъ органовъ „порядочныхъ людей“ нѣтъ другихъ средствъ воздѣйствія, какъ опять таки приглашеніе: „тащить и не пущать!“ Трудно представить себѣ болѣе грустное и болѣе гнусное извращеніе просвѣтительной роли литературы, нежели такое противоестественное совмѣстительство взаимно исключающихъ другъ друга обязанностей, практикуемое реакціонною прессою...

Какъ же послѣ этого не искать и не радоваться самомалѣйшему симптому, указанію, намеку, хоть едва замѣтно предвѣщающему возможность очищенія современной литературной атмосферы отъ насыщающихъ ее міазмовъ; какъ не прислушиваться къ хотя чуть слышному шороху, указывающему, что вчерашніе друзья и союзники благонамѣреннаго мракобѣсія (напомнимъ недавнюю отповѣдь оффиціальнаго лица извѣстному „мракобѣсу“, какъ онъ себя именуетъ), начинаютъ *краснѣть* за свой союзъ?!

Это хорошая примѣта! Краска стыда—начало просвѣтлѣнія: erubuit salva res est. Этого нужно было ждать, это было неизбѣжно, неотвратимо, потому что

Какъ бы ночь ни длилася
И небо ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.

Москва,
26 мая 1892 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Переживаемыя крестьянствомъ тяжелыя времена далеко не просвѣтили политическаго разумѣнія нашихъ близорукихъ почитателей дореформеннаго, крѣпостнаго строя жизни. Ихъ органы печати тянутъ все одну и ту же старую пѣсню, и чуть ли не подняли даже ея тонъ.

Одинъ изъ журналовъ, не смущаясь своимъ названіемъ, подъ которымъ въ 50-хъ годахъ проводились идеи гуманности, равноправности и европейскаго просвѣщенія, выбивается изъ силъ, чтобы доказать необходимость окончательно задѣлать, забить пробитое Петромъ В. „окно“, въ которомъ усматривается главная причина переживаемаго Россіею тяжелаго экономическаго кризиса. Другой представитель реакціонной печати свое откровенное крѣпостничество и ретроградство выставляетъ съ такимъ самодовольнымъ безстыдствомъ, что невольно вспомнишь упрекъ, обращенный поэтомъ Жемчужниковымъ къ нашей „правдолюбивой“ реакціонной печати:

...можно маску снять—зачѣмъ снимать рубашку?
Пусть лицемѣрья нѣтъ, зачѣмъ же нѣтъ стыда?!...

Когда въ концѣ 50-хъ гг., до отмѣны крѣпостнаго права, находились Коробочки, проводившія теорію о томъ, что одни люди рождаются съ нѣжнымъ сложеніемъ и тонкими чувствами, а другіе съ грубымъ физическимъ сложеніемъ и предназначенными быть рабами первыхъ [1]), то такая дико-

[1]) См. ниже главу III, прим. 13.

наивная теорія вызывала улыбку. Но что сказать о безчинствующихъ современныхъ публицистахъ, которые черезъ 30 слишкомъ лѣтъ послѣ паденія крѣпостнаго права мечтаютъ о возможности возстановленія крѣпостнаго строя или, какъ нынче называютъ, *„обязательнаго труда крестьянъ для себя и для деревни?“*.

И такое-то цинично-архаическое приглашеніе произвести новый опытъ прикрѣпленія, — какъ надъ anima vili, — надъ народомъ, тридцать слишкомъ лѣтъ живущимъ плодами своего тяжкаго, неблагодарнаго, но все же „свободнаго“ труда— именуется послѣднимъ словомъ самобытнаго, трезваго консерватизма sans phrases.

Отъ такой проповѣди консерватизма или, точнѣе, неудержимо пятящагося назадъ ретроградства, навѣрное отшатнулись бы съ отвращеніемъ всѣ консерваторы даже крѣпостныхъ временъ, имѣвшіе хоть какое-нибудь политическое разумѣніе. Вотъ что, напримѣръ, писалъ о движеніяхъ назадъ и впередъ В. А. Жуковскій, котораго трудно заподозрить въ какихъ нибудь радикальныхъ увлеченіяхъ.—„Движенье— *святое дѣло*, поучалъ Жуковскій въ письмахъ своихъ юнаго великаго князя Константина Николаевича; все въ Божьемъ мірѣ *развивается*, *идетъ впередъ* и не можетъ и не должно стать; неподвижность есть смерть, непримѣтная, но все же смерть, производящая только гниль“ [2]).

Доказывая своему юному корреспонденту необходимость своевременныхъ реформъ и пагубность регресса, тотъ же просвѣщенный охранитель осуждалъ: какъ попытки перескочить изъ понедѣльника прямо въ среду, такъ и попытки изъ поиедѣльника пятиться *назадъ* въ воскресенье. Первое, по его мнѣнію, это революція *впередъ*, второе — *революція назадъ* [3]).

Нынѣшнимъ „кастовымъ“ публицистамъ, рекомендующимъ все государственное вниманіе и заботливость сосредоточить на интересахъ и нуждахъ избраннаго привилегированнаго

---

[2]) См. Русскій Архивъ, 1867, стр. 1406.

[3]) См. главу XVII, примѣчаніе 13.

меньшинства, не лишнее вспомнить, что задачею разумнаго управленія должны быть, какъ училъ тотъ же благонамѣренный другъ порядка, „не дѣла, озаряющія только *немногихъ избранныхъ*, а дѣла *правды*, благодѣтельныя *для всѣхъ и каждаго*“ [4]).

Стыдно и горько, что черезъ четверть столѣтія послѣ великихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью уничтожить неравенство и неправду, нужно напоминать о такихъ элементарныхъ истинахъ!

Живучесть застарѣлыхъ крѣпостническихъ вкусовъ, пріемовъ и міровоззрѣній — самый тяжелый тормазъ для общественнаго развитія. Едва ли не въ нихъ, главнымъ образомъ, заключалась причина неправильнаго функціонированія нашихъ преобразованныхъ учрежденій.

Будучи лишены подходящихъ благопріятныхъ условій, наши преобразованныя учрежденія, почти во все время ихъ дѣйствія, напоминали положеніе той птички, о которой Державинъ писалъ:

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой...
Пищитъ, бѣдняжка, вмѣсто свисту,
А ей твердятъ все: пой да пой!

Еще нужно удивляться, какъ при такой аномальной обстановкѣ не вполнѣ изсякъ животворящій духъ, присущій освободительнымъ реформамъ 60-хъ годовъ.

5-го марта 1892 г.
Москва.

[4]) Тамъ же.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Ив. Иль. Масловъ—пріятель И. С. Тургенева, вмѣстѣ съ нимъ крестившій дѣтей Бѣлинскаго—оставилъ по духовному завѣщанію, утвержденному судомъ 5-го декабря 1891 года, до полумилліона руб. на народное образованіе. Завѣщатель мотивировалъ свое распоряженіе такъ: „желая засвидѣтельствовать, пишетъ онъ, *глубокое сочувствіе великимъ реформамъ*, совершеннымъ въ незабвенное и славное царствованіе Государя Императора Александра Николаевича, я нахожу наилучшій для сего способъ въ содѣйствіи народному образованію въ землѣ русской".

Среди раздающагося въ послѣдніе годы несмолкаемаго гула инсинуацій и клеветъ, направленныхъ противъ освободительныхъ реформъ 60-хъ гг., этотъ одинокій голосъ сочувствія прозвучалъ особенно замѣтно и трогательно...

„Вѣдь и до сихъ поръ, писалъ въ 1884 г. нашъ знаменитый сатирикъ, встрѣчаются *старички*, которые облизываются при воспоминаніи о старыхъ порядкахъ". Стариковъ едва ли не превзошли нынѣшніе молодые панегиристы крѣпостныхъ порядковъ, оплакивающіе стихомъ Гомера паденіе этого „святаго, великаго невозвратнаго Иліона"...

Предлагаемыя читателю „Историческія Справки" имѣютъ цѣлью нѣсколько возобновить въ памяти общества значеніе и смыслъ недавней преобразовательной эпохи, такъ часто и такъ безцеремонно извращаемые реакціонною печатью. Справки эти вызваны годовщинами событій не одинаковой важности, но общимъ связующимъ для нихъ звеномъ является ихъ общій благородный источникъ,—освободительно-гуманное

движеніе 60-хъ гг., къ которому они такъ или иначе примыкаютъ. А это движеніе,—откуда, по прекрасному выраженію одного московскаго профессора, идетъ „все, чѣмъ красна наша жизнь“,—какъ извѣстно, въ свою очередь исходило изъ того вѣчно памятнаго движенія 40-хъ годовъ, коего могучимъ вдохновителемъ и руководителемъ былъ великій подвижникъ мысли русской, Бѣлинскій:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! предъ именемъ твоимъ
Дозволь смиренно преклонить колѣни...

Какъ ни неблагопріятно переживаемое нами время для либерально-гутманныхъ началъ преобразовательной эпохи, однако, внутренняя сила и привлекательность ихъ такъ велика, что напоминаніе о нихъ, позволительно думать, не будетъ совсѣмъ безполезно. Всякій, искренно вѣрующій въ живительную силу этихъ началъ, не можетъ не надѣяться на конечное торжество ихъ.

Если вообще не нужно забывать правила:

Dum spiro spero,

то въ особенности умѣстно вспомнить его сегодня, въ Татьянинъ день, съ которымъ, что̀ бы тамъ ни было, связано столько отрадныхъ воспоминаній и радостныхъ чаяній.

Г. Д.

Москва,
12-го января
1892 года.

А. Уаковский

Алексѣй Михайловичъ Унковскій

† 20 Декабря 1893 г.

Послѣ непродолжительной болѣзни, скончался въ Петербургѣ въ ночь на 20-е декабря 1893 г. знаменитый дѣятель крестьянской реформы присяжный повѣренный петербургскаго судебнаго округа Алексѣй Михайловичъ Унковскій.— Ниже въ II главѣ отмѣчена, въ общихъ чертахъ [1]). плодотворная дѣятельность А. М. въ качествѣ Тверскаго губернскаго предводителя дворянства, при отмѣнѣ крѣпостнаго права. Тутъ мы ограничимся лишь краткою характеристикою А. М., какъ адвоката.

Услуги, оказанныя Унковскимъ нашей молодой адвокатурѣ, громадны, можно сказать, неисчислимы. Одно уже вступленіе въ 1866 году лица съ такимъ славнымъ и извѣстнымъ на всю Россію прошлымъ, каково было прошлое А. М., сообщило молодому институту сразу необыкновенный престижъ и нравственную привлекательность. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ званіе ходатая, привыкшаго защищать всякую ложь и недобросовѣстныя ухищренія, было такъ зазорно, что ни одинъ *порядочный* и уважающій себя человѣкъ не брался за ходатайство по дѣламъ [2]). И вдругъ въ ряды молодой присяжной адвокатуры вступаетъ такой человѣкъ, какъ А. М. Унковскій, не только имѣвшій почетную репутацію въ качествѣ публициста и юриста [3]), но пріобрѣвшій громкую все-

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ книгѣ моей: „А. М. Унковскій" М. 1894 г.

[2]) См. ст. Деппа въ *Журн. Мин. Юст.* 1861 г., № 12.

[3]) Г. Унковскій помѣщалъ статьи въ 60-хъ годахъ въ *Современникѣ* Некрасова и *Русск. Вѣстн.* и выпустилъ въ русскомъ переводѣ нѣ-

россійскую извѣстность своею честною, мужественною, истинно-благородною дѣятельностью на пользу народа, по должности тверскаго губернскаго предводителя дворянства, во время освобожденія крестьянъ (см. ниже гл. II), а затѣмъ, по освобожденіи крестьянъ, прославившійся своею безкорыстною и истинно-доблестною дѣятельностью уже въ качествѣ защитника крестьянъ по спорамъ ихъ съ помѣщиками.—Въ этой скромной, но въ высшей степени плодотворной роли, которую съ любовью привѣтствовала симпатизирующая народу пресса [4]), А. М. Унковскій какъ бы предвосхищалъ тотъ образъ высокаго служенія идеѣ правды и закона, „не взирая ни на какія персоны", который былъ начертанъ и частью осуществленъ впослѣдствіи судебною реформою. Но служеніе А. М. народному дѣлу продолжалось не долго. Высокопоставленныя лица, встревожанныя его въ высшей степени успѣшною практикою [5]), благодаря которой крестьяне успѣвали отстоять земли, купленныя на имя помѣщиковъ и впослѣдствіи ими присвоиваемыя, добились того, что Унковскому, къ которому стали обращаться крестьяне за защитою изъ разныхъ губерній, была воспрещена практика. Уже одно вступленіе человѣка съ такимъ нравственнымъ ореоломъ въ ряды новой адвокатуры, говоримъ мы, служило къ *реабилитаціи* адвокатской профессіи, относительно которой, даже въ нашихъ высшихъ судебныхъ сферахъ, частью по предубѣжденію, частью по недомыслію, существовали самыя дикія представленія, по коимъ адвокатура являлась какъ бы организованною защитою безчестныхъ домогательствъ [6]). Другія имена, одновременно съ А. М. внесенныя въ списокъ

сколько капитальныхъ юридическихъ сочиненій: 1) Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ Ульва. 2) Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ Миттермайера. 3) Его же, уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ и проч.

[4]) См. *Отечествен. Записки* 1862, № 9 и 11.

[5]) Въ этихъ дѣлахъ были заинтересованы кн. Меншиковъ, графини Сантисъ, графъ Д. А. Толстой (впослѣдствіи мин. внутр. дѣлъ) и др.—

[6]) См. замѣчанія оберъ-прокурора Н. П. Семенова въ т. LIX „Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи" и статью его „Объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ" въ *Русск. Вѣстн.* 1859 г., мартъ.

петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, быть можетъ сообщали адвокатской корпораціи больше блеска и научнаго авторитета, но ни одно не говорило такъ громко и внушительно о вѣрности нравственному и гражданскому долгу, о безкорыстномъ и неуклонномъ служеніи общему дѣлу

Вся свыше двадцатипятилѣтняя адвокатская карьера Унковскаго была вѣрнымъ служеніемъ этому знамени. Вся она была однимъ длиннымъ, безпрерывнымъ рядомъ осуществленія программы новой адвокатуры, которая, по замыслу творцовъ Судебныхъ Уставовъ, является однимъ изъ важныхъ и незамѣнимыхъ факторовъ для распознанія судебной правды. Да, именно раскрытія, а не затемнѣнія правды, какъ это ни покажется страннымъ нынѣшнимъ зоиламъ адвокатуры или тѣмъ изъ фальшивыхъ и опасныхъ друзей ея, которые все назначеніе адвокатуры сводятъ къ воспособленію торжеству формальной, т. е. мнимой правды.

Несмотря на то, что А. М. Унковскій больше, чѣмъ кто-нибудь другой, поработалъ для проведенія въ жизнь принциповъ честной адвокатуры, извѣстность его, какъ адвоката, далеко не можетъ идти въ сравненіе со славою нѣкоторыхъ безпринципныхъ корифеевъ адвокатуры, которые, благодаря услужливой рекламѣ, умѣли стяжать себѣ и своей корпораціи не мало мишурнаго блеска и дешевыхъ лавровъ, но не мало и принесли ей вреда. Находясь постоянно на виду у всѣхъ, эти безыдейные дѣльцы и шаловливые баловни счастья и удачи немало способствовали паденію репутаціи адвокатуры въ глазахъ понимающихъ людей и немало способствовали своимъ дурнымъ примѣромъ деморализаціи адвокатской молодежи.

Положимъ, иные изъ такихъ бойкихъ дѣльцовъ, пользующихся громкою извѣстностью, но имѣющихъ далеко незавидную репутацію въ кругу товарищей и судей, ближе знакомыхъ съ ихъ дѣятельностью, привыкли объяснять сѣренькое, съ нравственной точки зрѣнія, реноме свое — злословіемъ и завистью недоброжелателей. Пусть въ этомъ есть доля правды. Но отчего же однако есть среди адвокатуры люди ума и таланта, скромные, честные труженики, которые

россійскую извѣстность своею честною, мужественною, истинно-благородною дѣятельностью на пользу народа, по должности тверскаго губернскаго предводителя дворянства, во время освобожденія крестьянъ (см. ниже гл. II), а затѣмъ, по освобожденіи крестьянъ, прославившійся своею безкорыстною и истинно-доблестною дѣятельностью уже въ качествѣ защитника крестьянъ по спорамъ ихъ съ помѣщиками.—Въ этой скромной, но въ высшей степени плодотворной роли, которую съ любовью привѣтствовала симпатизирующая народу пресса [4]), А. М. Унковскій какъ бы предвосхищалъ тотъ образъ высокаго служенія идеѣ правды и закона, „не взирая ни на какія персоны“, который былъ начертанъ и частью осуществленъ впослѣдствіи судебною реформою. Но служеніе А. М. народному дѣлу продолжалось не долго. Высокопоставленныя лица, встревожанныя его въ высшей степени успѣшною практикою [5]), благодаря которой крестьяне успѣвали отстоять земли, купленныя на имя помѣщиковъ и впослѣдствіи ими присвоиваемыя, добились того, что Унковскому, къ которому стали обращаться крестьяне за защитою изъ разныхъ губерній, была воспрещена практика. Уже одно вступленіе человѣка съ такимъ нравственнымъ ореоломъ въ ряды новой адвокатуры, говоримъ мы, служило къ *реабилитаціи* адвокатской профессіи, относительно которой, даже въ нашихъ высшихъ судебныхъ сферахъ, частью по предубѣжденію, частью по недомыслію, существовали самыя дикія представленія, по коимъ адвокатура являлась какъ бы организованною защитою безчестныхъ домогательствъ [6]). Другія имена, одновременно съ А. М. внесенныя въ списокъ

сколько капитальныхъ юридическихъ сочиненій: 1) Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ Уильза. 2) Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ Миттермайера. 3) Его же, уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ и проч.

[4]) См. *Отечествен. Записки* 1862, № 9 и 11.

[5]) Въ этихъ дѣлахъ были заинтересованы кн. Меншиковъ, графини Сантисъ, графъ Д. А. Толстой (впослѣдствіи мин. внутр. дѣлъ) и др.—

[6]) См. замѣчанія оберъ-прокурора Н. П. Семенова въ т. LIX „Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи“ и статью его „Объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ“ въ *Русск. Вѣстн.* 1859 г., мартъ.

петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, быть можетъ сообщали адвокатской корпораціи больше блеска и научнаго авторитета, но ни одно не говорило такъ громко и внушительно о вѣрности нравственному и гражданскому долгу, о безкорыстномъ и неуклонномъ служеніи общему дѣлу

Вся свыше двадцатипятилѣтняя адвокатская карьера Унковскаго была вѣрнымъ служеніемъ этому знамени. Вся она была однимъ длиннымъ, безпрерывнымъ рядомъ осуществленія программы новой адвокатуры, которая, по замыслу творцовъ Судебныхъ Уставовъ, является однимъ изъ важныхъ и незамѣнимыхъ факторовъ для распознанія судебной правды. Да, именно раскрытія, а не затемнѣнія правды, какъ это ни покажется страннымъ нынѣшнимъ зоиламъ адвокатуры или тѣмъ изъ фальшивыхъ и опасныхъ друзей ея, которые все назначеніе адвокатуры сводятъ къ воспособленію торжеству формальной, т. е. мнимой правды.

Несмотря на то, что А. М. Унковскій больше, чѣмъ кто-нибудь другой, поработалъ для проведенія въ жизнь принциповъ честной адвокатуры, извѣстность его, какъ адвоката, далеко не можетъ идти въ сравненіе со славою нѣкоторыхъ безпринципныхъ корифеевъ адвокатуры, которые, благодаря услужливой рекламѣ, умѣли стяжать себѣ и своей корпораціи не мало мишурнаго блеска и дешевыхъ лавровъ, но не мало и принесли ей вреда. Находясь постоянно на виду у всѣхъ, эти безыдейные дѣльцы и шаловливые баловни счастья и удачи немало способствовали паденію репутаціи адвокатуры въ глазахъ понимающихъ людей и немало способствовали своимъ дурнымъ примѣромъ деморализаціи адвокатской молодежи.

Положимъ, иные изъ такихъ бойкихъ дѣльцовъ, пользующихся громкою извѣстностью, но имѣющихъ далеко незавидную репутацію въ кругу товарищей и судей, ближе знакомыхъ съ ихъ дѣятельностью, привыкли объяснять сѣренькое, съ нравственной точки зрѣнія, реноме свое — злословіемъ и завистью недоброжелателей. Пусть въ этомъ есть доля правды. Но отчего же однако есть среди адвокатуры люди ума и таланта, скромные, честные труженики, которые

давно уже подвизаются на адвокатскомъ поприщѣ, но чистаго имени которыхъ не смѣетъ коснуться никакое злословіе и зависть?!

Къ такимъ скромнымъ, но свѣтлымъ и чистымъ знаменитостямъ принадлежалъ и А. М. Унковскій, имя котораго, какъ адвоката, едва ли даже и было извѣстно за чертою с.-петербургскаго судебнаго округа. Частью по врожденной ему скромности, частью по роду своей спеціальности, какъ цивилистъ, Унковскій извѣстенъ, помимо обширнаго круга своей петербургской клієнтелы, только къ кругу товарищей и въ судебномъ мірѣ. Уголовною практикою занимался Унковскій почти только въ качествѣ оффиціальнаго защитника по назначенію суда, но всегда исполнялъ эту святѣйшую изъ обязанностей адвоката съ добросовѣстностью, преданностью и жаромъ, котораго не могли остудить ни бремя лѣтъ, ни профессіональная рутина.

Но прочно установившуюся репутацію талантливаго, знающаго и честнѣйшаго адвоката Унковскій пріобрѣлъ главнымъ образомъ своею гражданскою практикою. Уже одно принятіе Унковскимъ извѣстнаго дѣла,—говорилъ одинъ изъ судей, — создаетъ praesumptio juris въ его пользу и почти равносильно выигрышу дѣла въ одной инстанціи. Чтобы заслужить такое исключительное довѣріе, да еще въ качествѣ цивилиста, нужна исключительная добросовѣстность и нравственная щепетильность въ выборѣ дѣлъ.

Гражданскій процессъ, который весь вращается „около денегъ“, представляетъ особенныя опасности для адвоката, у котораго можетъ, незамѣтно для него самаго, затуманиться отъ ихъ нездоровыхъ испареній нравственное чутье и видѣніе. Кромѣ того, частью благодаря запутанности нашего гражданскаго законодательства и кассаціонной практики, частью благодаря одностороннему бытовому освѣщенію, при которомъ обыкновенно видитъ адвокатъ дѣло при принятіи его, онъ иногда бываетъ затрудненъ въ распознаніи правды. Исходя изъ этого общеизвѣстнаго, но далеко не ежедневнаго факта, иные юристы приходятъ къ фатальному заключенію, что адвокатъ долженъ вполнѣ игнорировать нрав-

ственную сторону дѣла и довольствоваться одною внѣшнею законностью. А иначе, говорятъ они, для него создается безвыходное положеніе, въ виду *неуловимости* нравственнаго принципа,—такъ какъ одна де нравственность по сю сторону Пиринеевъ, другая по ту [7]).

Славная двадцатипятилѣтняя абсолютно честная адвокатская дѣятельность Унковскаго во-очію убѣждаетъ, что адвокату, съ чуткою совѣстью, ни существованіе Пиринеевъ и Валдайскихъ горъ, ни запутанность законодательства не создаютъ неодолимыхъ препятствій къ честному исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго согласно требованіямъ профессіональной этики. . Конечно, отъ такихъ „трудовъ праведныхъ“ не наживешь палатъ каменныхъ (Унковскій былъ похороненъ на средства товарищей и ничего не оставилъ, кромѣ не большаго родоваго имѣнія въ Тверской губ.) но вѣдь цѣлью изданія Судебныхъ Уставовъ и, стало быть, учрежденія присяжной адвокатуры вовсе не было во что бы то ни стало помочь осуществленію этого стремленія. Водвореніе „правды“ на судѣ и внушеніе спасительнаго „страха“ плутамъ, болѣе или менѣе ловкимъ обходомъ законовъ стремящимся обратить судъ въ орудіе обмана,—вотъ къ чему стремились творцы новаго суда. Такъ именно опредѣляетъ задачу новаго гражданскаго суда бывшій товарищъ по профессіи Унковскаго и членъ одесской судебной палаты нынѣ пом. статсъ-секр. Госуд. Совѣта г. Боровиковскій въ своей замѣчательной книгѣ „Отчетъ судьи“ [8]), и этой именно задачѣ служилъ въ теченіе всей своей продолжительной адвокатской карьеры Унковскій.

Значеніе ея, такимъ образомъ, опредѣляется само собою. А. М. Унковскій не умозрительными теоретическими доводами, а фактомъ всей своей многолѣтней дѣятельности доказалъ лживость пагубнаго ученія, будто отправленіе адвокатуры несовмѣстимо съ требованіями честности и нравственности. Знаменитый французскій юристъ Молло говоритъ:

---

[7]) См. брошюру г. Невѣдомскаго: „Вѣчные вопросы (?) адвокатуры“. М. 1886 г.

[8]) См. т. I, стр. 239.

si le style est tout l'homme, le probité est tout l'avocat (какъ по стилю узнается человѣкъ, такъ и по степени честности узнается адвокатъ). Если это такъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что А. М. Унковскій былъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова *первымъ* русскимъ адвокатомъ, такъ какъ едва ли кто превзошелъ его въ строгомъ слѣдованіи правиламъ честности.

Къ чести петербургской адвокатуры нужно сказать, что она всегда умѣла цѣнить выдающіяся нравственныя и умственныя качества своего знаменитаго сочлена. Съ перваго же года своего вступленія въ петербургскую адвокатскую корпорацію А. М. Унковскій входилъ въ составъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ — то въ качеетвѣ его члена, то въ качествѣ предсѣдателя. Съ 1885 г. А. М. вышелъ, по болѣзни, изъ состава совѣта, но и за всѣмъ тѣмъ добрыя традиціи, образовавшіяся въ немъ въ первые годы его дѣятельности, до сихъ поръ сохраняютъ силу и обезпечиваютъ ему первое мѣсто среди другихъ совѣтовъ, охраняя его отъ тѣхъ нездоровыхъ увлеченій, отъ которыхъ не убереглись другіе, какъ, напр., въ антиеврейской травлѣ.

Дѣятельность покойнаго А. М. Унковскаго безспорно займетъ лучшую страницу въ исторіи не только петербургской, но и вообще русской адвокатуры. При тѣхъ печальныхъ явленіяхъ, которыхъ не мало наблюдается въ современной адвокатской практикѣ, взоръ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія останавливается на такихъ личностяхъ, какъ А. М. Для справедливаго сужденія о современной русской адвокатурѣ слѣдуетъ имѣть въ виду и помнить не только тѣ темныя и грязныя низины, до которыхъ адвокатура иногда опускается, но и тѣ свѣтлыя и чистыя вершины, до которыхъ она хоть изрѣдка поднимается; тѣмъ болѣе слѣдуетъ ихъ имѣть въ виду, что лица, достигающія этихъ вершинъ, по своей скромной и некрикливой дѣятельности, не стоятъ на виду и почти вовсе неизвѣстны въ большой публикѣ.

I.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Какъ зиждительный ливень могучей весны,
На незримыхъ крылахъ ты надъ міромъ летишь
Отъ народа къ народу, въ страну изъ страны,
Отъ толпы городской въ деревенскую тишь,
И горитъ за тобой, тѣни рабства гоня,
Нѣжный лучъ восходящаго дня.

Шелли (Бальмонтъ).

И кто мнѣ помогъ
Осилить надменность тирановъ?
Кѣмъ былъ я избавленъ отъ смерти?
Отъ рабства?
Не ты-ли одно все свершило,
Святое горячее сердце?!

Гёте.

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ!

Жуковскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе.

(Справка по поводу исполнившагося тридцатилѣтія).

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.
Такъ! но распутать ихъ легче народу...
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!

Некрасовъ.

Я позналъ, что, хотя свободой, какъ и всѣми благами Провидѣнія, можно злоупотреблять, однако безъ свободы нѣтъ на землѣ ничего здороваго, нѣтъ ничего устойчиваго; безъ свободы — нѣтъ движенія впередъ.

Гладстонъ (1890 г.).

I.

Не только въ исторіи Россіи, но и въ лѣтописяхъ всемірной исторіи немного найдется дней, съ которыми соединялось бы такое радостное, бодрящее и возвышающее душу настроеніе, какъ съ незабвеннымъ днемъ 5-го марта 1861 года. Несмотря на всѣ невзгоды, несмотря на многочисленныя тяжелыя разочарованія и огорченія, на которыя было такъ щедро истекшее тридцатилѣтіе, у русскаго народа и общества сохранилось лучезарное воспоминаніе объ этомъ великомъ днѣ, лучше и выше котораго, — по справедливому замѣчанію бывшаго Шереметевскаго крѣпостнаго, а впослѣдствіи цензора, профессора и академика Никитенка, — нельзя сыскать во всей предшество-

вавшей тысячелѣтней исторіи Россіи.... Каковы бы ни были недостатки Положеній о крестьянахъ, въ памяти людской навсегда сохранится благодарное воспоминаніе о свѣтломъ днѣ, когда великій законодательный актъ 19-го февраля получилъ окончательную законодательную санкцію [1]) и «юридическое знаменованіе», вслѣдствіе опубликованія его во всеобщее свѣдѣніе. Въ этотъ день, въ столицахъ, съ церковнаго амвона былъ читанъ знаменитый Высочайшій манифестъ 19-го февраля объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, заканчивавшійся извѣстными словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой *свободный* трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго» [2]), а телеграфъ спѣшилъ разнести повсюду на «незримыхъ крылахъ» своихъ великую вѣсть о волѣ.

Объявленіе «воли», т.-е. торжественное чтеніе достопамятнаго акта, даровавшаго личную свободу и элементарныя человѣческія права 23-мъ милліонамъ народа, судя по свидѣтельству современниковъ-очевидцевъ, далеко не произвело на непосредственныхъ слушателей впечатлѣнія, подобающаго рѣдкому по грандіозности историческому моменту, который они имѣли

---

1) Законъ, гласитъ ст. 59 Основ. Законовъ, получаетъ обязательную силу не прежде, какъ со дня объявленія. — Въ исторіи нашего новаго законодательства извѣстенъ случай необнародованія (въ мартѣ 1881 г.), по измѣнившимся обстоятельствамъ, утвержденнаго верховною властью закона о новомъ порядкѣ составленія и разсмотрѣнія законопроэктовъ, который, такимъ образомъ, ео ірso потерялъ силу закона, благодаря необнародованію. (См. „L'empire des Tzars“ par Leroy-Beaulieu. Paris. 1882, т. II, p. 598).

— Впрочемъ, въ законодательной практикѣ извѣстны и такіе случаи, что законы обращались къ исполненію и безъ распубликованія. Такъ, законъ 21-го февраля 1855 г. объ освобожденіи отъ плетей женщинъ и вообще слабосильныхъ преступниковъ, во избѣжаніе соблазна, не былъ обнародованъ и былъ сообщенъ *секретно* для исполненія начальникамъ губерній. (См. *Юрид. Вѣст.* 1893, №№ 7 и 8, стр. 401).

— Въ 1835—1837 гг. была возстановлена *секретными* рескриптами на имя генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири *смертная казнь* для ссыльныхъ за возмущеніе, насильственныя дѣйствія противъ властей и стражи. (См. И. Фойницкаго—Ученіе о наказаніяхъ. С.-Петерб. 1889, стр. 288).

2) См. второе полн. собр. Зак. Росс. Имперіи, т. XXXIV, №№ 36,650.

счастье переживать. Объясняется это отчасти тогдашнимъ тревожнымъ настроеніемъ, отчасти тѣмъ, что слогъ манифеста, вдобавокъ довольно объемистаго (онъ занимаетъ 6 печатныхъ страницъ большаго формата) былъ тяжелъ и мало понятенъ для народа [3]). Когда окончилось чтеніе, пишетъ Д. Г. Щербачевъ, одинъ изъ свидѣтелей чтенія манифеста въ Петербургѣ, и всѣ стали выходить изъ церкви, замѣтно было «на всѣхъ лицахъ какое-то недоумѣніе». Словомъ, первое впечатлѣніе манифеста было смутно-неопредѣленное и далеко не «радостное». Формальный тонъ манифеста, отзывавшійся оффиціальною риторикою, его черствая дѣловитость, въ которой немногія теплыя слова — «уваженіе къ человѣческому достоинству и христіанская любовь» — незамѣтно терялись, заглушались, тонули въ массѣ сухихъ подробностей и мало вразумительныхъ постановленій объ устройствѣ матеріальнаго быта крестьянъ, — совершенно не шли къ возвышенно-радостному настроенію, подобавшему великому дню провозглашенія паденія рабства въ Россіи, дню, наступленія котораго лучшіе ея люди [4]) давно уже ждали съ безотрадною тоскою и сердечнымъ томленіемъ:

Увижу-ли, друзья, народъ освобожденный,
И рабство, павшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря!...

Многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и авторъ этихъ трогательныхъ строкъ, равно какъ и его сверстники, декабристы [5]), а

---

[3]) См. Воспоминанія Г. Д. Щербачева въ *Русскомъ Архивѣ* 1891 г., № 1, стр. 76.

[4]) Карамзинъ во вторую половину своей дѣятельности усвоилъ, какъ пишетъ Валуевъ, „взглядъ на дѣла управленія—царедворческій того времени. Возгласы на счетъ крестьянъ, „худо платящихъ оброкъ господамъ“ (выраженіе изъ писемъ Карамзина), не сопровождаются никакимъ знакомъ какого бы то ни было *участія* къ низшимъ классамъ народа“, что Валуевъ объясняетъ тѣмъ, что въ то время Россія кончалась XIV классомъ по табели о рангахъ (см. Дневникъ П. А. Валуева въ *Русской Старинѣ* 1891, № 11, страница 395).

[5]) Сначала для декабристовъ, говоритъ академикъ А. Н. Пыпинъ, крестьянскій вопросъ былъ не вполнѣ ясенъ. Но въ тайномъ обществѣ уже скоро явились люди, которые понимали и выставили всю важность

также и «властитель думъ» 40-хъ годовъ, Бѣлинскій [5]), такъ и не сподобились видѣть этотъ свѣтлый день; но, говоря словами того же поэта:—

...Не пропалъ ихъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленіе!...

Осуществленіе этой вѣковой думы и завѣтной мечты передо-

вопроса и придавали ему столь великое значеніе, что безъ его рѣшенія считали ненужною, даже вредною самую политическую реформу, т.-е. введеніе представительныхъ учрежденій для однихъ привилегированныхъ классовъ. Позднѣе мысль объ освобожденіи крестьянъ стала однимъ изъ главныхъ положеній Союза Благоденствія, и въ проектахъ Пестеля вопросъ о надѣлѣ землею былъ доведенъ до такой широты, которая представлялась Н. И. Тургеневу соціалистическою. См. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I—А. Н. Пыпина, СПБ. 1885, стр. 443, и главу XXVIII монографіи В. И. Семевскаго—Крестьянскій вопросъ, т. II.

[5]) Въ концѣ 1847 г., т.-е. за полгода до смерти Бѣлинскаго, въ правительственныхъ кругахъ возникли сильные толки объ освобожденіи крестьянъ. Вотъ что писалъ по этому поводу радостно потрясенный Бѣлинскій П. А. Анненкову изъ Петербурга въ письмѣ отъ декабря 1847 г., отправленномъ (во избѣжаніе перлюстраціи) съ „оказіею“ черезъ Берлинъ: „Тотчасъ по пріѣздѣ, пишетъ Бѣлинскій, услышалъ я, что въ правительствѣ нашемъ происходитъ большое движеніе по вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Государь Императоръ вновь и съ большою энергіею изъявилъ свою рѣшительную волю касательно этого великаго вопроса. Разумѣется, тѣмъ болѣе рѣшительной воли и искусства обнаружили окружающіе его *отцы отечества*, чтобы отвлечь его волю отъ крайне непріятнаго имъ предмета. Искренно раздѣляетъ желаніе Государя Императора *только одинъ* Киселевъ; самый рѣшительный и, къ несчастію, самый умный и знающій дѣло противникъ этой мысли—Меншиковъ (какъ извѣстно, онъ и впослѣдствіи, при освобожденіи крестьянъ, остался ярымъ крѣпостникомъ. — См. Матер. для исторіи упразд. крѣп. права, т. I, 134). Вы помните, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ движеніе тульскаго дворянства въ пользу этого вопроса было остановлено правительствомъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Теперь, напротивъ, посланъ былъ тульскому дворянству запросъ: такъ ли же расположено оно теперь въ отношеніи къ вопросу?... Перовскій, который въ душѣ своей противъ освобожденія крестьянъ, продолжаетъ Бѣлинскій, объявилъ себя за освобожденіе. Все зависитъ отъ воли Государя Императора, а она *рѣшительна*. Вы знаете, что послѣ выборовъ назначается обыкновенно двое депутатовъ отъ дворянства, чтобы благодарить Государя Императора за продолженіе дарованныхъ дворянству правъ, и вы знаете, что въ настоящее царствованіе эти депутаты никогда не были допускаемы. Теперь вдругъ велѣно смо-

ой части русскаго общества и возвѣщалъ манифестъ 19 февраля, хотя и тономъ, не соотвѣтствовавшимъ этому «радостному» событію, и въ обстановкѣ далеко не праздничной. Этотъ лучшій, этотъ небывалый дотолѣ, единственный, можно сказать, праздникъ на улицѣ друзей народной свободы—былъ испорченъ, омраченъ духомъ недовѣрія, явно сквозившимъ сквозь оффиціальные акты

енскимъ депутатамъ явиться въ Питеръ. Государь Императоръ милостиво принялъ ихъ и сказалъ слѣдующую рѣчь: „Теперь я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашею кровью, пролитою за государство; *но я не понимаю*, какимъ образомъ *человѣкъ сдѣлался вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе— какъ *хитростью и обманомъ*, съ одной стороны, и *невѣжествомъ* — съ другой. (Послѣдующія историческія изслѣдованія, особенно извѣстная монографія И. Д. Бѣляева „Крестьяне на Руси“, съ очевидностью доказали справедливость этой апріористической догадки). Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобъ у васъ *отняли*. Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности“. Затѣмъ Государь сказалъ имъ, чтобы они ѣхали въ свою губернію и, держа это въ секретѣ, побудили бы смоленское дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ приступить къ дѣлу. Депутаты, пріѣхавъ домой, составили протоколъ того, что говорилъ имъ Государь Императоръ. — Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи депутатовъ Перовскій (мин. внутр. дѣлъ) получилъ отъ смоленскаго губернатора донесеніе, что двое дворянъ смущаютъ губернію, распространяя гибельныя мысли. Государь Императоръ приказалъ Перовскому отвѣтить губернатору, что въ случаѣ бунта у него есть средства (войска и пр.), а чтобъ до тѣхъ поръ онъ молчалъ, не въ свое дѣло не мѣшался.... Конечно, несмотря на все, грустно заканчиваетъ Бѣлинскій, хорошо знавшій силу бюрократіи, дѣло это опять затихнетъ. *Друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага*, окружающіе Государя Императора, утомятъ его проволочками, серединными, неудовлетворительными рѣшеніями, разными препятствіями, истинными и вымышленными, потомъ воспользуются маневрами или чѣмъ-нибудь подобнымъ и отклонятъ его вниманіе отъ вопроса, и онъ останется не рѣшеннымъ при такомъ Монархѣ, который одинъ по своей мудрости и твердой волѣ способенъ рѣшить его. Но тогда онъ рѣшится самъ собою, въ тысячу разъ болѣе непріятнымъ для русскаго дворянства способомъ. Крестьяне сильно возбуждены, *спятъ и видятъ освобожденіе*... Когда масса спитъ, дѣлайте, что хотите — все будетъ по-вашему, но когда она проснется, не дремлите сами, а то быть худу“. (Письмо это впервые напечатано цѣликомъ въ 1892 г. въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья» I, 599—607).—Предсказаніе Бѣлинскаго

и тѣ чрезвычайныя военно-полицейскія мѣры предосторожности (см. ниже § 4), кои сопровождали возвѣщеніе паденія рабства. Не мудрено, что подобный, несоотвѣтственный величію и торжественности дивнаго момента занимавшейся зари свободы, мрачный колоритъ оставилъ непріятный осадокъ въ сердцахъ искреннихъ друзей свободы, далеко не избалованныхъ исторіею радостными картинами и перспективами. У славянофила И. С. Акса-

---

оправдалось вполнѣ и даже скорѣе, чѣмъ онъ думалъ. Воспользовавшись февральскою революціею 1848 г., „друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага", по выраженію Бѣлинскаго, или какъ характеризовалъ Лермонтовъ:

Жадною толпою стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи—

дали дѣлу такой оборотъ, что Императоръ Николай I не только охладѣлъ къ вопросу объ освобожденіи, а сталъ къ нему относиться прямо враждебно. Въ 1848 г. онъ прямо объявилъ въ рѣчи, обращенной къ петербургскимъ дворянамъ, *нелѣпыми* „слухи (объ освобожденіи), которые съ восторгомъ перенимались крестьянами". Въ той же рѣчи онъ, между прочимъ, сказалъ: „гг., я не боюсь внѣшнихъ враговъ. Но у меня есть *внутреннія*, болѣе опасные. Противъ нихъ-то мы и должны вооружиться и стараться сохранить себя, и въ этомъ и полагаюсь на васъ. Благодарю моихъ дворянъ здѣшней (петербургской) губерніи за адресъ, который они мнѣ хотѣли поднести. Въ чувствахъ привязанности ихъ ко мнѣ и къ отечеству я не сомнѣваюсь и за удовольствіе поставляю принадлежать къ ихъ сословію, потому что я и жена моя тоже помѣщики петербургскіе" (см. Матеріалы, I, 77).—О взглядѣ Николая I на крѣпостное право см. также въ Запискахъ Смирновой въ № 4 *Сѣвернаго Вѣстника* 1893 г.

— Въ томъ же 1848 году представлена была помѣщикомъ Огильви Записка объ освобожденіи крестьянъ Цесаревичу Александру Николаевичу, но онъ отклонилъ ее, сославшись на то, что правительство отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнить отношенія помѣщичьихъ крестьянъ съ ихъ владѣльцами (тамъ-же, 99). — Говоря о противодѣйствіи, оказанномъ придворною партіею освобожденію крестьянъ при Александрѣ II, бывшій въ это время тов. мин. внутр. дѣлъ А. И. Левшинъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Я опасался, что Государя собьютъ съ пути, или заставятъ вовсе отложить его намѣреніе. Ходъ этого дѣла при Императорѣ Николаѣ давалъ опасеніямъ моимъ основательность. Никто не сомнѣвается, что этотъ Государь имѣлъ желѣзную волю и однакоже въ 30 лѣтъ *ничего* не сдѣлалъ для исполненія своего самаго пламеннаго желанія". См. Записку Левшина въ *Русскомъ Архивѣ* 1885, № 8, стр. 491.

кова, выражавшаго въ данномъ случаѣ общее настроеніе всѣхъ друзей свободы, вырвались по этому поводу слѣдующія глубоко меланхолическія строки.

«Странное дѣло!—писалъ И. С. вскорѣ послѣ объявленія воли—въ моемъ письмѣ я самъ слышу прежнюю ноту довольно безотраднаго свойства, а между тѣмъ, казалось бы, инымъ должны звучать наши рѣчи послѣ событія 19 февраля. Или же мы такъ состарѣлись, такъ проквасились старымъ Н.... квасомъ, что все представляется намъ кисло-соленымъ? Или же, наконецъ, то что̀ совершается, не то, что̀ мы ждали и чаяли? Несомнѣнно, что, во всякомъ случаѣ оно совершалось *не такъ*, какъ мы его ждали. Исторія не побаловала насъ никакимъ лирическимъ ощущеніемъ, никакою красивою декораціею; я вполнѣ признаю такое распоряженіе мудрымъ и наше требованіе дѣтскимъ—хотя думаю, что нужны бываютъ какъ человѣку, такъ и народу *лирическіе моменты* въ жизни, разомъ поднимающіе духъ и озаряющіе внутреннее сознаніе. Какъ бы то ни было, освобожденіе крестьянъ было такъ *обставлено*, что для *радости*, т.-е. для произведенія чувства радости, нуженъ извѣстный отвлеченный процессъ мысли: нужно напомнить себѣ объ этомъ, идеализировать, глядѣть въ чаемое будущее, а не въ настоящее. Постоянно себѣ говоришь, что совершается одна изъ величайшихъ соціальныхъ революцій, но ея *не осязаешь*; свѣжій воздухъ, конечно, уже повѣялъ, но фильтрованный сквозь такія вонючія тѣла, что его и признать трудно». [7])

Указанная столь унылая обстановка объявленія воли, само собою разумѣется, не была дѣломъ случайности. Ключъ къ уразумѣнію этого печально-страннаго явленія, сообщавшаго какъ величайшей изъ реформъ 60-хъ годовъ, такъ и другимъ начинаніямъ этой знаменательной эпохи какой-то характеръ двойственности и неискренности [8]), лежитъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ послѣднюю стадію законодательныхъ работъ по крестьянской реформѣ.

---

[7]) См. письмо Аксакова отъ 7-го іюня 1861 г. къ А. И. Герцену, стр. X.

[8]) См. примѣчаніе П. Б. къ Запискѣ А. И. Левшина въ *Русскомъ Архивѣ* 1885, № 8, стр. 533.

6-го февраля 1860 г. умираетъ генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ, знаменитый предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи, вложившій въ дѣло освобожденія всю свою душу и, почти можно сказать, пожертвовавшій за него жизнью [9]). Онъ полюбилъ, увѣровалъ подъ конецъ въ это «святое дѣло», какъ онъ называлъ крестьянскую реформу. Ростовцевъ, нѣсколько неожиданно [10]) ставшій горячимъ сторонникомъ либеральнаго движенія и освобожденія крестьянъ съ землею, будучи въ качествѣ неофита-энтузіаста рьянымъ пропагандистомъ либеральныхъ идей, являлся существеннымъ факторомъ для успѣшнаго исхода этого великаго начинанія. Этотъ въ душѣ добрый, но далеко не твердый въ принципахъ дѣятель николаевскаго времени подъ дѣйствіемъ вліяній и мотивовъ, не вполнѣ еще разъясненныхъ, поддался всесильному давленію духа времени, настойчиво требовавшаго оглянуться кругомъ, взвѣсить свои отношенія къ людямъ и вещамъ не съ точки зрѣнія установленныхъ нормъ и формъ, а при свѣтѣ совѣсти, неумолимой и неотвратимой. Этотъ бывшій начальникъ военно-учебныхъ заведеній,—въ инструкціи открыто провозглашавшій по своему вѣдомству, *что высшее начальство* есть суррогатъ совѣсти, есть сама «верховная совѣсть», долженствующая упразднить субъективныя указанія «личной, по-

[9]) Предсмертная болѣзнь Ростовцева (желчная лихорадка) была вызвана чрезмѣрнымъ увлеченіемъ его благородною миссіею, выпавшею на его долю. Сдѣлавшись мишенью самыхъ злостныхъ и наглыхъ нападокъ со стороны крѣпостниковъ, Ростовцевъ—натура воспріимчивая и пылкая—не вынесъ этихъ безчисленныхъ уколовъ и клеветъ себялюбивой знати. Какъ бы предвидя неизбѣжность самопожертвованія, этотъ, въ общемъ далеко не геройскаго закала, человѣкъ такъ проникся величіемъ и трудностями своей задачи, что говаривалъ не разъ: „я иду на крестную смерть“, „я готовъ сложить голову на плахѣ“ и т. п. (см. Матеріалы для исторіи упраздн. крѣп. права. Берлинъ. 1860, т. I, 380 и II, 256, а также рѣчь П. П. Семенова въ *Русской Старинѣ*, 1892, № 3).

[10]) Въ молодости Я. И. Ростовцевъ былъ декабристомъ и способствовалъ открытію заговора. Мнѣніе относительно мотивовъ, имъ руководившихъ, расходятся. Ѳ. П. Еленевъ въ *Русскомъ Архивѣ* (1873 г., стр. 449) указываетъ, что поступокъ Ростовцева былъ чуждъ всякаго корыстнаго побужденія. Вообще же „обращеніе“ Ростовцева было встрѣчено спектически въ либеральныхъ кругахъ, которые лишь впослѣдствіи довѣрились ему, убѣдившись въ томъ, что онъ „покаялся“.

движной человѣческой совѣсти» [11]), теперь самъ убѣдился въ ложности этого такъ еще недавно оффиціально-признаннаго государственнаго догмата. Онъ пересталъ думать только объ угожденіи сильнымъ міра сего, онъ сталъ углубляться въ самого себя, началъ думать о нравственной отвѣтственности передъ потомствомъ, словомъ, у Ростовцева появилась «черта, довольно рѣдкая у насъ въ людяхъ, достигшихъ высшихъ государственныхъ ступеней, какъ замѣчаетъ одинъ изъ дѣятелей крестьянской реформы: Ростовцевъ думалъ объ *исторіи*, вѣрилъ въ ея верховный судъ, *мечталъ* о почетной для себя страницѣ на ея свиткахъ» [12]).

А всякіе мечтатели, не исключая и мечтателей съ генералъадъютантскими аксельбантами, опасны, ненавистны для оффиціальнаго statu quo, старой рутины и утвержденныхъ формъ, которыя непоколебимы только дотолѣ, покуда не упадетъ на нихъ лучъ свѣта, струя анализирующей мысли, воодушевленнаго идеала, безкорыстнаго, непоколебимаго убѣжденія. И если, какъ справедливо указываетъ Дж. Ст. Милль, одинъ человѣкъ, одушевленный убѣжденіемъ и идеаломъ, стоитъ десяти, руководимыхъ своекорыстными интересами, то легко понять, какую крупную силу долженъ былъ представлять собою новообращенный идеалистъ-либералъ Ростовцевъ въ группѣ силъ и вліяній, по своекорыстнымъ мотивамъ боровшихся около крестьянскаго вопроса. Легко понять и ту непримѣримую ненависть, которую должны были восчувствовать къ Ростовцеву высшія правительственныя и придворныя сферы, почти всецѣло пропитанныя крѣпостническими тенденціями, а также и то, что ненависть свою къ «выскочкѣ» Ростовцеву они перенесли, послѣ его смерти, на его потомство и сотрудниковъ [13]).

---

[11]) См. сочиненія И. С. Аксакова, V, 163. — Перемѣна, происшедшая въ Ростовцевѣ, была такъ разительна, что въ извѣстномъ оффиціальномъ письмѣ своемъ въ отвѣтъ на назначеніе его предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи онъ открыто говоритъ „о чувствѣ долга предъ *своею* совѣстью“. (См. ниже стр. 32).

[12]) См. Ѳ. П. Еленева—Первые шаги освобожденія крестьянъ. СПБ. 1886, стр. 59. См. ниже (стр. 32) письмо Ростовцева къ кн. Орлову, гдѣ онъ говоритъ „о страхѣ предъ Россіею и предъ потомствомъ“.

[13]) См. назв. книгу Еленева, 60 и примѣч. П. Бартенева, тамъ-же.

Пока былъ живъ Ростовцевъ, безчисленныя клеветы и чудовищныя обвиненія, сыпавшіяся на Редакціонную Коммиссію изъ лагеря крѣпостниковъ, были нейтрализуемы вліяніемъ ея могущественнаго предсѣдателя. Неограниченное довѣріе, питаемое Императоромъ Александромъ II къ Ростовцеву, служило для Коммиссіи щитомъ, ограждавшимъ ее отъ самыхъ яростныхъ и беззастѣнчивыхъ нападокъ, какъ ни властны были сферы, изъ которыхъ онѣ исходили. Смерть Ростовцева если не произвела окончательнаго перелома въ направленіи работъ Редакціонной Коммиссіи, то все же лишила ее важной точки опоры и окрылила надеждами крѣпостническую партію, далеко не вполнѣ побѣжденную и входившую въ силу уже съ конца 1859 г.

Избраніе преемника Ростовцеву должно было служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія дальнѣйшей судьбы принятаго въ Редакціонной Коммиссіи при Ростовцевѣ либеральнаго плана освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею. Ни одинъ изъ сановниковъ, сочувствующихъ освобожденію (гр. П. Д. Киселевъ, нѣкогда близко стоявшій къ кружку декабристовъ; С. С. Ланской, К. В. Чевкинъ и др.), не занялъ мѣста Ростовцева. Не попалъ также и М. Н. Муравьевъ, который, хотя и былъ въ душѣ противникомъ освобожденія, считался однако способнымъ, по соображеніямъ карьеры, пойти на сдѣлку, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ репутацію человѣка ненадежнаго и способнаго нарушить данное обѣщаніе [14]).

[14]) См. Освобожденіе крестьянъ—Н. П. Семенова, Спб. 1890 г., т. II, стр. 630 и слѣд. — Валуевъ въ Дневникѣ своемъ называетъ Муравьева „государственнымъ хамелеономъ“ и приводитъ тому подъ 1860 г. рядъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ личныхъ сношеній съ Муравьевымъ, при которомъ онъ служилъ. Въ 1859 г., въ началѣ дѣятельности Редакціонныхъ Коммиссій, Муравьевъ былъ рѣшительнымъ противникомъ освободительной программы Ростовцева. Членъ Редакціонной Коммиссіи М. П. Позенъ, по разсчету Муравьева, долженъ былъ нанести смертельный ударъ (coup de poignard) Ростовцеву (см. *Русская Стар.*, 1891, № 8, стр. 278). Но впослѣдствіи, когда Ростовцевъ вошелъ въ полное довѣріе и силу, Муравьевъ говорилъ о немъ: быть можетъ, Богъ сохранитъ Якова Ивановича для Россіи (*Русская Старина*, 1891, № 10, стр. 149). Описывая подобострастное преклоненіе Муравьева предъ шефомъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковымъ, Валуевъ, между прочимъ, указываетъ, что не только въ словахъ и жестахъ, но въ самомъ сидѣньи вы-

II.

Предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи былъ назначенъ гр. В. Н. Панинъ, старый министръ юстиціи николаевскихъ временъ, буквоѣдъ-законникъ [15]), бюрократъ до мозга костей, формалистъ-рутинеръ (въ теченіе 30-ти лѣтъ управленія мини-

---

рилъ Муравьевъ свое подобострастіе, сидя на стулѣ en trois quarts или, по-польски, w pol dupka (*Русск. Старина,* 1891 г., № 11, стр. 416). Ханъ, бекъ, мирза, паша, мандаринъ—все, что угодно, говоритъ Валуевъ о Муравьевѣ, только не министръ (тамъ же, № 10, стр. 148). Для характеристики „дѣловитости" Муравьева Валуевъ между прочимъ пишетъ: „ген. Муравьевъ и кн. Долгоруковъ вмѣсто памятованія своихъ „принциповъ" (кавычки подлинника) робѣютъ передъ мыслью, что „могутъ сказать" (к. п.) Государю, что „они даютъ мало земли крестьянамъ" (к. п.). Они до того поверхностны и легкопядны, продолжаетъ Валуевъ, что совершенно забыли, что Коммиссія установила двѣ нормы—высшую и низшую—и сравниваютъ свою собственную норму только съ высшею, потому что она напечатана первою и имъ *виднѣе* (курсивъ подл.), чѣмъ низшая, напечатанная второй (sic — безъ всякаго преувеличенія, прибавляетъ Валуевъ въ скобкахъ). Они для исправленія проекта „грабительствующихъ", по ихъ мнѣнію, коммиссій готовы грабительствовать болѣе ихъ и обратить крайній предѣлъ эластичныхъ нормъ коммиссій въ твердую обязательную норму. Все это во имя уваженія къ правамъ собственности и заботливости объ интересахъ помѣщиковъ". (См. тамъ же, № 11, стр. 420).—Для характеристики самого автора Дневника небезынтересно слѣдующее его мѣсто. Валуевъ считалъ scandalum magnum то обстоятельство, что Панинъ, при содѣйствіи Топильскаго, Н. П. Семенова (автора н. сборника „Освобожд. крестьянъ") и К°, въ нѣсколько дней произвольно перерабатывали цифры надѣла, выработанныя Редакц. Коммиссіею путемъ сложныхъ и продолжительныхъ вычисленій (тамъ же, стр. 426). Между тѣмъ самъ же Валуевъ, „получивъ приказаніе отъ Муравьева пересоставить (по самымъ шаткимъ основаніямъ) цѣлую главу проекта Редакц. Комм., не преминулъ исполнить желаніе своего начальства и, кромѣ того, на скорую руку составилъ новую систему повинностей (тамъ же, стр. 414—415).

[15]) См. характеристическій очеркъ въ н. с. Семенова, т. II, стр. 665 и слѣд., а также въ книгѣ моей: „С. И. Зарудный и судебная реформа", стр. 9—10. Въ помянутой характеристикѣ г. Семеновъ между прочимъ упоминаетъ, что гр. Панинъ, получивъ должность министра юстиціи, взялъ двухмѣсячный отпускъ и въ это время прочелъ отъ доски до доски весь только-что вышедшій Сводъ Законовъ, а два тома (гражданскіе и уголовные законы) выучилъ *наизусть* (стр. 666). Примѣнялъ же онъ

стерствомъ гр. Панинъ не ввелъ ни одной реформы), вдобавокъ педантъ-мизантропъ, брюзга и деспотъ-самодуръ, съ которымъ личныя отношенія были крайне непріятны. Вотъ, что̀ такое былъ новый предсѣдатель! Но не эти качества были причиною того всеобщаго смущенія [16]) и неудовольствія, ко-

— — — —

законы съ сухою жестокостью истаго буквоѣда и „кнутофила“ (по мѣткому выраженію нашего ученаго г. Ровинскаго, см. ниже, главу III). На стр. 22—23 моихъ „Основъ судебной реформы“ указанъ случай, въ которомъ гр. Панинъ не согласился дать ходъ сенатскому ходатайству *о замѣнѣ* малолѣтнему преступнику 100 ударовъ розгами 50-ю, признавъ, что уже замѣною, въ силу закона, плетей розгами, чаша милосердія была исчерпана до дна.

— Будучи министромъ юстиціи, гр. Панинъ самъ давалъ взятку при совершеніи акта у крѣпостныхъ дѣлъ (см. статью Калмыкова въ *Русск. Стар.* 1888, № 12) и тѣмъ не менѣе еще въ 1862 г., т.-е. наканунѣ судебной реформы, возмущался критикою со стороны печати „его“ судовъ, жаловался по начальству, если цензора пропускали статьи, заключающія намекъ на взяточничество тогдашнихъ судей или осужденіе существовавшихъ процессуальныхъ законовъ (см. *Русск. Стар.* 1892, № 5, стр. 380).

[16]) Члены Редакц. Коммиссіи такъ были смущены, что собирались сообща подать въ отставку, отъ которой отговорилъ ихъ великій князь Константинъ Николаевичъ (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 586, 695). Выборомъ гр. Панина, богатаго землевладѣльца, очевидно имѣлось въ виду дать удовлетвореніе партіи крѣпостнической, консервативной. Уступка въ лицѣ должна была компенсировать настойчивость въ дѣлѣ проведенія крестьянской реформы въ духѣ народной или либеральной программы. Эта тактика неустойчиваго равновѣсія или окраски въ полутоны характеризовала правительственную систему и въ послѣдующее время: полтора мѣсяца спустя послѣ изданія Положеній 19-го февраля, смѣщаются внезапно главные двигатели ихъ—Н. А. Милютинъ и С. С. Ланской, и дѣло проведенія реформы передается въ руки равнодушнаго къ ней, если не прямо враждебнаго, П. А. Валуева, писавшаго записки для М. Н. Муравьева, направленныя противъ проектовъ Редакц. Комм. (см. выше, примѣч. 14). То же самое было и при судебной реформѣ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи новаго суда министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ приносится въ жертву вмѣстѣ съ главнымъ виновникомъ его открытія Н. И. Стояновскимъ. Постъ министра въ видахъ смягченія, точнѣе—извращенія духа реформы, замѣщается противникомъ судебной реформы—гр. Палепомъ.—Леруа-Больe, внимательно изучавшій наши учрежденія, въ этой двойственности видитъ главную причину неудачи нашихъ реформъ (см. н. с. его, т. II, ч. 4, а также его Un homme d'état russe, chapitre III).

торыя вызвало среди членовъ Редакціонной Коммиссіи назначеніе гр. Панина, а главнымъ образомъ репутація его, какъ завзятаго крѣпостника съ феодально-аристократическими тенденціями. Назначеніе гр. Панина считалось побѣдою реакціонной партіи, хотя, съ другой стороны, было извѣстно, что Я. И. Ростовцевъ, какъ за меньшее изъ золъ, высказался передъ своею смертью [17]) за назначеніе гр. Панина, полагая, что онъ ради карьеры не постѣснится дѣйствовать и *вопреки* своимъ политическимъ и нравственнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ [18]).

Такимъ образомъ и здѣсь повторилось то же странное явле-

---

[17]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 632—633.

[18]) Когда гр. Панинъ, убѣжденный крѣпостникъ, согласился принять постъ предсѣдателя Редакц. Коммиссіи съ обязательствомъ вести работы ихъ въ прежнемъ направленіи, т.-е. противно своимъ убѣжденіямъ, то въ объясненіе своего поведенія онъ говорилъ великому князю Константину Николаевичу слѣдующее: „у меня есть убѣжденія, *сильныя убѣжденія* (??). Напрасно иногда думаютъ противное. Но по долгу вѣрноподданнической присяги я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ Государя Императора. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣряюсь, что Государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю тотчасъ *отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ* съ тою и даже большею энергіею, какъ если-бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями". Адм. Грейгъ по этому поводу замѣтилъ: „Это самая полная защита низости, какую я когда-либо слышалъ". Другіе отозвались объ этомъ credo, прибавляетъ Валуевъ, такъ: „Панинъ былъ правъ" (см. Дневникъ Валуева, *Р. С.* 1891, № 11, стр. 150).—Гр. В. Бобринскій уклонился отъ предложеннаго ему Александромъ II званія члена Редакціон. Коммиссіи, такъ какъ было поставлено то же условіе, что и гр. Панину, а именно отказъ отъ права подачи собственнаго, отдѣльнаго мнѣнія. Когда гр. Бобринскій объяснилъ гр. Панину свой образъ дѣйствій, имѣвшій цѣлью отклоненіе отъ подписанія мнѣній, несогласныхъ съ его убѣжденіемъ, тотъ наивно возразилъ: „да это осужденіе всей моей дѣятельности. *Я всю жизнь подписывалъ вещи, несогласныя съ моими убѣжденіями*" (тамъ же, стр. 153).—Великая княгиня Елена Павловна, сильно сочувствовавшая освобожденію крестьянъ и пораженная выборомъ гр. Панина, крѣпостника, выразила свое удивленіе Государю. На это онъ отвѣчалъ: „да вы не знаете гр. Панина: его убѣжденіе — это точное исполненіе моихъ приказаній". (Leroy-Beaulieu, Un homme d'état russe. Paris. 1884, p. 56).

ніе, которое раньше замѣтно было въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, гдѣ предсѣдателемъ былъ графъ А. Ф. Орловъ, такой же завзятый крѣпостникъ, какъ и графъ Панинъ. Причину этого явленія разъясняетъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ бывшій въ 1857 г. товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ при Ланскомъ Левшинъ.

«*Пестрота* Главнаго Комитета, говоритъ онъ, несогласіе членовъ его въ воззрѣніяхъ на порученное ему дѣло и происходившее изъ того противодѣйствіе ихъ другъ другу не должны удивлять насъ: въ другомъ государствѣ, гдѣ люди *дорожатъ* своими мнѣніями и своею репутаціею, подобное собраніе лицъ не могло бы осуществиться. Бывъ назначены верховной властью къ разсмотрѣнію подобнаго дѣла, они бы прежде всего ощупали другъ друга, опросили, вывѣдали убѣжденія каждаго и затѣмъ составили бы программу дѣйствій, которую бы поднесли Государю на утвержденіе. Если бы Онъ ея не принялъ, они всѣ или частію отошли бы прочь, *почитая безчестіемъ дѣйствовать вопреки совѣсти*. Почему не сдѣлалъ того же князь Орловъ? Онъ стоялъ такъ высоко, что ничего бы не потерялъ, а напротивъ выигралъ бы въ глазахъ Государя и всей публики, если бы сказалъ: я не убѣжденъ въ своевременности освобожденія крестьянъ и потому не могу съ полнымъ усердіемъ и безпристрастіемъ двигать этого дѣла; я гожусь вамъ, Государь, на что-либо иное. Мы спрашиваемъ, почему не сдѣлалъ этого князь Орловъ или иной членъ Комитета, не раздѣлявшій мысли Государя? Потому, что въ Россіи *никто и ни отъ чего не отказывается*, никто своимъ мнѣніемъ не дорожитъ и думаетъ только, какъ угодить царю и получить за то какую-либо *награду*. Пока наши государственные люди будутъ такъ дѣйствовать, не быть добру: въ этомъ-то и заключается *корень* неустройства въ Россіи.—Сравнивая разныя лица между собою, продолжаетъ Левшинъ, можно быть еще снисходительнымъ къ человѣку, который подавляетъ свою совѣсть, отказывается отъ своихъ мнѣній, потому что ему нужно мѣсто для физическаго существованія; но можно ли тѣмъ путемъ сколько-нибудь оправдать Орлова, Панина и подобныхъ имъ? Неужели они не знаютъ, что ихъ при жизни и по смерти ожидаетъ неумолимый судъ исторіи? Такое ослѣпленіе, такое упи-

женіе и добровольная *кабала* могутъ быть объяснены только *отсутствіемъ всякой самостоятельности»* [19])...

Предоставленіе руководства дѣломъ освобожденія крестьянъ человѣку, въ душѣ ему не сочувствовавшему, но обязанному оффиціально ему содѣйствовать, создавало уже само по себѣ двусмысленное положеніе, помимо личныхъ особенностей гр. Панина. На мѣсто прежняго живаго, теплаго, сердечнаго отношенія къ «святому» дѣлу, проявлявшагося при Ростовцевѣ [20]), крестьянская реформа получала педантическій, казенный [21]), угрюмый, подозрительный, мрачный колоритъ—да, именно мрачный, и вотъ почему.

Гр. Панинъ вмѣстѣ съ высшимъ дворянствомъ [22]), вопреки

---

[19]) См. А. И. Левшина—Достопам. минуты въ моей жизни.—*Русскій Архивъ*, 1885, № 8, стр. 543—544.

[20]) Бывшій декабристъ Ростовцевъ, будучи до поѣздки своей за-границу, какъ и почти всѣ петербургскіе чиновники, диллетантомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, относился однако къ нему съ большою сердечностью. Развивая въ 1858 году въ письмахъ къ Государю свой планъ мѣстнаго крестьянскаго управленія, Ростовцевъ полагалъ, что если командировать въ провинцію нѣсколько флигель-адъютантовъ и др., то Россія будетъ *блаженствовать* (sic). Такое сочувственное отношеніе къ дѣлу (см. н. Матеріалы II, 160) приписываютъ вліянію сына Ростовцева на отца.

[21]) Первымъ дѣломъ гр. Панина, какъ только онъ сдѣлался предсѣдателемъ Редакц. Коммиссіи, было приведеніе въ ясность, въ какого рода шкафахъ хранятся дѣла, какъ они опечатаны и пр. Затѣмъ онъ приказалъ, чтобы ему были показаны „секретныя" дѣла. Ихъ не оказалось въ Коммиссіи. Но гр. Панинъ все не унимался, будучи убѣжденъ, что по изстари заведенному порядку безъ секретныхъ дѣлъ не можетъ обойтись образцовое дѣлопроизводство. Секретарь коммиссіи П. П. Семеновъ (нынѣ сенаторъ, братъ автора н. с. Осв. крест.) для успокоенія гр. Панина собралъ какія-то дѣла и назвалъ, ad majorem gloriam бюрократической техники и панинскаго ригоризма, секретными (Матеріалы, II). Это пристрастіе къ канцелярскимъ тонкостямъ не покидало гр. Панина до конца. У него хватило духу и догадливости въ такой торжественный моментъ, какъ закрытіе Редакціонной Коммиссіи, въ своей всеподаннѣйшей запискѣ подробно распространяться о числѣ писцовъ, о расходованіи оставшагося отъ нея неупотребленнымъ матеріала и т. п. столь же умѣстныхъ и интересныхъ предметахъ государственной важности. (См. н. с. Семенова, II, ч. 2, стр. 808—809).

[22]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 69.

Московский Городск... Фундамент... Библиотека... Педагогический И-т
Читальный зал... Пединститут...

мнѣнію Ростовцева, стоявшаго горою за «раціональное, а не палліативное» рѣшеніе вопроса, *боялся* народа и считалъ опаснымъ предоставить ему настоящую свободу, т.-е. освободить съ землею и совершенно упразднить помѣщичью юрисдикцію и предоставить крестьянамъ самоуправленіе. Желая затормозить крестьянскую реформу, крѣпостники частью намѣренно старались запугать высшее правительство завѣдомо преувеличенными страхами революціи вообще и народныхъ волненій въ частности, частью сами боялись ихъ bona fide [23]).

Нѣкоторое внѣшнее правдоподобіе этимъ мрачнымъ предсказаніямъ придавало то, естественно, возбужденное состояніе, въ которомъ должно было находиться и дѣйствительно находилось крѣпостное населеніе въ послѣдніе годы предъ объявленіемъ воли. Хотя значеніе этого факта совершенно неправильно истолковывалось сторонниками помѣщичьей вотчинной полиціи, но самый фактъ возбужденности населенія не подлежалъ сомнѣнію. Еще въ концѣ николаевскаго царствованія, благодаря невѣрному истолкованію указовъ 3-го апрѣля 1854 г. о морскомъ ополченіи и 29-го января 1854 года о народномъ ополченіи, были волненія во многихъ губерніяхъ, вызванныя тѣмъ, что являлась масса желающихъ поступить въ ополченіе, надѣясь этимъ путемъ добиться воли. Дѣло дошло до того, что рязанскіе крестьяне, считая мѣстныя власти подкупленными помѣщиками, собрались было идти на Москву. Вооруженные дубинами и желѣзными пиками, они на вопросъ становаго, что они за люди, отвѣчали угрозами, чтобы онъ ѣхалъ прочь, или они убьютъ его. Пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ, чтобы вернуть крестьянъ обратно. Движенія крестьянъ, хотя и не столь серьезныя, были

---

[23]) Валуевъ заноситъ въ свой Дневникъ слова М. Н. Муравьева: „На Государя нужно дѣйствовать страхомъ опасности. Не слѣдуетъ говорить, что опасность грозитъ именно отъ демократіи, а вообще нужно говорить объ опасности... Если пройдутъ заключенія Ред. Ком., я буду молчать, но *революція у насъ неизбѣжна*“. (*Р. Ст.* 1891, № 9, стр. 147). Такого же мнѣнія держался и шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ, предполагавшій революцію въ виду неудовольствія дворянства (см. *Русск. Стар.* 1891, № 14, стр. 492), а изъ Москвы въ началѣ января 1860 года доходили извѣстія, что тамъ ожидаютъ *катастрофы въ теченіе года*. (См. *Русск. Стар.* 1891, № 10, стр. 147).

также въ Пензенской, Тамбовской, Нижегородской и др. губерніяхъ [24]).

Съ новымъ царствованіемъ и въ особенности съ обнародованіемъ первыхъ рескриптовъ стала циркулировать въ народѣ масса темныхъ слуховъ, и увеличились толки о предстоящей въ скоромъ времени волѣ. «Народъ нашъ скрытенъ и легковѣренъ, писалъ оренбург. ген.-губ. въ 1859 г. Нѣтъ нелѣпаго слуха, который не могъ бы взволновать его. Въ прошломъ году цѣлыя селенія бѣжали изъ домовъ отъ страха нападенія кокандцевъ, отстоящихъ отъ волновавшихся мѣстъ болѣе, чѣмъ на 2000 верстъ. Теперь волнуютъ простолюдиновъ слухи о появленіи... антихриста. Еще въ минувшемъ мѣсяцѣ ходила молва, что въ гнѣвѣ на откупщиковъ царь позволяетъ бить кабаки, но что это только начало и что, покончивъ съ откупомъ, примутся и за помѣщиковъ» [25]).

Въ настоящее время,—писалъ тверской Комитетъ въ 1859 г.,—надежды крѣпостнаго населенія перешли въ нетерпѣливое ожиданіе. Сначала народъ считалъ оставшееся время своей неволи годами, потомъ сталъ считать мѣсяцами и скоро размѣняетъ этотъ счетъ на дни: такъ, въ продолженіе прошлаго 1858 г. повсемѣстно ходили въ народѣ слухи, что свобода будетъ объявлена въ день Свѣтлаго Воскресенья, въ день тезоименитства Государя Императора, въ Новый годъ [26]).

С. С. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своей всеподданнѣйшей запискѣ отъ 1859 г. сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ о состояніи умовъ въ народѣ вообще: «Давно уже мысль о свободѣ *волнуетъ умы* крѣпостныхъ людей. Давно уже между ними ходятъ толки, что Государь желаетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу. Съ самаго восшествія Вашего на престолъ, народная молва, время отъ времени, назначаетъ то тотъ, то другой день манифеста объ уничтоже-

---

[24]) См. н. Матеріалы, I, 80.

[25]) См. письма Катенина къ Ростовцеву во II т. н. с. Семенова, стр. 24. Въ это же время началось въ народѣ движеніе противъ пьянства, сначала поддержанное было духовенствомъ, но впослѣдствіи подавленное, благодаря происканъ откупщиковъ (см. Матеріалы, т. XI, 180).

[26]) См. Полож. тверскаго Комитета, стр. 2 Обзора основаній.

нiи крѣпостнаго состоянiя. Въ настоящее время этотъ срокъ, по общему во всѣхъ сословiяхъ, распространившемуся слуху, назначается въ день рожденiя и празднованiя совершеннолѣтiя Государя Наслѣдника» [27]).

Заслуживаетъ вниманiя та особенность этого народнаго возбужденiя, что оно съ удивительной выдержкою оставалось въ границахъ законности. Причиною этого явленiя была *гласность*, допущенная съ 1858 г. Какъ только С. С. Ланской циркуляромъ отъ 5-го февраля 1858 г. разрѣшилъ напечатанiе рескриптовъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», прекратились ходившiе дотолѣ толки о томъ, что помѣщики скрываютъ указъ о волѣ. Затѣмъ водворилось среди крестьянъ полное, небывалое дотолѣ *спокойствiе* [28]).

Считая лихорадочное возбужденiе народа болѣе или мѣнѣе доказаннымъ, либеральная и консервативная партiи, боровшiяся около крестьянской реформы, дѣлали изъ этого факта противоположные выводы. Ростовцевъ, выражавшiй мнѣнiе первой, полагалъ, что спасти Россiю отъ потрясенiй возможно только путемъ *радикальнаго* [29]) рѣшенiя крестьянскаго вопроса, т.-е. освобожденiемъ крестьянъ съ землею и съ полнымъ упраздненiемъ вотчинной полицiи, помѣщичьей власти. «Если одиннад-

---

[27]) См. т. I н. с. Семенова, стр. 832.

[28]) См. Матерiалы, I. 174—175.

[29]) Въ литературѣ, въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о радикальномъ или постепенномъ освобожденiи крестьянъ трактовался на всѣ лады. Американскiй экономистъ Кери на обѣдѣ у Донона (въ Петербургѣ) лѣтомъ 1859 г., намекая на крестьянскую реформу, въ назиданiе своихъ слушателей говорилъ такъ: „Будемъ учиться у природы. Когда она желаетъ добра человѣку—дѣйствуетъ постепенно: она ниспосылаетъ росу, лѣтнiе дожди, солнечное тепло. Когда она стремится къ разрушенiю, дѣйствуетъ разомъ: таковы бури, землетрясенiя". На это кн. Черкасскiй отвѣчалъ: „Женщина беременна въ теченiе 9 мѣсяцевъ, а разрѣшается отъ бремени въ нѣсколько часовъ" (см. *Русск. Стар.* 1891, № 9, стр. 556). Не лишено назидательности, что однимъ изъ самыхъ горячихъ *поборниковъ радикализма* былъ въ это время М. Н. Катковъ въ своемъ *„Русскомъ Вѣстникѣ"*. *Всякое уклоненiе и замедленiе* въ подобномъ дѣлѣ, какъ освобожденiе, писалъ Катковъ, когда оно почувствовано и заявлено, *пагубно* для всѣхъ сторонъ и для самого общества *Русск. Вѣстн.* 1860, февраль).

цать (съ женщинами двадцать два) милліоновъ жителей, писалъ Ростовцевъ Александру II [30]), тѣшимые въ продолженіе двухъ лѣтъ надеждою на свободу и на улучшеніе своего состоянія, будутъ *обмануты*, разочаруются, потеряютъ довѣріе и любовь къ верховной власти и неисполненіе своихъ ожиданій припишутъ, разумѣется, своимъ помѣщикамъ, то Россія не будетъ спасена» [31]).

Въ подтвержденіе той мысли, что разрѣшеніе крестьянской реформы не усилитъ, а уничтожитъ возбужденіе умовъ въ народѣ, либералы ссылались также и на данныя уголовной статистики. Въ 40-хъ годахъ были особенно часты убійства крестьянами ихъ господъ: въ одной изъ западныхъ губерній въ теченіе двухъ лѣтъ было одиннадцать убійствъ. Незадолго предъ освобожденіемъ крестьянъ, какъ только пронесся первый слабый благовѣстъ о предстоящей волѣ, убійства вовсе прекратились, несмотря на сильное возбужденіе умовъ: до поднятія крестьянскаго вопроса среднее число убійствъ помѣщиковъ въ годъ было 13, послѣ же объявленія рескриптовъ не было ни одного случая убійства [32])...

Словомъ, боязнь передъ народнымъ движеніемъ, которое было возможно, особенно благодаря обостренію мѣстами отношеній между помѣщиками и крестьянами предъ самымъ ихъ освобожденіемъ, побуждала либераловъ торопиться удовлетвореніемъ народныхъ требованій, справедливость коихъ была для нихъ очевидна и удовлетвореніемъ коихъ «сверху» они полагали уничтожить поводъ къ волненіямъ «внизу». Такому спасительному страху «кающагося дворянина», страху передъ совѣстью, такому историческому «стыду» или трепетному уваженію къ справедливости обязаны своимъ происхожденіемъ многія реформы и въ другихъ странахъ [33]).

---

30) См. письмо отъ 23 октября 1859 въ прилож. 4, т. II н. с. Семенова, стр. 929.

31) Съ членами Редакц. Коммиссіи Ростовцевъ былъ еще откровеннѣе и прямо указывалъ, что въ случаѣ обезземеленія крестьянъ Россіи грозитъ „пугачевщина“. См. прот. зас. 23 ноября 1859 г. въ кабинетѣ больнаго Ростовцева, стр. 254 н. с. Семенова, т. II.

32) См. н. Матеріалы, I, 174.

33) О „страхѣ“, какъ средствѣ нравственнаго воздѣйствія на права-

Не таковъ былъ источникъ и смыслъ «паническаго» [34]) страха, обуявшаго крѣпостниковъ сверху до низу. Это не былъ тотъ нравственный страхъ или страхъ божій, въ которомъ, по слову писанія, заключается начало премудрости. Страхъ крѣпостниковъ былъ простой эгоистическій, «шкурный» страхъ за утраты возмутительной привилегіи на личность и трудъ «крещенной собственности». Они хорошо знали, что крѣпостное право, лишенное всякаго нравственнаго содержанія, держалось исключительно на насиліи и страхѣ. Закоренѣлыхъ крѣпостниковъ бралъ ужасъ при мысли о Немезидѣ, при мысли о томъ, что станетъ съ этимъ «звѣремъ» [35]), какъ они считали своихъ крѣпостныхъ, когда его спустятъ съ цѣпи? А ну какъ онъ пойдетъ сводить свои старые счеты?! Но и болѣе благодушные помѣщики, будучи плохо знакомы съ дѣйствительнымъ настроеніемъ народа, боялись производить освобожденіе народа одновременно по всей Россіи [36]).

Опытъ съ гласностью, сдѣланный въ 1858—1859 г. и внесшій успокоеніе въ народныя массы, взволнованныя первыми темными слухами о предстоящей волѣ, послужилъ ободряющимъ образомъ на умѣренную часть дворянства [37]). Но непримиримая

щія сферы, Шериданъ еще въ прошломъ столѣтіи высказалъ слѣдующія интересныя соображенія: „При объединеніи (митингами) общественнаго мнѣнія съ цѣлью воздѣйствія на палату общинъ у насъ никогда не было намѣренія производить это воздѣйствіе путемъ насилія или возмущенія; но собранія эти, конечно, разсчитаны были на то, чтобы возбудить въ палатѣ общинъ нѣкоторый страхъ предъ ними и ихъ занятіями, не вредный страхъ, а *трепетное уваженіе*, которое палата общинъ обязана оказывать справедливымъ чувствамъ народа, когда эти чувства собраны и выражены". См. В. Дерюжинскій — Митинги въ Англіи. *Вѣстникъ Европы*. 1893, № 2, стр. 599.

34) См. Записку Левшина, 484.

35) См. тамъ же, 499.

36) Болѣе искренніе изъ сторонниковъ постепеннаго освобожденія впослѣдствіи сами сознавались въ своей ошибкѣ. „Теперь, писалъ Левшинъ въ 1860 г., вижу, что *я ошибался* и не подозрѣвалъ въ народѣ русскомъ того терпѣнія и благоразумія, съ которымъ онъ ожидаетъ рѣшенія своей участи".—См. тамъ же, 510.

37) Помѣщики пожилые, пишетъ г. Еленевъ, весь свой вѣкъ проведшіе съ крестьянами, признавались потомъ, что они не ожидали отъ нихъ такого спокойствія и самообладанія. См. н. бр., 55.

вражда неисправимыхъ враговъ свободы не поколебалась. Напротивъ, именно такое, исполненное удивительнаго такта и самообладанія, выжидательное положеніе народа, составлявшее поразительный контрастъ сравнительно съ поведеніемъ потерявшаго голову, метавшагося дворянства, крѣпостникамъ казалось подозрительнымъ. Для друзей же свободы этотъ спокойный, но грозный, какъ судьба, многочисленный крѣпостной народъ, въ внушительномъ молчаніи ждавшій уничтоженія рабства и возврата себѣ человѣческихъ правъ, былъ по-истинѣ прекрасенъ...

Рѣдко когда въ исторіи можно встрѣтить картину, равную по силѣ и назидательности этой картинѣ 23-хъ милліоннаго народа, въ сосредоточенномъ безмолвіи ждущаго свободы и, несмотря на трехвѣковое безправное положеніе свое, не утратившаго еще вѣры въ силу права и правды!

Какимъ-то особымъ милостивымъ чудомъ исторіи, вообще столь суровой, какъ и природа Россіи, къ русскому народу, онъ сохранилъ, несмотря на господство кулачнаго права, едва тлѣющую искру правды; онъ сберегъ, несмотря на извращающее и развращающее дѣйствіе крѣпостнаго права и свое полное безправіе, трогательную, инстинктивную вѣру въ конечное торжество справедливости. Какъ ни часто дотолѣ обманывала его эта наивная дѣтская вѣра, но на сей разъ эти милліоны обездоленныхъ, обезличенныхъ рабовъ, словно смердящій Лазарь наканунѣ воскрешенія, почуявъ близость и неизбѣжность своего нравственнаго возрожденія, спокойно ждали великаго дня воли, будучи убѣждены въ его неотвратимости. Народъ, низведенный на степень «крещенной собственности», своею сдержанностью, своимъ безукоризненнымъ, среди общаго замѣшательства и суматохи, поведеніемъ, свидѣтельствовалъ свою твердую вѣру, что сила не въ силѣ; онъ какъ бы приглашалъ своимъ терпѣливымъ ожиданіемъ давно желаннаго часа свободы къ «покаянію», къ признанію, наконецъ, всей чудовищности владѣнія «душами», безотчетнаго предоставленія, съ самаго рожденія, человѣка безотчетному произволу человѣка же. Повѣствуя объ этомъ торжественномъ канунѣ свободы, г. Еленевъ говоритъ: «Это былъ звукъ трубы Архангела, возвѣстившій милліонамъ *мертвецовъ*, что приближается день воскресенія, что восходитъ звѣзда утренняя,

предваряющая солнце свободы; отъ этой вѣсти не только дрогнули сердца двадцати милліоновъ живыхъ мертвецовъ, но, казалось, взыграли кости поколѣній, давно уже уснувшихъ въ могилахъ; то были неизбвенныя, святыя минуты въ русской исторіи, подобныя тѣмъ, когда въ ночь предъ пасхальной заутреней, русскій народъ въ благоговѣйномъ безмолвіи ждетъ удара колокола и первыхъ звуковъ священной пѣсни воскресенія» [38])...

Каково же было впечатлѣніе этого вѣщаго звука колокола,— звавшаго живыхъ (vivos voco!) и воскресавшаго мертвыхъ—на тѣхъ, отъ которыхъ зависѣло имъ даровать жизнь, на дворянство?... Меньшая часть его, небогатое, но развитое образованное, либеральное дворянство пошло и по влеченію сердца, и по правильно понятому политическому разсчету на встрѣчу свободѣ и необходимымъ жертвамъ, за то крупное землевладѣніе и чиновная знать, частью по историческому недоразвитію, частью по соображеніямъ узкаго себялюбія считала и выставляла крѣпостное право оплотомъ не только своего матеріальнаго благополучія, но и государственной силы и порядка [39]), причемъ этотъ симпатичный, народъ безмолвствующій, но твердо, единодушно, какъ одинъ человѣкъ, требующій отмѣны рабства,—хотя и безъ всякаго насилія и безчинства (къ сожалѣнію многихъ) — внушалъ высокопоставленнымъ крѣпостникамъ не жалость, а неопреодолимый страхъ вплоть до самаго кануна объявленія воли.

Не будучи въ силахъ предотвратить нависшій ударъ судьбы корифеи крѣпостниковъ; прежде всего, занялись «шкурными» вопросами и старались обдѣлать личныя дѣлишки [40]), а затѣмъ хоть на время затормазить или извратить дѣло свободы. Не вызвавъ еще духа свободы крѣпостники уже стремились заклясть его, не даровавъ еще свободу, они уже принимали мѣры къ «обузданію» ея при помощи «ежевыхъ рукавицъ!» Они полагали, что предоставленіе свободы народу, въ теченіе многихъ вѣковъ жившему подъ крѣпостнымъ игомъ, должно опьянить его, вскружить ему голову и повести къ волненіямъ,

---

[38]) См. н. бр. Еленева, 55.

[39]) См. бр. Еленева, 33.

[40]) Предсѣдатель Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, князь А. Ф. Орловъ, какъ сообщаетъ Левшинъ „занимался заложеніемъ сво-

то и прямо къ анархіи, а потому стояли за постепенность свобожденія (кн. Меншиковъ проектировалъ 75-ти лѣтній срокъ, ругіе полагали свободу даровать хорошимъ ученикамъ, въ видѣ аграды), за сохраненіе хотя части прежней помѣщичьей юрисикціи, за освобожденіе безъ земли...

По убѣжденіямъ своимъ графъ Панинъ, до назначенія его предѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи, принадлежалъ къ этой крѣостнической партіи, тогда какъ огромное большинство Коиссіи, въ составѣ которой продолжали оставаться главные ея дохновители и руководители: Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьвъ, а также Ю. Ѳ, Самаринъ и кн. В, А. Черкасскій продолали держаться програмы либеральной «западнической», усвонной, послѣ нѣкотораго колебанія, и славянофилами [41]).

Какой образъ дѣйствій усвоитъ новый предсѣдатель при исолненіи своей трудной миссіи? Личный тактъ, умѣнье ладить ъ людьми и привлекать ихъ своею обходительностью и доброушіемъ могли бы нѣсколько облегчить щекотливую роль гр. Паина, поставленнаго, въ качествѣ предсѣдателя въ положеніи бязательнаго посредника для установленія, между борющимися артіями, примирительныхъ компромиссовъ. Но именно личныя ачества его такъ мало соотвѣтствовали подобной роли, что оложеніе его въ Коммиссіи во все время ея существованія было есьма неблагодарное и тяжелое, иногда комичное, а подчасъ ростo невыносимое, даже унизительное.

Типичный представитель старой бюрократической системы, зучавшій жизнь только сквозь призму бумажнаго производства чрезъ окно своего кабинета (онъ даже съ своимъ alterego опильскимъ сносился занумерованными бумагами), гр. Панинъ здругъ сталкивается съ столь труднымъ и сложнымъ вопро-омъ [42]), какъ крестьянскій. Магнатъ-деспотъ, привыкшій всю

ихъ и жены своей имѣній (конечно, „съ душами“) въ Опекунскій Совѣтъ, ѣмъ возбудилъ всеобщій страхъ; во всей Россіи о томъ говорили и пѣшили подражать ему“. См. Достоп. мин. въ моей жизни, записку А. И. Левшина въ *Русскомъ Архивѣ*. 1885, № 8, стр. 499.

[41]) См. Письма И. С. Аксакова т. III, стр. 291.

[42]) Иногда членамъ Коммиссіи стоило неимовѣрныхъ усилій разъяснить Панину самые незамысловатые практическіе вопросы см., напр., стр. 728—

жизнь смотрѣть на людей только съ точки зрѣнія «кастовыхъ» отличій, развѣтвленій генеологическаго дерева и табели о рангахъ [43]), привыкшій слышать около себя одно лишь подобострастное: «такъ точно!» — вдругъ лицомъ къ лицу сталкивается, въ составѣ Редакціонной Коммиссіи, съ людьми новаго образа мыслей и дѣйствій, которые вовсе не спѣшатъ выставить на показъ свою политическую и нравственную пустопорожность, не возводятъ въ принципъ свои молчалинскія добродѣтели, а напротивъ осмѣливаются горячо отстаивать свои убѣжденія. Человѣкъ, считавшій согласнымъ съ честью мѣнять свои «убѣжденія» по соображеніямъ личной выгоды, по мѣрѣ надобности начальства и въ свою очередь превращавшій своихъ приближенныхъ въ обезличенныя, истертыя пѣшки запуганной и безотвѣтной исполнительности, — вдругъ на старости лѣтъ узнаетъ, что не только между «порядочными» людьми «высшей касты» [44]) (т.-е. богатыми аристократами), но и между небогатыми людьми, съ маленькими чинами и даже безъ чиновъ, встрѣчаются лица независимыя, съ твердыми, дорогими для нихъ убѣжденіями, которыхъ они не приносятъ въ жертву соображеніямъ карьеры или рабской угодливости. Эти «смѣльчаки» дерзаютъ говорить «нѣтъ!» тамъ, гдѣ гр. Панинъ говоритъ «да!», и наоборотъ. Ему, привыкшему говорить и слышать только подобострастное «слушаю-съ», кажется, что онъ ослышался... Онъ вторично развиваетъ свои предложенія, заявляетъ громкимъ голосомъ свои требованія и что же?— о, ужасъ!—члены Коммиссіи дерзаютъ спорить, вторично не со-

---

729 н. с. Семенова, т. II. «Гр. Панинъ, пишетъ г. Семеновъ, какъ будто никогда не предвидѣлъ, что къ исполненію *имъ самимъ* (o, altitudo!) задуманнаго могутъ встрѣтиться препятствія, и даже по объясненіи ему дѣла съ практической стороны, никогда не могъ представить себѣ указанныхъ препятствій» (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 672).

[43]) О дореформенномъ времени Валуевъ въ Дневникѣ пишетъ: Россія тогда кончалась XIV классомъ. Ниже этой степени, кромѣ солдатъ, которые имѣли коллективное, машинное значеніе, и купцовъ, представлявшихъ родъ промышленной прислуги, *ничего* не было—только *скорлупа*, въ которой вмѣщалось 14-ти-гранное зерно. *Русск. Стар.* 1891, № 11, стр. 325.

[44]) См. выше примѣч. 18 о разговорѣ гр. Панина съ гр. Бобринскимъ.

глашаются съ нимъ — съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, съ его сіятельствомъ графомъ В. Н. Панинымъ самимъ [45])!...

Диву долженъ былъ даться этотъ злой чудакъ-мизантропъ, этотъ сѣдоволосый младенецъ, — проведшій всю жизнь среди бумагъ и искавшій эквивалента семейныхъ радостей и общественныхъ развлеченій въ кругу попугаевъ «порѣчистѣе», говорившихъ какъ люди, и людей «посмирнѣе, говорившихъ какъ попугаи, въ родѣ его правой руки М. И. Топильскаго [46]), — когда судьба столкнула его съ независимыми людьми новаго типа, которые не только высокопоставленнаго предсѣдателя не слушаются и не боятся, но даже, — horribile dictu! — и отъ орденовъ отказываются [47]). Словно впервые, послѣ сорокалѣтней госу-

---

[45]) Съ особенною силою сказалось это въ засѣданіяхъ 6 и 8 апрѣля, когда гр. Панинъ употреблялъ страшныя усилія, чтобы сломить сопротивленіе Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина и кн. В. А. Черкасскаго и солидарнаго съ ними большинства и добиться отмѣны рѣшеннаго при Ростовцевѣ *кореннаго* вопроса о *безсрочности* пользованія крестьянами землею до выкупа ея. Непосредственно подчиненный гр. Панину оберъ-прокуроръ Н. М. Любощинскій († 1890 г.) ни однимъ словомъ не поддержалъ своего раздраженнаго оппозиціею начальника. Зато самымъ горячимъ сторонникомъ его мнѣнія выступилъ другой оберъ-прокуроръ, Н. П. Семеновъ, авторъ цитируемой не разъ книги, котораго кн. Черкасскій упрекнулъ тогда же въ отступленіи отъ прежняго взгляда. — Несмотря на сухость протоколовъ г. Семенова объ этихъ засѣданіяхъ, и въ нихъ достаточно отражается незавидная роль гр. Панина (см. т. III н. с. Семенова, стр. 2 — 23 и 69 — 85). Г. Семеновъ и теперь усиливается оправдать гр. Панина, по лучшимъ доказательствомъ тому, что со стороны гр. Панина это было сознательное стремленіе повернуть дѣло вспять, служитъ отмѣтка въ дневникѣ Валуева отъ 6 апрѣля 1860 г.: „гр. Панинъ, пишетъ онъ, хотѣлъ *опрокинуть* начало постояннаго пользованія, но долженъ былъ уступить“ (см. Русск. Стар. 1891, № 11, стр. 394).

[46]) См. характеристику Панина въ назв. соч. Семенова, т. II, стр. 672. Приближенные графа Панина въ сношеніяхъ съ нимъ не только теряли всякую свободу мнѣнія, но даже до нѣкоторой степени и *чувство человѣческаго достоинства* (см. разговоръ Н. П. Семенова съ гр. Панинымъ въ н. с. Семенова, т. II, стр. 692).

[47]) М. И. Сухомлиновъ напечаталъ письмо къ графу Панину Ю. Ѳ. Самарина, при которомъ онъ возвратилъ пожалованный орденъ Владиміра 3 ст., ссылаясь на то, что принятіе ордена можетъ дать поводъ къ не-

дарственной «кабалы», гр. Панинъ вышелъ изъ душной атмосферы бюрократической теплицы на вольный воздухъ дѣйствительной жизни и впервые въ Редакціонной Коммиссіи увидѣлъ людей, безъ преломленія ихъ сквозь призму табели о рангахъ и гербовника. Тутъ-то у него вырвалась знаменательная, историческая фраза: «нѣтъ, надо признаться, время тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошло безвозвратно» [48]).

Впрочемъ, и помимо личныхъ качествъ новаго предсѣдателя, самая неопредѣленность и шаткость крестьянскаго дѣла въ 1860 г. создавали «переходное состояніе» [49]), съ которымъ не легко было бы справиться даже человѣку болѣе практичному, проницательному, дальновидному и обходительному, нежели гр. Панинъ.

Съ одной стороны графу оказывалось верховною властью «непостижимое довѣріе» [50]) (въ видѣ уступки окружающимъ лицамъ), съ другой—Государемъ повелѣно было ему *охранить* прежнее направленіе [51]) въ работахъ Редакціонной Коммиссіи коей члены оказывали предсѣдателю своему упорное сопротивленіе. Единомышленники гр. Панина съ своей стороны требовали, чтобы онъ положилъ преграду слишкомъ далеко зашедшимъ друзьямъ «Колокола» [52]) т.-е. членамъ Редакціонной Коммиссіи, которыхъ соратникъ гр. Панина М. Н. Муравьевъ называлъ, безъ обиняковъ, «грабителями» [53]).

правильному истолкованію дѣятельности его по крестьянской реформѣ. (см. *Истор. Вѣстн.* 1885, № 1, стр. 77—79).

48) См. Матеріалы, II, 189.

49) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 693.

50) Такъ именно отмѣчаетъ Валуевъ въ своемъ Дневникѣ 12 декабря 1860 г., (см. *Р. С.* 1891, № 11. стр. 424).

51) Подробныя колебанія продолжались до конца реформы. Послѣ смерти Ростовцева Государь полагалъ, что проектъ Редакц. Коммиссіи можетъ быть измѣненъ „только въ подробностяхъ“ (см. н. с. Семенова, стр. 634), по окончаніи же ея работъ при пріемѣ членовъ Редакціонной Коммиссіи Государь заявилъ: проекты ея „вѣроятно будутъ подлежать значительнымъ измѣненіямъ“ (см. Дневникъ Валуева *Р. С.* 1891, № 11, стр. 410). Въ Высочайшихъ резолюціяхъ на докладѣ гр. Панина, вызванномъ его столкновеніемъ съ большинствомъ Редакціонной Коммиссіи, есть также нѣкоторая неясность и противорѣчія (см. стр. 491 и 193, т. III, ч. 1. н. с. Семенова).

52) См. н. Матеріалы, II.

53) См. *Русск. Стар.* 1891, № 11, стр. 410.

Каковъ же былъ путь, избранный г. Панинымъ? Во вступительной рѣчи своей онъ заявилъ себя довольно примирительно, указавъ на то, что дворянская партія «нерѣдко опро́метчиво и неосновательно укоряла Редакціонную Коммиссію». Онъ даже употребилъ такую фразу: «за крестьянъ между нами нѣтъ представителей, и потому намъ самимъ предстоитъ *отстаивать* ихъ» [54]).

Была ли эта рѣчь со стороны гр. Панина дипломатическимъ маневромъ или сказалась въ ней хорошо извѣстная всѣмъ его приближеннымъ черта — безтолковость, способность не согласовать посылокъ съ заключеніемъ [55]), — но только послѣдующее поведеніе графа не вполнѣ согласовалось ни съ этимъ обѣщаніемъ, ни съ вышеупомянутою его profession de foi объ исполненіи воли Государя.

Въ первыхъ же засѣданіяхъ Редакціонной Коммиссіи гр. Панинъ дѣлалъ попытки добиться отъ нея *существеннаго измѣненія* постановленій, принятыхъ при Ростовцевѣ [56]); но когда такія попытки разбились о стойкое противодѣйствіе членовъ ея, предводимыхъ Н. А. Милютинымъ, гр. Панинъ сталъ отстаивать частичныя выгоды въ пользу помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ. Видя безплодность своихъ усилій, гр. Панинъ, у котораго отношенія съ большинствомъ членовъ дѣлались все болѣе и болѣе натянутыми, сталъ, въ качествѣ тонкаго казуиста, прибѣгать ко всевозможнымъ способамъ оттяжки дѣла. Пренія затягивались, протоколы задерживались недѣлями, засѣданія назначались въ дни, неудобные для членовъ, и даже протоколы «исправлялись» въ духѣ предсѣдателя. Но пришлось отказаться и отъ этой системы подтасовокъ, такъ какъ члены уклонялись подписывать протоколы, не соотвѣтствовавшіе дѣйствительности. Когда однажды такой маневръ былъ выведенъ Н. А.

---

54) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 698.

55) Г. Семеновъ, относящійся къ гр. Панину съ большимъ уваженіемъ, между прочимъ о немъ пишетъ: послѣ обстоятельнаго разбора чужихъ мнѣній гр. Панинъ иногда приходитъ къ такому *неожиданному* заключенію, что связать его съ тѣмъ, къ чему онъ клонилъ, не было никакой возможности (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 672).

56) Помимо указанныхъ выше апрѣльскихъ засѣданій, см. еще засѣданіе 5 марта 1860 года, гдѣ рѣчь шла о выкупѣ дворовыхъ) см. н. с. Семенова, т. II, стр. 805).

Милютинымъ на свѣжую воду, уязвленный гр. Панинъ поблѣднѣлъ и задыхаясь сказалъ: «такъ это, значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! Это случается со мною въ первый разъ въ моей жизни»[57])... Отъ системы проволочекъ пришлось также оказаться въ виду прямаго предписанія Государя окончить работы къ октябрю 1860 г. Только впослѣдствіи въ Главномъ Комитетѣ гр. Панину удалось провести довольно существенныя измѣненія въ проектѣ Редакціонной Коммиссіи, при чемъ, вопреки первоначальному намѣренію [58]), допущенъ былъ даже т. н. сиротскій или гагаринскій надѣлъ. Въ Главномъ Комитетѣ гр. Панинъ игралъ очень двусмысленную роль, набросивъ тѣнь на правильность цифръ поземельнаго надѣла, выведенныхъ подъ его же предсѣдательствомъ Редакціонной Коммиссіей [59]).

Закрытіе Редакціонной Коммиссіи происходило при тяжелой обстановкѣ (столкновеніе между большинствомъ и членомъ ея, агентомъ Муравьева, Булыгинымъ, намѣренно затягивавшимъ

---

[57]) См. н. с. Иванюкова, стр. 378.

[58]) На письмѣ Паскевича къ Государю противъ того мѣста, гдѣ говорилось о правѣ крестьянъ отказаться отъ земли, на полѣ Государь отмѣтилъ: „и тогда помѣщики будутъ гонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру“, см. *Р. С.* 1891, № 10, стр. 145—146.

[59]) Въ Дневникѣ своемъ (см. *Русск. Старина* 1891, № 11, стр. 417) подъ 19-мъ ноября 1860 г. Валуевъ пишетъ: „Въ сегодняшнемъ засѣданіи Главнаго Комитета была рѣчь о цифрахъ Редакціонной Коммиссіи. Ген. Чевкинъ принялъ на себя защиту этихъ цифръ. Ген. Муравьевъ и кн. Гагаринъ оспаривали ихъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ горячо за Коммиссію заступался. Гр. Панинъ, бывшій шесть мѣсяцевъ предсѣдателемъ Коммиссіи, объявилъ, что цифры *невѣрны*, къ дѣлу непригодны и правительствомъ объявлены быть не могутъ“. Между тѣмъ, вотъ что говорилъ самъ гр. Панинъ въ одномъ изъ засѣданій Редакціонной Коммиссіи о своей будущей ролѣ въ Главномъ Комитетѣ: „Я человѣкъ *честный*, заявлялъ онъ въ засѣданіи 16 апрѣля, я не хочу говорить здѣсь одно, а потомъ дѣлать другое. Подписывать журналъ въ одномъ смыслѣ, а защищать въ Главномъ Комитетѣ мое мнѣніе въ другомъ направленіи — я считаю *безчестнымъ*“ (см. н. с. Семенова, т. III, стр. 73 — 74). Не лишнее къ этому добавить, что въ разговорахъ съ своимъ приближеннымъ М. И. Топильскимъ гр. Панинъ говорилъ иначе: „Въ Редакц. Комм. я всего говорить не могу. Мнѣ необходимо для Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта оставить *зады*“ (см. н. с. Семенова, т. III, стр. 431).

дѣло, согласно данной инструкціи, приняли подъ конецъ крайне острый характеръ, чуть не приведшій къ дуэли), совершенно не сходной съ открытіемъ ея. Предсѣдатель Коммиссіи, гр. Панинъ, который даже не подавалъ руки ея членамъ, вовсе не явился на церемонію закрытія. Помимо его, исходатайствована была С. С. Ланскимъ для членовъ Коммиссіи аудіенція у Государя, при которой однако Ланской, явившійся со спискомъ членовъ Редакціонной Коммиссіи, былъ игнорированъ, и благодарность, хотя и довольно сухо, была выражена гр. Панину, нажаловавшемуся Государю на дѣйствія Ланскаго.

При столь печальной обстановкѣ [60]) закрылась Редакціонная Коммиссія, которая съ такою бодростью и радостными надеждами приступала въ 1859 г. къ дѣлу подъ воодушевленнымъ предводительствомъ своего знаменитаго предсѣдателя! Какъ измѣнились времена въ этотъ небольшой промежутокъ времени! Но еще болѣе разительна была перемѣна въ лицахъ, дававшихъ ходъ дѣлу и налагавшихъ на него свой отпечатокъ. Когда Ростовцевъ получилъ увѣдомленіе о Высочайшемъ назначеніи на должность, съ оговоркою, «*если* онъ согласится принять эту

---

[60]) См. *Р. Ст.* 1891, № 11, стр. 410. Въ самомъ составѣ Редак. Комм. подъ конецъ ея занятій столкновенія между большинствомъ и замаскированными крѣпостниками стали учащаться, особенно съ однимъ изъ нихъ съ чиновникомъ Муравьева г. Булыгинымъ, который, слѣдуя инструкціи своего начальства, разсчитывалъ затормозить крестьянскую реформу посредствомъ пріемовъ „доморощеннаго обструкціонизма“, а именно:—gisi-bile dictu!—отказомъ въ содѣйствіи межевщиковъ, подчиненныхъ Муравьеву. — Пылкій, благородный другъ народа Милютинъ сказалъ Муравьевскому агенту: „Ваши дѣйствія неблаговидны; я знаю, что вы хотите только *подслужиться* извѣстному лицу вашимъ мнѣніемъ и сдѣлать вредъ коммиссіямъ. Членамъ ихъ нельзя этого допустить изъ чувства самосохраненія. Какъ вы служили 30 лѣтъ, не знаемъ; но все, что вы написали противъ коммиссій, дѣлаетъ васъ *недостойнымъ* быть въ средѣ ихъ членовъ“. Дѣло чуть не дошло до дуэли.—Окончательную редакцію Положеній не могли прослушать въ общемъ присутствіи, не была даже просмотрѣна еще послѣдняя корректура, какъ уже закрыли 10 октября Коммиссію. Просили отсрочки на нѣсколько дней, но послѣдовалъ отказъ. При закрытіи Коммиссіи наравнѣ съ членами ея, государственными дѣятелями, выражено было благоволеніе—и тутъ виденъ гр. Панинъ!—и канцеляріи, которой почти не было вовсе (см. н. сб. Семенова, 2 ч., III т., стр. 738 и слѣд.).

обязанность на себя», — онъ отвѣчалъ кн. А. Ф. Орлову въ слѣдующихъ выраженіямъ: «принимаю я на себя не съ согласіемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и чувствомъ долга». «*Съ молитвою* къ Богу, чтобы онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя. *Съ благоговѣніемъ* къ Государю, удостоившему меня такого *святаго* призванія. *Со страхомъ* предъ Россіею и предъ потомствомъ, съ *чувствомъ долга* предъ своею совѣстью» [61]).

Относясь такъ серьезно и сердечно къ своей трудной, но благородной миссіи, Ростовцевъ всецѣло сталъ за радикальное и за неуклонно-послѣдовательное [62]) рѣшеніе крестьянскаго вопроса, требуемое государственною пользою. «Если при этомъ иногда, при столкновеніи интересовъ дворянъ съ интересами крестьянъ, вѣсы наклонялись (?) въ пользу послѣднихъ, то это дѣлалось, какъ объяснилъ Ростовцевъ въ письмѣ къ Государю, потому, что наклонить *потомъ* (курсивъ подлинника) отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ будетъ и *много охотниковъ* [63]), и *много силы*» (к. п.). Такое теплое, симпатичное, сердечное, братское отношеніе къ дѣлу, къ «святому дѣлу», такую вѣру въ него сохранялъ Ростовцевъ *до конца своихъ дней*. Послѣднюю свою, продиктованную уже на смертномъ одрѣ, записку къ Государю заканчивалъ онъ слѣдующими бодрыми словами: «въ настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества, полный тѣхъ же *надеждъ* и той же *теплой вѣры*, которыя васъ, Государь, никогда не покидали» [64]). Послѣднія слова Ростовцева, обращенныя къ Государю во время агоніи, были: «Государь, не бойтесь!...»

Вѣра въ животворящую силу свободы, жалость, любовь къ народу, гуманность и уваженіе къ «святѣйшему изъ званій—человѣкъ»—вотъ что двигало дѣло освобожденія, доведенное благополучно до конца правительствомъ, несмотря на упорное противо-

---

[61]) См. н. с. Семенова, т. I, стр. 48. Письмо Ростовцева къ Орлову.

[62]) Далъ бы Богъ, писалъ Ростовцевъ Государю 25 сентября 1857 г., „не упасть духомъ, вести дѣло ровно, спокойно, безъ треволненій внѣшнихъ“ (см. н. с. Семенова, т. II, 913).

[63]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 932.

[64]) Тамъ же, стр. 993.

е властныхъ сферъ, лишь благодаря просвѣщенной ини-
прогрессивной печати и дружной поддержкѣ либераль-
ѣственнаго мнѣнія [65]):

Не ты-ли одно все свершило,
Святое, горячее сердце?

но такой вѣры, такого человѣчнаго, сердечнаго отношенія
, «къ святому дѣлу» не было и не могло быть у преемника
ева, гр. Панина. Онъ не вѣрилъ въ дѣло, порученное его
ству. Онъ могъ исполнять навязанную ему постылую, не-
чную обязанность только съ тою казенною готовностью,
съ тою кислосладкою гримасою исполнительнаго рути-
оторый привыкъ ради угожденія начальству faire bonne
mauvais jeu! Мало того. Въ отличіе отъ Ростовцева,
й, послѣ тщательнаго изученія и уясненія крестьянскаго
искренно сознавалъ ошибочность своихъ взглядовъ и
лъ отъ нихъ, преемникъ его застывалъ безповоротно,
браженіямъ далеко не почтеннаго упрямства, въ своихъ
атическо-кастовыхъ воззрѣніяхъ. Самонадѣянный педантъ,
ный въ своей непогрѣшимости, самовластный бюрократъ,
инъ, какъ истый Титъ Титычъ въ мундирѣ, способенъ
несмотря на свое прекрасное знаніе классической лите-
, забыть классическое правило—nullius nisi insipientis in
perseverare,—и скорѣе съ тупымъ упрямствомъ отстаи-
зое произвольное мнѣніе и оправдывать свою ошибку,
поколебать догматъ своей непогрѣшимости [66]).

. Лероа-Больe L'homme etc., стр. 53.
жно бы составить назидательный и веселый томикъ изъ случа-
явленія у гр. Панина нелѣпаго педантизма, упрямаго самодурства,
въ изобиліи разсыпаны и въ характеристикахъ, написанныхъ
ему преданными. Приведу два-три. — Въ 20-хъ годахъ гр Па-
стоялъ секретаремъ при русскомъ посольствѣ въ Мадридѣ. Дѣла
никакого, но движимый усердіемъ къ службѣ гр. Панинъ самъ
лъ для себя такое „дѣло“. Въ назначенные имъ самимъ дни не-
ялся онъ съ подушкою въ пріемную посольства и оставался тамъ
утки, не раздѣваясь на ночь, и лишь утромъ слѣдующаго дня
нялъ себя съ дежурства.—Немногіе смѣльчаки рѣшались разъ-
р. Панину допущенныя имъ ошибки; но и тогда, когда онѣ были
ы, никогда онъ не соглашался исправить ихъ. Нужно было выдать

Если таковъ былъ гр. Панинъ въ обычной своей служебной дѣятельности, въ крестьянскомъ вопросѣ, помимо личныхъ не-

деньги Деноткину, а въ резолюціи Панина по ошибкѣ оказалась фамилія Демонтовичъ. Когда разъяснена была эта ошибка, гр. Панинъ изрекъ такую резолюцію, достойную героевъ Островскаго: „Деноткинъ то же, что Демонтовичъ. Выдать г. Деноткину по ходатайству г. Демонтовича“ (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 679, 673). - Гр. Панинъ приказалъ вице-директору Б. Н. Хвостову изготовить въ 24 часа докладъ по одному крайне сложному вопросу крестьянской реформы. Съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ Хвостовъ исполнилъ порученіе и къ назначенному часу принесъ порученный докладъ Проходитъ нѣсколько времени, и гр. Панинъ дѣлаетъ Хвостову замѣчаніе за недоставленіе доклада. Хвостовъ оправдывается, напоминаетъ обстоятельства, при которыхъ былъ переданъ пакетъ съ докладомъ. Все напрасно. Панинъ настаиваетъ на своемъ. Тогда Хвостовъ самъ отыскиваетъ на столѣ Панина доставленный пакетъ, лежавшій нераспечатаннымъ. Вы думаете Панинъ извинился предъ Хвостовымъ? Ничуть! Онъ къ нему обратился съ слѣдующими словами: „господинъ Хвостовъ, завтра къ десяти часамъ доставьте мнѣ то, чего я требую“. Хвостову пришлось вторично продѣлать ту же работу ради торжества принципа: sic volo, sic jubeo, или, что то же—„моему нраву не препятствуй“ или: „отгадай, чего моя нога хочетъ“ и т. п.—Но такъ какъ нѣтъ такого дикаго акта самодурства, для котораго подхалимствующіе приспѣшники не могли выдумать объясненія, то и въ данномъ случаѣ М. И. Топильскій хотѣлъ усмотрѣть глубокій смыслъ въ самодурствѣ гр. Панина, а именно: желаніе провѣрить правильность работы Хвостова (см. *Истор. Вѣстн.* 1885 г., № 1, стр. 74). И это говорилъ человѣкъ, который, по продолжительному личному опыту, зналъ, что всѣ дѣйствія гр. Панина опредѣлялись тѣмъ, съ какой онъ ноги всталъ, въ какомъ состояніи его пищевареніе (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 668); человѣкъ, который дрожалъ предъ Панинымъ и не смѣлъ ему открыть явную его ошибку.—Былъ такой случай. Гр. Панинъ по ошибкѣ вмѣсто одного чиновника уволилъ въ отпускъ на 4 мѣсяца другаго, что имѣло послѣдствіемъ лишеніе жалованья. Топильскій *отказался* доложить Панину объ ошибкѣ, „доказывая, что это безполезно, что графъ *ни за что* своей резолюціи не измѣнитъ“ (см. тамъ же, стр. 78).—Гр. Панинъ, при своей маніи величія, даже святыхъ считалъ себя въ правѣ судить и осуждать. Такъ узнавъ, что Николай Чудотворецъ задушилъ Арія, воскликнулъ: „какое невѣжество!“ и распорядился, чтобы впредь въ церкви министерства юстиціи совершаемой раньше особой службы въ день этого святаго болѣе не служили.—Когда родилась дочь у гр. Панина, онъ пожелалъ назвать ее Маріею. Какъ человѣкъ основательный, онъ счелъ нужнымъ ознакомиться съ житіями святыхъ. Узнавъ изъ нихъ, что Маріи были раскаявшіяся грѣшницы, Панинъ далъ дочери своей другое имя (см. назв. Матеріалы III, 89). Словомъ, этотъ помѣшанный на своемъ

пріятностей [67]), упрямство его имѣло еще особенныя причины. Не имѣя, какъ и большинство государственныхъ людей того

аристократическомъ величіи маніакъ, бросая кругомъ презрительные взоры и не по-дозрѣвалъ, какое смѣхотворное впечатлѣніе производило его надутое самодовольство, такъ ядовито осмѣянное еще Персеемъ: Vos, o patricius sanguis quos vivere par est Occipiti caeco, posticae occurite sanuae.

[67]) Въ Дневникѣ Валуева находимъ такую подробность. Гр. Панинъ, исказившій цифры о надѣлахъ Редакціонныхъ Коммиссій, вздумалъ оправдать свои данныя и съ этою цѣлью устроилъ, въ присутствіи великаго князя Константина Николаевича, диспутъ съ дѣлопроизводителемъ Коммиссіи П. П. Семеновымъ, но изъ диспута первый вышелъ съ пораженіемъ. Тогда для отмщенія онъ устроилъ въ своемъ присутствіи ратоборство между П. П. Семеновымъ и братомъ его Н. П. Семеновымъ, подчиненнымъ гр. Панина и раздѣлявшимъ мнѣніе своего начальства (см. *Русск. Стар.* 1891 г., № 11, стр. 425). Въ послѣднемъ томѣ н. сб. Семенова описано подробно это потѣшное засѣданіе, которое Панинъ открылъ замѣчаніемъ, что онъ не желаетъ возстановлять брата на брата, и въ которомъ развѣ только роль П. П. Семенова представляется хотя и тяжелою, но сколько-нибудь благоприличною и привлекательною. Что касается тона самого гр. Панина, то онъ поражаетъ не только своею надменностью, но и просто циническимъ глумленіемъ. Выторговывая у г. Семенова цифры надѣловъ, выведенныя путемъ продолжительнаго и кропотливого вычисленія, гр. Панинъ опирался на авторитетъ своего сподручнаго клеврета Топильскаго. При совѣщаніи, бывшемъ передъ тѣмъ у великаго князя Константина Николаевича, г. Семеновъ уличилъ гр. Панина въ неправильномъ, а именно—„механическомъ“ пользованіи статистическими данными. Промолчавъ въ то время, гр. Панинъ, окруженный подобострастными слушателями, мужественно замѣтилъ теперь: «я его (Семенова) прощаю» (sic.).—Г. Семеновъ, горячо защищая необходимость для крестьянъ сѣнокосовъ, сказалъ, что онъ „ручается за это головою“; гр. Панинъ вышучиваетъ: «это хорошо, но ни ваша, ни моя смерть дѣлу не поможетъ». П. П. Семеновъ съ увлеченіемъ отстаивалъ цифры крестьянскихъ надѣловъ и сильно возставалъ противъ отрѣзки отъ существующихъ надѣловъ, что впослѣдствіи оказалось крайне неудобнымъ для крестьянъ (См. письмо Самарина у Лероа-Болье—Un homme d'état, 121). Гр. Панинъ изволилъ лично шутить и по этому поводу: «какой онъ обжора земли»! (см. ч. 2, т. III, стр. 766 и слѣд.). Оно и понятно. Крѣпко охраняя интересы дворянъ, гр. Панинъ былъ совершенно равнодушенъ къ интересамъ крестьянъ. Былъ такой случай. Подъ желѣзную дорогу нужно было занять землю крестьянъ гр. Панина, купленную ими на свои деньги, но записанную, въ силу закона, на имя помѣщика. Гр. Панинъ, желая доказать свою щедрость, уступилъ *чужую* собственность даромъ (см. н. Матеріалы III, 87).

очищенія Россіи отъ разъѣдающей ее нравственной проказы. Не безсердечному бюрократу-подъячему, не бездушному душевладѣльцу, не графу Панину съ допотопными взглядами понять было душу этого благодушнаго, долготерпѣливаго, дѣтски-наивнаго народа, съумѣвшаго соблюсти себя среди крѣпостнаго разврата. Холодомъ, недовѣріемъ, пессимизмомъ, свѣтобоязнью повѣяло отъ первыхъ же словъ [74]) и дѣйствій преемника Ростовцева, гр. Панина, и этотъ отпечатокъ сохранился за его дѣятельностью по крестьянской реформѣ до самаго конца ея!

III

Такимъ же холодомъ вѣетъ и отъ послѣдняго заключительнаго аккорда крестьянской реформы — манифеста 19-го февраля, составленіе котораго имѣетъ свою любопытную исторію. Наблюденіе за изготовленіемъ этого акта возложено было на того же гр. В. Н. Панина въ его качествѣ министра юстиціи.

Первоначальный проектъ манифеста былъ составленъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и Н. А. Милютинымъ [75]). Но проектъ не удовлетворилъ гр. Панина, и по его докладу Высочайше повелѣно было окончательную редакцію этого важнаго документа возло-

---

смотря на всю забитость и безвѣстность одна только *нравственная* сила народа и произвела всю реформу, и, во вторыхъ, что, несмотря на неблагопріятныя условія, она успѣла положить на реформу неизгладимое клеймо свое, успѣла найти себѣ поборниковъ даже въ средѣ ей чуждой. См. цитату въ статьѣ В. И. Семевскаго «Изъ исторіи крестьянскаго вопроса» въ *Сборникѣ Правовѣдѣнія*, п. I, 167.

74) Хотя предъ назначеніемъ своимъ гр. Панинъ говорилъ, что „нуженъ свѣтъ со всѣхъ сторонъ“, но въ первой же рѣчи къ депутатамъ онъ строжайше рекомендовалъ воздержаться отъ разглашенія и просилъ вести дѣло *семейно* (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 692, 698). Между тѣмъ Ростовцевъ разсылалъ печатные матеріалы по крестьянскому дѣлу въ количествѣ 3,000 экземпляровъ по всей Россіи, считая, что это дѣло не семейное, а общегосударственное, за которое, какъ выразился Ростовцевъ, обязаны отчетомъ предъ всею Россіею (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 126, и II, стр. 686).

75) См. *Русскій Вѣстникъ*, 1891 года, № 6, статью Н. П. Семенова „Проекты Манифеста 19 февраля 1861 г.“.

жить на московскаго митрополита Филарета. При томъ высокомъ уваженіи, которымъ пользовался митрополитъ Филаретъ при дворѣ и въ обществѣ, весьма понятно,—говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ, — что выборъ Государя остановился на іерархѣ, обладавшемъ такимъ сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ [76]).

Проведшій всю жизнь въ потемкахъ канцелярской тайны, а потому страдавшій, подобно всѣмъ дореформеннымъ бюрократамъ, неизлѣчимою болѣзнью, свѣтобоязнью, гр. Панинъ обставилъ составленіе манифеста сугубою таинственностью съ мелодраматическими подробностями въ родѣ посылки нарочнаго таинственнаго гонца, шифрованной переписки и пр. Въ письмѣ своемъ отъ 31-го января 1861 г., посланномъ съ спеціальнымъ курьеромъ вице-директоромъ Б. Н. Хвостовымъ, гр. Панинъ, извѣщая митрополита Филарета о воспослѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, между прочимъ писалъ: «При предстоящемъ преобразованіи крестьянскаго быта слово Государя Императора къ народу своему будетъ имѣть самое сильное вліяніе на успѣхъ предпринятаго дѣла. Въ семъ убѣжденіи Его Императорское Величество, съ полною довѣренностью къ вѣрноподданическимъ Вашимъ чувствамъ и къ дарованіямъ Вашимъ, призналъ нужнымъ обратиться къ Вамъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы Вы приняли на себя трудъ составить манифестъ, въ коемъ изъяснены будутъ воля и ожиданія Его Величества по сему важному предмету... Руководимый сими чувствами и симъ довѣріемъ, Государь предоставляетъ вамъ сдѣлать всѣ тѣ измѣненія или прибавленія, кои бы Вы признали соотвѣтствующими чувствамъ Его Величества и собственнымъ Вашимъ, для лучшаго успѣха предположенной цѣли» [77]).

---

[76]) См. статью Сухомлинова: „Два эпизода изъ эпохи освобожденія крестьянъ" въ *Истор. Вѣстн.* 1885, № 1.

[77]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, т. V, ч. 1) М. 1887, стр. 6.—Духовенство, въ особенности высшее, въ большинствѣ было противъ освобожденія, но встрѣчались и сторонники его.—Преосвященный Григорій, епископъ калужскій и боровскій привѣтствовалъ въ 1858 г. приступъ къ освобожденію крестьянъ. Архимандритъ при Казанской Духовной Академіи Іоаннъ, основываясь на посланіи первомъ къ Ко-

Митрополитъ Филаретъ былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Онъ полагалъ, что правительство не справится «съ тѣми безурядицами и волненіями, которыхъ ожидали многіе по освобожденіи крестьянъ». По складу своего ума и по другимъ причинамъ онъ не сочувствовалъ, говоритъ г. Сухомлиновъ, рѣшительнымъ переворотамъ въ народной жизни и предпочиталъ держаться того порядка вещей, который установился издавна и пустилъ глубокіе корни. Но не сочувствуя освобожденію крестьянъ, митрополитъ Филаретъ долженъ былъ сдѣлаться его первымъ провозвѣстникомъ» [78]). Поставленный въ затруднительное положеніе, митрополитъ Филаретъ,—по словамъ г. Сухомлинова,—просилъ снять съ него непосильное бремя. Оффиціально онъ ссылался на свое незнакомство съ кругомъ тѣхъ предметовъ, основательное знаніе которыхъ необходимо для успѣшнаго содѣйствія крестьянской реформѣ, и т. п. Въ частной бесѣдѣ онъ высказывался откровеннѣе, находя безполезнымъ исправлять частности, когда цѣлое, т. е. *весь проектъ* Редакціонной Коммиссіи, представляетъ нѣчто шаткое, непрочное, «утлое».

Но воля Государя оставалась непреклонною, и чтобы склонить митрополита Филарета, былъ командированъ въ Москву довѣренный чиновникъ гр. Панина, извѣстный его клевретъ М. И. Топильскій. Этой миссіи придавалось такое важное значеніе и умы находились въ такомъ напряженномъ состояніи, что гр. Панинъ, боясь, чтобы донесенія Топильскаго не вскрывались на почтѣ, приказалъ ему употреблять *вымышленныя* названія. Сначала хлопоты Топильскаго, человѣка довольно ограниченнаго [79]), оставались безуспѣшны, несмотря, какъ онъ пишетъ, на его «довольно льстивыя рѣчи». Но благодаря содѣйствію духовника митрополита Филарета, удалось склонить его, и 3-го февраля 1861 г. Топильскій писалъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Наконецъ другъ добродѣтели (т.-е. митрополитъ Фи-

---

рипе. (VII, 20—23), доказывалъ, что крѣпостное право – учрежденіе языческое и противорѣчитъ духу христіанства. Противъ этого воззрѣнія выступилъ Игнатій, епископъ ставропольскій (бывшій саперъ) (см. Матеріалы, I, 280).

[78]) См. н. с. Сухомлинова, стр. 75.

[79]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 665—693.

ларетъ) убѣдился въ необходимости сдѣлать предлагаемое дѣло и, послѣ двукратныхъ со мной объясненій, принялся сегодня рѣшительно за работу. Саввинское подворье совсѣмъ въ сторонѣ, но Андроніевъ (т.-е. духовникъ Филарета) былъ пущенъ въ игру, и это подѣйствовало» и пр. [80])

5-го февраля проектъ манифеста былъ составленъ и въ тотъ же день препровожденъ къ графу Панину при письмѣ, въ которомъ митрополитъ Филаретъ высказываетъ, что «въ исполненіи порученія его ввело вѣрноподданническое повиновеніе, а не сознаніе удовлетворить требованію». Далѣе онъ изъясняетъ основанія сдѣланныхъ въ присланномъ проектѣ манифеста измѣненій.

Измѣненія противъ первоначальнаго проекта сдѣланы были довольно значительныя. Объемъ его былъ почти вдвое сокращенъ [81]). Пропущено было (впрочемъ, безъ всякаго ущерба для содержанія) довольно длинное историческое введеніе. Но выкинуто было также и простое, задушевное обращеніе къ крестьянамъ и дворовымъ, въ которомъ обрисовывалась ихъ новая будущность. «Довольство добывается, гласило между прочимъ это обращеніе, не иначе какъ собственнымъ трудомъ, умножается доброю жизнью и строгою бережливостью, а законъ издается для того, чтобы всякій, исполнивъ свои обязанности, могъ трудиться невозбранно себѣ на пользу, въ мѣру своихъ силъ и способностей, и чтобы каждый трудящійся могъ безбоязненно утѣшаться нажитымъ честно добромъ». Опущено было также мѣсто, гдѣ о днѣ объявленія воли говорилось въ такихъ выраженіяхъ: «въ сей *радостный для насъ и для всѣхъ* вѣрноподданныхъ нашихъ день».

По поводу этого измѣненія была составлена митрополитомъ Филаретомъ на другой день вслѣдъ за составленіемъ манифеста, 6-го февраля, особая «записка о *затрудненіяхъ*, которыя могутъ возникнуть при приведеніи въ исполненіе Положенія о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ». Въ запискѣ этой разъяснилось, почему изъ Манифеста исключено находившееся въ его

---

[80]) См. н. с. Сухомлинова, стр. 76.

[81]) Самарянскій проектъ напечатанъ г. Семеновымъ въ *Русск. Вѣст.*, 1891, № 6.

первоначальномъ проектѣ мѣсто, въ которомъ предпринимаемое преобразованіе называлось «радостнымъ» [82]).

«Затрудняюсь и теперь, сказано въ запискѣ, объяснить сіе, чтобы не коснуться осужденіемъ дѣла государственнаго, о которомъ судить не призванъ я моимъ служеніемъ», но затѣмъ далѣе онъ разъясняетъ этотъ щекотливый пунктъ такимъ образомъ: «не упомянулъ я о радости, чтобы отъ лица царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы *многіе* [83]) изъ вѣрноподданныхъ. Предпріемлемому преобразованію *радуются люди теоретическаго (?) прогресса* [84]); но *многіе благонамѣренные люди* ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія. Объявленіе отреченія помѣщиковъ отъ крѣпостнаго права на крестьянъ и настоятельное побужденіе тѣхъ и другихъ войти въ рѣшительныя условія о земляхъ—вотъ мѣры благонадежныя. Но когда крестьянамъ возвѣщено будетъ право «*постояннаго пользованія землею* помѣщиковъ», не затруднятся ли чрезъ сіе предполагаемыя соглашенія, такъ какъ въ семъ найдетъ для

---

[82]) Въ рескриптѣ, данномъ 19-го февраля на имя важнѣйшаго дѣятеля крестьянской реформы великаго князя Константина Николаевича, день объявленія воли все-таки названъ „достопамятнымъ для Россіи".

[83]) По поводу неудовольствія дворянъ Я. И. Ростовцевъ въ письмѣ своемъ Государю отъ 29 сентября 1859 г., между прочимъ, писалъ: „Какой бы проектъ ни писали Редакціонныя Коммиссіи, хотя такой, по которому помѣщики даже ничего не теряли бы, все-таки многіе депутаты непремѣнно потребовали бы уступокъ... Вообще *если бы мы боялись огорчить* дворянство, *то никогда бы ничего не сдѣлали*, ибо все отнимающее что-либо у человѣка не можетъ быть для него пріятно, а уладить крестьянскій вопросъ безъ пожертвованій со стороны дворянства нѣтъ никакой возможности. Дай Богъ только, чтобы пожертвованій этихъ было менѣе" (см. т. II н. с. Семенова, стр. 912—913).

[84]) Не безынтересно сопоставить эти строки съ словами Я. И. Ростовцева: „Смотря съ точки зрѣнія гражданскаго права, писалъ онъ Государю 23 октября 1859 г., вся зачатая реформа отъ начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушеніе правъ частной собственности. Но какъ необходимость государственная и на основаніи государственнаго права реформа эта *законна, священна, необходима*. Огромное большинство враговъ реформы, не уясняя себѣ этой неотложной необходимости, обвиняютъ Редакц. Комм. въ желаніи обобрать дворянъ, а иные даже въ желаніи произвести анархію, называя нѣкоторыхъ изъ членовъ Коммиссіи *красными*" (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 828).

себя опору *упрямство* крестьянъ, которое проявляется у нихъ и безъ законной опоры? При рѣшительномъ отчужденіи отъ помѣщиковъ земли, прежде ихъ согласія, хотя и безъ наименованія собственностью крестьянъ, помѣщики не найдутъ ли себя *стѣсненными въ правѣ собственности* и въ хозяйственныхъ обстоятельствахъ [85])? И сіе не подѣйствуетъ ли *неблагопріятно на ихъ усердіе* къ правительству?...» [86]). Эта послѣдняя попытка отстоять помѣщичьи интересы, въ ущербъ крестьянскимъ,— въ духѣ гр. Панина, — никакихъ послѣдствій не имѣла, но слово «*радостный*» все таки вычеркнуто было изъ радостнаго манифеста 19-го февраля.

IV

Въ то время, какъ въ Москвѣ, съ такими чрезвычайными предосторожностями составлялся проектъ манифеста, въ Петербургѣ въ величайшей тревогѣ, съ глубочайшею таинственностью и невѣроятною поспѣшностью свобода проходила послѣднюю стадію своего труднаго, далеко не безболѣзненнаго нарожденія. Все, что происходило, говоритъ г. Семеновъ, по дѣлу освобожденія крестьянъ съ 10-го октября 1860 г. по 5-е марта 1861 г., т.-е. со дня закрытія Редакціонныхъ Коммиссій и до обнародованія манифеста 19-го февраля, было покрыто непроницаемою тайною даже для большинства членовъ бывшей Редакціонной

[85]) Какъ извѣстно, оспариваемое здѣсь „безсрочное пользованіе“ получило силу закона и вошло въ Положеніе 19-го февраля. Есть ли это дѣло случая или прямаго заимствованія, но изложенная здѣсь аргументація *почти дословно* воспроизводитъ соображенія гр. Панина, которыя онъ развивалъ въ интересахъ помѣщиковъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ отъ 19 апрѣля 1860 г., написанной послѣ столкновенія съ членами Редакц. Коммисс. „Это (постоянное и безсрочное пользованіе), писалъ гр. Панинъ, во-1-хъ, явно противорѣчитъ удостовѣренію Вашего Величества (въ рескриптахъ), что земли остаются въ полной собственности дворянства; во-2-хъ, воспрепятствуетъ добровольному выкупу, ибо крестьянинъ, увѣренный въ томъ, что земля всегда за нимъ останется, не имѣетъ никакого побужденія ее покупать; въ-3-хъ, разоритъ окончательно всѣхъ землевладѣльцевъ, и пр.“. (См. т. III н. с. Семенова. стр. 491).

[86]) См. н. Сборникъ мнѣній Филарета. стр. 16, 17.

Коммиссіи [37]). Такая чрезвычайная таинственность обусловливалась, прежде всего, личными особенностями графа В. Н. Панина, который,—по словамъ того же автора,—считалъ всегда дѣломъ первостепенной важности скрывать виды правительства отъ лицъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ іерархіи или не входящихъ въ составъ его [38]).

Но и помимо личныхъ свойствъ графа Панина, были другія обстоятельства, сообщавшія работамъ по крестьянскому дѣлу такой тревожный, почти сумрачный характеръ. Причиною его былъ недостатокъ въ правительственныхъ сферахъ точныхъ свѣдѣній о настроеніи общества и народа... Какъ-то приметъ народъ свободу—вотъ вопросъ?... Шумно и гулко всколыхавшіяся послѣ продолжительнаго застоя, словно вешнія воды въ половодье, общество и его главная представительница литература смущали бюрократію своимъ необычнымъ оживленіемъ. Крѣпостное населеніе, переживавшее время лихорадочнаго, естественнаго нака-

---

[37]) См. „Освобожденіе крестьянъ“ Н. П. Семенова, 1892, т. III, ч. 2, стр. 749—750.

[38]) См. тамъ же, стр. 733.

— Во всеподданнѣйшую записку свою о закрытіи Редакціонныхъ Коммиссій гр. Панинъ, между прочимъ, внесъ такой пунктъ: «При открытіи засѣданій Главнаго Комитета объявить ему положительную Высочайшую волю, чтобы всѣ дѣла и работы производились въ *совершенной тайнѣ* и не были сообщаемы никому (безъ всякаго изъятія) изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу Комитета, вмѣнивъ въ особенную обязанность государственному секретарю наблюдать, чтобы употребленные (вѣс) по этому дѣлу чиновники государственной канцеляріи не сообщали *рѣшительно никому* того, что будетъ происходить и что будетъ утверждено въ Главномъ Комитетѣ» (см. тамъ же, стр. 808).

— Еще раньше врагъ гласности, графъ Панинъ отступилъ отъ традицій Я. И. Ростовцева, стоявшаго за широкую гласность къ крестьянскомъ дѣлѣ и печатавшаго труды Редакціонной Коммиссіи въ количествѣ 3,000 экз. Въ концѣ 1859 г. Главный Комитетъ уменьшилъ число ихъ до 350 съ тѣмъ, чтобы они были предоставлены только членамъ Главнаго Комитета, Государственнаго Совѣта и Редакціонной Коммиссіи. Со вступленіемъ гр. Панина въ должность предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи, когда приступлено было къ печатанію отзывовъ дворянскихъ депутатовъ, въ большинствѣ враждебныхъ освобожденію крестьянъ, гласность была еще болѣе стѣснена. По настоянію графа Панина и вопреки Высочайшему повелѣнію, отзывы депутатовъ стали печататься въ количествѣ

нунѣ воли, нетерпѣнія, но умѣвшее сдержать его въ предѣлахъ закона, представляло собою сфинксъ, внушавшій однимъ симпатію, другимъ безотчетный страхъ, а инымъ такъ и просто ужасъ. Уже не говоря о партіи, враждебной освобожденію крестьянъ и заинтересованной въ преувеличеніи опасностей, съ нимъ сопряженныхъ, даже и друзья народа, мало его знавшіе, съ нескрываемою тревогою смотрѣли въ грозное и неизвѣстное будущее.

Самъ Ростовцевъ, котораго трудно заподозрить въ желаніи тормозить крестьянскую реформу, вначалѣ такъ пессимистически смотрѣлъ на нее, что подалъ въ 1858 г. Государю записку о необходимости учрежденія временныхъ генералъ-губернаторствъ для немедленнаго прекращенія могущихъ возникнуть безпорядковъ. Кружокъ дѣятелей, примыкавшихъ къ покойному великому князю Константину Николаевичу и вѣрившій въ благотворное дѣйствіе свободы, считалъ и нецѣлесообразнымъ, и небезопаснымъ такое мѣропріятіе, и въ этомъ смыслѣ была составлена Н. А. Милютинымъ контръ-записка, поданная Государю министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскимъ. Императоръ Александръ II, раздѣлявшій въ то время взглядъ Ростовцева, отнесся съ крайнимъ неодобреніемъ къ запискѣ Ланскаго. Въ отмѣткахъ своихъ, сдѣланныхъ на поляхъ записки, Государь, между прочимъ, писалъ: «Такъ думаютъ и говорятъ люди неблагонамѣренные, которые хотѣли бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы достигнуть ихъ цѣлей, которыя состоятъ въ ниспроверженіи (sic) существующаго порядка. Теперь, конечно, народъ спокоенъ въ ожиданіи; но когда ожиданія на счетъ свободы не сбудутся въ томъ *смыслѣ*, какъ онъ ее разумѣетъ, то кто отвѣчаетъ, что тогда будетъ? а тогда поздно принимать

всего 50 экз., при чемъ всѣ они были занумерованы. По окончаніи разсмотрѣнія отзывовъ гр. Панинъ сталъ требовать обратно печатные экземпляры отъ членовъ Редакціонной Коммиссіи. Нѣкоторые вернули ихъ, большинство же отказалось исполнить это произвольное требованіе. Одинъ изъ членовъ Коммиссіи, кн. Голицынъ, рѣзко возразилъ гр. Панину, усматривая въ его требованіи покушеніе на его право собственности. Другой членъ, Галаганъ, котораго гр. Панинъ просилъ возвратить экземпляръ для его, Панина, личнаго пользованія, вызвался перепечатать книгу на свой счетъ, но также наотрѣзъ отказался вернуть его (см. Матер. д. истор. упразд. крѣпостнаго права, т. III, стр. 158).

мѣры». — Противъ того мѣста записки, гдѣ говорилось, что народъ будетъ покоенъ, Государь написалъ: «Дай Богъ, но повсѣмъ доходящимъ до меня свѣдѣніямъ я не имѣю въ томъ увѣренности».

Но съ теченіемъ времени въ высшихъ кругахъ, сочувствовавшихъ свободѣ, сталъ преобладать болѣе спокойный взглядъ на дѣло, хотя крѣпостники, въ родѣ начальника III отдѣленія кн. Вас. Андр. Долгорукова и министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, продолжали сѣять тревогу и видѣть въ терроризаціи удобное, лучшее средство для достиженія своихъ низкихъ цѣлей. Друзья свободы, вѣря въ здравый смыслъ народа, все же съ замираніемъ сердца прислушивались къ тревожнымъ слухамъ о предстоящихъ безпорядкахъ, которые какъ нельзя болѣе были бы на руку врагамъ свободы. «Я считаю себя обязанною предупредить васъ, писала 18-го февраля 61 г. в. к. и достойнѣйшая женщина Елена Павловна Н. А. Милютину, что, какъ передаютъ мои люди, если ничего не будетъ къ 19-му февраля, чернь явится къ Зимнему дворцу съ требованіемъ освобожденія. Нужно бы нѣсколько обратить вниманіе на эти толки: демонстрація была бы *пагубна*» [89]).

Несмотря на всѣ принятыя мѣры, въ общество и въ народъ попадали извѣстія о козняхъ крепостниковъ о тѣхъ мучительныхъ перипетіяхъ, коими сопровождались послѣднія стадіи нарожденія народной свободы. Государь счелъ нужнымъ непосредственно и лично направить послѣднюю фазу законодательныхъ работъ. Благодаря энергіи и искусству предсѣдателя Главнаго Комитета, покойнаго великаго князя Константина Николаевича, «вложившаго душу въ это великое дѣло», по справедливому замѣчанію г. Семенова, проектъ Положеній прошелъ черезъ Комитетъ безъ существенныхъ измѣненій. Оставалось побороть упрямство членовъ Государственнаго Совѣта, огромное большинство коего стояло за помѣщичьи интересы и относилось враждебно къ проекту Редакціонной Коммиссіи объ освобожденіи крестьянъ съ достаточнымъ надѣломъ.

26-го января состоялось соединенное засѣданіе [90]) Совѣта Ми-

---

[89]) Н. с. Лерoа-Болье, 61.

[90]) По поводу этого памятнаго засѣданія Никитенко заноситъ въ свой Дневникъ: «Партія противниковъ свободы, кажется, готова въ своемъ

нистровъ и Главнаго Комитета подъ предсѣдательствомъ Государя. Онъ горячо благодарилъ членовъ Комитета, защищавшихъ проектъ Редакціонныхъ Коммиссій, и особенно великаго князя Константина Николаевича, котораго цѣловалъ нѣсколько разъ. Тутъ же онъ высказалъ свою непремѣнную волю, чтобы разсмотрѣніе проектовъ было окончено безотлагательно къ 15-му февраля.

28-го января происходило засѣданіе общаго собранія Государственнаго Совѣта подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Въ рѣчи своей Государь необычайно *твердо и повелительно* [91]) указалъ, что при обсужденіи Положеній могутъ быть допущены второстепенныя измѣненія, но основы должны остаться *неприкосновенными*. Въ виду того, что дѣлались попытки, особенно со стороны крѣпостника Муравьева, затормозить дѣло подъ предлогомъ собиранія дополнительныхъ данныхъ о надѣлахъ, вторично велѣно было къ 15-му февраля окончить обсужденіе. На каждый день былъ назначенъ урокъ, безъ исполненія котораго Совѣтъ не могъ разойтись Большинство членовъ было небла-

---

безсиліи на всякія гадости. Она выдумываетъ и распускаетъ по городу слухи въ разсчетѣ напугать правительство. Теперь, напримѣръ, пущена въ ходъ глупая выдумка о явленіи Путятину (мин. нар. просв.) тѣни Я. И. Ростовцева и пр.» (*Русск. Стар.* 1891, № 1, стр. 49).

[91]) Въ рѣчи своей Александръ II между прочимъ говорилъ: «Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры... Моя непремѣнная воля—чтобы дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть *пагубно для государства*. Я не могу не удивляться, и не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому *довѣрію* и *спокойствію*, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства до нѣкоторой степени понятны, потому что они касаются до самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ передъ потомствомъ... Я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій и что все стараніе мое заключается въ томъ,

гопріятно проектамъ Редакціонной Коммиссіи, и Государь бо́льшею частью присоединялся къ мнѣнію меньшинства. Самое существенное измѣненіе, внесенное Совѣтомъ, было допущеніе такъ-называемаго гагаринскаго или, какъ народъ прозвалъ, «нищенскаго» или «сиротскаго» надѣла (1/4 нормальнаго), даровою уступкою котораго помѣщикъ освобождался отъ своихъ обязанностей.

16-го февраля разсмотрѣніе проекта и всѣ подготовительныя работы были окончены. 19-го февраля государственный секретарь В. П. Бутковъ отвезъ въ Зимній дворецъ проектъ манифеста и указа сенату. Хотя по чрезвычайной важности государственнаго акта, подлежащаго законодательной санкціи, это было дѣло предсѣдателя государственнаго совѣта, но Бутковъ съ радостью взялъ на себя эту лестную миссію частью въ виду дряхлости предсѣдателя (гр. Д. Н. Блудова), частью изъ желанія быть свидѣтелемъ великой исторической минуты подписанія акта о дарованіи свободы десяткамъ милліоновъ, долженствовавшаго сдѣлать «19-е февраля величайшимъ днемъ XIX столѣтія [92]).

Но Государь пожелалъ въ эту исключительно торжественную минуту, когда совершалось важнѣйшее дѣло его царствованія и обозначался поворотный пунктъ въ исторіи Россіи, остаться одинъ, наединѣ съ своею совѣстью, безъ свидѣтелей, въ особенности безъ такихъ равнодушныхъ или, то чнѣе, бездушныхъ свидѣтелей, какъ Бутковъ, котораго влекло не столько благоговѣніе предъ этимъ чудно-величавымъ моментомъ появленія на свѣтъ свободы, сколько праздное любопытство салоннаго фланера и бонмотиста [93])...

чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства... Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь; но твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества» (см. *Правит. Вѣст.* 1893 г., апрѣля 18). — Министры говорили, что они никогда не видали Государя съ такимъ рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и тонѣ рѣчи. (См. н. Матеріалы, т. III, 156).

92) См. н. с. Лероа-Больe, 51.

93) Типъ гибкаго карьериста-царедворца, держащаго носъ по вѣтру. В. П. Бутковъ, лишенный всякихъ устойчивыхъ убѣжденій, сначала былъ

Если кого желалъ сильно видѣть около себя въ это чудное мгновеніе Государь, то, конечно, своего вѣрнаго сотрудника Я. И. Ростовцева, надъ могилою котораго незадолго передъ тѣмъ, 6-го февраля, лилъ онъ горячія слезы [94]).

Историческимъ гусинымъ перомъ [95]) былъ подписанъ Александромъ II въ лихорадочномъ возбужденіи, въ столь естественномъ и трогательномъ волненіи [96]) 19-го февраля, въ незабвенный день воцаренія освободительный манифестъ, въ филаретовской редакціи [97]), и на другой день онъ былъ высланъ въ Государственную Канцелярію.

Свершилось!

Жребій былъ брошенъ.

Цѣпи рабства разорваны! Но эта радостная вѣсть не могла быть еще оглашена передъ народомъ, переживавшимъ послѣдніе дни величайшаго возбужденія и нетерпѣнія: нужно было напечатать въ огромномъ количествѣ Манифестъ и Положенія о крестьянахъ. Не легко было изготовить въ скоромъ времени и въ небываломъ количествѣ эти драгоцѣнныя граматы о волѣ:

противникомъ освобожденія и вторилъ своимъ патронамъ—графамъ Закревскому и Орлову, потомъ сдѣлался *оффиціальнымъ либераломъ* и въ такомъ качествѣ много способствовалъ удачному проведенію крестьянской и судебной реформы. (См. Матеріалы, III, и книгу мою: С. И. Зарудный и судебная реформа, глава VI, а также записку Левшина въ *Русск. Арх.* 1885, № 8, стр. 493, прим.).

94) См. Матеріалы, III, 160.

95) Это перо хранится въ Москвѣ въ Историческомъ Музеѣ.

96) М. П. Погодинъ въ своемъ „Красномъ яичкѣ для крестьянъ“ писалъ на своемъ дѣланномъ quasi-народномъ языкѣ: „Если бы вы знали только, какъ самъ-то Онъ, голубчикъ, провелъ тотъ святой день, когда, послѣ горячей молитвы въ уединеніи, сподобился подписать всемилостивѣйшій манифестъ, а по-старому сказать—льготную грамоту: и плакалъ-то Онъ, говорятъ, и смѣялся и дѣточекъ цѣловалъ, и близкихъ обнималъ, спрашивалъ, разсказывалъ, а что—Богъ вѣсть. Окружающіе диву давались, глядя на Него; маленькая дочка побѣжала къ своей образной, вынула образочекъ Благовѣщенія и принесла къ нему въ подарокъ на память о днѣ крестьянскаго освобожденія“ („Красное яичко“. Спб. 1861 г.).

97) Редакторъ упомянутаго „Сборника мнѣній“, преосвященный Савва, сличивъ черновой подлинникъ митрополита Филарета, хранящійся въ архивѣ Св. Синода, съ опубликованнымъ текстомъ манифеста, отмѣчаетъ только самые незначительные варіанты (стр. 15).

на печатаніе ихъ ушло нѣсколько недѣль. Первоначальныя мѣры къ немедленному напечатанію были приняты еще въ то время, когда проекты Редакціонной Коммиссіи еще разсматривались въ Главномъ Комитетѣ [98]). Еще въ ноябрѣ 1860 г. собраны были государственною канцеляріею свѣдѣнія о силахъ важнѣйшихъ с.-петербургскихъ типографій. Наборъ Положеній долженъ былъ производиться въ обширной типографіи II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи, но главную трудность представлялъ не наборъ, а печатаніе громаднаго количества экземпляровъ. Поэтому рѣшено было печатать отдѣльно по листамъ, смотря по мѣрѣ изготовленія, одновременно въ нѣсколькихъ казенныхъ и частныхъ типографіяхъ. Какъ только былъ подписанъ освободительный актъ, въ тотъ же самый день приступлено было въ типографіи II отдѣленія къ набиранію новыхъ законоположеній для печати. При усиленныхъ работахъ въ четырехъ типографіяхъ печатаніе было окончено въ девять дней. Приняты были строжайшія мѣры къ тому, чтобы преждевременно не прошелъ въ публику слухъ о печатаемыхъ документахъ. Но несмотря на угрозу административною ссылкою, животрепещущая радостная новость проникла въ публику чрезъ одного наборщика [99]).

Да развѣ есть возможность сохранить такія волнующія душу тайны, такіе вещіе глаголы, о которыхъ сами камни вопіютъ и звуками которыхъ самъ воздухъ наполненъ!... Еще раньше народъ провѣдалъ о памятномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28 января, въ которомъ Государь грозно увѣщевалъ членовъ его одуматься, взглянуть на дѣло глазами государственныхъ людей, а не душевладѣльцевъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, въ первыхъ числахъ февраля помѣщичьи крестьяне неоднократно дѣлали Государю восторженныя овація. Однажды Александръ II долженъ былъ взять сани на Дворцовой набережной, чтобы укрыться отъ напора горячей народной манифестаціи. Другой разъ толпа крестьянъ пала къ его ногамъ у подъѣзда Зимняго дворца и благодарила за покровительство [100]).

---

[98]) См. *Журналъ Министер. Внутрен. Дѣлъ.* Приложеніе: Лѣтопись сельскаго хозяйства, апрѣль 1861 г., стр. 152.

[99]) См. Воспоминанія Щербачева въ *Русск. Арх.* 1891, № 1.

[100]) См. н. Матеріалы, III, 180.

Чѣмъ ближе подвигалось время къ 19-му февраля, тѣмъ нетерпѣніе крѣпостныхъ все болѣе и болѣе росло, чему не мало способствовали и послѣдніе дикіе, беззастѣнчивые взрывы издыхавшаго жаднаго рабовладѣльческаго любостяжанія [101]). Подъ 18-мъ февраля академикъ Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: «Умы въ сильномъ напряженіи по случаю крестьянскаго дѣла. Всѣ ожидали манифеста о свободѣ 19-го числа. Потомъ начали ходить слухи, что на время отлагается. Въ народѣ возбудилась мысль, что его обманываютъ» [102]).

Для успокоенія народа принимались администраціею необыкновенно удачныя мѣры, которыя нерѣдко какъ-разъ производили *обратное* дѣйствіе. Такъ 16-го февраля было помѣщено въ газетахъ слѣдующее странное объявленіе отъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора: «Вслѣдствіе разнесшихся слуховъ объявляется, что 19-го февраля *никакихъ* правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу обнародовано не будетъ» [103]).

[101]) Мѣстами помѣщики, желая выжать изъ своихъ подданныхъ послѣдніе соки, прибѣгали къ явно неблаговиднымъ вымогательствамъ съ крестьянъ. Отпускали на волю безъ земли, урѣзывали надѣлы, по уговору съ фабрикантами закабаливали трудъ крестьянокъ за безцѣнокъ, либо прижимали рекрутскимъ выкупомъ. Такъ въ *Петерб. Вѣд.* былъ разсказанъ слѣдующій случай, бывшій въ Саратовѣ передъ самымъ подписаніемъ освободительнаго манифеста. Дворовый человѣкъ помѣщицы Е. Д. Кривской, Яковъ Ивановъ, уже много лѣтъ занимался столярнымъ мастерствомъ, платя въ годъ 25 руб. оброку. Въ концѣ января 1861 г. помѣщица потребовала съ него 200 руб., грозя въ противномъ случаѣ немедленно сдать въ рекруты. До засѣданія присутствія оставалось *три дня*. Все это время дворовый Яковъ скрывался по чужимъ домамъ и искалъ денегъ, но болѣе ста рублей не успѣлъ собрать. Нашлись добрые люди (Н. Мордвиновъ, Н. Москвинъ, І. Кондыревъ, В. Корсаковъ), которые поручились за Якова въ остальныхъ ста руб. и тѣмъ избавили его отъ солдатчины и тяжкихъ послѣдствій помѣщичьяго произвола, которыя должны были быть особенно чувствительны наканунѣ объявленія воли.

[102]) *Русск. Старина.* 1891, № 1. Въ народѣ ходили слухи, что свобода отсрочена, но что явится „*Гарибалдовъ*“ (Гарибальди) для освобожденія крестьянъ (Матеріалы, III, 190).—Лероа-Болье (L'empire des Tsars, I, p. 342) приводитъ изъ *Писемъ безъ адреса* Н. Чернышевскаго ходившій въ народѣ, и обществѣ (см. н. Матеріалы 114, вып. I) слухъ, что Наполеонъ въ 1856 г. взялъ съ Россіи обязательство освободить крестьянъ.

[103]) Это странное объявленіе, отмѣтилъ Никитенко, приводитъ въ раздраженіе умы. Опасаются тревогъ и вспышекъ (*Р. С.*, тамъ же).

Между тѣмъ въ тотъ же день, въ 7 час. утра, всѣ столичные дворники были собраны въ части города и имъ было объявлено, что манифеста 19-го числа не будетъ, но онъ будетъ объявленъ на второй (?) недѣлѣ Великаго поста. (Тутъ, вѣроятно, было стремленіе замаскировать настоящій день объявленія, который на дѣлѣ былъ назначенъ на 5-е марта, послѣдній день масляницы).

Въ *Сѣверной Пчелѣ*, полуоффиціальной газетѣ, появилась 18-го февраля статья, которая, несмотря на свой езоповскій языкъ, возвѣщала близость желаннаго дня. «Бываютъ дни,— говорилось въ этой статьѣ, приписываемой самому С. С. Ланскому,—когда всѣ помыслы, всѣ рѣчи сосредоточены на одной идеѣ, направлены къ мысли объ одномъ какомъ-нибудь событіи, когда всѣ посторонніе вопросы отступаютъ на задній планъ. Для большинства это дѣло недоумѣній (?), догадокъ, толковъ. Чѣмъ важнѣе представляется ожидаемое событіе, тѣмъ разнообразнѣе о немъ говоры. Мы теперь живемъ въ такую эпоху. Вся Россія ждетъ съ нетерпѣніемъ вѣсти о крестьянскомъ дѣлѣ, и мы съ своей стороны поспѣшили освѣдомиться о настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса и узнали изъ достовѣрнаго источника, что это многознаменательное для всей Россіи дѣло близко къ окончанію. На это важнѣйшее народное дѣло потребны продолжительныя ежедневныя совѣщанія. Обсужденія эти приближаются къ концу (а извѣстно, что на самомъ дѣлѣ они уже были закончены 15-го февраля!), и можно надѣяться, что въ *седьмое* [101]) лѣто царствованія Александра II въ предстоящіе дни молитвы и поста совершится давно ожидаемое событіе».

Въ № отъ 26-го февраля той же газеты напечатана была горячая, но вычурная статья бывшаго дворовaго М. П. Погодина, тоже стремившаяся къ подготовкѣ народа къ предстоявшему событію. Начинается она такъ: «Русскіе люди, русскіе люди, на колѣни! Молитесь Богу! Благодарите Бога за это высокое несравненное счастье, за это безмѣрное (безпримѣрное?) въ лѣтописяхъ ощу-

[101]) Митрополитъ Филаретъ, бывшій противъ освобожденія крестьянъ, въ первый, послѣ объявленія воли, пріѣздъ Александра II въ Москву, въ рѣчи своей ловко вставилъ мѣсто изъ Исхода, сказавъ, что у древняго народа Божія седьмое лѣто было лѣтомъ отпущенія изъ рабства (*Моск. Вѣдом.* 1861 г., № 111).

щеніе, которое всѣхъ насъ ожидаетъ, за эту великолѣпную страницу, которою украсится отечественная исторія».

Затѣмъ Погодинъ, поддѣлываясь подъ дѣланный народный языкъ раешника, продолжаетъ такъ: «Хотите ли, я разскажу вамъ, какъ все это будетъ? Крестьяне въ назначенный день нарядятся въ свои кафтаны, пригладятъ волосы квасомъ, пойдутъ съ женами и дѣтьми въ праздничномъ платьѣ молиться Богу. Изъ церкви крестьяне потянутся длинною чередою къ своимъ помѣщикамъ, поднесутъ имъ хлѣбъ-соль и, низко кланяясь, скажутъ: «Спасибо вашей чести на томъ добрѣ, что мы, наши отцы и дѣды отъ васъ пользовались; не оставьте насъ и на-предки вашею милостью, а мы навсегда ваши слуги и работники»... «Крестьяне пойдутъ,— продолжаетъ Погодинъ свою приторную Маниловщину,—съ хлѣбомъ-солью не только къ добрымъ [105]), но и къ недобрымъ помѣщикамъ, ибо въ семьѣ не безъ урода, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Статью свою Погодинъ заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы изъ первыхъ копѣекъ вольнаго труда, по объявленіи манифеста добытыхъ, собрана была сумма и поставленъ а въ Москвѣ на память потомству церковь во имя Александра Невскаго. «Тамъ,—заключаетъ Погодинъ,—должна теплиться во вѣки вѣковъ неугасимая лампада; тамъ должна возсылаться молитва за благодушнаго Царя, который вмѣсто *Юрьева дня*, скорбной для крестьянъ памяти, даруетъ крестьянамъ и дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ и духовенству прекрасный *Александровъ день*» [106]).

Къ числу подготовительныхъ мѣръ относилась и командировка въ губерніи свитскихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ полковничьяго чина, коимъ велѣно было состоять при гу-

---

[105]) Объ соотношеніи между добрыми и недобрыми помѣщиками мы находимъ нѣкоторыя любопытныя указанія въ рѣчи Николая I, сказанной въ 1848 г. дворянамъ (см. выше примѣч. 6). Объявивъ, что слухи о освобожденіи крестьянъ вѣрны, Николай I обращалъ вниманіе ихъ на злоупотребленія помѣщичьею властью. „На 50 дворянъ, сказалъ онъ, 15 хорошихъ, 25 порядочныхъ, 10 негодныхъ“ (см. Матеріалы, I, 77). На чемъ основаны эти данныя, неизвѣстно.

[106]) Чествованіе „Александрова дня“ вмѣстѣ, въ Москов. губ. вошло въ обычай между крестьянами. Что же касается построенія храма въ Москвѣ, то оно и доселѣ еще не осуществилось, хотя и собрано, кажется, тысячъ около ста.

бернаторахъ и способствовать скорѣйшему объявленію манифеста. Въ случаѣ возникновенія безпорядковъ командированныя лица уполномочены были прекращать ихъ всякими мѣрами, при чемъ военное начальство обязано было имъ безпрекословнымъ повиновеніемъ.

2-го марта, безъ предварительныхъ повѣстокъ, созвано было общее собраніе Сената въ присутствіи и. д. министра юстиціи Д. Н. Замятнина. Сенату прочитанъ былъ манифестъ 19 го февраля, затѣмъ онъ былъ положенъ въ министерскій портфель и обратно увезенъ, при чемъ сенаторамъ было внушено хранить строжайшее молчаніе. Сенатъ подалъ Государю благодарственный адресъ. Адресъ былъ принятъ, но приказано не печатать.

V

Теперь крѣпостное право—какой-то тяжкій и страшный кошмаръ, отъ котораго освободило прекрасное, великое слово Царя-Освободителя... Да, оно одно! Ибо кто же могъ ручаться, не лизалъ-ли-бы, безъ этого слова, Сенька горячую печку и до сей минуты? Не ходила-ли-бы дѣвка Ольга и до сей минуты стриженая и оплеванная гостями своей барыни? Гдѣ гарантія противнаго? Въ нравахъ что ли? Но развѣ не извѣстно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ что ли? Но развѣ не извѣстно, что слезы, которыя при этомъ капаютъ, капаютъ внутрь, капаютъ кровавыми пятнами на сердце и все накипаютъ, все накипаютъ, пока не перекипятъ совершенно? Повторяю, это былъ страшный и тяжелый кошмаръ, въ которомъ давящіе и давимые были равно ужасны

М. Е. Салтыковъ (1862).

Насталъ, наконецъ, давно желанный, свѣтозарный, ясный [107]) день 5-го марта.

По наружному своему виду Петербургъ не представлялъ собою

---

[107]) Въ указанныхъ Воспоминаніяхъ „Стараго гвардейца“, напротивъ, говорится, что цѣлый день шелъ снѣгъ. Но, очевидно, память измѣняетъ автору, который самый день объявленія манифеста относитъ то къ 19-му, то къ 26-му февраля (см. *Русск. Архивъ* 1892 года, № 1). Другіе оче-

день масляницы, стало быть, нѣкоторое оживленіе на улицахъ ничего особеннаго. Это было «прощеное» воскресенье, послѣдній было естественно. Никакихъ внѣшнихъ, видимыхъ, чрезвычайныхъ мѣръ къ охранѣ столицы не было принято генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ, несмотря на то, что онъ, какъ и шефъ жандармовъ кн. Вас. А. Долгоруковъ, будучи противниками освобожденія, съ нескрываемою тревогою и злорадствомъ ждали его осуществленія. Обстоятельство это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что тотъ же Игнатьевъ года за полтора назадъ настоялъ на принятіи чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности въ виду исполнившагося 8-го сентября 1859 г. совершеннолѣтія наслѣдника престола и ожидавшагося волненія народа, который ждалъ «воли» въ этотъ день [108]). Такое «бездѣйствіе власти» тѣмъ болѣе бросалось въ глаза современникамъ, что въ тотъ же день въ Москвѣ пѣшіе и конные патрули съ заряженными ружьями ходили цѣлый день и даже заходили въ трактиры [109]). Но бездѣйствіе петербургской власти, какъ узнаемъ изъ появившихся недавно воспоминаній стараго гвардейца, было только кажущееся. На самомъ дѣлѣ военнымъ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ 4-го марта была разослана по полкамъ инструкція съ подробнымъ означеніемъ, какіе полки въ какія именно полицейскія части города слѣдуетъ отрядить; полкамъ велѣно было никуда не отлучаться и быть 5-го марта все время наготовѣ [110]). Самъ Игнатьевъ находился весь день 5-го и 6-го марта въ Зимнемъ дворцѣ.

видцы передаютъ, что 5-го марта былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ теплыхъ дней, которыми такъ рѣдко балуетъ холодная сѣверная весна и которые, въ силу этого обстоятельства, особенно бываютъ дороги и памятны (см. „Матеріалы“, т. III, Дневникъ А. В. Никитенко въ *Русской Старинѣ*, 1891 г., № 1, и Г. Д. Щербачева въ *Русскомъ Архивѣ* того же года, № 1).

[108]) По инструкціи, составленной Игнатьевымъ, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ долженъ былъ распоряжаться на улицахъ, а самъ генералъ-губернаторъ Игнатьевъ (не отличавшійся, какъ передаютъ, большою храбростью) *безотлучно* находился при особѣ Императрицы въ Зимнемъ дворцѣ. Петербургскіе полки были соединены по телеграфу; загородные тоже были наготовѣ. Городовые вооружены револьверами (см. „Матеріалы“, II, 129).

[109]) См. Матеріалы, III, 180.

[110]) *Русскій Архивъ*, 1892, № 1.

Бывшій на дежурствѣ 5-го марта въ Зимнемъ дворцѣ свитскій генералъ описываетъ такъ впечатлѣнія и настроеніе этого дня: «Лица, собравшіяся въ Зимній дворецъ въ ожиданіи Государева выхода, были, очевидно, неспокойны. Послышался глухой гулъ, какъ бы *выстрѣлъ*; генералъ-губернаторъ посылаетъ узнать, что̀ такое, и ему докладываютъ... что глыба снѣга сшинута съ дворцовой крыши. Черезъ нѣсколько времени послышался колокольный *звонъ;* опять опрометью мчится фельдъегерь и, возвратившись, докладываетъ... что звонили у Исаакія по случаю похоронъ какого-то священника» [111]).

Однако, какъ и слѣдовало ожидать, страхи и тревоги были напрасны. Въ Петербургѣ въ церквахъ съ амвона прочитана была благая вѣсть о свободѣ. Манифестъ былъ также и аффишированъ на стѣнахъ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ послышалось *ура*, но въ большинствѣ случаевъ былъ онъ выслушанъ молча и даже съ нѣкоторымъ *недоумѣніемъ* [112]). На людей интеллигентныхъ, радовавшихся освобожденію народа, произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе холодный, витіеватый тонъ манифеста и оффиціальное выхваленіе доблести дворянства, *якобы добровольно* отказавшагося отъ крѣпостнаго права [113]), между тѣмъ какъ совершенно игнорировалось достойное, полное выдержки и такта поведеніе крѣпостнаго населенія, засвидѣтельствованное не разъ и имѣвшее колоссальное значеніе для хода и исхода реформы. «Я не могу не удивляться и не радоваться,—говорилъ Александръ II въ своей извѣстной рѣчи въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 27-го января 1861 г.,—и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое

---

[111]) См. тамъ же.

[112]) См. н. Воспоминанія Щербачева въ *Р. А.* Въ этотъ день, какъ отмѣчаетъ оффиціальный „*Историческ. обзоръ*“, по любопытному совпаденію читалось за литургіею такъ хорошо шедшее мѣсто изъ Посланія къ римлянамъ: „Братіе! Нощь убо прейде, а день приближается. Отложимъ убо дѣла темныя и облечемся въ оружіе свѣта“ и проч. (См. н. приложен. къ *Ж. М. Вн. Д.*).

[113]) Членъ Главнаго Комитета гр. В. А. Адлербергъ (съ перваго слова ложь, сказалъ онъ) рѣшительно отказался подписать ст. 1 проекта Полож. о крест., гдѣ говорилось, что крѣпостное право отмѣняется «по желанію дворянства», и слова эти были вычеркнуты (См. н. Матеріалы, III).

выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ» [114]). И объ этомъ замѣчательномъ событіи, которое съ любовью отмѣчено было въ первоначальномъ проектѣ манифеста, ни слова не говорилось въ его новой редакціи [115]). На народъ манифестъ не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія, благодаря отчасти своему тяжелому книжно-офиціальному слогу, отчасти очень большому объему и обилію мелкихъ подробностей. Только одно мѣсто

---

[114]) См. прим. рѣчь Александра II, 91, а также отзывъ Салтыкова въ прим 73.

[115]) Здравый народный смыслъ, между прочимъ, говорилось въ Самаринскомъ проектѣ, не увлекся ни ложными опасеніями, ни несбыточными надеждами. См. н. сб. Семенова, т. III, ч. 2, стр. 8—3.—Вопреки увѣренію г. Семенова, видящаго въ Филаретовскомъ произведеніи не одно, а даже нѣсколько «*совершенствъ*» (sic) и рекомендующаго его «какъ *образецъ* для составленія подобныхъ государственныхъ актовъ» (см. н. сб. Семенова, т. III, ч. 2, стр. 783),—по единогласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ, слышавшихъ чтеніе манифеста и наблюдавшихъ впечатлѣніе, имъ произведенное, слѣдуетъ признать, что именно слѣдуетъ избѣгать такого «образца» при составленіи подобныхъ актовъ. Если даже и образованные люди выносили очень смутное впечатлѣніе при чтеніи этого неуклюжаго, черстваго, объемистаго документа, то не трудно понять, какой образовывался сумбуръ въ головахъ массы крестьянъ при слушаніи этого растянутаго «образца» приказно - семинарской реторики и многословія (см. Воспом. миров. посред. г. Крылова въ *Русской Старинѣ* 1892, № 4).

— И. С. Тургеневъ въ письмѣ своемъ А. И. Герцену, не зная исторіи составленія манифеста, такъ передаетъ свое впечатлѣніе по прочтеніи этого акта: «самымъ явнымъ образомъ онъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на *неуклюжій* русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ. Вотъ фразы въ родѣ «благодѣятельно устроить» и «добрыя патріархальныя условія» — которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ. Но самое дѣло онъ раскуситъ, и дѣло это устроено, по мѣрѣ возможности, порядочно. - Мы здѣсь (въ Парижѣ), продолжаетъ Тургеневъ третьяго дня отпѣли молебенъ въ церкви, и попъ произнесъ намъ краткую, но умную и трогательную рѣчь, отъ которой я прослезился, а Ник. Ив. Тургеневъ чуть не рыдалъ. Тутъ же былъ и старый кн. Волконскій (декабристъ). Много народа передъ этимъ ушло изъ церкви...—Дожили до этого дня, а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ и досада душитъ что не на мѣстѣ». (Письма къ Герцену. Женева. 92. 141).—Манифестъ 19-го февраля былъ напечатанъ въ томъ же 1861 г. на польскомъ, финскомъ, латышскомъ, шведскомъ, еврейскомъ, татарскомъ и армянскомъ языкахъ (см. Крест. вопросъ Межова. Спб. 1865, стр. 180—181).

въ манифестѣ, гдѣ говорилось: «осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго»,—только это теплое мѣсто затрогивало сердечныя струны, и всѣ невольно осѣнили себя крестомъ.

Но общій смыслъ манифеста и совершившагося *великаго* [116]) и радостнаго для народа событія былъ слишкомъ для него ясенъ и, конечно, не могъ не произвести на него глубокаго впечатлѣнія. Но напрасно мы стали бы искать внѣшнихъ проявленій, сколько-нибудь соотвѣтствующихъ глубинѣ этого трогательнаго чувства и величію пережитаго народомъ историческаго момента. Объясняется это, во-первыхъ, обычною сдержанностью народа и отсутствіемъ у него органовъ и способа для проявленія своихъ чувствъ и мыслей, а, во-вторыхъ, робостью, забитостью и неувѣренностью народа, издавна привыкшаго быть, въ качествѣ animae vilis, объектомъ безцеремонной расправы со стороны начальства [117]), въ возможности свободнаго проявленія даже вполнѣ легальныхъ чувствъ. Такъ, по разсказу современника, народъ, стоявшій около манежа, гдѣ Государь самъ лично прочелъ манифестъ 19 февраля, снялъ шапки, когда показался Государь, но *ура не смѣлъ кричать, не имѣя на то разрѣшенія полиціи* [118]).

---

[115]) Матушка не могла поѣхать въ церковь въ день объявленія манифеста, пишетъ помянутый гвардеецъ, потому что кучеръ явился къ ней и съ плачемъ объявилъ, что въ такой *великій* для всѣхъ день ему невозможно работать (*Русск. Арх.* 1892, № 1).

[117]) Въ самый великій, священный для народа день объявленія свободы петербургская полиція выпорола двухъ дворниковъ, вся вина коихъ состояла въ томъ, что они въ *трактирѣ говорили* незадолго до 5 марта о „подписанной Государемъ волѣ“ (см. *Русск. Арх.* 1891, № 1, стр. 71).

[118]) См. н. Матеріалы, III, 190.—О личномъ настроеніи Виновника праздника писалъ недавно кн. Мещерскій слѣдующее: «То, чего не пришлось найти 32 года назадъ въ обстановкѣ и въ настроеніи молящихся Исаакіевскаго собора, писалъ онъ въ 1893 году въ „*Гражданинѣ*“, то многіе изъ насъ увидѣли въ этотъ день въ лицѣ Виновника торжества: *отраженіе праздника*... Сколько ясной радости, сколько душевнаго довольства было ярко написано на благородномъ лицѣ Преемника Николая Перваго въ этотъ день, когда свершилось то, чего не рѣшился сдѣлать, легко сказать, кто: Николай I... Ни одна тучка не омрачала яснаго неба (sic) на лицѣ счастливаго дарованнымъ народу счастьемъ Монарха. Я въ тотъ день, помню

Впрочемъ, были моменты, когда народъ, не будучи въ силахъ сдержать наплыва восторженнаго чувства благодарности, встрѣчалъ Царя-Освободителя такими громогласными и идущими отъ сердца кликами «ура», которые могли издать лишь люди, впервые свободно, по-человѣчески вздохнувшіе послѣ многовѣковой злой неволи. Эти сіяющія, радостныя лица народа, впервые дождавшагося, послѣ трехвѣковаго томленія рабства, свѣтлаго праздника на своей улицѣ, эти стихійные взрывы сдержаннаго, но неудержимаго восторга, пламенныя громогласныя вспышки безпредѣльнаго народнаго ликованія навсегда запечатлѣлись въ умѣ и сердцѣ имѣвшихъ счастье видѣть и слышать ихъ.

«Было 2 часа пополудни, разсказываетъ одинъ изъ этихъ счастливцевъ, на Царицыномъ лугу было народное гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики «ура». Государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того какъ Онъ приближался, крики «ура» становились громче и громче; наконецъ, когда Государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое «ура», отъ котораго, казалось, *земля затряслась*. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего Царя-Освободителя. Я счастливъ,—пишетъ авторъ воспоминаній, — что мнѣ пришлось въ моей жизни видѣть этотъ народный энтузіазмъ, не поддающійся описанію» [119]).

Другой изъ современниковъ, профессоръ и цензоръ А. В. Никитенко подъ 5-мъ марта пишетъ въ своемъ Дневникѣ: «Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ мнѣ принесли около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ

какъ вчера, видѣлъ лицъ, присутствовавшихъ при той трогательной сценѣ, когда на Сенатской площади толпа благодарнаго народа впервые поднесла хлѣбъ-соль своему Царю-Освободителю отъ освобожденныхъ Имъ отъ крѣпости крестьянъ. Сіи свидѣтели говорили объ этой сценѣ со слезами умиленія и прибавляли, что, право, имъ казалось, что Государь и Наслѣдникъ его окружены были сіяніемъ, до того *свѣтлы* были и ихъ лица, и лица народа. Въ тотъ же день, какъ разсказывали тогда счастливый Монархъ пошелъ навѣстить свою дочь, малолѣтнюю Великую Княжну Марію Александровну, и, сіяя отъ радости, цѣлуя ее, сказалъ, что сегодня—*лучшій день его жизни!* (*Гражд.* 20 февраля 1893 г.

[119]) См. Воспоминанія Г. Д. Щербачева въ № 1 *Русск. Арх.* 1891

Драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ ли есть въ тысячелѣтней исторіи рускаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей и дѣтямъ въ кабинетѣ предъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему на вѣки въ своемъ сердцѣ *5-е марта и имя Александра II Освободителя*. Я не могъ усидѣть дома, продолжаетъ Никитенко. Мнѣ захотѣлось выйти побродить по улицамъ и, такъ сказать, *слиться съ обновленнымъ народомъ*. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора, и возлѣ каждаго толпились кучки народа; одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя... Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ Галаховымъ (ученымъ). — *Христосъ воскресе!* сказалъ я ему. — *Воистину воскресе?* отвѣчалъ онъ, и мы взаимно передали другъ другу нашу радость. Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанское, и мы выпили по бокалу въ честь Александра II». Мы поймемъ эту наивную, юношескую экспансивность пожилаго ученаго, если примемъ на видъ, что онъ радовался объявленію воли и какъ просвѣщенный гражданинъ, и какъ бывшій рабъ, самъ познавшій всю горечь и стыдъ крѣпостнаго безправія! [120]).

---

[120]) *Русск. Стар.* 1891, № 1. — До 20-ти-лѣтняго возраста Никитенко былъ (какъ и Погодинъ) крѣпостнымъ кавалергарда гр. Шереметева, владѣвшаго 150.000 душъ. Никитенко, получившій солидное образованіе, разсказываетъ подробно мучительныя перепитіи, предшествовавшія его освобожденію какъ позорной неволи и поступленію въ Петербургскій университетъ. Любопытная игра судьбы! Никитенка выдвинула и пріуготовила освобожденіе та самая клерикальная реакція, которая имѣла въ виду укрѣпленіе крѣпостнаго феодальнаго строя жизни. „Созданный Меттернихомъ Священный союзъ, пишетъ самъ Никитенко, имѣлъ въ виду противодѣйствовать идеямъ, возбужденнымъ французскою революціею, т. е. парализовать движеніе народныхъ массъ къ свободѣ, къ обузданію феодальнаго произвола, къ установленію великаго начала, что не народы существуютъ для правителей, а правители для народовъ. Это былъ настоящій заговоръ противъ народовъ. Не пренебрегая никакими средствами, союзъ призвалъ къ себѣ на помощь и религію или, вѣрнѣе, ту часть ея, которая была съ руки ему: *о смиреніи и повиновеніи*. Обходя идею братскаго равенства, составляющую главную суть ученія Христа,

Великій день 5-го марта прошелъ спокойно.

Любопытная вещь. Опасались народныхъ волненій, и что-жъ День объявленія какъ будто нарочно пригнали на *прощеное вос кресенье*, когда народный масляничный разгулъ и буйство дости гаютъ высшаго размѣра. Былъ-ли тутъ затаенный разсчетъ с стороны крѣпостниковъ, жадно ждавшихъ возможности запугат Государя и эксплоатировать народныя волненія въ своихъ инте ресахъ, или невѣроятная непредусмотрительность тонкихъ адми нистраторовъ, но отрадно отмѣтить, что самъ великій имянин никъ 5-го марта, освобожденные крѣпостные, осрамилъ гнусны разсчеты крѣпостниковъ и выручали несообразительное начальств своимъ достойнымъ, исполненнымъ такта и самообладанія поведе ніемъ, страдавшимъ скорѣе излишнею сдержанностью, нежел избыткомъ экспансивности. Легко представить, какъ сладко радостно должны были вздохнуть эти измученные либо жесто кимъ произволомъ крѣпостные, либо ежедневною, ежеминутно мелкою домашнею тиранніею дворовые, едва вѣрившіе выпавшем на ихъ долю счастью! А между тѣмъ они сдерживали себя таили въ сердцѣ охватившія ихъ радостныя чувства. Народ не только не «бунтовалъ», вопреки тонкимъ опасеніямъ полиці но даже не дозволялъ себѣ шумныхъ внѣшнихъ излишествъ въ изъ явленіи своей радости, которыя были бы однако такъ естественны скажемъ болѣе—законны и почтенны въ такой исключительны счастливый день, какъ день уничтоженія рабства и возвращені человѣческаго достоинства. Съ измальства привыкшій подъ дав леніемъ двойной ферулы крѣпостнаго права и начальственнаг произвола сдерживать себя въ проявленіи вовнѣ самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, освобожденный рабъ не имѣлъ духа и вол

онъ недобросовѣстно держался только буквы извѣстныхъ истинъ, кото рыя, взятыя въ отдѣльности, всегда могутъ быть по произволу искажены Такъ поступали *обскуранты всѣхъ временъ*. Они пользовалась религіем какъ средствомъ для *отупленія умовъ*"... (стр. 151 — 152).—Затѣмъ Ни китенко разсказываетъ, какъ онъ попалъ въ секретари одного изъ биб лейскихъ Обществъ, созданныхъ тогдашнимъ реакціоннымъ движеніемъ и какъ рѣчь его, крѣпостнаго, плѣнила главу реакціи кн. А. Н. Голи цына, начавшаго хлопотать у гр. Шереметева Никитенко получилъ воль ную въ 1834 г., при чемъ много помогъ ему декабристъ Рылѣевъ.—(См Записки и Дневникъ Никитенка 1873, т. I, стр. 160—173).

отдаться свободно охватившему его ликованію, подобно больному, не могущему расправить свои члены, парализованные долгой болѣзнью. Даже самого Творца своей свободы и счастья, Царя-Освободителя, народъ, какъ уже замѣчено, не всегда смѣлъ открыто привѣтствовать, не имѣя на то прямаго разрѣшенія начальства.

Еще больше обманулъ народъ дрянные разсчеты «его сивушества Полугарова, всѣхъ кабаковъ и выставокъ безпечальнаго обладателя», по выраженію Салтыкова, разсчеты откупщиковъ. Кто о чемъ, а откупщикъ въ этотъ день думалъ только объ одномъ, какъ бы побольше народа споить и сорвать барыши съ этого рѣдкаго народнаго праздника. И безъ того большіе запасы водки, дѣлавшіеся обыкновенно для послѣдняго дня масляницы, были на сей разъ еще болѣе увеличены, Но, увы! — разсчетъ оказался ошибочнымъ: народъ, какъ бы сговорившись, счелъ неумѣстнымъ предаваться въ такой великій день пьяному разгулу, и откупщики потерпѣли убытокъ, не успѣвъ даже выручить сумы, обычной для масляницы.

Въ послѣдующіе дни манифестаціи въ Петербургѣ имѣли болѣе правильный, но не менѣе грандіозный характеръ. Фабричные окрестностей Петербурга прислали къ генералъ-губернатору Игнатьеву депутацію съ просьбою разрѣшить подать Государю адресъ и хлѣбъ соль. Игнатьевъ принялъ ихъ очень сурово и отказалъ наотрѣзъ. Тогда депутація заявила, что она обратится къ министру двора Адлербергу, и Игнатьеву пришлось поневолѣ разрѣшить депутаціи подать хлѣбъ-соль. Фабричные явились въ числѣ 20 тысячъ на площадь Зимняго дворца и подали Государю Императору хлѣбъ-соль, но адресъ не былъ принятъ [121]).

Спустя недѣлю послѣ объявленія манифеста, 12-го марта, тысячи крестьянъ, фабричные и ремесленники, отслушавъ литургію въ Александро-Невской лаврѣ, отправились съ женами и дѣтьми къ Зимнему дворцу и, поднеся хлѣбъ-соль, подали адресъ слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь!

»Фабричное и ремесленное населеніе столицы Твоей, проникнутое сознаніемъ счастія, которымъ оно обязано Твоему великодушію, прихо-

[121]) См. Матеріалы, III, 194.

дить нынѣ излить предъ Тобою чувства безпредѣльной благодарности и преданности вѣрноподданнической.

„Единственный изъ Монарховъ! Ты соблаговолилъ день Твоего самодержавнаго воцаренія содѣлать днемъ свободы народной, и мы всѣ знаемъ, на сколько въ этомъ дѣлѣ нашего освобожденія принимало участіе Твое вселюбящее сердце. Мы пришли благодарить Тебя за права гражданскія, которыя Ты даровалъ намъ, за жизнь, которую Ты обновилъ для насъ, за наше настоящее счастіе, котораго не знали отцы и дѣды наши, за будущее счастіе нашихъ дѣтей и внуковъ.

„Мы знаемъ, Государь, что, получая новыя права, мы должны принять на себя новыя обязанности, и обѣщаемъ Тебѣ содѣлаться достойными великаго дара, ниспосланнаго намъ Твоею державною волею.

„Мы просимъ Бога подъ Твоимъ благотворнымъ царствованіемъ прославить и возвеличить любезное отечество наше, мы молимъ Его, Всемогущаго, сохранить намъ надолго драгоцѣнные дни Твои, чтобы Ты Самъ видѣлъ и вкусилъ плоды Твоего насажденія и, окруженный всенароднoю любовію, долгое время наслаждался счастіемъ Твоего свободнаго народа!"

Въ отвѣтѣ своемъ [122]) Государь заявилъ, что освобожденіе это всегда было желаніемъ и заботой Родителя его, который уже приступилъ къ этому дѣлу, и затѣмъ далъ депутаціи мудрыя

---

[122]) Любопытенъ разсказъ объ этой аудіенціи, напечатанный со словъ одного изъкрестьянскихъ депутатовъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*.

„Братія!—писалъ депутатъ,—великое дѣло намъ пришлось совершить для нашей общей пользы и признательности, которую мы изъявили первые изъ числа двадцати трехъ милліоновъ освобожденнаго народа Государю Императору.

„Это сочувствіе и признательность наша шибко прогремитъ во всей нашей Россіи и даже будетъ извѣстна за границей, въ иностранныхъ земляхъ.

„Первыя слова Государя Императора къ намъ:

— „Здравствуйте, дѣти!"

— „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!"

— „Мы пришли благодарить Тебя, Государь, за свободу, которую Ты даровалъ намъ. Удостой принять хлѣбъ и соль отъ трудовъ нашихъ".

„Его Величество перебиваетъ нашу рѣчь своимъ словомъ:

— „Благодарю васъ, дѣти, за сочувствіе ваше, которое стоило немалаго труда. Поняли ли, дѣти, что́ для васъ сдѣлано, въ пользу вашего общаго блага, Мною въ объявленномъ вамъ Манифестѣ?"

— „Мы чувствительно благодаримъ Ваше Императорское Величество за Ваши великія благодѣянія, которыми Вы обновили жизнь нашу".

„Его Величество: — Это дѣло было начато еще Моимъ Родителемъ, но Онъ не успѣлъ его кончить при своей жизни. Мнѣ пришлось, съ по-

отеческія наставленія на счетъ христіанскаго, честнаго и правильнаго образа дѣйствій, которому освобожденные крестьяне должны оставаться вѣрными, если хотятъ нести въ свободномъ состояніи своемъ всѣ преимущества, какія оно можетъ имъ дать [122]).

Такъ спокойно прошли въ Петербургѣ эти незабвенные исторические дни, ожидавшіеся съ тревогою и ужасомъ. Но если обратиться къ даннымъ о настроеніи общественныхъ группъ или сословій, то они окажутся очень скудными. И понятно почему. Изъ двухъ непосредственно заинтересованныхъ классовъ одинъ, дворянскій, хранилъ затаенное, враждебное молчаніе, другой, крестьянскій, и радъ бы выразить воодушевлявшія его чувства, да неимѣлъ еще организованнаго орудія общественной мысли и слова. Купечество и духовенство оставались равнодушными, такъ какъ реформа ихъ прямо не задѣвала. Общесословныхъ же учрежденій въ то время почти не существовало. Вотъ почему особеннаго вниманія заслуживаетъ, какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія, адресъ, поданный общесословною петербургскою Думою. Дума, между прочимъ писала: «Принявъ на видъ, что Высочайшимъ манифестомъ 19-го минувшаго февраля Его Императорскому Величеству благоугодно было *возвратить* крестьянамъ ихъ древнюю исконную свободу, какова Монаршая милость дополнила и довершила дарованную рос-

---

щію Бога, совершить оное дѣло, для блага вашего. Но вы, дѣти, теперь должны благодарить Бога и молиться о вѣчной памяти Моего Ротеля, и самимъ вамъ, всѣмъ вообще, всѣмъ быть полезнымъ для блага ечества. Благодарю васъ; Я доволенъ вами" (*Моск. Вѣд.* 1861, № 94).

[123]) Напрасно мы стали бы искать въ газетахъ того времени слѣды го народнаго ликованія и энтузіазма. Только черезъ недѣлю появи- не столько для Россіи, сколько для Европы, въ *Journal de St.-rsbourg* слѣдующая замѣтка объ одной изъ народныхъ сценъ, быв- на Дворцовой площади передъ Зимнимъ дворцомъ. Государю предлась депутація мастеровыхъ и крестьянъ, которая отдѣлилась отъ , собравшейся на площади въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, и выа въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ признательность свою обожденіе отъ крѣпостной зависимости.—Приведенный адресъ также напечатанъ въ *Journ. de St.-Pétersbourg*. Мы заимствуемъ его изъ . *Вѣдом.*, напечатавшихъ „переводъ" въ № отъ 17-го марта. По вроятности, это тотъ самый адресъ, который не былъ принятъ

сійскому дворянству манифестомъ Петра III отъ 18-го февр
1762 г. свободу отъ обязательной службы Царю и Государю
которою было тѣсно связано обязательное тягло крестьянъ [124]
уничтожила въ Россіи несвободныя отношенія сословій къ госу
ству; и убѣжденная, что цвѣтущая жизнь городовъ по боль
части зависитъ отъ благоустроеннаго положенія сельскихъ
телей, обезпечивающихъ существованіе первыхъ и достав
щихъ имъ способы обогащенія; проникнутая этимъ убѣжден
и вслѣдствіе того душевно сочувствуя дарованному нынѣ *м
шей братіи счастью*, не можетъ отказать себѣ въ серде
потребности испросить у Его Императорскаго Величества с
воленія повергнуть къ подножію престола изліяніе вѣрно
даннической благодарности за всемилостивѣйшее сопричис
крестьянскаго сословія, на непомѣщичьихъ земляхъ поселени
къ свободному русскому обществу». — С.-петербургская Д
приговорила: «Просить Государя Императора считать город
общество *ревностнѣйшимъ и усерднѣйшимъ цѣнителемъ и
движникомъ (?) величайшаго преобразованія*, которое состав
на-вѣки-вѣковъ блестящую страницу царствованія Его Имп
торскаго Величества и вмѣстѣ источникъ неугасимой слав
непоколебимаго процвѣтанія Россіи». Затѣмъ с.-петербург
Дума ходатайствовала передъ Государемъ о принятіи въ д
дома Межуева для устройства въ немъ Александровской б
ницы для чернорабочихъ.

---

[124]) Эта точка зрѣнія настойчиво проводилась въ либеральной рус
литературѣ. См. Матеріалы, I, 21—22.

VI

Я помню незабвенный годъ...
Какимъ онъ свѣтомъ освѣтилъ
Царемъ раскованный народъ
Отъ узъ, которыя носилъ!
О, какъ тогда мы ликовали,
Толпою окруживъ амвонъ,
Когда намъ волю объявляли
Подъ праздничный веселый звонъ!...
И съ тѣхъ поръ часто вспоминаю
То дѣтство, то тяжелы годы,
И тѣмъ лишь душу услаждаю,
Что я дождался дней свободы.

Бывш. двор. Ѳ. Бобковъ.

Что же происходило 5-го Марта въ Первопрестольной? Не легко отвѣтить на этотъ вопросъ. Берешь въ руки газеты того времени—тишь да гладь или, по выраженію Аксакова, слышно одно только молчаніе на всѣхъ языкахъ! Ничто такъ наглядно не рисуетъ жалкое, унизительное положеніе тогдашней печати, какъ это вынужденное, систематическое молчаніе ея въ то время, когда къ голосу ея особенно прислушивались и когда она, съ большою обстоятельностью трактуя объ иностранныхъ государствахъ, не смѣла коснуться дѣла, всѣхъ волновавшаго. Перелистывая, напр., *Московскія Вѣдомости*, можно подумать, что онѣ издавались не въ Москвѣ, а гдѣ-нибудь за границею. Цѣлые столбцы заняты въ университетской газетѣ преніями во французскомъ сенатѣ о свѣтской власти папы, объ образованіи итальянскаго королевства, отчетами объ англійскихъ журналахъ и т. п., но ничего или почти ничего объ освобожденіи крестьянъ. Въ теченіе всего февраля мы нашли въ ней только одно лаконическое извѣстіе по крестьянскому вопросу, а именно слѣдующую телеграмму (очевидно пересказъ вышеупомянутой статьи *Съв. Пчелы*) изъ Петербурга отъ 18-го февраля: «Обсужденіе крестьянскаго вопроса оканчивается; надѣются, что это событіе (обсужденіе?) совершится постомъ» и только! [125]). Какъ разъ въ день

[125]) См. *Москов. Вѣдом.* отъ 19-го февраля, № 41.

появленія этого извѣстія, 19-го февраля, подписывается освободительная хартія, приступаютъ къ спѣшному печатанію ея. Въ публику проникаютъ слухи объ этомъ великомъ событіи, распространителей слуховъ наказываютъ въ полиціи розгами [126]), но въ печати о немъ ни слова.

5-го марта читаютъ въ Петербургѣ манифестъ, тамъ же происходятъ народныя манифестаціи, но въ печать опять-таки ничего или почти ничего не проникаетъ. Съ 4-го по 6-е марта *Московскія Вѣдомости* не выходили. Въ № отъ 7-го марта, за помѣткою «сообщено», находимъ оффиціальное свѣдѣніе о чтеніи манифеста въ московскихъ церквахъ и о молебствіи. Затѣмъ сообщается, что экземпляры манифеста были разосланы во всѣ дома, а дворовымъ роздано было чрезъ полицію «Положеніе о дворовыхъ». Въ съѣзжихъ домахъ и во всѣхъ Конторахъ квартальныхъ надзирателей поступило въ продажу по рублю за экземпляръ «Положеніе о крестьянахъ»—въ первые дни не болѣе одного экземпляра въ однѣ руки [127]).

Но неужели *Москов. Вѣдом.* промолчали этотъ единственный день и такъ-таки сами отъ себя не сказали ни слова по поводу этого важнѣйшаго событія въ русской исторіи? При бѣгломъ обзорѣ № ничего не оказывается. Но къ чести русской печати, редакція (редакторомъ былъ В. Ѳ. Коршъ), не смѣвшая прямо говорить объ этомъ, постаралась обойти бдительность цензуры косвенно. Гдѣ-то въ глухомъ углу газеты, въ отдѣлѣ библіографіи, гдѣ говорится о книгѣ Тройницкаго— «Крѣпостное населеніе по 10-й ревизіи», газета помѣстила нѣсколько прочувствованныхъ строкъ о событіи дня подъ замаскированнымъ заглавіемъ: «Крѣпостное населеніе въ Россіи». Вотъ что между прочимъ говорится въ этой контрабандной, прочувствованной редакціонной замѣткѣ: «Великое событіе занесено въ лѣтописи Россіи и Европы. Государственное начало, этотъ мощный двигатель и блюститель народныхъ интересовъ, начало, спасшее Русь отъ раздробленія, отъ монголовъ и выдвинувшее насъ на

---

[126]) См. назв. Матеріалы, II.

[127]) Впослѣдствіи было пущено еще въ продажу по 10 к. „Краткое изложеніе правъ и обязанностей крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣп. зависимости“.

прямой путь общеевропейскаго развитія, нынѣ мудро разрѣшаетъ вѣковыя узы крѣпостныхъ отношеній между милліонами людей. Русская земля, благодаря этому двигающему началу и благороднѣйшему его представителю Государю Императору Александру Николаевичу, отнынѣ устраивается на новыхъ основаніяхъ. Въ ту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, милліоны нашихъ братьевъ съ любовью и сердечнымъ умиленіемъ произносятъ это вовѣки благословенное имя. *Александровъ день*, какъ назвалъ Погодинъ 19-е февраля, навсегда останется однимъ изъ великихъ дней Русской исторіи. Этотъ день, мы въ томъ увѣрены, будетъ днемъ *священнымъ* для всего населенія необъятнаго Русскаго царства. Онъ не можетъ оставить по себѣ недовольныхъ» [128]).

Какова была въ этотъ день физіономія первопрестольной, объ этомъ совершенно умалчиваютъ *Московскія Вѣдомости*, и только недѣлю спустя, при описаніи ужина, о которомъ рѣчь будетъ ниже, въ подстрочномъ примѣчаніи указывается, что въ этотъ день, 5-го марта, всѣ знакомые цѣловались при встрѣчѣ [129]).

Вообще въ Москвѣ праздникъ 5-го марта прошелъ еще тише, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ появленіе Виновника празднества вызвало неудержимые взрывы народнаго энтузіазма. М. П. Погодинъ, ѣздившій на день, на субботу, 4-ое марта въ Петербургъ, узнавъ тамъ, что на 5-е марта назначено объявленіе воли въ Москвѣ, спѣшилъ вернуться домой, чтобы во-очію видѣть, какъ Москва въ Кремлѣ у Ивана Великаго будетъ чествовать великое историческое событіе. Разочарованіе Погодина было полное. Въ Москвѣ были приняты чуть ли не бо́льшія еще мѣры предосторожности, чѣмъ въ Петербургѣ. Народа на улицахъ было не много. Погодинъ былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ мечталъ услышать, послѣ обычнаго многолѣтія Государю, многолѣтіе освобождаемому крестьянству, русскому дворянству, словомъ, ждалъ чего-нибудь необычнаго, способнаго «возбуждать духъ любовнаго единенія между сословіями», но надежда его не исполнилась. Послѣ молебна народъ сталъ расходиться, прислушиваясь къ чтенію ма-

[128]) *Москов. Вѣдом.*, № 52.

[129]) См. № 58 *Москов. Вѣдом.*

нифеста, который въ разныхъ мѣстахъ Дворцовой площади читали студенты, купцы и др. Какъ ни странно, въ этотъ день ни разу не оглашался Кремль крикомъ «ура»; по крайней мѣрѣ, Погодинъ, старательно собиравшій характерныя мелочи этого дня, объ этомъ не упоминаетъ.

Передаетъ Погодинъ, въ *Красномъ Яичкѣ*, между прочимъ, слѣдующія сцены: мужикъ везъ дрова на рынокъ и увидѣлъ объявленіе, прибитое на будкѣ:—Что это такое?—Свобода!—Какъ стоялъ, такъ и упалъ на колѣни въ лужу и началъ молиться Богу и благодарить.—Другой мужикъ пришелъ къ Иверской и, упавъ на колѣни, внѣ себя воскликнулъ: «Спасибо Тебѣ, Матушка, да Тебѣ Богъ много лѣтъ здравствовать и съ Государемъ нашимъ любезнымъ Александромъ Николаевичемъ!»—Рабочіе на винномъ дворѣ, числомъ около 300, заставили читать послѣ обѣдни манифестъ и затѣмъ бросились цѣловать другъ друга и плясать

— Ну, ужъ Царь у насъ,—сказалъ одинъ крестьянинъ удалый,—какой день выбралъ—прощеный!

Пьянства въ Москвѣ было въ этотъ день меньше противъ обыкновеннаго: 5-го марта было выпито на 1,660 р. меньше, чѣмъ въ предъидущее прощеное воскресенье. На большой фабрикѣ Алексѣевыхъ, гдѣ обыкновенно въ этотъ день было штрафованныхъ за опозданіе 80 человѣкъ, на сей разъ не было ни одного; на пивоваренномъ заводѣ Даніельсона, изъ 250 рабочихъ также не было ни одного запоздавшаго. Въ чистый понедѣльникъ, въ четырехъ большихъ типографіяхъ всѣ наборщики были на мѣстахъ,—случай небывалый [130]).

---

[130]) См. н. брошюру „Красное Яичко“, 8, 11, 13. Послѣ появленія фельетона моего „Объявленіе воли“ (въ *Русск. Вѣдомостяхъ* 5-го марта 1894 г.) я получилъ чрезъ Ѳ. Д. Бобкова письмо отъ „бывшихъ крѣпостныхъ“, въ которомъ они писали: „Мы чрезвычайно благодарны за выраженіе чувствъ, которыми мы сами полны, но которыя сами выразить не умѣемъ иначе, какъ молитвой. Мы, собравшись въ маленькомъ кружкѣ горячо поминали прошедшее, тяжелое время и день объявленія въ 1861 г подъ праздничный веселый звонъ. Съ небесъ свѣтило такъ ярко красное солнышко, освѣщая онѣмѣвшія отъ внезапной радости лица крѣпостныхъ и сверкая на свѣтлыхъ штыкахъ патруля, проходившаго улицами, оказавшихся ненужными для смиренныхъ овецъ, отпущенныхъ изъ хлѣвовъ вѣчнаго страха и томительной неизвѣстности. Мы помнимъ, какъ

Страсть Москвы къ торжественнымъ банкетамъ сказалась и въ этотъ знаменательный день. Вечеромъ 5-го марта состоялся помянутый ужинъ въ Самариномъ трактирѣ, но описаніе его появилось лишь 14-го марта. Собралось 32 человѣка: литераторы, помѣщики, купцы, артисты и чиновники. Всѣ присвиданіи цѣловались, поздравляя другъ друга съ великимъ радостнымъ событіемъ. Нѣкоторые *христосовались*, называя этотъ день нашимъ *гражданскимъ воскресеньемъ*. Первый тостъ за здоровье «Освободителя» былъ провозглашенъ «старѣйшимъ по лѣтамъ и заслугамъ», какъ выражались *Москов. Вѣдом.*, Щ.... (безъ сомнѣнія, Щепкинымъ, котораго газета не назвала по имени, должно быть, изъ опасенія скомпрометтировать его въ глазахъ начальства). Голосъ его дрожалъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но залился слезами и не могъ договорить. Почти у всѣхъ присутствующихъ навернулись слезы на глазахъ. Послѣ перваго тоста возникла мысль ознаменовать этотъ торжественный день какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ на пользу освобождаемыхъ.

Рѣшено было въ теченіе двухъ лѣтъ освободить хотя одного изъ дворовыхъ людей, если кто помѣщикъ, посредствомъ выдачи увольнительнаго свидѣтельства на другой же день, въ противномъ

губернаторъ объявилъ 10-го февраля, что объявленіе воли 19-го числа не послѣдуетъ и неизвѣстно когда состоится, что̀ насъ опечалило, а еще болѣе оскорбляло то, что почему-то господа были убѣждены, что дворовые люди, при объявленіи воли, будутъ буйствовать. Чтобы разувѣрить въ этомъ общественное мнѣніе на счетъ дворовыхъ, мы 27 февраля составили статейку по поводу вышедшей тогда книжки г. Славина: „Какъ должны встрѣтить крѣпостные люди волю“, которую заключили такъ: „классъ дворовыхъ людей не посрамитъ своего отечества и не опечалитъ своего великодушнаго Благодѣтеля, благочестивѣйшаго Государя Императора:

Но отрѣшившись отъ оковъ,
Предстанетъ въ образѣ иномъ,
Не будетъ гостемъ кабаковъ
И распрощается съ виномъ.

Мы смѣло тогда говорили это, зная людей своей среды и ихъ настроеніе, 5-го марта въ день объявленія воли *гордились, что не ошиблись*, что дѣйствительно даръ Царя приняли съ должнымъ благоговѣніемъ и благодарностью. И нынѣ, въ 33 годовщину, мы также горячо благодаримъ за освобожденіе Бога и молимъ за Царя-мученика, положившаго за насъ животъ“.

случаѣ—содѣйствіемъ своими средствами. Но такъ какъ изъ присутствующихъ *ни у кого не было* прислуги изъ дворовыхъ, то они обязались склонить къ тому другихъ. Кромѣ того, въ изъявленіе общей радости и признательности къ благородному подвигу Монарха и въ томъ убѣжденіи, что въ настоящее время общество должно путемъ благотворительности придти на помощь правительству въ устройствѣ быта дворовыхъ людей и ихъ семействъ, постановлено: 1) Открыть съ разрѣшенія правительства (таковое не послѣдовало) подписку въ цѣлой имперіи для учрежденія благотворительнаго Общества попеченія о дворовыхъ людяхъ. 2) Немедленно открыть подписку среди присутствующихъ и продолжать ее въ столицѣ. 3) На собранныя деньги немедленно приступить къ открытію соглашенія о выдачѣ увольнительныхъ свидѣтельствъ дворовымъ, проживающимъ въ Москвѣ. По подпискѣ было собрано болѣе 5,000 руб., при чемъ въ ней приняла участіе и прислуга, какъ только она узнала о цѣли [131]) подписки. Рѣшено было собираться по воскресеньямъ, но добрая иниціатива эта дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣла въ виду противодѣйствія администраціи.

Въ этотъ же «прощеный день» 5-го марта вспомнили и стихи И. С. Аксакова, коими онъ въ 1858 г. привѣтствовалъ приступъ къ освобожденію крестьянъ, и внушенные тѣмъ высокимъ подъемомъ духа, которымъ было охвачено, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія въ то время, все, что́ было порядочнаго и честнаго въ русскомъ обществѣ:

Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ!
Людямъ миръ, благословенье.
Горькихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему привѣтъ...

---

[131]) *Москов. Вѣдом.* 1861, № 65.—На другой день по объявленіи воли въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора поступило отъ бывшаго дворового 5 *трудовыхъ* рублей для употребленія въ память освобожденія крестьянъ.—Крестьяне с. Осоргина, Звенигородскаго уѣзда, собрали для той же цѣли по 25 к. съ души,—всего 15 р. (см. № 41 *Моск. Вѣдом.*). Но, къ сожалѣнію, столь симпатичное народное движеніе, не встрѣтивъ должной поддержки и организаціи, затерялось безслѣдно и заглохло.

5-го же марта вѣсть объ освобожденіи крестьянъ была разнесена телеграфомъ по всей Европѣ, встрѣтившей ее единодушнымъ сочувствіемъ. *Kölnische Zeitung* посвятила 25-го (13-го) марта этому событію слѣдующія прочувствованныя строки:

«Рѣдко или, лучше сказать, *никогда* еще смертному не доводилось совершить дѣло столь важное и благородное, какъ то, которое совершилъ благодушный Императоръ Александръ II. Однимъ почеркомъ пера онъ возвратилъ 23 милліонамъ людей ихъ права. То, что онъ исполнилъ свое желаніе, съ которымъ вступилъ на тронъ, лишь въ седьмой годъ своего царствованія, доказываетъ, съ какими великими трудностями была сопряжена отмѣна въ Россіи крѣпостнаго состоянія. Похвалы, воздаваемыя въ манифестѣ дворянству, безъ сомнѣнія, побудятъ дворянъ сдѣлаться достойными ихъ. Дай Богъ, чтобы дѣло, предпринятое великодушнымъ Государемъ, имѣло успѣхъ, согласный съ желаніями его. Этотъ Монархъ занялъ теперь одно изъ самыхъ прекрасныхъ и почетныхъ мѣстъ въ исторіи».

Въ это же время начало приводиться въ исполненіе предложеніе Погодина о сооруженіи въ Москвѣ въ память Александрова дня (освобожденія крестьянъ) храма во имя Александра Невскаго, на трудовыя копѣйки крестьянъ. Сначала подписка шла очень бойко. Одинъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ, препровождая къ московскому генералъ-губернатору 5 р., писалъ [132]): «примите отъ меня трудовые пять рублей на сооруженіе монумента Великому Александру Милостивому, который слѣдуетъ поставить *за спасеніе* противъ храма Христа Спасителя. Съ моей легкой руки тоже найдутся добрые люди, которые цѣнятъ добродѣтель, и если изъ нашего низшаго сословія по копѣйкѣ сложатся, и то много будетъ; трудовая копѣйка дороже даровато рубля и монументъ нашъ простоитъ во вѣки вѣковъ и имя Александра Милостиваго будетъ нетлѣнно».

Стали поступать и крупныя пожертвованія (ростовскій купецъ Сорокинъ пожертвовалъ 1,000 рублей). С. С. Масловъ (пріятель Бѣлинскаго), впослѣдствіи завѣщавшій все свое крупное состояніе на народное образованіе, прислалъ Погодину, какъ будущему кти-

[132]) См. и. Лѣтопись, прил. къ *Ж. М. В. Д.*, 159.

тору церкви, 50 р. при письмѣ, которое заканчивалось такъ: «да празднуется 19-е число февраля на вѣчныя времена въ память нашего роднаго, желаннаго Царя-человѣка Александра II». Для усиленія прилива мелкихъ пожертвованій Погодинъ предлагалъ собирать безъ всякаго участія властей. «Въ воротахъ всякаго генералъ-губернатора и всякаго митрополита, — писалъ онъ,— стоитъ сторожъ въ мундирѣ или тулупѣ и не осмѣлится пойти къ нимъ ни одинъ крестьянинъ съ своимъ пятакомъ или гривною» [133]). Погодинъ предлагалъ ставить кружки въ мелочныхъ лавкахъ. Правъ ли былъ онъ или нѣтъ, однако до сихъ поръ слишкомъ 30 лѣтъ не могло быть приведено въ исполненіе это по-истинѣ благочестивое желаніе русскаго народа, тогда какъ за это время исполнилось не мало затѣй, стоившихъ громадныхъ денегъ.

Отмѣтимъ еще величественную манифестацію фабричныхъ и ремесленниковъ Москвы и ея уѣзда, задуманную въ это время объявленія воли и осуществленную лишь впослѣдствіи, въ маѣ, когда Государь пріѣхалъ въ Москву. Въ благодарность за освобожденіе рѣшено было ими поднести Александру II хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, въ аршинъ въ діаметрѣ. 21-го мая, въ восемь часовъ утра, послѣ молебствія въ Чудовомъ монастырѣ, направилось торжественное шествіе изъ Кремля въ Александрійскій дворецъ, гдѣ находился Государь. Въ шествіи участвовало около 10,000 человѣкъ. Всѣ шли съ обнаженными головами. Впереди шли 400 человѣкъ депутатовъ отъ разныхъ сельскихъ обществъ. По прибытіи ко дворцу депутаты были введены за ограду, а остальные размѣстились по Большой Калужской улицѣ. Когда вышелъ къ депутатамъ Государь и принялъ хлѣбъ-соль, бывшій во главѣ депутаціи 70-лѣтній старикъ Захаровъ произнесъ краткое привѣтствіе, на которое Государь отвѣчалъ словами благодарности. Другой депутатъ просилъ Государя не взыскать, что по простотѣ не могутъ выразить на словахъ и малой доли того, что они чувствуютъ сердцемъ, при мысли о милосердіи къ нимъ Его Величества. Затѣмъ Государь прошелся по двору среди депутатовъ до самой Калужской улицы. Толпа разступалась предъ Государемъ, падала на колѣни и оглашала воз-

---

133) См. Красное Яичко, 16.

духъ непрерывными кликами ура. Когда Государь возвратился на прежнее мѣсто, староста просилъ его удостоить крестьянъ— показать имъ Государыню. На замѣчаніе Государя, что она здѣсь, на балконѣ, старикъ простодушно отвѣчалъ: «Не видимъ, Государь, удостой насъ ее видѣть и поклониться Матушкѣ». Государыня появилась одна на другомъ балконѣ, и при видѣ ея всѣ пали на колѣни и раздалось громкое *ура*.

Государю поднесена была «грамотка» (кажется, написанная Погодинымъ) слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій Государь
Отецъ-Освободитель!

Благодаримъ тебя, Государь, за великія твои милости, за дарованную намъ Тобою свободу. Денно и нощно молимъ мы за Тебя, молятъ наши жены и дѣти и будутъ молить внуки и правнуки. Храни Тебя милосердый Богъ и дай Тебѣ силу и крѣпость все совершить съ любовью, чтобы всѣ твои вѣрноподданныя дѣти, Тебѣ Богомъ данныя, во взаимной любви и согласіи благословляли Твое имя въ роды родовъ, какъ мы благословляемъ имя нашего Отца-Освободителя» [134]).

VII

5-го марта съ 9 час. утра телеграфъ разносилъ изъ Петербурга въ губернскіе центры

Про желанную свободу
Дорогую вѣсть,

благую вѣсть о паденіи позорнаго рабства, а вслѣдъ за телеграфомъ спѣшили гонцы, везшіе въ 41 губернію грамоту «о волѣ» — печатные экземпляры Манифеста и Положеній о крестьянахъ 19-го февраля для раздачи помѣщикамъ и крестьянамъ.

Съ первыхъ чиселъ марта, съ первыми лучами весенняго солнца сталъ разноситься благовѣстъ свободы по городамъ и селамъ Россіи, отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря, бросая

[134]) *Москов. Вѣдом.* 1861, № 114.

покровъ на мрачное прошлое, наполняя сердца освобожденныхъ рабовъ свѣтлыми чаяніями на лучшее будущее:

И горитъ за тобой, тѣни рабства гоня
Нѣжный лучъ восходящаго дня.

Объявленіе воли совершилось въ губернскихъ городахъ въ такой послѣдовательности: 7-го марта: во Владимірѣ и Рязани; 8-го марта: въ Витебскѣ, Ковнѣ, Тулѣ и Ярославлѣ; 9-го марта: въ Вильнѣ, Вологдѣ, Калугѣ, Костромѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Орлѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Твери и Черниговѣ; 10-го марта: въ Воронежѣ, Гроднѣ, Кіевѣ, Новгородѣ, Симбирскѣ и Тамбовѣ; 11-го марта: въ Житомірѣ, Казани, Курскѣ, Самарѣ и Харьковѣ; 12-го марта: въ Вяткѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Перми и Полтавѣ; 13-го марта: въ Екатеринославѣ, Каменцѣ-Подольскѣ и Саратовѣ; 14-го марта: въ Петрозаводскѣ; 15-го марта: въ Симферополѣ и Уфѣ; 19-го марта въ Архангельскѣ и Херсонѣ; 21-го марта въ Астрахани; 2-го апрѣля: въ Кишиневѣ.

Народъ вездѣ, за ничтожными изъятіями, радостно и спокойно встрѣчалъ объявленіе воли. Крестьяне, не довольствуясь, по выраженію оффиціальнаго «Историческаго обзора», «казеннымъ молебномъ»[135]), заказывали особо-торжественные «сборные». Вездѣ молились усердно [136]). Во многихъ мѣстахъ дѣлали постановленія о сооруженіи иконъ, часовенъ или церквей; объ учрежденіи въ мѣстѣ, гдѣ былъ читанъ манифестъ 19-го февраля, школъ, богадѣленъ, больницъ; устанавливали ежегодныя раздачи милостыни заключеннымъ [137]). Кое-гдѣ помѣщики устраивали угощеніе для своихъ крестьянъ и дѣлали пожертвованія въ ихъ пользу. Н. В. Киреевскій (Орловской губ.), которому подносили хлѣбъ-соль, пожертвовалъ 1,000 рублей на народную школу. С. И. Мальцевъ (Орловской и Калужской губерній), владѣлецъ (извѣстный крѣпостникъ) обширныхъ заводовъ, отказавшись отъ предложеннаго крестьянами «монумента», обѣщалъ и впредь вносить за крестьянъ подушныя и земскія повинности (тысячъ до 20-ти) и по-пре-

---

135) См. и. приложеніе, 156, 158.

136) Изъ с. Лыскова писали, что самый бѣдный человѣкъ ставилъ гривенную свѣчку (*М. В.* № 79).

137) См. *Моск. Вѣд.* 1861, №№ 74, 78, 79 и 83.

жнему оставлять вдовамъ и сиротамъ получаемое содержаніе (до 10,000) [138]).

Несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объявленіе воли совпало съ «сборнымъ» воскресеньемъ и съ ярмарками, изо всѣхъ губерній получались извѣстія о необыкновенной трезвости народа во все это время [139]). Въ Симбирскѣ, гдѣ бываетъ большая ярмарка на первой недѣлѣ Великаго поста, съ 10-го по 12-е марта, т. е. по сборное воскресенье (самый пьяный день въ году, по замѣчанію корреспондента), было продано водки на 20,000 р. менѣе прошлогодняго. Отмѣчая этотъ замѣчательный фактъ, корреспондентъ газеты продолжаетъ: «задолго еще до объявленія манифеста мы часто слышали отъ мудрѣйшихъ знатоковъ свойства русскаго крестьянина: «объявите только волю, да они перепьются; развѣ они понимаютъ, что такое воля? Для нихъ воля ничего не дѣлать, спать да пить. Какъ же жестоко ошиблись, добавляетъ корреспондентъ, знатоки въ своихъ тонкихъ соображеніяхъ». Выражая полное довѣріе къ народу, онъ заключаетъ:

Его (народа) примѣромъ укрѣпись
Сломившійся подъ игомъ горя [140]).

Въ Саратовѣ и Петровскѣ (Саратовской губерніи) въ день объявленія воли была устроена иллюминація—«безъ всякаго предложенія мѣстнаго начальства», спѣшитъ добавить оффиціальный историческій очеркъ [141]). Но во всей Россіи съ наибольшимъ блескомъ день дарованія свободы былъ отпразднованъ, какъ это ни покажется страннымъ, у самаго полюса, въ г. Архангельскѣ. Въ соборѣ были собраны всѣ крѣпостные города, коихъ оказалось до 200 человѣкъ обоего пола, и они заняли мѣсто у амвона. Послѣ богослуженія и чтенія манифеста губернаторъ обратился къ крестьянамъ съ рѣчью, а затѣмъ пригласилъ ихъ къ себѣ. У подъѣзда своего, по поднесеніи мужчинамъ пѣнника, а женщинамъ по бокалу «тенерифа», губернаторъ поздравилъ ихъ съ царскою милостью и провозгласилъ тостъ за Государя, по-

[138]) *Моск. Вѣд.* 1861, № 71.
[139]) См. н. Лѣтопись, 161—163.
[140]) См. *Моск. Вѣд.* 1861, № 74.
[141]) См. н. Лѣтопись, 165.

крытый дружнымъ «ура». Даже дѣти не были забыты: имъ роздали пряники. Городъ, не исключая и отдаленныхъ окраинъ, съ утра былъ пышно разукрашенъ флагами и коврами, а вечеромъ былъ роскошно иллюминованъ. На щитѣ, горѣвшемъ у Думы, стояла надпись: «19-е февраля 1861 г.». На щитахъ, горѣвшихъ у театра и общественнаго суда, стояла цифра 21,625,609 (число освобожденныхъ крестьянъ). Всюду слышалось пѣніе. Послѣ праздника флаги были розданы на передники бѣднымъ дѣвочкамъ [112]). Словомъ, Архангельскъ въ отношеніи блесковалъ и сердечности чествованіе «великаго дня» затмилъ столицы. «Обыкновенно тихій Архангельскъ, замѣчаютъ мѣстныя «Вѣдомости», въ этотъ день оживился, сознавая, что слѣдуетъ радоваться этому великому шагу по пути прогресса и гуманности».

Съ половины марта благая вѣсть о свободѣ, постепенно разливаясь все дальше и дальше, по лицу необъятной русской земли, дошла около Благовѣщенія до глухихъ деревень Поволжья и пахарей южныхъ степей. Въ деревни развозили Положенія о крестьянахъ спеціально командированные флигель-адъютанты, передававшіе экземпляръ завѣтной книги въ пакетѣ за казенной печатью помѣщику, другой—міру въ лицѣ старосты.

Не легко было даже грамотнымъ людямъ усвоить себѣ содержаніе этого довольно большаго тома, состоящаго изъ 15 отдѣльныхъ законоположеній, написанныхъ нашимъ обычнымъ «казеннымъ» языкомъ, не отличающимся ни большою точностью, ни полною вразумительностью. Это стало чувствоваться съ первыхъ же дней «объявленія воли», и потому стали появляться въ газетахъ разъясненія или комментаріи, которые, неискусно поддѣлываясь подъ народный языкъ, больше смахивали на прибаутки шутника, нежели на дѣловую рѣчь. Не безынтересны эти образцы первой quasi-народной публицистики, появившіеся въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* подъ заглавіемъ «Земское дѣло».

Разъясняя ст. 22 Положеній о крест. правѣ судебной защиты, комментаторъ говоритъ: «и съ помѣщикомъ, на землѣ котораго живешь, судъ данъ, и съ него можешь свое право править,

---

[112]) См. *Моск. Вѣд.* 1861, № 78.

только не за старое время (?). Никакая рѣка не течетъ къ своей вершинѣ (sic!), никакой законъ не дѣйствуетъ на прошлое время. Старики наши чуяли этотъ законъ, когда сложили пословицу: Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Глазъ-то, пожалуй, цѣлъ останется, да еще отъ хлопотъ будешь избавленъ. Не смущаетъ лукавый на старый грѣхъ».—Замѣчательно, что въ этомъ многословномъ толкованіи упущено изъ виду, что крестьянамъ разрѣшилось отыскивать судомъ земли, пріобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время на имя помѣщиковъ, и такихъ процессовъ было не мало [143]).—Дойдя до 25 ст., постановляющей, что крестьяне не могутъ быть подвергаемы наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію правительственныхъ и общественныхъ властей, авторъ восклицаетъ: «Ну, мудрѣе этого и придумать нельзя: никакой прикащикъ, будь онъ разнѣмецъ (sic!), не обидитъ. А случалось, правду сказать—случалось! Законное распоряженіе властей—тотъ же судъ,—стало, самосуда больше не будетъ». Коснувшись мірскаго *самоуправленія*, авторъ ставитъ вопросъ, не лучше ли было бы, если бы начальство отъ этой заботы міръ освободило и само бы поставило надъ большихъ, смотрѣло бы за ними, подати собирало съ крестьянъ, и отвѣчаетъ: «нѣтъ, братцы, далеко не лучше! Никакому начальству такъ мірскія нужды невѣдомы, какъ самому міру; никакое начальство такъ мірскихъ людей не знаетъ, какъ самъ міръ—стало быть, оно, начальство, и радо бы выбрать хорошихъ, да чтобы ошибки не вышло; а міру-то ошибаться грѣхъ: у него всѣ люди на перечетѣ, отъ него никакое дѣло не скроется... Вотъ этотъ-то общій совѣтъ и есть «выборное начало», которымъ наша земля споконъ-вѣку держится, и лучше ничего и придумать нельзя. Видно, сильно Царь любитъ народъ и много ему вѣритъ. Наше дѣло доказать, что мы стоимъ вѣры. Постараемся!» [144])

Эта благонамѣренная, хотя и крайне неудачная поддѣлка подъ народный языкъ едва ли принесла хоть какую-нибудь пользу даже и крестьянамъ, живущимъ въ городахъ, а объ деревен-

---

[143]) О крестьянскихъ тяжбахъ съ помѣщиками, веденныхъ А. М. Унковскимъ, см. въ главѣ объ А. М. Унковскомъ.

[144]) См. *Москов. Вѣдом.* 1861 г., № 64.

«скомъ населеніи и говорить нечего. Крѣпостные, за ничтожнѣйшими изъятіями, были сплошь неграмотны, а съ другой стороны относились съ полнымъ недовѣріемъ къ газетамъ, издаваемымъ «господами», считая ихъ закупленными помѣщиками.

Отсутствіе подготовительныхъ разумныхъ правительственныхъ мѣропріятій [115]), совершенная неудовлетворительность редакціи [116]) Положеній 19 февраля, отсутствіе цѣлесообразныхъ распоряженій для быстраго объявленія, врученія и уясненія Положеній чрезвычайно затрудняло объявленіе воли. Въ интересныхъ воспоминаніяхъ мироваго посредника Казанской губерніи г. Крылова мы находимъ по этому предмету любопытныя бытовыя данныя объ одномъ хорошо извѣстномъ ему районѣ, которыя, вѣроятно, встрѣчались и въ другихъ мѣстностяхъ. Еще до полученія Положеній о крестьянахъ въ деревняхъ стали распространяться слухъ объ объявленіи воли въ городахъ, вызвавшій, естественно, нетерпѣніе и тревожные толки между крестьянами о томъ, что помѣщики скрываютъ волю «какъ то

---

[115]) Г. Крыловъ указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ на полную безграмотность массы, совершенную неподготовленность полицейскихъ властей къ реформѣ и неожиданность для помѣщиковъ такой быстрой развязки (какъ извѣстно, крѣпостники высшихъ сферъ разсчитывали и разглашали о неизбѣжности провала проектовъ Редакціонныхъ Коммиссій въ Главномъ Комитетѣ). Въ обширныхъ уѣздахъ было по одному исправнику и по два становыхъ; мировые посредники были введены впослѣдствіи. Печати запрещено было подготовлять публику къ реформѣ и вообще касаться воли и порядка ея объявленія. Ждали волю долго, но она упала на помѣщиковъ и крестьянъ, *какъ снѣгъ на голову*. (*Рус. Стар.* 1892, № 4, стр. 88).—Многіе помѣщики и въ особенности помѣщицы типа Коробочки и послѣ объявленія воли все еще не хотѣли вѣрить, что ихъ царству пришелъ конецъ, и такъ-таки отошли въ вѣчность въ сладкой увѣренности, что не сегодня—завтра царь положитъ гнѣвъ на милость, кончится „недоразумѣніе“, и опять будутъ отданы подъ „отеческую“ власть помѣщиковъ „хамы“, для ихъ же пользы.

[116]) Воля или Положенія о крестьянахъ, читаемъ у г. Крылова, была сброшюрована въ одну книгу, in folio въ 400 страницъ. Сначала стоялъ указъ Правительствующему Сенату, потомъ манифестъ, затѣмъ общее положеніе и т. д., всего 15 отдѣльныхъ законоположеній (въ „Крестьянскомъ Вопросѣ“ Межова показано даже больше и вѣрнѣе,—а именно 23. См. стр. 178, № 1408), написанныхъ на языкѣ, мало понятномъ для народа, на „приказномъ“ языкѣ. По справедливому замѣчанію г. Кры-

ыло много разъ».—Въ Симбирскѣ былъ прочитанъ манифестъ, съ паперти собора бросали въ народъ выдержки изъ «Правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля». Народъ нахлынулъ густою толпою, и сотни рукъ разрывали ихъ въ клочки. Прежде чѣмъ въ городъ Спасскъ одинъ такой цѣльный листочекъ былъ привезенъ купцомъ и припечатанъ къ образу, вѣсть о волѣ около 9-го марта съ быстротою молніи разлилась по всѣмъ селеніямъ лѣваго берега Волги и породила путаницу понятій. Въ народѣ появились толки о полной волѣ съ настоящаго момента, о правахъ собственности крестьянъ на землю и пр. — Около половины марта въ Спасскомъ уѣздѣ была получена выдержка, напечатанная въ казанской типографіи. Въ выдержкѣ, въ числѣ облегченій, на первомъ мѣстѣ говорилось объ отмѣнѣ сборовъ: птицею, баранами, масломъ, яйцами, ягодами, грибами, холстомъ, сукномъ, пряжею, верстью и т. д., что дало крестьянамъ поводъ думать, что вольность объявлена только *„бабья воля“*, но что *„мужичья воля“* — скрыта помѣщиками. Крестьяне не хотѣли вѣрить,

---

ова, какъ ни мало знакомы были образованные люди съ законами, но не же имъ легче бы усвоить смыслъ всѣхъ 15 томовъ Свода Законовъ, ымъ неграмотнымъ 400 страницъ разбросанныхъ пятнадцати крестьянскихъ узаконеній (см. тамъ же, стр. 96). Одинъ изъ членовъ Редакц. ом. кн. Черкасскій впослѣдствіи откровенно признавался, что если бы му пришлось съизнова составлять проектъ Положеній, то онъ ограничился бы сотнею статей, изложенныхъ на языкѣ, понятномъ народу (см. исьмо его къ Милютину въ н. с. Лероа-Болье, 61).—Ю. Ѳ. Самаринъ разсказываетъ о своихъ безплодныхъ усиліяхъ растолковать Положенія.—Вотъ вѣдь воля царя, говорилъ онъ имъ, читая статьи. — Гдѣ же намъ, батюшка, понять, отвѣчали крестьяне, мы народъ темный. (См. письмо Самарина къ Милютину въ н. с. Лероа - Болье: L'empire etc., стр. 415).—Для предупрежденія такого печальнаго недоразумѣнія Я. И. Ростовцевъ проектировалъ приглашеніе въ составъ Редакціонной Комиссіи двухъ смышленыхъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они давали, въ качествѣ экспертовъ, заключенія о степени вразумительности для крестьянъ Положеній (см. Первые шаги къ освобожд. крест. Еленева, 87). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мировые посредники эксплоатировали это непониманіе въ пользу помѣщиковъ“ (См. Головачева. — Десять лѣтъ реформъ, гл. VII), а въ другихъ прямо искажался смыслъ закона агентами администраціи въ ущербъ крестьянамъ. (См. статью Кавелина въ *Вѣстн. Европы* 1883 г.).

что царь подумалъ о курахъ, о холстахъ, а мужичью волю отложилъ на два года. Стали разсылать гонцовъ для отысканія „*настоящей*“ воли. Началась мѣстами рубка лѣса. Газетамъ, гдѣ печатались Положенія, крестьяне не вѣрили, потому что газеты издаются господами и тянутъ сторону господъ [147]).

Между объявленіемъ воли въ губернскомъ городѣ и въ деревняхъ иногда проходилъ довольно значительный промежутокъ времени. Такъ, въ с. Мурасѣ, Казанской губерніи, воля окончательно объявлена была 25 марта.—Самую процедуру объявленія и врученія «воли» въ селѣ г. Крыловъ описываетъ такъ: «за нѣсколько дней до Благовѣщенія подкатила къ барскому дому тройка. Съ облучка соскочилъ солдатъ, а изъ саней вышелъ полковникъ Э.; по селу мигомъ разнеслась вѣсть, что привезли волю отъ царя. Пока полковникъ завтракалъ и обѣдалъ,—а повара въ с. Мурасѣ всегда были прекрасные—народъ собрался у конторы и ждалъ воли. Солдатъ изъ саней досталъ два большихъ запечатанныхъ пакета, подалъ ихъ полковнику, и онъ съ ними отправился на сходку. Сходка въ поясъ ему поклонилась, и полковникъ держалъ такую рѣчь: «вотъ два пакета одинаково запечатанные и въ нихъ вложены одинаковыя книги Положенія. Одна книга помѣщику, а другая крестьянамъ, которую вручаю вашему старостѣ. Въ этой книгѣ написаны всѣ ваши права и обязанности; вы въ ней все найдете, что царь далъ народу. Слушайтесь вашихъ помѣщиковъ и работайте, чтобы на васъ жалобъ не было». Крестьяне, низко поклонились. Полковникъ ускакалъ въ другія села [148]).

Затѣмъ въ живыхъ картинахъ съ натуры г. Крыловъ передаетъ мучительныя, но безплодныя усилія крестьянъ къ выясненію себѣ точнаго смысла розданнаго царскими гонцами, промелькнувшими, какъ метеоръ, флигель-адъютантами—«Указа о волѣ». Врученную старостѣ (полковникомъ) книгу Положенія всѣмъ міромъ, говоритъ г. Крыловъ, понесли къ попу, чтобъ отслужить молебенъ, но попъ уѣхалъ куда-то съ требами, и молебенъ отложили до воскресенья. Потомъ всѣ толпой отправились къ дому одного грамотнаго сто-

---

[147]) См. Русс. Стар. 1892, № 4, стр. 87.

[148]) Тамъ же, 94.

ра. Съ большими предосторожностями столяръ вскрылъ пакетъ, нулъ книгу и началъ читать съ первой страницы, не пропуя ни единаго слова. Столяръ былъ чтецъ не бойкій; солдатя письма онъ еще могъ одолѣвать и даже растолковывалъ ъ, что бабы плакали навзрыдъ, но указъ Сенату онъ конъ только къ вечеру. Онъ говорилъ: «всякое слово для меня нятно, а куда что прикладывается—не могу разобрать; не могу людямъ растолковать». Вся толпа долго и напряженно слуала длинный указъ, *никто не понялъ*, какъ и почему онъ отится къ крестьянамъ; всѣ ждали, что съ первой же страцы столяръ скажетъ чья земля, лѣсъ, луга и другія угодья, столяръ до сумерокъ продержалъ и ничего не опредѣлилъ. ращались къ дьячку, но тотъ быстро и невнятно прочелъ изъ Сената, что вовсе крестьянамъ не понравилось. Привели тѣмъ въ избу старую дѣву, начетчицу. Оказалось, что она етъ читать только по-церковному. Она вслухъ передъ міромъ ересчитала всѣ листы и посовѣтовала... пришить къ книгѣ стежки. Кончилось тѣмъ, что наряднли отъ міра подводу и слали въ одно село за грамотнымъ мужикомъ. Къ вечеру вода явилась пустая, а посланный разсказалъ, что такая же нига» есть и въ томъ селѣ, но грамотѣй сколько ни старался, ять ее не могъ, и теперь въ селѣ сами ищутъ чтеца. Подчикъ, однако, слышалъ, что дьячекъ тамъ *хорошо* «толкуетъ», крестьяне довольны. Такихъ «толковниковъ» стала кое-гдѣ ирать полиція, что, конечно, еще больше усилило довѣріе къ ъ крестьянъ. Чтецовъ возили изъ села въ село, кормили, поили учшимъ чтецомъ считался тотъ, кто больше находилъ «правовъ» книгѣ. Изъ манифеста, замѣчаетъ г. Крыловъ, крестьяне ько то усвоили, что два года будетъ все по-старому, и къ инственной «книгѣ» «охладѣли» [149]).

Иногда эти добровольцы-толкователи, эти слѣпцы, водившіе ѣпыхъ, доводили и себя и своихъ довѣрчивыхъ слушателей непоправимой бѣды. Таковъ былъ начальный эпизодъ, бывшій с. Безднѣ и кончившійся кровавою расправою. Эта печальная горія обязана была своимъ возникновеніемъ полупомѣшанному

[149]) Тамъ же, 94—100.

раскольничьему начетчику Антону Петрову, успѣвшему смутить населеніе трехъ уѣздовъ (Казанск. губ.). Въ основаніи этого безсмысленнаго движенія добродушной, но невѣжественной толпы легла такая очевидная нелѣпость, что всю эту потрясающую исторію, кончившуюся смертью 55-ти человѣкъ и пораненіемъ 71, можно-бы принять за вымыселъ разстроенной фантазіи, если бы достовѣрность ея не была абсолютна. Послѣ долгихъ поисковъ Петровъ объявилъ обрадовавшимся мужикамъ, что онъ нашелъ, наконецъ, «*истинную*» волю. Это было не что иное, какъ форма для составленія уставныхъ грамотъ, приложенная въ концѣ Положенія о крестьянахъ. Въ формѣ этой упоминалось, что при исчисленіи душъ «ислючаются» крестьяне, отпущенные *на волю* послѣ послѣдней (1858 г.) ревизіи, и затѣмъ стояли нули:

000
000

для обозначенія мѣста, гдѣ должны были быть проставлены цифры. Вотъ это-то слово «воля» (разъ только и встрѣченное Петровымъ въ завѣтной книгѣ) и таинственные нули (въ которыхъ онъ видѣлъ какую-то «печать креста св. Анны») укрѣпили въ мысли полуграмотнаго маніака, что онъ нашелъ «истинную волю», укрываемую помѣщиками въ стачкѣ съ начальниками, какъ то бывало и прежде. Темный фанатикъ успѣлъ увѣрить въ непреложности своего открытія такихъ же темныхъ, какъ самъ, крестьянъ. Никакія увѣренія и увѣщанія духовной и гражданской властей, лишенныхъ всякаго нравственнаго авторитета въ глазахъ народа, не могли разубѣдить крестьянъ, которые наотрѣзъ отказались выдать начальству Петрова. Призвана была военная команда. Петрова заперли въ избу, и ее окружили крестьяне. Начался т. н. бунтъ «на колѣняхъ». На требованіе выдать Петрова командующему отрядомъ графу Апраксину крестьяне отвѣтили вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ, присовокупляя, что они и не думаютъ бунтовать противъ начальства, а стоять только за волю, дарованную царемъ [150])... Послѣ обычнаго барабаннаго боя раздалось роковое—«пли!», и несчастныя жертвы

---

[150]) См. *Русскую Старину* 1892, № 6, стр. 617.—См. Лероа-Больё—L'homme etc. 79 и Дневникъ Никитенко, II, 259.

своей темноты покрыли трупами своими землю. Тутъ только крестьяне увидѣли окончательное, послѣднее, безспорное, кровавое доказательство *подлинности* [151]) Положенія о крестьянахъ и ошибочности толкованія Петрова.

Но, къ счастью, такія крупныя кровавыя столкновенія нигдѣ болѣе не встрѣчались. Возникавшія же въ разныхъ мѣстахъ [152]) недоразумѣнія и столкновенія иногда доходили до суда, изрѣдка были улаживаемы, благодаря распорядительности и гуманности командированныхъ для объявленія воли спеціальныхъ коммиссаровъ [153]), главнымъ же образомъ благодаря доброму влія-

---

151) Не довѣряя мѣстнымъ властямъ, народъ, по язвительному замѣчанію Ю. Ѳ. Самарина, только въ призывѣ войска видитъ доказательство подлинности воли высочайшей. См. Leroy-Beaulieu.—Un homme d'état russe. 89.

152) О столкновеніи въ с. Кандеевкѣ см. въ *Русской Старинѣ* 1885 г., 46.—Всѣхъ недоразумѣній въ два первые года было 1100.

153) Недавно умершій баронъ А. Н. Корфъ вводилъ Положеніе 19 февраля въ одной изъ малороссійскихъ губерній. Въ одномъ изъ пунктовъ оттянулось сопротивленіе цѣлыхъ трехъ громадъ. Всѣ усилія мѣстныхъ властей и самого губернатора разбились объ угрюмое упорство этихъ возмутившихся громадъ. Баронъ Корфъ это зналъ и, разумѣется, прибылъ на мѣсто бунта въ взволнованномъ душевномъ состояніи, предвидя, что польется кровь. Корфъ пріѣзжаетъ въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ... Толпа стоитъ безмолвная и неподвижная, какъ камень. Баронъ Корфъ начинаетъ уговаривать громаду... Въ отвѣтъ ни звука, ни движенія. Баронъ Корфъ вторично обращается къ толпѣ... По рядамъ раздалось кое-гдѣ зловѣщее „ни", и ни звука больше. Съ замирающимъ сердцемъ баронъ Корфъ въ третій разъ обращается къ громадѣ и предупреждаетъ ее, что если она не изъявитъ покорности, онъ прибѣгнетъ къ войскамъ... Мертвое молчаніе отвѣтило ему на третье увѣщаніе... Наступилъ критическій моментъ... Повозки сюда и солдатъ! крикнулъ громкимъ голосомъ баронъ Корфъ.—Не мало минутъ прошло съ того мига, какъ раздалось приказаніе, до мгновенія, когда появились первыя повозки съ солдатами. Громада продолжала стоять, какъ камень, баронъ Корфъ тоже; царило мертвое и торжественное молчаніе. Женъ и дѣтей сажать въ повозки! приказалъ баронъ Корфъ солдатамъ, и увозить въ губернію, куда я назначу. Первыя двѣ минуты громада стояла не дрогнувъ. Потомъ стали раздаваться женскіе вопли. Громада дрогнула, стала шевелиться, камень превратился въ людей, глухой стонъ прошелъ по рядамъ. Баронъ Корфъ стоялъ неподвиженъ, крутя усы, и сердце подъ мундиромъ билось, какъ никогда, отъ вопроса: удастся ли, или не удастся?

нію вскорѣ назначенныхъ порядочныхъ мировыхъ посредниковъ [154]).

VIII.

Какъ-никакъ, а всетаки великое дѣло пущено было въ ходъ. Не безъ страха и смущенія смотрѣли въ будущее, но въ общемъ преобладало бодрое настроеніе.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ чтенія Положеній, редакція коихъ была столь неудовлетворительна, проф. Погодинъ резюмировалъ свое впечатлѣніе недоумѣнія въ запискѣ къ В. И. Далю скептическими словами: «темна вода во облацѣхъ». Даль отвѣчалъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ выраженіяхъ: «О темной водѣ в облацѣхъ скажу, что она устоится и просочится, и будетъ *свѣтла чиста* и *цѣлительна*... Дѣло сдѣлано, воротить его нельзя, оно пошло, какъ течетъ Днѣпръ и Волга и прочія жилы насущной родной земли нашей» [155]).

Даль былъ правъ безусловно: повернуть ходъ исторіи обновленной Россіи, начавшійся съ объявленія воли, такъ же было невозможно, какъ повернуть вспять теченіе Днѣпра и Волги. Но много требовалось у исполнителей законоположеній 19-го февраля такта, умѣнья, терпѣнія, благодушія, безпристрастія и дальновидности, чтобы облегчить нарождавшейся волѣ народной прохожденіе чрезъ естественные пороги, оставленные крѣпостнымъ правомъ, и не создавать народу, вступающему въ новыя условія свободной гражданской жизни, новыхъ препонъ. Въ числѣ этихъ «пороговъ» было невѣжество народа, его почти поголовная безграмотность и полное недовѣріе къ мѣстнымъ продажнымъ властямъ, вполнѣ оправдываемое господствовавшими въ

Вдругъ послышался какой-то страшный шумъ. Баронъ Корфъ обернулся къ громадѣ. Точно сговорившись, всѣ 3,000 человѣкъ, снявъ шапки, бросились на колѣни... Митежъ кончился, громада, не сдававшаяся передъ страхомъ войска, сдалась передъ угрозою лишиться женъ и дѣтей... Геніальная находчивость молодаго флигель-адъютанта дала блестящій результатъ. (*Гражд.* 1893, № 38).

154) См. Безобразова.—Управленіе и самоуправленіе—СПб. 1882, 276

155) См. Красное Яичко, 9, 13.

о время административными нравами, пріемами и традиціями, съ такою рельефностью очерченными въ безсмертныхъ «Губернскихъ очеркахъ».

Кромѣ того возникавшія столкновенія большею частью вызывались не только старыми крѣпостническими традиціями, но также сохраненными въ Положеніяхъ 19 февраля остатками крѣпостнаго права, а именно спорами изъ-за барщины или смѣшанной повинности, въ особенности въ имѣніяхъ, гдѣ прежде свирѣпствовало крѣпостное право. Крѣпостники раздували эти неизбѣжныя экономическія столкновенія, стараясь представить ихъ въ видѣ опасныхъ для государственнаго порядка «бунтовъ».

Противъ этихъ «пессимистовъ-каркателей всякихъ гнусностей, видѣвшихъ въ самомъ *законномъ* желаніи простолюдина *уяснить себѣ* извѣстное требованіе заднюю мысль и бодро поднимавшихъ голову при малѣйшемъ шорохѣ и замѣшательствѣ», выступилъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* [136]) геніальный народникъ М. Е. Салтыковъ, обнаруживъ при этомъ не только глубокое, человѣческое пониманіе народнаго характера и искреннюю пріязнь къ народу, но и истинную дальновидность государственнаго человѣка. Съ знаніемъ жизни, неистощимымъ остроуміемъ и мягкою сердечностью, секреть которыхъ былъ открытъ только Салтыкову, онъ старался объяснить то при помощи выпуклыхъ бытовыхъ картинъ, то доводами логики и человѣчности истинный смыслъ и размѣры этихъ «бунтовъ».

Сравнивая освобожденнаго крестьянина съ вѣчно-голодавшимъ и забитымъ департаментскимъ писцомъ, внезапно осчастливленнымъ извѣстіемъ о милліонномъ наслѣдствѣ, Салтыковъ приглашалъ отнестись человѣчно къ возможнымъ и естественнымъ въ подобномъ положеніи и увлеченіямъ и даже излишествамъ. «Припоминая, — писалъ онъ, — всю горечь условій, въ которыхъ крестьяне находились доселѣ, и взвѣшивая значеніе дарованной имъ свободы, невольнымъ образомъ спрашиваешь себя: возможно-ли, естественно-ли, чтобы сердца ихъ не раскрывались при вѣсти о новомъ воскресеніи, о новомъ сошествіи Христа во адъ для освобожденія душъ ихъ? Возможно ли, чтобы эта доб-

---

[136]) См. *Моск. Вѣдом.*, 1861, № 94.

рая, неслыханная вѣсть не потрясла ихъ до глубины, чтобы, при полученіи ея, они сохранили все благоразуміе, все хладнокровіе?» [157]) Это онъ говорилъ по адресу «благоразумныхъ помѣщиковъ», не утратившихъ въ своей ненависти къ «волѣ» способность понимать движенія человѣческой души... Вниманіе же администраціи онъ обращалъ на возможные случаи излишествъ [158]) въ требованіяхъ со стороны помѣщиковъ и на способность деревенской глуши создавать отъ скуки разные фантомы [159]). «При томъ полномъ затишьѣ, какое царствуетъ въ нашихъ деревняхъ, — говорилъ Салтыковъ, — всякое слово взвѣшивается пудами, всякій вершокъ кажется съ аршинъ. Особливо въ такомъ бойкомъ, горячемъ дѣлѣ, какъ освобожденье крестьянъ. Какая-нибудь ключница Мавра донесетъ барынѣ, что дядя Корней, лежа на печи, приговаривалъ: «Мы-ста, да вы-ста»,— вотъ ужь и злоупотребленіе! Какой-нибудь староста Акимъ подольстится къ барынѣ, «что у насъ-де, сударыня, Ванька-скотъ давеча на всю сходку оралъ: а пойдемъ-ка, братцы, къ барынѣ, пускай она намъ водки поднесетъ»,—вотъ уже и бунтъ! И барыня Падейкова пишетъ туда, пишетъ сюда, на весь околотокъ визжитъ, что честь ея поругана, что права ея попраны. И вмѣсто того, чтобъ унять ее, ей вторитъ цѣлое воинство, и Ванька-скотъ летитъ въ становую квартиру, а дядя Корней записывается въ книжечку, какъ будущій зачинщикъ и подстрекатель».

Коснувшись затѣмъ административной расправы, при помощи розогъ безъ суда, Салтыковъ находитъ ее несправедливою и нецѣлесообразною, такъ какъ употребленіе вмѣсто вразумленія «силы, какъ средства къ прекращенію безпорядковъ, хотя и имѣетъ за себя быстроту и дѣйствительность производимаго имъ впе-

---

157) Тамъ же № 128. См. еще отповѣдь Салтыкова Фету въ № 3 *Современника* 1863 г., ст. 389.

158) Справедливость предположенія Салтыкова вскорѣ подтвердилась оффиціальными данными: такъ, при разборѣ столкновеній въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ у. было признано, что крестьяне обременены были «тяжелыми уроками» (см. перепечатку изъ *Сѣвер. Пчелы* въ *Моск. Вѣд.* 1861, № 114).

159) Въ прелестныхъ «Невинныхъ Разсказахъ», въ очеркѣ «Деревенская тишь» уморительно разсказана Салтыковымъ траги-комическая исторія «антагонизма» помѣщика съ бывшимъ его дворовымъ «Ванькою». (Соч., I).

чатлѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и противъ себя скоропреходимость этого впечатлѣнія, неукрѣпленнаго сознаніемъ». Необыкновенно мѣтко и глубоко очертилъ Салтыковъ съ точки зрѣнія истинныхъ друзей народной свободы задачи и методъ дѣйствія новыхъ мировыхъ крестьянскихъ учрежденій, напоминаніе о которыхъ едва-ли будетъ неумѣстно въ наше время громкой проповѣди единоспасающей силы «властной руки». «Чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ,—писалъ онъ,—для нихъ (крестьянскихъ учрежденій) необходимо съ перваго же раза пріобрѣсти свободное *довѣріе* крестьянъ, а имъ указываютъ на угрозу, на страхъ наказанія, забывая при этомъ, что окончательная и истинно разумная цѣль преобразованія быта сельскихъ сословій заключается не только въ улучшеніи матеріальныхъ условій этого быта, но преимущественно въ *нравственномъ перевоспитаніи* (курс. подлин.) народа... Не на завладѣніе ферулою, а на искорененіе понятія о необходимости ея изъ нашихъ административныхъ обычаевъ и нравовъ должно быть обращено вниманіе этихъ учрежденій, и въ этомъ заключается одно изъ завидныхъ преимуществъ ихъ плодотворной дѣятельности». Мудрыя, но «забытыя» слова, заключающія цѣлую программу для истинныхъ друзей народнаго блага...

Къ маю стали поступать со всѣхъ концовъ Россіи извѣстія о благополучномъ, за небольшими, какъ сказано, исключеніями, объявленіи воли и, по выраженію мемуаровъ одного свитскаго генерала:—«Петербургъ вздохнулъ» [160])!..

Но какъ же свободно и глубоко должны были вздохнуть, при этихъ добрыхъ вѣстяхъ, благородные и мужественные дѣятели крестьянской реформы, двигавшіе и отстоявшіе это великое дѣло, при помощи передовой части общества и литературы, отъ властныхъ представителей своекорыстія, мнительности и застоя, отъ «друзей своихъ интересовъ и враговъ общаго блага», какъ выразился Бѣлинскій.

Въ честь этихъ доблестныхъ дѣятелей, на память исторіи и потомству, выбита была 17-го апрѣля 1861 г. медаль съ изображеніемъ головы Александра II и надписью: «Благодарю» [161]).

---

[160]) *Русск. Архивъ*, 1892 г., № 2.

[161]) Одна изъ этихъ медалей возложена была на могилу перваго пред-

Право на первую изъ медалей по всей справедливости имѣлъ великій князь Константинъ Николаевичъ, оказавшій дѣлу освобожденія громадныя, безчисленныя, совершенно исключительныя услуги и не отходившій отъ крестьянской реформы отъ самаго зарожденія ея первой завязи и вплоть до закрытія въ 1882 г., состоявшаго подъ предсѣдательствомъ покойнаго великаго князя, Главнаго Комитета о сельскомъ состояніи.

Медали получили и всѣ участники [162]) крестьянской реформы какъ сочувствовавшіе, такъ равно и *противодѣйствовавшіе* ей [163]). Такъ что и *враги свободы* должны были хоть на время слить и свои голоса въ общій гулъ привѣтствій въ честь величавозанимавшейся надъ Россіей зари свободы!...

О, какое это было дивное время! Блаженны свидѣтели его! Съ какою завистью взираетъ на это славное время мимолетнаго, но всеобщаго нравственнаго подъема и просвѣтлѣнія, когда даже цензора и другіе стражи и гонители мысли пріобщились къ общему гимну въ честь свободы и независимости, когда въ правительственныхъ кругахъ шла рѣчь (фактъ!) объ установленіи

сѣдателя Редакціонной Коммиссіи крестьянской реформы Я. И. Ростовцева, пожертвовавшаго за нее жизнью (см. рѣчь П. П. Семенова въ *Русской Старинѣ* 1892 г., № 3). Впослѣдствіи медаль была *похищена*, и ее пришлось замѣнить вызолоченною бронзовою (см. Сбор. Семенова, III, ч. 2, стр. 778).—Потомство Ростовцева было возведено въ графское достоинство.

162) Гр. Панинъ частью по административной рутинѣ, частью *изъ мести* (см. н. с. Лероа-Больe, Unhomme etc., 46) и изъ стремленія сбить спѣсь съ членовъ Редакціонной Коммиссіи настоялъ, чтобы они были награждены орденами, *вопреки* ихъ желанію. «Участіе въ такомъ великомъ дѣлѣ само по себѣ величайшая награда на всю жизнь», писалъ Н. А. Милютинъ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, которая при всемъ стараніи не могла «отвратить этого удара» (parer ce coup), см. н. с. Леруа-Больe *Un homme* etc., стр. 65—67.—Ю. Ѳ. Самаринъ, возвращая данный ему орденъ, ссылался оффиціально на тѣ неблагопріятные толки, которые могутъ вызвать среди дворянъ эти награды и тѣмъ повредить его дѣятельности въ качествѣ члена губернскаго крестьянскаго присутствія (см. *Истор. Вѣстн.* 1885, № 1).

163) Медаль была дана и митрополиту Филарету, который, по словамъ г. Семенова, *очень дорожилъ* (sic) этимъ знакомъ (см. н. с. Семенова, 2 ч., III т., стр. 778).

рдена «засвободныя сужденія» [164])—наше дряблое, выцвѣтшее, дичавшее поколѣніе, «властители думъ» котораго, ударяя нервными дланями въ пустыя перси дерзаютъ возложить кощунственную хулу даже на святыя «19-е февраля — 5-е марта», эти лучшіе, лучшіе во всей тысячелѣтней исторіи, дни навсегда обезсмертившіе имя Александра II-го дарованіемъ Россіи своего рода magna charta libertatum!...

Если непримиримая злоба [165]) скрытыхъ и явныхъ воздыхателей по крѣпостному праву и донынѣ, спустя 30 слишкомъ лѣтъ, еще не остыла, то легко представить, каково было ея напряженіе вскорѣ послѣ паденія рабства. Друзья народа ждали, что дѣло свободы, такъ счастливо начатое правительствомъ, будетъ доведено до конца, что оно открыто разорветъ съ крѣпостниками, не переставшими смущать его своими трусливыми и своекорыстными нашептываніями. Только-что народившаяся свобода какъ бы обращалась съ затаенной мольбою къ новымъ колеблющимся освободительнымъ вѣяніямъ со словами:

Забудь сомнѣнія свои
Въ душѣ болѣзненно-пугливой,
Гнетущей мысли не таи!
Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣю въ груди
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкою полною войди...

---

[164]) См. Сбор. соч. И. С. Аксакова, V, 164.

[165]) Коноводъ современныхъ крѣпостниковъ *Гражданинъ* еще весною 1893 г. писалъ слѣдующую возмутительную абракадабру: «Въ 1861 г. въ русской жизни произошла страшная катастрофа, если хотите, гораздо болѣе страшная, чѣмъ изверженіе вулкана или землетрясеніе. Вся Россія оказалась, если можно такъ выразиться, *опрокинутой вверхъ ногами*. Если уподобить все государство огромному желѣзнодорожному поѣзду, который мчится на всѣхъ парахъ къ своей провиденціальной цѣли, *то 19-го февраля 1861 года этотъ колоссальный поѣздъ потерпѣлъ крушеніе*. Въ этотъ день локомотивъ, представляющій въ поѣздѣ самую главную силу, которая все приводитъ въ движеніе, локомотивъ *низринулся въ пропасть, увлекая за собой всѣ вагоны одинъ за другимъ*. Главный устой жизни русской — крѣпостное право, на которомъ все зиждилось и которымъ все опредѣлялось—этотъ устой вдругъ рухнулъ, рухнуло вслѣдъ затѣмъ все, что на немъ держалось". (№ 58).

Въ своемъ великодушномъ увлеченіи друзья свободы готовы были послать

Дню вчерашнему забвенье
Дню грядущему—привѣтъ,

какъ вдругъ нежданно-негаданно узнали, что, спустя съ небольшимъ мѣсяцъ послѣ объявленія воли, крѣпостная реакція подняла уже голову и жертвою ея пали С. С. Ланской и правая рука его Н. А. Милютинъ. Легко представить глубокое огорченіе друзей народной свободы!...

Омрачены были ясные дни «медоваго мѣсяца» свободы, эти «прекрасные дни Аранхуеца» либеральной эпопеи... Да этихъ дней, говоря по правдѣ, никогда и не было въ полномъ смыслѣ слова, и только наивное историческое преданіе, создававшееся послѣдующимъ мрачнымъ или сѣрымъ фономъ жизни, ощущало неодолимую потребность a contrario бросить на нихъ, быть можетъ, не безъ участія piae fraudis, ретроспективный, розоватый отблескъ!...

Но не будемъ упреждать событій (см. ниже отдѣлъ IV о земствѣ), и, не омрачая радостнаго воспоминанія о великихъ «мартовскихъ дняхъ», будемъ вѣровать, подобно дѣятелямъ освободительной эпохи, въ конечное торжество идей ея. Только эта вѣра и вѣра въ народъ и подкрѣпляла въ трудныя минуты, наступившія вскорѣ послѣ освобожденія и такъ некстати омрачившія лирическое радостное настроеніе друзей свободы. Несмотря на всѣ недочеты по составленію и примѣненію Положенія о крестьянахъ, одинъ колоссальный, безповоротный и чреватый великими послѣдствіями фактъ подкрѣплялъ друзей народа: этотъ господствовавшій надъ всѣми случайными невзгодами колоссальный фактъ—было мирное освобожденіе и надѣленіе землею 23-хъ милліоновъ крестьянъ! Такой безпримѣрный во всемірной исторіи фактъ мирнаго рѣшенія труднѣйшей соціальной задачи, дѣлающій величайшую честь гражданской выдержкѣ русскаго народа и его друзьямъ, увѣровавшимъ въ его здравый смыслъ и политическое разумѣніе, вопреки трусливымъ запугиваніямъ крѣпостниковъ, до сихъ поръ вызываетъ справедливое удивленіе у иностранцевъ, законную гордость и вѣру въ будущность Россіи у всѣхъ друзей именинника 5-го марта т. е.—русскаго крестья-

нина. Отмѣтивъ проявленный имъ, при трудныхъ обстоятельствахъ, изумительный политическій тактъ, Ѳ. П. Еленевъ, одинъ изъ участниковъ крестьянской реформы, вправѣ былъ сказать: «какъ много въ этомъ народѣ задатковъ порядочности и жизненной крѣпости, и *сколько хорошаго* можно бы изъ него сдѣлать при нѣкоторомъ умѣніи его направить» [166]).

«Кузнецы-граждане», усердно и съ самоотверженіемъ работавшіе надъ разбитіемъ «цѣпей крѣпостныхъ», съ замираніемъ сердца слѣдили за колыбелью дорогаго младенца, возрожденнаго отъ рабства возлюбленнаго роднаго народа... Что-то скажетъ этотъ новорожденный, осѣненный геніемъ свободы, чудо-ребенокъ, за ростомъ котораго со вниманіемъ слѣдитъ весь цивилизованный міръ?!...

Первыя впечатлѣнія друзей народа были благопріятны. Свобода,—несмотря на тяжкія условія своего рожденія, при которомъ злая и завѣдомо недоброжелательная повитуха, въ лицѣ графа Панина и его единомышленниковъ, чуть было не искалѣчила младенца,—несмотря на то, что пѣстуномъ его сталъ, вмѣсто усердно преданнаго «кузнеца-гражданина» Н. А. Милютина, равнодушный, лишенный твердыхъ убѣжденій, гибкій карьеристъ П. А. Валуевъ—совершала свое животворящее дѣйствіе. Чудо-ребенокъ росъ не по днямъ, а по часамъ, не взирая на наступленіе той «безъидейной и близорукой, вызванной придворною камарильею реакціи» [167]), которую кн. Черкасскій уподоблялъ «неизбѣжной, послѣ весенней оттепели, скучной и грязной слякоти» [168]). Памятуя истину, что не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ, дѣятели крестьянской реформы и друзья народа, оставляя пока въ сторонѣ экономическую сторону вопроса, горячо привѣтствовали зарю народившейся свободы и первый результатъ ея — *возстановленіе человѣческаго достоинства у крестьянъ;* съ чувствомъ высокаго нравственнаго удовлетворенія радовались они той быстрой, почти волшебной перемѣнѣ, которая происходила во всемъ нравственномъ существѣ забитаго «вчерашняго раба» и въ которой они

---

[166]) См. н. бр. Еленева, 56.

[167]) См. письмо Кавелина у Лероа-Болье: Un homme etc.

[168]) Тамъ же, 80.

видѣли лучшій оплотъ противъ начинавшейся уже, съ удаленіем въ апрѣлѣ 1861 г. Н. А. Милютина, крѣпостнической реакціи

«Я не боюсь послѣдовательной реакціи, — писалъ 19-го ма 1861 г. одинъ изъ славныхъ дѣятелей крестьянской реформ Ю. Ѳ. Самаринъ Н. А. Милютину. Чтобы убѣдиться въ ея не возможности, — продолжалъ Самаринъ, — достаточно бросить бѣ лый взглядъ на народъ; онъ — безъ преувеличенія — *преобра зился съ ногъ до головы*. Новое Положеніе развязало ему язык и разорвало окружавшій его заколдованный кругъ. Его языкъ манеры, походка — все измѣнилось. Сегодня онъ *не рабъ*; вчер лишь освобожденный, онъ *выше* государственнаго крестьянина конечно, не въ экономическомъ отношеніи, а какъ *гражданин* сознающій, что у него есть *права*, которыя онъ *долженъ и мо жетъ* защищать самъ... Бывшій крѣпостной, при столкновеніи съ помѣщикомъ, думаетъ про себя: посмотримъ, чья возьметъ на чью сторону станетъ правительство. Въ этой борьбѣ з право крестьянинъ впервые является, какъ субъектъ права независимый и свободный отъ опеки. Такимъ путемъ должн совершаться его *гражданское* воспитаніе» [169]).

Не легко далось и дается народу это гражданское воспитаніе котораго такъ боялись и боятся крѣпостники, а все таки друзь народа (и западники, и славянофилы), примѣняясь къ девизу фран цузскихъ рыцарей, привѣтствовали кликомъ: «vive la liber quand-même!» — освободительный, благословенный, свѣтозарны 1861 годъ.

Да, это была удивительная весна, истинно красная весн во-истину незабвеннаго 61-го года!

Словно само небо чрезвычайнымъ знаменіемъ [170]) радостно при вѣтствовало парившій надъ Европою геній свободы, который въ капризномъ полетѣ своемъ, въ одномъ мѣстѣ чуть задѣвал крыломъ баловней природы, спаленныхъ солнцемъ лаццарон Обѣихъ Сицилій, освобождая ихъ отъ послѣднихъ остатков политическаго гнета «короля - бомбы», — въ другомъ, мощным

---

[169]) Тамъ же, 87.

[170]) Въ 1861 г. появилась комета. Ей именно посвященъ приводимы стихъ г-жи Аккерманнъ — Oeuvres, Paris. 1885, 74. A la comète de 1861 г

взмахомъ своего волшебнаго жезла, приносилъ свѣтъ и радость въ эту печальную страну рабства и кнута, возвращая обездоленному его населенію его перво-основныя права человѣка, права, безъ коихъ онъ перестаетъ быть человѣкомъ!...

Откуда этотъ добрый геній свободы, откуда эта сопутствовавшая ему лучезарная комета?! Кто «закажетъ пути», кто укажетъ законы дальнѣйшаго теченія этихъ «вѣчныхъ странниковъ», этихъ дивныхъ свѣтилъ:

Bel astre voyageur, hôte qui nous arrive
Des profondeurs du ciel et qu'on n'attendait pas,
Où vas-tu? Quel dessein pousse vers nous tes pas?!

IX.

Паденіе крѣпостнаго права знаменовало явный поворотъ исторіи рабской Россіи въ другую, противоположную сторону свободы. Если народная масса радовалась, непосредственно ощущая на себѣ духовныя и матеріальныя блага великаго законодательнаго акта 19-го февраля, то лучшая часть образованнаго общества, сливаясь въ общемъ восторгѣ съ народомъ, привѣтствовала въ освободительной хартіи упраздненіе застарѣлой вѣковой неправды и начало всеобщаго обновленія русской жизни *во всѣхъ* областяхъ и направленіяхъ. Значеніе крѣпостнаго права въ русской жизни, по справедливому замѣчанію проф. Иванюкова [171]), было *универсально*; это право, или вѣрнѣе отрицаніе права, «обусловливало всѣ стороны быта, начиная отъ крупныхъ и кончая самыми мелкими. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права Россія вступила въ новую эпоху развитія».

Благодаря такому всеобъемлющему значенію крестьянской реформы, она сдѣлалась точкою отправленія для цѣлой системы послѣдующихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью: уничтоженіе административнаго произвола и установленіе законности, учрежденіе независимаго суда, уравненіе всѣхъ предъ закономъ и привлеченіе къ управленію общественнаго элемента, отмѣну тѣлес-

[171]) См. н. с. Иванюкова, предисловіе.

наго наказанія, раскрѣпощеніе печати, науки и пр. Уже въ 1859 г. во многихъ Положеніяхъ, составленныхъ дворянскими губернскими Комитетами, доказывалась необходимость устройства управленія и суда на новыхъ началахъ въ виду освобожденія крестьянъ.

Значеніе крестьянской реформы, какъ отправной точки [172]) для реформы администраціи и суда, обстоятельно разъяснено въ запискѣ Тверскаго Комитета по освобожденію крестьянъ (см. главу II). «Несмотря на все зло крѣпостнаго права,—читаемъ въ запискѣ,—власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ, и на должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой—ограничивали *произволъ чиновниковъ*. Съ уничтоженіемъ ея, средства управленія и охраненія общественнаго порядка и безопасности, до сихъ поръ недостаточныя, будутъ совершенно ничтожны. Съ другой стороны, крѣпостное право, глубоко пустившее корни во всѣхъ сферахъ русской жизни, *проникло насквозь и служебную дѣятельность*. Если уничтожить его только въ частномъ видѣ, оставивъ все прежнее по-старому, это не будетъ уничтоженіе крѣпостнаго права, а только передача его изъ рукъ помѣщиковъ въ рукъ чиновниковъ и расширеніе его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два *враж-*

---

[172]) По справедливому замѣчанію академика В. П. Безобразова, важно было не то, надъ 20-ю ли милліонами душъ (по ревизіи 1858 г. крѣпостное населеніе числилось въ 23,069,631 душу и составляло $^1/_3$ всего населенія въ 67,081,167 душъ. См. Тройницкаго Крѣпост. насел.) тяготѣло крѣпостное право, а важно было его общее растлѣвающее значеніе *для всего населенія*. Пока существовалъ узаконенный произволъ одного лица хоть всего только надъ 20-ю душами, не могло быть рѣчи о водвореніи *права* въ Россіи. (См. Государство и Общество. СПб. 1881, стр. 424.)—Привилегированный органъ одичалыхъ крѣпостниковъ), *Гражданинъ* въ одну изъ рѣдкихъ минутъ lucida intervala своей обычной человѣконенавистнической травли и злобствующаго мракобѣсія (недаромъ съ циническою гордостью именуетъ онъ себя „мракобѣсомъ“) высказалъ одну истину. Вспоминая съ зубовнымъ скрежетомъ время, когда подъ вліяніемъ „либеральныхъ общественныхъ теченій“ рухнуло крѣпостное право, органъ кн. Мещерскаго прибавляетъ: „между прочимъ, рухнули и старые суды, жившіе и дѣйствовавшіе *единственно* въ обстановкѣ крѣпостнаго права, а безъ него совершенно немыслимые“. (См. № 28, февраля 1893 г.).

дебные лагеря: на лагерь полноправныхъ чиновниковъ и на лагерь безправныхъ и безгласныхъ жителей. Такой порядокъ порождаетъ полное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, и для устраненія его необходимо положить основаніе самостоятельнаго управленія общинъ. Страшиться самостоятельности, какъ начала анархіи, неосновательно; въ ней лежитъ, напротивъ, залогъ порядка и спокойствія. Человѣкъ, принимая участіе въ интересахъ общества, привязывается къ этимъ интересамъ и дорожитъ ими». Тверской Комитетъ проектировалъ мѣстное всесословное самоуправленіе, отчасти осуществившееся впослѣдствіи, и въ защиту его между прочимъ приводилъ то соображеніе, что соединеніе дворянства и крестьянъ въ одно общее собраніе заставитъ смолкнуть мелкіе сословные интересы предъ интересами болѣе общими и болѣе широкими. Какъ одно изъ условій правильнаго управленія, выставлялось учрежденіе независимаго суда, въ качествѣ блюстителя законности, которая при прежнихъ порядкахъ не могла существовать; нѣкоторыя другія дворянства дѣйствовали въ томъ же духѣ: такъ напр. одинъ изъ дворянскихъ адресовъ [173]) указываетъ, что законность не могла имѣть мѣсто въ то время, когда допускалось крѣпостное право на людей.

Въ частности относительно проектированнаго Тверскимъ Комитетомъ суда присяжныхъ въ Запискѣ его находимъ слѣдующія соображенія, направленныя противъ мысли о невозможности введенія его, въ виду невѣжества народа: «Невозможно ожидать, чтобы судъ присяжныхъ въ Россіи могъ имѣть съ самаго начала то же самое значеніе, какое онъ имѣетъ въ Англіи въ настоящее время. Но развѣ судъ присяжныхъ въ Англіи въ XV и XVI столѣтіяхъ былъ то же, что теперь? Развѣ народъ Англіи того времени былъ образованнѣе, нежели нашъ? Англія вводитъ судъ присяжныхъ всюду, куда достигаетъ ея владычество, и вездѣ это учрежденіе оказываетъ благодѣтельныя послѣдствія. Судъ присяжныхъ существуетъ даже въ Новой Зеландіи. *Неужели дикари этого острова болѣе развиты, чѣмъ нашъ народъ?...* Для сужденія о виновности преступника нужны только здравый смыслъ и совѣсть,—ничего болѣе. Неужели можно отвергать въ

---

[173]) См. адресъ владимірскаго дворянства, стр. 396, н. с. Иванюкова.

нашемъ народѣ и эти качества? Это было бы слишкомъ много!» Затѣмъ комитетъ доказываетъ необходимость раздѣленія властей и *непосредственное* подчиненіе чиновниковъ административнаго вѣдомства суду по преступленіямъ по должности [174]).

Изъ сказаннаго явствуетъ, что при обсужденіи крестьянскаго вопроса были поставлены почти всѣ реформы, осуществившіяся отчасти впослѣдствіи. Резюмируя во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 23-го октября 1859 г. предложенныя дворянскими депутатами реформы, Я. И. Ростовцевъ писалъ: «Во всѣхъ мнѣніяхъ депутатовъ только и есть *одна идея, равно всѣми раздѣляемая* (курсивъ подлинника): это—*несчастное устройство* нынѣшняго мѣстнаго управленія и судовъ и дѣйствія ихъ *произвольныя, злоупотребительныя, скрытыя и необличимыя*. Всѣ убѣждены, что при подобномъ устройствѣ суда и полицейскаго порядка благосостояніе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ не можетъ быть устроено надежно и прочно [175]).

Но значеніе освобожденія крестьянъ этимъ не ограничилось. Оно не только выдвинуло извѣстныя реформы, но и оказало прямое вліяніе на направленіе, въ которомъ онѣ были разрѣшены. Оно дало, далеко, впрочемъ, не всѣмъ реформамъ, тѣ смѣлость, воодушевленіе и бодрую вѣру въ силу либеральныхъ учрежденій, силу разума и правды, безъ которыхъ невозможно осуществленіе крупныхъ реформъ.

Съ особенною наглядностью это вліяніе можно прослѣдить, напр., на судебной реформѣ. Извѣстно, что начало ея относится къ 1848 г. Но во все время Николаевскаго царствованія законодательныя предположенія не выходили за черту обычныхъ палліативныхъ частичныхъ исправленій. Съ новымъ царствованіемъ повѣяло и въ этой отрасли новымъ духомъ. Предсѣдатель коммиссіи, составлявшей законопроекты, гр. Блудовъ, сдѣлалъ значительную уступку духу времени. Въ проектахъ, составленныхъ имъ въ 1859 и въ 1860 гг., онъ уже допускалъ гласность, состязательность, мировой институтъ, адвокатуру. Но все-таки на проектахъ гр. Блудова видны были слѣды нѣкоторой робости,

---

174) См. Обзоръ Основаній, стр. 47.

175) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 931.

нерѣшительности, непослѣдовательности. Судъ присяжныхъ, напримѣръ, гр. Блудовъ признавалъ совершенно разумнымъ учрежденіемъ, но въ 1859 г. не рѣшался еще внести въ свой проектъ. Если Судебные Уставы получили тотъ законченный, раціональный, радикальный характеръ, который вызвалъ справедливое удивленіе не только у насъ, но и за границею [176]), то этимъ они обязаны либеральному бодрому настроенію и гуманному направленію, кои замѣчались въ части нашихъ правящихъ сферъ послѣ освобожденія крестьянъ. Это явствуетъ изъ хронологіи. Судъ присяжныхъ, несмѣняемость судей, независимость адвокатуры и прочія основы нашего новаго судебнаго строя впервые были предложены въ извѣстныхъ «Соображеніяхъ государственной канцеляріи», составленныхъ въ началѣ 1862 г. и Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября того же года [177]).

На эту не только хронологическую, но и логическую, причинную связь между крестьянскою и судебною реформами настойчиво указываютъ ближайшіе дѣятели ея. Членъ государственнаго совѣта Н. И. Стояновскій въ рѣчи, произнесенной въ 1880 г. въ петербургскомъ юридическомъ Обществѣ, между прочимъ, говорилъ: «Въ 1861 г. судебная реформа сдѣлалась настоятельною. До этого времени для 25-ти милліоновъ народа почти единственными судьями были помѣщики; они имѣли право налагать всѣ виды наказанія, кромѣ отдачи въ каторжныя работы и наказанія кнутомъ (до 1840 г.) или плетьми, установленнаго образца (послѣ 1854 г.)» [178]) «Положеніе 19-го февраля 1861 г.,—говоритъ другой дѣятель и главный руководитель судебной реформы знаменитый статсъ-секретарь департамента законовъ Государственнаго Совѣта С. И. Зарудный,—прекратили эти крѣпостные порядки. Тогда и высшіе наши сановники поняли, что для Россіи такъ же точно, какъ и для всякаго порядочнаго государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справед-

---

[176]) См. статью Миттермайера въ *Журн. Мин. Юстиціи*, 1864 г., № 5. Во главѣ защитниковъ необходимости *радикализма* судебной реформы стоялъ не кто иной, какъ самъ М. Н. Катковъ. См. *Русскій Вѣстникъ*, 1860, № 2.

[177]) См. ниже главу: О составленіи Суд. Уставовъ.

[178]) *Журн. Гражд. Прав.* 1882, № 9.

ливомъ. Вотъ задача Судебныхъ Уставовъ. Если бы въ 1861 году *не состоялось освобожденіе крестьянъ съ землею, то ни въ какомъ случаѣ* не были бы 20 ноября 1864 г. утверждены Судебные Уставы [179]).»

Огромное вліяніе освобожденія крестьянъ на всѣ послѣдующія реформы засвидѣтельствовано и оффиціальнымъ. «Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія,—читаемъ въ журналѣ государственнаго совѣта 1862 г.,—провело столь рѣзкую черту между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей, что нѣкоторыя относящіяся къ судопроизводству начала (смѣшеніе властей, сословные суды и пр.) болѣе или менѣе соотвѣтствовавшія прежнему гражданскому быту половины населенія нашего обширнаго отечества, теперь обратились въ недостатки. Первое начало—*смѣшеніе властей*, было отчасти *неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго состоянія* Смѣшеніе властей, проникавшее въ отдѣльныя управленія должно было проникнуть и *въ общее управленіе* имперіи, и нынѣ всѣ административныя власти, начиная отъ становаго пристава до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь въ силу самаго закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіи правосудія... Указанныя начала, истекающія изъ *прежняго* устройства нашего общества, имѣютъ между собою такую *непосредственную связь*, что при осуществленіи одного изъ нихъ были неизбѣжны и другія, и потому нынѣ, съ уничтоженіемъ самой причины, оправдывавшей до нѣкоторой степени прежній порядокъ, необходимо *одновременно устранить* всѣ эти органическіе недостатки теперешняго судопроизводства» [180]).

Императоръ Николай I, лежа уже на смертномъ одрѣ и завѣщая своему преемнику освобожденіе крестьянъ, сказалъ ему: «сдаю тебѣ команду, но не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляю тебѣ много заботъ и трудовъ» [181]). Первою и величайшею забо-

---

179) См. *Русскую Старину*, 1888 г., № 9.

180) См. т. XVIII Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи, стр. 55, 57.

181) См. н. Матеріалы I. 97. Въ монографіи Декардона, въ которой отведено обширное историческое введеніе царствованію Николая I, слова эти переданы такъ: „Alexandre, je vous laisse le poste que j'ai occupé

тою новаго царствованія было освобожденіе гражданской личности народа. Вслѣдъ за этой реформой и въ непосредственной связи съ ней были произведены другія реформы 60-хъ годовъ, имѣвшія цѣлью—ослабить бюрократическое всевластіе и произволъ, обезпечить права личности, дать просторъ общественной самодѣятельности и расширить свободу слова и научнаго изслѣдованія, безъ которой немыслимо общественное благосостояніе,—словомъ, обновить во всѣхъ частяхъ старую пропитанную духомъ крѣпостнаго права и недовѣрія правительственную систему опеки или «команду», несостоятельность которой такъ наглядно и грозно сказалась въ потрясающемъ, но безплодномъ мартирологѣ пылающаго Севастополя и которая обусловливала указанный «непорядокъ въ командѣ».

---

pendant trente ans et je vous prie de me pardonner la situation des choses; j'ai fait ce que j'ai pu, je regrette de n'avoir pu mieux faire",—см. стр. 215—216. C. De Cardonne--L'Empereur Alexandre II. Paris 1883. Недавно опубликованный журналъ Госуд. Совѣта 19-го февраля 1855 г. показываетъ, что первая версія точнѣе (см. *Правитель. Вѣст.* 16 апр. 1893 г.).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ.

(Эпизодъ изъ исторіи общественнаго движенія 60-хъ годовъ).

Настоящее правительство не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы, оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно, оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціею, ибо возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ, и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, вслѣдствіе ихъ нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легко, особенной силы тутъ не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и столько хорошихъ вещей, онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ. Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе пріемы потрудные и посложные требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни.

С. М. Соловьевъ.

I.

Минуло уже болѣе тридцати лѣтъ со дня объявленія великаго законодательнаго акта 19 февраля 1861 года. Не взирая на этотъ довольно значительный періодъ времени, нѣкоторыя стороны крестьянской реформы остаются еще въ тѣни. Нельзя сказать, чтобы это явленіе всецѣло объяснялось неблагопріятными цензурными условіями. На ряду съ ними слѣдуетъ поставить недостаточную извѣстность матеріаловъ крестьянской ре-

формы. Несмотря на то, что, начиная съ конца 50-хъ годовъ, печаталась и печатается масса данныхъ, касающихся ея хода, несмотря на появленіе въ 1862 — 1868 гг. монументальнаго труда г. Скребицкаго, многія свѣдѣнія остаются пока подъ спудомъ [1]). Таковы, наприм., Положенія губернскихъ комитетовъ подлинные акты коихъ вовсе или почти вовсе неизвѣстны въ публикѣ, что̀ создаетъ невѣрное представленіе о факторахъ, такъ или иначе вліявшихъ на ходъ и исходъ великаго преобразованія. Положеніе Тверскаго Губернскаго Комитета въ ряду этихъ трудовъ занимаетъ первое мѣсто.

Положенія комитетовъ заслуживаютъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что они колеблютъ общепринятый и довольно прочно установившійся взглядъ на дѣятельность губернскихъ комитетовъ. Въ обществѣ существуетъ легенда, — замѣчаетъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о крестьянской реформѣ проф. Иванюковъ, — «будто положенія дворянскихъ комитетовъ представляютъ цѣликомъ безобразный и ни къ чему негодный хламъ крѣпостническихъ тенденцій, въ которомъ только кое-гдѣ, въ головѣ случайно замѣшавшихся единицъ, мелькали здравая мысль и добросовѣстное отношеніе; будто Положеніе 19 февраля *сочинилъ* (курсивъ подлинника) *кружокъ* умныхъ и честныхъ либераловъ, *а общество* не причемъ и скорѣе мѣшало» [2]). Чѣмъ болѣе уясняется прагматическая исторія освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе теряетъ почву помянутая легенда и становится яснымъ, что если эта трудная реформа, вызывавшая столько опасеній и противодѣйствій въ высшихъ сферахъ, была доведена до благополучнаго конца, то только благодаря тому обстоятельству, что правительство шло рука объ руку съ меньшею, лучшею частью дворянства, а главное было солидарно съ либерально настроеннымъ общественнымъ мнѣніемъ и его выразительницею, прогрессивною печатью, горячо защищавшею интересы народа.

Утверждать въ настоящее время, что дворянство *en masse*

---

[1]) Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II — сост. А. Скребицкій, томъ I—IV. Бонпъ, 1862—1868 гг.—См. Н. П. Семенова: Освобожденіе крестьянъ. Спб., 1889 г., т. I, стр. 38.

[2]) И. И. Иванюковъ: «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи». Спб. 1882 г., стр. 165.

оказалось на высотѣ выпавшей на его долю трудной и щекс ливой задачи, значило бы грѣшить противъ истины, засвидѣтел ствованной самыми безспорными документами. Министръ внутре нихъ дѣлъ С. С. Ланской въ своей запискѣ отъ августа 1859 удостовѣряетъ, что большинство дворянства *не оправдало* ож даній правительства и прямо или косвенно стремилось къ с храненію крѣпостной зависимости въ болѣе или менѣе искус замаскированной формѣ [3]). Въ той же запискѣ своей Государ Ланской писалъ: «Въ большинствѣ проектовъ, представленны комитетами, не замѣчается безпристрастнаго соблюденія инт ресовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самы выгодъ помѣщиковъ; въ нихъ выражалось стремленіе къ бо земельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затру няются имъ переходы». Въ опубликованныхъ собственноручны отмѣткахъ покойнаго Государя на адресѣ одного изъ корифее крѣпостнической партіи, камергера М. А. Безобразова, имѣет любопытная отмѣтка, заключающая характеристику настроен дворянства вообще. Противъ словъ адреса, подчеркнутыхъ I сударемъ: «дворянство горячо сочувствуетъ Государю; оно дов зало готовность свою исполнить его волю»—стоитъ собственн ручная ироническая отмѣтка Государя: «хорошо доказало!»

---

[3]) Н. П. Семеновъ: „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи". Спб., 1869 т. I, стр. 828—830. До конца *большинство* дворянства стояло за об земеленіе крестьянъ (см. н. с. проф. Иванюкова, стр. 234 и слѣд., и с 828 н. с. Семенова, т. I, вышеупомянутую записку мин. внутр. дѣл признанное „безуміемъ" еще Николаемъ I.—Въ „Воспоминаніяхъ" г- Смирновой находимъ такой отзывъ Николая I объ Екатеринѣ II. Ека рина II сдѣлала *крупную ошибку, закрѣпивъ крестьянъ въ Украйнѣ*. I сударь кончилъ словами: „Философы не научатъ царствовать. Моя баб была умнѣе этихъ краснобаевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда слушала *своего сердца* и здраваго смысла, но въ тѣ времена всѣ ловились на и фразы. Они совѣтовали ей освободить крестьянъ безъ надѣловъ; э *безуміе*". (См. *Спб. Вѣстн.* 1893, № 4). Сколько извѣстно, философ никогда не совѣтовали закрѣпощенія крестьянъ съ Малороссіи.

[4]) См. томъ II назв. сб. Семенова, стр. 951. — Противъ того мѣс письма Паскевича, гдѣ говорилось, что предположенія Редакціон. Ко миссій могутъ быть введены въ дѣйствіе только силою, имѣется отмѣт Государя: „да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать" (с Дневникъ Валуева въ *Русской Старинѣ* 1891 г., № 10, стр. 146).

О характерѣ мотивовъ и степени искренности дворянскихъ адресовъ объ освобожденіи крестьянъ мы находимъ весьма цѣнныя указанія въ запискѣ А. И. Левшина, товарища министра внутр. дѣлъ, державшаго въ началѣ реформы въ своихъ рукахъ всѣ нити крестьянскаго дѣла. Отзывъ Левшина заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что исходитъ отъ лица, завѣдомо благорасположеннаго къ дворянству. Указавъ на то, что адресы литовскаго дворянства желали освобожденія крестьянъ безъ земли, а петербургскій (ямбургскій) даже говорилъ не объ освобожденіи, а объ улучшеніи быта, Левшинъ переходитъ къ нижегородскому дворянству, которое, будучи увлечено нижегородскимъ губернаторомъ декабристомъ Муравьевымъ, бывшимъ въ ссылкѣ за участіе въ возстаніи 14-го декабря 1825 г., отозвалось на призывъ правительства съ энтузіазмомъ, который однако вскорѣ охладѣлъ. Несмотря на увлеченіе, съ которымъ нижегородское дворянство въ этомъ случаѣ отозвалось на общій вызовъ правительства, послѣдствія показали, пишетъ Левшинъ, что оно дѣйствовало *безсознательно*, что порывъ его былъ болѣе театральный, нежели на разсужденіи основанный: получивъ рескриптъ, они прислали въ Петербургъ благодарить Государя двухъ депутатовъ, которые объявили, что они находятъ рескриптъ неудобоисполнимымъ, что они полагали отпустить крестьянъ *безъ земли* и проч. Несмотря на то, примѣръ нижегородскаго дворянства такъ былъ значителенъ, что Государь послѣ него сталъ уже съ нетерпѣніемъ ожидать вызова московскаго дворянства, и такъ какъ его долго не было, то подъ рукою замѣчено генералъ-губернатору графу Закревскому неприличіе этой медленности для старой столицы. *Волею и неволею* москвичи отозвались въ первой половинѣ января 1858 г., а потому и Закревскому посланъ такой же рескриптъ 16-го января. О послѣдующихъ затѣмъ вызовахъ дворянства и отвѣтныхъ рескриптахъ Левшинъ говоритъ такъ: это были уже дѣйствія нормальныя, болѣе или менѣе запоздалыя, и имѣли своимъ источникомъ не энтузіазмъ, а *невозможность* какой-либо губерніи отстать отъ другихъ, и напоминанія, дѣланныя отъ министерства губернаторамъ. Чистосердечнаго, на убѣжденіи основаннаго вызова освободить крестьянъ *не было ни въ одной губерніи;* но всѣми вышеописан-

ными маневрами правительство пріобрѣло возможность сказать торжественно крестьянамъ помѣщичьимъ, что владѣльцы ихъ сами пожелали дать имъ свободу [5]).

Такое поведеніе первенствующаго сословія было печально, некрасиво, но объяснимо. Смыслъ и источникъ его очень просто и вразумительно объяснилъ Я. И. Ростовцевъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ (или, какъ называли, завѣщаніи) къ императору Александру II отъ 23 октября 1859 г. «Большинство дворянскихъ комитетовъ,—писалъ онъ,—смотрѣло на дѣло съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ и гражданскаго права, меньшинство же съ точки зрѣнія *общественной пользы*, государственной *необходимости* и государственнаго права. Огромное число враговъ реформы, не понимая этой необходимости, придумало противъ Редакціонной Коммиссіи обвиненіе въ желаніи обобрать дворянъ и произвести анархію» [6])... До такой степени у большинства депутатовъ преобладало это частно-правовое воззрѣніе на дѣло, что когда заходила рѣчь объ отчужденіи дворянской собственности для надѣленія крестьянъ землею, то многіе изъ нихъ открыто, *горячо* и, повидимому, bona fide, заявляли и въ губернскихъ комитетахъ, и въ Редакціонной Коммиссіи, что за себя лично они готовы приносить жертвы, но не считаютъ себя въ правѣ и уполномоченными «жертвовать интересами дворянъ, которыхъ они удостоены чести быть представителями» [7]).

Такимъ образомъ большинство дворянскихъ депутатовъ смотрѣло на себя не какъ на носителей государственно-общественной миссіи, призванныхъ вершить общественное дѣло съ точки зрѣнія общей государственной пользы и справедливости, а какъ на излюбленныхъ адвокатовъ своего сословія, избранныхъ имъ ad hoc для твердаго отстаиванья его узкихъ матеріальныхъ и частносословныхъ интересовъ и привилегій, хотя бы и съ ущербомъ для другихъ сословій и всего государства.

---

[5]) См. записку Левшина въ *Русск. Архивѣ* 1885, № 8, стр. 537. Ср. примѣч. 25.

[6]) Н. сб. Семенова, т. II, стр. 928—929.

[7]) См. особое мнѣніе Милюкова въ прил. къ пол. тверск. ком., стр. 5, а также въ т. II н. с. Семенова, стр. 35. Мнѣніе яросл. деп. Васильева.

Въ этой близорукости, въ этомъ неумѣньи подняться выше своихъ узко-сословныхъ интересовъ, въ этой неспособности различать области частныхъ и государственныхъ интересовъ заключалась едва ли не основная ошибка дворянскаго большинства, приведшая его къ обвиненію своихъ противниковъ въ революціонныхъ и анархическихъ стремленіяхъ [8]).

Судить за это черезчуръ строго тогдашнее дворянство едва ли будетъ вполнѣ справедливо, въ виду невысокаго его общественнаго развитія. Конечно, если сравнивать его поведеніе съ образомъ дѣйствій высшихъ сословій во Франціи и Пруссіи въ дѣлѣ отмѣны феодальныхъ привилегій, то сравненіе, можетъ-быть, окажется не въ пользу русскаго дворянства. Но если припомнить событія современной жизни и принять во вниманіе, какъ поступало то или другое сословіе, когда интересы его, какъ цѣлаго, или даже отдѣльной группы членовъ сталкивались съ другими интересами, то, быть можетъ, къ дворянству будемъ менѣе строги. Оно, конечно, noblesse oblige, но развѣ меньше обязываетъ высшее образованіе и сознаніе достоинства либеральной корпораціи? А, между тѣмъ, припомнимъ, какъ поступили недавно не то что московскіе купцы, которые подняли страшный вопль по поводу французской выставки въ Москвѣ, а московскіе присяжные повѣренные въ вопросѣ о помощникахъ...

Но какъ ни смотрѣть на роль дворянства въ крестьянской реформѣ, для правильнаго сужденія о ней необходимо имѣть въ виду и то просвѣщенное, передовое, либеральное [9]) и истинно-

---

[8]) См. н. с. Семенова, стр. 951, 929.

[9]) Если большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства, писалъ въ своей запискѣ мин. внутр. дѣлъ Ланской, то въ мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ Комитетовъ нельзя не признать зрѣлости, образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 829). — Требованія эмансипаціи, писалъ И. С. Аксаковъ въ 1856 г.,—желѣзныхъ путей и проч. и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, *первоначально возникли* не отъ насъ, а *отъ западниковъ*, а я помню время, когда, къ сожалѣнію, славянофилы, хотя и не всѣ, противились и желѣзнымъ дорогамъ, и эмансипаціи,—послѣдней потому только, что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей (см. Письма И. С. Аксакова, т. III, 291).

патріотическое меньшинство его, которое, понявъ высокое значеніе выпавшей на его долю исторической миссіи, смѣло пошло ей на встрѣчу. Пренебрегши и личною карьерою и отношеніями, и даже личною безопасностью, эти передовые бойцы за свободу народа оказали энергическую поддержку благому почину правительства, несмотря на сыпавшіеся на нихъ инсинуаціи [10]), клеветы, прямые доносы, открытое насиліе [11]) и даже невзгоды отъ самаго правительства.

Большое счастье,—говоритъ историкъ крестьянской реформы, проф. Иванюковъ,—что въ работахъ по этому вопросу было дано участіе *общественному* элементу—впервые въ теченіе всего XIX столѣтія [12]). Благодаря этому, свѣтлыя мысли, высказы-

---

[10]) До какой неразборчивости доходили противники радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, можно судить по слѣдующему факту, оглашенному *Русскимъ Архивомъ*. На одномъ обѣдѣ въ 1859 г. князь А. В. Оболенскій предложилъ тостъ за всѣхъ трудившихся по крестьянскому вопросу и въ томъ числѣ за Кавелина и Унковскаго. Булгаковъ (чл. Ред. Ком.) не постѣснился прервать тостъ такимъ замѣчаніемъ: „Умъ если пить, то лучше начать сначала, съ перваго, кто трудился за крестьянъ... съ *Пугачева!*“ (*Р. А.* 1891 г., № 1, стр. 7). Когда дошла объ этомъ вѣсть до Государя, онъ рѣшилъ Булгакова уволить отъ службы Военный министръ Сухозанетъ на колѣняхъ упросилъ простить своего протеже (см. Матеріалы для исторіи упразднен. крѣпост. права. Берлинъ 1860, т., II). Булгаковъ отказался отъ своихъ словъ.

[11]) Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій и А. И. Кошелевъ, какъ извѣстно, должны были принимать рядъ мѣръ предосторожности и самообороны противъ угрозъ и насилій крѣпостниковъ (см. н. Матеріалы, I 301, 307). Въ Дневникѣ Валуева находимъ подъ 30-мъ декабря 1859 г. слѣдующую отмѣтку: „анти-ростовцевцы предприняли формальную агитацію по имперіи, разослали своихъ агентовъ по губерніямъ, получаютъ des adresses d'adhésion и т. п. Вотъ до чего доведено дѣло и низведено!.. Одинъ генералъ-адъютантъ и три флигель-адъютанта открыто дѣйствуютъ на свою руку и находятъ приверженцевъ“ (*Русск. Ст.* 1891 г., № 10 стр 147).

[12]) Указывая на это первое въ текущемъ столѣтія обращеніе верховной власти къ содѣйствію общества въ дѣлѣ государственнаго устройства, г. Семеновъ сопоставляетъ это явленіе съ народнымъ представительствомъ, съ земскими собраніями, существовавшими въ древней Руси.- Отсутствіе крестьянъ г. Семеновъ объясняетъ ихъ неразвитостью, истекавшею изъ крѣпостнаго права. Нужно отдать, говоритъ онъ, полную справедливость всему (??) русскому дворянству, что интересы крестьян

вавшіяся въ литературѣ, все-таки, хоть косвенно, могли найти себѣ выраженіе въ губернскихъ комитетахъ и потомъ въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ [13]).

Нужно отдать справедливость либеральнымъ общественнымъ дѣятелямъ эпохи крестьянской реформы, что они дѣйствовали съ замѣчательною *самостоятельностью* и *стойкостью*, а нѣкоторые даже съ рѣдкимъ мужествомъ и полнымъ самоотверженіемъ. Отмѣчу одну подробность, свидѣтельствующую о томъ, какъ лучшая, меньшая часть дворянства увлекала не только значительную часть дворянства, но вліяла иногда и на правительство [14]). Въ октябрѣ 1858 г., когда въ оффиціальныхъ сферахъ никто не смѣлъ и заикаться о *выкупѣ полевой земли* и даже запрещено было дворянскимъ собраніямъ касаться этого вопроса, пріѣхали въ Петербургъ тверскіе депутаты: А. М. Унковскій, А. Н. Перхуровъ, Н. Бакунинъ и П. Кишенскій. Они представлялись министру внутрен. дѣлъ С. С. Ланскому и категорически заявили ему, что они согласны составить проектъ реформы не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя *они сами* считаютъ полезными; «а если такого проекта не нужно, продолжали депутаты, пусть назначатъ на мѣсто наше чиновниковъ, которые напишутъ все, что имъ велятъ».

Какой получается контрастъ, если сопоставить эту независимую рѣчь тверскихъ депутатовъ съ діалогомъ, имѣвшимъ мѣсто въ той же столицѣ всего за сорокъ съ небольшимъ лѣтъ передъ тѣмъ.

— Вы чего сюда притащились, распекалъ въ 1812 г. министръ полиціи Балашевъ дворянскую депутацію, которая въ годину народнаго бѣдствія пріѣхала въ Петербургъ «положить къ стопамъ Государя свои животы и все прочее» по случаю нашествія Наполеона.— Кто это вамъ позволилъ, господа?... [15])

были до конца имъ ограждены, лучше (?), нежели бы даже самими крестьянами. См. н. с. Семенова, т. I, 24—25.

[13]) Сравнивая положенія губернскихъ комитетовъ съ постановленіями Редакціонной Коммиссіи, г. Иванюковъ отмѣчаетъ, что послѣднія *всѣ* заимствованы изъ того или другаго мѣстнаго положенія.

[14]) См. Записку Ланского въ н. с. Семенова, II, 827.

[15]) См. „Русскія народныя картины“ Д. Ровинскаго, т. V, стр. 318.

Съ такою же независимостью, несмотря на всѣ цензурные тиски, раздавался и голосъ общественнаго мнѣнія. Журналистика, не смѣвшая при Дуббельтѣ говорить, напр., о загрязненіи Фонтанки и даже одобрительно отзываться о правительственныхъ дѣйствіяхъ, критиковала ихъ съ свободою, которая не только не превзойдена, но и не была достигнута впослѣдствіи, съ отмѣною предварительной цензуры.

Роль либеральной литературы [16]), разъяснявшей и развивавшей планъ *полнаго* освобожденія крестьянъ, была громадна. Особенно *Современникъ* и *Русскій Вѣстникъ* горячо ратовали противъ крѣпостническихъ тенденцій въ правительствѣ и въ литературѣ. «Литература, можно сказать, писалъ въ 1859 г. М. Н. Катковъ, оказала *несомнѣнныя* услуги правительству и обществу по крестьянскому вопросу. Благодаря ея *искреннему* и *дружному* содѣйствію, свѣтъ быстро и благотворно распространялся въ самыхъ отсталыхъ, упорныхъ и неприготовленныхъ умахъ. А между тѣмъ, продолжаетъ онъ, съ какими усиліями, съ какими трудностями должны были мы бороться, сколько перенести тревогъ и опасеній для того, чтобы разъяснить мало-по-малу элементъ этого вопроса» [17]).

Чтобы не было тутъ усмотрѣно пристрастія профессіональнаго литератора, приведемъ отзывъ лица, не принадлежавшаго къ литературному кругу и отдающаго полную справедливость мужественной и просвѣтительной роли русской журналистики в крестьянскомъ дѣлѣ. Вотъ что говоритъ тогдашній товар. мин. внутр. дѣлъ А. Левшинъ. «Несмотря на запрещенія, журнал

---

[16]) Роли литературы въ н. с. Иванюкова посвящена особая обширная глава (см. стр. 86—143). Редакціонная Коммиссія собрала до 1000 с чиненій по крестьянскому вопросу, въ томъ числѣ до 400 на русском языкѣ. Сдѣлано было сношеніе съ редакціями русскихъ журналовъ высылкѣ въ библіотеку ея 100 оттисковъ *всѣхъ* (стало быть и не пропущенныхъ цензурою) статей, поступившихъ въ редакціи (см. н. с. Семенова, II, 84, 114).

[17]) См. „М. Н. Катковъ“, соч. Н. А. Любимова, стр. 113. И этотъ п публицистъ долженъ былъ впослѣдствіи договориться до того, чтоб кричать „караулъ“ по поводу самой скромной попытки печати

... смѣть
Свое сужденіе имѣть.

постоянно наполнялись статьями по крестьянскому вопросу, и нѣтъ никакого сомнѣнія, пишетъ онъ въ это время литература оказала *великую услугу Россіи* разносторонними воззрѣніями и объясненіями предмета, который не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ составлялъ полную тайну, совершенную terra incognita» [18]).

Въ ряду защитниковъ интересовъ крестьянъ, въ ряду проводниковъ свѣтлыхъ мыслей, развиваемыхъ въ литературѣ, на первомъ планѣ выступало дворянство Тверской губерніи, имѣвшее въ то время во главѣ одного изъ самыхъ стойкихъ и самоотверженныхъ борцовъ за «святое дѣло» какъ въ литературѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ—Алексѣя Михайловича Унковскаго (впослѣдствіи петербургскій присяжный повѣренный, † 20 декабря 1893 г.). Если въ другихъ губерніяхъ дворяне, стремившіеся не къ фиктивному, а къ дѣйствительному освобожденію народа, составляли меньшинство, а то и просто считались единицами, въ тверскомъ дворянствѣ большинство, хотя и не сильное, стало на сторону просвѣщенной безкорыстной либерально-гуманной программы, предложенной его предводителемъ, и оказало сильное вліяніе на измѣненіе первоначальнаго, довольно неопредѣленнаго и узкаго правительственнаго плана «объ улучшеніи быта крестьянъ». Въ первыхъ рескриптахъ и разъяснительномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ помѣщикамъ «сохранялось право собственности на *всю* землю», крестьянамъ же предоставлялось пріобрѣсти въ собственность только «усадебную осѣдлость», т. е., какъ разъяснялъ министръ, «избу или хату, въ которой живетъ крестьянинъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и землею подъ оными». Остальная земля, составляя собственность помѣщика, отдавалась лишь въ пользованіе крестьянамъ, которые должны были или отбывать натуральныя повинности, или платить оброкъ деньгами или произведеніями. Уничтоженіе крѣпостнаго права должно было совершиться не вдругъ, а постепенно, при чемъ переходное состояніе могло длиться до 12 лѣтъ. За помѣщиками сохранялась вотчинная полиція [19]).

---

[18]) См. н. з. Левшина, стр. 541.

[19]) См. пункты I, II, III отношенія Ланского къ ген.-губ. Назимову отъ 22 ноября 1857 г.

Неопредѣленность выраженій означенныхъ оффиціальныхъ
кументовъ, которые въ лучшемъ случаѣ могли быть истол
ваны въ смыслѣ установленія феодальной собственности, а
худшемъ—въ смыслѣ возможности полнаго обезземеленія крес
янъ, ввела въ искушеніе большинство дворянства исказить
своекорыстнымъ соображеніямъ основной смыслъ намѣренія п
вительства. Руководствуясь открытымъ еще въ древности «б
говиднымъ» рецептомъ обхода закона, состоящимъ въ явно
нарушеніи смысла закона при кажущемся буквальномъ его
полненіи (verbis legis amplexus contra ejus niti voluntatem), к
которые дворянскіе комитеты (какъ-то: курскій, новгородск
тамбовскій, херсонскій, виленскій и др.) истолковали програм
правительства въ томъ смыслѣ, что предлагали въ своихъ п
ектахъ *вовсе* лишить крестьянъ, по истеченіи переходнаго в
мени, земли.

Не такъ посмотрѣлъ на дѣло Тверской Дворянскій Губерск
Комитетъ. Составленное имъ «Положеніе» краснорѣчиво свид
тельствуетъ, что оно съ самаго начала взглянуло на возложе
ную на него правительствомъ задачу какъ на общественн
служеніе, а не частное, узко-сословное дѣло. Служа органомъ ц
кулировавшихъ въ обществѣ и литературѣ «свѣтлыхъ мыслей»
дѣйствительномъ, а не фиктивномъ освобожденіи крестьянъ, Тве
ской Комитетъ «добросовѣстно и съ мужественною откровенност
высказалъ свой взглядъ на предстоящую реформу», въ которо
по справедливому замѣчанію министра внутреннихъ дѣлъ Ла
ского, «хотя не было вѣрности буквѣ высочайшаго рескрип
но было согласіе съ духомъ и цѣлью его: *обезпечить и ук
шить* быть крестьянъ».

Въ Положеніи своемъ, которое занимаетъ едва-ли не перв
мѣсто въ ряду однородныхъ работъ, Тверской Комитетъ тверд
убѣдительно настаивалъ на необходимости полнаго освобожде
крестьянъ съ землею и на предоставленіи, при посредствѣ в
купной операціи, въ ихъ собственность не только усадебной осѣ
лости, но и *надѣльной полевой земли*. Кромѣ того, онъ с
талъ крайне опаснымъ сохраненіе вотчинной полиціи и пре
лагалъ стройную систему мѣстныхъ административныхъ и с
дебныхъ учрежденій, основанныхъ на принципѣ всесословна

самоуправленія и согласованныхъ съ духомъ освободительной реформы. Подъ Положеніемъ подписались, кромѣ предсѣдателя, губернскаго предводителя А. М. Унковскаго, тверской уѣздный предводитель тит. сов. Арсеній Балкашинъ и члены: депутатъ отъ Кашинскаго уѣзда кап.-лейт. Павелъ Максимовичъ, депутатъ Калязинскаго уѣзда шт.-кап. Михаилъ Нероновъ, кандидатъ Весьегонскаго уѣзда шт.-кап. Петръ Измайловъ, депутатъ Вышневолоцкаго уѣзда кап.-лейт. Николай Харламовъ, депутатъ Ржевскаго уѣзда колл. секр. Никита Семеновъ, депутаты Старицкаго уѣзда: шт.-ротм. Алексѣй Вульфъ и лейт. Петръ Панафидинъ, депутаты Новоторжскаго уѣзда: гв.-пор. Павелъ Кишенскій и пор. Константинъ Мячковъ, депутаты Корчевскаго уѣзда: гвардіи полковникъ Александръ Перхуровъ и Алексѣй Головачевъ (впослѣдствіи извѣстный публицистъ), депутаты отъ правительства: кап. арт. Николай Бакунинъ и отст. маіоръ Александръ Вельяшевъ. 13 депутатовъ остались при особыхъ мнѣніяхъ [20]).

---

[20]) „Эти 13 членовъ, не подписавшихъ проекта большинства, писалъ мнѣ 31 мая 1891 г. А. М. Унковскій, не были всѣ противниками освобожденія или надѣленія крестьянъ землею. Такихъ, какъ Веревкинъ, Милюковъ и Кудрявцевъ (см. ниже), было очень мало. Бо́льшая часть ихъ боялись только слишкомъ быстраго переворота въ хозяйствѣ и не вѣрили возможности одновременнаго выкупа по громадности финансовой операціи, т. е. были нашими противниками по недальновидности, словомъ, такими же противниками, какъ и члены Редакціонныхъ Коммиссій. Съ ними большинству Комитета приходилось такъ же спорить, какъ впослѣдствіи я спорилъ съ Н.А. Милютинымъ, кн. Черкасскимъ, Самаринымъ, Ростовцевымъ, Я.И. Соловьевымъ и др. Они не могли понять, что одновременный выкупъ всѣхъ надѣловъ *возможнѣе и выгоднѣе постепеннаго*, между тѣмъ какъ это для лицъ, подписавшихъ проектъ большинства, было ясно, какъ день, ибо, при обязательномъ выкупѣ для однихъ крестьянъ, операція должна была совершаться преимущественно въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне несостоятельны къ платежу оброковъ или погашенію ссудъ, вслѣдствіе чего сумма недоимокъ должна быть пропорціонально больше къ обороту, нежели при одновременномъ выкупѣ всѣхъ надѣловъ. Вотъ о чемъ мы спорили и въ Твери съ меньшинствомъ, и въ Петербургѣ—съ членами Коммиссій. Между тѣмъ, изъ неподписавшихъ проектъ 13-ти я могу назвать трехъ членовъ, расположенныхъ не менѣе насъ къ реформѣ: депутата Бѣжецкаго уѣзда Модеста Воробьева, Кашинскаго—Зміева и Зубцовскаго—Зубкова. Въ доказательство привожу слѣдующій случай. Когда

Весело и торжественно [21]) закончило тверское дворянство свое общественное служеніе. 5-го февраля 1859 г. былъ закрытъ Губернскій Тверской Комитетъ. На другой день члены его давали обѣдъ въ честь тверскаго губернатора Баранова, относившагося довольно сочувственно къ освобожденію крестьянъ. Предводитель дворянства А. М. Унковскій провозгласилъ тостъ за Александра II въ слѣдующихъ задушевныхъ выраженіяхъ: «за здравіе и благоденствіе пресвѣтлаго солнца, которое грѣетъ и свѣтитъ Россіи». А. М. Унковскому, много и честно потрудившемуся на пользу народа, былъ поднесенъ членами Комитета эмблематическій подарокъ: изящный серебряный кубокъ работы Сазикова; на крышкѣ кубка стоитъ крестьянинъ безъ шапки и съ низкимъ поклономъ держитъ на подносѣ хлѣбъ-соль въ знакъ благодарности за волю и землю.—Затѣмъ былъ офиціальный обѣдъ у губернскаго предводителя, на которомъ присутствовали корифеи тогдашней либеральной журналистики: профессоры: М. Н. Катковъ, П. М. Леонтьевъ, И. К. Бабстъ публицистъ Громека и др. [22]).

пришлось разрѣшить вопросъ о способѣ опредѣленія суммы оброка, и слѣдовательно, и капитализаціи ея для выкупа, мы всѣ стали втупикъ. Крѣпостники требовали производства кадастра, при чемъ дѣло затянулось бы на многіе годы. У насъ же не было никакихъ основаній. Тогда насъ вывелъ изъ этого важнаго затрудненія *Модестъ Воробьевъ*. Онъ предложилъ ту систему, которая была принята не только нами, но правительствомъ. Редакціонныя Коммиссіи только измѣнили разсчетъ, понизивъ нѣсколько оброкъ за первыя двѣ десятины, а возвысивъ за 3-ю и 4-ю, но мысль дана покойнымъ Воробьевымъ въ видахъ ускоренія дѣла".

[21]) Вообще дворянство вездѣ очень весело заключило свой первый политическій дебютъ на поприщѣ государственнаго служенія. Съ особенною, даже нѣсколько театральною, торжественностью дѣйствовало харьковское дворянство. Всѣ члены Комитета, какъ бы въ подражаніе парижскому конгрессу 1856 г., подписали Положеніе перьями, на которыхъ значилось: „А. II". На ручкахъ была вырѣзана дата 24-го марта 18[illegible] (день подписанія). Ручки были взяты каждымъ членомъ съ собою для передачи ихъ на храненіе въ свою приходскую церковь. Снята была фотографическая группа всѣхъ членовъ. Составленъ альбомъ ихъ автографовъ и пр. См. Матеріалы для ист. упразднен. крѣп. права. Берлинъ 1860, т. I, стр. 307.

[22]) См. н. Матеріалы, т. I, 307.

II.

Прежде, чѣмъ перейти къ подробному анализу замѣчательнаго Положенія, составленнаго Тверскимъ Комитетомъ, считаемъ не лишнимъ отмѣтить крупнѣйшія событія изъ послѣдующей, довольно бурной дѣятельности тверскаго дворянства, въ свое время обратившей вниманіе всей Россіи.

Въ августѣ 1859 г. стали съѣзжаться въ Петербургъ дворянскіе *депутаты* перваго приглашенія. Въ числѣ ихъ были и тверскіе депутаты: А. М. Унковскій, какъ представитель большинства Комитета, и Е. А. Кардо-Сысоевъ,—меньшинства. Положеніе депутатовъ было крайне фальшивое. «Депутатъ»—слово слишкомъ громкое, много обязывающее и много обѣщающее. Слово это, какъ оказалось, не соотвѣтствовало существу и пространству полномочій, или, точнѣе, обязанностей, если не повинностей, которыя желало правительство возложить на «представителей» всероссійскаго дворянства. Вопреки первоначальному плану, одобренному Главнымъ Комитетомъ, это не были даже сословные уполномоченные, имѣвшіе представлять интересы, желанія и взгляды дворянскихъ обществъ in corpore. Вслѣдствіе послѣдующаго измѣненія, исходатайствованнаго О. С. Ланскимъ въ маѣ 1859 года и допустившаго представительство меньшинства наравнѣ съ большинствомъ, характеръ депутатскихъ полномочій рѣзко измѣнялся. Они превратились въ простыхъ свѣдущихъ людей, призванныхъ не импонировать правительству, на правахъ дворянскаго представительства, а лишь помочь ему своимъ практическимъ знаніемъ жизни, а отчасти и просвѣщеннымъ взглядомъ, какъ представители высшаго сословія, содѣйствовать въ качествѣ «экспертовъ» своимъ хозяйственнымъ опытомъ, добрымъ совѣтомъ въ разрѣшеніи труднаго, но уже назрѣвшаго и отчасти уже предрѣшеннаго вопроса. Все зависѣло отъ того, въ какую форму выльется эта новая вспомогательная сила законодательной дѣятельности, въ какія отношенія станетъ она къ центральнымъ органамъ администраціи? Такъ или иначе «депутаты» все-таки являлись представителями части общественнаго мнѣнія, общества, носителями свободной общественной мысли и слова, способные если не ratione imperii,

то imperio rationis, т. е. разумностью своихъ совѣтовъ воздѣйствовать на правительство.

Минута была торжественная и критическая!

Какая ждала роль этихъ представителей дворянскаго землевладѣнія и отчасти дворянской интеллигенціи, впервые послѣ большой Екатерининской Коммиссіи 1767 г., призываемыхъ центральною властью для совѣщанія? Какъ отнесутся дворяне къ вопросу объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, которая была отвергнута сто лѣтъ назадъ ихъ предками, несмотря на просвѣщенную, хотя и мимолетную, иниціативу Екатерины[23]), въ то время настроенной либерально и лишь къ концу царствованія сдѣлавшейся, по выраженію одного историка, «либеральной крѣпостницею» и установившею крѣпостное право въ Малороссіи?[24]). Отъ того или другаго характера и обстановки этой, первой послѣ столѣтняго промежутка, встрѣчи лицомъ къ лицу представителей общества и центральнаго правительства многое зависѣло для судебъ Россіи и въ настоящемъ и въ будущемъ.

Къ сожалѣнію, встрѣча произошла при обстановкѣ и настроеніи, полныхъ взаимнаго недовѣрія и раздраженія. А извѣстно, что это условія, крайне неблагопріятныя для взаимнаго сближенія какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. Вина была съ обѣихъ сторонъ, но бо̀льшая, пожалуй, вина была на сторонѣ дворянства. Если бы оно, какъ сословіе, имѣло политическую дальновидность и правильное разумѣніе своихъ интересовъ,—оно должно бы было примириться съ неизбѣжными жертвами, пойти на встрѣчу громко требуемому прогрессивнымъ общественнымъ мнѣніемъ освобожденію крестьянъ, стать во главѣ этого движенія и тѣмъ укрѣпить свое политическое и соціальное положеніе въ государствѣ. Словомъ, если бы оффиціально провозглашенная въ манифестѣ фраза, что освобожденіе народа состоялось *по волѣ дворянства*[25]), была не миѳомъ и фикціею, а сущею правдою,

---

[23]) Брикнеръ. Исторія Екатерины Второй. IV, 537—542.

[24]) Д. А. Ровинскій. Русскія народныя картинки. Спб. 1881, V, 321.

[25]) Такъ гласитъ Манифестъ 19-го февраля; это значилось и въ первоначальномъ проектѣ „Положенія о крестьянахъ“, но слова эти были вычеркнуты изъ 1 ст. Полож. по настоянію члена Главнаго Комитета, крѣпостника гр. В. А. Адлерберга, который заявилъ: „это ложь съ перваго слова, дальше читать не стоитъ“.

если бы русское дворянство оказалось на высотѣ своего историческаго положенія и, сойдя съ узко сословной точки зрѣнія, усвоило государственную,—быть можетъ, оно, на подобіе англійской аристократіи, обезпечило бы себѣ надолго видную роль въ государственной жизни Россіи. Но съ другой стороны, если бы лица, руководившія реформою, отрѣшились отъ бюрократическихъ предразсудковъ и вполнѣ довѣрились силѣ и гласности и прогрессивнаго общественнаго мнѣнія,—опытъ обращенія къ общественнымъ силамъ вышелъ бы удачнѣе [26]).

---

[26]) Въ обширномъ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 5-го марта 1893 г. бывшій членъ Тверскаго Комитета, извѣстный своею преданностью крестьянскому дѣлу, А. А. Головачевъ, коснувшись этого періода крестьянской реформы, между прочимъ писалъ:

„Странныя опасенія какого-то вреднаго вліянія губернскихъ депутатовъ на ходъ крестьянскаго вопроса заставили свести къ нулю все ихъ значеніе, какъ будто великій вопросъ объ освобожденіи свыше 20 милліоннаго населенія Россіи, поставленный на очередь самимъ правительствомъ, могъ быть заторможенъ, хотя бы и большинствомъ представителей дворянства. Напротивъ, истина, провозглашенная публично и ясно, хотя бы и со стороны незначительнаго меньшинства, непремѣнно одержала бы верхъ. Она не боится свѣта и навѣрное нашла бы своихъ прозелитовъ въ числѣ добросовѣстныхъ противниковъ, не вѣрившихъ въ нее по недоразумѣнію, и, при гласномъ обсужденіи, положила бы печать молчанія на людей, способныхъ, во мракѣ канцелярской тайны, создавать препятствія хорошему дѣлу. Хищники только въ потемкахъ дѣлаются смѣлыми, а при свѣтѣ дня они прячутся въ норы. Я не могу себѣ представить, что могли возразить противники освобожденія крестьянъ при гласномъ и публичномъ обсужденіи главныхъ положеній Тверскаго Комитета, не шокируя общественной совѣсти и не ставя своего имени къ позорному столбу передъ судомъ исторіи? А еслибъ и нашлись такіе люди, то ихъ аргументація не могла бы имѣть ни малѣйшаго значенія и разлетѣлась бы какъ пыль при малѣйшей попыткѣ критическаго отношенія. Я могу утверждать это по опыту. Во все время дѣятельности Тверскаго Комитета глухой ропотъ ходилъ въ средѣ тверскаго дворянства, являлись даже протесты въ Комитетъ, существовали даже доносы. Насъ называли красными и революціонерами. Но когда проектъ былъ составленъ и сдѣлался извѣстнымъ добросовѣстному большинству дворянства, тогда даже московскія кумушки стали про насъ говорить, *qu'ils ne sont que pour le bon droit*, и собравшееся въ концѣ 1859 года тверское дворянство въ числѣ 300 шаровъ оказалось почти цѣликомъ на нашей сторонѣ. Наши противники въ родѣ Милюкова и Веревкина соединили около себя не болѣе

На дѣлѣ вышло не такъ. Изъ вышеупомянутой записки Лан ского видно, что либеральное правительство было разочарован въ своихъ надеждахъ: большинство дворянъ оказалось враждеб ным освобожденію. Правительство, испугавшись оппозиціи кр постниковъ, сочло нужнымъ *защищать* «святое дѣло» отъ нож токъ искаженія со стороны дворянскихъ депутатовъ. Весною 1859 исходатайствовано было высочайшее повелѣніе о вызовѣ депут товъ не только отъ большинства, но и отъ меньшинства. Через это, какъ уже замѣчено, сразу званіе «депутатъ» низводилось

---

40 голосовъ изъ этихъ 300, да и тѣ хранили глубокое молчаніе, и тольк выражали свои мнѣнія при тайной подачѣ голосовъ. То же случилось С и въ средѣ губернскихъ депутатовъ въ Петербургѣ, еслибъ въ ихъ средѣ при гласномъ обсужденіи предъ лицомъ правительства раздал твердый голосъ хотя бы ничтожнаго меньшинства о необходимости и в избѣжности уничтоженія крѣпостнаго права не только въ его чистом видѣ предоставленіемъ 20 милліонамъ населенія гражданскихъ и имущ ственныхъ правъ, но и изгнанія крѣпостничества изъ всѣхъ сферъ русск жизни, которая проникла имъ насквозь. Но ничего этого не случилос Депутатамъ не были дозволены, даже оффиціальныя совѣщанія и колле тивныя постановленія: имъ были даны вопросные пункты, на которые о должны были отвѣчать каждый, сидя въ своемъ углу. Впрочемъ, не возбр нялось представлять и другія соображенія, если кто пожелаетъ. Резул татомъ такого порядка оказалось болѣе 2000 печатныхъ листовъ сообр женій, представленныхъ депутатами только перваго призыва. Само собо разумѣется, что такая масса печатной бумаги не могла быть разсмотрѣ подробно не только членами Главнаго Комитета, но даже членами Реда ціонныхъ Комиссій, у которыхъ было не одно это дѣло. Такимъ обр зомъ труды депутатовъ, призванныхъ въ качествѣ экспертовъ, сдѣлали извѣстны только канцелярскимъ чиновникамъ Редакціонныхъ Коммиссі которые могли извлекать изъ нихъ то, что находили нужнымъ по св ему усмотрѣнію; для цѣлаго же общества, не исключая и высшихъ пр вительственныхъ сферъ, они остались *канцелярской тайной* и не мог быть по своей массѣ ничѣмъ другимъ. Хотя всѣ эти мѣры оправдывали опасеніемъ вреднаго вліянія крѣпостническихъ тенденцій со стороны д путатовъ на судьбу крестьянскаго вопроса, но не нужно было бол шой смѣтливости, чтобъ увидѣть и другія причины. Тенденція *уедини* крестьянскую реформу отъ всѣхъ другихъ реформъ, вызываемыхъ ею, опасенія, что при гласномъ обсужденіи вопроса изъ среды общества, п мимо бюрократическаго соизволенія, могутъ выдвинуться люди съ бол шею самостоятельностію и силою воли, лучше понимающіе государстве ныя и общественныя задачи и способныя поколебать такимъ образомъ уст

степени представителя дворянства цѣлой губерніи къ скромной роли эксперта-землевладѣльца. Въ августѣ того же года состоялось другое высочайшее повелѣніе—о томъ, что депутаты не должны касаться коренныхъ, уже *предрѣшенныхъ* правительствомъ вопросовъ, а лишь тѣхъ частностей, о которыхъ *признаетъ нужнымъ* спросить депутатовъ Редакціонная Коммиссія. Когда 36 депутатовъ явились въ августѣ 1859 г. въ Петербургъ, имъ была объявлена еще высочайшая инструкція, которая воспрещала имъ дѣлать общія собранія и дѣятельность ихъ ставила въ крайне узкія и стѣснительныя рамки. Мало того, званіе «депутатовъ», какъ не отвѣчающее ихъ новому положенію, было *упразднено* и замѣнено названіемъ членовъ губернскаго комитета [27]). Было очевидно, что правительство приняло всѣ мѣры, чтобы лишить оппозиціонную дворянскую партію возможности группироваться, спѣваться и сообща идти противъ Редакціонной Коммиссіи, гдѣ, по мнѣнію крѣпостниковъ, или, какъ тогда называли — плантаторовъ, засѣдали красные, демагоги, революціонеры и пр. Ошибкою правительства было то, что, защищаясь отъ противниковъ, оно задѣвало и преданныхъ

новившійся авторитетъ бюрократіи, играли въ этихъ мѣропріятіяхъ значительную роль. Доказательствомъ справедливости моего утвержденія могу указать на то обстоятельство, что ни одинъ (Ю. Ѳ. Самаринъ?) изъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, защищавшихъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею, *не былъ* приглашенъ въ члены редакціонныхъ коммиссій, между тѣмъ какъ г. Позенъ, извѣстный крѣпостникъ, и кн. Г. Черкасскій, отпускавшій на волю значительное число своихъ крестьянъ безъ земли, за уплату долга опекунскому совѣту, причитающагося на ревизскую душу, уже во время дѣйствія крестьянскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій,—удостоились этой чести. Какъ бы то ни было, тенденціи бюрократіи восторжествовали вполнѣ. Крестьянская реформа, вслѣдствіе отсутствія гласнаго и публичнаго ея обсужденія въ средѣ губернскихъ депутатовъ и представителей правительства, была уединена отъ всѣхъ другихъ реформъ, необходимость которыхъ она обусловливала. Но такъ какъ приведеніе ее въ исполненіе невозможно было ввѣрить прежнимъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ, то вмѣсто общаго государственнаго преобразованія были введены временныя учрежденія, исключительно для введенія крестьянской реформы, все же остальное осталось по-старому".

[27]) См. н. с. Иванюкова, 176 - 183.

друзей, вырывая плевелы съ общественной нивы, оно топтало и пшеницу, и ошибка эта, главнымъ образомъ, обусловливалась застарѣлыми бюрократическими традиціями николаевскаго времени, которыя дѣлали невозможнымъ полное, искреннее единеніе правительства съ передовою либеральною частью общества, дворянства и интеллигенціи [28]). Такимъ образомъ, первый опытъ сближенія правительства съ обществомъ вышелъ неудаченъ.

Депутаты, какъ и слѣдовало ожидать, остались крайне недовольны принятыми противъ нихъ мѣрами. Они стали собираться у петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, гр. Шувалова, волновались, шумѣли, протестовали, но ничего не выходило. Попробовали ходатайствовать о разрѣшеніи дѣлать общія собранія, но былъ полученъ отказъ. Послѣ этого депутаты рѣшились выразить по группамъ въ особыхъ адресахъ свои пожеланія и взгляды на крестьянскую реформу [29]).

---

[28]) Ту же мысль о безсиліи крѣпостниковъ, при гласности, какую высказываетъ г. Головачевъ (примѣч. 26), высказывалъ Герценъ въ извѣстной статьѣ, которая начиналась словами: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ» и въ которой онъ 15 февраля 1858 г. съ восторгомъ привѣтствовалъ починъ Александра II въ постановкѣ крестьянскаго вопроса. «Знаете что? писалъ онъ, до помѣщичьяго права добираются, до вольности дворянской? Это мужичка-то не посѣчь и не заставить поработать четвертый и пятый день, дворового-то и не поколотить. Помилуйте!... Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и вологодскихъ берлогъ- Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а *перомъ*, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться.—Помѣряемтесь... Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой не опасенъ. Что они могутъ противоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе? И пуще всего общественное мнѣніе. Лишь-бы теперь нашимъ плантаторамъ и ихъ противникамъ позволено было вполнѣ *высказаться*, помѣриться... И тутъ, какъ во всемъ, поневолѣ бьешься въ другое *великое искомое* современной Россіи—*въ гласность*. Гласность ихъ казнитъ прежде, нежели дѣло дойдетъ до правительственнаго бича или крестьянскаго движенія». (Колоколъ 1858 года, № 9).

[29]) Адресы напечатаны въ видѣ приложенія къ т. II н. сб. Семенова. Тутъ же напечатана записка Н. П. Безобразова, написанная очень запальчиво, но мѣтко характеризующая болѣзни бюрократической системы;

Самый замѣчательный адресъ тотъ, который подали 16 октября 1859 г. либеральные депутаты: А. М. Унковскій вмѣстѣ съ членами харьковскаго комитета Дм. Хрущовымъ и Алекс. Шретеромъ и двумя членами ярославскаго комитета Демосѳеномъ Васильевымъ и Павломъ Дубровинымъ [30]).

Хотя либеральные депутаты были почти вполнѣ солидарны съ Редакціонною Коммиссіею (кромѣ вопроса о выкупѣ, который А. М. Унковскій предлагалъ сдѣлать обязательнымъ для помѣщиковъ и совершить разомъ) въ главныхъ вопросахъ, но они считали опаснымъ усиленіе бюрократическаго всевластія и вмѣстѣ съ тѣмъ признавали безусловно необходимыми обще-государственныя реформы, которыя впослѣдствіи отчасти и были осуществлены.

Исторія съ адресами кончилась грустно. Всѣмъ подписавшимъ былъ объявленъ выговоръ, а нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и тверской депутатъ А. М. Унковскій, отданы подъ надзоръ полиціи. Въ концѣ 1859 года разъѣхались депутаты, оставивъ въ Петербургѣ и увозя оттуда горькій осадокъ непріятныхъ воспоминаній [31]). Между тѣмъ во многихъ губерніяхъ пред-

---

она насквозь пропитана олигархическими тенденціями. У г. Семенова приведены также весьма характерныя мѣста, подчеркнутыя Государемъ, и сдѣланныя имъ на поляхъ отмѣтки. Противъ того мѣста записки, гдѣ говорилось, что администраціею нарушена высочайшая воля, по силѣ которой депутаты должны были поступить въ Главный Комитетъ, стоятъ помѣтки: „*вздоръ*“ и „*никогда*“. Противъ мѣста, гдѣ заявлялось, что нужно обуздать министерство внутреннихъ дѣлъ и Редакціонныя Коммиссіи, стоитъ помѣтка: „*надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать*“. Противъ мѣста, гдѣ сказано, что правительство шло извилистыми путями, написано: „*непозорная наглость*“. Въ концѣ записки, гдѣ указано, что авторъ желаетъ узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи, отмѣчено: „*онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить олигархическое правленіе*“ (см. н. сб. Семенова, II, 940—952). Авторъ записки былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ столицы.

30) Подробности объ адрессѣ, подписанномъ Унковскимъ, см. въ книгѣ моей «А. М. Унковскій» гл. VII М. 1894.

31) „Кромѣ Шидловскаго, писалъ Александръ II Ростовцеву 25-го декабря 1859 г., Я еще получилъ два адреса отъ 18 и отъ 5 человѣкъ (см. выше). Послѣдній въ особенности *ни съ чѣмъ несообразенъ и дерзокъ до крайности*... Не унывайте, какъ Я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобъ Онъ наставилъ и укрѣпилъ“. (См. н. сб. Семенова, II, 128).

стояли дворянскіе выборы, на которыхъ такъ или иначе должна была зайти рѣчь и о начатой крестьянской реформѣ. Считая это нежелательнымъ, С. С. Ланской исходатайствовалъ и сообщилъ циркуляромъ высочайшее повелѣніе о воспрещеніи въ дворянскихъ собраніяхъ касаться крестьянскаго вопроса.

Въ тверскомъ губернскомъ собраніи циркуляръ этотъ вызвалъ очень горячія пренія. Бѣжецкій помѣщикъ Европеусъ поставилъ вопросъ на чисто юридическую почву. Ссылаясь на то, что дворянство, въ силу закона (зак. о сост. по IX св. зак.), имѣетъ право разсуждать о своихъ пользахъ и нуждахъ; что крестьянскій вопросъ непосредственно касается дворянства и что право, признанное писаннымъ закономъ, не можетъ быть отмѣнено (ст. 77 Основныхъ Законовъ) [32]) объявленнымъ министромъ повелѣніемъ, и усматривая въ циркулярѣ министра именно такую отмѣну, Европеусъ [33]) предложилъ по телеграфу сдѣлать представленіе министру. Предложеніе было принято огромнымъ большинствомъ: 185 голосами противъ 54 [34]). Губернаторъ отказался дать ходъ постановленію собранія. Тогда собра-

[32]) Вотъ что гласитъ ст. 77 Основ. Закон.: „Если бъ предписаніемъ министра, содержащимъ въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія, отмѣнялся законъ или учрежденіе, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданные, тогда начальство, ему подчиненное, обязано, не чиня исполненія, представить о семъ министру. Если же и засимъ предписаніе будетъ подтверждено, то начальство обязано представить сей случай правительствующему сенату на окончательное разрѣшеніе“.

[33]) Рѣчь Европеуса напечатана въ книгѣ г. Иванюкова, стр. 389—390.

[34]) Административная кара, постигшая А. М. Унковскаго, сдѣлала его имя очень популярнымъ среди вообще либерально настроеннаго тверскаго дворянскаго общества. Но эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ этой замѣчательной сессіи, еще больше усилилъ ряды либераловъ. Въ Твери съ давнихъ поръ строился дворянскій домъ подъ училище. На него ухлопали пропасть денегъ, а онъ не былъ достроенъ еще и вчернѣ и ужъ сталъ разваливаться. По смѣтѣ на передѣлку и окончаніе постройки ассигновано было 106,000 рублей. Унковскій успѣлъ достроить за 86,000 руб. Однако среди тверскихъ дворянъ нашлись отчаянные крѣпостники, которые, мстя Унковскому за измѣну дворянскимъ интересамъ, во что бы то ни стало хотѣли его очернить. Нашлись 5 человѣкъ, которые имѣли безстыдство заподозрить даже безкорыстіе Унковскаго. Однако Унковскій такъ блестяще опровергъ документально злостныя измышленія своихъ консервативныхъ противниковъ, что они

шемъ рѣшено было большинствомъ 231 голоса противъ 56 по-
слать всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ изложено было
содатайство объ отмѣнѣ циркуляра министра, какъ нарушающее
основные Законы. Прошеніе было отправлено въ Петербургъ
съ экстреннымъ поѣздомъ.

Дѣло было заслушано въ Главномъ Комитетѣ, при чемъ С. С. Ланской особенно настаивалъ на строгой репрессіи. Прошеніе было оставлено безъ послѣдствій, и повелѣно было отставить Унковскаго, какъ допустившаго обсужденіе такого прошенія и первымъ подписавшагося, отъ должности предводителя дворянства. Петербургскіе крѣпостники и ихъ тверскіе союзники надѣялись, что эта крутая мѣра вызоветъ какую-нибудь нелегальную демонстрацію или движеніе, которымъ можно будетъ воспользоваться въ интересахъ отсрочки крестьянской реформы. Но разсчеты оказались ошибочными. Тверское дворянство продолжало стоять на почвѣ законности. Большинство считало себя вполнѣ солидарнымъ съ Унковскимъ. Неудовольствіе свое дворянство выразило тѣмъ, что оставило должность губернскаго предводителя незамѣщенною, равно какъ и должности предводителей и депутатовъ въ 8 уѣздахъ (въ трехъ, гдѣ либералы были въ меньшинствѣ, выборы были произведены, за что эти уѣзды и получили благодарность отъ министра внутреннихъ дѣлъ) [35]). Кромѣ того, постановлено было учредить по подпискѣ 12 стипендій имени А. М. Унковскаго въ мѣстѣ его воспитанія, въ Московскомъ университетѣ, съ предоставленіемъ ему права назначать стипендіатовъ, а также рѣшено было заказать его фотографическіе портреты. Одинъ изъ тѣхъ пяти членовъ меньшинства, которые, какъ выше было упомянуто (см. выше), были исключены изъ собранія, кн. Шаховской вызвалъ Унковскаго на дуэль, но она была устранена.

Губернскимъ предводителемъ былъ назначенъ отъ правительства г. Клокачевъ, человѣкъ крайне сомнительной репутаціи.

были исключены съ негодованіемъ изъ дворянскаго сословія (см. назв. Матеріалы, II, стр. 169); многіе порядочные люди, считая постыднымъ быть въ одной компаніи съ такими грязными людьми, перешли въ лагерь либераловъ. См. подробности въ книгѣ моей „М. А. Унковскій“ гл. VIII.

[35]) См. Матеріалы, II, 290.

Онъ пріостановилъ постановленіе объ учрежденіи стипендій имени дворянства. Одинъ изъ энергичнѣйшихъ и честнѣйшихъ дѣятелей тверской либеральной партіи А. А. Головачевъ написалъ Клокачеву письмо, въ которомъ доказывалъ противозаконность его дѣйствій и клеймилъ его недостойное поведеніе. Клокачевъ переслалъ письмо Головачева министру внутреннихъ дѣлъ, который внесъ его на обсужденіе Главнаго Комитета. Здѣсь было постановлено предоставить Клокачеву, получившему обиду, искать за нее удовлетворенія судомъ.

Между тѣмъ толки, раздутые, нелѣпые, продолжались; доносы за доносами летѣли въ Петербургъ въ III отдѣленіе. Разсказывали, что тверскіе либералы собираются дѣлать революцію, что на ихъ печатныхъ станкахъ печатается объявленіе воли народу — Вице-губернаторъ Ивановъ самъ провѣрялъ подобный слухъ — дошедшій до него черезъ его кухарку. Для производства дознанія былъ командированъ въ Тверь ген.-адъютантъ Ефимовичъ. Результатомъ дознанія была административная ссылка г. Унковскаго въ Вятку, Европеуса въ Пермь (А. А. Головачевъ былъ оставленъ до окончанія суда) [36]). Ссылка продолжалась мѣсяцевъ

---

[36]) О дальнѣйшей судьбѣ этого дѣла я получилъ отъ А. А. Головачева слѣдующія свѣдѣнія: „Министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ тверскому губернскому правленію передать его на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ. Между тѣмъ находившійся въ то время въ гор. Твери ревизующій генералъ-адъютантъ Ефимовичъ предложилъ губернскому правленію разсмотрѣть это дѣло безъ очереди. Вслѣдствіе этого губернское правленіе въ пятницу сырной недѣли, несмотря на табельный день, постановило опредѣленіе о передачѣ дѣлъ въ тверской уѣздный судъ, съ предписаніемъ также разсмотрѣть безъ очереди. На другой день, т. е. также въ табельный день, уѣздный судъ постановилъ вызвать меня къ отвѣту на понедѣльникъ и обязать меня подпиской о невыѣздѣ изъ г. Твери, что и было мнѣ объявлено черезъ полицію въ тотъ же день. Имѣя въ виду, что дѣла объ обидахъ и оскорбленіяхъ и по прежнимъ законамъ назначаются не иначе, какъ по исковой жалобѣ обиженнаго, поданной въ судъ или полицію, я заготовилъ частную жалобу въ уголовную палату на дѣйствія тверскаго уѣзднаго суда, принявшаго къ своему разсмотрѣнію дѣло безъ исковой жалобы, явился въ судъ. По предъявленіи мнѣ моего письма я узналъ его писаннымъ мною и потребовалъ предъявленія мнѣ искового прошенія г. Клокачева, но получилъ отвѣтъ, что таковаго не имѣется. Вслѣдствіе этого я заявилъ суду, что на основаніи *такой-то* статьи я отка-

сосланные были возвращены къ 30-му августа 1860 г. ...я на кратковременность ссылки, она произвела на об-

---

дать отвѣтъ, такъ какъ эта статья предоставляла отвѣтчику ... право при отсутствіи искового прошенія. Въ этомъ же смыслѣ ...ою подписка уѣздному суду. Вслѣдъ затѣмъ я отправился въ ...ю палату и подаю заготовленную мною частную жалобу. Между ...здный судъ въ тотъ же день составилъ опредѣленіе, которымъ ...илъ въ виду моего упорства въ дачѣ отвѣтовъ подвергнуть ...шей мѣрѣ наказанія за оскорбительныя выраженія на письмѣ, ...шестимѣсячному заключенію въ смирительномъ домѣ. Уголовная ...га затребовала по моей жалобѣ объясненія отъ суда, который ...авилъ ей все дѣло, не приводя своего опредѣленія въ исполне- разсмотрѣніи этого дѣла уголовная палата уничтожила *всѣ* рас- ...ія уѣзднаго суда со всѣми ихъ послѣдствіями и разрѣшила мнѣ ...изъ Твери; но такъ какъ она не могла отмѣнить постановленія ...аго правленія, то объ этомъ, въ виду его незаконности, пред- ...на усмотрѣніе подлежащаго департамента сената, который вполнѣ ...ся съ палатой и постановилъ отмѣнить постановленіе губерн- ...авленія. Тогда бывшій министръ юстиціи Панинъ перенесъ дѣло ...собраніе сената, которое очень незначительнымъ большинствомъ ..., что правительство имѣетъ право преслѣдовать виновныхъ су- ...порядкомъ за оскорбленіе лицъ должностныхъ и безъ жалобы ...ыхъ и что поступокъ мой подлежитъ разсмотрѣнію судебныхъ ...огда то же опредѣленіе общаго собранія было получено въ уѣзд- ...кѣ, то послѣдній призналъ, что его первое опредѣленіе, поста- ...ое безъ моего отвѣта, дѣйствительно, и потому счелъ нужнымъ ... объявить въ апелляціонномъ порядкѣ. А такъ какъ я прожи- ...это время въ Пирятинскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, то ...ъявленіе и сдѣлано было мнѣ черезъ Пирятинскій уѣздный судъ. ...лушаніи означеннаго опредѣленія я подалъ апелляціонный от- ...ъ которомъ заявилъ, что я отказался отъ отвѣта, а слѣдова- ...отъ оправданія въ виду возбужденнаго мною вопроса о подсуд- ...о такъ какъ возбужденный мною вопросъ разрѣшенъ высшей ...инстанціей отрицательно, то уѣздный судъ долженъ былъ объ- ...нѣ это рѣшеніе и вызвать меня вновь къ отвѣту, предоставивъ ...имъ образомъ средство защиты и оправданія. Это было уже во ...половинѣ 1862 года. Уголовная палата, получивъ мой отзывъ, ...согласилась съ нимъ и предписала суду, не стѣсняясь прежнимъ ...ніемъ, вызвать меня въ судъ и предложить мнѣ вопросные ... Затѣмъ въ 1864 году, по жительству моему въ Москвѣ, я полу- ... уѣзднаго суда черезъ московскую полицію вопросные пункты. ...хъ отвѣтахъ я объяснилъ суду, что мое письмо рѣзко раздѣ- ...ла двѣ части: въ первой, гдѣ я разбираю дѣятельность Клока-

щество крайне тяжелое впечатлѣніе, свидѣтельствуя о живучести старыхъ пріемовъ расправы, которая шла въ разрѣзъ съ духомъ новаго режима, наставшаго въ Россіи съ февраля 1855 г. [37]).

III

Обращаемся къ содержанію Положенія Тверскаго Комитета. Оно состоитъ изъ 212 статей и одного приложенія *О властяхъ уѣздныхъ*, распадающагося на 47 параграфовъ. Къ Положенію присоединенъ, въ видѣ объяснительной записки, замѣчательный какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ, объемистый документъ [38])— *Обзоръ Основаній*, принятыхъ Комитетомъ при состa-

---

чева, какъ исправляющаго должность губернскаго предводителя, я доказываю только неправильность и незаконность его дѣйствій, что не возбраняется никакимъ закономъ, и въ этой части письма я не позволилъ себѣ ни одного рѣзкаго выраженія; но затѣмъ, обращаясь къ нему какъ къ частному лицу и разсматривая мотивы его поступка, въ тонѣ моего письма было выражено отсутствіе къ нему всякаго уваженія. Въ оправданіе такого отношенія къ личности г. Клокачева я привелъ и нѣсколько фактовъ изъ его жизни. Могу припомнить въ настоящее время только одно обстоятельство: онъ строилъ въ г. Зубцовѣ тюремный замокъ, на который по смѣтѣ было назначено болѣе 1 милліона кирпича. Кирпичъ этотъ выдѣлывался по соглашенію съ думой на городской землѣ съ платою въ городской доходъ по 10 коп. съ тысячи, и г. Клокачевъ показалъ, что имъ выдѣлано гораздо меньшее количество, а плата за излишнее количество утаена. Ссылаясь на подобный фактъ, доказательство которому могло быть найдено въ книгахъ думы, я приводилъ въ свое оправданіе, что относиться иначе къ г. Клокачеву какъ къ частному лицу было невозможно. Получивъ мой отвѣтъ, уѣздный судъ былъ поставленъ въ затрудненіе, такъ какъ по существовавшимъ правиламъ онъ обязанъ былъ по указаннымъ мною фактамъ производить разслѣдованіе, что, повидимому, вовсе не входило въ виды членовъ. Въ такомъ положеніи дѣло пролежало въ судѣ до закрытія уѣздныхъ судовъ и до введенія судебной реформы. По открытіи же мировыхъ судебныхъ учрежденій дѣло поступило къ участковому мировому судьѣ, который и прекратилъ его по отсутствію обвинителя и за давностію".

37) См. Матеріалы, III, 123.

38) *Положеніе Тверскаго Комитета. Обзоръ Основаній* и *Отдѣльныя Мнѣнія* напечатаны были для членовъ его въ тверской губернской типографіи въ 1859 г. Одинъ экземпляръ имѣлся у меня, и всѣ ссылки дѣлаю по этому экземпляру, который нынѣ находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

вленіи своего проекта. Этотъ интересный документъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, перу А. М. Унковскаго [39]).

Въ введеніи Комитетъ прежде всего аргументируетъ основное свое положеніе о необходимости *полнаго*, а не частичнаго и постепеннаго освобожденія крестьянъ.

Крѣпостное право въ Россіи—говорится въ *Обзорѣ* — образовалось не вслѣдствіе порабощенія свободныхъ людей посредствомъ завоеванія, а установлено по государственнымъ соображеніямъ, какъ вознагражденіе за обязательную службу въ пользу государства. Будучи слѣдствіемъ не завоеванія, а государственной необходимости, и основываясь *на неопредѣленныхъ обычаяхъ*, освященныхъ временемъ, крѣпостное право не поселяло ненависти къ помѣщикамъ. Но съ того времени, какъ вслѣдствіе *требованій вѣка* патріархальныя отношенія стали замѣняться мало-по-малу *юридическими* и произволъ помѣщиковъ началъ ограничиваться законами, крестьяне получили сознаніе *о неправомѣрности* крѣпостной зависимости, и крѣпостное право сдѣлалось невыносимымъ бременемъ для народа. Сѣмя раздора было брошено и постоянно поддерживалось полумѣрами, клонившимися къ ограниченію произвола помѣщика. Народъ инстинктивно понималъ, что правительство желаетъ освободить его отъ ига помѣщиковъ и только упорство помѣщиковъ задерживаетъ освобожденіе.—Указавъ далѣе на то, какъ въ два предшествовавшія царствованія, по случаю разныхъ мѣропріятій, неправильно истолкованныхъ, народъ выражалъ нетерпѣніе по поводу ожи-

---

[39]) Послѣ появленія настоящей статьи въ № 5 *Русской Мысли* за 1891 г., въ № 9 того же журнала была напечатана А. М. Унковскимъ слѣдующая поправка: „Всѣ письменныя работы, заявляетъ Унковскій, какія только были въ Твери, по дѣлу освобожденія крестьянъ, производились мною *пополамъ* (курсивъ подлинника) съ бывшимъ тогда членомъ Комитета и корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ Алексѣемъ Адріановичемъ Головачевымъ. Окончательная редакція была моя, но писали мы двое и обсуждали все вмѣстѣ. А. А. Головачевъ изъ всѣхъ наиболѣе расположенныхъ къ дѣлу моихъ сотоварищей былъ въ полномъ смыслѣ слова *единственнымъ* (к. п.) лицомъ, способнымъ къ письменной работѣ. Притомъ большую часть письменной работы въ то горячее время приходилось производить по ночамъ, и мнѣ бы одному безъ Головачева не справиться“.

даемой свободы (см. выше главу I), *Обзоръ* останавливается н
томъ лихорадочномъ возбужденіи, въ которомъ находился наро
съ конца 1857 г. послѣ, обнародованія первыхъ рескриптов
«Сначала народъ считалъ, — сказано въ Запискѣ Комитета, -
остающееся время своей неволи годами, потомъ сталъ счита
мѣсяцами и скоро размѣняетъ этотъ счетъ на дни; такъ, в
продолженіе прошедшаго 1858 г. повсемѣстно ходили въ наро
слухи, что свобода будетъ объявлена въ день Свѣтлаго праз
ника, въ день тезоименитства Государя Императора, въ Новы
годъ» [40]). Но эти слухи не нарушали общественнаго спокойстві
потому что народъ убѣжденъ былъ, что обѣщанія правительст
будутъ свято исполнены. Поэтому только *полное* освобожден
крестьянъ удовлетворитъ ихъ горячимъ желаніямъ и пройде
спокойно, помиривъ всѣ стороны. Если же правительство,
продолжаетъ Комитетъ, — остановится на полумѣрахъ и ост
витъ *какіе бы то ни были слѣды* крѣпостной зависимости,
чего можно будетъ ожидать отъ народа, *обманутаго* въ свои
ожиданіяхъ, и, вдобавокъ, отъ народа, который, зная о суш
ствованіи дворянскихъ комитетовъ, отнесетъ эти распоряжен
къ недоброжелательству помѣщиковъ? всѣ полумѣры произв
дутъ повсемѣстный *антагонизмъ* между помѣщиками и крест
янами и будутъ имѣть гибельныя послѣдствія.

Смотря на дѣло съ истинно-государственною дальновидностью
Тверской Комитетъ рѣшительно считалъ вреднымъ «постепенно
освобожденіе и возставалъ какъ противъ сохраненія, хотя б
и временнаго, натуральныхъ господскихъ повинностей, такъ
противъ вотчинной полиціи помѣщика.

Такъ какъ сущность крѣпостной зависимости, — разсуждал
Комитетъ,—состоитъ въ правѣ суда и расправы, то удержан
за помѣщикомъ полицейской и административной власти нем
нуемо приведетъ къ тому, что крѣпостное право *будетъ оста
влено подъ другимъ именемъ* и свобода будетъ дарована в
однихъ словахъ. Отъ такой перемѣны, по справедливому зам
чанію Комитета, могло произойти не улучшеніе, а *ухудшен*

---

[40]) Какъ извѣстно, такое же лихорадочное нетерпѣніе наблюдалось въ другихъ губерніяхъ (см. главу I).

быта крестьянъ. При крѣпостномъ правѣ,—говоритъ Комитетъ въ подтвержденіе своей мысли,—интересы помѣщика были въ прямой зависимости отъ степени благосостоянія его крестьянъ, а потому произволъ владѣльцевъ значительно умѣрялся ихъ собственною выгодой; при строгомъ же юридическомъ опредѣленіи взаимныхъ экономическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ и *разъединеніи* ихъ интересовъ ничто не будетъ обуздывать произволъ землевладѣльцевъ. Притомъ соединеніе экономическихъ отношеній съ служебными обязанностями всегда вредно и ведетъ къ самому грубому самоуправству, предъ которымъ должны *побѣдѣть* всѣ воспоминанія о крѣпостномъ правѣ. Такое положеніе уничтожитъ въ народѣ всякое уваженіе къ власти и можетъ привести къ глубокой и вѣчной ненависти между сословіями и совершенной дезорганизаціи общественнаго порядка.

Противъ такого «радикальнаго» рѣшенія вопроса, предложеннаго Тверскимъ Комитетомъ, возражали, съ крайнею запальчивостью, сторонники «постепеннаго» освобожденія. Съ внѣшней стороны аргументація ихъ была обставлена прилично и солидно: тутъ фигурировало и «общее благо», и опасность «дѣлать скачки», и разрушить давнишнія «патріархальныя узы» и проч. [41]). Но что опасеніе, высказанное большинствомъ Комитета относительно возможности «ухудшенія» быта крестьянъ при «постепенномъ» освобожденіи, было не гадательно или преувеличено, это лучше всего явствуетъ изъ мнѣнія одного изъ членовъ меньшинства, который съ нескрываемымъ злорадствомъ обнаруживаетъ чаянія, возлагавшіяся на вотчинную полицію.

Извѣстно, что предполагалось при регулированіи обязательнаго

---

[41]) Одинъ изъ членовъ губернскаго Комитета депутатъ Веревкинъ возражалъ картинно: «Не думаю, чтобъ благоразумно было тѣхъ, коихъ столько времени водили на помочахъ, вдругъ спустить съ оныхъ, оставя безъ поддержки (?), или не видавшихъ свѣта внезапно подвергнуть солнечному сіянію: одни могутъ разбить себѣ носы, а другіе навсегда (?) ослѣпнуть». См. мнѣніе Веревкина, прил. къ полож. Тверскаго Комитета. Что касается существованія «патріархальныхъ узъ», то помѣщики должны были испытать рѣзкое разочарованіе тотчасъ послѣ объявленія воли. См. письма Ю. Ѳ. Самарина и кн. Черкасскаго въ н. с. Лерра-Болье, гл. III.

труда, взамѣнъ личныхъ отношеній помѣщика къ отдѣльнымъ [illegible]ъ крестьянамъ, установить сношенія непосредственно съ крестьян[illegible]ской общиной [42]). Отстаивая это мнѣніе, членъ меньшинства [illegible]а Веревкинъ весьма наглядно обрисовываетъ выгоды, получа[illegible]емыя помѣщикомъ: «Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, [illegible] пишетъ онъ, — если я и лишусь *незавидной* возможности при[illegible]бѣгать къ угрозамъ тѣлеснаго наказанія, а вмѣсто того *получу право* требовать отъ цѣлой общины исполненія того, что̀ от[illegible]дѣльные члены ея не исполнили добросовѣстно, и, въ случа[illegible]медленности исполненія моего требованія, на счетъ этой же[illegible]е общины нанять свободныхъ работниковъ и потомъ, *не разбирая [illegible]виновныхъ лицъ*, чтобы удовлетворить нанятыхъ земледѣльцевъ[illegible], взыскивать деньги съ цѣлой общины, а при остановкѣ въ полу[illegible]ченіи денегъ продать скотъ изъ общаго стада по жребію или [illegible]собственному усмотрѣнію, то я увѣренъ, что эта община *несрав[illegible]ненно строже* будетъ поступать съ неисправными своими чле[illegible]нами, нежели теперь поступаютъ помѣщики съ неисправными крѣ[illegible]постными» [43]).

Для всѣхъ безпристрастныхъ людей послѣ этого откровеннаг[illegible] объясненія стало ясно, что̀ именно скрывалось подъ благозвуч[illegible]нымъ проектомъ постепеннаго освобожденія! Редакціонной Ком[illegible]миссіи, имѣвшей цѣлью, какъ писалъ предсѣдатель ея, «произ[illegible]вести реформу не палліативно, а раціонально, т. е. не въ полови[illegible]ну, а вполнѣ и навсегда» [44]), не трудно было рѣшить, которое изъ двухъ приведенныхъ мнѣній соотвѣтствовало благу Россіи.

---

[42]) Я. И. Ростовцевъ, какъ видно изъ его писемъ къ императору Александру II, придерживался еще въ 1858 г. этого взгляда, но впослѣдствіи онъ убѣдился въ его зловредности.

[43]) См. отдѣльное мнѣніе депутата Веревкина отъ 25 августа 1859, стр. 4.

[44]) См. письмо Ростовцева къ Александру II, т. II н. с. Семенова, стр. 929.—Н. П. Семеновъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ членовъ Редакціонной Коммиссіи, человѣкъ, котораго трудно заподозрить въ наклонности къ радикализму, не только въ то время былъ противникомъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, но даже и теперь, когда «не въ авантажѣ» радикализмъ, онъ продолжаетъ доказывать невозможность «постепеннаго освобожденія» (см. стр. 67—73 н. с. Семенова, т. I). Какъ извѣстно, за радикальное освобожденіе крестьянъ стоялъ и Катковъ (см. гл. I).

Однимъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ, вокругъ котораго происходили самыя ожесточенныя схватки между сторонниками и противниками освобожденія крестьянъ, былъ вопросъ о крестьянской землѣ. Въ первый подготовительный періодъ крестьянской реформы, когда правительство дѣлало робкіе шаги и шло, такъ сказать, ощупью [45]), вопросъ о землѣ стоялъ, какъ уже было замѣчено выше, крайне неудовлетворительно. О предоставленіи крестьянамъ въ собственность всей обрабатываемой ими земли не было и рѣчи. Но мало-по-малу стало укореняться въ либеральной части общества убѣжденіе о невозможности *раціональнаго* рѣшенія крестьянскаго вопроса безъ надѣленія крестьянъ землею. Когда и какъ произошла эта важная перемѣна въ общественномъ сознаніи, трудно указать въ точности и во всѣхъ подробностяхъ. Тутъ вліяли, безспорно, одновременно многія причины, въ числѣ которыхъ литература—рукописная и печатная, внутренняя и заграничная—играла важнѣйшую роль.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела знаменитая статья К. Д. Кавелина: *О новыхъ условіяхъ сельскаго быта*, появившаяся въ 1858 г. въ апрѣльской книгѣ *Современника* и надѣлавшая большаго шума. Статья поднимала вопросъ о надѣлѣ крестьянъ полевою землей и выкупѣ въ такое время, когда въ оффиціальныхъ сферахъ еще не была достаточно подготовлена почва для постановки вопроса на такомъ широкомъ основаніи. Статья Кавелина, какъ голосъ передоваго общественнаго мнѣнія, произвела сильное впечатлѣніе и даже нѣкоторое волненіе

---

[45]) Назначенный въ январѣ 1857 г. членомъ секретнаго Комитета одинъ изъ главныхъ дѣятелей крестьянской реформы, Я. И. Ростовцевъ, отказался было отъ должности въ виду незнакомства съ крестьянскимъ бытомъ и уступилъ только настоянію Государя. Впослѣдствіи Ростовцевъ много и прилежно учился, пользуясь даже указаніями *Колокола* и Герценовскаго сборника *Голоса изъ Россіи*.

Въ засѣданіи 23 марта 1859 г. Я. И. Ростовцевъ заявилъ, что, по особому разрѣшенію, будетъ пересылать изъ III отдѣленія Е. И. В. канцеляріи 1 экземпляръ *Колокола*, дабы изъ него дѣлать полезныя заимствованія.

Арапетовъ. Какъ, неужели заимствовать у Герцена!?

Ростовцевъ. Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 114).

и переполохъ, словно неожиданно ворвавшійся въ только-что пріотворенное, послѣ долгой зимы, окно порывъ освѣжающаго буйнаго весенняго вѣтерка:

Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ...
Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верхóвой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подыметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено,
И воздухъ, и вода.
Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ...,

Сдѣлано было распоряженіе снова вставить двойныя рамы, законопатить всѣ щели, черезъ которыя проходилъ «вольный воздухъ», т. е. приняты строгія мѣры по цензурѣ о недопущеніи такихъ статей. Но кто справится со всепобѣднымъ торжественнымъ шествіемъ весенняго возрожденія [46])? Цензурныя мѣры продержались недолго, правительство скоро сдалось.

---

[46]) «Мысль о выкупѣ крестьянскихъ земель, писалъ впослѣдствіи М. Н. Катковъ, столько разъ запрещаемая и преслѣдуемая въ литературѣ — наконецъ. принята самимъ правительствомъ; а сколько трудовъ, предпринятыхъ въ пользу этой мысли, остались втуне, и сколько могло бы на каждомъ шагу не встрѣчаться этихъ напрасныхъ препятствій!» См. Любимова — «М. Н. Катковъ», стр. 113. — К. Д. Кавелинъ, преподававшій цесаревичу Николаю Александровичу русское право, подалъ въ отставку въ виду толковъ, вызванныхъ при дворѣ его статьею въ *Современникѣ*.

— Въ Запискѣ Левшина находимъ нѣкоторыя подробности объ этой знаменитой статьѣ профессора Кавелина. — Статья, пишетъ Левшинъ, была вовсе не возмутительная и во многихъ пунктахъ близко подходила къ смыслу рескриптовъ; но въ ней заранѣе осуждалось правительство, если оно въ окончательномъ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ поступитъ несогласно съ мыслями автора. Преждевременное осужденіе это и въ выраженіяхъ рѣзкихъ было непозволительно; а потому, когда цензоръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ г. Тройницкій прочелъ эту статью, то не рѣшился пропустить ее и принесъ ко мнѣ, какъ товарищу министра, на разрѣшеніе, а я не усомнился отказать въ позволеніи ее напечатать вполнѣ. Статья была безъ подписи; входить въ торгъ съ редакторомъ объ исправленіи нѣкоторыхъ мѣстъ было бы неудобно, а потому отказъ мой былъ категорическій. Если бы я зналъ, что статья писана Кавелинымъ, *моимъ добрымъ знакомымъ*, человѣкомъ разсуди-

Въ правительственныхъ сферахъ усерднымъ поборникомъ идеи освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею, выступилъ учрежденный въ мартѣ 1850 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ земскій отдѣлъ, руководимый такими убѣжденными поборниками коренной крестьянской реформы, какъ Н. А. Милютинъ и Я. А. Соловьевъ. Мысль о надѣленіи крестьянъ полевыми угодьями была сочувственно принята и въ либеральномъ меньшинствѣ губернскихъ комитетовъ, принадлежавшемъ къ среднему дворянству и воспитанномъ на литературѣ 40-хъ годовъ [47]).

Тверской Комитетъ и въ этомъ вопросѣ оказался на высотѣ своей задачи. Большая историческая заслуга либеральной части

тельнымъ, умѣреннымъ, то я тотчасъ бы написалъ ему частнымъ образомъ два слова; онъ бы пріѣхалъ ко мнѣ, и мы въ полчаса сдѣлали бы статью его совершенно позволительною. Вмѣсто того, редакторъ журнала, получивъ отказъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, обратился къ предсѣдателю цензурнаго комитета и попечителю университета князю Щербатову, который далъ безусловное дозволеніе напечатать ту статью. Сочинитель книги „Матеріалы и т. д.“ помѣщаетъ (стр. 245, томъ I-й) содержаніе сей статьи, но выпускаетъ тѣ мѣста, которыя подвергали статью запрещенію. Лишь только она показалась въ публикѣ, закоснѣлые любители крѣпостнаго права бросились на нее и начали крики, очень скоро дошедшіе до Государя. Впрочемъ, тутъ было еще иное побужденіе. Кавелинъ былъ въ числѣ преподавателей наслѣдника престола, опредѣленный къ этой должности по рекомендаціи тайнаго совѣтника Титова, назначеннаго по настоянію императрицы главнымъ воспитателемъ будущаго царя, вопреки военной партіи, которая искала свергнуть и Титова, и всѣхъ рекомендованныхъ имъ наставниковъ. Случай этотъ былъ самый удобный, и интрига вполнѣ удалась. Государь, придя въ Совѣтъ министровъ, показалъ имъ эту статью и, съ гнѣвомъ объявивъ князю Горчакову, что Кавелинъ рекомендованъ Титовымъ, обратился къ Ланскому съ приказаніемъ узнать, кто пропустилъ эту статью. Возвратясь изъ Совѣта, Ланской тотчасъ прислалъ книжку „Современника“ при запискѣ. Я все передалъ Тройницкому, и дѣло тотчасъ объяснилось, вслѣдствіе чего министръ послалъ Государю оправдательный докладъ, на которомъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе: передать дѣло шефу жандармовъ для дальнѣйшихъ розысканій. Черезъ нѣсколько дней публика узнала, что князю Щербатову объявленъ Высочайшій выговоръ; Титовъ, Кавелинъ и другіе преподаватели получили увольненіе отъ своихъ мѣстъ, а воспитаніе наслѣдника опять перешло въ руки военныхъ надзирателей (стр. 540—541).

[47]) См. назв. соч. Иванюкова, стр. 101.

тверскаго дворянства заключается въ томъ, что она своею просвѣщенною и настойчивою иниціативой [48]) очень много способствовала оффиціальному движенію этого вопроса и поставила его предъ всѣми губернскими комитетами.

Объ этой стадіи вопроса въ находящихся у меня матеріалахъ исторіи Тверскаго Комитета не имѣется никакихъ данныхъ, и приходится руководствоваться единственно скудными свѣдѣніями, заключающимися въ приложеніяхъ къ положенію Тверскаго Комитета. Ходъ этого дѣла представляется въ такомъ видѣ. Еще раньше появленія означенной статьи К. Д. Кавелина, *въ январѣ 1858 г.*, тверской губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій разослалъ въ уѣздныя собранія, созванныя для избранія депутатовъ въ Губернскій Комитетъ, составленную имъ *Записку*, въ которой онъ развивалъ мысль о необходимости надѣленія крестьянъ *полевой землей*. На первомъ собраніи дворянъ 16 февраля 1858 г. оказалось, что большинство дворянъ не сочувствовало плану Унковскаго, и только меньшинство (четыре уѣзда) одобрило его. Такимъ образомъ, первая попытка Унковскаго склонить тверское дворянство къ освобожденію крестьянъ съ землею потерпѣла неудачу. Вслѣдствіе этого, программа, изложенная въ высочайшемъ рескриптѣ на имя тверскаго губернатора, въ отвѣтъ на адресъ дворянства, заключала въ себѣ старую стереотипную фразу о выкупѣ «усадебной осѣдлости» и ни слова не говорила о выкупѣ полевыхъ угодій.

Первая неудача не остановила Унковскаго, и онъ рѣшился возобновить вопросъ при первой возможности. Между тѣмъ буря, поднятая статьею Кавелина, стала стихать, и вопросъ о надѣлѣ все настойчивѣе сталъ выдвигаться общественнымъ мнѣніемъ и дѣлаться популярнымъ даже въ оффиціальныхъ кругахъ; однако въ высшихъ сферахъ онъ, попрежнему, все еще игралъ роль «жупела», наводящаго безотчетный страхъ, хотя Я. И. Ростов-

---

[48]) Въ началѣ реформы самые горячіе сторонники освобожденія крестьянъ не возражали противъ выкупа личности или труда крестьянъ (въ замаскированномъ видѣ, подъ видомъ *первой* десятины онъ и прошелъ). Даже проектъ, напечатанный въ 1858 г. въ *Колоколѣ*, упоминалъ о выкупѣ личности. По этому поводу я получилъ отъ А. М. Унковскаго разъясненія, напечатанныя въ брошюрѣ (гл. IV) „А. М. Унковскій“.

цевъ уже съ лѣта 1858 г. началъ склоняться въ пользу выкупа полевыхъ надѣловъ и развивалъ эту мысль въ письмахъ къ императору Александру II.

Въ началѣ августа 1858 г. Тверской Губернскій Комитетъ собрался для составленія Положенія. Этотъ моментъ Унковскій счелъ удобнымъ, чтобы снова поднять вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею. По предложенію его, Губернскимъ Комитетомъ была образована 9 августа, подъ его же предсѣдательствомъ, коммиссія, которой поручено было составленіе *общаго плана* занятій Комитета. Въ этой именно коммиссіи былъ въ *первый разъ* ясно и рѣшительно поставленъ 14 августа 1858 г. вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Но коммиссіи предстояло одолѣть, прежде всего, одно препятствіе чисто формальнаго свойства. Обсужденіе этого вопроса, строго говоря, выходило за букву начертанной правительствомъ программы. Коммиссіи приходилось сойти съ почвы внѣшней, формальной законности, чтобы стать на точку зрѣнія истиннаго права и справедливости. Точка опоры для такого воззрѣнія находилась отчасти и въ правительственной программѣ, которая ставила задачею реформы не только освобожденіе крестьянъ, но *и улучшеніе и обезпеченіе ихъ быта*. Выдвинувъ впередъ эту цѣль, коммиссія нашла, что достиженіе ея *невозможно указанными въ программѣ палліативными средствами*, и представила на утвержденіе Губернскаго Комитета слѣдующія свои три заключенія:

1) Такъ какъ улучшеніе быта крестьянъ можетъ быть достигнуто только однимъ дарованіемъ имъ личныхъ и имущественныхъ гражданскихъ правъ, не стѣсняемыхъ ничѣмъ, кромѣ общихъ государственныхъ законовъ, то первою и главною цѣлью нашего труда должно быть дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ гражданской свободы, а вслѣдствіе того *уничтоженіе принудительнаго труда* и *всякихъ личныхъ* натуральныхъ господскихъ повинностей, какъ несогласныхъ съ понятіемъ свободы.

2) Принимая во вниманіе п. 1 высочайшаго рескрипта и *неразрывную историческую связь нашего крестьянина съ землею*,— связь, при которой освобожденіе его отъ власти и вмѣшательства въ его бытъ частныхъ лицъ можетъ осуществиться вполнѣ только при освобожденіи необходимой для его существованія

земли отъ всякихъ повинностей въ пользу частныхъ лицъ, ко[illegible]миссія находитъ, что затѣмъ второю главною цѣлью заняті[illegible]й Комитета должно быть изысканіе *способовъ къ обезпеченію кр[illegible]стьянамъ прочной осѣдлости и предоставленіе имъ оной [illegible]ъ полную собственность* (курсивъ подлинника).

3) Находя, что земли, состоящія во владѣніи крестьянъ Твер[illegible]ской губ. подъ строеніями и огородами, по пространству сво[illegible]ему не могутъ обезпечить крестьянамъ прочной осѣдлости, ко[illegible]миссія полагаетъ, что въ видахъ *дѣйствительнаго* улучшені[illegible]я быта крестьянъ, безъ нарушенія имущественныхъ правъ вл[illegible]дѣльцевъ и точнаго исполненія высокихъ предначертаній, ук[illegible]занныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, *подъ крестьянскою осѣ[illegible]лостью слѣдуетъ непремѣнно уразумѣть не одну такъ наз[illegible]ваемыя усадебныя земли, но все количество земли, необход[illegible]мое для обезпеченія быта крестьянъ* [49]).

Заключенія коммиссіи вызвали въ Комитетѣ бурныя и страс[illegible]ныя пренія. Партія, желавшая освобожденія крестьянъ без[illegible]ъ земли, напала на заключенія коммиссіи, усматривая въ ни[illegible]ъ принудительное отчужденіе помѣщичьей земли и колебаніе основ[illegible]ъ родовой собственности, *всѣхъ коренныхъ основъ* нашего гра[illegible]данскаго и государственнаго быта; но, тѣмъ не менѣе, бол[illegible]шинство Комитета (14 голосовъ противъ 13) одобрило закл[illegible]ченія коммиссіи.

---

[49]) Благодаря любезности А. А. Головачева въ настоящемъ издан[illegible]я имѣлъ возможность пополнить эти свѣдѣнія. Вотъ что мнѣ пишет[illegible] г. Головачевъ, бывшій членъ Тверскаго Комитета и Редакціонной Ко[illegible]миссіи, вырабатывавшій схему работъ Комитета, а затѣмъ и редакцію е[illegible]постановленій. Въ трехъ пунктахъ изложена только схема предстоя[illegible]шихъ работъ, и при обсужденіи возникало очень много частных[illegible] вопросовъ, которые разрѣшались Комитетомъ по большинству голосов[illegible] отдѣльно. Относительно послѣдняго пункта изъ происходившихъ прені[illegible] выяснилось, что большинство Комитета вполнѣ раздѣляло взглядъ Редак[illegible]ціонной Коммиссіи; но что въ программѣ, данной Комитету, не было мѣст[illegible] для вопроса о выкупѣ надѣльной земли и что, такимъ образомъ, внести этот[illegible] вопросъ на обсужденіе Комитета значило выйти изъ предѣловъ данной Коми[illegible]тету программы. Поэтому слѣдовало изыскать способъ предложить вопрос[illegible] въ такой формѣ, которая не нарушала бы программы по крайней мѣрѣ с[illegible] формальной точки зрѣнія. Въ этихъ видахъ вопросъ о томъ, что разу[illegible]мѣть подъ крестьянскою осѣдлостію, представлялъ собою выходъ изъ за[illegible]

Но этимъ вопросъ еще не рѣшался. Такъ какъ заключенія комиссіи если не измѣнили, то существенно дополнили первоначальную правительственную программу, то требовалось получить на это разрѣшеніе высшаго правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, къ которому ѣздили тверскіе депутаты (см. выше), сталъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, на сторону Тверскаго Комитета. Отъ него не укрылось, что крестьянскій вопросъ вступаетъ *въ новую фазу*. Въ представленіи своемъ Главному Комитету онъ, точнѣе Н. А. Милю-

---

трудненія, тѣмъ болѣе, что онъ не вызывалъ необходимости обсужденія вопроса о выкупѣ всей надѣльной земли, подлежавшей отводу крестьянамъ въ пользованіе, а лишь большей ея части, безъ которой крестьянское хозяйство было немыслимо. Къ числу этихъ земель Редакціонная Комиссія, соображаясь съ мѣстными условіями, считала необходимымъ отнести усадебную землю, пахотныя поля съ тѣми сѣнокосами, которые находились въ поляхъ, и выгонныя земли, гдѣ таковыя находились помимо полевыхъ земель. Редакціонная Комиссія считала возможнымъ ограничиться только этими землями на томъ основаніи, что запольныя и пустошныя земли въ Тверской губерніи находились въ изобиліи и крестьяне могли таковыя имѣть по добровольнымъ соглашеніямъ съ помѣщиками, тѣмъ болѣе, что наемъ ихъ могъ быть сдѣланъ и у другихъ землевладѣльцевъ, конкурренція между которыми вполнѣ обезпечивала интересы крестьянъ. Что Редакціонная Комиссія стояла въ этомъ случаѣ на правильной точкѣ зрѣнія, доказывается и послѣдующимъ опытомъ, такъ какъ подобныя земли и до сихъ поръ въ Тверской губерніи сдаются въ аренду и продаются дешевле послѣдней, т. е. четвертой десятины крестьянскаго надѣла. На основаніи этихъ соображеній на разрѣшеніе Комитета и былъ предложенъ вопросъ: 1) признаетъ ли Комитетъ необходимымъ подъ крестьянскою осѣдлостію разумѣть усадебную, полевую и выгонную землю, и 2) признаетъ ли Комитетъ необходимымъ предоставить крестьянамъ право на выкупъ этой земли. Эти вопросы и были разрѣшены Комитетомъ утвердительно большинствомъ голосовъ 14 противъ 13, какъ указано нами на стр. 90-й. Такое постановленіе Комитета вызвало значительное неудовольствіе со стороны меньшинства, которое обратилось черезъ г. Азанчевскаго, бывшаго впослѣдствіи саратовскимъ вице-губернаторомъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ съ доносомъ, что большинство Тверскаго Комитета нарушило программу занятій и разрѣшило вопросъ о выкупѣ полевыхъ угодій. Этотъ доносъ обратилъ на себя вниманіе министерства, и тверской гражданскій губернаторъ увѣдомилъ предсѣдателя Комитета, что министерство не можетъ допустить подобнаго нарушенія предѣловъ программы, и потому предлагалъ вопросъ

тинъ, писалъ, что если заключенія Тверскаго Комитета [illegible] не согласны съ буквою высочайшихъ рескриптовъ, то вполнѣ [illegible] вѣрны *ихъ духу и цѣли*. Главный Комитетъ, скрѣпя сердце[illegible], разрѣшилъ Тверскому Комитету заняться вопросомъ о надѣленіи [illegible] крестьянъ землею «по желанію помѣщиковъ». Въ ноябрѣ 1858 г. [illegible] министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ объ этомъ постановленіи [illegible] Тверскому Комитету, а также начальникамъ *всѣхъ губерній*, и, такимъ образомъ, вопросъ о надѣлѣ и выкупѣ полевой земли, благо-

---

о выкупѣ полевыхъ угодій устранить и строго держаться установленной [illegible] программы. Въ виду такого категорическаго рѣшенія министерства, большинство членовъ Комитета не находило возможнымъ продолжать работы Комитета вопреки своимъ убѣжденіямъ. Моментъ былъ дѣйствительно [illegible] критическій. Настоятельная необходимость прекратить всякія обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ по возможности скорѣе пред [illegible] ставлялась намъ настолько ясною, что надъ этимъ вопросомъ мы и не [illegible] задумывались; а подобное рѣшеніе вопроса достигалось только выкупомъ [illegible] необходимой для крестьянскаго хозяйства земли. Кромѣ того, отдѣлить [illegible], какъ того требовала программа, крестьянскую усадебную землю отъ полевой, требующей по условіямъ хозяйства Тверской губерніи постояннаго [illegible] и значительнаго удобренія и поэтому составляющихъ одну нераздѣльную [illegible] хозяйственную единицу, и первую предоставить въ собственность крестьянъ, а вторую оставить за помѣщикомъ, по нашему глубокому убѣжденію было дѣломъ немыслимымъ. Съ другой стороны, не проводить этихъ соображеній въ самомъ проектѣ положенія и не доказать его практической возможности, другими словами — замаскировать, такъ сказать, наше глубокое убѣжденіе передъ правительствомъ и, оставаясь въ средѣ Комитета, составить проектъ Положенія въ духѣ утвердимой программы, намъ казалось не только невозможнымъ, но и недобросовѣстнымъ поступкомъ, а потому долгъ чести обязывалъ насъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ сложить съ себя званіе членовъ Комитета. Но судьба великаго вопроса, стоявшаго передъ нами,—вопроса, съ которымъ мы связывали всю будущность нашего отечества, подсказала намъ выходъ изъ затрудненія. Какъ ни мало мы разсчитывали на возможность осуществленія нашихъ надеждъ, въ особенности въ виду категорически выраженнаго и повсемѣстно оглашеннаго взгляда правительственныхъ сферъ, а также въ виду бюрократическихъ традицій, не допускавшихъ уступокъ и вѣрившихъ въ свою непогрѣшимость, мы рѣшились однако сдѣлать послѣднюю попытку и представить правительству наши воззрѣнія на необходимость выкупа полевыхъ крестьянскихъ земель. Для личнаго же поддержанія нашего ходатайства передъ членами Главнаго Комитета и для представленія объясненій на случай какихъ-либо вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ нами на мѣстѣ, мы рѣшились избрать коммиссію изъ че-

даря настойчивой инициативѣ Тверскаго Комитета, былъ оффиціально внесенъ въ *программу занятій* губернскихъ комитетовъ.

По полученіи разрѣшенія на обсужденіе вопроса о надѣлѣ, Тверской Комитетъ составилъ детальный проектъ какъ надѣла (при чемъ за основаніе бралось существующее владѣніе, если оно не превышало 4 десятинъ), такъ и устройства акціонернаго банка для облегченія выкупной операціи [80]). Въ своемъ *Обзорѣ Основаній* Комитетъ убѣдительно доказывалъ недостаточность выкупа однѣхъ усадебъ и необходимость надѣленія землею и высказалъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: личная свобода, — разсуждаетъ Комитетъ, — никогда не можетъ осуществиться безъ свободы имущественной. Все настоящее имущество крестьянъ — въ хозяйственномъ обзаведеніи, которое имѣетъ цѣнность только при владѣніи землею и не можетъ быть легко

трехъ членовъ: губернскаго предводителя дворянства г. Унковскаго, члена отъ правительства Бакунина, новоторжскаго депутата Каменскаго и корчевскаго—Перхурова. Журналъ Комитета по этому поводу и вмѣстѣ представленіе министерству внутреннихъ дѣлъ были редактированы мною, а потому я могу смѣло ручаться за точность главныхъ основаній нашего ходатайства, приведенныхъ выше. Вручивъ наше ходатайство уполномоченнымъ нами членамъ, мы поручили словесно имъ передать министру внутреннихъ дѣлъ и другимъ членамъ главнаго Комитета, что мы по долгу чести *не можемъ* продолжать нашихъ занятій въ Комитетѣ, если намъ не дозволено будетъ обсуждать вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ полевыхъ и выгонныхъ угодій, а затѣмъ пріостановили занятія Комитета впредь до возвращенія нашихъ уполномоченныхъ (см. выше стр. 92). Эта отсрочка продолжалась, сколько могу припомнить, не болѣе двухъ недѣль. Наши депутаты возвратились нѣсколько ранѣе, убѣдившись въ томъ, что представленіе наше было принято благосклонно, а вскорѣ затѣмъ получено было увѣдомленіе тверскаго губернатора, что Главный Комитетъ разрѣшилъ губернскимъ Комитетамъ представить *по желанію помѣщиковъ* и проектъ о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, о чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ и увѣдомилъ циркулярно всѣхъ начальниковъ губерній. Съ облегченнымъ сердцемъ и съ новой энергіей принялись мы за разработку дальнѣйшихъ вопросовъ, и большинство наше усилилось еще однимъ голосомъ, такъ какъ на мѣсто выбывшаго осташевскаго депутата Корбутовскаго вступилъ въ Комитетъ г. Измайловъ, присоединившійся къ большинству.

[80]) Собственно планъ выкупа былъ предложенъ тверскимъ депутатомъ Модестомъ Воробьевымъ (см. выше, прим. 20).

переносимо съ мѣста на мѣсто. Если признать крестьянина лично свободнымъ, съ правомъ вольнаго перехода, оставивъ всю землю въ неограниченномъ распоряженіи помѣщиковъ,—не значитъ ли это *освободить только помѣщиковъ* отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ обязанностей въ отношеніи къ крестьянамъ, подчинивъ послѣднихъ *еще большему ихъ произволу?* Тогда крестьянинъ будетъ поставленъ въ необходимость соглашаться на всякія требованія помѣщика, а потому все имущество, а, слѣдовательно вся жизнь его будетъ зависѣть отъ произвола землевладѣльца — Этого не было даже и при крѣпостномъ правѣ, которое поставляло помѣщикамъ въ обязанность доставлять ихъ крѣпостнымъ людямъ средства къ существованію. Такую свободу нашъ народъ называетъ *волчьею волей*. Если крестьяне получатъ только право пользованія полевыми землями, необходимыми для ихъ существованія, безъ всякой возможности пріобрѣсти ихъ въ собственность, то свобода ихъ будетъ существовать только на однихъ словахъ. Отдавая собственность помѣщика въ вѣчное пользованіе крестьянъ, законъ непремѣнно будетъ *вынужденъ обезпечить права собственника земли* предоставленіемъ ему права *вмѣшательства* въ хозяйственный бытъ крестьянъ, дабы предупредить ухудшеніе качества земли. Такое вмѣшательство частнаго лица въ хозяйственную сферу предполагаетъ предоставленіе ему судебно-административной власти, что̀ исключаетъ уже всякое понятіе о гражданской свободѣ крестьянъ (стр. 4—5).

Благодаря трудамъ Тверскаго и другихъ Комитетовъ, а также благодаря либеральной журналистикѣ, вопросъ *о надѣлѣ и выкупѣ* настолько уже уяснился, что, спустя съ небольшимъ годъ послѣ появленія статьи Кавелина, сторонниками выкупа [51]) между прочимъ являлись два такихъ крупныхъ и вліятельныхъ

[51]) А. А. Головачевъ въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ сообщилъ мнѣ: «дѣйствительно г. Воробьевъ предложилъ (см. прим. 20) опредѣлить денежную повинность за четырехдесятинный надѣлъ крестьянъ въ 9 р., отнеся на первую десятину бо̀льшую сумму и понижая ее за вторую, третью и четвертую. Большинство Тверскаго Комитета нашло, что такая мысль вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительному значенію земельныхъ угодій въ Тверской губерніи, такъ какъ лучшія земли всегда окружаютъ усадебную землю, съ удаленіемъ же отъ усадьбы качество угодій понижается, а потому при-

дѣятеля по крестьянской реформѣ, какъ С. С. Ланской и Я. И. Ростовцевъ, стоявшіе прежде за предоставленіе крестьянамъ одного только права пользованія землею. Во всеподданнѣйшей запискѣ, составленной въ октябрѣ 1859 г., Ланской писалъ, что «мысль о выкупѣ все болѣе и болѣе укореняется и дѣлается общимъ убѣжденіемъ». Отношеніе Ростовцева къ вопросу о выкупѣ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ его, приводимыхъ въ книгѣ г. Семенова. Это было 29 ноября 1859 г. Засѣданіе Редакціонной Коммиссіи происходило на дому предсѣдателя, въ

соединились къ этой мысли. Такимъ образомъ, повинности крестьянъ были опредѣлены всѣмъ составомъ Комитета—большинствомъ и меньшинствомъ. Затѣмъ, когда обсуждался вопросъ о выкупѣ, тогда оставалось только капитализировать установленныя Комитетомъ повинности. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что планъ выкупа предложенъ г. Воробьевымъ: онъ вотировалъ противъ капитализаціи, какъ и противъ выкупа, въ принципѣ. Говоря о градаціи оброка, падающаго на первую и послѣдующія десятины, нельзя не замѣтить, что эта система, несмотря на всю справедливость ея по отношенію къ Тверской губерніи и вообще къ тѣмъ губерніямъ, гдѣ земли требуютъ постояннаго удобренія, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія тамъ, гдѣ земли вовсе не удобряются, и въ особенности тамъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы или вовсе не соприкасаются съ ихъ усадьбами, или подходятъ къ селеніямъ узкой полосой. Различія этого нѣкоторые члены Редакціонныхъ Коммиссій, какъ чиновники, не покидавшіе департаментскихъ канцелярій, вовсе не понимали, другіе же не обратили на него вниманія, а третьи, быть можетъ, считали за лучшее вовсе не указывать на это различіе. Какъ бы то ни было, но эта система не встрѣтила возраженія въ средѣ Редакціонныхъ Коммиссій и была распространена на всю Россію. Она повела, при ограниченности надѣловъ въ южныхъ губерніяхъ до 2-хъ десятинъ, къ несоразмѣрному возвышенію выкупныхъ платежей съ доходностью земли. Еслибъ первоначальная мысль Государя Императора (слова эти были нами записаны, представлены князю Долгорукову и напечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Вотъ они: Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ двое изъ вашихъ депутатовъ были приглашены въ Главный Комитетъ для общаго разсмотрѣнія и рѣшенія крестьянскаго вопроса), высказанная имъ Тверскому Комитету, была исполнена, т. е. еслибъ депутаты губернскихъ комитетовъ были допущены къ обсужденію проекта крестьянскаго положенія въ Главномъ Комитетѣ, то, конечно, этого случиться бы не могло. Депутаты сѣверныхъ губерній не могли не указать той разницы, о которой я говорю, а также и на полное отсутствіе какой-либо другой причины—допускать для черноземной полосы указанную градацію».

кабинетѣ его. Ростовцевъ, больной, разслабленный, вмѣшался въ споръ, завязавшійся между Милютинымъ и Галаганомъ о надѣлѣ, и сдѣлалъ со смертнаго своего одра слѣдующее замѣчаніе: «Одинъ памфлетистъ изъ высшаго аристократическаго общества,—сказалъ онъ,—сочинилъ обо мнѣ, что якобы я написалъ дворянству: если хотите беречь ваши головы, то отдайте земли. Могъ ли я это сдѣлать, и куда мнѣ было писать? Но какъ отнять отъ насущнаго хлѣба 11 милліоновъ или, если считать крестьянъ обоего пола, 22 милліона душъ?... Я *увѣренъ*, что если у нихъ совсѣмъ отрѣзать земли, будетъ *пугачевщина* (я говорю между своими, въ дружескомъ обществѣ), и не могу не предвидѣть въ такомъ случаѣ страшныхъ обстоятельствъ, страшныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ бѣдную Россію» [52]). Такимъ образомъ была окончательно отброшена мысль обо освобожденіи крестьянъ безъ надѣловъ, мысль, признанная безуміемъ еще Николаемъ I [53]).

IV

Послѣдній отдѣлъ объяснительной Записки Тверскаго Комитета посвященъ обзору «основаній новаго управленія». Усматривая непосредственную связь между крѣпостнымъ правомъ и строемъ существовавшихъ при немъ учрежденій, Тверской Комитетъ начерталъ планъ новой организаціи мѣстнаго управленія, выте-

---

[52]) Намекъ на извѣстную брошюру гр. В. П. Орлова-Давыдова: *Lettre d'un deputé de Comité à M-r le président de la Commission de rédaction aide-de-camp général Rostovtzeff*. Paris, 1859.

[53]) См. н. с. *Семенова*, т. II, стр. 254.—Сознаніе невозможности обезземелить крестьянъ къ началу 1860 года сдѣлалась почти аксіомою. Даже въ консервативныхъ дворянскихъ кругахъ стали сознавать ее. Еще можно было прежде,—говорилось въ одномъ циркулярномъ обращеніи къ депутатамъ втораго призыва,—увлекаться подобными фантазіями: многіе вовсе не знали, что̀ такое русскій крестьянинъ; многіе думали, что его также легко пожаловать въ *бездомники*, какъ эстонца или ливонца. Теперь тѣшить себя надеждою, что въ Россіи можно освободить крестьянъ безъ земли, непозволительно, скажу болѣе—преступно. См. н. с. Иванюкова, стр. 200.

кавшій изъ отмѣны крѣпостнаго права и согласованный съ нею. Если въ деталяхъ этого плана и встрѣчаются спорные пункты, то основныя положенія его такъ разумны и убѣдительны, что они не только для своего времени, но даже и для нашего заключаютъ въ себѣ много поучительнаго. Какъ ни стары высказанныя въ нихъ истины, но онѣ изложены съ такимъ благороднымъ воодушевленіемъ, широтою взгляда и твердою вѣрою въ силу разума и правды, что чтеніе тверской записки и теперь производитъ освѣжающее и ободряющее впечатлѣніе.

Комитетъ, прежде всего, настаиваетъ на упраздненіи въ управленіи всякихъ слѣдовъ прежнихъ вотчинныхъ отношеній. По уничтоженіи крѣпостной зависимости и объявленіи крестьянамъ свободы,—читаемъ въ тверской Запискѣ,—власть помѣщиковъ лишится всякаго нравственнаго основанія, и потому дальнѣйшее существованіе ея даже и на самое короткое время можетъ породить только неудовольствіе со стороны народа и гибельное послѣдствіе: эта власть естественно будетъ напоминать народу ненавистное ему крѣпостное право (стр. 7).

Уничтожая помѣщичью власть въ управленіи, Тверской Комитетъ признавалъ невозможнымъ оставить прежній порядокъ вещей, при которомъ 100,000 полицеймейстеровъ-душевладѣльцевъ служили настоящимъ *instrumentum regni*. Несмотря на все зло крѣпостнаго права,—разсуждалъ онъ,—власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ, и на должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой — *ограничивали произволъ чиновниковъ*. Съ уничтоженіемъ ея останутся для управленія и охраненія порядка и спокойствія только два становыхъ пристава. Съ другой стороны, въ чемъ будетъ ограниченіе произвола чиновниковъ? Крѣпостное право, глубоко пустившее корни *во всѣхъ сферахъ* русской жизни, проникло насквозь и *служебную дѣятельность:* если уничтожить ее только въ чистомъ видѣ, оставивъ все прежнее по-старому, это не будетъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, а только *передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ* и расширеніе его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ *на два враждебные лагеря:* на лагерь полноправныхъ чиновниковъ, вооруженныхъ

всею необузданностью безотвѣтственнаго произвола, и безгласныхъ жителей [54]). Такой порядокъ порождаетъ боязливыхъ рабовъ, но не истинныхъ гражданъ. Человѣкъ въ такихъ обстоятельствахъ покоряется только необходимости и исполняетъ свои обязанности нéхотя, и разъ сила, заставляющая его дѣйствовать, въ сторонѣ, онъ постарается обойти законъ. Гдѣ же человѣкъ призванъ къ участію въ управленіи своимъ обществомъ, гдѣ онъ сознаетъ это участіе и значеніе свое, тамъ онъ не ставитъ ни

---

54) Въ вышеупомянутомъ письмѣ ко мнѣ А. А. Головачевъ пишетъ: «Пророчество Тверскаго Комитета,' — что подобная реформа не будетъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, а только передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ, — вполнѣ подтвердилось. Позднѣйшія реформы, земская и судебная, не могли дополнить той пропасти, которая отдѣляла полноправную и безотвѣтственную бюрократію отъ безправныхъ, или, какъ выражался нашъ знаменитый сатирикъ, отъ обладавшихъ яко бы правами обывателей. На знамени этихъ реформъ начертаны были громкія слова *самоуправленія и независимости суда*, въ дѣйствительности же не было ни того, ни другаго, хотя и нельзя отрицать той пользы, которую онѣ принесли съ собою обществу. Что же касается земскихъ учрежденій, то кругъ ихъ дѣятельности былъ значительно ограниченъ изъятіемъ изъ вѣдѣнія земства не только всѣхъ повинностей, упадавшихъ на государственный земскій сборъ, но и значительная часть губернскихъ перечислена была къ государственнымъ и также изъята изъ вѣдѣнія земства. Въ вѣдѣніи земскихъ учрежденій осталось изъ прежнихъ земскихъ повинностей только одна дорожная, отводъ квартиръ для полиціи и судебныхъ слѣдователей, да содержаніе лошадей для разъѣздовъ исправника и становыхъ приставовъ. Что же касается другихъ вновь возникавшихъ потребностей земства, то въ этомъ отношеніи земствамъ предоставлено было широкое право самообложенія только однихъ земель, и то безъ права взысканія сборовъ, что возложено на полицію, вовсе не подчиненную земству и необязанную исполнять его требованій. Относительно же суда, независимость его осталась только кажущеюся: *карьера* судебнаго персонала осталась въ рукахъ администраціи, а потому ни о какой независимости здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Такъ какъ обѣ эти реформы имѣли чисто бюрократическое происхожденіе, то понятно, почему онѣ не могли заполнить той пропасти, на которую указано выше: онѣ были только легонькимъ мостикомъ надъ этой пропастью. Съ введеніемъ же новаго земскаго Положенія и многочисленныхъ новеллъ къ Судебнымъ Уставамъ и эти мостики исчезаютъ, а пророчество Тверскаго комитета осуществляется во очію. — Но если бросить ретроспективный взглядъ на истекшее тридцатилѣтіе и хорошо взвѣсить всѣ пожеланія

малѣйшаго препятствія къ исполненію распоряженій лицъ управляющихъ, а напротивъ, содѣйствуетъ имъ. Отсутствіе самодѣятельности общества ведетъ къ *апатіи* и уничтожаетъ въ обществѣ всякое понятіе о *чести и долгѣ*.

Для прекращенія такого апатическаго состоянія, Комитетъ предлагалъ положить основаніе *самоуправленію*, т. е. самостоятельному управленію общинъ. Страшиться самостоятельности, какъ начала анархіи,—говоритъ онъ,—неосновательно; въ ней лежитъ, напротивъ, залогъ порядка и спокойствія. Человѣкъ, принимая участіе въ интересахъ общества, привязывается къ этимъ интересамъ и дорожитъ ими изъ личнаго интереса—самой сильной пружины человѣческой дѣятельности. Гдѣ для развитія общаго благосостоянія дѣйствуютъ всѣ отдѣльныя личности, тамъ, навѣрное, получаются такіе результаты, какихъ не въ состояніи достигнуть никакое сильное правительство. Сверхъ того, самоуправленіе гораздо лучшая школа для образованія государственныхъ дѣятелей, нежели бюрократическая система,

---

Тверскаго Комитета, выраженныя имъ въ объяснительной Запискѣ къ проекту Положенія, то невольно является вопросъ: скольких бѣдствій могла бы избѣжать Россія, еслибъ эти пожеланія осуществились? Мысль объ освобожденіи 20 милліоновъ людей отъ крѣпостной зависимости естественно связывается съ мыслію о свободѣ вообще, о самостоятельности какъ отдѣльной личности, такъ и общества; одна отъ другой не можетъ быть отдѣлена никакимъ образомъ. Разъ первая была поставлена на очередь самимъ правительствомъ, естественно, что и другая возникла въ умахъ людей и овладѣла всецѣло людьми, наиболѣе способными и наиболѣе впечатлительными. Люди зрѣлыхъ лѣтъ, умудренные опытомъ, сдерживали себя и удовлетворялись возможною дѣятельностію. Наступила реакція! реакція *въ самомъ обществѣ*, въ литературѣ. Россія отодвинулась назадъ на цѣлыя десять лѣтъ. Все затхлое, давно забытое, всплыло на поверхность и громко вопіетъ противъ всего прогрессивнаго движенія прошедшихъ десятилѣтій. Чему поклонялись тогда, то проклинаютъ теперь. Чего не осмѣливалась проповѣдывать покойная „*Вѣсть*“, то теперь съ нахальствомъ высказываетъ „*Гражданинъ*“. Что же остается дѣлать человѣку на восьмомъ десяткѣ лѣтъ. Не начинать же опять съ начала! Да на это, пожалуй, ни силъ, ни энергіи не хватитъ. Остается опустить руки и отказаться отъ надежды на своемъ вѣку увидѣть родину въ лучшемъ положеніи. *А казалось счастіе было такъ близко, такъ возможно!!*“

вырабатывающая только механическихъ исполнителей чужихъ предписаній (ср. выше гл. I, § 1).

Въ основаніе своей системы самоуправленія Комитетъ кладетъ, начиная съ волостнаго управленія, всесословность или, скорѣе, безсословность съ нѣкоторымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента, при чемъ во главѣ управленія ставятся волостной попечитель и уѣздный предводитель, избираемые волостнымъ и уѣзднымъ собраніями, вѣдающими всѣ мѣстныя дѣла по управленію и суду. Чтобы самоуправленіе имѣло какое-нибудь значеніе,— говорится въ Запискѣ,—надобно, чтобы интересы населенія были *соединены*, а не разъединены; чтобы интересы различныхъ слоевъ общества не находились въ борьбѣ, какъ это случается при раздѣленіи ихъ по сословіямъ: только при такой общности можетъ создасться общественное мнѣніе.

Въ частности относительно мудрой, но необычно смѣлой по тому времени попытки дарованія политическихъ правъ «вчерашнему рабу» и допущенія его къ управленію рядомъ со вчерашнимъ его господиномъ, въ тверской Запискѣ находимъ слѣдующія глубокія соображенія: исторія указываетъ, что общественная жизнь человѣчества въ своихъ главныхъ основаніяхъ подчиняется одинаковымъ законамъ: разность является лишь въ подробностяхъ. Неосновательно возражать, что не годится для Россіи то, къ чему *неизбѣжно* идутъ всѣ народы и государства. Одинъ изъ законовъ человѣческихъ обществъ есть, съ одной стороны, постепенное возвышеніе низкихъ слоевъ общества и пріобрѣтеніе ими правъ, которыхъ они раньше были лишены, вслѣдствіе несовершенства человѣческихъ обществъ; съ другой— постепенное *уничтоженіе всѣхъ привилегій*, которыми нѣкоторые умѣли пользоваться. Это сближеніе правъ сословій есть повсемѣстный историческій законъ, въ пользу котораго дѣйствуютъ люди, независимо отъ ихъ воли. Даже противодѣйствуя этому закону, люди на дѣлѣ способствуютъ его развитію, выставляя всѣ недостатки общественной жизни при его отсутствіи. Итакъ, сближеніе правъ сословій, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, есть историческая необходимость. Поэтому Комитетъ считалъ за лучшее идти на встрѣчу этому закону, чѣмъ, затрудняя его развитіе, ускорять взрывъ. Устранить народный

элементъ въ управленіи значило положить революціонное начало въ самомъ основаніи обществъ, которое впослѣдствіи могло оказаться гибельнымъ. Предоставленіе крестьянскому сословію участія въ управленіи имѣетъ значеніе *предохранительнаго клапана* на паровомъ котлѣ. Съ другой стороны, соединеніемъ дворянства и крестьянъ въ одно собраніе комитетъ имѣлъ въ виду заставить смолкнуть мелкіе частные интересы предъ интересами болѣе общими и болѣе широкими, и живительнымъ началомъ общественныхъ интересовъ соединить воедино всѣхъ жителей края (стр. 22, 24).

Рядомъ съ началомъ самоуправленія Тверской комитетъ выдвигаетъ, какъ лучшую гарантію для правильнаго дѣйствія мѣстныхъ учрежденій, строгое *раздѣленіе властей*, произведенное на всѣхъ ступеняхъ управленія, учрежденіе гласнаго независимаго суда и суда присяжныхъ, а также установленіе непосредственной отвѣтственности предъ судомъ чиновъ администраціи за преступленія по должности безъ предварительнаго испрошенія разрѣшенія начальства.

Указавъ на необходимость раздѣленія властей въ интересахъ успѣшнаго дѣйствія ихъ, въ частности относительно *низшей* ступени власти, комитетъ возражаетъ противъ мнѣнія, будто въ низшихъ должностяхъ отъ дѣленія властей онѣ мельчаютъ и теряютъ значеніе. При самостоятельности управленія, при личной отвѣтственности должностныхъ лицъ за свои дѣйствія и при уничтоженіи *рабольпнаго подчиненія*,—замѣчаетъ Комитетъ,—никакая должность не теряетъ своего значенія: человѣкъ чувствуетъ, что онъ необходимое звено въ цѣломъ, и, при личной иниціативѣ, видитъ на дѣлѣ свое значеніе.

Необходимость учрежденія независимаго суда мотивируется такъ: исполнительная власть имѣетъ въ рукахъ матеріальную силу, что же касается суда, то онъ долженъ имѣть силу нравственную: назначеніе суда замѣнять *матеріальную силу идеею права*. Правительство, учреждая судъ, какъ бы ставитъ посредниковъ изъ среды самихъ гражданъ между собою и лицами подвластными. Этимъ правительство придаетъ особенное могущество судебной власти, которое въ свою очередь поддерживаетъ значеніе правительства.

Затѣмъ тверской комитетъ указывалъ на необходимость учреж денія суда присяжныхъ. Противъ возраженія о неразвитости [55] народа, въ запискѣ А. М. Унковскаго, между прочимъ, приво дились слѣдующіе доводы: «что значитъ: недостаточно раз вить [56]), и какая нужна степень развитія для нагляднаго сужденi факта по совѣсти и здравому смыслу? Присяжнымъ именно эт только и нужно, а русскій народъ, конечно, не имѣетъ недо статка ни въ здравомъ смыслѣ, ни въ добросовѣстности. Суд присяжныхъ, судъ гласный и по совѣсти, требуетъ въ судьях гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели вся кій другой судъ, а тѣмъ болѣе наше сложное судопроизводство поэтому можно скорѣе сказать, что *у насъ возможенъ только судъ присяжныхъ* и менѣе всего возможно настоящее судопро изводство». Далѣе, указывая на то, что старые засѣдатели просто прикладывали печати къ приговорамъ или снимали шубы съ почетныхъ посѣтителей Записка продолжаетъ: устройте са мостоятельный судъ, независимый отъ исполнительной власти и притомъ словесный и гласный, т. е. судъ присяжныхъ *(по тому что другаго независимаго суда на свѣтѣ нѣтъ и не бы вало* [57]), и тѣ же люди окажутся способными къ произнесенiю

---

[55]) У этихъ людей (противниковъ радикальныхъ реформъ), писал Катковъ въ 1860 г., всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитост народа, негодность породы и т. п. Они думаютъ, что дѣло пойдетъ лучш если давать лучшее устройство понемногу. Къ сожалѣнію, они забы ваютъ, что всякая система можетъ развиться и принесть пользу тольк тогда, когда взяты ея начала *во всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Русс. Вѣс 1860 г., № 2.

[56]) Извлеченія изъ *Обзора* приведены выше въ первой главѣ; тут приводятся соображенія изъ Записки А. М. Унковскаго. Эта обширна записка, заключающая ѣдкую и мѣткую характеристику нашего дор форменнаго строя, была представлена отъ имени тверскаго комитета д путатомъ А. М. Унковскимъ въ Редакц. Коммис. Весьма интересно извлеченіе изъ нея приводится въ н. с. Иванюкова на стр. 346 — 36 (опечатка 343). Записка цѣликомъ была напечатана за-границею въ № *Голосовъ изъ Россіи*, издававшихся Герценомъ и Огаревымъ.

[57]) Какъ извѣстно, впослѣдствіи, т. е. вскорѣ послѣ «19-го февраля когда прозрѣли на время самые безнадежные слѣпцы, истина эта с столько стала для всѣхъ очевидною, что даже самъ гр. Панинъ вотир валъ въ 1862 г. (см. Дѣло о преобраз. суд. части, т. XIX) въ гос

приговоровъ; это ясно какъ день, и противиться этому благодѣтельному учрежденію могутъ только тѣ, которымъ безсудность и безнаказанность *выгодны*е [58]).

Относительно гласности Комитетъ ограничивается слѣдующимъ краткимъ, но выразительнымъ замѣчаніемъ: «Публичность и гласность! Два великія слова! Свѣтъ разума и истины! Комитетъ не осмѣливается говорить въ доказательство ихъ необходимости, вполнѣ увѣренный, что Государь, поднявшій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, не оставитъ безъ примѣненія этихъ великихъ началъ».

V

Свою замѣчательную Записку тверской комитетъ заканчиваетъ такими словами: «Комитетъ свято исполнилъ свое назначеніе. Не обманывая ни верховной власти, ни владѣльцевъ, ни народа, онъ изложилъ добросовѣстно и съ полною откровенностью свой взглядъ на предстоящую реформу и убѣжденъ, что составленное имъ положеніе представляетъ *единственный* (курсивъ подлинника) мирный путь къ освобожденію крестьянъ, который, охраняя интересы всѣхъ сословій, ведетъ къ развитію производительныхъ силъ и могущества государства».

И въ этихъ словахъ не было и тѣни преувеличенія. Трудно представить себѣ, что бы вышло, если бы освобожденіе крестьянъ состоялось безъ надѣловъ и не въ томъ либеральномъ духѣ, какой былъ рекомендованъ тверскимъ комитетомъ. Съ другой стороны, чтобы судить о значеніи предложенныхъ тверскимъ комитетомъ общихъ реформъ, достаточно сказать, что, наприм., судъ присяжныхъ еще въ 1859 г., т. е. въ самый годъ составленія Положенія, вызывалъ въ оффиціальныхъ сферахъ паническій страхъ, и государственному совѣту строжайше *воспрещено* было затрогивать этотъ вопросъ. Что касается предположенія о

дарственномъ совѣтѣ за судъ присяжныхъ, при чемъ заявилъ, что *дѣйствительно* независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ.

58) Такіе консерваторы, отстаивающіе выгодныя для нихъ застарѣлыя злоупотребленія, по вѣрному замѣчанію Д. А. Ровинскаго, стары, какъ міръ (см. Русс. Народ. Картины, т. V, 325, прим. 375).

непосредственномъ подчиненіи суду преступленій по должности, то оно и нѣкоторыя другія мѣры до сихъ поръ остаются pium desiderium... Вотъ почему историкъ крестьянской реформы, проф. Иванюковъ, былъ въ правѣ, сравнивая тверское Положеніе съ другими, сказать, что тверской комитетъ представилъ не только относительно лучшій, но и абсолютно разумный и либеральный проектъ освобожденія крестьянъ [59]).

Но эти же крупныя достоинства тверскаго Положенія вызвали злостныя и ожесточенныя нападки со стороны членовъ плантаторскаго меньшинства Тверскаго Комитета. Такъ, депутатъ поручикъ Веревкинъ въ отдѣльномъ мнѣніи заявлялъ, что Положеніе предлагаетъ сдѣлать «судорожные революціонные скачки», и чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ смыслѣ этой инсинуаціи, авторъ отдѣльнаго мнѣнія спѣшитъ прибавить, что «скачки эти угрожаютъ породить въ нашемъ отечествѣ тѣ же революціонныя сцены, которыхъ нельзя не ужасаться, читая новѣйшую исторію Франціи» (стр. 4). Депутатъ Кудрявцевъ, критикуя Положеніе, между прочимъ, писалъ: «Каждая волость управляется парламентомъ, въ каждомъ уѣздѣ парламентъ, въ губерніяхъ, вѣроятно, будетъ то же, и тѣмъ же, конечно, должно кончиться въ средоточіи государства; и такъ, въ основаніе управленія положена централизація (sic!), обусловленная парламентаризмомъ. Необходимая обстановка этого гиганта также на лицо: судъ гласный, словесность судопроизводства, раздѣленіе властей и въ заключеніе судъ присяжныхъ; однимъ словомъ, на мѣсто Россіи появляется западное государство. Милостивые государи, господа большинство! Не слишкомъ ли далеко зашли вы на пути преобразованій?...» (стр. 9).

Но самыя рѣзкія и неприличныя нападки мы находимъ въ діатрибѣ депутата Вышневолоцкаго уѣзда стат. сов. Милюкова, который, не останавливаясь даже предъ извращеніемъ оффиціально удостовѣренныхъ журналами Комитета фактовъ [60]), осуждаетъ тверское Положеніе во всѣхъ его частяхъ и, выставляя его какъ продуктъ *насилія* 14 голосовъ противъ 12, называетъ

---

[59]) См. названное сочиненіе Иванюкова, стр. 387.

[60]) См. отзывъ губ. предв. Унковскаго, стр. 2—3.

его не иначе, какъ «насильственнымъ и возмутительнымъ». Тверское дворянство, — говоритъ въ началѣ своего заявленія г. Милюковъ, — привыкло во всѣхъ важныхъ отечественныхъ событіяхъ выказывать свое *безкорыстіе и нерѣдко самопожертвованіе* для общей пользы. Но это не мѣшаетъ автору мнѣнія черезъ нѣсколько строкъ возмущаться даже безвозмезднымъ освобожденіемъ женской дворовой прислуги, принятымъ въ Комитетѣ большинствомъ 20 противъ 7 [61]). Въ заключеніе своего пространнаго мнѣнія г. Милюковъ торжественно объявляетъ, что тверское дворянство «потеряло довѣріе къ своимъ депутатамъ и замѣнило его *презрѣніемъ* къ нимъ», и громко протестуетъ противъ основъ Положенія, какъ противныхъ законамъ нашего отечества и благой волѣ монарха и кроющихъ въ себѣ начала самой гибельной анархіи» (стр. 7—10).

Приведенныхъ образцовъ достаточно, чтобы видѣть, до какихъ чудовищныхъ крайностей доходили приверженцы крѣпостнаго права, стремившіеся прикрыть свои корыстныя вождѣленія, свои личныя и сословныя выгоды щитомъ политической благонадежности и патріотическаго усердія.

Сколько нужно было искуства энергіи, самопожертвованія, вѣры въ себя и въ нравственныя силы освобождаемаго народа, чтобы съ неостывающимъ рвеніемъ и мужествомъ отстаивать «святое дѣло» отъ систематическихъ нападокъ, сильныхъ [62]) своимъ общественнымъ положеніемъ и богатствомъ, враговъ дѣйствительнаго освобожденія и смыть съ Россіи позорное пятно крѣпостнаго строя, упраздненіе котораго однако и въ наши дни еще

---

[61]) Въ своемъ отзывѣ противъ мнѣнія г. Милюкова г. Унковскій приводитъ на справку, что нѣкоторыя постановленія Комитета принимались единогласно, другія значительнымъ большинствомъ, въ томъ числѣ и г. Милюковымъ. Г. Милюковъ называетъ „возмутительными“ иногда и тѣ мнѣнія постановленія, подъ которыми имѣется его собственноручная подпись (стр. 5, 6—7).

[62]) „Поборники этого направленія (обезземеленія крестьянъ), писалъ въ 1849 г. Ланской къ Александру II,— нашли себѣ сочувствіе въ дворянствѣ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ Вамъ, Государь, особахъ и нѣкоторыхъ членахъ Главнаго Комитета“ (намекъ на М. Н. Муравьева, на В. А. Долгорукова и отчасти на гр. В. А. Адлерберга). См. т. II назв. соч. Семенова, стр. 831.

оплакиваютъ новѣйшіе крѣпостники и, профанируя гомерическій стихъ, называютъ это постыдное рабство—«святымъ, великимъ и невозвратнымъ Иліономъ»... [63]).

Если даже теперь, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, съ воплемъ и воздыханіемъ вспоминаются постыдные крѣпостные порядки, невозвратность коихъ окончательно признана даже героями «Дыма», то это одно показываетъ, какъ глубоки были корни этого застарѣлаго зла, этого многовѣковаго устоя русской жизни, упраздненіе котораго даже люди благонамѣренные, но робкіе, ждали со страхомъ и трепетомъ!...

Тѣмъ больше чести и славы небольшой, но могучей кучкѣ безкорыстныхъ общественныхъ дѣятелей и просвѣщенныхъ руководителей общественнаго мнѣнія, которые, слѣдуя девизу:

Вѣруй вожатому разуму, бодро плыви океаномъ...

имѣли смѣлость взглянуть прямо въ лицо этому «страшному вопросу» и, во имя права и разума, вступить, для освобожденія народа, въ неравную борьбу съ могущественными поборниками вѣковой неправды и застоя.

Не менѣе велики заслуги и тѣхъ государственныхъ людей, которые, сумѣвъ возвыситься надъ обычною бюрократическою рутиною, возводящею въ идеалъ застой и общественную апатію [64]), опершись на просвѣщенную часть общества и литера-

---

[63]) См. Москов. Вѣдом. 1891 г., № 54.

[64]) По убѣжденію типичнаго бюрократа, ученика Меттерниха, австр.-импер. Франца, государство—это машина, все государственное управленіе должно идти, какъ заведенные часы. Нечего трогать, перемѣнять: только все испортишь: Іосифъ II, какъ безпокойный, пытливый ребенокъ, вздумалъ потрогать машину—и что же вышло?—только разстроилъ. „Держитесь старины,—говорилъ Францъ профессорамъ лайбахскаго лицея. Нашимъ предкамъ хорошо было при старинѣ, отчего же намъ будетъ дурно? Теперь (начало XIX в.) новыя идеи въ модѣ: я ихъ не могу одобрить, никогда не одобрю". Францъ запретилъ болѣе 2,500 книгъ, изданныхъ при Іосифѣ II. Ѣсть, пить, наслаждаться музыкою и какъ можно меньше отягощать себя мыслью—вотъ главное правило добраго подданнаго (Францъ войны не любилъ, но любилъ музыку. При Францѣ музыкантъ могъ дойти до генералъ-адъютанскаго званія)... Всякое дѣло вершается въ канцеляріяхъ.—Какое *дѣло* спрашиваютъ иные, но такіе

туры, на «лучшія силы народа», въ союзѣ съ которыми «правительство, какъ выразился знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ, можетъ быть безнаказанно либеральнымъ» [65]).

Память этихъ честныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, способствовавшихъ благополучному исходу реформы, «предъ которой, по замѣчанію тверскаго комитета, блѣднѣютъ всѣ доселѣ представляемыя намъ не только русскою, но и всемірною исторіей», безспорно перейдетъ на страницы исторіи русской культуры.

Имена этихъ благородныхъ, мужественныхъ и безкорыстныхъ сѣятелей «разумнаго, добраго, вѣчнаго» на пользу родины и человѣчества [66]), этихъ доблестныхъ сподвижниковъ Царя-Осво-

---

вопросы могутъ поднимать, иронически замѣчаетъ Соловьевъ, только либералы-идеологи. (См. М. Соловьева – Александръ I, стр. 194).

[65]) См. превосходное мѣсто объ отношеніи правительства къ простому народу и интеллигенціи на стр. 197—198 н. с. Соловьева—Александръ I. Оно отчасти приведено въ эпиграфѣ. — Приводимъ начало: „Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобъ не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобъ поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое, въ минуту искушенія, дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобъ ему не колебаться, не мяться при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стекол, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу“ (стр. 193).

[66]) Старый эмигрантъ Н И. Тургеневъ († 1871 г.),—одинъ изъ немногихъ декабристовъ, дожившій до счастливаго момента осуществленія грезы своей молодости, до „воли“.—получивъ экземпляръ изданій Редакц. Комиссіи, писалъ Н. А. Милютину: „Помимо громадности положеннаго труда, всѣ безпристрастные люди должны вспомнить теперь и оцѣнить значеніе нравственной борьбы, которую эти честные и добросовѣстные труженники (члены Ред. Ком.) должны были нести противъ стольких враждебныхъ вліяній. Чрезъ это ихъ заслуги предъ Россіею и человѣ-

бодителя, честно, самоотверженію споспѣшествовавшихъ ему въ осуществленіи великаго завѣта его гуманнаго наставника-поэта, само собою разумѣется, сохранятся въ признательной памяти призваннаго къ жизни 30 лѣтъ тому назадъ, [67]) русскаго народа, и свято будутъ почитаться со временемъ, когда народъ придетъ въ возрастъ, разумъ и сознаніе, когда наступятъ, наконецъ, тѣ ясные, красные дни, которыхъ онъ ждетъ не дождется въ теченіе долгихъ вѣковъ и зарю [68]) которыхъ онъ такъ горячо [69])

чествомъ получаютъ новое значеніе, еще болѣе крупное и блестящее. Кромѣ того, въ *Трудахъ Ред. Ком.* я вижу неопровержимое доказательство тому, что въ Россіи можно задумывать и выполнять самыя крупныя реформы. Что касается меня, я никогда въ томъ не сомнѣвался; но теперь доказательство такъ очевидно, что оно должно убѣдить всѣхъ и каждаго". (Н. с. Лероа-Болье, 91).

[67]) Въ письмѣ своемъ къ кн. А. Ѳ. Орлову отъ 14 февраля 1859 г. Я. И. Ростовцевъ замѣчаетъ, что „Государь *создаетъ* русскій народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало". — Что въ такомъ отзывѣ нѣтъ никакого преувеличенія, это лучше всего видно изъ характеристики гр. Валуева, по которой дореформенная Россія окончательно валась XIV классомъ. (См. выше § 1 главы I).

[68]) Этому столь рѣдкому на улицѣ народа празднику истинный другъ его и печальникъ горя народнаго Салтыковъ посвятилъ слѣдующія трогательныя строки:

„Дуракъ Иванушка! чему смѣешься? Или сердце въ тебѣ взыграло? Или пахнуло на тебя свѣжимъ воздухомъ? Иль ты почуялъ, что пришелъ конецъ твоему гореваньицу, тому злому-лютому гореваньицу, что и къ материнскимъ сосцамъ съ тобою припадало, что и въ зыбкѣ тебя укачивало, что и въ пѣсняхъ тебя подтягивало, что и въ царевъ кабакъ съ тобою разгуляться похаживало.

— Смѣйся, дурачекъ! Самъ генералъ Зубатовъ отмѣнно радъ, что ты смѣешься... Въ другое время онъ сказалъ-бы тебѣ; „чего, ска-а-атина, ротъ до ушей дерешь"? ну, а теперь ничего, спѣшитъ даже поскорѣе домой, чтобъ отрапортовать, куда слѣдуетъ: засмѣялся-дескать" (Соч. II, 181). Ср. гл. I § 7.

[69]) Сердце мое билось, писалъ бывшій дворовый, передавая впечатлѣнія дня объявленія воли при видѣ этихъ простыхъ, но восторженныхъ и оживленныхъ мыслію лицъ! Радостно я думалъ, этакое пришло время, что все оживаетъ, все въ движеніе приходитъ; что было *вещью*, то нынѣ стало существомъ, что было безмолвно, теперь стало говорить! Вѣдь какъ эти люди просвѣтлѣли, какъ воодушевились и какъ живо говорятъ ихъ восторженныя лица о ихъ способности трудиться, работать, помышлять копѣйку и беречь ее на черный день. (Замѣчено было, что въ ожиданіи объявленія воли мѣдная монета, единственно доступная народу,

II

ОТМѢНА ТѢЛЕСНАГО НАКАЗАНІЯ.

Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣлывалися безаконія самыя безчеловѣчныя.

Искусство (опытъ) научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердца гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими.

§ 85 Наказа Екатерины II.

Право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію.

Ѳ. Достоевскій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Къ тридцатилѣтію отмѣны тѣлесныхъ наказаній.

(Эпизодъ изъ исторіи гуманныхъ вѣяній 60-хъ годовъ).

Чѣмъ человѣчнѣе будете поступать съ преступниками, тѣмъ человѣчнѣе будутъ и они и тѣмъ чувствительнѣе будетъ для нихъ всякое благоразумное, а не скотское наказаніе.

Проф. И. Бѣляевъ (1862 г.).

Словно въ сказкѣ какой: изъ битаго царства вдругъ небитое стало!..

Д. Ровинской.

I.

17-го апрѣля 1818 г. въ Кремлѣ Московскомъ въ Николаевскомъ дворцѣ родился у великаго князя Николая Павловича червенецъ Александръ. Новорожденнаго поэтъ Жуковскій напутствовалъ, по какому-то вѣщему чутью, на предстоящій жизненный путь, величіе котораго въ то время никто не могъ предвидѣть (наслѣдникомъ престола въ то время считался, какъ извѣстно, старшій братъ Александра I великій князь Константинъ Павловичъ) замѣчательными стихами, коихъ «плѣнительная сладость, по слову Пушкина, прошла вѣковъ завистливую даль».. Жуковскій, между прочимъ, говорилъ:

Да встрѣтитъ онъ, обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ:
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ.

Исполнилось трогательное, благочестивое пожеланіе гуманнаго поэта: ровно чрезъ 45 лѣтъ въ тотъ же день, 17-го апрѣля, этотъ младенецъ, уже ставшій мужемъ и стяжавшимъ на обоихъ полушаріяхъ славное, великое и завидное наименованіе Царя-Освободителя, исполняя напутствіе человѣколюбиваго поэта, а впослѣдствіи и наставника, далъ, въ день своего рожденія [1]), жизнь одному изъ величайшихъ и человѣчнѣйшихъ законодательныхъ актовъ—благодѣтельному закону, 17-го апрѣля 1863 года объ полной отмѣнѣ *жестокихъ тѣлесныхъ наказаній* въ гражданскомъ вѣдомствѣ въ арміи и во флотѣ.

«Силъ прибываетъ, писалъ по поводу этого закона И. С. Аксаковъ. Еще гора свалилась съ плечъ, еще тяготы меньше. Удрученный бременемъ, богатырь выпрямляется... Благо тому, кто облегчилъ его бремя, кто снимаетъ гнетъ съ Русской земли! Плети, шпицрутены, клейма, торговыя казни, все это *было*, всего этого уже *нѣтъ*, все рухнуло въ темную бездну минувшихъ золъ, пережитаго русскаго горя! Долой—гласитъ между строкъ Государева Указа Сенату—всѣ оружія *истязанія и срама*, долой сейчасъ же немедленно по полученіи указа! Вонъ изъ нашей рѣчи, вонъ на вѣки вся эта терминологія, эти выраженія, съ которыми такъ постыдно свыклись наши уста и нашъ слухъ, эти «сквозь строй», «засѣчь», «перепороть» со всѣми ихъ безчисленными, отврати-

1) Чуткое признательное народное чувства, несмотря на отсутствіе всякой оффиціальной помпы, по случаю объявленія человѣколюбиваго Указа 17 апрѣля, само, по собственной иниціативѣ, инстинктивно сблизило мѣсто и день рожденія Виновника милосерднаго закона съ днемъ его изданія. Въ Москвѣ 17-го апрѣля, заносить въ свой дневникъ проф. Никитенко, былъ невыразимый народный энтузіазмъ. Народъ потребовалъ, чтобы молебенъ былъ отслуженъ на площади, противъ оконъ тѣхъ комнатъ дворца, гдѣ родился государь. Народъ палъ на колѣни и молился за Россію и Государя. Очевидцы говорятъ, что это было зрѣлище великолѣпное и трогательное. (См. Записки и Дневникъ Никитенко, т. II, 380). Любопытно, что этотъ фактъ пройденъ совершеннымъ молчаніемъ *Моск. Вѣдом.*, только что перешедшими къ Каткову и Леонтьеву. Положимъ, въ то время газета была поглощена польскими дѣлами, но находила же она время и мѣсто для „кохинхинскихъ куръ“ и т. п. важной матеріи. (см. *Моск. Вѣдом.*, №№ 82—85 за 1863 г.).—14-го мая 1893 г., на помянутой площади производилась закладка памятника Александру II, сооружаемаго по проэкту художника П. В. Жуковскаго, сына поэта.

ьными варіантами! «Заплечному мастеру» нѣтъ уже дѣла въ сской землѣ Пишущій эти строки помнитъ то время, тѣ тя-лыя пережитыя имъ ощущенія, когда по обязанностямъ судьи, добросовѣстностью молодого юриста онъ подписывалъ «за-нные» приговоры о преданіи женщинъ на всенародный позоръ, торговую казнь. Съ ужасомъ возстановляя въ нашей памяти ртину минувшаго, мы тѣмъ живѣе цѣнимъ добро, дарованное азомъ, невольнымъ умиленіемъ проникается сердце! Легче ды-ется, вольнѣе живется, слышишь ростъ Русской земли: *силъ ибываетъ*... А еще сколько ихъ можетъ прибыть? Еще цѣлые точники новой силы таятся, нераскопанные или засоренные ною и иломъ... Еще не совсѣмъ снята печать молчанія съ шихъ устъ, еще робѣетъ русское слово» [2]).

Эта могучая побѣда милосердія, благородной отважной вѣры въ лу добра и довѣрія къ человѣчнымъ инстинктамъ «вчерашняго ба» была вмѣстѣ съ тѣмъ крупною побѣдою честныхъ и чело-колюбивыхъ друзей народной свободы надъ мнительными и свое-рыстными консерваторами, которые приходили въ ужасъ при ной мысли объ отмѣнѣ плетей и розогъ тотчасъ послѣ объяв-нія воли. Благополучное повсемѣстное, за небольшими исклю-ніями, объявленіе воли, вопреки трусливымъ и близорукимъ за-гиваніямъ представителей крѣпостнаго лагеря, пророчившихъ оссіи всѣ ужасы жакеріи и пугачевщины,—сильно окрылило сто-нниковъ рѣшительныхъ и послѣдовательныхъ реформъ. Правда бственно крестьянской реформѣ нанесенъ былъ довольно чув-вительный ударъ удаленіемъ въ апрѣлѣ 1861 г. отъ дѣлъ мини-ра внутреннихъ дѣлъ гр. С. С. Ланскаго и его товарища, точнѣе уководителя и вдохновителя, Н. А. Милютина; но дѣлая эту

[2]) См. *День*, 1863 г., № 17.—Занося въ свою лѣтопись Указъ 17 ап-ля *Современникъ* писалъ: Мы твердо увѣрены, что ни одно государство е можетъ надѣяться на процвѣтаніе въ будущемъ, если не уничтожитъ ъ себѣ старыхъ институтовъ, задерживающихъ ея ходъ, если не от-нется отъ старыхъ преданій и тенденцій узкаго эгоизма и не станетъ а штандпунктъ человѣчески-народныхъ интересовъ. Вотъ почему желая еланіемъ пламеннымъ славы и счастья нашему отечеству, мы съ вос-оргомъ привѣтствуемъ всякую законодательную мѣру, имѣющую цѣлью росвѣщеніе массъ, гуманизированіе ихъ нравовъ, распространеніе бла-осостоянія. *Современникъ*, 1863, № V, 182.

[illegible] въ дѣлахъ [illegible]. Постепенно [illegible] наступитъ [illegible] на путь [illegible] [illegible] законодательства. [illegible] уголовнаго права — [illegible]. Въ числѣ другихъ реформъ (земской, судебной, [illegible] и пр.) впервые получили [illegible] уголовнаго права. Публичные [illegible] и [illegible] часто до [illegible] тѣла и здоровья. Безчеловѣчные прогнанія сквозь строй, [illegible] въ жесточайшую видъ смертной казни, заключеніе, также публично, клейма,— таковы были характеристическія черты уголовныхъ наказаній, дѣйствовавшихъ въ Россіи всего 30 лѣтъ тому назадъ.

До изданія гуманнаго Высочайшаго указа 17 апрѣля 1863 г. тѣлесныя наказанія всевозможныхъ видовъ и степеней составляли основу нашей карательной системы, корни коей восходили къ Уложенію «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича 1648 года [1].

[1] См. Сергѣевскаго.—Наказаніе въ русск. правѣ, стр. 162.—
Судебникъ Ивана III въ 1497 г. впервые ввелъ заимствованныя у татаръ тѣлесныя наказанія. До виртуозности довело ихъ Уложеніе 1649 г., назначивъ ее болѣе чѣмъ въ ста случаяхъ и въ шести разныхъ видахъ: 1) битье кнутомъ, 2) битье кнутомъ на козлѣ, 3) битье кнутомъ нещадно, чтобъ другимъ было не повадно такъ дѣлать, 5) битье кнутомъ на торгу, 6) битье кнутомъ водя по торгу, иногда по три дня и больше. Кромѣ того, Уложеніе „тишайшаго" царя назначало отрѣзанье рукъ, ноги, носа, ушей, губъ, распарываніе ноздрей. Петръ I для военныхъ придумалъ „легкое наказаніе"—1) ношеніе оружія (нагрузятъ на провинившагося ружей десятка два, поставятъ несчастнаго такъ чтобъ ногой не переступилъ — стоитъ иногда часовъ 5 или 6). Самъ я въ малолѣтствѣ видѣлъ, разсказываетъ Бѣляевъ, какъ отъ такой стойки люди падали и послѣ были отправляемы въ лазаретъ. Нечего сказать, наказаніе легкое, и назначалось-то за великія провинности, напр., солдатикъ испортилъ фрунтъ, выдался впередъ или очень подался. Другія введенныя Петромъ наказанія были: 2) закованье въ желѣзо ногъ и рукъ, 3) посаженье на хлѣбъ и на воду; 4) посаженье на деревянна[illegible] коня, 5) прогулка по деревяннымъ кольямъ; 6) батожья (по усмотрѣнію командира безъ счета). (См. статьи проф. И. Д. Бѣляева: „Своевременна отмѣна тѣлесн. наказ.", *День*, 1863, №№ 51 и 52).

Въ губерніяхъ Эстляндской и Лифляндской вмѣсто плети дѣйст[illegible] „шпицрутены" (прутья), вѣроятно, нѣчто очень близкое къ шпиц[illegible]

Различіе между Уложеніемъ 1648 года и Уложеніемъ 1845 г. сводилось, главнымъ образомъ, только къ постановкѣ института смертной казни. Тогда какъ первое назначало смертную казнь въ 60 статьяхъ, Уложеніе 1845 г. ограничивало примѣненіе ея тремя-четырьмя случаями, введя притомъ ее впервые въ видѣ общаго правила за важнѣйшія политическія преступленія. Кромѣ того, первое назначало въ 140 случаяхъ наказаніе кнутомъ, смертельный исходъ котораго былъ явленіемъ весьма обычнымъ. Такимъ образомъ смертная казнь, въ теоріи отмѣненная еще указами 1753—1754 гг., до 1845 г. фактически процвѣтала въ квалифицированномъ, то есть утонченно-жестокомъ, видѣ [3]). Уложеніе 1845 года кнутъ замѣнило трехвостною плетью. Впрочемъ, для военныхъ и ссыльно-каторжныхъ оставленъ былъ тотъ же кнутъ въ видѣ палокъ или шпицрутеновъ.

Сущность произведенной въ 1845 г. карательной реформы, привѣтствованной необыкновенно пышно съ каѳедръ тогдашнею пресмыкающеюся «кнутофильскою» наукою [4]), въ лицѣ извѣстныхъ братьевъ-криминалистовъ, сводилась, по одной мѣткой характеристикѣ, къ слѣдующему. Еще кнутъ, пишетъ нашъ маститый ученый Д. А. Ровинскій [5]), мало-по-малу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя въ свою очередь сперва приведены въ систему, потомъ *усовершенствованы и отрехвощены* [6]) и наконецъ со спины спущены на болѣе мягкія части, а шпицрутены, это дьявольское

генамъ, судя по тому, что 100 ударовъ плетьми, по легальному тарифу, признавались равными 30 шпрутенамъ и исполнялись въ три воскресенья, по десяти на каждое (см. подробности этого отдѣла „кнутологіи“ въ примѣч. ст. 21 Улож. о нак., изд. 1857 г.).

4) Щедринъ далъ этимъ типичнымъ панегиристамъ всякаго statu quo вѣрную характеристику, которая примѣнима и къ инымъ современнымъ криминалистамъ (см. главу IV примѣч. 10).

5) См. Русскія Народныя Картины Д. Ровинскаго. СПб. 1881, V, 322—323.

6) Хвостъ *кнута* состоялъ изъ бѣлаго сыромятнаго ремня, длиною въ 3 вершковъ, шириною $^6/_8$ вершка. Онъ былъ твердъ, какъ кость, и загнутъ съ обѣихъ сторонъ въ видѣ желобка. При ударахъ острые края долины были приходиться къ спинѣ наказываемаго. — Сила ударовъ была такова, что онъ пробивалъ мясо почти до костей. Послѣ нѣсколь-

[illegible] бездушнаго нѣмца, не только оставались и посл[illegible] [illegible] указа 1801 г., но еще прославились изобрѣтеніем [illegible] «Аракчеевской манеры», достойно прославившей имя кро[illegible] [illegible] наперсника державнаго ученика Лагарпа (см. ниже)

По [illegible] 1857 г. тѣлесное наказаніе составляло для лиц [illegible] [illegible]рованныхъ необходимое дополненіе всякаго уголов[illegible] [illegible] наказанія, начиная отъ тяжкаго уголовнаго и кончая ле[illegible] [illegible] исправительнымъ. При ссылкѣ въ каторжную работу на[illegible] [illegible] публичное наказаніе отъ 30 до 100 ударовъ плетьм[illegible]

[illegible] ударовъ мѣняли кнутъ, такъ какъ ремень размягчался отъ крови [illegible] давали не болѣе 20 ударовъ, такъ что торговая казнь иногд[illegible] [illegible] отъ восхода до захода солнца.

— Плетиво плети состояло изъ столбца, 6 вершковъ длиною, с[illegible] [illegible] хвостами, въ 1 аршинъ и 4 вершка длиною. Хвосты оканчив[illegible] [illegible] узлами. Столбецъ и хвосты сдѣланы были изъ цѣльныхъ ремен[illegible] [illegible], нарѣзанныхъ изъ куска толстой кожи (см. н. с. Сергѣевскаго стр. 170—171).

— Розги употреблялись (въ Польшѣ) изъ березовыхъ и ивовыхъ лоз[illegible] [illegible] прутьевъ, толщиною въ гусиное перо, длиною отъ 2 до $2^1/_4$ аршин[illegible] связанныхъ по 4 вмѣстѣ; по тоньше и покороче избираются для женщин[illegible] и для слабаго сложенія (см. Отзывъ Намѣст. Ц. Польскаго въ Юри[illegible] Вѣстн. 1892, № 7 и 8, стр. 407). —Какъ мужчинъ, такъ и женщинъ би[illegible] по задней части тѣла. — Въ Остзейскихъ губ. били по спинѣ, а в[illegible] Дерптѣ по задней части и по ляжкамъ (тамъ же, 408).

— Мѣстомъ наказанія въ Москвѣ была сначала Красная, потомъ обы[illegible]кновенно Конная площадь (см. н. с. Сергѣевскаго, стр. 149—164).—Н[illegible] Красной площади была наказана въ 1768 г. извѣстная своими звѣрским[illegible] поступками съ крѣпостными Салтычиха (гладила дѣвушекъ горячим[illegible] утюгомъ) вмѣстѣ съ соучастниками ея, ея же людьми и попомъ, которые тутъ же были биты кнутомъ.—Сѣкли также чуть не на всѣхъ площадяхъ Москвы: Арбатской, у Патріаршихъ прудовъ, Цвѣтнаго бульвара и т. д. Нынѣшнею осенью, писалъ проф. Бѣляевъ въ 1862 г., производилась экзекуція на Арбатской площади надъ однимъ грабителемъ; дѣло обстояло какъ слѣдуетъ, народу было тьма, сѣкли сообразно съ долгомъ службы—исправно: изъ жителей многіе отворачивались, у другихъ кружилась голова, были и такіе, съ которыми дѣлалось дурно, а между тѣмъ въ это время мошенники въ этой же толпѣ шарили по чужимъ карманамъ, обрѣзывали цѣпочки и вовсе не обращали вниманія на то, что ихъ товарища бьютъ до костей и т. п. Авторъ не безъ остроумія сравниваетъ такой способъ устрашенія съ тѣмъ, какъ вѣшаютъ на шестѣ въ огородѣ убитую ворону, что не мѣшаетъ другимъ воронамъ обирать огородъ (№ 32 Дня 1862)

чрезъ палачей. Вслѣдъ за этимъ производилось клейменіе, наложеніе штемпельныхъ знаковъ или *клейма*, т. е. поставленіе «такъ же публично и чрезъ палача опредѣленнымъ для того способомъ», какъ выражается ст. 160 Улож., на лбу и щекахъ трехъ буквъ: К., А., Т. (т. е. «каторжный»), съ принятіемъ мѣръ, какъ гласитъ ст. 544 т. XV ч. 2, «указанныхъ для предупрежденія вытравленія наложенныхъ знаковъ» [7]). Публичное наказаніе плетьми назначалось и при ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. При отдачѣ въ арестантскія роты назначалось отъ 50 до 100 ударовъ розгами чрезъ полицейскихъ служителей. Розгами же замѣнялось и кратковременное тюремное заключеніе и арестъ.

Кромѣ того, для ссыльно-каторжныхъ и военно-служащихъ существовали по Сводѣ Законовъ особыя жестокія наказанія *шпицрутенами* или прогнаніе сквозь строй. Число ударовъ шпицрутенами достигало ужасающей цифры 5000 — 6000; это наказаніе сопровождалось для каторжныхъ *приковываніемъ* къ тележкѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ.

Нельзя сказать, чтобы жестокія наказанія, унаслѣдованныя отъ

---

7) Клейменіе введено было закономъ 21 іюля 1845 г. Въ 1846 г. Медицинскимъ Совѣтомъ была составлена инструкція фельдшерамъ для наложенія клеймъ, разосланы инструменты, составъ для натиранія знаковъ (смѣсь изъ индиго и туши) и рисунки руки и лопатки, съ указаніемъ мѣста, гдѣ надлежитъ ставить клейма.—Клейма стирались отъ времени и за это привлекались къ отвѣтственности уѣздный стряпчій и врачъ. Медицинскій Совѣтъ съ прискорбіемъ указывалъ въ 50-хъ гг., что „нѣтъ такого средства клейменія, посредствомъ котораго знаки оставались-бы неизгладимыми, что, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ состояніи *науки* (вотъ для чего она была нужна въ доброе старое время!) оно признается недостижимымъ и что даже каленое желѣзо, употреблявшееся во Франціи въ исключительныхъ случаяхъ, не вполнѣ соотвѣтствовало ожиданіямъ. Но впослѣдствіи, т. е. съ началомъ освободительной эпохи, Медицинскій Совѣтъ получилъ возможность заступиться „за права науки и достоинство врачей". Обязанность врача, писалъ Совѣтъ въ 1861 г., облегчать страданія; для успѣшнаго исполненія ея онъ долженъ пользоваться довѣріемъ общества. Какимъ образомъ можно фельдшера обращать въ палача, а врача въ его пособника? „Легко понять, какъ будетъ встрѣченъ въ образованномъ обществѣ врачъ, прибывшій съ лобнаго мѣста и принимавшій личное участіе въ занятіяхъ палача, или фельдшера, вытравлявшаго клейма". (См. Сводъ Мнѣній и Замѣчан. по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесн. наказ. стр. 63—65).

XVII—XVIII вв., не встрѣчали протеста со стороны болѣе раз
витой части общества. Царственная ученица Беккаріи, Вольтер
Монтескье писала еще въ 1767 году въ своемъ знаменитом
Наказѣ: «Искусство (т. е. опытъ—*l'expérience*) научаетъ насъ
что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце граждан
оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ же
стокими. Сдѣлался вредъ ли въ государствѣ чувствительный от
какого непорядка,—продолжаетъ Наказъ,—насильное правлені
хочетъ внезапно исправить, и вмѣсто того, чтобы думать и ста
раться о исполненіи древнихъ законовъ, установляетъ жестоко
наказаніе, которымъ зло вдругъ прекращается. Воображені
въ людяхъ дѣйствуетъ при семъ великомъ наказаніи такъ же
какъ бы оно дѣйствовало и при маломъ; и какъ уменьшите
въ народѣ страхъ сего наказанія, то нужно уже будетъ устано
вити во всѣхъ случаяхъ другое» (§§ 86, 87). «Упомянувши с
ужасомъ и съ внутри содраганіемъ чувствительнаго сердца пр
зрѣлищѣ тысячъ безчастныхъ людей, которые претерпѣли сколь
варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣй
ство произведенныхъ, безъ малѣйшаго совѣсти зазора, людьми
давшими себѣ имя премудрыхъ», гуманный авторъ Наказа за
ключаетъ: «страны и времена, въ которыхъ казни были самы
лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣлывалис
беззаконія самыя безчеловѣчныя» (§ 206).

Но, къ сожалѣнію, эти гуманныя идеи оставались въ област
литературныхъ упражненій [8]), и при самой державной почита
тельницѣ Беккаріи не только господствовалъ кнутъ, но и бы
вали случаи самыхъ жестокихъ видовъ смертной казни въ вид
колесованія и четвертованія (примѣч. къ ст. 16, Зак. Уголов.
изд. 1842 г.).

Даже внукъ ея, либерально настроенный въ началѣ царство
ванія Александръ, отмѣнивъ, конечно въ теоріи только, пытки

---

[8]) „До такихъ громкихъ фразъ, не всегда соотвѣтствовавшихъ дѣлу
была особенная любительница либеральная крѣпостница Екатерина
замѣчаетъ нашъ знаменитый ученый Д. А. Ровинскій (см. его Русск
народныя картинки, т. V, СПб. 1881, стр. 321).—Подъ конецъ царство
ванія она признавала достойными висѣлицы московскихъ массоновъ. Св
ст. проф. Тихонравова въ Сборникѣ „Помощь голодающимъ", стр. 543

вырываніе ноздрей и тѣлесное наказаніе для духовенства, оставилъ въ неприкосновенности тотъ же ужасный кнутъ, нѣсколькими ударами коего, по отзыву графа Мордвинова, опытный палачъ могъ засѣчь до смерти сильнаго мужчину [9]), а Аракчеевъ даже изобрѣлъ особую манеру битья шпицрутенами, названною въ честь изобрѣтателя «аракчеевскою»! Съ этой манерой «проводка сквозь строй въ гарнизонѣ», свыше 500 ударовъ, часто равнялась смертному приговору; въ Москвѣ, напримѣръ, какъ передаетъ г. Ровинскій, въ пятидесятыхъ годахъ «гарнизонные» гоняли сквозь строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ (по Высочайшему повелѣнію): ему дали всего 400 ударовъ, и онъ умеръ на третьи сутки.

---

[9]) Были «виртуозы» палачи, которые *одинаковымъ*, повидимому, ударомъ кнута могли чуть прикоснуться къ листу бумаги или переломить спинной хребетъ осужденному и разрубить толстую доску. Все зависѣло отъ пощады или жалости палача или отъ взятки.

— Въ *Запискахъ изъ Мертваго Дома* находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету. Гражданскій подсудимый предварительно хоть чѣмъ нибудь, хоть изъ послѣдняго да подаритъ палача, писалъ Достоевскій. Съ богатыхъ палачи назначаютъ взятку сами, до 30 рублей и болѣе. Но если даже палачъ и возьметъ взятку, чтобы наказать легко, то все-таки первый ударъ дается изо всей силы. Это обратилось въ обычай. Палачъ передъ началомъ наказанія, сознаетъ себя властелиномъ; въ эту минуту онъ актеръ; на него дивится и ужасается публика, и палачъ не безъ *наслажденія* (трудно представить себѣ, замѣчаетъ Достоевскій, до чего можно исказить природу человѣческую!) обычныя и роковыя слова *„поддержись, ожгу!“* — Наказанные въ одинъ голосъ передавали свое ощущеніе словами: «жметъ, какъ огнемъ палитъ!» Болѣе детальныхъ ощущеній не могъ добиться Достоевскій. — Въ статьѣ, напечатанной въ январской книгѣ *Морскаго Сборника* за 1861 г., приведенъ такой разсказъ англійскаго солдата: «когда нанесенъ былъ третій ударъ, я сталъ чувствовать жаръ во всемъ организмѣ съ головы до ногъ. Время между ударами казалось страшно долго и походило на агонію, и вмѣстѣ каждый новый ударъ, казалось, слѣдовалъ слишкомъ скоро... Каждый новый ударъ казался страшнѣе, мученія усиливались. Я чувствовалъ, что мнѣ слѣдовало смириться и просить помилованія (у насъ это не повело бы ни къ чему), но и тотчасъ заглушалъ въ себѣ эту унизительную мысль». — Достоевскій передаетъ со словъ арестантовъ, что розги въ большомъ количествѣ *мучительнѣе* палокъ (шпицрутеновъ). «Розги садче, муки больше» говорили ссыльные. Розги сильнѣе раздражаютъ нервы, потрясаютъ ихъ свыше возможности. (Собр. Соч. Достоевскаго 3-е изд. т. III, 184).

А что сказать объ аракчеевскихъ шпицрутенахъ «*сквозь тысячу двѣнадцать разъ безъ медика*»?! Надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея, говоритъ г. Ровинскій и затѣмъ описываетъ слѣдующую ужасающую сцену прогнанія сквозь строй, какъ-будто выхваченную изъ Дантова Ада.— «Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ-шпицрутенъ, — живая «зеленая улица», только безъ листьевъ весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ *гробъ*. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ, разъ два!.. и пошла хлестать зеленая улица справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ, летятъ кровяные брызги... «Братцы, пощадите»!.. прорывается сквозь глухую трескотню барабана, но вѣдь щадить значитъ самому тутъ же быть пороту,—и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями, и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянныя глаза свои... Вотъ онъ свалился, а бить осталось еще много; живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и *рубятъ кровавую кашу*. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны» [10]).

---

[10]) См. н. сб. Ровинскаго, т. V, стр. 323. — П. Павловъ передаетъ въ «Воспоминаніяхъ о бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году» что жителей этихъ поселеній (другой достойный памятникъ, воздвигнутый себѣ звѣремъ Аракчеевымъ) «сѣкли до выпаденія кишекъ».—Въ *Русской Старинѣ* 18[illegible]1 г. былъ разсказанъ случай измѣненія въ 30-хъ годахъ еврея контрабандисту, убившему таможеннаго стражника наказанія съ тѣмъ чтобы шпицрутенами бить по головѣ.— У Достоевскаго находимъ, между про

Эту леденящую душу картину г. Ровинскій заканчиваетъ такъ: «Съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить о жестокихъ пыткахъ и о татарскомъ кнутѣ, и о нѣмецкихъ шпицрутенахъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, не смотря на вопли «кнутофиловъ» 1863 г., вопившихъ, какъ и кнутофилы 1767 г., о невозможности защититься отъ злодѣевъ безъ кнута [11]).

Отмѣненъ кнутъ; но какъ мучительно долго пришлось ждать этой побѣды гуманности!

Столь продолжительное безраздѣльное господство жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, вопреки желанію гуманнѣйшихъ и сильнѣйшихъ монарховъ, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ основѣ всего стараго русскаго государственнаго и обще-

---

чимъ, разсказъ о шпицрутенахъ ссыльнаго киргиза. Онъ крестился, разсчитывая, что „крещенаго жалче будутъ бить“, но ошибся и вынесъ 4000 палокъ только благодаря своему умѣнью „обмирать“. „Повели меня, разсказываетъ онъ; ведутъ одну тысячу: жжетъ, кричу; ведутъ другую, ну, думаю, конецъ мой идетъ, изъ ума совсѣмъ вышибли, ноги подламываются; я грохъ объ землю: глаза у меня стали мертвые, лицо синее, дыханія нѣтъ, у рта пѣна. Понесли въ госпиталь, и я ожилъ. Такъ меня еще два раза водили и ужъ злились они на меня. Какъ пошелъ четвертую, такъ каждый ударъ какъ ножемъ по сердцу проходилъ, такъ больно были. Остервенились! и кабы не обмеръ передъ самымъ концомъ (оставалось двѣсти палокъ) забили-бы тутъ-же до-смерти. На двухстахъ-то послѣднихъ изо всей злости били, но не забили, а отчего не забили? Оттого, добродушно прибавляетъ разсказчикъ, что съ изъ-дѣтства подъ плетью росъ. Охъ, били-то меня, били, и не перечесть... каждый день и по нѣскольку;—не билъ, кто не хотѣлъ“. (Стр. 173—174).

— О плетяхъ разсказываетъ другой ссыльный Лучка: Вотъ какъ вошли мнѣ эти пять сотъ плетей; повезли меня въ полномъ парадѣ. Народу привалило видимо-невидимо. Ужъ и глупъ этотъ народъ, такъ не знаю, какъ и сказать! Тимошка (палачъ) раздѣлъ, положилъ, кричитъ „поддержись! ожгу!“ Жду: что будетъ? Какъ онъ влѣпитъ разъ—хотѣлъ было я крикнуть, раскрылъ было ротъ, а крику-то во мнѣ нѣтъ. Голосъ остановился, какъ влѣпитъ два, я ужъ и не слыхалъ какъ два просчитали. А какъ очнулся, слышу считаютъ семнадцатый. Раза четыре съ кобылы снимали, по получасу отдыхалъ; водой обливали; гляжу на всѣхъ выпуча глаза, да и думаю: тутъ-же помру. (Стр. 107).

[11]) См. н. сб. Ровинскаго, т. V, стр. 324.

ственнаго строя лежало безчеловѣчное крѣпостное право, сохраненіе и охраненіе котораго только и можно было при помощи жесточайшихъ наказаній.

Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія, писала Екатерина въ своемъ Наказѣ, суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій. И если гдѣ сыщется,—продолжала она,—такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною *мучительное владѣніе* (въ подлинникѣ *tyrranie*), которое налагало тѣ же наказанія на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. Такою областью и была до 1861 г. Россія съ ея ста тысячами полиціймейстеровъ-помѣщиковъ, по мановенію коихъ подвластные имъ крѣпостные могли подвергаться тяжкимъ наказаніямъ, начиная отъ ссылки въ Сибирь и кончая тѣлесными наказаніями и «лизаньемъ языкомъ горячей печки и т. п.» фарсами кроваваго добродушія и ехидной веселости», по выраженію Щедрина. При такомъ режимѣ, лишенномъ всякой нравственной опоры, основанномъ исключительно на страхѣ передъ физическою болью, тѣлесныя наказанія были іестественны. Страхъ и испугъ были основою крѣпостнаго права. Кто могъ пугать больше,—говорилъ Шелгуновъ, характеризуя крѣпостное время,—тотъ и былъ больше, кто могъ пугать меньше, тотъ и былъ меньше. Сознаніе о человѣческомъ достоинствѣ отсутствовало вполнѣ до преобразовательной эпохи [12]).

Благодаря могучему гуманному движенію 60-хъ годовъ, коего ближайшимъ послѣдствіемъ было упраздненіе крѣпостнаго права, возникло и уваженіе къ достоинству человѣка, и стали устанавливаться болѣе человѣчные взгляды на людей и вещи. Въ незабвенномъ манифестѣ 19-го февраля отмѣна крѣпостной зависимости мотивировалась «уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнимъ». Это широкое гуманное теченіе, столь торжественно выразившееся въ освобож-

---

[12]) *Русская Мысль*, 1886 г., № 9, стр. 80.—Валуевъ въ своей *Думѣ Русскаго* такъ же указываетъ на презрѣніе къ личности гражданина, какъ на характеристическую черту стараго порядка (Рус. Стар. 1891, V, 440).—Никитенко замѣчаетъ, что русская исторія „мучила, а не воспитывала“ (II, 294).

денін крестьянъ, сказалось на всѣхъ отрасляхъ общественной жизни и разнородныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и даже человѣка къ животнымъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Это непреложный историческій фактъ, который можно точно доказать. Укажу на одинъ примѣръ. До 1861 года не разъ возбуждался вопросъ о назначеніи наказанія за жестокое обращеніе съ животными; но всякій разъ выставлялось въ нашихъ законодательныхъ сферахъ противъ этого предположенія то соображеніе, что при существованіи жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и жестокостей крѣпостнаго права невозможно преслѣдовать за жестокое обращеніе съ животными. Только послѣ 1861 г., благодаря гуманнымъ вѣяніямъ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ вопросомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній сталъ на очередь и вопросъ о наказаніи за жестокое обращеніе съ животными [13]).

Пока существовало и давало всему тонъ жестокое и безчеловѣчное какъ по идеѣ, такъ и по примѣненію крѣпостное право, ни во что не ставившее рожденную свободною личность человѣка, не могли особенно смущать или возмущать ни тайный

---

[13]) См. объясненіе пдъ ст. 43 уст. о нак., нал. мир. суд.

— Одна владимірская помѣщица, штабсъ-капитанша Зенаида Васильевна Архангельская, въ отзывѣ своемъ судебному слѣдователю, возбудившему дѣло о жестокомъ обращеніи ея съ дворовою дѣвушкою, 24-го января, 1858 г., протестуя противъ возбужденія дѣла „изъ-за такого вздора“, излагала, безсознательно пародируя Аристотеля въ слѣдующихъ выраженіяхъ крѣпостническую *теорію* о соотношеніи крѣпостнаго права къ тѣлесному наказанію: „Богъ создалъ *особо* господъ и слугъ, которымъ и далъ особую натуру, способную къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ въ услуженіи господамъ, тогда какъ господа натуру имѣютъ отъ Бога болѣе нѣжную. Къ этому *физическому* различію между господами и холопами присоединено Богомъ *нравственное* различіе между ними: способность повелѣвать и повиноваться. Законы гражданскіе, распредѣляя отношенія между людьми, основываются на этомъ *естественномъ* различіи господъ и холоповъ, рѣзко распредѣляя отношенія между ними и въ гражданскомъ быту, поставивъ господъ первыми въ рядахъ гражданственности и во всѣхъ движеніяхъ свѣта (sic) и освободивъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а послѣднихъ, предоставляя имъ одинъ тѣлесный трудъ, подвергаетъ и наказанію тѣлесному“ (см. *Колок.*, 1859). Чѣмъ это хуже современныхъ словоизверженій *Гражданина?*

А что сказать объ аракчеевскихъ шпицрутенахъ «*сквозь тысячу двѣнадцать разъ безъ медика*»?! Надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея, говоритъ г. Ровинскій и затѣмъ описываетъ слѣдующую ужасающую сцену прогнанія сквозь строй, какъ-будто выхваченную изъ Дантова Ада.— «Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ-шпицрутенъ, — живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ *гробъ*. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ, разъ, два!.. и пошла хлестать зеленая улица справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ, летятъ кровяныя брызги... «Братцы, пощадите»!.. прорывается сквозь глухую трескотню барабана, но вѣдь щадить значитъ самому тутъ же быть пороту,—и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями, и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянныя глаза свои... Вотъ онъ свалился, а бить осталось еще много; живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и *рубятъ кровавую кашу*. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны» [10]).

---

[10]) См. н. сб. Ровинскаго, т. V, стр. 323. — П. Павловъ передаетъ въ «Воспоминаніяхъ о бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году», что жителей этихъ поселеній (другой достойный памятникъ, воздвигнутый себѣ звѣремъ Аракчеевымъ) «сѣкли до выпаденія кишекъ».—Въ *Русскомъ Старинѣ* 18[illegible]1 г. былъ разсказанъ случай измѣненія въ 30-хъ годахъ еврею-контрабандисту, убившему таможеннаго стражника наказанія съ тѣмъ, чтобы шпицрутенами бить по головѣ. — У Достоевскаго находимъ, между про

Эту леденящую душу картину г. Ровинскій заканчиваетъ такъ: съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить о жестокихъ пыткахъ и о татарскомъ кнутѣ, и о нѣмецкихъ шпицрутенахъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, не смотря на вопли «кнутофиловъ» 1863 г., вопившихъ, какъ и кнутофилы 1767 г., о невозможности защититься отъ злодѣевъ безъ кнута [11]).

Отмѣненъ кнутъ; но какъ мучительно долго пришлось ждать этой побѣды гуманности!

Столь продолжительное безраздѣльное господство жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, вопреки желанію гуманнѣйшихъ и сильнѣйшихъ монарховъ, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ основѣ всего стараго русскаго государственнаго и обще-

---

чимъ, разсказъ о шпицрутенахъ ссыльнаго киргиза. Онъ крестился, разсчитывая, что „крещенаго жалче будутъ бить“, но ошибся и вынесъ 4000 палокъ только благодаря своему умѣнью „обмирать“. „Повели меня, разсказываетъ онъ; ведутъ одну тысячу: жжетъ, кричу; ведутъ другую, ну, думаю, конецъ мой идетъ, изъ ума совсѣмъ вышибли, ноги подламываются; я грохъ объ землю: глаза у меня стали мертвые, лицо синее, дыханія нѣтъ, у рта пѣна. Понесли въ госпиталь, и я ожилъ. Такъ меня еще два раза водили и ужъ злились они на меня. Какъ пошелъ четвертую, такъ каждый ударъ какъ ножемъ по сердцу проходилъ, такъ больно били. Остервенились! и кабы не обмеръ передъ самымъ концомъ (оставалось двѣсти палокъ) забили-бы тутъ-же до-смерти. На двухстахъ-то послѣднихъ изо всей злости били, но не забили, а отчего не забили? Оттого, добродушно прибавляетъ разсказчикъ, что съ изъ-дѣтства подъ плетью росъ. Охъ, били-то меня, били, и не перечесть... каждый день и по нѣскольку;—не билъ, кто не хотѣлъ“. (Стр. 173—174).

— О плетяхъ разсказываетъ другой ссыльный Лучка: Вотъ какъ вошли мнѣ эти пять сотъ плетей; повезли меня въ полномъ парадѣ. Народу привалило видимо-невидимо. Ужъ и глупъ этотъ народъ, такъ не знаю, какъ и сказать! Тимошка (палачъ) раздѣлъ, положилъ, кричитъ „поддержись! ожгу!“ Жду: что будетъ? Какъ онъ вдѣпитъ разъ—хотѣлъ было я крикнуть, раскрылъ было ротъ, а крику-то во мнѣ нѣтъ. Голосъ остановился, какъ вдѣпитъ два, я ужъ и не слыхалъ какъ два просчитали. А какъ очнулся, слышу считаютъ семнадцатый. Раза четыре съ кобылы снимали, по получасу отдыхалъ; водой обливали; гляжу на всѣхъ выпуча глаза, да и думаю: тутъ-же помру. (Стр. 107).

[11]) См. н. сб. Ровинскаго, т. V, стр. 324.

ственнаго строя лежало безчеловѣчное крѣпостное право, сохраненіе и охраненіе котораго только и можно было при помощи жесточайшихъ наказаній.

Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія, писала Екатерина въ своемъ Наказѣ, суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій. И если гдѣ сыщется,—продолжала она,—такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною *мучительное владѣніе* (въ подлинникѣ *tyrranie*), которое налагало тѣ же наказанія на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. Такою областью и была до 1861 г. Россія съ ея ста тысячами полиціймейстеровъ-помѣщиковъ, по мановенію коихъ подвластные имъ крѣпостные могли подвергаться тяжкимъ наказаніямъ, начиная отъ ссылки въ Сибирь и кончая тѣлесными наказаніями и «лизаньемъ языкомъ горячей печки и т. п.» фарсами кроваваго добродушія и ехидной веселости», по выраженію Щедрина. При такомъ режимѣ, лишенномъ всякой нравственной опоры, основанномъ исключительно на страхѣ передъ физическою болью, тѣлесныя наказанія были іестественны. Страхъ и испугъ были основою крѣпостнаго права. Кто могъ пугать больше,—говорилъ Шелгуновъ, характеризуя крѣпостное время,—тотъ и былъ больше, кто могъ пугать меньше, тотъ и былъ меньше. Сознаніе о человѣческомъ достоинствѣ отсутствовало вполнѣ до преобразовательной эпохи [12]).

Благодаря могучему гуманному движенію 60-хъ годовъ, коего ближайшимъ послѣдствіемъ было упраздненіе крѣпостнаго права, возникло и уваженіе къ достоинству человѣка, и стали устанавливаться болѣе человѣчные взгляды на людей и вещи. Въ незабвенномъ манифестѣ 19-го февраля отмѣна крѣпостной зависимости мотивировалась «уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнимъ». Это широкое гуманное теченіе, столь торжественно выразившееся въ освобож-

---

[12]) *Русская Мысль*, 1886 г., № 9, стр. 80.—Валуевъ въ своей *Думѣ Русскаго* такъ же указываетъ на презрѣніе къ личности гражданина, какъ на характеристическую черту стараго порядка (Рус. Стар. 1891, V, 440).—Никитенко замѣчаетъ, что русская исторія „мучила, а не воспитывала“ (II, 294).

денія крестьянъ, сказалось на всѣхъ отрасляхъ общественной жизни и разнородныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и даже человѣка къ животнымъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Это непреложный историческій фактъ, который можно точно доказать. Укажу на одинъ примѣръ. До 1861 года не разъ возбуждался вопросъ о назначеніи наказанія за жестокое обращеніе съ животными; но всякій разъ выставлялось въ нашихъ законодательныхъ сферахъ противъ этого предположенія то соображеніе, что при существованіи жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и жестокостей крѣпостнаго права невозможно преслѣдовать за жестокое обращеніе съ животными. Только послѣ 1861 г., благодаря гуманнымъ вѣяніямъ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ вопросомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній сталъ на очередь и вопросъ о наказаніи за жестокое обращеніе съ животными [13]).

Пока существовало и давало всему тонъ жестокое и безчеловѣчное какъ по идеѣ, такъ и по примѣненію крѣпостное право, ни во что не ставившее рожденную свободною личность человѣка, не могли особенно смущать или возмущать ни тайный

---

[13]) См. объясненіе пред. ст. 43 уст. о нак., нал. мир. суд.

— Одна владимірская помѣщица, штабсъ-капитанша Зенаида Васильевна Архангельская, въ отзывѣ своемъ судебному слѣдователю, возбудившему дѣло о жестокомъ обращеніи ея съ дворовою дѣвушкою, 24-го января, 1858 г., протестуя противъ возбужденія дѣла „изъ-за такого вздора“, излагала, безсознательно пародируя Аристотеля въ слѣдующихъ выраженіяхъ крѣпостническую *теорію* о соотношеніи крѣпостнаго права къ тѣлесному наказанію: „Богъ создалъ *особо* господъ и слугъ, которымъ и далъ особую натуру, способную къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ въ услуженіи господамъ, тогда какъ господа натуру имѣютъ отъ Бога болѣе нѣжную. Къ этому *физическому* различію между господами и холопами присоединено Богомъ *нравственное* различіе между ними: способность повелѣвать и повиноваться. Законы гражданскіе, распредѣляя отношенія между людьми, основываются на этомъ *естественномъ* различіи господъ и холоповъ, рѣзко распредѣляя отношенія между ними и въ гражданскомъ быту, поставивъ господъ первыми въ рядахъ гражданственности и во всѣхъ движеніяхъ свѣта (sic) и освободивъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а послѣднихъ, предоставляя имъ одинъ тѣлесный трудъ, подвергаетъ и наказанію тѣлесному“ (см. *Колок.*, 1859). Чѣмъ это хуже современныхъ словоизверженій *Гражданина?*

судъ, ни установленныя для «хамовъ», и «черни» и вообще «податнаго состоянія» жестокія тѣлесныя наказанія, отъ которыхъ изъяты были всѣ привиллегированные классы, либо по рожденію принадлежавшіе къ «бѣлой кости», либо по богатству (точнѣе выправкою гильдейскихъ свидѣтельствъ) или образованію возвысившіеся надъ подлымъ народомъ.

Послѣ провозглашенія въ 1861 г. уваженія къ личному *достоинству человѣка и правъ свободной личности*, стало уже очевидно чѣмъ-то безчеловѣчнымъ публичное или тайное, жестокое истязаніе, чинимое во имя закона или обычая (какъ, напр., пытка) [14]) надъ личностью преступника безъ различія пола. Точно завѣса упала съ глазъ, проснулась совѣсть «кающагося дворянина», заговорило сердце человѣка. Всѣмъ, конечно, всѣмъ, способнымъ понять смыслъ совершавшагося 19-го февраля великаго общественнаго и соціальнаго переворота, стало стыдно за безграничную жестокость [15]) и даже нецѣлесообразность наказаній, унаслѣдованныхъ отъ варварскихъ временъ. Стонъ и вопли, стоявшіе въ теченіе вѣковъ отъ шпицрутеновъ, плетей и розогъ, повсемѣстно, начиная отъ дѣтской и учебныхъ заведеній и кончая помѣщичьими конюшнями, казармами и городскими площадями, и рѣдко кого смущавшіе въ теченіе вѣковъ вдругъ предстали послѣ 1861 г. во всемъ своемъ безчеловѣчномъ ужасѣ [16]) и дикомъ безобразіи.

---

[14]) Пытка юридически была уничтожена указомъ 27-го сентября 1801 г., „дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной". Но на дѣлѣ пытки существовали до самаго конца крѣпостнаго права. Помѣщики пытали своихъ людей и дѣвокъ, надѣвая имъ на шею желѣзныя рогатки, приковывая тяжелыми цѣпями къ стѣнѣ и засѣкая плетьми и розгами (см. н. с. Равинскаго).

[15]) Гуманныя вѣянія 60-хъ годовъ имѣли послѣдствіемъ не только отмѣну жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, но и общее смягченіе всѣхъ наказаній. Приведу одинъ примѣръ, заимствуя его у г. Ровинскаго. По Уложенію (изд. 1857 г.) порубка лѣса на самую незначительную сумму наказывалась лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и т. д.—По положенію же 19 февраля 1861 г., за порубки назначенъ штрафъ maximum до 5 руб. (см. Записку Ровинскаго въ т. XVI Дѣла о преобразов. судебн. ч. въ Россіи).

[16]) Говоря о времени господства кнута, г. Ровинскій пишетъ: не однихъ

Гуманному движенію и смягченію наказаній оказала громадное содѣйствіе и литература 60-хъ годовъ. Въ ряду литературныхъ вліяній исключительное мѣсто въ дѣлѣ проповѣди гуманности по отношенію «къ несчастнымъ» принадлежитъ извѣстному писателю Ѳ. М. Достоевскому, испытавшему на себѣ всѣ

только ребятъ въ школѣ били,—господа потчивали свою крѣпостную прислугу „березовой лапшей съ ременнымъ масломъ“, мужья били своихъ женъ для дѣтей, а дѣтей били „для людей“; мастера били учениковъ, хозяева рабочихъ; сѣкли дворянъ, сѣкли фрейленъ, били придворныхъ и все это по правилу, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, такъ что при этомъ повальномъ битьѣ въ родномъ языкѣ нашемъ выработалось особое свойство, по которому изъ каждаго существительнаго *боевой* глаголъ можно сдѣлать.—Ужъ я-те *отстаканю*, говоритъ половой мальчику, уронившему стаканъ. — *Нагорите-ка* Антошкѣ спину, говоритъ артельный староста.—Ну-тка *припонтійстимъ-ка* (отъ Понтійскаго Пилата!!) его, братцы, кричитъ артель на Волгѣ.

— Въ старину *учить и бить значило одно и то же*. Давно уже отмѣнено тѣлесное наказаніе, говоритъ г. Ровинскій, а боевой глаголъ все еще остался и не скоро, должно быть, выведется. Насъ тоже били, говоритъ иной, потому мы и въ люди вышли; какое безъ битья ученье,— безъ него ни отъ малаго, ни отъ стараго настоящаго толку *не добьешься*. Ну, какъ не проучить разсѣяннаго ученика, не задать ему хорошей встрепки, головомойки или подзатыльника, не вспрыснуть лѣниваго, не отхлестать или не отстегать за испорченную вещь; воришкѣ надо выколотить охоту воровать уже болѣе дѣйствительными мѣрами: высѣчь, отпороть, отодрать, — въ военномъ быту и крѣпостномъ за такую провинность «шкуру съ ногъ до головы сдирали». Въ домашнемъ быту тоже долго разговаривать нечего, за дѣло такъ и поучить надо: за святые волосы, да за бороду, за виски, да въ ухо, да въ усъ, да въ рыло, да бока пощупать. Ну, а незваннаго гостя какъ тычкомъ не выпроводить, какъ не накласть ему киселю, да не накостылять шею; и на Западѣ такого человѣка въ шею выгонятъ, а по нашему, по русски: если ужъ гнать, такъ его въ *три шеи*. Въ духовномъ вѣдомствѣ, кромѣ общеупотребительныхъ боевыхъ терминовъ, есть еще свои спеціальные: благословить, вздрючить, пришпандорить и взъефантулить. (См. н. с. Ровинскаго, V, 57, 58).—Въ бурсѣ встрѣчались еще выраженія:— взбутетенить, взъерепенить, застребушить.

— Въ т. VI н. с. Ровинскаго (стр. 335, 336) приводятся старинныя вирши изъ букварей. XVII, «Похвала розогъ», начинающіяся такъ:

Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ:
Розга убо мало здравію вредитъ.

ужасы каторжной работы, чуть ли и не до тѣлеснаго наказанія включительно. Его романъ «Записки изъ мертваго дома», печатавшійся въ 1861—1862 годахъ, подготовилъ почву для закона 17-го апрѣля, какъ *Записки Охотника* или *Хижина дяди Тома* для освобожденія отъ рабства. Передавая въ простыхъ, но поразительныхъ по правдивости и трогательности, очеркахъ, подробности ужасающей внѣшней обстановки «несчастныхъ» и симпатичныя черты внутренняго міра ихъ, Достоевскій умѣлъ показать наглядно, сколько добродушія, мягкости, воспріимчивости къ добру въ этихъ отверженныхъ, отброшенныхъ вонъ навсегда сухою фарисейскою моралью и безпощадною казенною юстиціею, у заклейменныхъ каторжниковъ, съ исполосованными спинами, бритыми головами, закованными въ кандалы, которыя не снимались даже во время агоніи умирающихъ.

Въ разсказѣ Достоевскаго болѣе всего поражала эта самодовольная, утвердившаяся вѣками, иногда рафинированная (такъ напр., безчеловѣчная т. н. *заволока* [17]) рутинная жестокость добраго стараго времени, часто безсмысленная, ненужная (такъ напр., въ больницахъ), и потому особенно возмутительная. Даже чахоточные дышали воздухомъ, отравленнымъ по ночамъ зловонными ушатами, даже они умирали въ кандалахъ! «Положимъ, писалъ Достоевскій, скажетъ кто нибудь, что арестантъ злодѣй и недостоинъ благодѣяній, но вѣдь неужели же усугублять наказаніе тому, кого уже и такъ коснулся перстъ Божій»?..

— Тоже вѣдь *мать* была, чуть слышно говоритъ старый служивый, убирая съ койки обнаженный, изсохшій трупъ въ однихъ кандалахъ.—Этотъ инстинктивный возгласъ служиваго да иногда ласковое обращеніе лѣкарей, вотъ единственные лучи свѣта и голоса человѣчности въ этомъ мрачномъ царствѣ узаконенной злобы и безпредѣльнаго ожесточенія. Но за то какъ дорожили этими крупицами человѣчности ссыльные! Достоевскій неоднократно указываетъ, какъ самые старые закоснѣлые каторжники откликались на доброе сочувствіе и «готовы были забыть цѣлыя муки за одно лас-

---

Тамъ же приводятся любопытные стихи извѣстнаго вора Ваньки Каина о томъ, какъ его безпрестанно пороли въ школѣ (337).

[17]) У Достоевскаго она описана съ такими ужасающими подробностями, что нельзя читать безъ содроганія. См. стр. 172 Записокъ изъ М. Д.

ковое слово». «Человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить, писалъ онъ, даже того, на которомъ давно уже потускнѣлъ образъ Божій. Съ этими-то «несчастными» и надо обращаться какъ нельзя болѣе по-человѣчески. Это *спасеніе* и радость ихъ».

Въ кроваво-яркихъ картинахъ, нарисованныхъ Достоевскимъ, быть можетъ было нѣкоторое преувеличеніе, но оно было необходимо, чтобы показать, какое развращающее дѣйствіе производитъ существованіе жестокихъ тѣлесныхъ наказаній на самихъ *исполнителей*, чтобы расшевелить очерствѣвшія высшія бюрократическія сферы и ожесточенное развращенное общество, которое само безсознательно несло на себѣ послѣдствія безчеловѣчнаго обращенія съ преступниками.

«*Есть люди, какъ тигры, жаждущіе лизнуть крови*, говоритъ Достоевскій, отмѣчая «звѣриныя» свойства человѣка. Кто испыталъ разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ такого же, какъ самъ, человѣка, такъ-же созданнаго, брата, по закону Христову; кто испыталъ власть и полную возможность унизить самымъ *высочайшимъ* униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ Божій, тотъ уже поневолѣ какъ-то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. *Тиранство есть привычка;* оно одарено развитіемъ, оно развивается наконецъ *въ болѣзнь*. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, *сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнутъ въ тиранѣ навсегда*, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянію, къ возрожденію становится для него уже почти невозможенъ. Къ тому-же примѣръ, возможность такого своеволія дѣйствуетъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, *уже само заражено въ своемъ основаніи*. Однимъ словомъ, *право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества*, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію».

Палачемъ гнушаются въ обществѣ, но не *палачемъ-джентльменомъ*, говоритъ Достоевскій, и въ рядѣ образовъ показываетъ до какого, по истинѣ, сатанинскаго озвѣренія можетъ довести человѣка постоянное обращеніе съ безправными людьми и опьяненіе кровью. Достаточно напомнить образъ выведеннаго Достоевскимъ молодаго 30-ти-лѣтняго поручика Жеребятникова «этого утонченнѣйшаго гастронома [18]) въ исполнительномъ искус-

---

[18]) Такіе поразительно-тонкіе аматеры розогъ встрѣчались, страшно вымолвить! и среди *воспитателей юношества*.

До какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходила «порка» въ учебныхъ заведеніяхъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ, когда дореформенная рутинная *ортодоксальная* педагогика руководилась девизомъ:

Розги—вѣтви съ древа знанья!
Наказанья—идеалъ!
Въ силу предковъ завѣщанья,
Родовой нашъ капиталъ—

можно видѣть изъ Воспоминаній Самчевскаго, напечатанныхъ въ маѣ 1894 г. въ *Кіевской Старинѣ*.

Въ числѣ педагоговъ, отмѣченныхъ Самчевскимъ, есть нѣкто Китченко,— (повидимому, тронутый маніякъ, въ родѣ Жеребятникова) бывшій въ 50-хъ годахъ сперва инспекторомъ черниговской, а потомъ директоромъ житомірской гимназіи.

Во время его инспекторства, сообщаетъ Самчевскій,— стоялъ стонъ и раздавались вопли во всѣхъ трехъ ученическихъ помѣщеніяхъ: въ зданіи гимназіи, пансіонѣ и въ общей квартирѣ. *Ежедневно* являлся Китченко въ 8 часовъ утра въ пансіонъ при гимназіи и здѣсь выслушивалъ докладъ воспитателей объ ученикахъ, которые подлежали, по ихъ мнѣнію, наказанію. Зная любовь Китченка къ истязаніямъ дѣтей, воспитатели не скупились и указывали (беру minimum) не менѣе двухъ учениковъ на отдѣленіе, которыхъ было 8, такъ какъ первые 4 класса имѣли по два отдѣленія. Эти несчастные тотчасъ Китченкомъ отзывались «внизъ къ Минѣ». Мина былъ сторожъ при карцерахъ, любимецъ Китченка «по хлесткости ударовъ»; на обязанности его лежало имѣть всегда огромный запасъ розогъ. Осмотрѣвъ пансіонъ, Китченко спускался внизъ къ Минѣ и здѣсь производилась жестокая экзекуція. Затѣмъ отбирались уже въ самой гимназіи ученики съ плохими отмѣтками и тоже посылались на экзекуцію.

Вопль и плачъ дѣтей оглашалъ все зданіе гимназіи. Безъ всякаго преувеличенія можно опредѣлить, сколько *ежедневно* учениковъ Китченко подвергалъ тѣлесному наказанію: въ 8 отдѣленіяхъ было по 4 урока;

ствѣ», изобрѣтавшаго разныя «штучки», чтобъ сколько нибудь расшевелить свою заплывшую жиромъ душу». Вотъ выводятъ арестанта, и Жеребятниковъ истязуетъ его такою «штучкою». Арестантъ молитъ о пощадѣ. Жеребятниковъ сначала сурово отклоняетъ, но затѣмъ кощунствуя надъ святымъ чувствомъ жалости, какъ бы сдается на «сиротскія слезы». Арестантъ об-

---

предположимъ, что только одинъ ученикъ въ отдѣленіи получалъ единицу, итого *34 ученика ежедневно наказывались розгами*. Наслаждавшись истязаніемъ дѣтей въ гимназіи, Китченко отправлялся въ общую ученическую квартиру; здѣсь повторялась та же исторія, что въ 8 час. утра въ пансіонѣ. Такихъ учениковъ общая квартира поставляла Китченку столько же, сколько и пансіонъ, —не менѣе 8 человѣкъ. Каждый день Китченко подвергалъ истязаніямъ не менѣе 50 учениковъ, многіе наказывались въ *день по два раза:* ранѣе разрисованные узоры не останавливали Китченка,—онъ на эти узоры наводилъ новыя краски.

Когда Пироговъ, будучи попечителемъ юго-западнаго округа, потребовалъ въ 1858—59 гг. свѣдѣній отъ гимназій о числѣ наказанныхъ розгами учениковъ, то, какъ сообщалось въ отчетѣ, напечатанномъ въ журналѣ «Мин. Народн. Просвѣщ.», оказалось, что въ каждой гимназіи наказанные считались десятками, а въ житомірской, гдѣ директорствовалъ Китченко, число сѣченыхъ перевѣсило многія сотни (болѣе 600). Эта цифра въ то время поразила всѣхъ; но, зная Китченка, можно съ увѣренностью сказать, что онъ умышленно утаилъ въ отчетѣ многія сотни, если не тысячи. Сѣченіе учениковъ для Китченко было *истиннымъ наслажденіемъ;* это его единственный трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія Китченко ровно ничего не дѣлалъ. Надо было только видѣть съ какимъ плотояднымъ выраженіемъ на лицѣ разговаривалъ Китченко съ новичкомъ, только-что поступившимъ въ гимназію. Рѣдко эти бѣдняжки и недѣлю проживали, не побывши въ лапахъ Китченка и Мины. Однажды поступилъ въ общую квартиру ученикъ 2-го класса Джогинъ, лѣтъ 12, розовый, кругленькій и красивый мальчикъ—кровь съ молокомъ и отлично выдержанный. Китченко придрался къ нему уже на третій день поступленія и такъ высѣкъ, что, когда наказанный явился обратно, лица на немъ не было; нѣсколько дней мальчикъ плакалъ съ утра до вечера, ночи не спалъ изъ страха. «Если мама узнаетъ, она непремѣнно умретъ»,— говорилъ товарищамъ Джогинъ. Всѣ успокаивали его, принимая участіе въ его горѣ. Послѣ этого случая Китченко такъ привязался къ Джогину, такъ сѣкъ его за всякую мелочь, что къ концу перваго года отъ Джогина осталась только тѣнь,—полнота и розовый цвѣтъ лица были съѣдены Китченкомъ. Когда въ началѣ іюня пріѣхала мать Джогина и увидѣла въ общей залѣ блѣднаго, замученнаго своего сына, съ нею сдѣлался обмо-

радованъ, обнадеженъ растроганъ. Начинается экзекуція шпицрутенами, и тутъ-то Жеребятниковъ бросаетъ маску: «катай его» кричитъ во все горло Жеребятниковъ.—«Жги его! Лупи—лупи! Обжигай. Еще ему, еще ему! Крѣпче сироту, крѣпче мошен-

---

рокъ; она такъ рыдала, глядя на него, что всѣ ученики прослезились. Это была такая сцена, которая на всю жизнь осталась въ памяти присутствовавшихъ; всѣ дѣти понимали и раздѣляли ужасъ и отчаяніе матери

И *никто* изъ родителей не жаловался на этого мучителя!

Послѣ описанныхъ дѣяній Китченка въ черниговской гимназіи невольно возникаетъ вопросъ, кто же былъ въ то время директоромъ и какъ послѣдній могъ допустить устройство Китченкомъ застѣнка въ помѣщеніи Мины, гдѣ ежедневно проливалась кровь дѣтей. Директоромъ въ Черниговѣ въ то время былъ извѣстный педагогъ Январій Михайловичъ Невѣровъ, впослѣдствіи попечитель кавказскаго учебнаго округа, умершій 27-го мая 1893 года. Чрезвычайно странное совпаденіе: съ одной стороны добрый, гуманный, ученый, идеально-честный директоръ (такъ говорятъ близко знавшіе Невѣрова), а съ другой—Китченко,—полнѣйшее воплощеніе звѣря, палача и оба они стоятъ во главѣ одного и того же воспитательнаго заведенія. Произволъ Китченка происходилъ потому, что гуманистъ Невѣровъ почти никогда не заглядывалъ въ гимназію, въ которой онъ былъ директоромъ. (*Новое Время* № 6542).—Нѣтъ, должно быть дѣло не въ томъ, что не заглядывалъ гуманистъ Невѣровъ, а въ томъ, что онъ далъ себя засосать старой педагогической рутинѣ, предъ которой спасовалъ,—не тѣмъ будь помянуть,—даже такой изъ ряда вонъ выдѣлявшійся гуманистъ и мыслитель, какъ Пироговъ первый выступавшій въ «Вопросахъ жизни» противъ старой педагогической муштровки и въ частности противъ розогъ. а впослѣдствіи, на практикѣ, заплатившій дань заманчивому оппортюнизму и примирившійся съ розгами, какъ бы, съ неизбѣжнымъ зломъ...

Какъ извѣстно и среди рутинеровъ самыми закоренѣлыми считаются педагоги. Это наблюденіе подтверждается исторіею борьбы съ школьною розгою. Съ тѣмъ же упрямствомъ, съ какимъ кіевскіе педагоги отстаиваютъ нынѣ повѣрочныя испытанія, или точнѣе безплодныя истязанія (старая даже, risibile dictu, отъ искать въ нихъ,...поэзію) въ концѣ 50-хъ годовъ грудью стали они за розгу. Знаменитый гонитель розогъ Н. И. Пироговъ вздумалъ, въ должности попечителя Кіевскаго учебнаго округа вывести изъ употребленія розгу, но, встрѣтивъ дружный отпоръ со стороны всего мѣстнаго педагогическаго міра, имѣлъ слабость сдѣлать уступку и вмѣсто отмѣны только «урегулировалъ» розгу, составивъ кодексъ педагогической порки. Считая по-прежнему розги вредными и съ нравственно-педагогической точки зрѣнія крайне вредными, Пироговъ уступая вліянію среды, призналъ, что розги въ школѣ можно будетъ отмѣ

ника! Сажай его, сажай». И солдаты лупятъ со всего розмаха, искры сыплятся изъ глазъ бѣдняка, онъ начинаетъ кричать, а Жеребятниковъ въ сатанинскомъ упоеніи бѣжитъ за нимъ по фронту и хохочетъ, хохочетъ, *заливается*, бока руками подпираетъ и отъ смѣха распрямиться не можетъ».—Другая «штучка» Жеребятникова заключалась въ томъ, что онъ въ видѣ снисхожденія дозволялъ не привязывать арестанта къ прикладу ружья.—«Арестантъ, что есть силы пускается бѣжать по «зеленой улицѣ», но разумѣется не пробѣгаетъ и пятнадцати рядовъ: палки, какъ барабанная дробь, какъ молнія разомъ вдругъ низвергаются на его спину, и бѣднякъ съ крикомъ упадаетъ, какъ подкошенный, какъ сраженный пулей. — Нѣтъ лучше уже по закону, — говоритъ онъ,—а Жеребятниковъ, который заранѣе зналъ всю эту штуку и что изъ нея выйдетъ, *хохочетъ*, *заливается*»... Ужели это человѣкъ, а не порожденье крокодила? И въ рукахъ такихъ звѣрей изверговъ была почти неограниченная власть!...

Не мудренно, что послѣ такихъ представителей la bête humaine, «образа звѣрска» (не даромъ у человѣка сохранились canines—клыки!), арестанты души не чаяли въ другомъ начальникѣ Смекаловѣ, который плѣнилъ ихъ своимъ добродушнымъ, хотя и отвратительнымъ, цинизмомъ предъ наказаніемъ розгами. Смекаловъ повторяя одну и ту же «штуку», заставлялъ арестанта читать «Отче нашъ», и когда лежавшій арестантъ на 4-мъ стихѣ доходилъ до словъ «*яко на небеси*», Смекаловъ воспламененный

нить тогда, когда онѣ будутъ изгнаны изъ семьи и вообще осуждены *нравами* общества. Такимъ образомъ, школѣ рекомендовалась стоять не во главѣ, а въ хвостѣ, въ дѣлѣ отмѣны розги, что́ само собою разумѣется, обезпечивало ей продолжительное и невозбранное господство. Пылкій, благородный молодой, но уже знаменитый критикъ Добролюбовъ, восходящее свѣтило *Современника*, въ статьѣ «Всероссійская иллюзія, разрушаемая розгами» напалъ на Пирогова, за эту непослѣдовательность или, по нынѣшней терминологіи, опортюнизмъ, который онъ считалъ тѣмъ болѣе вреднымъ, что общество относилось съ большимъ уваженіемъ, (между прочимъ, благодаря и прежней восторженной статьѣ Добролюбова) къ Пирогову. Почти вся „серьезная“ журналистика ополчилась за это честное мужество и разумную строгость на Добролюбова, какъ на «мальчишку»; онъ не остался въ долгу предъ серьезными педагогами, преданными розгѣ. (см. Сочиненія I, статью: Отъ дождя да въ воду).

кричалъ: «стой! и мигомъ съ вдохновеннымъ жестомъ, обращаясь къ солдату, поднявшему розгу, командовалъ: «*а ты ему поднеси*!» И Смекаловъ заливался хохотомъ. Этому омерзительному кощунству ухмылялся сѣкущій, свидѣтели, чуть-ли не ухмылялся, добавляетъ Достоевскій, самъ сѣкомый! (Соч. III, 181—3).

Невольно скажешь вмѣстѣ съ Плиніемъ: nihil homini est miserius aut superbius, и дѣйствительно, что можетъ быть и гаже и выше человѣка?!

II

Когда извѣстная мысль глубоко проникла въ общественное сознаніе, то за иниціативою къ ея исполненію дѣло не станетъ. Она и не заставила себя долго ждать.

Не прошло и мѣсяца со дня освобожденія крестьянъ, какъ вопросъ объ освобожденіи податныхъ классовъ отъ тѣлесныхъ наказаній получилъ оффиціальную постановку, благодаря просвѣщенной иниціативѣ [19]) кн. Н. А. Орлова, въ то время посланника въ Брюсселѣ. Въ концѣ марта 1861 года кн. Орловъ подалъ чрезъ кн. Горчакова Государю записку, въ которой настойчиво доказывалъ необходимость отмѣны жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Указывая на то, что императоры Александръ и Николай I положили конецъ многимъ истязаніямъ, отмѣнивъ «рванье ноздрей и кнутъ, гнусный памятникъ татарскаго владычества», Орловъ продолжаетъ такъ: тѣлесныя наказанія суть зло: въ *христіанскомъ*, *нравственномъ* и *общественномъ* от-

[19]) Для характеристики духа времени и нравовъ любопытенъ напечатанный въ 85 № газеты „Сѣверная Пчела“ за 1861 г. протестъ редактору „*Военнаго Сборника*“ отъ 106 офицеровъ противъ статьи, заключавшей защиту тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ (см. *Русс. Стар.* 1892 № 5, стр. 378). — Не лишенъ значенія въ смыслѣ характеристики настроенія въ военныхъ кругахъ и такой фактъ. Въ 69 № *С.-Петерб. Вѣдомостей* 1861 г. общество офицеровъ западнаго инженернаго округа просило редакторовъ газетъ быть посредниками между ними и студентами и увѣдомить: къ кому могутъ быть высланы деньги, собранныя офицерами по подпискѣ для вспомоществованія бѣднымъ студентамъ (см. тамъ же, стр. 378).

ношеніяхъ. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія. Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и по подобію Божію. Нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ въ одномъ храмѣ могутъ стоять два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ же проступокъ, но наказанные: одинъ легкимъ арестомъ, другой розгами. Въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть лицепріятій, и правосудіе верховной власти должно быть подобно правосудію Божію, то есть равнымъ для всѣхъ.

«Философы, юристы, государственные люди всѣхъ временъ,— говоритъ далѣе кн. Орловъ,—*единодушно* признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ: у насъ бьютъ всякаго, кто только *даетъ* себя бить (извощики, ямщики и т. д. — живое свидѣтельство нашихъ словъ). Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ развитію человѣческой личности. Отсюда прежде всего рождается скрытность и лицемѣріе. Поговорите съ незнакомымъ мужикомъ, мѣщаниномъ, съ солдатомъ, и увидите, какъ трудно узнать истинныя ихъ чувства и мысли. Простолюдинъ пристально смотритъ на васъ и, при малѣйшемъ несогласіи, безпокойно озирается, *оглядываясь побоевъ*. Писатель, геніально постигшій духъ русскаго народа (И. С. Тургеневъ), неоднократно говаривалъ мнѣ, что самый обыкновенный разговоръ двухъ крестьянъ между собою внезапно принимаетъ иной характеръ при появленіи человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ. Замѣчанія эти не относятся къ однимъ крѣпостнымъ, это признакъ общій, выражающій, сколь сословія, подверженныя побоямъ, недовѣрчиво смотрятъ на всѣ остальныя».

Переходя отъ плетей и отъ «варварскихъ наказаній, позорящихъ имя русскаго», къ розгамъ, кн. Орловъ разсуждаетъ: «многіе скажутъ, что русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ, съ коими сроднился вѣками. Подобнымъ *розголюбамъ* (курс. подл.) можно бы отвѣтить, что тѣлесныя наказанія принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіею. Тамъ же, гдѣ русскій человѣкъ развивался внѣ прямаго вліянія монголовъ и чиновниковъ, тамъ вовсе не было тѣлесныхъ наказа-

ній. На Дону, на Запорожьѣ, въ Сибири не было въ прежнее время ни кнута, ни плетей, ни розогъ. Въ настоящее время изъ человѣколюбія стараются уменьшать въ приговорахъ число ударовъ розгами. Этимъ не достигаютъ хорошихъ результатовъ. Розги не внушаютъ прежняго страха, а по прежнему унижаютъ достоинство человѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести. Нельзя не упомянуть, что у насъ существуетъ табель или прейсъ-курантъ проступковъ, съ показаніемъ цѣны ихъ ударами розогъ. За кражу трехъ рублей — столько-то ударовъ и т. п. Это верхъ изобрѣтательности русской бюрократіи» [20]). Въ концѣ записки генералъ-адъютантъ кн. Орловъ переходитъ къ военнымъ судамъ: «прогнаніе преступниковъ, по приговору военныхъ судовъ, сквозь строй шпицрутенами — есть такая же *квалифицированная смертная казнь*, какъ четвертованіе и колесованіе. При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія если не всѣмъ, то большей части полученныхъ

---

20) См. Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній 1—6.

— При составленіи этой записки кн. Орлову помогалъ совѣтами извѣстный своею гуманностью юристъ П. Н. Глѣбовъ, принимавшій дѣятельное участіе въ преобразованіяхъ по морскому вѣдомству, предпринятыхъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Въ 1855 г. состоялась отмѣна плетей для женщинъ. Дворовая женщина Анна Колоскова за покушеніе на убійство своей помѣщицы была присуждена къ каторгѣ на 20 лѣтъ и 75 ударамъ плетей. Задолго до окончанія экзекуціи, всего лишь послѣ 17 ударовъ, Колоскова почти замертво была взята въ больницу съ тѣмъ, чтобы по выздоровленіи дополучить остальное. За несчастную Колоскову, которая приходила въ ужасъ при одной мысли о повтореніи экзекуціи, заступилась сердобольная особа, членъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, Н. Б. Потемкина, предпринявшая ходатайство предъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. Ходатайство было уважено, и вскорѣ затѣмъ въ первые же дни новаго царствованія состоялся законъ 25 февраля 1855 г. объ освобожденіи слабосильныхъ преступниковъ отъ наказанія плетьми. Законъ, впрочемъ, казался настолько радикальнымъ, что не рѣшались опубликовать его.

— Замѣчательно, что на Кавказѣ женщины никогда не подвергались тѣлесному наказанію и оно формально было отмѣнено еще въ 1841 году (См. *Юрид. Вѣстн.* 1892 г., № 8, ст. Бинштока).

ударовъ. Сердце содрогается при мысли, что по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ идти по фронту, то его должно вести вдоль онаго, и если онъ испустилъ духъ, то его тѣло должно еще получить опредѣленное приговоромъ число ударовъ. На дѣлѣ, кажется, этого нынѣ не исполняютъ.

Солдатамъ давно стала отвратительна [21]) роль палачей, и при каждой экзекуціи начальство вынуждено повторять офицерамъ: господа, смотрите, чтобы люди были покрѣпче.—Между тѣмъ въ гвардіи шпицрутенъ часто только поверхностно касается преступника. Приближается, такъ заканчиваетъ кн. Орловъ свою записку,—тысячелѣтіе Россіи: крѣпостное право уничтожено, остается *дополнить* спасительное преобразованіе отмѣной тѣлесныхъ наказаній».

Записка кн. Орлова, заслушанная въ совѣтѣ министровъ, подъ предсѣдательствомъ Александра II, была передана къ руководству въ Комитетъ при II отдѣленіи Е. И. В. канцеляріи, составлявшей проектъ новаго военнаго устава о наказаніи.

Комитетъ предварительно потребовалъ отзывы военнаго и морскаго министерствъ. Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, соглашаясь на отмѣну шпицрутеновъ, стоялъ за сохраненіе розогъ до 300 ударовъ. За то самую горячую поддержку встрѣтила гуманная иниціатива кн. Орлова въ лицѣ генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича. Тѣлесныя наказанія,—писалъ онъ между прочимъ (см. ниже гл. XVII),—составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей. Тѣлесныя наказанія могутъ быть терпимы въ государствѣ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности обойтись безъ нихъ, и этою только необходимостью, при существовавшемъ у насъ крѣпостномъ правѣ, можетъ быть объяснена дѣйствующая у насъ

---

[21]) Въ числѣ доводовъ противъ тѣлесныхъ наказаній военный министръ, Д. А. Милютинъ, указывалъ на невозможность оставить на воинскихъ чинахъ столь тягостную и несовмѣстную съ званіемъ ихъ обязанность.

система тѣлесныхъ наказаній. Съ освобожденіемъ крестьян изъ-подъ личной зависимости помѣщиковъ необходимо принят другую систему; это необходимо въ чувствахъ человѣчества, именно: для предупрежденія *конечной порчи* нравственности, и и для обезпеченія спокойствія и общественнаго порядка в государствѣ. Въ сихъ видахъ надлежитъ стремиться къ отмѣн тѣлесныхъ наказаній, принимая нынѣ же безъ всякаго отлага тельства соотвѣтствующія мѣры». Переходя къ военному вѣдом ству, генералъ-адмиралъ разсуждалъ такъ: «ни жестокость тѣлес ныхъ наказаній, ни частое употребленіе розогъ не ведутъ к поддержанію дисциплины, а на противъ жестокость ихъ и часто употребленіе ихъ могутъ *ослабить силу военной дисциплины* Иная болѣе разумная система наказаній способна болѣе благо творно дѣйствовать на возвышеніе въ войскахъ духа нравствен ности (см. главу XIII) и на развитіе чувства сознательнаго долг о чемъ столь неослабно заботится правительство».

Комитетъ [22]) одобрилъ предположенія записки кн. Орлова между прочимъ высказалъ, что въ прежнее время, когда въ на казаніи правительство ошибочно видѣло только средство устра шенія, тѣлесныя наказанія были необходимы; нынѣ же при нается, что цѣлью наказанія должно быть не одно устрашеніе, тѣмъ менѣе истязанія преступника, а возможное исправлен его нравственности, которое не достигается однимъ отсчитыва ніемъ ему извѣстнаго числа ударовъ плетьми и розгами. Комитет ссылается также на то, что тѣлесныя наказанія не соотвѣт ствуютъ ни достоинству человѣка, ни духу времени, ни усп хамъ законодательства, ибо ожесточаютъ нравы, поражаютъ н наказываемомъ всякое чувство чести и устраняютъ возможнос исправленія. Приводятся далѣе на справку и статистическія данны удостовѣряющія, что съ отмѣною кнута въ 1845 г. число пр ступленій уменьшилось на 20%, а въ послѣдніе годы (1855-1858) также *уменьшалось* число преступниковъ, не смотря н что въ силу милостивыхъ манифестовъ 1855 и 1856 годов

[22]) Въ составъ его входили: предсѣдатель-сенаторъ Губе, члены: с наторъ Коппгеръ, представители разныхъ вѣдомствъ: Милевскій, Брун Поповъ, Плавскій, Александровъ, Философовъ, Глѣбовъ, Яневичъ-Янев скій, Перетцъ.

плети и клейменіе не примѣнялись. Кромѣ того комитетъ приводитъ оффиціальныя данныя, изъ которыхъ явствуетъ, что народъ вмѣсто отвращенія къ преступнику чувствуетъ отвращеніе къ истязанію его: на эшафотъ бросаютъ деньги, стараются подкупить палача, соглашаются даже жениться на наказываемыхъ преступницахъ, предполагая этимъ путемъ избавить ихъ отъ тѣлеснаго наказанія. Затѣмъ приводится тотъ фактъ, что въ послѣднее время невозможно было найти среди преступниковъ желающихъ идти въ палачи, не смотря на то, что по закону 27-го декабря 1833 года принятіе должности «заплечныхъ дѣлъ мастера» освобождали отъ ссылки въ Сибирь [23]).

III

Предположенія Комитета были разосланы на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями. Изъ поступившихъ 17 отзывовъ—15, въ томъ числѣ военный министръ Д. А. (нынѣ графъ) Милютинъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ, министръ внутрен. дѣлъ П. А. Валуевъ и шефъ жандармовъ кн. Вас. Ан. Долгоруковъ, мин. госуд. имущ. М. Н. Муравьевъ и друг.

[23]) Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что честь «реабилитаціи» званія палача была взята доблестнымъ мин. юстиціи, гр. Паниным, что доказывало, до какой степени былъ правъ Достоевскій, говоря о „палачахъ-джентльменахъ“.—Извѣстно, какой ужасъ и презрѣніе окружало въ народѣ званіе палача. „Палачъ хорошо знаетъ, писалъ Достоевскій, что онъ всеобщій отверженецъ, что суевѣрный страхъ всѣхъ встрѣчаетъ и провожаетъ его; даже *дѣти знаютъ*, что онъ „отказывается“ отъ отца и матери“. (Зап. изъ М. Д., 186). И вотъ то, что знали дѣти, то, что ясно было простому неизвращенному чувству необразованнаго народа, то было недоступно „нескладному видомъ, духомъ и дѣяніями“, какъ его называетъ Валуевъ (Русс. Стар. 1891. X, 141), безсердечному бюрократу-магнату гр. Панину, читавшему въ подлинникѣ Беккарію и ежедневно державшему въ рукѣ *Times*. Въ палачи, по его мнѣнію, неохотно шли даже преступники, вотъ почему: „заплечные мастера, писалъ онъ, находятся въ отдѣльномъ, непрерывномъ (?) заключеніи, и подобное одиночное всегда (??) содержаніе едва ли не *главная* (sic) причина отказа отъ должности палача“. (См. Мнѣніе гр. Панина въ и. Сводѣ, стр. 28).—Стало-быть стоило только отмѣнить quasi-одиночное заключеніе, и можно навербовать сколько угодно палачей, что и требовалось доказать... «палачамъ-джентельменамъ!»

были вполнѣ или отчасти отнеслись благопріятно къ проэкту Комитета полагавшаго немедленно отмѣнить жестокія наказанія и временно, впредь до устройства тюремъ, сохранить розги. Противъ заключеній Комитета высказались: государственный контролеръ Аненковъ, Высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій, и министръ юстиціи гр. Паниннъ [24]).

Доблестный союзникъ гр. Панина рьяный «кнутофилъ», по выраженію сенатора Ровинскаго,— упрямый злой рутинеръ [25]) Анненковъ слѣдующими мрачными красками рисовалъ ужасныя послѣдствія отмѣны тѣлесныхъ наказаній: «Въ настоящую минуту преобразованій всѣхъ основъ государственнаго быта, когда съ одной стороны власть помѣщика уничтожилась, а съ другой—власть общинная и мировыхъ посредниковъ еще не установилась, когда между тѣмъ вслѣдствіе политическихъ смутъ, нѣсколько западныхъ губерній объявлены въ военномъ положеніи и враги порядка стремятся самыми неистовыми воззваніями возмутить спокойствіе въ остальной части государства: *всякое измѣненіе* системы наказаній совершенно несвоевременно, *всякое заявленіе* по сему предмету намѣреній опасно и вредно, потому что возбужденные тѣмъ вопросы и толки могутъ еще болѣе ослабить страхъ наказанія, еще сильнѣе поколебать власть, и безъ того уже ослабленную (?), могутъ совершенно ее парализовать» (н. Сводъ стр. 21).

Со стороны вѣдомства православнаго исповѣданія поступила особая записка подъ заглавіемъ: «О тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія». Записка эта была составлена Высокопреосвященнымъ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, по приглашенію оберъ - прокурора святѣйшаго синода, гр. А. П. Толстаго, который, указывая на то, что «въ основаніе предполагаемыхъ мѣръ приводятся соображенія, по-

---

24) Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 21.

25) Такіе консерваторы, замѣчаетъ г. Ровинскій, порицавшіе всякое нововведеніе и похвалявшіе все старое изъ болѣзненнаго опасенія за нажитыя выгоды, извѣстны не только у насъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ, чуть ли не съ сотворенія міра (примѣч. 275, стр. 325 н. с. Ровинскаго, V; см. также примѣч. 36 главы II).

черпнутыя будто бы изъ христіанскаго ученія, считалъ весьма важнымъ разсмотрѣть *со строгостью* сіи соображенія, подносимыя на Высочайшее разсмотрѣніе, дабы обсудить, согласны ли они съ ученіемъ православной церкви и не заключается ли въ нихъ какихъ-либо произвольныхъ выводовъ». Съ своей стороны графъ Толстой добавлялъ, что хотя существо вопроса и не касается до духовнаго вѣдомства, но «трудно, кажется, согласиться съ мыслями, будто для предупрежденія конечной порчи народной нравственности и для обезпеченія порядка въ государствѣ необходимо отмѣнить тѣлесныя наказанія, будто они ослабляютъ силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами и поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія» [26]).

Въ запискѣ своей митрополитъ Филаретъ высказалъ слѣдующія характерныя соображенія, которыя приводимъ слово въ слово:

«I. Попеченіе о устройствѣ таковой системы наказаній, которая была бы направлена къ цѣли — исправлять виновныхъ и противодѣйствовать поползновеніямъ къ проступкамъ и преступленіямъ и которая бы съ тѣмъ вмѣстѣ умягчало правосудіе кротостію, коснувшись предѣловъ духовнаго вѣдомства, породило вопросъ, какое можетъ быть правильное возрѣніе на тѣлесныя наказанія со стороны христіанства? II. При разсмотрѣніи сего вопроса прежде всего надобно имѣть въ виду, что Христосъ Спаситель созидалъ *церковь, а не государство*. Силою внутренняго благодатнаго закона онъ благоустрояетъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка. Государство старается силою внѣшняго закона поставить въ порядокъ и охранить въ порядкѣ частную жизнь человѣка и общественную жизнь государства. III. И по сему государство не всегда можетъ слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства, а имѣетъ свои правила, не становясь чрезъ то недостойнымъ христіанства. Напримѣръ: христіанство говоритъ: хотящему судитися съ тобою и (посредствомъ неправды въ судѣ) ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу (Матѳ. V, 40). Но государство не можетъ сказать ограбленному: отдай грабителю и то, что еще не отнято у тебя. Съ такимъ правиломъ не могло бы устоять государство, въ которомъ есть и добрые, и злые. Оно по необходимости говоритъ ограбленному — иди въ судъ; по суду грабитель (хитрый или наглый) долженъ возвратить отнятое и быть обличенъ или наказанъ. IV. Вотъ изреченіе Христа Спасителя, касающееся наказаній, опредѣленныхъ въ законѣ Моисеевомъ: слышасте, яко речено бысть око за око

[26]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, т. V. М. 1877, стр. 128.

и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ: непротивитеся злу (Матѳ. V, 38, то есть по закону Моисееву выколовшій у другаго глазъ долженъ (наказанъ выколотіемъ глаза, выбившій зубъ—выбитіемъ зуба: но вы противоборствуйте дѣлающему вамъ зло, не воздавайте обидою за об терпите великодушно, предоставляйте Богу отмщеніе. И вотъ опять вило, которому не можетъ слѣдовать законодательство государствен Спаситель не кодексъ уголовный исправляетъ; не о томъ говоритъ, ч измѣнить родъ и степень наказанія; онъ преподаетъ духовный зак терпѣть и не домогаться наказанія за обиду. V. И такъ, вопросъ о требленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ ст въ сторонѣ отъ христіанства. Если государство можетъ отказаться сего рода наказанія, находя достаточнымъ болѣе кроткіе роды о христіанство *одобритъ сію кротость*. Если государство найдетъ неиз нымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребить тѣлесное наказаніе: *стіанство не осудитъ сей строгости*, только бы наказаніе было спр ливо и нечрезмѣрно. VI. Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесныя на нія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельз мать, чтобы Господь Богъ, чрезъ Моисея, узаконилъ тѣлесное нака виновному: числомъ четыредесятъ ранъ да наложатъ ему (Втор. XX съ тѣмъ, чтобы это разрушительно дѣйствовало на нравственность ев ского народа. VII. Полагаютъ, что тѣлесное наказаніе поражаетъ в казываемомъ всякое чувство чести. Въ силѣ сего возраженія против лесныхъ наказаній многое препятствуетъ убѣдиться. Преступникъ у въ себѣ чувство чести тогда, когда рѣшался на преступленіе. П щадить въ немъ сіе чувство во время наказанія. Тюремное заклю виновнаго менѣе ли поражаетъ въ немъ чувство, нежели тѣлесное заніе? Можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что вино изъ подъ розогъ съ *безчестіемъ* [27]), а изъ тюрьмы съ честью выхо

---

27) К. С. Аксаковъ, чуждый всякихъ либеральныхъ доктринъ и упречный съ точки зрѣнія православія, писалъ о тѣлесномъ наказ Что это такое за наказанье, столь оскорбляющее честь и достои однихъ сословій или лицъ и не оскорбляющее чести и достои другихъ лицъ? Здѣсь скрыта та мысль, что по закону не пр лагается ни чести, ни достоинства въ сословіяхъ, подвергнутых лесному наказанію. Тѣлесное наказаніе *или* можетъ быть допущен *всѣхъ*, *или вовсе* не можетъ быть допущено... Тѣлесное наказаніе возведеніе побоевъ въ законъ, есть *узаконеніе грубой силы*. Побои, и драка, могутъ быть признаны въ мірѣ, какъ случайность; но п возведенные въ *законъ*, становятся, будучи признаны въ общемъ значеньи, явленіемъ положительно *безнравственнымъ*, ибо этотъ вз ихъ оправдываетъ, утверждаетъ, здѣсь уже слышится, чувствуется ципъ. (Мнѣнія К. С. Аксакова—*День*, 1862 г., № 45). *Добровольно* лесное наказаніе. продолжаетъ тотъ же Аксаковъ. какъ бы ни был

Если какое сознаніе подавляетъ виновнаго, производитъ въ немъ упадокъ духа и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься къ исправленію, то это сознаніе сдѣланнаго преступленія, а не понесеннаго наказанія. Имѣющіе случай обращаться съ совѣстью такихъ людей замѣчаютъ иногда, что они чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унизительное наказаніе; симъ удовлетвореніемъ правосудію укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія и побуждаются къ исправленію. Прежде, когда тѣлесныя наказанія были суровѣе, пріѣзжающіе въ Сибирь со страхомъ встрѣчались съ людьми, имѣющими клеймо на лбу и не имѣющими ноздрей; но тамошніе увѣряли, что *это люди честные и достойные* полнаго довѣрія. *Видно тѣлесное наказаніе не препятствовало имъ изъ бездны преступленія возвыситься до совершенной честности.* Неизвѣстно, такъ ли теперь: *можетъ быть не бывшіе* подъ наказаніемъ не такой, какъ прежде, подаютъ примѣръ наказаннымъ. Надо возвратиться снова на христіанскую точку зрѣнія. Апостолы, претерпѣвъ отъ синедріона безвинно тѣлесное наказаніе, идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишися *безчестіе пріяти* (Дѣян. V, 41). Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: трижды палицами біенъ быхъ (2 Кор. XI, 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними. И такъ, по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе, само въ себѣ, *не безчестно,* а безчестно только преступленіе. Нѣкоторые полагали бы совсѣмъ уничтожить тѣлесныя наказанія и замѣнить ихъ тюремнымъ заключеніемъ. Для сего, при многолюдномъ городѣ, потребовалось бы построить и содержать *почти городъ тюремный* [28]). Для сего потребовались бы огромныя издержки, единовременныя и непрерывныя. Изъ какихъ суммъ? Изъ го-

---

бровольно, есть то же прямое проявленіе грубой силы. Добровольно принимаемые побои или тѣлесное наказаніе все остается проявленіемъ грубой силы, хотя бы принимались они не только добровольно, но и съ восторгомъ. Въ тѣлесномъ наказаніи грубая сила не средство, но *существо* наказанія. Это можетъ еще замѣтнѣе становиться при добровольности (тамъ же).

— Честную душу Салтыкова всегда возмущалъ видъ крестьянина, идущаго «собственными ногами» для полученія розогъ. Но ни что такъ не возмущало его, какъ безчеловѣчное требованіе помѣщиковъ, что бы избиваемый имѣлъ видъ «бодрый» и благодарилъ за «порку», какъ за ученье рискуя иначе попасть въ разрядъ неисправимыхъ (Сочин. II, 305).

[28]) Слова нѣтъ,—говоритъ нашъ извѣстный криминалистъ проф. Н. С. Таганцевъ,—выполненіе тѣлесныхъ наказаній просто: пришелъ, отсѣкся, ушелъ; для нихъ не нужно ни дорого стоющихъ тюремныхъ построекъ, ни сложной и хорошо подготовленной администраціи. Но едва ли можно серьезно говорить о «дешевизнѣ» этого наказанія; плохъ тотъ хозяинъ, который необходимый, но не произведенный расходъ, зачислитъ на дѣйствительный приходъ. См. «Лекціи по русск. угол. праву», стр. 1453, 1459.

сударственныхъ доходовъ. Откуда государственные доходы? Изъ нало- — говъ на народъ. И такъ, чтобы облегчить истинную или *мнимую* тягост[ь] виновныхъ, надобно положить новую тягость на невинныхъ. На сей слу — чай и христіанское, и просто человѣческое милосердіе можетъ ска — зать: хорошо миловать виновныхъ, но еще нужнѣе не отягощать не — винныхъ [29]). IX. Указано въ запискѣ противъ тѣлесныхъ наказа[ній] ній слѣдующее изреченіе: „Святители всѣхъ вѣроисповѣданій посто — янно защищали личность существа, созданнаго по образу и подоби[ю] Божію". Много указано свидѣтелей: жаль, что ни одинъ не наим[енован] нованъ, и не показано, хотя о нѣкоторыхъ, что именно говорятъ он[и]. Указаны даже и не существующіе. То, что мы называемъ Святит[ели] лями, въ нѣкоторыхъ исповѣданіяхъ и не признается, и не суще — ствуетъ. Изъ того, что Святители защищаютъ личность существ[а], созданнаго по образу и по подобію Божію, нельзя вывести никако[го] заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность суще — ства, созданнаго по образу Божію, *не значитъ защищать личность пре — ступника*. И что значитъ защищать личность человѣка? Не значитъ [ли] сдѣлать ее неприкосновенною? Но если можно сдѣлать личность вино — наго неприкосновенною для розогъ, можно ли сдѣлать личность всяка[го] виновнаго неприкосновенною для оковъ? Богодухновенные писатели [за] щищаютъ личность созданнаго по образу Божію не отъ тѣлеснаго на — казанія, а отъ порока и его послѣдствій. Ты побіеши его жезло[мъ]: душу же его избавиши отъ смерти (Прит. XXIII, 14). X. Есть мысл[и], блещущія нравственною красотою, такъ что въ нихъ, какъ въ солн[цѣ], не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно, хотя оно и есть. Тако[во] слѣдующее изреченіе: „законъ милосердія и кротости безусловно осу — ждаетъ всякія насильства и истязанія". Прекрасно, однако, если разс[мо]- трѣть внимательно, то въ семъ блистательномъ изреченіи найдется [нѣ]- которое пятно, т. е. нѣчто неистинное: нельзя осудить всякое насильст[во] безусловно. Если кто буйствуетъ неукротимо, то необходимо упот[ре]- бить насильство, чтобы связать его. Если надобно поймать и задерж[ати] преступника, вора, разбойника: онъ, конечно, не допуститъ сего доб[ро]- вольно, а надобно употребить насильство, чтобы его схватить и скова[ть]. Такимъ образомъ мысль блистательная, но не строго вѣрная, не о[бъ]- щаетъ надежныхъ заключеній въ отношеніи къ вопросу о наказаніяхъ. XI. Слышно (вѣс), что недавно въ Англіи разсматриваемъ былъ вопрос[ъ]

---

[29]) Если это и справедливо, что заключеніе причиняетъ матеріальн[ый] ущербъ себѣ преступникъ, замѣчаетъ проф. Кистяковскій, то не дол[жно] забывать, что увѣковѣченіе грубости посредствомъ удержанія тѣлесны[хъ] наказаній можетъ причинить большій, хотя и невидимый вредъ нравств[ен]- ности народной. Кому не извѣстно, что возвышеніе нравственнаго досто[ин]- ства человѣка есть лучшій рычагъ улучшенія экономическаго быта. См. „Элемент. учеб. угол. права", стр. 802.

уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ военномъ званіи и что тамошніе военоначальники подали голосъ сохранить оное, не опасаясь разрушить въ воинахъ чувство чести, особенно для нихъ важное, и даже признались, что безъ сего имъ трудно было бы сохранить дисциплину въ нижнихъ военныхъ чинахъ [30]). — Но слово уже выходитъ изъ предѣловъ предложеннаго вопроса. Время молчати» [31]).

Самою горячею защитою жестокихъ тѣлесныхъ наказаній ознаменовалъ себя извѣстный «антикъ» гр. Панинъ. Трудно сказать, чему слѣдуетъ приписать такой образъ мыслей министра юстиціи гр. Панина: его общеизвѣстной черствости, жестокости [32]), его безграничному презрѣнью къ «подлому» народу или благоговѣнію предъ существующею рутиною [33]), или всѣмъ этимъ свойствамъ вмѣстѣ взятымъ; но исторія даетъ тотъ назидательный фактъ, что въ то время, какъ представители самыхъ жестокихъ видовъ юстиціи—военной и морской,—отказывались отъ шпицрутеновъ и кошекъ, не стѣсняясь требованіями суровой дисциплины, представитель мирнаго гражданскаго вѣдомства считалъ невозможнымъ разстаться съ клейменіемъ, съ шпицрутенами, плетьми даже по отношенію къ женщинамъ. Съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній, по мнѣнію гр. Панина, установилась бы полная безнаказанность для народа. «Тѣлесное наказаніе,—писалъ онъ,—какъ самое физиче-

---

[30]) Нашимъ кнутофиламъ померещилось, пишетъ Д. А Ровинскій, что де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится. Всуе смятошася и вообще прорѣкоша, говоритъ онъ, дисциплина не пострадала, и въ доказательство приводитъ свидѣтельство враждебной Россіи англійской журналистики, отзывавшейся съ величайшею похвалою о дисциплинѣ и корректномъ поведеніи русскихъ солдатъ въ послѣднюю восточную войну. (См. Н. С. Ровинскаго, стр. 321). — Кромѣ того, назв. Сводъ отмѣчаетъ фактическую невѣрность указанія относительно Англіи и приводитъ справку изъ Морскаго Сборника (1861 г., № 1, стр. III, 171).

[31]) См. назв. Сводъ, стр. 21—25.

[32]) См. Характеристику безподобнаго графа Панина въ главѣ I, § 2. Добавлю для характеристики чувства справедливости у министра юстиціи. Недовольный статьею противъ судовъ, онъ требовалъ примѣрнаго наказанія цензора. Когда ему замѣтили, что «нужно сначала потребовать объясненія, гр. Панинъ изрекъ классическую фразу: *сначала наказать*, потомъ потребовать объясненія (см. Дневн. Никитенко, II, 290).

[33]) За все почти 30-лѣтнее завѣдываніе гр. Панинымъ судебнымъ вѣдомствомъ (1833—1862) не было произведено ни *одной* крупной реформы.

ски чувствительное, вполнѣ понятно простолюдину и, *не имѣя* (sic!) и потерявъ нравственное достоинство, преступникъ сознаетъ въ тѣлесномъ наказаніи чувствительное возмездіе за совершенное имъ злодѣяніе [34]). Въ народномъ понятіи тѣлесное наказаніе есть *единственное* наказаніе, возбуждающее страхъ, и отмѣна, разомъ, вовсе сего наказанія, въ грубыхъ понятіяхъ нѣкоторыхъ преступниковъ и ихъ среды, была бы равносильна *отмѣнѣ всѣхъ уголовныхъ* наказаній». Возражая противъ освобожденія женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія, гр. Панинъ разсуждалъ: что касается до нравственнаго посрамленія женщины при ея обнаженіи для наказаній, то женщины совершаютъ часто преступленія, обнаруживающія еще болѣе (?) разврата въ лицахъ, къ ихъ полу принадлежащихъ, чѣмъ въ мужчинахъ, или позволяютъ себѣ дѣйствія, явно свидѣтельствующія объ отсутствіи всякой стыдливости. Развивая свою богатую мысль, гр. Панинъ писалъ: «Любовникъ» (sic) засталъ любовницу въ объятіяхъ другаго, *голодный* воръ взялъ не кусокъ хлѣба или *копѣйку* [35]) на попойку, а все состояніе

[34]) Вѣдь только человѣкъ, испорченный до мозга костей, замѣчаетъ г. Ровинскій, видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія *исправительныя* мѣры, которыя не лучше смертной казни (см. н. с. Ровинскаго V, 329). — Проф. Бѣляевъ, считая необходимымъ уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній даже для рецидивистовъ-каторжниковъ писалъ: «Если каторжные рецидивисты неисправимы и ихъ наказываютъ только ради возмездія, въ такомъ случаѣ, говорилъ профессоръ, слѣдовало-бы указать на главную цѣль и прямо написать въ законѣ, что неисправимыхъ злодѣевъ, совершающихъ страшныя преступленія и въ ссылкѣ и въ каторгѣ, казнить смертью; тутъ церемониться нечего. А ежели есть хотя слабая надежда что злодѣи со временемъ покаятся, то нужно прибѣгать не къ шпицрутену и плетямъ, а къ чему нибудь другому. Пусть законъ вникнетъ въ бытъ ссыльныхъ и каторжныхъ и воспользуется имъ, чтобы наказывать между ними уличенныхъ во вторичныхъ преступленіяхъ, не прибѣгая ни къ шпицрутену, ни къ плетямъ, а лишая ихъ по мѣрѣ вины тѣхъ не многихъ благъ, которыми они пользуются въ своемъ обществѣ. Чѣмъ человѣчнѣе будете поступать съ преступниками, тѣмъ человѣчнѣе будутъ и они, и тѣмъ чувствительнѣе будетъ для нихъ всякое благоразумное, а не скотское наказаніе. (*День* 1862 г.).

[35]) А съ какою безпощадностью расправлялся гр. Панинъ и съ такими «голодными ворами», можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ концѣ

своего благодѣтеля—можно ли принять въ уваженіе, что въ нихъ не погасло чувство стыдливости (sic) [36]).

Соглашаясь на переносъ клейма [37]) съ лица на плечо и какъ бы сокрушаясь о невозможности возстановленія «рванія ноздрей, возбранявшаго преступнику навсегда возможность возвратиться въ общество», гр. Панинъ полагалъ *возстановить* по крайней мѣрѣ отмѣненное еще закономъ 10-го ноября 1858 г. бритье головы и въ концѣ концовъ настаивалъ на *сохраненіи и плетей, и шпицрутеновъ*.

Сопоставляя эти вопли «жестоковыйныхъ» консерваторовъ, «порицавшихъ всякое нововведеніе и похвалявшихъ все старое», съ ихъ предшественниками въ XVIII столѣтіи, сенаторъ Д. А. Ровинскій замѣчаетъ: «Кнутофилы 1861 г. точно такъ же, какъ ихъ собраты 1767 г. при отмѣнѣ вопили нестройнымъ хоромъ прежнюю пѣснь,– что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ, и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось,

50-хъ годовъ въ сенатѣ судился мальчишка лѣтъ 14, пойманный съ грубо поддѣланнымъ гривенникомъ въ булочной, въ то время, какъ онъ въ булочной покупалъ хлѣбъ. Сенатъ, въ силу закона, замѣнилъ мальчику 100 ударовъ плетьми — 100 ударами розогъ. Считая однако и это послѣднее наказаніе черезчуръ строгимъ и не имѣя права понизить его своею властью, сенатъ просилъ гр. Панина возбудить ходатайство предъ государемъ объ уменьшеніи числа розогъ до 50. Министръ юстиціи *не счелъ* возможнымъ дать ходъ ходатайству сената, признавъ, что замѣною плетей розгами и безъ того оказанъ преступнику избытокъ милосердія. Александръ II, случайно узнавшій объ участи мальчика, вовсе отмѣнилъ розги (см. записка сенатора Ф. деръ-Ховена въ т. XXVI, ч. 6, № 25 въ Дѣлѣ о преобразованіи судебной части въ Россіи).

[36]) См. назв. Сводъ, стр. 28.

[37]) Тамъ-же, 29 — 30. По двинской грамотѣ клейменіе татей имѣло смыслъ счета рецидива. Подсудимый съ однимъ клеймомъ судился за вторую кражу, съ двумя, какъ за третью и т. д. (см. статью проф. Бѣляевъ въ *Днѣ* 1862, № 52). Хорошо, что графъ Панинъ, презиравшій, какъ приличнo-солидному бюрократу „фельетонистовъ“, т. е. русскую печать, и читавшій аккуратно *Times*, какъ подобаетъ истому лорду даже на берегахъ Невы, не заглядывалъ ни въ *День*, ни въ Двинскую грамоту, а то навѣрное не преминулъ воспользоваться этимъ до-нельзя простымъ способомъ справки о судимости.

стороны признавалъ возможнымъ полную отмѣну розогъ на всѣхъ ступеняхъ, высказавъ, что кратковременный арестъ производитъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ розги (н. Сводъ, 74).

Самыя обстоятельныя и энергичныя возраженія противъ назначенія *розогъ* за маловажные проступки представилъ вышеупомянутый оберъ-прокуроръ Н. А. Буцковскій [44]), полагая, что онѣ не соотвѣтствуютъ ни одной изъ цѣлей правосудія. Сущность его соображеній сводится къ слѣдующему.

а) Во-первыхъ наказанія эти, доведенныя по духу нашего времени до незначительнаго числа ударовъ для людей, привыкшихъ къ грубому обращенію и побоямъ съ малолѣтства и обтерпѣвшихся въ суровой жизни, не составляютъ страданія, равнаго причененному злу, почему не могутъ служить ни достаточнымъ возмездіемъ за преступное дѣяніе, ни средствомъ для предупрежденія его. b) Во-вторыхъ, преступникъ, которому отсчитали извѣстное число ударовъ и отпустили на всѣ стороны, безъ надзора и безъ взысканія убытковъ, можетъ продолжать свой прежній образъ жизни, наводя страхъ на потерпѣвшаго. с) въ третьихъ, тѣлесныя наказанія убиваютъ достоинство человѣка, въ немъ *всякое чувство чести* [45]) и поддерживаютъ в

это розги, пощечины, и иныя подобныя манипуляціи, не рѣдко раздаваемыя безъ всякаго суда, по усмотрѣнію блюстителей благочинія. Отъ полицейскаго самовластья всего болѣе страдаетъ простой русскій человѣкъ. Пока не отнимется у полиціи право наказывать безъ суда, до тѣхъ поръ отмѣна наказаній по суду не принесетъ ожидаемой пользы, ибо простой народъ прежде всего приходитъ въ соприкосновеніе съ властью административною и деморализуется боболѣе всего самоуправствомъ полиціи. *(Декъ № 52)*. На языкѣ охранителей изъ „Гражданина“ такое самоуправство нынѣ именуется охраненіемъ престижа властной руки.

44) Въ Сводѣ мнѣній (стр. 90) помѣщенъ отзывъ одного помѣщика, который, предвосхищая взгляды современныхъ „розголюбовъ“, заявлялъ, что нужно сохранить розгу изъ уваженія... къ міровоззрѣнію народа, который считаетъ ее необходимою. Эксцентричный доводъ страннаго народолюбца предвосхищающаго умоначертаніе современныхъ торжествующихъ „гражданинъ“овъ, не удостоился даже и обсужденія.

45) Если въ обществѣ развито нравственное достоинство, — говоритъ извѣстный французскій юристъ Росси, — то оно изгонитъ сѣченаго изъ своей среды, и это послужитъ ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ изъ него врага общества на вѣки. Но

немъ то неуваженіе къ своей и чужой личности, которое такъ сильно внѣдрилось въ наши нравы при господствѣ крѣпостнаго права. По справедливому замѣчанію Бентама, бичъ въ рукахъ блюстителей общественнаго порядка есть лучшее доказательство жалкаго состоянія народа. Благодаря Бога и великаго Государя нашего теперь мы смѣло можемъ сказать,—замѣчаетъ Буцковскій,— что вступили на путь, на которомъ все болѣе и болѣе удаляемся отъ этой татарской расправы и неразлучно съ нею униженнаго состоянія народа. Конечно, великое благо уже то, что теперь удары бича не раздаются произвольно ни изъ рукъ помѣщиковъ, ни изъ рукъ полицейскихъ служителей, но нравственное возрожденіе народа не можетъ вполнѣ осуществиться, доколѣ будутъ существовать хотя не произвольныя, а опредѣляемыя правильно организованною судебною властью, однако не все-таки несообразныя съ достоинствомъ человѣческой личности наказанія. Неуваженіе къ своей и чужой личности, да это цѣлая бездна зла, неисчерпаемый источникъ самоуниженій и правонарушеній. Затѣмъ Буцковскій, устанавливая непосредственную связь между этимъ недостаткомъ и многими прискорбными явленіями общественной и семейной жизни (грубость, сладострастіе, торговые обманы и пр.), полагалъ, что въ числѣ другихъ факторовъ, имѣющихъ цѣлью поднятіе народной нравственности, будетъ имѣть серьезное значеніе и отмѣна унижающихъ тѣлесныхъ наказаній.

Протестуя противъ взгляда, рекомендующаго тѣлесныя наказанія, какъ наиболѣе дешевыя и наименѣе отражающіяся на семьѣ виновнаго, Буцковскій проектировалъ организацію правильныхъ общественныхъ работъ, которыя могли бы дать средства для содержанія осужденныхъ и для вознагражденія потерпѣвшихъ, и въ смыслѣ исправленія гораздо были бы цѣлесообразнѣе, нежели. розги.

подобная страна еще счастлива; хуже тамъ, гдѣ только-что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только *отряхнуться*, чтобы изгладить послѣдствія наказанія; это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости». См. у Таганцева, Лекціи, 1458.

стороны признавалъ возможнымъ полную отмѣну розогъ на всѣхъ ступеняхъ, высказавъ, что кратковременный арестъ производитъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ розги (н. Сводъ, 74).

Самыя обстоятельныя и энергичныя возраженія противъ назначенія *розогъ* за маловажные проступки представилъ вышеупомянутый оберъ-прокуроръ Н. А. Буцковскій [44]), полагая, что онѣ не соотвѣтствуютъ ни одной изъ цѣлей правосудія. Сущность его соображеній сводится къ слѣдующему.

а) Во-первыхъ наказанія эти, доведенныя по духу нашего времени до незначительнаго числа ударовъ для людей, привыкшихъ къ грубому обращенію и побоямъ съ малолѣтства и обтерпѣвшихся въ суровой жизни, не составляютъ страданія, равнаго причененному злу, почему не могутъ служить ни достаточнымъ возмездіемъ за преступное дѣяніе, ни средствомъ для предупрежденія его. b) Во-вторыхъ, преступникъ, которому отсчитали извѣстное число ударовъ и отпустили на всѣ стороны, безъ надзора и безъ взысканія убытковъ, можетъ продолжать свой прежній образъ жизни, наводя страхъ на потерпѣвшаго. с) въ третьихъ, тѣлесныя наказанія убиваютъ достоинство человѣка, въ немъ *всякое чувство чести* [45]) и поддерживаютъ въ

это розги, пощечины, и иныя подобныя манипуляціи, не рѣдко раздаваемыя безъ всякаго суда, по усмотрѣнію блюстителей благочинія. Отъ полицейскаго самовластья всего болѣе страдаетъ простой русскій человѣкъ. Пока не отнимется у полиціи право наказывать безъ суда, до тѣхъ поръ отмѣна наказаній по суду не принесетъ ожидаемой пользы, ибо простой народъ прежде всего приходитъ въ соприкосновеніе съ властью административною и деморализуется боболѣе всего самоуправствомъ полиціи. *(День № 52).* На языкѣ охранителей изъ „Гражданина“ такое самоуправство нынѣ именуется охраненіемъ престижа властной руки.

[44]) Въ Сводѣ мнѣній (стр. 90) помѣщенъ отзывъ одного помѣщика, который, предвосхищая взгляды современныхъ „розголюбовъ“, заявлялъ, что нужно сохранить розгу изъ уваженія... къ міровоззрѣнію народа, который считаетъ ее необходимою. Эксцентричный доводъ страннаго народолюбца предвосхищающаго умоначертаніе современныхъ торжествующихъ „гражданинъ“овъ, не удостоился даже и обсужденія.

[45]) Если въ обществѣ развито нравственное достоинство, — говоритъ извѣстный французскій юристъ Росси, — то оно изгонитъ сѣченаго изъ своей среды, и это послужитъ ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ изъ него врага общества на вѣки. Но

Нѣтъ то неуваженіе къ своей и чужой личности, которое такъ сильно внѣдрилось въ наши нравы при господствѣ крѣпостнаго права. По справедливому замѣчанію Бентама, бичъ въ рукахъ блюстителей общественнаго порядка есть лучшее доказательство жалкаго состоянія народа. Благодаря Бога и великаго Государя нашего теперь мы смѣло можемъ сказать,—замѣчаетъ Буцковскій, — что вступили на путь, на которомъ все болѣе и болѣе удаляемся отъ этой татарской расправы и неразлучно съ нею униженнаго состоянія народа. Конечно, великое благо уже то, что теперь удары бича не раздаются произвольно ни изъ рукъ помѣщиковъ, ни изъ рукъ полицейскихъ служителей, но нравственное возрожденіе народа не можетъ вполнѣ осуществиться, доколѣ будутъ существовать хотя не произвольныя, а опредѣляемыя правильно организованною судебною властью, однако же все-таки несообразныя съ достоинствомъ человѣческой личности наказанія. Неуваженіе къ своей и чужой личности, да это цѣлая бездна зла, неисчерпаемый источникъ самоуниженій и правонарушеній. Затѣмъ Буцковскій, устанавливая непосредственную связь между этимъ недостаткомъ и многими прискорбными явленіями общественной и семейной жизни (грубость, самодурство, торговые обманы и пр.), полагалъ, что въ числѣ другихъ факторовъ, имѣющихъ цѣлью поднятіе народной нравственности, будетъ имѣть серьезное значеніе и отмѣна унижающихъ тѣлесныхъ наказаній.

Протестуя противъ взгляда, рекомендующаго тѣлесныя наказанія, какъ наиболѣе дешевыя и наименѣе отражающіяся на семьѣ виновнаго, Буцковскій проектировалъ организацію правильныхъ общественныхъ работъ, которыя могли бы дать средства для содержанія осужденныхъ и для вознагражденія потерпѣвшихъ, и въ смыслѣ исправленія гораздо были бы цѣлесообразнѣе, нежели. розги.

подобная страна еще счастлива; хуже тамъ, гдѣ только-что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только *отряхнуться*, чтобы изгладить послѣдствія наказанія; это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости». См. у Таганцева, Лекціи, 1458.

V

Обсудивъ поступившія мнѣнія, комитетъ II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи составилъ проектъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, несмотря на сильное противодѣйствіе реакціонной партіи, которая старалась эксплоатировать въ свою пользу начавшееся въ 1863 г. политическое броженіе. Но, съ другой стороны, могучимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ этой реформы явился только-что назначенный на постъ военнаго министра генералъ-адъютантъ Д. А. Милютинъ.

При обсужденіи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ не только главнымъ, но *единственнымъ* [46]) защитникомъ плети и торговой казни выступилъ все тотъ же безподобный хранитель историческихъ традицій, «нескладный видомъ, идеями, дѣяніями», по выраженію Валуева,—свирѣпый министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ читая въ меморіи Государственнаго Совѣта сужденіе *одного члена*, этого Донъ-Кихота «раціональнаго дранья», не знаешь, право, чему больше дивиться—упрямству ли властнаго рутинера, охраняющаго какъ святыню всякую букву дѣйствующаго правила, узкости ли взгляда черстваго бюрократа, всю жизнь проведшаго среди занумерованныхъ бумагъ, или безсердечія злаго, жестокаго деспота, никакъ не могшаго сразу разстаться с плетьми. Чтобы сохранить драгоцѣнный грузъ отъ шторма не вѣсть откуда нахлынувшихъ нагилистическихъ, гуманныхъ вѣяній — гр. Панинъ соглашался выбросить половину груза на жертву «за виральнымъ идеямъ», лишь бы сохранить другую его половину = гр. Панинъ сталъ торговаться, находя возможнымъ допустить не полную отмѣну плети, а уменьшеніе числа ударовъ со ста на пятьдесятъ:

Immer langsam voran...

И то хорошо, сравнительно... съ звѣремъ Аракчеевымъ! Сравнительно съ гр. Аракчеевымъ, гр. Панинъ дѣлалъ еще одну уступку. «Преданный безъ лести», графъ Аркачеевъ требовалъ экзекуціи «сквозь тысячу двѣнадцать разъ *безъ медика*», «пре-

[46]) См. Меморію соед. департ. зак. и гражд. отъ 21 мая 1864 г., № 47

данный всею душею» графъ Панинъ, по добротѣ сердечной, былъ противъ «истязаній»:

Живя согласно съ строгою моралью,
Онъ никому не дѣлалъ въ жизни зла...

Онъ соглашался *на допущеніе медика* съ тѣмъ, чтобы торговая казнь приводилась въ исполненіе лишь по удостовѣренію врачей, что преступникъ не находится въ болѣзненномъ состояніи» (стр. 2 Меморіи). Но дѣлая эту уступку духу времени и человѣческой слабости, гр. Панинъ тѣмъ смѣлѣе сталъ на защиту, священнаго вѣками, позорнаго орудія мздовоздаянія, ссылаясь, между прочимъ, и на «воззрѣнія народа (вотъ до чего можетъ довести желаніе отстоять во что бы то ни стало излюбленную теорію братьевъ-криминалистовъ»,—даже до подлаго народа спустился трезгливый браминъ гр. Панинъ!), сохранившаго въ сердцѣ истины нашей вѣры и смотрящаго на наказанія, какъ на искупленіе грѣха и средство для успокоенія совѣсти».

Весьма любопытно возраженіе гр. Панина противъ мнѣнія, полагавшаго, что отмѣна плетей не грозитъ опасностью общественному порядку, такъ какъ съ отмѣною кнута не только не увеличилось, но уменьшилось число преступленій на 20%. Находя этотъ процентъ «незначительнымъ», гр. Панинъ считалъ нежелательнымъ ни общее смягченіе наказаній на половину, принятое Государственнымъ Совѣтомъ (стр. 10—11), ни въ частности отмѣну тѣлеснаго наказанія [47]) для женщинъ и смяг-

---

47) Еще со временъ Екатерининскаго Наказа (см. выше § 1) признавалось аксіомою, что всякое наказаніе *есть зло* и должно быть допускаемо лишь въ предѣлахъ, безусловно требуемыхъ общественною безопастностью. Всякій излишекъ, выходящій за предѣлы этой необходимости, несправедливость. По теоріи же гр. Панина, наказаніе—*благо* само по себѣ. Имъ можно отчасти пожертвовать, если ожидается развѣ ужъ очень значительное (выше 20%) уменьшеніе преступности. Если же уменьшеніе незначительное или даже вовсе оно не послѣдовало, то уменьшеніе наказанія *несправедливо*. По этой теоріи выходитъ, что если съ отмѣною смертной казни число убійствъ не только не уменьшилось значительно, а хоть просто не увеличилось—отмѣна была несправедлива!... Это ужъ какая-то стихійная кровожадность, свидѣтельствующая о *нецивилизованіи* первоначальныхъ дикихъ инстинктовъ, когда «у людей клыки»

ченіе наказаній, для престарѣлыхъ и слабосильныхъ престуі
ковъ, замѣною тяжкихъ наказаній менѣе тяжкими. Соглаша
на такую замѣну (каторжной работы вмѣсто рудниковъ въ
водахъ и вмѣсто арестантскихъ ротъ въ рабочемъ домѣ),
Панинъ предлагалъ ради *справедливости увеличить сроки
бот*ъ (стр. 7). Тутъ безсердечный кнутофилъ весь на-лицо, і
тупивъ во весь свой длинный ростъ («кто неба и ада досяга
по выраженію Тургенева) и представъ вполнѣ in naturali
Хорошо смягченіе... приводящее *къ усиленію* наказанія! Д
безстрастныя страницы оффиціальной Меморіи отчасти отража
слѣды того единодушнаго негодованія, которое должна была
звать это фарисейская гуманность. «Если, отвѣчали графу
нину его коллеги, чуждые всякихъ радикальныхъ увлече
(кн. Гагаринъ, Кочубей, баронъ Корфъ, Литке, Норовъ, Гофм
Толстой, Мухановъ), по слабости сложенія или силъ наказы
маго, признается нужнымъ тяжкія *невозможныя* для него раб
замѣнить менѣе тяжкими, то было бы несправедливо, *уравня
сивъ* такимъ образомъ самую тягость работъ съ силами нака
ваемаго, *усугублять* мѣру кары продолженіемъ срока» (стр.

17 апрѣля 1863 г., въ день рожденія покойнаго государя, б
подписанъ знаменитый указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказа
составляющій одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ ист
русскаго законодательства.

Главное содержаніе закона 17-го апрѣля сводится къ слѣ
щему: жесточайшія наказанія—шпицрутены или прогнаніе ск
строй для военнаго вѣдомства, кошки для морскаго и плети
лицъ гражданскаго вѣдомства — отмѣняются *вовсе*; отмѣня
также наложеніе клеймъ и штемпельныхъ знаковъ; лица ж
скаго пола, кромѣ ссыльныхъ, вовсе изъемлются отъ тѣ
наго наказанія, розги временно были сохранены. Таковы г.
ные пункты этого гуманнаго законодательнаго акта, истин

играли болѣе серьезную роль, чѣмъ теперь.—Замѣчательно, что тот
гр. Панинъ (стр. 3) съ сочувствіемъ отзывается объ отмѣнѣ жесто
наказаній въ минувшемъ столѣтіи. — Невольно вспомнишь указани
своеобразное устройство мыслительнаго аппарата гр. Панина, благо
которому посылки у него нерѣдко противорѣчили выводамъ (см.
Семенова, т. II, 672).

мотивы коего, вслѣдствіе необъяснимаго недоразумѣнія, попали не въ подлинный, указъ Правительствующему Сенату, а въ приказы по военному и морскому вѣдомствамъ. Въ указѣ правительствующему сенату, написанномъ самымъ сухимъ, казенно-шаблоннымъ языкомъ и къ удивленію почему-то вовсе не содержащемъ указаній на благородные мотивы, его вызвавшіе, такая радикальная мѣра, какъ отмѣна жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, мотивируется желаніемъ «*еще точнѣе (sic)* соразмѣрить кару оныхъ (наказаній) съ свойствомъ и степенью преступленія»—фраза, ничего не разъясняющая!—Гораздо больше имѣетъ значенія и смысла мотивъ помѣщенный въ означенныхъ выше приказахъ и мотивирующій указъ въ 17 апрѣля желаніемъ Государя Императора «явить новый примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи и *возвысить нравственный духъ нижнихъ чиновъ*».

Культурное значеніе указа 17-го апрѣля было громадно какъ для нашего уголовнаго права, такъ и вообще для огражденія развитія нравственнаго личности гражданина. Если въ высшихъ своихъ ступеняхъ тѣлесныя наказанія возмущали своею безчеловѣчною жестокостью по отношенію къ истязуемому публично преступнику, который, изнемогая, долженъ былъ идти сквозь строй или лежать на плахѣ съ изодранною шпицрутенами и плетьми въ клочья спиною на потѣху и порчу толпы—то въ низшихъ своихъ ступеняхъ оно до нельзя принижало личность гражданина, который рѣшительно ничѣмъ не былъ огражденъ отъ кулачной расправы и произвольнаго наказанія розгами со стороны административныхъ властей. Отмѣняя жестокія наказанія по суду, законодатель долженъ былъ озаботиться отмѣною «административной расправы», иначе реформа оставалась бумажною если не въ важнѣйшей своей, то въ самой обыденной части. Такъ и поступилъ законодатель. «Во избѣжаніе *своеручныхъ* расправъ, практикуемыхъ исполнительными властями», вышеупомянутый Комитетъ полагалъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ принять мѣры къ внушенію *начальствующихъ полицейскою частью*, что *собственноручные побои* будутъ подвергаться строгому преслѣдованію и наказанію. Въ видахъ обезпеченія болѣе строгаго преслѣдованія Комитетъ полагалъ, что «такія расправы слѣдуетъ передать на разсмотрѣніе

не начальствъ виновныхъ, а общихъ судовъ». Къ сожалѣнію предположенія Комитета въ этой послѣдней части не осуществились.

Можно ли въ настоящее время считать отмѣну тѣлесныхъ наказаній вполнѣ осуществившеюся? И да, и нѣтъ. Не даромъ на статистическомъ конгрессѣ, бывшемъ во Флоренціи въ 1881 г. изъ двухъ представителей Россіи, предъ изумленными иностранцами, одинъ утверждалъ, что тѣлесныя наказанія отмѣнены въ Россіи, а другой—что они существуютъ. Пожалуй, оба были правы. Какъ факультативная мѣра, розги еще фигурировали въ Уложеніи 1866 года [48]). Но съ новымъ изданіемъ въ 1886

---

[48]) Замѣчательно, что, оставивъ въ 1866 г. розги въ видѣ факультативной мѣры для общихъ судовъ, государственный совѣтъ изгналъ ихъ еще въ 1864 изъ мироваго суда, исходя, во 1-хъ, изъ того соображенія что для населенія, привыкшаго съ дѣтства къ розгамъ, она лишена всякой репрессивной силы, а, во 2-хъ, въ виду того, что тѣлесное наказаніе *„признано всѣми въ высшей степени позорнымъ и не соотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ нашего общества* и положительно вредными препятствуя смягченію нравовъ народа, которое служитъ еще болѣе вѣрною охраною общества, чѣмъ самая строгость уголовнаго преслѣдованія". (См. т. *LXIX* Дѣлъ о преобразов. суд. части въ Россіи. Журн. госуд. совѣта 30-го сентября 1864 г., стр. 7).—Кто бы повѣрилъ, что подъ этимъ гуманнымъ журналомъ 1864 г. стоитъ подпись завзятаго панегириста плети и розги гр. Панина?! —Мало того, когда въ 1865 году возникъ вопросъ объ освобожденіи ссыльныхъ женщинъ отъ тѣлесныхъ наказанія, гр. Панинъ сдѣлалъ удивительное сальто-мортале и поплылъ по либеральному теченію. „Мысль объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній всѣхъ рѣшительно женщинъ, *не исключая даже и ссыльныхъ* отъ *позорнаго* тѣлеснаго наказанія,—писалъ гр. Панинъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ,—заслуживаетъ полнаго сочувствія и уваженія въ дѣлѣ народнаго развитія и образованія,—продолжалъ онъ,—вопросъ этотъ такъ важенъ, что къ осуществленію означеннаго предположенія необходимо принять самыя рѣшительныя мѣры" (Суд. Газета 1892 года № 50). Но наши быстротечныя либеральныя вѣянія не долговѣчны, уже въ 1866 г. тотъ же госуд. совѣтъ, и въ томъ числѣ и гр. Панинъ оставили розгу при пересмотрѣ въ 1866 г. Улож. Замѣтимъ кстати, что приведенныя данныя сильно колеблютъ ходячее мнѣніе о гр. Панинѣ какъ о твердынѣ консерватизма. Вопреки мнѣнію Ю. Ѳ. Самарина (см. письмо Ю. Ѳ. Самарина въ н. с. Лероа-Болье, L'homme etc., 56), гр. Панинъ также счелъ въ 1864 г. нужнымъ заплатить, согласно своей гибкой морали, дань модному тогда оффиціальному либерализму.—Г. Лер

Уложенія—въ которомъ впервые показаны *отмѣненными* ст. 78, *80*, 81 и 82 Улож., разрѣшавшія до 1885 года судамъ, въ случаѣ явной невозможности подвергнуть заключенію въ рабочемъ и исправительномъ домахъ, тюрьмѣ или подъ арестомъ, замѣнять эти наказанія наказаніемъ розгами отъ трехъ до ста ударовъ,— тѣлесныя наказанія можно признать de jure *окончательно отмѣненными*, такъ что въ судебномъ порядкѣ теперь нельзя присуждать къ наказанію розгами.

Тѣлесныя наказанія въ видѣ розогъ остались въ военномъ вѣдомствѣ въ дисциплинарныхъ батальонахъ для штрафованныхъ, а также для сосланныхъ въ Сибирь въ каторжныя работы и на поселеніе. Въ случаѣ побѣга или совершенія новаго важнаго преступленія каторжные подвергаются наказанію *плетьми* и прикованію къ тѣлѣжкѣ на время отъ одного года и до трехъ лѣтъ. Но замѣчательно, что *плеть*, которая всего 30 лѣтъ тому назадъ была самымъ заурядным явленіемъ въ русской уголовной практикѣ и даже вызывала дифирамбы съ университетскихъ кафедръ, современному правосознанію кажется чѣмъ-то столь дикимъ и ужаснымъ, что, изъ боязни оскорбить общественную нравственность, приведеніе приговора о наказаніи плетьми, хотя бы и состоявшагося въ предѣлахъ Европейской Россіи, совершается обязательно въ Азіи, въ Сибири, и притомъ непублично (ст. 849 Устава о ссыльн. по прод. 1886 г.).

Въ совершенно иномъ положеніи находится родная розга. Она еще не считается способною оскорбить атмосферу и территорію цивилизованной Европы. Розга допускается по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ волостному суду [49]), и признается цѣлесообразнымъ

Болье отмѣчаетъ любопытные факты въ семьѣ гр. Панина: сынъ его былъ арестованъ за участіе въ революціонномъ движеніи 1861 года, а вдова его была сослана въ 1880 г. въ свое имѣніе за участіе въ революціонной пропагандѣ (ibidem, примѣч.).

[49]) Не лишена назидательности «исторія» розги. Редакціонная Коммиссія большинствомъ 12 голосовъ противъ 11 оставила ее для волостнаго суда, хотя въ средѣ ея были горячіе противники тѣлеснаго наказанія вообще. Коммиссія исходила частью изъ того соображенія, что вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ предметъ уголовнаго права и подлежитъ окончательному сужденію въ связи съ пересмотромъ Уложенія о наказаніяхъ, частью въ виду практическихъ затрудненій, могущихъ воз-

не задолго передъ тѣмъ Полож. о крест. 19 февраля 1861 г. [50]). Съ другой стороны, Комитетъ II Отдѣленія полагалъ, что уничтоженіе розогъ въ крестьянскомъ быту должно быть достигнуто не путемъ прямой отмѣны этого наказанія, а посредствомъ внушенія (кѣмъ?) обществамъ, что имъ полезнѣе употреблять провинившихся въ какую-нибудь работу, чѣмъ подвергать ихъ тѣлесному наказанію. Судя по существующей практикѣ волостныхъ судовъ въ теченіе истекшихъ 30 лѣтъ, нужно думать, что внушеніе дѣлалось недостаточно убѣдительно или оно парализовалось другими неблагопріятными явленіями [51]).

Совершенно особое мѣсто занимаютъ тѣлесныя наказанія, практикуемыя иногда высшими административными властями въ видѣ экзекуціи во время народныхъ волненій или даже въ видахъ предупрежденія ихъ. Такія экстраординарныя расправы не имѣютъ подъ собою никакой легальной почвы. Но и съ точки цѣлесообразности польза подобныхъ произвольныхъ мѣръ не выдерживаетъ критики. Самый главный аргументъ, который приводили защитники тѣлеснаго наказанія, сводился къ тому, что оно

— Впослѣдствіи раздѣлъ Уложенія, столь огорчавшій г. Панина, дѣйствительно состоялся, а именно, былъ составленъ въ 1864 г. Уст. о наказ., нал. мир. суд., какъ одинъ изъ отдѣловъ Судебныхъ Уставовъ, и замѣчательно, что тотъ же самый гр. Панинъ, о, altitudo!—отвергъ рѣшительно, вмѣстѣ съ большинствомъ членовъ государственнаго совѣта, введеніе розги въ мировомъ судѣ по вышеуказаннымъ соображеніямъ (см. примѣч. 48).

50) См. т. LXIX Дѣла о преобраз. суд. части, ст. 6.

51) Говоря объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, г. Ровинскій указываетъ, что въ другихъ сферахъ розги дѣйствуютъ попрежнему; впрочемъ, не далеко то время, когда съ уничтоженіемъ *личной подати* (курс. подл.) съ татарскою *круговою порукою* (id.) перестанутъ дѣйствовать и административныя розги (это оптимистическое ожиданіе, высказанное въ 1881 г., къ сожалѣнію, практикою и законодательствомъ—законоположеніемъ 12 іюня 1889 г.,—было опровергнуто); а то курьозно смотрѣть, говоритъ онъ, какъ на судѣ какой нибудь „адвокатъ“ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему „кліенту“ мѣсяцъ-другой ареста, а за стѣнами суда распорядительному становому тому же кліенту за податную недоимку ни по чемъ *сотни три соленыхъ* розогъ *всыпать*, только не самъ, а *«по приговору общества или волостныхъ судей»*, которые о такомъ приговорѣ только черезъ годъ узнаютъ (см. и. с. Ровинскаго, V, 324, примѣч. 273).

изводитъ устрашающее дѣйствіе на народъ. Но и этотъ сомнительный доводъ могъ имѣть значеніе только относительно тягчайшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія—шпицрутеновъ, кнута и плети, а никакъ не относительно розогъ, которыми трудно терроризовать народъ. А если возстановленіе торговой казни кнутомъ и плетьми немыслимо въ наше время, то не лучше ли казаться и отъ розогъ, употребленіе коихъ никогда не могутъ предупредить безпорядки, гдѣ бы то ни было.

VI

Нужно думать, что недалеко время, когда исчезнетъ это наслѣдіе крѣпостнаго права, эти послѣдніе жалкіе остатки тѣлеснаго наказанія, въ спасительность которыхъ иные, по старой традиціи, еще вѣрятъ или хотѣли бы вѣрить. 30-лѣтній опытъ нашъ собственный и почти вѣковой иныхъ европейскихъ законодательствъ ясно свидѣтельствуетъ, что, вопреки опасенію «*мутофиловъ*» консервативнаго лагеря, *пророчившихъ анархію отмѣною* этого освященнаго божескими и человѣческими законами орудія мздовоздаянія, не только *не распадается общество*, не расшатывается дисциплина и не водворяется анархія, не падаетъ общая преступность, и уменьшается звѣрскій характеръ преступленій. Прожитое Россіею безъ тѣлеснаго наказанія время служитъ новымъ доводомъ въ пользу того, какъ нерѣдко бываютъ правы застывшіе въ унаслѣдованныхъ традиціяхъ мнительные люди, готовые возстать противъ всякой гуманной и прогрессивной мѣры подъ предлогомъ преждевременности ея и неприготовленности среды. Истекшее тридцатилѣтіе показываетъ, что едва ли ошибались тѣ, которые, вопреки совѣту мудрыхъ и искушенныхъ рутинеровъ, съ юношескою вѣрою въ силу добра и добрые инстинкты русскаго народа, съ благородною отвагою дерзнули разглядѣть во вчерашнемъ рабѣ нравственное обличье и человѣческое достоинство и признать его достойнымъ дарованныхъ ему правъ и реформъ.

Кто же въ самомъ дѣлѣ оказался правъ? Тѣ ли, которые вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ, привыкшимъ съ гадливымъ высокомѣріемъ относиться къ плебеямъ, утверждали, что русскій на-

институтомъ для выколачиванія недоимокъ. Область ея примѣненія широка и безконтрольна. При отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія

накнуть при замѣнѣ розогъ штрафомъ или тюрьмою. Съ назначеніемъ гр. Панина, представителя самой тупой рутины, на должность предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи шансы розги поднялись.—Въ книгѣ г. Семенова находимъ слѣдующій поучительный діалогъ, происходившій въ засѣданіи Редакціонной Коммиссіи 2-го августа 1860 г. между гр. Паниным и Я. А. Соловьевымъ.

Панинъ. Теперь перейдемъ къ *тѣлесному наказанію*, изъ этого (чего?) легче выйти. Правительство старается о томъ, чтобъ его избѣгать. Изъяті для должностныхъ лицъ изъ крестьянъ оно имѣетъ въ виду. Относительно образованныхъ людей—всѣ къ тому стремятся. Теперь, гдѣ и для какихъ случаевъ должно опредѣлить тѣлесное наказаніе—это легко. Напримѣръ, побилъ кого-нибудь, надо примѣнить тѣлесное наказаніе к грубому человѣку. Воровство — это дѣяніе посрамительное. Для вор пойти въ тюрьму ничего не значитъ. Если бы мы заявили это, Главный Комитетъ, можетъ быть, и принялъ бы это. За побои для того, который не изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія, если онъ не должностное лицо, такое наказаніе не только будетъ соотвѣтствовать общему чувству справедливости, но будетъ и полезно. На счетъ *дѣтей*, освобожденіе ихъ отъ тѣлеснаго наказанія я не сочувствую. Въ деревняхъ они часто воруютъ. Тѣлесное наказаніе будетъ для нихъ *благодѣяніемъ*. Почем ихъ не высѣчь? На счетъ женщинъ—иная дерется,—тѣхъ, которыя воруютъ и бьютъ другихъ, слѣдуетъ тоже, мнѣ кажется, сѣчь.

Соловьевъ (графу Панину). Я именно признаю, ваше сіятельство, что тѣлесныя наказанія *безчеловѣчны*. Штрафъ дѣйствительнѣе розогъ. Я подавалъ голосъ противъ тѣлеснаго наказанія. Я видѣлъ именно у государственныхъ крестьянъ, какъ розги не достигаютъ цѣли. Я думаю, что это наказаніе развращаетъ и унижаетъ.

Графъ *Панинъ*. Надо говорить обо всемъ съ большою точностью. Если наказаніе справедливо, то оно не развращаетъ.

Соловьевъ. Наказанный такимъ способомъ теряетъ именно самолюбіе.

Графъ *Панинъ*. Хорошо; но человѣкъ не потерялъ ли самолюбія, когда онъ укралъ? Тутъ надо теоріи оставить; есть цѣлыя деревни, которыя воруютъ. Ужъ примѣръ наказанія удерживаетъ.

Соловьевъ. Едва ли несправедливо то, что дворянство, когда для него было отмѣнено тѣлесное наказаніе, было столько же къ тому не приготовлено, сколько нынѣ крестьянство.

Графъ *Панинъ*. Къ сожалѣнію, это несправедливо (?). Посмотрите исторію—герои носили слѣды (sic) этого наказанія.

Соловьевъ. Но именно отмѣна наказанія возвысила дворянское сословіе.

Графъ *Панинъ*. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, взгляните на западъ Европы. Развѣ въ иностранныхъ государствахъ воры перестаютъ воро-

въ 1863 г. розга была сохранена, главнымъ образомъ, въ силу того соображенія, что нежелательно было колебать изданное

зать отъ того, что ихъ тѣлесно не наказываютъ? Эти вопросы рѣшаются съ практической точки зрѣнія.

Соловьевъ. Денежный штрафъ и заработокъ дѣйствительнѣе.

Графъ *Панинъ.* Но заработки у насъ не въ привычкѣ.—

3-го августа снова вернулись къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи, при чемъ гр. Панинъ настоялъ на *сохраненіи* тѣлеснаго наказанія для женщинъ.

Графъ *Панинъ.* Вотъ теперь угодно вамъ или не угодно включить сюда, что тѣлесное наказаніе постановляется за воровство. Я настаивать на этомъ не буду. Оно соотвѣтствовало бы желанію, вами выраженному, облагородить крестьянъ.

Послѣдовало общее молчаніе.

Графъ *Панинъ.* Я вижу, это не находитъ общаго сочувствія.

Милютинъ. Это не то, что не находитъ. Наша аргументація касательно невозможности отмѣны тѣлеснаго наказанія выходила изъ того, что оно стоитъ по Уложенію въ соразмѣрности съ другими наказаніями для лицъ другихъ податныхъ сословій, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Мы это оттолкнули, такъ сказать, отъ себя. Мы считали, что занимаемся спеціально крестьянскимъ дѣломъ. Я думаю, противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній вообще *никто* между нами возражать не будетъ; но мы пришли къ тому заключенію, что Уложеніе о наказаніяхъ простому крестьянину будетъ непонятно, и, не предполагая измѣнять кодекса существующихъ постановленій, изложили ихъ въ нашемъ Положеніи.

Поповъ (чинов. II отд.). Я долженъ замѣтить, что трудно мужикамъ ссылаться на Уложеніе, гдѣ наказанія уголовныя и судебно-полицейскія перемѣшаны, и поэтому второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи имѣетъ въ виду раздѣлить Уложеніе, по характеру наказаній, на двѣ части и издать каждую изъ нихъ особо.

Графъ *Панинъ.* Я не могу не предоставить удовольствія второму отдѣленію написать вновь какихъ-нибудь 400 статей, потомъ раздѣлить ихъ на два отдѣленія; равнымъ образомъ, я, пожалуй, уступаю желанію состоящихъ во второмъ отдѣленіи много писать, какъ и вашему много (sic) возражать, но далѣе я просилъ бы въ примѣчаніи къ 62-й статьѣ устранить изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній для женщинъ, потому что при всемъ уваженіи къ полу, есть женщины, которыя бьютъ другихъ. О женщинахъ былъ у насъ уголовный случай—этотъ примѣръ у меня въ глазахъ, что *жена разрубила своего мужа за то*, что онъ требовалъ отъ нея удовлетворенія супружескихъ желаній; тутъ въ дѣлѣ было, вѣроятно, не досказано, что она имѣла любовника.

Это замѣчаніе предсѣдателя такъ подѣйствовало, что женщины были отстранены отъ привилегіи быть освобожденными отъ тѣлеснаго наказанія. См. н. с. Семенова, ч. 2, т. III, ст. 128, 190.

не задолго передъ тѣмъ Полож. о крест. 19 февраля 1861 г. [50]). Съ другой стороны, Комитетъ II Отдѣленія полагалъ, что уничтоженіе розогъ въ крестьянскомъ быту должно быть достигнуто не путемъ прямой отмѣны этого наказанія, а посредствомъ внушенія (кѣмъ?) обществамъ, что имъ полезнѣе употреблять провинившихся въ какую-нибудь работу, чѣмъ подвергать ихъ тѣлесному наказанію. Судя по существующей практикѣ волостныхъ судовъ въ теченіе истекшихъ 30 лѣтъ, нужно думать, что внушеніе дѣлалось недостаточно убѣдительно или оно парализовалось другими неблагопріятными явленіями [51]).

Совершенно особое мѣсто занимаютъ тѣлесныя наказанія, практикуемыя иногда высшими административными властями въ видѣ экзекуціи во время народныхъ волненій или даже въ видахъ предупрежденія ихъ. Такія экстраординарныя расправы не имѣютъ подъ собою никакой легальной почвы. Но и съ точки цѣлесообразности польза подобныхъ произвольныхъ мѣръ не выдерживаетъ критики. Самый главный аргументъ, который приводили защитники тѣлеснаго наказанія, сводился къ тому, что оно

— Впослѣдствіи раздѣлъ Уложенія, столь огорчавшій г. Панина, дѣйствительно состоялся, а именно, былъ составленъ въ 1864 г. Уст. о наказ., нал. мир. суд., какъ одинъ изъ отдѣловъ Судебныхъ Уставовъ, и замѣчательно, что тотъ же самый гр. Панинъ, о, altitudo!—отвергъ рѣшительно, вмѣстѣ съ большинствомъ членовъ государственнаго совѣта, введеніе розги въ мировомъ судѣ по вышеуказаннымъ соображеніямъ (см. примѣч. 48).

[50]) См. т. LXIX Дѣла о преобраз. суд. части, ст. 6.

[51]) Говоря объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, г. Ровинскій указываетъ, что въ другихъ сферахъ розги дѣйствуютъ попрежнему; впрочемъ, не далеко то время, когда съ уничтоженіемъ *личной подати* (курс. подл.) съ татарскою *круговою порукою* (id.) перестанутъ дѣйствовать и административныя розги (это оптимистическое ожиданіе, высказанное въ 1881 г., къ сожалѣнію, практикою и законодательствомъ—законоположеніемъ 12 іюня 1889 г.,—было опровергнуто); а то курьозно смотрѣть, говоритъ онъ, какъ на судѣ какой нибудь „абдакатъ“ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему „кліенту“ мѣсяцъ-другой ареста, а за стѣнами суда распорядительному становому тому же кліенту за податную недоимку ни по чемъ *сотни три соленыхъ* розогъ *всыпать*, только не самъ, а *«по приговору общества или волостныхъ судей»*, которые о такомъ приговорѣ только черезъ годъ узнаютъ (см. с. Ровинскаго, V, 324, примѣч. 273).

производитъ устрашающее дѣйствіе на народъ. Но и этотъ сомнительный доводъ могъ имѣть значеніе только относительно тягчайшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія—шпицрутеновъ, кнута и плетей, а никакъ не относительно розогъ, которыми трудно терроризовать народъ. А если возстановленіе торговой казни кнутомъ и плетьми немыслимо въ наше время, то не лучше ли отказаться и отъ розогъ, употребленіе коихъ никогда не можетъ предупредить безпорядки, гдѣ бы то ни было.

VI

Нужно думать, что недалеко время, когда исчезнетъ это наслѣдіе крѣпостнаго права, эти послѣдніе жалкіе остатки тѣлеснаго наказанія, въ спасительность которыхъ иные, по старой традиціи, еще вѣрятъ или хотѣли бы вѣрить. 30-лѣтній опытъ нашъ собственный и почти вѣковой иныхъ европейскихъ законодательствъ ясно свидѣтельствуетъ, что, вопреки опасенію «*кнутофиловъ*» консервативнаго лагеря, *пророчившихъ анархію съ отмѣною* этого освященнаго божескими и человѣческими законами орудія мздовоздаянія, не только *не распадается общество*, не расшатывается дисциплина и не водворяется анархія, а падаетъ общая преступность, и уменьшается звѣрскій характеръ преступленій. Прожитое Россіею безъ тѣлеснаго наказанія время служитъ новымъ доводомъ въ пользу того, какъ рѣдко бываютъ правы застывшіе въ унаслѣдованныхъ традиціяхъ мнительные люди, готовые возстать противъ всякой гуманной и прогрессивной мѣры подъ предлогомъ преждевременности ея и неприготовленности среды. Истекшее тридцатилѣтіе показываетъ, что едва ли ошибались тѣ, которые, вопреки совѣту мудрыхъ и искушенныхъ рутинеровъ, съ юношескою вѣрою въ силу добра и добрые инстинкты русскаго народа, съ благородною отвагою дерзнули разглядѣть во вчерашнемъ рабѣ нравственное обличье и человѣческое достоинство и признать его достойнымъ дарованныхъ ему правъ и реформъ.

Кто же въ самомъ дѣлѣ оказался правъ? Тѣ ли, которые вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ, привыкшимъ съ гадливымъ высокомѣріемъ относиться къ плебеямъ, утверждали, что русскій на-

родъ такъ грубъ, неразвитъ, и незрѣлъ [52]), что не можетъ обойтись безъ плетей и шпицрутеновъ, или же тѣ, которые высказывали убѣжденіе, что гуманныя реформы всегда благовременны [53]). такъ какъ трудно допустить, чтобы люди были когда либо при-

---

[52]) У этихъ людей (противниковъ рѣшительныхъ реформъ), писалъ М. Н Катковъ въ 1860 г., всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа, негодность породы и т. п. (см. Русск. Вѣстн. 1860 г., № 2).

[53]) Вопреки воззрѣніямъ нынѣшнихъ (1891 г.) „друзей народа", увѣряющихъ, что его нужно пороть во имя уваженія къ народному міровоззрѣнію, Я. И. Ростовцевъ разсуждалъ иначе: „Нѣкоторые говорятъ писалъ онъ въ 1859 г., что русскій мужикъ *любитъ* розгу: точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли его отъ нея отучать. Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы". См. н. с. Семенова I, 97. Еще въ 1858 г. Ростовцевъ находясь въ качествѣ только обращеннаго сыномъ своимъ на смертномъ одрѣ, прозелита-либерала въ апогеѣ гуманныхъ увлеченій писалъ Государю изъ-за границы: „о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ поминать: это будетъ *пятно* для освобожденія (см. назв. Мат. исторіи упразд. крѣп. права, I, 390). Къ сожалѣнію, Редакціонная Комиссія „запятнала" освободительный актъ 19-го февраля. Во имя начала suum cuique приводимъ имена виновныхъ, въ числѣ которыхъ встрѣчается не только кн. Черкасскій, завзятый „розголюбъ", но неожиданно и Самаринъ съ Милютинымъ.

— Въ составѣ редакціонной комиссіи были:

За сѣченіе.	*Противъ сѣченія.*
Кн. Черкасскій.	Гирсъ.
Самаринъ.	Соловьевъ.
Милютинъ.	Домонтовичъ.
Галаганъ.	Бунге.
Семеновъ.	Арапетовъ.
Семеновъ 2.	Кн. Голицынъ.
Булгаковъ.	Любощинскій.
Татариновъ.	Заблоцкій.
Гродянко.	Кульчинъ.
Залѣсскій.	Калачевъ.
Желѣзновъ.	Булыгинъ.

Это голосованіе удивило многихъ, особенно голоса „за сѣченіе" Милютина и Самарина „Конечно, ни Константинъ, ни я (см. выше прим. 2) писалъ въ 1860 г. И. С. Аксаковъ, не подписались бы за сѣченіе, вовсе не изъ трусости. Какихъ бы не вымышлялъ умъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія розги, все это рушится предъ внутреннимъ простымъ чувствомъ, осуждается простотою сердца. Достаточно взглянуть

готовлены для дурнаго и незрѣлы для хорошаго? Кто же былъ больше правъ, — тѣ ли, которые, обращая свой взоръ только къ прошлому и пренебрегая будущимъ, вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ, увѣряли, что отмѣна тѣлеснаго наказанія даже для женщинъ [54]) несогласна съ самобытнымъ «историческимъ» развитіемъ русскаго законодательства и преждевременна, или тѣ,

---

или написать слова: *за сѣченіе*, чтобы противорѣчіе всего внутренняго вашего существа обличило хитрость діалектическихъ доказательствъ. Становится просто невозможнымъ подать голосъ *за* розгу. Я очень радъ, что Константинъ съ своей стороны письменно и въ области отвлеченно-логической протестовалъ противъ сѣченія. Слѣпцы, слѣпцы! Какой ложный разсчетъ; что они выиграли? Предупрежденіе нѣсколькихъ частныхъ случаевъ неповиновенія; но эта выгода уничтожается тѣмъ нравственнымъ вредомъ, который наносится обществу, тѣмъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства, которое истекаетъ отъ возведенія въ почетное званіе, отъ разумнаго признанія и узаконенія побоевъ. Наконецъ, утрата вѣры общественной въ человѣка развѣ—не страшный вредъ обществу?" (стр. 149, т. III, И. С. Аксаковъ въ его письмахъ).

— Не безъинтересно отмѣтить, что Московскій Дворянскій Комитетъ, далеко не отличавшійся либерализмомъ въ своемъ проектѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса въ вопросѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ держался вполнѣ прогрессивной точки зрѣнія. Большинство комитета отвергло розги „въ видахъ смягченія грубости нравовъ, развитія между поселянами уваженія къ собственной личности, при чемъ онъ пойметъ и уваженіе, какимъ обязанъ къ правамъ другихъ согражданъ". Меньшинство комитета, въ составъ котораго входилъ и горячій поборникъ отмѣны тѣлеснаго наказанія тогдашній московскій губернскій прокуроръ (нынѣ сенаторъ) Д. А. Ровинскій, также заявило „о безполезности тѣлеснаго наказанія, которое вмѣстѣ служитъ орудіемъ самаго возмутительнаго произвола, и указало, что оно можетъ быть уничтожено во всѣхъ его видахъ, безъ всякаго вреда для общества". См. А. И. Скребицкаго — Крестьянское Дѣло. Боннъ. 1862, т. I, стр. 538, примѣч. 86.

54) Въ доказательство невозможности освободить женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія гр. Панинъ сослался на случай, когда крестьянка не допустила мужа къ половому сношенію.—„Ну какъ не посѣчь такую женщину", изрекъ гр. Панинъ. (См. Матер. для ист. управ. крѣп., пр. т. III, ст. 89). Дальнѣйшую аргументацію онъ считалъ излишнею. Для него необходимость сѣченія женщинъ была такою же аксіомою, какъ вышеизложенное ученіе (см. прим. 13) владимірской помѣщицы, по смыслу коего одни люди бѣлой кости — рождаются съ плетками въ рукахъ, а другіе черной кости—съ веревками на шеѣ.—Но отъ своего „убѣжденія" вскорѣ отказался, когда подули другіе вѣтры. Ср. примѣч. 48.

которые, не дѣлая себѣ кумира изъ историческаго наслѣді изъ существующаго факта—стремились къ обновленію жизни п помощи указаній общечеловѣческой культуры и гуманности, вѣ что однимъ изъ могучихъ средствъ для *поднятія* культуры смягченія нравовъ служитъ гуманное и передовое законодател ство? Исторія оправдала этихъ смѣлыхъ и легкомысленныхъ д тринеровъ-теоретиковъ, добившихся, во имя разума и челов ности, во имя «бредней», по выраженію великаго сатири упраздненія историческаго наслѣдія съ его пытками и кнута

Объ этомъ историческомъ фактѣ не лишнее, смѣю дума вспомнить въ наше время не потому только, чтобы, слѣ девизу юриста, воздать *suum cuique*, но и ради насъ сами ради нашего «пестраго» времени, когда такъ неожиданно в кресаютъ давно и, казалось, безвозратно погребенные мертвец когда извѣстная «историческая» школа уголовнаго права столько эманципировалась отъ доктрины, отъ завѣтовъ исто и гуманности, что не только съ невѣроятнымъ даже для шего времени цинизмомъ и озвѣрѣніемъ смакуетъ «интересны подробности сажанія на колъ, урѣзанія языка, заливанія го металломъ и т. п. прелестей добраго стараго времени, но и прочь бы порекомендовать нашему законодательству оставить л ный стыдъ и взамѣнъ дорогихъ тюремъ завести нѣсколько дес ковъ палачей и нѣсколько сотъ тысячъ кнутовъ!

И, конечно, не эта «трезвая» школа безпринципнаго опп тюнизма,—возводящая на степень вѣковѣчныхъ устоевъ чело ческаго общежитія «примѣненіе уголовныхъ каръ къ лицамъ не новнымъ наравнѣ съ виновными», тѣлеснаго наказанія и смерт казни *пятаго*, *десятаго* и т. п. институты эпохи «богомерзи людодерства», по выраженію Крижанича — конечно, говори не эта школа, занимающаяся «реабилитаціей» [35]) былыхъ «о гинальныхъ» институтовъ «групповаго» наказанія, возстала

---

[35]) Этой богатой темѣ посвящены въ н. с. Сергѣевскаго, 31 – 46

— Въ видѣ иллюстраціи къ этому почтенному институту, столь заслуженно оклеветанному западниками-либералами, приводимъ об чикъ его, относящійся къ самому концу XVIII столѣтія. „По прибы въ деревню, писалъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ посланный для у ренія крестьянъ калужскій вице-губернаторъ Митусовъ, не нашедъ

противъ возстановленія тѣлесныхъ наказаній во имя науки, во имя той «сноровитой» науки, которая готова именемъ науки освятить всякій существующій «порядокъ вещей» [56]), какъ бы онъ ни былъ возмутителенъ, привыкла «подыскивать обстановку для истины, уже утвержденной и оффиціально признанной таковою» [57]).—Но пусть бы эти безчеловѣчные институты оправдывались примитивными принципами «волчьей этики», такъ кратко и убѣдительно изложенной въ извѣстномъ діалогѣ:

. . . Да, помнится, что еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!
„Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году“,
Ягненокъ говоритъ.—„Такъ это былъ твой братъ.
—„Нѣтъ братьевъ у меня“...—„Такъ это кумъ иль сватъ,
И, словомъ, *кто-нибудь изъ вашего же роду,*
Вы сами, ваши псы, и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И, если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи“.
—„Ахъ, я чѣмъ виноватъ?“—„Молчи, усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать“.
Сказалъ и въ темный лѣсъ ягненка уволокъ...

Такъ нѣтъ же, нужно было «всестороннимъ» ученымъ отыскать «обстановку» для такого безнравственнаго института, какъ «наказаніе невиновныхъ вмѣстѣ съ виновными», отыскать для него основанія и «даже весьма глубокія основанія»—*въ наукѣ!*

Невольно тутъ вспомнишь слова знаменитаго старика: «Я понимаю, писалъ М. Е. Салтыковъ въ послѣдней предъ пре-

---

кого изъ крестьянъ, *пересѣкъ кнутомъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей* въ страхъ другимъ. Дабы вызвать зачинщиковъ, *сжегъ* особо стоящую клѣть“.—*Русскій Архивъ,* 1869 г. Крест. движ. при Павлѣ.

[56]) Никогда зло не бываетъ зло такъ сильно, говоритъ Салтыковъ, какъ въ то время, когда оно *не* чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухѣ:—что это за зло?—говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи, которые имѣютъ привычку разсматривать предметы не съ одной, а *со всѣхъ сторонъ:* это не зло, а просто порядокъ вещей! И на этомъ успокаиваются. (Сочиненіе, I, 424).

[57]) См. гл. IV, прим. 10 «За рубежомъ».

крещеніемъ или по его собственному выраженію «запечатаніемъ души», книгѣ *Отечественныхъ Записокъ*, что можетъ такой казусъ случиться, что не имѣя за душою ничего, кромѣ праха, поневолѣ приходится имъ однимъ торговать; но вѣдь и съ прахомъ слѣдуетъ обходиться бережно. Прахъ такъ прахъ; но пускай же онъ будетъ одинъ и тотъ же всегда и вездѣ, ибо только тогда онъ сдѣлается владыкой міра. Отрицайте разумъ, прогрессъ, правду, человѣческое право на счастье — прекрасно. Называйте все это опасною утопіею, источникомъ заблужденій и потрясеній — еще того лучше! Утверждайте, *что завтрашняго дня нѣтъ*, что перспективъ не полагается, а есть только то, что торчитъ подъ носомъ. Но держитесь этихъ отрицаній твердо и не призывайте ни разума, ни человѣчности и пр. ни въ помощь, ни въ свидѣтельство. Совсѣмъ не произносите этихъ словъ, такъ какъ вы выходите изъ принципа, который признаетъ ихъ праздными. Не пишите въ смыслѣ порицанія: такое-то дѣйствіе противно разуму, ибо, согласно вашей программѣ, это и есть дѣйствіе, *достойные похвалы*» [58]).

Къ счастію для русскаго народа, «легкомысліе» и «бредни» чистыхъ сердцемъ, гуманныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ сдѣлали невозможнымъ осуществленіе идеаловъ «трезвыхъ» жрецовъ «серьезной науки 80-хъ годовъ!... Объясненіемъ «возврата нѣжности» къ розгамъ служитъ отчасти замѣчаемое вообще затемнѣніе въ общественномъ сознаніи, отчасти та крѣпостническая закваска, та рутина, которая, будучи поколеблена передъ отмѣною тѣлесныхъ наказаній, снова взяла силу въ послѣднее время хотя, казалось-бы, свыше тридцати-лѣтній опытъ ея долженъ бы повліять на самыхъ отчаянныхъ разголюбовъ [59])

---

[58]) Стр. 277—278 *Отечественныхъ Записокъ* 1884, № 4.

[59]) Рутинеры всегда кричали, что безъ розогъ и шпицрутеновъ невозможно обученіе солдатъ и поддержаніе дисциплины. Извѣстно, что вслѣдъ за солдатами, шедшими на обученіе, слѣдовалъ обозъ розогъ. Съ начала царствованія Александра розги стали выводиться изъ употребленія, и ученіе пошло лучше, а также преступность въ войскѣ уменьшилась. Отмѣчая этотъ отрадный фактъ проф. Бѣляевъ писалъ: «Спрашиваю, что же бы отвѣтили ротные и баталіонные командиры (поровшіе несчастныхъ солдатъ и за то, что солдатъ не довернулся и за то, что перевернулся), если бы они могли увидать теперешнее войско (1862 г.), гдѣ нѣтъ розогъ,

акія бы однако усилія ни дѣлали «розголюбы» изъ лагеря крѣ-
никовъ и человѣко-ненавистниковъ для реабилитаціи «не до-
го и понятнаго народу» наказанія, пѣсенка розогъ спѣта;
бы ни лѣзли вонъ изъ кожи благородные защитники въ
ти тѣлеснаго наказанія, ссылающіееся даже на собственный
ѣръ какъ лучшее доказательство пользы дранья,—полное
аніе ихъ изъ нашего судебнаго обихода едва ли заставитъ
долго ждать. Каковы бы ни были случайныя аберраціи въ
ственномъ сознаніи — великая реформа 1863 г. нанесла
щипу жестокихъ и позорящихъ тѣлесныхъ наказаній такой
окій и непоправимый ударъ, отъ котораго имъ никогда не
виться. Еще недавно былъ изданъ,—несмотря на кликушескіе
и одичалаго публициста, который

Въ ворота ломится потерянnаго рая
Гдѣ грезятся ему и розги и рабы—

ть гимнастика и фехтованье, гдѣ солдатъ кажется живымъ человѣкомъ,
автоматомъ. Конечно, они *покраснѣли бы до ушей*, и молча поста-
сь бы спрятаться. То же будетъ и съ нынѣшними поклонниками
ей и розогъ, говорилъ Бѣляевъ наканунѣ Указа 17 апрѣля, когда
ъ отмѣнитъ тѣлесное наказаніе». (*День*, 1862, № 50—Своевременна
тмѣна тѣлеснаго наказанія?). Ошибся проф. Бѣляевъ; онъ не пред-
лъ такихъ безстыдныхъ человѣконенавистниковъ, какъ современные
остники-публицисты, которые, гордясь званьемъ мракобѣса и обеку-
а, не способны ни отъ чего краснѣть и еще недавно испускали дикіе
и по поводу отмѣны розогъ для ссыльныхъ женщинъ...

О, современникъ нашъ какъ мелокъ зачастую!
Онъ свѣжей новизны *обидъ* не перенесъ,
И обратился вспять на старину гнилую,
Какъ на блевотину свою нечистый песъ...

авъ былъ Салтыковъ, когда писалъ: «благо тому, кто съумѣетъ
гнуть *ясную* воззрѣнія на міръ, благо тому, кто найдетъ въ себѣ
точно силы, чтобы въ упоръ сказать проходящимъ презирайте меня,
столько усовершенствовался, что даже болѣе чѣмъ готовъ». Этотъ
ливый смертный можетъ быть твердо увѣренъ, что онъ то и есть
самый бодрый духомъ субъектъ, котораго ни оплевать, ни презрѣть
не посмѣетъ... Вся внѣшняя форма осталась; какъ-будто сохра-
даже и прежній человѣческій обликъ; утратился только стыдъ и
ь? Пропалъ стыдъ пропала и потребность внимать, стало быть,
о больше не осталось, какъ поступать, поступать и поступать».
неніе. II, 302).

согласный съ гуманнымъ духомъ закона 17-го апрѣля, новый законъ 29-го марта 1893 года, окончательно освободившій ссыльныхъ женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія.

Въ общемъ итогѣ, воспитательное культурное значеніе закона 17-го апрѣля 1863 года огромно, такъ какъ онъ уничтожилъ не только жестокія казни по суду, но и своеручныя расправы, составлявшія въ полицейской практикѣ обыденное явленіе, а также, жестокія *пытки*, практиковавшіяся во время производства слѣдствія даже въ столицахъ [60]), не говоря уже о провинціи и, наконецъ изгнала розгу изъ школы и отчасти изъ семьи.

Пройдутъ годы, улягутся страсти, подведутся итоги дѣятельности легкомысленныхъ либераловъ и «трезвыхъ» историковъ, и не трудно угадать, кому скажетъ сердечное «спасибо» русскій народъ: оторвавшимся ли отъ народа «либераламъ гуманистамъ», освободившимъ его отъ розогъ, или тѣмъ торжествующимъ хранителямъ самобытныхъ историко-народныхъ традицій, которые «изъ уваженія» къ воззрѣніямъ народа защищаютъ позорящую розгу для «подлаго» народа! [61])...

---

[60]) Кормленіе соленымъ сельдемъ «не въ видѣ пытки», по удостовѣренію бывшаго московскаго губернскаго прокурора Д. А. Ровинскаго, составляло самый обыкновенный пріемъ нашихъ полицейскихъ слѣдователей; а въ 50-хъ годахъ одинъ изъ московскихъ частныхъ приставовъ даже судился за то, что, выворотивъ руки заподозрѣннымъ въ грабежѣ, связалъ ихъ бичевкою и вѣшалъ обвиняемаго на перекосякъ (то-есть виска), отчего послѣдній потерялъ руки. (См. Народ. картины, т. V, примѣч. 271). - Въ 1862 г. во время паники, вызванной петербургскими пожарами, въ слѣдственной коммиссіи однимъ членомъ предложено было обратиться къ пыткамъ (см. Дневникъ Никитенко, II, 332).

[61]) «Розголюбы», увѣренно заявлявшіе отъ имени народа, что онъ «любитъ розгу», должны съ сожалѣніемъ убѣждаться, что благодаря «волѣ» розга, до введенія земскихъ начальниковъ понемногу стала исчезать изъ практики волостныхъ судовъ, приговоры коихъ о розгѣ иногда оставались безъ исполненія (см. *Русскія Вѣдомости* 1893, № 141). – Нѣкоторые земскіе начальники, – вопреки внутреннему смыслу ст. 29 Пр. Вол. Суда, имѣвшей въ виду въ лицѣ земскаго начальника создать органъ для ограниченія, а не распространенія позорнаго наказанія, – поняли свою миссію въ обратномъ смыслѣ и, тотчасъ по вступленіи въ должность, стали настаивать на исполненіи даже старыхъ приговоровъ

Бросая ретроспективный взглядъ на мрачную дореформенную эпоху, нашъ маститый ученый сенаторъ Д. А. Ровинскій, близко ее изучившій, радостно восклицаетъ: «съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это *кровавое время*, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ *плткахъ*, и о татарскомъ кнутѣ, и о нѣмецкихъ шпицрутенахъ:

волостнаго суда о розгахъ, что *Гражданинъ* ставитъ въ особую историческую заслугу новому институту. Мѣстами такая ревность къ розгамъ наталкивалась на серьезное препятствіе въ видѣ отсутствія въ мѣстномъ населеніи желающихъ принять должность „палача“ (*Русское Богатство* 1892, № 8). Вообще, повидимому „воля“ оказала уже отчасти свое дѣйствіе.—Позоръ тѣлеснаго наказанія, которое хладнокровно переносили лѣтъ сто тому назадъ титулованныя аристократы и даже придворныя фрейлины (см. Народ. Карт. Ровинскаго V, 57), нынѣ сталъ понятенъ и потомкамъ „хамовъ“, изъ коихъ нѣкоторые прибѣгаютъ къ отчаяннымъ средствамъ для защиты своей чести. Такъ органъ С.-Петербургской Духовной Академіи *Церковный Вѣстникъ*, требующій—въ разрѣзъ взглядомъ „розголюба“ *Гражданина*, до сихъ поръ неспособнаго понять позоръ тѣлеснаго наказанія, — полнаго изгнанія розги изъ суда и школы, отмѣчаетъ свѣжій, поразительный своимъ печальнымъ краснорѣчіемъ, фактъ самоубійства крестьянина во избѣжаніе позора тѣлеснаго наказанія: 12-го марта 1893 г. въ селѣ Порзовѣ, Петровскаго уѣзда (Саратов. г.) повѣсился въ хлѣвѣ на черезсѣдельникѣ крестьянинъ Алексѣй Мальцевъ, 40 лѣтъ. Вообще состоятельный домохозяинъ Мальцевъ былъ приговоренъ волостнымъ судомъ за замѣченное въ послѣднее время пьянство и мотовство. Мальцевъ подалъ жалобу въ Съѣздъ, но она не могла быть принята по формальному упущенію. *Страхъ* предъ позорящимъ наказаніемъ былъ причиною трагическаго исхода дѣла.—

Какъ разъ вслѣдъ за оглашеніемъ этого потрясающаго случая *Гражданинъ* рисовалъ своимъ читателямъ радужную перспективу предстоящаго лѣта въ деревнѣ, обѣщая *урожай* не только травъ и хлѣбовъ, но и .. розогъ! Вотъ подлинныя слова «розголюба»: теперь пріятно ѣхать въ деревню, писалъ *Гражданинъ*, потому что ожидается урожай, но, — продолжаетъ газета, — *не это одно даетъ свѣтлую обстановку* деревнѣ для ѣдущихъ въ нее; въ деревнѣ стало легче и лучше жить во многихъ губерніяхъ, благодаря явившейся въ ней между (sic) мужиками остраткѣ въ лицѣ земскаго начальника. Это, благодаря Бога, не иллюзія, это пріятная дѣятельность. Крестьянинъ сталъ бояться *розги* (курсивъ *Гражданина*), и жизнь въ деревнѣ стала легче (№ 20) мая, 1893 г.—Неисправимъ, хоть брось! невольно скажешь про эту злобствующую литературу, къ которой такъ примѣнимы слова Салтыкова: „Ненавистью и желчью пропитано каждое слово этой литературы, и это горькое чувство могло-бы

народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю неза — чѣмъ *добиваться* отъ обвиняемаго чистосердечнаго призна — нія [62])—сознавайся не сознавайся, а если виновать передъ обществомъ, обвиненъ все-таки будешь,' а затѣмъ нѣтъ на — добности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ».

Характеризуя гуманный законъ 17-го апрѣля, тотъ же авторъ продолжаетъ: «кнутъ и шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и *замаскированная смертная казнь въ самомъ гнусномъ ея видѣ*, и самое названіе пытки, «стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее», на этотъ разъ должно было *на самомъ дѣлѣ* (de jure пытки были отмѣнены въ 1767 г.) навсегда изгладиться изъ русскаго обихода».

Сенаторъ Ровинскій свой привѣтъ великой гуманной реформѣ 1863 г., подготовкѣ которой такъ много способствовалъ своимъ просвѣщеннымъ участіемъ, заканчиваетъ слѣдующими глубоко симпатичными строками: «и не забудетъ народъ этого *кровнаго дѣла* [63]), и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти святое имя Дѣлателя его: словно въ сказкѣ какой *изъ битаю царства другое небитое стало!*»...

Послѣднее утвержденіе, къ сожалѣнію, не вполнѣ точно. Благодаря закону 29-го марта 1893 г., освободившаго отъ тѣлеснаго наказанія даже женщинъ-каторжницъ, впавшихъ въ но-

---

имѣть очень опасныя для общества послѣдствія, если-бы не было слишкомъ ясно, что въ словѣ ея лежатъ тѣ безплодныя обращенія къ прошедшему, которыя обусловливаются корыстнымъ или наивнымъ непониманіемъ самыхъ простыхъ, общепризнанныхъ и естественныхъ законовъ человѣческаго развитія" (Сочин. II, 503 - 4).

[62]) Тотъ же компетентный свидѣтель г. Ровинскій сообщаетъ, что в 50-хъ годахъ въ Москвѣ существовали *клоповники* при Городскомъ частномъ домѣ и знаменитыя могилы — семь совершенно темныхъ подвеловъ, настоящихъ темницъ, при Басманномъ частномъ домѣ, куда Басманный приставъ сажалъ подсудимыхъ, не сознавшихся въ преступленіи и откуда почетный гражданинъ Соповъ вышелъ ослѣпшимъ. (См. н. с. т. V, стр. 327).—Замѣчательно, что устройство подземныхъ темницъ запрещено было, по крайней мѣрѣ на словахъ, еще указомъ Іоанна Грознаго 1560 г. (См. тамъ же прим. 278).

[63]) См. н. с. Ровинскаго, стр. 327.

вых преступленія, женская половина русскаго народа нынѣ *вполнѣ и безусловно* свободна отъ тѣлеснаго наказанія. Къ несчастью, нельзя того же сказать о мужской половинѣ. Позволительно однако всетаки надѣяться, что немного осталось ждать, чтобы Россія дѣйствительно сдѣлалось небитымъ царствомъ. Положимъ, велика, очень велика сила, на которой держится розга, а именно — *рутина* [64]), но просвѣщеніе сокрушало и не такія твердыни предразсудка, косности и обскурантизма изъ уваженія къ «святѣйшему» званью человѣка, къ достоинству человѣка, во имя человѣчности, степень приближенія къ которой, какъ гласитъ неуклюжій, но глубокомысленный стихъ Монтеня, [65]) приближаетъ

---

[64]) «Привычка и обыкновенія, писалъ Н. И. Тургеневъ, укоренили зло, а теперь (1860 г.) тѣлесныя наказанія суть не что иное, какъ безотчетное варварство. Привычка и обыкновенія! Многое, само по себѣ непостижимое, уясняется этими двумя силами. На многое уродливое и ужасное, люди смотрятъ хладнокровно потому лишь, что они *привыкли* смотрѣть на это. Многое уродливое и ужасное люди дѣлаютъ даже сами, потому единственно, что отцы ихъ тоже дѣлали и что современники ихъ продолжаютъ то же дѣлать». См. рукописную записку П. Н. Глѣбова.— Съ Сторѣшниковымъ, разсказываетъ Чернышевскій, произошелъ случай, очень обыкновенный въ жизни не только людей несамостоятельныхъ въ его родѣ, а даже и людей съ независимымъ характеромъ. Даже въ исторіи народовъ: этими случаями наполнены томы Юма и Гиббона, Ранке и Тьерри; люди толкаются, толкаются въ одну сторону, только потому, что не слышатъ слова: «а попробуйте-ка, братцы, толкнуться въ другую»—услышатъ и начнутъ поворачиваться направо кругомъ и пошли толкаться въ другую сторону».

[65]) По-стольку ты богъ, по-скольку ты сознаешь себя человѣкомъ. — Essais, II, 511. Ту же мысль Чернышевскій высказалъ въ другой формѣ. Лопуховъ, совершивъ одинъ изъ высокихъ актовъ альтруизма, разсуждаетъ: Тутъ я поступалъ подъ вліяніемъ того, что могу назвать благородствомъ, вѣрнѣе сказать *благороднымъ разсчетомъ*, разсчетомъ, въ которомъ общій законъ человѣческой природы дѣйствуетъ чисто одинъ, не заимствуя себѣ подкрѣпленія изъ индивидуальныхъ особенностей; и тутъ я узналъ какое высокое наслажденіе—чувствовать себя поступающимъ, какъ благородный человѣкъ, т. е. какъ слѣдуетъ поступать вообще *всякому человѣку*, не Ивану, не Петру, а всякому, всякому безъ различія именъ: какое высокое наслажденіе чувствовать себя просто человѣкомъ, — не Иваномъ, не Петромъ, а человѣкомъ, чисто только человѣкомъ». (Современникъ, 1863, V, Что дѣлать? 65).

человѣка къ божественному идеалу:

D'autant es-tu dieu, comme
Tu te recognois l'homme.—.

или какъ писалъ Пушкинъ:

При мысли одной, что я человѣкъ,
Невольно душой возвышаюсь!.

III.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АВТОНОМІЯ.

Всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется; слѣдовательно, нужда необходимая о томъ стараться, чтобъ способомъ пристойнымъ возрастало въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе.

Указъ 1755 г. объ учр. Москов. Унив.

Наука никогда не проникала въ Россію, но оставалась въ положеніи касательной линіи.

М. Н. Муравьевъ (1861 г.).

Наука? Науки не было въ Россіи — была бюрократія.

М. Н. Катковъ (1866 г.).

Ubi solitudinem faciunt pacem appellant.

Taciti Agric. 30.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Университетскій Уставъ 1863 года.

(Справка къ 18 іюня 1863 - 93 гг.).

Всѣ согласны въ томъ, что университетъ не можетъ не быть коллеціальнымъ. И такъ, если нѣтъ лучшей формулы для научнаго и учебнаго учрежденія, то все вниманіе реформаторовъ должно быть обращено на организацію коллегіи.

Н. И. Пироговъ.

I.

і Университетскій Уставъ 18-го іюня 1863 года, замѣ-
Уставомъ 15-го августа 1884 г., не дожилъ даже до ми-
аго, 25-ти лѣтняго срока, установленнаго обычаемъ для
ъ.

астоящее время онъ представляетъ собою не юридическій,
ическій памятникъ. Въ извѣстномъ смыслѣ матеріалы уни-
тской реформы 1863 г. имѣютъ, пожалуй, не одинъ от-
ый теоретическій интересъ, но и жизненный, практическій
агоцѣнный матеріалъ, пригодный для ретроспективнаго
нія эпохи, предшествовавшей и современной составленію
63 г. и слѣдовавшаго за нимъ времени.

нуженъ просторъ, гласитъ девизъ одного русскаго герба.
гора-то именно и не доставало русскимъ университетамъ.
въ какой отрасли государственнаго управленія система
ной или оффиціальной лжи [1]) была доведена въ дорефор-

минъ оффиціальной лжи, т. е. бюрократической фальсификаціи
тельнаго положенія вещей, пущенный въ ходъ в. к. Константиномъ

менное время до такой степени законченности, какъ въ области университетской жизни и научнаго изслѣдованія, гдѣ свобода и независимость conditio sine qua non для плодотворнаго развитія и гдѣ всякая явная или замаскированная попытка къ стѣсненію вноситъ фальшь въ умственную жизнь и ведетъ неизбѣжно, хотя и медленно, къ упадку науки, т. е., къ одичанію общества.

Послѣдній министръ народнаго просвѣщенія Императора Николая I, безхарактерный [2]), безъидейный, «старый младенецъ [3])» А. С. Норовъ, сдѣлавшійся игрушкою въ рукахъ злаго и ограниченнаго честолюбца, своего наперсника Кисловскаго [4]), обозрѣвалъ осенью 1855 г. по повелѣнію Александра II Московскій и Казанскій университеты. Прощаясь съ Казанскимъ университетомъ Норовъ сказалъ профессорамъ:

— «Наука, господа, *всегда* (??) *была* для насъ одною изъ

Николаевичемъ (см. гл. XVII), былъ изобрѣтенъ П. А. Валуевымъ, въ бытность его Курляндскимъ губернаторомъ. Въ извѣстной запискѣ «Дума Русскаго» онъ между прочимъ помѣстилъ строки, имѣющія отношеніе къ университетамъ. «Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро *силою*. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія». (См. Русс. Стар. 1891 г., май, Дневникъ Валуева, 357).

[2]) Въ Дневникѣ Никитенко приведено много примѣровъ безхарактерности Норова, такъ, напр., отказъ въ утвержденіи проф. Ешевскаго, состоявшійся на навѣту Кисловскаго и отмѣненный вслѣдствіе настоянія попечителя Исакова (Дневникъ, т. II, 46). Норовъ уволилъ цензора Бекетова въ отставку за то, что тотъ «по напечатаніи рескрипта 1857 г. объ освобожденіи пропустилъ въ «Сынѣ Отечества» извлеченіе о постановленіяхъ для остзейскихъ крестьянъ». Въ этой перепечаткѣ законовъ усмотрѣнъ былъ злокозненный намекъ на *возможность* освобожденія крестьянъ и въ Россіи. (И за такой-то «проступокъ» еще въ 1858 г., т. е. послѣ оффиціальнаго объявленія о приступѣ къ освобожденію... цензоръ рисковалъ потерять мѣсто! Какъ это характерно для господствовавшей въ то время путаницы понятій въ правительственныхъ сферахъ).—Цензора спасъ попечитель кн. Щербатовъ. См. тамъ же, 72.

[3]) Такъ именно называлъ Норова Я. И. Ростовцевъ. См. н. Дневникъ, т. II, стр. 46.

[4]) Бюрократическія козни и власть Кисловскаго надъ Норовымъ извѣстны другимъ даже лучше, чѣмъ мнѣ, пишетъ Никитенко. См. стр. 38, 48, т. II его Дневника.

кнѣйшихъ (?) потребностей жизни, но теперь она *первая* ;). Если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то *единственно* силою своего образованія» и т. д. [5]).

«Одною изъ важнѣйшихъ потребностей» — сильно сказано!. это сказано о времени, когда число студентовъ ограничено ю 300, когда каѳедру философіи, сначала загнанной до изложенія, а потомъ и вовсе изгнанной въ 1848 г. занилъ Держимодра [6]) не въ переносномъ, а въ буквальномъ ислѣ; и это говорилъ министръ, доведшій печать до послѣді степени униженія [7]), введшій въ университетъ на мѣсто ивиральныхъ» наукъ въ родѣ философіи или политической ономіи—«шагистику» и фортификацію!?...

— А каково главное, спрашиваетъ цензоръ Никитенко Нова послѣ ревизіи, *какъ* тамъ учатъ и учатся?—*Хорошо*, отчалъ тотъ—увѣрьте государя, говорили студенты, *мы* [8]) всѣ ши силы посвятимъ *наукѣ*.

Наукѣ! Какой наукѣ? вотъ вопросъ.—Той ли чистой, безкостной, возвышенной и возвышающей душу, «самоцѣльной» иверситетской наукѣ, которая, отъискивая истину, ради истины житъ не «избранникамъ», не сильнымъ, а слабымъ міра сего,

---

) Въ то самое время, когда министръ народн. просвѣщенія говорилъ, наука «теперь первая потребность», разсылался циркуляръ губерорамъ съ указаніемъ, что строгость цензуры «одинъ изъ главнѣйшихъ дметовъ управленія». Приведя это извѣстіе, Валуевъ добавляетъ: дно—мы неисправимы. Неужели конгрегація index'а и полиція Меттерса не надзирали? Этотъ надзоръ не помѣшалъ, однако, курьерскимъ здамъ папы и все знавшаго дипломата въ 1848 г.» (Русс. Старина, 1 г., іюнь, 603).

) См. стр. 351, ч. I Замѣчаній на проектъ Общаго Устава И. Рост. ивер. Спб., 1862 г. (оффиц. изданіе). Записка Харьков. универ., приитъ на справку, что въ 1830—1833 годахъ каѳедру философіи занилъ въ немъ, по назначенію попечителя, *частный приставъ* (см. примѣч. стр. 351).

) См. Дневникъ Никитенко II, 76, 3, 5.

) См. н. с. Никитенко II.—Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ томъ, скрывалось подъ громкимъ «мы», укажемъ, что въ годъ посѣщенія ровымъ Казанскаго университета въ немъ на физико-математическомъ культетѣ было всего 35 студентовъ, изъ коихъ на естественномъ ько 4 (см. «Воспитаніе». 1860 г., № 4, стр. 23).

которая, говоря словами истиннаго учителя права, покойнаго петербургскаго профессора Рѣдкина, дѣлаясь «неизмѣнною подругою жизни, становится эгидою правды противъ неправды, щитомъ для беззащитныхъ, орудіемъ свободы для не свободныхъ?» [9]) Вотъ одна наука, наука неподкупная, мужественно-честная, свободно ищущая истину, наука какъ свѣточъ человѣчества, какъ убѣжище, источнинъ и критерій истины, хотя бы и не абсолютной, а той относительной, ограниченной истины, которой положенъ предѣлъ ограниченности и человѣческихъ способностей:

Его жь никто не преступаетъ!

Но есть и другая наука. Это извѣстная своею продажностью и угодливостью, «снаровитая» [10]), гибкая, всегда услужливая наука-приспѣшница, наука-раба, ancilla, сначала продававшаяся теологіи, а потомъ и всякой крупной общественной силѣ, вліятельному классу, государству,—и готовая освятить своимъ духовнымъ авторитетомъ всякій существующій фактъ: что ей Гекуба, что ей истина? Не мудрствуя лукаво она падаетъ ницъ предъ всякою буквою дѣйствующаго законодательства, готовитъ, формуетъ, шлифуетъ и обдѣлываетъ, какъ техникъ и ремесленникъ, разныхъ техниковъ въ области права, педагогики, медицины и пр.

---

9) См. ст. 27, т. I, Изъ лекціи заслуж. проф. П. Г. Рѣдкина Спб. 1889 г.

10) Характеристикѣ такой «науки» Н. Щедринъ, Салтыковъ, посвятилъ въ «За Рубежомъ», слѣдующія строки: «Когда я былъ въ школѣ, пишетъ Салтыковъ, то въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ (до 1845 года) еще весьма часто упоминалось слово: «кнутъ». Профессоръ уголовнаго права такъ или иначе долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ на каѳедрѣ. И что же! выискался профессоръ, (Я. И. Баршевъ) который не только не проглотилъ этого слова, не только не подавился имъ въ виду десятковъ юношей, внимавшихъ ему, не только не выразился хоть — такъ: какъ дескать ни печально такое орудіе, но при извѣстныхъ формахъ общежитія представляется затруднительнымъ обойти его, а прямо и внятно повѣтствовалъ, что кнутъ есть одна изъ формъ, въ которыхъ *идея правды и справедливости* находитъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе. Мало того, онъ утверждалъ, что самая злая воля преступника требуетъ себѣ воздаянія *именно въ видѣ кнута*. Но прошли времена, и кнутъ былъ замѣненъ трехвостною плетью. Насъ, школяровъ, интересовало, прольетъ ли слезу буквоѣдъ на могилѣ кнута

наукъ. Такая «практическая» наука или вѣрнѣе дѣльцовская «дрессура, сноровка» не источникъ для нравственнаго совершенствованія и удовлетворенія, а «дойная корова или пьедесталъ для самовозвышенія [11])».

Какой же изъ этихъ двухъ, противоположныхъ по духу и цѣли наукъ, хорошо «учили и учились» въ дореформенныя времена. и въ частности въ норовское министерство? На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ у вышеупомянутаго собесѣдника Норова Никитенко, достаточно компетентнаго по своему званію профессора С.-Петербургскаго университета и достаточно политически благонадежнаго по своей должности цензора. Вотъ что пишетъ Никитенко, какъ разъ послѣ приведенныхъ словъ министра: «все это хорошія слова, дай Богъ, чтобы они обратились въ дѣло. Теперь всѣ(?) видятъ, какъ поверхностно наше образованіе, какъ мало у насъ существенныхъ умственныхъ средствъ. А мы собирались столкнуть съ земнаго шара гніющій западъ [12])! Не малому еще предстоитъ у него поучиться. Теперь только открывается, какъ *ужасны* были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено, *умственное развитіе остановлено;* злоупотребленіе и во-

---

или воткнетъ осиновый колъ. Оказалось, что онъ воткнулъ осиновый колъ. Цѣлую лекцію онъ сквернословилъ передъ нами, говоря, какъ скорбѣла идея высшей правды, когда она осуществлялась въ формѣ кнута, и какъ она ликуетъ теперь, когда, съ изволенія вышняго начальства, ей предоставлено осуществляться въ формѣ трехвостной плети, съ соотвѣтствующимъ угобженіемъ. Онъ говорилъ—и его не тошнило, а мы слушали, и насъ тоже не тошнило!.... Я не знаю, продолжаетъ Салтыковъ, какъ потомъ справился этотъ профессоръ, когда тѣлесныя наказанія были вовсе отмѣнены; но думаю, что онъ и тутъ вышелъ сухъ изъ воды. Кто же однако броситъ въ него камень за выказанную имъ научную *сноровитость?* Развѣ отъ него требовалось, чтобы онъ стоялъ на дорогѣ съ свѣточемъ въ рукахъ? Нѣтъ, отъ него требовалось одно: чтобы *онъ подыскалъ обстановку для истины, уже отвержденной и официально признанной таковою*». (Сочиненія М. Е. Салтыкова, т. VI, 41).

[11]) См. н. с. Рѣдкина, 26—27.

[12]) Въ Дневникѣ своемъ Никитенко отмѣчаетъ подъ 19 сентября 1855 г.: «Въ публикѣ много говорятъ о статьѣ Погодина, написанной по случаю пріѣзда государя въ Москву. Тамъ много самохвальства: «мы первый народъ въ мірѣ, мы лучше всѣхъ» и т. д. (т. II, 19).

ровство выросло до чудовищныхъ размѣровъ, Все это *плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу* [12])»...

Упадокъ нашихъ университетовъ, и раньше находившихся в незавидномъ положеніи [14]), особенно сталъ усиливаться посл революціоннаго движенія 1848 г., когда и безъ того стѣснен ная свобода слова и мысли была окончательно задавлена. Со вѣтъ университета лишился права выбирать ректора, увелич лась власть попечителя, число студентовъ уменьшено до 30(преподаваніе ограничено *неподвижными программами* [15]), от правленіе молодыхъ ученыхъ за границу для приготовленія к профессорской должности прекращено [16]); каѳедра философ упразднена, нѣкоторые университеты (Харьковскій и Кіевскій прямо подчинены военному вѣдомству въ лицѣ генералъ-губе наторовъ.

Результатомъ такого «патріархальнаго» режима было то, ч какъ гласитъ оффиціальная записка, составленная при извѣс номъ мин. нар. просв. А. В. Головнинѣ, «научная дѣятельнос университетовъ видимо падала; многія каѳедры оставались в кантными; другія замѣщались лицами, неимѣющими учены степеней» [17]). Словомъ, подъ видомъ замиренія университетов достигалось ихъ запустѣніе: ubi solitudinem faciunt pacem apellan

Если среди всеобщаго запустѣнія и оскудѣнія университетск науки встрѣчались такія исключительно-свѣтлыя явленія, ка истинно просвѣтительная каѳедральная дѣятельность проф. Гр новскаго,—который своимъ оживотворящимъ словомъ и свѣтло

---

[13]) См. н. Дневникъ II, 20, 21.

[14]) См. записку проф. Харьков. университета Каченовскаго въ ч. назв. «Замѣчаній», стр. 322—325.

[15]) Идеаломъ программъ было, пишетъ проф. Рѣдкинъ, «устроить пр подаваніе въ нашихъ университетахъ законовъ по Своду такъ, что *во всѣхъ университетахъ* въ одинъ *извѣстный день и часъ* проходилос т. е. просто прочитывалось изъ Свода каждымъ преподавателемъ по сво части именно, столько-то статей *безъ какого бы то ни было отступле* отъ порядка Свода, безъ замѣчанія или даже перафроза» (см. н. с., стр. (

[16]) См. стр. 12 Университетскій Уставъ 1863, Спб., 1863 г. (оффи изданіе съ комментаріями).

[17]) Тамъ же, 1—9.

«личностью» громко свидѣтельствовалъ о непобѣдимой силѣ духовнаго начала, о живучести истины, вѣчно возраждающейся изъ собственнаго пепла,—то этотъ «чистый какъ лучъ солнца» рыцарь безъ страха и упрека, спасшій, подобно героямъ Севастополя, честь Россіи, представлялъ собою столько же отрадное, сколько непонятное явленіе, почти сказочный, сверхъестественный оазисъ среди окружающаго царства мрака и раболѣпства [18]).

Но Грановскіе были исключеніемъ изъ исключеній, и они создавались по вѣрному замѣчанію оффиціальнаго комментарія 1863 г. «конечно не уставомъ 1835 г.», а были живымъ протестомъ и яркимъ диссонансомъ противъ существовавшаго университетскаго режима, для котораго были не нужны люди самостоятельно мыслящіе и будящіе мысль, а только исполнительные чиновники, какъ не нужны были такіе люди и для жизни вообще, основанной на рабскомъ преклоненіи предъ statu quo и самодовольномъ обоготвореніи его. Юридическій факультетъ, какъ обнимающій циклъ наукъ, вѣдающихъ право, т. е., отно-

---

18) Смерть Грановскаго цензоръ Никитенко оплакиваетъ 7-го октября 1885 года въ такихъ выраженіяхъ: „Боже мой, какое горе, какая потеря для *науки*, для *мысли*, для *всего высокаго и прекраснаго:* Грановскій умеръ! Это былъ въ нашемъ ученомъ сословіи человѣкъ, котораго можно было уважать, въ правоту ума и сердца котораго можно было *безусловно* *вѣрить*. Онъ былъ *чистъ, какъ лучъ солнца*, отъ всякой скверны нашей общественности. Это былъ Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека“ (т. II, 21).—Замѣчательно, что проф. Григорьевъ, впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, въ своемъ Юбилейномъ историческомъ очеркѣ о Грановскомъ упоминаетъ вскользь, Сеньковскаго же оріенталиста, а потомъ безпринципнаго фигляра - журналиста, возводитъ до небесъ, называя его „величайшей знаменитостью Петербургскаго университета“ (стр. 251).— Любопытно, что отзывъ Герцена, расходясь вполнѣ съ Григорьевымъ, крайне близко подходитъ къ трогательной характеристикѣ Никитенко. Сопоставляя дѣятельность Сеньковскаго съ вліяніемъ Грановскаго и Бѣлинскаго, Герценъ говоритъ: „что взялъ Сеньковскій со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, богатою памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? Сначала ракеты, искры, трескъ, бенгальскій огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ привлекъ всѣхъ къ его журналу — посмотрѣли, посмотрѣли, похохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сеньковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на Ѳоминой недѣлѣ какой нибудь покрытый блестками акробатъ, занимавшій на святой

шенія гражданина къ гражданину и обществу, всегда служи
наилучшимъ пробнымъ камнемъ для распознанія уровня свобо
научнаго изслѣдованія въ данное время и барометромъ общ
ственнаго замосознанія.

Что же такое были наши юридическіе факультеты? «Нау
политическія были признаваемы тогда,—говорилъ въ 1863 г
проф. Рѣдкинъ, бросая взглядъ назадъ,—нашимъ правител
ствомъ весьма опасными для спокойствія государства (на
извѣстно въ 1835 г. этико-политическій факультетъ былъ
реименованъ по соображеніямъ не научнымъ, а полицейски
въ юридическій, а философскій — въ историко-филологическ
Употребленіе политическихъ знаній смѣшивали тогда съ ихъ з
употребленіемъ по той простой причинѣ, что часто видѣли
злоупотребленіе тамъ, гдѣ было ихъ *употребленіе*. Всякія
литическія разсужденія были нетерпимы не только въ книга
и повременныхъ изданіяхъ, но и въ частной, семейной жиз
Да и какое въ самомъ дѣлѣ можно было сдѣлать тогда употр
леніе изъ своихъ политическихъ знаній, когда въ благоустр
ствѣ нашего государства не было ни малѣйшаго сомнѣнія, ко
все, казалось, было въ совершенномъ порядкѣ; когда изв
смотрѣли на насъ со страхомъ, смѣшаннымъ съ благоговѣйны
уваженіемъ, чужеземныя правительства, завидуя прочнос
твердости, непоколебимости нашихъ государственныхъ учр
деній, нашему могуществу, обилію нашихъ матеріальныхъ си
когда всякое малѣйшее участіе въ государственной дѣятель
сти обусловливалось чиновничествомъ, состояніемъ на госуд

весь народъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котор
была давка. Чего ему не доставало? А вотъ того, что было въ так
избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго -- того *вѣчно тревожнаго дем
любви и негодованія*, котораго видно въ слезахъ и смѣхѣ. — Ему не
ставало такого убѣжденія, которое было бы *дномъ* его жизни, ка
на которой все поставлено—*страстью, болью*. Въ словахъ идущихъ
такого убѣжденія остается доля магнетическаго демонизма, подъ ко
рымъ работалъ говорящій, оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ,
дятъ... становятся силою, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣ
ями". (*Колок.* 1859, № 44). Тотъ же Герценъ указываетъ, что моск
скій университетъ, благодаря Грановскому, имѣлъ для нравственнаго
стоинства Россіи, такое же значенье, какъ Севастопольская оборона

ственной службѣ; когда правительственная централизація и бюрократія проникли не въ политическую только, но и въ гражданскую и даже въ семейную жизнь; когда огромное большинство народа *лишено было всѣхъ* почти личныхъ гражданскихъ *правъ*, а остальная часть, болѣе или менѣе привилегированная, отличалась не столько правами, сколько обязанностями [19])»!...

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ этотъ порядокъ вещей сталъ понемногу исчезать, а вмѣстѣ съ тѣмъ начало улучшаться и положеніе университетовъ.

II

Съ воцареніемъ Александра II въ общественномъ мнѣніи и отчасти въ направленіи внутренней политики совершился неожиданный и крутой поворотъ. Не смотря на непослѣдовательность первыхъ робкихъ, двусмысленныхъ, часто противорѣчивыхъ шаговъ новаго правительства, не смотря даже на оффиціальное заявленіе о рѣшимости остаться вѣрнымъ, окаменѣлымъ принципамъ священнаго союза [20]), требовавшаго неукоснительнаго охраненія quand-même всего существующаго, — для всѣхъ, не исключая и тѣхъ, которые заинтересованы были въ сохраненіи стараго направленія, ясна была близость пробужденія, возрожденія Россіи, послѣ тридцатилѣтней спячки [21]), приближеніе но-

---

[19]) См. н. с. Рѣдкина, 10.

[20]) См. Cardonne—L'empereur Alexandre II, p. 219. — Валуевъ заноситъ въ свой дневникъ въ ноябрѣ 1855 г.: озлобленіе (противъ порядковъ 1885 г.) безпредѣльное и всеобщее, но за тѣмъ нѣсколько разъ слышна у него нота разочарованія, съ указаніемъ, что первые правительственные шаги иногда напоминаютъ старую систему (Рус. Стар. май, 343, іюнь, 603, 605), и даже регрессъ (адрессованіе губернаторскихъ отчетовъ не Государю, а въ мин. внутр. дѣлъ (607) и только отмѣчаетъ курьезную прогрессивную мѣру „снятіе съ русскаго народа ареста", т. е. разрѣшеніе поѣздокъ за-границу, (стр. 611).

[21]) Никитенко, говоря о вышеупомянутой (прим. 12) статьѣ Погодина, пишетъ: „тутъ есть одно замѣчательное мѣсто, потому что оно выражаетъ *общее чувство*—это то, что авторъ говоритъ „о любезныхъ намъ именахъ Петра, Екатерины, Александра — о Николаѣ ни слова. Говорятъ, Государь самъ пропустилъ эту статью въ печать. Мусинъ-Пуш-

вой освободительной эры, несшей съ собою освобожденіе: крес
янамъ отъ рабства; податнымъ сословіямъ — отъ плетей,
зогъ и оплеухъ; наукѣ, мысли и слову — отъ попечительст
цензорской и иной ферулы.

Трогательна и внушительна была эта краткотечная идил
кануна объявленія воли, когда образованныя люди, безъ разл
оттѣнковъ политическаго міровоззрѣнія, дружнымъ хоромъ, с
чала въ тихомолку и шепотомъ, а потомъ, съ облегченіемъ цен
ныхъ путъ, вполголоса и фальцетомъ—привѣтствовали если не
ступленіе зари, пока едва замѣтной, то конецъ ночи. Славянофи
только что анаѳематсвовавшіе «гнилой западъ» со всѣми его н
стыми навожденіями, принимали «освободительную программу
падниковъ до желѣзныхъ дорогъ включительно»; безразлич
или хамелеоны, безсознательно либо съ разсчетомъ принимал
окраску, господствующую и выгодную въ данное время, п
жали полетомъ своихъ либеральныхъ вожделѣній. Въ эту ге
ческую эпоху перваго упоенія освободительными мечтанія
«патріотъ изъ патріотовъ» Погодинъ,—старый профессоръ «
сковскаго пошиба», самобытный мыслитель-Баянъ, неуравно
шанный фантазеръ, исполнявшій одновременно амплуа Рост
чина, Ивана Корейши и славянскаго Гарибальди — подав
дружески руку новому восходящему свѣтилу радикальнаго
геря, общепризнанному пріемнику Бѣлинскаго, молодому геніа
ному ученому публицисту *Современника*, бывшему саратовск
семинаристу Чернышевскому; Аксаковы—Герцену; умѣренны
аккуратный цензоръ-профессоръ Никитенко и «англоманъ» Б
ковъ Салтыкову и петербургскимъ радикаломъ и т. д. Знамене
объединяющимъ всѣхъ этихъ лицъ, пути которыхъ такъ дал
разошлись впослѣдствіи, была великая освободительная ми
новаго царствованія—съ крестьянскою волею во главѣ...

Это страшное, но неотступное, неотвратимое, какъ фату
крестьянское дѣло застилало своими колоссальными раз
рами всѣ другія начинанія, молча, но повелительно требуя
медленнаго отвѣта. Гигантское народное дѣло, превозмог

кинъ (попеч. петерб. округа) *не велѣлъ* ее перепечатывать въ здѣшн
газетахъ" (Дневн. II, 19).

шутя, словно смѣясь, хитросплетенія знатныхъ бюрократическихъ дѣлъ мастеровъ, жалкія усилія чадолюбивыхъ душевладѣльцевъ, истощавшихъ всѣ силы свои, чтобы еще разъ заклясть, по примѣру прежнихъ лѣтъ, этотъ неугомонный духъ свободы, этотъ проклятый крестьянскій вопросъ, не разъ уже похороненный, казалось, навсегда, и увы! все еще не умирающій,—это неотвязное дѣло стояло таинственно и грозно, какъ тѣнь отца Гамлета, предъ смущенными взорами оторопѣвшихъ Гамлетовъ Щигровскаго и другихъ уѣздовъ, взывая объ уничтоженіи вѣковой неправды. Одни изъ нихъ ужаснулись скоро, увидѣвъ во всемъ объемѣ это громадное земское дѣло, и отпрянули въ ужасѣ, какъ Фаустъ, при появленіи вызваннаго имъ же духа земли; другіе безстрашно и довѣрчиво взглянули въ глаза страшному вопросу. Но это раздѣленіе произошло впослѣдствіи, а покуда, въ первые годы освободительнаго царствованія, русское общество и правящія сферы, въ общемъ, несмотря на диссонансы, представляли назидательную картину оживленнаго приготовленія къ большому дѣлу.

Государственные люди, забывая или отрекаясь отъ своего прошлаго вольно или невольно, сознательно или безсознательно становились въ ряды и даже во главѣ [22]) піонеровъ, очищавшихъ почву, чтобы сѣять сѣмена разумнаго, добраго, вѣчнаго, сѣмена... свободы и человѣчности. Публицисты въ свою очередь воспѣвая, не всегда складно,—въ виду частыхъ и капризныхъ колебаній настроенія полиціи мысли,—восходящую зарю свободы, не всѣ и не всегда отдавали себѣ отчетъ въ силѣ и содержаніи этого вѣщаго слова, не всегда ясно представляли себѣ всѣ послѣдствія этого великаго

---

22) „Государственный остроумецъ", завзятый крѣпостникъ, недовольный ролью, которую сталъ играть въ освобожденіи крестьянъ Я. И. Ростовцевъ, и намекая на аксельбанты, полученные имъ за открытіе заговора декабристовъ, и на „пріобщеніе" его къ новымъ либеральнымъ начинаніямъ, говорилъ въ 1858 г. барону Корфу:—Вы Якова Ивановича-то *пріобщаете*, да жаль, что не *исповѣдываете*—его. (Никитенко, II, 118).—Никитенко, знавшій Ростовцева въ 1825 году, утверждаетъ, что онъ не преслѣдовалъ въ то время никакой своекорыстной цѣли „Онъ тогда же менѣ увѣрялъ, пишетъ Никитенко, что флигель-адъютантство, тотчасъ послѣ 14-го декабря, было для него большимъ горемъ" (Дневникъ, II, 83).

понятія, всѣ требованія и обязанности, имъ налагаемыя, забывая, что акклиматизація этого могучаго произведенія высокой культуры требуетъ знанія, терпѣнія, тщательной обработки почвы, долгаго, нѣжнаго, внимательнаго ухода, словомъ, забывая, что la liberté n'est pas un fruit de tout climat... Но въ это время было не до философіи исторіи, когда, благодаря усиленно бьющемуся пульсу общественной жизни, чуть не ежедневно приходилось «дѣлать» исторію; когда неустанно работавшая реторта исторіи чуть не цѣликомъ выбрасывала «дневникъ происшествій» и текущую хронику злобъ дня, въ видѣ робкихъ попытокъ к освобожденію той или другой стороны общественной жизни, с страницъ газетъ на «скрижали» исторіи.

Въ числѣ тогдашнихъ «злобъ дня» было и освобожденіе университетовъ отъ крайняго стѣсненія, которому они подверглись съ 48-го г. На первыхъ же порахъ новаго царствованія были отмѣнены крайнія мѣры (комплектъ въ 300 человѣкъ и проч.), и ничего рѣшительнаго не предпринималось, потому что всему заграживало дорогу существованіе крѣпостнаго права. Такъ или иначе нужно было приступить къ распутыванію этого «гордіева узла», который парализовалъ всѣ жизненныя силы Россіи. Два съ половиною года прошло въ мучительныхъ и напрасныхъ усиліяхъ замять, затянуть этотъ роковой вопросъ. Всѣ тонкія соображенія, хитрости и угрозы крѣпостниковъ Секретнаго Комитета, думавшаго не объ уничтоженіи, а объ укрѣпленіи и освѣженіи рабства, не повели и не могли повесть ни къ чему. Въ 57-мъ году такъ же грозно-повелительно, какъ и въ 55-мъ году, продолжалъ стоять на очереди, какъ неотвязная злоба дня, вопросъ объ отмѣнѣ рабства, за разрѣшеніемъ котораго молча, но съ крайнимъ нетерпѣніемъ слѣдило 23-хъ милліонное крѣпостное населеніе, прекрасное и страшное въ своемъ сосредоточенно-выжидательномъ положеніи (см. главу I) и вперившее, на подобіе сфинкса, въ рабовладѣльческую Россію свой неумолимо-испытующій взоръ съ роковою угрозою на устахъ: «разрѣши, не то погибнешь!» [23]).—

---

[23]) Ростовцевъ писалъ въ 1859 г. Государю, что если крестьянскій вопросъ будетъ разрѣшенъ раціонально, т. е. крестьяне не будутъ

Сознавая трудности положенія, государственные дѣятели новаго царствованія, довольно долго остававшіеся на старыхъ постахъ, съ трудомъ справлялись даже и съ текущими задачами новаго освободительнаго направленія, не рѣдко сознательно или безсознательно ему противодѣйствуя [24]). Въ частности по учебному вѣдомству замѣчались скачки и противорѣчія помимо общихъ причинъ [25]) еще и потому, что стоявшій во главѣ его до марта 1857 г. неспособный [26]) министръ не имѣлъ никакого авторитета, такъ что часто сравнительно второстепенный, несложный вопросъ объ изъятіи провинціальныхъ университетовъ изъ вѣдѣнія военныхъ генералъ-губернаторовъ съ трудомъ былъ проведенъ Норовымъ [27]). Но впослѣдствіи, какъ сказано, постепенно отмѣнялись несогласныя съ духомъ времени стѣсненія, допущенныя съ 1848 г. университеты de facto понемногу заняли положеніе, бывшее до этого времени и университетскія коллегіи стали полу-

вполнѣ освобождены отъ помѣщиковъ и надѣлены землею, то Россія *погибнетъ* отъ пугачевщины (см. Н. П. Семенова, Освобожденіе Крестьянъ, II, 254).

[24]) Въ августѣ былъ уволенъ Бибиковъ (см. гл. III, прим. 14).—Вскорѣ за тѣмъ 9-го октября падаетъ главноуп. пут. сообщ. Клейнмихель. «Палъ и уничтожился, пишетъ ему въ догонку благонамѣренный Никитенко. Всѣ поздравляютъ другъ друга... съ побѣдою... Въ самомъ ли дѣлѣ, продолжаетъ Никитенко, онъ такъ виноватъ? Ума у него столько, чтобы быть надзирателемъ тюремнаго замка. Чѣмъ онъ виноватъ? Его безжалостно опаивали почестями и властью, сдѣлавъ изъ него всевластнаго вельможу, въ насмѣшку русскому обществу» (Никитенко, II, 22, 23). Другіе николаевскіе министры засидѣлись гораздо дольше. «Не странное ли дѣло, писалъ въ декабрѣ 1858 г. Никитенко, Государь видитъ въ нѣкоторыхъ лицахъ (Муравьевъ) прямое противодѣйствіе освобожденію крестьянъ, а между тѣмъ они крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ?» (Никитенко, II, 118). — Какъ извѣстно, гр. Панинъ досидѣлъ до 1862, а Муравьевъ до 1863 г.

[25]) Никитенко неоднократно отмѣчаетъ колебанія и скачки, въ особенности относительно печати и университетовъ (Днев. II, 84).

[26]) Это человѣкъ благонамѣренный по сердцу, говорилъ Государь про Норова, но неспособный (Никитенко, II, 83).

[27]) Съ большимъ трудомъ удалось Норову добиться изъятія университетовъ изъ вѣдѣнія генералъ-губернаторовъ (Никитенко, II, 9, 13). Черезъ нѣсколько времени на телеграмму Москов. генер.-губерн. Закревскаго о томъ, въ Московскомъ университетѣ: «бунтъ», Александръ II уже отвѣчалъ: «не вѣрю». (Никитенко, II, 65).

... хотя по... хозяевам... было положеніе С... послѣ Му... Щербатовъ, о... автономіи профе... корпораціи студ... подъемъ силъ и осво... обществѣ, съ о... года къ освобож... и должно было с... знаменитый ученый П... барометромъ общества»... открытыя для всѣхъ, безъ... переполнялись многочислен... слушательницъ, но и въ про... благодаря новымъ освободите... откликнулась на нихъ униве... ко всему доброму и благородн... по мѣстнымъ условіямъ жи... Въ Одессѣ въ 1857 г. е... объ улучшеніи быта кр... чувству воодушевлены, оди... молодежь, студенты пер... освобождающаго и освобождаемыхъ... студенческая корпорація,... Щербатова, получила нѣкоторую пр... преслѣдовавшую цѣли образовате... личнаго усовершенствованія (касс... суды). Но печальныя собы... неумѣлою [31]) дѣятельность

... IV. 23.

... Университетскій вопросъ. 1863 (оффиц...

... событія 1861 г., указываетъ, ме... неудовольствія со стороны с...

стоявшихъ во главѣ университета попечителя округа, кавказскаго генерала Филипсона и министра адмирала Путятина [32]), вызвали студенческіе безпорядки, получившіе впослѣдствіи политическій характеръ, благодаря постороннему вліянію [33]). Безпорядки повлекли столкновенія [34]) попечителя съ совѣтомъ Петербургскаго университета, его закрытіе, а затѣмъ отставку, послѣ полугодоваго управленія, реакціоннаго министра гр. Путятина и назначеніе на его мѣсто либеральнаго, просвѣщеннаго дѣятеля съ прогрессивными взглядами А. В. Головнина, приближеннаго великаго князя, признаннаго представите лялиберальной программы [35]).

Добрыя отношенія, установившіяся между попечителемъ кн. Щербатовымъ и С.-Петербургскимъ университетомъ, имѣли чисто прекарный характеръ, и они могли измѣниться, какъ и показали послѣдующія событія, съ перемѣною лицъ, стоящихъ во главѣ

ентовъ на новое правило, въ силу котораго „число освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій ограничивалось *двумя* на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа“ (см. IV т. сочиненій, 38). — Самъ пріятель попечители Филипсона цензоръ Никитенко нѣсколько разъ отмѣчаетъ его неумѣлость и нераспорядительность (Дневникъ II, 99—300). Такой же отзывъ находимъ въ письмахъ К. Д. Кавелина къ Милютину (см. Лероа-Больe—Un homme d'état russe, 129) и у проф. Н. И. Пирогова и Андреевскаго (см. ниже стр. 249). — Совершенно противоположнаго взгляда на дѣло держится г. Еленевъ, который въ брошюрѣ «Студенческія безпорядки» усматриваетъ въ нихъ одно сплошное умоизступленіе и результатъ вліянія иностранной (sic) интриги (2, 9, и слѣд.), также и профессоръ Григорьевъ, усвоившій точку зрѣнія автора «Пирогова стада» и «Петербургскихъ Трущобъ (см. н. т. Спасовича, 21).

32) Никитенко даетъ такую характеристику министровъ народнаго просвѣщенія: Шихматова—помрачающее; Норова—разслабляющее; Кавелинскаго—засыпающее; Путятина—отупляющее (II, 364). Путятинъ не былъ въ состояніи обнять ни задачъ университетовъ, ни нуждъ ихъ, ни средствъ къ ихъ преобразованію и улучшать (Никитенко, II, 293).

33) См. т. IV, Спасовича, 51.

34) Подробности см. въ т. IV, Спасовича, стр. 53—54. - Совѣтъ единогласно (въ томъ числѣ и голосъ цензора Никитенко) призналъ несправедливость правилъ о матрикулахъ, проектированныхъ гр. Путятинымъ, который намѣревался изъ университетовъ сдѣлать закрытое учебное заведеніе, доступное только богатымъ аристократамъ. (Тамъ же, 60—61).

35) См. н. д. Никитенко, II, 93.

университета. Мысль составить въ замѣнъ университетскаго уставa 1835 г., отъ котораго ничего почти на дѣлѣ не осталось [36]) новый, согласный съ либеральнымъ направленіемъ, возникла еще въ 1858 г. при кн. Щербатовѣ, по предложенію котораго былъ составленъ Петербургскимъ университетомъ, проектъ пролежавшій нѣсколько лѣтъ подъ сукномъ. Онъ бы вѣроятно и еще долго оставался безъ движенія, если бы не великая реформа 19-го февраля, которая уничтоживъ рабство, произвела переворотъ въ умахъ и дала ходъ всѣмъ освободительнымъ начинаніямъ. Студенческіе же безпорядки 1861 г. дали, какъ ближайшій поводъ, новый толчекъ университетской реформѣ. Еще при гр. Путятинѣ была образована въ концѣ 1861 г. комиссія [37]) для составленія проекта. Проектъ этой комиссіи былъ опубликованъ и разосланъ во всѣ русскіе университеты и извѣстнѣйшимъ за-граничнымъ ученымъ. Поступившія крайне интересныя замѣчанія (два большихъ тома) были напечатаны и переданы, по мысли А. В. Головнина, на обсужденіе состоявшаго при министерствѣ ученаго комитета главнаго правленія училищъ [38]) для составленія окончательнаго проекта, который до внесенія въ Государственный Совѣтъ былъ подвергнутъ еще разсмотрѣнію особаго «Строгановскаго комитета» [39]) для составленія главныхъ основаній, и наконецъ внесенъ былъ проектъ въ Государственный Совѣтъ.

---

[36]) т. IV Спасовича, 20.

[37]) Предсѣдатель попечитель Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) учебнаго округа ф. Брадке, С.-Петербургскаго—ген. Филипсонъ, Кіевскаго—баронъ Николаи, Казанскаго—кн. Виземскій, Московскаго—ген. Исаковъ, бывшій помощ. попеч. Фоигтъ, бывшій ректоръ Кіевскаго унив. Бунге, профес. Петербур. унив. Ленцъ и Никитенко, Московскаго Соловьевъ и Бабстъ Харьковскаго—Пахманъ, Казанскаго—Овсянниковъ, Дерптскаго—фонъ-Эттингенъ.

[38]) Въ составъ ея, подъ предсѣдательствомъ Воронова, между прочимъ входили профессора Андреевскій (†), Спасовичъ, Георгіевскій, Бекетовъ и др. (см. стр. 47—48 наз. унив. устава).

[39]) Въ составъ ея входили: предсѣдатель ген.-адъют. гр. Строгановъ, ст. секр. бар. Корфъ, оберъ-гофмейстеръ бар. Мейендорфъ, шефъ-жандармовъ кн. Долгоруковъ, министры Валуевъ и Головнинъ.—Гр. Строгановъ шелъ еще дальше реакціонный программы гр. Путятина (Никитенко, II, 291).

III

Хотя необходимость новаго университетскаго устава была сознана съ начала новаго царствованія и задолго до студенческихъ безпорядковъ 1861 г. однако они дали непосредственный толчекъ университетскому вопросу и это чисто внѣшнее обстоятельство [40]) сообщило, несмотря на усилія А. В. Головнина дать реформѣ болѣе общую и широкую постановку, особый тонъ всему дѣлу и имѣло громадное вліяніе на ходъ и отчасти на исходъ реформы, давъ несоразмѣрное значеніе полицейской точкѣ зрѣнія. Такъ какъ главную причину безпорядковъ усматривали въ существованіи студенческихъ корпорацій, то основная задача, которая ставилась уставу, сводилась къ тому, чтобы сдѣлать эти безпорядки невозможными. При этомъ выдвинуты были два плана. Одинъ изъ нихъ, принадлежавшій историку Костомарову и встрѣчавшій сочувствіе не только въ умѣренныхъ либералахъ, въ родѣ Никитенко, но и представителяхъ реакціи, какъ попечитель Филипсонъ [41]) высказывался за учрежденіе *безусловно открытыхъ* свободныхъ университетовъ, при чемъ студенты ничѣмъ не отличались-бы отъ посторонней публики. Такимъ путемъ предполагалось разомъ и совершенно уничтожить [42]) почву для корпорацій, въ которыхъ усматривались остатки средневѣковыхъ корпорацій и цеховъ, и отдать студентовъ въ вѣдѣніе общей полиціи [43]). Этотъ проектъ былъ встрѣченъ враждебно со стороны либеральнаго «Русскаго Вѣстника» Каткова и профессоровъ: Стасюлевича, Чичерина, Андреевскаго, Спасовича, Пыпина и др. Другое непріязненное уни-

---

[40]) Н. И. Пироговъ откровенно указываетъ на это неблагопріятное обстоятельство; см. стр. 6 наз. ст. Университетскій вопросъ.

[41]) Филипсонъ немножко неловко и слишкомъ горячо распространился, пишетъ Никитенко, о преимуществахъ открытыхъ университетовъ. (Никитенко, II, 299.

[42]) Баронъ М. А. Корфъ предлагаетъ, пишетъ Никитенко, сдѣлать университеты совершенно открытыми для всѣхъ и каждаго, чрезъ что *уничтожается самое имя* студентовъ и такимъ образомъ прекращается ихъ корпоративное значенье. (Никитенко. II, 288).

[43]) Никитенко скорбѣлъ въ своемъ дневникѣ о передачѣ «этихъ бѣдныхъ юношей во власть нашей грубой полиціи». (II, 120).

верситетамъ направленіе исходило изъ противоположнаго лагеря ретроградовъ и имѣло цѣлью уничтожить университеты и, основавъ отдѣльныя спеціальныя закрытыя школы (въ родѣ школы правовѣдѣнія), перенести ихъ, по полицейскимъ соображеніямъ, въ провинціальныя города.

Энергическимъ и талантливымъ противникомъ противъ такихъ гонителей университетовъ выступили, между прочимъ, профессора Пироговъ, Чичеринъ и Андреевскій.

Безъ воспитательныхъ университетовъ, писалъ *Чичеринъ*, не можетъ обойтись ни одно образованное общество, потому что прямое ихъ назначеніе — давать серіозную, спеціальную подготовку людямъ, готовящимся къ важнѣйшимъ поприщамъ общественной жизни. Университетъ можетъ допускать въ свои стѣны публику, но публика въ немъ—гости, а не хозяева. Настоящіе хозяева тѣ, которые сдѣлали науку, навсегда или на время, предметомъ жизненнаго занятія, и систематически изучаютъ извѣстную область наукъ. Между ними образуется необходимо связь товарищества и преданія науки: ихъ окружаетъ извѣстная *умственная атмосфера*, ассимилирующая всѣ втекающіе въ университетъ элементы, проникающая всѣхъ, отъ новопоступившаго студента до профессоровъ, оказывающая на всѣхъ могучее вліяніе и составляющая одинъ изъ необходимыхъ *воспитательныхъ элементовъ*, *важныхъ не менѣе самаго чтенія лекцій* [44]). Этотъ дѣйствующій благотворно университетскій духъ, который можно назвать духомъ самой науки, замѣтенъ во всѣхъ процвѣтающихъ университетахъ, онъ зависитъ не только отъ учащихъ, но и отъ *учащихся*: онъ существовалъ и въ нашихъ университетахъ, не смотря на Уставъ 1835 года, старающійся противодѣйствовать всякому внѣ лекцій общенію учащихъ съ учащимися; его слѣдуетъ не уничтожать, а подкрѣплять и поддерживать. Уничтожить, разсыпать какъ песокъ студенчество,—

---

[44]) Н. И. Пироговъ, впрочемъ, предостерегалъ отъ преувеличенныхъ ожиданій отъ университетскаго воспитанія. Приписывая все хорошее въ англійскихъ лордахъ университетскому воспитанію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, забываютъ одно, писалъ Пироговъ – *habeas corpus*. А это одно воспитываетъ и не однихъ лордовъ *не хуже всякихъ университетовъ*. (Университ. вопр. 70).

значитъ то же, что *убить университетъ*, втоптать все, что въ немъ самаго благороднаго, въ обыденную житейскую пошлость [45]).

О положеніи университетовъ, въ обществѣ, въ связи съ вопросомъ о значеніи и смыслѣ студенческихъ безпорядковъ *Н. И. Пироговъ* писалъ слѣдующее. «Университетъ, говоріалъ онъ, выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ и всѣ общественныя стремленія и духъ времени. Въ университетѣ два рода представителей: одни представляютъ степень просвѣщенія, другіе его молодость, его нужды, увлеченія, страсти, пороки. Все сосредоточено въ одномъ пунктѣ, и потому указывается яснѣе и сильнѣе. Всѣ оттѣнки въ матеріалѣ, правда, не выразительномъ, но за то чрезвычайно емкомъ и чувствительномъ. Это положительная сторона университета. Чего въ немъ нѣтъ, того или нѣтъ въ обществѣ или то спитъ и не живетъ духовно. Это отрицательная сторона, по которой тоже надо судить. Общество видно въ университетѣ какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. *Университетъ есть лучшій барометръ общества*, Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать, лучше все-таки смотрѣть на него, и смотря на время дѣйствовать. Въ наукѣ есть свои повороты и перевороты; въ жизни свои; иногда и тѣ, и другія сходятся; всѣ повороты или перевороты общества отражаются въ наукѣ и чрезъ нее и на университетѣ. Виртембергскій профессоръ стоялъ противъ злоупотребленій папской власти. На лекціяхъ Фихте выражалась готовность умереть за свободу. Только тамъ, (какъ напр. во Франціи), гдѣ политическія стремленія проникли глубоко чрезъ всѣ слои общества — они уже не ясно отражаются въ университетѣ. У насъ напротивъ, едва повѣяло новою жизнью, едва общество почувствовало новыя стремленія, тотчасъ появились рефлективныя движенія въ университетѣ. Но отразительныя движенія не могли быть цѣлесообразны, а потому они перешли въ безпорядки. Анализируя эти безпорядочные рефлексы намъ не трудно убѣдиться, что *не всѣ* въ одной мѣрѣ были безправны, безсознательны и безпорядочны» [46]).

---

[45]) См. н. Замѣчанія на унив. уст. ч. 2, II, стр. 346.

[46]) Универ. вопросъ, стр. 75—76.

Самыя обстоятельныя соображенія противъ *уничтоженія* университетовъ представилъ проф. *Андреевскій* въ обширномъ докладѣ, гдѣ между прочимъ писалъ:

Положеніе русскихъ университетовъ въ настоящую минуту чрезвычайно похоже на положеніе германскихъ въ 30-хъ годахъ. Русскіе университеты, дѣйствующіе только съ XIX ст. (дѣятельность московскаго въ XVIII ст. чрезвычайно слаба, по отношенію къ нѣкоторымъ факультетамъ), и, собственно говоря, довольно полно только съ 40-хъ годовъ, пошли по тропѣ, проложенной германскими университетами; не смотря на всѣ препятствія, на отсутствіе необходимой для университета автономіи, явившееся однимъ изъ основаній Устава 1835 года, они стремились открыть благородное служеніе наукѣ и уже принесли *неисчислимую пользу обществу*. Нельзя не вспомнить, что ими подготовлено цѣлое поколѣніе, которое *отвратилось отъ крѣпостнаго права* и такъ облегчило правительству совершить величайшее изъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ русской исторіи—эманципацію; ими подготовлено поколѣніе, которое сознало необходимость реформы судоустройства и судопроизводства, и ждетъ уже, готовое и знающее, помочь правительству въ приведеніи и этой великой идеи въ исполненіе: ими подготовлено поколѣніе, которое разработываетъ самостоятельно и широко науку, изучаетъ историческія, этнографическія, географическія условія отчизны, обычаи, экономическія явленія страны,—словомъ, всѣ вѣтви наукъ, въ знаніи которыхъ такъ нуждаются государство и общество. Но нужно ли перечислять, да и въ состояніи ли кто либо исчислить тѣ дорогіе плоды, которые пожинаетъ теперь русское общество отъ дѣятельности своихъ юныхъ и еще не твердо поставленныхъ университетовъ. А между тѣмъ, когда въ университетахъ явились безпорядки, *отчасти вызванные самою же администраціею, отчасти обществомъ*,—безпорядки, которые легко могли бы быть подавлены самимъ университетомъ, если бы его положеніе было самостоятельнѣе, то многіе, или не зная благодѣяній университета для общества или забывъ ихъ, начали кричать о вредѣ университетовъ для Россіи и о необходимости ихъ закрытія и замѣны спеціальными школами. Прислушиваясь къ рѣчамъ такихъ реформаторовъ, легко увидѣть, что въ ихъ возгласахъ нѣтъ чего либо новаго и неизвѣстнаго; напротивъ, это эхо тѣхъ криковъ, которые раздавались въ 30-хъ годахъ въ Германіи, съ тою только разницею, что въ Германіи эти крики раздавались не голословно, а болѣе систематически, что и послѣ падавшіе на университетъ изложили свои доводы печатно, и тогда въ защиту университета выступили мыслители такіе, Шопенгауеръ, Савиньи и др. и въ своихъ безсмертныхъ сочиненіяхъ вполнѣ разрѣшили вопросъ объ университетахъ, занимающій въ настоящую минуту въ свою очередь и Русское законодательство.

Чтобъ рѣшить, не представляютъ ли университеты опасности для общества и не нужно ли ихъ замѣнить спеціальными школами, необходимо посмотрѣть, *нужна ли для общества наука, и не опасно ли ея развитіе?* Это необходимо потому, что *только* университеты представляютъ возможность самостоятельнаго и стройнаго развитія науки. Отдѣльныя спеціальныя школы, представляющія много выгодныхъ сторонъ, имѣютъ тотъ существенный недостатокъ, что не могутъ составить сферы для полнаго и самостоятельнаго развитія науки; оттого цѣль спеціальныхъ школъ, какъ ниже покажемъ, совсѣмъ иная: ихъ цѣль не движеніе науки, а, напротивъ, примѣненіе добытыхъ наукою началъ къ практическимъ, хлѣбнымъ цѣлямъ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, спеціальная школа совершенно не то, что факультетъ университета Ея положеніе, основанія и цѣли совершенно противоположны положенію, основаніямъ и цѣлямъ факультета университета. Спеціальная школа открывается правительствомъ или частными лицами съ тою цѣлію, чтобы преподать въ ней совокупность свѣдѣній опредѣленной отрасли наукъ въ такихъ началахъ и основаніяхъ, чтобы слушатели могли, по окончаніи курса, примѣнить пріобрѣтенныя при свѣдѣніи въ этой спеціальной жизненной дѣятельности, къ которой они приготовлялись въ школѣ. Потому самое устроеніе школы, равно какъ и способъ преподаванія, основываются на такомъ главномъ практическомъ принципѣ школы. Преподаваніе здѣсь должно имѣть цѣлію отчетливо представить голые результаты науки и, будучи отдѣлено отъ преподаванія наукъ другихъ спеціальныхъ отдѣловъ, оно не можетъ доставить слушателямъ самостоятельнаго усвоенія основныхъ истинъ науки; это—уже болѣзненная принадлежность каждой, отдѣльно дѣйствующей, спеціальной школы: въ ней наука получаетъ *значеніе хлѣбной науки*. Оттого и результаты такого преподаванія, т. е. успѣхи слушателей носятъ на себѣ всегда отпечатокъ *хлѣбной школы*. Ихъ свѣдѣнія основываются не на самостоятельномъ, не на живомъ анализѣ существенныхъ основаній науки, но главнымъ образомъ на памяти; оттого они не имѣютъ задатковъ, чтобы самостоятельно итти впередъ, что составляетъ признакъ дѣйствительно ученаго, но требуютъ постоянныхъ руководителей.

Нисколько не сомнѣваясь, такимъ образомъ, что наука можетъ получить свое развитіе только въ университетахъ, легко отвѣтить на вопросъ: можно ли замѣнить университеты спеціальными школами? Ихъ можно замѣнить спеціальными школами, если желать разрушить науку, признавая ее опасною для общества и государства. Но не нужно доказывать аксіому, что правильное развитіе какъ общества, такъ и государства, находится въ *прямой зависимости отъ правильнаго и самостоятельнаго господства науки:* залогъ каждой общественной и государственной дѣятельности есть дѣйствительное знаніе.

Наибольшая язва въ государствѣ и наибольшая опасность для государственной жизни, для государственнаго порядка заключается въ полу-

знаніи, въ поверхностныхъ свѣдѣніяхъ. Никакое неразумное пред
гибельное для общественной или государственной безопасности,
детъ страшно для государства, въ которомъ дѣйствуетъ наука: о
только въ состояніи разоблачить ложность началъ поднимающейс
и разсѣять попытки практическаго ея осуществленія. Оттого-то
правительство имѣетъ живое призваніе содѣйствовать всѣми, к
мися у него средствами самостоятельному развитію въ своей
науки. Оно имѣетъ къ наукѣ такое же отношеніе, какъ и къ
Для того, чтобы наука двигалась и развивалась самостоятельно,
тельство должно предоставить ее самостоятельному теченію; б
гибельно для правительства дать наукѣ *направленіе отъ себя*. С
ливо замѣчаетъ лордъ Брумъ, что стоитъ только въ дѣлѣ зн
много пойти назадъ, какъ это шествіе къ регрессу начнетъ у
ваться въ поразительной прогрессіи, и наконецъ быстро приведе
состоянія цивилизаціи къ положенію варварства.

Оттого мы смѣло утверждаемъ, заключаетъ благородный а
университетской науки, что всякій, кому дорого благополучіе
кто желаетъ сохраненія государственнаго порядка, кто хочетъ
жизнію и дѣломъ содѣйствовать верховной государственной власт
согласится, что главнѣйшее благо Россіи заключается въ точн
и *самостоятельномъ развитіи науки*, а слѣдовательно, въ раз
полнѣйшемъ усовершеніи Русскихъ университетовъ, а не въ
ихъ спеціальными школами: замѣнить въ Россіи университеты сп
ными школами,—значитъ убить науку, а убіеніе въ Россіи наук
ственно съ разрушеніемъ ея государственной жизни съ воцаренію
извола страстей и анархіи [47]).

IV

Университеты были спасены отъ натиска полированныхъ в
свѣтскихъ вандаловъ съ безукоризненными манерами. Всл
этимъ возникъ вопросъ объ ихъ устройствѣ. Вредъ, причин
уничтоженіемъ въ 40-хъ годахъ университетской автоно
пользу попечительскаго полновластья, былъ такъ для всѣхъ
денъ, что почти единогласно признана была всѣми, съ мини
А. В. Головнинымъ во главѣ, необходимость университе
самоуправленія.

---

[47]) См. Журналы засѣданія ученаго Комитета глав. управ. у
по проекту Общаго Уст. Росс. Унив. С.-Пб. 1862 (оффиц. издан
лож. № 1, стр. 3—16).

Составители проекта новаго Устава въ объяснительной запискѣ указывали, что цѣлью его было усилить *самодѣятельность* ученаго университетскаго сословія и вліяніе его на студентовъ. Въ многочисленныхъ *Замѣчаніяхъ*, поступавшихъ отъ разныхъ ученыхъ и педагоговъ и сохранившихъ доселѣ живой интересъ, весьма обстоятельно разъясненъ этотъ кардинальный вопросъ университетскаго самоуправленія какъ съ исторической и практической, такъ и теоретической точекъ зрѣнія.

Въ отзывѣ совѣта *Харьковскаго* университета и члена его проф: *Каченовскаго* съ большою рельефностью указанъ вредъ попечительскаго полновластья.

Изъ исторіи университета извѣстно, писалъ Совѣтъ, что они были поставлены въ самое неопредѣленное отношеніе къ попечителю округа. Попечительская власть, въ началѣ отдаленная и едва замѣтная, мало по малу вторглась во внутреннюю жизнь университетовъ, стѣснила дѣятельность коллегій и затронула самый составъ профессоровъ. Кромѣ разныхъ злоупотребленій, отсюда произошло безсиліе университетовъ въ ихъ ученой и административной дѣятельности. Дорога къ самоисправленію была для нихъ почти закрыта. Все зависѣло отъ личности попечителя, или, другими словами, отъ *счастливаго случая*. Между тѣмъ никакое учебное заведеніе не можетъ идти впередъ отъ однихъ, такъ сказать, внѣшнихъ толчковъ; нужно, чтобы оно имѣло внутреннія крѣпкія и самодѣятельные органы, чтобы его составъ былъ огражденъ отъ посторонняго вліянія, обновлялся по закону, чтобы перемѣны въ немъ происходили правильно и спокойно. Для этого совѣтъ призналъ необходимымъ, чтобы опредѣленіе и увольненіе какъ профессоровъ, такъ и доцентовъ, происходило впредь безъ всякаго вмѣшательства попечителя. Прямое и непосредственное участіе факультета и совѣта въ избраніи лицъ на эти должности, при полной гласности и съ утвержденіемъ мнѣнію совѣта, совершенно достаточно, чтобы университетъ ребованіямъ общества и государства. Такъ какъ попечитель судить о научныхъ и педагогическихъ достоинствахъ про- то его голосъ при этомъ совершенно не нуженъ. Къ чему дѣлъ лишнія инстанціи и формальности тамъ, гдѣ главное итъ въ устраненіи всякой протекціи и всякаго сильнаго за- ства? Нѣкп нѣкоторые думаютъ, что въ самыхъ факультетахъ были ти, которыми будто бы устраняются отъ должностей мнѣніяхъ и достойные въ пользу смиренныхъ и этого университетъ имѣетъ силу защитить себя, публичныя состязанія между кандидатами. Власть жна имѣть этого характера: она не можетъ устраи-

роны университетскаго быта. «Всѣ согласны въ томъ, писалъ роговъ, что университетъ не можетъ не быть коллегіаль-ъ. Въ самомъ дѣлѣ, коллегія представляетъ болѣе руча-ьствъ противъ личнаго произвола... Въ централизованномъ ударствѣ вся автономія университета можетъ состоять только томъ, чтобы его сдѣлать *какъ можно менѣе бюрократиче-емъ и какъ можно менѣе зависимымъ отъ бюрократіи.* Ав-номія и чиновничество не идутъ вмѣстѣ. Въ наукѣ ѣсть своя рархія; сдѣлавшись чиновною, онъ теряетъ свое значенье. *менно у насъ*, что бы дать университетамъ настоящую само-оятельность, и нужно поставить его *внѣ* (курс. подл.) всего рархическаго строя. Пусть свѣтитъ оттуда» [19]).

Признавъ такимъ образомъ въ широкихъ размѣрахъ авто-мію университетскихъ коллегій, Н. И. Пироговъ находитъ нако, что автономія не убережетъ ихъ отъ общихъ болѣз-й всѣхъ корпорацій—отъ непотизма и стремленія къ личной годѣ. Непотизмъ ведетъ къ застою, застой къ упадку. Про-въ этого зла Н. И. Пироговъ усматривалъ только два надежныя едства: общественное мнѣніе и конкурренція, постоянно обра-ющая резервуаръ свѣжихъ силъ.

Общественное мнѣніе въ дѣлахъ университетскихъ корпора-, по мнѣнію Н. И. Пирогова, должно быть допущено въ са-ъ широкихъ размѣрахъ и ему слѣдуетъ представить полную сестороннюю свободу проявленія. Это общественное мнѣніе университетовъ можетъ быть трехъ родовъ: оно образуется въ ученомъ сословіи, или въ образованной части общества, наконецъ, между самими учащимися. До сихъ поръ у насъ ѣ одного университета, не смотря на общій уставъ или ъ быть вслѣдствіе устава, мало вліяетъ на другой: между есть только формальная связь, — духовной же или вну-й не существуетъ. Поэтому *гласность* въ университет-дѣлахъ и *съѣзды профессоровъ* у насъ, болѣе чѣмъ гдѣ необходимы, если мы хотимъ развить общественное мнѣ-іего ученаго микрокозма. Необходимо также стараться научную связь университетовъ съ академіею наукъ,

---

вер. вопр., стр. 19—20.

которая до сихъ поръ поставлена у насъ въ какое-то исключи— [illegible]
тельное положеніе. Общественное мнѣніе нашего образованнаго [illegible]
меньшинства также слабо. Направленіе учебной дѣятельности [illegible]
университетовъ не приноровлено къ потребностямъ общества, [illegible]
поэтому общество мало заботится объ университетахъ, точно [illegible]
такъ же какъ и университеты, безгласные, несамостоятельные, [illegible]
но нисколько независимые отъ общества, мало заботятся о мнѣ- [illegible]
ніи общества. Поэтому необходимо сдѣлать университеты не [illegible]
только самостоятельными, но и общественными; необходимо [illegible]
чтобы университеты обнародили науку и разлили свѣтъ ея на [illegible]
большія пространства съ помощью публичныхъ лекцій, усиленія [illegible]
прикладной стороны преподаванія и другихъ средствъ. Нужно [illegible]
все употребить, чтобы сблизить общество съ университетомъ [illegible]
и развить общественное мнѣніе, необходимое для его жизни [illegible].
Но для этого необходима гласность, безъ которой всѣ мѣры бу- [illegible]
гутъ непрочны. Автономія безъ гласности не мыслима; безъ [illegible]
гласности она не устоитъ противъ своего начала, выродится и [illegible]
вынесетъ на свѣтъ одни недостатки.

Также не мыслимъ автономическій университетъ и безъ *общественнаго мнѣнія учащихся*. Университетъ обязанъ прислу- [illegible]
шиваться къ ихъ голосу, въ которомъ, не смотря на всѣ увле- [illegible]
ченія онъ всегда услышитъ довольно правды, чтобы оцѣнить [illegible]я
достоинства своихъ преподавателей, и этотъ голосъ будетъ для [illegible]я
него всегда однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ противъ от- [illegible]
сталости и застоя. Поэтому Н. И. Пироговъ находилъ нужнымъ [illegible]ъ
для университетской аудиторіи возможность выражать, если [illegible]е
чувства, то *мнѣніе*, приличнымъ и законнымъ образомъ. При [illegible]и
гласности, аудиторія можетъ выразить свое мнѣніе печатно; а
то и не доводя до этого, ей нужно дать право высказаться пред [illegible]ъ
коллегіей или предъ лицомъ ея представителей. Аудиторія мо- [illegible]ъ
жетъ изложить свои требованія на письмѣ, или словесно, чрезъ [illegible]ъ
депутатовъ. Запрещеніе выражать свое мнѣніе ни къ чему не
поведетъ: если запретить аудиторіи выражать свое мнѣніе за- [illegible]
коннымъ образомъ, то нужно ожидать выраженій незаконныхъ [illegible]ъ,
взрывовъ и безпорядковъ [30]).

[30]) См. тамъ же, 37—39.

Горячимъ сторонникомъ автономіи университетской выступилъ тогдашній попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа *И. Д. (нынѣ графъ) Деляновъ*. Считая несвоевременнымъ изданіе новаго полнаго Устава, г. Деляновъ считалъ однако необходимымъ уничтожить одинъ изъ главныхъ недостатковъ дѣйствовавшаго Устава — недостатокъ *автономіи совѣта*. «Хотя въ проектѣ новаго Устава, писалъ онъ, и расширены права совѣта, но кажется, слѣдовало бы ихъ расширить *еще болѣе* принявъ за главное основаніе, что все внутреннее управленіе и отвѣтственность по оному, вмѣстѣ съ надзоромъ за студентами, должны быть сосредоточены *въ совѣтѣ*, предоставя власть распорядительную и исполнительную ректору, который въ качествѣ предсѣдателя совѣта и правленія и имѣя подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ канцелярію университета, будетъ стоять во главѣ его. Попечителю же оставить только высшее наблюденіе по управленію университетомъ и т. п.». Говоря въ частности о правѣ совѣта избирать кандидата на вакантныя профессорскія каѳедры, г. Деляновъ возражалъ противъ допущеннаго въ проектѣ права министра назначать профессоровъ по собственному выбору. «Предоставленіе такого права назначать въ профессоры на вакантныя каѳедры по своему собственному усмотрѣнію едва ли должно быть допущено, писалъ г. Деляновъ, потому что этимъ *уничтожается* одно изъ *важнѣйшихъ* правъ университетскаго совѣта. Министру должно быть предоставлено право отвергать одобренный попечителемъ выборъ совѣта, но затѣмъ избраніе новаго кандидата должно быть предоставлено совѣту» [31]).

V

Въ «Замѣчаніяхъ» на проектъ находимъ обильный матеріалъ и по организаціи академической жизни. И тутъ *Н. И. Пироговъ* представилъ очень интересныя соображенія. Считая необходимымъ увеличеніе содержанія профессоровъ и улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, Пироговъ далекъ былъ отъ мысли видѣть въ нихъ всю *сущность* университетскаго во-

[31]) См. ч. I назв. Замѣчаній, стр. 221—216

проса. «На одно улучшеніе матеріальнаго быта разсчитывать нельзя, писалъ онъ, точно также, какъ нельзя разсчитывать и на то, что усиленныя вспомогательныя средства, богатыя библіотеки, обширные музеи, огромныя лабораторіи одни могли возбудить интересъ къ наукѣ (извѣстно, что самъ Пироговъ учился дѣлать операціи на брюквѣ). Они истинно плодотворны только тогда, когда появляются въ университетской жизни, *какъ слѣдствіе*, а не какъ причина научной дѣятельности. Гдѣ господствуетъ *духъ науки*, такъ творится *великое и малыми средствами*, а потому ошибочно приписывать причину *апатіи* и застоя въ нашей университетской жизни недостаточности матеріальныхъ средствъ» [52]).

Для поднятія научнаго духа университетовъ необходимо, говорилъ Пироговъ, *свобода изслѣдованія, свобода обученія и ученья* (Freiheit der Forschung, Lehr-und-Lern-Freiheit). Пироговъ возражалъ противъ обязательности посѣщенія лекцій и экзаменовъ, а также, какъ и И. Д. Деляновъ, противъ обязательности богословія, утверждая, что обязательность для массъ переходитъ въ безплодную формальность, а для избраннаго меньшинства иногда вредитъ, мѣшая свободному развитію научной дѣятельности и талантовъ. Припоминая время своей юности Пироговъ говоритъ: «меня самого экзамены парализовали; ничего я такъ скоро не забывалъ, какъ-то что обязанъ былъ приготовить къ экзамену, лѣтъ 30 послѣ того, если я ночью пробуждался отъ непріятнаго чувства—то это почти всегда было приготовленіе къ экзамену во снѣ».

По вопросу объ *обезпеченіи свободы преподаванія*, почти вовсе не затронутому проектомъ, нашъ знаменитый ученый и публицистъ академикъ [53]) *А. Н. Пыпинъ* сдѣлалъ подробныя замѣчанія, въ которыхъ указывалъ на необходимость серьезной постановки этого вопроса.

---

[52]) См. См.Унив. вопр., стр. 12.

[53]) Избраніе проф. А. Н. Пыпина въ академики имѣетъ любопытную исторію, о которой передаетъ нѣкоторыя подробности Никитенко, человѣкъ далеко не солидарный съ нимъ по политическимъ убѣжденіямъ. «Пыпинъ человѣкъ почтенный и почтенный ученый, пишетъ Никитенко, онъ участвуетъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы», который находится въ оппозиціи съ мин

«Въ изложеніи многихъ предметовъ (напр. нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ; исторіи всеобщей и русской; исторіи литературы всеобщей и русской; политической экономіи, разныхъ юридическихъ и политическихъ наукъ,—словомъ цѣлой массы предметовъ университетскаго преподаванія), писалъ онъ, преподаватели, излагая даже самыя элементарныя положенія европейской науки, рискуютъ подвергаться, со стороны людей и властей постороннихъ, вмѣшивающихся не въ свое дѣло,—нареканіямъ въ крайней свободѣ мнѣній, нарушеніи тѣхъ или другихъ обще принятыхъ понятія и т. п. Примѣры подобнаго рода бывали не разъ: лекція профессора похищалась, доносилась въ испорченномъ видѣ какому-нибудь постороннему начальству, отъ профессора требовали объясненій, для него конечно весьма непріятныхъ, потому что, въ сущности, профессоръ, чтобы доказать свое право говорить то или другое, долженъ былъ объяснять совершенно элементарныя вещи тѣмъ людямъ, которые требовали объясненій и на дѣлѣ были весьма *мало способны судить о предметѣ*. Все это можетъ ставить профессора въ положеніе весьма затруднительное: онъ лишается возможности ясно говорить о вещахъ, которыя хотя и принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ положеніямъ науки, но которыя незнакомы его *посторонним судьямъ* и кажутся имъ непозволительны. Были случаи, что профессору всеобщей исторіи становилось невозможно почти излагать исторію паденія Рима и появленія

нар. пр. гр. Д. А. Толстымъ и притомъ Пыпинъ не приверженцевъ классицизма и Каткова: ужъ не въ этомъ ли *вся его вина* въ глазахъ нѣкоторыхъ".—Несмотря на сильную агитацію Каткова, Пыпинъ былъ выбранъ въ адъюнкты академіи 25-ю шарами противъ 9-и. Такое почетное избраніе проф. Пыпина еще болѣе разозлило его противниковъ. Снаряжена была особая комиссія изъ графовъ Строганова, Толстаго, Шувалова, Литке и Валуева для провѣрки (!) *правъ* А. Н. Пыпина на академическое кресло.—А. Н. имѣлъ великодушный тактъ освободить почтенную комиссію отъ непосильной ей задачи, и самъ отказался отъ званія академика. (См. Никитенко, III, стр. 277, 280).—Какъ извѣстно, 29-го декабря 1891 г. проф. Пыпинъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты академіи, а 5-го февраля 1892 г. получилъ большую золотую медаль отъ Им. Русскаго Географическаго Общества за одинъ изъ своихъ монументальныхъ трудовъ—Исторія русской этнографіи. (См. тамъ же, примѣч. ред.).

христіанства (потому что онъ руководился не книгой, издан
для духовныхъ училищъ); профессору русской исторіи зап
щали говорить о русскихъ ересяхъ пятнадцатаго столѣтія,
томъ основаніи, что это будто бы относится только къ цер
ной исторіи и люди свѣтскіе не должны ея касаться; дру
профессору русской исторіи дѣлали выговоръ за то, что
своемъ курсѣ онъ говоритъ о старинныхъ вѣчахъ и собор
и этимъ намекалъ будто бы на необходимость конституціи
на одного профессора-юриста доносили, что онъ слишкомъ
бодно говоритъ объ остзейскихъ учрежденіяхъ и т. п. [51]).

Я очень понимаю, продолжаетъ проф. Пыпинъ, что въ н
время еще невозможно требовать для русскаго университ
даже той свободы преподаванія, какая существуетъ въ боль
части европейскихъ университетовъ; но во всякомъ случаѣ
лательно, чтобы сдѣлано было по крайней мѣрѣ то, что возмож

Если правительство будетъ находить преподованіе извѣстн
вещей опаснымъ и не позволительнымъ въ Россіи, то гор
лучше прямо запретить ихъ, какъ запрещали прежде филосо
это было по крайней мѣрѣ послѣдовательно. Но дозволять
подаваніе предмета и каждую минуту, когда вздумается, дѣ
нападенія на профессора за свободныя мнѣнія, за наруш

---

[51]) Что такіе случаи бывали не разъ, тому лучшимъ доказательст
служатъ отмѣтки въ дневникѣ цензора Никитенко. „На днях мини
получилъ изъ Казани, пишетъ онъ 19-го іюня 1855 г., *безыменное* пис
написанное *безграмотно* и наполненное гнуснѣйшими доносами на Ка
скій университетъ. Письмо по тону и содержанію не заслуживало
малѣйшаго вниманія, и министръ, не желая давать оффиціальнаго х
частнымъ образомъ показалъ его Дуббельту (пом. начал. III отдѣле
который съ своей стороны нашелъ его заслуживающимъ *одного презр*
Но на дѣлѣ вышло не такъ. Министръ получилъ отъ графа Ор
(начальн. III отдѣленія) отношеніе, изъ котораго видно, что доносъ
извелъ впечатлѣніе. Это очень огорчило Авраама Сергѣевича (мини
Норова). Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прочесть письмо, чтобы
дѣть, что его писалъ какой-нибудь невѣжда и мерзавецъ изъ лич
ненависти къ кому-нибудь изъ университетскихъ, хотя оно и подпи
титуломъ, но безъ фамиліи. Кажется, подобную бумагу слѣдовало
бросить просто въ огонь. Между тѣмъ мы съ добрый часъ провозил
придумывая, какъ лучше отвѣчать на полученное отношеніе“ (II, 13,
Доносъ возымѣлъ свое дѣйствіе: черезъ недѣлю Норовъ, по Высо

тѣхъ или другихъ общепринятыхъ предразсудковъ,—это будетъ значить, ставить профессора въ совершенно безвыходное положеніе, заставлять его лицемѣрить и маскировать науку, для знакомства съ которой то же самое правительство даетъ часто средства путешествіями по Европѣ и для преподаванія которой само правительство даетъ профессору его каѳедру. Конечно, такихъ случаевъ было еще немного, но ихъ можетъ явиться цѣлая масса, если людямъ ретроградного свойства придетъ въ голову открыть походъ противъ университетскаго преподаванія.

Министерство, давая совѣту право и обязанность наблюдать за преподаваніемъ профессоровъ, имѣетъ само достаточную гарантію въ правильности и легальности преподаванія, и своимъ вліяніемъ можетъ устранить вмѣшательства посторонних вѣдомствъ и поставить университетское преподаваніе подъ свой авторитетъ, который, конечно, не долженъ быть нарушаемъ непризванными судьями этого рода. Этотъ просвѣщенный авторитетъ, не допускающій чужаго вмѣшательства какъ въ преподаваніи, такъ и въ другихъ положеніяхъ и обстоятельствахъ университетской жизни, при сильной автономіи самихъ университетовъ, при уваженіи къ общественному мнѣнію, при уваженіи къ стремленіямъ научнаго изслѣдованія, дастъ, безъ сомнѣнія,

---

шему повелѣнію, отправился ревизовать Казанскій университетъ (тамъ же II, 18).—Подъ 18-мъ сентября того же 55-го года Никитенко заноситъ въ Дневникъ. „Секретный разговоръ съ министромъ объ одномъ изъ нашихъ профессоровъ (Утинъ, Спасовичъ, Костомаровъ или Кавелинъ?), который будто бы проповѣдуетъ либерализмъ съ каѳедры: объ этомъ *кто-то* донесъ министру. Спрашивалъ моего мнѣнія. Чтобъ не дать искрѣ разгорѣться, я взялся переговорить съ ректоромъ. Тутъ, конечно, нѣтъ намѣренія, а или неосторожность или ложное истолкованіе словъ. Какъ бы то ни было это очень непріятное дѣло, и *достойный* человѣкъ можетъ *пострадать*, а мы и такъ не богаты подобными людьми“ (тамъ же, II, 23). —Тотъ же проф. Никитенко далѣе передаетъ со словъ графа Блудова не безынтересныя и точныя свѣдѣнія изъ исторіи печальной памяти III отдѣленія: Булгаринъ (литераторъ) участвовалъ въ службѣ по тайной полиціи во время Бенкендорфа... Въ это же время въ одномъ изъ докладовъ III отдѣленія обвинены были въ *крайнемъ либерализмѣ* кн. Вяземскій (впослѣдствіи тов. мин. народ. просв.), министръ юстиціи Дашковъ (!) (въ концѣ 20-хъ годовъ) и самъ гр. Блудовъ (!!). (Тамъ же, II, 50).

самые вѣрные залоги будущаго развитія нашихъ университетовъ» [55]).

Вопроса о границахъ академической свободы коснулся и г. *Георгіевскій*, дѣлавшій въ Ученомъ Комитетѣ докладъ по этому предмету. По поводу сдѣланнаго профессорами Московской Духовной Академіи предложенія вмѣнить преподавателямъ въ обязанность «излагать порученный имъ предметъ, согласно съ современными требованіями науки, въ какой мѣрѣ они *не противорѣчатъ* истинамъ христіанской религіи и основаніямъ нравственности и общественнаго порядка», г. Георгіевскій полагалъ, что «такъ какъ эти истины и основаніе и безъ того уже достаточно охраняются общими законоположеніями Россійской Имперіи, которыя простираются столько же на преподавателей, какъ и на всѣхъ гражданъ, то внесеніе такого дополненія представляется излишнимъ и даже вреднымъ, такъ какъ оно можетъ дать поводъ думать, будто бы истины христіанской религіи и основанія нравственности и общественнаго порядка несовмѣстны со многими результатами современной науки» [56]).

Нѣкоторыхъ сторонъ академической жизни коснулся въ своемъ отзывѣ и г. *(нынѣ графъ)* **Деляновъ**. Такъ. онъ возражалъ настойчиво противъ тенденціи проекта затруднить доступъ въ университетъ вольнослушателямъ установленіемъ стѣснительнаго условія въ видѣ достиженія 21-го года. «Чрезъ это писалъ онъ, многіе молодые люди, не проходившіе гимназическаго курса, но посвятившіе себя изученію какой-либо науки или промышленному занятію, будутъ лишены возможности совершенствоваться въ избранныя ими спеціальности только потому, что не достигли 21-го года; съ другой стороны, лишатся также возможности наслаждаться преподаваніемъ извѣстныхъ и даровитыхъ профессоровъ и такіе молодые люди, которые пожелали бы слушать ихъ безъ особой цѣли, хотя просто для препровожденія времени. Кажется, для общества и для общественной нравственности гораздо полезнѣе, чтобы наполнялись аудиторіи университетскія, нежели публичныя гулянія, трактиры и тому подобныя мѣста. Это не-

---

55) См. ч. I, стр. 152, и. Замѣчаній.

56) См. и. Журналы Ученаго Комитета, стр. 217.

ьственное (sic) удаленіе отъ университетовъ всѣхъ ищущихъ
нія или находящихъ удовольствіе слушать любимыхъ ими
подавателей, единственно по недостиженію ими совершенно-
ія будетъ имѣть весьма *вредное* вліяніе *и на преподаваніе:*
фессоръ, находясь, постоянно предъ своими слушателями
дентами привыкаетъ къ нимъ, какъ къ семьѣ своей; зная, что
тупъ постороннимъ въ его аудиторію сопряженъ съ боль-
ми затрудненіями, онъ легко привыкнетъ *не приготовляться*
лекціямъ и *повторять одно и то же* въ продолженіе нѣ-
лькихъ лѣтъ сряду. *Открытость* университетовъ съ соблю-
еніемъ нѣкоторыхъ установленныхъ для того финансовыхъ пра-
ъ есть *лучшее* средство поддержать преподаванія на той вы-
ѣ, на которой оно должно стоять для того, чтобы удовлетво-
ъ современнымъ требованіямъ науки и общества. Что касается
сли, что отъ сближенія постороннихъ слушателей съ студен-
ми происходили и будутъ происходить безпорядки въ универ-
етѣ, то это есть *предубѣжденіе* рѣшительно ни на чемъ не
ованное. Опытъ доказалъ совершенно противное, по крайней
рѣ по университету С.-Петербургскому. Университетское на-
ьство можетъ, положа руку на сердце, сказать, что посто-
ніе слушатели никогда не нарушали въ немъ порядка и что
, которые приписываютъ имъ грустныя событія послѣдняго
мени, находятся въ совершенномъ заблужденіи».

Упомянувъ затѣмъ вскользь что арестъ, какъ наказаніе
лѣе или менѣе дѣтское» неудобно примѣнять къ студен-
ъ г. Деляновъ признаетъ полезнымъ, чтобы былъ коман-
ованъ, въ качествѣ депутата, профессоръ на слѣдствія по
литическимъ дѣламъ, къ коимъ привлекаются студенты. «Про-
ссоръ, какъ бывшій самъ студентомъ, могъ бы представить
дѣйствія въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Я знаю, по собствен-
му опыту, заканчиваетъ г. *Деляновъ*, многихъ молодыхъ лю-
, которые бывши студентами, впадали въ крайности, за кото-
я въ случаѣ производства формальнаго слѣдствія могли бы
ть наказаны по всей строгости законовъ; но эта строгость
ла бы въ отношеніи къ нимъ огромною несправедливостью
политическою ошибкою, ибо поразила бы невозвратно въ
омъ зародышѣ отличныхъ людей, которые теперь сами смѣ-

ются надъ своими увлеченіями и клеймятъ (sic) ихъ именемъ Донъ-Кишотизма» [57]).

Любопытно такъ же разсужденіе и заключеніе ученаго Комитета *о допущеніи* сторонникъ слушателей и *женщинъ* въ университетъ, *единогласно* принятое и внесенное въ объяснительную записку къ проекту. «Наши университеты съ давняго времени, пишетъ Ученый Комитетъ, сдѣлались заведеніями не только воспитательными, но и общеобразовательными; ихъ стали посѣщать люди посторонніе, любознательные, находящіе наслажденіе въ трудѣ мысли и посвящающіе ему свободныя отъ занятій минуты. По всеобщему убѣжденію, высказанному въ собранныхъ на проектъ Устава мнѣніяхъ, нельзя устранить изъ университета публику, не причинивъ чрезъ то *существеннаго вреда народному просвѣщенію и не повредивъ самимъ университетамъ*, какъ его разсадникамъ. Присутствіе публики весьма полезно не только потому, что оно служитъ средствомъ распространенія въ массахъ истинъ, добытыхъ наукою, но и потому, что оно *не даетъ преподавателямъ заснуть на лаврахъ*, читать одно и то же по тетрадкамъ, разъ навсегда заготовленнымъ, заставляетъ ихъ работать и обновлять свое преподаваніе» [58]).

При допущеніи публики на лекціи писалъ Ученый Комитетъ, *нѣтъ основанія устранять женщинъ* ссылаясь при этомъ на мнѣнія компетентныхъ судей въ этомъ дѣлѣ—совѣтовъ коренныхъ русскихъ университетовъ. Въ университеты, *за исключеніемъ одного*, высказались положительно въ пользу допущенія женщинъ, не только къ слушанію лекцій, но и къ испытаніямъ на ученыя степени. Противнаго мнѣнія былъ одинъ только университетъ *Московскій* (къ нему присоединился и Дерптскій), да и тотъ не подкрѣпилъ этого мнѣнія никакими уважительными мотивами, а отозвался только, что присутствіе женщинъ «[illegible] жетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей».

[57]) См. п. Замѣчанія ч. I, стр. 228, 229, 230.

[58]) См. стр. 101—103 Проекта Общ. Устава Росс. Унив. СПб. 1862 (оффиц. изданіе). — Примѣчаніе къ ст. 100 Проекта, разрѣшавшее [illegible] ступъ женщинамъ въ университетъ, было вычеркнуто «Строгановской Коммиссіей.

Самый обстоятельный отзывъ по вопросу о высшемъ женскомъ образованіи представилъ Совѣтъ С.-Петербургскаго университета, основываясь на заключеніи своей Комиссіи (въ составѣ проф. А. Савича, К. Д. Кавелина, М. М. Стасюлевича и К. Толстунскаго). Вотъ что, между прочимъ, писалъ Совѣтъ [59]).— «Допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ курсовъ, говорится въ отзывѣ университета, могло представлять, и въ нѣкоторыхъ странахъ до сихъ поръ представляетъ только одно препятствіе, а именно—*новости самаго явленія и исторической привычки* къ противоположному порядку дѣла. Англійскіе, французскіе и нѣмецкіе университеты не допускаютъ присутствія женщинъ на своихъ лекціяхъ по историческому преданію, сложившемуся въ монастырскую эпоху средневѣковыхъ университетовъ; не говоря о допущеніи женщинъ, для оксфордскаго университета можетъ еще и теперь существовать, какъ серьезный вопросъ, вопросъ о разрѣшеніи студентамъ носить, вмѣсто полумонашескаго костюма, костюмъ свѣтскій. Другіе западные университеты въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, давно уже сдѣлали шагъ впередъ; но по отношенію вопроса о допущеніи женщинъ въ свои аудиторіи они продолжаютъ носить монастырскую форму. Только одна эпоха «возрожденія» въ XV и XVI вѣкѣ представляла исключеніе въ этомъ случаѣ и женщины тогда не только изучали университетскіе курсы, но нерѣдко и читали ихъ съ каѳедры профессоровъ. Мы, въ такомъ запрещеніи, не имѣли бы даже и историческаго оправданія, оно перенесено было къ намъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ другими университетскими формами, и не стояло потому въ связи съ нашимъ общественнымъ духомъ, ни съ гражданскимъ и юридическимъ порядкомъ вещей. Наконецъ, насъ не можетъ удерживать непривычка и новость, потому что въ теченіе послѣднихъ двухъ, трехъ лѣтъ аудиторіи С.-Петербургскаго университета были посѣщаемы лицами женскаго пола въ большомъ числѣ. Поэтому на основаніи опыта, мы можемъ утверждать, что присутствіе дамъ въ аудиторіи не только никогда не подавало повода ни къ какому безпорядку, но даже, напротивъ, могло

[59]) См. н. Замѣчанія, ч. II, стр. 523.

держать студентовъ въ предѣлахъ самаго строгаго приличія. Точно также дамы не могли никогда препятствовать ученому систематическому изложенію вопросовъ науки съ каѳедры, потому что не профессоры приходятъ читать дамамъ, а дамы приходятъ слушать профессоровъ. Если бы профессоръ былъ стѣсненъ присутствіемъ дамы, на основаніи предположенія неподготовленности и неразвитости, то для него не менѣе должно быть стѣснительно присутствіе вольнослушателей, которыхъ познанія и развитость ему одинаково неизвѣстны. Между тѣмъ ни одинъ профессоръ не жаловался на присутствіе вольнослушателей въ своей аудиторіи. Если женщинѣ дано право быть читательницею книги, авторомъ произведенія, то на какомъ основаніи можно ей отказать въ правѣ быть слушательницей лекцій? Профессоръ можетъ напечатать свои лекціи; думаетъ ли онъ при этомъ, что его напечатанная лекція не должна попасться въ руки женщины? Отчего же его могла бы смущать мысль, что, при прочтеніи этой же самой лекціи, можетъ присутствовать женщина. Различіе только въ органѣ воспріятія. Ни одинъ профессоръ не сдѣлалъ при изданіи своихъ лекцій запрещенія дамамъ читать ихъ; почему же онъ могъ бы искать такого запрещенія при устномъ ихъ прочтеніи?

«Но кромѣ отсутствія препятствій къ посѣщенію лекцій лицами женскаго пола, кромѣ того, что совмѣстность такого посѣщенія лекцій со студентами можетъ быть принята за вѣрный знакъ добраго состоянія нравовъ въ нашемъ отечествѣ, присутствіе дамъ на лекціяхъ можетъ быть признано справедливымъ и полезнымъ. Оно справедливо потому, что женщина, по нашимъ законамъ, пользуется одинаковыми гражданскими правами съ лицами мужскаго пола; она имѣетъ полное право собственности и, какъ владѣтельница, можетъ пользоваться участіемъ въ юридическомъ образованіи. Допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію лекцій можетъ быть признано и полезнымъ, если принять въ соображеніе, что женщина несетъ на себѣ много оффиціальныхъ обязанностей по воспитанію и обученію, успѣшное исполненіе которыхъ обусловливается вообще состояніемъ наукъ, представителемъ которыхъ стремится быть университетъ.

«При такомъ взглядѣ на вопросъ, условія къ допущенію лицъ женскаго пола въ университетъ не могутъ и не должны быть отличны отъ общихъ условій съ вольнослушателями, даже не принимая въ соображеніе ту пользу, которую можетъ принести женщина съ просвѣщеннымъ умомъ, какъ мать будущихъ поколѣній. Было бы выгодно *уменьшить* плату съ лицъ женскаго пола за слушаніе лекцій, и это было бы справедливо, потому что едва-ли лица женскаго пола запишутся на цѣлый факультетъ и не ограничатся нѣсколькими, двумя или тремя предметами, ихъ особенно интересующими. Наконецъ, допущеніе лицъ женскаго пола къ испытанію на ученыя степени должно быть принято по совершенному отсутствію причинъ противоположнаго. При экзаменѣ на ученую степень дѣло идетъ о чистомъ званіи, и лица мужскаго пола получаютъ ученую степень вовсе не за то, что они принадлежатъ къ извѣстному полу. Отрицательное рѣшеніе такого вопроса могло бы опираться на несомнѣнныя доказательства невозможности для женщины воспринять истину наравнѣ съ лицами мужскаго пола, а такихъ доказательствъ мы неимѣемъ. Во всякомъ случаѣ, допущеніе лицъ женскаго пола въ аудиторіи и къ экзаменамъ не подвергаетъ никого и никакой опасности, а въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть полезно».

По вопросу о высшемъ женскомъ *медицинскомъ* образованіи были высказаны слѣдующія апріорныя соображенія [60]), которыя, какъ извѣстно, были блистательно оправданы послѣдующимъ многолѣтнимъ опытомъ женщинъ-врачей.

---

[60]) См. тамъ же, стр. 527, ч. 2, н. Замѣчаній. Отмѣтимъ изъ области curiosa замѣчаніе, сдѣланное пресловутымъ «ученымъ» Гречемъ. Предвосхищая аргументацію нынѣшнихъ «мракобѣсовъ», Гречъ усердно рекомендовалъ учредить каѳедру наивнаго «суевѣрія», извѣстнаго подъ именемъ гомеопатіи и, какъ извѣстно, довольно удачно излѣчивающаго... здоровыхъ. «Тысячи, сотни тысячъ излѣченныхъ этимъ дешевымъ и благодѣтельнымъ способомъ отъ тяжкихъ болѣзней и спасенныхъ отъ смерти, вопилъ Гречъ, вопіютъ о снятіи оковъ (sic), которыя тяжелѣе Коломбовскихъ. У насъ въ Россіи умираютъ въ годъ до милліона младенцевъ на первомъ году жизни: введеніемъ гомеопатіи было бы *непремѣнно* спасено 90%. Россія введеніемъ гомеопатіи въ кругъ медицинскихъ наукъ заслужила бы безсмертную славу и благословенія въ человѣчествѣ» и пр. (стр. 130, ч. II Замѣчаній).

1) «Что женщины дѣйствительно способны къ серьезному и дѣльному труду, а, слѣдовательно, и къ *медицинскимъ* занятіямъ—въ этомъ теперь нельзя сомнѣваться всякому, сколько нибудь разсудительному и образованному человѣку, а тѣмъ болѣе медику. Вѣдь медицина есть такая же наука, какъ и другія: она не требуетъ отъ своихъ служителей никакихъ ни сверхъестественныхъ, ни неестественныхъ способностей. Для успѣшнаго занятія ею необходимы—здравый разсудокъ, память, наблюдательность, терпѣніе. Первыхъ двухъ способностей никто не можетъ отвергать въ женщинахъ, а послѣднимъ—у нихъ, кажется, могутъ поучиться и мужчины. Если мы до сихъ поръ у себя не видимъ примѣровъ тому, чтобы женщины въ особенномъ успѣхомъ занимались положительными и опытными науками, въ томъ числѣ и медициной, то это зависитъ не отъ нихъ, а отъ дурныхъ условій, въ которыхъ онѣ находятся, и изъ которыхъ имъ не дозволяютъ выйти, отъ того, что имъ не даютъ возможности заниматься наукой; a ab non esse ad non posse consequentia non valet. Невѣрующимъ въ способность женщинъ заниматься медициной укажемъ на то, что на Западѣ и въ Америкѣ женщины съ успѣхомъ занимаются математикой, физикой и медициной; что въ Италіи есть особые факультеты, въ которыхъ женщины занимаются медициной, и такъ, какъ и намъ дай Богъ! Дѣло, стало быть, ясно какъ день.

2) «Хотя и горько сознаться, а нельзя умолчать о томъ, что нѣкоторые считаютъ для женщинъ *неприличнымъ* заниматься медициной. Что они находятъ здѣсь неприличнаго, этого понять никакъ нельзя, да они и сами не понимаютъ и не могутъ дать никакого раціональнаго объясненія своимъ словамъ. Впрочемъ, причины такого страннаго отзыва объяснить довольно легко. Кому съ самаго дѣтства постоянно твердили, что вотъ это—прилично, а это—неприлично, въ комъ не развили надлежащихъ понятій, на основаніи которыхъ онъ могъ бы произнести здравое и самостоятельное сужденіе о поступкахъ другихъ людей, тотъ, естественно, усвоиваетъ себѣ узкій и тупой взглядъ своихъ наставниковъ и привыкаетъ всѣ поступки подводить подъ фальшивую мѣрку приличія и неприличія. А если спросить этихъ самыхъ господъ: хорошо ли, полезно ли это, или

курно, то они не сумѣютъ отвѣтить. Неприлично, отвѣтимъ мы за нихъ, потому, что никогда еще не было примѣра, чтобы женщина занималась медициной, что это ново, не вошло въ моду; можетъ-ли тутъ быть какая-нибудь рѣчь о приличіи въ общепринятомъ смыслѣ? Другое дѣло—заниматься вздоромъ, это освящено временемъ; вездѣ почти принято, а стало быть и прилично. Что же это за люди? Это люди отжившіе, обломки старины, которые враждебно встрѣчаютъ всякое новое и отрадное явленіе, которымъ душно отъ современнаго направленія. Они, не имѣя сами ни охоты, ни способности къ труду, понятно, должны смотрѣть непріязненно на всякую попытку женщины предаться серьезному занятію, потому что попытка эта есть признакъ самостоятельности, есть самая злая критита на ихъ пустое существованіе. Самая медицина, въ научномъ отношеніи, можетъ выиграть, если женщины станутъ серьезно ею заниматься, потому что она есть наука по преимуществу опытная. Медику вездѣ нужно самому посмотрѣть, послушать, пощупать, измѣрить; многое нужно на себѣ испытать, самому попробовать. Если мы теперь обратимъ вниманіе на женщинъ, въ анатомическомъ и физіологическомъ отношеніяхъ, то увидимъ, что, отличаясь отъ мужчинъ строеніемъ тѣла, онѣ отличаются неизбѣжно и отправленіями: женщины имѣютъ особенности въ дыханіи, особенности въ кровообращеніи, женщина бываетъ матерью. Особенности эти играютъ первую роль въ женскихъ болѣзняхъ. Кому же лучше и удобнѣе изслѣдовать, знать, понимать и объяснять эти особенныя состоянія ихъ, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ и со всѣми послѣдствіями и многочисленными уклоненіями, какъ не женщинѣ, спеціально занимающейся медициной?

3) «Если мы теперь посмотримъ на вопросъ съ юридической точки зрѣнія, то и въ этомъ случаѣ онъ рѣшается въ пользу женщинъ. Законъ предоставляетъ имъ оффиціально должности домашнихъ учительницъ, сестеръ милосердія, смотрительницъ, при больницахъ, акушерокъ; для послѣднихъ есть даже спеціальныя заведенія. Этимъ самымъ онъ допускаетъ тотъ принципъ, по которому женщины могутъ быть у насъ врачами,— такъ какъ обязанности акушерки и врача, различаясь между

собою только степенью и кругомъ дѣятельности, сходит
многихъ пунктахъ, а по цѣли своей онѣ совершенно
ственны.

4) «*Нужны-ли женщины-врачи? Положительно необход*
Всякому извѣстна стыдливость женщинъ; но не всѣмъ изв
что чувство это, прекрасное само по себѣ, влечетъ за
большое зло въ медицинской практикѣ и представляетъ
непреодолимыя препятствія при лѣченіи. Всякому врачу
приходится встрѣчать тѣ прискорбные случаи, что больна
щина проситъ его о помощи, и когда врачъ находитъ нуж
осмотрѣть ее, для опредѣленія болѣзни, то встрѣчаетъ въ
рѣшительный отказъ; тутъ ни просьбы, ни увѣщанія не
гаютъ, и врачу остается довольствоваться только сбивч
и неполнымъ описаніемъ болѣзни со стороны паціентки
нятно, что о раціональномъ лѣченіи здѣсь не можетъ б
рѣчи, и дѣло жизни рѣшается *на-авось*,—обстоятельств
губное для *больной*, чрезвычайно непріятное и для врача!
же часто приходится видѣть, что женщина, зная, по род
мѣсту своей болѣзни, что врачъ непремѣнно попроситъ е
вергнуться осмотру, упорно умолчитъ и скрываетъ свою бо
которая, между тѣмъ, все растетъ, да растетъ, день-о
становится хуже, и когда больная, не имѣя болѣе силъ
носить свою болѣзнь, наконецъ, обращается къ врачу
предоставляетъ себя въ полное его распоряженіе, то, бо
частью, болѣзнь оказывается страшно запущенною и
часто оканчивается смертью. Самые рѣзкіе случаи под
рода всего легче видѣть въ женскихъ клиникахъ и больни

Отмѣтимъ кстати взглядъ на высшее женское образован
сказанный въ 70-хъ годахъ М. Н. Катковымъ, который ка
только въ одномъ этомъ вопросѣ остался вѣренъ своимъ
нимъ либеральнымъ взглядамъ. «Женщина по существу
писалъ онъ, не умалена отъ мужчины; ей не отказано
какихъ дарахъ человѣческой природы, и нѣтъ высоты, к
должна оставаться для нея недоступною. *Наука* и вс
могутъ быть открыты для женщинъ въ такой же силѣ,
для мужчинъ. Свѣтъ науки черезъ женщину можетъ про
въ сферы *менѣе доступныя* для мужчины, и она может

образно способствовать общему развитію народнаго образованія и человѣческому прогрессу»... *).

Мнѣ хочется, писалъ основатель Кембриджскаго университета въ 1341 г., чтобы какъ можно болѣе людей занимались наукою, чтобы наука, эта дорогая жемчужина, не оставалась подъ спудомъ, а распространялась изъ стѣнъ университета во всѣ стороны; чтобы она также могла свѣтить и тѣмъ, кто бредетъ ощупью по темной дорогѣ невѣжества. Избранники, занимающіеся наукою, должны смотрѣть на знаніе, какъ на довѣренное имъ сокровище, составляющее собственность *всею* народа»...

Этой высокой цѣли должно было служить предположенное проэктомъ Унив. Устава открытіе свободнаго доступа сторонним слушателямъ и женщинамъ въ университеты. Благодаря противодѣйствію консерваторовъ, это благое намѣреніе не получило осуществленія.

VI

Если при рѣшеніи университетскаго вопроса вообще студенческіе безпорядки 1861 г. оказывали давленіе, какъ неотвязный кошмаръ, то они a fortiori выступили на первый планъ, когда рѣчь зашла объ устройствѣ студенческаго быта. Иные видѣли въ этомъ печальномъ, но въ то время далеко не разъясненномъ явленіи непререкаемое доказательство умственнаго и нравственнаго убожества, почти поголовнаго умопомѣшательства русскаго юношества и корпоративнаго студенчества, способнаго увлечься самыми нелѣпыми абсурдами, какъ Панургово стадо. Большинство профессоровъ выступило противъ такого невѣрнаго обобщенія (въ томъ числѣ и М. Н. Катковъ).

Одинъ изъ нихъ проф. *В. Д. Спасовичъ* находилъ причины студенческихъ волненій въ недостаткахъ университетскаго устройства. Образовался, писалъ онъ, сильный приливъ жаждущихъ знанія слушателей всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній въ пустыя до сихъ поръ аудиторіи. Всѣ элементы и силы общества пришли въ живое движеніе, которое не могло не сообщиться молодежи. Молодежь вносила изъ общества въ университетъ требованія

*) См. цитату въ Подробномъ Словарѣ Д. А. Ровинскаго, т. II, 498.

суда, порядка законнаго, основаннаго не на произволѣ, личныхъ гарантій, личнаго достоинства. Эти потребности, не находя себѣ удовлетворенія въ существующемъ устройствѣ, вызвали цѣлый рядъ столкновеній между студентами и властью попечительской или между студентами и общею полиціею. Попечители и министерство народнаго просвѣщенія, поставленные лицомъ къ лицу съ студентами, должны были вмѣшиваться въ дрязги и мелочи студенческаго быта и изъ всякаго простаго полицейскаго проступка или изъ уличной исторіи дѣлать вопросъ правительственный, политическій. Въ подобныхъ столкновеніяхъ между студентами и высшею администраціею совѣтъ университета играл странную роль. Изолированный отъ студентовъ по уставу 183 года, совѣтъ не имѣлъ, большею частью, ни желанія, ни возможности посредничать съ успѣхомъ между студентами и министерствомъ; онъ былъ лишенъ всякаго юридическаго основанія к подобному посредничеству. Для радикальнаго излѣченія такого зла и въ предупрежденіе его возможности въ будущемъ, профессоръ Спасовичъ полагалъ необходимымъ дать университет самоуправленіе, укрѣпить совѣтъ, возложить на него обязанность непосредственнаго управленія и учащими и учащимися снабдить этотъ совѣтъ обширною дисциплинарною властью, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать его и отвѣтственнымъ за всѣ могущіе случиться безпорядки, послѣ чего ограничиться только общимъ надзоромъ и наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы университетъ, пользующійся полною внутреннею свободою, самъ, въ свою очередь не мѣшался ни въ какія движенія общественныя и служилъ мирною пристанью для науки [61]).

Дабы не было заподозрѣно приведенное мнѣніе въ односторонности, приведемъ еще взглядъ на студенческіе безпорядки высказанный лицомъ, никогда не заподозрѣннымъ въ чрезмѣрномъ радикализмѣ, профессоромъ Московскаго университета *Ѳ. М Дмитріевымъ*. Онъ писалъ:

Студентамъ было трудно не раздѣлять того возбужденія, которое послѣ долгой дремоты, вдругъ овладѣло нашимъ обществомъ и, рядом съ хорошими явленіями, производитъ также иныя, менѣе желательныя

[61]) См. стр. 176, ч. 2, и. Замѣчаній, а также стр. 22—59, т. IV, соч овича.

Они увлекались, какъ увлекаются другіе, болѣе зрѣлые люди. Это само по себѣ не только не дурно, но несмотря на практическія неудобства, есть въ сущности довольно *хорошій признакъ*. Мы слишкомъ долго страдали полнѣйшимъ отсутствіемъ идеальныхъ стремленій, печальной прозаичностью общества, проникавшей его сверху до низу, чтобы смотрѣть съ большой строгостью даже на нестройные юношескіе порывы. Но, къ несчастію, наше общественное мнѣніе такъ неопредѣленно, наши политическія теоріи до того не сложились, что увлеченія юности не уравновѣшивались зрѣлою мыслію общества, которая могла бы держать ихъ въ границахъ.

Очень понятно, что молодежь, менѣе чѣмъ кто-либо, могла сохранить мѣру и выступала иногда за предѣлы закона. Рядомъ съ этою общею причиной была другая, частная. Она коренилась въ исторіи самаго университетскаго управленія. Послѣ 1848 года для университетовъ началась пора полицейскихъ мѣръ, которыя болѣзненно отзывались на цѣломъ ихъ организмѣ. Преподаваніе было стѣснено. Выходили предписанія не только объ общемъ его характерѣ, но даже о разныхъ частностяхъ. Помнится, даже вопросы о годѣ призванія варяговъ и правильности греческаго произношенія были рѣшены *административнымъ образомъ*. Вакантныя каѳедры замѣщались съ трудомъ, и новыя назначенія встрѣчали на пути не одни научныя соображенія. Студенты были подвергнуты мелкому надзору. Имъ громко внушалось, что прежде всего отъ нихъ требуются не серьезныя занятія, не умственное и нравственное развитіе, а *внѣшняя благонадежность*. Комплектъ, введенный въ университеты, содѣйствовалъ, съ другой стороны, ихъ упадку. При невозможности имѣть болѣе трехсотъ слушателей, трудно было требовать отъ студентовъ дѣйствительнаго знанія. Всякій нѣсколько строгій экзаменъ падалъ не только на слабо приготовленныхъ молодыхъ людей, но и на тѣхъ, которые должны были смѣнить ихъ. Задерживая одного студента, университетъ лишался права принять на его мѣсто другаго. Кромѣ того, дѣтямъ личныхъ дворянъ, если они не находились въ учебномъ заведеніи, было вмѣнено въ обязанность поступать въ военную службу по достиженіи 18-лѣтняго возраста. Разрѣшеніе оставаться на одномъ курсѣ болѣе года было затруднено. Понятно, что добросовѣстныя испытанія становились, при такихъ условіяхъ, нравственною невозможностью. Въ самомъ дѣлѣ, требованія на экзаменахъ все понижались, и выходившіе студенты оказывались все слабѣе и слабѣе. Такъ было до 1855 года. Въ этомъ памятномъ году правительство вдругъ оживило университеты уничтоженіемъ комплекта и *либеральнымъ взглядомъ на общественное воспитаніе*. Студенты избавились отъ безполезно-строгой дисциплины. Но переходъ отъ прежняго порядка къ новому не могъ совершиться безъ нѣкоторыхъ колебаній. Внѣшняя дисциплина, когда она становится не средствомъ, а цѣлью, имѣетъ то вредное послѣдствіе, что *отучаетъ* людей отъ самодѣятельности. Не мудрено послѣ этого, что молодые люди, осво-

бодись отъ прежняго надзора, воспользовались своимъ в
ніемъ не для того, чтобы серьезнѣе обратиться къ труду
явленія разныхъ неумѣренныхъ требованій. Начались не
рядки, и такъ какъ причины ихъ вездѣ были одинаковы
рились почти во всѣхъ университетахъ. Эти безпоряд
имѣли въ себѣ ничего серьезнаго, и если на нихъ с
вниманіе, то только потому, что своимъ повтореніемъ о
подаванію и еще болѣе отучали студентовъ отъ труда.
относились къ тѣсному кругу университетскаго быта и о
шою неопредѣленностью. Студенты то отстаивали право
мнѣніе о преподаваніи, то жаловались на какія-нибудь
вовсе не важныя, то, наконецъ, утверждали, что ихъ до
жать нѣкоторая доля въ университетскомъ управленіи.
характеръ этихъ неисполнимыхъ притязаній ясно показыв
было дѣлать для прекращенія волненій. Надобно было,
отъ либеральныхъ мѣръ, возстановившихъ естественный
ситетской жизни, твердою рукою останавливать всякое
рядка. Но поворотъ общественнаго мнѣнія противъ ди
пріемовъ былъ слишкомъ силенъ, и вмѣсто такого пр
дѣйствіи, искали причины волненій въ самомъ университе
ствѣ и начали думать, какъ бы измѣнить его въ духѣ н
Отсюда цѣлый рядъ половинныхъ мѣръ, безъ опредѣленна
цѣлый рядъ постановленій, вводившихся въ видѣ опыта

Особаго вниманія заслуживаютъ отношеніе къ
скому уставу 1863 г. М. Н. Каткова, который та
собствовалъ и его составленію, и его разрушенію.
который онъ сохранилъ до конца дней своихъ, но
мѣрною непримиримостью, крайнею партійною одно
и безпредѣльною самонадѣянностью, которыя, об
при первыхъ же публицистическихъ дебютахъ [63])

---

[62]) См. стр. 396, ч. 2 н. Замѣчаній.

[63]) Характеризуя этого «неистоваго трибуна съ зелен
какъ назвалъ Каткова Мазадъ, Никитенко уже въ август
чаетъ: «Московскія Вѣдомости» иногда со своими совѣ
правительству заходятъ слишкомъ далеко, и какъ онѣ им
говорить обо всемъ *диктаторскимъ* тономъ, то это стан
нимымъ. Имъ, по извѣстнымъ причинамъ, даютъ больше
гимъ газетамъ» (II, 397). Затѣмъ черезъ нѣсколько дней
шетъ: «трудно имѣть дѣло съ людьми, находящимися въ
состояніи, а Катковъ до того упился самолюбіемъ отъ г

томъ перешли въ повелительное нахальство преуспѣвающаго, зазнавшагося оппортюниста, въ настоящую mania grandiosa [64]) непогрѣшимаго оракула,—громилъ онъ полу-оффиціальный петербургскій проектъ о *свободныхъ* университетахъ. «Если мы обратимъ вниманіе на мнѣніе старѣйшихъ университетовъ Европы,—писалъ Катковъ въ «Современной лѣтописи» *Русскаго Вѣстника* изобильно уснащая свою рѣчь специфическими «Катковскими» перлами,—то встрѣтимъ почти единогласный утвердительный отвѣтъ въ пользу воспитательнаго значенья университетовъ. У насъ по этому предмету, какъ почти по всѣмъ (sic) сколько - нибудь важнымъ предметамъ, господствуетъ совершеннѣйшій *хаосъ* мыслей. Если мы не ошибаемся, передовому человѣку поставлено у насъ въ обязанность отрицать воспитательное значенье университетовъ. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ русскій передовой человѣкъ *не отрицать* того, что признается всѣмъ свѣтомъ! Этимъ онъ обнаружилъ бы свою несостоятельность, показалъ бы, что онъ недостаточно прогрессивный человѣкъ» [65]).

Отнеся такимъ образомъ въ лагерь «отрицателей» не только благонамѣреннаго цензора Никитенко, но и бывшаго попечителя генерала Филипсона и дѣйст. тайн. сов. Брадке, Катковъ выступаетъ въ союзѣ съ другими «отрицателями» въ родѣ проф. Спасовича, Стасюлевича, Кавелина и др., за «преобразованіе, а не разрушеніе университета, а также *за сохраненіе* существующей студенческой корпораціи». «Нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, писалъ Катковъ, выступившій впослѣдствіи ярымъ агитаторомъ коренной ломки университетскаго Устава 1863 г., будто бы для свободнаго движенія нуженъ *разрывъ съ прошедшимъ*. Нѣтъ ничего противоположнѣе истинному движенью, какъ эта малодушная готовность, при первой неудачѣ, бросать дѣло и начинать работу съизнова. Ничего нѣтъ *убійственнѣе* для жизни, какъ этотъ духъ ломки и презрѣнія къ прошедшему, признающій всѣ

успѣха, что съ нимъ уже нельзя вести себя, какъ съ человѣкомъ въ здравомъ умѣ». (II, 399 - 400).

[64]) Катковымъ овладѣло невыносимое, непомѣрное высокомѣріе, отмѣчаетъ опять Никитенко въ 1870 г. (III, 49).

[65]) Стр. 278, ч. II Замѣчаній.

жая студенчество, вы убиваете университетъ. Университетское корпоративное устройство должно обнимать собой не только профессоровъ, но и студентовъ. Студенческій бытъ есть одинъ изъ воспитательныхъ элементовъ этого устройства. Если онъ дуренъ въ томъ или другомъ университетѣ, то надобно заботиться объ его улучшеніи, но уничтожать его не слѣдуетъ.

Міръ студенческихъ отношеній есть особенный міръ, въ тысячу разъ менѣе сложный, чѣмъ общество, и потому въ тысячу разъ болѣе удобный для пріобрѣтенія первыхъ опытовъ жизни. Товарищескія связи, товарищескія столкновенія, происходящія въ тѣсномъ кругу студенческаго быта, подъ вліяніемъ вѣковыхъ студенческихъ преданій и на глазахъ доброжелательной корпораціи наставниковъ, воспитываютъ и развиваютъ нравственныя силы молодаго человѣка. Студенческая жизнь не даромъ принадлежитъ къ дорогимъ воспоминаніямъ всякаго, учившагося въ порядочномъ университетѣ[63]). Это пора безкорыстнаго размѣна первыми мыслями и чувствами, та пора, когда легко завязывается дружба, когда проза жизни еще не вступаетъ въ свои права, когда человѣкъ только предвкушаетъ тяжкую борьбу, ожидающую его въ дальнѣйшей жизни, и собирается съ силами, чтобъ успѣшно выдерживать житейское испытаніе. Пульверизація студенческаго быта значительно уменьшила бы ту нравственную пользу, которую получаютъ студенты отъ пребыванія въ

---

[63]) Если среди этой пустыни, представляемой университетской наукою дореформеннаго времени, встрѣчались оазисы съ живою водою, въ которыхъ университетская молодежь утоляла свою духовную жажду, находила какой нибудь отголосокъ своимъ молодымъ благороднымъ порывамъ къ добру и истинѣ, то это была студенческая товарищеская среда. Вспоминая времена своего студенчества, К. С. Аксаковъ писалъ въ 1862 г. „Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна молодость человѣка, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и *званіемъ студента*“ (*День*, 1862 г., № 39). Герценъ, такъ отзывается о московскихъ студенческихъ кружкахъ своего времени: „Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ..., и студентъ, который вздумалъ бы у насъ хвастаться своей бѣлой костью или богатствомъ, былъ бы отлученъ „отъ воды и огня“... Молодежь была прекрасная въ нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣнь равно исчезали, не замѣнялись еще нѣмецкимъ утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозомъ, для усиленной жатвы. Порядочный

университетѣ. Но чтобы не было пульверизаціи, для этого необходимы *болѣе тѣсныя связи между студентами, а не одно слушаніе университетскихъ лекцій;* необходимо, чтобъ и въ студенчествѣ были *корпоративныя связи,* — не тѣ, конечно, лже-корпоративныя связи, которыя нынѣ ждаются во внѣшней одеждѣ или внѣшнихъ мѣткахъ, возбуждающихъ реакцію противъ себя въ самомъ студенчествѣ европейскихъ университетовъ, а тѣ истинно корпоративныя связи, благодаря которымъ корпоративное начало составляетъ такой важный элементъ въ общественномъ и политическомъ бытѣ. Сущность корпораціи состоитъ *въ охраненіи преданій;* непрерывная преемственность преданій, постоянная работа ассимиляціи условливаются вліяніемъ, которое старшіе члены корпораціи оказываютъ на младшихъ. Оканчивающіе курсъ должны дѣйствовать на нововступающихъ, окончившіе курсъ на оканчивающихъ, и такъ далѣе до профессоровъ. Между всѣми должны быть взаимныя связи, и въ этихъ связяхъ должны быть степени, отъ профессора до нововступающаго студента. Несущіе свѣтильникъ должны преемственно передавать его другъ другу. Въ нашихъ университетахъ до сихъ поръ была слаба эта кор-

---

кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассессоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ. Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало *гражданскую нравственность студентовъ.* Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи открыто все, что̀ приходило въ голову"... „Чиновники знаютъ только гражданскія и уголовныя дѣла, купецъ считаетъ дѣломъ одну торговлю... По моему служитъ связью, центромъ цѣлаго круга людей — огромное дѣло, особенно въ обществѣ разобщенномъ .. Меня никто не упрекалъ въ праздности, кое-что изъ сдѣланнаго мною нравилось многимъ; а знаютъ ли, сколько во всемъ, сдѣланномъ мною, отразились наши бесѣды, наши споры, ночи, которыя мы праздно бродили по улицамъ и полямъ"... Въ этой благородной и чистой гражданской школѣ альтруизма, равенства и гуманности получили свое воспитаніе воспитатели поколѣнія дѣятелей освободительной эпохи: великій публицистъ-критикъ, — исключенный изъ университета оффиціально „за неспособность", а на дѣлѣ за протестъ противъ крѣпостнаго права, — Бѣлинскій (по словамъ И. С. Аксакова, политическаго противника Бѣлинскаго, все, что было въ провинціи честнаго и мыслящаго въ дореформенной Россіи, воспиталось на Бѣлинскомъ — см. Письма III, 290 и прекрасныя статьи В. Е. Якушкина „В. Г. Бѣлинскій" въ № 142 и слѣд. *Русскихъ Вѣдомостей* за 1893 г.), утѣшеніе, краса и гордость московскаго университета Грановскій, а также М. Н. Катковъ, такъ блистательно начавшій свою публицистическую карьеру горячимъ служеніемъ освободительнымъ идеямъ-

ративная связь, но успѣхъ долженъ состоять *въ усиленіи, а не въ ослабленіи ея* [69]).

Какъ на вѣрный регуляторъ и путеводитель корпоративной изни студентовъ, Катковъ указываетъ на духъ университетой науки, который долженъ *объединить профессоровъ и студентовъ*. Вообще центръ тяжести университетскаго вопроса атковъ видѣлъ, подобно многимъ другимъ, въ оживленіи корпоративной самодѣятельности университетской коллегіи. «Въ ниверситетахъ нашихъ, писалъ Катковъ, повторялось въ маломъ видѣ то, что происходило во всей нашей общественной изни: всякій зналъ *только себя* и мало интересовался дѣлами, ѣющими общее значенье, живой и дѣятельной связи между ленами университета не было, а университетская корпорація ыла лишь отдаленнымъ, слабымъ и почти не вразумительнымъ амекомъ на то, чѣмъ ей слѣдуетъ быть».

Признавая вліяніе того или другого характера университетаго устава, но не придавая ему абсолютнаго значенія, Катовъ, какъ-бы пророчески, указалъ послѣдующія судьбы университетской науки. «Улучшеніе учрежденій, подобныхъ университету, говорилъ онъ, зависитъ не отъ уставовъ только, а отъ духа ъ нихъ живущаго; университетскій духъ есть духъ науки, а его, оворя словами Тацита: facilius oppresseris quam revocaveris — егче подавить, чѣмъ воззвать къ жизни» [70]).

Приведемъ, въ заключеніе отзывъ, командированнаго за-граицу, для ознакомленія съ за-граничными университетскими орядками, проф. К. Д. Кавелина о тамошнихъ студенческихъ орпораціяхъ.

Всѣ профессоры, ректоры, кураторы, университетскіе чиновники и даже педеля, съ которыми К. Д. Кавелину случалось говорить объ этомъ предметѣ, высказывались единогласно въ

---

[69]) См. тамъ же, 287—289.

[70]) См. тамъ же, стр. 279. — Какъ бы въ примѣръ того, до чего можетъ дойти паденіе университетской науки при безсиліи Совѣта университета, Катковъ указываетъ на *плохую латынь* медали, выбитой въ 1855 г. въ память столѣтія Московскаго Университета, и на то, что тогда же *стѣшали* основателя И. И. Шувалова съ братомъ его П И. (см. тамъ же, стр. 291).

пользу разрѣшенія свободнаго образованія студенческихъ обществъ. Они находятъ, что существованіе такихъ обществъ представляетъ въ отношеніи къ надзору за студентами, къ разысканію виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, наконецъ, въ отношеніи къ сохраненію дисциплины и порядка между студентами, ничѣмъ не замѣнимыя преимущества для ближайшаго университетскаго начальства. Эти хорошія стороны заключаются, по ихъ словамъ, въ слѣдующемъ: 1) университетское начальство имѣетъ дѣло не со всею массою студентовъ, а съ ихъ выборными, стоящими во главѣ обществъ; а выборные гораздо лучше умѣютъ держать своихъ студентовъ въ порядкѣ и дисциплинѣ, чѣмъ педели и университетскія власти; 2) слѣдить за направленіемъ, образомъ жизни, родомъ занятій студентовъ, когда они разгруппированы на общества, гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ за каждымъ студентомъ въ отдѣльности. Такъ какъ самые дѣятельные, подвижные, талантливые, живые и увлекающіеся молодые люди, почти всегда непремѣнно принадлежатъ къ какому-нибудь студенческому обществу, а отъ нихъ преимущественно идутъ разные проступки и шалости, то, при существованіи общества, университетское начальство можетъ сосредоточить все свое вниманіе и надзоръ на нихъ однихъ, въ особенности на тѣхъ, которые въ полицейскомъ и дисциплинарномъ отношеніи оказываются менѣе надежными; 3) въ студенческихъ обществахъ всегда необходимо образуется понятіе о достоинствѣ и чести, которое вноситъ въ студенческій бытъ нравственный элементъ, заставляетъ молодыхъ людей наблюдать другъ за другомъ и тѣмъ воздерживаетъ большинство ихъ отъ предосудительныхъ поступковъ, наносящихъ безчестіе кружку или цѣлому университету; 4) нравственная отвѣтственность выборныхъ за поведеніе студенческихъ кружковъ заставляетъ и выборныхъ и членовъ обществъ быть осторожнѣе и осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, рождаетъ внутреннюю дисциплину между студентами, безъ которой всѣ усилія университетскаго начальства водворить и поддержать въ университетѣ порядокъ и хорошіе нравы не ведутъ ни къ чему; 5) въ случаѣ проступковъ или преступленій, совершенныхъ неизвѣстно кѣмъ изъ студентовъ, гораздо легче разслѣдовать

иновнаго при существованіи общества, чѣмъ когда всѣ студенты слиты въ одну сплошную, безразличную массу. Есть проступки унизительные, безнравственные, подлые, наносящіе безчестіе обществу студентовъ; такіе разыскиваются очень легко и скоро самими студентами, которые, разумѣется, не хотятъ, чтобы на всѣхъ ихъ падало подозрѣніе. Въ случаѣ проступковъ и преступленій другаго рода, когда нельзя ожидать содѣйствія студентовъ въ разысканіи виновнаго, университетское начальство, по свойству проступка, всегда примѣрно знаетъ или можетъ догадываться, изъ какого именно общества могъ выйти тотъ или другой проступокъ, и потому несравненно легче и скорѣе можетъ услѣдить виновнаго, чѣмъ когда направленія разныхъ кружковъ таятся во мракѣ, и вслѣдствіе запрещенія обществъ не смѣютъ прямо и открыто выступать на свѣтъ Божій [71]).

По первоначальному проекту унив. устава (§ 122) косвенно разрѣшалось существованіе студенческихъ корпорацій и сходки, если они не преслѣдовали цѣли *незаконной* (пп. б. и в.), однако впослѣдствіи, при окончательной редакціи устава, послѣдовало полное ихъ воспрещеніе.

Въ оффиціальномъ комментаріи къ уставу 1863 г., въ объясненіе такого воспрещенія говорилось: «часть нашего общества, не исключая даже нѣкоторыхъ литературныхъ представителей, смотрятъ на студентовъ съ какимъ-то страннымъ *предубѣжденіемъ* и видимымъ *враждебнымъ* чувствомъ; она готова всякій поступокъ университетской молодежи, всякое и стремленіе перетолковать въ дурную сторону. Въ прошломъ (1862 г.) журналы и газеты осмѣлились взвести на студентовъ *гнусную клевету*, будто петербургскіе пожары произошли по ихъ умыслу... Если при такомъ настроеніи общества законить студенческія корпораціи и чрезъ это возложить на университеты отвѣтственность за всѣ ихъ дѣйствія, то очевидныя разныя *нелѣпыя обвиненія* обратятся противъ самихъ университетовъ, и тогда наши ученыя сословія, къ явному униженію (?) своего достоинства, вынуждены будутъ защищаться противъ вся-

---

[71]) См. оффиц. сбор. «Университетскій вопросъ» 1863, стр. 42—43.

кихъ нападеній, какія *вздумалось-бы* возводить на нихъ издателямъ *газетъ* и малоразвитому обществу» [72]).

Слабость приведенной аргументаціи сразу бросается въ глаза. Можно подумать, что наши газеты и журналы въ 1862 году пользовались абсолютною свободою, а не выходили подъ строгою предварительною цензурою. Если же она не мѣшала появленію «гнусныхъ клеветъ» на студентовъ, то на это вѣроятно были свои причины [73]), и вообще крайне сомнительно, чтобы именно приведенные оффиціальные мотивы имѣли рѣшающее значеніе при обсужденіи вопроса о студенческихъ корпораціяхъ.

VII

18-го іюня 1863 г. былъ Высочайше утвержденъ новый университетскій уставъ, въ которомъ мин. народ. просв. А. В. Головнинъ далеко не вполнѣ успѣлъ осуществить свою либеральную программу. Въ указѣ Сенату реформа мотивировалась желаніемъ преобразовать университеты «согласно современнымъ потребностямъ».

Уставъ 1863 г. предоставилъ совѣтамъ значительную долю самоуправленія, сохранивъ однако за попечителемъ неопредѣленную но довольно широкую дискреціонную власть (§ 26). При организаціи самоуправленія далеко не были соблюдены всѣ гарантіи, какія рекомендовались лицами, дѣлавшими замѣчанія на проектъ...

Подводить итоги [74]) университетской реформы 63-го года не соотвѣтствуетъ ни силамъ [75]), ни задачѣ автора.

[72]) См. назв. оффиц. сбор., стр. 92.

[73]) Цензоръ Никитенко заноситъ въ свой дневникъ въ іюнѣ 1862 г. Народъ все думаетъ, что поджигаютъ студенты. Мин. народ. просв. Головнинъ писалъ Валуеву (мин. внутр. дѣлъ), чтобы тотъ сдѣлалъ объявленіе въ томъ смыслѣ, что напрасно обвиняютъ студентовъ. Валуевъ *отказалъ*. (II, 333).

[74]) Число каѳедръ было увеличено на историк. филол. съ 8 на 11, на физико-матем. съ 8 на 12, на юридич. съ 7 на 13, на медицинскомъ съ 10 на 16.—Число преподавателей увеличено въ общемъ съ 265 на 443 (См. н. сбор. Унив. Уст. 74, 82, 107).

Оклады профессоровъ были возвышены до двухъ и трехъ тысячъ, т. е. почти удвоены. Общая смѣта университетовъ съ 988.000 р. по новымъ штатамъ была увеличена до 1.760,000 р.

[75]) Въ брошюрѣ проф. Модестова «Русская наука въ послѣднія два

Но мы не можемъ не привести свидѣтельства одного авторитетнаго эксперта, по истинѣ наставника юношества и мудреца, проф. Рѣдкина, воспитавшаго множество поколѣній университетской молодежи, (въ томъ числѣ и то [76]), которому довелось впослѣдствіи писать уставъ 1863 г.), начиная съ мрачной эпохи 30-хъ—40-хъ годовъ, продолжая временемъ красной весны 60-хъ годовъ и кончая сѣрой осенью послѣдующихъ лѣтъ. Уставъ 1863 г. далекій отъ совершенства, какъ плодъ неискренняго компромисса, былъ однако, по удостовѣренію этого безпристрастнаго и компетентнаго судьи, предъ нравственнымъ авторитетомъ котораго должна умолкнуть вражда и скептицизмъ самыхъ завзятыхъ laudatores temporis acti, былъ большой шагъ впередъ.

Открывая свой курсъ энциклопедіи юридическихъ *и политическихъ наукъ*, энциклопедіи *права*, каѳедра коей впервые введена была уставомъ, въ замѣнъ прежней энциклопедіи *законовѣдѣнія*,— проф. Рѣдкинъ въ своей первой вступительной лекціи 1863 года рельефно очертилъ сущность перемѣны, произведенной университетскою реформою въ области юридическихъ и другихъ наукъ. Въ прежнее время университетамъ ставилось задачею приготовить не юристовъ, а «законниковъ», выдолбившихъ основательно букву постановленій свода законовъ, безъ малѣйшей критики ихъ съ точки зрѣнія юридическихъ и политическихъ наукъ. Уставъ 1863 г. на мѣсто такого механическаго преподаванія одного текста законодательства ввелъ изученіе *права*, какъ науки самостоятельной и не имѣющей иной цѣли, кромѣ отысканія истины и правды чистой, а не приноровленной ad usum delphini. «Судите меня, говорилъ Рѣдкинъ, приступая къ выполненію крайне сложной, трудной и отвѣтственной задачи, возло-

---

цать пять лѣтъ» указаны вкратцѣ успѣхи русской университетской науки во всѣхъ областяхъ знанія, особенно же естествознанія. Какъ на одинъ изъ признаковъ поднятія научнаго уровня г. Модестовъ указываетъ небывалое явленіе—на приглашеніе бывшаго профессора Московскаго университета М. М. Ковалевскаго въ заграничные университеты (стр. 22).

[76]) Проф. Рѣдкинъ указываетъ, что пригласившій его въ С.-Петербургскій университет. попечитель Округа И. Д. Делляновъ былъ его ученикомъ. (Изъ Лекцій, I, 20).

женной на *новую* каѳедру, *судите—на то я сюда и пришелъ*, какъ лицо публичное, не только признающее, но желающее критики для пользы самого дѣла, какъ профессоръ университета, того высшаго ученаго и учебнаго учрежденія, гдѣ *замолкаютъ авторитеты* и начинаетъ говорить *сама истина*, сама наука въ современномъ ея состояніи, наука самостоятельная, какъ самостоятельна истина, наука, независимая ни отъ какихъ посторонихъ внѣшнихъ цѣлей, ни отъ какихъ предубѣжденій и предразсудковъ, наука безстрашная, не останавливающаяся ни передъ какими результатами, наука *самоцѣльная*, дорожащая каждою истиною, хотя бы еще не приложимою къ жизни въ настоящее время въ томъ убѣжденіи, что истина, какъ разумное, рано или поздно осуществится, что, по нашей народной пословицѣ: «все минется одна правда останется», а потому вмѣстѣ и практическая въ истинномъ смыслѣ этого слова, ибо непрактичное—не истина, а ложь» [77]).

Упомянувъ въ одной изъ своихъ послѣдующихъ вступительныхъ лекцій о значеніи университетской науки для жизни маститый правоучитель говорилъ:

«Какъ *истые юристы*, состоя въ должности судьи, адвоката и т. п. вы на первыхъ порахъ не будете, конечно, въ состояніи процитировать слово въ слово множество статей изъ Свода Законовъ, но знакомые съ *началами права* вообще и права отечественнаго въ особенности, вы возведете къ нимъ все безчисленное множество нашихъ законоположеній, вы поймете ихъ внутреннюю связь, вы вникнете въ то, что поверхностному наблюдателю обыкновенно кажется противорѣчіемъ между законами; вы найдете пробѣлы въ нашемъ законодательствѣ, для восполненія которыхъ не будете безпрестанно тревожить законодателя, а изъ имѣющихся уже, вами сознанныхъ *общихъ началъ*, будете выводить сами рѣшенія [78]). Вы пріобрѣтете этимъ

---

[77]) См. стр. 20, т. I. Изъ лекціи Рѣдкина.

[78]) Полновѣснымъ подтвержденіемъ словъ проф. Рѣдкина можетъ служить замѣчательная книга г. Боровиковскаго «Отчетъ судьи» см. разборъ въ статьѣ моей «Гражданское правосудіе въ духѣ Судебныхъ Уставовъ» въ Сборн. въ пользу голодающихъ изд. *Русск. Мысли* и въ № 5 *Русск. Мысли* 1893 г.

практическій тактъ въ судебныхъ дѣлахъ, которымъ обыкновенно похваляются посѣдѣлые въ рутинѣ практики и пріобрѣтете гораздо скорѣе ихъ, потому что тактъ пріобрѣтается не столько временемъ, сколько *сознательною дѣятельностью*; тактъ есть инстинктъ дѣятельности, соединенной съ природной даровитостью, а всѣ инстинкты и всякая даровитость развивается преимущественно знаніемъ, наукою.

«*На административномъ поприщѣ*, говорилъ далѣе проф. Рѣдкинъ, *вы не будете вынуждены прибѣгать, идя ощупью, не освѣщаемые наукою, къ полумѣрамъ, къ средствамъ паллiативнымъ*, къ разнымъ кунштюкамъ, перебиваясь ими со-дня-на-день, лишь бы на короткій срокъ вашего служенія, а затѣмъ *après moi le déluge*. *Нѣтъ съ твердою помощью началъ науки вы сумѣете радикально лѣчить всякую общественную болѣзнь*, ясно сознавая настоящее, прозрѣвши будущее, какъ пророкъ, и своею раціональною дѣятельностью приготовите благосостояніе вашему отечеству, а себѣ вѣчную память людей, приготовлявшихъ благодатную почву и сѣявшихъ сѣмена добра» [79]).

Вотъ какимъ честнымъ и мужественнымъ языкомъ заговорила юридическая наука, представители коей, пресмыкаясь предъ властями и предъ всѣми существовавшими уродливыми явленіями, недавно еще пѣли отъ имени науки, въ этой самой аудиторіи, диѳирамбъ сначала въ честь кнута, а потомъ, послѣ его отмѣны въ честь трехвостной плети; восхваляли канцелярскую тайну, бумажное производство, розыскныя истязанія; ополчались противъ гласности и устности, противъ адвокатуры и другихъ подобныхъ же «неблагонамѣвенныхъ и сумасбродныхъ» [80]) измышленій гніющаго запада [81]), осуществленныхъ Судебными Уставами...

---

[79]) Изъ Лекціи т. I, стр. 37.

[80]) См. Никитенко II, 320.

[81]) См. Я. Баршева—Основ. угол. суд., стр. 67—68.—Братъ предъидущаго другой криминалистъ С. И. Баршевъ съ каѳедры Московскаго университета защищалъ смертную казнь и тѣлесныя наказанія (до отмѣны ихъ), и розыскной процессъ (до судебной реформы).—Есть случаи, говорилъ проф. С. И. Баршевъ, гдѣ смертная казнь можетъ быть необходима, *хотя* пре-

За подобное, хотя-бы и временное, просвѣтленіе университетской науки, слѣдуетъ быть признательнымъ Уставу 1863 года: его составителямъ и примѣнителямъ, и въ особенности вдохновителю университетской реформы и главному ея руководителю, въ первые года (до 1866 г.), министру народнаго просвѣщенія, извѣстному своимъ либерализмомъ, А. В. Головнину, постъ котораго вскорѣ послѣ 4-го апрѣля 1866 г. занялъ графъ Д. А. Толстой, представитель противоположнаго направленія.

ступленіе *ни въ какомъ отношеніи не опасно* для государства; если государство казнитъ смертью, то не человѣкъ убиваетъ человѣка, но преступленіе, достойное смерти, лишаетъ жизни преступника, кровь требуетъ крови; если государство лишаетъ только жизни, то оно убиваетъ только тѣло, но когда оно осуждаетъ на пожизненное лишеніе свободы въ соединеніи съ тяжкими работами, то оно можетъ *убить и душу*" (sic) (См. Общія начала теоріи законодател. о преступл. и наказ. М 1841 стр. 21, 23). Для лицъ низшаго класса тѣлесное наказаніе представляется цѣлесообразнѣйшимъ. Только одно безотчетное предрасположеніе къ лишенію свободы, которое взошло въ моду въ наше время, могло такъ вооружить противъ тѣлесныхъ наказаній. (См. тамъ-же 80, 81, стр. 11, изд. II)

IV.

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА.

Принципъ правительственнаго невмѣшательства не есть что либо чуждое правительству, идущее наперекоръ ему, умаляющее или стѣсняющее его; напротивъ, этотъ принципъ есть сама правительственная мудрость; въ развитіи этого начала заключается весь прогрессъ и правительства, и общества.

М. Н. Катковъ. (1864 г.).

Будьте увѣрены—враги великихъ мѣръ (реформъ), дарованныхъ русскому народу и впервые вводящихъ его въ кругъ цивилизованныхъ націй, не могутъ не быть врагами своего народа!

М. Н. Катковъ. (1867 г.).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Земское самоуправленіе.

(Изъ исторіи Земскаго Положенія 1864 г.).

Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сыять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей.

П. А. Валуевъ (1855 г.).

I

рія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г.
служить наглядным доказательствомъ тому, какъ иной
еформа, задуманная при единодушномъ сочувствіи обще-
едетъ къ быстрому разочарованію и къ продолжитель-
крупнымъ недоразумѣніямъ, благодаря отсутствію раціо-
го плана у руководителя реформы и стремленію его со-
противоположные принципы, совмѣстить взаимно исклю-
другъ друга системы и тенденціи.

нь земской реформы 1864 г., какъ и всѣхъ другихъ ре-
60-хъ годовъ (и частью и 70-хъ: Городовое Положеніе
. и Уставъ о воинской повинности 1874 г.) лежитъ все
ъ же великомъ освободительно-гуманномъ движеніи конца
годовъ, котому Россія обязана своимъ быстрымъ обно-
ъ и возрожденіемъ послѣ тридцати-лѣтняго застоя, завер-
гося севастопольскимъ погромомъ. Ближайшимъ же источ-

мѣстнаго управленія, которое, такимъ образомъ, «является *необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ великой реформы* славнаго царствованія блаженныя памяти Императора Александра II—дарованія свободы 20-ти милліонному крѣпостному населенію».

Почему поступательное движеніе въ мѣстномъ управленіи являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ великой реформы, въ чемъ именно заключалась основная тенденція этого движенія и осуществило ли ее Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года? Въ оффиціальной запискѣ, составленной въ 89 г., т. е. время, далеко неблагопріятное для идей и стремленій 60-хъ гг., конечно, нельзя найти прямаго и вѣрнаго отвѣта на эти вопросы, точная постановка и разрѣшеніе коихъ выходила бы даже за предѣлы практической ея задачи, чуждой историческихъ, идейныхъ обобщеній, но нѣкоторый намекъ или отвѣтъ на эти вопросы находимъ и въ сухомъ оффиціальномъ изложеніи хода дѣлъ. Указавъ на то, что цѣлью земской реформы было стремленіе предоставить хозяйственному управленію большее единство, *самостоятельность и довѣріе*, а послѣ освобожденія крестьянъ и необходимость новаго распредѣленія земскихъ повинностей, обѣщаннаго 167 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ,—историческая записка, помимо этихъ, такъ сказать, матеріальныхъ, техническихъ или практическихъ поводовъ (не одними же заботами о мостахъ и гатяхъ была вызвана, въ самомъ дѣлѣ, та необычайная настойчивость и лихорадочное нетерпѣніе, съ которыми печать и многія дворянскія собранія въ 62—63-мъ гг. ждали и требовали скорѣйшаго открытія земскихъ учрежденій!) къ мѣстной реформѣ указываетъ и на соображенія нравственно-политическаго порядка. «Независимо отъ сего необходимо было, сказано въ Запискѣ, положить *предѣлъ* возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій *несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ* разныхъ сословій». Такимъ образомъ, земская реформа должна была удовлетворить двумъ требованіямъ: стремленію улучшить мѣстное хозяйственное управленіе и дать исходъ «свободнымъ стремленіямъ» общества, т. е. единодушному, громкому запросу на самоуправленіе, заявленному общественнымъ мнѣніемъ.

И эти «свободныя стремленія» не были дѣломъ случайнаго, минутнаго увлеченія, а логическимъ выводомъ тяжкаго историче-

женной на *новую* каѳедру, *судите—на то я сюда и пришел*, какъ лицо публичное, не только признающее, но желающее критики для пользы самого дѣла, какъ профессоръ университета, того высшаго ученаго и учебнаго учрежденія, гдѣ *замолкаютъ авторитеты* и начинаетъ говорить *сама истина*, сама наука въ современномъ ея состояніи, наука самостоятельная, какъ самостоятельна истина, наука, независимая ни отъ какихъ постороннихъ внѣшнихъ цѣлей, ни отъ какихъ предубѣжденій и предразсудковъ, наука безстрашная, не останавливающаяся ни передъ какими результатами, наука *самоцѣльная*, дорожащая каждою истиною, хотя бы еще не приложимою къ жизни въ настоящее время въ томъ убѣжденіи, что истина, какъ разумное, рано или поздно осуществится, что, по нашей народной пословицѣ: «все минется одна правда останется», а потому вмѣстѣ и практическая въ истинномъ смыслѣ этого слова, ибо непрактичное—не истина, а ложь» [77]).

Упомянувъ въ одной изъ своихъ послѣдующихъ вступительныхъ лекцій о значеніи университетской науки для жизни маститый правоучитель говорилъ:

«Какъ *истые юристы*, состоя въ должности судьи, адвоката и т. п. вы на первыхъ порахъ не будете, конечно, въ состояніи процитировать слово въ слово множество статей изъ Свода Законовъ, но знакомые съ *началами права* вообще и права отечественнаго въ особенности, вы возведете къ нимъ все безчисленное множество нашихъ законоположеній, вы поймете ихъ внутреннюю связь, вы вникнете въ то, что поверхностному наблюдателю обыкновенно кажется противорѣчіемъ между законами; вы найдете пробѣлы въ нашемъ законодательствѣ, для восполненія которыхъ не будете безпрестанно тревожить законодателя, а изъ имѣющихся уже, вами сознанныхъ *общихъ началъ*, будете выводить сами рѣшенія [78]). Вы пріобрѣтете этимъ

---

77) См. стр. 20, т. I. Изъ лекціи Рѣдкина.

78) Полновѣснымъ подтвержденіемъ словъ проф. Рѣдкина можетъ служить замѣчательная книга г. Боровиковскаго «Отчетъ судьи» см. разборъ въ статьѣ моей «Гражданское правосудіе въ духѣ Судебныхъ Уставовъ» въ Сборн. въ пользу голодающихъ изд. *Русск. Мысли* и въ № 5 *Русск. Мысли* 1893 г.

практическій тактъ въ судебныхъ дѣлахъ, которымъ обыкновенно похваляются посѣдѣлые въ рутинѣ практики и пріобрѣтете гораздо скорѣе ихъ, потому что тактъ пріобрѣтается не столько временемъ, сколько *сознательною дѣятельностью;* тактъ есть инстинктъ дѣятельности, соединенной съ природной даровитостью, а всѣ инстинкты и всякая даровитость развивается преимущественно знаніемъ, наукою.

«*На административномъ поприщѣ*, говорилъ далѣе проф. Рѣдкинъ, *вы не будете вынуждены прибѣгать, идя ощупью, не освѣщаемые наукою, къ полумѣрамъ, къ средствамъ палліативнымъ*, къ разнымъ кунстштюкамъ, перебиваясь ими сегодня-на-день, лишь бы на короткій срокъ вашего служенія, а затѣмъ *après moi le déluge. Нѣтъ, съ твердою помощью началъ науки вы сумѣете радикально лѣчить всякую общественную болѣзнь*, ясно сознавая настоящее, прозрѣвши будущее, какъ пророкъ, и своею раціональною дѣятельностью приготовите благосостояніе вашему отечеству, а себѣ вѣчную память людей, приготовлявшихъ благодатную почву и сѣявшихъ сѣмена добра» [79]).

Вотъ какимъ честнымъ и мужественнымъ языкомъ заговорила юридическая наука, представители коей, пресмыкаясь предъ властями и предъ всѣми существовавшими уродливыми явленіями, недавно еще пѣли отъ имени науки, въ этой самой аудиторіи, диѳирамбъ сначала въ честь кнута, а потомъ, послѣ его отмѣны въ честь трехвостной плети; восхваляли канцелярскую тайну, бумажное производство, розыскныя истязанія; ополчались противъ гласности и устности, противъ адвокатуры и другихъ подобныхъ же «неблагонамѣвенныхъ и сумасбродныхъ» [80]) измышленій гніющаго запада [81]), осуществленныхъ Судебными Уставами...

---

[79]) Изъ Лекціи т. I, стр. 37.

[80]) См. Никитенко II, 320.

[81]) См. Я. Баршева—Основ. угол. суд., стр. 67—68.—Братъ предъидущаго другой криминалистъ С. И. Баршевъ съ каѳедры Московскаго университета защищалъ смертную казнь и тѣлесныя наказанія (до отмѣны ихъ), и розыскной процессъ (до судебной реформы).—Есть случаи, говорилъ проф. С. И. Баршевъ, гдѣ смертная казнь можетъ быть необходима, *хотя* пре-

За подобное, хотя-бы и временное, просвѣтленіе университетской науки, слѣдуетъ быть признательнымъ Уставу 1863 года: его *составителямъ* и примѣнителямъ, и въ особенности вдохновителю университетской реформы и главному ея руководителю, въ первые года (до 1866 г.), министру народнаго просвѣщенія, извѣстному своимъ либерализмомъ, А. В. Головнину, посту котораго вскорѣ послѣ 4-го апрѣля 1866 г. занялъ графъ Д. А. Толстой, представитель противоположнаго направленія.

ступленіе *ни въ какомъ отношеніи не опасно* для государства; если государство казнитъ смертью, то не человѣкъ убиваетъ человѣка, но преступленіе, достойное смерти, лишаетъ жизни преступника, кровь требуетъ крови; если государство лишаетъ только жизни, то оно убиваетъ только тѣло, но когда оно осуждаетъ на пожизненное лишеніе свободы въ соединеніи съ тяжкими работами, то оно можетъ *убить и душу*" (sic). (См. Общія начала теоріи законодател. о преступл. и наказ. М 1841, стр. 21, 23). Для лицъ низшаго класса тѣлесное наказаніе представляется цѣлесообразнѣйшимъ. Только одно безотчетное предрасположеніе къ лишенію свободы, которое взошло въ моду въ наше время, могло такъ вооружить противъ тѣлесныхъ наказаній. (См. тамъ-же 80, 81, стр. 11, изд. II).

IV.

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА.

Принципъ правительственнаго невмѣшательства не есть что либо чуждое правительству, идущее наперекоръ ему, умаляющее или стѣсняющее его; напротивъ, этотъ принципъ есть сама правительственная мудрость; въ развитіи этого начала заключается весь прогрессъ и правительства, и общества.

М. Н. Катковъ. (1864 г.).

Будьте увѣрены—враги великихъ льготъ (реформъ), дарованныхъ русскому народу и впервые вводящихъ его въ кругъ цивилизованныхъ націй, не могутъ не быть врагами своего народа!

М. Н. Катковъ. (1867 г.).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Земское самоуправленіе.

(Изъ исторіи Земскаго Положенія 1864 г.).

Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей.

П. А. Валуевъ (1855 г.).

I

ія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г. служить наглядным доказательствомъ тому, какъ иной форма, задуманная при единодушномъ сочувствіи обще- ведетъ къ быстрому разочарованію и къ продолжитель- крупнымъ недоразумѣніямъ, благодаря отсутствію раціо- о плана у руководителя реформы и стремленію его со- противоположные принципы, совмѣстить взаимно исклю- другъ друга системы и тенденціи.

нь земской реформы 1864 г., какъ и всѣхъ другихъ ре- 60-хъ годовъ (и частью и 70-хъ: Городовое Положеніе и Уставъ о воинской повинности 1874 г.) лежитъ все ь же великомъ освободительно-гуманномъ движеніи конца годовъ, котому Россія обязана своимъ быстрымъ обно- ъ и возрожденіемъ послѣ тридцати-лѣтняго застоя, завер- ося севастопольскимъ погромомъ. Ближайшимъ же источ-

гнаго управленія, которое, такимъ образомъ, «является *необ-*
ѣжнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ великой реформы слав-
царствованія блаженныя памяти Императора Александра II—
ванія свободы 20-ти милліонному крѣпостному населенію».
очему поступательное движеніе въ мѣстномъ управленіи яв-
ось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ великой реформы, въ чемъ
нно заключалась основная тенденція этого движенія и осу-
гвило ли ее Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года?
оффиціальной запискѣ, составленной въ 89 г., т. е. время,
ко неблагопріятное для идей и стремленій 60-хъ гг., конечно,
зя найти прямаго и вѣрнаго отвѣта на эти вопросы, точная
ановка и разрѣшеніе коихъ выходила бы даже за предѣлы
тической ея задачи, чуждой историческихъ, идейныхъ обоб-
ій, но нѣкоторый намекъ или отвѣтъ на эти вопросы нахо-
ь и въ сухомъ оффиціальномъ изложеніи хода дѣлъ. Ука-
ь на то, что цѣлью земской реформы было стремленіе пре-
авить хозяйственному управленію большее единство, *само-*
тельность и довѣріе, а послѣ освобожденія крестьянъ и
ходимость новаго распредѣленія земскихъ повинностей, обѣ-
наго 167 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ,—историческая за-
ка, помимо этихъ, такъ сказать, матеріальныхъ, техническихъ
практическихъ поводовъ (не одними же заботами о мостахъ
итяхъ была вызвана, въ самомъ дѣлѣ, та необычайная на-
чивость и лихорадочное нетерпѣніе, съ которыми печать и
гія дворянскія собранія въ 62—63-мъ гг. ждали и требовали
ѣйшаго открытія земскихъ учрежденій!) къ мѣстной реформѣ
зываетъ и на соображенія нравственно-политическаго порядка.
зависимо отъ сего необходимо было, сказано въ Запискѣ, по-
ить *предѣлъ* возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ
еженій *несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремле-*
мъ разныхъ сословій». Такимъ образомъ, земская реформа
жна была удовлетворить двумъ требованіямъ: стремленію
шить мѣстное хозяйственное управленіе и дать исходъ «сво-
нымъ стремленіямъ» общества, т. е. единодушному, громкому
росу на самоуправленіе, заявленному общественнымъ мнѣніемъ.
I эти «свободныя стремленія» не были дѣломъ случайнаго, ми-
наго увлеченія, а логическимъ выводомъ тяжкаго историче-

ского урока, накликаннаго торжествомъ всемогущей бюрократической системы и полнымъ подавленіемъ общественной мысли, слова и дѣятельности.

Я сдѣлалъ, что могъ; жалѣю, что не могъ сдѣлать лучше, говорилъ на смертномъ одрѣ Императоръ Николай I, съ горечью констатируя предъ своимъ наслѣдникомъ «непорядокъ въ командѣ»[3]). Эти простыя, дышащія глубокою искренностью и чуждыя всякой оффиціальной условности слова,—сказанныя вдобавокъ въ такую исключительную по торжественности минуту, когда дыханіе смерти носилось уже надъ головою сильнѣйшаго изъ сильныхъ міра сего—были настоящимъ погребальнымъ звономъ для старой всесильной, всеподавляющей, непогрѣшимой бюрократической системы, основанной на крѣпостномъ правѣ и неизбѣжномъ спутникѣ его, канцелярской рутинѣ и чиновничьемъ произволѣ и опекѣ. Если даже такой сильный волею, извѣстный своею энергіею, твердостью принциповъ, рѣдкимъ трудолюбіемъ и вниканіемъ въ дѣла управленія монархъ не могъ избѣжать крупныхъ промаховъ, то это съ очевидностью доказывало непригодность существовавшей бюрократической системы управленія или точнѣе «команды», какъ выражался самъ Николай I. Да, именно «команда», — этотъ военный терминъ идетъ какъ нельзя лучше, потому что вся дореформенная система, по вѣрному опредѣленію хорошо знавшаго ее, извѣстнаго государственнаго человѣка Н. А. Милютина, была не что иное, какъ *военно-вотчинное* управленіе въ духѣ временъ 30-ти лѣтней войны [4]), имѣя идеаломъ аракчеевскія военныя поселенія. Когда одинъ изъ даровитѣйшихъ изобличителей язвъ дореформеннаго стараго строя [5]), М. Н. Катковъ, говорилъ, что дореформенная

[3]) Cardonne—L'empereur Alexandre II. Paris. 1883, p. 216. (См. выше главу I, прим. 160).

[4]) Leroy-Beaulieu—Un homme d'état russe (N. Milutine). Paris. 1884, p. 16. «Сердце обливается кровью при чтеніи вашихъ депешъ, писалъ Н. А. Милютинъ 17 марта 1856 года, новороссійскому генералъ-губернатору графу Строгонову; таково общее впечатлѣніе, но все, что мы тутъ (въ Петербургѣ) ни сдѣлаемъ, принесетъ ничтожную пользу странѣ, пока она будетъ предоставлена безконтрольному усмотрѣнію арміи, управляемой въ духѣ временъ Валленштейна».

[5]) *Моск. Вѣдом.* 1866 г., № 198.

администрація была: *все во всемъ*, другими словами, что она чуть не присвоивала себѣ аттрибуты, подобающіе одному лишь всемогущему и вездѣсущему божеству [6]), то тутъ не было гиперболы или натяжки. Достаточно вспомнить, что тогдашняя цензура дерзала наложить свою тяжелую руку даже на самое Священное Писаніе [7]), что бюрократія не въ шутку, а вполнѣ серьезно подготовляла «проектъ религіи» для инородцевъ, составленный эклектически на основаніи Евангелія и Корана [8])... Въ своемъ стремленіи искоренять вездѣ самомалѣйшія проявленія «буйной» самостоятельности, бюрократія, вѣроятно, не преминула бы исправить «ошибку провидѣнія», надѣлившаго человѣка свободою воли [9]), если-бы имѣла она на то достаточно досуга, силъ и средствъ.

Стянувъ все къ одному центру [10]), захвативъ и подчинивъ своей опекѣ всѣ отрасли государственной, общественной и ду-

---

[6]) Апост. Павла I Посл. къ коринѳ. XV, 28 — „да будетъ Богъ все во всемъ".

[7]) Полное собр. сочин. И. С. Аксакова, т. V, 165.

[8]) Письмо о Россіи. Берлинъ. 1879, гл. V.

[9]) Борясь съ французскою реакціею 1827 г., стремившеюся стѣснить свободу печати Ройе-Колларъ, писалъ: «въ душѣ реакціонеры думаютъ, что, что въ великій день творенія была допущена ошибка провидѣніемъ, даровавшимъ человѣку, въ отличіе отъ другихъ тварей, умъ и свободу; отсюда все зло на землѣ, которое надѣется реакція исправить исправленіемъ неумѣстной щедрости и, упразднивъ пагубный даръ, возвысить человѣчество до счастливой невинности... животныхъ". См. Bibliothéque populaire, № 145, p. 133.

[10]) Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства, писалъ въ 1859 г. А. М. Унковскій въ своихъ Соображеніяхъ по докладамъ Редакціонныхъ Коммиссій, а потому дѣлъ бездна. Нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу. Все дѣлается съ разрѣшенія высшихъ властей. Народъ не смѣетъ нанять общими средствами одной подводы, или лачужки для исполненія подводной или квартирной повинности, не можетъ поставить дряннаго моста, даже не имѣетъ права нанять общаго учителя грамоты. Наконецъ, эта централизація доведена до того, что планы самыхъ незначительныхъ общественныхъ строеній, не стоющихъ вниманія, должны быть представляемы на утвержденіе Верховной Власти. При всемъ этомъ исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ: и хозяйственныя и полицейскія, и судебно-слѣдственныя и даже чисто судебныя. Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣетъ надъ человѣческою личностью *всѣ* роды властей и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически... Дѣло по управленію,

ховной жизни, бюрократія подчинила все и вся своей тяжелой опекѣ, подавивъ всякое проявленіе самостоятельныхъ общественныхъ или индивидуальныхъ силъ. Вотъ каково было положеніе этихъ силъ въ дореформенной Россіи, по характеристикѣ М. Н. Каткова: «Наука? Науки не было—была бюрократія. Право собственности? Его не было — была бюрократія. Законъ и судъ? Суда не было—была бюрократія. Церковь? Церковнаго управленія не было—была бюрократія. Администрація? Администраціи не было—было *постоянно организованное повышеніе власти*, съ тѣмъ вмѣстѣ ея бездѣйствіе въ ущербъ интересамъ казеннымъ и частнымъ» [11]).

при ихъ безчисленномъ множествѣ, являются вездѣ, во всѣхъ исполнительныхъ учрежденіяхъ въ видѣ огромныхъ обозовъ, наполненныхъ бумагой, для разбора которой нужны десятки и даже сотни канцелярскихъ чиновниковъ. Такая правительственная опека надъ всею жизнью народа невозможна на практикѣ и дѣлается сама причиною беззаконій. Неисполнимые законы никогда не исполняются и даже само правительство должно снисходительно смотрѣть на неисполненіе ихъ. Все это привело къ тому, что дѣла управленія находятся вовсе не въ тѣхъ рукахъ, которымъ они ввѣрены. Большая часть ихъ необходимо должна перейти отъ начальниковъ къ ихъ канцеляріямъ, имѣющимъ возможность казнить и миловать подчиненныхъ и дѣйствующимъ за чужою спиною и безъ всякой отвѣтственности... Естественно, что исполнительныя учрежденія наполняются большею частью людьми, отказавшимися отъ своего человѣческаго достоинства и обратившими государственную службу въ самое постыдное ремесло (стр. 11 — 15 вып. IX *Голосовъ изъ Россіи*). — На бумагѣ у насъ существовала централизація, говоритъ А. А. Головачевъ, а на практикѣ царствовало одно чиновничье самоуправство (см стр. 149 книги его: Десять лѣтъ реформъ).—Характеристику дореформеннаго административнаго произвола см. также у Н. Л. Любимова — М. Н. Катковъ". СПб. 1888, гл. I, стр. 182.—Валуевъ писалъ въ 1856 г.: „Недовѣрчивость и неискренность всегда сопровождаются внутренними противорѣчіями. Управленіе доведено въ каждой отдѣльной части до высшей степени централизаціи, но взаимныя связи этихъ частей малочисленны и шатки. Каждое министерство дѣйствуетъ, по возможности, особнякомъ и ревностно примѣняется къ правиламъ древней системы удѣловъ. Централизація имѣетъ цѣли наивозможно большее вліяніе высшихъ властей. но благодаря массѣ дѣлъ рѣшеніе ихъ переходитъ къ канцеляріямъ, и судьба представленій генералъ-губернаторовъ весьма не рѣдко зависитъ не отъ министровъ, но отъ столоначальниковъ. (Дума Русскаго, Русс. Стар. 1891, май, 355).

[11]) См. Катковъ и его время. — С. Невѣдѣнскаго СПб. 188, стр. 419.

Другой публицистъ, честный, благородный, но не дальновидный [12]) И. С. Аксаковъ, бросая въ 1884 г. ретроспептивный взглядъ на дореформенный режимъ, характеризовалъ его такъ. «Намъ указываютъ, писалъ онъ, что образцомъ *«крѣпкаго и сильнаго правительства»* (кавычки вездѣ подлинника) служитъ правительство николаевскихъ временъ, и что слѣдовало бы, значитъ, вернуться къ его системѣ. Но не въ этой ли системѣ, стремившейся упразднить жизнь и духъ великой страны, не въ ней ли заключается *корень послѣдующихъ золъ?* Всѣмъ намъ, людямъ пожилымъ, памятно знаменитое «тридцатилѣтіе». Фасадъ его былъ дѣйствительно блестящій до такой степени, что онъ и теперь въ поколѣніяхъ позднѣйшихъ вызываетъ иногда ретроспективное удивленіе. Но не даромъ же и сказано было про Россію, что она—страна фасадовъ и парадовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Россія стояла, повидимому, на верху славы и могущества; казалось — «передъ ея державнымъ блескомъ народы молча клонили взоръ», мы несли на себѣ *оберъ-полицеймейстерство* чуть не въ цѣлой Европѣ, великодушно оплачивая дорого стоящую должность русскими деньгами, силами, интересами и даже кровью; когда же вопреки нашей полиціи, Австрія очутилась на краю пропасти, мы сочли долгомъ спасти ее, такъ таки восвѣстивъ міру съ гордостью, нѣсколько простосердечною, что «разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ».

«Въ самой же Россіи, продолжаетъ Аксаковъ, по части политики внутренней, фасадъ былъ не менѣе пышенъ: снаружи—припомнимъ—все чинно, прочно и стройно; порядокъ—на диво;

---

[12]) Какъ извѣстно, И. С. Аксаковъ въ 80-хъ годахъ, по недоразумѣнію, подвизался въ одномъ лагерѣ съ М. Н. Катковымъ, который сжигая въ это время то, чему поклонялся за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, выступилъ, съ обычною всѣмъ отщепенцамъ, рѣзкостью, гонителемъ всего, что хоть отдаленнымъ образомъ напоминало его собственныя прежнія воззрѣнія о необходимости свободной самодѣятельности общества (см. гл. XIII назв. сбор. Невѣдѣнскаго).—Покойный публицистъ А. К. Гradовскій, который, какъ и всѣ, вѣрили, въ безусловную чистоту намѣреній честнаго, но близорукаго Аксакова, подтрунивая въ *Голосѣ* надъ его союзомъ съ недобросовѣстными компаніонами, писалъ, что въ то время, какъ Аксаковъ, подобно звѣздочету, будетъ смотрѣть въ небо, его ловкіе союзники вытащатъ у него изъ кармана платокъ.

дисциплина—на славу; законовъ—пятнадцатитомная благодат
правительство не только крѣпкое и мощное, но, казалось, щ
никнутое единствомъ системы и духа во всѣхъ своихъ ор
нахъ, отъ петербургскаго центра до послѣдняго Держиморды
захолустномъ городишкѣ; правительство грозное, вседержащ
тысячеокое, тысячерукое, *вездѣсущее* (курс. под.), о которо
ужъ никакъ не приходилось сказать, что оно въ отлучкѣ
тѣмъ менѣе было нужды возвѣщать подданнымъ впередъ о
его появленіи, призывая громкимъ крикомъ: «*вставайте!*
(к. п.) правительство-де идетъ, правительство возвращается!»[1]
Чего ужъ тутъ было вставать! *Россія и безъ того стояла*
вытяжкѣ «во фрунтъ», двигаясь словно по струнѣ и на
умолчные грозные возгласы команды не умолчно же, испуган
рапортовала: «все обстоитъ благополучно»... Впрочемъ, сама
Россія—вся, съ Русскою землею и народомъ — представлял
въ понятіяхъ правительства какою-то обширною «*командо*
да такъ и называлась—командою, которую до полной «испр
ности» или до солдатской выправки духовной и внѣшней
ставляло его *завѣтнѣйшую мечту*. Да и мало-ли о чемъ то
мечталось! Мечталось и объ единообразіи архитектуры по в
имперіи, и объ единообразіи покроя платья и причесокъ,
укрощеніемъ *своеволія* (к. п.) модъ, даже и о цензурѣ Свяще
наго Писанія!... Нельзя ужъ было пожаловаться на против
рѣчія, нельзя было обвинять въ распущенности управленіе уче
ными заведеніями: воспитаніе учреждалось, повидимому, съ
лѣзною энергіею; философія – по боку; верховная власть об
явлена была (даже оффиціально) «верховною совѣстью» (sic
т. е. началомъ, имѣющимъ упразднить личную, подвижную
ловѣческую совѣсть... [14]). Въ предѣлахъ таковыхъ понятій
саждалось, съ крутымъ усердіемъ, и самое православіе. Но по

---

[13]) Эта фраза была сказана Катковымъ въ 1884 г. въ періодъ, ко
онъ, какъ говорилъ Невѣдѣнскій, сталъ „представителемъ старого
рядка, въ которомъ онъ когда-то видѣлъ темную силу и *несчастіе* Р
сіи“ (стр. 536).

[14]) О возведеніи въ принципъ безпрекословнаго исполненія жела
начальства вопреки убѣжденію, см. разсужденія гр. Панина, выше
примѣч. 18, гл. I.

наружною мощью таилась слабость, гнѣздилась гниль.
была въ это самое время Россія:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!...

самое время Россія задыхалась отъ духоты, отъ не-
ростора для мысли и души въ своемъ пространномъ
публично слышалось лишь молчаніе, но не слышно
въ университетахъ и обществѣ смѣлыя и подчасъ
ыя думы. Спугнули умъ, но не задавали мысль, и
, пошла себѣ бродить подпольными, тайными путями,
и искривляясь, восполняя свою скудость и незрѣ-
зою обольстительностью запретнаго плода» [15]).
ристикѣ дореформеннаго строя посвятилъ въ своей,
й много шума, знаменитой *Думѣ Русскаго* курлянд-
наторъ П. А. Валуевъ, призванный впослѣдствіи об-
отъ строй, слѣдующія замѣчательныя строки:
ріятствуетъ ли развитію духовныхъ и вещественныхъ
іи нынѣшнее (1855 г.) устройство разныхъ отраслей
сударственнаго управленія, спрашиваетъ авторъ *Думы*
гъ: отличительныя черты его заключаытся въ повсе-

—

обр. соч. Аксакова т. V, 163 и слѣд. — М. Н. Катковъ, по-
е находился въ лагерѣ враговъ реформъ, „которые, по соб-
его опредѣленію, *не могутъ не быть врагами своего народа*“
. 1867 г., № 51) также держался того убѣжденія, что рево-
движеніе въ Россіи вызвано не реформами 60-хъ, а предше-
имъ эпохою гоненія мысли. „Всѣ эти лжеученія, всѣ эти
равленія, писалъ Катковъ въ 1866 г. послѣ окончанія работъ
ой слѣдственной коммиссіи, родились и пріобрѣли силу по-
ства, не знавшаго ни науки свободной, уважаемой и сильной,
ести въ дѣлахъ, касающихся самыхъ дорогихъ для него инте-
реди общества, находившагося подъ цензурою и полицей-
ромъ во всѣхъ сферахъ своей жизни. Всѣ эти лжеученія и
равленія, на которыя слышатся теперь жалобы, суть плодъ
вленной, неразвитой, рабской въ своихъ темныхъ трущо-
ков. Вѣдом. 1866, № 205).

мѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую *оффиціальную ложь*. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное: вездѣ пріобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды,—и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. *Сверху блескъ; снизу гниль*. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками; но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія.

«У насъ самый законъ, продолжаетъ благонамѣренный критикъ, нерѣдко заклейменъ неискренностью. Мало озабочиваясь опредѣлительною ясностью выраженій и практическою примѣнимостью правилъ, онъ смѣло и сознательно требуетъ невозможнаго. Онъ всюду предписываетъ истину и всюду предопредѣляетъ успѣхъ, но не пролагаетъ къ нимъ пути и *не обезпечиваетъ* исполненія своихъ собственныхъ требованій. Кто изъ нашихъ начальниковъ, или даже изъ подчиненныхъ, можетъ точно и послѣдовательно исполнять все, что ему вмѣнено въ обязанность дѣйствующими постановленіями? Для чего же вмѣняется въ обязанность невозможное? Для того, чтобы въ случаѣ надобности было на кого обратить отвѣтственность.

«Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, продолжаетъ Валуевъ, вся централизація и формализмъ управленія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ, *ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе*. Канцелярскія формы не предупредили позорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ, или послѣдствіями голода, половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе или — точнѣе, длинный *рядъ гнуснѣйшихъ преступленій* даже остается доселѣ *безнаказаннымъ*. Между тѣмъ, возрастающая механиза

ція дѣлопроизводства болѣе и болѣе затрудняетъ пріобрѣтеніе успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Всѣ правительственныя инстанціи уже нынѣ болѣе заняты другъ другомъ, чѣмъ сущностью предметовъ ихъ вѣдомства. Высшія едва успѣваютъ наблюдать за внѣшнею правильностью дѣйствій низшихъ инстанцій; низшія почти исключительно озабочены удовлетвореніемъ внѣшней взыскательности высшихъ. *Самостоятельныхъ мѣстныхъ начальствъ* до крайности ограничена, а высшіе начальники, кажется, забываютъ, что довѣріе къ подчиненнымъ и вниманіе, оказываемое ихъ взгляду на дѣло, суть также награды, хотя о нихъ и не вносится срочныхъ представленій въ комитетъ гг. министровъ» [16]).

Вотъ что такое была дореформенная бюрократическая, чиновничья система, измѣненіе коей стало, съ первыхъ же лѣтъ новаго царствованія, вопросомъ дня. До какой степени въ то время реакція противъ чиновничьяго полновластья проникала въ самые умѣренные круги, могутъ дать понятіе слѣдующія сильныя строки изъ дневника цензора Никитенко: «Русскій чиновникъ—*ужасная мичность*; что будетъ впереди еще неизвѣстно, а до сихъ поръ онъ былъ естественный *злѣйшій врагъ* народнаго благосостоянія». Валуевъ съ своей стороны отмѣчалъ, что «*озлобленіе* противъ порядковъ (до 1855 г.) *безпредѣльное* и всеобщее» [17]). Въ виду

---

[16]) *Русс. Старина* 1891, V, 340. Тотъ же Валуевъ писалъ: наша официальная формалистика похожа на извѣстный surprise-attrapes, который состоитъ изъ множества коробочекъ, вкладываемыхъ одна въ другую. Раскрываешь коробочку—другая коробочка, раскрываешь эту — третья, потомъ четвертая, потомъ пятая и такъ далѣе и все меньше и меньше. Наконецъ, послѣдняя, и въ ней ничего. (Тамъ же, 341).

Велик. кн. Константинъ Николаевичъ издалъ извѣстный приказъ въ духѣ „*Думы*“ Валуева (см. главу XVII § 1), сначала было переполошившій бюрократію. Но она скоро опомнилась, и одинъ изъ представителей ея бар. Мейендорфъ писалъ: приказъ—parle de vol, de mensonges etc., mais demeurera sans suites facheuses. («говоритъ о кражѣ, о лжи, но не будетъ имѣть прискорбныхъ (для кого? послѣдствій») (стр. 345 въ Русск. Стар. 1891, май, 354—355).

[17]) См. Дневникъ II, 276.—Валуевъ сначала въ дневникѣ своемъ смотритъ пессимистически на будущность Россіи: «Тоска невыразимая, пишетъ онъ въ октябрѣ 1855 г., умъ и сердце ждутъ чего-то, но дни проходятъ за днями и сего чего-то по прежнему нѣтъ... У насъ правитель-

такого настроенія полное упраздненіе подавляющей административной опеки стало въ концѣ 50-хъ годовъ, подъ неотразимымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и его важнѣйшей представительницы—печати. неотложною задачею правительственной программы, которая, начинаясь освобожденіемъ крестьянъ, должна была завершиться уничтоженіемъ бюрократической опеки и установленіемъ *самоуправленія* общественнаго, свободы слова и независимаго суда.

Съ изданіемъ Положенія о крестьянахъ, установившаго крестьянское самоуправленіе какъ въ сельскомъ, такъ и волостномъ обществѣ, предчувствовалась неизбѣжность мѣстнаго самоуправленія для всего русскаго общества, для всего народонаселенія. Обширный, хорошо обработанный планъ преобразованія мѣстныхъ учрежденій на началахъ безсословнаго самоуправленія былъ представленъ, напр., тверскимъ губернскимъ комитетомъ (см. главу II § 3) [18]). Въ правительственныхъ рядахъ были

ство не замѣчаетъ, что оно сумѣло отучить насъ даже отъ надежды. Всѣ русскіе сознаются въ томъ. что у насъ все могло бы быть лучше — Но никто не вѣритъ въ сбыточность этого лучшаго; ждали, ждали и словно махнули рукою всѣ разомъ и начальники, и ихъ разномундирная рать, и весь православный народъ. Если теперь кто-нибудь скажетъ что современный урокъ для насъ не останется безполезнымъ, то большинство отвѣчаетъ, что пользы по прежнему будетъ на мѣдный грошъ.. Припоминали. что и въ 1812 году ожидали великой науки, но не дождались (стр. 341—342). Впослѣдствіи однако Валуевъ отмѣчаетъ перемѣну въ настроеніи (стр. 343 и слѣд. Р. С. 1891, V).

[18]) Ближайшій сотрудникъ А. М. Унковскаго по Тверскому Комитету (см. главу II) А. А. Головачевъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Десять лѣтъ реформъ“ ставитъ въ вину Редак. Комиссіи, что она сдѣлала крестьянскую реформу сословною и отдѣлила ее отъ вопроса объ общихъ реформахъ по всему государственному управленію, вопреки проекту Тверскаго Комитета (см. тамъ же). Объясняетъ г. Головачевъ эту ошибку частью отсутствіемъ заранѣе обдуманнаго плана при постановкѣ крестьянскаго вопроса, который сначала фигурировалъ въ видѣ „улучшенія быта крестьянъ“, частью тѣмъ, что члены Редакц. Ком. не всегда были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ (стр.—162—163).

— Учрежденіе крестьянскаго самоуправленія имѣло, по словамъ Безобразова, громадное нравственное значеніе для всѣхъ сословій, всего народонаселенія. См. стр. 271 книги его Государство и Общество. СПБ. 1881 года.

люди, какъ напр., Н. А. Милютинъ, способные съ должною энергіею и послѣдовательностью провести реформы для всесторонняго обновленія всего государственнаго управленія въ духѣ только что народившейся свободы и самоуправленія.

Въ то время, когда прогрессивная часть общества и печати переживая весною 61-го года минуты идиллическаго упоенія медовымъ мѣсяцемъ свободы [19]), съ нетерпѣніемъ ждала установленія новой системы управленія, произошла реакція.

Не прошло и мѣсяца послѣ обнародованія манифеста, когда друзья свободы въ великодушномъ увлеченіи собирались все «забыть и все простить» [20]) поверженнымъ въ прахъ врагамъ народной свободы, лишь бы они увѣровали въ свободу, въ воскресеніе,—какъ они уже стояли на ногахъ.

II

Побѣда реакціонной партіи была совершившимся фактомъ уже въ половинѣ апрѣля 1861 г. Первыми жертвами ея были мин. внутр. дѣлъ С. С. Ланской, не переживший постигшей его неожиданной и крутой перемѣны, и временный (или какъ въ видѣ иронія называли временно-постоянный) [21]) товарищъ министра главный двигатель крестьянской реформы, «кузнецъ-гражданинъ» Н. А. Милютинъ. Реакція дѣйствовала такъ ловко, и ударъ подготовлялся такъ искусно, что даже для такихъ высокопоставленныхъ друзей свободы, какъ великая княгиня Елена Пав-

---

[19]) „Въ первое время послѣ обнародованія Манифеста, писалъ 7-го мая 1861 г. кн. В. А. Черкасскій Н. А. Милютину, общество, литература, администрація — всѣ пребывали въ идилліи. Я не могу передать, какъ мнѣ противно было такое настроеніе, которое такъ мало согласовалось съ дѣйствительностью; теперь начинается противоположное направленіе". См. н. с. Лероа-Больё, стр. 83.

[20]) Все забыто, все прощено, писалъ В. П. Безобразовъ, тотчасъ по обнародованіи Манифеста 19-го февраля всѣмъ, кто увѣруетъ въ Воскресенье, кто быстро встанетъ и пойдетъ къ обновленію. См. н. с. его, стр. 273.

[21]) Н. А. Милютинъ имѣлъ репутацію „революціонера" въ придворныхъ сферахъ, и вслѣдствіе этого въ теченіе трехъ лѣтъ, до самой отставки своей, состоялъ „временнымъ" товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ См. Н. С. Лероа-Больё, стр. 34.

стьянской реформы кн. В. А. Черкасскій опредѣлялъ наступившее новое настроеніе такъ: «послѣ весенней оттепели намъ предстоитъ вернуться не къ суровой зимѣ, а къ скучной и грязной *слякоти* [27]). Я никому бы не пожелалъ бы изъ тѣхъ, кого люблю, писалъ кн. Черкасскій, управлять въ настоящее время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: масса хлопотъ, страшная отвѣтственность, шансы сломать себѣ шею безъ надежды сдѣлать себѣ имя».

Но въ чемъ другомъ, а въ самонадѣянности никогда не было недостатка у бюрократіи, которая, въ отличіе отъ Архимеда, даже безъ рычага и точки опоры всегда считала себя въ силахъ, если не поднять нашу планету, то «урегулировать» однимъ взмахомъ пера, въ силу присущаго ей всевѣдѣнія, всѣ самомалѣйшія и разнообразныя проявленія русской общественной жизни. Преемникъ С. С. Ланскаго, П. А. Валуевъ принадлежалъ къ новой полированной, мягко-стелющей бюрократической генераціи, не столь невѣжественной, какъ старая (примѣръ предшественникъ Ланскаго, гр. Перовскій), но не менѣе нетерпимой, самодовольной и самонадѣянной, чѣмъ старая [28]).

стѣсненіе университета. Однимъ словомъ, камарилья хочетъ конопатить всѣ скважены. Л. Больё, 76.

[27]) Лероа-Больё, 80.

[28]) См. о Перовскомъ у Лероа-Больё (стр. 14). — Дневникъ Валуева даетъ цѣнный матеріалъ для характеристики личности автора. Талантливая натура, тщеславіе, безхарактерность, хорошія либеральныя слова, безъ соотвѣтственныхъ поступковъ—таковы преобладающія черты. Онъ хорошо понималъ недостатки старыхъ порядковъ, но не всегда умѣлъ отъ нихъ отрѣшиться, частью благодаря средѣ, частью по своей винѣ. Для истинной жизни великихъ государствъ, писалъ онъ въ 1855 г., нужны нравственныя начала, которыя могли бы служить основаніемъ государственныхъ дѣяній. Гдѣ и что наше основное государственное начало. Покорность? Кажется, нужно что нибудь и еще. (Русс. Стар. 1891, V, 345). Въ другомъ мѣстѣ онъ, между прочимъ, указываетъ такія начала: »начало нравственнаго достоинства въ дѣйствіяхъ высшихъ правительственныхъ властей, сопряженное съ началомъ уваженія къ человѣческой личности«. Пора усмотрѣть, говоритъ онъ далѣе „что искусство быть ненавидимымъ не составляетъ великихъ мужей, что самодовольное упрямство не замѣняетъ дарованій и что давить не значитъ достигать успѣха«. (тамъ же, 541). Если взять факты, приводимые только однимъ Ники-

Блестящій представитель бомонда, неистощимый бонмотистъ, съ безукоризненными манерами, прекрасно владѣющій «фразою», не лишенною порою пикантнаго сарказма, мастеръ въ самомъ обворожительно-легкомъ тонѣ вести causerie салонную — de omni re scibile et quibusdam aliis; умѣющій

Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale...

таковъ былъ новый даровитый министръ, будущій авторъ *Дорма*, получившій въ нѣкоторыхъ салонахъ Петербурга репутацію не только тонкаго государственнаго человѣка, призваннаго сочетать свободу и порядокъ, но и необычайно хитраго, гибкаго политика, ловкаго дѣльца, словомъ, мага и чародѣя [29]), способнаго объять необъятное, примирить всѣ интересы и сдѣлать всѣхъ довольными.

Мода на цѣльныхъ людей съ твердыми *убѣжденіями*, съ раціональными программами прошла [30]) и явился запросъ на ловкихъ «практиковъ», призванныхъ къ компромиссамъ, къ смягченію односторонности, къ умиротворенію по рецепту: «съ одной стороны нельзя не признаться..., но съ другой»..., и пр. Двусмысленная роль П. А. Валуева при составленіи Положенія о крестьянахъ [31]) дѣлала его какъ-разъ подходящимъ къ новому

тенко (см. гл. VII), то они окажутся въ полномъ противорѣчіи съ означенными принципами. Да и факты, приводимые самимъ Валуевымъ (см. прим. ниже 31), тоже свидѣтельствуютъ объ его безхарактерности.— Салтыковъ сильно настаивалъ на отдѣленіе истинныхъ либераловъ отъ «либеральныхъ соловьевъ», пѣвшихъ временно, вслѣдствіе «засоренія желудка», либеральныя «физіориторы» а про себя думавшихъ «ахъ! какъ-бы я тебя жамкнулъ, если-бы только умѣлъ». (Сочин. II, 12, 15).

[29]) Какъ великъ былъ авторитетъ его въ высшихъ петербургскихъ кругахъ въ концѣ 50-хъ годовъ, можно судить по тому, что объ чести имѣть его у себя главою или сотрудникомъ спорили два министерства (финансовъ и госуд. имущ.) и Комитетъ министровъ (см. Дневникъ его, Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 421). Гр. Строгоновъ, встрѣтивъ Валуева на балу въ концѣ 1861, говоритъ: on vous use, mais on n'use pas de vous (Васъ истощаютъ, но не пользуются вами"). См. тамъ же, 418.

[30]) Л. Больё, 78.

[31]) Въ ноябрѣ 1861 г. крѣпостникъ Муравьевъ, при которомъ служилъ Валуевъ, возложилъ на него порученіе, которому онъ не могъ сочувствовать. „Я получилъ приказаніе, пишетъ онъ 6-го ноября (по *самымъ шатким основаніямъ*) пересоставить цѣлую главу" (о надѣлахъ) „Мое положеніе нестерпимо, писалъ онъ 7-го ноября. Я закабаленъ служить

настроенію и направленію дѣлъ. Валуевъ, по словамъ Милютина, формулировалъ свою программу слѣдующимъ образомъ: «точное и *буквальное* исполненіе Положенія о крестьянахъ, *но* въ духѣ *примирительномъ*» [32]). Валуевъ сдержалъ свое обѣщаніе. Онъ дѣйствовалъ «*мягко и уклончиво*» [33]); при немъ, не смотря на усилія реакціи [34]), Положеніе о крестьянахъ не было отмѣнено, но искусно обойдено. Буква Положеній о крестьянахъ не была нарушена, но за то Валуевъ открылъ новую эру постепеннаго измѣненія духа и смысла законовъ [35]), обратившуюся въ систему [36]): эта система постепенной отмѣны закона въ административномъ порядкѣ, путемъ министерскихъ циркуляровъ, должна была въ конецъ расшатать и безъ того столь непрочный у насъ правовой порядокъ и идею законности.

Появленіе П. А. Валуева во главѣ внутренняго управленія должно было имѣть непосредственное и крайне неблагопріятное вліяніе, помимо крестьянскаго дѣла, и на земскую реформу. Усматривая между ними неразрывную связь [37]), Н. А. Милютинъ

А между тѣмъ быть на службѣ покорнымъ орудіемъ кн. Долгорукова и ген. Муравьева—ужасная доля. Если бы я не несъ ея ради другихъ (?), то, конечно, надѣлъ бы кафтанъ артельщика съ большимъ удовольствіемъ и достоинствомъ, чѣмъ нынѣ статсъ-секретарскій мундиръ" (Р. Ст. 1891, № 11, стр. 414)... А все таки противное убѣжденіямъ порученіе Муравьева было исполнено Валуевымъ, съ исполнительностью образцоваго чиновника, при помощи „спаекъ", „параллелограмма силъ и діагоналей", или по-просту болѣе или менѣе искуснаго напусканія тумана. Мало того. Удачное исполненіе не лестнаго порученія начальства даже доставило Валуеву минуту авторскаго наслажденія. (Тамъ же, 415).

[32]) Л. Больё, 78. Правительство само не выяснило себѣ своихъ видовъ, говорилъ въ это время Валуевъ. (Никитенко, см. Дневникъ его, II, 290).

[33]) См. письмо Милютина отъ мая 1861, стр. 77, Лероа-Больё. Валуевъ обѣщалъ мнѣ, пишетъ онъ, поддержать Соловьева. Я. А. Соловьевъ, директоръ земскаго отдѣла, извѣстный дѣятель при крестьянской реформѣ, былъ уволенъ однако въ 1863 г.

[34]) Поговариваютъ, писалъ 6-го мая 1861 г. Милютинъ Самарину, о пересмотрѣ Положенія и съ этою цѣлью задержано составленіе уставныхъ грамотъ. Л. Больё, 78.

[35]) См. статью Кавелина „Крестьянскій вопросъ" въ Вѣст. Европы, 1883, № 9.

[36]) Л. Больё, 55.

[37]) Тамъ же, 69.

[illegible] Положенія приступилъ къ работамъ по [illegible] учрежденій на началахъ самоуправле- [illegible] подписанія манифеста 19 фе- [illegible] февраля 1861 г. [33],—въ от- [illegible] Константина Николаевича—пи- [illegible] проектированныхъ, состоявшею [illegible] коммиссіи, земскихъ учреж- [illegible] Зарудевъ самъ [illegible] Несмотря на то, [illegible] значительные [illegible] при проведенія дру- [illegible] Зарудева [illegible] отъ- [illegible] совершенности, [illegible] замѣчается. [illegible] образомъ, преобладающее [illegible] предъ- [illegible] тому [illegible] настроенію, которое замѣчалось [illegible] время послѣ [illegible] крестьянъ въ періодъ бур- [illegible] дворянства [illegible] возбуж- [illegible] общества [illegible] неполи- [illegible] тому [illegible] реформы, подготов- [illegible] одновременно [illegible]

[illegible], бы. Если бы [illegible] нашей [illegible] Мило- [illegible] своему Д. А. [illegible] Милютину [illegible] 1861 г., [illegible] только затѣмъ, чтобы принять участіе въ реформахъ, [illegible] всегда мечталъ. [illegible] 119.

[illegible] составъ коммиссіи входили А. [illegible] А. [illegible] Жданов. П. К. Гротъ, гр. [illegible] Н. [illegible] А. [illegible] Шу- [illegible] С. И. Зарудный, К. А. [illegible] гр. А. А. [illegible] Соловьевъ, Е. В. Пеликанъ, Н. Н. Колесовъ, А. Б. [illegible] Владиміровъ, А. К. Гирсъ, Н. И. Стояновскій, А. П. Меркуловъ, [illegible] Даневскій, К. И. Марченко, Н. И. Второвъ, Л. Н. [illegible] Половцевъ, Н. И. Гедеоновъ, М. А. Кучевскій, П. С. Лебедевъ, [illegible] Островскій и Н. Н. Сушевъ. — Этотъ списокъ напечатанъ въ [illegible] [illegible] Запискѣ, но въ имѣющихся у меня подлинныхъ журна- [illegible] Коммиссіи имѣется гораздо меньше подписей, что, вѣроятно, объ- [illegible] тѣмъ, что составъ Коммиссіи мѣнялся.

[illegible] О выдающейся роли члена этой Коммиссіи въ судебной реформѣ [illegible] моей: „С. И. Зарудный и судебная реформа". М. 1887.

[illegible], 83.

ней получившая тотъ раціональный и либеральный характеръ, который вызываетъ справедливое удивленіе иностранныхъ публицистовъ, именно со стороны ея принципіальной выдержанности, способствовавшей и ея успѣху [42]). Именно такой выдержанности и не хватала у проекта Валуевской коммиссіи, который представлялась палліативною попыткою сочетанія противоположныхъ началъ самоуправленія и бюрократическаго всевластія, сословности и безсословности.

Нуженъ былъ широкій взглядъ просвѣщеннаго государственнаго человѣка, чтобы облегчить трудныя условія «политическаго воспитанія», созданныя для народа освободительнымъ манифестомъ, и уразумѣть истинный смыслъ событій, сопровождавшихъ объявленіе «воли», въ общемъ совершившагося съ изумительною быстротою и успѣхомъ [43]). Если тамъ и сямъ для обученія новаго «школьника» приходилось прибѣгать къ содѣйствію военной силы, то ясно было, что мотивами къ «бунту на колѣняхъ» было не упорство самоувѣреннаго своеволія и неуваженія къ власти, а завѣщанное добрымъ старымъ временемъ круглое невѣжество и безграмотность народа, не могшаго уяснить себѣ сущность дарованной «воли» [44]) и питавшаго понятное недовѣріе къ своимъ господамъ и къ мѣстнымъ властямъ, а потому склоннаго, по язвительному замѣчанію Ю. Ѳ. Самарина, «въ призывѣ войска видѣть единственную гарантію подлинности Высочайшей воли» [45]).

Въ большинствѣ же случаевъ происходило спокойное, но рѣшительное гражданское перерожденіе народа, впервые получившаго сознаніе о своихъ правахъ, о своей «правоспособности» [46]). Уравненіе передъ закономъ, уничтоженіе сословныхъ перегородокъ—таковы были требованія минуты, ясно сознаваемыя дѣятелями крестьянской реформы, но не такова была программа

---

[42]) Leroy-Beaulieu—L'empire des Tsars. t. II, 291.

[43]) Л. Больё, Un homme etc. 87.

[44]) См. гл. I, § 7, объ обнародованіи Манифеста.

[45]) См. письмо Самарина къ Милютину въ томѣ I, стр. 424 и. с. L'empire des Tsars.—Помѣщики стали разочаровываться, узнавая, какъ мало довѣряетъ имъ народъ (и с. Лероа-Больё, 84).

[46]) Л. Больё—Un homme etc., 89.

реакціонной партіи, дававшей тонъ политикѣ и стоявшей за сохраненіе и усиленіе если не прямое, *то косвенное* дворянскихъ привилегій. Эта программа была усвоена и П. А. Валуевымъ.

Такою именно неискренностью и половинчатостью было отмѣчено отношеніе новаго министерства къ «свободнымъ стремленіямъ», началу земскаго самоуправленія. Н. А. Милютинъ, слѣдившій въ 1861 г. изъ Рима по письмамъ Кавелина за начавшимися студенческими безпорядками и съ горечью замѣчавшій промахи, управлявшаго въ отсутствіе Государя, Верховнаго Совѣта [47]), съ грустью отмѣчалъ отсутствіе у тогдашняго растерявшагося правительства способности «осуществить послѣдовательную *раціональную программу*, будь она составлена хотя бы семью мудрецами и изложена на четвертушкѣ бумаги» [48]). Съ своей стороны Н. А. Милютинъ полагалъ, «что въ Россіи во сто разъ легче, чѣмъ гдѣ либо, привлечь правительству на свою сторону серьезную часть общества: для этого необходимо дѣлать своевременно потребныя уступки, но дѣлать *откровенно*, съ *достоинствомъ*, безъ убійственныхъ апологій (стараго?) и всѣхъ *канцелярскихъ уловокъ*» [49]).

Какъ разъ на такія искреннія уступки и рѣшительныя дѣйствія не способенъ былъ П. А. Валуевъ, на словахъ стоявшій за самоуправленіе, а на дѣлѣ горячо охранявшій полновластіе бюрократіи и способный, по мѣткой характеристикѣ великой княгини Елены Павловны, «много *наговорить*, но сдѣлать не многое» [50]). Не будучи самъ убѣжденнымъ сторонникомъ земскаго самоуправленія, онъ и подавно не въ состояніи былъ выполнить, возлагавшейся на него надежды, разсѣять существовавшія «у высшей власти предубѣжденія противъ слова *земство*» [51]).

---

47) Никогда, писалъ проф. Кавелинъ 27 октября 1861, Милютину по поводу закрытія с.-петербургскаго университета, администрація не показывала большаго непониманія дѣлъ и трусости. См. н. с Лероа Болье, 116.

48) Л. Больё, 119.

49) Тамъ же, 118.

50) См. письмо вел. кн. Елены Павловны къ Милютину, Л. Больё, 12.

51) «Слово *земство* наводитъ страхъ въ высшихъ сферахъ», писала 26-го января 1862 г. великая княгиня Милютину. См. тамъ же.

Будучи завзятымъ бюрократомъ, П. А. Валуевъ былъ склоненъ дать не настоящее самоуправленіе, а лишь подобіе его, quelque chose [32]), и какъ только рѣчь заходила въ Государственномъ Совѣтѣ о предоставленіи земству настоящей власти (право избранія мировыхъ судей было дано земству судебными уставами 20-го ноября 1864 г.), Валуевъ былъ тутъ какъ тутъ, и произносилъ страшныя слова въ родѣ «государство въ государствѣ» и т. п. [33]). Съ полною наглядностью сказалось такое отношеніе къ дѣлу во всеподданнѣйшемъ докладѣ Валуева отъ 22-го марта 1862 г., который легъ въ основаніе проэкта земскаго Положенія 1864 г. и который гораздо больше распространяется о «сохраненіи и огражденіи» правъ бюрократіи отъ «неумѣстныхъ притязаній» общества (стр. 4), нежели объ установленіи правъ мѣстнаго общества отъ власти «губернаторовъ, предъ которыми, по выраженію Б. Н. Чичерина, все привыкло склоняться и которые привыкли, чтобы все предъ ними склонялось» [34]). Словомъ, Валуевскій докладъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто дѣло шло не объ установленіи нѣкотораго контроля общества надъ мѣстнымъ управленіемъ и не объ ограниченіи всемогущества бюрократіи, пустившей глубокіе корни, а объ защитѣ ея отъ чрезмѣрныхъ притязаній всесильнаго самоуправленія!

III.

Осенью 1862 г. были распубликованы въ газетахъ основныя начала земской реформы, имѣвшія тотъ не желательный характеръ «не освѣщенныхъ наукою полумѣръ, палліативныхъ средствъ», отъ которыхъ такъ настойчиво предостерегалъ знаменитый ученый, проф. Рѣдкинъ (см. выше главу IV § 8). Вліяніе общественнаго мнѣнія на дальнѣйшее теченіе реформы было крайне незначительно. Правда, по внесеніи 26-го мая 1863 г. проекта земскаго Положенія въ засѣданіе соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта приглашены были петербургскіе и московскіе губернскіе

---

[32]) Il faut faire quelque chose, такъ выражались тогда, по словамъ В. П. Безобразова, наши передовые бюрократы, см. н. с. Безобразова, стр. 500.

[33]) См. н. Истор. Записку, стр. 307.

[34]) См. *Наше время* 1862, № 217.

предводители дворянства и городскіе головы, но даже и это ничтожное участіе общественнаго элемента не имѣло никакихъ послѣдствій, потому что замѣчанія «экспертовъ», даже самыя умѣренныя, никакого вліянія не оказали. Голосъ печати также никакого замѣтнаго дѣйствія не имѣлъ. Для характеристики тогдашняго настроенія любопытенъ инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу одного «литературнаго проекта. Сославшись на статью оффиціальнаго органа *Сѣверной Почты*, гдѣ сказано было, что при обсужденіи земской реформы въ Совѣтѣ будутъ приняты въ соображеніе и труды литераторовъ, московскій предводитель дворянства просилъ позволенія прочесть краткое извлеченіе, сдѣланное имъ изъ проекта *Московскихъ Вѣдомостей* «объ представительствѣ землевладѣнія». Противъ такой профанаціи [55]) высшей государственной коллегіи возражалъ не кто иной, какъ самъ вдохновитель вышеупомянутой статьи *Сѣверной Почты* двоедушный Валуевъ (какъ онъ самъ заявилъ [56]), и обсужденіе Катковскаго проекта дозволено было лишь при той фикціи, что онъ исходитъ, какъ бы отъ самого предводителя дворянства.

Предварительное обсужденіе проекта земской реформы, при участіи экспертовъ, было окончено въ іюлѣ 1863 г., и дѣло грозило затянуться, въ ожиданіи составленія устава о земскихъ повинностяхъ, если бы не энергическій толчекъ, данный Государемъ. 1-го ноября 1863 г., въ виду сильнаго нетерпѣнія, господствовавшаго въ обществѣ и печати, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «требую, чтобы дѣло это непремѣнно было окончено до 1 января 1864 г.». Къ 5-му декабрю окончено было обсужденіе проекта въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи [57]), а 14-го, 16-го и 17-го

---

55) Не безъинтересно отмѣтить, что въ томѣ LXVI Дѣла о преобразованіи судебной части въ § 4 поименовано до 30 №№ газетъ (*Моск. Вѣдом., День, Голосъ и др.*), оффиціально приложенныхъ, для соображенія; см. стр. 47. Описи этого дѣла, напечатанной въ видѣ приложенія въ книгѣ моей: «Основы Судебной реформы».—При университетской реформѣ печати отвелъ мин. нар. просв. А. В. Головнинъ видное мѣсто.

56) Ист. Зап., стр. 69—70.

57) Предсѣдательствовалъ кн. П. П. Гагаринъ, членами были: М. Г.

декабря 1863 г. обсуждало его Общее Собраніе Государственнаго Совѣта.

Измѣненія, внесенныя Государственнымъ Совѣтомъ въ проектъ Валуевской коммиссіи, касались главнымъ образомъ смягченія сословнаго характера земскихъ учрежденій (проектъ устанавливалъ уменьшенный цензъ для дворянъ - землевладѣльцевъ) и ограниченія власти администраціи (такъ, напримѣръ, министерство внутреннихъ дѣлъ оставляло за собою право назначать предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ собраній, а также по своему усмотрѣнію (п. XII проекта) измѣнять предметы вѣдомства земства).

Наиболѣе рѣшительными противниками сословнаго начала выступили баронъ Корфъ, Бахтинъ и кн. Суворовъ (къ нимъ въ общемъ собраніи присоединился Тимовскій). Возражая противъ раздѣленія избирателей на три собранія — землевладѣльческое (главнымъ образомъ, дворянское), городское и сельское—четыре члена указывали на то, что цѣль образованія земскихъ учрежденій состоитъ въ томъ, чтобы въ каждой мѣстности призвать къ завѣдованію мѣстными хозяйственными дѣлами *всѣ классы* общества, земство составляющіе, *безразлично*, такъ какъ самое земство есть не что иное какъ соединеніе жителей одной мѣстности для удовлетворенія общимъ хозяйственнымъ нуждамъ. Этой цѣли не соотвѣтствуетъ предположенный въ проектѣ порядокъ избранія гласныхъ тремя группами, каждою отдѣльно. Избранныя такими отдѣльными кружками лица будутъ считать себя делегатами избравшихъ ихъ классовъ общества и будутъ дѣйствовать не какъ представители *общихъ* всему земству интересовъ, а какъ защитники особыхъ выгодъ каждаго отдѣльнаго класса. При этомъ не достигается то *единодушіе*, которое должно составлять *главный характеръ* всѣхъ дѣйствій земскихъ учрежденій (см. выше въ главѣ II тождественный взглядъ тверскаго дворянства, изложенный въ Обзорѣ Основаній тверскаго проекта), въ завѣдываніе коихъ поступаютъ не отдѣльные, часто противоположные

Хомутовъ, бар. М. Л. Корфъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ, Е. П. Ковалевскій, П. А. Мухановъ, гр. П. Н. Панинъ, Н. И. Бахтинъ, гр. В. Ѳ. Адлербергъ, кн. П. А. Долгоруковъ, кн. Италійскій, графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій, И. М. Толстой, Д. А. Милютинъ, Л. Л. Зеленый, П. А. Валуевъ, М. Х. Рейтернъ, П. П. Мельниковъ.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ставшіеся по пре
[illegible] [illegible] сословія, [illegible] представля
[illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] избранія гласныхъ
[illegible] въ [illegible] участвують избиратели безъ различія
[illegible] [illegible], что гласные будуть смотрѣть на с
[illegible] [illegible] всего [illegible] общества и считать
[illegible] [illegible] [illegible], а не въ выгоду
[illegible] [illegible] [58])

[illegible] [illegible] большинство 40 членовъ Госу
[illegible] Совѣта [illegible] въ пользу Валуевскаго про
[illegible] что соединеніе избирателей въ одно собраніе бы
[illegible] [illegible] [illegible] крестьянъ въ соотношенія,
[illegible] ихъ [illegible] и [illegible], и вызвало (?)
[illegible] [illegible] сословіями.

При обсужденіи вопроса о предсѣдательствѣ въ уѣзд
[illegible] собраніяхъ, голоса раздѣлились поровну—23 голоса
за предоставленіе предсѣдательства лицу, избранному соб
23 — уѣздному предводителю дворянства. Послѣднее мнѣ
[illegible] утвержденіе и получило силу закона. Что касается губ
собранія, меньшинство (17 членовъ) [60]) высказалось за
предсѣдателя [illegible] [illegible], а большинство (29 г
за предоставленіе предсѣдательства губернскому предв
[illegible] [illegible] [illegible], гр. Строгановъ, Хомуто
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible], Вахтинъ, Нор
[illegible], [illegible], [illegible], Н. А. Милютинъ, Мел
[illegible], [illegible], [illegible] и Врaббе), имѣя въ ви
губернское земское собраніе состоитъ изъ выбранныхъ зе
представителей, находило, что земскіе было бы несогл
выборнымъ началомъ и [illegible] неудобно назначать въ
браніе предсѣдателя со стороны, помимо желанія самог
ства. Такая мѣра имѣла бы еще ту невыгоду, что пред
дворянства есть представитель одного сословія, выбранн
же сословіемъ, и назначеніе предсѣдателемъ земскаго с

[58]) Истор. Записка. 105—106.
[59]) Тамъ же. 19[illegible].
[60]) Тамъ же. 159.
[61]) Тамъ же. 166.

въ коемъ участвуютъ заинтересованные въ одинаковой мѣрѣ *всѣ классы* общества, было бы такимъ явнымъ *предпочтеніемъ* дворянскаго сословія, въ общемъ для всѣхъ земскомъ устройствѣ, что не могло бы не породить пререканій между сословіями и повредить успѣху новыхъ учрежденій. Губернское собраніе будетъ заниматься дѣлами, касающимися земскаго хозяйства; кругъ его дѣйствій ясно обозначенъ въ Положеніи и за тѣмъ, по убѣжденію 17 членовъ, не могло быть ни какой опасности предоставить собранію имѣть предсѣдателя по выбору. Напротивъ, можно было опасаться, по ихъ мнѣнію, что собраніе, въ коемъ значительная часть членовъ не принадлежитъ къ выборнымъ отъ дворянства, будетъ *парализовано* въ своихъ дѣйствіяхъ постановленіемъ въ главѣ его лица, выбраннаго однимъ только дворянствомъ. Въ такомъ собраніи неминуемо возникнетъ борьба сословныхъ притязаній, не будетъ единодушія, необходимаго для успѣха дѣла.

29 же членовъ (вел. кн. Николай Николаевичъ, принцъ Ольденбургскій, гр. Рибопьеръ, гр. Адлербергъ, гр. Клейнмихель, кн. Гагаринъ, Кочубей, гр. Шуваловъ, бар. Корфъ I. Сухозанетъ, Танѣевъ, гр. Панинъ, кн. Долгоруковъ, Плаутинъ, Чевкинъ, кн. Горчаковъ, бар. Врангель, Брокъ, Анненковъ, Княжевичъ, гр. Игнатьевъ, кн. Суворовъ, Тимовскій, гр. Толстой, гр. Валуевъ, Мухановъ, Татариновъ, Замятинъ и Платоновъ) въ виду важности ввѣряемыхъ губернскимъ земскимъ собраніямъ дѣлъ и значенія ихъ, какъ выборныхъ отъ мѣстнаго населенія, полагали, что было бы *неосторожно* предоставить избраніе предсѣдателя собранія и что слѣдовало назначить предсѣдателемъ губернскаго предводителя, какъ лицо *благонадежное* и способное [92]).

По вопросу объ организаціи и предѣлахъ власти земскихъ учрежденій представилъ пространныя замѣчанія главноуправляющій II отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи баронъ М. Корфъ. Цѣль земской реформы, писалъ онъ, конечно не въ томъ, чтобы *на мѣсто одних присутственных мѣстъ учредить другія*, хотя бы и въ лучшемъ и правильнѣйшемъ составѣ, сущность

[92]) Тамъ же, 271—284.

ея напротивъ, въ измѣненіи самыхъ *коренныхъ условій* нашей системы мѣстнаго правленія, *въ разрушеніи ея старыхъ основъ* и построеніи ея на началѣ, почти совершенно ей чуждомъ—*децентрализаціи и самоуправленіи*. Указавъ затѣмъ на пагубныя послѣдствія централизаціи, въ особенности для такой обширной и мало культурной страны, какъ Россія, бар. Корфъ замѣчаетъ, если подобная система, хотя и съ постоянными противъ себя нареканіями, могла до послѣдняго времени существовать у насъ, то, безъ сомнѣнія, лишь потому, что на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, большая часть предписаній высшаго правительства на мѣстахъ *не исполнялась* и дѣйствительная жизнь шла врозь съ ними. Съ другой стороны, централизація отнимаетъ у мѣстныхъ жителей *охоту* заниматься своими общественными дѣлами, вслѣдствіе чего народъ оставался чуждымъ практическимъ трудностямъ управленія, дѣлается болѣе и болѣе способнымъ предаваться политическимъ фантазіямъ и причину всякаго зла въ обществѣ, даже самаго естественнаго и неизбѣжнаго, пріучается относить къ правительству.

При разсмотрѣніи проекта въ соединенныхъ департаментахъ с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства высказалъ, что хотя ст. 6 полож. и предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ самостоятельность, но въ другихъ статьяхъ *начало самостоятельности* не только не поддерживается, а напротивъ того совершенно *уничтожается* — подчиняя составленіе смѣтъ и самое избраніе должностныхъ лицъ и пр, *утвержденію* администраціи. Бар. Корфъ [61]), съ своей стороны, настаивая на необходимости предоставленія самостоятельности земству, говорилъ, что, въ виду выказаннаго обществомъ въ послѣднее время (польскаго возстанія) патріотизма, слѣдуетъ къ нему обратиться съ довѣріемъ. «Общество прежде всего желаетъ, сказалъ онъ, чтобы земскія учрежденія, какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ ихъ дѣятельности, имѣли *дѣйствительную* самостоятельность. Было бы крайне неосторожно нынѣ, когда возбуждено общее ожиданіе устройства земскихъ учрежденій *на началахъ довѣрія* правительства къ обществу, *дать слишкомъ мало*, *не удовлетворить*

[63]) Тамъ же, 292.
[64]) Тамъ же, 293.

бщія надежды и тѣмъ возбудить только неудовольствіе. гда скажутъ, что вмѣсто дѣйствительнаго земскаго управленія рибавлено только нѣсколько новыхъ административныхъ мѣстъ». ъ этому мнѣнію присоединились военный министъ Д. А. (нынѣ рафъ) Милютинъ и министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій [65]). Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ между прочимъ, возражалъ: нареканія на стремленіе бюрократіи весьма *реувеличены* (?—см. выше § 1 отзывъ самого Валуева, и полагалъ, что при самостоятельности земскихъ учрежденій созается *государство въ государствѣ* (sic).

При исчисленіи отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства земскихъ чрежденій Е. П. Ковалевскій предложилъ включить «попеченіе народномъ образованіи». Предложеніе было принято, несмотря а возраженіе гр. Панина, высказавшаго, что эти предметы попеченіе о народномъ образованіи, народномъ здравіи и о юрьмахъ) требуютъ многосторонняго разсмотрѣнія и что перетъ ихъ земству значило бы возбудить надежды и притязаія (!), которыя, можетъ быть, невозможно будетъ удовлеворить [66]).

Московскій городской голова кн. Щербатовъ, возбудилъ очень ажный вопросъ о раздѣленіи земскихъ повинностей, вызвавій крайне страстныя пренія. Предметы вѣдомства земскихъ чрежденій окончательно могли быть опредѣлены только съ перемотромъ уст. о земскихъ повин., который еще не былъ оконченъ. ъ. Щербатовъ полагалъ полезнымъ указать въ земскомъ Положеніи, по крайней мѣрѣ, общій принципъ разграниченія губернскихъ земскихъ повинностей отъ государственныхъ, добавляя, то если всѣ повинности, признаваемыя нынѣ государственными, удутъ считаться государственно-земскими и передадутся въ завѣдываніе казны, то на долю земскихъ учрежденій останется всего $^1/_8$, т. е. менѣе 5,000,000 р. [67]), между тѣмъ они будутъ заѣдывать *всѣми* повинностями и государственными, и губернскими. Имѣя въ виду, что персоналъ земскихъ учрежденій будетъ

[65]) Тамъ же, 294.

[66]) Тамъ же, 302.

[67]) Тамъ же, 304. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губернскій сборъ былъ ще меньше не доходилъ до $^1/_{10}$; см. н. с. Головачева, стр. 188.

состоять не менѣе, какъ изъ 2,000 лицъ [68]), онъ поглотитъ 40% бюджета, что̀ нельзя признать нормальнымъ. Расширеніе правъ земства и то незначительное въ распоряженіи $^1/_5$ частью земскихъ повинностей не оправдываетъ, говорилъ князь, устраненія его отъ всякаго участія въ завѣдываніи остальными $^4/_5$. По симъ соображеніямъ кн. Щербатовъ полагалъ, что не слѣдовало совершенно устранять вліяніе земства и на ту часть земскихъ сборовъ, которая составляетъ государственныя повинности и, по крайней мѣрѣ, предоставить новымъ учрежденіямъ *участіе* въ составленіи смѣтъ и *обревизованіи* расходовъ посимъ смѣтамъ.

Министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ и министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій полагали полезнымъ имѣть въ виду отзывы новыхъ учрежденій по сему предмету. Н. И. Бахтинъ горячо поддержалъ предложеніе кн. Щербатова и замѣтилъ, что *совѣщательный голосъ* земскихъ учрежденій можетъ быть допущенъ безъ всякаго опасенія на счетъ превышенія [illegible] власти и ограниченія свободной правительственной инициативы. Практическая возможность и удобство такого законодательнаго пріема, сказалъ Бахтинъ, подтверждается бывшими примѣрами: правительство не встрѣчало никакихъ неудобствъ и опасеній при созывѣ въ 1857 и 1858 гг. губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, на предварительное обсужденіе которыхъ былъ представленъ вопросъ еще большей важности—крестьянская реформа [69]).

Большинство членовъ не согласилось однако съ предложеніемъ кн. Щербатова. П. А. Валуевъ разразился громовою фразистою филиппикой, указывая, что предложеніе кн. Щербатова грозитъ отечеству неминуемою бѣдою (обсужденіе въ послѣдующія времена земскими собраніями проекта подоходнаго налога, какъ извѣстно, основъ государства не поколебало). «Предоставить земскимъ учрежденіямъ участіе въ дѣлахъ общегосударственнаго интереса, говорилъ Валуевъ, значило бы раздроблять (sic) единую государственную правительственную власть между 40 или 50 отдѣльными единицами и подвергать *общественный порядокъ и весь государственный строй опасностямъ*, въ важности которыхъ едва ли кто позволитъ себѣ сомнѣваться. Желаніе, чтобы земскія учрежденія

[68]) Тамъ же, 304—305.

[69]) Тамъ же, 307—308.

произвели благопріятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе; чтобы возбужденныя ожиданія были по возможности удовлетворены, не можетъ быть основаніемъ къ тому, чтобы расширить кругъ этихъ учрежденій за предѣлы возможнаго (?) и необходимаго, дать имъ законодательную (??) инициативу, предоставить имъ самимъ опредѣлить кругъ своей дѣятельности, *связать правительству руки* [70]) и публично заявить это въ текстѣ самого закона!» Вотъ сколько ужасовъ усмотрѣлъ, захлебнувшійся въ фіоритурахъ собственнаго краснорѣчія, «соловей—либералъ» Валуевъ въ скромномъ предложеніи кн. Щербатова [71]). Еще шагъ,

[70]) Далѣе П. А. Валуевъ поясняетъ, почему у правительства связаны были бы руки. „Правительство не должно ставить себя, говоритъ онъ, въ такое положеніе, чтобъ у него *выпрашивали милости*“ (стр. 308). Если даже, „выпрашиванія милостей“, никому не возбраненное (см. стр. 340, Исторической Записки), представлялось, по мнѣнію Валуева, опаснымъ предоставлять органамъ общественнаго самоуправленія, то это ярко показываетъ, какъ „своеобразно“ представлялъ себѣ этотъ либерала на словахъ, а на дѣлѣ бюрократъ до мозга костей „самостоятельность“ земства. Нельзя не согласиться съ Безобразовымъ, когда онъ, характеризуя такихъ неисправимыхъ бюрократовъ, восклицаетъ: „О, какъ опасны тѣ враги бюрократическаго порядка, которые сами бюрократы и дѣйствуютъ противъ него своими бюрократически сочиненными способами“. См. н. с. Безобразова, стр. 382.—*Отечест. Записки* тоже подтрунивали надъ заботою „объ устраненіи въ *будущемъ* произвола общества, упускающаго изъ виду настоящій, очевидный произволъ бюрократіи“. — Говоря объ уничтоженіи произвола, журналъ продолжаетъ: „сильныя лица всегда расположены думать, что законы не про нихъ писаны, слѣдовательно, уничтоженія общаго произвола возможно только тогда лица, задумавшія устранить его, не забудутъ прежде всего устранить изъ собственнаго сердца“. (1862, № 9, стр. 16, 25).

[71]) А. А. Головачевъ, указывая на то, что старыя дворянскія собранія de jure ближе подходили къ понятію самоуправленія, нежели земскія учрежденія 1864 г., отмѣчаетъ, что тѣ собранія имѣли право контроля не только надъ губернскимъ, но и государственнымъ земскимъ сборомъ. Съ улучшеніемъ этого права и съ перенесеніемъ его на общесословныя земскія собранія, они, замѣчаетъ г. Головачевъ, могли бы сдѣлать много добра и послужить зачатками того контроля, который общество, по необходимости, должно имѣть надъ администраціею и который признавался полезнымъ за весь періодъ времени отъ 1805 до 1864 г. Къ сожалѣнію, говоритъ г. Головачевъ, законъ 1864 г. не сохранилъ этого права за земствомъ обществомъ, а, напротивъ, подчинилъ дѣйствія общества контролю администраціи. См. н. с. Головачева, стр. 188 –189.

и П. А. Валуевъ могъ обвинить сторонниковъ этого предложенія въ государственномъ преступленіи. Пренія получили столь не свойственный мѣсту бурный характеръ что предсѣдатель П. П. Гагаринъ прекратилъ ихъ послѣ грозной катилинаріи побѣдоносный Валуева.

И подумаешь, всѣ эти перуны спасителя цѣлости Россіи направлены были противъ безобидной мѣры, которая являлась дополненіемъ и развитіемъ дѣйствовавшаго со временъ Николая I законодательства, въ силу котораго дворянство имѣло право провѣрять отчеты не только по губернскому, *но и по государственному* земскому сбору. И такое-то частичное ничтожное участіе общества въ контролѣ надъ администраціею, признававшееся нужнымъ даже въ дореформенныя времена, было сочтено П. А. Валуевымъ и его единомышленниками опаснымъ для цѣлости государства! Вотъ кто, по ироніи судьбы, долженъ былъ *обновить* бюрократическій строй и насадить *основы самоуправленія*— самоувѣреннѣйшій изъ бюрократовъ, вѣрившій лишь въ себя и въ государственное разумѣніе департаментскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ агентовъ бюрократіи; фразёръ, на словахъ кокетничавшій (въ *Сѣверной Почтѣ* прямо заявляли, что земскія учрежденія «школа представительныхъ учрежденій») съ обществомъ и самоуправленіемъ, а въ душѣ боявшійся ихъ какъ огня!? [72])... Какъ бы не пришлось имени П. А. Валуева перейти въ исторію съ тѣми не лестными эпитетами, которые онъ въ своемъ Дневникѣ такъ щедро расточалъ своему принципалу М. Н. Муравьеву...[73])

IV.

1-го января 1864 г. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ получило законодательную санкцію.

---

[72]) Кто бы могъ подумать, что этотъ блестящій вольнодумецъ, съ такимъ презрѣніемъ взиравшій, пока не былъ у власти, на представителей старого порядка, по понятіямъ которыхъ Россія была для 14-ти граннаго зерна простою скорлупою, т. е. Россія *кончалась* XIV классомъ по табели о рангахъ (см. Дневникъ Валуева въ Русской Старинѣ 1891, № 11 стр. 395), самъ заплатитъ дань этому неизлѣчимому недугу бюрократовъ.

[73]) Желая охарактеризовать пристрастіе къ произволу и двоедушіе мин. госуд. имущ. М. Н. Муравьева, Валуевъ называетъ его ханомъ

Въ первой книгѣ *Вѣстника Европы* извѣстный въ началѣ 60-хъ гг. своимъ либерализмомъ и самостоятельностью московскій цензоръ и впослѣдствіи извѣстный петербургскій земскій дѣятель Н. Ѳ. фонъ-Крузе въ немногихъ словахъ отмѣтилъ органическій порокъ, который явно замѣчался въ Земскомъ Положеніи 1864 г. «Хотя нововведеніе было вызвано, писалъ онъ, неудовлетворительностью прежняго канцелярскаго порядка въ управленіи народнымъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе устройство нововведенія пришлось поручить тому же канцелярскому порядку и руками, *признанными за неискусныя*, учреждать то, что должно будетъ ихъ замѣнить» [74]).

И. С. Аксаковъ во *Днѣ*, отдавая полусерьезно, полуиронически «должную дань почтенія усердію административныхъ лицъ къ тяжелому трудѣ *сочиненія* и изготовленія проектовъ о земскихъ учрежденіяхъ», вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ недоумѣніе по поводу того, что въ данномъ случаѣ правительство дѣйствовало внѣ помощи общественной, безъ пособія органическаго творчества жизни». *День* тѣмъ болѣе удивлялся такому игнорированію общественнаго мнѣнія, что еще недавно общество было свидѣтелемъ того, «какимъ плодотворнымъ путемъ предварительныхъ общественныхъ работъ съумѣло правительство усвоить общественному сознанію и вѣдѣнію величайшее свое законодательное дѣло—освобожденіе крестьянъ» [75]).

М. Н. Катковъ, относясь довольно скептически къ Земскому Положенію, какъ продукту «бюрократическаго умозрѣнія», привѣтствовалъ земство, какъ начало *общественнаго безсословнаго самоуправленія*. «Законъ 1-го января имѣетъ особенную важность, говорили *Московскія Вѣдомости*, не по тѣмъ спеціальнымъ учрежденіямъ (собраніямъ и управамъ), которыя онъ создаетъ, а по тѣмъ *началамъ*, которыя онъ вызываетъ въ нашей народной организаціи. Въ этихъ-то началахъ заключается его *главное* значеніе. До сихъ поръ русскій народъ *не имѣлъ сово-*

шней, мандариномъ и т. п. и, наконецъ, «государственнымъ хамелеономъ, добавляя, что можно говорить не о двуличности его, а о многоличности». (См Дневникъ Валуева въ Русск. Стар. 1891, № 10, стр. 179).

[74]) Вѣстникъ Европы 1866, № 1.

[75]) Соч. Аксакова, V, 254.

тона могла держаться администрація, руководимая такимъ неискреннимъ другомъ либерализма и самоуправленія, какъ П. А. Валуевъ!

Прежде всего онъ настоялъ на томъ, чтобы и безъ того ничтожныя финансовыя средства земскихъ учрежденій были еще болѣе урѣзаны при составленіи Временныхъ Правилъ о разверстаніи земскаго сбора между казною и земствомъ. Во многихъ губерніяхъ переданный въ распоряженіе земства сборъ не превышалъ 40—50 т. р., а между тѣмъ на содержаніе однихъ земскихъ учрежденій нужно было 80,000—100,000 руб. [79]). Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, земство, въ виду крайней обремененности крестьянскаго населенія и сравнительно большаго обремененія поземельной собственности, рѣшилось усилить обложеніе фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленно-торговыхъ заведеній. Администрація рѣшительно воспротивилась этому, а на одно изъ земствъ, настаивавшее на своемъ правѣ (петербургское), вылила неожиданно такой потокъ холодной воды [80]) (земскія учрежденія, въ виду доклада Валуева, были закрыты 6-го января 1867 г. и дѣла земства переданы въ старыя присутственныя мѣста), что надолго должна была пропасть охота у земскихъ дѣятелей дѣйствовать «самостоятельно». Рядомъ съ этимъ шло пренебрежительное отношеніе къ земскимъ ходатайствамъ [81]), усиленіе дискреціонной власти предсѣдателя земскаго собранія [82]), стѣсненіе гласности [83]) и пр. и пр.

---

[79]) Н. с. Головачева, 192.

[80]) С.-Петербургская земская управа въ 1867 г. отказалась исполнить требованія губернатора объ измѣненіи смѣты, находя ихъ противными закону и предлагала принесть жалобу на министра, который оставилъ безъ послѣдствій 12 изъ 26 ходатайствъ земства. Земскія учрежденія были закрыты, каковую чрезвычайную мѣру и М. Н. Катковъ находилъ неоправдываемою обстоятельствами. Никитенко въ своемъ дневникѣ также сожалѣетъ объ ней (т. III, 135).

[81]) Херсонское земство не получило въ теченіе года по 19 ходатайствамъ никакого отвѣта (соч. Аксакова, V, 397).

[82]) До чего доходилъ произволъ предсѣдателей, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Священникъ былъ исключенъ изъ масальскаго земскаго собранія вслѣдствіе столкновенія его съ крупнымъ землевладѣльцемъ. Несмотря на требованія 15 гласныхъ предсѣдатель не допустилъ обсужденія жалобы исключеннаго гласнаго (см. т. V, соч. Аксакова, стр. 410).

[83]) Любопытно, что законъ 13-го іюня 1867 г., подчинившій цензурѣ

Въ 1868 г. мѣсто Валуева занялъ ген.-адъют. Тимашевъ, но отношеніе правительства къ земству не улучшалось [84]). «Земскія учрежденія, писалъ Катковъ въ 1870 г. [85]), представляютъ печальное зрѣлище. Гласные во многихъ мѣстахъ охладѣваютъ къ своему дѣлу, перестаютъ видѣть въ немъ *серьезное дѣло* государственнаго значенія [86]), начинаютъ сомнѣваться въ его будущности. Они замѣчаютъ въ правительственныхъ властяхъ какое-то *глухое (?) нерасположеніе* къ этому созданію правительственной власти. Многія земскія собранія послѣдней сессіи шли вяло, за малочисленностью гласныхъ; иныя вовсе не состоялись за неприбытіемъ узаконеннаго числа членовъ».

Земскія учрежденія начали все болѣе и болѣе хирѣть и чахнуть, чему способствовало также отчасти и апатичное и реакціонное настроеніе [87]) общества. Какъ ни трудно вдохнуть жизнь

губернатора, по комментарію валуевскаго органа „*Сѣверной Почты*“, оказывался не стѣсненіемъ, а „распространеніемъ“ правъ земства. По поводу этого изумительнаго опыта превращенія „черное въ бѣлое“ И. С. Аксаковъ писалъ: „это, конечно, *очень смѣло*, но едва ли безвредно, ибо отнимаетъ у правительственной мѣры достоинство прямоты и откровенности“. Тамъ же, стр. 409.

[84]) Неблагопріятное для земскихъ учрежденій направленіе правительственныхъ мѣръ и въ особенности ограниченіе гласности, которая есть для нихъ то же самое, что воздухъ для организма, писалъ Катковъ въ 1868 г., подѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ. (См. сб. Невѣдѣнскаго, стр. 442).

[85]) См. сб. Невѣдѣнскаго, стр. 444—445. Всякій, кто внимательно слѣдилъ за дѣятельностью нашего земства, говорили *Московск. Вѣдомости* въ 1869 г., не можетъ не замѣтить, что институтъ этотъ имѣетъ *будущность*, если только законодательство поставитъ его въ благопріятныя условія (№ 267).

[86]) При обсужденіи вопроса о пересылкѣ земской корреспонденціи земства приравнены были къ частнымъ учрежденіямъ. (См. н. с. Безобразова, стр. 541.

[87]) Въ провинціальномъ обществѣ, писалъ Салтыковъ въ концѣ 60-хъ годовъ, существуютъ извѣстныя слои, въ которыхъ 19-е февраля отозвалось послѣдствіемъ свойства довольно неожиданнаго. Въ противность всякимъ соображеніямъ, оно выдвинуло впередъ въ этихъ слояхъ совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало выдвинуть и поставило внѣ дѣятельности совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало внѣ дѣятельности поставить. Однимъ словомъ, вышла какая-то безпримѣрная и только у насъ возможная

въ общество, находившееся долго подъ гнетомъ,— легче угнетать, говоритъ великій историкъ древности, нежели вновь возвать къ жизни [88]),— но впервые успѣшные шаги земства [89]) показывали, что въ обществѣ были еще живыя силы и что безусловно былъ правъ Катковъ, когда по открытіи земскихъ учрежденій съ торжествомъ говорилъ: «неправда! у насъ есть люди; дайте учрежденія—люди явятся» [90])...

путаница, вслѣдствіе которой вліятельными практическими дѣятелями *на почвѣ 19-го февраля* явились люди, не могущіе и даже не дающіе себѣ труда выдержаться отъ судорожнаго подергиванья при малѣйшемъ намекѣ на эту почву; люди-же, всецѣло преданные дѣлу, вѣрящіе въ его будущность, очень часто не только отстраняются отъ всякаго вліянія на правильный исходъ его, но даже къ великой потѣхѣ многочисленнаго сонмища фофановъ и праздношатающихся, обзываются коммунистами, нигилистами, революціонерами и демагогами... Что составляетъ язву, непрестанно точащую провинціальныхъ исторіографовъ-ненавистниковъ? Эту язву составляетъ упраздненное крѣпостное право, гласные суды, земство т. е. то, въ чемъ замыкается существенный смыслъ 19-го февраля. Ненавистничество до такой степени подняло голову, что самое слово „ненавистникъ“ сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ рекомендательнаго письма. Ненавистники не вздыхаютъ по угламъ, но скрежещутъ зубами въ тихомолку, но авторитетно, публично, при свѣтѣ дня и на всѣхъ діалектахъ изрыгаютъ хулу, и, не опасаясь, ни отпора, ни возраженій, сулятъ покончить въ самомъ ближайшемъ будущемъ съ тѣмъ, что они называютъ „гнусною закваскою нигилизма и демагогіи“ и подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ, до которыхъ ненавистникамъ нѣтъ никакого дѣла, а преобразованія послѣдняго времени. (Сочин. II, 360—361).

88) Vita Agricolae, V.

89) См. Статью В. Ю. Скалона „Земское дѣло въ № *Русскихъ Вѣдомостей* отъ 7-го февраля за 1890 г., а также назв. с. Свѣшникова, стр. 130 и слѣд.

90) Наз. сб. Невѣдѣнскаго, 416.—Въ началѣ 1873 г. Никитенко писалъ: „Вотъ формула того, чѣмъ могли бы удовлетвориться всѣ разсудительные люди нашего времени: съ одной стороны, поддержаніе всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія, съ другой—дѣятельность въ предѣлахъ этихъ реформъ“... (стр. 322). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Никитенко пишетъ: „Испугались реформъ тѣ самые, которые ихъ произвели. Они ожидали, что изъ реформъ возникнетъ самая порядочная, сообразная съ ихъ желаніями жизнь; что нравы тотчасъ измѣнятся къ лучшему, промышленость и земледѣліе процвѣтутъ, богатство потечетъ по всей странѣ ре-

Кто знаетъ, чего бы можно ждать отъ нашего самоуправленія, если въ такой исключительный по важности [91]), моментъ какъ 60-е годы, эпоха великихъ реформъ и возрожденія Россіи, тонъ внутренней политикѣ давалъ не такой двусмысленный творецъ двусмысленнаго блѣднаго самоуправленія, — которое зло, но мѣтко было уподоблено Катковымъ «гримасѣ человѣка, который хочетъ чихнуть, но не можетъ» [92]),—а истинный другъ самоуправленія, глубоко вѣрующій въ великія преимущества его и ради нихъ способный понять и извинить его случайные недостатки, промахи и даже припадки нервности, пароксизмы нервнаго раздраженія, неизбѣжные у людей послѣ долгаго гнета?!...

Если за всѣмъ тѣмъ и несмотря на всѣ тяжелыя условія существованія, земскія учрежденія внесли экономію во многихъ расходахъ, сравнительно съ казеннымъ хозяйствомъ [93]); если изъ ничего создали народную школу [94]), народную медицину [95]),

---

кою. Печать только и будетъ дѣлать, что *восхвалять*... Всѣ эти золотые сны не оправдались. То, что вѣками портилось и извращалось, не можетъ измѣниться въ нѣсколько лѣтъ. Главная задача реформъ совсѣмъ не въ томъ состояла, чтобы немедленно насладиться благами, элементы которыхъ въ нихъ заключаются, а въ томъ, чтобы положить имъ основаніе и сдѣлать эти блага возможными. Словомъ, реформы имѣютъ въ виду не настоящее, а будущее. Поэтому не слѣдуетъ ихъ подкапывать, а обезпечивать ихъ прекрасныя послѣдствія, выжидать. Естественно, что онѣ произвели много такого, чего администраціи не желалось, много ошибокъ, неумѣнье пользоваться дарованными льготами, даже злоупотребленіе. Но въ высшей степени странно, что этого *не предвидѣли*. Слѣдуетъ ли изъ-за этого возвращаться къ прошедшему и парализовать сдѣланное, лишая его той силы, которая *одна* въ состояніи вывести насъ на лучшій путь?" (Днев. III, 337).

[91]) Наше поколѣніе, писалъ Катковъ 1-го января 1864 г., какъ-разъ въ день утвержденія Земскаго Положенія, держитъ въ своихъ рукахъ историческую будущность русскаго народа. Наша задача такъ колоссальна, что поневолѣ становится жутко. (*Московскія Вѣдомости* 1864 г., № 1).

[92]) См. *Москов. Вѣдом.* 1880 г., № 212.

[93]) Въ н. с. Головачева (стр. 192) приведены примѣры экономіи въ 30%—50%. Это же подтверждается и сравненіемъ бюджетовъ земскихъ и неземскихъ губерній (см. *Русск. Вѣдом.* 1893, № 110).

[94]) О томъ, какая гага avis былъ грамотный въ деревнѣ, до земской реформы, см. выше въ главѣ I, § 7 свѣдѣнія объ чтеніи въ древнихъ Полож. о крестьянахъ.

[95]) Медицина, по утвержденію знатока дѣла А. А. Головачева, отсут-

земское страхованіе и пр., создали, составляющую гордость русской науки предъ Европою, особую земскую статистику [96]); если, помимо всего этого, земскія учрежденія послужили школою политическаго воспитанія для общества [97]) и народа [98]): то это доказываетъ, какъ живительна и плодотворна идея самоуправленія даже въ самомъ неудовлетворительномъ выраженіи и приложеніи ея. Несмотря на всѣ «зигзаги» [99]) русскаго прогресса, не мертвящей бюрократической рутинѣ преодолѣть эту великую зиждительную и животворящую силу!

ствовала не только въ уѣздѣ, и въ городахъ (см. стр. 199 и оффиціальные данные въ статьѣ В. Ю. Скалона, *Сѣверномъ Вѣстникѣ* „Двадцатипятилѣтія" земскихъ учрежденій, стр. 163).

[96]) См. рѣчь проф. А. И. Чупрова въ сборникѣ „25-ти лѣтіе Московскаго Юридическаго Общества". М. 1888.

[97]) См. н. с. Безобразова 505.—Послѣ реформы 1846 г. петербургское дворянство считало унизительнымъ для себя сидѣть въ городской Думѣ рядомъ съ купцами и лавочниками и т. п. людьми".

[98]) См. т. V. соч. Аксакова, стр. 96.

[99]) Пройдетъ много времени, писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ 19-го мая 1861 изъ Самары Милютину, въ теченіе котораго мы будемъ двигаться впередъ, но *зигзагами*, см. н. с. Лерое-Больё, 87.

V.

ЦЕНЗУРНАЯ РЕФОРМА.

Немного такихъ истинъ несомнительныхъ, немного такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ святость должна пребыть нссомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя и независимыя отъ воли людей. Но, посвятивъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ей вѣрнымъ безъ изъятія, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе французскихъ роялистовъ: Vive le roi quand même! Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ исключительныхъ истинъ. Почитая его единымъ, прочнымъ основаніемъ благосостоянія общаго и частнаго, совѣстью правительствомъ и лицъ, простительно мы, напримѣръ, печалиться малодушно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію, или, положимъ, и влекущихся за нимъ по непреложнымъ законамъ Провидѣнія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что ни есть на землѣ?

Кн. П. А. Вяземскій.

Нѣтъ свободы безъ злоупотребленій, но нѣтъ и никакого блага безъ свободы.

Цензъ. А. Никитенко,

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года.

(Справка къ двадцатипятилѣтію).

Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное!—Просторъ слова нужнѣе всѣхъ реформъ послѣ освобожденія крестьянъ; нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ этомъ просторѣ заключается условіе жизненности для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него—они едва ли взойдутъ.

И. С. Аксаковъ.

Законная и безспорная власть, сильная всею силою своего народа и единая съ нимъ, не имѣетъ повода бояться никакой свободы, напротивъ, свобода есть вѣрная союзница и опора такой власти.

М. Катковъ (1867 г.).

I.

еломъ, явственно сказавшійся со второй половины 50-хъ
во всѣхъ отрасляхъ нашей государственной и общест-
і жизни, коснулся и роли въ ней общественнаго мнѣнія,
ѣе главнаго его органа — печати. Уже съ первыхъ лѣтъ
шаго царствованія положеніе печати обратило на себя
ое правительства. Четыре министра народнаго просвѣще-
нѣдовавшіе другъ за другомъ въ теченіе краткаго періода
лѣтъ (Норовъ, Ковалевскій, Путятинъ, Головнинъ), помимо
нія къ лучшему цензурной практики, ставили на очередь
съ о пересмотрѣ нашего законодательства о печати, при
согласно Высочайшему повѣленію, взято было за осно-

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года.

(Справка къ двадцатипятилѣтію).

Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное!—Просторъ слова нужнѣе всѣхъ реформъ послѣ освобожденія крестьянъ; нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ этомъ просторѣ заключается условіе жизненности для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него—они едва ли взойдутъ.

И. С. Аксаковъ.

Законная и безспорная власть, сильная всею силою своего народа и единая съ нимъ, не имѣетъ повода бояться никакой свободы, напротивъ, свобода есть вѣрная союзница и опора такой власти.

М. Катковъ (1867 г.).

I.

Переломъ, явственно сказавшійся со второй половины 50-хъ годовъ во всѣхъ отрасляхъ нашей государственной и общественной жизни, коснулся и роли въ ней общественнаго мнѣнія, а также главнаго его органа — печати. Уже съ первыхъ лѣтъ минувшаго царствованія положеніе печати обратило на себя вниманіе правительства. Четыре министра народнаго просвѣщенія, слѣдовавшіе другъ за другомъ въ теченіе краткаго періода шести лѣтъ (Норовъ, Ковалевскій, Путятинъ, Головнинъ), помимо измѣненія къ лучшему цензурной практики, ставили на очередь вопросъ о пересмотрѣ нашего законодательства о печати, при чемъ, согласно Высочайшему повѣленію, взято было за осно-

ваніе, что «*разумная бдительность* со стороны цензуры необходима» [1]).

Министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій внесъ 8-го мая 1859 г. въ Государственный Совѣтъ проектъ устава о цензурѣ, который представлялъ собою компиляцію разнородныхъ постановленій, изъ коихъ одни относились къ концу 40-хъ годовъ, ко времени наибольшаго стѣсненія свободы печати, а другія — ко времени сравнительно болѣе мягкому — къ концу

---

[1]) См. стр. 59-ю представленія Ковалевскаго въ государственный совѣтъ 1859 г., № 1068, стр. 1. Представленія Валуева 1864 г., № 183.

— Валуевъ, размышляя въ 1855 г. о ближайшихъ задачахъ новаго царствованія, на первомъ планѣ ставилъ цензурную реформу: „что у насъ теперь *прежде всего* желательно? спрашиваетъ онъ 20 октября 1855 г., и въ программѣ своей на первомъ планѣ, на первомъ мѣстѣ ставитъ: преобразованіе цензуры. „Мнѣ кажется, что легче быть хорошимъ директоромъ департамента въ любомъ министерствѣ, чѣмъ хорошимъ цензоромъ, и что доколѣ цензоровъ будутъ сажать на гауптвахту, вообще не можетъ быть и самыхъ посредственныхъ цензоровъ". (Любопытно, что въ этой программѣ Валуева въ 3-мъ пунктѣ значится „отмѣна крѣпостнаго состоянія... кого-бы вы думали?— не помѣщичьихъ крестьянъ, а... нашихъ промышленныхъ силъ, нынѣ закабаленныхъ глав. управ. пут. сообщ.")— см. Рус. Ст. V, 1891 г., стр. 340. — Но такой взглядъ на цензуру не былъ усвоенъ въ правительственныхъ сферахъ, и цензурная практика первыхъ лѣтъ новаго царствованія была въ состояніи анархіи или хаоса (см. въ извѣстной книгѣ А. М. Скабичевскаго. Очерки Исторіи русс. цензуры Спб. 1892, стр. 389 и слѣд.).

— Частью по своей безхарактерности, частью подъ вліяніемъ гр. Панина, „врага всякой мысли, всякаго гражданскаго, умственнаго и нравственнаго совершенствованія", какъ его называетъ Никитенко (см. Дневникъ II, т. 6 и слѣд.) и другихъ столповъ дореформеннаго порядка, Норовъ довелъ печать до самаго унизительнаго положенія. „Гоненіе мысли, произволъ невѣждъ, пишетъ въ 1855 г. Никитенко, сдѣлали изъ цензуры съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ ворами и убійцами". О цензорахъ онъ же пишетъ: Елагинъ завѣдывалъ конюшнею у Шихматова, Ахматовъ, казанскій помѣщикъ, сдѣлался цензоромъ, потому что его начальникъ ему долженъ. Фрейгангъ считался самымъ придирчивымъ, а теперь онъ лучшій, хотя самъ нисколько не перемѣнился (см. Дневникъ II, 3, 5). Попытки Никитенко улучшить дѣло терпѣли фіаско, потому противъ Норова выступали Панинъ, Чевкинъ и внушали Государю, что всѣ „революціи бываютъ отъ литературы" (тамъ же, 76). Какія иногда требованія предъявлялись къ цензурѣ, можно судить по слѣдующему случаю.

59-го года, когда фактически признано было за печатью право обсужденія государственныхъ вопросовъ и критики законовъ.

Противъ проекта возсталъ со всею силою своего многолѣтняго служебнаго и юридическаго авторитета гр. Д. Н. Блудовъ. Онъ порицалъ проектъ прежде всего за повтореніе «тѣхъ стѣсненій для умственнаго развитія страны», которыя были изданы съ 1848 г. [2]), и предлагалъ вернуться къ уставу 1828 г., который

При № 19 *Сына Отечества* 1858 г. разослалъ картину парижскихъ модъ, на которой изображена женщина въ платьѣ „украшенномъ вмѣсто обыкновенныхъ женскихъ уборовъ крестами, подобно тому, какъ изображаются они на церковныхъ священныхъ облаченіяхъ". С.-Петербургскій митрополитъ Григорій просилъ воспретить „устройство означенныхъ платьевъ". Генералъ-губернаторъ Игнатьевъ отвѣчалъ, что воспрещеніе представляется неудобнымъ, ибо многія таковыя платья бываютъ привозимы изъ-за-границы или по иностраннымъ рисункамъ изготовляются въ домашнемъ быту. При томъ воспрещеніе сіе дало бы поводъ къ неумѣстной оттоворкѣ, что изображеніе уподобляется не церковному облаченія, а математическому знаку умноженія". (см. *Колок.* 1859 г.) О взглядѣ на цензуру можетъ дать понятіе слѣдующее мѣсто изъ Дневника Валуева: каждый министръ выражаетъ полное сочувствіе печатному слову, но проситъ только изъять свое вѣдомство. (Русс. Стар. 1801 X, 149).

„У насъ хотятъ тѣснить и не тѣснить, позволить и не позволить, пишетъ Никитенко въ апрѣлѣ 1858 г. Въ Государѣ поколебали расположеніе въ литературѣ и онъ требуетъ отъ цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснять мысль. Какъ это согласить?" (Никитенко, II, 84). Мы на попятный дворъ; запрещено употреблять слово *прогрессъ* въ печати, пишетъ онъ въ маѣ (тамъ-же II, 94, 95).—На докладѣ мин. народ. просв. Е. П. Ковалевскаго о необходимости устраненія нѣкоторыхъ стѣсненій, находящихся въ противорѣчіи съ *прогрессомъ* гражданственности, написана была Александромъ II резолюція: „что за прогрессъ!!! прошу слова этого не употреблять въ оффиціальныхъ бумагахъ". Резолюція была циркулярно сообщена министрамъ графомъ Блудовымъ 18 мая 1858 года (см. Матеріалы по истор. крѣпостн. права, т. I 292, прим.).

— До іюля 1856 г. имя Бѣлинскаго находилось подъ запрещеніемъ, такъ что Чернышевскій въ статьяхъ своихъ долженъ былъ называть его такъ: „Авторъ статей о Пушкинѣ" и т. п.

— Масса интереснаго матеріала изъ исторіи цензуры съ 1855 по 1862 собрана въ прекрасномъ изслѣдованіи г. Скабичевскаго Очерки Исторіи цензуры въ главахъ XX—XXV.

2) Сосредоточиваясь въ самихъ себѣ и размышляя о вещахъ міра сего, вы- писалъ Салтыковъ въ 1860 г. объ этомъ времени, невольнымъ об-

«не препятствовалъ постепенному развитію умственныхъ силъ народа и выраженію общественнаго мнѣнія, независимо отъ личныхъ видовъ, и только удерживалъ ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ».

«Извѣстно и опытъ послѣднихъ лѣтъ снова доказалъ сію истину,— писалъ гр. Блудовъ,— что излишне, а слѣдственно и неосторожно стѣсненная мысль ищетъ и *всегда почти находитъ средства* проявляться и распространяться или чрезъ рукописныя, или чрезъ тайно-печатаемыя здѣсь или внѣ государства статьи и разсужденія, уже не подлежащія никакому надзору и контролю и не влекущія за собой никакой отвѣтственности».

Не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ проекта Ковалевскаго, гр. Блудовъ указывалъ на то, что недостатками проекта могутъ «воспользоваться недоброжелательные дѣятели *заграничной* журналистики и выставить намѣреніе правительства въ превратномъ видѣ». Въ заключеніе гр. Блудовъ высказалъ мнѣніе, что изданіе полнаго Устава несвоевременно и предпочительно возстановленіе и дополненіе Устава 1828 года.

Государственный Совѣтъ по департаменту законовъ одобрилъ

разомъ мысленно переноситесь къ временамъ вашей юности, къ тѣмъ золотымъ временамъ, когда съ каѳедры къ вамъ обращалась живая рѣчь, если не самого Грановскаго, то одного изъ учениковъ, вызывая къ дѣятельности благороднѣйшіе инстинкты души, когда съ иной, болѣе обширной каѳедры лилось къ вамъ полное страсти слово Бѣлинскаго, волнуя и утѣшая васъ и наполняя сердца ваши скорбью и негодованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая цѣль для нашихъ стремленій... Да, замѣчательное было это время, когда слово служило не естественною формою для выраженія человѣческой мысли, а какъ-бы покровомъ, сквозь который неполно и словно намеками свѣтились очертанія этой мысли; и чѣмъ хитрѣе, чѣмъ запутаннѣе сплетенъ былъ этотъ покровъ, тѣмъ скорбнѣе, тѣмъ нетерпѣливѣе трепетала подъ нимъ полная мощи мысль, и тѣмъ горячѣе отдавалось ея эхо въ молодыхъ душахъ читателей и слушателей! То было время, когда мысль должна была оговариваться и лукавить, когда она тысячу разъ вынуждена было окунуться въ помойныхъ ямахъ житейскаго базара, чтобы выстрадать себѣ право, хотя однажды, хотя на мгновеніе засіять надъ міромъ лучомъ надежды, лучшаго грядущаго обновленія! И стало быть крѣпки были эти люди, если и при такой обстановкѣ не изолгались, не измелочничались, не сдѣлались отступниками. (Сочин. II, 144—145).

мнѣніе гр. Блудова, и затѣмъ проектъ Ковалевскаго былъ возвращенъ 15-го іюня 1859 г. въ министерство народнаго просвѣщенія.

Со вступленіемъ въ министерство въ концѣ декабря 1861 г., послѣ кратковременнаго управленія адмирала Путятина, А. В. Головнина—возобновились съ новою энергіею работы по реформѣ законодательства о печати. Но предварительно Головнинъ старался нѣсколько упорядочить цензурную практику, на которую всѣ жаловались. Правительство недовольно было снисходительностью цензоровъ. Цензоры въ свою очередь жаловались, что они теряются въ противорѣчивыхъ указаніяхъ, исходящихъ отъ разныхъ министерствъ. Журналистика сѣтовала на произволъ и медленность цензоровъ. Для устраненія этихъ неудобствъ Головнинъ распорядился о составленіи Свода Постановленій по цензурѣ. «Имѣя въ виду, что если необходимо усиливать строгость цензуры, то не менѣе нужно съ другой—доставлять литературѣ, какъ средству для просвѣщенія народнаго, всевозможныя льготы и облегченія», Головнинъ исходатайствовалъ *упраздненіе спеціальныхъ цензуръ*, дозволеніе всѣмъ газетамъ печатать объявленія, облегченіе въ полученіи изъ-за-границы книгъ и газетъ, облегченіе пересылки газетъ и пр. «Исполненіе этого плана, — пишетъ Головнинъ, — начало уже ознаменоваться весьма благотворными результатами. Въ обсужденіи нѣсколькихъ важныхъ вопросовъ нашего устройства литература заговорила спокойнымъ, обдуманнымъ тономъ, и многіе ея органы, вмѣсто того, чтобы упорствовать въ безплодной оппозиціи правительству, *старались служить ему опорою*. Къ несчастью, въ то самое время, когда печать наша заявляла такъ успѣшно о достаточной *зрѣлости* своей,—пишетъ Головнинъ,—для пользованія разумною свободою, произошли событія, не дозволившія расширять ея права» (появленіе прокламацій, революціонная пропаганда). Въ виду этого изданы были разсмотрѣнныя въ Совѣтѣ Министровъ временныя правила 14-го мая 1862 г., имѣвшія цѣлью точнѣе опредѣлить предметы государственнаго управленія, которые *разрѣшалось* обсуждать печатью, и указаніе налагаемыхъ взысканій (пріостановленіе изданія на 8 мѣсяцевъ) и проч.»

Рядомъ съ улучшеніемъ цензурной практики шли подготовительныя работы по реформѣ законодательства о печати: собраны были матеріалы по исторіи законодательствъ о печати у насъ и за-границею, дозволено было въ печати обсужденіе лучшаго устройства цензуры и разрѣшено литераторамъ высказать свои соображенія по этому предмету [3]). Въ мартѣ 1862 г. учреждена была подъ предсѣдательствомъ кн. Д. Оболенскаго комиссія для «составленія проекта Устава о книгопечатаніи». Но еще до составленія проекта А. В. Головнинъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе 10-го марта 1862 г., коимъ возлагалось наблюденіе за печатью съ карательной, полицейской точки зрѣнія на министерство внутреннихъ дѣлъ, которое замѣчанія свои сообщало министерству народнаго просвѣщенія, коему, по прежнему оставались подчиненными цензурныя учрежденія. Кромѣ того упразднялись спеціальныя цензуры, кромѣ духовной и придворной. Затѣмъ [4]) названными Правилами 12-го мая 1862 г. преподаны были цензоромъ и нѣкоторыя указанія къ облегченію цензуры.

Коммиссіею кн. Оболенскаго былъ приготовленъ проектъ къ началу 1863 г. Внося проектъ въ Совѣтъ Министровъ, А. В Головнинъ счелъ необходимымъ разрѣшить предварительно важный вопросъ—слѣдуетъ ли оставить цензуру въ вѣдѣніи министерства на-

---

[3]) Весьма любопытный отзывъ Е. М. Салтыкова приведенъ въ статьѣ г. Пыпина въ Вѣстникѣ Европы 1889 г., № 10.

— Любопытенъ былъ также проектъ И. С. Аксакова съ установленіемъ полной свободы печати и подчиненіемъ преступленій печати исключительно вѣдѣнію суда. 1 § проекта гласилъ: „Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской имперіи безъ различія званія и состоянія". См. собр. соч., т. IV, 366.

[4]) Стр. 47 Отзыва Головнина, отъ 7-го декабря 1863 г., № 11510.

— По поводу этого мѣропріятія Никитенко пишетъ: Валуевъ хотѣлъ установить карательную цензуру, взялся за это, не сумѣлъ сдѣлать и проволочилъ дѣло до появленія на сцену Головнина; этотъ теперь его и обошелъ. Сущность цензуры забралъ себѣ, а ея темную невыгодную сторону оставилъ Валуеву. Вышла совершенно басня: „Ворона и лисица". (II, 31). — Оказывается, писалъ Никитенко, у Валуева гораздо болѣе бюрократическій взглядъ на вещи, чѣмъ онъ заставлялъ меня думать сначала. II, 335.

роднаго просвѣщенія, или передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Самъ Головнинъ высказалъ по этому вопросу слѣдующія соображенія: «Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанностью покровительствовать литературѣ, заботиться о развитіи, о преуспѣяніи оной; посему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, оно не можетъ (?) быть ея строгимъ судьею (какъ извѣстно, исторія цензуры не подтверждаетъ этого взгляда). Сверхъ того, министерство народнаго просвѣщенія обязано содѣйствовать движенію впередъ науки, и для этого необходима свобода анализа; посему цензура, находясь въ вѣдѣніи сего министерства, принимаетъ направленіе болѣе снисходительное (!!), стремящееся къ тому, что бы медленно и осторожно *отодвигать границы*, поставленныя свободѣ разсужденій. При нынѣшнемъ же всеобщемъ броженіи умовъ, необыкновенномъ развитіи умственной дѣятельности, обращающейся преимущественно къ обсужденію вопросовъ общественныхъ, дѣятельность цензуры становилась все болѣе и болѣе затруднительною въ томъ вѣдомствѣ, которое обязано содѣйствовать развитію умственной дѣятельности. Положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ совсѣмъ другое. На него не возложена обязанность изыскивать средства къ развитію литературы. Оно обязано только наблюдать за нарушеніемъ закона и способнѣе министерства просвѣщенія оцѣнить *важность нарушенія*; роль министерства внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе. Такимъ образомъ, тенденція и сущность предположенной реформы сводились къ передачѣ печати въ вѣдѣніе болѣе «строгаго» начальства [3]).

Согласно мнѣнію Головнина, послѣдовало 10-го января 1863 г. Высочайшее повелѣніе о передачѣ цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ, куда переданъ былъ и проектъ коммиссіи кн. Оболенскаго.

---

[3]) Пр. Фойницкій (Сборникъ Государ. Знаній, т. II) видитъ въ такой передачѣ шагъ впередъ въ исторіи нашего законодательства о печати, свидѣтельствующій, что печать вышла изъ періода «опеки» и вступила въ періодъ «полицейскаго» управленія, которое авторъ приравниваетъ къ положенію «временно-обязанныхъ» крестьянъ. Настоящее освобож-

II.

Съ начала 1863 г. руководство реформою законодательства о печати переходитъ къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву, противнику рѣшительныхъ, раціональныхъ реформъ и мастеру на палліативныя (см. гл. IV) «кунстштюки», по выраженію проф. Рѣдкина. 14-го января Валуевъ образовалъ подъ предсѣдательствомъ того же кн. Оболенскаго вторую комиссію, въ составъ которой вошли гг. Никитенко, Ржевскій, Бычковъ, Гиляровъ-Платоновъ, Погорѣльскій, Ѳеоктистовъ (нынѣ начал. глав. управ. по дѣламъ печати) и Фуксъ. Къ концу мая былъ составленъ обширный проекъ Устава о книгопечатаніи, обнимавшій всѣ стороны реформы, какъ полицейско-административную, такъ и судебно-карательную. Уставъ этотъ, основанный на реакціонномъ французскомъ законодательствѣ временъ Второй имперіи (оно было заимствовано и Турціею), легъ въ основу дѣйствующаго закона 6-го апрѣля о печати. Самое главное изъ предложенныхъ проектомъ нововведеній это освобожденіе нѣкоторой части литературы (книги объемомъ до 20-ти листовъ, издаваемыя въ столицахъ [6]), и періодическія изданія, съ особаго разрѣшенія министра, отъ предварительной цензуры. Для повременныхъ изданій устанавливался залогъ для (?) «покрытія пени», и они подвергались, сверхъ наказанія по суду, административнымъ взысканіямъ за «вредное направленіе», въ видѣ предостереженій отъ министра. Послѣ третьяго предостереженія изданіе прекращалось (§ 105 проекта) [7]. Что же касается книгъ,

---

деніе наступитъ, по мнѣнію автора, съ переходомъ дѣлъ о печати въ область «права», т. е. въ вѣдѣніе суда. — М. Е. Салтыковъ довольно скептически относился къ указанному «прогрессивному шагу» и, съ пророческою проницательностью, высказывалъ опасеніе, что «полиція, привыкнувъ имѣть дѣло съ врагами общества, незамѣтно для самой себя, перенесетъ это воззрѣніе и на литературу» (стр. 585, Н. Т. Пыпина).

[6]) Первоначально предполагалось это временное ограниченіе допустить лишь до введенія судебной реформы (прим. къ § 1), но впослѣдствіи оно сдѣлалось общимъ правиломъ, такъ что и по открытіи новыхъ судовъ на провинцію не была распространена эта льгота.

[7]) Въ виду того, что въ настоящее время между предостереженіями иногда проходятъ года и десятилѣтія (въ 1891 г. былъ случай дали втораго

то онѣ могли подвергаться только судебному взысканію, и для точнаго опредѣленія его проектъ въ раздѣлахъ III и IV давалъ длинный перечень преступленій и проступковъ печати (§§ 93—143) и весьма подробныя правила о судопроизводствѣ по дѣламъ печати (198 параграфовъ), при чемъ важнѣйшія дѣла предлагалъ отдать въ Петербургѣ и Москвѣ—къ чести составителей проекта — на *судъ присяжныхъ*, избираемыхъ изъ гласныхъ мѣстной думы (§§ 1 и 4).

Въ іюнѣ 1863 г. проектъ Устава о книгопечатаніи, нѣсколько измѣненный министромъ П. А. Валуевымъ, былъ разосланъ, до внесенія въ Государственный Совѣтъ, на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ. Изъ поступившихъ отзывовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія В. А. Головнина и барона М. А. Корфа. Головнинъ, привѣтствуя сочувственно освобожденіе части печати отъ цензуры и подчиненіе ея (печати) судебному режиму, высказывается рѣшительно противъ «административныхъ взысканій». «Система эта,—пишетъ Головнинъ,—получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было *возстановить* цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе *приблизиться* къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и выдержанность для умѣнья пользоваться разумною свободою Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, *не въ состояніи* развить въ литературѣ этихъ качествъ; опытъ убѣждаетъ, что подобно предварительной цензурѣ она возбуждаетъ въ обществѣ то *раздраженіе*, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно

предостереженія *Русскимъ Вѣдомостямъ* спустя 13 слишкомъ лѣтъ послѣ перваго предостереженія); не безъинтересно ознакомиться съ текстомъ ст. 105 проекта, которая гласитъ такъ: «Повременное изданіе, въ теченіе *одного* года подвергшееся *двумъ* предостереженіямъ, по *третьему* считается прекращеннымъ, если это предостереженіе состоится въ теченіе того-же самаго года или послѣдующихъ 3 мѣсяцевъ (см. стр. 21 проекта Уст. о книгопеч., составленный въ 1863 г. при мин. внутр. дѣлъ).

въ виду... Цензура не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи; административная кара постигаетъ статью, когда она уже проникла въ публику; взысканія не ослабляютъ произведеннаго ею впечатлѣнія, напротивъ: вниманіе публики еще привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣетъ никакого права. Публика становится въ такихъ случаяхъ какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней» [8]).

Затѣмъ Головнинъ считалъ несправедливымъ лишеніе, послѣ третьяго предостереженія, путемъ административнымъ, права собственности на изданіе (оно прекращалось), не рѣдко представляющее значительную имущественную цѣнность. «Послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ, — писалъ въ заключеніе министръ народнаго просвѣщенія, — я вообще нахожу предварительную цензуру *несостоятельною* для достиженія цѣлей правительства и потому полагаю всего бы полезнѣе вовсе *отмѣнить оную, замѣнивъ прямо взысканіями по суду;* но такъ какъ нѣтъ ни малѣйшей надежды осуществить такое предположеніе, то я допускаю переходныя мѣрѣ, какъ временную уступку обстоятельствамъ».

Самый обстоятельный разборъ проекта мы находимъ въ обширной запискѣ главноуправлявшаго II-мъ отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи барона М. Н. Корфа, занимающей 64 печатныхъ страницы *in folio*. Баронъ Корфъ ставитъ въ вину коммиссіи кн. Оболенскаго, что она не обратила должнаго вниманія на необходимость *коренная* измѣненія законодательства въ смыслѣ перехода отъ системы предварительной цензуры къ карательной. Указавъ на то, какъ наканунѣ еще крестьянской реформы люди мнительные признавали ее преждевременною, баронъ Корфъ замѣчаетъ, что въ сходномъ положеніи находится и вопросъ о цензурѣ, съ тою разницею, впрочемъ, что вредъ цензуры не для всѣхъ такъ очевиденъ, какъ вредъ крѣпостнаго права. «Какъ въ крѣпостномъ правѣ, — пишетъ баронъ Корфъ, — по вѣковой къ нему привычкѣ, многіе видѣли основаніе стойкости нашего государственнаго организма, и мысль объ упраздненіи его возбуждала чувство *безотчетнаго страха*, такъ и цензура

---

8) Стр. 48—49 Отзыва Головнина.

глубоко вросла въ наши обычаи, и не мало людей готовы ду-
ать, что ею единственно держится общественный порядокъ» [9]).

Переходя затѣмъ къ вопросу о вредѣ цензуры, бар. Корфъ
оваривается, что онъ затрудняется изложить вполнѣ свои со-
раженія въ оффиціальной бумагѣ и старается быть сколь воз-
жно краткимъ и менѣе отвлеченнымъ. Главный вредъ цензуры
ъ видитъ не въ произволѣ, который болѣе или менѣе встрѣ-
ается во всякой (?) административной и политической дѣятель-
ости, а въ *основной идеѣ* цензуры. На первый взглядъ по
цѣ своей цензура,—говоритъ баронъ Корфъ,—могла бы по-
азаться учрежденіемъ самымъ благодѣтельнымъ, необходимымъ
ь благоустроенномъ государствѣ. Ея назначеніе, повидимому,

---

[9]) Стр. 59 Отзыва бар. Корфа. Группировка доказательствъ сильно
помнаетъ аргументацію Дж. Ст. Милля въ его «Свободѣ».

— Приводимъ отзывъ М. Н. Каткова о пользѣ свободы печати:» Пре-
разованіе сельскаго быта совершается не темнымъ канцелярскимъ
темъ, но открыто, гласно, всенародно; наметивъ самые общіе предѣлы,
которыхъ должно совершиться преобразованіе, правительство даетъ
ществу участіе въ дѣлѣ и свободу въ его обсужденіи. Въ указанныхъ
редѣлахъ есть просторъ для самыхъ разнообразныхъ мнѣній, и чѣмъ
ольше, тѣмъ *точнье* можетъ послѣдовать рѣшеніе вопроса. Намъ ка-
ется, что для этой цѣли полезно давать, которыя проистекаютъ изъ
*ошибочныхъ или односторонних*ъ воззрѣній, ибо пока они не выскажутся,
ественное мнѣніе *не будетъ* вполнѣ свободно отъ нихъ. Обыкновенно
наютъ, что разнаго рода несостоятельныя мысли, высказанныя гласно,
гутъ испортить общественное мнѣніе и повредить дѣлу: *но совершенно
ротивъ*. Общество, призванное къ изученію дѣла, только тогда и мо-
етъ сосредоточить свою мысль на точной сущности его, когда мало
малу выскажутся, во всей своей несостоятельности, воззрѣнія не-
ные. Каждая мысль, не высказанная гласно, остается скрытою пру-
ною общественнаго мнѣнія и втайнѣ болѣе или менѣе направляетъ
го. У всякаго остается на умѣ эта невысказанная и потому неясная
ысль всякій болѣе или менѣе оглядывается на нее, развлекается;
о и придаетъ ей гораздо болѣе значенія и вѣсу, чѣмъ въ сущности
на имѣетъ. Но какъ скоро личная мысль выскажется гласно, она стано-
тся простымъ предметомъ общественнаго мнѣнія; все ошибочное или
точное въ ней мало по малу раскроется и потомъ сложится въ архивъ;
но послужитъ полезнымъ опытомъ, какъ указаніе, куда не слѣдуетъ
ти» (*Русскій Вѣстникъ* 1858 г. мартъ).—Если-бы Катковъ ничего не
писалъ кромѣ этой прекрасной защиты свободы слова и печати, и то
ы имя его не пропало безслѣдно. И этотъ публицистъ могъ дойти до

указывать *лучшую* и правильную *дорогу* умственному развитію общества, устранять изъ области все ложное и вредное, опасное и расчищать путь всему истинному и полезному. Въ самомъ дѣлѣ, *если бы* существовало такое неизмѣнное, безошибочное мѣрило для распознанія, что̀ истинно и что̀ ложно, что̀ въ произведеніяхъ человѣческой мысли можетъ принести пользу и что обратиться во вредъ; *если бы* нашелся ареопагъ, который обнималъ бы прошедшее, настоящее и будущее человѣчества, въ состояніи былъ бы непогрѣшимо указать, какимъ путемъ должна идти наука, и въ какія окончательныя формы должно вылиться общество; *если бы* при этомъ контролируемая правительствомъ печать была единственнымъ средствомъ распространенія мнѣній и ученій между людьми: установленіе цензуры *было бы* идеаломъ, лучше котораго нечего бы и желать». Ссылаясь на вѣковой опытъ, баронъ считаетъ, однако, доказаннымъ, что цензура не въ состояніи была выполнить эту миссію, *превосходящую силы человѣческія:* многія, если не всѣ истины, которыми постепенно обогащалось человѣчество, первоначально встрѣчались *съ недовѣріемъ*, должны были выдерживать *борьбу* и только среди ея выяснились, пріобрѣтали силу и окончательно утверждались; а съ другой стороны, ложныя опасныя доктрины распространялись, не смотря на всѣ запрещенія. Только карательная система, предоставляющая печати свободу и карающая только за посягательства на главныя начала общественнаго порядка, чужда указанныхъ недостатковъ».

Обращаясь къ Россіи, баронъ Корфъ замѣчаетъ, что пере

того, чтобы всякое противорѣчіе ему считать государственною измѣно этотъ убѣжденный защитникъ свободы печати могъ договориться до т кихъ нелѣпостей, будто свобода печати возможна только въ Россіи, по тому что... существуетъ цензура... Личныя ли страсти или счета тому пр чиною (какъ извѣстно походы Каткова противъ университета, суда сл довали послѣ личныхъ столкновеній съ ними) или то органическое ув даніе умственныхъ силъ, котораго рѣдко кто избѣгаетъ и отъ воздѣйст котораго заранѣе такъ предусмотрительно открещивался Ренанъ въ св ихъ Souvenirs de l'enfence et de jeunesse, но фактъ не совсѣмъ иск нняго осмѣянія и оплеванія подъ старость убѣжденій, высказанныхъ возрастѣ зрѣлаго мужа, столько же прискорбный сколько и скандальны

омъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи нутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати олный просторъ, такъ какъ убѣдились, что *только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ*, и имо высшее правительство, передавшее на литаратурное обсуденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ итературою. «На опытѣ правительство убѣдилось, что *только в свободѣ* печати находится *противоядіе* противъ злоупотреленія печатью. Въ этомъ свободномъ обращеніи нѣкоторой оли неправды на-ряду съ истиною одно изъ драгоцѣннѣйшихъ войствъ карательной системы, и чрезъ это она дѣлается могущественнымъ орудіемъ воспитанія народа».

Исходя изъ такого воззрѣнія, бар. Корфъ полагалъ, что въ ь Россіи, въ виду отсутствія правильныхъ судовъ (новые уды еще не были открыты) и привычки къ свободному слову, звозможно было полное осуществленіе карательной системы. Въ жизни общественной и частной,—говоритъ онъ,—ближайею цѣлью не всегда бываетъ тотчасъ безусловно хорошее, асто приходится искать сперва не лучшаго, а *наименѣе худаго*». Въ этомъ смыслѣ онъ склоняется на сторону смѣшанй системы и переходныхъ мѣръ, но осуждаетъ проектъ Ваева, видя въ немъ не проникновеніе духомъ карательной сиемы, *а лишь подновленіе дѣйствующаго цензурнаго устава* и ѣже введеніе для періодической прессы и литературы, не изъгой отъ предварительной цензуры (книги объемомъ менѣе 20-и истовъ), *новыхъ строгостей и ограниченій* [10]).

Въ частности относительно «предостереженій» баронъ Корфъ ишетъ: «Административныя взысканія—это *новая язва*, заключающая въ себѣ такую *массу вреда, произвола и несправедливости*, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ *всѣ благомыслящіе люди*... Система административныхъ взысканій *еще болѣе заражена* произволомъ и несправедливостью, нежели предупредительная цензуру, ибо наказываетъ за вину, *непредвидѣнную* никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла ока-

[10]) Ibid., стр. 75.

заться необходимою тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное орудія предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвращаться; но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ *не утѣсненія, а расширенія свободы слова*»?.. [11]). Самая же опасная сторона административныхъ взысканій, какъ они, напримѣръ, примѣнялись въ Франціи, — пишетъ баронъ, — состоитъ въ томъ, что *одному лицу дается власть*, по индивидуальному воззрѣнію, иногда по одному *минутному настроенію духа*, безъ всякой дальнѣйшей предъ закономъ отвѣтственности, лишать человѣка права собственности, права на занятіе, которымъ онъ можетъ быть жилъ, и что еще важнѣе—исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе».

Въ возраженіяхъ своихъ П. А. Валуевъ, съ обычною своею неискренностью (см. гл. IV), оставилъ это мѣсто безъ отвѣта но впослѣдствіи, въ засѣданіи государственнаго совѣта 10—23-го января 1865 г., онъ объяснилъ, что «допущеніе административныхъ взысканій необходимо по свойству журнальной литературы, которая всегда носитъ на себѣ болѣе или менѣе оттѣнки политическаго характера и потому вызываетъ нѣкоторыя мѣры ограниченія для того, чтобы сдерживать направленія періодическихъ изданій въ законныхъ (?) предѣлахъ» [12]

Баронъ Корфъ возражалъ также противъ установленія 20-листовой нормы для освобожденія отъ предварительной цензуры. Во Франціи и Германіи, откуда заимствована эта норма, литературная дѣятельность сосредоточивалась въ сочиненіяхъ значительнаго объема. У насъ же, гдѣ объемистыя, капитальныя сочиненія составляютъ рѣдкость, подъ такую норму подошла развѣ $^1/_7$ всѣхъ сочиненій. Баронъ Корфъ предлагалъ понизить норму до 10 листовъ и разсчитывалъ, что этою льготою

[11]) ibid., 68.

[12]) Журн. деп. зак. государ. совѣта, 1865, № 4. Вообще большинство сдѣланныхъ противъ проекта замѣчаній Валуевъ оставилъ безъ возражения и обыкновенно ограничивался стереотипною фразою: „остаюсь при моемъ мнѣніи“ и не выходилъ—по словамъ Никитенко, изъ тѣсной рамки бюрократизма (См. Дневникъ его въ Русской Старинѣ 1891 года, іюнь, стр. 619). Ср. § 29 гл. VI.

пользуются не болѣе $^1/_3$ всѣхъ сочиненій. Мнительный рутинёръ, П. А. Валуевъ находилъ такое пониженіе *опаснымъ*, ссылаясь на то, что книги, объемомъ въ 10 листовъ, касаются «самыхъ щекотливыхъ вопросовъ государственныхъ и общественныхъ» и по преимуществу (?) являются «популярными сочиненіями съ матеріалистическими, соціалистическими и т. п. тенденціями».

Весьма энергично возражалъ бар. Корфъ и противъ установленія «залоговъ» для періодической прессы. Оправданіе коммиссіею кн. Оболенскаго залоговъ, какъ источника для «пополненія пеней», оппонентъ находилъ недостаточнымъ, такъ какъ уголовный законъ ни отъ кого никогда не требуетъ опезпеченія *на случай* (курсивъ въ подлинникѣ) совершенія преступленій. Истинный (хотя и не высказанный) мотивъ для залоговъ бар. Корфъ видѣлъ въ желаніи сосредоточить періодическую печать въ рукахъ людей *болѣе зажиточныхъ* и удержать прессу отъ *слишкомъ сильнаго развитія*. Но первое условіе, говоритъ онъ, нисколько не служитъ гарантіею для увеличенія въ журналистикѣ здравомыслія и другихъ желаемыхъ качествъ. Что касается сокращенія журналистики, то оно искусственно создаетъ *монополію* для немногихъ изданій, которыя получаютъ власть и возможность господствовать надъ умами. При отсутствіи же искусственнаго стѣсненія, журналы хотя и умножаются, но исчезаетъ ихъ неестественное обаяніе: народъ начинаетъ относиться къ печатному слову, какъ къ «обыкновенному говору людскому, въ которомъ смѣсь дурнаго и хорошаго, ложнаго и истиннаго никого не смущаетъ». «Стремиться къ водворенію такого порядка вещей,—пишетъ бар. Корфъ,—намъ въ настоящее время въ особенности необходимо: мы теперь вступили въ тотъ именно періодъ полуобразованности и *полузнакомства* съ гласностью и съ печатнымъ словомъ, который неизбѣженъ въ жизни каждаго народа, но чрезъ который, для блага государства, желательно пройти *какъ можно скорѣе*».

III.

Въ январѣ 1865 г. департаментъ законовъ Государственнаго Совѣта приступилъ къ обсужденію проекта Валуева въ составѣ

членовъ: Норова, барона Корфа, Литке, кн. Долгорукова, Бахтина, Буткова, кн. Горчакова, Валуева, Головнина, Замятина, при статсъ-секретарѣ Зарудномъ. Единственный членъ, сдѣлавшій серьезную опозицію проекту, былъ бывшій министръ народного просвѣщенія Норовъ [13]). Онъ возражалъ противъ смѣшенія предупредительной и карательной цензуры и видѣлъ въ такомъ смѣшеніи доказательство «нестойкости мнѣній при начертаніи устава». Въ частности Норовъ возсталъ противъ расширенія власти министра внутреннихъ дѣлъ и лишенія главнаго управленія по дѣламъ печати всякой самостоятельности и низведенія его на степень министерской канцеляріи. Ссылаясь на собственный опытъ по министерству народнаго просвѣщенія, Норовъ утверждалъ, что «громадная отвѣтственность за проявленія мысли въ государствѣ едва ли не *свыше* силъ одного человѣка». Для сохраненія престижа министерской власти Норовъ проектировалъ переносить въ Комитетъ Министровъ разногласія между нимъ и Главнымъ Управленіемъ. Но мнѣніе это не было принято, и проектъ Валуева прошелъ въ департаментѣ почти цѣликомъ [14]). Измѣненія были сдѣланы только въ частностяхъ: такъ, отъ представленія залога освобождены были пе-

---

[13]) Записку для Норова редактировалъ академикъ А. В. Никитенко (см. Дневникъ его, Русск. Стар. 1891, № 16, стр. 619).

[14]) Когда похвалилъ, пишетъ подъ 23-мъ января 1865 г. въ своемъ Дневникѣ Никитенко, записку М. А. Корфа М. Н. Любощинскому (впослѣдствіи членъ Государств. совѣта † 1891), Маркъ мнѣ сказалъ: «Записка можетъ быть хорошею, но думаете-ли вы, что Корфъ будетъ поддерживать свои мысли? Повѣрьте, онъ отъ всего отречется, если ему представится малѣйшая возможность кому-либо угодить». Такъ и случилось. Когда Норовъ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, честный, началъ упрекать Корфа, что тотъ отступаетъ отъ собственныхъ своихъ мнѣній, Корфъ отвѣчалъ: «Да изъ-за чего, Авраамъ Сергѣевичъ, горячитесь? Вѣдь все это пустяки».—Подъ 28-мъ января у Никитенко находимъ такую запись: Совѣтъ (государств.) сначала стремился ограничить неограниченную власть мин. внут. дѣлъ и исправить многіе недостатки проекта, а кончилъ полнымъ на него согласіемъ. Первый Корфъ протестовалъ противъ собственныхъ мнѣній, написанныхъ такъ умно. Хотя Норовъ и представилъ въ нашей съ нимъ запискѣ мнѣніе противъ, однако это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, — «Неужели, спросилъ я статсъ-секретаря С. И. Зарудняго, у васъ всѣ дѣла такъ дѣлаются?

періодическія изданія, выходящія съ разрѣшенія предварительной цензуры; третье предостереженіе, влекшее за собою прекращеніе изданія, могло быть сдѣлано только съ разрѣшенія I-го департамента сената.

Что касается суда по дѣламъ печати, то тутъ произошла значительная перемѣна къ худшему противъ первоначальныхъ предположеній. Какъ извѣстно, въ 1862 г. существовало предположеніе подчинить государственныя преступленія суду спеціальныхъ присяжныхъ, избираемыхъ особымъ комитетомъ [15]),. Такому же суду предположено было передать и важнѣйшія дѣла печати. Но мысль эта не получила осуществленія, и присяжные засѣдатели были замѣнены по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ сословными представителями. Что касается до другихъ дѣлъ по дѣламъ печати, то Валуевъ проектировалъ спеціальный судъ присяжныхъ (обладаніе имущественнымъ цензомъ, требуемымъ для избранія въ мировые судьи) [16]).

Предложеніе Валуева было поддержано II-мъ отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи въ лицѣ трехъ его главноуправляющихъ— бар. М. А. Корфа, даже гр. В. Н. Панина и кн. С. А. Урусова. Послѣдній въ своемъ обстоятельномъ отзывѣ 1865 г., между прочимъ, приводитъ слѣдующія соображенія въ пользу необходимости допущенія присяжныхъ «Благотворное дѣйствіе судебныхъ приговоровъ на настроеніе общества невозможно, — пишетъ онъ, — если судъ не будетъ пользоваться *полнымъ довѣріемъ и нравственною поддержкою* со стороны самого общества, а для этого прежде всего нужно, чтобы его рѣшенія вытекали изъ началъ, убѣжденій и взглядовъ, обществу вполнѣ сродныхъ. Коронные судьи по самому положенію своему не могутъ не быть нѣсколько оторваны отъ окружающей жизни, и приговоры ихъ по дѣламъ печати часто бывали бы подъ плодомъ отвлеченныхъ

«А то какъ-же иначе: разумѣется такъ!», отвѣчалъ онъ... «Выходитъ, что я преувеличивалъ мое недовѣріе къ подобнымъ толкамъ... Валуевъ торжествуетъ, а здравый смыслъ и общая польза плачутъ». (Русс. Стар. 1891, № 6. стр. 623 - 625).

[15]) Подробныя соображенія Государственной Канцеляріи по этому предмету приведены въ главѣ XIII моихъ «Основъ Судебной Реформы».

[16]) § 181 проекта Валуева.

умозаключеній. Въ дѣлахъ прессы эта односторонность можетъ вести къ большимъ неудобствамъ, ибо свобода слова менѣе чѣмъ что-либо должна измѣряться какимъ-либо безусловнымъ, общимъ для всѣхъ странъ масштабомъ»[17]). Не смотря, однако, на столь авторитетную поддержку, департаментъ законовъ не принялъ предложенія Валуева, главнымъ образомъ, въ виду нежеланія *колебать* Судебные Уставы (что, впрочемъ, не помѣшало (см. ниже) полгода спустя послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ, измѣненію ихъ новеллою 12-го декабря 1886 г. въ смыслѣ, стѣснительномъ для печати).

Въ началѣ марта 1865 г. проектъ Валуева изъ общаго собранія Государственнаго Совѣта поступилъ обратно въ департаментъ законовъ. Въ точности прослѣдить судьбу проекта въ общемъ собраніи по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи оффиціальнымъ даннымъ нельзя. Сколько можно судить по матеріаламъ для журнала засѣданія (форменнаго журнала, кажется, не было составлено), проектъ, во всей цѣлости, не нашелъ сочувствія въ общемъ собраніи. По иниціативѣ Н. А. Милютина, поддержанной военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, Государственный Совѣтъ предложилъ департаменту законовъ ограничиться вмѣсто общаго цензурнаго устава отдѣльными дополнительными мѣропріятіями впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта.

Проектъ,—высказалъ Д. А. Милютинъ, — если смотрѣть на него, какъ на законченное законоположеніе, не удовлетворитъ требованіямъ, заявляемымъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе литературою и публикою, а между тѣмъ создастъ *новыя затрудненія*. Если же видѣть въ немъ лишь переходную мѣру, то «можно смотрѣть снисходительно на *многія* (курсивъ въ подлинникѣ) слабыя стороны проекта». Съ такой новой точки зрѣнія вторично былъ разсмотрѣнъ проектъ 10-го и 13-го марта 1865 г. въ Департаментѣ Законовъ. Признавая всѣ преимущества карательной системы, департаментъ законовъ, въ виду не устройства еще судебной части [18]), единогласно одобрилъ, въ видѣ *переходной мѣры*, смѣшанную систему, съ чѣмъ согла-

[17]) См. отзывъ II-го отдѣл., стр. 19.

[18]) Въ первоначальномъ проектѣ Высочайшее повелѣніе начиналось такъ: „Признавая за благо дать печатному слову всю степень свободы совмѣстимую съ настоящимъ положеніемъ судебной части". и пр.

сился и Норовъ, мотивируя свое согласіе тѣмъ, что «правительство не произноситъ еще теперь послѣдняго слова и рѣчь идетъ только о мѣрахъ переходныхъ».

Затѣмъ по существу проекта Департаментъ Законовъ принялъ мнѣніе бар. Корфа о пониженіи нормы свободныхъ отъ цензуры книгъ до 10 листовъ, при чемъ Главному Управленію предоставилъ, одновременно съ заарестованіемъ книги, возбужденіе уголовнаго преслѣдованія.

По вопросу объ организаціи главнаго управленія восемь членовъ (Литке, Бахтинъ, Норовъ, Ковалевскій, Д. Милютинъ, Ахматовъ, Бутковъ, Н. Милютинъ) стояли за предоставленіе главному управленію *самостоятельности* и за переносъ, въ случаѣ несогласія министра, дѣла въ комитетъ министровъ, а пять членовъ (бар. Корфъ [19]), кн. Долгоруковъ, Валуевъ, Головнинъ, Замятнинъ) за предоставленіе управленію лишь совѣщательнаго голоса [20]).

---

[19]) Ранѣе въ отзывѣ своемъ отъ 19-го декабря 1863 года бар. Корфъ рѣшительно высказывался за отвергнутое имъ теперь мнѣніе. (См. стр. 82—85 его отзыва).

[20]) Большинство отдѣльныхъ замѣчаній членовъ общаго собранія государственнаго совѣта клонилось къ усиленію цензурной прессіи.

I. *Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій* полагалъ увеличить до 7 дней срокъ просмотра цензурою книгъ до 20 печатныхъ листовъ. Указывая на то, что несмотря на заарестованіе нумера журнала (?) *Вѣсть*, въ коемъ былъ напечатанъ извѣстный адресъ московскаго дворянства о представительствѣ, оставшіеся въ публикѣ экземпляры должны были произвесть извѣстное дѣйствіе, принцъ полагалъ, что такимъ (?) же образомъ могутъ быть изданы не только замаскированные переводы нѣкоторыхъ запрещенныхъ сочиненій Бюхнера, Молешота, Бунзена и др., но и зажигательнѣйшія изъ ученій Герцена.—Онъ возражалъ также противъ дозволенія частнымъ лицамъ имѣть ручные станки, ссылаясь на то что *Земля и Воля* и *Юная Россія* печатались на такихъ станкахъ. — Онъ же возражалъ противъ освобожденія отъ залоговъ ученыхъ журналовъ. Е. В., обращая вниманіе на то, что ученые, особенно натуралисты и медики, суть весьма часто матеріалисты, полагалъ примѣнять къ нимъ болѣе строгія взысканія. Онъ же полагалъ предоставить какъ во Франціи, дѣлать предостереженія префектамъ — губернаторамъ, дабы наказаніе слѣдовало тотчасъ за преступленіемъ, и вообще находилъ неправильнымъ смягченіе наказаній, допущенное проектомъ сравнительно съ Улож. о нак. (См. стр. 1–4 Замѣчаній).

Что касается формы законоположенія, то рѣшено было всѣ перемѣны, имѣющія предметомъ поощрительныя для нашей литературы льготы, изложить въ формѣ именнаго Высочайшаго указа, непосредственно отъ престола исходящаго, а подробности мѣръ и ограниченій изложить въ видѣ мнѣнія государственнаго совѣта.

Въ исполненіе этого плана 6-го апрѣля 1865 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, гласившее такъ: «Желая дать отечественной печати возможныя *облегченія и удобства*, Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ *переходномъ* положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, перемѣны и дополненія» [21]).

II. Кн. *П. П. Гагаринъ* высказался вмѣстѣ съ гр. Панинымъ за то, чтобы предостереженія дѣлились отъ совѣта главнаго управленія, полагая, что тогда они будутъ имѣть болѣе нравственнаго авторитета, а также за предоставленіе *самостоятельности* совѣту, полагая, что отвѣтственность его будетъ болѣе реальною, чѣмъ отвѣтственность министра внутр. дѣлъ и что промахи будутъ рѣже, такъ какъ министръ, какъ бы геніаленъ ни былъ, не можетъ избѣгнуть ихъ.

III. Ген.-адъют. *Сухозанетъ* указывалъ на то, что лицамъ, содержащимся въ крѣпости за политическія преступленія, дозволялось въ недавнее время заниматься литературою (Н. Г. Чернышевскій), полагалъ не распространить на нихъ право издавать книги безъ предварительной цензуры.

IV. Ген.-адъют. *Игнатьевъ* полагалъ требовать залоги и отъ подцензурныхъ повременныхъ изданій. Никому нѣтъ пользы, писалъ онъ, чтобы органы общественнаго мнѣнія выходили изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества. Чѣмъ выше, независимѣе индивидуальное положеніе, тѣмъ безпристрастнѣе сужденіе, тѣмъ болѣе сближаются частные интересы съ общественною пользою (стр. 14 Замѣчаній).

V. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода предлагалъ внести особую статью о воспрещеніи критическаго разсмотрѣнія законовъ, которыми управляется православная церковь (стр. 21).

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній сдѣлалъ бывшій мин. нар. просв. Е. Ковалевскій. — Самыя полныя и разумныя замѣчанія были сдѣланы военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ (стр. 21 — 28). Часть этихъ замѣчаній приводится въ текстѣ.

[21]) Въ 1864 г. былъ внесенъ также въ государственный совѣтъ проектъ о штемпельномъ сборѣ съ повременныхъ изданій, но проектъ былъ отвергнутъ. Изъ приложенныхъ статистическихъ данныхъ видно, что

Такимъ образомъ, по мысли законодателя законъ 6-го апрѣля составлялъ только *первый* шагъ по пути освобожденія печати и, какъ таковой, имѣетъ видное значеніе въ исторіи нашего законодательства о печати, хотя самъ по себѣ, по вѣрному замѣчанію проф. Фойницкаго, онъ стоитъ ниже даже реакціонныхъ законодательствъ: прусскаго 1851 года и австрійскаго 1852 г. [22]). Г. Головачевъ, прекрасно выяснившій многочисленныя слабыя стороны его [23]), тѣмъ не менѣе въ правѣ былъ воскликнуть: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ... Въ самомъ дѣлѣ, если припомнить, что еще Сводомъ Законовъ изданія 1857 г. воспрещалось вообще всякое «разсужденіе въ печати о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи», то законъ 6-го апрѣля, разрѣшившій обсужденіе какъ «отдѣльнаго, такъ и цѣлаго законодательства и опубликованныхъ распоряженій правительства», разумѣется, знаменуетъ собой нѣкоторый шагъ впередъ.

IV.

Но отъ теоретическаго, законодательнаго прогресса до практическаго осуществленія его на дѣлѣ еще очень далеко. Законъ, проходя чрезъ руки исполнителей, подвергается уклоненію въ ту или другую сторону, подвергается преломленію подъ воздѣйствіемъ

въ 1863 г. въ Россіи выходило 301 періодическое изданіе. Въ этомъ числѣ частнымъ лицамъ принадлежало 124, изъ коихъ 70 политическаго содержанія. Размѣръ предположеннаго сбора опредѣлялся въ 70,000 р., при чемъ больше всего должны были платить: *Сынъ Отечества и Русскія Вѣдомости* — по 11,000 руб. въ годъ (съ 20,000 подписчиковъ по 55 коп. съ экз.), *Московскія Вѣдомости* 7,200 р. (съ 12,000 подп. по 60 к. съ год. экз.), *Сѣверная Пчела*—3,000 руб. (съ 5,000 под.), *Голосъ* (годъ основанія) — 1,200 руб. (съ 2,000 подп.), *С.-Петербургскія Вѣдомости* — 4,000 руб. (съ 8,000 под.), *День* — 1,440 руб. (съ 8,000 под.), *Искра*—1,260 руб. (съ 7,000 подп.), *Отечественныя Записки*—2,000 р. (съ 4,000 подп.), *Русскій Вѣстникъ*—2,850 р. (съ 5,700 подп.), *Современникъ* — 3,540 р. (съ 7,000 подп.), *Русское Слово* — 2,500 руб. (съ 4,000 подп.) и т. д. (стр. 25—27 проекта).

[22]) См. Сборн. госуд. знаній, т. II, 433.

[23]) А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, стр. 257—276.

среды, подобно преломленію луча свѣта, проходящаго чрезъ призму. Суровое законодательство Николаевской эпохи подъ мягкимъ управленіемъ либерала А. В. Головнина дало русской печати такую свободу, какою она ни раньше, ни позже не пользовалась и которая, по замѣчанію бар. Корфа, была «близка къ полной свободѣ» [24]). Тутъ мы видимъ благопріятное для печати уклоненіе практики отъ первоначальняго законодательнаго намѣренія, клонившагося къ возможно большему стѣсненію печати.

Слишкомъ хорошо извѣстно, при какихъ условіяхъ пришлось дѣйствовать и въ какую сторону уклониться, съ нелегкой руки П. А. Валуева, «льготному» законодательству 6-го апрѣля, вызванному къ жизни стремленіемъ предоставить отечественной печати возможныя облегченія или, какъ гласитъ первопачальный проектъ указа, «всю степень свободы, совмѣстимую съ тогдашнимъ (1865 г.) положеніемъ судебной части»... [25]).

Что касается законодательной практики, то и она также уклонилась въ сторону отъ первоначальнаго направленія, легшаг въ основу закона 6-го апрѣля. Этотъ «временный» законъ, изданный сначала въ видѣ «переходной мѣры», просуществовал гораздо дольше, чѣмъ другіе коренные законы. А съ другой стороны перемѣны, послѣдовавшія въ этомъ законѣ, какъ свидѣтельствуетъ законодательная хроника, имѣли не освободительный, а стѣснительный или репрессивный характеръ, знаменовавшій перемѣну взглядовъ на роль и положеніе печати въ обществѣ.

17-го октября 1886 г., по иниціативѣ П. А. Валуева, послѣдовалъ, послѣ разсылки редакціею пріостановленнаго на пять мѣсяцевъ *Русскаго Слова* сборника *Лучъ*, законъ, воспретившій разсылать подписчикамъ, въ періодѣ пріостановки, какое-либо изданіе отъ имени редакціи.

Послѣ перваго журнальнаго процесса *Современника* на новомъ судѣ былъ изданъ, по настоянію того же П. А. Валуева, 12-го декабря 1866 г. законъ, передавшій дѣла печати изъ

---

[24]) См. отзывъ его, стр 83.

[25]) См. проектъ по дѣламъ печати въ дѣлѣ госуд. совѣта, по департаменту законовъ. стр. 1.

окружныхъ судовъ въ судебныя палаты, въ качествѣ первой инстанціи.

Закономъ 13-го іюня 1867 г. печатаніе отчетовъ о засѣданіяхъ сословныхъ и общественныхъ собраній поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго начальства (см. главу IV, § 4).

Закономъ 7-го іюня 1872 г. установлены болѣе строгія правила для заарестованія и преслѣдованія книгъ.

Закономъ 12-го іюля 1873 года предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать временно, безъ опредѣленія однако срока (вслѣдствіе этого есть воспрещенія, длящіяся до 10—20 лѣтъ), оглашеніе и обсужденіе въ печати какого-либо вопроса государственной важности и за нарушеніе этого распоряженія пріостанавливать изданіе на три мѣсяца.

Временными правилами 5-го апрѣля 1879 г. предоставлено было генералъ-губернаторамъ право пріостанавливать или прекращать, за вредное направленіе, изданія журналовъ и газетъ, а положеніемъ 4-го сентября 1881 г. предоставлено право пріостанавливать ихъ изданіе главноначальствующему въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны.

Высочайше утвержденнымъ 27-го августа 1882 г. положеніемъ Комитета Министровъ временно узаконены слѣдующія новыя репрессивныя мѣры: газеты, возобновившія изданія послѣ третьяго предостереженія, представляются въ цензуру наканунѣ выхода нумера, при чемъ цензору предоставляется въ случаяхъ усматриваемаго имъ значительнаго вреда (этого до-нельзя тяжелаго режима не могла выдержать до сихъ поръ ни одна газета) пріостанавливать выходъ въ свѣтъ безъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Повременныя изданія обязываются сообщать, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, имена авторовъ анонимныхъ статей. Совершенное прекращеніе изданія повременныхъ изданій, съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ принимать эти званія впослѣдствіи, предоставлено особому совѣщанію, въ составъ котораго входятъ: министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода.

Этотъ краткій перечень достаточно говоритъ о направленіи, усвоенномъ нашимъ законодательствомъ относительно печати.

Едва ли не въ такомъ неблагопріятномъ для свободы п направленіи одна изъ главныхъ причинъ неудовлетворител дѣйствія реформъ 60-хъ годовъ. Безъ свободы слова новыя бодныя учрежденія неизбѣжно обречены были на захирѣні такъ какъ гласность для нихъ, по вѣрному замѣчанію Кат то же, что воздухъ для организма [27]).

[26]) См. Собраніе сочиненій И. С. Аксакова, IV, 407.
[27]) *Москов. Вѣдом.* 1868 г., № 208.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Первые шаги безцензурной печати.

(Справка къ 4-му сентября 1865—1890 гг.).

Чтобы было въ государствѣ благоденствіе, необходимо нужно, чтобъ все, что составляетъ жизнь души человѣческой, жило безъ всякаго утѣсненія.

Жуковскій.

Уничтоженіе произвола возможно только тогда, когда лица задумывающія устранить его, не забудутъ прежде всего изгнать его изъ собственнаго сердца.

Отечеств. Записки (1862 г.).

I.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ имѣло мѣсто довольно крупное, въ исторіи нашей общественной жизни, событіе: *4-го сентября 1865 г.*, впервые за все время существованія русской печати, вышли въ свѣтъ, въ силу закона 6-го апрѣля 1865 г., произведенія печатнаго слова *безъ предварительнаго цензурнаго просмотра и одобренія.*

Освобожденію печати отъ предварительной цензуры предшествовало устройство того учрежденія, въ которомъ должно было сосредоточиться общее руководство, надзоръ и карательная дѣятельность относительно произведеній словесности—Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Оно было открыто 1-го сентября министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ въ присутствіи предсѣдателя коммиссіи, выработавшей проектъ закона

6-го апрѣля, кн. Д. А. Оболенскаго. Въ составъ главнаго управленія вошли: въ качествѣ предсѣдателя, начальникъ его, бывшій предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета, сенаторъ М. П. Щербининъ; на правахъ членовъ: бывшій предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, служившій въ III отдѣленіи, Туруновъ, члены бывшаго совѣта по дѣламъ книгопечатанія Гончаровъ и Варадиновъ, завѣдывавшій дѣлами означеннаго совѣта Фуксъ, состоявшій по военному вѣдомству Толстой; правителемъ канцеляріи былъ назначенъ П. А. (впослѣдствіи графъ) Капнистъ. Послѣ молебствія, совершеннаго въ помѣщеніи Главнаго Управленія, министръ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на важную роль, выпадающую на долю новаго учрежденія [1]).

3-го сентября въ оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ *Сѣверной Почтѣ*, появилась передовая статья, разъяснявшая значеніе новаго режима русской печати. Открытіе главнаго управленія *можетъ*. — гласитъ статья, — составить *новую эру* для русской литературы. Законодательство, продолжалъ оффиціальный Валуевскій органъ, — исполнило свою задачу: печати даны возможныя (?) облегченія и льготы. Администраціи предстоитъ блюсти, чтобы пользованіе ими оставалось въ предѣлахъ новаго закона, который «не ставитъ слишкомъ много преградъ для честнаго пользованія свободою выражаться въ печати». Обращаясь къ литературнымъ дѣятелямъ, *Сѣверная Почта* замѣчала, что они сами (?) должны озаботиться о своемъ будущемъ, о томъ, чтобы для нихъ дѣйствительно настала новая эра.

Обстоятельства, при которыхъ литература вступаетъ въ новый періодъ, были, по мнѣнію оффиціальнаго органа, благопріятны. Свобода, которою печать пользовалась *на дѣлѣ* въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, могла служить полезною школою для литературныхъ дѣятелей. Печать должна имѣть въ виду условія, соблюденіе которыхъ необходимо и для пользы печати и въ интересахъ общества, и безъ которыхъ немыслимо достоинство писателя, изъявляющаго притязаніе на пользованіе

[1]) См. № 189. *Сѣвер. Почты* за 1865 г.

свободою слова. «*Свобода*—писала названная газета,—*обязываетъ*; право неразрывно съ обязанностью; самостоятельность призываетъ къ самообладанію». Указавъ затѣмъ, что правительство въ послѣднія 10 лѣтъ охотно (?) выслушивало многія заявленія въ печати и пользовалось ими въ интересахъ общества, *Сѣверная Почта* выражала увѣренность, что готовность это и впредь *не уменьшится*. Она только приглашала печать взвѣшивать практическія средства выполненія того, что она предлагаетъ (*Сѣверная Почта*, № 120-ый).

II.

Изъ петербургскихъ изданій первыми воспользовались новымъ режимомъ свободы или, какъ вѣрнѣе назвалъ его проф. Фойницкій [2]), «временно-обязаннымъ» состояніемъ полусвободы, *С.-Петербургскія Вѣдомости* и *Голосъ*. Въ нумерахъ, вышедшихъ 4-го сентября 1865 года, и та и другая газета, разумѣется, занимаются обсужденіемъ новыхъ условій дѣятельности печати.

Старѣйшая изъ русскихъ газетъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, въ небольшой передовой статьѣ встрѣчаетъ довольно сдержанно наступившую «новую эру». «Сегодня мы получили, заявлялъ редакторъ В. Ѳ. Коршъ, право на изданіе газеты безъ цензуры *Крѣпостная* зависимость наша отъ цензуры, отъ личной воли и личнаго усмотрѣнія посторонняго лица кончилась (?); признанные совершеннолѣтними, мы будемъ зависѣть съ настоящаго дня отъ нашей собственной (sic) воли, отъ нашего собственнаго усмотрѣнія въ тѣхъ предѣлахъ (газета съ прискорбіемъ вскорѣ должна была убѣдиться, какъ неясны были эти предѣлы), какіе предоставляетъ законъ для публичной дѣятельности. Нынѣ отошла отъ насъ попечительная опека, и мы очутились, какъ люди свободные, лицомъ къ лицу съ закономъ (?), ничѣмъ, кромѣ собственнаго благоразумія, незащищенные отъ его грозы и кары» [3]).

---

[2]) См. Сборникъ государственныхъ знаній, т. II: «Моменты въ исторіи законодательства о печати».

[3]) *С.-Петер. Вѣд.*, № 229.

Переходя засимъ къ вопросу о будущности русской печати, академическая газета выражала надежду, что «строгій законъ» будетъ смягченъ, благодаря «просвѣщенному взгляду» исполнителей. «Нигдѣ такъ не будетъ чуствоваться,—писали *П. В.*,— надобности въ благосклонномъ толкованіи, какъ при переходѣ отъ предупредительной цензуры къ карательной. Открывается обширное поле для ошибокъ, *недоразумѣній* (первою жертвою такого недоразумѣнія, какъ увидимъ ниже, сдѣлалась академическая газета, которой дано было прежде всѣхъ первое предостереженіе), для невольныхъ промаховъ, съ одной стороны, для *излишней осторожности*—съ другой; только опытъ покажетъ путь, на которомъ русская литература можетъ безопасно пользоваться предоставленною свободою». Вступая, не безъ тревоги предъ неизвѣстнымъ будущимъ, въ новыя условія дѣятельности, газета Корша видѣла залогъ лучшей будущности въ довѣріи общества къ печати и въ союзѣ всѣхъ честныхъ дѣятелей печати.

Голосъ посвятилъ закону 6-го апрѣля большую передовую статью. «Сегодня въ первый разъ отъ самаго начала нашей журнальной дѣятельности, — писалъ старѣйшій изъ русскихъ публицистовъ А. А. Краевскій,—обращаемся мы къ читателямъ съ рѣчью, не просмотрѣнною предварительно цензоромъ. Намъ нечего скрывать чувства радости, съ которымъ мы начинаемъ вести такую рѣчь; радость наша не выразится шумно именно потому, что эта радость искренняя, глубокая. Мы приступаемъ къ болѣе свободной дѣятельности не съ дѣтскимъ восторгомъ, какой ощущаетъ школьникъ, выходя изъ училища, съ намѣреніемъ забыть уроки, разорвать связь съ прошедшимъ. Мы ничего не забываемъ, ничего разрывать не хотимъ (sic), мы не *можемъ* даже сказать, что для нашей прессы настаетъ новая эра, эра возрожденія. Нѣтъ, намъ не слѣдуетъ ни забывать, ни разрывать. Наша пресса въ послѣднее полустолѣтіе оказала услуги, которыми по справедливости она можетъ гордиться. Она по мѣрѣ возможности высказывала стремленія общества: чѣмъ стѣснительнѣе бывала иногда доступная ей форма выраженія, чѣмъ ограниченнѣе бывало поле ея дѣйствія, тѣмъ больше ея заслуги. Многіе изъ горячихъ, благородныхъ дѣятелей ея не дождались

настоящаго дня, того дня, когда слову серьезнаго, благоразумнаго (?) писателя дается болѣе простора».

Указывая на то, что въ Россіи, въ отличіе отъ другихъ странъ, свобода печати явилась по иниціативѣ правительства, а не была результатомъ насильственныхъ дѣйствій, *Голосъ* совѣтовалъ не пускать въ будущемъ изъ виду эту особенность русской печати. Дѣятелямъ же печати онъ рекомендовалъ имѣть въ виду служеніе обществу. Какъ бы предугадывая нѣкоторыя послѣдующія прискорбныя явленія изъ исторіи нашей печати, *Голосъ* называлъ презрѣнными тѣхъ дѣятелей, которые воспользуются реформою «для балаганнаго представленія» и превратятъ печать «въ орудіе личныхъ цѣлей». Болѣе же всего негодовала газета Краевскаго на тѣхъ публицистовъ, которые воспользуются новымъ правомъ, чтобы *инквизиторски* преслѣдовать новое слово, производить дознаніе, почему что сказано и почему чего-либо не сказано, словомъ, учредить *инквизицію слова* [1]). Въ заключеніе *Голосъ* выражалъ пожеланіе, чтобы правительство расширяло постепенно предѣлы свободной печати и не увлекалось «подозрительностью, если бы даже въ печати стали появляться неблагонамѣренные *доказчики*».

Къ сожалѣнію, такіе «доказчики», какъ извѣстно, явились, особенно въ печати 80-хъ годовъ, которая, къ стыду русской прессы, открыто нарушила основной завѣтъ русской печати, такъ прекрасно изложенный въ слѣдующихъ чудныхъ строкахъ князя П. Вяземскаго: «Немного такихъ истинъ несомнительныхъ, немного такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ святость должна пребыть несомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя и независимыя отъ воли людей. Но, посвятивъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ей вѣрнымъ безъ изъятія, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе французскихъ роялистовъ: Vive le roi quand même! Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ исключительныхъ истинъ. Почитая его единымъ, прочнымъ основаніемъ благосостоянія общаго и частнаго, совѣстью правительствъ и частныхъ лицъ, простительно ли, напримѣръ, пугаться мало-

[1]) См. *Голосъ* 1865 г., № 244.

душно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію, или, положимъ, и влекущихся за нимъ по неисповѣдимымъ законамъ Провидѣнія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что ни есть на землѣ? Писатель, который, по званію своему, обязанъ быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ *доносчикомъ* на него, говоритъ князь, подобенъ врачу, который, призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностью своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ» [5]).

Не правда-ли, какъ странно звучатъ эти достойныя слова въ наше безъидейное время, когда on a changé tout cela!...

Въ Москвѣ стали выходить безъ предварительной цензуры: *Московскія Вѣдомости*, *Современная Лѣтопись* и *Русскій Вѣстникъ* М. Н. Каткова, *День* И. С. Аксакова.

Московскія Вѣдомости вышли 4-го сентября съ небольшой передовой статьей, которая начиналась такъ: Первымъ словомъ освобожденной печати да будетъ слово хвалы и благодарности Монарху, полагающему свое счастье въ томъ, чтобы видѣть русскій народъ «охраненнымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ» [6]). Отнынѣ печать наша находится на твердой (?) почвѣ закона (ниже увидимъ, какъ скоро должна была исчезнуть эта оптимистическая иллюзія, навѣянная первымъ порывомъ радостнаго настроенія) и не подлежитъ *произволу*, который и при самыхъ лучшихъ условіяхъ никогда *не можетъ* замѣнить то, что̀ называется законностью, то, что̀ называется справедливостью и въ чемъ состоитъ *истинный смыслъ того, что называется свободою*». Разъясняя далѣе значеніе новаго юридическаго положенія печати, *Московскія Вѣдомости* съ удареніемъ указывали, что «свобода печати не

---

5) См. Чернышевскаго Очерки Гоголевскаго періода и литературы 10[illegible].

6) Слова эти взяты изъ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго 30[illegible] августа 1865 г. на имя московскаго митрополита Филарета, въ отвѣ[illegible] на принесенное имъ Государю поздравленіе со днемъ тезоименитст[illegible]. См. *Московскія Вѣдомости*, 1865 г., № 199.

есть интересъ тѣснаго круга литераторовъ и издателей, а *великій интересъ цѣлой страны*; это — политическое право, даруемое цѣлому народу». Въ наши государственныя и общественныя дѣла,—писалъ московскій публицистъ М. Н. Катковъ,—вносится начало публичности, и каждому предоставлено законное участіе въ дѣлахъ общаго интереса. Русское *общественное мнѣніе впервые возводится на степень законной силы* и празднуетъ теперь свое политическое совершеннолѣтіе; о чемъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ можно было мечтать, то становится теперь живою дѣйствительностью».

Ставя высоко значеніе новаго закона, университетская газета не скрывала однако отъ себя, что то или другое положеніе печати всецѣло будетъ зависѣть отъ исполненія закона. «Общія основанія закона, — писали *Моск. Вѣд.*, — очень (?) широки (какъ мы видѣли выше, оффиціальный органъ довольствовался только констатированіемъ, что новый законъ ставитъ «не слишкомъ много преградъ»). Но законъ есть только начало, остается желать, чтобы исполненіе соотвѣтствовало благимъ намѣреніямъ закона. Все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, среди которыхъ законъ будетъ дѣйствовать. При благопріятныхъ условіяхъ свобода окажетъ свое благотворное дѣйствіе; *она облагородитъ и возвыситъ* нашу общественную среду и сообщитъ нашей печати болѣе достойный характеръ и полезное значеніе».

III.

Самое горячее и обстоятельное разъясненіе смысла новаго законодательства о печати мы находимъ въ газетѣ И. С. Аксакова *День*. Какъ извѣстно, свобода печати входила какъ одинъ изъ основныхъ догматовъ въ политическое ученіе славянофиловъ. Еще до изданія закона 6-го апрѣля *День*, въ цѣломъ рядѣ статей трактовалъ о разныхъ сторонахъ вопроса о свободѣ печати. Считая пользу свободы печати и вредъ цензуры за аксіомы, признаваемыя всѣми *разумными* (курсивъ въ подлинникѣ) людьми, газета старалась опровергнуть предубѣжденіе, которое существовало противъ нея въ оффиціальныхъ кругахъ [7]). Покойный

[7]) См. *День* отъ 12-го мая 1862 г.

Аксаковъ полагалъ, что свобода слова есть прирожденное право человѣка [8]), и смотрѣлъ на вопросъ о свободѣ печати, какъ на самый жизненный, самый важный для Россіи послѣ освобожденія крестьянъ [9]). «Мѣра простора, предоставленнаго мысли и выраженію ея въ словѣ, — писалъ Аксаковъ, — будетъ служить въ то же время мѣрою нашего общественнаго развитія; просторъ слова *нужнѣе всѣхъ реформъ* послѣ освобожденія 20-ти милліоновъ русскихъ крестьянъ, нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ немъ, въ этомъ просторѣ, заключается *условіе жизненности* для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него они едва ли взойдутъ» [10]).

Въ первомъ нумерѣ *Дня*, вышедшемъ безъ цензуры, И. С. Аксаковъ въ живой и прочувственной передовой статьѣ обрисовалъ значеніе и послѣдствія произведенной реформы и высказалъ вкратцѣ свою profession de foi.—«*Наконецъ-то!...*—такъ начинаетъ свою статью *День*. Сегодняшній № выходитъ безъ предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаемъ, что прочтемъ ее въ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ее напишемъ; сегодня мы не обязаны сообразоваться съ вкусомъ, доблестью и міросозерцаніемъ «господъ, команду на заставахъ и шлагбаумахъ имѣющихъ» (какъ писалось въ старинныхъ паспортахъ). Сегодня кошмаръ, въ образѣ цензора, не станетъ мѣшать нашей работѣ, спирать духъ, давить умъ и задерживать перо, и мы получимъ неслыханное и невиданное право: *не лгать*, *не кривить словомъ*, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ».

«Не благоразумнѣе, не тактичнѣе ли было бы, однако,—говорится дальше,—вступить въ пользованіе новыми правами гор-

---

[8]) См. *День* отъ 23-го января 1863 г. и 22-го декабря 1862 г.

[9]) *День* 19-го мая 1862 г.

[10]) *День* 6-го января 1864 г.— Въ письмахъ своихъ въ 1855 г. И. С. Аксаковъ отмѣчаетъ, въ самый разгаръ Крымской кампаніи: «никакія военныя опасности не могутъ отвлечь насъ отъ любимаго занятія, т. е. преслѣдованія литературы и вообще всякихъ проявленій ума и духа. Вообразите: Сборникъ пѣсенъ малороссійскихъ съ нотами, который я уже видѣлъ отпечатаннымъ въ Кіевѣ, остановленъ цензурою, которая нашла нужнымъ еще кое-что повыкинуть». (Письма, III, 100—101).

во и важно, не поминая стараго? Но такое поведеніе грѣ-
› бы противъ искренности: русскому печатному слову стыдно
ie радоваться своему освобожденію, хотя бы еще далеко не
ому, изъ долгаго, долгаго тягостнаго плѣна».

Ію не было ли бы, однако, дѣломъ великодушія пощадить упрековъ прежній порядокъ и передать забвенію старое? Мы удемъ великодушны, — говоритъ Аксаковъ. Мы считаемъ е великодушіе неумѣстнымъ. Мы поминаемъ лихомъ, мы не змъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго ненія, которому такъ долго подвергалась русская печать. тому же это старое еще вовсе не есть что-либо окончано отжившее и схороненное; напротивъ, *оно живетъ*, обнаиваетъ и *обнаружитъ* еще не разъ живучесть своего прин-, хотя и подъ другими формами».

станавливаясь на прежнихъ цензурныхъ порядкахъ, *День* итъ ему въ вину то, что онъ внесъ *кривду* въ область пеаго слова. «Мало было кривды, пишетъ Аксаковъ, во всемъ ѣ нашего общественнаго развитія; мы добились того, что ie *слово искривилось*: авторъ думалъ не о томъ, чтобы какъ но яснѣе выразить свою мысль, а только о томъ, чтобы щить свою мысль контрабандою сквозь цензурную стражу: ода условный языкъ, чтеніе между строкъ. Нравственныя ки,—продолжаетъ Аксаковъ,—которымъ при предварительцензурѣ (Ср. прим. 2 гл. VI) подвергался писатель, могутъ сравнены развѣ только съ пыткою художника кисти, когда юшенный цѣнитель мазнетъ толстымъ пальцемъ по его свѣу рисунку. Писатель зависѣлъ,—продолжаетъ онъ,—не отъ до установленныхъ правилъ, а отъ чужаго ума и чужаго а. Слово изъ-подъ цензорскихъ рукъ выходило изъерошен-, искалѣченное и привѣтствовалось публикою, какъ тріумфъ ды, внушалось съ жадностью, какъ запрещенный плодъ». тобы устранить весь тотъ вредъ, который проникъ въ обще-, благодаря этому стѣсненію, нуженъ теперь уже,—говоритъ ie,—«не мерцающій, не мигающій, а прочный свѣтъ свободы, но, чтобы даруемая свобода печати стала *дѣйствительною ведою*, а *не подобіемъ*».

Развивая свою мысль, Аксаковъ продолжаетъ: «Подобіе правды!

Неужели намъ еще не надоѣло подобіе? Всмотритесь пристальнѣе кругомъ себя,—что вы увидите! Толпу призраковъ, тѣней, или, вѣрнѣе сказать, подобій; вы окружены подобіемъ всего живаго, дѣйствительнаго, реальнаго, но только подобіемъ, а вовсе не самымъ этимъ живымъ, дѣйствительнымъ, реальнымъ. *Все у насъ существуетъ будто бы*; ничто не кажется серьезнымъ, настоящимъ, а имѣетъ видъ чего-то временнаго, поддѣльнаго, показнаго, и все это отъ самыхъ мелкихъ явленій до крупныхъ. У насъ *будто бы есть и законы* и даже пятнадцать томовъ Свода Законовъ, обнимающихъ всѣ отрасли управленія, регламентирующихъ всѣ отправленія государственной и общественной жизни, а между тѣмъ половина этихъ управленій въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, а законы не уважаются. У насъ есть очень либеральныя учрежденія, такія либеральныя, что либеральнѣе ихъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ; но и *это все будто бы*, всѣ эти либеральныя права не вносятъ въ общественную жизнь и просто даже въ душу отдѣльныхъ людей никакой животворной свободы,—все исполняется по наружности, все либеральничаетъ по формѣ и данному образцу, а плоды порождаетъ, какъ извѣдано опытомъ, самые непригодные!—Мы чуть не восторженно привѣтствовали отмѣну тѣлесныхъ наказаній, но однакоже лишены права сказать, что тѣлеснаго наказанія въ Россіи не существуетъ: *его будто бы нѣтъ*, и дѣйствительно нѣтъ по суду, но оно есть, да и въ какомъ еще широкомъ размѣрѣ, налагаемое по усмотрѣнію полицейской власти! Правительство истощается въ благородныхъ усиліяхъ, желая создать какую-нибудь живую дѣятельную силу въ обществѣ, но и тутъ успѣваетъ создать только—видимость... Подобіе правосудія, подобіе мунипацилитетовъ (на самомъ дѣлѣ признающихъ свои муниципальныя права за повинность, отъ которой муниципалы спѣшатъ уклоняться), подобіе самоуправленія (примѣръ городскихъ думъ въ столицахъ, не смѣющихъ израсходовать двухъ рублей съ полтиной безъ разрѣшенія начальства), подобіе просвѣщенія, подобіе науки, подобіе классическаго образованія, подобіе университетовъ, подобіе либерализма, прогресса, независимости церкви, порядка, общественной силы, общественныхъ дѣйствительныхъ интересовъ, общественнаго

мнѣнія, подобіе самостоятельности у публицистовъ, подобіе правды въ отчетахъ, подобіе жизни!...»

День высказываетъ надежду, что отнынѣ печать будетъ поставлена въ возможность говорить правду, а не подобіе правды. «Этотъ недостатокъ правдивости въ русскомъ обществѣ,—говоритъ онъ,—эта непривычка высказывать свою мысль со всею откровенностью, во всей ея полнотѣ, безъ унизительныхъ для нея двусмысленностей, оговорокъ и иносказаній, затрудняетъ не только развитіе нашей общественности, но и ходъ государственныхъ отправленій» [11]).

Отечественныя Записки въ своемъ первомъ нумерѣ, вышедшемъ безъ цензуры, въ статьѣ, озаглавленной: «Безъ цензуры», такъ опредѣляли значеніе закона 6-го апрѣля. Указывая вмѣстѣ съ другими изданіями, что все будетъ зависѣть отъ способа примѣненія новаго закона, журналъ замѣчаетъ: «Достовѣрно, однако [12]), что даже самое неблагопріятное примѣненіе новаго закона всетаки должно быть *неизмѣримо* (??) лучше самаго идеальнаго состоянія печати подъ цензурною властью; если и можно сказать, что въ новыхъ правилахъ дано мѣсто произволу, то этотъ произволъ поставленъ въ необходимость обнаруживаться явно, долженъ при всякомъ проявленіи своемъ возбуждать общественное вниманіе, и уже по одному этому можно надѣяться, что онъ не будетъ такимъ непріятнымъ, каковъ былъ тайный и безапелляціонный произволъ цензора».

IV.

Ближайшая практика министра внутр. дѣлъ П. А. Валуева по примѣненію правилъ объ отмѣнѣ предварительной цензуры и замѣнѣ

---

[11]) См. т. IV. Собраніе сочиненій Аксакова, стр. 431—439. Привѣтствуя извѣстный приказъ 1855 г. вел. кн. Константина Николаевича объ оффиціальной лжи донесеній (см. гл. XVIII § 1 и главу V, И. С. Аксаковъ пишетъ: „они не то понимаютъ подъ оффиціальною ложью; это не значитъ ложь донесеній, а ложь формализма, истекающая изъ самаго начала административнаго, изъ понятія о казнѣ, и пр., и пр.“. (Письма III, 217).

[12]) *Отечественныя Записки* 1865 г., № 5.

ея карательною показала, какъ правы были тѣ государственны люди [13]) и публицисты, которые утверждали, что неопредѣлен ная постановка въ законѣ вопроса о предостереженіяхъ может дать поводъ къ весьма печальнымъ недоразумѣніямъ. Безпя тежное существованіе безцензурной печати продолжалось не долго. Не прошло и *двухъ недѣль* со дня введенія новаго за кона, какъ 18-го сентября послѣдовало *первое* изъ первыхъ предостереженіе.

Оно дано было *С.-Петербурскимъ Вѣдомостямъ*. Обстоятельства, при которыхъ оно состоялось, наглядно показываютъ, какія неудобства сопряжены съ системою предостереженій. Въ означенной газетѣ появилась полемическая (противъ *Сѣверной Почты*) статья, въ которой высказано было мнѣніе, что осуществленіе *предположеннаго*, по газетнымъ извѣстіямъ, проекта о залогѣ части государственныхъ имуществъ и о второмъ выпускѣ 5% банковыхъ билетовъ невозможно, безъ выкупа пер-

---

[13]) Профессоръ-цензоръ Никитенко, очень близко стоявшій къ цензурному вѣдомству и принимавшій участіе въ составленіи проекта новаго закона о печати, смотрѣлъ очень мрачно на будущность русской литературы.—Подъ 16-мъ мая 1865 г. онъ заноситъ въ свой Дневникъ: „Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли: *онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ*. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія“ и сдѣлать ее „вполнѣ благонадежной“, т. е. сдѣлать то, чего не въ состояніи были сдѣлать, да едва ли и хотѣли сдѣлать до 1855 г. Тогда презирали литературу, но не считали возможнымъ формировать на свой ладъ. Валуевъ тоже *ее презираетъ* и думаетъ, что административныя мѣры сильнѣе всякой мысли. — Изданіе журналовъ съ освобожденіемъ отъ предварительной цензуры становится крайне затруднительнымъ. Прежде цензоръ все-таки не могъ пренебрегать вполнѣ тѣмъ, „что скажутъ о немъ въ обществѣ“, и издатели освобождались отъ отвѣтственности. Теперь надъ редакторами помѣщенъ *Дамоклов мечъ* въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановленіе.— Эта перспектива такъ мало улыбалась журналамъ, что намѣревались было *отказаться* отъ „эмансипаціи“. Но волею неволею пришлось оставить эту мысль, такъ какъ Валуевъ пригрозилъ большими цензурными строгостями. Никитенко полагалъ однако, что планъ Валуева разлетится, какъ дымъ, какъ и всѣ подобные планы. (Русс. Стар. 1891, № 6, стр. 644).

ваго выпуска, который обезпеченъ государственными имуществами. 18 сентября, въ *Сѣверной Почтѣ* появилось *первое* предостереженіе, данное именно за эту статью *С.-Петербургскимъ Вѣдом.*, въ лицѣ ихъ редактора, В. Ѳ. Корша. Съ внѣшней стороны предостереженіе отличалось большою обстоятельностью. Указанъ былъ не только № и статья, вызвавшая административную кару, но и мѣста въ статьѣ съ точнымъ обозначеніемъ строкъ. Предостереженіе было мотивировано тремя соображеніями. Прежде всего ставилось въ вину газетѣ, что она высказала сужденіе, несогласное съ интересомъ государственнаго кредита, по поводу мѣры, не объявленной въ установленномъ порядкѣ. Затѣмъ выставлялось, что газета оспаривала принадлежащее правительству право на залогъ государственныхъ имуществъ, и наконецъ, указывалось, что газета, неправильно приписывала государственнымъ имуществамъ характеръ спеціальнаго обезпеченія 5% банковыхъ билетовъ и тѣмъ возбуждала сомнѣніе, могущее имѣть вліяніе на довѣріе, которымъ пользуются билеты.

Первый блинъ вышелъ комомъ: предостереженіе встрѣчено было общимъ недоумѣніемъ и неудовольствіемъ. Выраженіемъ этихъ чувствъ служила статья, напечатанная въ № 288 *Московскихъ Вѣдомостей*. Газета прежде всего удивляется первому юридическому мотиву предостереженія. Если законъ 6-го апрѣля разрѣшалъ обсужденіе опубликованныхъ законовъ, то тѣмъ болѣе онъ разрѣшилъ критику только еще предположенныхъ мѣропріятій. Переходя затѣмъ къ содержанію статьи, *Московскія Вѣдомости* находятъ, что статья, вызвавшая административное взысканіе, ничего злонамѣреннаго по цѣли не заключаетъ; по тону она также вполнѣ спокойна и прилична. Стало быть, заключаетъ московская газета, кара вызвана сущностью сужденія. Считая съ своей стороны мнѣніе, высказанное петербургскою газетою, неосновательнымъ, *Московскія Вѣдомости* удивляются, что предостереженіе дано за «ошибочное» сужденіе. «Неужели государственный кредитъ есть вещь до такой степени колеблющаяся,—ядовито замѣчаютъ *Московскія Вѣдомости*,—что подъ вліяніемъ неосновательнаго, ошибочнаго, даже вопіющенелѣпаго сужденія той или другой независимой газеты онъ под-

вергается колебанію? Отъ свойства сужденія газеты зависитъ ея собственный, а не государственный кредитъ» [14]).

Послѣ небольшой передышки, предостереженія посыпались отъ П. А. Валуева съ новою силою, въ которой явственно слышалась нота *личнаго раздраженія* [15]). Не прошло и года со времени введенія новаго закона, какъ подъ предостереженіями очутились журналы и газеты самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ направленій.

Предостереженія, мотивированныя самыми разнообразными соображеніями (изъ коихъ далеко не всѣ приводились оффиціально) были даны: радикальнымъ *Современнику* [16]) и *Русскому Сло-*

---

[14]) Въ Дневникѣ академика Никитенко находимъ слѣдующее мѣсто касательно этого перваго предостереженія: „Гернгросъ, тов. мин. госуд. имущ., вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и директоромъ Френкелевскаго банка. Когда въ Госуд. Совѣтѣ была произнесена фраза, что и казна можетъ закладывать свои имущества, обезпечивая ихъ всѣмъ государственнымъ достояніемъ, то Гернгросъ далъ тотчасъ знать о томъ Френкелю, который, въ свою очередь, поспѣшилъ разгласить о томъ по всей Европѣ. Это страшно взволновало нашихъ капиталистовъ. Поднялись толки, не выгодные для правительства, и появилась статья въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Гернгросъ *большой пріятель* Валуева и тотчасъ бросился къ нему, а Валуевъ, желая угодить нѣкоторымъ лицамъ, суммы которыхъ находятся въ банкѣ Френкеля, поспѣшилъ разразиться грозою надъ газетою, *совершенно невинною*. Значитъ, тутъ главную роль играли личные интересы, угодливость Валуева этимъ интересамъ. Впрочемъ, всѣ эти вещи такъ не новы, что никого и удивлять не могутъ. Въ публикѣ всеобщее негодованіе противъ Валуева“ (см. Русск. Стар. 1891, № 7, стр. 92 – 93).

[15]) Подъ 5-мъ октября 1866 г. академикъ Никитенко заноситъ въ свой Дневникъ: Валуевская администрація, кажется, видитъ въ печати *личнаго врага*; и далѣе, подъ 5-мъ ноября: совершилось то, чего боялись люди мыслящіе, наступаетъ время поворота назадъ, время реакціи (*Рус. Стар.* 1891, № 9, стр. 575, 581) (которой? Никитенко въ первый разъ о реакціи упоминаетъ въ апрѣлѣ 1858 г. Никит. II, 94).

[16]) Предостереженіе *Современнику* ставило ему въ вину косвенное и прямое порицаніе началъ собственности, брачнаго союза, возбужденіе вражды къ высшему сословію. — Академикъ Никитенко, относившійся отрицательно ко всѣмъ предостереженіямъ, даннымъ Валуевымъ, по поводу перваго предостереженія *Современнику* съ злорадствомъ замѣчаетъ: по дѣламъ вору мука! (см. Русс. Стар. 1891, № 7, стр. 104)

[17]), умѣренно либеральнымъ — *С.-Петербургскимъ Вѣдомо-*
ямъ [18]) и *Голосу* [19]), крѣпостнической *Вѣсти* [20]), славяно-

---

[17]) Второе предостереженіе *Русскому Слову* дано было за статью Пи-
ева объ ученіи Конта. Акад. Никитенко, относившійся крайне враж-
но къ этому журналу (см. стр. 104 Русс. Стар. 1891, № 7, 130) за-
итъ въ свой Дневникъ слѣдующее замѣчаніе по поводу этого пре-
тереженія: «Это уже придирка. Мы, значитъ, поворачиваемъ назадъ
архи-цензурному времени. Одно изъ двухъ: или надо при расширеніи
боды допустить разныя воззрѣнія и толки о такихъ предметахъ, о
орыхъ прежде толковалось не иначе, какъ оффиціально, и предоста-
ь другимъ воззрѣніямъ опровергать первыя, или остаться при преж-
ъ стѣсненіи печати». Возвращаясь къ этому предостереженію еще
ь, Никитенко прибавляетъ: «Во второмъ предостереженіи «Русск.
ву» приведена причина: *косвенное* намѣреніе дать приложеніе комму-
му. Это одно слово: *косвенное*, въ состояніи привести въ *отчаяніе*
каго пишущаго, ибо чего нельзя представить въ видѣ косвеннаго на-
енія на Бога, царя и т. д.» (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 282, 284).
[18]) Отмѣтивъ фактъ систематическаго преслѣдованія этой порядочной,
крайне осторожной газеты, пріостановленной въ сентябрѣ 1867 года,
итенко замѣчаетъ: и такъ Валуевъ, не одолѣвъ медвѣдя въ лѣсу
ткова), набросился на бѣднаго беззащитнаго зайца и немилосердно
витъ его съ Щербинымъ и Фуксомъ. (Нач. и членъ главн. управл.)
Русс. Стар., 1891, № IX, стр. 572).
[19]) *Голосу* давалось предостереженіе и за непочтительный отзывъ о
кестанской администраціи, и за неуважительный отзывъ о Наполеонѣ
ъ остзейскихъ баронахъ (Русск. Стар. 1891, № XI, стр. 440). «Я
елъ, пишетъ академ. Никитенко, №№ 109 и 114 Голоса за 1866 г.,
которые ссылается предостереженіе, но рѣшительно не понимаю за-
ости послѣдняго. Оно понадобилось развѣ для того, чтобы показать
икѣ, что министерство преслѣдуетъ не однѣ *Москов. Вѣд.*, а на
къ равно распространяетъ свои дары,—но вѣдь при такихъ предосте-
еніяхъ дѣлается невозможнымъ издавать газеты. Какъ предвидѣть,
то она можетъ подвергнуться предостереженію?» (Русс. Стар., 1891,
3, стр. 306-307).
) Отмѣтивъ это предрстереженіе, данное по поводу мысли объ общемъ
скомъ соборѣ, акад. Никитенто присовокупляетъ: но вѣдь объ этомъ
о говорено и печатано уже не разъ во время земскихъ собраній въ
ербургѣ. Вообще, министерство очень щедро на предостереженія.
ь, кажется, овладѣла мысль *уничтожить* тѣ пріобрѣтенія послѣднихъ
ти лѣтъ, изъ которыхъ многія *гарантированы* верховною властью.
умѣется, все это имѣетъ видъ пресѣченія злоупотребленія въ печати;
то, что министру внутреннихъ дѣлъ *кажется* злоупотребленіемъ, со-
вляетъ только послѣдствіе совершившагося факта и настоятельную

фильскому *Дню* и *Москвѣ* [21]); даже столпъ отечества того времени, *Московскія Вѣдомости*, не былъ пощаженъ [22]).

потребность общества, допущенную самимъ правительствомъ. Такой образъ дѣйствій производитъ только неудовольствіе и стѣсненіе нашей бѣдной мысли и образованности. (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 282).

[21]) *Москвѣ* въ теченіе одного года дано было шесть предостереженій. И. С. Аксаковъ съ рѣдкимъ мужествомъ и достоинствомъ отпарировалъ нападеніе и въ первомъ же номерѣ, вслѣдъ за предостереженіемъ, подвергалъ предостереженіе подробнѣйшей и серьезнѣйшей критикѣ. По поводу одной такой статьи (Москва, № 45 за 1867 г.) Никитенко пишетъ: презрительнѣе о цензурѣ отозваться нельзя (Русск. Стар., 1891, № X, стр. 164).—Нужно вообще отдать справедливость печати того времени, что она не гордилась ролью доносчика и забывала партійные раздоры въ дѣлѣ защиты общихъ интересовъ литературы. Мы приводили выше примѣръ *Москов. Вѣдом.*, выступившихъ на защиту *С.-Петерб. Вѣдом.* по поводу постигшаго ихъ перваго предостереженія. Тѣ же *Моск. Вѣд.*, въ № 239 за 1867 г., горячо заступились за враждебный имъ *Голосъ* по поводу даннаго ему предостереженія.—*Моск. Вѣд.*, писалъ въ Дневникѣ своемъ Никитенко, сильно допекаютъ Валуева за распоряженія по дѣламъ печати (Русск. Стар., 1891, № IX, стр. 575).

— Всего съ 1865 по 1880-й годъ дано было 177 предостереженій и сдѣлано 52 пріостановки (Вѣст. Европы 1880, № 6).

[22]) Первое предостереженіе *Моск. Вѣд.*, отъ 1-го апрѣля 1866 г., вызвало большую сенсацію. Газета въ то время пользовалась такимъ авторитетомъ, что приверженцы ея, по словамъ Никитенко, распускали слухъ, что правительство *не осмѣлится* поступить съ *Моск. Вѣд.*, какъ съ другими, и были увѣрены, что если это случится, въ Москвѣ произойдетъ нѣчто въ родѣ *бунта*. Прот[illegible] ихъ, напротивъ, находили, что пора вылить ведро холод[illegible] головы опьянѣвшихъ издателей. Къ такому взгляду, каж[illegible] самъ Никитенко относительно перваго предостереженія [illegible] какъ онъ пишетъ, «предлогомъ» былъ взятъ № 61 [illegible] Стар. 1891, № VIII, стр. 294). Относит[illegible] *Моск. Вѣд.*, Никитенко замѣчаетъ ([illegible] возбуждаютъ непріязнь и недовѣрі[illegible] настоящая *конституціонная* [illegible] люди не отличаются ни спос[illegible] ихъ чуть-ли не въ измѣнѣ, ка[illegible] чуръ крѣпко и значитъ взы[illegible] и т. д. (тамъ же, стр. 305). [illegible] вка *Моск. Вѣд.*, которая, од[illegible] тенко оплакивалъ паденіе *Моск.* [illegible] кратіи надъ *общественнымъ* умомъ и [illegible] го изложенія Никитенко явствуетъ,

Въ первые два года существованія безцензурной печати дано было 24 предостереженія. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Голосъ*, *Москва*, *Московскія Вѣдомости* пріостановлены были послѣ третьихъ предостереженій. Прекращены были: *Современникъ*, *Русское Слово* [23]), *Москва*, и сами *Московскія Вѣдомости* висѣли на волоскѣ [24]).

Безпрестанныя и совершенно неожиданныя предостереженія, сыпавшіяся на печать, создали для нея невыносимое положеніе и вызвали толки о предстоящей отмѣнѣ ихъ. По поводу третьяго (а въ общей сложности — шестаго за одинъ 1867 годъ) предостереженія, даннаго въ 1867 году *Москвѣ*, возникла между *Сѣверною Почтою* и *Современными Извѣстіями* полемика вообще о цѣлесообразности системы предостереженій. Издатель этой газеты, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, привелъ мнѣніе меньшинства комиссіи, которая составляла проектъ закона 6-го апрѣля и въ составъ которой онъ самъ входилъ, признававшее, что система предостереженій неудобна, такъ какъ она основывается исключительно *на личныхъ соображеніяхъ*. *Сѣверная*

что въ своей борьбѣ съ Валуевымъ *Моск. Вѣд.* опирались, главнымъ образомъ, на оффиціальныхъ союзниковъ, въ особенности на только что назначеннаго въ 1866 г. мин. нар. просв., гр. Д. А. Толстаго, который, какъ удостовѣряетъ Никитенко, *благоволилъ* предъ *Моск. Вѣд.*, высказывалъ имъ *сыновнюю почтительность* (Русс. Стар. 1891, № IX, стр. 579); ѣздилъ совѣтоваться съ Катковымъ въ Москву (тамъ же, № 11, стр. 444). Графъ же Толстой и отстоялъ *Моск. Вѣд.* (тамъ же, № 9, стр. 308). Изъ книги г. Любимова „М. Н. Катковъ", видно, что у Каткова были и [illegible], еще болѣе сильные союзники и покровители, какъ, напр., мин. [illegible] гр. Адлербергъ и др. (см. 341 и слѣд.).

[illegible]) Я не помню давно, пишетъ въ своемъ Дневникѣ акад. Никитенко, [illegible]ько враждебный этимъ журналамъ, (около *Русск. Слова*, писалъ онъ. [illegible] отчаянные радикалы, нигилисты, отвергающіе всѣ законы [illegible] эстетическіе и религіозные" и пр. — см. Русс. Стар. 1891. [illegible]0), чтобы какая либо мѣра производила такое *единодушное* [illegible]довольство, какъ запрещеніе двухъ журналовъ—*Современ[illegible]ого Слова;* послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано внѣ [illegible]ск. Стар. 1891, № IX, стр. 556).

[illegible]мъ Никитенко, гр. Д. А. Толстой разсказывалъ, что [illegible]ету у Государя *Моск. Вѣд.*" (Русск. Стар. 1891. № [illegible]ди по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Любимовымъ, [illegible]ѣшена была въ Москвѣ. Чрезъ гр. В. А. Адлерберга [illegible]

Почта въ свою очередь опубликовала мнѣніе большинства коммиссіи, которое, не оспаривая, что «основаніемъ административнаго взысканія служитъ *произволъ*, что онъ противенъ понятію законности и формальной легальности», признавало *пока* (до устройства судебной части) нужнымъ сохранить предостереженіе въ видѣ чрезвычайной мѣры. Въ полемикѣ принялъ участіе также и выходившій вмѣсто *Москвы—Москвичъ*, который, указывая на то, что, съ открытіемъ въ 1866 году новыхъ судовъ, главное соображеніе, въ силу котораго былъ изданъ временный законъ 6-го апрѣля 1865 года, потеряло значеніе, полагалъ, что слѣдовало бы отмѣнить предостереженія.—Вопросъ о предостереженіяхъ былъ поднятъ потомъ въ 1880 году въ коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ графа Лорисъ-Меликова, но, какъ извѣстно, никакихъ практическихъ результатовъ не получилось.

Рядомъ съ административными взысканіями шли въ 65—66 гг. судебныя преслѣдованія газетъ и журналовъ. Чтобы дать понятіе о крайностяхъ, въ которыя впадала въ этомъ отношеніи

дано было Государю въ с. Ильинскомъ письмо М. Н. Каткова.—20-го іюня Катковъ былъ принятъ Государемъ въ Петровскомъ дворцѣ. Государь, между прочимъ, сказалъ Каткову: „Сохрани тотъ священный огонь (тотъ feu sacré, какъ выразился Государь), который есть въ тебѣ; я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. *Тебѣ не о чемъ безпокоиться* Я внимательно слѣжу за Моск. Вѣд.; постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполнѣ увѣренъ. Понимаешь-ли силу того, что говорю тебѣ?“ Коснувшись далѣе сепаратизма, Государь замѣтилъ: „не надо какъ бы колоть и раздражать происхожденіемъ. Всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушенія этого рода есть; я знаю и съ тобою согласенъ. Величіемъ и единствомъ имперіи я дорожу, конечно, не менѣе тебя (съ улыбкою)... А я на тебя посердился, прибавилъ, вновь улыбаясь, Государь. Предостереженіе все-таки надо было напечатать“. При прощаніи Государь опять пожалъ крѣпко руку Каткова и повторилъ: „помни, я въ тебѣ вполнѣ увѣренъ“. Газета была возвращена Каткову. 25-го іюля 1866 г. вышли *Моск. Вѣд.*, передовая статья коихъ была написана съ поразительною смѣлостью, приведшею въ восторгъ и удивленіе публику, не посвященную въ закулисныя тайны: „Мы возвращаемся къ нашей дѣятельности съ новою бодростью, съ новымъ болѣе чѣмъ когда-либо возвышеннымъ чувствомъ призванія“ (см. н. с. Любимова, стр. 343—344).

полиція мысли, достаточно указать на обвиненіе, воздвигнутое валуевскою цензурою въ 1866 году противъ редактора *Голоса* А. А. Краевскаго. Въ *Голосѣ* появилась статья, въ которой нападали на администрацію за преслѣдованія раскольниковъ, вопреки Высочайшей волѣ (выраженной въ рѣчи, обращенной къ раскольникамъ въ 1863 году).—Цензура подвела эту статью подъ статью Улож., предусматривающую *возстаніе* противъ правительства и незаконное *объявленіе* высочайшей воли лицомъ, на то неуполномоченнымъ, и требовала ни болѣе ни менѣе какъ ссылки Краевскаго въ *каторжныя* работы!... Нечего и говорить, что судъ не могъ согласиться съ такою ни съ чѣмъ несообразною квалификаціею и приговорилъ Краевскаго къ кратковременному аресту.—Отсюда первые поводы для столкновенія съ новымъ судомъ Валуева, не выносившаго противорѣчій и вслѣдствіе этого сдѣлавшагося непримиримымъ врагомъ [25]) новаго суда, который не хотѣлъ и не имѣлъ права ломать законы въ угоду администраціи.

Такимъ образомъ, ближайшая практика (о болѣе отдаленной нечего и говорить!) показала, что, при извѣстномъ настроеніи администраціи, «льготное» положеніе эманципированной печати и особенно періодической можетъ на дѣлѣ оказаться столь тягостнымъ [26]),

---

[25]) Никитенко удостовѣряетъ, что отовсюду слышалось неудовольствіе противъ раздутаго обвиненія, возбужденнаго противъ *Голоса* (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 284).

[26]) Совершилось, пишетъ 5-го ноября 66 г. Никитенко, то, чего боялись люди мыслящіе: наступаетъ время поворота назадъ, время реакціи.— Затѣмъ онъ характеризуетъ отношеніе къ печати Валуева, заявлявшаго о себѣ, что у печати нѣтъ болѣе ревностнаго защитника, чѣмъ онъ, такъ: «Управленіе по дѣламъ печати идетъ совершенно ложнымъ путемъ. Оно усвоило себѣ только одинъ элементъ силы—элементъ полицейскій, забывъ вовсе, что въ кругу, въ которомъ оно дѣйствуетъ, есть еще очень важный элементъ силы—элементъ нравственный. Кажется, оно рѣшилось совсѣмъ ни въ какомъ случаѣ не признавать значенія силы мыслительной и силы нравственной... Самое грубое ослѣпленіе, недостойное не только государственнаго человѣка, но даже обыкновеннаго чиновника думать, что въ наше время можно управлять посредствомъ однихъ полицейскихъ мѣръ, циркуляровъ, запрещеній и тому подобнаго...

Управленіе рѣшилось дѣйствовать совершенно наперекоръ величай-

что оно ничѣмъ не будетъ уступать самымъ тяжелымъ доре-форменнымъ временемъ [27]).

шаго изъ властителей земныхъ — *духа времени*, который неотразимо требуетъ свободы мысли и слова. Это уступка, которую ему необходимо сдѣлать, если не хочешь допустить опять самаго гибельнаго своеволія и злоупотребленій мысли и слова впослѣдствіи, когда все-таки придется снова ослабить натянутыя возжи. Валуевъ—человѣкъ не безъ ума, но съ ногъ до головы бюрократъ, который понимаетъ государственныя дѣла не иначе, какъ канцелярскія отношенія и рапорты, хотя и говоритъ иногда пышно и кудряво. Валуевъ сдѣлаетъ то, чего само общество, можетъ быть, и не сдѣлало бы: онъ приведетъ его къ полнѣйшей вѣрѣ, что ничему вѣрить нельзя... Теперь Валуевъ думаетъ, что онъ принялъ важную мѣру, перемѣнивъ Щербинина на Похвиснева, т. е. замѣнивъ чиновника одряхлѣвшаго чиновникомъ помоложе...

„Когда разъ допустили извѣстную мѣру свободы мысли и слова, то возвращаться назадъ уже нельзя. Надо допустить и признать эту свободу, какъ новый элементъ, подобно тому, какъ признаютъ и допускаютъ необходимость разныхъ измѣненій—общественныхъ и административныхъ. На нѣкоторыя злоупотребленія печатнаго слова надо уже смотрѣть какъ на необходимое зло. Злоупотребленій этихъ не желаютъ оставлять безъ взысканія—хорошо!—Но что̀ считать за злоупотребленія? Въ этомъ должно непремѣнно умѣрить до послѣдней крайности свою щекотливость и притязательность. Вообще, не должно показывать, что въ печатномъ словѣ видятъ своего личнаго врага, какъ то дѣлаетъ нынѣшнее управленіе по дѣламъ печати. Вообще, на это дѣло нельзя смотрѣть полицейскими глазами“. См. Дневникъ, III, 127—192.

27) Писатели, заноситъ акад. Никитенко въ свой Дневникъ въ декабрѣ 1866 г., *самые благоразумные* не знаютъ, чего имъ держаться. То имъ кажется, что они могутъ высказать нѣчто болѣе, кромѣ общихъ мѣстъ, то, чувствуя надъ собою Дамокловъ мечъ, смущаются, и перо, обмокнутое въ чернильницу, замираетъ въ ихъ рукахъ. Таково теперь положеніе нашей печати. Правительству слѣдовало или пріостановить еще на нѣсколько времени изданіе новаго закона о печати, имѣющаго либеральный видъ, или, издавъ новый законъ, допустить и неизбѣжныя его послѣдствія (Русск. Стар. 1891, № VIII, стр. 283).

VI.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА.

Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый, небоясь, живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый.
Свобода мудрая свята!..

Карамзинъ.

... И на обломкахъ произвола
Царитъ теперь законъ.

Ѳ. Кони. (1866 г.).

Во всякомъ государствѣ, будетъ ли въ немъ неограниченная или ограниченная форма правленія, будетъ ли это монархія или республика, лучшая гарантія гражданъ — хорошіе суды. Безъ правосудія, можно сказать, нѣтъ настоящей свободы, а при существованіи его, смѣю сказать, нѣтъ мѣста произволу или по крайней мѣрѣ тиранніи.

Лероа-Болье.

Основныя положенія преобразованія судебной части представляютъ такой громадный шагъ по пути нашего общественнаго развитія, что одна эта реформа сама по себѣ могла бы прославить нынѣшнее царствованіе и заслужить ему вѣчную благодарность всѣхъ грядущихъ поколѣній.

А. М. Унковскій. (1863 г.).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

дебные уставы Императора Александра II.

(Справка къ 20-му ноября 1864—89 гг.) *).

Предъ нами вмѣсто объемистаго научнаго матеріала лежитъ небольшая книга нашего положительнаго законодательнаго: Судебные Уставы. Скажемъ себѣ, и мы не ошибемся, съ насъ довольно этой книги, малой по объему, великой по содержанію. Начала въ ней проведенныя и признанныя всѣмъ человѣчествомъ, такъ высоки и чисты, вліянія и послѣдствія ихъ такъ благодѣтельны для русской жизни, что дальше ихъ намъ не за чѣмъ и не куда идти.

Проф. М. Н. Муравьевъ (1875 г.).

Съ упроченіемъ новаго судоустройства становится возможнымъ жить въ Россіи, какъ въ странѣ цивилизованной.

М. Катковъ (1866 г.).

I.

ь въ модѣ негодовать и поднимать на смѣхъ *радика*-дебной реформы. Когда и почему, однако, получила она ный или раціональный характеръ, составляющій ея глав- и преимущество, сравнительно съ другими реформами? е мнѣніе привыкло представлять дѣло въ такомъ видѣ, 61 г., т. е. пока дѣло судебнаго преобразованія находи- адежныхъ рукахъ стараго юриста николаевской эпохи, Блудова, все шло какъ по маслу. Предполагалось безъ ьной» ломки, безъ теоретическихъ увлеченій произвести ваніе, которое должно было внести нѣкоторое усовер-

*) подробныя свѣдѣнія о судебной реформѣ и послѣднихъ но-ѣ. въ книгѣ моей: «Основы судебной реформы». М. 1891.

шенствованіе въ наше старое судопроизводство. Съ передачею же въ 1862 г. руководства судебной реформою государственному секретарю ново-обращенному либералу В. П. Буткову и его главному помощнику С. И. Зарудному, либералу pur sang, происходитъ разительная перемѣна: являются новые люди (въ томъ числѣ Н. А. Буцковскій, Д. А. Ровинскій, Н. И. Стояновскій, К. П. Побѣдоносцевъ), приглашенные, по Высочайшему повелѣнію, въ Государственную Канцелярію, и сразу все мѣняется. Всѣ старыя работы г. Блудова отбрасываются въ сторону, и новые реформаторы, не заботясь ни о «традиціяхъ» прошлаго, ни объ условіяхъ среды, съ изумительнымъ легкомысліемъ сочиняютъ проекты изъ своей головы или, того хуже, «списываютъ» съ иностранныхъ кодексовъ или учебниковъ законы, идущіе въ разрѣзъ съ кореннымъ строемъ русской жизни.

Словомъ, выходитъ такъ, что Судебные Уставы какъ бы въ одно мгновеніе вышли изъ головы молодыхъ юристовъ государственной канцеляріи, какъ Минерва изъ головы Юпитера, и не во всеоружіи зрѣлой мудрости, какъ этотъ дивный продуктъ творчества великаго олимпійца, а какъ недоношенный плодъ ребяческаго недомыслія и политическаго легкомыслія. Такова ходячая версія о возникновеніи Судебныхъ Уставовъ, настойчиво повторяемая въ послѣднее время не только въ летучихъ замѣткахъ реакціонной прессы, но и въ болѣе обстоятельныхъ журнальныхъ статьяхъ и даже въ спеціальныхъ монографіяхъ.

Такого взгляда держался и запѣвало этой прессы, покойный Викторъ Фуксъ, напечатавшій въ восьмидесятыхъ годахъ длинный рядъ статей о судебной реформѣ. По изложенію автора оказывается, что до 1862 — 1864 гг. дѣло судебной реформы совершало свое покойное и стройное теченіе, направляемое такимъ опытнымъ и свѣдущимъ кормчимъ, какъ высоко почитаемый имъ бывшій начальникъ II-го отдѣленія Е. И. В. канцеляріи графъ Д. Н. Блудовъ. На межѣ 1861—1862 годахъ появились невѣсть откуда вандалы-либералы и наступилъ конецъ «историко-органическому» направленію. Словно изступленные, набросились они «въ дѣтской рѣзвости» на прекрасное созданіе гр. Блудова, на проекты II-го отдѣленія, и только переломавъ и исковеркавъ ихъ, во имя *радикальной доктрины*, они

успокоились. «Эти осторожные и практическіе проекты II-го отдѣленія,—сѣтуетъ г. Фуксъ,—были сданы въ архивъ и были замѣнены въ 1862—1864 гг., по иниціативѣ теоретиковъ судебной реформы, комбинаціею, которая, по своей *политической тенденціозности*, а еще болѣе по своему *сантиментальному оптимизму*, не представляла никакихъ задатковъ для правильнаго органическаго развитія. Не коренясь въ исторической почвѣ, не соотвѣтствуя практическимъ условіямъ современной дѣйствительности,—продолжаетъ авторъ,—эта комбинація представляла собою не усовершенствованіе нашихъ *прежнихъ формъ и органовъ*, но нѣчто *совершенно новое* и *извращавшее* въ конецъ *законы* (!) нашего историческаго развитія».

Итакъ, главная вина авторовъ судебнаго законодательства 1864 года заключается въ томъ, что они, вопреки практическимъ, т. е. мудрымъ предначертаніямъ гр. Блудова, вмѣсто «усовершенствованія старыхъ формъ» и сохраненія старой «исторической почвы», увлекшись *радикальною доктриною*, легкомысленно внесли въ нашу жизнь нѣчто совершенно новое и чуждое ей.

Такое тяжкое и, по нынѣшнимъ временамъ, небезопасное обвиненіе отличается однако болѣе странностью, чѣмъ точностью, болѣе предубѣжденностью, чѣмъ основательностью. Источникъ такого ходячаго воззрѣнія лежитъ въ одномъ почти невѣроятномъ, по своей грубости, *недоразумѣніи*, а именно: въ *незнакомствѣ съ подлинными документами* судебной реформы. Это недоразумѣніе, которое даетъ почву для нападокъ систематическимъ недоброжелателямъ судебной реформы и даже вводитъ въ заблужденіе людей, повидимому, стремящихся отнестись къ ней безпристрастно, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Вотъ гдѣ кроется если не источникъ, то поводъ къ упомянутому недоразумѣнію. Трудами одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей судебной реформы, знаменитаго ея руководителя С. И. Зарудnаго, бывшаго, можно сказать, усерднѣйшимъ и преданнѣйшимъ ея дѣятелямъ съ самаго дня ея зарожденія, давно уже собраны и разсортированы обширные *подлинные* матеріалы, легшіе въ основу великаго законодательнаго акта 1864 г. Эти любопытные ма-

теріалы, составляющіе 74 тома (большинство in *folio*), «Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи» [1]), дают самый надежный ключъ къ уразумѣнію хода и исхода дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи. Обширность и малодоступность этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ служатъ причиною тому, что до сихъ поръ они никѣмъ еще не обработаны должнымъ образомъ.

Но, какъ извѣстно, существуетъ прекрасное и очень популярное изданіе, въ 4-хъ томахъ, «Судебныхъ Уставовъ съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны», заключающее массу драгоцѣннаго матеріала и появившееся въ свѣтъ, благодаря трудамъ того же С. И. Зарудnаго. Однако само собою разумѣется, что этотъ образцовый компендіумъ изданный для повседневныхъ надобностей судебной практики, эта, такъ-сказать, судебная *vulgata*, не можетъ замѣнить знакомства съ подлинными 74-мя томами «Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи». Для ежедневнаго практическаго обихода это популярное изданіе, извѣстное подъ названіемъ «Судебныхъ Уставовъ съ комментаріями», представляетъ весьма удобное и незамѣнимое пособіе; но для полнаго ознакомленія и правильнаго сужденія о всѣхъ фазахъ судебной реформы этого громаднаго предпріятія, растянувшагося на протяженіи шестнадцати лѣтъ, необходимо ознакомиться съ подлинными документами, а не довольствоваться болѣе или менѣе подробными извлеченіями изъ нихъ, приведенными въ изданіи государственной канцеляріи.

Только при знакомствѣ съ подлиннымъ дѣломъ уясняется настоящій *генезисъ* реформы [2]), выясняется движеніе и развитіе идей, теченій и правовыхъ системъ, вліявшихъ на ходъ и постепенное развитіе работъ по судебной реформѣ. А иначе легко впасть въ односторонность и ошибку, въ которую впалъ и помянутый Викторъ Фуксъ. Въ своей книгѣ: *Судъ и Полиція*, онъ повторяетъ свое прежнее мнѣніе о томъ, что проекты Блудова 1857 — 1861 годовъ отличались благоразумной *постепенностью (?)*, «которая *не колебала (?)* установи-

[1]) См. въ н. к. Опись этого Дѣла.

[2]) См. II томъ „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи" Общ. объясн. записка къ пр. уст. гр. суд.

гося порядка внезапными и всеобъемлющими перемѣнами» т. д. Словомъ, выходитъ опять варіація на старую тему,), молъ до 1861 года все шло благополучно, тихо и покойно; яются въ 1861 года либералы - теоретики, которые не то дѣтскою рѣзвостью, не то съ вандальскою жестокостью ло-ютъ проекты гр. Блудова, носившіе «историко-органическій» рактеръ, и, заплативъ дань неумѣстному радикализму, откры-ютъ доступъ въ русское законодательство вреднымъ чуже-манным доктринамъ.

Такую «сказку о радикализмѣ» судебной реформы, будто бы рвые появившемся съ 1861 года, можетъ сочинить только ъ, кто не видалъ ни одного тома подлиннаго «Дѣла о пре-разованіи судебной части въ Россіи» и довольствовался бѣг-имъ чтеніемъ извлеченій, напечатанныхъ въ вышеупомянутомъ ѣніи Судебныхъ Уставовъ. Тотъ же, кто пожелаетъ *sine ira studio* познакомиться съ подлинными матеріалами судебной ормы, неминуемо придетъ къ заключенію, что еще за четыре а до 1861 г., т. е. съ началомъ новаго царствованія, про-ходитъ *радикальный переворотъ* въ направленіи судебной ре-рмы.

Говоря такъ, мы нисколько не умалимъ великихъ заслугъ дѣя-елей судебной реформы 61—64 гг. и безспорнаго громаднаго нія на дальнѣйшее направленіе судебной реформы вѣчно па-тнаго освободительнаго акта 19 февраля. Великій актъ 1861 г., мо или косвенно отразившійся на *всѣхъ* сферахъ законода-льства и общественной жизни, конечно, оказалъ огромное вліе и на постановку судебной реформы. Мы не противъ той ли возражаемъ, что съ 1861 г. судебная реформа вступила новый раціональный, либерально-научный фазисъ и что въ это мя были задуманы институты (напримѣръ, судъ присяжныхъ), оторыхъ до «воли» нельзя было и думать; мы оспариваемъ пь увѣреніе, что только съ этихъ поръ судебная реформа въ ичіе отъ проектовъ гр. Блудова, будто желавшаго «постепен-о преобразованія», получила *радикальный* характеръ. Нѣтъ, не ретики 60-хъ годовъ, а не кто иной, какъ благонадежный прак-къ гр. Блудовъ, принимавшій участіе въ судѣ надъ декабристами съ этихъ поръ весьма мало наклонный къ радикализму, этотъ

sui generis «дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый», вникнувъ «въ сущность дѣла», *первый* оффиціально выкинулъ знамя *радикализма* и доказалъ необходимость рѣшительнаго разрыва съ прошлымъ, полнаго измѣненія прогнившаго на сквозь, безпорядочнаго, безъидейнаго стараго судебнаго строя, отъ котораго нельзя ничего нельзя было сохранить, безъ ущерба для реформы.

Какъ ни парадоксально, на первый взглядъ, защищаемое нами положеніе, но безстрастные подлинные документы съ очевидностью убѣждаютъ, что какъ разъ именно гр. Д. Н. Блудовъ, осторожнѣйшій изъ осторожныхъ реформаторовъ, всегда державшійся девиза *festina lente*, былъ родоначальникомъ *радикальнаго* направленія судебной реформы или пропагандистомъ *полнаго разрыва* съ мнимыми «законами историческаго развитія». Въ этомъ отношеніи особенно поучительна большая объяснительная записка (149 печатныхъ страницъ) графа Блудова отъ 1857 г., съ которою не мѣшаетъ познакомиться тѣмъ, которые привыкли неумѣренно восторгаться работами его и клясться ими, какъ *in verba magistri*, безъ достаточнаго знакомства съ ними.

Въ этой любопытной запискѣ мы находимъ обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, какъ этотъ завзятый поклонникъ «частичныхъ улучшеній» (припомнимъ его Уложеніе 1845 г., которое онъ не безъ авторской гордости называлъ «усовершенствованнымъ сводомъ») долженъ былъ отступить отъ своего любимаго образа мыслей и дѣйствія. Гр. Блудовъ съ большою искренностью сознается и какъ бы кается въ томъ, что «ближайшее знакомство съ сущностью порученнаго ему дѣла» заставило его совершить актъ грѣхопаденія и выступить на путь *радикальной* реформы. Во избѣжаніе обвиненія въ неправильномъ истолкованіи словъ графа, считаемъ не лишнимъ привести in extenso нѣкоторыя мѣста этого замѣчательнаго и по формѣ и по содержанію документа.

«Съ перваго взгляда можетъ показаться, говоритъ гр. Блудовъ, что было бы достаточно ограничиться лишь нѣкоторыми *частными исправленіями* (какъ кажется и нынѣ, заднимъ числомъ, реакціоннымъ критикомъ судебной реформы!) нынѣшняго порядка производства дѣлъ гражданскихъ, напримѣръ,

лучшимъ, надежнѣйшимъ доставленіемъ вызововъ суда, точнѣйшимъ назначеніемъ сроковъ для разныхъ дѣйствій какъ тяжущихся, такъ и судебныхъ мѣстъ и Канцелярій ихъ (NB. прописная буква въ подлинникѣ), установленіемъ яснѣйшей удовлетворительнѣйшей формы для докладныхъ записокъ, сокращеніемъ сроковъ аппеляціонныхъ, уменьшеніемъ числа бумагъ, принимаемыхъ отъ тяжущихся и т. п. Сей образъ дѣйствія при исправленіи узаконеній о производствѣ имѣетъ и долженъ имѣть многихъ защитниковъ, ибо оному удобнѣе и легче слѣдовать на практикѣ. Сверхъ того, какъ обыкновенно, а въ большей части случаевъ и справедливо замѣчаютъ, успѣхъ вводимыхъ постепенно и медленно преобразованій вѣроятнѣе и надежнѣе. *Мнѣ также казалось*, при началѣ моего труда, продолжаетъ графъ, что можно бы было улучшить наше судопроизводство гражданское посредствомъ исправленія лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ онаго постановленій. Но чѣмъ *тщательнѣе* я вникалъ въ сущность порученнаго мнѣ Высочайшимъ довѣріемъ дѣла, разсматривая съ разныхъ сторонъ всѣ неудобства нынѣшняго порядка судопроизводства гражданскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ *причины* и, буде смѣю употребить сіе слово, самое *происхожденіе* (курсивъ въ подлинникѣ) сихъ неудобствъ, имѣя притомъ въ виду, что между всѣми постановленіями существуетъ естественная, *неразрывная связь*—тѣмъ *очевиднѣе и сильнѣе мнѣ представлялась истина* (слушайте!), уже признанная многими свѣдующими и опытными по сей части людьми, что *чрезъ частныя* измѣненія *мы не только не достигнемъ желаемой*, указанной намъ *цѣли*, но *едва ли* даже въ нѣкоторомъ отношеніи *не удалимся* отъ нея. Дабы исправить надлежащимъ, удовлетворительнымъ образомъ наши узаконенія о производствѣ дѣлъ гражданскихъ, не довольно усовершенствованія той или другой изъ сторонъ онаго, надобно стараться устранить *причины зла*, т. е. безпорядковъ въ самомъ *ихъ корнѣ*; а для сего необходимо принять другую, *совершенно отличную* отъ настоящей системы, основанную на тѣхъ общихъ, *непреложныхъ началахъ*, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства гражданскаго въ строгомъ смыслѣ слова... «Намъ въ особенности, говоритъ дальше гр. Блудовъ, нельзя думать о какомъ-либо усовершенствованіи сей части нашего

законодательства, *безъ* измѣненія *самой основной мысли* ея, *безъ* принятія, не только *отличныхъ*, но до нѣкоторой степени *противныхъ* ей *началъ*» [3]).

Что и требовалось доказать!

Приведенная выписка, кажется, достаточно ясно показываетъ, какими причинами обусловливался *радикализмъ судебной реформы*, который ставится нынѣ въ вину «легкомысленнымъ либераламъ 60-хъ годовъ», и кто именно былъ его родоначальникомъ. Источникъ радикализма лежалъ не въ томъ, что эти послѣдніе питали «влеченіе, родъ недуга» къ либерализму и доктринѣ, а въ самомъ свойствѣ судебной реформы. Если ужъ такой Фабій Кунктаторъ, какъ гр. Блудовъ, считалъ необходимою ломку *всего* стараго, то это доказываетъ, что оно прогнило насквозь.

Вотъ къ какому заключенію приводитъ безпристрастное изслѣдованіе подлинныхъ источниковъ судебной реформы. *Радикализмъ* судебной реформы вызывался сознаніемъ негодности всего стараго процесса, съ очевидностью для всѣхъ обнаружившейся ко второй половинѣ 50-хъ годовъ, къ началу новаго царствованія, когда впервые обнаружилось и много другихъ язвъ дореформеннаго строя жизни, прикрытыхъ дотолѣ лакомъ «оффиціальной лжи». Да, невѣроятно, но это безспорный фактъ: въ эту «эпоху всеобщаго просвѣтленія умовъ», которое доктринеры застоя называютъ теперь «эпохою умопомраченія», настолько для всѣхъ выяснилась необходимость коренной реформы всей судебной системы, что самъ безстрастный представитель ортодоксальнаго консерватизма, гр. Блудовъ, выступилъ поборникомъ «кореннаго» измѣненія процесса, который могъ отстаивать только такой закоснѣлый обскурантъ, какъ гр. Панинъ. Мало того, самъ Катковъ былъ въ тѣ времена, incredibile dictu, знаменосцемъ радикализма въ судоустройствѣ и не обинуясь высказывалъ такія еретическія мысли: — «иные думаютъ, что правило благоразумія *будто бы* требуетъ не вдругъ заводить хорошее, но понемножку и по частямъ. У этихъ людей всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа и т. п. Они думаютъ, что дѣло

[3]) См. «Дѣло о преобр. суд. части», т. II. Общ. объясн. записка къ уст. гражд. судопр., стр. 4, 5. 8.

тъ лучше, если давать лучшее устройство понемногу. Къ
ѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ разви-
я и принести пользу *только тогда*, когда взяты ея на-
во *всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Отрывочная частица не
о не принесетъ пользы, но причинитъ существенный и,
можетъ, *непоправимый вредъ*» [1]).

слѣ сказаннаго ясно, на сколько справедливо увѣреніе
ра Фукса, что проекты гр. Блудова 1854—61 годовъ от-
ись «благоразумною *постепенностью*, которая не колебала
становившагося порядка внезапными и всеобъемлющими
мами», тогда какъ на самомъ дѣлѣ *ipssissima verba* гр.
ва доказываютъ какъ разъ обратное, свидѣтельствуя, что
ынужденъ былъ отказаться отъ мысли о «частичныхъ улуч-
ихъ» и рекомендовать принятіе «совершенно отличной отъ
ящей системы судопроизводства», основанной на *против-*
ей общихъ, т. е. теоретическихъ «*непреложныхъ нача-*
. И послѣ этого еще рѣшаются утверждать, что гр. Блу-
былъ далекъ отъ «теоретическихъ экспериментовъ»!

къ идеализируетъ Фуксъ все вышедшее изъ подъ пера гр.
ва.

жемъ два слова объ идеализаціи, допускаемой Фуксомъ.
идеализація проектовъ гр. Блудова еще куда ни шла! Но
е можемъ постичь, какъ можно упрекать дѣятелей 60-хъ
ъ въ «сантиментальномъ оптимизмѣ» и въ то же время
у идеализировать нашъ столь печальной памяти «старый
», какъ это дѣлаетъ Фуксъ, увѣряя, что «не во всемъ
вѣ и не во всѣхъ традиціяхъ *(sic)* старый судъ долженъ
быть замѣненъ новымъ».

зъ сердечной, горячей, пожалуй, наивной вѣры въ силу добра
ума или, если угодно, безъ «сантиментальнаго оптимизма»
овершалось ничего великаго, благодѣтельнаго въ исторіи.
къ образомъ, противъ идеализаціи или оптимизма вѣры
удущее нельзя возставать. Весь вопросъ только въ томъ,
въ *объектѣ* этой идеализаціи. Но едва ли въ этомъ отно-
и дѣятели 60-хъ годовъ впали въ ошибку, избравъ объ-

---

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ», 1860, № 2, стр. 304—311.

эктомъ идеализаціи или «сантиментальнаго оптимизма»,—какъ выражается Фуксъ, — тѣ великія идеи, учрежденія и традиціи, которыми дорожитъ и гордится все цивилизованное человѣчество [5]), а не тѣ традиціи «стараго суда», которыя идеализируетъ самъ Фуксъ, того самаго суда, при одномъ воспоминаніи о которомъ, по справедливому замѣчанію знатока старыхъ судебныхъ порядковъ И. С. Аксакова, «волосъ встаетъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ». Идеализація стараго суда — это такое же патологическое явленіе, какъ апологія плети и крѣпостнаго права, до которой договорились, наконецъ, нынѣ, откровенные до безстыдства, крѣпостники.

Нашъ нормальный путь не подражаніе,
а разумное примѣненіе общихъ началъ,
выработанныхъ юридическою наукою.
Н. А. Буцковскій.

II.

Обращаемся къ исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ. Въ теченіе всей почти двадцатилѣтней подготовки своей судебная реформа шла мимо того самаго вѣдомства, которое непосредственно было заинтересовано въ реформѣ судебныхъ учрежденій, —министерства юстиціи. Объясняется это тѣмъ, что съ 1832 г. во главѣ министерства стоялъ «нескладный видомъ, идеями и дѣяніями», по выраженію Валуева, гр. В. Н. Панинъ, типичнѣйшій представитель тридцатилѣтняго застоя, при всеобщемъ безмолвіи, провозглашавшій для самоуслажденія, согласно принципамъ «оффиціальной лжи»: «все обстоитъ благополучно» [6]).

[5]) См. Лероа-Болье. L'empire des Tsars II, 291, 292.

[6]) За весь 30-ти лѣтній періодъ (1832—1862) гр. Панинъ, низведшій до нуля значеніе сената и, прикрываясь именемъ Государя, хозяйничавшій безконтрольно, при содѣйствіи своего директора и l'homme pour tout faire (см. главу I, § 2), въ судебномъ вѣдомствѣ, какъ въ своей вотчинной конторѣ,—не провелъ *ни одной* значительной реформы по судебному вѣдомству.—Всѣ почти мѣропріятія гр. Панина касались канцелярскаго распорядка и сокращенія письменной работы, но они были такъ цѣлесообразны, что скорѣе увеличивали, чѣмъ уменьшали переписку. Чтобы

Работы по судебному преобразованію находились въ рукахъ главноуправлявшаго II Отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріей, гр. Д. Н. Блудова. Одновременно съ составленіемъ проекта Уголовнаго Уложенія 1845 г. начаты были подготовительныя работы и по улучшенію гражданскаго процесса. Въ 1843 г. гр. Блудовъ затребовалъ отъ членовъ судебнаго вѣдомства замѣчанія о доказанныхъ практикою недостаткахъ дѣйствующаго судебнаго законодательства и, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, составилъ «предположеніе» о нѣкоторыхъ необходимыхъ улучшеніяхъ. Не трудно догадаться о характерѣ ихъ. Въ это время всеобщаго умственнаго гнета и законодательнаго застоя, время боязни предъ рѣшительными преобразованіями и пристрастія къ полумѣрамъ, заплатамъ на старомъ рубищѣ,—предложенное гр. Блудовымъ мѣропріятіе также носило чисто палліативный характеръ (стало быть, вотъ какому заскорузлому времени относится планъ «частичныхъ реформъ», рисующій въ такомъ обольстительномъ свѣтѣ Фуксу и его единомышленникамъ!) О необходимости полнаго переустройства и дезинфекціи зараженнаго насквозь зданія стараго, тайнаго

справиться какъ нибудь съ непосильной работою, канцеляріи (даже въ сенатѣ) должны были нанимать писцовъ на сторонѣ и собирать контрибуцію съ публики. — Нѣкоторыя же „реформы“ отличались такимъ нелѣпымъ характеромъ, что послѣ перваго удовлетворенія каприза гр. Панина, отмѣчались, какъ неисполнимыя.—Такъ по обнаруженію подлога въ одномъ аттестатѣ, Панинъ приказалъ не иначе принимать на службу, какъ по предварительной повѣркѣ подлинности аттестата, — а для этого иной разъ въ теченіе цѣлаго года нужно было вести переписку. — Свѣдавъ откуда-то, что въ московскомъ Сенатѣ бумага обходится дорого, графъ приказалъ дѣлать заготовки въ Петербургѣ, для чего бумага должна была сначала доставляться изъ Москвы въ Петербургъ, а потомъ изъ Петербурга обратно въ Москву.—Желая воспретить чиновникамъ веденіе чужихъ дѣлъ въ своихъ судахъ, онъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе, коимъ чиновникамъ воспрещалось, безъ разрѣшенія начальства, веденіе ихъ собственныхъ дѣлъ во всѣхъ судахъ.—Признавъ необходимымъ, чтобы въ запискахъ иностранные документы печатались въ подлинникѣ, гр. Панинъ поставилъ въ безвыходное положеніе сенатскую типографію. Для удовлетворенія причуды гр. Панина — а всѣ его приказы были святы, какъ законы или, вѣрнѣе, какъ должны быть святы законы, — пришлось за наборъ англійскаго текста заплатить 1000 р. изъ казны и т. д. (См. Голоса изъ Россіи, вып. VII).

— Будучи самъ противникомъ всякихъ „новшествъ“, онъ и на другихъ

суда, извѣстнаго всѣмъ своею чудовищною продажностью, невѣроятнымъ невѣжествомъ, безконечною волокитою, никто и не думалъ, менѣе же всѣхъ министръ юстиціи гр. Панинъ.

Гр. Блудовъ ограничивался проектированіемъ второстепенныхъ техническихъ улучшеній, въ родѣ: — отмѣны рукоприкладства, указанія секретаремъ «приличныхъ дѣлу» законовъ, сокращенія числа инстанцій и т. п. Онъ входилъ по этимъ предметамъ въ безконечную переписку съ тогдашнимъ министромъ юстиціи гр. В. Н Панинымъ, который, находя «новшества» слишкомъ смѣлыми «теоретическими» (sic) увлеченіями, съ неустанною энергіею отстаивалъ каждую мелочь дѣйствовавшаго процесса, какъ драгоцѣнное наслѣдіе «столѣтняго творчества» (вотъ, наконецъ, объявились тѣ пресловутые «законы историческаго развитія», нарушеніе которыхъ ставятъ реакціонеры въ вину судебной реформы!»)

Гр. Блудовъ, догадавшись, что изъ этой безплодной переписки, что изъ этого «труда тяжкаго, по безконечности», не можетъ выйти ничего путнаго, рѣшилъ махнуть рукою на неизлѣчи-

---

новаторовъ смотрѣлъ подозрительно, зная хорошо, что вся серьезная реформа, а особенно введенія гласности должно положить конецъ его безцеремонному топтанію ногами закона. При Николаѣ I существовала въ 1850 г. коммиссія для принятія радикальныхъ мѣръ къ упрощенію производства и, между прочимъ, предлагалось освободить судъ отъ наблюденія за исполненіемъ рѣшеній.—Catilina ante portam померещилось гр. Панину въ виду этой „ужасной“ реформы. Сначала онъ старался повліять на членовъ коммиссіи, но, потерпѣвъ фіаско, онъ сдѣлалъ императору Николаю I докладъ, въ которомъ доказывалъ, что тутъ кроется революціонное начало. Этого было довольно: коммиссія прекратила свое существованіе.—Когда въ сентябрѣ 1857 *Русскій Вѣстникъ* впервые заговорилъ о гласности судопроизводства, то гр. Панину показалось, что приближается конецъ міра. Вслѣдствіе его всеподданнѣйшаго доклада состоялось повелѣніе не пропускать такихъ *возмутительныхъ* статей.—Гр. Панинъ не ошибся: статья катковскаго журнала предвѣщала конецъ, но не міра, а самовластнаго попиранія гр. Панинымъ законовъ.—Впослѣдствіи также не разъ онъ требовалъ примѣрнаго наказанія цензоровъ за пропускъ такихъ статей. Однажды на замѣчаніе попечителя округа, что нужно прежде чѣмъ наказать цензора потребовать отъ него объясненія, у министра *юстиціи* гр. Панина повернулся языкъ высказать такую чудовищную сентенцію: «сначала наказать, потомъ потребовать объясненіе“. (Никитенко, II, 120).

маго маніака гр. Панина и сосредоточить дѣло судебнаго преобразованія при состоящемъ подъ его главнымъ управленіемъ II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Съ этою цѣлью онъ исходатайствовалъ въ 1850 и 1852 годахъ Высочайшія повелѣнія объ учрежденіи при II отдѣленіи комитетовъ для составленія проектовъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ. Въ составъ гражданскаго комитета вошли—товарищъ министра юстиціи Илличевскій, сенаторы Вейнарнъ, Губе (нынѣ членъ государственнаго совѣта), Карніолинъ-Пинскій, членъ консультаціи министерства юстиціи Карцевъ, замѣненный впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ I-го департамента сената Любощинскимъ. Дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ астрономъ по образованію и юристъ-самоучка, впослѣдствіи знаменитый цивилистъ С. И. Зарудный, вложившій впослѣдствіи всю свою душу въ дѣло судебной реформы и такъ много сдѣлавшій въ послѣдній фазисъ ея развитія [7]).

Не трудно сообразить, чѣмъ бы окончились труды этого комитета, если бы они были доведены до конца. По всей вѣроятности, мы получили бы опять новый образчикъ «усовершенствованнаго Свода» на подобіе Уложенія 1845 г., т.-е. компромиссъ и компиляцію стараго и новаго, лишенную цѣльности, послѣдовательности и, стало быть, жизнеспособности. Но до окончанія работъ комитета произошло событіе, сообщившее реформѣ *новую* силу и окраску и вообще вдвинувшее дѣло судебной реформы въ новый фазисъ.

Наступившій въ обществѣ, вслѣдъ за воцареніемъ Императора Александра II го нравственный и умственный подъемъ, такъ сильно сказавшійся на всей нашей политической и умственной жизни, сказался и на работахъ Блудовскаго комитета.

Встрепенулся и воспрянулъ духомъ старый либералъ и бывшій «арзамасецъ» Д. Н. Блудовъ, восторженно рукоплескавшій нѣкогда словамъ Александра I-го, что «либеральныя начала одни могутъ служить *основою счастія народовъ*». Казалось, тридцатипятилѣтній реакціонный режимъ (1820 — 1855), подъ которымъ прошла вся почти государственная дѣятельность гр. Блудова,

[7]) См. книгу мою: „С. И. Зарудный и судебная реформа“ М. 1888 г. выше главу XVI.

долженъ былъ до конца высушить въ немъ всѣ зачатки либерализма. однако вышло иначе, и при первомъ же благопріятномъ для нихъ вѣяніи, они воспрянули къ новой жизни, конечно, въ той мѣрѣ, какъ это возможно было у человѣка преклонныхъ лѣтъ. Въ 1855—1860 гг. графъ Блудовъ далъ сильный толчокъ работамъ по судебной реформѣ и внесъ въ государственный совѣтъ Уставъ гражданскаго судопроизводства, Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ, Уставъ уголовнаго судопроизводства, и наконецъ, Уставъ судоустройства. Сравнительно съ палліативными предположеніями 40-хъ годовъ гр. Блудова, проекты его 1857—1860 годовъ составляли громадный, почти разительный шагъ впередъ. Даже въ области наиболѣе консервативной, въ гражданскомъ процессѣ, намѣчены были довольно радикальныя измѣненія сообразно требованіямъ непреложныхъ началъ «юридической науки» [*]).

Въ числѣ этихъ «непреложныхъ началъ», принятыхъ въ руководство гр. Блудовымъ, были: почти полное отдѣленіе власти судебной отъ административной, уничтоженіе канцелярской тайны и введеніе адвокатуры, гласности и устности, такъ пугавшей гр. Панина (см. примѣч. 6), введеніе состязательнаго процесса и учрежденіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ, рѣшеніе дѣлъ по существу только въ двухъ инстанціяхъ и пр. Въ уголовномъ процессѣ предлагалось: устраненіе полиціи отъ производства слѣдствія, введеніе устности, состязательности, упраздненіе слѣдственнаго начала, введеніе обвинительной системы и института защиты, значительное ослабленіе теоріи законныхъ доказательствъ и предоставленіе нѣкотораго простора судейскому убѣжденію, уничтоженіе сословныхъ судовъ и пр. Таковы были тѣ новыя и противныя дѣйствовавшему тогда законодательству «непреложныя общія начала», введеніе которыхъ считалъ необходимымъ графъ Блудовъ. Примѣненіе *нѣкоторыхъ* «непреложныхъ началъ» стало возможнымъ для графа Блудова, только благодаря тому прогрессивному направленію мысли, которое охватило наши правительственные и общественные круги во второй половинѣ 50-хъ годовъ, — послѣ паденія Севастополя,

*) См. т. II, Дѣло о преобр. судебн. части Общ. Объясн. Зап., стр. 3–6.

кровавая и геройско-мучительная эпопея коего бросила столь печальный и поучительный отблескъ на господствовавшую у насъ дотолѣ систему управленія.

Публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобожденіе суда отъ администраціи... Если бы въ прежнія времена вздумалъ-бы кто только помечтать о подобныхъ вещахъ, и мечта ею какъ-нибудь вылетѣла-бы изъ его устъ — тотъ былъ-бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника.

А. В. Никитенко (1862 г.).

III.

Въ 1861 — 1862 годахъ судебная реформа дѣлаетъ новую и послѣднюю эволюцію по пути развитія «непреложныхъ общихъ началъ», вызванную объявленіемъ «воли». Великій актъ освобожденія крестьянъ оказалъ частью прямое, частью косвенное, но въ общемъ громадное воздѣйствіе на дальнѣйшее движеніе и ускореніе этого преобразованія. Воздѣйствіе это заключало въ себѣ весьма опредѣленное содержаніе и смыслъ, а не имѣло того утрированнаго не то метафизическаго, не то мистическаго значенія, по смыслу котораго, какъ увѣряютъ «самобытники», Положеніе 19-го февраля имѣло и должно имѣть вліяніе на *всѣ* будущія времена и на *всѣ* наши преобразованія [9]). Вотъ въ чемъ выразилось прямое вліяніе 19-го февраля. Для многомилліоннаго населенія «вчерашнихъ рабовъ», впервые возвратившихъ себѣ, благодаря освободительному акту 19-го февраля, гражданскія права, необходимо было взамѣнъ уничтоженнаго *полицейскаго суда*, если только возможно назвать судомъ этотъ варварскій самосудъ, учредить государственный судъ. Косвенное же воздѣйствіе «дѣла 19-го февраля» было то бодрое воодушевленіе и гуманное увлеченіе, которое вызвало благо-

[9]) См. „Освобожденіе крестьянъ“ Н. П. Семенова, стр. 1—3, XII.

получное окончаніе этого громаднаго предпріятія и которое влило новыя силы въ передовыхъ дѣятелей того времени. «Если было въ 1861 году не состоялось, по волѣ Самодержца Всероссійскаго,— пишетъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, важнѣйшій авторитетъ по исторіи судебной реформы, С. И. Зарудный,— освобожденіе крестьянъ *съ землею*, то *ни въ какомъ случаѣ* не были бы утверждены 20-го ноября 1864 года Судебные Уставы. При крѣпостномъ правѣ,—продолжаетъ онъ,— въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были тогда только помѣщики; надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Помѣщики не могли ему не покориться; но въ ихъ рукахъ сосредоточилась власть надъ большинствомъ народонаселенія. Крестьяне расправлялись съ помѣщиками судомъ Линча. Послѣ 19-го февраля и высшіе наши сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость въ судѣ скоромъ и справедливомъ» [10]). Наконецъ огромное идейное значенье отмѣны крѣпостнаго права заключалось въ томъ, что она являлась протестомъ и удовлетвореніемъ свободной личности, во имя права и человѣческаго достоинства. Пока крѣпостное право тяготѣло бы хоть надъ однимъ человѣкомъ не могло быть рѣчи *о правѣ* русскаго гражданина. Только съ 61-го года установлены были первые элементы *правоваго* порядка, и потому вслѣдъ за этимъ сталъ на ближайшую очередь вопросъ о разумной, раціональной организаціи первой опоры и охраны правоваго порядка—*независимаго суда*.

Отмѣтивъ общій характеръ вліянія освобожденія крестьянъ, перейдемъ теперь къ подробностямъ.

Событія развивались въ такомъ порядкѣ. Осенью 1861 года вернулся въ Петербургъ изъ Крыма императоръ Александръ II—бодрый, веселый, довольный, удовлетворенный, счастливый,— счастливый тѣмъ особымъ и великимъ счастьемъ, которое даетъ лицамъ, располагающимъ судьбами народовъ, сознаніе исполненнаго долга и твердаго выполненія завѣщанной исторіей, трудной, но благородной миссіи. Геній свободы и гуманности, не смотря на промахи управлявшаго въ отсутствіи Государя Вер-

---

[10]) *Русскую Старину*, 1888 г., № 9.

вного Совѣта, не смотря на «зигзаги» русскаго прогресса [11]), талъ въ то время надъ Россіею. Политическій барометръ, не мрая на безпрестанныя колебанія, частенько отъ «перемѣнно» ходилъ къ «ясно». Благородное воодушевленіе, чувство внепно, но—увы!—не на долго, вспыхнувшаго «конфуза» жгучаго ыда предъ исторіею, сознаніе нравственнаго долга «кающагося орянина» предъ «меньшею братіею» создавали въ обществѣ не-ержимое стремленіе обновить старый крѣпостной строй жизни, ржавшійся только на насиліи, произволѣ и беззаконіи. Чего-го только нельзя предпринять и быстро и удачно выполнить ои такомъ бодромъ и гуманномъ настроеніи, которое только ерствѣлому злому рабовладѣльческому сердцу можетъ казаться еменемъ бѣлой «горячки»?... [12]).

Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, Государь пожелалъ нать, въ какомъ положеніи находится дѣло о судебномъ пре-бразованіи. Государственный секретарь В. П. Бутковъ во все-одданѣйшей запискѣ указывалъ на встрѣченныя государствен-ою канцеляріею затрудненія при докладѣ составленныхъ гр. Блу-овымъ въ разное время и не согласованныхъ между собою роектовъ Уставовъ гражд. и угол. судопроизводства и судо-стройства, и высказалъ, что детальному разсмотрѣнію означен-ыхъ проектовъ должно предшествовать «опредѣленіе и утверж-еніе *основныхъ началъ*» предполагаемаго судопроизводства. До-кладъ В. П. Буткова былъ высочайше одобренъ и, въ исполне-ніе состоявшагося на основаніи онаго высочайшаго повелѣнія, былъ изготовленъ 19-го октября 1861 г. В. П. Бутковымъ, по соглашенію съ предсѣдавшимъ въ государственномъ совѣтѣ гр. Д. Н. Блудовымъ, новый и болѣе подробный докладъ *о по-рядкѣ разсмотрѣнія* въ Государственномъ Совѣтѣ проектовъ судебнаго преобразованія. 23-го октября 1861 г. уже состо-ялось высочайшее утвержденіе этого доклада, вдвинувшее дѣло судебнаго преобразованія въ третій и послѣдній фазисъ его развитія.

---

[11]) См. Лероа-Болье: Un homme d'etat, 116, 87.

[12]) См. статью г. Григорова «Кое-что о мировомъ судѣ». *Моск. Вѣд.* 1889 г., № 35.

Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было неудобнымъ поручить въ этой новой стадіи дѣла, руководство имъ старому, даже очень старому, кормчему его, гр. Блудову (ему минуло въ 1862 году 77 лѣтъ). Новое вино опасно было вливать въ старые мѣхи. По всему видно, что это чувствовалось всѣми, не исключая и самого графа Блудова, котораго съ этихъ поръ почтительно, но послѣдовательно удаляютъ съ поста, болѣе несоотвѣтствовавшаго его положеніямъ и силамъ. Эту цѣль и преслѣдовалъ, между прочимъ, означенный докладъ, принадлежавшій перу вышеупомянутаго С. И. Зарудnаго, состоявшаго въ 1856 г. статсъ-секретаремъ департамента законовъ государственнаго совѣта.

Сущность названнаго доклада сводилась къ тому, что поручалось государственной канцеляріи, сообща съ «прикомандированными къ ней юристами», извлечь изъ блудовскихъ проектовъ, составленныхъ при II отдѣленіи Его Императорскаго Величества канцеляріи, «главныя основныя начала». Съ оффиціальной точки зрѣнія перемѣна была небольшая. Въ работахъ Государственной Канцеляріи должны были принимать участіе также и чиновники того же II-го отдѣленія и министерства юстиціи, и даже номинальное «высшее наблюденіе» оставалось за гр. Блудовымъ. Но въ дѣйствительности въ дѣло судебной реформы явственно выступало на новый, болѣе рѣшительный путь. Иниціатива и главное руководство имъ замѣтно переходило къ В. П. Буткову (протежѣ гр. А. Ф. Орлова, недавно еще крѣпостнику, но съ 1861 г. со всѣми armes et bagages перешедшему въ либеральный лагерь) и его главному сотруднику С. И. Зарудному, при дѣятельномъ участіи новыхъ, свѣжилъ силъ «прикомандированныхъ юристовъ»: Н. А. Буцковскаго, Н. И. Стояновскаго, Д. А. Ровинскаго, К. П. Побѣдоносцева, А. М. Плавскаго, и чиновъ государственной канцеляріи: П. Н. Даневскаго, С. П. Шубина и А. П. Вилинбахова. Одно уже привлеченіе къ дѣлу «юристовъ» какъ таковыхъ, т. е. какъ представителей «права», а не просто чиновниковъ «законовѣдовъ» [13]), свидѣтельствовало о томъ, что

[13]) Нашъ маститый юристъ П. Г. Рѣдкинъ, въ вышедшей незадолго до его смерти книгѣ своей, отмѣчалъ, что до Устава 1863 года профессорамъ строжайше предписано было замѣнить слово «правовѣдѣніе» — «законовѣдѣніемъ». См. выше главу IV.

въ оффиціальныхъ сферахъ «новое начало». юридическая наука, «право», сдѣлало довольно серьезное завоеваніе на счетъ и въ ущербъ традиціонной табели о рангахъ и «законовѣдѣнія». Оставалось закрѣпить это цѣнное завоеваніе и обезпечить «прикомандированнымъ юристамъ», изъ коихъ большинство было воодушевлено гуманными и либеральными стремленіями, возможность широкаго общенія съ юридическою наукою. Этотъ шагъ не заставилъ себя долго ждать.

Уже къ концу 1861 года «юристы» живо разобрали Блудовскіе проекты и нашли въ нихъ то, что̀ и слѣдовало ожидать. Извлеченныя «основныя начала» показали, что проекты не согласованы между собою и что необходимъ пересмотръ и полная переработка ихъ на основаніяхъ научныхъ или на основаніи тѣхъ «общихъ непреложныхъ началъ», о которыхъ писалъ гр. Блудовъ еще въ 1857 г., но провести которыя пришлось другимъ.

Съ начала 1862 года гр. Блудова смѣняетъ, по должности предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ, кн. П. П. Гагаринъ (тоже крѣпостникъ и авторъ извѣстнаго «нищенскаго надѣла, также плывшій въ это время по фарватеру либерализма), и съ этихъ поръ гр. Блудовъ окончательно сходитъ со сцены. Но къ чести его нужно замѣтить, онъ не счелъ умѣстнымъ держать *quand même* оппозицію тѣмъ «новшествамъ», которыя проникли послѣ него въ судебную реформу, и, считая ихъ появленіе естественнымъ развитіемъ начатаго имъ дѣла, принялъ ихъ просто и *sans phrases*.

Первымъ дѣломъ кн. Гагарина было исходатайствовать «юристамъ», оффиціальное разрѣшеніе на полную свободу дѣйствій и возможность свободнаго пользованія вышеупомянутыми «непреложными, началами», т. е. указаніями науки и практики цивилизованныхъ народовъ. Разрѣшеніе это было дано знаменитымъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ января (число, къ сожалѣнію, неизвѣстно) 1862 года, гдѣ̀ впервые вещи названы ихъ собственными именами. Вотъ что гласилъ этотъ первостепенный для исторіи русскаго процесса и прогресса документъ: «изложить въ общихъ чертахъ соображенія Государственной Канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ на-

чалахъ, *несомнѣнное достоинство* коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ* и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи».

Рубиконъ былъ перейденъ! Китайская стѣна, отдѣлявшая въ теченіе сорока пяти лѣтъ наши законодательныя сферы отъ непосредственнаго воздѣйствія европейской науки и современнаго прогресса, пала. Начала европейскаго публичнаго права и науки, проникавшія къ намъ дотолѣ контрабандным путемъ (слово прогрессъ было формально запрещено еще въ 1858 г. [11]) или въ видѣ замаскированныхъ анонимовъ (какъ, напр., «общія непреложныя» начала у гр. Блудова), получили, наконецъ, открытый доступъ и къ нашему законодательному обиходу. Благодаря этому крупному событію, а также, господствовавшему въ то время въ русскомъ обществѣ либеральному настроенію, сдѣланъ былъ тотъ послѣдній, логическій шагъ, безъ котораго предпринятое гр. Блудовымъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ дѣло судебной реформы осталось бы на полпути и недодѣланнымъ.

«Юристы» 1862 г. возымѣли благородную рѣшимость сдѣлать этотъ окончательный шагъ, который инымъ казался черезчуръ рискованнымъ. Вѣря въ здравый смыслъ русскаго народа, крѣпость русской культуры и воспитательную силу хорошихъ учрежденій, либеральные юристы рѣшились, напр., предложить судъ присяжныхъ, который, такъ сказать, навертывался на языкѣ у гр. Блудова, но который онъ не имѣлъ рѣшимости открыто выставить. Въ составленныхъ юристами «главныхъ началахъ» мы видимъ не скачки и не бредъ буйной теоретической мысли, какъ иначе думаютъ, а только *логическое развитіе* институтовъ, раньше намѣченныхъ. Это лучше всего можно показать на примѣрѣ самаго важнаго нововведенія, на судѣ присяжныхъ, предложенномъ Зарудненскою «могучею кучкою».

Враги судебной реформы привыкли твердить, что судъ присяжныхъ былъ введенъ у насъ изъ слѣпаго подражанія иностраннымъ образцамъ и по мотивамъ чисто политическимъ. Мнѣніе это лишено всякаго основанія. Что касается подражательности, то вотъ какъ смотрѣли «юристы» 60-хъ годовъ на во-

[11]) См. выше главу VI, примѣч. 1.

просъ о заимствованіи: «нашъ нормальный путь, говорятъ они, *не подражаніе, а разумное* примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою». Что же касается политической стороны этого института, то ее тщательно устраняютъ они изъ нашего суда присяжныхъ, настаивая на мотивахъ исключительно юридическихъ [15]).

Въ чемъ же они состояли? Вотъ путь того разсужденія, который побудилъ «юристовъ» государственной канцеляріи сдѣлать изъ посылокъ гр. Блудова логическіе выводы. Гр. Блудовъ, признавая теорію «законныхъ доказательствъ» несостоятельною, не рѣшился однако вполнѣ отказаться отъ нея и остановился на компромиссѣ. «Юристы», основываясь на трудахъ германскихъ юристовъ Кестлина, Генна, Пухты, Гагена, Буштеля, Бринкмана, Молинара, Миттермайера и др., пришли къ заключенію, что тутъ нѣтъ средины, tertium non datur, что или должна быть строгая легальная регламентація силы доказательствъ, обязательная для судей, или имъ долженъ быть предоставленъ путь оцѣнки доказательствъ по внутреннему убѣжденію. Отвергнувъ теорію «законныхъ доказательствъ» на основаніи указаній науки и нашей собственной практики (эта сторона дѣла особенно тщательно разработана (См. гл. XIX § 8) въ запискѣ Д. А. Ровинскаго, прекрасно знакомаго съ судебною практикою по должности московскаго губернскаго прокурора), и признавъ необходимость рѣшенія вопроса о виновности по убѣжденію судей, юристы переходятъ къ вопросу о судоустройствѣ. Они указываютъ на то, что наши старые судебные засѣдатели не приносили никакой пользы и были простыми ширмами или пѣшками въ рукахъ секретарей, такъ какъ должны были рѣшать не только вопросъ о виновности на основаніи теоріи доказательствъ, но и примѣнять законы о наказаніяхъ. Вслѣдствіе этого «юристы» признаютъ нужнымъ предоставить засѣдателямъ рѣшеніе только вопроса о виновности, который они, въ качествѣ людей знакомыхъ съ дѣйствительною жизнью, рѣшатъ лучше коронныхъ судей, людей кабинетныхъ. Вопросъ же о наказаніи предостав-

[15]) См. т. IX. Дѣло о преобраз. суд. части. Записка Н. А. Буцковскаго, стр. 7. См. назв. томъ *Дѣла*, стр. 40, Записки Буцковскаго и стр. 5 Записки Зарудnаго.

ляется рѣшенію судей юристовъ. Отсюда переходъ, чрезъ нашихъ «судебныхъ засѣдателей», къ европейскимъ присяжнымъ засѣдателямъ былъ такъ естественъ, что онъ подсказывался самъ собою. Придумывать непремѣнно что-то «свое», отличное отъ хорошо извѣстнаго и испробованнаго европейскаго суда присяжныхъ — значило бы впадать въ оригинальничанье, значило бы стучаться въ открытую дверь. Дѣятели 60-хъ годовъ были слишкомъ серьезные люди, чтобы носиться съ такою «пустою» претензію, къ которой, по замѣчанію В. С. Соловьева, сводится наша *внѣ-европейская и противо-европейская* самобытность [16]).

Главный аргументъ противъ присяжныхъ была развитость «вчерашняго раба», неразвитость народа, «котораго, по выраженію Я. И. Ростовцева, до освобожденія крестьянъ *не существовало*» [17]). Вотъ какъ возражаютъ на это «Соображенія» Государственной Канцеляріи: «конечно развитость народа имѣетъ

---

16) Націон. вопросъ въ Россіи, стр. VI.

— Наглядным предостереженіемъ противъ такого оригинальничанья quand même служитъ опытъ съ печальной памяти III отдѣленіемъ. Это самобытное учрежденіе должно было, на посрамленіе Европы, доказать, что и помимо раціональной судебной организаціи возможно водвореніе законности и правды. Назначеніемъ этого новаго не то свѣтскаго ордена, не то полицейскаго массонства, было, какъ разъясняла инструкція учредителя его гр. Бенкендорфа, „обращать вниманіе на безпорядки во всѣхъ частяхъ управленія; наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены людьми властными; внимать гласу страждущаго человѣчества и защищать беззащитнаго и безгласнаго гражданина“. Такимъ образомъ сіи новые Гарунъ-аль-Рашиды, тайно, но дѣятельно наблюдая за всѣми, должны были при помощи сердцевѣдѣнія и усмотрѣнія исполнять функціи, которыя въ другихъ странахъ и то не всегда хорошо выполняютъ судъ, адвокатура, печать и общественное мнѣніе. Хорошо извѣстно, во что превратилось это учрежденіе, которому ставилась столь высокая и совершенно ему непосильная задача. Привѣтствуя упраздненіе въ 1880 г. III отдѣленія, Катковъ между прочимъ писалъ: „Принадлежа къ той системѣ, которая отрицала всякую свободу жизни и уже потерпѣла свою силу, учрежденіе это вносило собою только *смуту* и *ложь* въ жизни при ея измѣнившихся условіяхъ“ (Моск. Вѣд. 1880, № 222). Объ оставленной незавидной памяти III отдѣленія можно судить уже по тому, что сочтено было невозможнымъ IV отдѣленіе переименовать III.

17) См. письмо Ростовцева къ Александру II; стр. 49 „Освобожденія крестьянъ“ Семенова.

не малое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и *совершенствуютъ общество*. Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятіе о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. Неразвитость нашего народа представляетъ основанія для *скорѣйшаго* введенія суда присяжныхъ, потому что такой именно народъ и нуждается *въ особыхъ* огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали. Нигдѣ можетъ быть историческая жизнь народа не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій замѣчаются чрезвычайно рѣзкія различія [18]).

Весьма подробно разобрали «юристы» государственной канцеляріи и то возраженіе, что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ. Судъ присяжныхъ, какъ одна изъ лучшихъ гарантій правосудія вообще, конечно имѣетъ и крупное политическое значеніе. «При отсутствіи правосудія,—говоритъ Лероа-Больe,—нѣтъ болѣе и просвѣщенной свободы, а при наличности правосудія, я полагаю, нѣтъ болѣе деспотизма или по крайней мѣрѣ тиранніи». Съ такой точки зрѣнія носитъ политическій характеръ не только судъ присяжныхъ, но и предположенныя графомъ Блудовымъ усовершенствованія правосудія въ родѣ сокращенія инстанцій, введенія состязательнаго процесса, не говоря уже о введеніи гласности, которая, по опредѣленію Н. А. Буцковскаго, «служитъ самымъ надежнымъ контролемъ для всякой общественной дѣятельности и *единственно прочною уздою* для удержанія общественныхъ дѣятелей въ предѣлахъ законности». Но не въ такомъ общемъ, а еще въ особомъ специфическомъ смыслѣ возражали и, смѣшно сказать, даже въ наши дни возражаютъ,—противъ суда присяжныхъ, ссылаясь на то, что это учрежденіе якобы революціонно-демократическое, несовмѣстное

[18]) См. т. XVIII „Дѣла о пр. суд. части“, стр. 39.

съ самодержавіемъ. Противъ такого-то фальшиваго освѣщенія предмета выдвинули «юристы» длинный рядъ соображеній, заимствованныхъ частью изъ исторіи суда присяжныхъ въ Англіи и въ другихъ странахъ Европы, частью изъ исторіи русскихъ судебныхъ учрежденій [19]).

IV.

Въ апрѣлѣ—іюлѣ 1862 г. «Главныя начала», выработанныя государственною канцеляріею, были разсмотрѣны соединенными департаментами государственнаго совѣта. Общее собраніе совѣта разсмотрѣло ихъ 27-го августа, 3-го и 4-го сентября 1862 г. Въ общемъ собраніи совѣта присутствовали: предсѣдатель кн. П. П. Гагаринъ и члены: великій князь Николай Николаевичъ, гр. В. Ѳ. Адлербергъ, гр. С. Г. Строгановъ, гр. В. В. Панинъ, (министръ юстиціи), кн. В. А. Долгоруковъ (шефъ жандармовъ), К. В. Чевкинъ, кн. А. М. Горчаковъ, Брокъ, Тымовскій, П. А. Мухановъ, Краббе, Донауровъ, Тройницкій, гр. П. А. Шуваловъ, Танѣевъ, Гасфортъ, баронъ М. А. Корфъ, Н. И Бахтинъ, А. С. Норовъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ, А. М. Княжевичъ, свѣтл. кн. А. А. Суворовъ, И. М. Толстой, Д. А. Милютинъ, А. В. Головнинъ, М. Х. Рейтернъ, П. А. Валуевъ, Гернгросъ, Хомутовъ, Анненковъ и А. С. Зеленый. Докладывалъ дѣло государственный секретарь В. П. Бутковъ. Судъ присяжныхъ и важнѣйшіе институты нашего новаго судебнаго права прошли *единогласно*. Въ защиту суда присяжныхъ сказалъ рѣчь, incredibile dictu! — самъ прозрѣвшій гр. Панинъ, заявившій, что «дѣйствительно независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ».

29-го сентября 1862 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе «Основныхъ началъ». По мысли С. И. Заруднаго, бывшаго, въ

---

[19]) См. записку Буцковскаго, стр. 44 — 53; записку Заруднаго, стр. 5—24, т. IX „Дѣла о преобраз. суд. части".

— Подобными же чисто-юридико-бытовыми и раціонально-научными соображеніями были мотивированы: несмѣняемость судей, независимость адвокатуры, упраздненіе сословности въ судахъ и установленіе:—равенства предъ закономъ, устности, состязательности, широкой гласности и другихъ основъ судебной реформы.

этой послѣдней стадіи реформы, настоящею душою и дѣла судебной реформы, Основныя Начала или Положенія были распубликованы въ *Собраніи узаконеній и распоряженій правительства* для того, чтобы вызвать всестороннее обсужденіе предстоящей судебной реформы.

Нечего и говорить, какое сильное и радостное впечатлѣніе произвели «Основныя положенія», обѣщавшія вполнѣ раціональное судоустройство. Цензоръ Никитенко, привѣтствуя съ умиленіемъ основныя начала судебной реформы, отмѣчаетъ въ своемъ Дневникѣ (см. выше эпиграфъ), что въ николаевскія времена за такія «мечты», можно было прослыть «сумасшедшимъ или политическимъ преступникомъ», и присовокупляетъ: «въ трудахъ по новому судопроизводству преобладала и преобладаетъ здравая либеральная партія». Самый фактъ опубликованія основныхъ началъ судебной реформы ихъ свидѣтельствовалъ о признаніи если не совершеннолѣтія, то нѣкоторой зрѣлости русскаго общества и русской неоффиціальной юриспруденціи. Чтобы дать понятіе о степени оживленія, вызваннаго распубликованіемъ «Основныхъ положеній», достаточно сказать, что при всей бѣдности Россіи юридическими силами, поступило 446 разныхъ замѣчаній со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая и самыхъ глухихъ закоулковъ Сибири и Закавказья. По мысли того же Заруднаго, который давно уже неуклонно преслѣдовалъ плодотворную идею о наибольшей огласкѣ матеріаловъ судебной реформы, всѣ поступившія «Замѣчанія» были отпечатаны и составили 6 большихъ томовъ *in folio*. Эти «Замѣчанія» судебныхъ практиковъ, профессоровъ и вообще приватныхъ юристовъ до нѣкоторой степени составляли въ судебной реформѣ суррогатъ участія мѣстныхъ силъ, на подобіе губернскихъ комитетовъ крестьянской реформы. О болѣе дѣятельномъ участіи ихъ, на которое намекалъ И. С. Аксаковъ въ *Днѣ*, пока нельзя было и думать, потому что даже земскія учрежденія еще только подготовлялись.

Съ распубликованіемъ «Основныхъ положеній судебнаго преобразованія» можно было считать дѣло судебной реформы почти уже выиграннымъ. Заложены были основы его и притомъ такъ послѣдовательно, твердо и умѣло, что вызвали и вызываютъ до сихъ поръ справедливое одобреніе со стороны не только

съ самодержавіемъ. Противъ такого-то фальшиваго освѣщенія предмета выдвинули «юристы» длинный рядъ соображеній, заимствованныхъ частью изъ исторіи суда присяжныхъ въ Англіи и въ другихъ странахъ Европы, частью изъ исторіи русскихъ судебныхъ учрежденій [19]).

IV.

Въ апрѣлѣ—іюлѣ 1862 г. «Главныя начала», выработанныя государственною канцеляріею, были разсмотрѣны соединенными департаментами государственнаго совѣта. Общее собраніе совѣта разсмотрѣло ихъ 27-го августа, 3-го и 4-го сентября 1862 г. Въ общемъ собраніи совѣта присутствовали: предсѣдатель кн. П. П. Гагаринъ и члены: великій князь Николай Николаевичъ, гр. В. Ѳ. Адлербергъ, гр. С. Г. Строгановъ, гр. В. В. Панинъ, (министръ юстиціи), кн. В. А. Долгоруковъ (шефъ жандармовъ), К. В. Чевкинъ, кн. А. М. Горчаковъ, Брокъ, Тымовскій, П. А. Мухановъ, Краббе, Донауровъ, Тройницкій, гр. П. А. Шуваловъ, Танѣевъ, Гасфортъ, баронъ М. А. Корфъ, Н. И Бахтинъ, А. С. Норовъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ, А. М. Княжевичъ, свѣтл. кн. А. А. Суворовъ, И. М. Толстой, Д. А. Милютинъ, А. В. Головнинъ, М. Х. Рейтернъ, П. А. Валуевъ, Гернгросъ, Хомутовъ, Анненковъ и А. С. Зеленый. Докладывалъ дѣло государственный секретарь В. П. Бутковъ. Судъ присяжныхъ и важнѣйшіе институты нашего новаго судебнаго права прошли *единогласно*. Въ защиту суда присяжныхъ сказалъ рѣчь, incredibile dictu! — самъ прозрѣвшій гр. Панинъ, заявившій, что «дѣйствительно независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ».

29-го сентября 1862 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе «Основныхъ началъ». По мысли С. И. Заруднаго, бывшаго, въ

---

[19]) См. записку Буцковскаго, стр. 44 — 53; записку Заруднаго, стр. 5—24, т. IX „Дѣла о преобраз. суд. части".

— Подобными же чисто-юридико-бытовыми и раціонально-научными соображеніями были мотивированы: несмѣняемость судей, независимость адвокатуры, упраздненіе сословности въ судахъ и установленіе: — равенства предъ закономъ, устности, состязательности, широкой гласности и другихъ основъ судебной реформы.

гой послѣдней стадіи реформы, настоящею душою и дѣла судеб-
ой реформы, Основныя Начала или Положенія были распубли-
ованы въ *Собраніи узаконеній и распоряженій правительства*
ія того, чтобы вызвать всестороннее обсужденіе предстоящей
удебной реформы.

Нечего и говорить, какое сильное и радостное впечатлѣніе
роизвели «Основныя положенія», обѣщавшія вполнѣ раціональ-
ое судоустройство. Цензоръ Никитенко, привѣтствуя съ умиле-
іемъ основныя начала судебной реформы, отмѣчаетъ въ своемъ
невникѣ (см. выше эпиграфъ), что въ николаевскія времена за
кія «мечты», можно было прослыть «сумасшедшимъ или политиче-
имъ преступникомъ», и присовокупляетъ: «въ трудахъ по новому
удопроизводству преобладала и преобладаетъ здравая либераль-
ая партія». Самый фактъ опубликованія основныхъ началъ судеб-
ой реформы ихъ свидѣтельствовалъ о признаніи если не совер-
еннолѣтія, то нѣкоторой зрѣлости русскаго общества и русской
еоффиціальной юриспруденціи. Чтобы дать понятіе о степени
живленія, вызваннаго распубликованіемъ «Основныхъ положе-
й», достаточно сказать, что при всей бѣдности Россіи юридиче-
кими силами, поступило 446 разныхъ замѣчаній со всѣхъ концовъ
оссіи, не исключая и самыхъ глухихъ закоулковъ Сибири и
акавказья. По мысли того же Заруднаго, который давно уже
еуклонно преслѣдовалъ плодотворную идею о наибольшей огласкѣ
атеріаловъ судебной реформы, всѣ поступившія «Замѣчанія» были
апечатаны и составили 6 большихъ томовъ *in folio*. Эти «За-
ѣчанія» судебныхъ практиковъ, профессоровъ и вообще при-
атныхъ юристовъ до нѣкоторой степени составляли въ судебной
еформѣ суррогатъ участія мѣстныхъ силъ, на подобіе губерн-
кихъ комитетовъ крестьянской реформы. О болѣе дѣятельномъ
частіи ихъ, на которое намекалъ И. С. Аксаковъ въ *Днѣ*,
ока нельзя было и думать, потому что даже земскія учрежденія
ще только подготовлялись.

Съ распубликованіемъ «Основныхъ положеній судебнаго пре-
бразованія» можно было считать дѣло судебной реформы почти
же выиграннымъ. Заложены были основы его и притомъ такъ
послѣдовательно, твердо и умѣло, что вызвали и вызываютъ
до сихъ поръ справедливое одобреніе со стороны не только

русскихъ, но и лучшихъ иностранныхъ юристовъ и публицистовъ [20]).

Оставалась еще трудная и сложная работа составленія новыхъ проектовъ Уставовъ, согласно Высочайше утвержденнымъ «Основнымъ Положеніямъ», но это была трудность чисто юридическая, техническая. Бодро и радостно взялись за дѣло лица, коимъ выпала счастливая доля послужить въ этомъ дѣлѣ родинѣ.

Для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ образована была при Государственной Канцеляріи коммиссія, къ которой привлечены были лучшія юридическія силы, начиная отъ сенаторовъ и профессоровъ и кончая присяжными стряпчими и слѣдственными приставами. Оффиціальнымъ предсѣдателемъ былъ назначенъ В. П. Бутковъ, но въ дѣйствительности всѣмъ дѣломъ руководилъ корифей всего дѣла С. И. Зарудный. Коммиссія раздѣлилась на три секціи. Въ составъ гражданской секціи входили: предсѣдатель С. И. Зарудный, члены: К. П. Побѣдоносцевъ, Н. В. Калачевъ, А. Ѳ. Бычковъ, С. П. Шубинъ, предсѣдатель курской гражданской палаты Шечковъ, товарищъ предсѣдателя екатеринославской палаты Гуринъ, А. П. Вилинбаховъ, А. А. Книримъ, Г. К. Рѣпинскій, кн. И. С. Волконскій, О. О. Квистъ и Баршевскій.

Уголовная секція состояла изъ предсѣдателя: Н. А. Буцков-

---

[20]) См. весьма сочувственный отзывъ извѣстнаго криминалиста Миттермайера въ журн. *Министерства Юстиціи*, 1864 г., № 10, а также книгу Лероа-Болье: „L'empire des Tzars", tome II.

— Говоря о началахъ, на коихъ построены Судебные Уставы (въ томъ числѣ и судъ присяжныхъ) министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ въ рѣчи своей 30 Апрѣля 1894 г. при открытіи коммиссіи по пересмотру Суд. Устав., выразился такъ: Это въ сущности общепризнанныя и наилучшія изъ всѣхъ до сихъ поръ выработанныхъ въ цивилизованномъ мірѣ ручательствъ того, что судебная истина будетъ обнаружена, что законъ будетъ точно примѣненъ и что каждый изъ судящихся получитъ по заслугамъ. Они составляютъ средній и, повидимому, безспорный итогъ всего того, до чего додумалось человѣчество въ сферѣ правосудія; они, кромѣ того, уже успѣли войти въ плоть и кровь страны, сдѣлались привычнымъ и дорогимъ достояніемъ нашего народа; они образуютъ охранительный, консервативный, если такъ можно выразиться, элементъ нашихъ судебныхъ порядковъ.

:каго и членовъ: П. А. Зубова, М. Е. Ковалевскаго, Я. Г. Есиповича, Любимова, Е. А. Перетца, губернскихъ прокуроовъ Попова и Принтца, проф. Н. И. Утина и А. М. Плавскаго.

Отдѣленіе судоустройства было подъ предсѣдательствомъ А. М. Плавскаго, въ составѣ членовъ: бар. Врангеля, П. Н. Даневскаго, Я. Г. Есиповича, Д. А. Ровинскаго и г. Принтца.

Закипѣла дружная работа! Съ неслыханною быстротою и образцовою обстоятельностью составлены были въ теченіе *11 мѣсяцевъ* проекты Учрежденія Судебныхъ Установленій и Устава Гражданскаго и Уголовнаго судопроизводствъ. Проекты сопровождались превосходными и обширными (1758 печатныхъ страницъ *in folio!)* объяснительными записками, составляющими доселѣ непревзойденныя *chef-d'oeuvre*'ы законодательнаго творчества.

Осенью 1863 г. коммиссія окончила возложенную на нее задачу, и проекты поступили на заключеніе II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи и министра юстиціи Д. Н. Замятнина. Послѣдній не только самъ доставилъ весьма цѣнныя замѣчанія, составляющія солидный томъ въ 500 страницъ *in folio*, но, вполнѣ сочувствуя либеральнымъ основамъ судебной реформы, потребовалъ еще замѣчаній на проекты отъ сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ [21]).

Въ декабрѣ 1863 года проекты Судебныхъ Уставовъ, вмѣстѣ съ поступившими на нихъ многочисленными замѣчаніями, переданы были на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Докладомъ дѣла руководилъ образцовый докладчикъ В. П. Бутковъ, пользуясь содѣйствіемъ С. И. Зарудnаго, Н. А. Буцковскаго и А. М. Плавскаго. Обсужденіе проектовъ, въ которомъ, по ходатайству министра юстиціи Д. Н. Замятнина, принималъ участіе и товарищъ его Н. И. Стояновскій (нынѣ предсѣдатель гражданскаго департамента государственнаго совѣта), шло весьма скоро и успѣшно. Объясняется это, во первыхъ, тѣмъ бодрымъ настроеніемъ, которое все еще господствовало въ то время въ обществѣ, хотя уже замѣчалось нѣкоторое разочарованіе послѣ событій 1863 года; во вторыхъ, тѣмъ, что вопросы были тща-

---

[21]) См. мою: „Страницу изъ исторіи судебной реформы". М. 1893. глава IV.

тельно разработаны и всесторонне освѣщены, такъ что Совѣту оставалось сдѣлать лишь немногое...

Впрочемъ, у руководителей судебной реформы, быть можетъ, была и особенная причина торопить дѣло. Они знали, какъ быстротечны у насъ либеральныя вѣянія и какъ быстро, послѣ непродолжительнаго подъема силъ, наступаетъ у насъ, особенно въ высшихъ сферахъ [22]), упадокъ энергіи. — Но пока еще дулъ по судебному вѣдомству сравнительно попутный вѣтеръ, и проекты, съ небольшими поправками и частичными измѣненіями, благополучно прошли какъ въ соединенныхъ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Въ соединенныхъ департаментахъ присутствовали князь Гагаринъ, принцъ П. Г. Ольденбургскій, Кочубей, Хомутовъ, Литке, Игнатьевъ, Бахтинъ, Замятнинъ, Мухановъ и Норовъ [23]). Въ общемъ собраніи присутствовали: кн. Гагаринъ, П. Г. Ольденбургскій, кн. А. Н. Горчаковъ, гр. Клейнмихель, гр. Адлербергъ, бар. Корфъ I-й, Танѣевъ, Гасфортъ, Княжевичъ, Игнатьевъ, Тымовскій, Толстой, Зеленой, Стояновскій, Кочубей, Литке, гр. Панинъ, Бахтинъ, Норовъ, кн. Суворовъ, Мельниковъ, Татариновъ, Мухановъ, Тройницкій, Мальцовъ, кн. Урусовъ, Краббе, Плутенъ, Брокъ, Мѣтлинъ, Гернгроссъ, Тройницкій и Рейтернъ, при государственномъ секретарѣ В. П. Бутковѣ [24]). 2-го октября было окончено разсмотрѣніе Судебныхъ Уставовъ; въ общемъ собраніи 2-го ноября были разсмотрѣны штаты и оклады судебныхъ чиновъ, и уже 20-го ноября того же года послѣдовала въ Царскомъ Селѣ Высочайшая санкція и знаменитый указъ правительствующему сенату отъ того же числа, повелѣвшій распубликовать Судебные Уставы во всеобщее свѣдѣніе.

«По вступленіи на пророднтельскій престолъ, такъ начинается указъ, однимъ изъ первыхъ Нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ манифестѣ 19-го марта 1856 г., было: «правда и милость да царствуетъ въ судахъ». Съ того времени, среди другихъ преобразованій народной жизни, Мы не переставали

[22]) См. въ н. с. Лероа-Больс письмо Самарина, стр. 87.

[23]) См. т. II Дѣло о преобр. губ. земст.

[24]) См. т. LXIX „Дѣла о преоб. суд. ч. въ Россіи“.

гиться о достиженіи упомянутой цѣли». Сославшись за-
на тѣ многостороннія предварительныя работы, кото-
предшествовали составленію проектовъ Судебныхъ Уста-
, указъ въ слѣдующихъ краткихъ, но сильныхъ выра-
ихъ очерчиваетъ ихъ сущность: «разсмотрѣвъ сіи про-
, Мы, говоритъ Императоръ Александръ II, находимъ, что
вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Рос-
судъ *скорый*, *правый*, *милостивый*, *равный* для всѣхъ
анныхъ нашихъ, *возвысить* судебную власть, дать ей на-
ащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то
женіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благо-
ояніе и которое должно быть *постояннымъ руководителемъ*
и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

мятныя слова, заслуживающія того, чтобы ихъ заучивала
дежь наизусть, подобно тому какъ въ Римѣ заучивались
ина XII таблицъ!!

казъ заканчивается въ слѣдующихъ выраженіихъ: «Призы-
благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого *великаго* дѣла,
радостно выражаемъ надежду, что намѣренія Наши осуще-
гся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ вѣрноподданныхъ,
каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ
совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства, нынѣ,
олѣ Нашей, на *новыхъ* началахъ образуемаго»...

ково было происхожденіе этого великаго законодательнаго
, «истекающаго, какъ вѣрно замѣчено его авторами, не отъ
звола, а отъ началъ истины и справедливости въ той сте-
, въ какой они выработаны наукою и опытомъ» [25]), акта,
рый, по мѣткому замѣчанію В. П. Безобразова, «есть за-
дательный и вмѣстѣ съ тѣмъ *умственный* памятникъ, дол-
твующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею
ью нашего времени» [26]). И что тутъ нѣтъ національнаго
обольщенія, тому лучшее доказательство — отзывы иностран-
ь. Такъ Лероа-Болье, отдавая должную справедливость тру-
ь дѣятелей судебной реформы, умѣло заимствовавшимъ все

) См. предисловіе къ Суд. Устав., изд. государ. канцеляріи, 1886 г.,
III.

) *Русск. Вѣстн.*, 1866 г., № 10.

лучшее изъ иностранныхъ законодательствъ, поясняетъ и причину сравнительно большаго успѣха судебной реформы, при чемъ развиваетъ тѣ же мысли, которыя въ 1860 году высказывалъ М. Н. Катковъ о необходимости радикальной реформы судовъ (см. выше § 1). «Если, говоритъ г. Лероа-Болье, судебная реформа была задумана и осуществлена шире, чѣмъ другія реформы Александра II, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что она имѣетъ основаніемъ не эмпирическія данныя и минутныя соображенія, *а общія идеи*, усвоенныя всѣми новыми націями, и практику наиболѣе цивилизованныхъ государствъ» [27]).

Спустя нѣсколько лѣтъ по введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, въ 1870 году проф. каноническаго права московскаго университета Н. К. Соколовъ такъ опредѣлялъ громадное культурное значеніе судебной реформы 1864 г. «Судъ, основанный на твердыхъ началахъ, писалъ онъ, независимый отъ внѣшнихъ и случайныхъ вліяній и пользующійся общественнымъ довѣріемъ, есть, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ величайшихъ благодѣяній, какое только можетъ доставить государство своему гражданину. Не говоримъ здѣсь о внѣшнихъ преимуществахъ, о практической пользѣ, которую можетъ доставить правильно устроенный судъ, обезпечивая гражданина въ справедливомъ пользованіи всѣми его правами и предоставляя ему всѣ средства къ огражденію и возстановленію—эта сторона очевидна для всякаго, но она еще не самая важная. *Важнѣе*, по нашему мнѣнію, то нравственно—*воспитанное* вліяніе, какое оказываетъ такой судъ на общество. Онъ воспитываетъ какъ власть, представляющую собою правосудіе и служащую для него органомъ, такъ и *всѣхъ членовъ общества*, прибѣгающихъ къ содѣйствію правосудія и со стороны наблюдающихъ за его отправленіями. Въ этомъ отношеніи вліяніе суда, быть можетъ, еще могущественнѣе, чище и нравственно выше на послѣднюю группу *простыхъ наблюдателей*, нежели на первую, матеріально заинтересованную въ отправленіяхъ правосудія. Развивая въ нихъ чувство *законности*, *правды и уваженія къ личности и инт*

---

27) L'empire des Tsars, II, 291.

ресамъ другихъ, судъ въ то же время возвышаетъ собственное личное самосознаніе и достоинство, *воспитываетъ увѣренность и энергію личной дѣятельности* во многихъ случаяхъ, когда отсутствіе прочныхъ гарантій могло бы совершенно парализовать ее. Фактъ не новый и легко наблюдаемый, что въ томъ обществѣ, которое пользуется благодѣяніями раціонально устроеннаго правосудія, дѣятельность частныхъ лицъ гораздо свободнѣе, энергичнѣе, открытѣе, бодрѣе; человѣкъ какъ-то правильнѣе и свободнѣе движется въ тѣхъ предѣлахъ, внутри которыхъ поставлена его служебная или частная дѣятельность. Напротивъ, *безличность*, *задавленность*, *вялость* и отсутствіе всякой энергіи, наклонность выбирать окольные пути, вмѣсто прямой дороги, къ совершенно ясной цѣли, боязнь, часто безпричинно убивающая живую и свободную дѣятельность, и, наконецъ, затемнѣніе въ понятіяхъ и жизни самыхъ представленій о правомъ и неправомъ, о законномъ и незаконномъ и образованіе цѣлой, системы *условныхъ правъ*, условныхъ законовъ, допускающихъ различныя изъятія и нарушенія— вотъ явленіе, обыкновенно наблюдаемое въ тѣхъ обществахъ, гдѣ правосудіе находится въ рукахъ произвола и не имѣетъ строго опредѣленныхъ основаній и гарантій» [28]).

Таково было колоссальное значеніе изданія Судебныхъ Уставовъ!

---

[28]) См. статью Н. Соколова «О началахъ и формахъ духовнаго суда», стр. 21—3 *Православнаго Обозрѣнія* 1870, № 5.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Предтечи гласнаго суда.

(Апрѣль—октябрь 1865—1890 гг.).

Избави насъ, Боже, отъ всякой вещи, во тьмѣ преходящей!

М. Катковъ.

I.

Начало нашего новаго гласнаго судопроизводства обыкновенно принято относить ко времени открытія новыхъ судебныхъ учрежденій, дѣйствующихъ на основаніи Судебныхъ Уставомъ 20-го ноября 1864 г. Такой счетъ не совсѣмъ правиленъ. Гласный судъ, т. е. публичное судоговореніе, начался у насъ еще въ старыхъ учрежденіяхъ, въ силу закона 11-го октября 1865 г. перенесшаго туда нѣкоторыя начала новаго процессуальнаго строя и въ томъ числѣ гласность.

Но еще ранѣе изданія этого закона, весною 1865 г., *впервые* [1])

---

[1]) Впрочемъ, въ интересахъ исторической точности слѣдуетъ отмѣтить, къ чести Редакціонной Коммиссіи, что начатки гласности впервые введены были ею въ Полож. о крест. (Ст. 57 Полож. о губерн. и уѣздн. присут.). Но гласность, какъ и другія либеральныя начала Положенія 19-го февраля (такъ, напр., несмѣняемость мировыхъ посредниковъ) была фактически упразднена, благодаря тому систематическому извращенію духа освободительной хартіи, которое практиковалось при П. А. Валуевѣ (см. выше главу V, § 2). Уже осенью (1862) С. С. Громека писалъ въ *Отечест. Запискахъ:* «само правительство установило гарантіи въ видѣ гласности, а между тѣмъ и публичность, и гласность исчезли

блика ознакомилась съ гласнымъ процессомъ въ военныхъ *левыхъ* судахъ, которые учреждались, въ силу особыхъ Высочайшихъ повелѣній, по дѣламъ особой важности [2]). Первый такой судъ происходилъ въ апрѣлѣ 1865 года въ Новгородѣ для сужденія четырехъ лицъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ овы надв. совѣтн. Лейтенфельдъ. Въ тогдашнихъ газетахъ я находимъ очень мало данныхъ, могущихъ возстановить ходъ обстановку *перваго* гласнаго процесса. Изъ *Петербургскихъ вѣдомостей* мы узнаемъ только, что разбирательство происходило въ крайне неудобномъ помѣщеніи уѣзднаго суда, что публики набралось въ судѣ очень много, но что въ залъ засѣданія скали только «въ мундирахъ». Всѣ четверо подсудимыхъ были иговорены къ разстрѣлянію.

Гораздо больше подробностей сохранилось *о первомъ гласномъ юцессѣ*, разбиравшемся *въ Москвѣ* 29-го мая 1865 г. Онъ кже имѣлъ мѣсто въ *военно-полевомъ судѣ*. Суду его, по Высочайшему повелѣнію, были преданы временно-отпускной солдатъ Комаровъ и крестьяне Черемухинъ и Щукинъ по обвиненію въ убійствѣ и ограбленіи кабатчика Подшивалова и его овы и нанесеніи смертельныхъ ранъ тремъ его дочерямъ.

Полный стенографическій отчетъ по этому дѣлу, составленный учениками А. Н. Артоболевскаго, мы находимъ въ *Современной Лѣтописи* [3]). Засѣданіе происходило въ бывшей гостиницѣ «Европа», на Солянкѣ, въ помѣщеніи управленія мѣстныхъ войскъ. Стеченіе публики было громадное. Судъ на-

---

нетро, яко исчезаетъ дымъ всякаго русскаго либерализма».—См. № 11, стр. 7). — На Кавказѣ гласное судоговореніе, по межевымъ дѣламъ, открыто было въ 1862 г. - (См. ниже XIX гл. § «Е. П. Старицкій»).

[2]) До изданія Судебныхъ Уставовъ преданіе военному суду за общегражданскія преступленія было явленіемъ обычнымъ. Помимо дѣлъ, переданныхъ военному суду по особымъ повелѣніямъ, Сводъ Законовъ допускалъ до 40 случаевъ передачи дѣлъ военному суду. Судебные Уставы отмѣнили этотъ порядокъ, исходя изъ того соображенія, что всякія спеціальныя комиссіи, назначаемыя для суда по извѣстному дѣлу, вызываютъ основательное недовѣріе (см. стр. 25 — 28, т. XVIII Дѣла о преобраз. суд. части, а также главу XIII моихъ «Основъ судебной реформы»).

[3]) См. № 22 іюня 1865.

чался въ 2 часа. Предсѣдательствовалъ полковникъ Святогоръ-Штепинъ, обвинялъ Л. Л. Цвиленевъ, защищалъ кандидатъ правъ А. В. Зоринъ.

Судоговореніе началось обвинительною рѣчью прокурора, который, какъ гласитъ отчетъ, произнесъ обвиненіе мѣрнымъ и стройнымъ голосомъ. Небольшая стычка между сторонами произошла въ то время, когда прокуроръ сталъ показывать «публикѣ» (sic) шкворень, найденный въ избѣ одного изъ подсудимыхъ...

Защитникъ. Шкворень, находящійся въ судѣ, не тотъ самый, которымъ совершено преступленіе.

Прокуроръ. Шкворень на подобіе этого.

Подс. Черемухинъ. Это не тотъ шкворень.

Прок. На подобіе.

Черемухинъ. Тотъ мы бросили.

Прок. Ну да, подобный этому, я говорю.

Затѣмъ начался допросъ подсудимыхъ, при чемъ предсѣдатель говорилъ съ ними на *ты*.

Черемухинъ, сознавшійся на предварительномъ слѣдствіи, сталъ рѣшительно отрицать свою виновность. На вопросъ прокурора, почему онъ прежде давалъ другое показаніе, Черемухинъ отвѣчалъ: ваше благородіе! слѣдователь Щелкаловъ билъ на слѣдствіи два раза, схватилъ ножъ и замахнулся на меня.

Предс. Ну, хорошо, а вы не сговаривались съ Комаровымъ?

Черемухинъ. Съ Комаровымъ?

Предс. Да, да.

Черемухинъ. Съ нимъ... я... нѣтъ... не могу знать.

Предс. (Обращаясь къ священнику). Позвольте попросить васъ, батюшка, сказать преступнику (sic!), что нераскаяніе есть одинъ изъ тягчайшихъ грѣховъ.

Священникъ, надѣвъ эпитрахиль и взявъ крестъ и Евангеліе, началъ увѣщевать тихимъ голосомъ.

Черемухинъ. Ей Богу, батюшка, такихъ дѣловъ не дѣлалъ. Никто во всей деревнѣ на меня не пожалится; кажется, курицы не обидѣлъ. Что я сказалъ правду, вотъ вамъ, коли хотите, и крестъ Христовъ, и святое Евангеліе. А я знать ничего не знаю и невиноватъ, вотъ что!...

Энергическая защита и неожиданное упорное запирательство подсудимаго, повидимому, произвели и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и на публику сильное впечатлѣніе.

Между прокуроромъ и защитникомъ начался слѣдующій любопытный діалогъ.

Прокуроръ. Что вы думаете г. защитникъ о такомъ запирательствѣ преступника?

Защитникъ. Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ. Сознаться или не сознаться за подсудимыхъ я не могу, — это дѣло ихъ самихъ.

Прок. Однако объясненіе этого запирательства необходимо. Вы *видѣлись* съ подсудимымъ въ мѣстахъ заключенія и читали самое дѣло...

Черемухинъ. Я говорю, какъ передъ смертью.

На этомъ заканчивается допросъ Черемухина; его уводятъ и водятъ въ залъ Комарова. Онъ сознается, но сваливаетъ главную вину на другихъ подсудимыхъ.

Защитн. Это сознаніе подкрѣплено обстоятельствами дѣла прежнимъ показаніемъ Черемухина.

Свящ. Что тебя принудило быть участникомъ въ убійствѣ?

Комаровъ. Я сознаюсь какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, батюшка. Я рѣшился обворовать Подшивалова, но намѣренія убить не имѣлъ.

Вводятъ третьяго подсудимаго Щукина. Щукинъ также запирается и объясняетъ возбужденіе обвиненія наущеніемъ «злодѣяго» шурина своего. На увѣщанія священника, онъ отвѣчаетъ: «ну, что же поцѣлую... вѣдь и у насъ есть батьки» (съ наглостью хватаетъ и цѣлуетъ крестъ). На замѣчаніе предсѣдателя, что крестьяне не одобрили поведенія подсудимыхъ, Щукинъ скороговоркою отвѣчаетъ; помилуйте, гг. сенаторы! крестьяне говорятъ по злобѣ, потому что я не попалъ въ рекруты. Ваше благородіе, войдите въ мое положеніе и гражданскій (губернаторъ) князь Оболенскій...

Прокур. (Перебивая его). Это не идетъ къ дѣлу.

Защитн. Дайте ему говорить, можетъ и договорится до чего-нибудь. Запрещать подсудимому оправдываться нельзя.

Прокур. Это не есть запрещеніе, а оцѣнка выслушаннаго

Щукинъ. Князь гражданскій Оболенскій, губернаторъ, сказалъ мнѣ: «въ Богородскѣ не возьмутъ, а въ Москвѣ я самъ буду, а съ тобой языкъ будетъ»...

Прокур. Зачѣмъ ты путаешься?

Щукинъ. Зачѣмъ? Потому что, гг. сенаторы, крестьяне по злобѣ показали, и проч. На этомъ окончился допросъ подсудимыхъ. Свидѣтелей не допрашивали.

Защитн. (Взволнованнымъ голосомъ) началъ свою рѣчь такъ: «Сами обстоятельства разсказаннаго дѣла такъ отчетливо представили суду и *публикѣ* картину страшнаго злодѣянія, а г. прокуроръ такъ убѣдительно вывелъ свои обвиненія, что въ глубинѣ совѣсти каждаго изъ присутствующихъ уже составлено убѣжденіе въ безусловной виновности подсудимыхъ».

Затѣмъ защитникъ старался предостеречь судей отъ увлеченія и, выяснивъ роль каждаго изъ подсудимыхъ, находилъ, что не всѣ они одинаково виновны. Указывая на то, что показаніе маленькой дѣвочки Тани служитъ главнымъ базисомъ обвиненій, защитникъ замѣтилъ, что «хотя младенецъ и не можетъ солгать,—ложь есть принадлежность взрослыхъ,—но дѣвочка могла ошибиться въ своихъ показаніяхъ». Закончилъ защитникъ свою рѣчь слѣдующими словами: «помните, что примѣненіе страшнаго наказанія ко всѣмъ тремъ преступникамъ будетъ болѣе, нежели несправедливо, будетъ тяжкій грѣхъ; вспомните несчастные процессы невинно-казненныхъ; вспомните «послѣдній день» Виктора Гюго, когда осужденный на смертную казнь любуется во время чтенія приговора солнечнымъ зайчикомъ, играющимъ на стѣнѣ тюрьмы; вспомните, что заточеніе въ рудникахъ тяжелѣе моментальнаго страданія. Не отнимайте у общества три рабочія единицы; въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи, они все-таки будутъ ему полезны; не отнимайте у подсудимыхъ возможность раскаяться въ своемъ преступленіи передъ Богомъ и людьми». При послѣднихъ словахъ арестанты бросились съ воплемъ на колѣни. «Пожалѣйте насъ, несчастныхъ,—вопили они,—и войдите въ наше горемычное положеніе».

Публика, не привыкшая къ сценамъ публичнаго суда, была потрясена этимъ эпизодомъ и выразила свое сочувствіе къ рѣчи

защитника громкими рукоплесканіями, которыя, впрочемъ, были прекращены по первому слову предсѣдателя.

Судъ приговорилъ всѣхъ троихъ къ *разстрѣлянію*.

Описанный процессъ и раздавшіеся апплодисменты произвели въ обществѣ сенсацію. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилось письмо, въ которомъ ставилось на видъ защитнику, что онъ не долженъ былъ стремится вліять на чувства судей, не имѣвшихъ по закону полеваго судопроизводства даже права допускать смягчающія обстоятельства и поставленнаго между дилеммою оправданія или присужденія къ смертной казни.

Редакціонная статья *Московскихъ Вѣдомостей* [1]), не вполнѣ раздѣляя точку зрѣнія автора письма, однако сочла нужнымъ указать на существованіе двухъ типовъ адвокатуры—французской и англійской. Отдавши всѣ свои симпатіи послѣдней, отличающейся дѣловитостью и свободой отъ риторики, статья приходила къ заключенію, что наша адвокатура должна бы идти по стопамъ англійской, способствовать правильному приложенію закона. Нельзя, однако, не замѣтить, что совершенно упуская изъ виду въ этихъ нотаціяхъ условія дѣятельности англійскаго суда и военно-полеваго суда. Тогда какъ первый отъ смертной казни можетъ переходить почти къ полному оправданію, полевой судъ не можетъ дать снисхожденія. Къ чему же! при такихъ условіяхъ, сводится роль защиты?

II

Въ 1865 году было еще нѣсколько гласныхъ процессовъ военно-полеваго суда, но мы касаться ихъ не будемъ и перейдемъ къ гласности въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ она введена была закономъ 11-го октября 1865 г., и изъ явленія случайнаго превратилась въ правильное, постоянное.

Когда въ правительственныхъ сферахъ окончательно возпреобладала мысль о невозможности одновременнаго введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года во всей Европейской Россіи, то было признано необходимымъ

[1]) 1866 г., № 13.

хоть нѣсколько обновить и освѣжить прогнившее зданіе стараго суда. Съ этою цѣлью было рѣшено ввести въ нашъ старый процессъ нѣкоторые элементы судебной реформы, и въ томъ числѣ устность и гласность. Таковы мотивы, приведшіе къ изданію такъ называемыхъ «облегчительныхъ» правилъ 11-го октября 1865 г., дѣйствующихъ и понынѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ не открыты еще новые суды.

Вслѣдъ за изданіемъ этихъ правилъ были разосланы министромъ юстиціи, Д. Н. Замятнинымъ, составленныя имъ правила о порядкѣ допущенія постороннихъ лицъ къ присутствію при докладѣ въ судебныхъ мѣстахъ. Содержаніе этихъ правилъ таково Предсѣдатель судебнаго мѣста, соображаясь съ обширностью и удобствомъ помѣщенія, опредѣляетъ, какое число лицъ можетъ быть допущено въ присутственную комнату, о чемъ вывѣшивается объявленіе въ пріемной комнатѣ. Публика допускается по билетамъ или безъ билетовъ, по усмотрѣнію предсѣдателя. До чего былъ великъ страхъ предъ новымъ обрядомъ гласности, можно судить по тому, что предсѣдателю предоставлялось для предупрежденія безпорядковъ требовать отъ публики, получающей билеты, росписки въ книгѣ.

Съ октября 1865 года сталъ функціонировать *впервые нашъ гласный судъ* гражданскаго вѣдомства. Въ этотъ день происходило въ Петербургѣ засѣданіе первыхъ трехъ департаментовъ сената въ присутствіи министра юстиціи Д. Н. Замятнина и его товарища Н. И. Стояновскаго. Первыми опытами гласности публика очень мало интересовалась: на помянутое засѣданіе общаго собранія явилось «наибольшее число лицъ», а это число было 20, въ другихъ департаментахъ бывало отъ 5 до 10. Впрочемъ, и число мѣстъ, отведенныхъ для публики, было крайне ограничено; такъ, въ общемъ собраніи было всего 20 мѣстъ.

Журналъ Министерства Юстиціи, какъ бы не доумѣвая предъ равнодушіемъ публики, старался объяснить его недостаточнымъ знакомствомъ публики съ открытіемъ гласнаго суда [5]). И дѣйствительно, въ послѣдующіе дни число посѣтителей въ депар-

---

5) См. *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1865 г., № 9, стр. 203.

таментахъ с.-петербургской уголовной палаты доходило до 70, а въ харьковской палатѣ дошло до 300. Вообще, въ провинціи гласное судопроизводство произвело, повидимому, большую сенсацію, благодаря пустотѣ провинціальной жизни... Такъ, изъ Екатеринослава писали въ *Журналъ Министерства Юстиціи*, что 1-го декабря, когда слушалось одно интересное дѣло, посѣтителей собралось такъ много, что должны были отворить дверь въ переднюю, чтобы могли слушать столпившіеся тамъ посѣтители (въ томъ числѣ и дамы), и многіе должны были возвратиться домой по недостатку мѣста...

Первыя адвокатскія рѣчи произвели благопріятное впечатлѣніе. Оффиціальный *Журналъ Министерства Юстиціи* констатировалъ фактъ, что наша адвокатура не впадаетъ въ недостатки французской и приближается къ англійскому образцу, заботясь о дѣльности рѣчей, а не о цвѣтахъ краснорѣчія.

На подсудимыхъ гласное судоговореніе производило довольно сильное впечатлѣніе. Въ противоположность вышеприведеннымъ образчикамъ упрямаго запирательства на военно-полевомъ судѣ, предсѣдатель екатеринославской уголовной палаты свидѣтельствуетъ, что «хотя подсудимые и утверждали прежнія показанія, но въ отвѣтахъ ихъ замѣтны были нерѣшительность и смущеніе, при чемъ они искоса посматривали на публику» [6]).

Первые шаги гласности произвели на общество очень сильное впечатлѣніе. Какъ ни совершенны были формы нашего стараго судопроизводства, все же оно нѣсколько улучшилось подъ освѣжающимъ вліяніемъ гласности. Съ первыхъ же мѣсяцевъ стало замѣтно ускореніе движенія дѣлъ; исконное недовѣріе къ суду, вызванное канцелярскою тайною, стало ослабѣвать; послѣ рутины, буквоѣдства и жестокости стали проникать въ судъ болѣе здравыя и гуманныя начала. Словомъ, преимущества гласнаго судопроизводства сразу и наглядно для всѣхъ обнаружились, и русское общество съ радостнымъ нетерпѣніемъ стало ожидать открытія *настоящаго* гласнаго суда, которое уже было не за горами...

---

[6]) *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1865, № 12, стр. 637.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Петербургѣ.

(Справка къ 17-му апрѣля 1866—91 гг.).

Всякій чувствуетъ, что безъ новаго суда невозможна никакая безопасность, и всякій ожидаетъ его, какъ манны небесной.

А. В. Никитенко.

I.

Съ утвержденіемъ образцовыхъ [1]) Судебныхъ Уставовъ самая главная задача судебной реформы была разрѣшена. Оставалось обсудить порядокъ ихъ введенія въ дѣйствіе. Несмотря на сравнительно второстепенное значеніе этой стадіи дѣла, она заняла довольно много времени — безъ малаго годъ, что особенно бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что сами Судебные Уставы составлены были почти въ $2^1/_2$ года (январь 1862 — ноябрь 1864 г.). При обсужденіи означеннаго вопроса

---

[1]) Читалъ, заноситъ 5-го декабря 1864 г. въ свой Дневникъ проф. Никитенко, обнародованные на дняхъ законы о судахъ. Вотъ великолѣпный монументъ нашего времени! Дѣло это станетъ рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Между тѣмъ, о немъ, за исключеніемъ небольшаго круга непосредственно соприкасающихся съ этимъ дѣломъ, очень мало говорятъ и думаютъ въ обществѣ. Какая нибудь журнальная сплетня производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ это *безсмертное* дѣло. Я пробовалъ заговорить объ этомъ хоть съ нѣкоторыми изъ товарищей по академіи, но нашелъ мало сочувствія (Русск. Стар., 1891, № 5, стр. 420).

порядкѣ введенія судебной реформы пришлось считаться съ практическими затрудненіями и возраженіями, подъ которыми, прочемъ, лежало довольно важное теоретическое разномысліе.

Одно направленіе — представителемъ его былъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. П. П. Гагаринъ — высказывалось за одновременное и повсемѣстное введеніе судебной реформы, а съ постепеннымъ увеличеніемъ состава судовъ; другой взглядъ — представителемъ его былъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ — высказывался за введеніе реформы, въ видѣ опыта, въ одномъ или въ двухъ округахъ, но въ полномъ объемѣ.

Императоръ Александръ II, заслушавъ оба мнѣнія въ Совѣтѣ министровъ, повелѣлъ 12-го января 1865 года образовать для выработки окончательнаго плана введенія судебной реформы коммиссію подъ предсѣдательствомъ того же В. П. Буткова, который стоялъ во главѣ коммиссіи, составлявшей проекты Судебныхъ Уставовъ [2]). Въ составъ этой *второй* Бутковской коммиссіи вошли знаменитые дѣятели судебной реформы: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, А. М. Плавскій, а также юристы: Е. А. Зубовъ, Я. Г. Есиповичъ, М. Е. Ковалевскій, О. И. Квистъ, Е. Г. Принтцъ, Г. К. Рѣпинскій и А. А. Книримъ.

На дѣятельности коммиссіи отразилось дѣйствіе обычнаго въ нашей государственной и общественной жизни явленія: послѣ кратковременнаго лихорадочнаго возбужденія, поражающаго иной разъ громадными своими результатами, наступаетъ быстрое охлажденіе, упадокъ энергіи, если не преждевременное разочарованіе. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Члены коммиссіи отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ либеральнымъ основамъ Судебныхъ Уставовъ, но по вопросу о времени и порядкѣ введенія ихъ мнѣнія раздѣлились на двѣ группы — на радикальную и умѣренную.

Къ послѣдней принадлежало большинство коммиссіи, и оно отстаивало мнѣніе министра юстиціи Д. Н. Замятнина, который считалъ, въ виду новости дѣла, возможнымъ лишь постепенное введеніе Уставовъ въ видѣ опыта, начавъ съ столичныхъ су-

---

[2]) См т. LXV „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ № 12, стр. 12 и слѣд.

дебныхъ округовъ. Меньшинство же (въ составъ его входили: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, О. И. Квистъ) полагало необходимымъ единовременное введеніе новыхъ судебныхъ установленій на всей территоріи Европейской Россіи, съ тѣмъ чтобы персоналъ ихъ пополнялся постепенно, по мѣрѣ накопленія дѣлъ въ судебныхъ округахъ.

Считая невозможнымъ передавать всѣ подробныя соображенія, приведенныя обѣими сторонами въ пользу ихъ плана, познакомимъ съ нѣкоторыми доводами меньшинства. Стремленіе къ опыту, говритъ оно, положительно вредно, какъ потому, что въ настоящее время не опытъ нуженъ, а введеніе Уставовъ въ дѣйствіе, такъ и потому, что опытъ, устроенный на невѣрныхъ началахъ, приводитъ къ фальшивымъ выводамъ и пагубнымъ результатамъ. Судебные Уставы это—*цѣльная, живая органическая сила*, которая можетъ обнаружить свое значеніе и желаемое дѣйствіе только въ цѣльной, а не въ разрозненной части Россіи. При опытѣ въ разрозненныхъ мѣстностяхъ можно придти къ отмѣнѣ если не всего лучшаго, что есть въ Уставахъ, то многаго. Если по финансовымъ соображеніямъ нельзя повсемѣстно ввести Судебные Уставы, то, по мнѣнію меньшинства, лучше бы вовсе отложить введеніе ихъ.

На самомъ дѣлѣ финансовыя соображенія, повидимому, служили лишь благовиднымъ флагомъ, подъ которымъ скрывалось скорѣе преждевременное охлажденіе къ судебной реформѣ, подъ вліяніемъ реакціи, особенно усилившейся послѣ событій 1863 г.[3]). На это указываетъ прежде всего то обстоятельство, что при осуществленіи плана меньшинства требовался расходъ гораздо меньшій, нежели тотъ, который былъ предположенъ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1862 г., при разсмотрѣніи основныхъ началъ судебной реформы. Въ 1862 г. совѣтъ находилъ, что

---

[3]) 17-го іюня 1865 г. акад. Никитенко, въ числѣ другихъ признаковъ реакціи, отмѣчаетъ въ Дневникѣ: говорятъ, что судебная реформа откладывается въ длинный ящикъ. А между тѣмъ ею возбуждена томительная жажда. Всякій чувствуетъ, что безъ нея невозможна никакая безопасность, и всякій ожидаетъ ее какъ *манны небесной*. Но административная или *бюрократическая сила не хочетъ выпустить власти* изъ своихъ рукъ (Русск. Стар., 1891. № 6. стр. 652).

на судебную реформу нужно ассигновать до 9 милліоновъ и разсуждалъ такъ: «*никакая цифра* не должна останавливать введенія въ дѣйствіе судебнаго преобразованія, безусловная важность и безотлагательная потребность котораго не подлежитъ сомнѣнію и давно уже признана правительствомъ» [1]); а въ 1865 г. даже проектируемый трехмилліонный расходъ на открытіе новаго суда встрѣчалъ возраженіе. Что въ данномъ случаѣ главную роль игралъ именно страхъ передъ «радикализмомъ» [2]) судебной реформы, «предъ невозможностью справиться съ учрежденіями, заимствованными изъ иностранныхъ законодательствъ», это видно также и изъ заключенія министра финансовъ Рейгерна, который на-ряду съ финансовыми затрудненіями и чуть не съ большею настойчивостью указывалъ на затруднительность пріисканія достаточнаго числа лицъ даже для замѣщенія судебныхъ должностей въ двухъ округахъ [3]).

Въ виду этого, меньшинство коммиссіи сочло себя вынужденнымъ еще разъ коснуться тѣхъ возраженій, которыя приводились раньше, въ 1862 г., противъ плана радикальной судебной реформы и устранены были тогда же. Противъ довода, что общество не подготовлено, приводилось слѣдующее соображеніе: если законодательныя предположенія правильны, то они *благовременны*: трудно думать, чтобы люди гдѣ-нибудь и когда-нибудь были приготовлены къ дурному и были не зрѣлы для хорошаго. Разумный законъ, разсуждаетъ меньшинство, никогда не сдѣлаетъ зла. Можетъ быть, по какимъ либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона новаго онъ не будетъ исполненъ согласно съ истиннымъ его смысломъ; но гораздо вѣро-

---

[1]) т. XIX «Дѣла о преоб. суд. част., Журн. Госуд. Совѣта, 1862 г.; № 65, стр. 336—367.

[2]) Многіе думаютъ, писалъ М. Н. Катковъ въ защиту радикализма, что правило благоразумія требуетъ не *вдругъ* заводить хорошее, но по немножку, по частямъ. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиться и принести пользу только тогда, когда взяты ея начала *во всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Важны не разрозненныя части системы, важенъ *жизненный духъ ея*, *важны ея начала* (Русск. Вѣст. 1860, № 2).

[3]) См. т. *LXIX* н. д., стр. 36, оконч. сообр. коммиссіи.

ятнѣе, что онъ тотчасъ же глубоко пуститъ свои корни (какъ извѣстно, эта оптимистическая вѣра вполнѣ оправдалась, въ особенности относительно суда присяжныхъ) и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства.— Иные патріоты даже въ наше время поднимаютъ на смѣхъ этотъ «оптимистическій и идеалистическій» взглядъ и съ иронією указываютъ на возможность примѣненія современнаго европейскаго строя къ «дикарямъ» Дагестана [7]). Но «легкомысленные» либералы судебной реформы не были такими плохими патріотами, чтобы русскій народъ приравнивать къ «дикарямъ».

Опасеніе затрудненій въ приложеніи Судебныхъ Уставовъ,— говорили ихъ составители,—неосновательно, такъ какъ Уставы эти основаны на началахъ, выработанныхъ не одною только теоріею, но и опытомъ *всею образованнаго человѣчества*. Опасеніе непримѣнимости этихъ началъ къ нашей общественной жизни столь же немыслимо, какъ и сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ *общечеловѣческія способности и потребности* [8]).

Затѣмъ, переходя къ обсужденію вопроса, дѣйствительно ли невозможно повсемѣстное введеніе судебной реформы по неимѣнію финансовыхъ средствъ и достаточнаго, подготовленнаго персонала юристовъ, меньшинство высказываетъ слѣдующія соображенія. Недостатокъ денежныхъ средствъ, коими можетъ располагать правительство, независимо отъ общихъ экономическихъ условій, происходитъ въ особенности отъ несовершенства основныхъ органовъ отправленія правосудія, составляющаго главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги безъ кредита не составляютъ капитала производительнаго, а кредита не можетъ быть при безпорядкѣ въ судебномъ вѣдомствѣ, и потому, если дѣйствительно нѣтъ денегъ, то усовершенствованія судоустройства не только полезны, но и необходимы, и горестное обстоятельство, что денегъ нѣтъ, составляетъ не возраженіе противъ усовершенствованій, а доказательство ихъ необходимости.

Недостатокъ людей еще менѣе можетъ, разсуждало меньшинство, остановить правильныя предположенія преобразованія су-

---

7) См. «Очерки современной Россіи», стр. 402.

8) См. п. д., т. LX. Сообр. комм., ст. 34.

дебныхъ мѣстъ. Законы не могутъ создавать людей, но тѣмъ не менѣе, если законы таковы, что люди находятъ въ нихъ средство для достиженія дурныхъ цѣлей, то люди развращаются; если законы эти такъ неясны, что ихъ не понимаютъ и не могутъ понять, то люди и не знаютъ законовъ; если законы таковы, что они не могутъ быть строго исполняемы даже добросовѣстными людьми, то люди не исполняютъ законовъ, а потому, если возраженія о недостаткѣ людей понять въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно приводится, т. е., что нѣтъ достаточнаго числа людей добросовѣстныхъ, знающихъ законы и могущихъ ихъ приводить въ дѣйствіе, то усовершенствованія законовъ становятся необходимыми, ибо безъ того и не будетъ людей въ этомъ смыслѣ; слѣдовательно, и это возраженіе составляетъ также не возраженіе, а доказательство необходимости преобразованія судоустройства въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законы по этому предмету считаются по какой-либо причинѣ недостаточными. При томъ не слѣдуетъ преувеличивать недостатка собственно въ образованныхъ юристахъ. У насъ существуютъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ шесть университетовъ, четыре лицея и училище правовѣдѣнія. Число обучавшихся въ этихъ заведеніяхъ юридическимъ наукамъ не можетъ быть незначительно. Изъ окончившихъ курсъ въ одномъ училищѣ правовѣдѣнія состоитъ на службѣ 435 юристовъ. Если вообще до сихъ поръ въ судебномъ вѣдомствѣ было немного образованныхъ юристовъ, то явленіе это объясняется тѣмъ, что доселѣ всѣ служебныя преимущества и законныя выгоды были не на сторонѣ судебнаго вѣдомства. Но если судебная часть получитъ организацію, достойную ея важнаго назначенія, и если служба по судебному вѣдомству, какъ того требуетъ справедливость и польза, будетъ имѣть особенныя преимущества, то не подлежитъ сомнѣнію, что число образованныхъ юристовъ, желающихъ служить на томъ поприщѣ, къ которому они преимущественно приготовлялись въ училищахъ, будетъ весьма достаточно для преобразованія судебной части.

Мнѣнія большинства и меньшинства Бутковской коммиссіи были переданы на заключеніе министровъ, сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ и спеціалистовъ, знакомыхъ теоретически и практи-

чески съ процессомъ [9]). Среди *практиковъ* многіе одобряли ми ніе меньшинства.

При окончательномъ обсужденіи вопроса было принято Го дарственнымъ Совѣтомъ мнѣніе большинства Бутковской к миссіи и, такимъ образомъ, рѣшено было ввести Судебные Уста сначала въ с.-петербургскомъ и московскомъ судебныхъ ок гахъ (въ 10 губерніяхъ) съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы въ Ев пейской Россіи открыть новые суды въ теченіе четырехъ л (на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, даже теперь, къ двадца пятилѣтію, не осуществлено это намѣреніе). Что касается проса объ отдѣльномъ введеніи мировыхъ установленій, то Государственномъ Совѣтѣ возникло разногласіе: 17 членовъ полагали возможнымъ ввести ихъ въ 19 губерніяхъ, 24 [11]) п знавали такое частное введеніе неудобнымъ.

II

19-го октября 1865 г. было Высочайше утверждено Поло ніе о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ въ двухъ дебныхъ округахъ—с.-петербургскомъ и московскомъ. Тотч послѣ обнародованія Положенія начались въ министерствѣ юс ціи, подъ высшимъ наблюденіемъ министра Д. Н. Замятни при дѣятельномъ участіи товарища его Н. И. Стояновск обширныя и разнообразныя подготовительныя работы по от тію новыхъ судебныхъ установленій. Предстояла масса кро ливой и хлопотливой работы по ликвидаціи старыхъ судов по устройству внутренняго быта новаго суда. Въ теченіе лугода въ департаментѣ министерства юстиціи (директором

---

[9]) См. т. LXIII Дѣла о преоб. суд. части.

[10]) Кн. Гагаринъ, гр. Сумароковъ, Бахтинъ, Норовъ, кн. Горча Брокъ, Мятлинъ, Ковалевскій, Княжевичъ, Назимовъ, Тымовскій, тоновъ, Мухановъ, гр. Толстой, Гернгроссъ.

[11]) Великій князь Константинъ Николаевичъ, гр. Клейнмихель, Н. Корфъ, гр. Строгановъ, Танѣевъ, Гасфортъ, Литке, гр. Панинъ, утинъ, гр. Муравьевъ 2-й, гр. Муравьевъ-Амурскій, Игнатьевъ, кн воровъ, бар. Ливенъ, Толстой, Д. Милютинъ, Валуевъ, Рейтернъ, риновъ. Н. Милютинъ, Замятнинъ. Граббе. Герстфельдъ, Мезенцев

это время былъ баронъ Врангель, вице-директоромъ Б. Н. Хвостовъ) кипѣла работа, можно сказать, день и ночь. Министерство озабочено было не только пріисканіемъ персонала для замѣщенія массы новыхъ судебныхъ должностей и приспособленіемъ зданій для помѣщенія судовъ, но и выработкой мелочныхъ, но необходимыхъ правилъ канцелярскаго распорядка, изготовленіемъ формъ дѣлопроизводства, составленіемъ рисунковъ знаковъ для должностныхъ лицъ и даже составленіемъ руководствъ по русской стенографіи [12]).

Не мало было затрудненій, какъ это ни кажется страннымъ, по пріисканію приличнаго зданія для новаго суда въ самомъ Петербургѣ. Въ этомъ по преимуществу «казенномъ» городѣ оказалось крайне труднымъ найти и приспособить зданіе для петербургскаго окружнаго суда и судебной палаты. Были толки о приспособленіи зданія Синода, инженернаго замка и проч., но, наконецъ, Д. Н. Замятнинъ остановился на неуклюжемъ зданіи стараго арсенала на Литейномъ. Архитекторъ Шмидтъ взялся приспособить зданіе, и всю зиму 1865 года работы продолжались безостановочно, и даже ночью работали при электрическомъ освѣщеніи. Выборъ былъ не изъ очень удачныхъ, но при данныхъ обстоятельствахъ ничего нельзя было лучше придумать, во избѣжаніе затянуть открытіе новаго суда. Въ Москвѣ было приспособлено монументальное зданіе сената; въ губернскихъ же городахъ, куда лично ѣздилъ Д. Н. Замятнинъ, пришлось довольствоваться старыми зданіями присутственныхъ мѣстъ, въ общемъ очень ветхими и неудобными [13]).

---

[12]) Какое большое значеніе придавалось этому вопросу, явствуетъ изъ того, что сначала министерство юстиціи сносилось по этому предмету съ дрезденскимъ стенографическимъ Обществомъ, а потомъ была образована, согласно Высочайше утвержденному положенію Совѣта Министровъ, спеціальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа И. Д. (нынѣ графа) Делянова. Она объявила конкурсъ за лучшее руководство въ русской „быстрописи“ или „краткописи“ и признала нужнымъ ввести преподаваніе стенографіи въ нѣкоторыхъ петербургскихъ гимназіяхъ и открыть публичные курсы. См. *Журн. Мин. Юстиціи* 1865 г., № 11, стр. 257 – 259).

[13]) См. подробности въ моей: „Страницѣ изъ исторіи судебной реформы“ М. 1883 г., гл. VI, а также: въ статьѣ сенатора д-ра А. Ѳ. Кони (*Книжки*

Другой вопросъ, вопросъ несравненно большей важности — это было назначеніе на судебныя должности. Этотъ вопросъ сильно озабочивалъ творцовъ Судебныхъ Уставовъ. Чтобы не откладывать реформу въ долгій ящикъ, они рѣшились даже на исключительную мѣру, и предлагали въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ лишить судей прерогативы несмѣняемости. Но Государственный Совѣтъ имѣлъ дальновидную проницательность сообразить, что отмѣна несмѣняемости, *именно въ первые годы*, можетъ совершенно исказить молодое учрежденіе, и отвергъ проектированное ограниченіе [14]). Министру юстиціи приходилось, такимъ образомъ, дѣлать выборы крайне отвѣтственные, безповоротные и почти предрѣшавшіе судьбу великаго начинанія. Затруднительность положенія Замятнина увеличивалась тѣмъ, что нужно было сразу, одновременно найти кандидатовъ на огромное число должностей: 8 сенаторовъ, 50 предсѣдателей и ихъ товарищей, 144 члена палатъ и окружныхъ судовъ, 192 судебныхъ слѣдователя, 123 чина прокурорскаго надзора. Съ другой стороны, Замятнинъ лишенъ былъ того драгоцѣннаго подспорья, которое даетъ ст. 213 учр. суд. уст. въ видѣ рекомендаціи судебныхъ коллегій на открывшуюся вакантную должность. Однако Замятнинъ съ честью вышелъ изъ своего крайне затруднительнаго и щекотливаго положенія.

Чтобы удачно выполнить свою трудную задачу, Д. Н. Замятнинъ рѣшилъ отступить отъ административной рутины, обыкновенно руководствовавшейся или числомъ лѣтъ сидѣнія на одномъ мѣстѣ, или «протекціей». Замятнинъ взялъ другой критерій: личныя дарованія, основательное знакомство кандидатовъ съ юридическими науками и судебную опытность, а также личное знакомство съ ними и близкое наблюденіе надъ ихъ дѣятельностью. Съ этою цѣлью онъ часто посѣщалъ судебныя мѣста и внимательно слѣдилъ за гласнымъ судоговореніемъ, которое съ конца 1865 г. уже открыто было въ старыхъ судахъ [15]),

Недѣли 1882, № 3). „Новые мѣхи и новое вино“, въ живомъ очерк передающей исторію устройства новаго суда и его первыхъ дебютов

[14]) См. т. LXVIII Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи.

[15]) См. объ обстоятельствахъ, при коихъ состоялось назначеніе пе ваго предсѣдателя с.-петербургскаго окружнаго суда Г. Н. Мотовилов *Жур. Граж. и Угол. Права*, 1881, № 6.

зрѣвалъ дѣлопроизводство и проч. Въ общемъ, благодаря этому
ному методу, Замятнинъ подобралъ такой блестящій персоналъ
ваго назначенія [16]), который и прежде и теперь вызываетъ
общее удивленіе и признательность. Память объ этихъ пер-
ъ благородныхъ піонерахъ суда «праваго и милостиваго» до
ъ поръ живетъ въ памяти новаго суда.

Откуда явилось столько талантливыхъ и честныхъ людей, сразу
ѣвшихъ освоиться съ новыми незнакомыми формами судопро-
одства, возвысить судебное дѣло и судейское званіе такъ, что
рашній тайный продажный судъ казался чѣмъ-то страшно от-
аннымъ, преданіемъ старины глубокой? Кромѣ высокихъ нрав-
енныхъ качествъ удачно подобраннаго персонала, тутъ очень
го значила *школа*, созданная судебною реформой, благодаря
мѣняемости и тому духу уваженія къ честной независимости
ьи и къ его достоинству, которыми проникнуты Судебные
авы. По справедливому замѣчанію одного изъ публицистовъ
о времени, а именно Каткова, «различіе между старыми и
ыми судами заключалось въ томъ, что прежніе портили лю-
, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ; *великое учреж-
ie* тѣмъ и бываетъ велико,—говорилъ тотъ же публицистъ,—
создаетъ людей, способныхъ проводить въ жизнь созданное
ь новое начало» [17]).

Судебная реформа доказала, — говорилъ *Вѣстникъ Европы*
юрѣ послѣ открытія новыхъ судебныхъ установленій, — что
ше общество не такъ безлюдно, какъ на то ссылаются часто,
ая доказать, что у насъ реформы преждевременны. Реформа
лана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взяв-
ь на себя съ самоотверженіемъ и охотою тяжкія обязанности
цей. Не служитъ ли это доказательствомъ, что такъ низыва-
ое безлюдье бываетъ часто не что иное, какъ *отсутствіе
можности для людей честнаго характера и прямаго ума*

---

[16]) Списокъ напечатанъ въ приложеніи къ названной книги моей.—Въ
азанной статьѣ сенатора Кони имѣются и мѣткія характеристики пер-
ыхъ судебныхъ дѣятелей.—Полный списокъ персонала петербургскихъ
удебныхъ установленій см. въ юбилейномъ изданіи Хартулари—«Итоги
рошлаго», СПб. 1891 г.

[17]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866 г., № 273.

обнаружить свою дѣятельность? Намъ нерѣдко говорятъ: «вы будьте прежде сыты, а затѣмъ мы дадимъ вамъ ѣсть», между тѣмъ не замѣчаютъ того, что можно жить въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя не дозволяютъ человѣку обнаружить своихъ достоинствъ [18]).

III

Трудныя и сложныя приготовленія были окончены, и на 17-е апрѣля, день рожденія покойнаго Государя, было назначено открытіе въ Петербургѣ *первыхъ* судебныхъ установленій новаго образца. Въ виду печальнаго событія 4-го апрѣля 1866 г. сначала предполагалось отложить торжество открытія новаго суда, но впослѣдствіи рѣшено было держаться первоначальной программы.

14-го апрѣля покойный Государь посѣтилъ только что отдѣланное зданіе новаго суда на Литейномъ проспектѣ. Замятнинъ представилъ Государю вновь назначенный судебный персоналъ, къ которому на прощанье Александръ II обратился съ слѣдующими словамъ: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданической присяги, что, впрочемъ, одно и то же. И такъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло». Освященіе зданія судебныхъ установленій происходило 16-го апрѣля, а торжественное открытіе 17-го апрѣля. По описанію тогдашнихъ газетъ, торжество сопровождалось неблагопріятными метеорологическими ауспиціями: въ этотъ день въ Петербургѣ стояла отвратительная погода—съ утра дулъ холодный вѣтеръ и шелъ снѣгъ и дождь; вскрывшаяся передъ тѣмъ Нева покрылась тонкимъ слоемъ льда [19]).

Въ половинѣ втораго, согласно Высочайше утвержденному церемоніалу, собрались въ зданіи новаго суда послы, члены государственнаго совѣта, сенаторы и новый судебный персоналъ. Товарищъ министра юстиціи, Н. И. Стояновскій, прочелъ Высочайшія повелѣнія 19-го марта и 13-го апрѣля 1866 г. объ от-

---

[18]) См. *Вѣстникъ Европы*, 1866 г., № 4.

[19]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866 г., № 83

ытія судебныхъ установленій; директоръ департамента, бар. ангель—списокъ лицъ, назначенныхъ на судебныя должности, списокъ присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ министръ юстиціи, Н. Замятнинъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«На вашу долю выпалъ завидный жребій,—такъ началъ Замятнинъ,—овести въ жизнь многознаменательныя слова Августѣйшаго Монарха: равда и милость да царствуютъ въ судахъ». Велико довѣріе, оказанное вамъ этимъ выборомъ. Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. мѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно успѣшнаго достиженія высокой цѣли. Царь-Освободитель, даровавшій сперва естьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, потомъ слившій отдѣльныя сословія въ одну земскую семью, совершаетъ нынѣ надъ судебною властью новый подвигъ своей благотворной дѣятельности и даетъ тѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, *полную самостоятельность*. Но вспомнимъ, — продолжалъ ораторъ, — что чѣмъ выше благо, тѣмъ бо́льшія оно налагаетъ обязанности и отвѣтственности. Не сомнѣваюсь, что вы ими вполнѣ проникнись. Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство полные Уставы, составляющіе, можно сказать, послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Вы не будете имѣть возможности ссылаться и на предписанія начальства. Государь и съ нимъ вся Россія,—продолжалъ министръ,—ждутъ отъ васъ возстановленія суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, утвержденія въ нашемъ отечествѣ того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе. Уваженіе это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать примѣръ строгимъ и точнымъ исполненіемъ предписаній закона; когда всѣ убѣдятся, что кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, всякій найдетъ у васъ *равную* защиту и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и *равное* противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Завязывая свои глаза передъ *всякими посторонними и посторонними вліяніями*, вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній.

«Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебнаго преобразованія недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на защиту передъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности

самимъ это исполнять,— сказалъ министръ, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ,—предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите; поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будутъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказуемому вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду—общественное довѣріе и уваженіе» [20]).

Открытіе новаго суда было встрѣчено восторженнымъ сочувствіемъ со стороны общества и печати. С.-Петербургская Дума во всеподданнѣйшемъ адресѣ своемъ, между прочимъ, писала: «открытіе новаго суда наполнило радостью сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія».

Что̀ касается печати, то она въ стихахъ и въ прозѣ привѣтствовала радостное событіе, «долженствовавшее положить ясную черту между настоящимъ и грядущимъ» [21]). Отецъ извѣстнаго юриста Ѳ. А. Кони, на обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ въ клубѣ художниковъ, 17-го апрѣля, въ честь открытія новаго суда, привѣтствовалъ это событіе въ слѣдующихъ стихахъ:

На рубежѣ тысячелѣтья
Возникъ въ Россіи человѣкъ,
Какого ждали мы столѣтья,
Кто славой озарилъ нашъ вѣкъ.
Питомецъ пылкаго поэта
И правды ревностной стратигъ,
Среди дворца, въ младыя лѣта—
Онъ боли русскія постигъ
И порѣшилъ въ умѣ державномъ,
Возсѣвъ на прадѣдовскій тронъ,
Поставить въ царствѣ православномъ
Свободу, право и законъ.

---

[20]) *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1866 г., № 4.
[21]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866, № 156.

* * *

„Намъ рано, рано!“ въ злобѣ страстной
Кричалъ испуганъ барства цвѣтъ..
— Пора! сказалъ Онъ имъ въ отвѣтъ;
Махнулъ рукой своей всевластной—
И бысть въ Россіи свѣтъ!
Печальный гулъ народныхъ стоновъ
Онъ въ кликъ восторга превратилъ;
Снялъ узы рабства съ милліоновъ
И цѣпи узниковъ разбилъ.
Свободный мысли и глаголу
Онъ далъ гражданскія права,
И смѣло къ Царскому престолу
Пошла народная молва.
Гордится Русь! Ликуютъ села!
Свободной волѣ нѣтъ препонъ,
И на обломкахъ произвола
Царитъ теперь законъ.

VI.

шая часть политической прессы, безъ различія оттѣнковъ, скрываемымъ восторгомъ привѣтствовала введеніе Су-къ Уставовъ въ дѣйствіе зарю «обновленія Россіи» и вод-е въ ней порядковъ, благодаря которымъ «становится нымъ жить въ ней, какъ въ странѣ цивилизованной» [22]).
изъ самыхъ необходимыхъ условій и самыхъ плодотвор-условій цивилизаціи,—писали *Моск. Вѣд.* въ разъясне-ченія новаго суда,—есть правильное судебное устройство, *впервые* получаетъ Россія. Народная жизнь, гдѣ стихія не имѣетъ надлежащаго развитія, *не способна* ни къ ка-лагоустройству и находится въ состояніи *варварства и ія*; все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество, логаетъ *прежде всего* идею *законности* и обезпечивается всего ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни. За-ть же и право становятся дѣйствительностью, гдѣ судъ *сила независимая* и *самостоятельная*. *Только* съ точки *новаго* судебнаго преобразованія раскрывается широко

[22]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866, № 198.

перспектива нашей политической будущности. Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь *совершенно новое* начало, которое положитъ явственную грань между прошедшимъ и грядущимъ, которое не замедлитъ отозваться *во всемъ*... Дѣйствіе его не ограничится только сферой собственно судебныхъ установленій: какъ тонкая стихія, она *разольется повсюду* и всему дастъ новое значеніе, новую силу. Судъ, отправляемый публично и *при участіи присяжныхъ*, будетъ *живою общественною силою*. Судъ, независимый и самостоятельный, *не подлежащій административному контролю*, *возвыситъ и благодаритъ общественную среду*, ибо черезъ него этотъ характеръ независимости сообщится и *всѣмъ проявленіямъ* общественной жизни. Только благодаря этому нововведенію то, что называется законною свободою и обезпеченіемъ права, будетъ уже *не словами*, а дѣломъ... «Вотъ какому великому дѣлу полагается теперь основаніе, вотъ до чего суждено было дожить намъ, вотъ что предоставляется живущему нынѣ поколѣнію [23]) *утвердить и ввести въ силу*».

Выполнило-ли современное открытіе новаго суда поколѣніе

[23]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866, № 86. До какой неразборчивости въ средствахъ борьбы противъ суда доходили родовитые представители этого поколѣнія, „революціонные консерваторы“, какъ ихъ назвалъ Самаринъ, можно судить по слѣдующему образцу, сообщаемому Никитенко: Въ англійскомъ клубѣ (въ Петербургѣ) члены сдѣлали складчину для выкупа долговъ грязнаго памфлетиста И. Арс. за то, что „онъ взялся ругать новыя суды“, что онъ и исполнилъ тотчасъ послѣ выхода изъ долговой тюрьмы, къ удовольствію своихъ высокопоставленныхъ покровителей (Никитенко, III, 161). Самые опасные враги наши, замѣчаетъ Никитенко, не поляки, не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учрежденій и подкапыватели судовъ. Ничего нѣтъ невозможнаго, если наше земство и суды наши будутъ подорваны этими врагами.—Лучше не давать ничего, чѣмъ давши брать назадъ. У крѣпкаго здороваго тѣла выросла на носу бородавка. Вмѣсто того, чтобы употребить мѣстное средство или даже оставить ее такъ, потому что она въ сущности ни чему не мѣшала, невѣжда докторъ отрѣзаетъ носъ. Въ будущности Россіи я не отчаиваюсь, потому что народъ есть все таки сила, но я отчаиваюсь въ томъ, чтобы въ Россіи установилась когда нибудь хорошая администрація. (Дневникъ III, 156—157).

это свое благородное назначеніе, и если не выполнило, то какія были къ тому препятствія? Лучшій отвѣтъ [24]) на этотъ вопросъ находимъ въ статьяхъ той же газеты, наглядно указывающихъ на неблагопріятныя условія, среди которыхъ пришлось дѣйствовать новымъ судебнымъ учрежденіямъ. «Новый вступающій въ жизни порядокъ,—заявляла газета М. Н. Каткова,—встрѣчается съ старыми понятіями и навыками, и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что онъ будетъ понимаемъ непра-

---

24) Еще въ 1884 г. акад. Никитенко писалъ: новые законы (Судебные Уставы) сначала надѣлаютъ много суматохи. Ихъ не сумѣютъ ни понять, ни оцѣнить, ни примѣнить. Но не должно отъ этого приходить въ отчаяніе, какъ не должно приходить въ отчаяніе отъ лѣтняго дождя, который смачиваетъ на васъ платье, но приготовляетъ обильную жатву. (Русск. Стар. 1891, № 5, стр. 420).

Чрезвычайно неблагопріятнымъ условіемъ для правильнаго дѣйствія новыхъ судовъ было то обстоятельство, что вдохновителемъ внутренней политики былъ П. А. Валуевъ, человѣкъ непомѣрнаго властолюбія, самонадѣянности и нетерпимости. Выдвинувшійся въ 1855 году, благодаря своимъ либеральнымъ взглядамъ (см. гл. V), онъ сталъ въ 1862 г. орудіемъ „мягко-стелющей“ реакціи, „мягкія формы“ коей особенно возмущали Салтыкова, („ахъ! какъ бы я тебя жамкнулъ, кабы только умѣлъ“. Соч. II, 12). Въ „Думѣ Русскаго“ осуждавшій николаевскія времена за „нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія“, П. А. Валуевъ, ставъ министромъ, сдѣлался нетерпимымъ до крайности, съ особенною, чисто болѣзненною, по свидѣтельству Никитенко (гл. VII, прим. 15) раздражительностью началъ относиться къ первымъ самостоятельнымъ шагамъ печати, освобожденной отъ предварительной цензуры (см. гл. VII, § 4) и долженъ былъ неминуемо столкнуться съ новымъ судомъ. Если даже старые суды, болѣе зависимые отъ администраціи, не рѣшались ломать законы въ угоду прихотливымъ указаніямъ Валуева, то новые суды должны были оказаться еще менѣе способными угодить ему. Первый же литературный процессъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ судѣ въ августѣ 1866 г. вывелъ Валуева изъ себя. Судились временный редакторъ *Современника* А. Н. Пыпинъ и одинъ изъ главныхъ его сотрудниковъ (нынѣ управляющій Государственнымъ банкомъ) Ю. Г. Жуковскій за „Вопросъ молодого поколѣнія“, въ которомъ П. А. Валуевъ видѣлъ оскорбленіе дворянства. Окружный судъ (конечно, безъ присяжныхъ) оправдалъ подсудимыхъ, отъ чего П. А. Валуевъ пришелъ въ страшную ярость, хотя дѣло подлежало еще обжалованію во вторую инстанцію. Раньше чѣмъ состоялось рѣшеніе второй инстанціи (она подсудимыхъ обвинила и назначала имъ легкій арестъ, чему они крайне обрадовались, такъ какъ опасались административной высылки

вильно. Новые порядки должны сталкиваться съ старыми, которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація было у насъ *все во всемъ*. Прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь является новое начало, которое должно оказать дѣйствіе *повсюду* и видоизмѣнить весь строй нашего гражданскаго быта. Будутъ дѣлаемы разнаго рода покушенія [25]), попытки, — меланхолически замѣчала газета,—подорвать силу новаго порядка. Такъ вездѣ (?) и всегда (?) бываетъ» [26]).

Когда это опасеніе стало оправдываться, и уже лѣтомъ 1866 г. стали обнаруживаться «покушенія подорвать силу» новыхъ судебныхъ порядковъ (ограничить гласность и независимость суда), *Московскія Вѣдомости* отвѣтили цѣлымъ рядомъ замѣчатель-

---

въ случаѣ вторичнаго оправданія) вошелъ съ докладомъ о немедленной смѣнѣ, вопреки ст. 243 Учр. суд. уст., безъ слѣдствія и суда предсѣдателя окружнаго суда Г. Н. Мотовилова. Удаленіе Мотовилова, совсѣмъ было уже рѣшенное, не состоялось только благодаря своевременному вмѣшательству министра юстиціи Д. Н. Замятнина,—сославшагося на неудобство смѣны судьи безъ слѣдствія и суда послѣ только что провозглашенной несмѣняемости, тѣмъ болѣе, что Мотовиловъ не только не участвовалъ въ засѣданіи по дѣлу *Современника*, но и отсутствовалъ изъ Петербурга, пользуясь вакантнымъ временемъ.— Но Валуевъ не унялся. Онъ внесъ въ Государственный Совѣтъ, даже не спесясь, вопреки ст. 201 т. I, Общ. Наказа съ министромъ юстиціи проектъ новыхъ правилъ о судѣ по дѣламъ печати, въ коемъ онъ, между прочимъ, требовалъ безусловнаго подчиненія прокуратуры по дѣламъ печати указаніямъ цензурнаго вѣдомства. Это домогательство было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ, но Валуевъ добился изданія *первой* новеллы къ Судебнымъ Уставамъ: закона 12 декабря 1866 г., коимъ для дѣлъ о печати первою инстанціею назначалась судебная палата и число инстанцій съ трехъ сводилось къ двумъ. М. Н. Катковъ выразилъ сильный протестъ противъ такого стѣсненія правъ печати, ссылаясь на неудобство уничтоженія для нея цѣлой инстанціи.

25) Сравнивая формы дѣятельности суда и администраціи, та же газета писала: «покуда судъ будетъ дѣйствовать размѣренно на одной, хотя и большой своей дорогѣ, *не дерзая* отступать отъ опредѣленій закона, у администраціи будутъ въ распоряженіи *тысячи проселочныхъ* путей, на которыхъ она можетъ дѣйствовать быстро и свободно распоряжаться по своему усмотрѣнію» (*Моск. Вѣд.* 1865 г., № 92).

26) *Моск. Вѣд*, 1866 г., №№ 146 и 198.

ыхъ по искренности и убѣдительности статей [27]), направленныхъ ротивъ враговъ судебной реформы, «принимающихъ *личину онсерватизма*». *Все, что есть живаго, мыслящаго, разумѣющаго*, писалъ Катковъ, не можетъ не быть глубоко затронуто

---

[27]) Акад. Никитенко, отмѣчая съ сочувствіемъ борьбу М. Н. Каткова ь Валуевымъ и вообще съ администраціею изъ-за новаго суда, привоитъ массу фактовъ въ подтвержденіе крайне враждебнаго отношенія министраціи къ новому суду. Главная задача гр. П. А. Шувалова пефа жандармовъ) и П. А. Валуева (мин. внутр. дѣлъ), пишетъ онъ ще осенью 1866 г., вдвоемъ управлять Россіею полицейскимъ образомъ, динъ посредствомъ общей, другой посредствомъ тайной, и подорвать суды, т. е. взять ихъ *подъ опеку администраціи*.—Онъ же передаетъ, ито Валуевъ отстоялъ *Вѣсть*, гдѣ была напечатана по его заказу (sic) статья, обвиняющая суды въ революціонныхъ стремленіяхъ. (См. Дневникъ III, 115 — 119). Особенное ожесточеніе противъ суда вызвало оправданіе чиновника Протопопова, обвинявшагося въ нанесеніи удара начальнику своему гр. Кешкюлю (см. «Итоги Прошлаго», К. Ф. Хартуларя, СПб., 1891, стр. 3 и слѣд.) и признаннаго душевно-больнымъ. Несмотря на это, Валуевъ и друг. дѣлали большія усилія, чтобы добиться кассаціи вердикта. По поводу оправданія Протопопова «Вѣсть», пишетъ Никитенко, прямо обвиняетъ судъ въ революціонныхъ стремленіяхъ, (статья была внушена П. А. Валуевымъ — стр. 119. Дневника). Не удивительно, продолжаетъ Никитенко, если съ судами послѣдуетъ тоже, что съ земскими учрежденіями (т. е. парализація—стр. 159). Вотъ будетъ скандалъ, если Сенатъ отмѣнитъ рѣшеніе суда и велитъ наказать бѣднаго Протопопова, признаннаго сумасшедшимъ, какъ этого желаютъ Валуевъ и нѣкоторые другіе чиновники «для примѣра другимъ». Кому? сумасшедшимъ—спрашиваетъ Никитенко (стр. 146—147).—Послѣ дѣла Протопопова, сообщаетъ Никитенко, отняли портфель у мин. юст. Замятнина, (стр. 148), а когда Сенатъ отвергъ протестъ прокурора по дѣлу, Никитенко пишетъ: «событіе замѣчательное и отрадное» (т. III, Днев., стр. 153).—П. А. Валуевъ враждовалъ съ новымъ судомъ такъ же за литературныя процессы, въ которыхъ судьи не могли, безъ нарушенія закона, усвоить «политику» Валуева, основанную на личныхъ интересахъ (см. Никитенко III, 48, о мотивахъ перваго предостереж. С.-Петерб. Вѣдом.), личной враждѣ и стремленіи de facto отнять у печати дарованныя закономъ льготы (см. тамъ же 58, 75, 128—129) Даже старые суды отвергали раздутыя обвиненія, предъявляемыя цензурою, напр., по дѣлу Краевскаго и др. (стр. 77) и тѣмъ болѣе независимости показывали новые суды, напр., по дѣлу Пыпина и Жуковскаго (стр. 116). Вслѣдъ за этимъ дѣломъ, какъ сказано, Валуевъ добился измѣненія подсудности по дѣламъ печати.

судьбою возникающаго на Руси новаго порядка. Не было ли бы грустно, если бы отмѣна крѣпостнаго права ограничилась только его формою и оставила его сущность? Но было бы не менѣе грустно, если бы новый порядокъ былъ только формою *безъ сущности*. Вотъ почему оскорбителенъ всякій *намекъ*, клонящійся къ тому, чтобы затемнить сущность новаго порядка вещей, чтобы изъ него *вынуть его душу* и оставить шелуху, которая давала бы сильнѣе чувствовать тщету начинанія. Дѣйствительно ли наше судебное преобразованіе должно вывести на *новые* пути, дабы Россія могла держаться *достойнымъ образомъ среди другихъ націй*, чтобы геній ея народа могъ обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее? *Правда ли*, патетически вопрошалъ Катковъ, употребляя любимую Герценовскую фигуру, что это *всеоживляющее, всевозбуждающее* начало публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества,—начало, безъ котораго ничто не *можетъ правильно и плодотворно развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гніенія*, ничто не можетъ быть обезпечено отъ обмановъ и злоупотребленій; *правда ли*, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только *мерцаніе*, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть. *Правда ли*, что въ настоящее время положены основы независимой судебной власти; *правда ли*, что мы имѣемъ судебныя учрежденія, которыми обезпечиваются законъ и право, и *весь народъ* привлекается къ дѣйствительному участію въ правосудіи? Есть ли это дѣйствительность, или это только *фантомъ?* Для вида ли только судебная власть признана независимою и самостоятельною, или она поставлена такъ, что для нея обязательны только законъ и правда»?

Послѣ извѣстнаго рескрипта на имя предсѣдателя комитета министровъ князя П. П. Гагарина, послѣдовавшаго 13 мая 1866 года [28]), и изданія Положенія Комитета 22-го іюля 1866 г

[28]) Рескриптъ, пишетъ Никитенко, произвелъ непріятное впечатлѣніе. Полагаютъ, что онъ еще больше уронитъ нашъ кредитъ за-границею, а внутри онъ можетъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ власти. Я думаю, главное его неудобство — неловкое изложеніе, если ужъ сочтено нужнымъ излагать то, что въ немъ содержится. (Дневникъ, III, 102)

о пространствѣ и предѣлахъ губернаторской власти, мин. юстиціи Замятнинъ вынужденъ былъ разослать, согласно Положенію, циркуляръ [29]), въ которомъ онъ разъяснялъ, что чины судебнаго вѣдомства «въ случаѣ вызова ихъ или приглашенія, обязаны непремѣнно подчиниться законнымъ требованіямъ его и оказывать ему должное уваженіе, на которое онъ, какъ представитель высшей въ губерніи власти, имѣетъ неотъемлемое право».

Московскія Вѣдомости съ нескрываемымъ неудовольствіемъ отнеслись къ тенденціи и цѣли этого циркуляра. Свое неудовольствіе сорвалъ Катковъ прежде всего на газетѣ *Судебный Вѣстникъ*, въ которомъ циркуляръ былъ названъ *предписаніемъ*. Сославшись на то, что судебныя мѣста не находятся въ прямомъ подчиненіи министерству юстиціи, Катковъ указывалъ, что оно не можетъ сноситься съ ними предписаніями, и потому это неправильное названіе онъ относилъ къ недосмотру редакціи *Судебнаго Вѣстника*. Обращаясь къ разбору циркуляра по существу московскій публицистъ писалъ: «тщательно справляясь съ Судебными Уставами, *единственнымъ* законодательствомъ, которое, вызвавъ къ жизни новые суды, служитъ нормой отношеній послѣднихъ ко всѣмъ бывшимъ до него государственнымъ учрежденіямъ, мы не находимъ *ни малѣйшаго* хотя бы самаго

Въ рескриптѣ говорилось, между прочимъ, что нужно имѣть въ виду для борьбы съ соціальными ученіями, «содѣйствіе тѣхъ другихъ здравыхъ охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія обильна» Затѣмъ упоминалось, чтобы начальствующіе требовали отъ подчиненныхъ «того прямаго, точнаго, и неуклоннаго исполненія обязанностей, безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія». (Сѣвер. Почта 1866, № 62).—Слова эти были поняты реакціонною *Вѣстью* (№ 38) такъ, что не должны оставаться на службѣ лица, не раздѣляющія ея взгляда на дворянство. На ошибочность такого пониманія возражали *Отечест. Записки* (іюнь 1866, стр. 114—116).

[29]) Мин. внутр. дѣлъ П. А. Валуевъ также разослалъ циркуляръ губернаторамъ —Какъ своеобразно поняли иные губернаторы свое новое положеніе, можно судить по слѣдующему факту: калужскій губернаторъ представилъ высшему начальству о необходимости выслать изъ Калуги не то предсѣдателя, не то члена Гражданской Палаты за его неблагонадежность въ случаѣ могущаго послѣдовать въ Калужской губерніи возмущенія» (Никитенко, III. 131).

отдаленнаго указанія на то, въ какихъ случаяхъ могъ бы представится губернатору поводъ вызвать или пригласить къ себѣ лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству. Соображаясь съ Судебными Уставами, мы, напр., *никакъ не можемъ вообразить себѣ* такой случай, чтобы губернатору представилась надобность, въ видахъ ли интересовъ общаго управленія съ одной стороны, или интересовъ правосудія съ другой, вызвать къ себѣ предсѣдателя мироваго съѣзда или окружнаго суда, находящихся въ уѣздахъ, и чтобы тотъ или другой все въ тѣхъ же интересахъ должны были оставить свои текущія занятія, ѣхать, быть можетъ, за сотни верстъ, чтобы явиться по зову губернатора. Повторяемъ, Судебные Уставы 20 ноября не содержатъ въ себѣ ни одного указанія на возможность какого-либо соприкосновенія судебныхъ мѣстъ и власти губернатора. Это до такой степени вѣрно, что, сколько намъ извѣстно, во всѣхъ уставахъ, не исключая и позднѣйшихъ прибавленій къ нимъ, слово *губернаторъ* только упоминается при составленіи списка присяжныхъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы Судебные Уставы оставили сколько-нибудь неяснымъ вопросъ о порядкѣ подчиненности судебныхъ мѣстъ (ст. 249 учр. суд. уст.). Надобно полагать, что права, предоставленныя губернаторамъ по отношенію къ лицамъ судебнаго вѣдомства, какъ сказано въ самомъ Положеніи комитета министровъ «совершенно независящимъ въ своей служебной дѣятельности отъ ихъ вліянія, нисколько *не касаются отправленія правосудія*, равно какъ то уваженіе, къ которому при всей независимости своей обязываются лица судебнаго вѣдомства по отношенію къ губернаторамъ, не можетъ состоять въ исполненіи какихъ-либо распоряженій или *внушеній въ дѣлахъ правосудія*. Не относясь къ судебнымъ должностямъ Положеніе, о которомъ идетъ рѣчь, поэтому можетъ быть принимаемо только въ самомъ общемъ смыслѣ. Такъ въ высокоторжественные дни служащія лица всѣхъ вѣдомствъ, хотя бы и совершенно не зависящія отъ губернатора, являются къ нему съ поздравленіемъ; также точно предполагается случай, когда губернатору можетъ представиться надобность объясниться съ предсѣдателемъ палаты или окружнаго суда по какому-нибудь дѣлу, не имѣющему прямаго отношенія къ ихъ служебнымъ по

ду обязанностямъ (ибо дѣла судебныя строго ограждены отъ кого вмѣшательства администраціи), и въ такомъ предположеніи губернатору предоставлено право приглашенія къ себѣ, но такъ же, какъ иногда приглашаетъ онъ къ себѣ частныхъ ни на какой службѣ не состоящихъ лицъ. При этомъ кій, конечно, пожелаетъ, чтобы съ успѣхами благоустройства *не вырастала, а уменьшалась* возможность подобныхъ слувъ» [30]).

Черезъ нѣсколько времени пришлось снова выступить талантому защитнику основъ судебной реформы, по поводу нападокъ мировыя учрежденія тогдашнихъ «революціонныхъ консерваторъ», подвизавшихся въ реакціонной «*Вѣсти*», и Катковъ ключилъ свою честную отповѣдь такими словами: «Одно мы таемъ себя въ правѣ сказать, — заявляетъ онъ: — уже и перь великая (судебная) реформа *вполнѣ оправдала* [31]) тѣ рячія надежды, какія на нее возлагались, *и лучшее пожелаерусскаю патріота* состоятъ въ томъ, чтобы изъ этого зданія было вынимаемо камней, чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ пускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ гласовались съ *общимъ* духомъ новой системы» [32]).

---

[30]) Москов. Вѣдом., 1866, № 240.

[31]) Въ 1867 г. Никитенко самъ исполнялъ обязанности присяжнаго заседателя и вынесъ изъ суда самое благопріятное впечатлѣніе. «Все весь, заноситъ онъ въ свой Дневникъ, съ большимъ достоинствомъ, добросовѣстно и съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій. Подсудимые видѣли, что ничего не было упущено для облегченія ихъ судьбы, если они подверглись карѣ, то эту кару наложилъ на нихъ законъ, не произволъ судей. Говорятъ, пишетъ онъ далѣе, министръ юстиціи). Паленъ, единомышленникъ Валуева) объяснялся съ предсѣд. окружного суда и замѣтилъ, что присяжные не оправдали (? см. ниже § 3 ы XII Отчетъ мин. юст. Замятнина) ожиданій правительства, которое надѣялось найти въ нихъ консервативный элементъ, и находитъ произое (?). — Предъ уходомъ Никитенко бесѣдовалъ съ прокуроромъ. Онъ глубокимъ прискорбіемъ жаловался на то, что администрація всячески ается вредить судамъ, и если встрѣтится какая-нибудь ошибка съ ъ стороны, администрація съ ума сходитъ отъ радости. Коснувшись шѣшнихъ сессій, прокуроръ говорилъ, что онъ былъ удивленъ здравоысліемъ и безпристрастіемъ присяжныхъ изъ крестьянъ. (III, 156–157).

[32]) *Моск. Вѣд.*, 1866, № 263.

Трудно было рельефнѣе, краснорѣчивѣе и искреннѣе выразить сущность новаго суда и протестъ противъ тѣхъ враждебныхъ условій, которыя окружали его дѣятельность!... За эту горячую поддержку, оказанную новому суду въ трудное время его существованія М. Н. Катковымъ, быть можетъ, многое ему простится...

Объ условіяхъ дѣятельности новаго суда трактовала и газета *Голосъ*. Въ статьѣ, появившейся 17-го апрѣля 1866 г., *Голосъ*, назвавъ судебную реформу «изведеніемъ русскаго народа изъ юридической неволи», писалъ, между прочимъ: «можетъ быть, даже вѣроятно, что при этомъ исходѣ, подобно ветхозавѣтнымъ евреямъ, и мы, отученные горькимъ подневольнымъ прошлымъ отъ честной и разумной гражданской жизни, со всѣми подобающими ему правами, не вдругъ, не тотчасъ вступимъ въ обѣтованную землю; быть можетъ, даже вѣроятно, придется пространствовать по безплодной пустынѣ ошибокъ и промаховъ и *опять поклониться золотому тельцу*, котораго такъ долго обожали. На что за дѣло? Все-таки да будетъ благословенъ Моисей, изведшій насъ изъ неволи, пишущій и дающій намъ скрижали новаго завѣта для новой жизни» [33]).

Всѣ эти болѣе или менѣе мрачныя предсказанія сбылись: блужданіе по «пустынѣ промаховъ» началось скоро и продолжалось долго и длится вплоть до нашихъ дней. По иронія судьбы впереди всѣхъ въ операціи «выниманія камней изъ зданія новаго суда» оказался впослѣдствіи въ своихъ нападкахъ на новый судъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ публицистовъ — М. Н. Катковъ, когда-то самый горячій поборникъ судебной реформы:

Не дорожимъ
Мы шагомъ къ прочному прогрессу.
День, два; всѣ полны грезъ и вѣры.
А завтра съ радостью глядятъ,
Какъ рановременныя мѣры
Теряютъ должные размѣры
И съ трескомъ пятятся назадъ!!!...

Грустно вспомнить объ этомъ тяжеломъ для новаго суда времени. Новый гласный судъ, судъ равный, правый и милостивый, очутился

[33]) *Голосъ*, 1886, № 105.

)дъ немилостивымъ судомъ его недавнихъ друзей, въ положеніи авимаго краснаго звѣря. Въ защиту принциповъ новаго суда здавались отдѣльные голоса. Въ числѣ ихъ нельзя не помянть съ признательностью авторитетный, честный голосъ И. С. :акова: «Съ легкой или вѣрнѣе тяжелой руки *Московскихъ* ѣдомостей*,—писалъ онъ въ 1884 году,—прочія газеты и гагки съ публикой вкупѣ хоромъ ревутъ на новый судъ: «ату о! ату!» глумятся, ругаются, мечутъ грязь, со свистомъ и хотомъ, во весь судебный персоналъ, во весь судебный институтъ съ его прошедшимъ и настоящимъ, какъ будто кто имъ далъ задачу не только поколебать его авторитетъ, но и омертвить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ... Крикъ и голосятъ о нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ,— ъ грустью указывалъ Аксаковъ,—и молчатъ *о десяткахъ тыс* рѣшеній правыхъ, молчатъ о той обильной дѣятельности равосудія, которая водворилась теперь на нашей такъ *еще немно неправосудной землѣ!* Забываютъ и о множествѣ честныхъ, скромныхъ, истинно доблестныхъ труженикахъ».

Указавъ въ заключеніе на десятки тысячъ дѣлъ, ежегодно ѣшаемыхъ присяжными, Аксаковъ заканчиваетъ свою горячую честную отповѣдь недобросовѣстнымъ врагамъ новаго суда ѣдующими словами, которыя особенно кстати вспомнить нынѣ: И изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ—ни одинъ з запятнамъ *корыстью*. Сладкая, благодатная увѣренность! оссія ли заплатитъ за нее неблагодарностью? Или же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны: танете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, го независимость—все вернется, и взятки, и мошенничество, кривосудье!!!» [84]).

Объ этомъ пророческомъ предостереженіи честнаго публициста, низко знакомаго съ нашими дореформенными порядками, не езполезно вспомнить и современнымъ ослѣпленнымъ врагамъ ового суда.

---

[84]) Полное собраніе сочиненій Аксакова, т. IV, стр. 664.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Москвѣ и въ провинціи.

(Справка къ 23 му апрѣля 1866—1891 гг.).

Немногое изъ того, что совершилось прежде, и немногое изъ того, что можетъ намъ обѣщать впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться по важности съ судебною реформою, съ этимъ великимъ преобразованіемъ! Одно изъ самыхъ необходимыхъ и плодотворныхъ условій цивилизаціи есть правильное судебное устройство, и его впервые теперь получаетъ Россія... Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ живою общественною силою, и идея законности и права станетъ могучимъ дѣятелемъ народной жизни.

Изъ статьи М. Н. Каткова по случаю открытія москов. судебн. устан.

I.

23-го апрѣля 1866 года въ Московскомъ Кремлѣ, въ зданіи стараго Сената, происходило знаменательное торжество, за которымъ вся Москва слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ: то было официальное открытіе въ монументальной Екатерининской залѣ «новаго гласнаго суда», Московскихъ Судебныхъ Установленій. Прежде, чѣмъ излагать подробности торжества, не лишнее будетъ напомнить довольно оригинальную судьбу этой залы, служившей съ 1866 г. мѣстомъ для склада сначала казенной муки, затѣмъ дѣлъ военнаго министерства. Эта своеобразна

морфоза составляетъ любопытную страничку изъ культурной ріи недавняго прошлаго.

даніе Сената въ Кремлѣ было построено въ 1787 г. знаме-имъ архитекторомъ Митр. Θед. Казаковымъ, и, такимъ обра-ь, падаетъ ходящая въ публикѣ легенда, будто въ немъ и нно въ круглой залѣ происходили собранія депутатской Ком-сіи для составленія Уложенія, созванной Екатериною II въ 7 г. [1]). Все зданіе Сената, начиная отъ гранитнаго фунда-та и до самаго карниза, поражаетъ массивностью, солидною стотою линій и замѣчательною пропорціональностью частей. въ этомъ замѣчательномъ сооруженіи самое замѣчательное— онда или круглая зала, построенная въ подражаніе римскому теону. По красотѣ и гармоніи линій нѣтъ другой подобной онды ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, да и за-границею дется немного [2]). Вышина залы 13 саж. 1 арш., въ діаметрѣ саж. $1^3/_4$ аршина. Поразительное впечатлѣніе производитъ атая коллонада коринѳскаго стиля съ канелюрою, идущая ругъ всей залы. Надъ колоннами хоры. Зданіе вѣнчаетъ юмный сводъ, осыпанный кассетонами, сведенными малъ-мала-ьше къ большому вѣнку, охватывающему замокъ свода. Во-гъ свода надъ хорами 48 медальоновъ съ изображеніемъ сійскихъ государей [3]).

Но самое цѣнное украшеніе ротонды—это 18 превосходныхъ ельефовъ (работы нѣмцевъ Юсти и Таненберга), аллегори-ки изображающихъ важнѣйшія событія Екатерининскаго цар-ованія [4]), съ подписями, изъясняющими смыслъ ихъ. Прим-мъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Своею опасностью другихъ спа-етъ» (прививаніе Екатериною себѣ оспы). «Пустыни превра-аетъ въ грады» (поселеніе въ Россіи колонистовъ, вызван-ыхъ изъ за-границы). «Не дань, а законы пріемлетъ» (жела-

---

[1]) См. статью г. Иванова въ *Чтеніяхъ Общества любителей исторіи древностей россійскихъ* 1865.

[2]) Въ зданіи варшавской конторы государственнаго банка имѣется та-я же ротонда, только она гораздо меньшихъ размѣровъ.

[3]) См. статью г. Рамазанова въ *Современной Лѣтописи* 1865 г., № 45.

[4]) Описаніе и объясненіе этихъ горельефовъ было сдѣлано г. Лебеде-ымъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1860 г., № 179.

ніе жить по сердцу народа). «И сѣверъ художества рождаетъ» (учрежденіе Академіи художествъ). «И вы подобно подвизаетесь» (награда военной доблести—учрежденіе ордена св. Георгія)[5]. «Великому великая» (сооруженіе Петру В. памятника). «Погибавшихъ спасаетъ» (учрежденіе воспитательнаго дома), Укажемъ еще на одинъ горельефъ «Желаніе Россіи», имѣющій прямое отношеніе къ указанному выше торжеству, исполненія котораго ей пришлось ждать почти сто лѣтъ. Горельефъ выражаетъ мольбу подданныхъ: даровать *правый судъ и человѣколюбивые законы*[6]).

Архитекторъ Аѳанасьевъ, реставрировавшій въ 1866 г. это монументальное зданіе, помѣстилъ въ *Нашемъ Вѣкѣ* статью, въ которой съ негодованіемъ указывалъ на то, что эта замѣчательная зала, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ русскаго искусства, была обращена сначала въ амбаръ для храненія нѣсколькихъ тысячъ кулей казенной муки, а потомъ въ архивъ старыхъ дѣлъ, полусъѣденныхъ мышами. Н. Ф. Павловъ, помѣщая эту статью, съ своей стороны выразилъ удивленіе по поводу вандальской метаморфозы, постигшей эту художественную ротонду. «Какимъ непонятнымъ процессомъ діалектики,—пишетъ Павловъ,—дошла человѣческая мысль до вывода, что великолѣпная зала съ барельефами не что иное, какъ самое удобное мѣсто для склада кулей муки или для храненія архивныхъ сокровищъ военнаго министерства; мы желали бы знать *имя* того человѣка, кто первый, войдя въ эту ротонду и окинувъ ее глазомъ, сказалъ: «Вотъ и прекрасно! Тутъ помѣстится до 500,000 кулей муки!»..,

Любопытство Павлова было удовлетворено: въ одной изъ газетъ того времени было указано имя этого человѣка, сразу все объяснившее. Это былъ извѣстный... *Аракчеевъ*, свирѣпый временщикъ при Александрѣ I, печально-извѣстный между прочимъ изобрѣтатель «военныхъ поселеній» и еще... особой манеры прогнанія сквозь строй «безъ медика» (см. главу III). Дикому

---

[5]) Замѣтимъ, что, по ироніи судьбы, мѣста, занимавшіяся извѣстными Струсбергомъ и Ландау во время процесса Ссуднаго банка, какъ разъ приходились подъ этою надписью.

[6]) *Современная Лѣтопись*, 1866, № 29.

Аракчееву именно приписывается приведенная дикая фраза о 0,000 [7]) кулях муки!...

Вандальское обращеніе съ художественною ротондою продолжалось 50 слишкомъ лѣтъ, и только въ концѣ 1865 г. рѣшено было дать ей достойное ея красоты и гармоніи назначеніе— быть мѣстомъ отправленія гласнаго суда, суда праваго и милостиваго. Приспособленіемъ зданія къ его новому благородному назначенію занимался академикъ-зодчій Афанасьевъ. Академикъ Афанасьевъ былъ командированъ за-границу для подробнаго осмотра лучшихъ тамошнихъ зданій «дворцовъ правосудія». Внеся въ дѣло то благородное воодушевленіе, которымъ проникнуты были всѣ лица, прямо или косвенно соприкасавшіяся съ великими освободительными реформами 60-хъ годовъ, имѣвшихъ цѣлью возрожденіе Россіи, Афанасьевъ необыкновенно быстро объѣхалъ важнѣйшіе города и приготовилъ весьма обстоятельный докладъ о результатахъ своей поѣздки.

Съ осени 1865 г. приступлено было къ работамъ по приспособленію стараго зданія Сената для публичнаго судоговоренія и отправленія правосудія чрезъ представителей общественной совѣсти. Несмотря на холодъ, ненастье, работы продолжались безостановочно. Афанасьевъ, самъ проникнутый благоговѣніемъ къ выпавшей на его долю задачѣ поработать на пользу великаго дѣла, воодушевлялъ словомъ и примѣромъ и другихъ «къ скорому осуществленію, какъ онъ писалъ благотворной мысли Монарха, взывающаго къ воцаренію правды и милости въ судахъ».

Къ веснѣ 1867 г. реставрація ротонды и ремонтъ сенатскаго зданія были окончены, и великолѣпная круглая зала предстала во всемъ своемъ величіи и красѣ, невольно соединяя во-едино память Основательницы этого зданія Екатерины II и Возобновителя Александра II. Отголоскомъ этого впечатлѣнія было пожеланіе, высказанное еще въ 1866 г., чтобы въ одной изъ ея ницъ была поставлена мраморная статуя Екатерины. «Въ другой же,—писалъ авторъ предложенія,—слѣдуетъ воздвигнуть мраморную статую... кому? Про то знаетъ чувство благоговѣйной признательности каждаго русскаго»... [8]).

---

[7]) *Современная Лѣтопись*, 1866, № 29.

[8]) *Современная Лѣтопись*, 1865, № 45.

Этому трогательному желанію увѣковѣчить мраморнымъ изваяніемъ память Творца новаго суда суждено было осуществиться впослѣдствіи, хотя и при другихъ и весьма печальныхъ обстоятельствахъ, служащихъ контрастомъ тому радостному и бодрому настроенію, которымъ встрѣчено было открытіе новаго суда. Изъ учрежденія излюбленнаго и сосредоточившаго на себѣ самыя дорогія чаянія русскаго народа и общества, какимъ новый судъ былъ въ 60-хъ годахъ, онъ перешелъ въ 80-хъ годахъ въ разрядъ учрежденій только «терпимыхъ», но нежеланныхъ... Противъ ниши, гдѣ находится портретъ Екатерины II, въ другой нишѣ былъ открытъ 23-го апрѣля 1884 г. мраморный памятникъ Александру II, сооруженный чинами судебнаго вѣдомства. О печальныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ открытіе памятника, можетъ дать понятіе статья, появившаяся въ этотъ день въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Усмотрѣвъ на бѣломъ мраморѣ изваянія «кровавыя пятна», М. Н. Катковъ, увѣренный въ своей безнаказанности, имѣлъ чудовищную дерзость поставить въ вину новому суду эти «кровавыя пятна». Во-истин saevum et infestum virtutibus tempus!...

Но обратимся отъ этой печальной картины къ свѣтлому времени зарожденія новаго суда.

II.

Торжество открытія судебныхъ установленій въ Москвѣ происходило согласно тому же Высочайше утвержденному церемоніалу, какой былъ соблюденъ и въ Петербургѣ. 22-го апрѣля — наканунѣ открытія новаго суда, было совершено въ присутствіи министра юстиціи, Д. Н. Замятнина и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, въ большой уголовной, нынѣ такъ называемой «Митрофаньинской» (здѣсь разбиралось извѣстное дѣло игумена Митрофанія), залѣ окружнаго суда торжественное соборное молебствіе съ водосвященіемъ, послѣ котораго окроплены были святою водою всѣ помѣщенія новаго суда.

На другой день, 23-го апрѣля, происходило въ залѣ судебной палаты торжественное открытіе новаго суда. Министръ юстиціи, Д. Н. Замятнинъ, занялъ мѣсто за особымъ столомъ,

имѣя по правую руку и. д. оберъ-прокурора общаго собранія московскихъ департаментовъ сената, П. Н. Зубова, вице-директора департамента министерства юстиціи, Б. Н. Хвостова (†). Вокругъ стола заняли мѣста: московскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ кн. В. А. Долгоруковъ (†), высшее духовенство, сенаторы. Впереди стола, лицомъ къ министру, помѣстился новый судебный персоналъ: предсѣдатели и члены московской судебной палаты (изъ нихъ въ настоящее время остались въ судебной палатѣ Ѳ. В. Вешняковъ, А. И. Котляревскій и Н. П. Прейсъ, занимая въ теченіе 25-ти лѣтъ ту же должность члена палаты) [9]) и окружнаго суда (въ настоящее время въ составѣ суда остался только бывшій членъ суда, нынѣ товарищъ предсѣдателя, Э. Н. Сумбулъ; бывшій товарищъ предсѣдателя суда М. Н. Лопатинъ, нынѣ занимаетъ постъ предсѣдателя департамента московской судебной палаты, а бывшій членъ суда А. И. Вицынъ, перешедшій впослѣдствіи въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, нынѣ предсѣдатель московскаго коммерческаго суда) и прокурорскаго надзора (въ составѣ прокурорскаго надзора находится бывшій въ 1866 г. тов. прок. окружнаго суда Ѳ. М. Громницкій, перешедшій впослѣдствіи въ адвокатуру, а нынѣ товарищъ прокурора судебной палаты; изъ другихъ товарищей прокурора: С. Я. Орловскій (†) и А. Н. Тернавскій состоятъ членами московской судебной палаты, И. М. Остроглазовъ (†)—пред-

[9]) Въ теченіе 25 лѣтъ были старшими предсѣдателями судебной палаты: Д. В. Полѣновъ (†), А. Н. Шаховъ (†) и нынѣшній предсѣдатель В. Р. Завадскій; предсѣдателями окружнаго суда Е. Е. Люминарскій (†), П. А. Дейеръ (нынѣ сенаторъ угол. касс. департ.), В. Н. Лавровъ (†) и нынѣшній предсѣдатель Ѳ. П. Ивковъ. Прокурорами палаты: Д. А. Ровинскій (нынѣ сенаторъ угол. касс. департ.), Г. Н. Мотовиловъ (†), Н. А. Манасеинъ (нынѣ министръ юстиціи), гр. П. А. Капнистъ (нынѣ попечитель московскаго учебнаго округа), С. С. Гончаровъ (въ послѣдствіи старшій предсѣдатель тифлисской судебной палаты и сенаторъ) и нынѣшній прокуроръ Н. В. Муравьевъ (въ послѣдствіи государственный секретарь нынѣ министръ юстиціи). Прокурорами окружнаго суда были Л. И. Ланге (нынѣ предсѣдатель нѣжинскаго окружнаго суда), Ѳ. М. Громницкій, Н. К. Жуковъ (въ отставкѣ), В. Н. Лицкой (†), П. Н. Обнинскій (нынѣ въ отставкѣ, извѣстный публицистъ) и нынѣшній прокуроръ М. П. Домерщиковъ.

сѣдателемъ тульскаго окружнаго суда и Л. В. Крушинскій-присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ) и мировые судьи (и нихъ до сихъ поръ остаются въ составѣ мироваго институ почетные мировые судьи: Г. В. Грудевъ, гр. М. С. Ланско С. А. Тарасовъ.

По прочтеніи Высочайшихъ повелѣній отъ 19-го марта и 13-апрѣля 1866 г. объ открытіи судебныхъ установленій и спис вновь назначенныхъ Высочайшею властью судей, утвержденны Сенатомъ мировыхъ судей, выбранныхъ московскою городск думою, а также списка товарищей прокурора окружнаго су министръ юстиціи произнесъ рѣчь, въ которой, между прочи высказалъ слѣдующее:

«Государь Императоръ,—сказалъ онъ,—утвердивъ 20-го я ября 1864 г. новые Уставы судопроизводства и судоустройст соизволилъ признать Уставы эти соотвѣтствующими желан Его водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый равный для всѣхъ подданыхъ, *возвысить* судебную власть, да ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить въ н родѣ то уваженіе къ закону, безъ котораго невозможно общ ственное благосостояніе. Знаменательныя, дорогія каждому ру скому слова Его Величества, указывающія *значеніе и цѣль с* дебнаго преобразованія, должны служить руководствомъ дл всѣхъ дѣятелей на судебномъ поприщѣ; они должно быть *ос бенно памятны* вамъ, господа предсѣдатели, члены и прокурор московской судебной палаты и окружнаго суда, какъ удосто ившимся счастья быть въ числѣ самыхъ *первыхъ*, избранны Августѣйшимъ нашимъ Монархомъ, для осуществленія его пре начертаній по судебной части. Вновь установленный порядо судопроизводства,—продолжалъ министръ,—обезпечиваетъ лег кое и быстрое обнаруженіе нарушеній закона, а дарованна судамъ самостоятельность даетъ полную возможность твер и нелицепріятно охранять святость законовъ и точное и исполненіе» [10]).

Затѣмъ, обращаясь къ московскимъ столичнымъ мировы судьямъ, министръ юстиціи выразился такъ:

[10]) См. *Журналъ Министерства Юстиціи* 1866 г., № 4, стр. 207—20

«Вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями въ эту важную должность, предоставленъ обширный кругъ дѣятельности. Вамъ поручены дѣла тѣхъ именно лицъ, которыя *наиболѣе* нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ. На васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значенія, которая предназначена ей священною волею Государя Императора, и сдѣлать изъ нея *краеугольный камень* гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда. Если вы, избранные Москвою, сердцемъ Россіи, пойдете рука объ руку съ судьями, назначенными Державнымъ Главою, то нѣтъ сомнѣнія, ваши общія усилія увѣнчаются успѣхомъ, и осуществится желаніе нашего возлюбленнаго Монарха: правда и милость будутъ царствовать въ судахъ».

Въ томъ же духѣ, какъ министръ юстиціи, говорили и высшіе члены магистратуры, коимъ приходилось давать первыя указанія органамъ суда. Такъ, предсѣдатель департамента московской судебной палаты, покойный А. Н. Шаховъ (†), при приводѣ къ присягѣ первыхъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ (изъ нихъ въ сословіи остаются до настоящаго времени: Н. П. Архиповъ, В. К. Дубровскій, А. И. Имбергъ, Л. Д. Лютеръ, В. А. Панинъ, А. И. Тольхъ, А. М. Фальковскій), произнесъ слѣдующую рѣчь: «Господа! Палатѣ извѣстно, что окружный судъ при обсужденіи правъ лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, былъ строгъ,—разумѣется справедливо строгъ. Онъ не только разсматривалъ ваши письменные документы, но принималъ въ соображеніе и свѣдѣнія, относящія на личныя ваши качества и образъ прежнихъ вашихъ дѣйствій. Иначе и быть не могло, потому что одно формальное удовлетвореніе тѣмъ условіямъ, которыя требуются закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, еще не можетъ ручательствомъ, что избранный въ повѣренные будетъ вѣрно и честно охранять интересы своихъ довѣрителей. Если вы включены окружнымъ судомъ въ это сословіе, вы, господа, значитъ, удовлетворили всѣмъ условіямъ, значитъ, вы являлись во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойными состоять въ немъ. Приступайте же къ исполненію ожидающихъ васъ новыхъ обязанностей и продолжайте ихъ съ честью, и вы за-

служите уваженіе отъ правительства и отъ общества, а это есть лучшая награда всякому честному труду» [11]).

Для характеристики духа того времени не лишено значенія то обстоятельство, что первый предсѣдатель московскаго окружнаго суда Е. Е. Люминарскій—не путемъ грозныхъ циркуляровъ, а въ дружеской бесѣдѣ объяснялъ вновь образуемому институту судебныхъ приставовъ ихъ обязанности, стараясь пробудить въ нихъ высокое уваженіе къ принимаемому ими званію. Достойный членъ московской магистратуры, оставившій по себѣ память судьи честнаго и безусловно независимаго (извѣстно, что онъ во время посѣщенія министромъ юстиціи гр. Паленомъ суда встрѣтилъ его не на крыльцѣ, а дожидался у себя въ кабинетѣ), сказалъ судебнымъ приставамъ слѣдующую рѣчь:

«Гг. судебные пристава! Поздравляю васъ съ принятіемъ присяги на новую должность. Надѣюсь, вы оправдаете ожиданія общества и правительства; на васъ лежитъ священная обязанность не только поддержать, но возбудить упавшее нынѣ довѣріе къ силѣ и власти суда,—довѣріе, безъ котораго парализуется и самое отправленіе правосудія. Необходимость скораго и точнаго исполненія рѣшеній постоянно сознавалась нашимъ законодательствомъ: начиная съ 1721 года мы находимъ въ указахъ неоднократныя подтвержденія блюстителямъ правосудія, какъ высшимъ, такъ и низшимъ имѣть надзоръ, чтобы дѣла вершились не только на бумагѣ, но чтобы рѣшенія безостановочно и скоро были приведены въ дѣйствительное исполненіе. Къ сожалѣнію, предписанія закона по сему предмету весьма часто не исполнялись. Приведеніе въ дѣйствіе рѣшенія въ большей части случаевъ возлагалось на полицію, а полиція, обремененная множествомъ разнородныхъ занятій, всегда смотрѣла на приведеніе въ дѣйствіе судебныхъ рѣшеній, какъ на обязанность второстепенную, исполненіе коей можно отложить. Послѣдствія этого вамъ, господа, извѣстны. Рѣшенія судебныхъ мѣстъ, нерѣдко и правительствующаго сената, исполнялись не недѣли, не мѣсяцы, а цѣлые года, даже десятки лѣтъ. Выиграть дѣло въ судѣ не значило выиграть его дѣйствительно и получить искомое и присужденное. Цѣлыя состо-

---

[11]) *Судебн. Вѣстн.*, 1866, № 2.

нія переходили изъ рукъ въ руки, а иногда и совершенно растрачивались отвѣтчикомъ прежде, чѣмъ истецъ, выигравшій тяжбу, получалъ удовлетвореніе. Для устраненія столь важныхъ злоупотребленій и учрежденъ институтъ судебныхъ приставовъ, къ которому вы имѣете честь принадлежать. Господа! Вы клялись честно и добросовѣстно исполнить всѣ обязанности принимаемой на себя должности. Исполните же, господа, вашу клятву, возстановите довѣріе къ суду и закону, составляющимъ основу гоеударственнаго порядка, безъ которыхъ немыслимо и самое государство. Соединитесь дружно для достиженія высокой цѣли. Пусть всякій убѣдится, что со введеніемъ въ дѣйствіе Уставовъ 1864 года дѣла вершаются не только на бумагѣ, но и исполняются на самомъ дѣлѣ. Пусть не бѣдность страшится богатства, а, напротивъ, богатый, но неисправный должникъ спѣшитъ удовлетворить своего незнатнаго кредитора. Пусть исполнительный листъ въ вашихъ рукахъ будетъ *сильнѣе денегъ и связей сильныхъ міра сего*. Съ этимъ оружіемъ вамъ некого и нечего бояться. Защитой вашею будетъ судъ и законъ. Поддержите же, господа, значеніе судебныхъ учрежденій и заставьте умолкнуть поклонниковъ *стараго порядка*, съ недовѣріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ скрытымъ недоброжелательствомъ относящихся къ новому суду» [12]).

Вслѣдъ за открытіемъ московскихъ судебныхъ установленій стали открываться провинціальные окружные суды осенью 1866 г. Большая и оживленная борьба происходила между уѣздными городами изъ-за чести и преимущества имѣть у себя окружный судъ. Особенно горячая полемика завязалась между представителями Бѣлозерска и Череповца. Этотъ споръ, какъ равно и другіе, Д. Н. Замятнинъ рѣшилъ на мѣстѣ, послѣ тщательнаго ознакомленія съ географическими, топографическими и судебно-статистическими данными [13]).

Мѣстныя общества, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ предстоящему открытію новаго суда, не скупились на матеріальныя пожертвованія, вслѣдствіе чего расходы казны были значительно сокращены.

[12]) *Судеб. Вѣстн.*, 1866, № 1.

[13]) *Новгородскія Губернскія Вѣдомости*, 1865, № 4.

Сенаторомъ Гольтгоеромъ были открыты въ ноябрѣ 1866 г. окружные суды: новгородскій, бѣлозерскій [14]), устюжскій [15]), псковскій [16]).

Старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, сенаторомъ В. П. Полѣновымъ, были открыты окружные суды: владимірскій, ярославскій, рыбинскій, кашинскій, калужскій, рязанскій, тульскій, тверской, ржевскій [17]).

III

Къ концу 1866 года повый гласный судъ, со всѣми новыми и невиданными дотолѣпринадлежностями, судомъ присяжныхъ, мировымъ судомъ, адвокатурою и пр. уже дѣйствовалъ въ десяти губерніяхъ двухъ судебныхъ округовъ. Новыя формы суда, съ уравненіемъ всѣхъ предъ лицомъ закона, съ гуманнымъ отношеніемъ ко всѣмъ и съ сугубымъ снисхожденіемъ къ случайно впавшему въ преступленіе, производили громадное воспитательное впечатлѣніе на народъ и общество, привыкшее дотолѣ видѣть явную поблажку людямъ сильнымъ и богатымъ со стороны подкупленныхъ либо запуганныхъ судей, или безсиліе закона и судей предъ запирательствомъ ловкаго мошенника и душегубца.

Съ понятнымъ любопытствомъ и затаеннымъ вниманіемъ слѣдило правительство и печать за тогдашними процессами. Залы судебныхъ засѣданій въ столицахъ и въ провинціи ломились отъ напора жаждавшихъ посмотрѣть на новую обстановку и формы суда праваго и милостиваго. Каждая новая прокурорская и адвокатская рѣчь составляли событіе дня. Всѣ газеты того времени переполнялись судебными отчетами. Даже дамы въ салонахъ говорили о новыхъ казусахъ, новыхъ разъясненіяхъ кассаціонной практики.

И общество, и правительство какъ бы упивались замѣчательнымъ успѣхомъ новаго дѣла, въ особенности суда присяжныхъ, съ которымъ соединялось столько дорогихъ чаяній, но котор

---

[14]) См. *Новгородскія Губернскія Вѣдомости*, 1866, № 40, 50.

[15]) См. *Судеб. Вѣстн.*, 1866, № 26.

[16]) См. *Псковскія Губернскія Вѣдомости*, 1866 г., № 85

[17]) См. *Судебный Вѣстникъ*, 1866 г., №№ 85, 92, 93 и *Тверскія* ія *Вѣдомости*, 1866 г., № 47.

внушало столько опасеній, повидимому, очень основательныхъ. Даже такой убѣжденный сторонникъ суда присяжныхъ, какъ германскій юристъ Миттермайеръ, съ большимъ интересомъ и опасеніемъ слѣдившій за ходомъ нашей судебной реформы, дружески предостерегалъ наше правительство отъ преждевременнаго разочарованія, если новыя учрежденія не сразу примутся и будутъ дѣйствовать успѣшно. «Опираясь на долголѣтнія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учрежденій, — писалъ онъ,—мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учрежденій, не было запугано приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній и чтобы оно не переставало преслѣдовать свою цѣль. Мы напоминаемъ ему,—говоритъ онъ далѣе,—то интересное явленіе, что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти новыя учрежденія были совершенно не извѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ несозрѣвшимъ,—даже тамъ чудеснымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ. Выгоды, доставленныя ими, высказываются все больше и больше, а люди, призываемые въ присяжные, оказались, *наконецъ*, и тамъ способными выполнить свое назначеніе» [18]).

Наши судебныя учрежденія вообще и судъ присяжныхъ въ частности, какъ оказалось, и не нуждались въ этомъ снисходительномъ и доброжелательномъ долготерпѣніи, которое совѣтывалъ знаменитый германскій ученый на основаніи опыта другихъ странъ. Нашъ новый судъ сразу и рѣшительно завоевалъ общую признательность своею успѣшною дѣятельностью.

Уже въ своемъ первомъ—и увы! послѣднемъ—всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій министръ юстиціи, Д. Н. Замятнинъ, съ справедливою гордостью упомянулъ о громадномъ успѣхѣ открытыхъ мировыхъ учрежденій [19]).

---

[18]) *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1864 г., № 10, стр. 10.

[19]) Въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ за воровство-мошенничество среднимъ числомъ осуждалось въ годъ 500 человѣкъ. Послѣ открытія новаго суда въ однихъ мировыхъ учрежденіямъ осуждаются за тѣ же преступленія среднимъ числомъ около 1,500 человѣкъ, т. е. втрое.

Отмѣтивъ затѣмъ плодотворную дѣятельность общихъ судебныхъ учрежденій, отчетъ продолжаетъ: «и здѣсь глубокое сочувствіе всѣхъ сословій къ судебному преобразованію выразилось въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующая при судебныхъ засѣданіяхъ публика слѣдитъ за ходомъ дѣлъ предъ судомъ. Быстрота рѣшенія дѣлъ, при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формъ судопроизводства, производила какъ на присутствующую публику, такъ и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ поразительное впечатлѣніе».

Особенно замѣчательна та часть министерскаго отчета, которая трактуетъ о судѣ присяжныхъ. Въ виду ея важности приводимъ in extenso: «участіе присяжныхъ засѣдателей,—пишетъ министръ юстиціи,—вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми сословіями. Присяжные засѣдатели, состоящіе *преимущественно изъ крестьянъ* (напр., въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей 11 было крестьянъ) — *вполнѣ оправдали* возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря *поразительному* вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ *правильно и удовлетворительно*»[20]) —

[20]) См. *Жур. Мин. Юстиціи*, 1867 г., № 2, Всеподд. отчетъ министра юстиціи за 1866 г.—Въ статьѣ (*Книжки Недѣли* 1892 г., № 3). «Новые мѣхи и новое вино», принадлежащей перу извѣстнаго судебнаго дѣятеля сенатора А. Ѳ. Кони находимъ слѣдующій отзывъ о нашемъ судѣ присяжныхъ: «ихъ желали, ихъ ждали. Въ нихъ хотѣлось вѣрить заранѣе. Присяжный засѣдатель былъ дорогъ всякому, съ сочувствіемъ думавшему о новомъ судѣ. Подобно Татьянѣ въ письмѣ къ Онѣгину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще непоявившемуся на сцену присяжному: «незримый—ты мнѣ былъ ужъ милъ»... Но невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу. Этотъ незримый и невѣдомый теоретическій присяжный долженъ былъ облечься въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ реальный образъ простолюдина, всего пять

Сильно ошибся бы тотъ, кто принялъ бы приведенную оцѣнку чета за плодъ оффиціальнаго оптимизма и столь распространнаго у насъ пристрастія къ учрежденіямъ «своего» вѣдомва. Лучшимъ доказательствомъ справедливости приведенной рактеристики можетъ служить отзывъ о новыхъ судебныхъ режденіяхъ, появившійся изъ «чужаго» лагеря. Вотъ этотъ зывъ, помѣщенный въ *Сѣверной Почтѣ*, оффиціальномъ орнѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (рядомъ съ этимъ оффиальнымъ панегирикомъ шло то противодѣйствіе, о которомъ оминается выше въ главѣ X). «Благодѣтельныя послѣдствія дебной реформы, — писали въ концѣ 1866 г. въ названной зетѣ;—одинаково признаются *всѣми* (?) *безъ исключенія* прательственными вѣдомствами и свидѣтельствуются *губернаорами всѣхъ губерній*, гдѣ уже введены новыя судебныя тановленія».

тъ назадъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости, — въ образъ го мужика, котораго незадолго передъ тѣмъ Тургеневъ, устами одного ъ своихъ громкихъ героевъ, назвалъ «таинственнымъ незнакомцемъ»... что же? Теперь, чрезъ 25 лѣтъ, можно сказать, что этотъ таинственй незнакомецъ *оправдалъ* оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни раваго смысла, ни нравственнаго чувства русскаго народа. Безпристраная исторія нашего суда присяжныхъ покажетъ со временемъ, въ какія жія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ дол годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ его недостатки не правлялись любовно и рачительно, а предоставлялись злорадно или вороку дальнѣйшему саморазвитію. Будущій историкъ этого суда долъ будетъ признать, что по отношенію къ этому суду у насъ велась особразная бухгалтерія, причемъ на страницѣ кредита умышленно ничего не писалось, а на страницу дебета вписывался каждый промахъ рупнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ. Онъ признаетъ, этотъ истокъ, что между большинствомъ приговоровъ, которые ставились въ вину рисяжнымъ, были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было очти ни одного, который, зная данное дѣло, нельзя бы было понять и бъяснить себѣ»... Слова эти заслуживаютъ особеннаго вниманія въ виду ключительной компетентности автора, который, занимая сначала должности прокурора и предсѣдателя с.-петербургскаго окружнаго суда, а потомъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, имѣлъ въ продолженіе своей продолжительной карьеры всѣ средства близко ознакомиться съ дѣятельностью суда присяжныхъ. Ср. также примѣчан. 31 главы X.

Не трудно представить себѣ тотъ горячій энтузіазмъ, съ которымъ общественное мнѣніе привѣтствовало оффиціальное удостовѣреніе блистательнаго успѣха новыхъ судебныхъ учрежденій. Самымъ краснорѣчивымъ выразителемъ благодарнаго общественнаго мнѣнія выступили *Московскія Вѣдомости*. «Поистинѣ, едва вѣрится,— съ непритворнымъ умиленіемъ восклицалъ будущій зоилъ новаго суда М. Н. Катковъ въ статьѣ 28-го марта 1867 г., — чтобы въ столь короткое время такъ *крѣпко* и такъ *успѣшно* принялось дѣло столь *важное* и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ *основной* мысли и до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ года два тому назадъ можно было только *мечтать*, что возбуждало столько, повидимому, справедливыхъ сомнѣній, теперь находится въ полномъ дѣйствіи на значительномъ пространствѣ нашего отечества и уже впервое полугодіе въ своемъ итогѣ представляетъ столь *блистательные результаты*. Судъ присяжныхъ, *лучшая гарантія гражданской свободы*, совершается у насъ во-очію, и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне, тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія. «*Честь и слава* правительственному вѣдомству, — патетически заканчивала статья, — которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль преобразователя, *оберегая* ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія новаго гражданскаго порядка. *Исторія не забудетъ ни одного имени, связаннаго съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи*».

Какою ироніею звучитъ этотъ благородный и идущій отъ сердца панегирикъ новому суду, когда сопоставишь его съ тѣми безчисленными инсинуаціями, съ тѣмъ систематическимъ бросаніемъ грязи, которое усвоилъ себѣ впослѣдствіи тотъ же Катковъ въ союзѣ съ гонителями святыхъ началъ правды и справедливости, положенныхъ въ основаніе судебной реформы. Однако, это безостановочно возобновляющееся въ извѣстной части печати поруганіе основъ новаго суда должно, по справедливому замѣчанію гуманнаго поэта, не умалить, а усугубить уваженіе къ нимъ въ глазахъ истинныхъ ихъ почитателей.

Храмъ поруганъ нечестивый,
Святотатственной рукой,
И стоитъ онъ молчаливый,
И печальный и пустой...
Всѣ бѣгутъ толпой изъ храма,
Но служитель вѣрный въ немъ—
Гуще клубы ѳиміама
Онъ вознесъ предъ алтаремъ.
У поруганной святыни
Весь простерся онъ во прахъ,
Горячѣе, чѣмъ до нынѣ,
Вѣры жаръ въ его мольбахъ!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Введеніе мироваго суда.

(Справка къ 17-му мая 1866—1891 гг.).

Если судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное, живое право на мѣсто призрака права, то мировой судъ вноситъ право въ такую сферу, гдѣ не существовало и призрака права, даже и понятія о возможности права.

В. П. Безобразовъ.

17-го мая 1866 года открыты были въ Петербургѣ и Москвѣ первыя въ Россіи мировыя судебныя учрежденія, и такимъ образомъ нынѣ (1891 г.) исполнилось первое двадцатипятилѣтіе со дня существованія этого еще такъ недавно столь популярнаго въ правительственныхъ сферахъ и столь симпатичнаго народу инсти-а. Наступающее второе двадцатипятилѣтіе застаетъ его въ ном, крайне тяжеломъ положеніи. Упраздненныя, или наканунѣ упраздненія, мировыя учрежденія, как учрежденія, выходящія изъ моды, нерѣдко и осо-лѣднее время, дѣлались предметомъ явно несправ-пристрастной критики, не признающей и не желаю-ать за ними никакихъ заслугъ и представляющей въ вращенномъ видѣ смыслъ и цѣль учрежденія мироваго ченіе выполненной имъ крупной культурной миссіи. вратности ни ждали въ будущемъ мировыя учреж-отмѣтить ихъ историческую роль въ прошед-

емъ столько же дѣло исторической справедливости по отношенію къ нимъ, сколько и практической необходимости въ интересахъ правильнаго оріентированія въ явленіяхъ современной общественной жизни.

I

Благодаря тому систематическому игнорированію подлинной исторіи нашего современнаго судоустройства, которое составляетъ отличительную черту нынѣшнихъ злостныхъ критиковъ новаго суда, стала безпрепятственно гулять созданная больнымъ воображеніемъ невѣжественныхъ консерваторовъ басня, будто нашъ *выборный* мировой судъ есть не что иное, какъ осуществленіе какой крайней демократической программы à la Руссо, осуществленной радикалами 60-хъ годовъ, въ разгаръ либеральныхъ увлеченій, на мѣсто благоразумныхъ предположеній гр. Д. Н. Блудова [1]). Между тѣмъ исторія нашего процесса показываетъ, что первая мысль объ учрежденіи у насъ «мировыхъ судей» (juge de paix) возникла еще въ 1826 г. и была впервые предложена предсѣдателемъ государственнаго совѣта гр. Кочубеемъ [2]).

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о розысканіи отдаленныхъ корней нашего мироваго суда, достаточно обратиться къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей составленію Судебныхъ Уставовъ. Въ томѣ IV *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи* мы находимъ записку гр. Блудова, гдѣ онъ съ полною откровенностью объясняетъ причину и цѣль учрежденія мироваго суда. «Основаніемъ предложеній объ учрежденіи судей мировыхъ, говорится въ Запискѣ 1859 года, были два важныя обстоятельства: *уничтоженіе* крѣпостнаго состоянія и *рѣшительное отдѣленіе* власти судебной отъ административной. Доселѣ крестьяне помѣщичьи, составляющіе почти половину крестьянскаго населенія, не имѣли никакихъ дѣлъ гражданскихъ, и не было повода учреждать гражданскіе суды для разбиратель-

---

[1]) См. В. Фукса — «Судъ и полиція», 193, 222, 236, 237. См. также выше главу VIII.

[2]) См. «Курсъ угол. суд.», Фойницкаго, стр. 153.

ства споровъ по имуществамъ движимымъ незначительной цѣны, какъ сіе установлено въ отношеніи къ маловажнымъ проступкамъ, кои предоставлены вѣдѣнію полиціи. Но когда въ одно время предполагается (это писалось въ 1859 г.) не только освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, но и устраненіе полиціи отъ *всякаго* вмѣшательства въ дѣла судебныя, то власть и дѣятельность становыхъ приставовъ необходимо замѣнить *судебнымъ* установленіемъ, которое будетъ гораздо полезнѣе, ибо оному можно ввѣрить и веденіе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. Во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ существуютъ такія судебныя лица и мѣста; они тѣмъ въ особенности полезны, что споры въ оныхъ оканчиваются большею частью примиреніемъ или рѣшаются всегда сокращеннымъ порядкомъ, всего чаще при первой явкѣ сторонъ, на основаніи словесныхъ между ними объясненій, безъ издержекъ» [3]). Такимъ образомъ, уже въ 1859 г. были намѣчены гр. Блудовымъ, этимъ авторитетнѣйшимъ въ глазахъ противниковъ новаго суда государственнымъ человѣкомъ, основныя черты мироваго института.

Что же касается выборнаго начала, то и оно точно также было предложено тѣмъ же юристомъ: до освобожденія крестьянъ предлагалъ предоставить право избранія мировыхъ дворянскому сословію [4]), а послѣ освобожденія крестьянъ естественно предоставилъ это право всѣмъ сословіямъ [5]). Этотъ же порядокъ былъ принятъ и редакторами Судебныхъ Уставовъ и не по соображеніямъ, заимствованнымъ изъ Contrat Social, какъ увѣряютъ зоилы судебной реформы, а по соображеніямъ чисто практическимъ и согласно указаніямъ исторіи русскаго законодательства. «Мировые судьи, — сказано въ журналѣ Государственнаго Совѣта 1862 года, — должны быть по преимуществу мѣстными судьями и хранителями мира; общее *довѣріе* мѣстныхъ обывателей составляетъ необходимое условіе ихъ назначенія, а потому правительство было бы поставлено *въ крайне затруд-*

---

3) См. т. IV, отд. 2-е «Дѣла о преобраз. судебн. части въ Россіи», стр. 40—41.

4) См. т. IV того-же «Дѣла», § 286 блудовскаго проекта судоустройства.

5) См. т. XVI н. Д. Журн Госуд. Совѣта 1861 г., № 48, объ основныхъ началахъ судоустройства, стр. 7—8.

тельное положеніе, если бы приняло на себя ихъ избраніе: *бо начальствующимъ лицамъ, во всякомъ случаѣ, труднѣе найти столь значительное число вполнѣ достойныхъ лицъ* для замѣщенія всѣхъ должностей мировыхъ судей, чѣмъ обывателямъ каждой мѣстности пріискать людей для опредѣленнаго круга» [6]).

Вотъ какими чисто дѣловыми соображеніями было вызвано выборное начало въ мировомъ судѣ. Только при полномъ незнакомствѣ съ исторіею русскаго процесса можно видѣть въ выборѣ судей, издавна знакомомъ русскому законодательству, нѣчто опасное, революціонное. Всего 25 лѣтъ тому назадъ, т. е. до открытія новаго суда, весь почти составъ первой и второй инстанціи назначался по выборамъ сословій (всѣ пять членовъ уѣзднаго суда и всѣ четыре члена магистрата были выборные, въ уголовной палатѣ предсѣдатель и члены были выборные и только товарищъ предсѣдателя—по назначенію отъ правительства). Мало того: даже полицейскія власти были выборныя! [7]). Теперь же невѣжественные критики судебной реформы увѣряютъ, что назначеніе судей по выбору населенія это—такая радикальная реформа, которую только коммунары [8]) вносятъ въ свою программу, какъ pium desiderium!... Такъ-то нынче пишется исторія!...

II

Правильному сужденію объ исторической роли мироваго института, кромѣ завѣдомо распространяемыхъ врагами его искаженныхъ свѣдѣній объ его происхожденіи, мѣшаетъ также и неправильное освѣщеніе условій его дѣятельности. Рядомъ съ преобразованнымъ судомъ должна была содѣйствовать въ охранѣ общественнаго порядка и полиція, реформа которой до сихъ поръ еще не осуществилась. «Можно ли утверждать,—писалъ въ 1888 г. одинъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ новаго суда

[6]) См. т. XIX н. д., стр. 308.

[7]) См. т. XVII «Дѣла о преобразованіи судебн. части въ Россіи». Матеріалы №№ 12 и 25 Записки Ровинскаго.

[8]) См. статью г. Ціона въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1886 г., № 8-й.

В. Фуксъ, менѣе всего наклонный относиться съ чрезмѣрною строгостью къ дѣйствіямъ полиціи,—что наша полиція уже соотвѣтствуетъ своему назначенію, что она имѣетъ всѣ необходимыя средства для надзора за благосостояніемъ и для охраненія внутренней безопасности, что она состоятельна въ предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, что она, наконецъ, пользуется подобающимъ ей уваженіемъ? Къ сожалѣнію,—говоритъ Фуксъ,—на всѣ эти вопросы можно дать одинъ отвѣтъ: формально—да, по существу—*нѣтъ*» [9]). А если это такъ, то справедливо ли всю вину за отсутствіе порядка и безопасности сваливать на мировыя судебныя учрежденія, которыя замкнулись и должны были замкнуться въ роль судей и блюстителей закона.

Мировому суду ставятъ въ вину его малодоступность, сложность, формализмъ. Упрекъ не лишенъ основанія, но поучительный смыслъ его совсѣмъ не тотъ, какой хотятъ вывести противники мировой юстиціи. Всѣ эти недостатки не только не вызываются духомъ этого учрежденія, но прямо имъ исключаются. Могли ли составители Судебныхъ Уставовъ предвидѣть, что въ мировомъ судѣ, производство въ которомъ они освободили, въ видахъ его доступности, отъ сборовъ, установленныхъ въ общихъ судахъ, будетъ установлена судебная пошлина, *вдвое превосходящая* размѣръ пошлины, существующей въ общихъ судахъ (ст. 202 уст. гр. суд.)? Могли ли они предвидѣть, что мировые судьи будутъ завалены такою массою сложной канцелярской работы и отчетности, которая будетъ обременять ихъ въ ущербъ ихъ прямыхъ судейскихъ обязанностей?

Да и самая судебная процедура современнаго мироваго судопроизводства развѣ она не представляетъ иронію надъ тѣмъ упрощеннымъ процессомъ, о которомъ мечтали составители Судебныхъ Уставовъ? Разъясняя значеніе мироваго института, въ отличіе отъ общихъ судебныхъ учрежденій, они, между прочимъ, писали: «На мироваго судью возлагается разсмотрѣніе всѣхъ менѣе важныхъ дѣлъ, ежедневно почти возникающихъ между большинствомъ населенія, значительная часть котораго не знаетъ законовъ, не терпитъ *формализма*, уважаетъ естественную

---

[9]) См. «Судъ и Полиція», стр. 214.

справедливость и дорожитъ временемъ, а потому главнѣйше заботится о скоромъ и на своихъ понятіяхъ основанномъ рѣшеніи. Значительную часть этихъ дѣлъ мировому судьѣ предоставляется рѣшить окончательно, и при этомъ онъ судитъ единолично. Главнѣйшая задача и высшее качество его правосудія— *примиреніе*. Для успѣшнаго исполненія такого важнаго призванія мировой судья долженъ пользоваться особымъ довѣріемъ мѣстныхъ жителей, а довѣріе это онъ можетъ заслужить не только юридическимъ образованіемъ, сколько знаніемъ народныхъ понятій, нравовъ, обычаевъ, вообще всѣхъ условій мѣстной жизни и въ особенности своимъ здравымъ умомъ, честнымъ характеромъ и безукоризненною жизнью».

Типъ доступнаго всѣмъ судьи, быстро и безъ формальностей рѣшающаго дѣла, и въ самыхъ Судебныхъ Уставахъ не былъ проведенъ достаточно послѣдовательно. Послѣдующая же законодательная и кассаціонная практика еще болѣе измѣнили этотъ типъ, приблизивъ или почти сливъ съ типомъ судьи-юриста, дѣйствующаго въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

III

Почему же мировыя учрежденія, не смотря на всѣ законодательные и кассаціонные промахи, успѣли однако сразу стяжать громадную популярность въ народѣ и сумѣли сдѣлаться самымъ цѣннымъ и плодотворнымъ проводникомъ гуманно-просвѣтительныхъ идей судебной реформы? Отвѣтъ на это мы находимъ въ условіяхъ той дѣйствительности, среди которыхъ пришлось выступить первымъ мировымъ судьямъ.

Судебная реформа, — писалъ В. П. Безобразовъ, — вноситъ въ народную жизнь право, какъ живой дѣйствительный фактъ, на мѣсто права, существовавшаго лишь какъ мертвая буква закона, какъ смутное понятіе, не исчезавшее, конечно, никогда изъ вѣрованій и понятій народа, но носившееся въ облакахъ, надъ его головами, какъ нѣчто неуловимое, неосязаемое, никогда не воплощавшееся въ настоящее практическое дѣло. Если,—говоритъ онъ далѣе,— судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное, живое право на мѣсто призрака, то мировой судъ—

вноситъ право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ *не существовало и призрака права*, даже понятія о возможности права [10]).

Въ такой характеристикѣ нѣтъ и тѣни преувеличенія. Кому не извѣстно, что право сильнаго и богатаго въ дореформенныя времена было настоящимъ instrumentum regni, было возведено въ систему, въ особенности по маловажнымъ дѣламъ, если стали кивались, съ одной стороны, безправный обыватель и съ другой— располагающій силою по своему общественному положенію по мѣщикъ, богатый купецъ, умѣвшій, послѣдній, при помощи «ба рашка въ бумажкѣ», первый же просто однимъ своимъ *властным словомъ*, подкрѣпленнымъ подобающими жестомъ и мимикою прекращать жалобы потерпѣвшихъ отъ ихъ самовластнаго само дурства и отъ ихъ безсовѣстнаго надувательства и обсчитыванія

Покойный Фуксъ, постоянный сотрудникъ *Русскаго Вѣст ника* и *Московскихъ Вѣдомостей* 80-хъ годовъ, отнюдь не расположенный рисовать въ преувеличенно мрачныхъ краскахъ дореформенные порядки, представляетъ въ такомъ состояніи судъ и расправы при полицейскихъ управленіяхъ наканунѣ от крытія новаго суда. «До начала 60-хъ годовъ,—пишетъ Фуксъ,— общественное сознаніе въ отношеніи къ полиціи выражалось двояко: въ *высшихъ* и даже *среднихъ* общественныхъ слояхъ на полицію у насъ смотрѣли свысока, *съ презрѣніемъ*, въ низшихъ — *со страхомъ*. Высшіе слои по своему родовому или имущественному привилегированному положенію вовсе не считали своимъ долгомъ исполнять требованій полиціи, и даже сами еще предъявляли къ ней свои притязанія для огражденія своихъ юныхъ птенцовъ отъ послѣдствій ихъ собственнаго безчинства; военные же и лица, состоящія на службѣ, даже мелкіе чиновники, опираясь на защиту своего начальства, смотрѣли на полицію *еще безцеремоннѣе*; а средніе промышленные и торговые классы освобождались отъ всякихъ требованій полиціи или пріобрѣтали, гдѣ было нужно, ея содѣйствіе посредствомъ *взятокъ*, получившихъ, напр., на фабрикахъ, заводахъ, въ лавкахъ и по питейной части характеръ *постояннаго жалованья* полицейскимъ

---

[10]) См. *Русскій Вѣстникъ*, 1866 г.

чинамъ. Оставалось затѣмъ *безправная масса* низшихъ городскихъ обывателей, а въ уѣздахъ—поселяне, но для нихъ полиція была уже не охраной, а самымъ строгимъ и придирчивымъ начальствомъ, отъ притязаній коего необходимо было *откупаться* [11]). Правда, у населенія было право жаловаться на исправниковъ и становыхъ и городничихъ, но оно было поставлено въ такія условія, которыя иные хотѣли бы перенести на нынѣшнихъ земскихъ начальниковъ и которое сводилось къ нулю. Мы знаемъ изъ «Ревизора», къ чему сводилось громкое по названію право обжалованія даже для «самоварниковъ». Остальное же населеніе и не дѣлало попытокъ не только къ обжалованію противозаконныхъ дѣйствій полиціи [12]), но даже къ осуществленію своего права на предъявленіе къ полиціи гражданскихъ исковъ. До какой степени старый полицейскій судъ *отвадилъ* народъ отъ суда, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. На обязанности городской полиціи лежалъ, между прочимъ, «словесный разборъ» мелкихъ споровъ, съ записку жалобъ и рѣшеній по нимъ въ особую книгу. И что же? Когда губернаторы ревизовали полицейскія учрежденія, означенныя книги оказывались *чистыми отъ первой до послѣдней страницы!* [13]).

---

[11]) См. В. Фукса—«Судъ и Полиція», стр. 218 - 219.

[12]) Ibid., ч. II, стр. 188.

[13]) Въ *Былом и Думах* Герцена находимъ слѣдующую, записанную съ натуры, картину полицейской расправы, прекрасно иллюстрирующую причину образцовой *чистоты* полицейскихъ книгъ, которой такъ не доставало у совѣсти содержателей книгъ.—Предъ квартальнымъ стоитъ обвинительница (содерж. заведенія) и обвиняемый (сидѣлецъ). Вмѣсто суда,—разсказываетъ Герценъ, видѣвшій сцену «патріархальнсго суда» во время ареста своего въ Москвѣ въ частномъ домѣ,—Соломонъ, квартальный бранилъ ихъ обоихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Съ жиру собаки бѣсятся, говорилъ онъ, сидѣли бы бестіи покойно у себя, благо мы молчимъ да мирволимъ. Вишь, важность какая! поругались — да и тотчасъ начальство безпокоить! И что вы за фря такая? словно вамъ въ первый разъ... Полпивщикъ (обвиняемый) тряхнулъ головой и передернулъ плечами въ знакъ глубокаго удовольствія. Квартальный тотчасъ напалъ на него. А ты что изъ за прилавка лаешься, собака? Хочешь въ сибирку? Сквернословъ эдакой, да лапу еще подымать,—а березовыхъ, горячихъ... хочешь?... Для меня эта сцена имѣла всю прелесть новизны, это былъ первый патріархальный русскій процессъ, который я видѣлъ, пишетъ Гер-

Ошибочно было бы думать, что среди этого безправнаго селенія [16]) господствовалъ хоть внѣшній городской порядок благоустройство. Какъ всегда и вездѣ наблюдается,—при от ствіи должной охраны правъ гражданъ, они и къ обязанност своимъ относятся съ полнымъ пренебреженіемъ. Вотъ по при полицейскомъ полновластіи, при которомъ безцеремонн рушались права гражданъ, все-таки не было у насъ поряд чистоты даже и въ столицахъ. Въ дневникѣ академика Н тенко за 1864 г. между прочимъ приведенъ такой фактъ.

ценъ и затѣмъ продолжаетъ: „содержательница и квартальный крича тѣхъ поръ, пока взошелъ частный приставъ. Онъ, не спрашивая, за эти люди тутъ и чего хотятъ, закричалъ еще больше дикимъ голо „*Вонъ, отсюда, вонъ*, что здѣсь торговая баня или кабакъ?“ Проги „сволочь“, онъ обратился къ квартальному: „Какъ вамъ это не ст допускать такой безпорядокъ? Сколько разъ вамъ говорилъ? Ува къ мѣсту теряется—шваль всякая станетъ послѣ этого содомъ дѣ Вы потакаете слишкомъ этимъ мошенникамъ“. (Сочин. VI, 220, 22 Вѣроятно, слюнки потекутъ у нынѣшнихъ почитателей „властной р при чтеніи этой живописной сцены стараго „патріархальнаго суд возстановленіи котораго не перестаютъ они мечтать...

16) О безправности населенія и полновластіи администраціи въ форменное николаевское время у Н. А. Любимова находимъ слѣд игриво-ѣдкія строки: „Начальство сдѣлалось *все* въ странѣ. Все кес Богови оставалось весьма немного. Все сводилось къ простотѣ о ній начальника и подчиненнаго. Въ начальствѣ совмѣщались : правда, милость и кара.—Губернаторъ при какой-то ссылкѣ на взявшій со стола томъ Свода Законовъ и *сѣвшій на него* съ вопр гдѣ законъ? былъ лицомъ *типическимъ* и въ частности добрымъ ведливымъ человѣкомъ... Купецъ торговалъ потому, что на то лость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ об силу начальническаго позволенія. Приказный пилъ водку, жени дилъ дѣтей, бралъ взятки по милости начальническаго снисход шали воздухомъ потому, что начальство, снисходя къ слабос опускало въ атмосферу достаточное количество кислорода. вала въ водѣ, птицы пѣли въ лѣсу, потому что такъ разр чальствомъ. Начальникъ былъ безотвѣтственъ въ отношеніи къ подчиненнымъ, но имѣлъ въ тѣхъ же условіяхъ начальст бою... Военные люди, какъ представители дисциплины, сче ными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣ нодѣ, въ качествѣ оберъ-прокурора и т. д. (см. 182—183 ковъ и его истор. заслуга“).

носчики, стоявшіе подъ арками Гостиннаго двора (въ Петербургѣ), производили тамъ нечистоты и обращались грубо съ публикою. Полиція разгоняетъ ихъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, а публика должна была ходить, чтобы купить десятокъ яблокъ, за нѣсколько верстъ [15])...

Назначеніемъ мироваго института было внесеніе въ сферу повседневныхъ гражданскихъ отношеній первыхъ элементовъ благоустроеннаго общежитія—*сознанія гражданами своихъ правъ и обязанностей*. Если новый гласный судъ называютъ—и справедливо называютъ — школою гражданскаго воспитанія, то мировыя учрежденія съ тысячами камеръ, разбросанныхъ по самымъ отдаленнымъ захолустьямъ нашего обширнаго отечества, являлись первою и самою важною ступенью этой школы. Не ларомъ министръ юстиціи, Д. Н. Замятнинъ, въ рѣчи своей, произнесенной при открытіи новаго суда, назвалъ мировой судъ «*краеугольнымъ камнемъ* гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда!» Въ самомъ дѣлѣ, общія судебныя учрежденія и по отдаленности мѣста своего нахожденія и по сравнительно большей важности подсудныхъ имъ дѣлъ имѣли и имѣютъ соприкосновеніе съ народными массами гораздо рѣже мировыхъ. Можно прожить цѣлый вѣкъ и ни разу не имѣть случая попасть на засѣданіе окружнаго суда и на судъ присяжныхъ; но рѣдко кто въ томъ или другомъ качествѣ не видѣлъ обстановки мироваго судоговоренія, и въ этомъ отношеніи мировыя учрежденія, какъ своего рода элементарная народная школа, имѣли для народнаго воспитанія громадное значеніе.

Добрыя традиціи, сразу привившіяся подъ вліяніемъ господствовавшаго въ 60-хъ годахъ либерально-гуманнаго направленія, мировому институту почти повсемѣстно, сдѣлали то, что Онъ съ первыхъ же дней сдѣлался необыкновенно популяренъ именно въ *народныхъ массахъ* [16]). Мировые судьи дѣлали все,

---

[15]) *Русск. Стар.* 1891 г., № 5, стр. 403.

[16]) Въ с. Васильевѣ, Уфимской губ., какъ сообщали мѣстныя губернскія вѣдомости, такъ заинтересовались сценами мироваго разбирательства, печатавшимися въ столичныхъ газетахъ, что выучили ихъ наизусть и разыгрывали въ разныхъ домахъ *Журн. Мин. Юст.* 1867 г., № 5, стр. 431.

отъ нихъ зависящее, чтобы *пріохотить* народъ къ суду, чтобы возстановить къ нему довѣріе, чтобы поколебать укоренившееся въ немъ убѣжденіе о безполезности и даже опасности «тягаться съ сильнымъ и богатымъ». Дѣлалось это, конечно, не въ видахъ поощренія кляузнаго сутяжничества, а въ видахъ привитія русскому человѣку сознанія своего человѣческаго достоинства, правоваго сознанія, безъ котораго немыслимо никакое гражданское развитіе, сознанія, что обезпеченное закономъ право находитъ защиту въ судѣ, несмотря на силу и могущество обидчика.

Широко распахнули мировые судьи двери камеръ своей «судебной школы» предъ изумленными очами сермяжнаго народа. Въ Москвѣ бывали случаи, что мировые судьи устраивали засѣданія, за невозможностью помѣстить публику въ камерѣ, на подобіе древняго римскаго суда sub Jove, на дворѣ подъ открытымъ небомъ! Въ наше «охлажденное», «трезвенное», но не скучное, безъидейное время все это можетъ показаться ребячествомъ, донкихотствомъ, но развѣ не такія героическія усилія нужны были для того, чтобы «заманить» народъ въ судъ, который онъ дотолѣ обѣгалъ, какъ зачумленнаго мѣста? Дивувался народъ при видѣ этого новаго. — новаго во всѣхъ отношеніяхъ, и по внѣшней обстановкѣ и по внутреннему смыслу суда! Вмѣсто грубаго окрика и зуботычинъ, онъ встрѣчалъ привѣтливаго «мироваго», который говорилъ всѣмъ «вы», внимательно выслушивалъ и одинаково судилъ и знатнаго барина, генерала, адмирала, милліонера, и лапотнаго мужика и не давалъ въ обиду «маленькаго человѣка», хотя бы пришлось ему столкнуться съ полицейскими властями или богатымъ и сильнымъ противникомъ. На мѣсто стародавняго выраженія «для насъ законъ не писанъ», народъ сталъ говорить: «нынѣ драться не велятъ», «за это мировой по головѣ не погладитъ», «нынче всѣ равны предъ судомъ и пр.».

Вѣря въ высокое призваніе свое, мировые судьи перваго избранія съ необычною энергіею и любовью къ дѣлу принялись за исполненіе своихъ обязанностей. Уже съ 18-го мая мировые суды стали принимать въ Москвѣ просителей. Засѣданія происходили не только по утрамъ, но и по вечерамъ. Прошенія принимались «во всякій часъ дня и ночи, и гдѣ бы проситель судья

ли встрѣтилъ». Московскіе мировые судьи, — читаемъ въ *Судебномъ Вѣстникѣ*,—очень ревностно принялись за дѣло, обнаруживъ притомъ не мало смѣтливости и умѣнья самому узнать истину. Такъ, одинъ изъ нихъ по жалобѣ какой-то дамы на дерзость и ругательства со стороны кухарки немедленно отправился, будучи въ тотъ часъ свободенъ, въ указанный домъ, и прежде чѣмъ виновная успѣла узнать, кто былъ этотъ неожиданный посѣтитель, ему пришлось самому быть свидѣтелемъ ругательствъ, которыя не замедлила повторить дерзкая кухарка. Многія судьи, замѣтивъ сами какія-либо безчинства на улицѣ, отсылали виновныхъ къ суду. «Всѣми судьями рѣшено,—писали въ ту же газету, — употребить всевозможныя усилія, чтобы искоренить уличное сквернословіе, эту язву нашего народа. Сквернословіе и рядомъ съ нимъ непомѣрная нечистота нашихъ троттуаровъ, вслѣдствіе слишкомъ откровенныхъ привычекъ нашего народа, дѣлаютъ въ Москвѣ для дамъ и дѣтей почти совершенно невозможнымъ ходить по улицамъ. Наши мировые рѣшили не пропускать ни одного такого случая сквернословія или иной неблагопристойности, дѣйствуя сначала внушеніемъ, а потомъ другими взысканіями» [17]).

IV

Впечатлѣніе, произведенное первыми шагами дѣятельности мироваго суда, было громадно и поразительно. По справедливому замѣчанію одного публициста того времени, уже первые мѣсяцы дѣятельности мировыхъ учрежденій произвели настоящій «переворотъ» въ бытовыхъ отношеніяхъ и умахъ [18]). «Чтобы

---

[17]) См. *Суд. Вѣст.*, 1866 г., № 3.

[18]) Говоря о времени открытія мировыхъ учрежденій, юбилейный Отчетъ сообщаетъ характерныя подробности, свидѣтельствующія о чрезвычайной популярности мироваго суда съ самаго его возникновенія. Въ первые же дни мировые судьи были завалены массою прошеній и жалобъ по дѣламъ, подлежавшимъ и даже не подлежавшимъ ихъ разбирательству. Новый судъ, - читаемъ въ отчетѣ - кромѣ интереса, новизны, быстро сдѣлался популярнымъ своею доступностью, быстротою и несложностью формальностей, сравнительно съ прежнимъ судомъ; въ народной массѣ явилось сознаніе *правъ и гарантій*, которыя или не существовали

убѣдиться,—писалъ Безобразовъ,—какъ мало въ этихъ словахъ преувеличенія, надо видѣть *изумленіе* людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиняться приговорамъ мировыхъ судей; надо видѣть то изумленіе—изумленіе, подавляющее своею силою, даже раздраженіе, съ которымъ выслушиваютъ эти приговоры *господа*, прогнавшіе отъ себя служителей, не выдавъ имъ жалованья за полгода службы только потому, что служители имъ не понравились; *рабочіе*, самовольно ушедшіе съ работъ до срока найма, вопреки письменному контракту, только потому, что цѣна на работы поднялась; *пьяницы*, *никогда не* слыхавшіе, что нельзя было валяться и ругаться на улицахъ; *мужья*, не имѣвшіе никакого понятія, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ; *баринъ*, ускакавшій на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленнаго имъ на дорогѣ, и т. д., и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—необходимы были прежде всего *неимовѣрныя* усилія, чтобы люди всѣхъ званій и состояній поняли, что они вызваны къ мировому суду не для шутки и что приговоръ его можетъ

ранѣе, или существовали только по имени, но были упразднены на практикѣ, за фактическою невозможностью ихъ осуществленія. Естественно, что потребность въ осуществленіи ихъ, при первой возможности, проявилась огромнымъ наплывомъ просителей публики въ камерахъ мировыхъ судей. Нѣкоторыя камеры не могли вмѣщать всѣхъ являющихся, и были случаи, что судьи, не желая стѣснять столь необходимую, въ особенности на первыхъ порахъ, гласность, производили разбирательство *на дворѣ*, *при камерѣ*, чтобъ не лишить всѣхъ явившихся возможности присутствовать на разбирательствѣ. „Естественные въ каждомъ новомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Отчетъ, недоразумѣнія возникли со всѣхъ сторонъ, „новыя права“ подвергались преувеличеннымъ толкованіямъ, вслѣдствіе чего къ мировымъ судьямъ обращались съ такими просьбами, которыя явно выходили изъ предѣловъ вѣдомства мироваго суда, если не вовсе не подлежали судебному разбирательству. Начиная отъ просьбы вникнуть въ семейныя отношенія и уладить семейные разлады до просьбъ, имѣвшихъ характеръ бракоразводныхъ дѣлъ, начиная отъ жалобъ на оскорбленія выраженіями самаго невиннаго свойства до жалобъ на истязанія и грабежи,—все это направлялось къ мировому судьѣ, который съ первыхъ же дней явился *живымъ истолкователемъ* правъ, предоставляемыхъ каждому, и обязанностей, возлагаемыхъ на него закономъ“. См. 25-ти лѣтіе Моск. *Мир.* Суд. Уст.

ъ приведенъ въ исполненіе. *Это истинный переворотъ въ* ихъ, и къ тому же еще чрезвычайно быстро совершающійся ѣ двухъ строкъ приговоровъ, энергически приведенныхъ исполненіе посреди людей, пораженныхъ изумленіемъ, не ящихъ своимъ глазамъ, чтобы покровительство, оказанное исправнику не освобождало ихъ отъ обязанности платить ованье слугамъ, или чтобы дружественныя попойки съ засѣ-ателемъ полицейскаго управленія не давали имъ права бить только рабочихъ, но и *самихъ полицейскихъ служителей.* мленіе однако быстро смѣняется другими чувствами, и *толпа ода валитъ* къ мировымъ судьямъ, вылѣзаютъ на свѣтъ изъ хъ темныхъ закаулковъ такія дѣла, которыя на памяти людей никогда иначе не рѣшались, какъ кулачнымъ правомъ, а самомъ лучшемъ случаѣ *терпѣніемъ и забвеніемъ* [19]).

)фиціальныя данныя вполнѣ подтверждаютъ эту характери-ку и значеніе мироваго института. «Съ перваго же приступа овыхъ судей къ новому дѣлу,—писалъ министръ юстиціи, Н. Замятнинъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ годовомъ отчетѣ министерству,—простота мироваго разбирательства, полная сность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вы-ли *всеобщее къ мировому институту довѣріе.* Въ особен-ти *простой народъ*, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, перестаетъ благословлять Верховнаго Законодателя за даро-іе Россіи суда, *столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣт-ствующаго его потребностямъ.* Довѣріе къ мировымъ судьямъ,— должаетъ министерскій отчетъ,—доказывается въ особен-ти тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ су-ныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ граж-скихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по нѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ ахъ *вовсе не возникали.* Равнымъ образомъ, приносили ми-вымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и ды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя ѣже обиженные оставляли безъ преслѣдованія».

---

[19]) См. октябрьскую книжку *Русск. Вѣстн.*, за 1866 годъ.

Приводимыя въ отчетѣ Замятнина цифры показываютъ, какъ быстро росла популярность мировыхъ учрежденій въ столицахъ. Съ 17-го мая по 17-е ноября въ 28 участкахъ Петербурга было возбуждено 56,144 дѣла, изъ нихъ рѣшено и прекращено мировымъ 44,770 дѣлъ (12,504 уголовныхъ и 32,266 гражданскихъ). Въ 17 участкахъ Москвы за тотъ же полугодовой періодъ было возбуждено 31,608 дѣлъ (уголовныхъ 12,784 и гражданскихъ 18,824), рѣшено 17,171. На каждаго мироваго судью, несмотря на новизну и трудность новой гласной процедуры, приходилось среднимъ числомъ около 2,000 дѣлъ! Такая энергичная дѣятельность [20]) особенно бросалась въ глаза при сопоставленіи ея съ

---

[20]) Приводимъ изъ составленнаго мировымъ судьею В. К. Вульфертомъ сборника «Двадцатипятилѣтіе Московскихъ столичныхъ мировыхъ судебныхъ установленій» еще нѣкоторыя данныя объ нихъ. Чтобы судить о размѣрахъ дѣятельности, проявленной мировыми судебными учрежденіями, достаточно принять на видъ, что перешедшія къ нимъ дѣла вѣдались до 1866 года слѣдующими семью учрежденіями: уѣзднымъ судомъ, надворнымъ судомъ, коммиссіей для словесной расправы между рядчиками и рабочими, девятью словесными судами при полицейскихъ частяхъ города и управленіемъ 17 частей города Москвы. Если сопоставить рядомъ съ этою многочисленностью учрежденій количество производившихся въ нихъ дѣлъ, ничтожность его сразу бросается въ глаза. Уголовныхъ дѣлъ производилось въ годъ 1,793, а гражданскихъ 6.200, всего, стало быть, около 8,000. Какъ велика въ этомъ отношеніи перемѣна, происшедшая со введеніемъ мировыхъ учрежденій, явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1890 году у мировыхъ судей возникло:

Уголов. дѣлъ	28,850
Гражданскихъ	38.137
	66,987

т. е. въ теченіе 25 лѣтъ число дѣлъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ 8 разъ. Что явленіе это слѣдуетъ приписать не естественному росту населенія (оно въ Москвѣ увеличилось нѣсколько больше двухъ разъ) или развитію городской жизни, а именно строю и направленію новыхъ мировыхъ судебныхъ установленій, это можно вывести изъ сопоставленія данныхъ о дѣятельности ихъ за первые же мѣсяцы ихъ существованія. Московская городская дума, исходя изъ того соображенія, что къ мировымъ судьямъ будетъ поступать значительное количество мелкихъ дѣлъ, для которыхъ до судебной реформы «не было ни суда, ни расправы», при дѣленіи гор. Москвы на участки предполагала, что общее число дѣлъ сравнительно съ прежними увеличится вдвое, т. е. будетъ 16,000 въ годъ. На самомъ дѣлѣ въ первое же полугодіе число дѣлъ, возникшихъ

предшествовавшимъ временемъ, когда полицейскія книги, назначенныя для записи приговоровъ, въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняли свою дѣвственную чистоту! Представители общества, являясь органомъ общей признательности, всякими способами выражали свою симпатію мировому суду. Но представители общества выражали свою симпатію не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Когда по первому вызову С.-Петербургской городской думы явилось, въ виду назначеннаго скуднаго вознагражденія въ 2,200 руб., очень немного лицъ, изъявившихъ желанія баллотироваться на должность мироваго

въ мировыхъ учрежденіяхъ, достигло 38,000, т. е. превысило число дѣлъ, возникавшихъ въ дореформенныхъ учрежденіяхъ, за соотвѣтственное время, *больше чѣмъ въ 9 разъ*. Что касается быстроты производства дѣлъ, то о ней могутъ дать понятіе слѣдующія данныя: изъ общаго числа возникшихъ въ 1890 г. 29,850 уголовныхъ дѣлъ рѣшено въ томъ же году 28,179, а изъ числа 38,137 гражданскихъ дѣлъ рѣшено 37,321. Всего мировыми судьями рѣшено въ теченіе 25 лѣтъ — 1,368,546 дѣлъ, среднимъ числомъ около 55,000 въ годъ.

Упроченною доброю славою своею московскія мировыя учрежденія обязаны главнымъ образомъ старымъ судьямъ, издавна входящимъ въ составъ его. Приводимъ списокъ старѣйшихъ членовъ мироваго института, исполняющихъ судейскія обязанности не менѣе десяти лѣтъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить трехъ почтенныхъ мировыхъ судей—С. А. Тарасова, Г. В. Грудева и графа М. С. Ланскаго, состоящихъ судьями съ 1866 г. и исполнявшихъ, помимо судейскихъ обязанностей, и обязанности предсѣдателя съѣзда и попечителя арестнаго дѣла. Затѣмъ слѣдуетъ Н. П. Грековъ (состоящій судьею съ 1867 года и предсѣдателемъ съѣзда съ 1875 года † 1893 года), Холмскій А. С. (съ 1867 по 1891 гг.), Бахметевъ П. В. (съ 1867 по 1891 гг.), Строевъ П. П. (съ 1872 по 1891 г.; съ 1878 г. и по нынѣ—непремѣннымъ членомъ съѣзда). Флеровъ С. В. (съ 1872 — 1891 гг.), Ляпинъ М. П. (1872 — 1891 гг.), Коновницынъ графъ П. И. (1875 — 1891 гг.), Свѣчинъ А. И. (1877 — 1891 гг.), Ржевскій А. Ф. (1877 — 1891 гг.), Шиловъ А. А. (1881 — 1891 гг.).

Участковые мировые судьи слѣдуютъ по старшинству въ слѣдующемъ порядкѣ: Рукинъ В. Н. (1867 — 1891 гг.), Каринскій Н. Н. (1868 — 1891 гг.), Сумбулъ Л. Н. (1870 — 1891 гг.), Лебедевъ П. И. (1870 — 1891 гг.), Печкинъ С. П. (1872 — 1891 гг.), Волковъ И. М. (1872 — 1891 гг.), Симоновъ А. Б. (1873 — 1891 гг.), Баршевъ А. Л. (1875 — 1891 гг.), Любенковъ Л. В. (1875 — 1891 гг.), Вендрихъ Н. К. (1875 — 1891 гг.), Вульфертъ В. К. (1877—1891 гг.), Гончаровъ П. С. (1877 —

судьи, дума возвысила окладъ съ 2,200 р. до 4,500 р. [21]). Какъ только оказалась надобность, въ виду накопленія дѣлъ, въ увеличеніи числа участковъ, петербургская дума ассигновала необходимыя средства. Точно также и московская общая дума, несмотря на стѣсненное положеніе городскихъ финансовъ, не затруднилась назначить добавочное содержаніе на мировыя судебныя учрежденія.

V

Но какъ всякое учрежденіе, поставившее себѣ цѣлью искорененіе широко распространеннаго и застарѣлаго зла и злоупотребленій, новыя мировыя учрежденія были встрѣчены въ высшей степени враждебно со стороны тѣхъ группъ и слоевъ, которымъ было на руку господствовавшее дотолѣ безправное состояніе массъ. Особенно ополчились противъ мироваго института органы крѣпостнической партіи, которые, не смѣя думать о возвратѣ былаго добраго стараго времени въ его чистомъ видѣ, хотѣли бы удержать по крайней мѣрѣ привилегированное положеніе, обезпечивающее безнаказанное самоуправство. Почитатели дореформенныхъ порядковъ особенно возмущались «непозволительнымъ вольнодумствомъ» мировыхъ судей, которые говорили всѣмъ *вы*, осмѣливались ставить на *одну доску* барыню и кухарку, при обвиненіи первой въ самоуправствѣ либо оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ [22]). Судьи, исполнявшіе свято возложен-

---

1891 гг.), Арцабушевъ П. А. (1878—1891 гг.), Андреевъ Н. М. (1881—1891 гг.), Маттернъ Э. Э. (1881 — 1891 гг.). Съ основанія мироваго съѣзда секретаремъ состоялъ при немъ А. В. Амасійскій, а съ 1867 г.—А. Т. Савельевъ. Съ 1874 г. при съѣздѣ образованъ первый въ Россіи совѣтъ судебныхъ приставовъ, вѣдающій ихъ дисциплинарныя дѣла и раздѣлъ таксіоннаго сбора.

[21]) См. *Журн. Мин. Юст.*, 1867 г., № 5, стр. 184.

[22]) Подъ характернымъ заглавіемъ «Обломки разбитаго корабля» В. Н. Никитинъ выпустилъ къ «судебному юбилею» книгу, въ которой собраны сцены у мировыхъ судей 60-хъ годовъ, представляющія крайне назидательную картину нравовъ извѣстной части нашего общества, не могшей примириться съ началомъ равноправности, введеннымъ судебною реформою. Такихъ сценъ масса. Въ одной изъ нихъ фигурируетъ генералъ

ную на нихъ закономъ обязанность чинить судъ «равный для всѣхъ», безъ церемоніи обвинялись въ опасныхъ, революціонныхъ наклонностяхъ. Но первое время защитники крѣпостническихъ тенденцій были крайне малочисленны, и лучшая и бо́льшая часть печати стояла горою за судебную реформу. Отвѣчая на крѣпостническія выходки «*Вѣсти*» противъ мироваго суда, *Московскія Вѣдомости*, между прочимъ, указывали на недобросовѣстность критиковъ этого молодаго учрежденія, игнорировавшихъ его цѣль и новыя условія его дѣятельности. «Щедрость общественныхъ учрежденій относительно мироваго института, при стѣсненныхъ городскихъ финансахъ, получаетъ, писала эта газета, значеніе *непререкаемаго* заявленія о пользѣ мировыхъ учрежденій, сознаваемой всѣми обывателями. А между тѣмъ мировая часть судебныхъ учрежденій подверглась и подвергается *наиболѣе злобнымъ* нападкамъ со стороны нашихъ *консерваторовъ извѣстнаго сорта*, сердящихся, повидимому, на судебную реформу, какъ и на другія преобразованія, всего болѣе за то, что они идутъ не безъ успѣха. Мировые судьи замѣнили у насъ, главнымъ образомъ, разбирательство, происходившее въ съѣзжихъ домахъ. Кто не помнитъ, что это такое

Симборскій, страшно обидѣвшійся на мироваго судью, который въ отвѣтъ на его требованіе, чтобы ему, какъ кавалеру ордена св. Владиміра, подавъ былъ стулъ, приказалъ подать два стула: одинъ генералу Симборскому, другой истцу мѣщанину (стр. 139).—Контръ-адмиралъ Арбузовъ былъ возмущенъ тѣмъ, что мировой судья попросилъ его идти за рѣшетку (въ публику) и тамъ дожидаться очереди. Въ апелляціонной жалобѣ своей съѣзду г. Арбузовъ, между прочимъ, писалъ: «Услыша по очереди призывъ г. судьи: «г. Арбузовъ» и г. Соколовъ, конечно, по идеѣ *соціализма* или непонятнаго *эгелизма* (sic), часто повторяемой отъ многихъ неучей мышленія, какъ будто ведущихъ къ прогрессивности, что, къ сожалѣнію, отъ непониманія сущности ведетъ наше должное развитіе къ ущербу съ понятіемъ о ложномъ, мнимомъ равенствѣ состояній или закона, что слышанныхъ, къ сожалѣнію, отъ многихъ мировыхъ судей при народномъ собраніи разбирательства исковъ, въ чемъ мое опредѣленіе подвергаю рѣшенію судей, какъ здравомыслящихъ по непреложнымъ законамъ природы («тамъ-же», 128).—До какой степени это дикое наслѣдіе дореформенныхъ порядковъ непонятно было европейцамъ, видно изъ того, что надъ ними иронизировала даже архиконсервативная прусская газета. «Крестовая Газета» (тамъ же, 145).

было?—Кто будетъ утверждать, что прежнее судебное полицейское разбирательство было способно къ развитію? И наоборотъ, кто не видитъ, что самыя упущенія мировыхъ судей не пропадаютъ даромъ для дѣла; что они становятся предметомъ обсужденія въ мировыхъ съѣздахъ, устроенныхъ корпоративно и слѣдовательно способныхъ хранить результаты пріобрѣтенной опытности; что они, наконецъ, подлежатъ контролю публики и всяческой критикѣ какъ устной, такъ и печатной. Теперь всякое ихъ упущеніе выходитъ наружу, и всякому доброжелателю и *недоброжелателю* правосудія на Руси открыта полная возможность слѣдить за дѣйствіями мироваго суда и при первомъ поводѣ подвергать его порицанію, *и даже незаслуженному.* Было-ли что-нибудь подобное прежде, когда господствовала канцелярская тайна? Насколько же добросовѣстно хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому же иногда и мнимый (и такимъ-то явно фальшивымъ методомъ завѣдомо недобросовѣстной критики могъ пользовать и мутить общество впослѣдствіи самъ авторъ цитуемой статьи ренегатъ М. Н. Катковъ, давшій въ своихъ возмутительныхъ нападкахъ на новый судъ перлы искусства превращенія бѣлаго въ черное и наоборотъ!), и на этомъ основаніи произносить неблагопріятные приговоры *о цѣломъ учрежденіи?...* Est modus in rebus. Почитая своихъ читателей за стадо Панургово, все-таки нельзя увѣрять ихъ, что въ старыхъ судахъ упущенія и были возможны, потому что все тамъ происходило *келейно, подъ сильнымъ давленіемъ администраціи?...*» [23]).

---

23) См. № 263 за 1866 г.

— Въ 1866 г. Сухотинъ писалъ: «Опять начинаетъ разыгрываться тайная сила, на время было умолкнувшая. Нѣкоторые люди, упоенные властью произвола, не терпятъ значенія и силы судебной реформы, которая есть единственная разумная сила, уважаемая добрыми и разумными и колющая глаза самодурамъ, ложнымъ либераламъ и нашимъ soit disant петербургскимъ прогрессистамъ, которые въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по словамъ нашего автора, популярничали и либеральничали, а при начавшейся реакціи, потерявъ даже всякій стыдъ, «лицемѣрятъ, какъ лакеи». Въ концѣ 1867 г. читаемъ: «Носятся печальные слухи о томъ, что администрація хочетъ наложить руки на судебную реформу и будто дѣла о столкновеніи съ полиціей и жалобы на нее будутъ изъяты изъ

Но, къ сожалѣнію, подобныя заявленія нисколько не обезоживали партію, враждебную идеямъ новаго суда. Указывая тѣ или другія злоупотребленія администраціи, обнаруживаыя при гласномъ разбирательствѣ, враги новаго суда обви-ли его въ томъ, что онъ колеблетъ престижъ государствен-й власти, стройность управленія [21]) и пр. Вся благомыслящая сть печати возстала противъ такой фальшивой точки зрѣнія, звиваемой *Вѣстью*, но не встрѣчавшей въ то время прямаго чувствія въ правительственныхъ сферахъ. «Воздвигаясь среди ломковъ отчасти разрушившагося, отчасти еще разрушающа-ся соціальнаго быта, писалъ И. С. Аксаковъ, встрѣчаясь ли-мъ къ лицу каждый день и каждый часъ со старыми, еще вучими, но уже осужденными на смерть порядками и преда-ями, нашъ новый судъ переживаетъ трудное время. Потребна малая мудрость, не малая стойкость отъ тѣхъ, кому пору-но насажденіе новой правды на Руси, для разумнаго ухода за ю, для того, чтобы не тревожиться зловѣщими криками: «объ ничтоженія *достоинства власти*», «объ опасности для обще-веннаго спокойствія», и пр. Уничиженіе достоинства власти!... о развѣ самъ судъ не есть одно изъ отправленій государствен-

---

да присяжныхъ. Впрочемъ, это все слухи, и вообще послѣднее ема наша политическая, судебная и административная жизнь находится самомъ неопредѣленномъ и туманномъ положеніи». И позднѣе нашъ торъ замѣчаетъ: «всякій, кто желаетъ независимости для новыхъ су-бныхъ учрежденій, тотъ заподозривается правительствомъ и петер-ргской знатью, какъ демократъ, красный или какъ наивный чело-къ». (Русск. Арх., 1894 г., № 4).

[21]) До чего доходила вражда администраціи къ суду и манія ея охранить естижъ свой, можно судить по разсказу акад. Никитенко. Въ ноябрѣ 66 г. дѣлили Петербургъ на полицейскіе участки. Предположено было нять для этого въ основаніе дѣленіе города на судебно-мировые астки. Оберъ-полиц. Треповъ, ненавидѣвшій новые суды, энергически ергъ такой планъ дѣленія, ссылаясь на то, что «авторитетъ полиціи ъ бы подчинится (sic) авторитету судовъ» (Русская Стар., 1891, № 9, р. 585).—Тотъ же Никитенко передаетъ, что отъ всякой ошибки со сто-ны новаго суда, какъ, напр., было съ дѣломъ свящ. Борисоглѣбскаго, вненнаго въ оскорбленіи дамы (подробности см. въ «Обломкахъ раз-таго корабля» — Никитина, стр. 130), администрація чуть съ ума не ходитъ отъ радости (Русск. Стар., 1891, № 10, стр. 180).

ной власти, и развѣ не въ тысячу кратъ выше пряжняго сплотилась и укрѣпилась новая судебная власть? Развѣ не пріобрѣло, наконецъ, государство, казалось, на вѣкъ уже утраченное довѣріе къ своему суду? Уничижено не достоинство власти, но отъ блеска истиннаго достоинства нашего обновленнаго правосудія поблекла и посрамилась *мишура* прежнихъ административныхъ гарантій спокойствія и порядка. Толкуютъ объ опасности. Опасность дѣйствительно грозитъ, но не общественной тишинѣ и благоустройству, а именно новому суду, который хотятъ свести съ его юридической основы на зыбкую почву *административныхъ соображеній*, привить ему традиціи и свойство старыхъ судовъ, которыхъ назначеніе, какъ извѣстно, состояло не въ томъ, чтобы творить судъ и правду на независимыхъ, твердыхъ началахъ, а въ томъ, чтобы узаконить или, вѣрнѣе, давать законную *юридическую обдѣлку административному произволу* — быть услужливымъ выраженіемъ и орудіемъ административныхъ, временныхъ, непрестанно видоизмѣняющихся воззрѣній на правду» [25]).

Тотъ же публицистъ съ большою наглядностью указывалъ на вредъ, происходившій отъ систематической травли, предпринятой реакціонною печатью противъ мировыхъ и вообще судебныхъ учрежденій. «Тутъ, — по справедливому замѣчанію Аксакова,—правдивой и честной критикѣ не оставалось почти никакого мѣста, она легко могла бы послужить даровымъ лишь матеріаломъ для тѣхъ самыхъ недобросовѣстныхъ порицаній и отрицаній, которыя грозили нѣкоторое время даже существованію новаго суда». Съ другой стороны, Аксаковъ указывалъ, какъ неблагопріятно должно было отозваться на дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій ихъ постоянное шельмованіе и запугиваніе. «Новому суду,— писалъ онъ,—представляется такъ много серьезнаго и притомъ совершенно новаго дѣла, что всякая побочная забота объ огражденіи своихъ правъ или неувѣренность въ своей крѣпости и самостоятельности могла бы только мѣшать его внутренней дѣятельности и неуклонному исполненію его высокаго призванія: служить закону и законности въ Россіи.

---

[25]) *Москвичъ* отъ 8 февраля 1868 г.

акулисная борьба между прочно установившимися и вѣками ложившимися административными силами и едва возникающею остоятельностью судовъ не можетъ обѣщать никакихъ доб-ыхъ результатовъ. Одно уже предположеніе, что борьба эта ществуетъ—грозило бы не малою опасностью *нравственной* урсивъ подлинника) *независимости суда*, который, въ ожида-и невѣдомаго исхода этой борьбы, по одному чувству *само-храненія* легко бы могъ, въ лицѣ единичныхъ своихъ орга-въ, увлекаться такими *уступками*, какія нисколько не со-асны съ духомъ новыхъ судебныхъ учрежденій, ни съ самими мѣреніями, выраженными ихъ основателемъ. А тотъ духъ и и намѣренія — *самое дорогое* во всемъ судебномъ преобра-ваніи; отнимите ихъ отъ новаго суда, останется одна мерт-я форма, одинъ балаганный спектакль чего-то новаго, что̀ сущности, пожалуй, выйдетъ хуже даже разлагающагося араго» [26]).

Указанныя неблагопріятныя условія, конечно, отразились и могли не отразиться вредно на дѣятельности какъ общихъ, къ и мировыхъ учрежденій. Но духъ этихъ учрежденій, доб-я традиціи, крѣпко заложенныя въ первые годы ихъ дѣ-ельности, оказали настолько благотворное дѣйствіе, что въ щей суммѣ мировыя учрежденія, за ничтожными исключеніями, оффиціальному удостовѣренію (1889 г.), находятся *въ удовле-ворительномъ*, а мѣстами даже въ блестящемъ состояніи.

При послѣдней сенаторской ревизіи, предпринятой въ началѣ -хъ годовъ, одинъ изъ ревизоровъ, сенаторъ М. Е. Ковалев-й, ревизовавшій довольно глухія сѣверо-восточныя губерніи ъ о мировыхъ учрежденіяхъ весьма хорошій отзывъ, а отно-ельно одного мироваго съѣзда а именно Казанскаго онъ прямо разился, что онъ *не оставляетъ ничего желать болѣе*.

Какъ разъ вскорѣ послѣ изданія законоположенія 12-го іюля 89 г. о земскихъ начальникахъ, упразднявшаго мировыя уста-овленія, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликованы ли, какъ бы въ видѣ исторической эпитафіи погребаемому ин-ституту, оффиціальныя данныя, изъ коихъ явствовало, что дѣя-

[26]) *Москва* ев. 1867 г.

тельность мировыхъ судебныхъ установленій (послѣ извѣстнаго сенатскаго указа 1886 г.) стала «*весьма удовлетворительною*, какъ въ смыслѣ *правильности постановляемыхъ мировыми* судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи *быстроты судопроизводства*» [27]). Дождутся ли такой лестной эпитафіи носители идей «властной руки», смѣнявшіе представителей закона и равноправности— поживемъ, увидимъ.

Какая бы участь ни ждала въ будущемъ мировой институтъ, истекшая двадцатипятилѣтняя плодотворная дѣятельность его по водворенію въ безправной дотолѣ массѣ народной идеи права, и законности, сознанія своего человѣческаго достоинства, не могла не оставить слѣда въ народной массѣ и составляетъ громадную и безспорную заслугу предъ отечествомъ и займетъ видное мѣсто въ исторіи культуры русскаго народа.

Post-scriptum.

(Либерализмъ и новый судъ).

Десятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ ознаменовалось выраженіемъ Высочайшаго благоволѣнія чинамъ судебнаго вѣдомства (см. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства за 1874 г., № 100).

Двадцатипятилѣтіе же новыхъ судебныхъ учрежденій не было отмѣчено никакимъ оффиціальнымъ торжествомъ или заявленіемъ.

Въ газетахъ появились статьи, посвященныя «судебному юбилею». 17-го апрѣля 1891 года, въ *Новомъ Времени* появилась статья, привѣтствовавшая съ большимъ сочувствіемъ двадцатипятилѣтіе новаго суда (см. выдержку ниже).

По поводу изданной мною къ двадцатипятилѣтію новаго суда книги «Основы Судебной реформы», въ томъ же *Новомъ Времени* появилась 22-го мая странная статья «О либерализмѣ суда», заслуживающая вниманія, какъ признакъ времени и симптомъ существующей путаницы въ понятіяхъ.

---

27) Оффиціальныя данныя перепечатаны въ № 241 *Русскихъ Вѣдомостей* за 1889 г.

Въ статьѣ этой указывается не одно «*печальное* недоразумѣніе, возникшее *одновременно* съ новымъ судомъ и сопутствующее ему до сегодня». Недоразумѣніе, такъ долго продолжающееся, состоитъ въ томъ, что новые суды считались и считаются за нѣчто либеральное». Ссылаясь на то, что, начиная съ Ярослава Мудраго и вплоть до царствованія Николая I-го, «забота о правосудіи» всегда образовывала одну изъ составныхъ частей государственнаго управленія, газета считаетъ неправильнымъ стремленіе «либерализма» «примазаться» къ новому суду. «Все оправданіе (sic) новаго суда, — говоритъ *Новое Время*, — очевидно не въ томъ, что его основы «либеральны», а только и единственно въ томъ, что *эти основы обезпечиваютъ правосудіе:* можно предвидѣть, — продолжаетъ газета, — что до тѣхъ поръ новый судъ не будетъ имѣть у насъ нормальнаго, здороваго роста, пока не исчезнетъ это *печальное недоразумѣніе*».

Намъ неизвѣстно, на чемъ основано предсказаніе и опасеніе автора статьи, но только нельзя не видѣть, что крайне оригинальная точка зрѣнія [1]), защищаемая газетою, и исторически невѣрна, и по существу несправедлива.

До сихъ поръ, какъ вѣрно замѣчаетъ газета, и противники и сторонники основъ новаго суда, платя дань «печальному», о всеобщему недоразумѣнію, ни на минуту не сомнѣвались въ томъ, что начала новаго суда либеральны, — такъ безспоренъ былъ этотъ вопросъ. Споръ между ними происходилъ только о томъ, полезны ли, разумны ли, желательны ли эти начала въ интересахъ правосудія. Теперь же *Новое Время* выступаетъ съ необыкновенно оригинальнымъ взглядомъ, носящимъ отпечатокъ свойственнаго нашему времени шатанія мысли. Что «основы эти обезпечиваютъ правосудіе», газета въ этомъ не сомнѣвается, но вся бѣда, по ея мнѣнію, въ томъ, что къ нимъ примѣняютъ эпитетъ «либеральный». Только онъ мѣшаетъ «здоровому, нормальному росту» [2]) новыхъ судебныхъ учрежденій!...

---

[1]) Въ *Юридической Лѣтописи*, занимавшей (прекратилась въ 1892 г.), благодаря своему двусмысленному нейтралитету, совершенно изолированное положеніе въ юридической прессѣ, появилась статья, написанная въ томъ же духѣ (1891, № 7).

[2]) Въ *Русской Мысли* (1891 г., № 8) было помѣщено обстоятельное

Если это такъ, то слѣдуетъ признать, что присущій имъ «порокъ» не устранимъ, такъ какъ либеральный характеръ основъ судебной реформы нельзя отвергнуть, не смотря на всѣ благонамѣренныя усилія этой газеты обработать по своему или вовсе игнорировать данныя исторіи.

«Почему,—спрашиваетъ *Новое Время*,—*забота* о правосудіи выставляется точно привилегіею либерализма?» Никто никогда такой привилегіи за нимъ не признавалъ. *Забота* о правосудіи болѣе или менѣе присуща всѣмъ законодателямъ и судьямъ всѣхъ временъ, начиная отъ эпохи царя Соломона и кончая современными законодателями Европы и Азіи. Вопросъ не въ этомъ, а вопросъ только въ томъ, какіе *пути*, *средства* слѣдуетъ считать вѣрнымъ орудіемъ для раскрытія на судѣ истины и обезпеченія правосудія? И вотъ тутъ-то въ пестрой исторической чредѣ смѣнялись разные взгляды и системы. Всѣ они болѣе или менѣе исходили изъ добраго намѣренія о водвореніи правосудія, но не рѣдко устанавливали такую процедуру, которая служила сильнѣйшимъ тормазомъ и даже неодолимымъ препятствіемъ для осуществленія этого благаго намѣренія коимъ вымощенъ самый адъ. Было время, когда испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, удачный исходъ поединка и т. п. средства считались цѣлесообразными орудіями правосудія. Было время когда застѣнокъ и пытка, дыба и тайный допросъ съ «пристрастіемъ» признавались наилучшими способами для открытія правды на судѣ. Были судьи въ родѣ безчеловѣчнаго Джефрайса, которые считали невинность лучшей защитой подсудимаго, а себя наиболѣе компетентными органами ея!

Но зачѣмъ уходить въ глубь временъ для иллюстраціи мысли, что не всякія средства, установленныя въ интересахъ торжества правосудія, *eo ipso* ведутъ къ достиженію его? Достаточно оглянуться на недавнее прошлое, на время, непосредственно предшествовавшее судебной реформѣ 1864 г. Тутъ ли не были приложены старанія для водворенія въ Россіи законности и правосудія! И Сводъ Законовъ былъ напечатанъ, и новое Уложеніе

возраженіе противъ этой статьи, въ которомъ ясно доказывалось, что невозможно обезоружить враговъ „основъ судебной реформы“ простымъ измѣненіемъ номенклатуры или маскарадным ренегатствомъ.

ало составлено, и спеціальный разсадникъ юристовъ былъ созданъ! ало того: въ интересахъ вящшаго торжества правосудія было соз но даже спеціальное учрежденіе (III отдѣленіе) съ многочислен ми чрезвычайными мѣстными агентами, на обязанности коихъ жало денно и ночно «наблюдать, чтобы спокойствіе и права жданъ не были нарушены людьми сильными, властными;—вни ть гласу страждущаго человѣчества и защищать беззащитнаго безгласнаго гражданина» [3]). Но когда рядомъ съ провозгла еніемъ этой благородной цѣли устанавливалось келейное, бу жное, инквизиціонное судопроизводство, съ полнымъ упразд ніемъ судейской самостоятельности; когда же люди науки ворили съ университетскихъ каѳедръ о вредѣ гласности, о не ходимости системою утонченныхъ инквизиторскихъ пріемовъ [4]) биваться сознанія подсудимаго,—нечего было ждать водворе я законности и правосудія.

Вѣдь ни для кого теперь не тайна, что своеобразныя «заботы» правосудіи простирались такъ далеко, что, допытываясь чисто рдечнаго сознанія, еще въ пятидесятыхъ годахъ въ Москвѣ зъ церемоніи подвергали пыткѣ, оффиціально отмѣненной Ука мъ 1801 г. Лицо, компетентность коего внѣ всякаго сомнѣ я, бывшій московскій губернскій прокуроръ (нынѣ сенаторъ) А. Ровинскій удостовѣряетъ, что еще въ 50-хъ годахъ въ оскѣ существовали «клоповники» при Городскомъ частномъ мѣ и т. п., «Аскольдовы могилы» (то есть совершенно темныя мы подъ Басманнымъ частнымъ домомъ), куда сажали «несоз ававшихся подсудимыхъ», и откуда они выходили слѣпыми [5]). ормленіе сельдями составляло до открытія новаго суда явленіе аурядное въ московской слѣдственной практикѣ, которой не ыла чужда и древняя «виска» [6]). *Только съ учрежденіемъ суда рисяжныхъ*, по удостовѣренію того же авторитетнаго источника, ытка стала выходить изъ употребленія [7]).

---

[3]) Русс. Архивъ 1889, № 7, инструкціи гр. Бенкендорфа чинамъ кор уса жандармовъ.

[4]) См. проф. Я. Баршева. Основаніе угол. судопр. Спб. 1841 г., стр. 155.

[5]) См. Русскія народныя картины, Ровинскаго, т. V, стр. 327.

[6]) См. тамъ же, стр. 322.

[7]) См. тамъ же, стр. 324.

Приподнимаемъ еще уголокъ завѣсы, скрывающей темныя дѣла дореформеннаго суда добраго стараго времени, чтобы показать, каковы были на дѣлѣ «заботы» его о правосудіи. Какъ разъ предъ открытіемъ новыхъ судовъ, въ Рязанской уголовной палатѣ разбиралось дѣло молодаго исправника, перепоровшаго массу людей, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и такъ неслыханно надругавшагося надъ крестьянскими дѣвушками, что въ печати невозможно было назвать по имени «омерзительные поступки» блюстителя порядка. Судила-рядила мать-палата. По закону, исправнику слѣдовало идти въ каторгу; но губернаторъ принималъ живое участіе въ своемъ любимцѣ, стало быть..., онъ долженъ быть оправданъ. Такъ и поступила палата, приговоривъ «юнаго повѣсу», какъ назвали исправника *Моск. Вѣдом.*, къ домашнему аресту на нѣсколько дней.

Справедливо возмущенный этимъ Шемякинымъ судомъ, Катковъ излилъ свое негодованіе въ слѣдующихъ горячихъ строкахъ: «Какая оскорбительная насмѣшка, говорили *Моск. Вѣдом.* по поводу этого приговора, надъ тѣмъ, что люди зовутъ справедливостью и чтутъ, какъ общественную нравственность. *Одно другаго стоитъ*: и поступки усерднаго блюстителя благочинія и приговоръ надъ нимъ *губернской юстиціи!* Но что такое наша *нынѣшняя* отживающая свои дни губернская юстиція. Что такое эти судьи, которые черезъ нѣсколько времени должны уступить свое мѣсто *другому* судоустройству, долженствующему *не имѣть съ нимъ почти ничего общаго?* Они *лишены всякой самостоятельности*, особенно, когда губернскія власти чувствуютъ себя особенно заинтересованными»[8])...

Когда и какъ явилось это другое *новое* судоустройство?

Послѣ паденія крѣпостнаго права, налагавшаго, по справедливому замѣчанію государственнаго совѣта, свой отпечатокъ на всѣ отправленія государственной жизни[9]), стала на очередь судебная реформа. Для осуществленія ея ничего болѣе не оставалось, какъ отказаться совершенно отъ существующей системы судоустройства и судопроизводства и обратиться къ прямо про-

---

[8]) „Московскія Вѣдомости“ 1866, № 49.

[9]) См. Журн. госуд. совѣта, 1862 г., № 65.

тивоположной, выработанной опытомъ цивилизованныхъ народовъ. На необходимость обращенія къ «*противоположной системѣ* и *неприложнымъ истинамъ*, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства», указалъ не кто иной, какъ благонадежнѣйшій коронный юристъ г. Д. Н. Блудовъ [10]).

Въ виду этого и состоялось въ 1862 г. Высочайшее повелѣніе о составленіи основныхъ положеній судебнаго преобразованія, «несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ*» [11]). Тутъ-то и появились тѣ *гуманно-либеральныя* начала современнаго европейскаго судоустройства (несмѣняемость суда и независимость его отъ администраціи, судъ присяжныхъ, независимая адвокатура, уваженіе къ личности обвиняемаго, огражденіе его правъ, уравненіе защиты съ обвиненіемъ, гласность и пр.), которыя легли въ основаніе Судебныхъ Уставовъ. Въ этомъ смыслѣ и можно, и должно называть новый судъ *учрежденіемъ либеральнымъ*, и въ этомъ именно смыслѣ, какъ совершенно вѣрно указалъ еще М. Н. Катковъ, судебная реформа 1864 г. была «не столько реформой, сколько *созданіемъ* судебной власти» [12]). Поясная это на первый взглядъ парадоксальное, но въ сущности совершенно вѣрное положеніе, тотъ же публицистъ указывалъ, что́ «хотя и до 1866 г. существовали суды, но это были суды *только по названію*, потому что они, будучи лишены всякой самостоятельности, были только *придаткомъ администраціи*» [13]). Вліяніе этого новаго *либеральнаго* судебнаго строя, не имѣвшаго ничего общаго, по словамъ того же публициста [14]), «съ прежними порядками, начиная съ основной идеи и до мельчайшихъ подробностей», было поразительно, почти чудодѣйственно. Въ 1891 г. одна газета, привѣтствуя «судебный юбилей», слѣдующими краснорѣчивыми словами характеризовала невѣроятный, почти сказочный переворотъ, произведенный судебною реформой.

---

[10]) См., Записку Блудова въ т. II Дѣла о преобраз. суд. части. См. выше главу VII, § 1.

[11]) Т. XVIII того же Дѣла.

[12]) „Моск. Вѣдом. 1867 г., № 69,

[13]) „Моск. Вѣдом.“ 1866 г., № 198,

[14]) „Моск. Вѣдом.“ 1867, № 69.

«Новый судъ, — говорила эта газета, — произвелъ коренной переворотъ *не только собственно въ правосудіи*, но и вообще въ *правовомъ положеніи*. Создалось, можно сказать, *почти вновь* обезпеченіе каждому русскому тѣхъ правъ, которыя ему даны закономъ. Законъ всегда былъ, но было такое положеніе, что каждый сильный человѣкъ имѣлъ право говорить: законы для того и пишутся, чтобы слабый не тягался съ сильнымъ. Законъ всегда былъ, *но не было правосудія*. Судъ и волокита, судъ и разореніе, судъ и подкупъ, судъ и крючкотворство — вотъ съ какими понятіями сочетался тогдашній судъ... И вдругъ, вмѣсто этого, 25 лѣтъ тому назадъ *дѣйствительно* правда и милость *засіяли* въ нашемъ судѣ. Россія словно бы очутилась на *другой планетѣ*, словно бы совершилось съ нею какое-то *дивное превращеніе*» [15]).

Новое Время, въ приведенныхъ строкахъ, вѣроятно, не усмотритъ цвѣтовъ напыщенной адвокатской риторики, если вспомнить, что эти строки составляютъ ipsissima verba его же собственной «юбилейной» статьи, появившейся 17-го апрѣля 1891 г. Что замѣною стараго, продажнаго, жестокаго, лишеннаго всякой самостоятельности суда независимымъ, гуманнымъ судомъ Россія обязана *именно либерально-гуманнымъ* основнымъ началамъ судебной реформы, а не новому судебному персоналу, это всего лучше видно изъ того, что громадное большинство персонала новаго суда было взято изъ состава старыхъ судовъ [16])... Теперь же, по новому «исправленному» взгляду *Новаго Времени*, оказывается, что только тогда будутъ правильно функціонировать новые суды, когда вовсе откажутся отъ своего первороднаго грѣха — либеральнаго происхожденія, и отъ того духа и направленія, которые съ особенною силою сказались «въ началѣ судебной реформы».

Двусмысленность и непослѣдовательность воззрѣнія *Новаго Времени* наглядно обнаруживается именно въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ лучшей эпохѣ дѣятельности новаго суда — эпохѣ, когда съ особенною силою выражался присущій ему *спе-*

---

[15]) См. „Новое Время“ отъ 17 апрѣля 1891 г.

[16]) См. Журн. мин. юстиціи 1866, № 5.

графическій духъ, который, по справедливому замѣчанію одного изъ составителей Суд. Уставовъ, К. П. Побѣдоносцева, бываетъ свой особенный у всякой системы учрежденій. «Дѣйствіе учрежденій, писалъ онъ въ декабрѣ 1861 г. при редактированіи либеральныхъ основъ судебной реформы, зависитъ отъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ вида, что и люди образуются въ *духѣ* тѣхъ или другихъ учрежденій и что есть такія учрежденія, при дѣйствіи коихъ нельзя ожидать развитія людей въ томъ направленіи и духѣ, которому учрежденія не соотвѣтствуютъ» [17]).

Какому именно направленію и духу могъ и долженъ былъ соотвѣтствовать духъ новыхъ судебныхъ учрежденій—это *очевидно* было для всѣхъ въ самый моментъ зарожденія ихъ. Это не было секретомъ не только для непосредственныхъ участниковъ реформы, но и для постороннихъ. Цензоръ Никитенко, тотчасъ по обнародованіи въ 1862 г. Основ. нач. суд. преобр., не обинуясь, привѣтствуетъ ихъ, какъ побѣду «либерализма» въ правительственныхъ кругахъ [18]).

Для всѣхъ истинныхъ почитателей основъ новаго суда первое время именно и было временемъ расцвѣта основныхъ началъ судебной реформы. Отдѣльныя ошибки, конечно, возможны были и тогда, но общій *духъ* ея былъ таковъ, что въ сохраненіи его истинные друзья новаго суда видѣли залогъ его преуспѣянія. Вотъ что, напримѣръ, писалъ въ 1867 г. И. С. Аксаковъ, котораго трудно заподозрить въ пристрастіи къ либерализму. Когда появились толки о томъ, что администрація относится недружелюбно къ независимому направленію новыхъ судебныхъ учрежденій, Аксаковъ доказывалъ, что въ немъ, въ этомъ именно духѣ независимости, заключается основный смыслъ судебной реформы. «Этотъ духъ,—писалъ Аксаковъ въ *Москвѣ* отъ 2-го февраля 1867 года,—самое дорогое во всемъ судебномъ преобразованіи; отнимите его отъ новаго суда, и отъ него останется одна *мертвая форма*, одинъ *балаганный спектакль* чего-то но-

[17]) См. Записку К. П. Побѣдоносцева въ т. XIII ч. 3, Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи.

[18]) См. Дневникъ, II, 1862 г., стр. 352.

ваго, что въ сущности пожалуй даже выйдетъ хуже разлагающаго стараго» [19]).

Новые же «истинные» друзья новаго суда полагаютъ, что «для нормальнаго, устойчиваго, органическаго развитія» необходимо отречься ему отъ своихъ лучшихъ традицій и истиннаго своего духа!...

Было время, когда оффиціально провозглашалось, что «либеральныя учрежденія не только не опасны, но «составляютъ залогъ порядка и благоденствія». Оно, конечно, въ порядкѣ вещей «открещиваться» теперь отъ либеральныхъ основъ судебной реформы,—разъ онѣ вышли изъ моды,—но, къ сожалѣнію, съ непріятными историческими фактами не легко справиться. Поэтому упрекъ *Новаго Времени* либерализму въ томъ, что онъ «примазывается» къ новому суду представляется болѣе, чѣмъ страннымъ. Желаніе же этой газеты поставить успѣхи новаго суда внѣ зависимости отъ его либеральныхъ основъ и выставить эти основы даже враждебными интересамъ правосудія поражаетъ больше своею неблагодарною, смѣлостью, чѣмъ основательностью. Новый судъ, если-бы и желалъ, не можетъ отказаться отъ первороднаго грѣха своего происхожденія, не переставая быть самимъ собою. Дальнѣйшее процвѣтаніе новаго суда возможно только при вѣрности его своимъ либеральнымъ основнымъ началамъ: иначе это будетъ не новый судъ въ истинномъ его значеніи, а, какъ выразился М. Н. Катковъ, «одно только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть». Къ Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 г. вполнѣ было примѣнимо правило: Sint ut sunt, aut non sint!

Нѣтъ, что бы ни говорили равнодушные друзья судебной реформы, непоколебимость основныхъ началъ ея составляетъ conditio sine qua non успѣшнаго дѣйствія ея. — Справедливость этой аксіомы еще не такъ давно была подтверждена оффиціально. «Незыблемость *основныхъ началъ великихъ преобразованій* минувшаго царствованія, гласилъ Указъ Сенату отъ 4-го сентября 1881 г., составляетъ *наиболѣе прочный залогъ благоденствія и преуспѣянія* дорогаго нашего отечества».

---

[19]) См. Собраніе сочиненій Аксакова, IV, стр. 591.

Въ заключеніе два слова по поводу вышеупомянутой статьи *Юридической Лѣтописи*, поющей въ унисонъ съ *Новымъ Временемъ*. Журналъ негодуетъ на «неумѣлыхъ» друзей новаго суда, которые «своею легкомысленною защитою» только вредятъ ему. Этимъ безъ вины виноватымъ защитникамъ только остается спросить:

Гдѣ жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?...
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!...

По правилу: amicus certus in re incerta cernitur—защита дорога въ минуту опасности. А что-то не слыхать было голосовъ этихъ чересчуръ «трезвыхъ», но нѣсколько двусмысленныхъ друзей новаго суда, именно тогда, когда онъ наиболѣе нуждался въ авторитетной, ученой защитѣ. Достаточно припомнить недостойную травлю суда присяжныхъ, предпринятую въ 89-мъ г. какъ разъ предъ судебнымъ юбилеемъ *Московскими Вѣдомостями*, которыя въ дикой расправѣ обезумѣвшей уличной толпы американцевъ усматривали «кровавый приговоръ надъ самимъ судомъ присяжныхъ» [20]). Трезвые друзья суда присяжныхъ предпочитали хранить, въ это время, невозмутимое молчаніе. Не такъ поступаютъ менѣе «трезвые», но болѣе искренніе друзья Судебныхъ Уставовъ въ наукѣ и журналистикѣ, не такъ поступали неутомимые защитники принциповъ судебной реформы *Вѣстникъ Европы*, *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*, *Юридическій Вѣстникъ*, *Судебная Газета*, *Русь* и др. [21]), изъ коихъ въ первомъ знаменитый нашъ публицистъ К. К. Арсеньевъ, а во второмъ самъ редакторъ В. М. Володимировъ шагъ за шагомъ оборонялъ съ большимъ знаніемъ, энергіею и мужествомъ основы судебной реформы отъ яростныхъ нападокъ «литераторовъ—гасильниковъ» и въ особенности отъ злѣйшаго изъ нихъ въ то тревожное время, когда

[20]) Москов. Вѣдом. 17-го марта 1891 г.

[21]) Съ такой именно точки зрѣнія привѣтствовалъ въ *Юридической Библіографіи* редакторъ *Юрид. Лѣт.* проф. Сергѣевскій появленіе курса проф. Фойницкаго въ 1884 г. въ разгаръ нападокъ М. Н. Каткова. См. ниже главу XIX § И. Я. Фойницкій, примѣч. 12.

... свободный мысли врагъ,
Съ осанкой важной, съ нравомъ смѣлымъ,
Со свитою сыщиковъ—писакъ
И сочиняющихъ лакеевъ,
Какъ власть имѣющій возникъ
Изъ насъ газетный Аракчеевъ
Литературный временщикъ.

Въ такое критическое время едва-ли позволительно хран нейтралитетъ истиннымъ друзьямъ, какъ бы ни были глубо мысленны и тонки соображенія высшей политики оппортюни

И не иди во станъ безвредныхъ,
Когда полезнымъ можешь быть!...

VII.

БЩАЯ ВОИНСКАЯ НОВИННОСТЬ.

Ходитъ, чиститъ амуницію,
Набьетъ ремни солдацкіе,
Языкомъ играетъ сигналки,
Пѣсни пѣлъ—такія хватскія!
Артикулъ ружьемъ выкидывалъ,
Такъ, что весь домишка вздрагивалъ;
Какъ журавль стоялъ на ноженькѣ
На одной—носокъ вытягивалъ.
Вдругъ метнулся... смотритъ жалобно,
Повалился—плачетъ, кается,
Крикнулъ: „ваше благородіе!“
„Ваше!“... вижу—задыхается:“

Некрасовъ.

Въ наше время нужны не дѣла славы, озаряющія только немногихъ избранныхъ, а дѣла правды, Божіей правды, благодѣтельныя для всѣхъ и каждаго.

В. А. Жуковскій.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Воинскій Уставъ 1-го января 1874 г.

(по поводу двадцатилѣтія).

I.

есною 1894 г. исполнилось двадцать лѣтъ со дня введенія дѣйствіе одного изъ важнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ законо-льныхъ актовъ прошлаго царствованія, а именно Устава о бщей воинской повинности 1-го января 1874 г. Если до-рменный общественный и государственный бытъ, основан-на крѣпостномъ правѣ, отличался свойственнымъ ему без-іемъ и приниженіе личности человѣка, то эти черты съ енною рельефностью должны были проявляться въ военномъ , которое и само по себѣ построено на стѣсненіи правъ ьной личности въ интересахъ цѣлаго, на предпочтеніи к существу, на безпрекословномъ и безмолвномъ подчине-чалу іерархическаго старшинства, нерѣдко приводящемъ ющимъ несправедливостямъ. Если таковы болѣе или ме-избѣжные черты военнаго быта вообще, то легко предста-бѣ, какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигали онѣ въ менныя времена: рекрутская повинность ложилась всею яжестью на паріевъ общества, на самую бѣдную, обез-ь и приниженную часть населенія, на такъ называемыя я сословія», т. е. крѣпостныхъ и мѣщанъ, и притомъ йшихъ изъ нихъ, которые не могли откупиться отъ безконечной воинской повинности, близкой по существу ской смерти въ теченіе 25 ти лѣтъ жизни. Куда ужъ ладка была жизнь «крещенной собственности», но и

крестьяне, которымъ «забривали лобъ», и ихъ родные съ ужасомъ провожали, словно въ могилу, рекрута, осужденнаго въ теченіе 25-ти лѣтъ лучшей поры жизни на безконечный рядъ лишеній, обидъ, безпрерывныхъ нравственныхъ и физическихъ истязаній, словомъ на образъ жизни, едва-ли не горшій, нежели жизнь несущихъ наказанія за тяжкія преступленія. Преступникъ находилъ примиреніе хоть въ томъ, что видѣлъ въ наказаніи возмездіе за свой грѣхъ, видѣлъ хоть попытку соразмѣрить съ виною и наказаніе, а тутъ — единственная вина рекрута была въ томъ, что онъ родился небогатымъ, что не могъ поставить за себя охотника или внести выкупъ, единственнымъ правомѣрнымъ актомъ—слѣпой жребій, либо дикій произволъ самодура-помѣщика.

Государственный Совѣтъ, по особому присутствію, въ предсѣдательствѣ Великаго Князя Константина Николаевича, признавъ дореформенный порядокъ отправленія воинской повинности несоотвѣтствующимъ правильной организаціи военныхъ силъ и крайне несправедливымъ, въ виду неуравнительнаго распредѣленія тягостей военной службы между различными слоями населенія, между прочимъ, писалъ:

«Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что существующій у насъ порядокъ отправленія воинской повинности, съ одной стороны, не соотвѣтствуетъ правильной и вполнѣ успѣшной организаціи военныхъ силъ государства, а съ другой представляется крайне несправедливымъ вслѣдствіе неуравнительнаго распредѣленія тягостей военной службы между различными слоями его населенія. Какъ то, такъ и другое объясняется долго господствовавшимъ у насъ взглядомъ на значеніе обязательной военной службы. Еще не очень давно служба эта, почти пожизненная и сопряженная съ лишеніями всякаго рода, считалась не столько почетнымъ и естественнымъ для каждаго подданнаго служеніемъ отечеству, сколько *наказаніемъ* за преступленія или за развратную жизнь. Отдача въ солдаты прямо опредѣлялась закономъ уголовнымъ наравнѣ съ ссылкою въ Сибирь и содержаніемъ въ арестантскихъ ротахъ, а также разрѣшалась обществамъ и помѣщикамъ въ видѣ окончательнаго средства избавиться отъ людей порочныхъ, въ отношеніи къ которымъ другія

мѣры исправленія оказывались уже недѣйствительными. Вполнѣ понятно, что, при существованіи такого взгляда, законодательство наше не могло не допустить въ широкихъ размѣрахъ изъятій отъ воинской повинности, изъятій, вызывавшихся самыми разнообразными уваженіями: не только правами по происхожденію, особенно полезными для государства занятіями, или окончаніемъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ, но даже просто запискою въ купеческую гильдію, доступною каждому вносящему извѣстную пошлину, и разными другими, не особенно существенными обстоятельствами, въ виду которыхъ признавалось нужнымъ предоставить льготу отъ рекрутства. Этимъ путемъ число изъятыхъ отъ обязательной военной службы достигло чрезвычайныхъ размѣровъ: какъ видно изъ дѣла, общее число ихъ составляетъ въ настоящее время пять съ половиною милліоновъ, т. е. даже болѣе одной пятой части всего подлежащаго повинности населенія (24,500,000 человѣкъ). Вслѣдствіе сего, вся тяжесть обязательной военной службы лежитъ исключительно на мѣщанахъ и крестьянахъ, которые, независимо отъ отбыванія оной натурою, обязаны еще были, до послѣдняго времени, нести и сопряженные съ отправленіемъ рекрутства расходы, составлявшіе, при наборѣ по шести человѣкъ съ тысячи душъ, около пяти милліоновъ рублей въ годъ. Несправедливость сего очевидна» [1]).

II.

«Несправедливость сего очевидна!» Вѣрно. Но когда и какъ обнаружилась эта несправедливость и отчего не такъ еще давно самомалѣйшій намекъ на несправедливость рекрутской повинности преслѣдовался, какъ непозволительное вольнодумство, нечестивая попытка колебать освященный вѣками и необходимый «порядокъ вещей», осмѣивался людьми положительными, какъ пустая либеральная «бредня» мечтателей, подобно другимъ ихъ «эгалитарнымъ бреднямъ» о равенствѣ и свободѣ и пр.?—Покуда существовало крѣпостное право, покуда это явное надругательство надъ правомъ и справедливостью считалось краеугольнымъ

[1]) См. Журналъ Особаго Присутствія, стр. 3.

[illegible] «порядка вещей».—ни раздирающія душу [illegible] кручающей рекрута какъ на плаху, ни не- [illegible] съ казарменныхъ за- [illegible] «[illegible] не буду», доно- [illegible] и съѣзжихъ домовъ, [illegible] ни тронуть, ни растрогать [illegible] временно въ силу [illegible] въ бредней» [2]), по [illegible] упраздненія крѣпостнаго права, тогда [illegible] либеральной гуманной бредни [illegible] порядка вещей: жестокія тѣлесныя нака- [illegible] административный произволъ, угнетавшая [illegible] солдатчина». Уже въ 1862 г. на очередь стала [illegible] воинской повинности, под [illegible] вліяніемъ демократическаго гуманнаго духа [illegible] освободительнаго акта 19-го февраля какъ оффиціальн[illegible] Записка военнаго министра [illegible] графа [illegible] На долю этого знаменитаго государственнаго дѣя[illegible] великій трудъ и честь наметить еще въ 1862 г. [illegible] уравненія всѣхъ сословій относительно воинско[illegible] и затѣмъ медленно, но неуклонно подготовлять почв[illegible] справедливой реформы и наконецъ провести ее въ за[illegible]дательномъ порядкѣ въ 1874 г. согласно основному дух[illegible] равноправности, не потворствуя никакимъ аристократическимъ [illegible] плутократическимъ вожделѣніямъ, [illegible] и настойчиво [illegible] отстаивавшимъ свои права.

Такимъ образомъ военная реформа, родственная по либе-рально-гуманному духу эпохи великихъ реформъ, запоздала по времени лѣтъ на десять, если считать наиболѣе [illegible] пор[illegible] той эпохи завершившейся 20-го ноября 1864 г. изданіемъ Су-дебныхъ Уставовъ.

Начиная съ 1863 г. въ манифестахъ о рекрутскихъ набо-рахъ, смягчались постепенно наиболѣе тягостныя условія о[illegible]

[1]) Сочин. VI. 218.

[2]) Стр. 2 Записки военнаго министра отъ 19-го января 1873 г., [illegible] главному штабу.

правленія старой рекрутчины, какъ-то: сокращенъ срокъ службы до 15 лѣтъ, отмѣнена отдача въ солдаты за преступленія, улучшено содержаніе солдатъ, начато обученіе грамотѣ, ограничены тѣлесныя наказанія и кулачная расправа и пр. Для составленія же проекта новаго Устава о воинской повинности образована была въ томъ же 1863 г. при военномъ министерствѣ комиссія. Но работы ея двигались медленно, и постепенно увеличивавшійся въ обществѣ и правительствѣ реакціонный духъ (особенно съ 4-го апрѣля 1866 г., съ появленіемъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстаго и юстиціи — гр. К. Н. Палена) препятствовали главному иниціатору и вдохновителю великой гуманной реформы Д. А. Милютину, опиравшемуся главнымъ образомъ на содѣйствіе Великаго Князя Константина Николаевича, двигать реформу съ желательною быстротою [1]). Крѣпостники, не забывшіе еще «обиды» 19-го февраля, и слышать не хотѣли, что ихъ дѣти будутъ уравнены съ «мужичьемъ». Богатые купцы, изъ коихъ нѣкоторые еще вчера, можно сказать, были сидѣльцами въ кабакахъ или крѣпостными, негодавали на то, что при ихъ капиталѣ да не въ правѣ они будутъ откупиться отъ непріятной повинности. Трудно сказать, сколько потребовалось бы времени, чтобы высшіе слои общества, издавна воспитанные, закоснѣлые на сословныхъ и денежныхъ привилегіяхъ, усвоили себѣ столь элементарную идею, какъ равенство предъ воинскою, равно для всѣхъ тяжелою, но неизбѣжною государственною повинностью, если бы не внѣшнія событія, сразу давшія сильный толчекъ военной реформѣ.

Прусскія побѣды 1870 г. и разгромъ французской арміи показали, помимо соображеній права и справедливости, необходимость реорганизаціи военныхъ силъ съ военной точки зрѣнія. Такъ какъ все прусское, начиная съ касокъ и кончая школьною системою, сильно поднялось съ этихъ поръ въ общественномъ

[1]) Не только реформа воинской повинности, но и другихъ отраслей военнаго дѣла, даже чисто техническихъ и напр. интендантской, встрѣчали систематическое противодѣйствіе со стороны почитателей дореформенныхъ порядковъ (см. „Военныя реформы при Александрѣ II“, въ *Вѣстникѣ Европы*, 1882, № 1.)

кредитѣ и вошло въ силу, то и мысль объ устройствѣ военномъ, по прусскому образцу, т. е. съ установленіемъ общей воинской повинности и съ увеличеніемъ наличнаго состава арміи, сокращеніемъ службы и пр., стала популярна у насъ и очистила путь реформѣ, задуманной гр. Милютинымъ еще въ 1862 г.

Для выработки новаго Устава были образованы двѣ новыя коммиссіи. Военный министръ Милютинъ составилъ *Общія основанія*, которыя были Высочайше утверждены 20-го декабря 1870 г. и переданы для руководства коммиссій и предрѣшавшія общій уравнительный характеръ и основныя черты предстоящей реформы.

§ 1 заключалъ въ себѣ сущность реформы и гласилъ такъ: Защита отечества составляетъ священную обязанность *каждаго* русскаго подданнаго. Затѣмъ въ дальнѣйшихъ параграфахъ устанавливалось: Поступленіе на службу рѣшается жеребьемъ. Отъ призыва изъемлются только лица, которыя по физическимъ недостаткамъ признаны навсегда неспособными къ военней службѣ. Временныя отсрочки отъ призыва допускаются въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ и исключительно въ видахъ поддержки семей, обезпеченія *народнаго образованія*, а также въ интересахъ народнаго хозяйства и промышленности. Замѣщенія или откупы отъ военной службы не допускаются. Срокъ службы назначенъ въ 15 лѣтъ, изъ коихъ на дѣйствительной въ мирное время не болѣе 7-ми. Опубликованіе основныхъ положеній было встрѣчено сочувственно со стороны многихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, подавшихъ благодарственные адресы.

При составленіи проекта устава, въ коммиссіи, состоявшей, подъ высшимъ руководствомъ Д. А. Милютина, изъ 38 членовъ, по нѣкоторымъ вопросамъ возникли разногласія. Такъ, меньшинство (10 членовъ) полагало освободить вовсе отъ дѣйствительной службы, въ интересахъ промышленности, семейныхъ одиночекъ, которые непосредственно управляютъ доставшимся имъ по наслѣдству хозяйствомъ или промысловымъ заведеніемъ. Но большинство (28 членовъ) отвергло это мнѣніе, исходя изъ той точки зрѣнія, что льготы по имуществу при *общеобязательной личной* военной повинности не могутъ имѣть въ виду самихъ имуществъ, но могутъ быть допущены единственно во

вниманіе къ затруднительному положенію лица, владѣющаго имуществомъ и внезапно призваннаго къ отбыванію воинской повинности, и признало болѣе правильнымъ вмѣсто освобожденія отъ службы допустить отсрочку на одинъ годъ [5]). Со стороны купечества сдѣлана была попытка провести право откупа, хоть временное, при чемъ дѣлались заманчивыя предложенія обезпечить на поступившія суммы инвалидовъ, но эта неумѣстная меркантильная точка зрѣнія была рѣшительно отвергнута военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ.

Щедрою рукою установлены были въ проектѣ льготы по образованію. Проникнутые мыслью, — говорится въ запискѣ Д. А. Милютина,—что военная повинность не только не должна вредить развитію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, а напротивъ, насколько возможно, *способствовать его распространенію* и что установленіе съ этою цѣлью льготъ для однихъ только вольноопредѣляющихся подобно принятому за границею, было бы у насъ совершенно недостаточно, такъ какъ мы стоимъ на сравнительно низшей ступени образованія, коммиссія *единогласно* признала необходимымъ оградить интересы образованія *во всѣхъ его ступеняхъ* даже для лицъ, поступающихъ въ армію по жребію. Съ этою цѣлью допущены были отсрочки до окончанія образованія и сокращенія срока дѣйствительной службы, начиная отъ полугода (для лицъ съ высшимъ образованіемъ) и до четырехъ лѣтъ (окончившіе курсъ въ начальныхъ училищахъ).

Просвѣщенныя усилія военнаго министерства дать импульсъ народному образованію настолько были очевидны, что впослѣдствіи Государственный Совѣтъ, обсуждая проектъ, счелъ справедливымъ занести въ свой журналъ слѣдующія знаменательныя и лестныя для тогдашняго военнаго министра строки: «Проектъ производитъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе: при необходимомъ охраненіи интересовъ арміи и потребностей военнаго вѣдомства, въ немъ не только не забыта важность просвѣщенія, но можно даже съ увѣренностью сказать, что проектированныя постановленія будутъ служить наиболѣе дѣйствительнымъ и могущественнымъ орудіемъ *къ распространенію* про-

---

[5]) См. назв. Записку, 45.

свѣщенія. По мнѣнію присутствія, нельзя не принести за это составителямъ проекта справедливой доли признательности» [6]). Никогда оффиціальная признательность не имѣла болѣе справедливаго и реальнаго основанія.

III

19-го января 1873 г. Д. А. Милютинъ внесъ свой проектъ въ государственный совѣтъ и разослалъ его одновременно на заключеніе министровъ. Поступила масса замѣчаній, изъ коихъ немногія были прямо враждебны основному принципу уравнительной всеобщей воинской повинности, большинство же отстаивали тѣ или другіе интересы привилегированныхъ сословій, но замѣчательно, что не было ни одного, которое клонилось бы къ лучшей и большей защитѣ интересовъ народной массы. Какъ бы молчаливо признавалось всѣми, что для нея и безъ того чрезчуръ много сдѣлано военнымъ министерствомъ.

Принципіальнымъ противникомъ общей воинской повинности выступилъ самый стойкій союзникъ гр. Д. А. Толстаго по насажденію грамматическаго классицизма, управляющій государственнымъ коннозаводствомъ генералъ-адъютантъ Гринвальдъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ подлиннаго заключенія этого разносторонняго консерватора, считавшаго, помимо своей коннозаводской производительности, себя равно компетентнымъ какъ въ вопросахъ педагогическихъ, такъ и военно-юридическихъ; но какъ можно заключить изъ журнала Государственнаго Совѣта, онъ шелъ противъ демократическаго духа военной реформы, онъ считалъ опаснымъ для дисциплины допустить общеніе свободолюбивыхъ образованныхъ молодыхъ людей съ солдатами изъ народа, а самую военную реформу «преждевременною». Первое опасеніе раздѣлялъ и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Вестманъ, который признавалъ полезнымъ освободить на десять лѣтъ лицъ съ высшимъ образованіемъ,—не то бы въ награду не то какъ macula за ихъ политическую неблаго-

[6]) См. Журналъ государственнаго совѣта по Высочайше учрежденному особому присутствію 2-го апрѣля—6 ноября 1873 г., № 1, стр. 14.

дежность,—отъ воинской повинности [7]). Особое присутствіе сударственнаго совѣта отвергло эти закорузлыя опасенія конрваторовъ, согласно заключенію Д. А. Милютина, по слѣдуюимъ соображеніямъ: «Весьма значительное число молодыхъ одей изъ образованныхъ классовъ общества поступаетъ и теерь ежегодно въ составъ войскъ въ качествѣ юнкеровъ; между имъ, по засвидѣтельствованію военнаго начальства, лица эти только не оказываютъ дурнаго вліянія на нижнихъ чиновъ ъ простолюдиновъ, но подаютъ даже добрый примѣръ охотнаго полненія служебныхъ обязанностей. То же самое, должно наяться, останется и впредь. Предполагать противное можно было ы въ томъ лишь случаѣ, если бы со введеніемъ реформы молодые люди поставлены были въ условія, не соотвѣтствующія образованію ихъ, ни привычкамъ, чего на самомъ дѣлѣ не редположено» [8]).

По поводу же обычнаго припѣва боязливыхъ рутинеровъ о неподготовленности» народа къ принятію общеобязательной военной службы и требованій права выкупа для привилегированныхъ высшихъ классовъ, Государственный Совѣтъ разсуждалъ такъ: Въ виду совершившихся уже преобразованій во всѣхъ отрасляхъ осударственнаго устройства, со введеніемъ общихъ всѣмъ сословіямъ земскихъ учрежденій и судебной реформы, которыми уже странены многія изъ преградъ, раздѣлявшихъ у насъ сословія, охраненіе различія однихъ отъ другихъ именно въ отношеніи ъ обязанности защищать родину, было бы напротивъ того рѣзкимъ и ничѣмъ необъяснимымъ отступленіемъ отъ общаго строя осударственнаго развитія. Если правительствомъ признано было возможнымъ и благовременнымъ ввести упомянутыя реформы, несмотря на относительно низкій уровень умственнаго развитія массы населенія, то это обстоятельство тѣмъ менѣе можетъ служить препятствіемъ общеобязательной воинской повинности, которая по самому ея свойству и условіямъ военной службы представляетъ весьма дѣйствительное средство не только къ распространенію народнаго образованія, но и къ нравственному

---

[7]) См. Измѣненный проектъ о воен. повин., стр. 1, 68.

[8]) См. назв. Журн. госуд. совѣта, № 1, стр. 10.

развитію населенія и вообще къ правильному соединенію и къ направленію ихъ къ одной общей цѣли» [9]). Далѣе Государственный Совѣтъ ссылается на примѣры иностранныхъ государствъ, гдѣ не допускается никакихъ отступленій въ пользу высшихъ классовъ отъ основнаго начала общеобязательности военной службы, и въ частности на примѣръ Пруссіи, гдѣ она была введена вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостнаго права.

Нѣсколькими министрами были высказаны пожеланія о разныхъ льготахъ въ пользу привилегированныхъ классовъ: министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ требовалъ, чтобы особые призывные участки были образованы для «неподатныхъ состояній», министръ юстиціи гр. Паленъ настаивалъ на предоставленіи имъ права избранія мѣста службы по собственному желанію. Но военный министръ Д. А. Милютинъ, согласно духу равенства новой реформы, возражалъ [10]) противъ подобныхъ изъятій и вызванныхъ старыми сословными предразсудками претензій. Онъ призналъ, однако, возможнымъ допустить, согласно мнѣнію министра финансовъ Рейтерна, въ интересахъ промышленности, отсрочку отправленія воинской повинноети на два года для завѣдывающихъ торгово-промышленнымъ дѣломъ.

Оберъ-прокуроръ св. синода гр. Д. Л. Толстой требовалъ освобожденія семинаристовъ отъ воинской повинности, указывая на то, что «безкорыстная жажда знанія пробуждается почти исключительно въ зрѣлыхъ (?) лѣтахъ, и что юношество, въ періодъ воспитанія, руководствуется представленіемъ тѣхъ выгодъ, какія изученіе наукъ обѣщаетъ въ будущемъ, и что трудно ожидать, чтобы молодые люди, судьба какихъ уже опредѣлилась жребьемъ, стали съ увлеченіемъ предаваться богословскимъ, филологическимъ и др. изысканіямъ, чуждымъ (sic) будущей ихъ дѣятельности, и что большинство ограничится окончаніемъ курса въ среднихъ заведеніяхъ». Д. А. Милютинъ, «не касаясь вопроса о томъ, какому возрасту—юношескому или зрѣлому—болѣе свойственны корыстныя побужденія въ стремленіи къ пріобрѣтенію научныхъ познаній», отвергъ предложеніе гр. Тол-

9) См. назв. журналъ, стр. 12—13.

10) См. Изм. проектъ, стр. 12-13.

того въ виду льготъ, представляемыхъ высшимъ образованіемъ или поступленіемъ въ духовное званіе [11]).

Самое характерное и невѣроятное въ устахъ министра юстиціи замѣчаніе было сдѣлано гр. Паленомъ, предлагавшимъ важнѣйшія дѣла о нарушеніи законовъ о воинской повинности, подсудные суду присяжныхъ, *изъять* изъ ихъ вѣдѣнія въ виду того, что «едва-ли отъ присяжныхъ засѣдателей можно ожидать сознанія (!) всей важности вины лицъ, уклоняющихся отъ военной службы». Военному министру пришлось выступить на защиту достоинства русскаго суда присяжныхъ отъ нападокъ министра юстиціи, котораго онъ призвалъ къ порядку напоминаніемъ объ основныхъ началахъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1874 г. [12]). Судъ присяжныхъ на столько былъ популяренъ, что Государственный Совѣтъ даже и не удостоилъ вниманія эту неприличную выходку министра юстиціи.

Немного такихъ истинъ несомнительныхъ, немного такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ святость должна пребыть несомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя, независимыя отъ воли людей. Пользы просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ истинъ исключительныхъ.

Князь П. А. Вяземскій.

IV.

Едва ли не самый интересный эпизодъ въ исторіи военной реформы, это — характерная ожесточенная полемика, завязавшаяся между представителями двухъ противоположныхъ политическихъ міросозерцаній, между Д. А. Милютинымъ, который, говоря словами кн. Вяземскаго (товар. мин. нар. просв.), приведенными въ эпиграфѣ, вѣрилъ въ просвѣщеніе и стоялъ за его распространеніе quand même, и министромъ народнаго про-

[11]) Испр. проектъ, 55.

[12]) Тамъ же, 80.

свѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ, человѣкомъ инаго закала. Не даромъ военное министерство временъ Д. А. Милютина иные называли истиннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія сравнительно съ тогдашнимъ оффиціальнымъ научно-педагогическимъ вѣдомствомъ. Въ то время, когда гражданскія гимназіи превращались въ корпуса съ «классической муштровкою», военные кадетскіе корпуса, освобождаясь отъ язвъ профессіональныхъ школъ, указанныхъ въ извѣстныхъ статьяхъ Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», превращались въ «военныя гимназіи», т. е. общеобразовательныя заведенія, слегка приноровленныя къ потребностямъ военнаго вѣдомства. Чтобы судить о широтѣ взглядовъ военнаго министра Д. А. Милютина на дѣло просвѣщенія, достаточно добавить, что онъ возъимѣлъ смѣлую и благородную рѣшимость открыть при военномъ министерствѣ,—horribile dictu,—первый не только въ Россіи, но и въ Европѣ, женскій медицинскій факультетъ, за что̀ ему и искреннее спасибо великая честь и слава выпала отъ всѣхъ друзей русскаго народнаго просвѣщенія.

Но въ числѣ ихъ нельзя было считать бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстаго, ожесточеннаго врага Д. А. Милютина. Какъ только полученъ былъ гр. Толстымъ изъ военнаго министерства проектъ о воинской повинности, онъ въ поданномъ отзывѣ своемъ отъ 20-го февраля 1873 года выступилъ рѣшительнымъ противникомъ системы льготъ по образованію, установленныхъ въ проектѣ. Затѣмъ гр. Толстой вторично развивалъ свои замѣчанія въ особой запискѣ на имя государственнаго секретаря отъ 18-го октября 1879 года. Все это замѣчательное и похвальное усердіе гр. Толстаго клонилось главнымъ образомъ къ тому, чтобы доказать, что нѣтъ просвѣщенія внѣ мрачнаго схоластическаго классицизма и гр. Толстой—его пророкъ, во вторыхъ, дать выходъ жертвамъ новаго гимназическаго строя, тѣмъ fruits secs, недоношеннымъ плодамъ ложнаго классицизма, которыхъ ежегодно выбрасывали гимназіи въ угрожающей прогрессіи, и въ-третьихъ, по возможности затруднить пути къ высшему образованію вообще и въ частности для людей съ недостаточными средствами.

Въ роли небезкорыстнаго ревнителя и адвоката собственнаго

классицизма, роли, напоминающей procurator in rem suam, гр. Толстой негодовалъ прежде всего противъ уравненія льготъ по образованію прогимназій, гдѣ дается, по его словамъ, «предварительное научное (!) образованіе», съ уѣздными училищами, лишенными благъ единоспасающей классической грамматики, а потому, по его мнѣнію, ни къ чему не пригодныхъ и подлежащихъ уравненію съ низшими школами грамотности [13]). Единственно кажущеюся попыткою къ покровительству просвѣщенію въ отзывѣ гр. Толстаго представляется предложеніе его сократить съ 4-хъ лѣтъ до 3-хъ срокъ службу для окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ. Но истинный смыслъ этого предложенія явствуетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, изъ котораго видна главная цѣль гр. Толстаго: какъ можно ниже держать въ народѣ уровень образованія. Въ этихъ видахъ онъ рѣшительно возсталъ противъ льготъ, установленныхъ проектомъ въ пользу *высшаго и средняго* образованія, и требовалъ, чтобы не только окончившіе курсъ гимназій, но и лица съ высшимъ образованіемъ уравнены были съ гимназистами 6-го класса и учениками школъ грамотности, т. е. оставались на дѣйствительной службѣ *три* года (вмѣсто предположенныхъ проектомъ 9 мѣсяцевъ и полутора года). Исходя изъ убѣжденія своего (см. выше § 3), что молодые люди во время прохожденія курса ученія, руководствуются «выгодами», гр. Толстой не безъ основанія разсчитывалъ, что, благодаря этой военной приманкѣ, масса лицъ, «которыя не имѣютъ или *средствъ*, или способностей учиться», бросятъ гимназіи съ 6-го класса. Въ арміи, по мнѣнію гр. Толстаго, «всегда найдется мѣсто и для нихъ» (вотъ ужъ по истинѣ: «на тебѣ, боже, что мнѣ негоже!»), а если число ищущихъ высшаго образованія чрезъ это значительно уменьшится,—тѣмъ лучше, полагалъ гр. Толстой, ибо «предпочтительнѣе, чтобы такія лица не наполняли собою «безъ всякой пользы для науки, а иногда и со вредомъ для серіознаго ученія» (это Пироговы, Соловьевы, Щуровскіе, Буслаевы, Тихонравовы, Мейеры и другіе «бѣдные» студенты «конфузили» «серьезность» ученія!) аудиторіи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній» [14]). Это мнѣніе было поддержано

[13]) Отз. мин. нар. просв. отъ 20-го февраля 1873 г., стр. 4.

[14]) См. назв. журн. госуд. совѣта, 46.

въ Государственномъ Совѣтѣ всего только пятью членами: министромъ финансовъ Рейтерномъ, гр. Шуваловымъ (начальн. III-го отдѣленія), Набоковымъ, гр. Паленомъ (министромъ юстиціи) и Лесовскимъ.

Какъ противъ министра юстиціи (см. § 3) пришлось Д. А. Милютину выступить въ защиту достоинства русской юстиціи, такъ и противъ министра народнаго просвѣщенія ему пришлось ратовать за русское просвѣщеніе. Тутъ очевидно сталкивались два противоположныхъ міровоззрѣнія: одно, признающее образованіе высшимъ благомъ и наибольшее его распространеніе безусловно желательнымъ, и другое, смотрящее на образованіе какъ на ненужную роскошь или даже неизбѣжное зло, распространеніе коего должно быть сдерживаемо всѣми силами для привилегированнаго меньшинства. Послѣдняго обскурантскаго мнѣнія держался министръ народнаго просвѣщенія гр. Толстой перваго, какъ сказано, военный министръ Милютинъ, къ которому присоединились 22 члена и въ числѣ ихъ нѣкоторые столпы консерватизма (Великіе Князья Константинъ и Михаилъ Николаевичи, Принцъ Ольденбургскій, гр. Бергъ, кн. Горчаковъ, Игнатьевъ, Чевкинъ, Мѣтлинъ, баронъ Ливенъ, Новосильскій, Фундуклей. Левшинъ, Валуевъ, баронъ Будбергъ, Мельниковъ, гр. Барановъ, Тимашевъ, кн. Урусовъ, кн. Оболенскій, Мансуровъ, Небольсинъ [13]). Указавъ на важное значеніе для военнаго вѣдомства лицъ съ высшимъ образованіемъ, 22 члена подробно излагаютъ свои соображенія о необходимости наибольшаго поощренія у насъ высшаго образованія.

«Еще несравненно важнѣе, сказано въ журналѣ Государственнаго Совѣта, представляющееся по настоящему вопросу, — соображеніе *общегосударственное*, состоящее въ томъ, что лицъ, получившихъ высшее научное образованіе, надлежитъ въ мирное время удерживать на дѣйствительной службѣ лишь въ теченіе того срока, который *крайне необходимъ* для усвоенія ими порядковъ военной службы и пріемовъ военнаго дѣла. Въ такомъ только случаѣ военное вѣдомство, пользуясь въ трудную для государства пору войны лучшими силами населенія и общества

[13]) См. назв. журн. госуд. сов., 48.

для возможно успѣшной защиты отечества отъ врага, не будетъ однако въ остальное время дѣйствовать въ ущербъ другимъ не менѣе важнымъ потребностямъ страны и не будетъ такимъ образомъ препятствовать мирному и правильному гражданскому ея развитію. Въ отношеніи къ Россіи соображеніе это имѣетъ чрезвычайную важность, ибо, къ сожалѣнію, число лицъ, получившихъ высшее образованіе, у насъ относительно весьма еще невелико и далеко *не соотвѣтствуетъ потребности* въ нихъ, постоянно ощущаемой во всѣхъ отрасляхъ государственной и общественной дѣятельности. Не говоря уже о недостаткѣ у насъ ученыхъ техниковъ разнаго рода, крайне необходимыхъ для устройства и поддержанія въ порядкѣ путей сообщенія, для развитія фабрикъ и вообще промышленности, для усовершенствованія сельскаго нашего хозяйства, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что даже высшія правительственныя власти нерѣдко бываютъ крайне затруднены въ пріисканіи вполнѣ достойныхъ кандидатовъ на разнаго рода должности, сопряженныя и съ положеніемъ почетнымъ, и съ хорошимъ содержаніемъ, и съ обезпеченною пенсіею въ будущемъ. Достаточно указать на то, что къ 1-му января 1872 года по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія было *двѣсти семь* незанятыхъ профессорскихъ каѳедръ въ университетахъ; а сколько нужно намъ еще учителей не только для существующихъ, но и для постоянно открываемыхъ учебныхъ заведеній разнаго рода? Хотя, можетъ быть, и не въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ, но трудность пріисканія вполнѣ образованныхъ дѣятелей для занятія различныхъ правительственныхъ должностей встрѣчается и во всѣхъ почти другихъ вѣдомствахъ.

По приведеннымъ соображеніямъ 22 члена считали, съ своей стороны, безусловно необходимымъ, какъ въ видахъ справедливости, такъ и для поощренія къ высшему образованію, назначить для окончившихъ курсъ въ университетѣ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ менѣе продолжительный срокъ дѣйствительной службы, нежели для лицъ, хотя бы даже окончившихъ гимназическій курсъ. Съ другой стороны, и ограженіе интересовъ молодыхъ людей, прошедшихъ полный курсъ наукъ въ гимназіяхъ и вообще въ среднихъ учебныхъ заведе-

ніяхъ, разсуждали они, имѣетъ весьма важное значеніе: число такихъ лицъ у насъ также весьма незначительно, а между тѣмъ гимназіи и соотвѣтствующія имъ учебныя заведенія составляютъ единственный источникъ для пополненія слушателями университетовъ и другихъ высшихъ училищъ; поэтому всякая мѣра, ведущая къ ослабленію этого источника, должна отразиться вредно на успѣхѣ научнаго образованія.

«Не подлежитъ сомнѣнію,—говорится далѣе,—что съ дарованіемъ высшей отъ воинской повинности льготы ученикамъ 6-го класса гимназій, число выходящихъ изъ этого класса непремѣнно увеличилось бы и, соотвѣтственно тому, *уменьшилось* бы число оканчивающихъ полный гимназическій курсъ и поступающихъ въ университеты. Самое убѣдительное доказательство вѣрности такого предположенія представляетъ Пруссія, гдѣ, несмотря на большее развитіе просвѣщенія, право одногодичнаго срока военной службы за шестилѣтнее ученіе въ гимназіяхъ и вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оказываетъ всѣми признаваемое вліяніе на уменьшеніе числа оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ училищахъ» [16]).

V

Еще большее фіаско потерпѣлъ гр. Толстой по другому своему ретроградному мнѣнію, въ которомъ онъ возражалъ противъ предоставленнаго Милютинскимъ проектомъ окончившимъ курсъ въ прогимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ права поступать на службу вольно-опредѣляющимися и черезъ три года быть произведенными въ офицеры. Въ этомъ постановленіи гр. Толстой усматривалъ, во-первыхъ, опасную для прогимназій конкурренцію [illegible]ядныхъ училищъ и, во-вторыхъ, возможность переполненія [illegible]ескаго персонала лицами мѣщанскаго и купеческаго сосло- [illegible] представлялось ему нежелательнымъ съ точки зрѣнія [illegible]еской благонадежности. Этотъ одинокій отголосокъ ста- сословныхъ предразсудковъ vilain'овъ ичрезмѣрнаго при-

---

6. назв. журналъ особаго присутствія государств. совѣта, стр. 5д.

стія въ пользу собственнаго дѣтища — классической мушт-
ки — прозвучалъ совершенно одиноко въ Государственномъ
ѣтѣ, не привлекши въ свою сторону *ни одного голоса*. Огром-
ъ большинствомъ 24 голосовъ (Великій Князь Константинъ
олаевичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александро-
ь, нынѣ царствующій Государь, Великіе Князья Николай и
аилъ Николаевичи, графъ Паленъ, Тимашевъ, Валуевъ и др.)
ргли это мнѣніе, въ виду большой потребности въ офицерахъ,
изнали, что допущеніе вольноопредѣляющихся изъ податныхъ
ловій, существовавшее даже и по старому законодательству,
одь не можетъ вести къ вредному измѣненію духа войскъ [17]).
отерпѣвъ неудачу въ особомъ присутствіи Государственнаго
ѣта, гр. Толстой рѣшился попытать счастья въ общемъ со-
іи его, но результатъ былъ тотъ же. Членамъ государствен-
совѣта гр. Толстой разослалъ обширную записку (50 печат-
ъ страницъ), въ которой, повторяя и развивая свои прежніе
оды, предлагалъ сократить льготы по образованію. Maximum
оты (служба до 1 года) онъ допускалъ только для вольно-
ѣдѣляющихся, при чемъ лица съ высшимъ образованіемъ
внивались съ окончившими курсъ 6-ти классовъ классичес-
ъ гимназій; для поступавшихъ же по жребію не допускалось
акого изъятія, и окончившій курсъ въ университетѣ долженъ
ъ остаться на службѣ столько же, сколько и окончившій въ
альной школѣ. Затѣмъ гр. Толстой отвергалъ отсрочку для
нчанія образованія и настаивалъ на отправленіи студентами
нской повинности непремѣнно *во время* прохожденія универ-
этскаго курса, по политическимъ соображеніямъ.

Военный министръ Д. А. Милютинъ подробно разобралъ всѣ
раженія гр. Толстаго и между прочимъ доказывалъ, что,
реки мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, смѣло утверж-
шаго, что съ *военной* точки зрѣнія невозможно сокращеніе
кбы для лицъ съ высшимъ образованіемъ до 3 — 6 мѣся-
ъ [18]), такая льгота не будетъ вредна для военнаго дѣла. А
другой стороны отравленіе воинской повинности во время

---

[17]) См. назв. журналъ, стр. 89.

[18]) См. Записку гр. Толстаго, 8.

прохожденія университетскаго курса Д. А. Милютинъ считалъ несовмѣстнымъ съ правильнымъ ходомъ научныхъ занятій вообще и въ частности для «недостаточныхъ студентовъ», которые во время лѣтнихъ вакацій зарабатываютъ средства къ существованію.

Рѣдко можно въ исторіи законодательства встрѣтить болѣе оригинальное qui pro quo, нежели вышеупомянутое, въ которомъ министръ народнаго просвѣщенія ратуетъ горячо за военные интересы даже въ ущербъ интересамъ просвѣщенія, а военный министръ готовъ даже отчасти поступиться ими, лишь бы оказать поддержку народному просвѣщенію.

Государственный Совѣтъ, разобравъ чрезвычайно внимательно доводы обоихъ министровъ, принялъ вполнѣ заключенія Д. А. Милютина. Вотъ что, между прочимъ, записано въ журналѣ Совѣта:

«Просвѣщеніе наше на всѣхъ его степеняхъ, не исключая и высшихъ, нуждается въ сильномъ охраненіи и *постоянномъ поощреніи* Пруссія не можетъ въ этомъ отношеніи служить намъ примѣромъ: тамъ считается въ университетахъ слишкомъ 8,000 слушателей, а въ 407 гимназіяхъ, прогимназіяхъ, реальныхъ и высшихъ бюргерскихъ училищахъ около 100 тысячъ учащихся; соотвѣтственно этому, при нашемъ населеніи, въ $3^1/_2$ раза большемъ, въ нашихъ университетахъ должно бы быть около 28,000 слушателей, а ихъ менѣе 7,000; точно также мы должны бы имѣть гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ до 1,420 и учащихся въ нихъ до 350,000, а имѣемъ мы такихъ учебныхъ заведеній менѣе 150 и учащихся въ нихъ не болѣе 40,000. Цифры эти достаточно объясняютъ недостатокъ въ образованныхъ лицахъ у насъ и изобиліе ихъ въ Пруссіи, гдѣ при принятіи въ гражданскую службу можно дѣлать выборъ между многими и требовать, кромѣ аттестата учебнаго заведенія, еще выдержанія особаго служебнаго испытанія (Staatsexamen). Поэтому въ Пруссіи оказывается возможнымъ не давать никакихъ льготъ за образованіе поступающимъ въ военную службу по жребію; лица эти не пользуются даже отсрочкою для окончанія образованія и, по достиженіи 20-лѣтняго возраста, немедленно призываются на службу. При такой системѣ, въ Пруссіи не можетъ быть даже и случаевъ отправленія воинской повинности

окончаніи университетскаго курса, совпадающемъ съ болѣе зднимъ возрастомъ.

«Полное примѣненіе прусской системы у насъ, при относиьно низкомъ еще уровнѣ образованія, было бы *тяжкимъ ромъ для отечественнаго просвѣщенія*. Съ цѣлію возможнаго ощренія къ ученью намъ совершенно необходимо допустить готы по образованію и для лицъ, призываемыхъ на службу жребію, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить и соразмѣрность, притую уже нашимъ законодательствомъ относительно распредѣія льготъ по различнымъ степенямъ образованія. Дарованіе обыхъ по воинской повинности льготъ за прохожденіе курса высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не можетъ не ѣть существеннаго значенія: сокращая сроки обязательнаго обыванія въ дѣйствительной военной службѣ, единогласно знаваемой наиболѣе тяжелою изъ всѣхъ существующихъ повностей, такія льготы должны почитаться важнѣйшими изъ авъ, которыя могутъ быть предоставлены закономъ за окоие курса въ томъ или въ другомъ училищѣ. Въ сравненіи означенными льготами, въ значительной мѣрѣ облегчающими сокращающими весьма тягостную для каждаго образованнаго овѣка службу въ нижнихъ военныхъ чинахъ, блѣднѣютъ и одвигаются на второй планъ всѣ остальныя преимущества, іобрѣтаемыя окончаніемъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ, не ключая и наиболѣе цѣнившагося до сихъ поръ права на чины службѣ гражданской.

«Въ виду приведеннаго уже недостатка у насъ въ лицахъ съ сшимъ и среднимъ образованіемъ, составляющаго несомнѣнй фактъ, едвали можетъ быть признана справедливою мысль, лица, достигшія университета и даже высшаго класса гимзіи, по самой степени своего развитія, должны побуждаться продолженію занятій не какими-либо преимуществами, а инресомъ знанія и любовью къ наукѣ, и что посему предостаеніе имъ той или другой льготы по воинской повинности не ѣсть существенной важности. Если наши высшія учебныя веденія, даже при тѣхъ особыхъ привелегіяхъ, которыми они льзуются издавна, не настолько еще привлекаютъ учащихся, обы удовлетворить всѣмъ потребностямъ государства въ ли-

цахъ образованныхъ, то не слѣдуетъ ли ожидать, что всякое уменьшеніе привилегій для высшихъ учебныхъ заведеній еще болѣе затруднитъ достиженіе указанной цѣли.

«Привлеченіе молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія не особыми льготами, а посредствомъ развитія въ нихъ самихъ потребности просвѣщенія, было бы, безъ сомнѣнія, весьма желательно. Но осуществленіе этого оказывается возможнымъ только въ самой слабой степени даже въ наиболѣе образованныхъ странахъ; у насъ же стремленіе къ сему было бы пока преждевременно и потому пагубно отозвалось бы на дальнѣйшемъ развитіи нашего образованія. Если же держаться противоположнаго взгляда, то, по важности предмета, необходимо было бы войти по оному въ общія соображенія и представить этотъ вопросъ въ полномъ его объемѣ, со всѣми необходимыми объясненіями, на отдѣльное разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ и не только по отношенію къ льготамъ при отправленіи воинской повинности, а въ примѣненіи ко всѣмъ вообще правамъ, предоставляемымъ у насъ различными степенями образованія. До того же времени, пока общій этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ въ приведенномъ выше смыслѣ, пока въ законодательствѣ нашемъ будутъ существовать столь еще недавно подтвержденныя новыми уставами университетовъ, разныхъ высшихъ спеціальныхъ заведеній, а равно гимназій и прогимназій, весьма существенныя постановленія о правахъ, предоставляемыхъ окончившимъ курсъ наукъ въ тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ,— предлагаемое нововведеніе объ уравненіи правъ лицъ, удостоенныхъ университетомъ ученой степени, съ молодыми людьми, не окончившими даже гимназическаго курса, едвали было бы возможно» [19]).

VI.

1-го января 1874 г. Уставъ о воинской повинности былъ утвержденъ. Высочайшій манифестъ, при которомъ онъ былъ опубликованъ, происхожденіе и сущность реформы разъяснялъ

[19]) См. назв. журн. госуд. совѣта, стр. 52 и слѣд.

акъ: «По дѣйствовавшимъ донынѣ узаконеніямъ, воинская по-
инность возлагалась лишь на сословія мѣщанъ и крестьянъ,
значительная часть русскихъ подданныхъ изъята была отъ
бязанности, которая должна быть для всѣхъ одинаково священна.
акой порядокъ, сложившійся при иныхъ обстоятельствахъ, не
огласуясь съ измѣнившимися условіями государственнаго быта,
удовлетворяетъ и настоящимъ военнымъ требованіямъ. Но-
ѣйшія событія доказали, что сила государствъ не въ одной чис-
енности войска, но преимущественно въ *нравственныхъ и ум-
ственныхъ его качествахъ*, достигающихъ высшаго развитія лишь
огда, когда дѣло защиты отечества становится общимъ дѣломъ
рода, когда всѣ безъ различія званій и состояній соединяются
это святое дѣло».

Благодаря энергичной и умѣлой защитѣ проэкта, военному ми-
стру удалось провести военную реформу чрезъ Государствен-
ый Совѣтъ не только въ общемъ, но и въ деталяхъ согласно съ
ребованіями справедливости, согласно съ первоначальному, ра-
іональному плану и гуманно-просвѣтительнымъ и уравнитель-
ымъ принципамъ — безъ уступокъ реакціонному духу и со-
ловнымъ предразсудкамъ. Наградою гр. Д. А. Милютину, этому
стинно просвѣщенному дѣятелю, было утѣшеніе видѣть строй-
ый и прогрессивный Уставъ о воинской повинности 1-го января
874 г., который послѣ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября
864 г., является самымъ передовымъ цѣльнымъ и строго продu-
аннымъ законодательнымъ актомъ, и сознавать, что новый Уставъ
воинской повинности служилъ, какъ то и прямо говорилось
ь указѣ Сената 1-го января 1874 г., при коемъ Уставъ былъ
бнародованъ, новымъ подтвержденіемъ и закрѣпленіемъ осво-
одительно-человѣколюбивыхъ началъ преобразовательной эпохи.
Мы не имѣемъ намѣренія,—открыто гласилъ указъ 1-го января—
ступить отъ *началъ*, которымъ *неуклонно слѣдовали* во все
аше царствованіе». Затѣмъ законодатель высказывалъ убѣжде-
іе, что новый законъ будетъ новымъ орудіемъ *къ распростране-
ію въ народѣ истиннаго просвѣщенія* и послужитъ основаніемъ
залогомъ будущаго его благоденствія.

1-го того же января послѣдовалъ рескриптъ на имя пред-
сѣдателя Государственнаго Совѣта Великаго Князя Константина

Николаевича съ выраженіемъ искренней признательности за его «теплое участіе» въ этомъ дѣлѣ.

Крупныя заслуги Д. А. Милютина въ дѣлѣ проведенія военной реформы были оффиціально признаны въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 11-го января 1874 г., въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Постоянно слѣдя за ходомъ этого дѣла, какъ при работахъ подготовительныхъ, такъ и окончательномъ обсужденіи, Я имѣлъ возможность убѣдиться, насколько вашему просвѣщенному рвенію, неутомимой дѣятельности и вѣрному пониманію предуказанной Мною цѣли Я обязанъ тѣмъ, что всѣ стороны сего важнаго преобразованія были тщательно разработаны, возникавшіе вопросы основательно разъяснены и составлено законоположеніе, вполнѣ отвѣчающее Моимъ видамъ. Проникнутый горячею заботливостью о пользахъ арміи и общемъ благѣ государства, вы стремились во внесенномъ вами въ государственный совѣтъ проектѣ къ пріумноженію не только матеріальной, но преимущественно *нравственной силы* войска, и въ то же время не упустили изъ виду необходимости огражденія *другихъ важныхъ интересовъ*: быта семейнаго, промышленности, торговли, искусствъ и *въ особенности просвѣщенія во всѣхъ его степеняхъ*. Главнѣйшія постановленія, проектированныя во ввѣренномъ вамъ министерствѣ, были уважены Государственнымъ Совѣтомъ, въ сужденіяхъ котораго вы принимали самое ревностное и полезное участіе. Тяжелыми трудами вашими въ этомъ дѣлѣ и просвѣщеннымъ на него взглядомъ вы оказали государству услугу, которую Я ставлю себѣ въ особое удовольствіе засвидѣтельствовать и за которую выражаю вамъ Мою истинную душевную признательность. Законъ, Мною утвержденный и нынѣ обнародованный, да будетъ при вашемъ содѣйствіи приводиться *въ исполненіе въ томъ же духѣ*, въ какомъ онъ составленъ, съ сохраненіемъ твердо и незыблемо основнаго начала объ обязанности каждаго нести воинскую повинность и со всѣми въ отбываніи этой повинности облегченіями, возможными безъ ущерба для существенныхъ интересовъ государства, для силы и достоинства арміи».

Въ такомъ именно человѣколюбивомъ и просвѣщенномъ духѣ равенства, гуманности и справедливости проводилъ въ жизнь

р. Д. А. Милютинъ задуманную имъ реформу до самаго [20]) онца своей продолжительной и плодотворной службы, когда нъ въ апрѣлѣ 1881 г. вмѣстѣ съ своимъ единомышленникомъ рафомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ долженъ былъ выйти въ тставку.

Военная реформа 1874 г. сравнительно съ другими реформами была поставлена въ особо счастливыя условія примѣненія. Когда какъ крестьянскую и судебную реформу пришлось вводить ъ дѣйствіе лицамъ равнодушнымъ къ ихъ духу или явно враждебнымъ (какъ П. А. Валуевъ и гр. К. Н. Паленъ), военная реформа—и она *одна*—избѣгла этого важнаго неудобства, имѣвшаго послѣдствіемъ постепенное искаженіе духа и сущности водимыхъ реформъ, и примѣнялась вполнѣ согласно ея основному духу.

Благіе результаты не замедлили обнаружиться необыкновенно быстро и осязательно. Сила обстоятельствъ вынудила Александра I, заявившаго еще 1-го января 1874 г., «что онъ не ищетъ, какъ онъ не искалъ дотолѣ, блеска военной славы», испытать физическія и нравственныя силы молодаго преобразованнаго войска гораздо раньше, чѣмъ это допускало человѣческое предвидѣніе. Уже черезъ три года по введеніи Устава о воинской повинности, внушавшаго консерваторамъ столько опасеній своимъ «демократическимъ, либеральнымъ духомъ», Россія вынуждена была двинула на поле битвы впервые свое преобразованное, въ духѣ равенства и справедливости, молодое войско. И что же?

---

[20]) Народная грамотность несравненно больше обязана своимъ распространеніемъ военному министерству, нежели министерству народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, невозможно указать въ точности число грамотныхъ, обязанныхъ грамотностью прохожденію воинской повинности. Благодаря любезности одного компетентнаго военнаго ученаго, я могу привести слѣдующія соображенія и приблизительныя данныя. На военной службѣ почти всѣ солдаты выучиваются грамотѣ. Число же лицъ, исполнившихъ воинскую повинность съ 1874 по 1891 г., по отчетамъ военнаго министерства, достигаетъ болѣе 2.500,000. Если отсюда вычесть число грамотныхъ новобранцевъ, въ среднемъ (за послѣдніе годы) приблизительно 30%, да скинуть нѣсколько на больныхъ и умершихъ, то безъ большой ошибки можно принять, что воинской повинности обязаны грамотностью по меньшей мѣрѣ до 1891 г. 1,600,000 человѣкъ.

Своими боевыми качествами, своимъ достойнымъ поведеніемъ, которому должны были отдать справедливость друзья и недруги[21]), новыя войска на Балканахъ и Армянскомъ плоскогорьѣ не посрамили апріорной вѣры друзей прогресса въ русскій народъ и a posteriori наглядно подтвердили разумность гуманно-просвѣтительныхъ началъ, положенныхъ въ основу военной реформы 1874 года.

---

[21]) См. у Д. А. Ровинскаго похвальные отзывы англійскихъ журналистовъ о поведеніи русскихъ солдатъ. „Народныя Картины“, т. V, 31

VIII

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

Idéal! idéal! sur tes traces divines,
Combien déjà se sont egarés et perdus!
Les meilleurs d'entre nous sont ceux que tu fascines;
Ils se rendent à toi sans s'être difendus.

Ackermann.

... Хотъ тотъ-же дѣятель на сценѣ, да не тотъ!
Участникъ дѣлъ былыхъ порой неузнаваемъ...
Благочестивыми воздвигнутъ былъ руками,
Какъ благолѣпный храмъ, Россіи новый строй,
Предъ алтаремъ служилъ тотъ дѣятель былой
И вѣрующихъ сонмъ тѣснился въ этомъ храмѣ...
Теперь онъ опустѣлъ; всѣ входы прахъ занесъ;
Священнодѣйствій нѣтъ; онъ теменъ и печаленъ,
И ползаетъ въ немъ гадъ; и, лая, бродитъ песъ,
Какъ средъ заброшенныхъ развалинъ.

А. М. Жемчужниковъ.

Что имѣетъ основаніемъ правду, того нельзя не повторять, даже и опасаясь надоѣсть.

Н. И. Пироговъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Какъ возникло Московское Юридическое Общество.

ь, произнесенная 13-го марта 1888 г. въ торжественномъ засѣданіи Москов. Юридич. Общ. по случаю 25-ти лѣтія его основанія).

I.

ризнаться, не безъ сильнаго смущенія вхожу я на эту па-ую каѳедру нашей almae matris. Меня смущаетъ не только з сонмъ великихъ именъ и тотъ рой величавыхъ традицій оспоминаній, которыя витаютъ надъ этою вѣщею трибуною. я смущаетъ также и та задача, которую я взялъ на себя порученію Московскаго Юридическаго Общества, задача— ощить вамъ лѣтопись, откуда пошло наше Юридическое ество.

есть отчего придти въ смущеніе!

былъ бы поставленъ въ безвыходное положеніе, если бы вздумали, мм. гг. потребовать отъ меня разсказать по *лич-* воспоминаніямъ подробную исторію зарожденія Москов-о Юридическаго Общества, имѣвшаго мѣсто въ то время, а мы, наше поколѣніе, сидѣло еще на школьной скамьѣ. ныя воспоминанія мои объ Обществѣ не идутъ далѣе второй овины 70-хъ годовъ.

нѣ остается одинъ выходъ: передать вамъ то представленіе, рое, по традиціи, сложилось у членовъ Московскаго Юридиче-о Общества болѣе поздняго наслоенія о времени и обстоятель-хъ, вызвавшихъ его къ жизни. Но это мое положеніе сторон-зрителя имѣетъ и свои удобства, и, пожалуй, довольно значи-

тельныя. Непосредственнымъ участникамъ и свидѣтелямъ общественнаго дѣла трудно учесть размѣры участія въ немъ личнаго и общественнаго элементовъ. Находясь въ зонѣ извѣстнаго движенія, имъ трудно уяснить себѣ вполнѣ его значеніе и послѣдствія. Они нерѣдко впадаютъ въ ошибку, принимая физическихъ виновниковъ, иногда являющихся безсознательными, почти невольными орудіями движенія, за настоящихъ его авторовъ. Сторонній свидѣтель болѣе застрахованъ отъ подобной ошибки. Ему легче соблюсти законы исторической перспективы, ему видѣе параллелограмъ силъ, обусловливающихъ явленія общественной жизни.

Вотъ почему, если я не въ состояніи буду разсказать вамъ, кто, когда и какъ возводилъ фундаментъ Юридическаго Общества (что уже отчасти сдѣлалъ въ своей исторической запискѣ первый предсѣдатель Общества, достойнѣйшій В. Н. Лешковъ), то, быть можетъ, мнѣ удастся очертить передъ вами характеръ того общественнаго движенія, которое сгруппировало учредителей нашего Общества и заставило ихъ вольно или невольно работать надъ сооруженіемъ будущаго зданія перваго союза юристовъ. Я сказалъ: «работать невольно». Не подумайте, что это lapsus linguae! Нѣтъ, это фактъ историческій, и я его могу доказать ссылкою на вышеупомянутую «историческую записку». Изъ нея мы узнаемъ, что главными виновниками учрежденія Московскаго Юридическаго Общества были профессора С. И. Баршевъ и В. Н. Лешковъ. Эти два имени, поставленныя рядомъ, говорятъ весьма много и вразумительно! На сколько естественно видѣть надъ созиданіемъ Юридическаго Общества В. Н. Лешкова, этого неустаннаго борца за начало свободной общественной самодѣятельности, на столько неожиданно видѣть въ той же роли представителя противоположнаго міросозерцанія, С. И. Баршева. Участіе Баршева въ этомъ дѣлѣ особенно знаменательно и интересно. Если Лешковъ, работая надъ созиданіемъ Юридическаго Общества, свободно отдавался своимъ природнымъ и научнымъ влеченіямъ и симпатіямъ, то Баршевъ, входя въ это дѣло и даже беря на себя его иниціативу, дѣлалъ шагъ, не имѣвшій оправданія во всей его прежней научной и литературной дѣятельности, посвященной восхваленію нашего дореформеннаго бюро-

ратическаго строя и тайнаго инквизиціоннаго процесса. Вотъ
ь какомъ смыслѣ я считаю интереснымъ «невольное» участіе
ршева въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ сказаннаго, я, кажется, въ правѣ заключить, что для
сненія происхожденія нашего Общества не столько важно знать
о, такъ сказать, оффиціальныхъ воспріемниковъ отъ купели,
олько уяснить ту группу силъ, теченій и явленій, которыя
звали къ жизни въ 1863 г. чествуемое нами учрежденіе.

Какія же это были явленія?

Обыкновенно принято считать причиною возникновенія Мо-
овскаго Юридическаго Общества судебную реформу или точнѣе
народованіе 1-го октября 1862 г. Высочайше утвержденныхъ
новныхъ положеній судебной реформы. Таково мнѣніе, между
очимъ, и перваго исторіографа его В. Н. Лешкова. Не скажу,
обы это мнѣніе было невѣрно, но, по моему мнѣнію, оно не
всѣмъ точно и убѣдительно. Начало судебной реформы отно-
тся къ 1842 году, а иные не безъ основанія относятъ его
же еще за 100 лѣтъ—къ 1747 г. Отчего же въ этотъ длин-
ый періодъ времени никому не приходила и не могла придти
ь голову мысль объ основаніи гдѣ либо Юридическаго Обще-
ва!? А съ другой стороны, развѣ и сама судебная реформа,
ь томъ видѣ какъ она вылилась въ приснопамятномъ законо-
тельномъ актѣ 20-го ноября 1864 г., развѣ она сама не есть
одуктъ или, лучше, дальнѣйшее развитіе еще болѣе значи-
льнаго законодательнаго памятника 19-го февраля 1861 года?
видѣтельствуюсь въ этомъ случаѣ авторитетомъ безусловной
стовѣрности и компетентности, покойнымъ С. И. Зарудныхъ,
отходившимъ отъ дѣла судебной реформы, начиная отъ об-
зованія первой завязи ея въ 1842 году и вплоть до изданія
ь 1866 г. Государственною Канцеляріею Судебныхъ Уставовъ
разсужденіями, на коихъ они основаны. Онъ-то именно като-
рически заявляетъ, что безъ освобожденія крестьянъ никогда
видать бы этой странѣ Уставовъ 20-го ноября.

А если это такъ, то не вправѣ ли мы счесть за болѣе ко-
нную причину возникновенія Юридическаго Общества освобо-
деніе крестьянъ, крестьянскую реформу и то освободительное
иженіе, которое въ свою очередь дало жизнь и крестьянской

реформѣ и всѣмъ проистекавшимъ изъ нея послѣдующимъ реформамъ: земской, судебной, городовой, университетской;—отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, реформѣ законодательства о печати, о воинской повинности, и пр. и пр.?

Вотъ мы и подошли къ тому главному стволу, освободительному движенію 60-хъ годовъ, коего небольшимъ, но естественнымъ развѣтвленіемъ было основаніе Московскаго Юридическаго Общества.

II.

Шестидесятые годы! Какое это чудное и чудное, непонятное для насъ, для нашего бѣднаго вѣрою и воодушевленіемъ поколѣнія, время, время идеаловъ, время титановъ мысли, гигантовъ вѣры, богатырей дѣла! Въ какіе нибудь 3—4 года уничтожаются: и крѣпостное право, и тѣлесное наказаніе, и старый инквизиціонный судъ, и насаждается нѣкоторое подобіе самоуправленія и свободы печати! Что это за кипучая и всеобъемлющая дѣятельность по обновленію всѣхъ отраслей общественной и частной жизни, начиная съ законодательства и литературы и кончая домашнею обстановкою и семейными отношеніями, начиная отъ философскихъ системъ и кончая дѣтскими пеленками!!

Вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Нежданная рѣчь прозвучала—
И всѣ встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ,
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи славы и свѣта!...

Нынѣшнимъ «охлажденнымъ умамъ» не по сердцу эта бьющая ключемъ энергія жизни, пробудившейся послѣ полувѣковой спячки. Они не прочь подчеркнуть съ злорадствомъ тотъ или другой неудачный штрихъ этой героической законодательной и общественно-творческой эпопеи, не прочь бросить ихъ благороднымъ дѣятелямъ педантическій упрекъ въ поспѣшности. Но гдѣ же послѣ этого справедливость? Вѣдь если эти неутомимые труженики торопились, работали день и ночь, то это было не дѣломъ

априза и вѣтренаго увлеченія ложными идеями, а сознательнаго асчета. Они очень хорошо знали, какъ непродолжительны и рочны бываютъ въ нашей общественной жизни ясные «дни анхуеца», весна либеральныхъ вѣяній, послѣ обычной про-жительной и суровой зимы.

На этотъ разъ противъ обыкновенія выдалась болѣе продол-тельная красная весна, и всѣ спѣшили ею воспользоваться, ись, какъ бы ни пришлось дѣло, начатое весною, додѣлывать ь сырые, холодные осенніе дни!

Впрочемъ, можетъ быть, тутъ не было даже какого-нибудь реднамѣреннаго сознательнаго разсчета, а просто безсознатель-ая кипучая работа пробудившейся, послѣ продолжительной ячки, общественной жизни.

«Болѣе великаго момента, говоритъ одинъ изъ почтенныхъ ѣтелей этой эпохи, Н. В. Шелгуновъ, какъ этотъ переходъ ъ идей крѣпостнаго права и служилаго государства къ идеѣ ового государства, въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и е будетъ; но мы, современники этого перелома, стремились ъ личной и общественной свободѣ и работали только для нея; конечно, не имѣя времени думать, дѣлаемъ ли что-нибудь вели-кое или невеликое, мы просто стремились къ простору, и ка-ждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно» [1]).

Это было какое-то стихійное увлеченіе, какое-то неотразимое йствіе неизвѣстно откуда нахлынувшихъ волнъ тепла и свѣта, лубоко и сильно отозвавшихся и на всегда воспріимчивой душѣ ыкой молодежи и на охлажденной годами старости. Студентъ ли, ъ новой обстановкѣ воскресной школы, поучающій народъ, цен-оръ ли въ своемъ кабинетѣ, прилагающій свой старый уставъ цензурѣ (помѣщенный въ сводѣ законовъ, какъ будто на мѣхъ, между уставами о бѣглыхъ и уст. о пред. преступле-ій!), ясно чувствовали вѣяніе новаго времени, повелительно ребовавшаго измѣненія старозавѣтныхъ пріемовъ сужденія и йствія. Геній свободы и гуманности, витавшій въ то время адъ этой страною, произвелъ разительные перемѣны, кото-

[1]) Русс. Мысль, 1885 г., № 11, стр. 22, 1886 г., № 3, стр. 195.

рыя можно было бы принять за сказки, если бы еще не были живы свидѣтели и очевидцы ихъ. Старые законы о цензурѣ словно замерли, загипнотизированные чарами новаго духа времени; даже сама плеть и розга, кажется, не такъ жестоко и самоувѣренно выполняли свою провинденціальную функцію. Всѣ почувствовали какой-то необыкновенный притокъ силъ и подъемъ силъ, потребность и способность *жить* т. е. мыслить, говорить и дѣйствовать, чуть не совершать подвиги. «Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись, говоритъ тотъ же авторъ, *всѣ* стали думать и *всѣми* овладѣло критическое настроеніе, заключается разгадка мистическаго секрета 60-хъ годовъ; *всѣ*—вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ». Всѣ честные люди какъ-то выросли въ своихъ и чужихъ глазахъ. Вчерашній пигмей, разночинецъ, малодушный, неувѣренный въ себѣ «лишній человѣкъ», сегодня ощущалъ такой-же притокъ богатырской мощи, словно Илья Муромецъ собиравшійся на подвигъ послѣ того, какъ сиднемъ сидѣлъ онъ тридцать лѣтъ и три года!

Бываетъ невзначай,
Что тотъ, кто низокъ нонче,
На завтра сталъ великъ:
То духъ любви повѣявъ
Избранника воздвигъ
Гигантомъ изъ пигмеевъ...

Въ это благодатное время минутнаго просвѣтленія — свершилось чудо: размягчились, хоть не надолго, даже сердца рабовладѣльцевъ, явился «конфузъ»... Дивное, свѣтлое время!—на которое нашему поколѣнію лишь издали приходится любоваться съ восторгомъ, смѣшаннымъ съ завистью, съ такимъ же завистнымъ восторгомъ, какимъ мы смотримъ на окруженныя лучезарнымъ блескомъ эпохи пробужденія человѣческаго духа въ XVI и XVIII столѣтіяхъ. «Духъ человѣка пробуждается, становится весело и ясно жить», восклицаетъ могучій боецъ за человѣческій духъ, авторъ Epistolae obscurorum virorum, знаменитый гуманистъ Ульрихъ Гуттенъ. Такіе же возгласы слышатся и въ эпоху нашего возрожденія. «Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало», говоритъ 28-го декабря 1857 г. при громѣ рукоплесканій публицистъ Н. Ф. Павловъ на обще-

ном обѣдѣ, устроенномъ въ Москвѣ по иниціативѣ ре-
и *Русскаго Вѣстника* [2]). «Мы стоимъ, говорилъ одинъ
членовъ ея, Н. А. Любимовъ, въ Татьянинъ день 1858 г.
арижскомъ банкетѣ», при дверяхъ свѣтлой эпохи оживле-
мысли, когда слышится голосъ, высказывающій нужды, по-
ности, желанія общества; эпохи, когда начинающаяся гла-
ъ не нравится только тѣмъ, кто боится свѣта, когда все
етъ свѣта» [3]).

сли у меня, старика, у котораго нѣтъ будущаго, говорилъ
ный Шелгуновъ, бываютъ еще теплыя и свѣтлыя минуты,
лько въ воспоминаніяхъ о людяхъ 60-хъ годовъ» [4]).

мъ непонятна, намъ чужда эта свѣтлая эпоха идеаловъ,
либерализма и гуманизма, появившаяся и исчезнувшая,
метеоръ или какъ та комета, которая появилась въ годъ
денія на Руси свободы! Намъ непонятно то сердечное уми-
, съ которымъ вспоминаютъ эту героическую эпоху счаст-
ы, жившіе и дѣйствовавшіе въ это славное время.

) подъемѣ общественнаго воодушевленія можетъ дать понятіе слѣ-
ій эпизодъ. Вскорѣ послѣ помянутаго обѣда, откупщикъ В. А. Ко-
ъ собирался устроить грандіозный обѣдъ-митингъ въ Москвѣ. Число
вовавшихъ достигло до огромной цифры 1,500. Обѣдъ предпола-
въ большомъ театрѣ. Ложи должны были занимать кадеты. Съ
должны были полетѣть телеграммы въ оба полушарія для возвѣ-
о наступленіи новой эры свободы для Россіи. Обѣдъ былъ воспре-
ген.-губ. Закревскимъ (см. Матер. для истор. упразд. крѣп. права,
190).

Русс. Вѣст., 1888 г., № 1, стр. 5.

Описывая этотъ обѣдъ Е. М. Ѳеоктистовъ въ корреспонденціи изъ
ка говорилъ: «Въ то время, какъ общество, среди котораго мы нася
и которое шло до сихъ поръ во главѣ цивилизованной Европы,
ашится той мысли, что порядокъ долженъ для него сдѣлаться синони-
какого-то *оцѣпенѣнія*, не отрадно-ли сознавать себя гражданиномъ
ы, смѣло и съ увѣренностью выступающей на путь великихъ и
тельныхъ реформъ? Въ то время, какъ видите предъ собою
, все болѣе и болѣе чуждающагося просвѣщеннаго сословія, въ
омъ онъ не ожидаетъ встрѣтить себѣ содѣйствія, не отрадно-ли
ь, что есть страна, гдѣ правительство съ восторгомъ привѣтству-
менно всѣмъ, что есть въ ней просвѣщеннаго, все, что стоитъ
ѣ слова и мысли». (*Русс. Вѣст.* 1858, № 2).

Русская Мысль, 1885 г., № XI, стр. 357.

Съ открытыми глазами мы потеряли способность духовнаго зрѣнія, способность отличать свѣтъ отъ тьмы:

Notre oeil perçoit encore, oui! mais, supplice horrible!
C'est notre esprit qui ne voit plus.

или, какъ характеризовалъ современность, въ своемъ гражданскомъ воплѣ, нашъ поэтъ—гражданинъ:

... смѣлость доблести въ насъ никнетъ; духъ нашъ спитъ;
Звучатъ еще слова, но мысли, ни единой,
Ни искры Божьей нѣтъ. Затянутаго тиной
Болотнаго пруда такой сонливый видъ...
Грѣшны и жалки мы, безъ пользы жизнь кончая
Что сѣешь, то пожнешь.
И сердце черствое и головая пустая—
Такъ въ жизнь вступаетъ молодежь.

III.

Не подумайте, мм. гг., что я дерзнулъ взять на себя непосильную мнѣ задачу представить вамъ полную картину этого, безпримѣрнаго въ Россіи, общественнаго подъема и литературнаго движенія, благодаря которымъ вызваны къ жизни были наши либеральныя реформы. Для моей цѣли, для установленія связи между нимъ и возникновеніемъ Московскаго Юридическаго Общества, достаточно отмѣтить два-три крупныхъ явленія этой величавой эпохи, могущія дать ключъ къ уразумѣнію этой связи.

На первомъ мѣстѣ я, конечно, долженъ отмѣтить великій законодательный актъ 19-го февраля, прозвучавшій какъ возвышающій душу благовѣстъ надъ этою страною, исполнившій надеждами все забитое, приниженное и обиженное и смутившій все, строющее свое благополучіе на вѣковой рутинѣ, застарѣлой неправдѣ на привелегіи. Паденіе крѣпостнаго права, этого краеугольнаго камня дореформеннаго строя жизни, дѣлало возможными и неизбѣжными реформы не только во всѣхъ отрасляхъ управленія, но и во всемъ міросозерцаніи или, какъ выражалась Екатерина II, умоначертаніи народа и общества.

«Крѣпостное право, говоритъ нашъ маститый публицистъ-сатирикъ, проникало не только въ отношенія между помѣстнымъ дво-

иномъ и подневольною массою, но и во *всѣ вообще формы жительства*, одинаково втягивая всѣ сословія (привилегирован- и непривилегированныя) въ омутъ *унизительнаго безправія*, возможныхъ изворотовъ лукавства и страха передъ перспекти- быть ежечасно задавленнымъ. Съ недоумѣніемъ спрашива- себя, пишетъ Щедринъ, какъ могли жить люди, не имѣя въ настоящемъ, ни въ будущемъ иныхъ воспоминаній и спективъ, кромѣ мучительнаго безправія, безконечныхъ тер- й поруганнаго и ни откуда не защищеннаго существованія?— ъ удивленію отвѣчаешь—однакожъ жили» [5]).

а, жили, но наконецъ не въ моготу стала эта, основанная безправіи и насиліи, постылая жизнь, эта по выраженію того атирита, «обезпеченная необезпеченность»,—и гуманно-осво- ительное движеніе, медленно проникавшее къ намъ изъ Европы, ло наконецъ, благодаря настойчивости немногочисленной ли- альной интеллигенціи, это трехвѣковое позорное пятно.

есьма обидное для русскаго самолюбія, но совершенно спра- ливое замѣчаніе Карамзина о томъ, что у русскаго человѣка, ъ таковаго, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ «правъ», по- ло въ Высочайшемъ Манифестѣ 19-го февраля, провозгла- шемъ право на свободный трудъ, первое торжественное верженіе. «Уваженіе къ достоинству человѣка и христіан- любовь», какъ сказано въ Манифестѣ, побудили даровать жому человѣку первѣйшее изъ правъ — право на личную боду и на свободный трудъ.

важеніе къ человѣческому достоинству! свободный трудъ!— ь странно звучатъ эти слова въ 1861 г., когда не далѣе, ь за три года передъ тѣмъ, въ концѣ 57-го года, запрещено о говорить объ освобожденіи крестьянъ въ печати!

ничтоженіе рабства и провозглашеніе правъ свободной лич- ги дѣлало неизбѣжнымъ пересмотръ всѣхъ институтовъ и жденій, съ нимъ связанныхъ, на немъ основанныхъ, и вде всего учрежденій судебныхъ. Объ этомъ категорически злялось во всеподданѣйшемъ адресѣ знаменитыхъ «пяти» дво- скихъ депутатовъ 1858 г., составленномъ извѣстнымъ дѣяте-

---

Вѣст. Евр. 1888, № 2: Пошехонская Старина, стр 601.

лемъ крестьянской реформы А. М. Унковскимъ (см. гл. II, § 2.) Эта же мысль проводилась въ 1859 г. въ рядѣ дворянскихъ адресовъ Тверской, Ярославской и др. губерній, которые единодушно домогались гарантій личности, утвержденія на мѣсто произвола закона и учрежденія въ этихъ видахъ независимой судебной власти и суда присяжныхъ. Но замѣчательно, что до освобожденія крестьянъ всѣ эти просьбы оставлялись безъ удовлетворенія, и просители подвергались бо́льшимъ или меньшимъ непріятностямъ, начиная отъ выговора и кончая полицейскимъ надзоромъ и административною высылкою.

Но съ конца 1861 г. замѣчается, благодаря освобожденію крестьянъ, рѣзкій поворотъ въ направленіи работъ по судебной реформѣ. Тогда какъ въ 1857 г. объявлено было Государственному Совѣту Высочайшее повелѣніе отнюдь не касается вопросовъ объ адвокатурѣ, судѣ присяжныхъ и заниматься Блудовскими проектами о частичныхъ преобразованіяхъ, въ 1862 г. Блудовъ вовсе отстраняется отъ дѣла, и на мѣсто его выступаетъ поборникъ либеральныхъ основъ судебной реформы кн. П. П. Гагаринъ. Вслѣдъ за этимъ приглашаются для разработки ея не чиновники, по соображеніямъ табели о рангахъ и продолжительности сидѣнія на мѣстѣ, *а юристы* съ основательною научною подготовкою. Юристы эти: наши почетные члены Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій, К. П. Побѣдоносцевъ и др., во главѣ ихъ покойный нашъ почетный членъ С. И. Зарудный (†). Въ январѣ 1862 года кн. Гагарину удается исходатайствовать весьма важное высочайшее повелѣніе, произведшее переворотъ въ направленіи работъ по судебной реформѣ и открывшее для русской юридической мысли совершенно неизвѣстные ей дотолѣ горизонты. Высочайшее повелѣніе это предписывало прикомандированнымъ къ государственной канцеляріи юристамъ: «изложить въ общихъ чертахъ соображенія о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ* и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи».

Это знаменитое высочайшее повелѣніе составляетъ эпоху въ исторіи развитія русскаго законодательства и русской юридической мысли. Магическая формула была произнесена! Клятва,

жавшая на наукѣ, была снята! Открытъ былъ, наконецъ, доступъ къ той европейской наукѣ, которая развилась въ Европѣ подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII столѣтія и либеральныхъ доктринъ начала XIX столѣтія, и которая у насъ такъ ого хранилась за семью печатями отъ нескромныхъ взоровъ блики.—Правда, лѣтъ за сто передъ тѣмъ вѣяценосная процессистка (ставшая потомъ либеральною крѣпостницею) ученица каріи, Монтескье, Вольтера, сдѣлала было попытку пріобщить у страну къ плодамъ передовой европейской мысли, но какъ вѣстно, попытка имѣла только характеръ блестящаго фейерка и не оставила въ жизни прочныхъ слѣдовъ

И вотъ теперь не только разрѣшалось, но прямо предписывалось черпать свободно изъ этого живаго источника, изъ этой ретной сокровищницы европейскаго ума и опыта. Легко предвить себѣ, какъ должны были быть смущены ортодоксальные представители нашей старой университетской науки, обязные не только за страхъ, но и за совѣсть пѣть съ университетской каѳедры диѳирамбы кнуту (см. главу III), нашему инквиціонному старому процессу съ его канцелярскою тайною и лажнымъ дѣлопроизводствомъ [1]). Едва они стали приспособиться къ новымъ требованіямъ духа времени, едва они стали гѣнять въ своихъ старыхъ тетрадкахъ восторженные похвалы щелярской тайнѣ скромнымъ и нерѣшительнымъ указаніемъ достоинство новаго гласнаго суда, какъ быстро слѣдовавшія тъ за другомъ событія еще болѣе изумили нашихъ старыхъ истовъ и порадовали новыхъ.

Съ чѣмъ нибудь въ полгода были составлены и обнародованы сочайше утвержденныя 29 сентября 1862 года «Основныя ложенія преобразованія судебной части въ Россіи», громко всю Россію провозглашавшія необходимость введенія у насъ съ самыхъ институтовъ европейскаго правоваго порядка, за дложеніе которыхъ три года тому назадъ, въ эпоху «первой кціи» 1859 г., пострадалъ не одинъ предводитель дворянства. сія съ изумленіемъ и радостью узнала, что она находится канунѣ полученія гласнаго суда, независимой судебной власти,

---

1) Стр. 68 Основ. Угол. суд. Я. Баршева.

адвокатуры и суда присяжныхъ, которые еще такъ недавно считались зловредными революціонными учрежденіями.

Откуда такая быстрая и неожиданная перемѣна? Спросимъ свидѣтеля, стоявшаго съ самаго начала у самаго корнила судебной реформы и хорошо знавшаго всѣ ея перипетіи.

С. И. Зарудный категорически удостовѣряетъ, [7]), что Судебные Уставы *созданы* Положеніемъ 19-го февраля (см. ниже главу XVI) Вотъ, стало быть, гдѣ разгадка этого на первый взглядъ непонятнаго явленія. Освобожденіе крестьянъ произвело настоящій переворотъ не только въ соціальномъ строѣ, но и въ общемъ настроеніи. Притаившіяся было послѣ «первой реакціи» 1859 г. либеральныя вѣянія снова, хотя и не надолго, воспрянули и влили новую энергію, бодрость и надежду въ нашъ общественный организмъ. Спокойное принятіе народомъ объявленія «воли», котораго такъ боялись робкіе ума, снова окрылило прогрессивную, передовую часть нашихъ правительственныхъ сферъ и ослабило мнительность сторонниковъ дореформеннаго строя. Только этимъ объясняется, что, напр., такой завзятый консерваторъ, какъ гр. Панинъ, такъ много тормазившій и портившій дѣло освобожденія крестьянъ, этотъ врагъ и гонитель суда присяжныхъ, самъ явился защитникомъ его (искреннимъ или неискреннимъ, Богъ его знаетъ,— см. главу I), когда въ 1862 году Государственный Совѣтъ разсматривалъ вышеупомянутыя Основныя Положенія судебной реформы.

IV.

Дальнѣйшая судьба этихъ Основныхъ Положеній имѣла сильное и уже непосредственное вліяніе на дѣятельность русскихъ юристовъ и въ частности—на возникновеніе Московскаго Юридическаго Общества. С. И. Зарудный возъимѣлъ крайне смѣлое, по тогдашнему времени, но въ высшей степени плодотворное намѣреніе — опубликовать во всеобщее свѣдѣніе Высочайше утвержденныя Основныя Положенія, съ приглашеніемъ юристовъ и вообще публицистовъ, интересующихся дѣломъ судебной ре-

7) См. *Русск. Старину* 1888 г., № 5.

формы, доставлять свои замѣчанія объ Основныхъ Положеніяхъ въ Коммиссію, образованную подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ.

Въ нашихъ глазахъ этотъ фактъ опубликованія не представляетъ ничего особеннаго въ виду того, что въ послѣдующее время неоднократно печатались законопроекты съ цѣлью вызвать замѣчанія публицистовъ или же разсылались цѣлыя законодательныя работы (какъ, напр., проекты Трудовъ Коммиссіи, составляющей уголовное Уложеніе) для публичнаго обсужденія въ Юридическихъ обществахъ.

Не то было въ 1862 году.

Опубликованіе Основныхъ Положеній въ *Собраніи Узаконеній* было *первымъ* актомъ прямаго оффиціальнаго обращенія къ публицистамъ и юристамъ, къ представителямъ науки и опыта, съ приглашеніемъ принять участіе въ законодательныхъ работахъ. Этотъ фактъ имѣлъ громадное историческое значеніе какъ для печати, науки, такъ и для общественнаго развитія вообще. Онъ впервые, можно сказать, производилъ *секуляризацію* законодательной дѣятельности и открыто признавалъ значеніе публицистики. Въ силу закона и установившихся традицій законодательныя канцеляріи должны были дотолѣ съ особеннымъ тщаніемъ оберегать законодательныя предначертанія отъ нескромныхъ взглядовъ публики. Онѣ должны были наблюдать денно и нощно, чтобы законопроекты безмятежно совершали свое теченіе въ потемкахъ канцелярской тайны и отнюдь не приходили въ соприкосновеніе съ тѣмъ profanum vulgus, для котораго они предназначались, ранѣе появленія на свѣтъ во всеоружіи властнаго постановленія, подлежащаго безмолвному и безпрекословному исполненію. Словомъ, законодательная дѣятельность была совершенно изолированнымъ отъ жизни міромъ, который былъ одинаково сокрытъ былъ какъ для праздная любопытства, такъ и для серьезной любознательности и просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. Весьма наглядно охарактеризовано такое состояніе обязательнаго *всеобщаго молчанія* въ одной изъ статей М. Н. Каткова. «Бываютъ времена [8]) въ народной жизни, писалъ онъ

---

[8]) Замѣчательно, что это мѣсто статьи выпущено изъ Сборника ста-

въ 1863 году, когда правительство принаетъ характеръ диктатуры. При правильномъ ходѣ такой системы совершенно послѣдовательно принимаютъ мѣры къ тому, чтобы никакого общественнаго мнѣнія не было. Политическая печать при диктаторскомъ управленіи существовать не можетъ. Никакого мнѣнія о дѣйствіяхъ власти, о началахъ, которыми она руководствуется, объ учрежденіяхъ, которыя она создаетъ, о законахъ, которые она обнародываетъ, *не только порицательно, но и одобрительно,* не должно высказываться. Никому при этой системѣ не дозволяется принимать участія въ дѣлѣ общаго интереса, и общаго дѣла между людьми не допускается. Люди разрознены, общественныхъ силъ нѣтъ и *нѣтъ общественнаго мнѣнія.* Обо всѣхъ предметахъ общаго интереса должны исключительно заботиться *оффиціальные люди*, взятые, какъ *рекруты* изъ общества и отдѣленные отъ него особою, совершенно замкнутою правительственною организаціею, какъ *опричиной*».

Такова была дореформенная организація.

Обнародованіе Основныхъ Положеній 1862 года было явленіемъ, указывавшимъ на наступленіе другаго времени, времени, когда, говоря словами того же публициста, «обществу дается голосъ въ дѣлахъ общаго интереса, когда каждому дозволяется заявлять участіе въ интересахъ своего отечества, когда допускается свобода въ выраженіи мнѣнія о предметахъ политическаго, нравственнаго и религіознаго свойства, когда печать получаетъ и можетъ имѣть вліяніе, когда *пробуждаются и даже призываются* къ дѣятельности *общественныя силы*».

И такое именно время наступило въ 1862 г.!

Вотъ каково было значеніе этого на видъ скромнаго, но по существу очень важнаго мѣропріятія — распубликованія Основныхъ Положеній для обсужденія. Это былъ первый (участіе дворянъ во время крестьянской реформы имѣло болѣе сослов-

---

тей Каткова, редижированнаго при его жизни. Онъ выпустилъ эту часть статьи подъ тѣмъ предлогомъ, что она «была напечатана не въ томъ видѣ, въ какомъ была написана». Но біографъ Каткова, г. Любимовъ, совершенно вѣрно догадывается, что главнымъ и истиннымъ мотивомъ было измѣненіе отношенія самого автора къ идеѣ и факту общественнаго мнѣнія (*Русскій Вѣстникъ*, 1888 г., № 1, стр. 10—11).

ный, чѣмъ обще-государственный характеръ, а опубликованіе Основныхъ Положеній земской реформы, вслѣдствіе ея палліативности, не произвело никакого впечатлѣнія), хотя и скромный, но для всѣхъ очевидный актъ признанія и значенія общественнаго мнѣнія, юридической науки и публицистики. Если прибавить къ сказанному, что этотъ актъ уваженія и довѣрія къ свободнымъ общественнымъ силамъ давалъ право надѣяться, что при дальнѣйшемъ движеніи судебной реформы будетъ допущено и содѣйствіе земства, на что намекалъ «День» Аксакова [9]), то легко представить себѣ, какія радужныя и ободряющія перспективы открывались для общественной самостоятельности.

V.

Если таково было значеніе опубликованія Основныхъ Началъ для русской интеллигенціи вообще, то легко догадаться, съ какимъ восторгомъ и радостнымъ увлеченіемъ встрѣчали этотъ шагъ русскіе юристы. Указанное выше Высочайшее повелѣніе 1862 года оффиціально признавало значеніе *юридической науки*. Обнародованіе Основныхъ Положеній оффиціально разрѣшало юристамъ, даже требовало отъ нихъ не боготворенія, а критическаго отношенія къ предположеніямъ правительства и *свободна о* высказыванія своихъ сужденій и взглядовъ, строжайше воспрещеннаго еще указомъ 2-го ноября 1852 г. Русскій юристъ, для котораго критика закона и намѣреній правительства на основаніи указаній европейской науки и опыта была запретнымъ плодомъ, впервые почувствовалъ себя свободнымъ отъ цензурныхъ и начальственныхъ стѣсненій. Едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ русскій юристъ, такъ долго испытавшій гнетъ и стѣсненіе, шагъ за шагомъ долженствовавшій отвоевывать у цензуры каждое свое слово, каждую свѣжую мысль.

Не всякій повѣритъ, что всего за нѣсколько лѣтъ до судебной реформы цензоръ задержалъ сочиненіе, принадлежавшее нашему почетному члену, одному изъ корифеевъ судебной реформы,

[9]) Въ № отъ 13 октября 1862 г.

нынѣ предсѣдателю гражданскаго департамента Государственнаго Совѣта Н. И. Стояновскому, подъ заглавіемъ «Практическое руководство по уголовному судопроизводству». И за что? За то, что авторъ, не ограничиваясь простымъ изложеніемъ содержанія законовъ, прибавилъ «отъ себя» нѣсколько соображеній. И вотъ послѣ такого-то гоненія на юридическую мысль, послѣ такой-то ретроградной цензуры, юристамъ громогласно говорятъ: отнынѣ они не должны считать за послѣднее слово юридической мудрости чахлые продукты доморощеннаго *законовѣдѣнія* (извѣстно, что до университетскаго Устава 1863 г. профессора обязаны были довольствоваться простымъ пересказомъ статей закона), что они могутъ говорить и писать о законахъ, всѣ, что внушаетъ имъ совѣсть и жизненный опытъ, и руководствоваться тѣмъ, что привыкли чтить у лучшихъ представителей европейской юридической мысли и публистики.

Встрепенулись и воспрянули духомъ наши юристы, да и какъ было не воспрянуть отъ этого громкаго клича, раздавшагося по широкимъ степямъ Руси, гдѣ дотолѣ слышалось молчаніе на всѣхъ языкахъ, клича, звавшаго на общее дѣло, на работу, имѣвшую цѣлью закрѣпить въ этой странѣ, только что дарованную, свободу учрежденіемъ праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ суда. Не мудрено, что этотъ призывъ нашелъ восторженный откликъ во всѣхъ юристахъ, въ которыхъ не замерло чувство правды и гуманности. Не говоря о молодыхъ юристахъ, даже самые старые служаки, давно уже отставшіе отъ всего, что было свѣжаго и новаго въ наукѣ и публицистикѣ, и они не въ силахъ были превозмочь явившуюся у нихъ, подъ вліяніемъ общаго увлеченія либерально-гуманными идеями, неудержимую потребность сказать свое слово, принести свою лепту въ это общее дѣло насажденія свободы, права и правды въ этомъ столь недавно еще царствѣ рабства, неправосудія и произвола. И вотъ посыпались со всѣхъ концовъ Россіи, начиная отъ Петербурга и Москвы и кончая Тобольскомъ и Баку, масса замѣчаній юристовъ (до 450), напечатанныхъ впослѣдствіи въ шести большихъ томахъ.

Подъ вліяніемъ этого могучаго общественнаго воодушевленія и подъема либеральныхъ идей и стали группироваться юристы

ъ отдѣльные кружки, въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Петербурга и Москвы и кончая Симбирскомъ и Керчью. Въ это-то благодатное время,—откуда, по прекрасному выраженію предшествовавшаго оратора, А. И. Чупрова, идетъ «все, чѣмъ красна наша жизнь»,—стала образовываться и та маленькая кучка или связь юристовъ, изъ которой образовалось впослѣдствіи Московское Юридическое Общество.

При такомъ подъемѣ общественныхъ силъ роль отдѣльныхъ личностей бываетъ довольно скромна. Могучее теченіе, однажды возникшее, несется впередъ по инерціи и несетъ съ собою всѣхъ. Смѣна лицъ почти не имѣетъ никакого вліянія. Мы это наблюдаемъ и на исторіи нашего общества.

Съ разныхъ концовъ Москвы, изъ разнообразныхъ слоевъ общества, собирается оно въ 1862 г. около оффиціальнаго представителя юридической науки, около декана Московскаго Юридическаго факультета С. И. Баршева. Рядомъ съ представителемъ крупной буржуазіи, милліонеромъ Бостанжогло, мы видимъ скромнаго студента, будущее свѣтило русской экономической науки, нашего уважаемаго почетнаго члена А. И. Чупрова, рядомъ съ профессоромъ — скромнаго практика, рядомъ съ образованнымъ юристомъ — представителя стараго крючкотворства. Это разношерстное собраніе повинуется властному духу времени, требующему установленія и распространенія въ народѣ началъ права и свободы. При такомъ массовомъ, стихійномъ движеніи и увлеченіи роль отдѣльныхъ личностей бываетъ второстепенною.

Въ самомъ дѣлѣ, смѣняется на первыхъ же порахъ, въ самый моментъ зарожденія нашего Общества, лицо руководителя: на мѣсто Баршева становится Лешковъ, и столь опасная въ такой критическій моментъ смѣна кормчаго не вызываетъ въ жизни Общества никакого болѣзненнаго потрясенія.

Я этимъ не хочу умалить личныя заслуги нашего перваго предсѣдателя и безсмѣннаго руководителя въ теченіе 20 лѣтъ дѣятельностью общества, В. Н. Лешкова, симпатичный образъ котораго доселѣ живетъ между нами. Но едва ли я оскорблю память покойнаго Лешкова, такъ много и съ пользою потрудившагося впослѣдствіи на пользу Московскаго Юридическаго Об-

щества, если я скажу, что возникновеніемъ своимъ оно болѣе обязано либерально-гуманнымъ вѣяніямъ 60-хъ годовъ, нежели личнымъ усиліямъ того или другаго учредителя. Этотъ краснорѣчивый и неутомимый поборникъ личной свободы, началъ свободной общественной самодѣятельности и самоуправленія, этотъ горячій защитникъ права и правды, свободы слова и мысли свободы совѣсти и ассоціацій—едва ли бы сталъ спорить противъ той мысли, что именно этимъ великимъ и необходимымъ для правильнаго развитія личности и общества началамъ — и обязано своимъ происхожденіемъ наше Юридическое Общество.

И дѣйствительно, мы едва ли не въ правѣ сказать, что геній свободы парилъ надъ колыбелью нашего Общества, вызваннаго къ жизни освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и послѣдовавшимъ вслѣдъ затѣмъ стремленіямъ освободить русскую жизнь и русскую мысль отъ язвъ и узъ дореформеннаго строя жизни.

Вотъ какъ мы, младшее поколѣніе нашего Общества, представляемъ себѣ его возникновеніе, по дошедшему до насъ преданію!

Быть можетъ, сложившееся у насъ представленіе не совсѣмъ точно, но въ существѣ своемъ едва ли оно ошибочно.

Но noblesse oblige! Такое высокое и благородное происхожденіе также ко многому обязывало и обязываетъ Московское Юридическое Общество.

Возникнувъ при расцвѣтѣ и торжествѣ идей свободы, права и гуманности, оно обязано было служить имъ всегда съ неизмѣнною преданностію, и въ особенности въ тѣ печальныя времена одичанія и шатанія мысли, когда эти идеи повергаются осмѣянію и даже гоненію со стороны невѣждъ и обскурантовъ.

Не намъ, конечно, лицамъ, болѣе или менѣе прикосновеннымъ къ дѣятельности Юридическаго Общества, судить, насколько оно удачно выполнило свою высокую миссію въ смыслѣ положительномъ; но мы можемъ, не грѣша противъ скромности и справедливости, сказать, что оно свято блюло свои завѣты въ смыслѣ отрицательномъ. Если, быть можетъ, оно не всегда дѣлало, что могло и должно было дѣлать, то навѣрное можно сказать, что въ томъ, что оно дѣлало донынѣ, ни одинъ, и притомъ

ый строгій, судья не найдетъ слѣдовъ измѣны его знамени традиціямъ. Это, конечно, немного. Но въ нашъ жестокій и чалый вѣкъ, въ наше безпринципное и «пестрое» время и немногое тоже имѣетъ, смѣю думать, нѣкоторую цѣну.

Дозвольте, мм. гг., высказать пожеланіе и надежду, чтобы сковское Юридическое Общество, донесшее незапятнаннымъ конца первой четверти — и какой четверти! — вѣка своего ществованія свое знамя, осталось вѣрнымъ и въ будущемъ имъ высокимъ и благороднымъ традиціямъ, и тѣмъ оказать достойнымъ того великаго учрежденія, которое пріютило подъ своею сѣнью въ труднѣйшее время его жизни и подъ тепріимнымъ кровомъ котораго чествуемъ мы сегодня нашъ омный праздникъ. Да сохранится и въ будущемъ непрерывэта дорогая и столь плодотворная для нашего общества зь съ древнѣйшимъ разсадникомъ русскаго просвѣщенія — зь, которая не мало облегчала Юридическому Обществу вѣрслуженіе его славному и честному знамени права и свободы переживаемое смутное время, когда

> ... вдругъ стало неизвѣстно:
> Что̀ глупо, что̀ умно, что̀ честно, что̀ безчестно [10]).

---

[10]) Стихотворенія Жемчужникова, I, 174.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы".

(Мартъ 1866—1891 гг.).

Въ мартѣ 1866 г. вышла первая книга возобновленнаго исторіею политическаго журнала *Вѣстникъ Европы*, издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ коего состоялъ и состоитъ бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета М. М. Стасюлевичъ [1]), а ближайшимъ сотрудникомъ былъ отставной профессоръ того же университета Н. И. Костомаровъ.

Большіе журналы наши не живучи, и изъ нынѣшнихъ нашихъ такъ называемыхъ «толстыхъ» журналовъ ни одинъ [2]) не можетъ соперничать съ *Вѣстникомъ Европы* относительно старшинства. Двадцатипятилѣтняя годовщина почтеннаго петербургскаго журнала составляетъ крупное и отрадное явленіе въ общественной жизни, въ виду того выдающагося положенія, которое онъ съ самаго начала занялъ въ современной русской журналистикѣ, гдѣ онъ и нынѣ занимаетъ, по общему признанію, исключительное, первенствующее мѣсто не только по возрасту, но и по вліянію и нравственному авторитету. Вѣрность принципамъ, живая отзывчивость на вопросы дня, всегда серьезное отношеніе къ нимъ,

---

[1]) М. М. Стасюлевичъ покинулъ въ концѣ 1861 г. университетъ, вслѣдствіе столкновенія съ администраціею, одновременно съ профессорами Б. Д. Кавелинымъ, Б. И. Утинымъ, А. Н. Пыпинымъ, В. Д. Спасовичемъ и ректоромъ П. А. Плетневымъ. См. „За много лѣтъ" В. Спасовича, стр. 39.

[2]) Существующій съ 1859 г. *Русскій Вѣстникъ* съ 1887 года, послѣ смерти М. Н. Каткова, издается подъ новою редакціею.

спокойный, исполненный достоинства тонъ, добросовѣстное и неизмѣнно приличное отношеніе даже къ самымъ недобросовѣстнымъ и нечистоплотнымъ литературнымъ противникамъ—таковы всѣмъ извѣстныя качества этого журнала, стяжавшія ему громкую и прочную извѣстность и сочувствіе среди весьма значительнаго круга читателей, а также общее уваженіе не только среди друзей, но и враговъ. Здѣсь не мѣсто дѣлать общій обзоръ и подводить итоги истекшей двадцатипятилѣтней плодотворной дѣятельности петербургскаго журнала: для этого пришлось бы коснуться исторіи русской общественной мысли за истекшее двадцатипятилѣтіе. Ограничимся только указаніемъ того историческаго момента и тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ появилась первая книга *Вѣстника Европы*, и той задачи и публицистической программы, которую онъ взялся выполнить на своей исторической чредѣ.

I.

Если сравнить первую книгу за первый годъ *Вѣстника Европы* съ теперешними его книгами, то различіе окажется немалое. За той же традиціонной обложкой кирпично-краснаго цвѣта съ порталомъ-веньеткою, составленною Шарлеманомъ, мы находимъ книгу, по объему и содержанію, сильно отличающуюся отъ нынѣшнихъ книгъ *Вѣстника Европы*. Вы имѣете предъ собою большой томъ въ 40—41 листъ, выходящій на подобіе нѣкоторыхъ англійскихъ обозрѣній, не ежемѣсячно, а по четвертямъ, т. е. по четыремъ временамъ года, приблизительно около 9-го числа. Еще больше бросается въ глаза различіе при сравненіи содержанія книгъ. Вотъ, напр., содержаніе первой мартовской книги 1866 года: Смутное время Н. И. Костомарова, Первая эпоха преобразованій Александра I М. М. Богдановича, Русская колонизація въ сѣверо-западномъ краѣ С. В. Ешевскаго, Средневѣковой историкъ и отношеніе его къ своему обществу М. М. Стасюлевича, Пугачевщина Д. Л. Мордовцева, Ломоносовъ и реформа Петра О. Ѳ. Миллера, Новѣйшая исторія Австріи, Литературная хроника — обзоръ книгъ и статей по рус-

ской исторіи за 1865 г., Педагогическая хроника, Историческая хроника, Земское обозрѣніе Н. Ѳ. Крузе, Экономическое обозрѣніе М. Н. Колюпанова, Иностранное обозрѣніе, Новости исторической сцены П. В. Анненкова, и, наконецъ, Археологическая замѣтка о поставкѣ «Рогнѣды» В. В. Стасова.

Въ томъ же духѣ были составлены и другія книги. Такимъ образомъ исключалась поэзія, беллетристика (кромѣ историческихъ романовъ), естествознаніе, и журналъ носилъ характеръ спеціально историко - политическаго и даже скорѣе чисто историческаго изданія.

Само собою разумѣется, такое содержаніе книги не могло быть и не было дѣломъ случая, а являлось результатомъ сознательно принятой программы. Ключемъ къ ней были двѣ даты, поставленныя на фронтисписѣ обложки новаго журнала: 1802 и 1866 гг. Первая дата указывала на годъ основанія Н. М. Карамзинымъ *Вѣстника Европы*, вторая — на годъ возрожденія его. Этими двумя числами обозначался нѣкоторымъ образомъ характеръ, направленіе и маршрутъ журнала. «Прежде всего, мы желали бы,—заявляла редакція,—самымъ выборомъ такого названія почтить память нашего достойнѣйшаго историка въ тотъ годъ, когда время отрытія новаго историческаго журнала совпадаетъ съ первымъ столѣтнимъ юбилеемъ его рожденія. Такимъ образомъ, возобновляемый нынѣ *Вѣстникъ Европы* вступитъ въ тридцатый [3]) годъ своего существованія, но будетъ дѣйствовать по другой программѣ, которая хотя и отступаетъ отъ первоначальной его задачи, какъ журнала, главнымъ образомъ, политическаго, но зато, можетъ быть, ближе подойдетъ къ настоящему значенію самого своего основателя, который, оказавъ сначала Россіи услугу, какъ публицистъ, пріобрѣлъ потомъ безсмертіе, какъ историкъ. Н. М. Карамзинъ перешелъ скоро отъ политики къ исторической наукѣ; пусть же послѣдуетъ теперь за своимъ основателемъ въ ту же область и самый его журналъ, посвящаемый нынѣ *историко - политическимъ* наукамъ, какъ *главной* основѣ всякой политики» [4]).

---

[3]) Съ 1803 по 1830 г. *Вѣстн. Европы* выходилъ подъ редакціею Жуковскаго и Кочеповскаго.

[4]) Стр. VI, т. I *Вѣстн. Евр.* 1866.

Но ошибочно было бы думать, что журналъ, становившійся подъ знамя Карамзина и принимавшій названіе его журнала:— *Вѣстникъ Европы*, понималъ слѣдованіе исторіи въ смыслѣ рабскаго преклоненія предъ авторитетомъ старины или самого Карамзина, въ смыслѣ слѣпаго почитанія старинныхъ формъ общежитія. Какъ бы желая съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности устранить всякій поводъ къ недоразумѣнію, редакція, вслѣдъ за вступительною редакціонною замѣткою, помѣстила, въ видѣ дополненія къ ней, письмо извѣстнаго друга Пушкина, П. А. Плетнева, не задолго передъ тѣмъ оставившаго одновременно съ г. Стасюлевичемъ и другими профессорами петербургскій университетъ, гдѣ онъ былъ въ теченіе 20 лѣтъ ректоромъ. Въ письмѣ отъ 23-го декабря 1865 г. [5]), въ отвѣтъ на приглашенія о сотрудничествѣ, Плетневъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Прочь авторитеты, повторялъ нѣсколько разъ въ статьяхъ своихъ одинъ писатель, принимавшійся, подобно вамъ, за изданіе новаго журнала. Авторитетъ представлялся ему въ видѣ обиднаго для всѣхъ кумира, поставленнаго на подножіе, съ котораго пришло время сбросить его... Вы думаете иначе... И такъ, не всѣ и не всегда смотрѣли враждебно на авторитеты, которыхъ *отличительный* характеръ состоитъ именно въ томъ, что они, не измѣняя внутренняго своего достоинства, оставляютъ каждому *свободный путь труда*... Не ихъ вина, если писатель иногда рабски тянется въ каждой чертѣ по чужимъ слѣдамъ, не чувствуя, что онъ не только не возсоздаетъ ничего творческаго, но и разрушаетъ его въ основаніи. Авторитетъ, какого бы онъ ни былъ времени, въ отношеніи къ намъ то же, что природа. Она животворитъ насъ и вдохновляетъ, не связывая нашихъ силъ и не налагая на насъ обязанности бездушнаго повторенія».

Указавъ затѣмъ на громадныя заслуги Карамзина въ литературѣ и наукѣ, Плетневъ замѣчаетъ, что тѣмъ не менѣе нельзя за нимъ слѣдовать рабски, что необходимо полное обновленіе. «Жизнь и мысль народа, говоритъ онъ, не могутъ остановиться.

---

[5]) Плетневъ умеръ въ Парижѣ 29-го декабря того же года.

Какъ самое время, онѣ безпрерывно мчатся впередъ. Окружаемые при этомъ движеніи всѣмъ новымъ, мы прошлому отводимъ мѣсто въ исторіи, подчиняясь въ настоящемъ *властительству новыхъ силъ*... Пути направленія мыслей развѣтвляются и расширяются. Источники новыхъ изслѣдованій и воззрѣній безостановочно открываются и заставляютъ переработывать часто вѣковыя идеи». Плетневъ одобрялъ вполнѣ намѣреніе редакціи обрабатывать каждый отдѣлъ не иначе, какъ «по требованіямъ господствующаго направленія».

Отношеніе свое къ современному, появленію первой книжки *Вѣстника Европы*, направленію журналъ опредѣляетъ такъ: «отношеніе нашего журнала къ духу современной образованности опредѣляется легко само собою господствующимъ нынѣ направленіемъ. Мы являемся предъ публикою, оставляя позади себя мало выгодное время вообще для всѣхъ *гуманныхъ* наукъ: естествознаніе, какъ вслѣдствіе внутренняго достоинства своего точнаго и наблюдательнаго метода, такъ и вслѣдствіе крайней слабости у насъ гуманнаго образованія, заняло *первое* мѣсто въ ходѣ нашего умственнаго просвѣщенія. Никто болѣе насъ не радовался бы этому, отдавая всю справедливость просвѣтительному значенію естествознанія, если бы мы не сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что у насъ въ той же мѣрѣ *ослабло* изученіе явленій нашего духа, каковы *философія*, *филологія*, *исторія*, между тѣмъ такое изученіе должно было бы сдѣлаться *еще болѣе настоятельнымъ*, именно *вслѣдствіе успѣха* естественныхъ наукъ. Послѣднія могутъ оставаться безцѣльными, если, продолжая постоянно стремиться изъ себя во внѣшній міръ, мы никогда не захотимъ вернуться отъ внѣшней природы къ самимъ себѣ, чтобы сдѣлать новый шагъ въ самознаніи и подвести общіе итоги своимъ опытнымъ свѣдѣніямъ. Въ этомъ отношеніи историческая наука способна оказывать намъ большую услугу».

Являясь органомъ научной разработки историко-политическихъ наукъ, новый журналъ долженъ былъ точно указать свое отношеніе къ обще-человѣческой исторіи и культурѣ, что должно было служить дальнѣйшимъ разъясненіемъ его программы и публицистическаго направленія. Мы не подраздѣляемъ, — заявлялъ

едакція,—въ своемъ журналѣ каждаго отдѣла на рубрики по редметамъ отечественной и всеобщей исторіи уже и потому, го у насъ всеобщая исторія займетъ мѣсто, главнымъ образомъ, истолько, насколько она, такъ сказать, является сама *второю* течественною исторіей или, какъ выразился Жанъ-Батистъ-Вико, оворя, что всеобщая исторія называется *всеобщею* потому, что на предполагаетъ во всѣхъ народахъ *общую* человѣческую при-оду. Нѣтъ такого великаго народа, который не считалъ бы че-овѣчество своею второю родиною; и чѣмъ выше предназначе-ie какого-нибудь общества, тѣмъ родство его съ человѣчествомъ ниже и живѣе. *Никто* не имѣлъ притязанія считать, напри-ѣръ *христіанства* явленіемъ, принадлежащимъ исключительно кому-нибудь одному изъ великихъ современныхъ народовъ; то, чѣ называется *классическою* стороною въ настоящей европей-кой образованности, также не есть исключительная принадле-ность какой-нибудь новѣйшей европейской національности; фе-ализмъ, монархія, парламентаризмъ вытекаютъ скорѣе изъ бщей всѣмъ народамъ природы, нежели изъ духа римскихъ реженій и древней германской образованности, ибо вліянію хъ идей подчиняются не однѣ германскія и романскія, но и обще всѣ народности.

II.

Предпринимая широкую всестороннюю разработку историко-литическихъ наукъ, *Вѣстникъ Европы* съ самаго начала удѣ-лъ серьезное вниманіе вопросамъ, «которые связываютъ науку жизнь, вытекая изъ первой и сильно воздѣйствуя на послѣд-юю», т.-е. вопросамъ народнаго образованія и общественнаго оспитанія. Съ этою цѣлью журналъ заводитъ особую «педаго-ическую хронику», въ которой трактуются какъ вообще педа-огическіе вопросы, такъ въ частности вопросъ о преподаваніи сторіи. Свою основную profession de foi журналъ выражаетъ ъ первой же книгѣ въ слѣдующихъ положеніяхъ: «въ прошед-емъ сдѣлано все или почти все, что можно было совершить ъ области народнаго просвѣщенія правительственнымъ путемъ: , что оставалось бы осуществить въ нашей исторіи, можетъ

быть сдѣлано общественными силами, а эти силы слабы безъ извѣстнаго капитала знанія и образованности; въ основѣ народнаго образованія должны лежать *народныя школы*.

Журналъ, написавшій на своемъ знамени разработку гуманитарныхъ наукъ, въ видахъ устраненія односторонняго увлеченія естественными науками, ео ipso не могъ не обратить серьезнаго вниманія на обострившійся въ то время (1866 г.) вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ. Тщательная и добросовѣстная разработка этого вопроса, продолжавшаяся почти безъ перерыва въ теченіе 25-ти лѣтъ, составляетъ едва ли не одну изъ главнѣйшихъ заслугъ этого почтеннаго журнала предъ русскимъ просвѣщеніемъ. Вопреки увѣреніямъ защитниковъ нашего современнаго грамматическаго псевдоклассицизма, *Вѣстникъ Европы* не былъ *никогда* противникомъ классицизма въ истинномъ его смыслѣ. Такое положеніе, а ргіогі несовмѣстимое съ рельефно выставленною задачею новаго журнала противодѣйствовать одностороннему увлеченію естествознаніемъ, опровергается a posteriori всею дѣятельностью журнала. *Вѣстникъ Европы* ратовалъ и ратуетъ «противъ мертвой школы» схоластическаго классицизма, а не противъ самого гуманитарнаго классицизма. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, достаточно взять *послѣднюю* [6]) книгу за 1891 г., и въ ней мы увидимъ что *Вѣстникъ Европы* не противъ классицизма вообще, а противъ неудачной постановки его у насъ, нынѣ болѣе или менѣе всѣми признаваемой. Не лишено назидательности, что точно такую же точку зрѣнія защищалъ журналъ въ *первой* своей книгѣ, вышедшей 25 лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1866 г., возражавшей противъ крайностей какъ классицизма, такъ и реализма. Въ первой же педагогической хроникѣ проводится та мысль, что не въ классицизмѣ или естественныхъ наукахъ главная воспитательная сила, а *въ разумной постановкѣ* преподавания. Журналъ возстаетъ не противъ насажденія у насъ классицизма, а противъ привитія его искусственными мѣрами и монополизаціи въ его пользу всего средняго образованія, а также противъ «мистическаго увлеченія латинскою грамматикою». Журналъ съ горечью констатировалъ еще въ 1866 г. патологиче-

[6]) *Вѣстникъ Европы*, 1891 г., № 3, стр. 417—422.

ое явленіе, ставшее нынѣ очевиднымъ для всѣхъ: «у насъ
атъ латинскому языку, а классическаго образованія въ обще-
вѣ нѣтъ».

Въ этой же хроникѣ не лишнее отмѣтить, какъ далекъ былъ
самаго основанія *Вѣстникъ Европы* отъ слѣпаго поклоненія
здъ Западомъ. Говоря о преподаваніи исторіи, журналъ за-
чаетъ, что недостаточно ссылаться на авторитетъ западныхъ
олъ: при подражаніи имъ слѣдуетъ переносить къ намъ не
рмы, выработанныя тамъ подъ вліяніемъ того или другаго те-
нія общественнаго ума, но внутренній ихъ смыслъ, который
женъ у насъ пріискать *свои* формы и отвѣтить на *наши жи-
я* потребности.

Весьма своеобразно и здраво опредѣлялъ журналъ свое отно-
ніе къ текущимъ событіямъ и злобамъ дня. Заведя для нихъ
сторическую хранику», *Вѣстникъ Европы* исходилъ изъ той
сли, что современная историческая жизнь представляетъ много
учаевъ для научныхъ наблюденій надъ живыми обществами и
ужитъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ для провѣрки тѣхъ обще-
торическихъ законовъ, которые выводятся изъ опытовъ надъ
жившими обществами и народами. Подобно тому, какъ въ про-
ѣдшей исторіи журналъ предполагалъ останавливаться не на
ной политической исторіи, не на однихъ внѣшнихъ событіяхъ
оффиціальной сторонѣ жизни, такъ и въ событіяхъ текущей
зни онъ имѣлъ въ виду слѣдить за внутреннею жизнью обще-
ва, за тѣми идеями и теченіями, которыя циркулируютъ въ
ществѣ и вліяютъ на практику жизни.

Въ исторической хроникѣ первое мѣсто отвелъ *Вѣстникъ
вропы* «земскому обозрѣнію». «Стоя посрединѣ между прошед-
имъ и будущимъ нашей исторіи,— говоритъ обозрѣніе,— это
реженіе весьма естественно не могло явиться безъ того,
обы, съ одной стороны, не понести на себѣ слѣдовъ преж-
го порядка вещей, который произвелъ земство, какъ бы вслѣд-
віе «сознанія своей несостоятельности, и, такъ сказать, вслѣд-
віе отрицанія самого себя; съ другой стороны, будущее воз-
жило свои надежды на то же земство и желало въ немъ ви-
ть, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, возможность своего су-
ствованія». Хотя нововведеніе было вызвано неудовлетвори-

тельностью прежняго канцелярскаго порядка въ управленіи народнымъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе устройство нововведенія пришлось по необходимости поручить тому же канцелярскому порядку, и руками, *признанными за неискусныя*, учреждать то, что должно будетъ ихъ замѣнить. А потому Полож. о земск. учрежд., составленное канцелярскимъ порядкомъ, могло понести на себѣ извѣстныя предвзятыя формы, безъ близкаго отношенія къ жизни, мало извѣстной бюрократизму».

Послѣ появленія первой книги *Вѣстника Европы* было выражено недоумѣніе по поводу того, что *Вѣстникъ Европы* не счелъ нужнымъ точнѣе обозначить свое «направленіе», примкнуть всецѣло къ тому или другому изъ существовавшихъ литературныхъ лагерей. Но, заканчивая свой первый годъ, журналъ продолжалъ настаивать, что его главная задача—оживленіе въ публикѣ интереса къ историко-политическимъ наукамъ, сильно ослабѣвшаго въ послѣднее время, что рядомъ съ изученіемъ природы должно идти изученіе человѣческаго духа во всѣхъ его направленіяхъ. «Идя на всѣхъ парахъ впередъ,— сказано въ редакціонной замѣткѣ, — отыскивая новыя формы для новыхъ идей, мы должны особенно часто оглядываться на пройденный нами путь, справляться съ исторіею прошедшаго. Но и при этомъ не должно забывать превосходныхъ словъ нашего историка Н. М. Карамзина въ письмѣ къ Тургеневу: жить есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше *мыслить*, *чувствовать и дѣйствовать*»[7]).

III.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ—болѣе или менѣе спеціальнаго научно-историческаго изданія—*Вѣстникъ Европы* выходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ 1866 — 1867 гг. Съ 1868 г. онъ, оставаясь «преимущественно» историческимъ журналомъ, принялъ тотъ видъ и характеръ нашихъ большихъ литературно-политическихъ журналовъ, который онъ сохраняетъ доселѣ. 1-го января 1868 г. вышла первая книга журнала въ преобразован-

7) *Вѣстн. Европы* 1866.

номъ видѣ, и съ тѣхъ поръ каждое первое число, за исключеніемъ случаевъ, оправдываемыхъ force majeure, «непреодолимою силою» [8]), въ Петербургѣ появляются книги *Вѣстника Европы* съ необычною у насъ пунктуальностью. Первое чисто беллетристическое произведеніе, появившееся въ журналѣ, былъ разсказъ Тургенева «Бригадиръ», напечатанный на первомъ мѣстѣ январской книги за 1868 г.

Являясь въ преобразованномъ видѣ предъ большою, неспеціальною публикою, *Вѣстникъ Европы* долженъ былъ volens nolens опять завести рѣчь о «направленіи» журнала, хотя она, очевидно, была не по душѣ редакціи его, не сочувствовавшей вообще широковѣщательнымъ, голословнымъ заявленіямъ, часто неоправдываемымъ на дѣлѣ. Наше общество, сказано въ редакціонномъ заявленіи 1868 г., прожило эпоху журнальныхъ «направленій», когда всѣ, какъ верстовые столбы, занимались указываніемъ пути и, какъ верстовые столбы, всѣ оставались на мѣстѣ, если только не двигались назадъ. Мы не существовали въ ту эпоху, и могли потому вмѣстѣ съ другими только читать различныя направленія: направо, налѣво, назадъ, впередъ. Наступила эпоха недовѣрія къ направленіямъ; читатели стали догадываться, что «направленіе» въ журналахъ есть только «фраза»... Кончилось тѣмъ, что журналы потеряли свое значеніе, хотя и сохранили прежнія имена...

Между тѣмъ, говоритъ далѣе редакція, жизнь нашла себѣ другой исходъ, *другія школы*, и въ числѣ такихъ школъ явились *публичные суды*. Тамъ общество начало читать новые безъискусственные романы, передъ его глазами развивалась драма и высокая комедія, написанная самою жизнью, и общество не ограничивалось при этомъ ролью зрителя: его призвали къ строгой критикѣ, въ основѣ которой должна лежать совѣсть, а надъ всѣмъ этимъ раздался голосъ судьи, который всѣмъ указывалъ одно направленіе и требовалъ: «*правды*, *одной правды*». Возникла у насъ въ это послѣднее время и другая общественная

---

[8]) *Вѣстнику Европы* даны были предостереженія три раза: первое въ 871 г., второе въ 1873 г. и за тѣмъ еще разъ первое въ 1889 г. Журналъ запаздывалъ выходомъ, по цензурнымъ условіямъ, нѣсколько разъ.

школа, эта — *земскія учрежденія:* они заставили насъ своими руками коснуться самихъ вещей, принять на себя отвѣтственность за ихъ цѣлость и выслушать другое требованіе: «*дѣла, одного дѣла!*» Новое требованіе отъ насъ «правды» можетъ быть удовлетворено развитіемъ общественной совѣсти, а для дѣла нужно обогощеніе и воспитаніе мысли. Въ стремленіи стать орудіемъ къ тому и другому *Вѣстникъ Европы* просилъ видѣть его направленіе, считая излишнимъ ставить какое-нибудь «прилагательное» къ направленію. Наше направленіе,—говоритъ въ заключеніе журналъ — *есть трудъ, дѣло, знаніе*; наше направленіе и до сихъ поръ можно было признавать настолько, насколько мы обнаруживали труда, знанія, и потому мы адресуемъ отыскивающихъ наше направленіе къ оглавленію журнала за годъ.

Такимъ образомъ, *Вѣстникъ Европы* возражалъ не противъ необходимости имѣть опредѣленное «направленіе» вообще, безъ котораго не можетъ обойтись ни одно сколько-нибудь сознательно ведомое политико-литературное изданіе, а только противъ «направленій», выражаемыхъ одними общими фразами, могущими покрыть и не разъ прикрывавшими несоотвѣтственное имъ содержаніе. Хотя въ такомъ строго выдержанномъ, въ смыслѣ направленія, журналѣ, какъ *Вѣстникъ Европы*, всѣ статьи его болѣе или менѣе служатъ выраженіемъ направленія его, но главнымъ источникомъ для распознанія направленія редакціи, какъ извѣстно, служатъ ежемѣсячныя обозрѣнія. Съ январьской книги 1868 г. стала появляться ежемѣсячно рубрика «внутренняя политика», замѣненная съ октября того же года названіемъ «внутреннее обозрѣніе», въ которомъ читатели *Вѣстника Европы* привыкли видѣть самую обстоятельную разработку текущихъ вопросовъ внутренней политики. Съ марта 1882 г. въ дополненіе къ нему стала появляться, ведомая знаменитымъ публицистомъ К. К. Арсеньевымъ новая рубрика: «изъ общественной хроники», посвященная обзору наиболѣе животрепещущихъ событій дня. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы вмѣстѣ съ литературно-критическимъ отдѣломъ, завѣдываемымъ доблестнымъ ветераномъ русской журналистики А. Н. Пыпинымъ, настолько ясно обозначали предъ обществомъ литературную физіономію

нала, что ему теперь нѣтъ болѣе надобности отсылать для
акомленія съ направленіемъ, къ оглавленію журнала за годъ
даже за двадцатипятилѣтіе.

Если ознакомленіе съ только что вышедшимъ объемистымъ
алогомъ *Вѣстника Европы* за 25 лѣтъ въ полтораста слиш-
ъ страницъ поучительно, то не столько для ознакомленія съ
равленіемъ журнала, и безъ того теперь для всѣхъ яснымъ,
лько для констатированія той массы труда и энергіи, съ ко-
ою журналъ стремился проводить, несмотря на всякаго рода
лагопріятныя обстоятельства, свою программу «дѣла» и
авды», программу преобразовательной эпохи; для констати-
анія той выдержки и настойчивости, съ которою онъ от-
ивалъ и отстаиваетъ дѣло русскаго просвѣщенія отъ разно-
ныхъ враговъ его, начиная съ перваго года своего появле-
и до нашихъ дней, можно сказать, до самой послѣдней мар-
ской книги, гдѣ журналу приходится «съ горечью и со сты-
ъ выступить на защиту азбучныхъ истинъ», на защиту обще-
овѣческаго образованія, въ виду навалившаго нынѣ съ раз-
къ сторонъ обскурантизма [9]). Сличая содержаніе первой мартов-
й книги *Вѣстника Европы* за первый годъ съ мартов-
й же книгою, вышедшею черезъ 25 лѣтъ, нельзя не замѣ-
ъ, что въ послѣдней приходится, къ сожаленію, журналу *повто-
рять* почти тѣ же азбучныя истины науки и общежитія, кото-
я указаны въ первой. Укажемъ хотя бы на предостереженіе,
сказанное журналомъ еще въ 1886 году отъ «мертвой школы»
ссицизма. То же самое можно бы отмѣтить и по вопросу о
обходимости размноженія народныхъ школъ всякаго рода [10]) и
многимъ другимъ столь-же элементарнымъ вопросамъ. Изъ
го, конечно, нельзя дѣлать вывода, что истекшее двадцати-
илѣтіе прошло даромъ для русскаго самосознанія, и усилія
теннаго журнала были безплодны, а только тотъ, что еще
ого и много остается сдѣлать для очищенія и просвѣтленія
ественнаго сознанія.

) См. статью В. С. Соловьева „Идолы и идеалы“ *Вѣстникъ Европы*,
1 г., № 3, стр. 367.

) См. март. книгу *В. Е.* за 1866 г., стр. I, и март. книгу *В. Е.*
1891, стр. 408.

Въ заключеніе настоящей замѣтки нельзя не указать еще на одну сторону двадцатипятилѣтней безукоризненной публицистической дѣятельности *Вѣстника Европы*, составляющую не послѣднюю изъ его заслугъ предъ русскою литературою и обществомъ: это — безусловная *порядочность* и рѣдкая *терпимость*, которымъ, по общему признанію, ни разу не измѣнилъ этотъ журналъ за все время своего существованія, не смотря на все озлобленіе и неразборчивость въ средствахъ борьбы, отличавшія его литературныхъ противниковъ, несмотря даже на то, что «безграмотная наглость и зазорное корыстолюбіе въ журналистикѣ», на которыя жаловался въ 1830 году уходившій редакторъ *Вѣстника Европы* Каченовскій, далеко не исчезли и послѣ возобновленія этого журнала въ 1866 году.

Въ основѣ своей литературной критики и полемики, получившей, въ особенности въ послѣдніе годы, такіе крупные размѣры и значеніе, *Вѣстникъ Европы* въ первой же книгѣ поставилъ себѣ такой принципъ: «не слѣдуетъ забывать правила, что съ книгами нельзя обращаться хуже, чѣмъ мы привыкли и условились обращаться съ людьми въ нашихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ и встрѣчахъ въ обществѣ».—Когда по выходѣ первой книги, одинъ изъ журналовъ указалъ въ своемъ привѣтствіи на то, что *Вѣстникъ Европы*, подобно Карамзину, послужитъ «самостоятельно, благоразумно и благородно» русской наукѣ и литературѣ, *Вѣстникъ Европы* отвѣчалъ слѣдующими словами: «Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права дѣлать какое-нибудь *исключительное* притязаніе на разумное и благородное служеніе русской наукѣ и литературѣ и на самостоятельность, какъ на качества, которыми мы желали бы *отличиться* отъ прочихъ органовъ печати; все это составляетъ, по нашему убѣжденію, общее достояніе *всѣхъ* журналовъ; всѣ имѣютъ право дѣлать на то притязанія; едва ли найдется такой органъ печати, который, по крайней мѣрѣ, самъ не былъ бы убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ честно»...

Часто ли можно встрѣтить и въ болѣе развитой европейской публицистикѣ такое безпристрастное, истинно джентльменское отношеніе къ своимъ собратіямъ по перу? Насколько

было заслужено и оправдано противниками *Вѣстника* мы—особенно когда

Какъ власть имѣющій возникъ,
Изъ насъ газетный временщикъ,
Литературный Аракчеевъ

другой вопросъ.

IX.

ЯТЕЛИ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭПОХИ.

Жить есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать.

Карамзинъ.

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное
Сѣйте! Спасибо скажетъ сердечное
Русскій народъ.

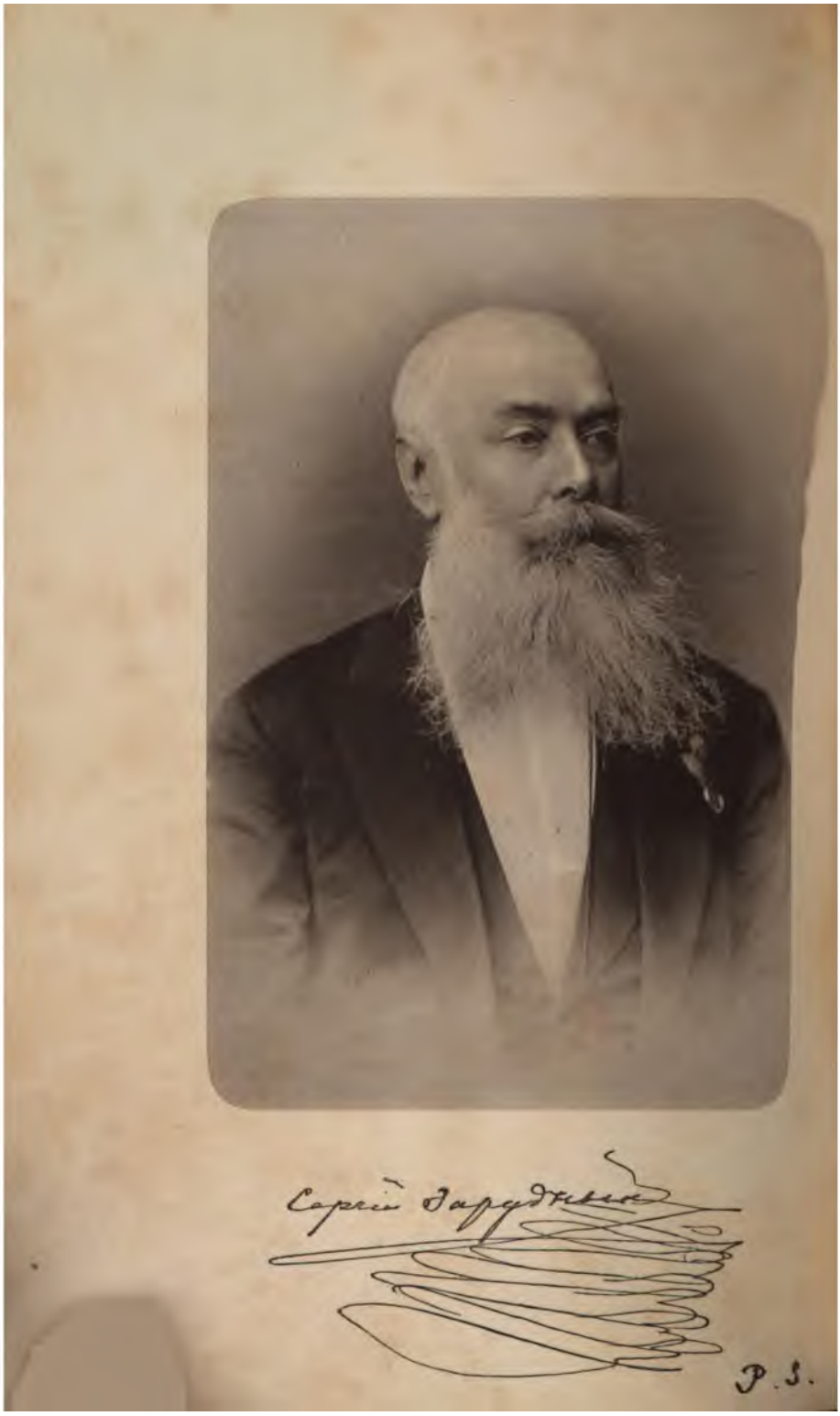
Некрасовъ.

Подумать—страхъ беретъ, что нынѣ меньшинство,
Покуда вѣрное гражданственнымъ началамъ,
Ужъ представляется явленьемъ запоздалымъ.
Таковъ переворотъ. Чѣмъ объяснимъ его?
Что возбуждаетъ въ насъ враждебность и сомнѣнье?
Иль барщина честнѣй свободнаго труда?
Иль мракъ невѣжества полезнѣй просвѣщенья?
Безсудье-ль правильнѣй суда?...
Та проповѣдь средь насъ опасностей полна,
*Что будто бы они *) съ порядкомъ несовмѣстны;*
Порядка вѣрный стражъ—тотъ въ наши времена,
Кто ихъ послѣдователь честный.

А. Жемчужниковъ.

---

*) «Святыя начала», т. е. принципы преобразовательной эпохи.


Сергій Зарудный
P.S.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Корифей судебной реформы С. И. Зарудный.

† 18 декабря 1887 г.

Когда они безъ воли и безъ силъ
Не будутъ твоему внимать глаголу,
Съ высотъ своихъ ты властно имъ крича!
Окованныхъ невѣжествомъ и страхомъ,
Заставь ты ихъ разстаться съ тьмой и прахомъ
И смѣлому полету научи.

Жемчужниковъ.

Первый отпечатанный экземпляръ Судебныхъ Уставовъ по праву вручается С. И. Зарудному, какъ лицу, которому судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ.

Изъ резол. госуд. секр. В. П. Буткова.

I.

Къ наступающему 30-ти лѣтію Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г. умѣстно будетъ напомнить въ общихъ чертахъ [1]) о плодотворной дѣятельности одного изъ самыхъ видныхъ и типичныхъ представителей блестящей плеяды гуманно-либеральныхъ богатырей эпохи великихъ реформъ 60-хъ годовъ, Сергѣя Ивановича Заруднаго, принимавшаго, по должности статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, дѣятельное и сердечное во всѣхъ великихъ реформахъ вообще, въ особенности же въ судебной, которой онъ былъ самымъ убѣжденнымъ руководителемъ, пламеннымъ вдохновителемъ и неутомимымъ труженникомъ, словомъ, истиннымъ ея корифеемъ.

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ книгѣ моей: «С. И. Зарудный и судебная реформа». М. 1888 г.

Зарудный родился 17-го марта 1821 г. Онъ происходилъ изъ стараго украинскаго обѣднѣвшаго дворянскаго рода, представители коего, не чуждые французской литературѣ и эстетическимъ интересамъ, платили дань раціонализму и вольнодумству XVIII вѣка. Дѣду Заруднаго, Андрею Елисеевичу, принадлежала значительная часть Харьковской губерніи, отецъ же его, Иванъ Андреевичъ, унаслѣдовалъ немного и былъ стѣсненъ въ средствахъ. Владѣя небольшимъ имѣніемъ въ Купянскомъ уѣздѣ И. А. тѣмъ не менѣе довольно усердно платилъ дань двумъ наслѣдственнымъ страстямъ: любви къ книгамъ и цвѣтоводству. Со стороны матери С. И. Зарудный происходилъ отъ харьковскаго же дворянина Михаила Матвѣевича Куликова, извѣстнаго своими чудачествами.

Съ дѣтства Зарудный обращалъ на себя вниманіе своими недюжинными способностями, особенно къ математикѣ, трудолюбіемъ, аккуратностью, твердостью характера, серьезностью и любознательностью. Въ отличіе отъ своихъ предковъ, для которыхъ излюбленная карьера была военная служба въ гвардіи и арміи, Зарудный, влекомый врожденною любознательностью, пожелалъ сдѣлаться морякомъ. Случайное обстоятельство (ошибка въ метрическомъ свидѣтельствѣ) помѣшало ему, къ счастью, поступить въ морской корпусъ, что́, навѣрно, отклонило бы его въ сторону отъ той дѣятельности, которая принесла столько пользы Россіи и прославила его имя. Зарудный сталъ готовиться къ ученой карьерѣ математика. Съ 14-ти лѣтъ предоставленный самому, живя въ чужомъ городѣ, въ Харьковѣ, Зарудный безъ учителей сталъ готовиться къ университету, претерпѣвая порою сильную матеріальную нужду, которая не покидала его и въ университетѣ.

Въ 1842 г. онъ окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата математики. Во время прохожденія университетскаго курса, живой, пылкій, впечатлительный хохолъ, не зарываясь по уши въ свою спеціальность, живо интересовался современною русскою литературою, въ которой въ это время, въ концѣ 30-хъ годовъ, уже расправлялъ свои крылья мощный властитель думъ людей 40-хъ годовъ, великій дѣятель русскаго просвѣщенія и общественнаго развитія В. Г. Бѣлинскій. Благодаря знанію нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ (француз-

скаго, англійскаго, нѣмецкаго, итальянскаго), Зарудный близко ознакомился и съ иностранными литературами и не мало увлекался господствовавшими въ то время романтизмомъ и идеализмомъ, изъ коихъ послѣдній на всю жизнь оставилъ въ немъ глубокій слѣдъ.

Въ 1842 же г. Зарудный пріѣхалъ въ Петербургъ, намѣреваясь поступить на штатную должность астронома въ Пулковскую обсерваторію, но судьба распорядилась иначе и этотъ звѣздочетъ in spe вдругъ неожиданно очутился вмѣсто обсерваціонной башни въ дебряхъ петербургскихъ канцелярій, подъ начальствомъ самаго мрачнаго и черствaго представителя старой бюрократической системы министра юстиціи гр. В. Н. Панина. 24-го апрѣля 1843 г. Зарудный былъ назначенъ старшимъ помощникомъ столоначальника, и дальнѣйшая судьба его была рѣшена: онъ сдѣлался департаментскимъ чиновникомъ. Но живая, талантливая натура, не остывающій интересъ къ наукѣ и къ литературѣ,— гдѣ, съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ, уже слышалась, преодолѣвая всѣ тиски цензурные, могучая проповѣдь человѣчности и состраданія къ меньшей братіи,—предохранили Зарудnаго отъ опасности сдѣлаться сухимъ и узкимъ бюрократомъ, а счастливая случайность поставила его сразу въ условія крайне благопріятныя для подготовки его къ будущей важной роли въ проведеніи судебной реформы.

По какой-то дѣйствительно рѣдкой и любопытной игрѣ случая, первая бумага, которая была составлена и подписана С. И., былъ циркуляръ министра юстиціи о собираніи данныхъ для преобразованія гражданскаго процесса. Начальникъ II Отдѣленія Е. И. В. канцеляріи, задумавъ это дѣло, просилъ гр. Панина собрать отзывы предсѣдателей и прокуроровъ судовъ о недостаткахъ дѣйствующихъ гражданскихъ процессуальныхъ законовъ. Скрѣпа этого циркуляра была первою точкою соприкосновенія Зарудnаго съ этимъ первымъ зародышемъ судебной реформы, дальнѣйшее участье въ которой составило главный подвигъ его жизни и съ которою онъ болѣе не разлучался въ теченіе 26 лѣтъ вплоть до конца 1868 г., когда онъ былъ насильно оторгнутъ, благодаря происканъ реакціи и къ общему сожалѣнію всѣхъ друзей новаго суда.

II

Понемногу стали поступать отвѣты отъ судебныхъ дѣятелей на помянутый циркуляръ министра юстиціи. Тогда какъ ближайшее и высшее начальство Зарудnаго не обращали никакого вниманія на цѣнныя свѣдѣнія, поступившія отъ практиковъ, наблюдательный юристъ-самоучка живо заинтересовался новыми явленіями судебно-правовой жизни, открывшимися передъ нимъ во всемъ своемъ разнообразіи и сложности, что̀ принесло ему громадную пользу. Въ своихъ воспоминаніяхъ [2]) Зарудный такъ передаетъ значеніе, этой стадіи своихъ работъ. «Моя обязанность по поводу переписки о судебной реформѣ ближе всего подходила къ обязанности почтальона: я долженъ былъ вскрывать пакеты, адресованные на имя графа Панина отъ разныхъ практиковъ о несовершенствахъ нашихъ законовъ гражданскаго судопроизводства (здѣсь нѣтъ рѣчи объ уголовныхъ законахъ—это особое дѣло, которое завершилось уложеніемъ 15-го августа 1845 года) и пересылать вложенныя туда бумаги къ графу Блудову. Серьезныхъ занятій по столу было довольно много, а такого рода бумаги считались отпиской, а на нихъ никто не обращалъ вниманія. Самъ я, какъ кандидатъ математическаго факультета, едва поступившій на службу, не имѣлъ ровно никакого понятія о законахъ вообще и о нашихъ въ особенности, но меня заинтересовалъ вопросъ о несовершенствахъ нашихъ законовъ: съ этихъ недостатковъ я началъ изученіе самихъ законовъ. Вмѣсто того, чтобъ отправлять эти бумаги прямо къ графу Блудову, я сталъ брать ихъ къ себѣ на домъ, читать ихъ, дѣлать изъ нихъ выписки, а лучшія мнѣнія просто переписывать и изучать, и чѣмъ болѣе недостатковъ нашихъ законовъ узнавалъ я, тѣмъ болѣе нравилось мнѣ ихъ изученіе. Это была моя школа. И кажется, я не солгу, сказавши, что это—единственная польза этихъ мнѣній практиковъ. Думаю, что никто, кромѣ меня, не изучалъ ихъ. Мой начальникъ отдѣленія — Василій Максимовичъ Харченко — очень хорошій и честный человѣкъ, не обращалъ на эти бумаги ровно никакого вниманія. Какъ истый чиновникъ, онъ заботился

[2]) См. *Сборникъ Правовѣдѣнія*, III, 3.

ключительно о томъ, чтобы онѣ отсылались къ графу Блудову, по временамъ освѣдомлялся объ этомъ».

Это была первая юридическая школа для Зарудnаго и при мъ несравненно болѣе плодотворная, чѣмъ тогдашняя универтетская юридическая школа, которая, занимаясь пережевываніъ матеріала дѣйствующаго законодательства, возводя въ догъ чуть не каждую статью Свода Законовъ, не смѣя и думать критическомъ ихъ разборѣ [3]). Отнесясь, какъ всегда, серьезно предмету своего изученія, Зарудный сталъ знакомиться и съ остранными законодательствами, сравнивать съ ними русскіе заны, предпринималъ поѣздки за границу, гдѣ онъ въ Парижѣ алъ изучать французскую судебную практику, слышалъ Берье, юля Фавра. Къ 1849 г. онъ успѣлъ на столько освоится съ неожнымъ багажемъ тогдашней русской юриспруденціи, что могъ честью занять важное въ то время мѣсто юрисконсульта при нсультаціи министерства юстиціи. Благодаря своимъ способстямъ, трудолюбію и разносторонней подготовкѣ, а еще боe благодаря употребляемымъ новымъ юридическимъ пріемамъ, и разработкѣ текущихъ вопросовъ судебной практики, Зарудный двинулся сразу впередъ, какъ даровитый и знающій юристъ: ъ сталъ употреблять историческій методъ для уясненія смысла коновъ, отдѣльные казусы сводилъ къ общимъ принципамъ ава, въ разрозненную практику консультаціи сталъ вносить инство и, можно сказать, первый создалъ школу практической сской юриспруденціи. Вскорѣ С. И. пріобрѣлъ такой авторигъ, что съ нимъ стали совѣтоваться въ затруднительныхъ учаяхъ оберъ-прокуроры и сенаторы. Доклады его какъ по держанію, такъ и внѣшней отдѣлкѣ были такими образцовыми, о по поводу одного изъ нихъ (о земляхъ гор. Смоленска 1852 г.),

---

3) Первый научный курсъ гражданскаго права былъ открытъ въ 1845 г. И. Мейеромъ въ Казанскомъ университетѣ. См. статью А. Гольмстена , Журн. Юрид. Общ. 1894, № 6, стр. 101. Что касается печатныхъ ,учныхъ трудовъ, то о количествѣ и качествѣ ихъ можно составить бѣ понятіе изъ того, что еще 2-го ноября 1852 г. состоялся законъ ол. собр. № 26734), предписывавшій научныя произведенія, въ которыхъ теорія права примѣняется къ русскому праву, пересылать въ тѣ равительственныя учрежденія, до которыхъ относятся сочиненія.

ные размѣры приняло въ николаевское время открытое казнокрадство и взяточничество не только по военному вѣдомству, но и по всѣмъ другимъ; въ какомъ ужасающемъ видѣ находились во всѣхъ частяхъ Россіи судъ и управленіе, при господствѣ административнаго произвола и безгласности общества; словомъ, онъ могъ во очію ознакомиться со всѣми язвами провинціальной жизни, съ которыми впервые въ печати знакомили Россію только-что появившіеся безсмертные «Губернскіе очерки» Салтыкова. Путь у Заруднаго должна была окончательно окрѣпнуть вражда противъ дореформеннаго строя жизни и утвердиться гражданская рѣшимость, не щадя силъ, способствовать его уничтоженію.

Случай не заставилъ себя ждать. Пробывъ по возвращеніи въ Петербургъ съ полгода за оберъ-прокурорскимъ столомъ, Зарудный получилъ 27-го апрѣля 1859 г., благодаря государственному секретарю В. П. Буткову, мѣсто помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. Бутковъ, освѣжая государственную канцелярію молодыми силами, въ виду предположенныхъ реформъ, пригласилъ С. И., какъ знатока гражданскаго судопроизводства, проектъ котораго, составленный при его участіи, поступилъ въ то время на обсужденіе Совѣта.

Съ этого момента еще болѣе приближается Зарудный къ дѣлу судебной реформы и, несмотря на свой невысокій постъ, дѣлается настоящимъ ея двигателемъ и руководителемъ. Настроеніе въ правительственныхъ сферахъ тогда было колеблющееся, часто падшее по стопамъ николаевскаго режима и далеко не послѣдовательно прогрессивное. Докладъ помянутаго проекта въ Государственномъ Совѣтѣ 15 ноября 1857 г., начался чтеніемъ Высочайшаго повелѣнія, коимъ *воспрещалось* Совѣту касаться суда присяжныхъ, адвокатуры и гласности.

При такомъ положеніи дѣла ничего болѣе не оставалось, какъ довольствоваться палліативными мѣрами чисто техническаго свойства и ждать для проведенія судебной реформы на раціональныхъ основаніяхъ лучшихъ временъ, которыя, къ счастью, вскорѣ и наступили.

Уже 20 ноября 1857 г. былъ опубликованъ знаменитый рескриптъ на имя генералъ-губернатора Назимова объ освобожденіи крестьянъ, давшій толчокъ и другимъ либеральнымъ ре-

формамъ 60-хъ годовъ. Съ этого времени мало по малу и въ дворянскихъ собраніяхъ, и въ печати общественное мнѣніе стало высказываться за радикальное измѣненіе всего стараго бюрократическаго строя. Это освободительное направленіе стало вліять и на судьбу судебнаго преобразованія. Кн. Оболенскій, членъ либеральнаго кружка, группировавшагося около в. к. Константина Николаевича и уже поднявшаго, къ ужасу гр. Панина вопросъ о введеніи гласнаго суда въ морскомъ вѣдомствѣ, въ литографированной брошюрѣ сильно напалъ на внесенный гр. Блудовымъ въ Государственный Совѣтъ проектъ гражданскаго судопроизводства. Выступая защитникомъ гласности и устности, кн. Оболенскій предлагалъ принять цѣликомъ французское судопроизводство, дѣйствующее въ Царствѣ Польскомъ. С. И. горячо возражалъ противъ такого заимствованія en bloc и эта полемика, возбудивъ вниманіе членовъ Государственнаго Совѣта къ принципіальнымъ вопросамъ процесса, заставила ихъ глубже вникнуть въ дѣло и склонять къ болѣе широкой постановкѣ судебной реформы. Рѣшено было первоначально выработать *главныя начала* реформы и съ этою цѣлью постановлено было, по мысли Заруднаго, предварительныя заключенія Государственнаго Совѣта передать на разсмотрѣніе судебныхъ практиковъ, что, до нѣкоторой степени вносило въ дѣло участіе общества. Зарудный, придавая громадное значеніе печатному тисненію и гласности, посовѣтовалъ поступившія замѣчанія *напечатать* и разослать членамъ Государственнаго Совѣта. Кромѣ того, печатные экземпляры разосланы были ученымъ юристамъ и спеціалистамъ. Такимъ незамѣтнымъ путемъ проникли мало по малу въ законодательныя проекты и гласность, и адвокатура, замѣненная (слово адвокатъ еще со временъ Николая I находилось подъ запрещеніемъ) словомъ присяжный повѣренный, и начало отдѣленіе власти судебной отъ административной. Но въ общемъ съ 1857 года по 1861 работы шли вяло и нерѣшительно. Въ этотъ промежутокъ времени Зарудный ѣздилъ въ заграничную командировку для изученія западнаго судопроизводства и судоустройства и выпустилъ рядъ спеціальныхъ работъ по процессу, частью появлявшихся въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ, занимающихъ цѣлый томъ (IX) въ Дѣлѣ о преобраз. суд. части

и затрогивающихъ всѣ стадіи процесса, начиная отъ *мироваго* суда и кончая *кассаціоннымъ*.

Въ работахъ этихъ, возражая, какъ выше упомянуто, противъ слѣпаго рабскаго копированія съ французскаго образца, С. И. выступаетъ горячимъ сторонникомъ отобранія отъ администраціи и полиціи всякой судебной власти, состязательнаго процесса и какъ необходимаго его условія адвокатуры, единаго кассаціоннаго производства, какъ мѣры, направленной къ охраненію единства въ пониманіи закона и устраненію судебнаго произвола. Возражая противъ мнѣнія мнительныхъ рутинеровъ, считавшихъ несвоевременнымъ коренное преобразованіе судопроизводства, С. И. высказываетъ слѣдующія прекрасныя мысли, усвоенныя и одобренныя впослѣдствіи и перешедшія въ комментарій къ Судебнымъ Уставамъ съ небольшими варіантами [4]): » Противъ изложенныхъ въ настоящей статьѣ (объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній) основаній, писалъ Зарудный 24 февраля 1859 года, можетъ быть, между прочимъ представлено возраженіе *хорошо, да не во время* (курс. подл.). Противъ этого *софизма*, который сдѣлалъ много зла на свѣтѣ, можно сказать одно только: если изложенныя основанія правильны, то они благовременны. Трудно думать, продолжаетъ онъ, чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены для дурнаго и не зрѣлы для хорошаго. Правильное устройство судебныхъ учрежденій составляетъ вопросъ *самый настоятельный* для Россіи, притомъ же правильный законъ *никогда* не сдѣлаетъ зла; можетъ быть по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойства закона новаго, онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ точнымъ онаго разумомъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубокіе корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія народа» [5]) (стр. 47 Записки). Сквозящая въ этихъ строкахъ горячая вѣра въ силу добра и человѣческое достоинство, вѣра въ благотворное дѣйствіе хорошихъ учрежденій и гуманныхъ принциповъ, глубокая, но свободная отъ кичливости

---

[4]) См. стр. XLIII къ Учр. Суд. Уст. ч. 3 Суд. Уставовъ, изд. Госуд. Канцеляріи.

[5]) См. ст. 47 Записки Зарудnаго въ т. IX Дѣла о преобразованіи судебной части.

вѣра въ духовныя силы русскаго народа,—каковая вѣра была присуща и публицистикѣ, 60-хъ годовъ сохранилась у С. И. до конца дней вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ къ послѣдней.

Въ 1859—60 г. С. И. принималъ участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ, которому онъ, само собою разумѣется, сочувствовалъ отъ всей души. Онъ былъ членомъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Комиссіи, составлявшей проэктъ о мировыхъ крестьянскихъ утрежденіяхъ. 25 сентября 1860 г. онъ былъ Высочайше прикомандированъ къ Главному Комитету въ помощь В. П. Буткову, при разсмотрѣніи составленнаго Редакціонными Коммиссіями Положенія о крестьянахъ. 7-го января 1861 г. назначенъ и. д. статсъ-секретаря въ Департаментѣ законовъ, гдѣ докладывалъ помянутое Положеніе. Бутковъ, извѣщая Зарудnаго о благодарности, выраженной Государемъ, ему лично и его помощникамъ «за всѣ добросовѣстные и неутомимые труды» по крестьянскому дѣлу добавлялъ, что ему особенно пріятно сообщить объ этой Высочайшей резолюціи С. И—у «какъ одному изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ работѣ». Зарудный въ память трудовъ по освобожденію крестьянъ получилъ золотую медаль, которую онъ цѣнилъ выше всѣхъ другихъ наградъ. (Съ этою медалью изображенъ Зарудный на прилагаемомъ портретѣ).

III

Съ 1861 г. работы по судебной реформы вступили въ послѣдній рѣшительный фазисъ благодаря освобожденію крестьянъ съ землею, безъ чего т. е. безъ раціональнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, какъ неоднократно заявлялъ впослѣдствіи С. И., никогда не могла бы состояться раціональная судебная реформа, не были бы изданы Судебные Уставы въ томъ видѣ, какъ они появились 20-го ноября 1864 г. Вотъ что писалъ объ этомъ въ 1885 г. Зарудный «Весьма важно, говоритъ С. И. Зарудный, *вѣяніе времени* — отъ него *все зависитъ*. Трудно понять, почему извѣстныя воззрѣнія представляются не только правильными, но даже необходимыми въ государственномъ устройствѣ; между тѣмъ за нѣсколько дней до того тѣ же воззрѣнія считались вредными и даже губительными для госу-

дарственнаго распорядка. Судебные уставы 20 ноября 1864 года служатъ доказательствомъ этой истины. При крѣпостномъ правѣ, продолжаетъ онъ, въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настящими судьями были только помѣщики. Надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Положенія 19-го февраля 1861 года прекратили эти завязтые порядки. Тогда и высшіе наши сановники сознали, что наступаетъ время, когда и для Россіи такъ же точно, какъ и для всякаго порядочнаго (основаннаго на порядкѣ?) государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справедливомъ. Вотъ задача Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Она возникла, она задалась, сама собою, вслѣдствіе событія, совершившагося по волѣ самодержца Всероссійскаго. Необходимо проникнуться этою мыслью. Если бы въ 1861 году не состоялось освобожденія крестьянъ съ землею, то *ни въ какомъ случаѣ* не были бы 20 ноября 1864 года утверждены наши Судебные Уставы» [6]). Въ общемъ благополучное осуществленіе великой либеральной реформы 19-го февраля укрѣпили въ концѣ 1861 г. либеральную фракцію высшихъ правительственныхъ сферахъ, не смотря на отставку С. С. Ланскаго и Н. А. Милютина, принесенныхъ въ жертву реакціонной крѣпостнической партіи. Зная, какъ быстротечны, какъ и непрочны у насъ либеральныя вѣянія, Зарудный спѣшилъ какъ «кузнецъ-гражданинъ» ковать желѣзо пока горячо и освободить судебную реформу отъ тѣхъ путъ, какими она была доселѣ опутана, благодаря нерѣшительности ея иниціатора гр. Блудова и противодѣйствію министра юстиціи гр. В. Н. Панина. Дѣйствуя чрезъ В. П. Буткова и предсѣдательствовавшаго въ Госуд. Совѣтѣ кн. П. Н. Гагарина. Зарудный, въ два мѣсяца успѣлъ повернуть дѣло такъ уже въ январѣ 1862 г. дѣло было уже поставлено на раціональныхъ началахъ (см. выше главу VIII § 3) и почти на половину выиграно.

Планъ свой Зарудный развивалъ такъ. Въ октябрѣ 1861 г. онъ составилъ для В. П. Буткова, изъ ретрограда ставшаго съ 1861 г. ярымъ либераломъ, всеподданнѣйшій докладъ, въ коемъ

---

[6]) *Рус. Стар.* 1885, № 5.

указывалось на трудности, встрѣченныя при разсмотрѣніи проэктовъ гр. Блудова, составленныхъ въ разное время и несогласованныхъ между собою. 23-го октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи при Государственной Канцеляріи особой коммиссіи съ прикомандированіемъ къ ней извѣстныхъ юристовъ для извлеченія изъ проэктовъ Блудова «главныхъ основныхъ началъ». Чрезъ это достигались двѣ важныя цѣли: во 1-хъ проекты превращались въ простой законодательный матеріалъ и становилось необходимымъ составленіе новыхъ проектовъ по общему цѣльному плану, во 2-хъ устранялся отъ руководства престарѣлый гр. Блудовъ, который хотя и склонялся на нѣкоторыя уступки либерализму, но по преклонности (ему было тогда 88) не могъ уже стоять во главѣ столь крупнаго дѣла. Помянутая коммиссія, душею которой былъ Зарудный, къ концу 61-го года окончила свою работу и убѣдилась въ недостаточности проектовъ.

Нужно было сдѣлать еще одинъ шагъ и предоставить Коммиссіи составить основныя положенія, по раціональному плану, не стѣсняясь тощими и робкими блудовскими предположеніями. Этотъ послѣдній и рѣшительный шагъ сдѣлалъ С. И. при помощи преемника гр. Блудова, предсѣдательствовавшаго въ государственномъ совѣтѣ, князя П. П. Гагарина, для котораго и раньше составлялъ записки по судопроизводству. По докладу кн. Гагарина въ январѣ 1862 г. послѣдовано огромной важности Высочайшее повелѣніе, составляющее эпоху въ исторіи русской культуры и разрѣшавшее: составить основныя начала судебной ре[illegible], слѣдуя указаніямъ *науки и опыта европейскихъ го[illegible]*.

IV

[illegible] этихъ поръ судьба предстоящаго преобразованія была [illegible]рѣшена: для Россіи открывался доступъ ко всѣмъ великимъ [illegible]статутамъ европейскаго судебнаго права. Зарудный и его то[illegible]варищи, по[illegible] величіе выпавшей на нихъ задачи, съ необыкнове[illegible]мъ и усердіемъ взялись за ея выполненія. Съ первы[illegible]ній былъ выдвинутъ вопросъ о судѣ присяж[illegible] официальная постановка коего принадлежала Д. А.

овинскому (см. ниже гл. IX), горячо поддержаннаго С. И. Бучи хорошо знакомъ какъ съ иностранными законодательствами, акъ и русскою судебною практикою Зарудный, подробно изложивъ исторію института, считалъ вовсе не затруднительнымъ реобразованіе безсловесныхъ засѣдателей старыхъ судовъ въ рисяжныхъ засѣдателей. Возражая тѣмъ, которые видѣли въ удѣ присяжныхъ институтъ политическій, несовмѣстный съ содержавіемъ, Зарудный и др. указывали, что и другіе важѣйшіе институты судебнаго права—какъ-то: гласность, отдѣеніе суда отъ администраціи, имѣютъ несомнѣнный политическій характеръ, ограничивая произволъ администраціи, но что акіе институты, невозможные въ деспотіяхъ, возможны въ онархіяхъ, гдѣ уважаются законы. Судъ присяжныхъ проектировался С. И. также и по политическимъ и литературнымъ ѣламъ [7]).

Соображенія государственной канцеляріи были доложены Зарудным Государственному Совѣту, Высочайше утверждены 29 ентября 1862 г. и, по мысли его, были не только разосланы рактикамъ, но и опубликованы въ *Собраніи узаконеній и раоряженій*. Знакомство съ ними вызвало удивленіе не только у насъ, но и за-границею, гдѣ неожиданно узнали, что Россія аходится наканунѣ полученія судебныхъ учрежденій, которыя не должны уступить европейскимъ. О силѣ впечатлѣній, произведенныхъ опубликованіемъ Основныхъ Положеній въ Россіи ожно судить по вышеприведенному отзыву цензора Никитенко [8]).

Для составленія подробныхъ проектовъ Судебныхъ Уставовъ ыла образована при Государственной Канцеляріи новая большая Коммиссія. Хотя оффиціальнымъ предсѣдателемъ ея былъ назначенъ В. П. Бутковъ, но всѣмъ дѣломъ управлялъ и двигалъ собственно Зарудный, который даже не былъ утвержденъ еще въ олжности, а только исправлялъ должность статсъ-секретаря.

---

7) См. т. XVII, Дѣла матеріалы №№ 13 и 14.

8) См. выше эпиграфъ къ § 3 главы VIII. Впрочемъ, болѣе дальновидные публицисты предостерегали отъ излишняго оптимизма и совѣтовали не слишкомъ увлекаться отъ одного только провозглашенія великихъ принциповъ на печатной бумагѣ. Таково было мнѣніе Унковскаго: м. прил. I къ книгѣ моей: „А. М. Унковскій“.

Подъ предсѣдательствомъ его было только отдѣленіе гражданскаго судопроизводства, но и во всѣхъ другихъ отдѣленіяхъ и особенно въ общемъ собраніи онъ работалъ съ энергіею, жаромъ и настойчивостью, вызывавшею общее удивленіе. С. И. старался привлечь въ Коммиссію все, что было замѣтнаго среди представителей науки и практики. Принимая близко къ сердцу это дѣло всей своей жизни, С. И. неоднократно подвергалъ переработкѣ проектированныя статьи, горячо споря и стараясь разъяснить дѣло со всѣхъ сторонъ. Просиживая ночи за корректурами, онъ выбивался изъ послѣднихъ силъ, чтобы его любимое дѣтище появилось на свѣтъ какъ можно скорѣе и какъ совершеннѣе. Меньше, чѣмъ въ годъ Коммиссія составила проекты Судебныхъ Уставовъ и къ нимъ образцовыя научно-мотивированныя обширныя объяснительныя записки (около 1,800 печатныхъ страницъ in folio). Проектъ былъ разосланъ для представленія замѣчаній министрамъ, и заключенія ихъ, вмѣстѣ съ поступившими раньше замѣчаніями, были доложены Зарудным Государственному Совѣту.

20 ноября 1864 г. были подписаны Александромъ II Судебные Уставы, и Зарудный имѣлъ драгоцѣнное утѣшеніе видѣть появленіе на свѣтъ великаго законодательнаго акта, на который онъ положилъ въ теченіе 20-ти лѣтъ свои лучшіе годы жизни, не щадя трудовъ. Ближайшій свидѣтель ихъ В. П. Бутковъ препроводилъ 22-го ноября *первый* экземпляръ только что вышедшихъ изъ печати Судебныхъ Уставовъ съ слѣдующею припискою: «этотъ *первый* отпечатанный экземпляръ Судебныхъ Уставовъ вручается Серг. Ив. Зарудному, какъ лицу, которому судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ. «Онъ занимался этимъ дѣломъ со времени поступленія въ Государственный Совѣтъ первыхъ проектовъ II отдѣленія и *велъ все дѣло до конца*. Онъ участвовалъ въ работахъ по составленію основныхъ положеній, руководилъ работами по уст. граж. суд., дѣятельно занимался при обсужденіи всѣхъ другихъ проектовъ. При такихъ его трудахъ, цѣль которыхъ было одно—искреннее желаніе совершить всю столь необходимую для пользы Россіи—конечно, *первый* отпечатанный экземпляръ по праву долженъ принадлежать Сергѣю Ивановичу».

Послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ [9]) Зарудный, утвержденный наконецъ въ должности статсъ-секретаря Государственнаго овѣта, принималъ участіе въ составленіи дополнительныхъ къ имъ узаконеній (объ охранительномъ судопроизводствѣ и пр.) и остоялъ членомъ образованной при Государственной Канцеляріи овой Коммиссіи для выработки правилъ о введеніи въ дѣйствіе удебныхъ Уставовъ, на что было положено имъ также очень ного труда. Большинство членовъ склонялось къ мнѣнію министерства юстиціи, предлагавшаго открывать новыя судебныя становленія не сразу повсемѣстно, а постепенно, ссылаясь на рактическія затрудненія. С. И. же вмѣстѣ съ Н. А. Буцковскимъ і О. И. Квистомъ, опасаясь столь обычнаго у насъ охлажденія ъ реформамъ, настаивалъ на единовременномъ введеніи Уставовъ во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, съ постепеннымъ усиленіемъ состава судовъ.

Заканчивая работы по судебной реформѣ, Зарудный привелъ ъ порядокъ обширный матеріалъ *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи*, раздѣливъ его на 74 тома [10]) и переалъ нѣсколько экземпляровъ *Дѣла* въ петербургскія книгохранилища и архивы. Кромѣ того, онъ оказалъ большую услугу усской наукѣ и судебной практикѣ и вообще русскому общетвенному развитію, напечатавъ въ 1866 г. классическій трудъ вой подъ названіемъ «Судебные Уставы съ разсужденіями на нихъ они основаны». Это драгоцѣнное изданіе сдѣлалось настольною книгою для нашихъ судебныхъ дѣятелей. Объ успѣхѣ го въ публикѣ можно судить по тому, что меньше чѣмъ въ

---

[9]) Кромѣ вышеупомянутыхъ работъ въ разныхъ томахъ Дѣла о преобразов. суд. ч. въ Россіи имѣются еще слѣдующія работы С. И.: 1) Извлеченіе изъ доклада Сардинскаго министра юстиціи о преобразованіяхъ гражд. суд. въ Италіи въ 1859 г. 2) Правила объ обязательной явкѣ ящихся въ связи съ монополіею повѣренныхъ. 3) О реформѣ судопроизводства въ Италіи въ 1862 г. 4) Судебно-статистическія данныя о арьковской губ. 5) Законъ о доказательствахъ по французскому Гражд. ставу. 6) Матеріалы для разработки вопроса объ охранительномъ поядкѣ производства. 7—9) Переводы Уставовъ гражд. суд. Сардиніи 854 г., Венгріи 1852 г. и зак. судоустр. Піемонта 1859 г.

[10]) См. Опись этого Дѣла, напечатанную въ видѣ приложенія къ книгѣ оей—„Основы судебной реформы“.

годъ разошлось 1-е изданіе въ количествѣ 6,000 экземпляровъ. Оно даетъ въ сжатомъ очеркѣ тѣ научныя данныя и гуманно-либеральные принципы, коими руководствовались просвѣщенные составители Судебныхъ Уставовъ. На этомъ изданіи воспитались старшіе поколѣнія новой магистратуры, давшія образцы честнаго и смѣлаго служенія судейскому долгу и введшія впервые въ русскіе суды и общественно-народное сознаніе понятія о законности и о судѣ милостивомъ, правомъ и равномъ для всѣхъ.

V

Вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ настали, въ виду наступившей реакціи, печальные дни какъ для новаго суда, такъ и для главнаго виновника его Заруднаго Смѣнившій Д. Н. Замятнина на посту министра юстиціи К. Н. фонъ-деръ-Паленъ, относившійся враждебно къ основамъ Судебныхъ Уставовъ, приступилъ къ отмѣнѣ ихъ въ административномъ порядкѣ, de facto упразднивъ начало несмѣняемости для судебныхъ слѣдователей и назначая лишь и. д., а затѣмъ сталъ дѣлать попытки къ измѣненію новаго судебнаго законодательства въ порядкѣ законодательномъ. Зарудный, какъ вѣрный стражъ «основныхъ положеній» судебной реформы, оказывалъ возможную оппозицію реакціоннымъ поползновеніямъ новаго министра, представляя, въ качествѣ статсъ-секретаря департамента законовъ, не предусмотрѣнные закономъ, но вошедшіе съ 1862 года въ обычай «соображенія Государственной Канцеляріи». Благодаря авторитету, которымъ пользовался С. И. у членовъ Государственнаго Совѣта, «соображенія его принимались охотно, что еще болѣе усиливало его репутацію, какъ «краснаго», которую онъ имѣлъ наравнѣ съ другими убѣжденными защитниками либеральныхъ реформъ [11]).

[11]) Для всѣхъ этихъ слѣпыхъ и неразумныхъ ревнителей умирающей старины, писалъ Хрущевъ еще въ 1859 г. о нашихъ консерваторахъ-крѣпостникахъ, люди новаго времени, желающіе для отечества разумнаго движенія впередъ представляются какими-то искателями приключеній, себялюбцами, красными, такъ что эти дѣятели мирнаго прогресса уподобляются дѣятелямъ французскаго террора. См. Матеріалы ист. упр. крѣп. права, II, 250.

1-го января 1869 г., зарудный полный силъ и энергіи, былъ отстраненъ отъ законодательныхъ работъ и назначенъ былъ сенаторомъ, incredibile dictu, не въ кассаціонный департаментъ, гдѣ онъ больше, чѣмъ кто-нибудь, имѣлъ права по своему прошлому засѣдать и гдѣ его опытъ и познанія были бы такъ полезны для разумнаго изъясненія Судебныхъ Уставовъ, а въ старый департаментъ, кажется, межевой. Удаленіе Зарудnаго изъ Государственной канцеляріи вызвало сожалѣніе среди многихъ членовъ Государственнаго Совѣта. Въ бумагахъ С. И. сохранились нѣкоторые изъ отзывовъ членовъ Совѣта. Вотъ что они сказали:

«Великій князь *Константинъ Николаевичъ*—что онъ жалѣетъ, что я выхожу, но что я могу быть доволенъ тѣмъ, что много сдѣлалъ для Государственной Канцеляріи и для Совѣта. Судебные Уставы для перваго, а для канцеляріи—ихъ изданіе съ комментаріями; что онъ никогда со мною не ссорился и я оставляю о себѣ самую лучшую память.

Гр. Строгановъ—что онъ жалѣетъ и знаетъ всѣ продѣлки, всѣ интриги; что меня трудно обвинять въ чемъ-либо; что обвиняли меня въ подражаніи иностранныхъ законодательствъ, но и это несправедливо.

Кн. Суворовъ—вы были моею любимою и самою умною привычкою въ Государственномъ Совѣтѣ.

Бахтинъ—я радуюсь за васъ, но признаю, что это несправедливо и вредно для дѣла. Васъ нельзя было устранять отъ судебной реформы.

Кн. Гагаринъ (П. П.): 1) что я самъ болѣе другихъ работалъ надъ уничтоженіемъ стараго сената и попалъ въ его развалины; 2) что когда Сольскій (государ. секр.) взялъ на себя обязанности статсъ-секретаря, а баронъ Корфъ—обязанности государственнаго секретаря, то я принялъ на себя *произвольно* [12]) обязанности предсѣдателя департамента законовъ [13]).

Страхъ передъ авторитетомъ Зарудnаго былъ такъ силенъ,

---

[12]) Намекъ на то исключительно авторитетное положеніе, которое занималъ С. И. Зарудный въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ въ должности простого статсъ-секретаря департ-а законовъ, сдерживалъ реакціонныя попытки министерства юстиціи гр. Палена въ 67—68 гг.

[13]) См. в. т. Сборника Правовѣдѣнія.

что онъ до конца жизни такъ и не получилъ возможности участвовать въ дѣятельности высшаго регулятора новаго суда, въ созиданіи котораго онъ принималъ такое горячее и плодотворное вліяніе.

Но любя великое дѣло гласнаго суда, Зарудный не могъ удержаться отъ желанія хоть косвеннымъ путемъ проникнуть въ храмъ новаго суда, куда новые руководители его преграждали ему путь. Онъ баллотировался въ почетные мировые судьи въ Купянскомъ уѣздѣ по мѣсту нахожденія своего родоваго имѣнія. Здѣсь онъ проводилъ обыкновенно лѣтнія каникулы. Любя природу, предаваясь наслѣдственной страсти къ цвѣтоводству, здѣсь опальный С. И. на лонѣ матери-природы находилъ утѣшенія отъ постигшихъ его невзгодъ и только ей одной ввѣрялъ свои справедливыя сѣтованія на неблагодарность людскую:

Земля! Что жъ такъ влекутъ меня стремленья думъ
И сердца пылъ къ тебѣ? Не знаю... Оттого ли,
Что отъ меня далекъ тревожный жизни шумъ?
Иль правды я ищу? Иль я усталъ отъ боли
Разрушенныхъ надеждъ, оплаканныхъ потерь?
Иль твой къ покою зовъ мнѣ слышится теперь?

Во время лѣтнихъ своихъ пріѣздовъ С. И. аккуратно посѣщалъ засѣданія купянскаго съѣзда.

Съ отправленіемъ обязанностей этого званія связано воспоминаніе о послѣднемъ изъ огорченій, которыми такъ богата была жизнь Зарудnаго. Сенатъ разослалъ 6-го іюня 1886 г. извѣстный циркуляръ мировымъ съѣздамъ, въ которомъ, ссылаясь на случаи нерадѣнія со стороны мировыхъ судей (неназначеніе ни одного засѣданія въ теченіе года и т. п.), предписывалъ съѣздамъ требовать отъ судей ежемѣсячныхъ отчетовъ и пересылать ихъ въ сенатъ. Многихъ изумилъ этотъ циркуляръ, ронявшій достоинство мироваго института и едва ли согласный съ закономъ, но изъ 6000 мировыхъ судей одинъ Зарудный поднялъ голосъ противъ мѣры, которую считалъ произвольною. Онъ вошелъ въ купянскій мировой съѣздъ съ предложеніемъ пріостановиться приведеніемъ въ исполненіе указа и донести сенату о неудобствахъ его, согласно ст. 76 Основ. Зак. Въ своемъ подробно мотивированномъ предложеніи Зарудный, между

прочимъ, заявлялъ, что «судебная администрація обязана была указать на отдѣльные случаи нерадѣнія, но не имѣла права циркулярно приписывать всѣмъ мировымъ судьямъ совершенно единичныя явленія, не имѣющія ничего сродственнаго съ общимъ направленіемъ мировыхъ съѣздовъ, и налагать несвойственныя ихъ занятіямъ обязанности». Купянскій мировой съѣздъ принялъ предложеніе С. И. Сенатъ (по соединенному присутствію 1-го и касс. департ.), не разсматривая вопроса по существу и не имѣя возможности наказать своего сочлена, сдѣлалъ купянскому съѣзду in corpore замѣчаніе, всю горечь котораго долженъ былъ испытать, не задолго до своей смерти, одинъ Зарудный.

Въ свой невольный досугъ съ 1869 г. Зарудный издалъ: сравнительно-юридическое изслѣдованіе «Гражданское Уложеніе Италіянскаго Королевства и Русскіе гражданскіе законы», въ 1870 г. «Торговое Уложеніе Итальянскаго Королевства и Русскіе торговые законы». Въ 1873 г. онъ составилъ для перваго съѣзда русскихъ юристовъ рефератъ: «О необходимости полнаго изданія Гражд. Законовъ въ 1857 г. и согласованіе ихъ со всѣми послѣдующими узаконеніями», что было выполненно только въ 1888 г. Въ 1879 г. онъ издалъ переводъ книги Беккаріа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», съ интересными сближеніями съ русскимъ законодательствомъ и характерными юридико-общественными примѣчаніями. Послѣдніе годы С. И. работалъ надъ переводомъ *Ада* Данте, который успѣлъ выпустить съ обширными комментаріями не задолго до смерти. Въ 1886 г. Зарудный былъ выбранъ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ въ число своихъ почетныхъ членовъ. Этотъ знакъ вниманія чрезвычайно тронулъ доблестнаго ветерана судебной реформы, давно всѣми забытаго.

Ища облегченія своимъ недугамъ, нажитымъ въ стѣнахъ холоднаго мрачнаго Петербурга, подъ лучами южнаго солнца, Зарудный умеръ на пути въ Ниццу, гдѣ онъ, подобно Герцену, нашелъ у свѣтлаго лазурнаго моря, упокоеніе отъ жизни, полной славныхъ дѣлъ и неизбѣжныхъ съ ними страданій:

Законность, правосудіе, честь
И вольности святое пламя...
Вѣдь кто несетъ такое знамя,
Тотъ обреченъ и крестъ свой несть.

годъ разошлось 1-е изданіе въ количествѣ 6,000 экземпляровъ. Оно даетъ въ сжатомъ очеркѣ тѣ научныя данныя и гуманно-либеральные принципы, коими руководствовались просвѣщенные составители Судебныхъ Уставовъ. На этомъ изданіи воспитались старшіе поколѣнія новой магистратуры, давшія образцы честнаго и смѣлаго служенія судейскому долгу и введшія впервые въ русскіе суды и общественно-народное сознаніе понятія о законности и о судѣ милостивомъ, правомъ и равномъ для всѣхъ.

V

Вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ настали, въ виду наступившей реакціи, печальные дни какъ для новаго суда, такъ и для главнаго виновника его Заруднаго Смѣнившій Д. Н. Замятнина на посту министра юстиціи К. Н. фонъ-деръ-Паленъ, относившійся враждебно къ основамъ Судебныхъ Уставовъ, приступилъ къ отмѣнѣ ихъ въ административномъ порядкѣ, de facto упразднивъ начало несмѣняемости для судебныхъ слѣдователей и назначая лишь и. д., а затѣмъ сталъ дѣлать попытки къ измѣненію новаго судебнаго законодательства въ порядкѣ законодательномъ. Зарудный, какъ вѣрный стражъ «основныхъ положеній» судебной реформы, оказывалъ возможную оппозицію реакціоннымъ поползновеніямъ новаго министра, представляя, въ качествѣ статсъ-секретаря департамента законовъ, не предусмотрѣнные закономъ, но вошедшіе съ 1862 года въ обычай «соображенія Государственной Канцеляріи». Благодаря авторитету, которымъ пользовался С. И. у членовъ Государственнаго Совѣта, «соображенія его принимались охотно, что еще болѣе усиливало его репутацію, какъ «краснаго», которую онъ имѣлъ наравнѣ съ другими убѣжденными защитниками либеральныхъ реформъ [11]).

[11]) Для всѣхъ этихъ слѣпыхъ и неразумныхъ ревнителей умирающей старины, писалъ Хрущевъ еще въ 1859 г. о нашихъ консерваторахъ-крѣпостникахъ, люди новаго времени, желающіе для отечества разумнаго движенія впередъ представляются какими-то искателями приключеній, себялюбцами, красными, такъ что эти дѣятели мирнаго прогресса уподобляются дѣятелямъ французскаго террора. См. Матеріалы ист. упр. крѣп. права, II, 250.

1-го января 1869 г., зарудный полный силъ и энергіи, былъ отстраненъ отъ законодательныхъ работъ и назначенъ былъ сенаторомъ, incredibile dictu, не въ кассаціонный департаментъ, гдѣ онъ больше, чѣмъ кто-нибудь, имѣлъ права по своему прошлому засѣдать и гдѣ его опытъ и познанія были бы такъ полезны для разумнаго изъясненія Судебныхъ Уставовъ, а въ старый департаментъ, кажется, межевой. Удаленіе Зарудnаго изъ Государственной канцеляріи вызвало сожалѣніе среди многихъ членовъ Государственнаго Совѣта. Въ бумагахъ С. И. сохранились нѣкоторые изъ отзывовъ членовъ Совѣта. Вотъ что они сказали:

«Великій князь *Константинъ Николаевичъ*—что онъ жалѣетъ, что я выхожу, но что я могу быть доволенъ тѣмъ, что много сдѣлалъ для Государственной Канцеляріи и для Совѣта. Судебные Уставы для перваго, а для канцеляріи—ихъ изданіе съ комментаріями; что онъ никогда со мною не ссорился и я оставляю о себѣ самую лучшую память.

Гр. Строгановъ—что онъ жалѣетъ и знаетъ всѣ продѣлки, всѣ интриги; что меня трудно обвинять въ чемъ-либо; что обвиняли меня въ подражаніи иностранныхъ законодательствъ, но и это несправедливо.

Кн. Суворовъ—вы были моею любимою и самою умною привычкою въ Государственномъ Совѣтѣ.

Бахтинъ—я радуюсь за васъ, но признаю, что это несправедливо и вредно для дѣла. Васъ нельзя было устранять отъ судебной реформы.

Кн. Гагаринъ (П. П.): 1) что я самъ болѣе другихъ работалъ надъ уничтоженіемъ стараго сената и попалъ въ его развалины; 2) что когда Сольскій (государ. секр.) взялъ на себя обязанности статсъ-секретаря, а баронъ Корфъ—обязанности государственнаго секретаря, то я принялъ на себя *произвольно* [12]) обязанности предсѣдателя департамента законовъ [13]).

Страхъ передъ авторитетомъ Зарудnаго былъ такъ силенъ,

---

[12]) Намекъ на то исключительно авторитетное положеніе, которое занималъ С. И. Зарудный въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ въ должности простого статсъ-секретаря департ-а законовъ, сдерживалъ реакціонныя попытки министерства юстиціи гр. Палена въ 67—68 гг.

[13]) См. н. т. Сборника Правовѣдѣнія.

что онъ до конца жизни такъ и не получилъ возможности участвовать въ дѣятельности высшаго регулятора новаго суда, въ созиданіи котораго онъ принималъ такое горячее и плодотворное вліяніе.

Но любя великое дѣло гласнаго суда, Зарудный не могъ удержаться отъ желанія хоть косвеннымъ путемъ проникнуть въ храмъ новаго суда, куда новые руководители его преграждали ему путь. Онъ баллотировался въ почетные мировые судьи въ Купянскомъ уѣздѣ по мѣсту нахожденія своего родоваго имѣнія. Здѣсь онъ проводилъ обыкновенно лѣтнія каникулы. Любя природу, предаваясь наслѣдственной страсти къ цвѣтоводству, здѣсь опальный С. И. на лонѣ матери-природы находилъ утѣшенія отъ постигшихъ его невзгодъ и только ей одной ввѣрялъ свои справедливыя сѣтованія на неблагодарность людскую:

Земля! Что жъ такъ влекутъ меня стремленья думъ
И сердца пылъ къ тебѣ? Не знаю... Оттого ли,
Что отъ меня далекъ тревожный жизни шумъ?
Иль правды я ищу? Иль я усталъ отъ боли
Разрушенныхъ надеждъ, оплаканныхъ потерь?
Иль твой къ покою зовъ мнѣ слышится теперь?

Во время лѣтнихъ своихъ пріѣздовъ С. И. аккуратно посѣщалъ засѣданія купянскаго съѣзда.

Съ отправленіемъ обязанностей этого званія связано воспоминаніе о послѣднемъ изъ огорченій, которыми такъ богата была жизнь Зарудnаго. Сенатъ разослалъ 6-го іюня 1886 г. извѣстный циркуляръ мировымъ съѣздамъ, въ которомъ, ссылаясь на случаи нерадѣнія со стороны мировыхъ судей (неназначеніе ни одного засѣданія въ теченіе года и т. п.), предписывалъ съѣздамъ требовать отъ судей ежемѣсячныхъ отчетовъ и пересылать ихъ въ сенатъ. Многихъ изумилъ этотъ циркуляръ, ронявшій достоинство мироваго института и едва ли согласный съ закономъ, но изъ 6000 мировыхъ судей одинъ Зарудный поднялъ голосъ противъ мѣры, которую считалъ произвольной. Онъ вошелъ въ купянскій мировой съѣздъ съ предложеніемъ пріостановиться приведеніемъ въ исполненіе указа и донести сенату о неудобствахъ его, согласно ст. 76 Основ. Зак. Въ своемъ подробно мотивированномъ предложеніи Зарудный, между

прочимъ, заявлялъ, что «судебная администрація обязана была указать на отдѣльные случаи нерадѣнія, но не имѣла права циркулярно приписывать всѣмъ мировымъ судьямъ совершенно единичныя явленія, не имѣющія ничего сродственнаго съ общимъ направленіемъ мировыхъ съѣздовъ, и налагать несвойственныя ихъ занятіямъ обязанности». Купянскій мировой съѣздъ принялъ предложеніе С. И. Сенатъ (по соединенному присутствію 1-го и касс. департ.), не разсматривая вопроса по существу и не имѣя возможности наказать своего сочлена, сдѣлалъ купянскому съѣзду in corpore замѣчаніе, всю горечь котораго долженъ былъ испытать, не задолго до своей смерти, одинъ Зарудный.

Въ свой невольный досугъ съ 1869 г. Зарудный издалъ: сравнительно-юридическое изслѣдованіе «Гражданское Уложеніе Италіянскаго Королевства и Русскіе гражданскіе законы», въ 1870 г. «Торговое Уложеніе Итальянскаго Королевства и Русскіе торговые законы». Въ 1873 г. онъ составилъ для перваго съѣзда русскихъ юристовъ рефератъ: «О необходимости полнаго изданія Гражд. Законовъ въ 1857 г. и согласованіе ихъ со всѣми послѣдующими узаконеніями», что было выполненно только въ 1888 г. Въ 1879 г. онъ издалъ переводъ книги Беккаріа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», съ интересными сближеніями съ русскимъ законодательствомъ и характерными юридико-общественными примѣчаніями. Послѣдніе годы С. И. работалъ надъ переводомъ *Ада* Данте, который успѣлъ выпустить съ обширными комментаріями не задолго до смерти. Въ 1886 г. Зарудный былъ выбранъ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ въ число своихъ почетныхъ членовъ. Этотъ знакъ вниманія чрезвычайно тронулъ доблестнаго ветерана судебной реформы, давно всѣми забытаго.

Ища облегченія своимъ недугамъ, нажитымъ въ стѣнахъ холоднаго мрачнаго Петербурга, подъ лучами южнаго солнца, Зарудный умеръ на пути въ Ниццу, гдѣ онъ, подобно Герцену, нашелъ у свѣтлаго лазурнаго моря, упокоеніе отъ жизни, полной славныхъ дѣлъ и неизбѣжныхъ съ ними страданій:

Законность, правосудіе, честь
И вольности святое пламя...
Вѣдь кто несетъ такое знамя,
Тотъ обреченъ и крестъ свой несть.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Сподвижникъ Царя-Освободителя великій князь Константинъ Николаевичъ

† 13 января 1892 года.

Ничего не можетъ быть выше на землѣ, какъ царь или сынъ царя, достойный имени человѣка.

Изъ письма Жуковскаго.

Comment? la liberté déchaîne ses colères,
Partout, contre l'effort des erreurs séculaires,
La Vérité combat pour s'ouvrir un chemin;
Et je ne prendrai pas parti dans ce grand drame?

L. Ackermann.

I.

Традиціонное чествованіе годовщины дня подписанія освободительной хартіи и тризна по творцамъ ея, ежегодно совершаемые въ Петербургѣ 19-го февраля въ кружкѣ дѣятелей крестьянской реформы, носили въ 1892 году особенно грустный характеръ: не задолго передъ тѣмъ скончался одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей минувшей славной эпохи гуманно-либеральныхъ реформъ—великій князь Константинъ Николаевичъ «*вложившій душу*» въ великое дѣло освобожденія крестьянъ [1]).

Историческія Справки, посвященныя преобразовательной эпохѣ 60-хъ годовъ, не могутъ не отмѣтить признательнымъ словомъ

---

[1]) См. Н. П. Семенова, Освобожденіе крестьянъ. Спб., 1892, т. III, ч. 2, стр. 753.

плодотворную, кипучую дѣятельность того изъ сподвижниковъ Царя-Освободителя, который своимъ отзывчивымъ добрымъ сердцемъ горячо откликнулся на его гуманные запросы и чаянія, и своимъ умѣлымъ, просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и непреклонною энергіею не разъ спасалъ судьбу реформъ, въ особенности крестьянской, въ столь частыя минуты нерѣшительности, колебанія и шатанія мысли въ высшихъ сферахъ.

Будучи богато одаренъ отъ природы [2]), получивъ замѣчательно разностороннее [3]), широкое образованіе, постоянно впослѣдствіи пополняемое, закаливъ съ дѣтства свой характеръ въ аккуратныхъ привычкахъ и твердыхъ принципахъ [4]), обогативъ

---

[2]) См. *Русскую Старину* 1892, № 2, стр. I.

[3]) Необходимость разносторонняго энциклопедическаго образованію для вел. кн., безъ сомнѣнія, была внушена В. А. Жуковскимъ.—Въ *Русскомъ Архивѣ* 1868 г. появилась въ высшей степени любопытная переписка его съ юнымъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Сначала, повидимому, юный корреспондентъ тяготился этою перепискою, которая имѣла характеръ еженедѣльнаго принудительнаго школьнаго упражненія въ русскомъ языкѣ. Но затѣмъ она заняла его, и переписка получила непринужденный, задушевный характеръ. Эта переписка можетъ дать будущему біографу вел. кн. не безъинтересныя данныя для уясненія характера вел. кн. и его политической дѣятельности. — Такъ, въ письмахъ своихъ Жуковскій очень настойчиво рекомендовалъ великому князю пополнять какъ можно больше свое образованіе.

— Великіе князья, пишетъ онъ, должны понимать *свое время*, должны поставить себя на высоту своего вѣка своимъ *всеобъемлющимъ просвѣщеніемъ* (см. письмо отъ 28 окт. 1842). Въ другой разъ онъ, отечески журя великаго князя за легковѣсный отзывъ о Рембрандтѣ (я не судья по этой части, говорилъ съ оттѣнкомъ пренебрежительнаго верхоглядства вел. кн. въ письмѣ своемъ изъ Гааги 1841 г.), Жуковскій внушаетъ своему юному (14-ти лѣтъ) корреспонденту: не пренебрегайте тѣмъ, что облагораживаетъ душу. Искусство нужно вамъ какъ человѣку, нужно какъ царскому сыну, который съ своего высокаго мѣста, самъ доступный любви къ прекрасному, долженъ своимъ вліяніемъ разливать сію любовь и посреди общества (1400 стр., Русск. Арх. 1867).

[4]) Въ письмахъ своихъ Жуковскій постоянно ставилъ на видъ вел. кн., что въ виду предстоящей важной государственной дѣятельности необходимо выработать аккуратность, твердыя привычки, самостоятельное мышленіе, *сильную волю*. «Сильная *воля* — это могущество души, которымъ мы побѣждаемъ наши желанія всякій разъ, когда они противятся нашему долгу, которымъ мы все низкое приносимъ въ жертву высшему;

свой умъ наблюденіемъ иностранныхъ государствъ, въ свои неоднократныя поѣздки [5]), и опытомъ государственнаго управленія [6]), покойный великій князь Константинъ Николаевичъ къ началу новаго царствованія въ лицѣ своемъ являлъ типъ новаго молодаго поколѣнія государственныхъ людей 50-хъ годовъ, хорошо сознававшихъ близость поворота въ судьбахъ Россіи, хотя еще не вполнѣ ясно опредѣлившихъ себѣ содержаніе и пути его. Ясно было для всѣхъ просвѣщенныхъ людей, способныхъ понимать смыслъ и значеніе пережитаго грознаго урока, одно: это невозможность сохраненія statu quo ante; необходимость измѣненія «курса» государственнаго корабля; своевременность и, стало быть, *необходимость* коренныхъ, всесторонніхъ *реформъ* [7]).

знаніе—это истинное просвѣщеніе ума, который всѣ наши понятія, всѣ наши свѣдѣнія приводитъ къ одному знаменателю, къ одному главному знанію, къ знанію *дома* вообще и къ знанію нашего назначенія въ особенности". Далѣе Жуковскій поясняетъ, что для разумной дѣятельности необходимъ запасъ хорошихъ привычекъ, пріобрѣтаемыхъ путемъ постепеннаго самонаблюденія и самоусовершенствованія; привычки дѣйствовать собственнымъ *умомъ* (относительно пріобрѣтенія знаній) и собственною *волею* (относительно доброй нравственности) (письмо 29 декабря 1840, Русск. Арх., 1867, стр. 1395).

— Въ числѣ привычекъ, выработанныхъ вел. кн., было веденіе Дневника, который онъ велъ аккуратно въ теченіе 50-лѣтъ, начавъ его въ концѣ 30-хъ годовъ (т. е. лѣтъ 10 — 12) и доведя до 7-го іюля 1889 г., т. е. до кануна дня, когда его сразилъ злой недугъ (параличъ). (Русская Старина, 1892, № 2, стр. IV).

5) Первое морское плаваніе вел. кн. совершилъ въ 1835 г., т. е. восьми лѣтъ. До 1878 г. имъ было совершено до 50-ти плаваній, и въ теченіе ихъ онъ былъ на морѣ 1375 дней, т. е. болѣе $3^1/_2$ лѣтъ (Русск. Стар., тамъ же, стр. V).

6) Съ конца 40-хъ годовъ вел. кн. принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ отрасляхъ морскаго, военнаго, а также общегосударственнаго управленія (тамъ же см. послужной списокъ вел. кн.).

7) Жуковскій, не довольствуясь совѣтами о личномъ самоусовершенствованіи старался внушить вел. кн. правильное отношеніе къ проблемамъ общественной жизни и къ вопросамъ государственной политики. Онъ ему разъясняетъ второстепенность военной славы, смыслъ *прогресса*, *реформъ* и пр.

— Въ наше время, писалъ Жуковскій въ 1845 г., 18-ти лѣтнему юношѣ Константину Николаевичу, мечтавшему о томъ, чтобы прибить Олеговъ щитъ на вратахъ Царьграда (что Жуковскій считалъ не только праздною

Полный силъ и живой энергіи, въ цвѣтѣ лѣтъ (около 30) и въ счастливомъ сознаніи своей способности и готовности работать на общее благо, вел. кн. Константинъ Николаевичъ служитъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ центромъ и источни-

---

но и *вредною* мечтою), нужны не дѣла славы, озаряющія только *немногихъ избранныхъ, а дѣла правды*, Божіей правды, благодѣтельныя для *всѣхъ и каждаго* (1412). (Avis нынѣшнимъ адвокатамъ кастовыхъ интересовъ). Впрочемъ, военныя мечтанія вел. кн. продолжались недолго, и изъ письма Жуковскаго отъ 1848 г. мы узнаемъ, что послѣ венгерской кампаніи, въ которой онъ заслужилъ георгіевскій крестъ, великій князь крайне скептически относится къ войнѣ (стр. 1430). Изъ другихъ писемъ Жуковскаго наиболѣе любопытны тѣ, въ которыхъ онъ развиваетъ свой взглядъ на прогрессъ, *реформы* (въ этотъ взглядъ тоже не мѣшаетъ вникнуть современнымъ защитникамъ застоя и попятнаго движенія).

Говоря о революціи и застоѣ, Жуковскій пишетъ въ 1841 г.: Движеніе—*святое* дѣло; все въ Божіемъ мірѣ *развивается, идетъ впередъ* и не можетъ и не должно стоять. *Неподвижность—смерть* (курс. подл.), непримѣтная, тихая, но все же смерть, производящая только гниль. *Движенье*, развитіе порядка, постоянное, мирное, безъ потрясеній, но *безпрестанное*, есть жизнь. Останавливать движенье или насильственно ускорить его (т. е. въ обоихъ случаяхъ мѣшать жизни), *равно погибельно*. Это равно справедливо и въ жизни частнаго человѣка, и въ жизни народа (стр. 1406). Къ этой же темѣ Жуковскій возвращается въ 1850 г. послѣ революціоннаго движенія 1848 г. въ Германіи. Осуждая это движеніе, Жуковскій осуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и германскія правительства, которыя пренебрегли „вѣчными правилами“ мудраго управленія, и, не сумѣвъ во время дать удовлетворенія нуждамъ, вызвали взрывъ. „Революція, пишетъ Жуковскій, есть безумно губительное усиліе перескочить изъ понедѣльника прямо въ середу. Но и усиліе перескочить изъ понедѣльника *назадъ* въ воскресенье столь же напрасно и столь же можетъ быть губительно. Одно есть революція *впередъ*, другое—революція *назадъ*... Что же совѣтуетъ *теорія*, которая учитъ тому, что надлежитъ *всегда* дѣлать? Она говоритъ: не насильствуй того, чего не можешь пересилить; не швыряй понедѣльника черезъ вторникъ въ середу, но не тащи его и *назадъ въ воскресенье*.—А что говоритъ практика? Практика, согласная съ сестрою своею теоріей, зоркимъ взглядомъ различаетъ ту математическую линію, *перешагнувъ* черезъ которую понедѣльникъ становится вторникомъ, *провозглашаетъ громогласно этотъ переходъ*, и это громогласное провозглашеніе, опредѣляющее дѣйствіе ему соотвѣтственное, т. е. дѣйствіе уже принадлежащее вторнику, а не понедѣльнику, есть *реформа* (к. п.) *во время къ мѣсту, по закону вѣчной правды* (см. письмо 2-го марта 1850 г., Русск. Арх., 1867, стр. 1438).

комъ самыхъ разнообразныхъ начинаній, имѣющихъ цѣлью всесторонне изучить Россію, съ тѣмъ, чтобы обновить ея государственно-общественный бытъ на новыхъ началахъ. Съ первыхъ же мѣсяцевъ новаго царствованія великій князь рѣшается объявить войну всесильной бюрократической рутинѣ съ его форменною и оффиціальною *ложью*. Для того, чтобы уяснить себѣ истинное положеніе дѣла, онъ рѣшается на шагъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ русской бюрократіи, отдѣльныя вѣдомства коей всегда представляли тщательно огороженные, часто взаимно враждующіе и всегда взаимно ревнующіе укрѣпленные лагери. Уже въ мартѣ 1855 г. великій князь требуетъ изъ *чужаго* вѣдомства, изъ министерства народнаго просвѣщенія профессоровъ университета для обревизованія *своихъ* морскихъ училищъ [8]). Нужно принять во вниманіе, помимо указанной междуусобной войны между разными вѣдомствами, еще и то презрительное отношеніе военныхъ, представителей силы, къ представителямъ ума, науки и вообще гражданскому вѣдомству, которое составляло характеристическую черту николаевскаго режима, чтобы оцѣнить все глубокое значеіне этой «революціонной мѣры». — Затѣмъ въ декабрѣ 1855 г. появляется знаменитый приказъ великаго князя Константина Николаевича, въ которомъ онъ съ отвагою юнаго Геркулеса мечтаетъ очистить конюшни Авгіаса: онъ бросаетъ въ лицо старому бюрократическому строю обвиненіе въ систематической фальсификаціи истины и требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы они въ отчетахъ своихъ: *не лгали*, увѣряя по обыкновенію, что все обстоитъ благополучно [9]). — Легко представить себѣ, — нѣтъ, впрочемъ, не легко представить себѣ! — переполохъ, произведенный этимъ неожиданнымъ, но сильнымъ ударомъ коло-

---

[8]) См. Днев. Никитенко II, 4, и Днев. Валуева въ Русск. Стар. 1891 V, 355.

[9]) Ссылаясь на записку Валуева, гдѣ говорилось, что тогдашнее бѣдственное положеніе Россіи вызвано оффиціальною ложью, в. к. указывалъ, что „въ будущихъ отчетахъ онъ требуетъ не похвалы, а истины, а въ особенности откровеннаго изложенія недостатковъ управленія и сдѣланныхъ ошибокъ и что тѣ отчеты, въ которыхъ будетъ нужно читать *между строкъ*, будутъ возвращены съ большою *гласностью*". (Рус. Стар., 1891, № 5, стр. 359)

кола, раздавшимся изъ морскаго вѣдомства, и съ одной стороны ошеломившимъ цѣпкихъ представителей старой системы, а съ другой, освѣжившимъ, какъ свѣжее и оживляющее дуновеніе съ моря, обѣщая очистить застоявшуюся, загнившую атмосферу правящихъ сферъ [10])... Морское вѣдомство,—которому по роду своей спеціальности не было дотолѣ никакого дѣла до «постоянныхъ вѣдомствъ» и до котораго тоже не было никому дѣла изъ лицъ другихъ вѣдомствъ,— дѣлается съ половины 50-хъ годовъ средоточіемъ разнообразной кипучей дѣятельности, живо заинтересовавшей все мыслящее русское общество. Начиная отъ этнографическихъ экспедицій для изученія разныхъ мѣстностей Россіи (при участіи такихъ писателей, какъ Писемскій, Григоровичъ, Гончаровъ и др.) и кончая вопросами гласнаго судопроизводства [11]) и отмѣны тѣлесныхъ наказаній (и это замѣтьте, въ вѣдомствѣ, гдѣ необходимость безчеловѣчныхъ наказаній, ради поддержанія дисциплины, почти вездѣ признавалась неопровер-

---

[10]) Приказъ в. к. Константина Николаевича, пишетъ Никитенко, производитъ большой шумъ въ городѣ. Министрамъ и всѣмъ подающимъ отчеты, приказъ очень не нравится. Въ сущности же это прекрасное дѣло. Многимъ (гр. Панину и др.) вообще не нравится, что начинаютъ подумывать о гласности и объ общественномъ мнѣніи. (Тамъ же, 26 и Дневникъ Валуева въ Русс. Стар. 1891, май, 345).

[11]) Энергичнымъ сотрудникомъ в. к. по военно-судебной реформѣ былъ П. Н. Глѣбовъ; въ концѣ 50-хъ годовъ онъ помѣстилъ въ *Морскомъ Сборникѣ* рядъ статей о гласности, состязательности и пр. предметахъ раціональнаго судопроизводства, за защиту которыхъ въ то время еще можно было прослыть сумасшедшимъ или политическимъ преступникомъ (см. Дневникъ Никитенко, II, 352). — Газеты наши, пишетъ Валуевъ, живутъ только перепечатками изъ *Морскаго Сборника*. (Русс. Стар. 1891, № 5, стр. 341). — Въ видахъ улучшенія *Морскаго Сборника* в. к. разослалъ циркуляръ, въ которомъ назначалъ щедрую премію за статьи, написанныя *смѣло и сильно* съ цѣлью: а) опорочить и осмѣять недостатки, существующіе между моряками (система лжи, самовосхваленіе, образъ взгляда на казенное имущество, разсчеты съ углемъ, дровами, система наказаній и обращенія съ нижними чинами); b) изъясненія правильнаго пониманія нѣкоторыхъ предметовъ (взглядъ на награды, на товарищескія отношенія). Желательно бы колкой насмѣшкой порицать зло, добавляетъ в. к., бывшій впослѣдствіи почитателемъ сатиръ Щедрина, и хвалить добро умно, а не приторно. (Русс. Старина, 1891 г., май. 360).

[illegible] и даже вопросами раціональной педагогики— [illegible] морское вѣдомство, имѣющее во главѣ живаго, [illegible] энциклопедиста и гуманиста, великаго князя Константина [illegible]. Журналъ морскаго министерства—*Морской Сборникъ* [illegible] благодаря А. В. Головнину, однимъ изъ самыхъ живыхъ и [illegible] органовъ печати (достаточно напомнить знаменитыя статьи А. И. Пирогова «Вопросы жизни», впервые поставившія [illegible] на почву гуманитарную и сдѣлавшія брешь въ [illegible] школѣ профессіональной муштровки), а само [illegible] [12]), гдѣ спасаются всѣ люди независимаго [illegible] самодурства самовластныхъ бюрократовъ стараго [illegible] родѣ гр. Панина [13]), либо многочисленныя жертвы [illegible] патріархально свирѣпствовавшихъ предста[illegible] «властной руки» въ родѣ Бибикова [14]), Клейнмихеля

[illegible] статью сенатора А. Ѳ. Кони „Новые мѣхи и новое вино" въ [illegible] *Недѣли* за 1892 г., стр. 28).

[illegible] Характеристику гр. Панина см. выше, гл. I, § 2.

[illegible] Привѣтствуя съ восторгомъ увольненіе „великихъ государственныхъ мужей старой школы" министровъ Бибикова и Клейнмихеля, цензоръ Никитенко замѣчаетъ, что первый могъ бы быть развѣ хорошимъ [illegible]маіоромъ, а второй смотрителемъ тюрьмы. Ихъ систему *рѣшительнымъ* (кур. подл.) Никитенко характеризуетъ словами сказки: „а нашъ богатырь, что медвѣдь въ лѣсу—гнетъ дуги, не паритъ, сломитъ—не тужитъ (см. Днев. II, 19). Отставка Бибикова послѣдовала 20 августа 1855 г., т. е. на другой день по окончаніи 6-ти мѣсячнаго траура (См. Дневникъ П. А. Валуева въ Русской Старинѣ 1891, № 4, стр. 181). Удаленіе Клейнмихеля Валуевъ привѣтствуетъ, какъ внутреннюю побѣду (тамъ же, № 5, стр. 340).

Въ *Историч. Вѣстникѣ* напечатаны воспоминанія путейскаго офицера, показывающія, до чего могъ доходить въ своемъ дикомъ самовластіи этотъ „бичъ Божій, Атилла всего инженернаго корпуса". неумолимо злобный. графъ Клейнмихель". Николай I, сильно разсердившись на путейскаго молодаго офицера, который ночью, не узнавъ Государя, толкнулъ его нечаянно, потомъ простилъ его, сказавъ: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Клейнмихель, ты не помышляй съ него взыскивать, такъ какъ я простилъ его! А ты теперь можешь идти домой, съ Богомъ!" На этомъ однако дѣло не окончилось и по пословицѣ: „милуетъ царь, да не милуетъ псарь", офицера ждала жестокая расправа со стороны Клейнмихеля. „Рано утромъ, пишетъ онъ, мой сладкій сонъ былъ внезапно нарушенъ стукомъ двери въ мою комнату. Я открылъ глаза и увидѣлъ предъ со-

и Муравьева. Словомъ, морское вѣдомство, руководимое вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, этимъ «le plus libéral et le plus éclairé prince de l'empire», какъ достойно величаетъ его знаменитый французскій публицистъ Лероа-Болье [15]), сдѣлалось настоящимъ разсадникомъ или главнымъ штабомъ всего того преобразовательнаго движенія 60-хъ годовъ, которое привело къ реформамъ, «составляющимъ, какъ гласилъ рескриптъ на имя кн. А. М. Горчакова, гордость нашу и славу минувшаго царствованія».

II.

Но особенное для исторіи русской культуры значеніе имѣетъ дѣятельное и рѣшительное участіе великаго князя Константина Николаевича въ величайшей изъ реформъ нынѣшняго столѣтія [16])—въ крестьянской. Незабвенныя, исключительныя заслуги покойнаго великаго князя были оффиціально признаны еще въ 1861 г. въ знаменитомъ рескриптѣ, данномъ въ одинъ день съ подписаніемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

„Подписавъ сегодня манифестъ о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, Я и *по влеченію сердца, и по долгу моему*,—писалъ Александръ II,—желаю въ этотъ самый *достопамятный для Россіи* [17]) день изъявить Вамъ мою живѣйшую и глубокую признательность за точное, скорое, вполнѣ моей волѣ и моимъ ожиданіямъ соотвѣтствующее окончаніе сего важнаго государственнаго дѣла. Съ самаго назначенія Вашего 15-го іюля 1857 г. членомъ Коми-

---

бою свирѣпую фигуру жандарма. Восемь дней и ночей безъ малѣйшаго отдыха мчалъ меня жандармъ, пока не передалъ кавказскому начальству при конвертѣ изъ штаба путей сообщенія. Въ немъ, въ этомъ конвертѣ, оказалось строжайшее предписаніе, за собственноручною подписью Клейнмихеля, меня, Ясинскаго, „за политическую неблагонадежность *припрятать на Кавказѣ и ни подъ какимъ видомъ и никогда отсюда не выпускать ни въ отпускъ, ни въ отставку*“. (Истор. Вѣстн. 1893, май).

[15]) См. Leroy-Beaulieu — Un homme d'état russe (N. Milutine) Paris 1884, стр. 159.

[16]) См. тамъ же, 29.

[17]) Выраженіе „*день достопамятный для Россіи*“, вѣроятно, было поставлено вмѣсто слова „радостный“, которое значилось въ первоначальномъ проектѣ манифеста и которое было вычеркнуто, по предложенію митрополита Филарета (см. главу I, § 3).

тета, учрежденнаго для предпринятаго преобразованія, Вы принимали дѣятельное участіе во всѣхъ онаго дѣйствіяхъ и по окончаніи въ октябрѣ [illegible] года состоявшимся при семъ Комитетѣ Редакціонными Коммиссіями порученныхъ имъ работъ, призывая главный Комитетъ къ подробному предстоящимъ имъ проектовъ разсмотрѣнію, Я, по особому къ Вамъ довѣрію, назначилъ Ваше Высочество предсѣдателемъ въ семъ Комитетѣ. Вы вполнѣ оправдали сіе довѣріе. Глубоко и тщательно изучивъ все, относящееся къ важнымъ, разнообразнымъ вопросамъ, Вы съ *пламеннымъ ко благу общему усердіемъ* посвящали ежедневно трудамъ въ Главномъ Комитетѣ всѣ Ваши усилія, все Ваше время, и *безъ сомнѣнія благодаря Вамъ*, подробное разсмотрѣніе сего обширнаго дѣла во всѣхъ его частяхъ и составленіе нѣсколькихъ Положеній приведены къ окончанію въ назначенное время».

Искренній, сердечный тонъ этого документа уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, что тутъ мы дѣло имѣемъ не съ одной изъ тѣхъ оффиціальныхъ условностей, fable convenue или pia fraus, которыми, по разнымъ соображеніямъ, иногда прикрашивается оффиціальная версія государственныхъ событій [18]), и противъ которыхъ первый возсталъ бы самъ адресатъ, горячій изобличитель «оффиціальной лжи». Пылкій по темпераменту, горячій [19]), по справедливому замѣчанію одного изъ ближайшихъ свидѣтелей дѣла освобожденія, вел. кн. Константинъ Николаевичъ вложилъ въ это великое дѣло *всю свою душу* и былъ ревностнѣйшимъ помощникомъ Александру II въ осуществленіи его воли [20]).

[18]) Удалившемуся по болѣзни первому предсѣдателю Главнаго Комитета кн. Орлову, завзятому крѣпостнику, также была выражена въ рескриптѣ за *услуги*, оказанныя освобожденію крестьянъ, оффиціальная благодарность, имѣвшая характеръ ироніи. (См. Матеріалы для истор. упразд. крѣп. сост. III, 150).

[19]) Горячій, какъ человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, вел. кн. умѣлъ однако, когда требовали обстоятельства, сдерживать свою горячность. «Въ началѣ своего служенія на посту предсѣдателя государственнаго совѣта, писалъ покойный М. И. Семевскій, служившій подъ начальствомъ вел. кн., пылкость и страстность характера великаго князя нѣсколько порывисто прорывались, но съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ собою и былъ на высотѣ своего положенія, быстро усвоивая суть обсуждавшихся вопросовъ, сглаживая оттѣнки разномыслія и приводя собраніе къ единогласному рѣшенію (Русская Старина, 1892, № 3, стр. III).

[20]) См. н. с. Семенова, III, 753.

И тутъ нѣтъ и тѣни преувеличенія!

Сочувствуя по человѣчеству горькой долѣ милліоновъ обездоленныхъ крестьянъ, лишенныхъ правъ человѣческой личности, и признавая своевременность, стало быть, и необходимость освобожденія крестьянъ, съ точки зрѣнія государственнаго блага, Константинъ Николаевичъ отдался этой благородной, но трудной и опасной (опасной даже при его высокомъ общественномъ положеніи) проблемѣ со всѣмъ жаромъ теплаго человѣческаго сочувствія и съ неуклонною настойчивостью закаленнаго и просвѣщеннаго государственнаго человѣка. Предпочитая «безопасному бездѣлью», inertiae dulcedo [21]), всѣ трудности и опасности общественнаго борца за правое дѣло, вел. кн. покинулъ холодныя сферы полуравнодушнаго, оффиціальнаго безстрастія, не рѣдко прельщающія своею безмятежностью лѣнивыя натуры и далеко не такого высокаго происхожденія. Не имѣя ничего общаго съ этими равнодушными къ общественному благу людьми— (по поводу которыхъ Апокалипсисъ говоритъ: поелику ты теплъ, а не горячъ, и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ моихъ),—знаменитый поборникъ народной свободы съ самаго начала [22]) крестьянской реформы открыто, грудью сталъ за свободу, давая отпоръ властнымъ врагамъ ея, и не рѣдко для защиты ея лично вмѣшивался въ самыя ожесточенныя боевыя схватки, происходившія около этой великой реформы, испытывая и огорченія, и радости, выпадающія въ удѣлъ всѣмъ благороднымъ бойцамъ за свободу.

Одно время, послѣ смерти перваго предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи Я. И. Ростовцева, циркулировало предположеніе назначить на его мѣсто вел. кн. Константина Николаевича

---

[21]) Taciti Vita Agricolae, III.

[22]) Весьма естественно было императору Александру II, говорилъ недавно бывшій секретарь Редакціонной Коммиссіи сенаторъ П. П. Семеновъ въ рѣчи, посвященной памяти вел. кн. Константина Николаевича, искать не только утѣшенія, но и нравственной поддержки внѣ Комитета (враждебнаго реформѣ) и въ особенности въ своей семьѣ, въ которой онъ нашелъ двухъ горячихъ и *безбоязненныхъ* сторонниковъ освобожденія крестьянъ. Это были великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна» (Русск. Старина 1892, № 3. Рѣчь сен. Семенова, на 31-й годовщинѣ «19 февраля». стр. 814).

Мысль эта была оставлена въ тѣхъ видахъ, дабы не сдѣлать члена императорской фамиліи мишенью тѣхъ безчисленныхъ злостныхъ клеветъ и враждебныхъ демонстрацій, на которыя были такъ щедры жадные крѣпостники по отношенію къ своимъ противникамъ [23]). Тщетная предосторожность! Покойный вел. кн. Константинъ Николаевичъ слишкомъ много и слишкомъ горячо поработалъ для народной свободы, чтобы его могли миновать тернія, неизбѣжныя при исполненіи такой благородной, человѣчной миссіи...

До іюля 1857 г. великій князь не принималъ оффиціальнаго участья въ Секретномъ Комитетѣ, вѣдавшемъ крестьянскій вопросъ, хотя и былъ посвященъ въ тайну императоромъ Александромъ II, котораго онъ горячо поддерживалъ въ его благородномъ начинаніи, вмѣстѣ съ великою княгинею Еленою Павловною. Но, какъ извѣстно, мысль государя объ освобожденіи была встрѣчена крайне враждебно со стороны приближенныхъ Государя и всѣхъ высшихъ придворныхъ сановниковъ, а также большинства членовъ Секретнаго Комитета и Государственнаго Совѣта:

Намъ рано, рано! въ злобѣ страстной,
Кричалъ испуганъ барства цвѣтъ.

Всякій разъ какъ темныя силы,—дружному и искусному натиску коихъ долженъ былъ уступить самъ Николай I [24])—дѣлали отчаянныя попытки, чтобъ остановить поступательное движеніе, начавшееся съ новымъ царствованіемъ, чтобы поколебать рѣшимость Царя объявить волю: всякій разъ, какъ у мягкаго Монарха подъ дѣйствіемъ окружающей, враждебной свободѣ, среды, являлись колебанія и вырывался скорбный возгласъ: «елоі, елоі!...» [25]), отъ котораго не застрахованы самые могущественные владыки земные, в. к. Константинъ Николаевичъ былъ тутъ-какъ-тутъ, чтобы, сильнымъ доводомъ ума, укрѣпить

---

23) Тамъ же, стр. 818.

24) См. главу I, стр. 6—7.

25) Я даже отъ самыхъ близкихъ мнѣ людей, съ грустью говаривалъ Александръ II Я. И. Ростовцеву, слышу *только упреки и сѣтованія* за то, что началъ это дѣло освобожденія.—См. брошюру г. Еленева Первыя шаги освобожденія крестьянъ, 59.

колеблющуюся волю, чтобы дружескимъ участіемъ успокоить мнительность, несокрушимою вѣрою въ силу добра разсѣять внушаемое старыми бюрократами недовѣріе къ свободѣ, народу, къ печати и вообще свободному общественному развитію...

Въ теченіе полугода Секретный Комитетъ ничего путнаго не сдѣлалъ и, очевидно, разсчитывалъ похоронить крестьянскій вопросъ, какъ и шесть прежнихъ подобныхъ комитетовъ, существовавшихъ при Николаѣ I [26]). Вернувшись изъ за-граничной поѣздки, Александръ II, поддержанный въ своемъ намѣреніи дать свободу королемъ прусскимъ Вильгельмомъ и бароном Гастгаузеномъ [27]), остался недоволенъ, узнавъ «о политикѣ» Секретнаго Комитета. Въ видахъ внесенія въ дѣятельность его свѣжей струи, въ іюлѣ 1857 г. былъ назначенъ членомъ его вел. кн. Константинъ Николаевичъ, который и не замедлилъ поставить ребромъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права передъ озадаченными и испуганными сановниками, разсчитывавшими покончить съ вопросомъ измором. 15, 16, 17 августа 1857 г. вел. кн. имѣлъ горячія стычки съ защитниками крѣпостнаго права, но они остались въ большинствѣ. Впрочемъ, рѣшено было сдѣлать ничтожный шагъ впередъ: приступить къ *собранію данныхъ для улучшенія быта* крестьянъ; объ освобожденіи крестьянъ никто еще не смѣлъ оффиціально заикнуться. Вѣря въ великое значеніе печати [28]) и об-

---

[26]) Боясь рѣшительныхъ мѣръ и несочувствуя реформѣ, сановники по обыкновенію прикрывались необходимостью осмотрительности и осторожности въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ. См. н. рѣчь сен. Семенова, стр. 814.

[27]) См. н. Матеріалы I, 127.

[28]) Вел. кн. Константинъ Николаевичъ всегда стоялъ за необходимость предоставленія печати широкой свободы. «Это былъ, по замѣчанію историка Семевскаго, государственный мужъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, признававшій необходимость возможно болѣе *широкой свободы* печати и права обсужденія общественной и государственной дѣятельности всѣхъ и каждаго. Убѣжденіе это сохранено было великимъ княземъ во всю его жизнь, и оно было до того *сильно*, добавляетъ Семевскій, что его не поколебали даже и тѣ нападки и обвиненія, которыя сыпались на него въ русской печати, напр., во время польской смуты изъ обоихъ лагерей». (Русская Стар., 1892, № 2).—Чтобы оцѣнить такое разумное, достойное истиннаго джентльмена и государственнаго человѣка, отношеніе даже къ

щественнаго мнѣнія, — не даромъ писалъ тогда Катковъ, «что общественное мнѣніе есть великая сила нашего времени», — вел. кн. Константинъ Николаевичъ сдѣлалъ было попытку внести *гласность* въ обсужденіе крестьянскаго вопроса [29]) и тѣмъ сразу поставить его, — какъ и сдѣлано было нѣсколько позже, — на твер-

---

такимъ литературнымъ противникамъ, каковъ былъ извѣстный московскій маніакъ-публицистъ Катковъ (ср. Дневникъ Никитенко, II, 399), достаточно припомнить, какъ другіе расправлялись съ своими литературными врагами; достаточно припомнить исторію съ *Голосомъ*, прекращеннымъ гр. Д. А. Толстымъ, удаленіе котораго въ 1880 г. тотъ имѣлъ неосторожность привѣтствовать какъ *третье* освобожденіе совершенное Александромъ II—послѣ освобожденія крестьянъ и болгаръ.

[29]) См. н. Матеріалы I, 135. Начальникъ III отдѣленія кн. В. А. Долгоруковъ, само собою разумѣется, былъ естественнымъ противникомъ гласности. Поэтъ Тютчевъ по этому поводу съострилъ, что кн. Долгоруковъ не прочь бы даже и страшный судъ произвести при закрытыхъ дверяхъ (н, с. Лероа-Больё, 155 прим.). Изъ другихъ представителей партіи крѣпостниковъ особенно ратовали противъ гласности кн. Меншиковъ, тотъ самый, который проектировалъ освобожденіе крестьянъ растянуть на 70 лѣтъ. По словамъ князя, съ допущеніемъ гласности въ журналахъ будутъ писать не помѣщики, а *профессора и студенты*, и ничего добраго изъ этого не выйдетъ, а будетъ одно только зло (см. н. Матеріалы II, 134).

— „*Тайна* была нужна и страшна,—пишетъ въ Запискахъ своихъ А. И. Левшинъ, ближайшій помощникъ министра внутреннихъ дѣлъ при Ланскомъ,—при самомъ приступѣ къ крестьянской реформѣ, потому что боялись преждевременнаго открытія ея милліонамъ крѣпостныхъ людей; къ тому же въ понятіяхъ наибольшей части пожилыхъ людей, не исключая многихъ членовъ высшаго правительства, освобожденіе крестьянъ должно было неминуемо вызвать кровопролитіе и требованіе политической свободы. Послѣ этого легко себѣ представить, — говоритъ Левшинъ,—что рѣчь Государя московскимъ предводителямъ 1856 г. (о неизбѣжности освобожденія по требованіямъ вѣка) была громовымъ ударомъ для большинства публики и свѣтовымъ лучемъ надежды для немногихъ". И въ первое время (весною 1858 г.) необходимость тайны была доведена почти до смѣшнаго. Весь матеріалъ по крестьянскому вопросу находился въ рукахъ товарища министра Левшина, который держалъ его въ заперти за собственнымъ ключемъ. Для переписки онъ пригласилъ одного только писца Ѳедорова, замѣчательнаго, какъ передастъ Левшинъ, *по молчаливости и меланхоліи* своей". См. Достопамятныя минуты въ моей жизни. Записки А. И. Левшина, *Русскій Архивъ*, 1885. № 8, стр. 476.

ую почву [30]). Но попытка встрѣтила рѣшительный отпоръ со-
стороны большинства Секретнаго Комитета, которое усмотрѣло
въ такомъ необычайномъ шагѣ революціонную мѣру [31]).

Великая жизненная реформа рисковала быть отложенною въ
олгій ящикъ и завязнуть въ стадіи безплоднаго бюрократическаго
ережевыванія вопроса, т. е. собиранія все новыхъ и новыхъ
анныхъ, если бы не «внушенный» адресъ литовскаго дворян-
тва, давшій спасительный толчекъ дѣлу. По мѣткому замѣчанію
звѣстнаго дѣятеля крестьянской реформы П. П. Семенова, адресы
ти послужили рычагомъ [32]), давшимъ возможность вывести кре-
стьянскій вопросъ изъ летаргическаго состоянія. Подъ вліяніемъ
орячихъ сторонниковъ освобожденія, Секретному Комитету пове-
лѣно было въ кратчайшій срокъ обсудить заявленіе литовскаго дво-

---

[30]) Только благодаря гласности, правительство дѣлало, по мнѣнію Ми-
лютина, рѣшительный шагъ, связывавшій его самого. См. н. с. Лероа-
Больё, 14.

[31]) См. Матеріалы, I, 137.

— О допущеніи гласности въ Запискѣ Левшина находимъ слѣдующія
подробности. Въ концѣ 1857 на большомъ придворномъ *балу* Левшинъ за-
явилъ Государю, что для уясненія подробностей дѣла не достаетъ свѣ-
дѣній и что въ этомъ нужно содѣйствіе публики и литературы. Въ этихъ
видахъ онъ предлагалъ открытіе въ оффиціальныхъ правительственныхъ
журналахъ разработку крестьянскаго вопроса и для начала самъ предло-
жилъ статью. Государь сдѣлалъ на статьѣ надпись: „совершенно согла-
енъ съ его мнѣніемъ“, хотя и призналъ нѣкоторыя мѣста рѣзкими. Глав-
ый Комитетъ счелъ излишнимъ печатаніе статьи „полагая болѣе удоб-
ымъ оффиціальнымъ путемъ объявлять намѣреніе правительства, нежели
утемъ журнальной статьи“. Но то, что не было принято по моему
нѣнію и представленію, не безъ огорченія вспоминаетъ Левшинъ, то
корѣ допущено было вліяніемъ великаго князя Константина Николае-
ича и окружающихъ его и съ гораздо большею свободною для всѣхъ
езъ исключенія журналовъ. Малаго не хотѣли дать, а многое дали. Это
оказываетъ, какая *шаткость* была въ дѣйствіяхъ правительства *во всѣхъ*
ъйствіяхъ правительства. Впрочетъ, говоря *многое*, я не имѣю цѣлію
осуждать допущенную гласность, а только сказать, что она была до-
пущена безъ послѣдовательности, безъ обдуманнаго плана, *на авось*
подъ вліяніемъ угожденія царскому брату или второпяхъ при выходѣ
изъ засѣданія, когда члены комитета, утомленные несоразмѣрною съ ихъ
силами работою, голодомъ, спѣшили домой къ обѣду“. (См. Записку
Левшина въ Русск. Архивѣ, 1885, № 8, стр. 540).

[32]) Русская Старина 1892, № 3.

рянства, которое изъявило согласіе на освобожденіе крестьянъ, хоть и безъ земли, Даже и это умѣренное предложеніе не было одобрено Секретнымъ Комитетомъ, и только группа великаго князя (Я. И. Ростовцевъ, С. С. Ланской и Д. Н. Блудовъ) стояла за объявленіе оффиціальнаго приступа къ освобожденію крестьянъ. Государь согласился съ мнѣніемъ этой группы, и въ незабвенный день *20 ноября 1857 г.* послѣдовалъ рескриптъ на имя литовскаго дворянства съ разрѣшеніемъ устройства Губернскаго Комитета для составленія проекта «объ улучшеніи устройствѣ быта крестьянъ». Въ дополнительномъ «секретномъ» отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ уже прямо говорилось «объ уничтоженіи крѣпостной зависимости», правда не вдругъ, а постепенно.

Сѣмя было брошено, нужно было обезпечить ему добрый всходъ—приливъ свѣта и тепла!... Видя источникъ его въ гласности, великій князь предложилъ Секретному Комитету необычайно смѣлую, по тогдашнему времени, но счастливую мысль разослать рескриптъ и министерскій «секретный» циркуляръ по всѣмъ губерніямъ. Комитетъ, хотя и неохотно, согласился на эту мѣру. Въ одну ночь, въ знаменитую ночь 21-го ноября, благодаря друзьямъ свободы, особенно знаменитому дѣятелю ея Н. А. Милютину [33]), были отпечатаны рескриптъ и

---

33) По словамъ Лероа-Больё, Милютину принадлежитъ въ разсылкѣ циркуляра главная руководящая роль. См. н. с. Лероа-Больё, стр. 15. прим. 1.

— Циркуляръ этотъ испугалъ меня, пишетъ тогдашній тов. мин. внутр. дѣлъ Левшинъ, ибо, во первыхъ, онъ вызывалъ косвенно все русское дворянство на общее преждевременное движеніе; во вторыхъ, заключалъ въ себѣ *неправду*, которая вовсе не была нужна и, вѣроятно, вкралась отъ поспѣшности. Комитеты Ковенскій, Гродненскій и Виленскій вовсе *не говорили* о неизбѣжности освобожденія, и, слѣдовательно, министръ не могъ сказать въ циркулярѣ на всю Имперію, что тѣ комитеты признали необходимымъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. (См. записку его въ Русскомъ Архивѣ 1885, № 8, стр. 5). Въ противоположность моему мнѣнію, министръ такъ спѣшилъ разсылкою этого циркуляра, что мимо меня послалъ его въ типографію и приказалъ въ теченіе ночи отпечатать. Когда я пріѣхалъ къ нему поутру, всѣ экземпляры были уже готовы, и я, прочитавъ одинъ изъ нихъ не обинуясь, объявилъ, что признаю эту публикацію преждевременною.

циркуляръ, и на другой день, 22-го ноября, циркуляры летѣли уже во всѣ концы Россіи, разнося «секретную» благую вѣсть о предстоящемъ освобожденіи народа. Если это и не была полная гласность, то было нѣчто довольно къ ней близкое.

Вскорѣ встрепенулись и ужаснулись консерваторы, засѣдавшіе въ Секретномъ Комитетѣ, увидѣвъ такое поспѣшное приведеніе въ исполненіе, подъ вліяніемъ «красныхъ», постановленія Комитета. Привыкшіе къ потемкамъ канцелярской тайны, эти государственные мудрецы столько же боялись послѣдствій этого небывалаго шага, сколько и съ гадливымъ скептицизмомъ останавливались предъ такою профанаціею законодательной дѣятельности въ глазахъ profanum vulgus, толпы, какъ бы дѣлавшейся ея свидѣтелемъ, если не участникомъ и контролеромъ. Хранители ветхозавѣтныхъ традицій старой системы сдѣлали попытку остановить эту мѣру (разсылку циркуляровъ), которая, какъ они чуяли, должна была умалить могущество ихъ олигархической оппозиціи и вырвать изъ ихъ рукъ судьбу ве-

---

неосмотрительною и несогласною съ истиннымъ положеніемъ дѣла, а потому не могу скрѣпить циркуляра. Ланской, уже начинавшій тяготиться слухами о томъ, что дѣло освобожденія веду болѣе я, нежели онъ, отвѣчалъ мнѣ положительно, что онъ избавляетъ меня отъ скрѣпы всѣхъ вообще бумагъ, и что товарищу министра это не совсѣмъ и прилично. Въ настоящемъ случаѣ я принялъ его слова къ исполненію безпрекословно, потому что самъ того желалъ, но прочія бумаги по крестьянскому дѣлу продолжалъ подписывать, пока увидѣлъ, что мы не знаемъ, куда идемъ, и пока убѣдился, что въ комитетѣ имѣютъ намѣреніе все дѣлать наперекоръ Ланскому, не уважая его мнѣній, а онъ не имѣетъ ни достаточно энергіи въ характерѣ, ни дара слова для поддержанія ихъ. На другой день по отправленіи циркуляра 21 ноября, члены Комитета спохватились, что сдѣлали оплошность, и присылали въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ узнать, нельзя ли остановить циркуляръ, но онъ уже былъ отправленъ на почту. Можетъ быть, эта опрометчивость и была полезна тѣмъ, что двинула дѣло повсемѣстно вопреки убѣжденіямъ Комитета; но тогда никто изъ людей осторожныхъ не оправдывалъ этой мѣры: ибо никто не смѣлъ надѣяться, что народъ русскій такъ благоразумно и терпѣливо будетъ ожидать окончательнаго разрѣшенія своей участи. Если дальнѣйшій ходъ дѣла будетъ такие благополученъ, какъ до сихъ поръ былъ, то я скажу: *Слава Богу, что меня не послушали!* Тѣмъ не менѣе, для исторической истины, заношу этотъ фактъ въ мои записки такъ, какъ онъ былъ. (См. назв. Записку, стр. 525).

ликаго начинанія. Но было уже поздно. Стрѣла была пущена, и почта разносила по всѣмъ концамъ Россіи радостную вѣсть о грядущей свободѣ.

Значеніе мудрой мѣры, предложенной вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, было громадно для судебъ крестьянскаго вопроса. Оглашеніе начала приступа къ отмѣнѣ крѣпостнаго права имѣло первостепенное значеніе и для правительства, и для народа. Въ правительствѣ должно было прекратиться господствовавшія въ немъ дотолѣ колебанія и сомнѣнія. Оно сжигало корабли, отрѣзывало себѣ отступленіе и обязывалось *безповоротно* такъ или иначе довести дѣло до конца [34]). Кромѣ того, благодаря гласности, и только ей одной, правительство получало могучаго союзника въ лицѣ либеральнаго общественнаго мнѣнія и литературы, при помощи которыхъ оно только и было въ состояніи одолѣть могущественныхъ противниковъ освобожденія — придворную и чиновную знать [35]). Для народа гласность имѣла также весьма серьезное значеніе. Какъ только разнесся въ концѣ 1857 г. слухъ о готовящемся освобожденіи, народъ, уже съ конца царствованія Николая I ждавшій воли съ нетерпѣніемъ [36]), пришелъ въ крайне возбужденное, лихорадочное состояніе. Благодаря тѣмъ потемкамъ, которыя создавала допущенная полугласность, въ народѣ стали циркулировать слухи о томъ, что помѣщики скрываютъ отъ нихъ указъ о волѣ, и начались волненія. Для прекращенія ложныхъ слуховъ предписано было циркуляромъ отъ 3-го февраля 1858 г. напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ рескрипты [37]). И замѣчательно, что какъ только надежда на освобожденіе получила осязательную форму въ видѣ оффиціальнаго обѣщанія правительства, толки и волненія прекратились тотчасъ, и помѣщичьи крестьяне держали себя спокойно, какъ никогда, и съ этихъ поръ прекрати-

---

34) См. Русск. Стар. 1892, № 3, стр. 816.

35) Только благодаря поддержкѣ общественнаго мнѣнія, говоритъ Лероа-Больё, восторжествовали два наиболѣе спорные и важные пункты крестьянской реформы: надѣленіе крестьянъ землей и самоуправленіе сельскихъ обществъ. См. н. с. Лероа-Больё, стр. 53.

36) О нетерпѣніи народа см. н. главу I, § 1.

37) См. н. Матеріалы II, 154.

ись вовсе убійства помѣщиковъ [38]). Народъ до конца реформы казалъ замѣчательную нравственную выдержку [39]) и оставался ердъ, но покоенъ, чѣмъ сильно помогъ благополучному исходу ла, не мало огорчивъ консерваторовъ крѣпостническаго ла-ря, разсчитывавшихъ эксплоатировать народныя волненія въ нтересахъ замедленія крестьянской реформы [40]).

Въ 1858 г. центръ тяжести крестьянскаго вопроса перехо-итъ въ провинціи, въ губернскіе комитеты; въ столицахъ пра-ительственная дѣятельность ослабѣваетъ, но за то литература, з смотря на всѣ цензурныя стѣсненія, ухитряется пустить въ обо-тъ мысль о необходимости освобожденія крестьянъ не иначе, къ съ надѣломъ [41]). Само собою разумѣется, что в. к. Кон-антинъ Николаевичъ становится на сторону этого «раціональ-ого» рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Въ 1859 г. открывается Редакціонная Комиссія для состав-нія проекта Положенія о крестьянахъ. Знаменитая Ком-иссія, какъ извѣстно, вынесла на своихъ плечахъ все бремя ого труднаго законодательнаго подвига и всю злобу ожесто-ннаго крѣпостничества, перешедшаго въ своихъ нападкахъ Комиссію всякія границы не только приличія, но и самой ементарной порядочности [42]).

В. к. Константинъ Николаевичъ не входилъ въ составъ Ком-иссіи, но онъ оказалъ въ это время ей и, стало быть, дѣлу

---

[38]) См. тамъ же 174—175.

[39]) См. Русскую Старину 1886, № 2, стр. 375, и выше главу I. Это величавое спокойствіе народной массы, при видѣ разрѣшенія ожества жизненныхъ государственныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ по-дніе четыре года, служитъ, по нашему мнѣнію, писала *Сѣверная Пчела* № отъ 1-го Января 1860, доказательствомъ, что въ русскомъ народѣ ого задатковъ политическаго такта, что со временемъ, когда разовь-ся государственныя способности этого, еще младенчествующаго теперь отношеніи внутренней политикѣ, народа, онъ представитъ собою ко изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи развитія человѣчества.

[40]) О томъ, какъ предполагали терроризовать Государя слухами о родныхъ волненіяхъ шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ и М. Н. равьевъ, см. выше главу I, § 2.

[41]) Исторію вопроса о надѣлахъ см. въ главѣ II, § 3.

[42]) Объ озлобленіи противъ Редакціонной Комиссіи, „какъ очага крас-ихъ революціонеровъ“, см. въ главѣ I, § 3.

свободы громадныя, хотя и не замѣтныя для публики услуги. «Дѣятели крестьянской реформы, читаемъ въ одной кавказской газетѣ, редактируемой сыномъ Н. А.—Ю. Н. Милютинымъ, постоянно болѣзненно чувствовали *необезпеченность* своего дѣла, которое такъ странно поражаетъ насъ, не могущихъ себѣ представить, что въ ту пору (1859—60 г.) было еще вопросомъ, будутъ ли освобождены крестьяне, или все дѣло будетъ признано вредною затѣею. Въ это-то трудное время поддержка двухъ особъ императорской фамиліи, великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича, не разъ спасала дѣло. Какъ братъ и другъ императора Александра II, в. кн. Константинъ Николаевичъ много могъ вліять на успѣшный исходъ затрудненій, а чрезъ близкихъ ему людей (особенно А. В. Головнина) онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами Редакціонной Коммиссіи. — Обо всѣхъ опасностяхъ, тревогахъ и затрудненіяхъ сообщалось в. к. Константину Николаевичу, и отъ него приходили ободренія, обѣщанія защиты, совѣты и предостереженія. Эта сторона дѣла, не оставившая слѣдовъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, составляетъ самую существенную заслугу великаго князя. Это мелочи, но эти мелочи охранили и выростили великое дѣло» [43]).

Съ окончаніемъ работъ Редакціонной Коммиссіи и съ переносомъ дѣла въ Главный Комитетъ началась для великаго князя Константина Николаевича новая серія усиленныхъ трудовъ и чрезвычайныхъ заботъ о благополучномъ довершеніи крестьянскаго дѣла. Крѣпостническая партія напрягала всѣ усилія, чтобы добиться въ Главномъ Комитетѣ если не полнаго обезземеленія, что уже по духу времени казалось невозможнымъ, то возможно большаго сокращенія крестьянскихъ надѣловъ [44]). Фраза, употребленная во время прощальной аудіенціи государя въ рѣчи, обращенной къ членамъ Редакціонной Коммиссіи («Можетъ быть, придется *многое* измѣнить») [45]), окрылила надеждами консервативную партію. За то, чтобы *не* пришлось многое измѣнить, но-

---

[43]) Газ. *Кавказъ*, 1892, № 14.

[44]) О взглядѣ крѣпостниковъ на надѣлъ см. въ главѣ I, § 2.

[45]) См. н. с. Семенова: Освобожденіе крестьянъ, 2 ч., III т., стр. 753.

тоялъ какъ вѣрно отмѣчаетъ лѣтописецъ этой Коммиссіи, уполномоченный довѣріемъ государя вел. кн. Константинъ Николаевичъ.

Неожиданный случай пришелъ на этотъ разъ на помощь друзьямъ народа. На мѣсто князя Орлова, пораженнаго параличемъ *накануне* (люди, привыкшіе къ земнымъ дѣламъ примѣшивать, по-своему произволу, участье небесныхъ силъ, усмотрѣли тутъ руку провидѣнія, какъ раньше [46]) крѣпостники радостно узрѣли случайность ея во внезапной смерти Ростовцева) открытія засѣданія Главнаго Комитета, предсѣдателемъ его былъ назначенъ великій князь. Понимая всю трудность и величіе выпавшей на его долю благородной миссіи, онъ отдался своимъ новымъ обязанностямъ всѣми силами своей души. Всегда отличавшійся добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ [47]), на сей разъ отдалъ онъ беззавѣтно на служеніе правому народному дѣлу всѣ отпущенныя ему природою богатыя природныя дарованія, оплодотворенныя блестящимъ образованіемъ, безостановочнымъ саморазвитіемъ и жизненнымъ опытомъ. Если въ предъидущей стадіи крестьянской реформы великій князь, въ качествѣ доброжелательнаго пѣстуна, охранялъ редакціонную Коммиссію, какъ колыбель народной свободы, отъ многочисленныхъ и могущественныхъ враговъ, пользуясь, глав-

---

[46]) См. Днев. Валуева. Русск. Стар. 1891, X, 143.

[47]) М. И. Семевскаго поражали память и трудолюбіе вел. кн. Константина Николаевича. Каждое сколько-нибудь важное дѣло, говоритъ онъ, изучаемо имъ было лично, не рѣдко безъ посредства докладчика, было ли то въ Главномъ Комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, въ главномъ присутствіи по воинской повинности, или, наконецъ, въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Вел. кн. всегда приступалъ къ засѣданію лишь послѣ тщательнаго ознакомленія съ дѣломъ. Видя иногда утомленіе въ лицѣ августѣйшаго предсѣдателя, говоритъ тотъ же свидѣтель, мы спрашивали близкихъ къ нему о причинахъ утомленія и узнавали, что наканунѣ до глубокой ночи Е. В. читалъ дѣла, предназначенныя къ докладу, изучалъ ихъ, при чемъ зачастую справлялся въ нѣкоторыхъ книгахъ своей обширной библіотеки. Да, это былъ труженикъ государственный, заключаетъ Семевскій, труженикъ замѣчательныхъ способностей, дѣятель, всею душею желавшій пользы и блага горячо имъ любимой Россіи". (Русск. Стар. 1892, № 2, стр. 3).

нымъ образомъ, своимъ высокимъ положеніемъ, близостью своею къ трону, то теперь, вступая въ champ clos, въ открытое единоборство съ корифеями крѣпостнической партіи, онъ могъ положиться только на свои личныя силы и умственныя способности, на свое замѣчательное образованіе, даръ слова, способность къ усидчивому труду и удивительную память [48]). Кромѣ того, онъ долженъ былъ возымѣть твердую и благородную рѣшимость пострадать за правду, принять ту горькую чашу тяжкихъ огорченій, клеветъ, на которыя были такъ щедры крѣпостники относительно всѣхъ крупныхъ дѣятелей крестьянской реформы [49]), отъ которыхъ далеко не защищало в. к. его высокое положеніе ни при жизни [50]), ни послѣ смерти.

Великій князь пошелъ на встрѣчу своему тяжкому, но завидному историческому жребію! Изучивъ еще раньше [51]) во всѣхъ

---

[48]) Весьма часто бывало, разсказываетъ Семевскій, въ Главномъ Комитетѣ великій князь, остановивъ докладчика, самъ продолжалъ докладъ, (съ поразительною ясностью излагая подробности спутанныхъ дѣлъ. Тамъ же, стр. IV).

[49]) О смерти Ростовцева, вызванной ожесточенными нападками крѣпостниковъ, см. въ главѣ I, § 1. С. С. Ланской, павшій, по проискамъ реакціи, тотчасъ по обнародованіи манифеста, не могъ перенесть своего неожиданнаго паденія (см. у Лероа-Больё, см. н. с. главу III). О систематической травлѣ крѣпостниками Н. А. Милютина, какъ „краснаго", см. главы I—III н. с. Лероа-Больё. Указывая на тѣ нападки, оскорбленія, и гоненія, коимъ иногда несправедливо подвергаются въ демократіяхъ общественные дѣятели, французскій публицистъ на примѣрѣ Н. А. Милютина показываетъ, какъ часто и при монархической формѣ правленія государственные люди, дѣйствующіе въ интересахъ народнаго блага, должны выносить молча всевозможныя горькія обиды и страданія (стр. 35 н. с.).

[50]) Говоря о семейномъ, частномъ празднованіи у вел. кн. въ 1886 г. [illegible] дня 19-го февраля — оффиціальное празднованіе, какъ [illegible] разрѣшено,—сенаторъ П. П. Семеновъ говоритъ: «свѣ[illegible] былъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ въ этотъ день; [illegible] былъ онъ все *тяжелое и горькое*, имъ пережитое въ труд[illegible] дѣятельности; живо шла за столомъ бесѣда съ нами великаго [illegible] возстановляла его бойкая память одни свѣтлыя воспоми[illegible] пережитаго, а особенно свѣтлы они были потому, что великій [illegible] утратилъ *пылкой вѣры* въ будущность рус[illegible] народа». (Р. Ст. 1892 г., № 3, стр. 823). [illegible] Николаевичъ, — говоритъ сенаторъ П. П-

подробностяхъ проектированное Редакціонною Коммиссіею поземельное устройство крестьянъ, великій князь Константинъ Николаевичъ употребилъ чрезвычайныя усилія, чтобы склонить въ его пользу Главный Комитетъ. Большинство Комитета было однако противъ, образуя нѣсколько группъ. Горячо и ясно доказывалъ великій князь, что, при осуществленіи предположеній гр. В. Н. Панина, у крестьянъ *отойдетъ одна треть*, обезпечивавшихъ ихъ быта при крѣпостномъ правѣ, надѣловъ; что при предположеніяхъ М. Н. Муравьева будетъ отобрана у нихъ *большая половина* надѣловъ, а при предположеніи кн. П. П. Гагарина *три четверти*, и бытъ крестьянъ такимъ образомъ *улучшенъ не будетъ*. Все было напрасно. Корыстныя вожделѣнія дѣлали глухими ко всѣмъ доводамъ разума и общественной пользы—всѣ три меньшинства [52]).

Наконецъ, в. к. Константинъ Николаевичъ рѣшился на своего рода Геркулесовъ подвигъ: разубѣдить гр. Панина, дабы съ присоединеніемъ его голоса составить хоть большинство изъ пяти голосовъ. Это былъ необыкновенно смѣлый шагъ, потому что гр. Панинъ, не имѣя никакихъ политическихъ убѣжденій въ истинномъ значеніи слова, отличался необычайнымъ упрямствомъ въ своихъ предубѣжденіяхъ и даже завѣдомо ошибочныхъ взглядахъ [53]). «Никогда не изгладится изъ моей памяти, вспоминалъ недавно сенаторъ П. П. Семеновъ, тѣ усилія ума и воли, благодаря которымъ послѣ двухъ-часовыхъ горячихъ споровъ [54]),

---

Семеновъ,—*одинъ* изъ всѣхъ членовъ Главнаго Комитета слѣдилъ шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ законопроекта (составляемаго Редакціонною Коммиссіею) и при дѣятельномъ содѣйствіи А. В. Головнина (впослѣдствіи министра народ. просвѣщенія) всегда зналъ все, что тамъ происходило. Этимъ объясняется то, что когда въ октябрѣ 1860 г. законопроектъ, составленный Редакц. Комм.. былъ внесенъ въ Главный Комитетъ, то и изъ всѣхъ его членовъ, не исключая даже предсѣдателя коммиссіи гр. В. Н. Панина, великій князь ближе всѣхъ былъ знакомъ не только съ подробностями проекта, но и съ мотивами, руководившими его составителями, что было тѣмъ болѣе важно, что объяснительной записки Редак. Коммиссіи, вслѣдствіе *поспѣшности закрытія*, составить не успѣла. (См. тамъ же, стр. 817).

[52]) Тамъ же, стр. 814.

[53]) Черты самовластнаго упрямства гр. Панина, см. въ главѣ I, § 3.

[54]) Споръ этотъ былъ доконченъ при комической и неприличной обста-

происходившихъ въ кабинетѣ великаго князя, ему удалось, наконецъ, убѣдить гр. Панина присоединиться къ мнѣнію большинства» [55]).

Великій князь спасъ въ комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ надѣлы, проектированные Редакціонною Коммиссіею, хотя и не вполнѣ [56]).

Императоръ Александръ II высоко цѣнилъ громадность услугъ, оказанныхъ в. кн. Константиномъ Николаевичемъ крестьянской реформѣ, и въ памятномъ засѣданіи государственнаго совѣта 28-го января 1861 года горячо благодарилъ его и цѣловалъ нѣсколько разъ [57]), «Я не забуду и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, писалъ Государь въ своемъ рескриптѣ 19 февраля 1861 г., *какъ* дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ какъ В. И. В., и какъ *другіе* члены Главнаго Комитета».

Въ тотъ же день этотъ временный комитетъ былъ переименованъ въ постоянный Комитетъ о сельскомъ состояніи, просуществовавшій до 1882 года В. кн. Константинъ Николаевичъ во все это время былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ Комитета и насколько было возможно, охранялъ крестьянскую реформу отъ реакціи, наступившей уже съ апрѣля 1861 г. и постоянно усиливавшейся впослѣдствіи...

новкѣ (см. главу I), подробно описанной Н. П. Семеновымъ въ послѣдней части его Сборника (ч. 2, т. III, стр. 765 — 773). Гр. Панинъ настоялъ на отнятіи у крестьянъ сѣнокосовъ, отсутствіе которыхъ такъ вредно отразилось на хозяйствѣ ихъ. Мало того. Съ какимъ-то упрямствомъ взбалмошнаго маніака онъ оттягивалъ у П. П. Семенова, защищавшаго норму крестьянскихъ надѣловъ, установленную Редакціонными и Коммиссіями, $^1/_2$ десятины, $^1/_4$ десятины (стр. 771), не понимая и не будучи въ состояніи понять, благодаря своему незнанію жизни и узкобюрократическому воззрѣнію, какими неудобствами и затрудненіями должны были отразиться даже подобныя ничтожныя отрѣзки. (Въ письмѣ своемъ Н. А. Милютину, отъ 25 сентября 1861 г., Ю. Ѳ. Самаринъ съ прискорбіемъ отмѣчаетъ, какое тяжелое впечатлѣніе производили на народъ затѣянные гр. Панинымъ отрѣзки „полудесятинъ“. — см. н. с. Лер-а-Больё, стр. 98, примѣч.).

[55]) См. Русскую Старину 1892 г., № 13, стр. 820.

[56]) С. н. сб. Семенова. ч. 2, т. III, стр. 762 о гагарвнскомъ или „нищенскомъ“ надѣлѣ.

[57]) См. Матеріалы, III, 108.

IV.

Во всѣхъ другихъ реформахъ прошлаго царствованія великій князь Константинъ Николаевичъ принималъ самое дѣятельное участіе, но самое сильное и рѣшительное вліяніе оказано было имъ на выработку благодѣтельнаго закона 17-го апрѣля 1863 года объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и Устава объ общей воинской повинности 1874 года. Въ то время, какъ другіе цивилизованныя страны (какъ, напримѣръ, Англія) не рѣшались, въ виду особыхъ условій военно-морской дисциплины, отступить отъ установленныхъ съ незапамятныхъ временъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ, чрезъ посредство органа своего вѣдомства *Морской Сборникъ*, бывшаго въ то время самымъ усерднымъ проповѣдникомъ гуманно-просвѣтительныхъ идей, подготовлялъ почву для смягченія и даже полнаго уничтоженія кошекъ и розогъ. Когда въ половинѣ марта кн. Орловъ (см. ниже главу III) взялъ на себя инициативу возбужденія вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, первый, кто привѣтствовалъ и поддержалъ это гуманное начинаніе, былъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Въ обстоятельной запискѣ, проектъ которой былъ составленъ извѣстнымъ юристомъ, флота генералъ-аудиторомъ П. Н. Глѣбовымъ, игравшимъ важную роль какъ въ этой, такъ и въ судебной реформѣ, онъ всецѣло поддерживалъ предложенія кн. Орлова и даже шелъ дальше ихъ.

Признавая главныя мысли, изложенныя въ запискѣ князя Орлова, весьма основательными, великій князь полагалъ, что онѣ заслуживаютъ самаго серьезнаго, внимательнѣйшаго и неотложнаго соображенія. Тѣлесныя наказанія составляютъ, писалъ онъ, для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей; тѣлесныя наказанія могутъ быть терпимы въ государствѣ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности обойтись безъ нихъ; и этою только необходимостью, при существовавшемъ у насъ личномъ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ, можетъ быть объяснена дѣй-

ствующая у насъ система уголовно-исправительныхъ тѣлесныхъ наказаній. Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ подъ личной зависимости помѣщиковъ, настоятельно необходимо озаботиться о принятіи другой системы наказаній и взысканій: *это необходимо не только въ чувствахъ человѣчества, для предупрежденія конечной порчи народной нравственности, но и для обезпеченія спокойствія и общественнаго порядка въ государствѣ.* Въ сихъ видахъ надлежитъ стремиться постоянно къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, *принимая нынѣ же, безъ всякаго отлагательства,* соотвѣтствующія мѣры, сколько для ослабленія жестокости тѣлесныхъ наказаній и для ограниченія случаевъ употребленія ихъ, столько же и для изысканія, въ городахъ *и селахъ* способовъ къ постепенной замѣнѣ тѣлесныхъ наказаній иными взысканіями. Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на употребленіе тѣлесныхъ наказаній и въ войскахъ: ни жестокость тѣлесныхъ казней и наказаній, ни частое употребленіе ихъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины; а напротивъ, жестокость тѣлесныхъ наказаній и неумѣренное употребленіе ихъ, безъ крайней въ томъ необходимости и безъ достаточнаго зрѣлаго обсужденія проступка виновнаго могутъ ослаблять силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами, поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія. Въ виду этого великій князь вполнѣ соглашался съ бывшимъ военнымъ министромъ, что возможно отмѣнить наказаніе шпицрутенами, не употреблять вовсе тѣлеснаго наказанія по суду, какъ наказанія прибавочнаго, и ограничить власть начальниковъ въ назначеніи тѣлеснаго наказанія, по собственному ихъ усмотрѣнію, 50-ю ударами розогъ. По мнѣнію великаго князя, всѣ эти мѣры могли бы быть объявлены по военному и морскому вѣдомствамъ, *не ожидая* окончательнаго пересмотра и утвержденія проекта воинскаго устава о наказаніяхъ; а вмѣстѣ съ этимъ весьма полезно было бы постановить, для ограниченія самопроизвольныхъ, необдуманныхъ распоряженій начальниковъ, и нѣкоторыя правила относительно самаго порядка назначенія тѣлесныхъ наказаній безъ суда.

Далѣе великій князь въ своемъ мнѣніи заявляетъ, что сколь ни желательно, чтобы плети рукою палача и розги, какъ при-

ивочное наказаніе, были отмѣнены по гражданскому вѣдомству
ь возможно скорѣйшемъ времени, но если по какимъ-либо
бстоятельствамъ признается нужнымъ отложить это на нѣко-
орое время, то, при содѣйствіи въ военномъ вѣдомствѣ особыхъ
остановленій о судѣ и наказаніяхъ, не усматривается доста-
очнаго основанія отлагать объявленіе вышеозначенныхъ мѣръ
о военному вѣдомству впредь до того времени, когда плети
розги будутъ отмѣнены въ гражданскомъ вѣдомствѣ [58]).

Затѣмъ и при дальнѣйшемъ развитіи вопроса в. к. Констан-
инъ Николаевичъ все время шелъ впереди гуманныхъ дѣяте-
ей, боровшихся противъ защитниковъ тѣлесныхъ наказаній,
оторые старались ослабить или понизить силу новаго гуман-
аго движенія. Такъ гр. Панинъ настаивалъ на томъ, чтобы въ
иду отмѣны тѣлеснаго наказанія *усиленно* было для простолю-
иновъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, наказаніе увеличеніемъ срока
ылки. Генералъ-адмиралъ рѣшительно возсталъ противъ такого
есправедливаго, явно жестокаго предложенія, исходящаго изъ того
ожнаго основанія, будто ссылаемый въ Сибирь простолюдинъ ни-
его не теряетъ. «Лишенія человѣка всѣхъ тѣхъ благъ, писалъ
нъ, которыми пользуется онъ въ обществѣ, какъ-бы повидимому
ни ни были незначительны, разрывъ всѣхъ его привязанностей
ь людямъ и къ мѣстамъ не можетъ не ужасать подвергающихся
ей потерѣ» [59]). Точно также онъ горячо ратовалъ и противъ
редложеннаго гр. Панинымъ переноса клейма съ лица подсу-
имаго на плечо его [60]). Равномѣрно настаивалъ на отмѣнѣ не
олько розогъ, но и своеручныхъ побоевъ, имѣвшихъ столь ши-
окое примѣненіе какъ въ военномъ и морскомъ, такъ и граж-
анскомъ быту [61])...

Но какъ ни важна была дѣятельность великаго князя относи-
ельно другихъ реформъ, роль его въ крестьянской реформѣ
акъ уже сказано, имѣетъ особое значеніе.

Имя великаго князя Константина Николаевича неразрывно

---

[58]) См. Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлес.
каз., стр. 11 и слѣд.

[59]) Тамъ же 54.

[60]) Тамъ же 61.

[61]) Тамъ же 99.

связано съ вѣчно памятнымъ дѣломъ отмѣны крѣпостнаго состоянія крестьянъ. Имя дѣятелей его, говорилъ В. К. Чевкинъ въ 1860 году, будетъ «черезъ нѣсколько лѣтъ во святыхъ» [62]). Предсказаніе не вполнѣ оправдалось, по крайней мѣрѣ, относительно времени. Даже тѣ,— освобожденные крестьяне,— которые наиболѣе выиграли отъ освободительнаго акта, не знаютъ, благодаря своему невѣжеству, именъ дѣятелей его. Что же касается субъектовъ крѣпостнаго права, бывшихъ душевладѣльцевъ, то они, тоже по невѣжеству, хотя и менѣе извинительному, и до нынѣ все еще изрыгаютъ хулу и проклятія, на этихъ доблестныхъ государственныхъ дѣятелей и честныхъ слугъ своего народа [63]).

Но придетъ время, когда и эти слѣпцы уразумѣютъ, наконецъ, отъ какой нравственной болячки избавили ихъ дѣятели крестьянской реформы, освободивъ и ихъ самихъ отъ нравственной язвы владѣнія душами, которая, по мѣткому выраженію великаго пророка [64]) русской земли, знаменитаго лѣтописца *Пошехонской старины* Н. Щедрина - Салтыкова, втягивала «*всѣхъ въ омутъ умилительнаго безправія*». Тогда и крѣпостники благословятъ имена своихъ «благодѣтелей», дѣятелей крестьянской реформы, которыхъ они нынѣ стараются смѣшать съ грязью...

Хочется вѣрить въ такое конечное торжество правды, какъ ни стары и многочисленны факты, ему противорѣчащіе. Хочется вѣрить, что, въ концѣ концовъ, имена тѣхъ «qui ont contribué au triomphe du bien» [65]), имена безкорыстныхъ дѣлателей добра покроются не меркнущею славою.

Потребность такой вѣры въ силу добра такъ велика, что ей платятъ дань самые отважные скептики [66]). Да и какая была

---

[62]) См. н. Матеріалы, томъ III, 102.

[63]) См. извлеченіе изъ *Гражданина* въ примѣч. 165 главы I.

[64]) Такъ именно называлъ Салтыкова А. Н. Островскій (Русс. Вѣд., 1884, № 153). О выдающейся роли М. Е. Салтыкова въ крестьянскомъ вопросѣ см. превосходное изслѣдованіе знатока крестьянскаго вопроса В. И. Семевскаго въ новомъ Сборникѣ Правовѣдѣнія, Спб. 1893, т. I, стр. 125—210.

[65]) E. Renan. Feuilles dettachées, p. 624.

[66]) Ibidem. Préf. XV.

бы цѣна жизни безъ такой вѣры въ силу правды, въ силу тѣхъ великихъ, хотя и «забытыхъ», альтруистическихъ «*бредней*», которыми поддерживается и совершается все, что есть праваго, высокаго и честнаго въ человѣческихъ дѣлахъ?! Заплативъ по человѣчеству дань такимъ благороднымъ бреднямъ, давшимъ жизнь, по вѣрному замѣчанію Салтыкова [67]), величайшему событію XIX столѣтію, освобожденію съ землею 23-хъ милліоновъ, великій князь Константинъ Николаевичъ — исполнилъ долгъ гражданина и «человѣка».

По рожденію сынъ могущественнаго царя, в. к. Константинъ Николаевичъ стремился стать «достойнымъ званья человѣка», согласно начертанной его знаменитымъ ментором программѣ долгимъ и упорнымъ трудомъ готовился онъ къ предстоящему высокому жизненному поприщу, стараясь всестороннимъ образованіемъ расширить свой умственный кругозоръ, очистить сердцѣ, укрѣпить волю. Когда приспѣло время выйти (съ 18-го февраля 55 г.) на новый трудный и отвѣтственный путь самостоятельнаго государственнаго служенія, для обновленія Россіи, воспитанникъ Жуковскаго, вѣроятно, вспомнилъ и вышеуказанныя мудрыя наставленія его, что «движенье—*святое дѣло*, останавливать движенье *вредно*», что «нужны не дѣла славы, озаряющія *только немногихъ*, а дѣла правды, Божіей правды, *благодѣтельныя для всѣхъ и каждаго*». (См. выше примѣч. 7)...

Кто въ «дни своей вѣсны златой» не внималъ такимъ вѣщимъ глаголамъ, въ трепетномъ ожиданіи счастливой возможности превратить слово въ дѣло.

Житейская проза, малодушіе, своекорыстіе, рутина и т. п. послѣдствія «пошлаго опыта» часто на самомъ порогѣ практической дѣятельности отрѣзываютъ крылья «мечтамъ юности»:

Вы удалились безвозвратно,
Мечты моихъ прекрасныхъ дней!

говоритъ, печально понуря голову, «трезвенный» дѣлецъ съ «охлажденнымъ умомъ».

Но благо тѣмъ, кому выпалъ счастливый жребій хоть отчасти осуществить мечты дней юности своей. Такой именно завидный

---

[67]) См. назв. изслѣд. Семевскаго, 180.

жребій выпалъ на долю в. к. Константина Николаевича... Запечатлѣвъ въ умѣ и сердцѣ своемъ великое слово наставника своего, что истинное призванье государственнаго человѣка думать о «дѣлахъ правды, благодѣтельной *для всѣхъ и каждаго*», а не объ интересахъ «немногихъ избранниковъ», онъ отдался и долженъ былъ отдаться всѣми своими силами — и по соображеніямъ государственной политики, и по внушенію человѣколюбія — великой *назрѣвшей* задачѣ новаго царствованія: смыть пятно рабства съ Россіи, облегчить великое, безъисходное горе,— либо какое горе горьше неволи?!—23-хъ милліоновъ «крещенной собственности», лишенныхъ человѣческихъ правъ и переданныхъ во власть «немногихъ избранниковъ», сотни тысячъ привилегированныхъ душевладѣльцевъ!... Признавъ же «понедѣльникъ перешедшимъ въ вторникъ», по выраженію Жуковскаго, т. е. реформу «назрѣвшею», в. к. слѣдуя опять-таки разумному совѣту своего наставника, долженъ былъ «*громогласно провозгласить* этотъ переходъ и *совершить* соотвѣтственное ему *дѣйствіе*». Такъ именно и поступилъ Константинъ Николаевичъ, заслуживъ тѣмъ и обѣщанную наставникомъ достойную награду. Отнять у покойнаго великаго князя эту свѣтлую и яркую страницу исторіи, эти неувядающіе лавры никто и ничто не въ силахъ, ни зависть, ни злоба, ни тупоуміе, такъ какъ эта заслуженная нетлѣнная награда нераздѣльна съ подвигомъ добра, имъ совершеннаго, для пріобрѣтенія негромкаго, но славнаго имени *человѣка!*

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Дѣятель крестьянской реформы В. А. Арцимовичъ.

(† 2-го марта 1893 г.)

Имя В. А. Арцимовича будетъ неразрывно связано съ исторіею крестьянскаго дѣла въ Россіи, и эта же исторія занесетъ на свои страницы описаніе его упорной борьбы съ сословною исключительностью и отживающимъ старымъ крѣпостнымъ строемъ.

И. С Аксаковъ (1863 г.)

Сенаторъ, какъ истинный сынъ отечества, имѣя всегда въ виду долгъ свой къ Богу, государству и законамъ, долженствуетъ памятовать, что обязанность судьи, которая на него возложена, есть: почитать отечество родствомъ, а честность дружбою.

Учрежд. Сената.

I.

2-го марта скончался на 73-мъ году жизни одинъ изъ «послѣднихъ могиканъ» эпохи великихъ реформъ, сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Это былъ едва ли не самый типичный и видный представитель сходящаго со сцены славнаго поколѣнія государственныхъ дѣятелей, вынесшаго на своихъ плечахъ трудное дѣло гражданскаго обновленія Россіи. Если вообще справедливо изрѣченіе, что жизнь прожить, не поле перейти, то оно особенно примѣнимо къ длинному, многотрудному и плодотворному жизненному поприщу покойнаго Арцимовича, который изъ 72 лѣтъ своей жизни 52 отдалъ дѣятельному, разумно-сознательному служенію государству, народу и обществу. Всего

лишь за два мѣсяца до смерти покинулъ онъ столь трудный, щекотливый и отвѣтственный постъ первенствующаго члена [1]) I департамента Сената.

Значеніе нашего высшаго судебно-административнаго судилища въ составъ котораго сами министры входятъ на правахъ простыхъ членовъ, какъ извѣстно, особенно усилилось послѣ реформъ 60-хъ годовъ съ переносомъ на I департаментъ функцій высшей инстанціи по крестьянскимъ, земскимъ (въ томъ числѣ и утвержденіе мировыхъ судей) и городскимъ дѣламъ. Нужень былъ весь нравственный авторитетъ В. А., его выдержка и непреклонная энергія, его стойкость убѣжденій и вѣрность гуманнымъ принципамъ, нужно было его тонкое юридическое развитіе, глубокое знаніе нашего законодательства и безпредѣльное уваженіе къ началу законности и человѣчности, наконецъ, его богатый и разнообразный служебный опытъ и знаніе жизни, чтобы съ такимъ достоинствомъ, тактомъ и успѣхомъ держать кормило учрежденія въ такое время, когда видимо и вполнѣ осязательно наступила реакція противъ духа поставленныхъ подъ его контроль новыхъ преобразованныхъ учрежденій.

Съ этою необычайно трудною задачею могъ справиться только Арцимовичъ. Глядя на эту колоссальную фигуру мощнаго духомъ старца-богатыря, съ богатою бѣлоснѣжною шевелюрою, съ выразительными умными и добрыми чертами лица, невольно вспоминался завѣщанный классическою древностью величавый образъ иныхъ римскихъ patres conscripti, этихъ безтрепетныхъ служителей долга и закона. Каждый сенаторъ, читаемъ въ ст. 247 Учрежд. сен., какъ истинный сынъ отечества, имѣя всегда въ виду долгъ свой къ Богу, государству и законамъ, долженствуетъ памятовать, что обязанность судьи, которая на него возложена, есть: почитать отечество свое родствомъ, а честность дружбою и пр. Если чья дѣятельность невольно воскрешала этотъ классическій типъ и образъ «истиннаго сына отечества», начертанный въ статутѣ созданнаго геніемъ Петра Великаго учреж-

---

[1]) По ст. 19 Учрежд. Сената въ I департаментѣ особаго первоприсутствующаго не полагается, и обязанности его исполняетъ старшій изъ сенаторовъ.

денія, то именно нелицепріятное, чуждое временнымъ теченіямъ, увлеченіямъ, и угодливости служеніе закону и правдѣ В. А—ча, которое можно бы формулировать девизомъ любимаго его юриста Миттермайера: Wahrheit gegen Feind und Freund (правда по отношенію къ недругу и другу). Зато же и други, и недруги Арцимовича, которыхъ у него, какъ у всякой рѣзко очерченной индивидуальности, всегда было достаточно, отдавали ему ту справедливость, что всѣ признавали его безусловную честность. Даже тѣ, которые не соглашались съ нимъ, невольно вынуждались платить дань его искренности, правдолюбію, человѣколюбію, честному мужеству говорить прямо правду въ глаза и полной отрѣшенности его отъ какихъ-нибудь личныхъ, а тѣмъ паче своекорыстныхъ соображеній. Такіе цѣльные характеры и честные убѣжденные бойцы за правду вообще и вездѣ—рѣдкость, а въ особенности въ Россіи, гдѣ, по словамъ Левшина, бывшаго тов. мин. внутр. дѣлъ, «никто не дорожитъ своими мнѣніями и своею репутаціею, и всѣ думаютъ только, какъ бы угодить высшей власти и получить за то какую-либо награду» [2]).

II.

Служебную карьеру свою Арцимовичъ началъ довольно рано, въ 1841 г. Правовѣдъ 2-го выпуска, 20-ти-лѣтній юноша, онъ, вмѣстѣ съ небольшою горстью своихъ столь же молодыхъ товарищей, пошелъ на смѣлый бой съ тѣми вѣковыми язвами стараго дореформеннаго строя—взяточничествомъ, буквоѣдствомъ и бюрократическою неправдою—для искорененія коихъ и было учреждено въ 1835 г. близъ Цѣпнаго Моста Училище Правовѣдѣнія, бокъ о бокъ съ III отдѣленіемъ, которое, какъ извѣстно, тоже имѣло цѣлью, по инструкціи своего основателя гр. Бенкендорфа, споспѣшествовать, сверхъестественными способами, торжеству правды [3]). Не легко было этой доблестной, но слабосильной молодой дружинѣ, «рыцарей права», искоренить «черную неправду», господствовавшую въ нашихъ судахъ

[2]) См. Записку Левшина въ *Рус. Архивѣ*, 1885 г., № 8, стр. 7435.
[3]) См. *Рус. Арх.* 1889 г., № 7.

и очевидную уже всѣмъ, кромѣ неспособнаго видѣть даже очевидности тогдашняго главы судебнаго вѣдомства, министра юстиціи, графа В. Н. Панина и, лишеннаго чувства правды, до послѣднихъ дней своего управленія твердившаго—«все обстоитъ благополучно» [4]).

Но что могла сдѣлать эта горсть благонамѣренныхъ молодыхъ людей, дѣйствовавшая на свой страхъ, по системѣ случайнаго «единоборства», среди охватившаго ихъ кругомъ темнаго царства взяточничества и невѣжества, беззаконія и кривосудія? Въ безсиліи у нихъ опускались руки, что лишній разъ подтверждало давно извѣстную истину, что безъ хорошихъ учрежденій прекраснѣйшіе люди ничего, или почти ничего, не могутъ сдѣлать. Все, что могли сдѣлать эти піонеры права—это соблюсти себя, т. е. самимъ оставаться честными, не навязывая честность другимъ. Рѣдкія попытки правовѣдовъ переходить въ активную борьбу съ взяточничествомъ или съ явнымъ неправосудіемъ обыкновенно кончались не въ пользу «горячихъ» головъ [5]). Большинство же, затягиваемое тиною бюрократической рутины, предавалось со всѣмъ усердіемъ канцелярскимъ своимъ обязанностямъ, въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго.

Такое «лучшее» для Арцимовича были сенаторскія ревизіи, эти внезапныя грозы, время отъ времени очищавшія душную и грязную атмосферу дореформенныхъ учрежденій. Человѣкъ живой, энергичный, онъ не могъ, какъ иные, вложить всю свою душу въ бездушное дѣло стараго сенатскаго бумажнаго правосудія. Молодаго даровитаго юриста, не порвавшаго связь съ живыми

---

4) Еще въ 1860 г. гр. Панинъ жаловался на цензору за допущенную въ печати критику „его“ судебныхъ учрежденій. См. *Рус. Стар.* 1892 года, № 3.

5) Таковъ былъ случай, бывшій съ другимъ правовѣдомъ, впослѣдствіи знаменитымъ публицистомъ, И. С. Аксаковымъ. Въ московскомъ сенатѣ въ концѣ 40-хъ годовъ разбиралось дѣло богатаго помѣщика, обвиняемаго въ систематическомъ растлѣніи имъ своихъ крестьянокъ. Сенатъ оправдалъ знатнаго преступника, и объ этомъ попраніи правосудія не могъ равнодушно говорить Аксаковъ, спустя 40 лѣтъ (см. т. I его писемъ). Онъ пробовалъ протестовать, но ничего не вышло, и онъ долженъ былъ оставить должность оберъ-секретаря, испортить карьеру и сохранить на всю жизнь репутацію «безпокойнаго».

общественными и литературными интересами сороковыхъ годовъ, манилъ широкій просторъ дѣйствительной жизни, гдѣ бы онъ могъ стать лицомъ къ лицу съ безчисленными нуждами и горестями ея, дать имъ хоть временное, хоть частичное облегченіе, минуя изсушающую процедуру мертваго канцелярскаго разбора, вѣрнѣе, погребенія дѣлъ. Такіе именно случаи давали сенаторскія ревизіи, чрезъ извѣстные кое-какъ промежутки очищавшія авгіевы конюшни стараго суда и администраціи.

Просматривая послужной списокъ Арцимовича, поражаешься этимъ неугомоннымъ влеченіемъ юнаго правовѣда къ командировкамъ при ревизующихъ сенаторахъ. Уже въ февралѣ 1842 года, стало быть, всего семь мѣсяцевъ спустя послѣ поступленія на службу въ Сенатъ, В. А. командируется для письменныхъ занятій къ сенатору Бѣгичеву, ревизовавшему Орловскую и Калужскую губерніи. Въ слѣдующемъ 1843 году онъ участвуетъ, на этотъ разъ въ качествѣ завѣдующаго канцеляріею, въ ревизіи Таганрогскаго градоначальства, произведенной сенаторомъ Жемчужниковымъ, и затѣмъ въ 1850 г. въ сенаторской ревизіи учрежденій Западной Сибири. Сенаторъ Жемчужниковъ, выдавшій впослѣдствіи за Арцимовича дочь свою, въ блестящей аттестаціи, данной молодому юристу, свидѣтельствовалъ, что онъ «оправдалъ полное къ нему довѣріе и оказалъ основательное знаніе законовъ, отличныя способности, благородныя правила и постоянную дѣятельность».

Этими же качествами запечатлѣна и вся послѣдующая служба его по должности оберъ-секретаря Сената и тобольскаго гражданскаго губернатора (съ 1854 г.). Энергія, безкорыстіе и справедливость были въ то время качествами весьма рѣдкими даже среди высшихъ представителей администраціи въ Россіи, а потому легко понять, какъ должны были оцѣнить такую просвѣщенную дѣятельность человѣколюбиваго юриста, какъ Арцимовичъ, сибиряки, страдавшіе отъ взяточничества чиновниковъ еще болѣе, нежели жители внутреннихъ губерній.

Какъ велика была популярность В. А. среди сибиряковъ, это обнаружилось впослѣдствіи, въ 1862 г., замѣчательнымъ способомъ, характернымъ и для духа времени, и для силы симпатіи, внушенной В. А. сибирякамъ. Когда появилась въ печати (см.

ниже) злостная діатриба одного изъ крѣпостниковъ противъ дѣятельности Арцимовича, какъ калужскаго губернатора, то граждане Тобольска, proprio motu и безъ вѣдома его, напечатали протестъ, въ которомъ они между прочимъ писали:

«Не будучи хорошо знакомы съ ходомъ крестьянскаго вопроса въ Калужской губерніи, мы не можемъ входить въ подробное разбирательство этого дѣла. Мы увѣрены, что обвиненія, взводимыя г. Потуловымъ на бывшую калужскую администрацію, вызовутъ скорый отвѣтъ изъ Калуги (что и оправдалось отчасти) отъ честныхъ и безпристрастныхъ людей, въ глазахъ которыхъ происходило тамъ разрѣшеніе крестьянскаго дѣла. Мы же, зная Виктора Антоновича по его административной дѣятельности въ нашей губерніи, сильно сомнѣваемся въ справедливости всѣхъ этихъ обвиненій. В. А. Арцимовичъ вовсе не изъ числа такихъ людей, для которыхъ законъ заключается въ личномъ произволѣ. Это совершенно несообразно ни съ его образованіемъ, ни съ его убѣжденіями. Напротивъ, бывъ свидѣтелями его дѣятельности въ Тобольскѣ, мы открыто говоримъ, что Викторъ Антоновичъ всегда ставилъ *законъ выше своего личнаго мнѣнія и исключительныхъ, сословныхъ интересовъ*, между тѣмъ какъ у насъ при отсутствіи самаго вліятельнаго сословія, дворянъ-помѣщиковъ, представлялось очень много случаевъ для личнаго произвола. Управляя Тобольскою губерніей въ продолженіе четырехъ лѣтъ, Викторъ Антоновичъ былъ для насъ добросовѣстнымъ представителемъ правительства и честнымъ *гражданиномъ*. Всякое правое дѣло имѣло въ немъ ревностнаго поборника; всякій, невинно угнетенный, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, находилъ въ немъ твердаго защитника. Не нравились его дѣйствія только тѣмъ людямъ стараго закала, которые привыкли, или находили для себя выгоднымъ, смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрѣли въ невозвратное минувшее время и какъ смотрятъ нынѣ всѣ ревнители *сословной исключительности*, въ ущербъ общему государственному интересу, и вообще всѣ тѣ, которые то низкими происками и интригами, то картинами какихъ-то ужасовъ, стараются препятствовать правительству въ проведеніи его благихъ реформъ. Прошло уже пять лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ В. А. Арцимовичъ оставилъ Тобольскъ, но мы такъ помнимъ и такъ

ѣнимъ его честную дѣятельность, что не могли остаться безмолвными слушателями порицателей его достойнаго имени и очли священнымъ долгомъ отвѣчать имъ заявленіемъ о его полнѣ благотворной и истинно гуманной дѣятельности въ нашемъ краѣ».

Подъ протестомъ стоятъ 145 подписей [6]).

III.

Съ 1858 г. судьба переноситъ В. А. въ иную область Россіи въ новую, болѣе обширную сферу дѣятельности. Назначенный ъ 1-го августа калужскимъ губернаторомъ, Арцимовичъ напелъ, наконецъ, ту широкую арену дѣятельности, которой давно же жаждала его богатая и дѣятельная натура, умудренная жиейскимъ опытомъ. Это была чуть ли не самая критическая пора ъ исторіи освободительнаго движенія конца 50-хъ годовъ, приедшаго къ паденію крѣпостнаго права и надѣленію крестьянъ емлею. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ уже оффиіально поставленъ на очередь, но онъ встрѣчалъ еще противодѣйствіе [7]) въ высшихъ сферахъ, и само правительство не мѣло пока окончательнаго и полнаго плана рѣшенія вопроса. 'верское дворянство первое въ августѣ 1858 г. выдвинуло оффиціально на очередь вопросъ о надѣлѣ землею; но правительство, разрѣшивъ его обсужденіе, соблюдало пока нейтралитетъ.

Переводъ изъ Сибири на новое губернаторство поставилъ рцимовича лицомъ къ лицу съ великимъ крестьянскимъ вопросомъ, которому онъ съ самаго начала относился съ величайшимъ интересомъ и глубокимъ сочувствіемъ. Положеніе В. А. ыло не изъ легкихъ. Калужская губернія была одна изъ первыхъ по количеству крѣпостнаго населенія [8]), а калужское дворянство далеко не сочувственно отнеслось къ этой великой ли-

---

[6]) См. *Современную Лѣтопись* 1862, № 18.

[7]) См. Ѳ. Еленева—Первые шаги освобожденія крестьянъ. СПб. 1886, гр. 59.

[8]) См. монументальный трудъ А. Скребицкаго — Крестьянское дѣло. Іюнь 1862, стр. XXIV.

беральной реформѣ, и оно одно изъ послѣднихъ подало адресъ объ освобожденіи крестьянъ [9]). Нуженъ былъ тактъ Арцимовича, его горячая вѣра въ свободу, чтобы если не убѣдить завзятыхъ крѣпостниковъ, что было выше силъ человѣческихъ, то хоть расшевелить у передовыхъ, болѣе развитыхъ представителей калужскаго дворянства лучшія человѣческія чувства. Открывая 6-го декабря калужскій комитетъ, Арцимовичъ въ рѣчи своей обратился къ дворянамъ съ простымъ, но задушевнымъ воззваніемъ: «прямое содѣйствіе ваше къ устройству многочисленнаго трудящагося сословія, сказалъ онъ, даруетъ вамъ *высокое право* участвовать въ отмѣнѣ того положенія дѣлъ, которое такъ рѣзко противорѣчитъ духу нашего времени, въ устраненіи многихъ глубокихъ страданій, завѣщанныхъ намъ временемъ, давно прошедшимъ, и въ установленіи такого порядка, чтобы возстановленіе этихъ страданій и неустройствъ въ будущемъ сдѣлалось *невозможнымъ*» [10]). Благотворное вліяніе обаятельной личности Арцимовича, мастера въ умѣніи будить въ самыхъ скромныхъ и зачерствѣлыхъ людяхъ лучшія стороны ихъ природы, сказалось вскорѣ [11]). Несмотря на то, что большинство калужскаго комитета принадлежало къ ярымъ защитникамъ дворянскихъ интересовъ, по нѣкоторымъ вопросамъ онъ шелъ впереди всѣхъ прогрессистовъ, Такъ, напр., благо-

---

[9]) См. тамъ же у Скребицкаго.

[10]) Матер. для ист. упразд. крѣпостн. права въ Россіи. 1860. Т. I, 293. На обѣдѣ дворянскомъ Арцимовичъ провозгласилъ тостъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „за успѣхи крестьянскаго дѣла и соглашенія частныхъ интересовъ съ общею государственною пользою на славу и процвѣтаніе нашего отечества“ (тамъ же, 295).

[11]) Преосвященный Григорій, епископъ Калужскій и Боровскій, не былъ противникъ отмѣны рабства, какъ нѣкоторые другіе іерархи, и сказалъ дворянамъ, предъ открытіемъ собранія: „улучшить бытъ крестьянъ дѣло *богоугодное*. Правда, здѣсь необходимо представляется мысль о нѣкоторомъ ущербѣ вашихъ собственныхъ выгодъ въ пользу крестьянъ. Но это свойство всякаго богоугоднаго дѣла. А гдѣ нѣтъ пожертвованія, тамъ нѣтъ и угожденія Богу. Человѣкъ, который умѣетъ дѣйствовать только по побужденію личной выгоды, только по разсчетамъ собственной пользы, такой человѣкъ живетъ очевидно только для себя, а не для Бога и не для общества, онъ эгоистъ, онъ чуждъ благочестія христіанскаго“ (см. Матеріалы, т. I, 288).

даря иниціативѣ Арцимовича [12]), комитетъ выдвинулъ вопросъ о *выкупѣ* надѣловъ, за который высказалось не только болѣе прогрессивное его меньшинство, но и весь комитетъ въ полномъ составѣ [13]).—Кромѣ того, В. А. принималъ участіе въ трудахъ Коммиссіи при министр. внутр. дѣлъ, составлявшей проектъ о крестьянскихъ мировыхъ учрежденіяхъ.

Съ изданіемъ Положеній 19-го февраля, Арцимовичъ всецѣло отдался задачѣ добросовѣстнаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ примѣненія ихъ. Стремясь къ правильному устройству, согласно съ духомъ освободительнаго акта 19-го февраля, гражданскаго и поземельнаго быта новаго свободнаго земледѣльческаго сословія, Арцимовичъ умѣлъ собрать вокругъ себя лучшихъ представителей мѣстной и столичной университетской дворянской молодежи, которая, воодушевляемая благороднымъ примѣромъ своего неутомимаго руководителя, усердно и съ честью послужила въ должности мировыхъ посредниковъ народному дѣлу. Одинъ изъ этихъ добрыхъ сѣятелей на нивѣ народной, П. Н. Обнинскій [14]), въ воспоминаніяхъ своихъ такъ передаетъ на-

---

[12]) См. назв. трудъ Скребицкаго, стр. XLVI.

[13]) См. назв. трудъ, т. IV, Боннъ. 1868, стр. 247. Предводитель дворянства г. Щукинъ, негодуя на неумѣстное вмѣшательство литературы въ домашнее (sic) дѣло дворянъ, выразилъ въ своей рѣчи сожалѣніе по поводу того, что „обсужденіе его (крестьянскаго вопроса) не могло совершиться при частныхъ взаимныхъ совѣщаніяхъ въ *домашнихъ* собраніяхъ владѣльческаго сословія, гдѣ практическое познаніе отношеній помѣщика къ крестьянину гораздо болѣе открываетъ истины (??), нежели всѣ ученыя теоретическія фразы (очевидно, здѣсь подразумѣвалась и статья К. Д. Кавелина, выдвинувшая вопросъ о надѣлѣ!) краснорѣчивыхъ, но неопытныхъ въ хозяйствѣ современныхъ ораторовъ“ (см. н. Матеріалы, 294).

[14]) Передаемъ со словъ этого знаменитаго посредника, нынѣ извѣстнаго юриста-публициста П. Н. Обнинскаго, (см. главу XIX) имѣвшаго счастье начать свое общественное служеніе въ „красные дни“ нашего освободительнаго возрожденія и нынѣ благословляющаго судьбу, „избаловавшую“ его этимъ счастьемъ, подробности перваго свиданія его, какъ мироваго посредника, съ губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ: „Я радъ въ васъ видѣть, сказалъ губернаторъ, усадивъ меня въ своемъ кабинетѣ (тогда это былъ пріемъ, выходящій заурядъ), будущаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу, *гражданина*, полезнаго своему отечеству. Люди съ университетскимъ образованіемъ въ провинціи рѣдки, а они нужны мнѣ, необходимы дѣлу: я

путствіе, слышанное имъ отъ Арцимовича: «вѣрьте въ свое дѣло,—говорилъ онъ,—*чтите законъ во что бы то ни стало*, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ — я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ, все, что только вы потребуете отъ меня». Но, какъ и слѣдовало ожидать, твердый и безпристрастный образъ дѣйствій Арцимовича вызвалъ неудовольствіе со стороны помѣщиковъ, которые стали обвинять его прямо въ демагогическихъ стремленіяхъ...

Введеніе въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ представляло чрезвычайныя трудности. Отставка С. С. Ланскаго и Н. А. Милютина, состоявшаяся уже въ апрѣлѣ 1861 г., сильно пріободрила крѣпостниковъ, получившихъ надежду передѣлать «на дѣлѣ» всю освободительную реформу, т. е. примѣнять ее, не нарушая буквы закона, однако въ разрѣзъ съ его духомъ. В. А. Арцимовичъ, преданный всею душею именно духу крестьянской реформы, съ большою энергіею вступилъ въ борьбу съ такими тенден-

---

ищу ихъ съ огнемъ... потому что они, во-первыхъ, молоды, чисты душою, не испорчены жизнью и существующими служебными порядками, а во-вторыхъ, что не менѣе важно для дѣла, независимы отъ среды, въ которой придется имъ работать! Вѣрьте въ свое дѣло, *чтите законъ во что бы то ни стало*, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ — я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ, все, что только вы потребуете отъ меня". (Русскій Архивъ, 1892, № 1, стр. 121).—Чтобы очевидно было все значеніе этого напутствія, достаточно сопоставить его съ рѣчью, съ которою обратился къ посредникамъ, новый калужскій губернаторъ г. Лерхе, назначенный вскорѣ послѣ того, когда со вступленіемъ въ 1861 г. П. А. Валуева на постъ министра внутреннихъ дѣлъ началось въ угоду „близорукой и безъидейной реакціи" (см. Leroy - Beaulieu — Un homme d'état russe, стр. 76) обычное „смягченіе" только что изданнаго закона, т. е. попросту отмѣна закона въ административномъ порядкѣ, путемъ министерскихъ циркуляровъ.—Вотъ что говорилъ мировымъ посредникамъ преемникъ В. А. Арцимовича. „Всѣ вы, господа мировые посредники, стараетесь объяснять законъ, растолковываете крестьянамъ ихъ *права*. Къ чему? Это только обостряетъ отношенія; если крестьяне домогаются — и исполняются эти домогательства, то старайтесь при этомъ внушать имъ, что на то была *добрая воля* помѣщика, его внимательность въ нуждахъ бывшихъ крѣпостныхъ, и что они получаютъ его согласіе, какъ милость" (Р. Ар., тамъ же, стр. 26).

ціями, рискуя навлечь на себя небезопасное неудовольствіе по-
мѣщичьей партіи, располагавшей сильными связями въ высшихъ
сферахъ. В. А. смѣло вступилъ въ этотъ ожесточенный бой,
и если палъ, то палъ, покрывъ свое имя честью и славой.

Одинъ изъ поводовъ къ столкновенію Арцимовича съ калуж-
скими помѣщиками былъ вопросъ о рекрутскихъ квитанціяхъ,
операція съ коими составляла одну изъ выгодныхъ, но грязныхъ,
спекуляцій помѣщиковъ и практиковалась открыто, несмотря
на свою противозаконность и явную неблаговидность, граничa-
щую съ уголовнымъ обманомъ. Помѣщикъ бралъ выкупъ съ бо-
гатаго крестьянина за рекрутскую повинность, и никогда почти
не покупая [15]) рекрутской квитанціи, силою своей власти отдавалъ
на выкупившагося другаго, бѣднаго. Съ введеніемъ Положенія
о крестьянахъ, крѣпостные, заплатившіе помѣщикамъ деньги и
взятые тѣмъ не менѣе въ рекруты, стали обратно требовать
съ нихъ уплаченныя суммы. Помѣщики стали защищаться ссыл-
кою на ст. 18 Положенія, воспрещавшую принимать жалобы
на дѣйствія помѣщиковъ, совершенныя *въ силу* существовавшаго
крѣпостнаго «права». Гг. помѣщики считали себя неуязвимыми
за этою формальной защитою, какъ за каменною стѣною, мало
интересуясь некрасивостью своего поступка, съ точки зрѣнія
самой элементарной порядочности, и забывая, что non omne quod
licet honestum est (не все законное прилично). Когда дѣло до-
шло до Калужскаго губернскаго присутствія, въ которомъ пред-
сѣдательствовалъ Арцимовичъ, то сдѣлана была тщательная про-
вѣрка, съ точки зрѣнія строго-законной, возраженій помѣщиковъ
и признано, что такіе обманные поступки были совершены не
въ силу крѣпостнаго права (ст 1027—1137 т. IX Св. Зак.),
не допускавшаго подобныхъ операцій, а вслѣдствіе злоупотреб-
ленія имъ (за что иногда брали помѣщиковъ въ опеку [16]).
Присутствіе стало присуждать обобранныхъ крестьянамъ съ по-
мѣщиковъ противозаконно удерживаемыя деньги. Inde ira № 1.

Затѣмъ массу нареканій навлекъ на себя Арцимовичъ стрем-
леніемъ внести хоть нѣкоторый элементъ права въ старую крѣ-

---

[15]) См. *День* 1863, № 3, стр. 11. Примѣч. редактора И. С. Аксакова.
[16]) См. тамъ же. 12—13 стр.

постническую среду, насквозь пропитанную сознаніемъ своего полновластья и полнаго безправья «хамовъ». Положимъ, воля была объявлена, но что значитъ воля, если мѣстная полиція является послушнымъ орудіемъ для безцеремоннаго обиранія крестьянъ и если можно бить ихъ и дубьемъ, и рублемъ, благодаря круговой порукѣ? Какъ извѣстно, многіе крѣпостники охотно мирились съ такою *мнимою* волею, при которой они получали въ свое распоряженіе и организованную «вотчинную» полицію и обезпеченіе въ видѣ ручательства міра (см. выше, гл. II, прим. 43).

Таковы были не въ мѣру разыгравшіеся аппетиты и калужскихъ дворянъ, которые, съ первыхъ же дней по объявленіи воли, самымъ рѣшительнымъ образомъ сталъ вводить въ границы закона Арцимовичъ. По предложенію его калужское губернское присутствіе уже 27-го марта 1861 г. единогласно одобрило циркулярное разъясненіе по полиціи, коимъ ограждалась личность крестьянъ отъ «раздражительныхъ требованій помѣщиковъ», требовавшихъ розогъ по поводу самомалѣйшей неисправности ихъ. Губернское Присутствіе исходило изъ той мысли, что «съ отмѣною крѣпостнаго права всякое нарушеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ, не можетъ уже имѣть никакого инаго характера, значенія и послѣдствія, какъ нарушеніе обыкновенныхъ обязательствъ, причиняющее вредъ или убытокъ, и требующее возмѣщенія потерпѣвшему лицу порядкомъ *чисто гражданскимъ*, но отнюдь не уголовнымъ, кромѣ случаевъ открытаго сопротивленія» [17]). Отсюда еще большіе вопли по поводу анархіи, заведенной Арцимовичемъ. Лидеръ [18]) калужскихъ крѣпостниковъ г. Потуловъ, меча громы противъ него, писалъ между прочимъ: «поля или вовсе остались безъ обработки или обрабатывались столь плохо, что не могли давать надлежащаго урожая» [19]). Указывая за тѣмъ,

---

[17]) См. Современную Лѣтопись, 1863, № 16.

[18]) Единомышленниковъ у г. Потулова оказалось 171 человѣкъ, заявившихъ ему печатно свою солидарность въ характеристикѣ управленія Арцимовича (См. Соврем. Лѣтопись, 1863, №№ 28 и 21).

[19]) Петръ Свистуновъ и кн. Андрей Оболенскій съ точными статистическими данными въ рукахъ доказали, что это утвержденіе было совер-

что оброки съ крестьянъ *вовсе* не взыскиваются, г. Потуловъ, между прочимъ, писалъ: «да, дворяне-крѣпостники, въ смыслѣ крѣпости (?) закона и въ значеніи охранительнаго начала спокойствія въ государствѣ въ прямую противоположность тѣмъ жалкимъ личностямъ, которыя подъ личиною человѣколюбія [20]) и никогда ясно не высказываемаго ими своеобразнаго передоваго образа мыслей, стараются для осуществленія своихъ идей, обходить (!) законъ произвольными перетолкованіями [21]), не стыдятся желать надѣлять, кого по ихъ разсчетамъ (sic) нужно, похищеніями (?!) изъ чужаго достоянія, а въ довершеніе подрывая (?!) въ народѣ уваженіе къ закону и развивая (!) въ

шенно ложно и что количество обрабатываемой земли «послѣ воли» увеличилось, а не уменьшилось въ Калужской губ. (см. Соврем. Лѣтопись, 1863, № 21).

[20]) Прекрасною иллюстраціею, какъ «крѣпостники» понимали истинное человѣколюбіе, можетъ служить исторія устройства крестьянъ въ имѣніяхъ г. Потулова. Крестьяне оставались на барщинѣ, несмотря на ихъ настойчивое требованіе перевести на оброкъ, въ виду несогласія помѣщика. Еще до назначенія мировыхъ посредниковъ, Потуловъ жаловался на неисполненіе крестьянами барщины, и уѣздный предводитель дворянства, не сносясь съ губернаторомъ, своею властью ввелъ роту въ имѣніе Потулова и выпоролъ его крестьянъ. Затѣмъ еще вторично была совершена экзекуція въ томъ же имѣніи, и за прогульные дни были взысканы деньги, послѣ чего крестьяне сами уже не пожелали идти на оброкъ, на чемъ на этотъ разъ сталъ настаивать самъ г. Потуловъ. При объѣздѣ губерніи Арцимовичемъ, въ виду жалобъ крестьянъ, онъ принялъ нѣкоторыя административныя мѣры. Затѣмъ въ третій разъ въ имѣніе его введена была рота изъ-за того, что крестьяне не хотѣли передать «знака» старостѣ, назначенному мировымъ посредникомъ по указанію Потулова. На этотъ разъ пріѣзжалъ для экзекуціи самъ губернаторъ Лерхе (преемникъ Арцимовича) и наказалъ розгами *пятаго* изъ наличныхъ крестьянъ. Вопросъ о «знакѣ», который оказался брошеннымъ въ рѣку, мин. внутр. дѣлъ Валуевъ разрѣшилъ съ классическою простотою суда Соломонова—онъ приказалъ пріобрѣсти *новый* знакъ... Любопытно, что тотъ же г. Потуловъ обвинялъ администрацію за *непринятіе* никакихъ мѣръ по взысканію оброка съ крестьянъ». (Соврем. Лѣтопись, 1863, № 21).

[21]) Это мѣсто особенно возмутило жителей Тобольска (см. выше), хорошо знавшихъ, что Арцимовичъ былъ вездѣ и всегда самымъ рѣшительнымъ врагомъ произвольныхъ мѣръ.

крестьянахъ тлетворную мысль *отрицанія правъ собственности*, готовятъ для отечества самую страшную будущность» [22]).

Если такую чудовищную родомонтаду трусливые и жадные крѣпостники не стѣснялись выносить публично, то не трудно догадаться, какимъ букетомъ инсинуацій и клеветъ должны были отдавать интимныя «сообщенія» и «донесенія»—куда слѣдуетъ...

Для провѣрки доносовъ, поднявшихъ тревогу, калужскихъ крѣпостниковъ была назначена въ 1862 году сонаторская ревизія чрезъ сенатора Капгера. Но никакія ревизіи не были страшны для Арцимовича, который былъ безукоризненно чистъ и предъ совѣстью и предъ закономъ! Ревизующій сенаторъ аттестовалъ блестящимъ образомъ строго законное и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчное, просвѣщенное управленіе губерніею и въ особенности вполнѣ удовлетворительное введеніе Положенія о крестьянахъ. Укажу на одинъ знаменательный фактъ. Несмотря на то, что Калужская губернія кишмя кишѣла самыми завзятыми крѣпостниками и ожесточенные помѣщики предъявляли самыя требовательныя и притязательныя условія, все-таки, какъ оказалось, благодаря уму, такту и находчивости сотрудниковъ Арцимовича, достигнутъ былъ необыкновенно счастливый результатъ: изъ 3000 уставныхъ грамотъ 1400 были заключены по миролюбивому соглашенію [23]).

Хотя заключенія сенаторской ревизіи были крайне лестны для репутаціи Арцимовича, однако, онъ былъ взятъ изъ Калуги, въ видахъ успокоенія, обезумѣвшихъ отъ страха, корыстолюбивыхъ калужскихъ крѣпостниковъ. Удаленіе его вызвало всеобщее со-

---

[22]) *Соврем. Лѣтопись*, 1863, № 10.

[23]) г. Сухотинъ пишетъ: „Кончилъ вечеръ въ клубѣ, гдѣ опять ь объ Арцимовичѣ съ озлобленнымъ чувствомъ; онъ точно сдѣ- ескимъ лицомъ. Надо сознаться, что 19-е февраля породило странныя ненависти между извѣстными представителями либе- хъ принциповъ и защитниками дворянскихъ привилегій. Эти не- приняли характеръ какой то озлобленный и часто безотчетный". тивной стороны слышатся такія же рѣзкія нападки противъ телей тѣхъ началъ, которыя, по словамъ Сухотина, всегда были какъ азбука хорошихъ правилъ, но за послѣдніе годы стали ся многими за пошлость и тупоуміе. (*Русс. Арх.* 1884 № 4) менную Лѣтопись, 1863, № 16, стр. 10.

жалѣніе, особенно же въ крестьянскомъ и городскомъ населеніи, образованная часть коего особенно хорошо знала и цѣнила плодотворную дѣятельность знаменитаго губернатора.

Въ газетѣ И. С. Аксакова «*День*» одинъ изъ калужанъ въ такихъ выраженіяхъ передалъ тогдашнее настроеніе калужскаго общества.

«14 минувшаго декабря (1862), писалъ онъ, пронесся по Калугѣ слухъ о назначеніи начальника нашей губерніи, Виктора Антоновича Арцимовича, на новый и высшій постъ государственной службы. Подобные слухи и прежде часто посѣщали Калугу: они также скоро стихали, какъ легко появлялись; но послѣднему суждено было исполниться. Достовѣрность его съ каждымъ днемъ подтверждалась все болѣе и болѣе. И хоть не было о томъ оффиціальныхъ извѣстій, никто больше не сомнѣвался, что пришло время калужанамъ разстаться съ своимъ любимымъ, дорогимъ, замѣчательнымъ губернаторомъ. Толкамъ, сожалѣніямъ не было конца. Мѣщане, купцы, чиновники, — всѣ живо заинтересованы были новымъ назначеніемъ начальника губерніи, равнаго которому, по достоинствамъ, не вспомнятъ калужскіе старожилы: тяжело было имъ помириться съ мыслію о предстоящей разлукѣ. Радовались этому событію только поборники крѣпостнаго права, которыхъ въ нашей губерніи, къ несчастію, еще слишкомъ довольно. Но дѣлать было нечего: нужно было покориться волѣ благопопечительнаго правительства и спѣшить выразить свою признательность человѣку, котораго мы такъ искренно любили, начальнику, котораго мы такъ глубоко уважали, бывши свидѣтелями его дѣйствій въ самую трудную эпоху для Россіи,—эпоху прекращенія крѣпостныхъ отношеній. Еще не было получено оффиціальнаго извѣстія о новомъ назначеніи Виктора Антоновича, а между калужскимъ купечествомъ заходили толки о томъ, какъ бы увѣковѣчить дорогую объ немъ память въ Калугѣ. Рѣшено было просить у правительства разрѣшенія поднести благодарственный адресъ Виктору Антоновичу, а портретъ его поставить въ залѣ калужской думы.

«Потомъ въ честь начальника губерніи даны были два прощальные обѣда: одинъ отъ купечества 27-го декабря, другой отъ чиновниковъ 29-го числа. Я не буду подробно описывать

всего, что было на этихъ обѣдахъ.. Замѣчу только, что эти обѣды не были, какъ нерѣдко это бываетъ, одними оффиціальными обрядами. Они были полны живаго общественнаго интереса. Въ нихъ и на нихъ выразились всѣ симпатіи общества *къ тому* лицу, въ честь котораго они давались, и къ тѣмъ жизненнымъ началамъ, которыя постоянно одушевляли его дѣятельность. Всѣ, принимавшіе участіе въ этихъ обѣдахъ, пришли сюда по живому искреннему влеченію сердца: лишнихъ людей—*крѣпостниковъ тутъ не было*. Безъ преувеличенія можно сказать, что здѣсь были большею частію люди передовые нашего края, честные труженики, защитники и поборники всѣхъ общественныхъ улучшеній и реформъ, совершенныхъ, предпринятыхъ и вводимыхъ правительствомъ, а слѣдовательно, защитники современнаго, человѣчнаго образа мыслей и дѣйствій Виктора Антоновича. Это было, можно сказать, огромное тѣсно сплоченное товарищество, положившее себѣ дѣйствовать во имя правды и христіанской любви къ человѣку. Оттого на всемъ, что ни говорилось на этихъ обѣдахъ, какъ начальникомъ губерніи, такъ и другими лежала печать глубокаго убѣжденія и и неподдѣльнаго чувства; произнесенныя рѣчи были краткою характеристикою правительственной и общественной дѣятельности г. Арцимовича и живымъ отраженіемъ современныхъ общественныхъ потребностей... Послѣ обѣда началась и продолжалась подписка на содержаніе двухъ пансіонеровъ въ гимназіи въ память Виктора Антоновича.

«Наконецъ, пришло отъ правительства разрѣшеніе на составленіе адреса, который и былъ поднесенъ отъ калужскаго купечества г. Арцимовичу въ самый новый годъ, послѣ благодарственнаго молебна въ соборѣ. Въ день отъѣзда начальника губерніи, его провожали многіе до первой станціи... Но самые лучшіе проводы ему—это тысячи молитвъ и благословеній калужскаго [illegible], котораго человѣческія и законныя права онъ такъ [illegible] горячо отстаивалъ» [24]).

[illegible] этимъ послѣднимъ строкамъ, писалъ отъ себя редакторъ *Дня* [illegible], прибавлять нечего: похвалы лучше и *полновѣсные* этой [illegible], — и мы бы не допустили ея на страницахъ нашей газеты, [illegible] это не была *правда*. А мы, вполнѣ знакомые и съ личнымъ харак-

Перейдя съ 1863 г. изъ Калужской губерніи, въ Москву, В. А. увозилъ съ собою драгоцѣнное сувениры: въ видѣ золотой медали въ память освобожденія крестьянъ и серебрянаго креста за введеніе въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, а также высшую для всякаго общественнаго дѣятеля награду — общую признательность интеллигентнаго общества и самаго народа. Доселѣ въ глухихъ деревняхъ [25]) Калужской губерніи можно встрѣтить фактъ небывалый,—въ избахъ крестьянъ фотографическій портретъ Арцимовича и его честныхъ сотрудниковъ, мировыхъ посредниковъ.

IV.

Изъ Калуги В. А. былъ переведенъ сенаторомъ въ Москву въ VIII департаментъ Сената. Затѣмъ послѣ кратковременнаго пребыванія въ Царствѣ Польскомъ, куда онъ долженъ былъ отправиться настоянію Александра II, за ранѣе убѣжденный въ безплодности своей миссіи В. А. переходитъ на службу въ новый кассаціонный Сенатъ. Съ открытіемъ въ 1866 году новаго суда В. А. отдаетъ всѣ свои силы и дарованія, весь пылъ своей неостывшей энергіи, убѣжденной мысли и добраго сердца на

геромъ и съ служебною дѣятельностью г. Арцимовича, знаемъ положительно, что это—точно правда. Въ 1-мъ № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей помѣщена вѣрная и правдивая характеристика его дѣятельности какъ губернатора, на которую считаемъ нужнымъ обратить вниманіе нашихъ читателей. Имя В. А. Арцимовича будетъ неразрывно связано съ исторіею крестьянскаго дѣла въ Россіи, и эта же исторія занесетъ на свои страницы описаніе его упорной борьбы съ сословной исключительностью и отживающимъ старымъ крѣпостнымъ порядкомъ". (*День*, 1863, № 3).

— Одновременно и по однороднымъ причинамъ, т. е. подъ натискомъ крѣпостнической реакціи былъ удаленъ и товарищъ Арцимовича по училищу правовѣденія, другъ и единомышленникъ его до послѣднихъ дней, извѣстный дѣятель преобразовательной эпохи, вводившій въ дѣйствіе Положеніе о крест. въ бытность свою губераторомъ Оренбургской и Саратовской губерніи Е. И. Барановскій, а также пензенскій губернаторъ Я. А. Купріановъ, оказавшій въ бытность свою нижегородскимъ вице-губернаторомъ въ концѣ 50-хъ большое вліяніе на ходъ крестьянской реформы. (*День*, 1863, № 13)

[25]) См. *Русск. Вѣдом.* 1891 г., № 164.

трудное, благородное, но не всегда благодарное служеніе его высокой миссіи. Войдя вмѣстѣ съ друзьями своими, Буцковскимъ и Зубовымъ, въ составъ перваго присутствія уголовнаго кассаціоннаго департамента, сообща съ этими доблестными хранителями гуманно-освободительныхъ основъ судебной реформы, онъ положилъ первые прочные принципы нашего новаго уголовнаго процесса, и далъ *первые* [26]) образцы неустрашимаго служенія суду. По болѣзни первоприсутствующаго почти безпрерывно до 1870 года исполнялъ В. А. его обязанности, направляя дѣятельность этого высшаго регулятора новой судебной практики.

Кому неизвѣстно, какія серьезныя затрудненія встрѣчались на пути просвѣтительной миссіи новаго суда по водворенію законности и правды. Во внѣ его нужно было охранять отъ посягательствъ администраціи, которая, будучи дотолѣ всесильною, не легко мирилась съ предѣлами, указанными новымъ судебнымъ законодательствомъ. Нужно было ограждать законъ и судъ и отъ судебной администраціи, которая, послѣ ухода министра юстиціи Д. Н. Замятнина, стала колебать судейскую независимость косвенными мѣрами въ родѣ назначенія исправляющихъ должность судебныхъ слѣдователей.

Не менѣе трудны были задачи и въ нѣдрахъ самого новаго суда. Новыя начала гласности, равноправности сторонъ, гуманнаго отношенія къ подсудимому съ уваженіемъ его человѣческаго достоинства и признанныхъ закономъ правъ, не легко прививались къ жизни. Прокуроры, помня свое недавнее прошлое, не легко мирились съ новымъ, болѣе скромным положеніемъ на судѣ. Предсѣдатели, невольно втягиваясь [illegible] горячихъ судебныхъ схватокъ, не всегда умѣли [illegible] подобающее имъ безстрастіе судебнаго нейтралитета. [illegible] судъ, увлекаясь иной разъ похвальнымъ, но неумѣреннымъ усердіемъ по раскрытію истины, не всегда умѣлъ сдерживать въ границахъ закона свои благородные, но неумѣстные

[26]) Въ [illegible]ахъ, при отсутствіи несмѣняемости, исторія, какъ [illegible]ъ, не знала вовсе типъ судьи, праведно суди[illegible]охранила памяти о лицахъ, безстрашно держащихъ [illegible] (*Отечеств. Записки*. 1862. № 11, стр. 5).

орывы и не всегда уважалъ въ должной мѣрѣ законныя права одсудимаго. Высшій блюститель духа и основъ новыхъ Судебыхъ Уставовъ, кассаціонный Сенатъ, руководимый такимъ опытымъ и стойкимъ кормчимъ, какъ Арцимовичъ, являлся всегда о время съ своимъ олимпійскимъ: quos ego! и съ внушительымъ напоминаніемъ, что для суда нѣтъ инаго пути къ истинѣ, акъ почва закона и, что всякое нарушеніе началъ равноравности и безстрастія противорѣчитъ достоинству суда [27]). Імя Арцимовича неразрывно связано съ этимъ первымъ наиолѣе труднымъ и наиболѣе плодотворнымъ періодомъ дѣятельости нашего кассаціоннаго судилища.

Не менѣе важны, какъ уже замѣчено, заслуги Арцимовича о должности его первенствующаго сенатора I департамента, оторую онъ занималъ съ 1880 года и почти до послѣднихъ ней своей жизни. Масса серьезныхъ и тонкихъ вопросовъ адмиистративнаго права проходила и проходитъ чрезъ эту высшую истанцію нашей административной юстиціи, на обязанности коей ежитъ примирять высшія требованія твердой законности при толкновеніи ихъ съ временными, но подчасъ крайне властными; ритязательными и могущественными соображеніями администраивной цѣлесообразности; охранять самостоятельность органовъ ашего столь хрупкаго и прекарнаго самоуправленія, скромныя рава коего нерѣдко вызывали серьезныя нападки. Громадный олувѣковой административно-судебный опытъ В. А., его тонкое ридическое развитіе, стойкость характера и твердость въ убѣжеиіяхъ, безъ сомнѣнія, оказывали немалое содѣйствіе нашему ысшему блюстителю законности по дѣламъ мѣстнаго самоуправеніія для достойнаго выполненія его вообще трудныхъ, а часто щекотливыхъ функцій [28]).

---

[27]) Въ извѣстной книгѣ К. К. Арсеньева «Судебное слѣдствіе» приведена масса интересныхъ рѣшеній, относящихся къ этой наиболѣе цвѣтущей порѣ нашей кассаціонной практики. Укажемъ для примѣра рѣш. 869, № 983, въ которомъ сенатъ осудилъ косвенное домогательство на ухъ сознанія подсудимаго путемъ допроса судебнаго слѣдователя, или рѣш. 867, № 522, въ которомъ сенатъ установилъ извѣстную постепенность ъ примѣненіи дисциплинарной власти предсѣдателя къ защитникамъ.

[28]) Въ прекрасномъ некрологѣ, напечатанномъ въ апрѣльскій книгѣ

Заслуги эти, въ общихъ чертахъ, слишкомъ общеизвѣстны, чтобы нужно было объ нихъ напоминать, а съ другой стороны, захватываютъ слишкомъ близкій къ намъ періодъ времени, съ его злобами дня, чтобы удобно было говорить о нихъ подробно и откровенно.

V.

В. А. принималъ всегда близко къ сердцу и всѣ живые общественные вопросы дня. Стоя за самое широкое распространеніе образованія, В. А., въ качествѣ представителя поколѣнія иде-

---

Вѣстника Европы, А. К. пишетъ о дѣятельности В. А. въ I департаментѣ слѣдующее: Складъ его ума и характера требовалъ широкихъ взмаховъ кисти,—возможности, какъ говорятъ французы, „tailler en plein drap“. Мелкая, мозаичная работа, съ забвеніемъ о ея назначеніи, размѣрахъ и значеніи въ общей картинѣ, не находила въ немъ живаго сочувствія. Судьба дала ему слишкомъ большія и сильныя крылья, — и клѣтка *конкретнаго случая* давила его и стѣсняла его широкій полетъ въ область общихъ началъ и принципіальныхъ взглядовъ. Разносторонняя и гораздо болѣе широкая сфера дѣятельности перваго департамента сената, которому, между прочимъ, принадлежитъ, по выраженію закона, высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія, обнародованіе законовъ, охраненіе правъ различныхъ сословій и попеченіе о средствахъ къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, гораздо болѣе была по душѣ покойному, и ей отдался онъ съ 1880 г. со свойственною ему энергіею. 12-ть лѣтъ стоялъ онъ во главѣ этого учрежденія, будучи старшимъ сенаторомъ, отдавая такимъ образомъ послѣдніе годы своей трудовой и тревожной жизни упорной работѣ по сложнымъ вопросамъ, касающимся весьма чувствительнымъ образомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашего общественнаго быта и потому всегда носящихъ въ себѣ зерно споровъ и разногласій. Эта борьба мнѣній не академическая, въ которой все сводится къ болѣе или менѣе успѣшной діалектикѣ. – она отражается тотчасъ же, въ своемъ окончательномъ результатѣ, на жизни населенія, производя въ ней подчасъ измѣненія годами сложившихся отношеній и сопровождаясь, въ разныхъ ея областяхъ, многоразличными развѣтвленіями разъ установленнаго взгляда или толкованія. Въ этой борьбѣ трудно участвовать съ олимпійскою безстрастностью. Арцимовичъ и не былъ никогда такимъ олимпійцемъ, а ставъ на сторону того, что казалось ему правымъ или полезныхъ, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нерѣдко осуществляя старую поговорку: „etiamsi omnes – ego non!“

алистовъ 40-хъ годовъ не считалъ справедливымъ лишать этого блага, одного изъ важнѣйшихъ въ жизни, цѣлую половину рода человѣческаго и горячо всегда ратовалъ и словомъ и дѣломъ за женское образованіе, не исключая и высшаго. До конца жизни онъ состоялъ предсѣдателемъ Общества для вспомоществованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Въ 1886 г. Арцимовичъ къ двадцатипятилѣтію освобожденія крестьянъ былъ избранъ въ число почетныхъ членовъ Московскаго Юридическаго Общества за крупныя заслуги его въ великой реформѣ 19-го февраля.

Въ 1891 г. по случаю 50-ти лѣтія государственной службы В. А. получилъ Владиміра 1 ст. Поэтому же случаю одинъ изъ «старыхъ калужанъ» (одинъ изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета) въ слѣдующихъ симпатичныхъ выраженіяхъ вспомнилъ плодотворную дѣятельность В. А. въ Калугѣ: «едва ли, гдѣ съ такою яркостью проявились особыя свойства его натуры — неутомимая энергія и любовь къ правдѣ, писалъ онъ, какъ при управленіи Калужской губерніей. Занимая съ начала 1858 года постъ губернатора въ Калугѣ, В. А—чъ являлся образцомъ неутомимѣйшаго работника, который, казалось, ни на минуту не складывалъ рукъ, который притомъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ: — словомъ и примѣромъ возбуждать другихъ къ доброму и разумному труду. Онъ горячо вѣрилъ въ людей и умѣлъ отыскать въ самыхъ скромныхъ и забитыхъ личностяхъ добрыя начала и цѣнныя способности и возбудить въ нихъ силы надеждой на лучшую будущность. Одаренный живой и ясной мыслью, смѣлый въ словѣ и дѣлѣ, всегда благородно прямой и ровный, онъ былъ гордостью и радостью всѣхъ честныхъ людей, имѣвшихъ къ нему отношенія по службѣ или по знакомству. Воспоминаніе о В. А—чѣ, спустя почти 30 лѣтъ послѣ того, какъ онъ оставилъ службу въ Калугѣ, остается доселѣ живымъ между людьми всѣхъ классовъ. Въ городскихъ домахъ, а не рѣдко въ крестьянской избѣ какой нибудь глухой деревни, можно и теперь встрѣтить его фотографическое изображеніе, какъ олицетвореніе высокой гуманности и безграничной преданности долгу.

«В. А—чъ во время калужскаго губернаторства вносилъ свѣтъ

во *всѣ области* мѣстной жизни. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ губернія, которая раньше представляла образецъ дореформенной спячки, сдѣлалась неузнаваемой. Не только въ самой Калугѣ, но и въ мелкихъ городахъ закипѣла бодрая умственная и общественная работа. Имя В. А—ча привлекло къ нему на службу изъ Петербурга много людей съ высокимъ образованіемъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ, которые оставляли столичную карьеру, чтобы вести скромную служебную работу подъ руководствомъ просвѣщеннаго начальника. Отчасти подъ вліяніемъ этого пришлаго элемента, и мѣстные дѣятели, дотолѣ лѣниво влачившіе свои дни, воспрянули къ жизни. *Центромъ*, которой объединялъ всю эту работу и служилъ главнымъ источникомъ силы, была личность Виктора Антоновича. Лучшимъ памятникомъ его дѣятельности за это время навсегда останутся незабвенные труды по крестьянскому вопросу. Безъ всякаго потворства сословнымъ интересамъ, но и безъ всякихъ насилій, онъ съумѣлъ, благодаря своему свѣтлому уму, гуманному сердцу и безпримѣрному трудолюбію, благополучно распутать сложныя отношенія, возбудившіяся освобожденіемъ крестьянъ, и быстро установить на мѣсто прежняго произвола прочный строй легальныхъ отношеній. Конечно, честь водворенія новаго порядка въ губерніи В. А—чъ долженъ раздѣлить съ своими помощниками—мировыми посредниками, изъ которыхъ нѣкоторые были истинными друзьями народа, но ему принадлежитъ великая заслуга выбора такихъ людей и непрерывнаго руководства ихъ дѣйствіями.

«В. А—чъ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости широкаго разлива *образованія* въ освобожденномъ народѣ. Онъ никогда не соглашался съ мнѣніемъ, будто потребность грамотности не ощущается низшими классами. Онъ полагалъ, что грамотность не есть какая-нибудь прихоть человѣка. Считая грамоту великимъ рычагомъ духовнаго общенія и житейскаго благосостоянія, онъ признавалъ ея распространеніе безусловною необходимостью для всѣхъ слоевъ народа. Народная школа въ деревнѣ, даже въ наши дни, встрѣчаетъ не мало препятствій; въ тѣ же времена эти препятствія были неисчислимы. Подавленный бѣдностью, крестьянинъ былъ равнодушенъ къ школѣ,

а о помощи прочихъ сословій не было даже и помину. Правда, по отчетамъ считалось какъ будто не мало училищъ, но они существовали только на бумагѣ; никакого дѣйствительнаго ученія въ нихъ не было. Съ перваго же объѣзда В. А—чъ съумѣлъ заставить всю губернію заговорить объ этой насущной потребности народа. Владѣя рѣдкимъ даромъ убѣждать людей, онъ во всѣхъ уголкахъ отыскалъ лицъ, которыя положили основаніе настоящимъ школамъ въ современномъ смыслѣ слова. Первыми помощниками В. А—ча въ этомъ дѣлѣ были мировые посредники, затѣмъ земство довершило начатое дѣло. Кромѣ постоянныхъ училищъ В. А—чъ видѣлъ могучее орудіе къ распространенію грамотности въ *воскресныхъ классахъ*. По иниціативѣ и при непосредственномъ участіи В. А—ча и его ближайшихъ сотрудниковъ, въ одной Калугѣ скоро устроилось 6 воскресныхъ школъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ обучалось по *нѣскольку сотенъ лицъ*. В. А—чъ всячески поощрялъ эти школы, видя въ нихъ олицетвореніе лучшихъ стремленій и упованій той свѣтлой эпохи. Каждая школа была обставлена серьезно и внимательно. Отрадно вспомнить о томъ одушевленіи, какимъ проникнуты были преподаватели и руководители воскресныхъ школъ, и той напряженной работѣ, которую они добровольно на себя принимали.

«В. А—чу удалось даже создать мѣстную прессу. Подъ его вліяніемъ оффиціальный органъ, *Губернскія Вѣдомости*, сталъ помѣщать статьи, доступныя и полезныя по содержанію для всѣхъ мѣстныхъ жителей. Этотъ листокъ, дотолѣ никѣмъ не читаемый, скоро сдѣлался любимой и интересной провинціальной газетой. Мѣстные дѣятели, врачи, учителя, духовныя лица, техники, чиновники, стали помѣщать въ *Губ. Вѣд.* свои наблюденія и мысли, такъ что *Губ. Вѣд.* явились органомъ для той бодрой умственной работѣ, о которой была рѣчь выше.

«Вспоминая жизнь и службу В. А—ча въ Калугѣ, было бы несправедливо упустить изъ виду то незабвенное участіе, съ которымъ относился онъ къ *бѣдному люду* и въ особенности къ малолѣтнимъ сиротамъ, помѣщеннымъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ. Онъ не удовлетворялся обычнымъ типомъ сиротскихъ домовъ, въ которыхъ давались сиротамъ лишь насущный хлѣбъ и скудная одежда. Калужскій сиротскій домъ,

по новому уставу, собственноручно написанному В. А — чемъ, сталъ доставлять призрѣваемымъ правильное воспитаніе и образованіе. Многіе юноши, питомцы сиротскаго дома, получили возможность достигнуть впослѣдствіи даже университетскаго образованія и стать полезными гражданами [29]).

Такое искреннее и горячее признаніе великихъ заслугъ, оказанныхъ за 30 лѣтъ передъ тѣмъ, было однимъ изъ послѣднихъ немногихъ утѣшеній В. А.

VI.

Если, какъ справедливо говорятъ, свѣтлый и ясный закатъ жизни бываетъ удѣломъ только истинно добрыхъ и честныхъ людей, то этой рѣдкою и заслуженной наградою вполнѣ воспользовался В. А.

Сохраненіе до глубокой старости способности къ труду, къ любимому труду, безспорно одно изъ величайшихъ благъ, какія только возможны на землѣ. Этимъ благомъ также дано было пользоваться Арцимовичу почти до послѣднихъ дней жизни.

Еще въ концѣ 1892 года можно было видѣть величественную фигуру этого «классическаго», и по внѣшнему виду, и по внутреннимъ достоинствамъ, сенатора, медленною, но твердою поступью идущаго въ Сенатъ, чтобы, — слѣдуя традиціямъ, увы! столь рѣдкихъ Я. Долгоруковыхъ, — сказать свое вѣское и смѣлое слово въ защиту правды и закона, не мирволя никакимъ модньмъ теченіямъ, и дѣйствительно не взирая, какъ выражается въ своемъ наивномъ краснорѣчіи ст. 718 Уст. о Служ., «ни на какое лицо, ни на какое предложеніе, а тѣмъ менѣе на партикулярныя письма, хотя-бы отъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ»...

Никому не могло придти въ то время въ голову, что смерть уже сторожила этого бодраго, цвѣтущаго, несмотря на свой преклонный возрастъ, старца-красавца, выразительныя черты котораго, неся глубокіе слѣды пережитаго и передуманнаго за столь долгій и обильный событіями вѣкъ, получили какой-то

---

[29]) См. *Русс. Вѣд.* № 164 1891 г.

изящный рельефъ осмысленной монументальности, согрѣтой добрымъ чувствомъ. Словно вы видѣли передъ собою сошедшую съ плафона Сикстинской капеллы, изъ дивнаго сонма героевъ-пророковъ, созданнаго могучею кистью Микель-Анджелло, величавую фигуру могучаго старца-великана, но не грознаго, а добродушнаго, съ глубокими, ясными очами,—съ тою мягкою, таинственною улыбкою на тонкихъ губахъ, которая встрѣчается на произведеніяхъ да-Винчи и смыслъ которой до сихъ поръ не разгаданъ.

Невозможно было пройти мимо и не залюбоваться на эту колоссальную статную фигуру съ прекрасными, умными, добрыми чертами лица, съ красивою головою, увѣнчанною пышною короною серебристыхъ сѣдинъ, стяжавшею этому стойкому либералу и человѣколюбивому стражу закона знаменательное наименованіе: «*Монблана либерализма и гуманности*».

Такъ и хотѣлось сказать этому столь бодрому духомъ и тѣломъ въ 73 года старцу:

Alter, du bist alt in Haaren
Blühend aber ist dein Geist [30]).

Эта ясность духа, возможная только при чистой совѣсти и живомъ сознаніи добросовѣстно исполненнаго долга не покидала доблестнаго ветерана-прогрессиста и на смертномъ одрѣ во время мучительной предсмертной болѣзни, при которой онъ оправдалъ характеристику, сдѣланную его другомъ и шуриномъ маститымъ поэтомъ А. М. Жемчужниковымъ:

... въ немъ въ отпоръ его недугамъ.
Духовныхъ силъ запасъ великъ.

Подобно стоикамъ В. А. ни боялся, ни жаждалъ смертнаго часа:

Summum nec metuas diem nec optes.

Онъ тихо опочилъ, сознавая, что честно служилъ всю жизнь тому, чему вѣрилъ.

---

[30]) Старецъ, старъ ты волосами, но цвѣтущъ твой бодрый духъ.

[31]) Извѣстно, что «трезвые» публицисты 80-хъ годовъ журили слегка «романтика» Жуковскаго за «сантиментальное» преклоненіе передъ такимъ не интереснымъ кумиромъ, какъ «званіе человѣка».

Чему же вѣрилъ Арцимовичъ?

Тому, чему нынѣшніе гибкіе, линючіе оппортюнисты такъ мало вѣрятъ—въ «святѣйшее изъ званій—человѣкъ»[31]), въ человѣческое достоинство, и вѣрилъ онъ не такъ—какъ представители того типа флюгера-либерала, который французскій публицистъ характеризовалъ словами: il est à vingt libéral et à quarante canaille,—а всѣми силами души! Въ устахъ Арцимовича не было сильнѣйшаго порицанія, какъ слова: «людишки», «козявки», коими онъ обзывалъ мелкихъ людей съ крупными чинами, измѣнявшихъ своимъ убѣжденіямъ и продававшихъ свое человѣческое достоинство за чечевичную похлебку или за другія болѣе современныя, лакомыя и сытныя блюда. А съ другой стороны, не было у Арцимовича и высшей похвалы, какъ отзывъ: «вотъ это человѣкъ»!...

При мысли одной, что я человѣкъ,
Невольно душей возвышаюсь.

вотъ что можно было начертать, въ видѣ эпитафіи, на гробницѣ Арцимовича, какъ яркое выраженіе его жизненнаго девиза, какъ неизмѣнное его знамя.

Культъ альтруизма, человѣчности, вотъ что дѣлало личность Арцимовича столь обаятельною въ кругу лицъ, коимъ выпадало счастье такъ или иначе придти въ соприкосновеніе съ нимъ; вотъ что спасло и сохранило его гражданскую личность незапятнанною и въ мрачную дореформенную эпоху господства «неправды черной», и въ послѣдующія сѣрыя сумерки переходнаго времени, или безвременья, бывшаго свидѣтелемъ столькихъ неожиданныхъ и поразительныхъ случаевъ нравственнаго линянія, одичанія, ренегатства... «Смѣлый въ словѣ и въ дѣлѣ, всегда благородный, прямой и ровный, В. А., по приведенной задушевной характеристикѣ, былъ *гордостью и радостью* всѣхъ честныхъ людей, имѣвшихъ къ нему отношенія по службѣ или по знакомству».

Но значеніе и вліяніе личности, подобной Арцимовича, далеко выходитъ за кругъ его современниковъ и личныхъ свидѣтелей его дѣятельности. Это свыше полувѣковое честное и смѣлое служеніе правдѣ и закону, несмотря на самыя тяжелыя

условія дѣятельности, великій образецъ для назиданія и подражанія. Да будетъ вѣдомо всѣмъ почитателямъ нелегальныхъ путей, писалъ Тацитъ, что и при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ возможно скромное, но честное служеніе государству, если имѣется на лицо нравственная стойкость, гражданское мужество и пр. [32]). Постараемся, училъ тотъ же великій историкъ древности, отыскать между сопротивленіемъ, ведущимъ къ погибели, и раболѣпствомъ, лишающимъ чести, путь, свободный отъ нравственнаго паденія и отъ опастностей [33]). Арцимовичъ умѣлъ найти, безъ бравады, но и безъ позорныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, этотъ средній путь легальнаго, скромнаго, но *неустаннаго* служенія долгу *гражданина*...

Человѣчность прежде всего, училъ Грановскій. На этомъ основномъ правилѣ жизни строилъ Арцимовичъ свой кодексъ «гражданина». Черты гражданской дѣятельности В. А. сказались не только въ либеральную эпоху, когда всѣми былъ сильный запросъ на нее, но и въ дореформенное время полнаго приниженія гражданской личности. Въ это именно время, какъ видно изъ приведеннаго сибирскаго адреса, Арцимовичъ-губернаторъ дѣйствовалъ какъ *гражданинъ*, смотря на мѣстное населеніе какъ на согражданъ, а не какъ anima vilis, бездушный матеріалъ, пригодный для всевозможныхъ бюрократическихъ манипуляцій. Основанная на человѣчности «*гражданская энергія*» составляла едва ли не самую выдающуюся черту закаленнаго, на стоическій манеръ, изумительнаго характера Арцимовича. Высшее и настоящее достоинство человѣка, писалъ Никитенко, *въ характерѣ:* генію можно удивляться, какъ великой силѣ природы, но въ характерѣ человѣкъ является *творцомъ* себя, природа же даетъ ему только матеріалы [34]). Такимъ поистинѣ виртуозомъ-творцомъ своего характера былъ Арцимовичъ. Ни духъ времени, ни среда отнюдь не способствовали выработкѣ цѣльныхъ характеровъ. Только мѣсто, воспитаніе [35]) и литература 40-хъ

---

[32]) Taciti Agricola, 42.

[33]) Его же, Annalium IV, 20.

[34]) Дневникъ, III, 166.

[35]) Духъ училища въ мое время, пишетъ школьный товарищъ В. А. А. М. Жемчужниковъ, былъ превосходный, благодаря принцу П. Д. Оль-

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Юбилейныя справки.

I.

В. Д. Спасовичъ.

(31-ое мая 1866—1891 гг.).

31-го мая 1891 г. исполнилось 25 лѣтъ со дня вступленія въ адвокатскую корпорацію одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ судебныхъ ораторовъ, ученаго криминалиста, литератора-публициста и критика, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даниловича Спасовича. В. Д. родился въ 1829 г. въ гор. Рѣчицѣ, Минской губ. Въ 1849 г. онъ окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и уже черезъ два года защищалъ магистерскую диссертацію «О правахъ нейтральнаго флага». Рядъ мыслей, высказанныхъ въ диссертаціи, получилъ осуществленіе черезъ нѣсколько лѣтъ въ извѣстныхъ парижскихъ декларацiяхъ 1856 г.

Сблизившись съ извѣстнымъ ученымъ проф. Кавелинымъ, г. Спасовичъ въ 1857 г. занялъ каѳедру уголовнаго права въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ поднялъ преподаваніе этой науки до высокаго научнаго уровня. Поражая своихъ слушателей какъ глубиною своей эрудиціи и смѣлостью выводовъ, такъ и живостью, картинностью и изяществомъ изложенія, проф. Спасовичъ сразу пріобрѣлъ громкую извѣстность и въ университетѣ и за стѣнами его. Въ 1863 г. онъ издалъ извѣстный «Учебникъ уголовнаго права» и до нынѣ, т. е. черезъ

тридцать почти лѣтъ, составляющій настольную книгу для всякаго образованнаго юриста и давно уже сдѣлавшійся библіографическою рѣдкостью. Въ 1863 г. г. Спасовичъ долженъ былъ покинуть, послѣ извѣстныхъ событій, петербургскій университетъ вмѣстѣ съ проф. М. М. Стасюлевичемъ, К. Д. Кавелинымъ, А. Н. Пыпинымъ и др.

Но научно-литературная дѣятельность В. Д. безостановочно продолжалась и продолжается до сихъ поръ, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ. Кромѣ массы юридическихъ статей и монографій по разнообразнымъ отраслямъ права и процесса, В. Д. Спасовичъ написалъ много историко-литературныхъ и критическихъ монографій, изъ коихъ назовемъ «Исторію польской литературы». «Жизнь и политика маркиза Велепольскаго», и пр. Онъ же спеціально изучалъ Байрона и вліяніе байронизма на Пушкина, Лермонтова и Мицкевича. Въ послѣднее время г. Спасовичъ приступилъ къ изданію собранія своихъ сочиненій въ семи томахъ.

Съ 1866 г., съ открытіемъ новыхъ судовъ, В. Д. вступилъ въ сословіе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Почти съ самаго учрежденія С.-Петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, В. Д. Спасовичъ, съ небольшими перерывами, принималъ самое живое участіе въ дѣятельности его, то въ качествѣ предсѣдателя или товарища, то въ качествѣ рядоваго члена [1]). В. Д. былъ всегда «мірскимъ» человѣкомъ. Трудная миссія, выпавшая на долю петербургской адвокатуры — создать первые устои и принципы дѣятельности адвокатовъ въ духѣ Судебныхъ Уставовъ, т. е. въ духѣ мужественнаго, честнаго и безкорыстнаго служенія идеямъ новаго суда,— имѣла въ лицѣ В. Д. одного изъ полезнѣйшихъ сотрудниковъ. Установленіе корпоративной связи въ средѣ, члены которой, можно сказать, находятся въ безпрерывной междуусобной профессіональной войнѣ, внесеніе принциповъ этики въ профессію, которая дотолѣ жила и управлялась только хищническимъ принципомъ обиранія простоватыхъ и беззастѣнчиваго попиранія закона путемъ ловкаго обхода его, — такова была трудная задача, надъ разрѣшеніемъ которой такъ много поработалъ петербургскій

[1]) См. Макалинскаго. С.-Петербургская адвокатура, стр. 133.

Совѣтъ, всегда шедшій во главѣ русской адвокатуры. Только суровая и нравственно-щепетильная корпоративная дисциплина,— исходящая изъ принципа non omne quod licet honestum est, — могла создать традиціи честной адвокатуры, имѣющей назначеніемъ не поощреніе стяжательныхъ аппетитовъ ея сочленовъ, а исполненіе единственнаго назначенія присяжной адвокатуры— *служенія обществу*. Значеніе этой моральной узды, добровольно налагаемой на себя адвокатурою въ интересахъ осуществленія задачъ адвокатуры, было прекрасно изображено В. Д. Спасовичемъ съ свойственною ему поэтическою образностью въ одной изъ не напечатанныхъ его рѣчей. «Мы изобрѣли и наложили на себя, говорилъ онъ, узы самой *безпощадной дисциплины*, вслѣдствіе которой мы не колеблясь жертвуемъ своими вкусами, своими мнѣніями, своею свободою тому, что скажетъ громада — великій человѣкъ. Это подчиненіе особаго рода не людямъ, а началу, себя—себѣ же самому, съ *громадской* точки зрѣнія разсматриваемому—есть такая великая сила, которую тогда только оцѣнишь, когда чувствуешь, какъ она отъ тебя исходитъ. Намъ дорога та сила, которую даютъ крѣпкіе, суровые нравы. Оставимъ будущему смягчать ихъ, когда люди сдѣлаются лучшими» [2]).

Но независимо отъ своей дѣятельности въ составѣ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, г. Спасовичъ своею многолѣтнею адвокатскою практикою принесъ громадную пользу и новому суду, и молодой адвокатской корпораціи. Благодаря своимъ обширнымъ научнымъ свѣдѣніямъ и мастерской разработкѣ юридическихъ вопросовъ, г. Спасовичъ пользовался, громаднымъ авторитетомъ въ глазахъ судовъ всѣхъ степеней, не исключая и кассаціоннаго. Не одинъ десятокъ вопросовъ можно отмѣтить въ кассаціонной практикѣ, разрѣшенныхъ при дѣятельномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи этого талантливаго и трудолюбиваго юриста.

Безспорно и громадно вліяніе В. Д. Спасовича на направленіе и характеръ дѣятельности петербургской адвокатуры. Какъ извѣстно, корифеи адвокатуры всегда и вездѣ оказываютъ большое вліяніе на своихъ товарищей и на выработку пріемовъ

---

2) Замѣтки о русской адвокатурѣ К. К. Арсеньева, стр. 203.

адвокатской дѣятельности. Если мѣстныя знаменитости отличаются наклонностью къ напыщенной фразеологіи, прикрывающей пустоту мысли и незнакомство съ дѣломъ, то этотъ дурной примѣръ находитъ себѣ подражателей, особенно среди молодежи. Въ этомъ отношеніи вліяніе г. Спасовича на петербургскую адвокатуру было самое благотворное. Тщательное изученіе малѣйшихъ обстоятельствъ, самая усердная подготовка къ дѣлу (г. Спасовичъ пишетъ и выучиваетъ наизусть рѣчи по всѣмъ серьезнымъ дѣламъ), тонкій психологическій анализъ, всестороннее освѣщеніе судебнаго матеріала при помощи научныхъ данныхъ и литературныхъ параллелей — таковы пріемы, которыми всегда пользовался г. Спасовичъ и которые, подъ его вліяніемъ, перешли въ традиціи петербургской адвокатуры. Постоянное близкое общеніе съ наукою и литературою сообщаетъ рѣчамъ г. Спасовича ту богатую содержательность, благодаря которой рѣчи эти въ чтеніи производятъ не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ при слушаніи.

Но это не значитъ, что г. Спасовичъ не имѣетъ успѣха, какъ ораторъ. Я помню одно засѣданіе въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, гдѣ рѣчь г. Спасовича на самую сухую юридическую тему была выслушана убѣленными сѣдинами сенаторами съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, какъ будто говорилъ трибунъ предъ юношами. И это не смотря на отсутствіе у г. Спасовича внѣшнихъ ораторскихъ качествъ, несмотря на не совсѣмъ отчетливую дикцію его. Въ чемъ же состоитъ секретъ его громадныхъ и вполнѣ заслуженныхъ ораторскихъ успѣховъ? Прежде всего въ его прелестномъ, живомъ, образномъ словѣ, а затѣмъ въ томъ сердечномъ, страстномъ отношеніи ко всѣмъ дѣламъ, которое составляетъ отличительную черту адвокатской школы Спасовича. Если казенщина, рутина вообще вредна для всякаго судебнаго дѣятеля, то она просто пагубна для адвоката, который можетъ и долженъ являться самымъ живымъ и оживляющимъ элементомъ процесса.

Это столь драгоцѣнное для адвоката качество на ряду съ горячею любовью къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ неизмѣнно сохранилъ В. Д. до настоящаго времени, несмотря на продолжительную двадцатипятилѣтнюю адвокатскую карьеру, ко-

торая обыкновенно соединяется съ сильнымъ напряженіемъ нервовъ и преждевременнымъ утомленіемъ и переутомленіемъ. Чтобы видѣть, какой запасъ жизни и энергіи хранитъ еще этотъ свыше шестидесятилѣтній ораторъ, достаточно прочесть его послѣднюю рѣчь, произнесенную недавно на общемъ собраніи петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, 17-го апрѣля, по случаю 25-лѣтія новаго суда.

Припоминая время открытія новыхъ судовъ, г. Спасовичъ между прочимъ сказалъ: «я скорблю о томъ, что никогда не можетъ возвратиться *поэзія* прошлаго, свѣжесть ощущеній, восторгъ, который мы показывали, когда къ намъ явилась, точно Афродита изъ пѣны морской, другая богиня, нагая, бѣломраморная и не стыдящая своей наготы — *гласность*, когда судъ стали творить почти-что на площади, и когда мы стали произносить свободныя, смѣлыя рѣчи, смѣлѣе тѣхъ, которыя печатались въ сдѣлавшейся между тѣмъ безцензурной печати» [3])...

Оглядываясь кругомъ, г. Спасовичъ, находитъ, что адвокатскую корпорацію озабочиваютъ не собственно корпоративныя, а «обще-гражданскія сомнѣнія и печали, возбужденныя жестокимъ вѣкомъ». «Но пока мы страдаемъ отъ общественной болѣзни,—говорилъ г. Спасовичъ,—бѣда не велика: общество съ болѣзнью справится, мы ему поможемъ, оно намъ поможетъ. Пока мы не извѣрились въ *вѣковѣчные идеалы*, въ добро, красоту и человѣчность, пока мы соединены въ одно, этимъ цементомъ держимся въ кускѣ, пока живемъ по братски — будущность еще наша и мы передадимъ нашъ свѣточъ нашимъ преемникамъ».

Съ такимъ бодрымъ упованіемъ вступаетъ талантливый представитель петербургской адвокатуры, не смотря на окружающія неблагопріятныя обстоятельства, во второе двадцатипятилѣтіе своей адвокатской карьеры.

---

3) Русская Мысль, 1891, № 5.

II

Н. И. Стояновскій.

(17-е іюня 1841—1891 гг.).

17-го іюня 1891 г. праздновался пятидесятилѣтній юбилей одного изъ крупныхъ дѣятелей судебной реформы, предсѣдателя департамента Государственнаго Совѣта, дѣйствит. тайн. совѣтн. сенатора Н. И. Стояновскаго. Немногіе изъ участниковъ этой реформы имѣли такую правильную школьную и практическую подготовку, какъ г. Стояновскій.

Онъ кончилъ курсъ въ 1841 г. въ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ черезъ шесть лѣтъ онъ уже преподавалъ гражданское судопроизводство. Службу онъ началъ въ сенатѣ въ 1841 г. и здѣсь онъ пріобрѣлъ солидную судебную опытность, проходя разнообразныя должности до должностей оберъ-секретаря и оберъ-прокурора включительно. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ юристовъ, призванныхъ хоть нѣсколько очистить авгіевы конюшни стараго суда, полнаго «черною неправдою», т. е., говоря попросту—переполненнаго невѣжественными взяточниками. Какое гага avis былъ въ то время въ составѣ нашихъ судовъ юристъ, получившій высшее юридическое образованіе, можно судить потому, что даже въ Сенатѣ, въ годъ поступленія Н. И., было всего только *шесть* юристовъ. Благодаря своему трудолюбію и юридическимъ познаніямъ онъ не мало принесъ пользы въ Сенатѣ дѣлу правосудія.

Съ воцареніемъ Александра II, когда надъ Россіею заялась заря новой, освободительной и преобразовательной эпохи, для Н. И. открылось новое, обширное, законодательное поприще. Государственный секретарь, В. П. Бутковъ, въ то время вербовалъ въ государственную канцелярію талантливыхъ молодыхъ людей, хорошо подготовленныхъ и вполнѣ сочувственно настроенныхъ къ начинавшемуся либеральному движенію (С. М. Жуковскій, Л. П. Заблотскій-Десятовскій, С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, и др.). Въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, которому и пришлось принять участіе прежде всего въ устройствѣ слѣдственной части. Положеніе 8-го іюня 1860 г. о су-

дебныхъ слѣдователяхъ, выдѣлившее слѣдственную часть изъ функцій полиціи и тѣмъ положившее первое начало къ отдѣленію власти судебной отъ административной, почти цѣликомъ принадлежитъ перу Н. И.

Затѣмъ онъ связалъ свое имя съ великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года, Н. И. помимо участія въ трудахъ Государственной Канцеляріи, состоялъ членомъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Комиссіи, вырабатывавшей проектъ уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій. За труды по освобожденію крестьянъ, коего онъ всегда былъ и остается однимъ изъ горячихъ поборниковъ, Н. И. получилъ золотую медаль. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ всѣхъ вообще реформъ прошлаго царствованія, Н. И. словомъ и дѣломъ ратовалъ за нихъ не только въ то время, когда всѣ увлекались либеральными *вѣяніями*, но и теперь, когда они вышли изъ моды [1]).

Безобразное состояніе нашего стараго невѣжественнаго и продажнаго суда было для всѣхъ очевидно, и какъ только стало возможнымъ уничтоженіе его, всѣ просвѣщенные люди горячо принялись за это дѣло. Въ этомъ отношеніи капитальное значеніе имѣло Высочайшее повелѣніе въ январѣ 1862 г., открывшее доступъ къ европейской наукѣ (см. главу VIII). Благодаря этому акту, явилась возможность создать цѣльное, стройное, разумное и согласованное во всѣхъ частяхъ судебное законодательство, извѣстное нынѣ подъ именемъ Судебныхъ Уставовъ Александра II. Для усиленія Государственной Канцеляріи были по Высочайшему повелѣнію прикомандированы къ ней въ 1862 г., извѣстнѣйшіе юристы, и въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, принимавшій самое дѣятельное участіе какъ въ составленіи «главныхъ основаній», такъ и въ подробныхъ и краснорѣчиво мотивированныхъ соображеніяхъ государственной канцеляріи [2]). Какъ извѣстно, судъ присяжныхъ, точное установленіе судебной несмѣняемости и другія основы новаго суда были впервые высказаны или

[1]) См. рѣчь Н. И. Стояновскаго о реформахъ 60-хъ годовъ въ засѣданіи Петербургскаго юридическаго Общества 3-го февраля 1880 г. въ «Журн. гражд. и угол. права» того же года, № 4.

[2]) См. три части т. XVIII Дѣла о преобразованіи суда въ Россіи.

точно формулированы въ этихъ именно «главныхъ основаніяхъ преобразованія судебной части въ Россіи», Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября 1862 года.

Съ конца 1862 г. Н. И. Стояновскій изъ статсъ-секретарей государственнаго совѣта назначается товарищемъ министра юстиціи, каковую должность занималъ тогда Д. Н. Замятнинъ. Хотя этотъ послѣдній былъ, по своимъ убѣжденіямъ, вполнѣ преданъ дѣлу судебной реформы, но настоящею душою министерства сдѣлался Н. И. Къ чести Замятнина нужно сказать, что онъ не только не мѣшалъ, но и выдвигалъ впередъ своего товарища, талантливая и энергичная дѣятельность коего оставляла его самого нѣсколько въ тѣни. Н. И. Стояновскій при Замятнинѣ игралъ такую же роль, какую Н. А. Милютинъ при С. С. Ланскомъ во время составленія Положенія о крестьянахъ.

Когда составлены были проекты Судебныхъ Уставовъ, при министерствѣ юстиціи была образована спеціальная Коммиссія для подробнаго разбора проектовъ. Редактированіе замѣчаній министерства было возложено на Н. И. Стояновскаго. Чтобы дать понятіе о количествѣ положеннаго имъ, въ этой стадіи судебной реформы, труда, достаточно сказать, что отъ министерства юстиціи было сдѣлано до 1,100 замѣчаній по существу, а именно: до 600 на статьи Уст. гражд. суд., до 300 на статьи уголовнаго, до 80 на статьи проекта о проступ., подвѣдом. мир. суд., и до 120 на статьи проекта учрежд. суд. мѣстъ [3]). А объ обстоятельности этихъ замѣчаній можно судить потому, что одни только замѣчанія на уст. гражд. суд. занимаютъ почти 300 страницъ *in folio*. По поводу этихъ интересныхъ замѣчаній мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ [4]), здѣсь отмѣтимъ только, что благодаря имъ были внесены значительныя улучшенія въ текстъ Судебныхъ Уставовъ, въ особенности въ постановленіяхъ объ организаціи прокурорскаго надзора.

Но и сказаннымъ не исчерпывается участіе Н. И. Стояновъ-

---

[3]) См. Журналъ Министерства юстиціи, 1866, № 4, стр. 31.

[4]) См. мою книгу: Страница изъ исторіи судебной реформы (Д. Н. Замятнинъ). М. 1883, стр. 32 - 67.

скаго въ подготовкѣ Судебныхъ Уставовъ. Въ силу особаго Высочайшаго повѣленія, на него была возложена обязанность присутствовать при разсмотрѣніи проектовъ Судебныхъ Уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, съ правомъ голоса и давать словесныя объясненія въ развитіе мыслей, высказанныхъ въ министерскихъ замѣчаніяхъ.

Съ утвержденіемъ Судебныхъ Уставовъ далеко еще не были окончены работы по судебной реформѣ, предстояли еще обширныя [5]), частью законодательныя, частью распорядительныя работы по введенію въ дѣйствіе уставовъ. Особенно горячія пререканія вызвалъ вопросъ о порядкѣ введенія ихъ въ дѣйствіе. Одно мнѣніе, поддерживаемое самыми горячими поборниками судебной реформы: С. И. Зарудныимъ, Н. А. Буцковскимъ и О. И. Квистомъ (въ шутку противники ихъ называли русскою тройкою: авось, небось и какъ-нибудь), стояло за одновременное *повсемѣстное введеніе* новаго суда, съ тѣмъ, чтобы составъ его пополнялся постепенно [6]). Главнымъ мотивомъ, хотя и неудобнымъ для оффиціальной аргументаціи, и потому въ ней не упоминаемымъ, было желаніе однимъ разомъ и безповоротно покончить съ дѣломъ, которое иначе могло затянуться на много лѣтъ, благодаря обычному у насъ охлажденію, быстро наступающему, въ видѣ реакціи, послѣ кратковременнаго духовнаго подъема. Обстоятельства послѣдующаго времени показали, что опасеніе это было вполнѣ основательно: вмѣсто предположенныхъ четырехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ рѣшено было, закономъ 19-го октября 1865 года, ввести новый судъ въ Европейской Россіи, онъ и до сихъ поръ (черезъ 25 лѣтъ!) не вездѣ еще въ ней введенъ...

Но министерство юстиціи, на которое всецѣло падала вся обширная практическая сторона введенія новаго суда, признавало такой планъ неосуществимымъ, по недостатку персонала и матеріальныхъ средствъ, и стояло вмѣстѣ съ Н. И. Стояновскимъ за открытіе на первое время, только двухъ судебныхъ округовъ (С.-Петербургскаго и Московскаго) и за посте-

[5]) Въ дѣлѣ о преобразованіи судебной части работы по введенію въ дѣйствіе суд. уст. занимаютъ 7 томовъ (LXIII—LXIX).

[6]) См. т. LIX Дѣла о преобр. суд. части.

пенное открытіе другихъ округовъ. Это мнѣніе одержало верхъ и получило высочайшее утвержденіе 19-го октября 1865 года.

Послѣ этого подъ главнымъ руководствомъ Н. И. Стояновскаго, въ министерствѣ юстиціи началась кипучая, сложная и кропотливая работа по составленію правилъ о скорѣйшей ликвидаціи старыхъ судебныхъ учрежденій, объ окончаніи или переносѣ старыхъ дѣлъ въ новые суды, а также о введеніи гласности и нѣкоторыхъ началъ новаго суда въ старыя судебныя учрежденія (законъ 11 го октября 1865 г.). Кромѣ того, предстояло озаботиться приспособленіемъ зданій для новыхъ судебныхъ установленій при новой обстановкѣ гласнаго судоговоренія. Наконецъ, слѣдовало принять самыя энергичныя мѣры къ привлеченію на новыя судебныя должности достойнаго персонала [7]). И тутъ Н. И. Стояновскій, благодаря своему обширному знакомству съ судебнымъ вѣдомствомъ, сослужилъ новому суду большую службу, привлекши въ его ряды дѣятелей, которые доселѣ составляютъ гордость новаго суда и его лучшія кадры и образцы. Они создали добрыя традиціи новаго суда, которыя и донынѣ поддерживаютъ въ немъ его духъ независимости и энергію, несмотря на окружающія неблагопріятныя условія.

Весною 1866 г. открыты были новые суды, но при недобрыхъ ауспиціяхъ состоялось это торжество. Вскорѣ руководство новымъ судомъ отошло отъ людей, искренно преданныхъ основнымъ началамъ этого суда, и перешло въ руки людей или равнодушныхъ, или враждебныхъ его началамъ. Съ 1867 года Н. И. Стояновскій покидаетъ постъ товарища министра юстиціи и назначается сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента.

Въ этой стадіи своей служебной дѣятельности г. Стояновскій поработалъ тоже очень много для проведенія въ жизнь тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется наше новое судебное законодательство. Равноправность сторонъ, уваженіе въ подсудимомъ его личности, непоколебимость судебныхъ рѣшеній, полное устране-

---

7) Любопытныя подробности о первыхъ дняхъ судебной реформы см. въ статьѣ сенатора А. Ѳ. Кони „Новые мѣхи и новое вино“ (Книжки Недѣли 1892, № 3).

ніе администраціи отъ вмѣшательства въ судебныя дѣла и другіе новые принципы судебной реформы безпрестанно приходили въ столкновеніе съ старыми вѣковыми навыками. Нужна была вся твердость первыхъ кассаціонныхъ сенаторовъ, чтобы удержать новыя судебныя учрежденія на пути, указанномъ Судебными Уставами. Духъ ихъ, невидимо витавшій надъ первыми судебными дѣятелями, давалъ вѣрный ключъ къ распознанію путей правды, каковой ключъ, къ сожалѣнію, впослѣдствіи былъ или утерянъ или испорченъ.

Здѣсь не мѣсто перечислять многочисленныя превосходныя кассаціонныя рѣшенія, состоявшіяся по докладу и внушенію Н. И. Стояновскаго. Сошлюсь на одно. Въ самомъ началѣ кассаціоной практики сенату пришлось встрѣтиться съ вопросомъ, можетъ ли быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ опредѣленіе судебной палаты объ исключеніи изъ сословія присяжнаго повѣреннаго. Сенатъ, по докладу Н. И. Стояновскаго, слѣдуя *духу* Судебныхъ Уставовъ, не усомнился предоставить подсудимому эту гарантію, хотя она прямо не была установлена закономъ. Но tempora mutantur, и сенатъ впослѣдствіи, безъ достаточныхъ основаній, измѣнилъ свою практику [8]).

Въ заключеніе позволю себѣ отмѣтить, что Н. И. Стояновскій всегда поддерживалъ тѣсное общеніе съ юридическою наукою и литературою. Онъ давно уже состоитъ почетнымъ членомъ нашего старѣйшаго Юридическаго Общества, Московскаго, и предсѣдателемъ С.-Петербургскаго, съ самаго его основанія. Съ 1882 г. Н. И. состоитъ предсѣдателемъ редакціонной Коммиссіи, составляющей проектъ гражданскаго уложенія.

Интересны для характеристики недавняго «добраго, стараго времени» обстоятельства, при которыхъ состоялся литературный дебютъ Н. И. Въ 1850 г. цензура задержала его «Практическое руководство по уголовному судопроизводству» по глубокомысленному мотиву, заимствованному у калифа Омара, сжег-

8) См. Сбор. рѣш. угол. касс. депар. 1868, № 201. Сенатъ сослался на законъ 25-го мая 1885 г., хотя законъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ данному случаю, какъ я имѣлъ случай разъяснить въ другомъ мѣстѣ. (См. мои: Вопросы адвокат. дисципл. М. 1887, стр. 22).

ныя перипетіи двигавшейся скачками [1]) крестьянской реформы. Какъ членъ Тверскаго Дворянскаго Губернскаго Комитета и корчевскій уѣздный предводитель, А. А. Головачевъ принималъ самое дѣятельное участіе въ работахъ Комитета по освобожденію крестьянъ и, послѣ знаменитаго его предсѣдателя А. М. Унковскаго, былъ самымъ усерднымъ, энергичнымъ и талантливымъ защитникомъ либеральной программы о полномъ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьей власти съ надѣленіемъ ихъ землею. Въ составленіи и редактированіи извѣстнаго «Обзора основаній», при которомъ представленъ былъ правительству проектъ тверскаго дворянства, А. А., какъ человѣкъ съ солиднымъ образованіемъ и прекрасно владѣющій перомъ, принималъ также весьма дѣятельное участіе [2]). Равномѣрно и въ представленныхъ А. М. Унковскимъ, въ качествѣ депутата тверскаго дворянства, замѣчаніяхъ на работы Редакціонной Коммиссіи А. А. былъ взятъ на себя важный отдѣлъ: разработка финансовой стороны крестьянскаго вопроса [3]).

Въ бурной исторіи тверскаго дворянства конца 50-хъ годовъ былъ одинъ эпизодъ, въ которомъ А. А. Головачеву пришлось играть особенно видную роль. Вслѣдъ за удаленіемъ А. М. Унковскаго отъ должности предводителя дворянства, оно необыкновенно торжественно выразило свое сочувствіе своему смѣщенному, сосланному предводителю, постановивъ, между прочимъ, учредить въ честь его 12 стипендій въ Московскомъ университетѣ. Замѣстившій временно должность губернскаго предводителя уѣздный тверской предводитель Клокачевъ, «человѣкъ низкой души

---

[1]) По поводу принятія крѣпостникомъ гр. Паниным (см. главу I, § II) руководства крестьянскою реформою И. С. Аксаковъ писалъ изъ-заграницы: „Я долженъ сказать, что внѣ Россіи еще болѣзненнѣе отдаются во мнѣ эти гнетущія безсмыслицы. Издали Россія представляется такою сплошною массою безобразія, что здороваго ядра подъ этою толстою корою и не видно... Каждый мыслящій русскій человѣкъ нашего времени имѣетъ право на *мученическій вѣнецъ*. Что можетъ быть мучительнѣе этого постояннаго нравственнаго мученья и нытья". Письма, т. III, 379, 390.

[2]) См. выше примѣч. 39, гл. II, а также т. I, стр. 304. Матер. для ист. упразд. крѣп. права. Берлинъ, 1860.

[3]) См. IX выпускъ *Голосовъ изъ Россіи*. Лондонъ. 1860 года, стран. 163 204.

и всѣми ненавидимый» [4]), безъ всякаго законнаго повода пріостановилъ приведеніе въ исполненіе помянутаго постановленія, подписаннаго 11 предводителями изъ 12.

Возмущенный произвольнымъ и недостойнымъ образомъ дѣйствій Клокачева, А. А. Головачевъ, какъ корчевской предводитель, написалъ ему письмо, въ которомъ выразилъ чувства, испытываемыя въ то время большинствомъ тверскихъ дворянъ. «На какомъ основаніи, м. г., писалъ онъ, вы позволили себѣ наглую дерзость противъ 11-ти г.г. предводителей уѣздныхъ, дерзость, состоящую въ томъ, что вы усомнились въ правильности составленія протокола? Возраженіе, сдѣланное внѣ собранія, гдѣ-нибудь за угломъ и подъ прикрытіемъ канцелярской тайны, не могла ослабить или уничтожить силу и дѣйствіе протокола, публично и гласно составленнаго въ залѣ губернскаго собранія. Протоколъ этотъ могъ потерять свою силу только въ такомъ случаѣ, если бы вы имѣли возможность доказать, что онъ составленъ фальшивымъ образомъ, вопреки желанія дворянъ, бывшихъ на съѣздѣ; стало быть, вы имѣли серьезныя подозрѣнія въ этомъ, если рѣшились производить слѣдствіе надъ 11-ю уѣздными предводителями. А потому я имѣю полное право назвать подобный поступокъ вашъ наглою дерзостью... Какія же побужденія заставляли васъ такъ дѣйствовать? Позвольте мнѣ самому отвѣчать на этотъ вопросъ. Я думаю, что поводомъ къ этому была одна жалкая, низкая, гнусная *зависть*, зависть противъ человѣка, заслужившаго всеобщее уваженіе не только въ нашей губерніи, но и въ цѣлой Россіи. Эта зависть заставила васъ искать какую нибудь придирку, чтобы помѣшать тверскому дворянству увѣковѣчить воспоминаніе о полезной дѣятельности многоуважаемаго имъ человѣка; вы искали ее и думали, что нашли. Нѣтъ, вы только нашли средство обнаружить ясно и положительно, что вы такое; вы нашли средство покрыть себя позоромъ въ глазахъ всякаго порядочнаго человѣка и больше ничего» и т. д. [5]).

Въ заключеніе своего письма, очевидно, имѣвшаго цѣлью не

---

4) См. и. Матеріалы, т. II, 288.

5) [illegible] 290—1.

личное оскорбленіе Клокачева, а публичный протестъ противъ его некрасиваго поступка, А. А. заявлялъ, что копію съ письма онъ посылаетъ губернатору и уѣзднымъ предводителямъ дворянства и выражалъ готовность отвѣчать за содержаніе письма предъ судомъ. Оскорбленный, однако, предпочелъ обратиться съ жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ, который и внесъ жалобу на обсужденіе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Комитетъ, съ своей стороны, направилъ жалобу къ судебному разбирательству, до окончанія коего была пріостановлена административная ссылка, назначенная А. А. вмѣстѣ съ М. А. Унковскимъ и Европеусомъ. Послѣ долгихъ мытарствъ дѣло объ оскорбленіи Клокачева окончилось въ 1867 г. прекращеніемъ производства у мироваго судьи [6]), въ виду неявки обвинителя.

Впослѣдствіи А. А. служилъ по контрольному вѣдомству, управляя контрольными палатами въ Псковѣ и Саратовѣ, а также много способствовалъ къ раскрытію безпорядковъ въ Главномъ Обществѣ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, навлекшему начетъ на Общество въ нѣсколько милліоновъ.

Съ самаго открытія земскихъ учрежденій и до настоящаго времени А. А. несъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, съ неостывающею энергіею службу земству.

Литературная дѣятельность А. А. Головачева началась въ 1841 г. и достигла сильнаго развитія въ эпоху подготовки и примѣненія великихъ реформъ прошлаго царствованія. Съ 1858 г. онъ дѣлается сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника», въ которомъ онъ проводитъ тѣ же мысли и планы, которые были при его дѣятельномъ участіи, усвоены тверскимъ дворянствомъ. Въ началѣ 70-хъ гг. А. А. предпринялъ рядъ замѣчательныхъ критико-публицистическихъ этюдовъ, въ которыхъ уже не a priori, какъ то было въ «Обзорѣ основаній» тверскаго проекта, а a posteriori, основываясь на пробѣлахъ и недочетахъ, замѣченныхъ въ только-что введенныхъ реформахъ, доказывалъ тѣснѣйшую связь отмѣны крѣпостнаго права съ послѣдующими реформами и необходимость согласованія ихъ съ духомъ этой великой реформы. Статьи г. Головачева вышли впослѣдствіи отдѣльною книгою

---

[6]) См. выше главу II, прим. 36.

подъ заглавіемъ «Десять лѣтъ реформъ» и доселѣ составляютъ лучшую монографію по этому вопросу. Основной взглядъ и детальныя сужденія не только не были поколеблены позднѣйшею исторіею, но напротивъ въ ней нашли новое и едва ли не еще болѣе громкое подтвержденіе, такъ что капитальный трудъ г. Головачева и донынѣ сохранилъ живой интересъ современности.

«Сравнивая 1860 и 1870-й г.,—писалъ уважаемый публицистъ, видѣвшій расцвѣтъ русской общественной мысли 60-хъ годовъ,— приходится убѣдиться, что общество не только не подвинулось впередъ, но сдѣлало нѣсколько шаговъ назадъ; прежде мы замѣчали, говоритъ онъ, всеобщій интересъ къ вопросамъ общественной жизни, всюду были слышны сужденія и толки не только о главномъ крестьянскомъ вопросѣ, но и о многихъ другихъ, не смотря на то, что они представлялись въ отдаленномъ будущемъ.... Но вотъ проходитъ десять лѣтъ, и все измѣнилось. Людей, которыми бы руководилъ не личный интересъ, а общественная польза, какъ-то не видать; если же они являются, то въ видѣ исключенія и безъ большаго вліянія. Напротивъ, приверженцы стараго порядка вещей, прежде робко выражавшіе свое мнѣніе, теперь (1870 г.) какъ будто устыдились своей прежней скромности и, вслѣдъ за „*Московскими Вѣдомостями*“, набросились на все живое и разумное въ обществѣ... Литература никого не интересуетъ; всѣ наши умники, повидимому, думаютъ, что они уже все знаютъ и что литература имъ ничего новаго не скажетъ. Виною этому, продолжаетъ А. А., и нѣкоторые органы нашей печати: беззастѣнчивая полемика нѣкоторыхъ органовъ, ихъ соперничество, а главное — *полицейско-сыскное* направленіе» [7]). Такъ характеризовалъ настроеніе общества и печати въ началѣ 70-хъ годовъ, которые сравнительно съ послѣдующимъ временемъ могутъ казаться верхомъ общественнаго воодушевленія и литературной порядочности. Что бы сказалъ нашъ знаменитый публицистъ, если бы пришлось ему говорить о переживаемомъ нами «жестокомъ» и «безъидейномъ времени», когда, говоря словами современнаго поэта-гражданина:

---

[7]) Десять лѣтъ реформъ. стр. 2—3.

Свершилось чудо!... Червь презрѣнный
Который прежде подъ землею,
Плодясь въ стыдѣ и потаенно,
Не выползалъ на свѣтъ дневной;
Который зналъ въ былые годы,
Что могъ онъ только воровски
Губить богатой жизни всходы,
Въ тиши подтачивать ростки —
Преобразясь, возсталъ изъ праха...

Останавливаясь на вопросѣ о причинахъ такого быстраго охлажденія и упадка общественной энергіи, А. А. не довольствуется обычнымъ объясненіемъ «неустойчивости характера русскаго человѣка», а старается разъяснить причину этого прискорбнаго явленія и видитъ ее въ томъ, что во всѣхъ почти реформахъ, вопреки ожиданіямъ, не было сдѣлано рѣшительной попытки отказаться отъ прежней бюрократической системы, основанной на игнорированіи и недовѣріи къ общественнымъ силамъ, а принята была система компромисса, обезсилившая основную цѣль, смыслъ и духъ преобразовательной дѣятельности и сохранившая почти во всѣхъ отрасляхъ управленія остатки временъ крѣпостнаго права. Слѣды такого направленія А. А. видѣлъ во всемъ, начиная съ бюджета, построеннаго почти исключительно на обложеніи низшихъ «податныхъ» классовъ и освобожденіи отъ прямыхъ налоговъ высшихъ, и кончая системою мѣстнаго управленія.

«Что такое нашъ наказъ губернаторамъ, спрашиваетъ г. Головачевъ? Это полное выраженіе тѣхъ патріархальныхъ началъ, на основаніи которыхъ помѣщики управляли своими имѣніями. Законъ говоритъ прямо, что губернаторъ есть хозяинъ губерніи. И дѣйствительно, недалеко то время, когда губернаторы пользовались вполнѣ предоставленными имъ правами и поступали по хозяйски. Казалось бы, что первою заботою должно быть уничтоженіе этихъ и имъ подобныхъ недостатковъ. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не видимъ, а напротивъ встрѣчаемъ попытки частныхъ улучшеній, безъ всякаго измѣненія *основныхъ началъ*. Всѣ наши реформы потому носятъ характеръ отрывочности... При такомъ порядкѣ являются рядомъ учрежденія, основанныя на старыхъ и новыхъ началахъ, и между ними возникаютъ стол-

кновенія, которыя не только отнимаютъ время, силы и средства, нужныя для настоящаго дѣла, но часто подрываютъ довѣріе къ новымъ учрежденіямъ, а это опаснѣе всего. При такихъ обстоятельствахъ даже лучшіе люди теряютъ энергію и оставляютъ дѣятельность изъ опасенія подвергнуться обвиненію въ неблагонамѣренности, чему бывали примѣры не одинъ разъ. Такимъ образомъ исполненіе, быть можетъ, и хорошо задуманной реформы попадаетъ въ руки жалкой посредственности, которая умѣетъ только портить дѣло. Такой печальный исходъ всего опаснѣе, потому что можетъ породить въ обществѣ мысль о несостоятельности предпринимаемыхъ правительствомъ реформъ» [8]).

Опасенія г. Головачева, къ сожалѣнію, подтвердились впослѣдствіи и даже сами участники реформъ явились гонителями ихъ:

Участникъ дѣлъ былыхъ, надеждами богатыхъ,
Почтенный дѣятель въ недавней старинѣ—
Какъ будто опьянѣвъ, почилъ на лаврахъ смятыхъ
И спитъ, кощунствуя во снѣ.

Въ одномъ отношеніи только опасенія честнаго публициста не оправдались: лучшіе люди, подобно самому А. А., продолжаютъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, нести свои общественныя обязанности. И въ числѣ этихъ старыхъ земцевъ-либераловъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ А. А. Головачевъ, который, несмотря на свои почтенные годы, продолжаетъ какъ въ земствѣ, такъ и въ литературѣ бодро держать знамя принциповъ освободительной эпохи.

Въ 1886 г. А. А. Головачевъ, одновременно съ А. М. Унковскимъ и В. А. Арцимовичемъ, былъ выбранъ за заслуги по крестьянской реформѣ въ число почетныхъ членовъ Московскаго Юридическаго Общества.

---

[8]) См. тамъ же, а также выше главу II прим. 54.

IV.

Е. П. Старицкій.

(19-е февраля 1868—1893 г.).

19-го февраля исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня введенія на Кавказѣ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II. Въ этомъ отношеніи нашей южной окраинѣ сначала очень посчастливилось. Благодаря энергіи Е. П. Старицкаго и др. уже 22-го ноября 1866 года состоялось Положеніе о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Кавказскому краю; самое же открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій тифлисскаго округа имѣло мѣсто 19-го февраля 1868 года. Такимъ образомъ, новый судъ былъ открытъ на Кавказѣ раньше казанскаго, саратовскаго, одесскаго и другихъ европейскихъ судебныхъ округовъ.

Но раннее введеніе на Кавказѣ судебной реформы имѣло и свои неудобства. Она подверглась весьма существеннымъ урѣзкамъ и измѣненіямъ, изъ коихъ самое главное было отсрочка введенія суда присяжныхъ и вообще устраненіе изъ уголовнаго суда народнаго элемента [1]), даже въ видѣ сословныхъ представителей, существовавшихъ прежде на Кавказѣ. Однако гуманныя и просвѣтительныя начала судебной реформы такъ велики и наглядны, что введеніе ея на Кавказѣ, даже въ значительно

---

[1]) Исторія кавказской судебной реформы a contrario имѣетъ значеніе и для внутреннихъ губерній. На этотъ поучительный смыслъ ея исторіи недавно указалъ петербургскій *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*. Отмѣтивъ незавидное положеніе юстиціи кавказскаго коронаго суда, журналъ говоритъ: «таковы результаты дѣйствія органовъ *безприсяжнаго* суда, въ которомъ новѣйшіе мудрецы видятъ якорь нашего будущаго спасенія отъ беззаконія, преступленій и всѣхъ прочихъ золъ нашей жизни»... При той *розни* между юстиціею и населеніемъ, говорится далѣе, которая существуетъ на Кавказѣ и совершенно обезсиливаетъ правосудіе, въ высокой степени важенъ былъ бы въ интересахъ государства, суда и населенія опытъ въ формѣ присяжнаго суда; къ сожалѣнію, добавляетъ журналъ, настроеніе настоящаго времени не позволяетъ и мечтать о возможности чего нибудь подобнаго (см. № 10 за 1892, стр. 92).

урѣзанномъ видѣ, имѣло огромное значеніе для культурной миссіи Россіи въ Азіи. Если открытіе гласнаго суда въ самой Россіи произвело и должно было произвести на общество необыкновенно сильное впечатлѣніе, то легко представить, какому диву должны были даться разноплеменные народы Кавказа, увидѣвшіе впервые отправленіе суда скораго, праваго и равнаго для всѣхъ. Даже не понимая языка, на которомъ совершалось судоговореніе, населеніе собственными глазами могло убѣждаться, что это не то, что̀ прежняя тайная административная, часто «своеручная» расправа.

Если про русскую дореформенную администрацію говорятъ, что она была «все во всемъ», то съ бо̀льшимъ правомъ характеристика эта примѣнима къ кавказской дореформенной администраціи, предъ которою частью de jure, главнымъ же образомъ de facto было совершенно безправно мѣстное населеніе. Если старую русскую судебную процедуру сравнивали съ паутиною, сквозь которую свободно проскакивали шмели и въ которой вязли только мелкія мухи, то тѣмъ болѣе примѣнимо было это уподобленіе къ кавказской юстиціи, огражденной отъ контроля, помимо канцелярской тайны, и отдаленностью отъ административныхъ центровъ. Вотъ почему открытіе гласнаго суда произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе на воспріимчивыхъ, впечатлительныхъ южанъ, которые толпами валили въ засѣданіе судовъ и разносили въ самые глухіе углы Кавказа вѣсть о невиданномъ и неслыханномъ дотолѣ «новомъ» гласномъ судѣ.

«Судъ, основанный на твердыхъ началахъ, независимый отъ внѣшнихъ и случайныхъ вліяній и пользующійся общественнымъ довѣріемъ, есть, по справедливому указанію покойнаго проф. Н. К. Соколова, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ величайшихъ благодѣяній, какое только можетъ доставить государство своему гражданину». Это замѣчаніе примѣнимо и къ кавказской судебной реформѣ, несмотря на всѣ ея недостатки и недочеты. Реформа эта составляетъ эпоху въ исторіи насажденія русской гражданственности на Кавказѣ. Въ предшествовавшія эпохи русская власть далеко не всегда являлась носительницей высшей культуры (достаточно указать на введеніе крѣпостнаго права, тѣлесныхъ наказаній); въ данномъ же случаѣ созданныя

ею учрежденія слишкомъ наглядно поражали всѣхъ своими достоинствами и преимуществами, чтобы они не подняли въ глазахъ туземцевъ истиннаго престижа русской власти и не увеличили къ нему любви и довѣрія. Надо однако сказать, что въ теченіе истекшаго двадцатипятилѣтія кавказскіе суды далеко не вполнѣ оправдали всѣ возложенныя на нихъ надежды. Причины этого явленія частью тѣ же, что и во внутреннихъ губерніяхъ, частью мѣстнаго происхожденія. Крайняя медленность, господство бумажнаго производства въ апелляціонной инстанціи, недоступность для населенія судебнаго языка, отсутствіе въ судѣ живаго народнаго элемента и вообще отдаленность судовъ отъ населенія поколебали значеніе новыхъ судовъ, хотя, впрочемъ, они и понынѣ пользуются несравненно бо̀льшимъ довѣріемъ населенія, нежели старые суды.

Но какъ-бы то ни было Кавказъ уже 25 лѣтъ пользуется хоть отчасти благами судебной реформы и съ признательностью вспоминаетъ имена лицъ, коимъ онъ обязанъ этимъ благодѣяніемъ. Въ числѣ этихъ именъ на первомъ планѣ произносится имя извѣстнаго кавказскаго дѣятеля, члена Государственнаго Совѣта, сенатора *Егора Павловича Старицкаго* [2]).

---

[2]) По поводу кавказскаго судебнаго юбилея одна изъ тифлисскихъ газетъ писала: Народы Кавказа, быть можетъ, не такъ бы скоро увидѣли судебную реформу, если бы за шесть лѣтъ раньше ея введенія, а именно въ 1862 году, не послѣдовало, благодаря Е. П. Старицкому, открытія межеванія на Кавказѣ *и гласнаго суда по межевымъ дѣламъ*, которые такимъ образомъ за два года предварили введеніе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года въ Имперіи. — Межевые суды на Кавказѣ, а именно Межевыя Коммиссіи и закавказская Межевая Палата, дали блестящій опытъ возможности введенія въ нашемъ краѣ общаго гласнаго суда. Первое публичное засѣданіе межевой палаты было зимою 1863 года. Корридоры и всѣ комнаты въ домѣ Читахова, на Головинскомъ проспектѣ, въ которомъ помѣщалась тогда Межевая Палата, были биткомъ набиты народомъ. На улицѣ стояла масса, которой не удалось проникнуть въ зданіе. Въ залѣ засѣданія господствовала торжественная тишина, и видимо было, что всѣ сидѣвшіе въ ней съ умиленіемъ взирали на невиданное зрѣлище публичнаго суда, совершавшагося передъ народомъ во имя Царя, изображеніе котораго на портретѣ давало чувствовать, что правда и справедливость гарантированы его невидимымъ присутствіемъ.—Тихимъ голосомъ доложилъ Е. П. Ста-

Старицкій принадлежалъ къ числу самыхъ крупныхъ и убѣжденныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ. Съ его именемъ неразрывно связано примѣненіе къ Закавказскому краю великаго освободительнаго акта 19 го февраля и въ особенности открытіе новыхъ судебныхъ установленій. Примыкая по родственнымъ и дружескимъ связямъ [3]), по убѣжденіямъ и склонностямъ къ незабвеннымъ дѣятелямъ либеральной эпохи великихъ реформъ, Е. П., воспитанникъ училища правовѣдѣнія,— съ далекаго Кавказа, куда его забросила судьба, подалъ имъ руку, какъ только открылась въ 50-хъ годахъ для людей съ «сердцемъ и умомъ» возможность принять участіе въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ.

Въ разныхъ томахъ обширнаго «дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи» [4]) мы находимъ нѣсколько записокъ г. Старицкаго, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ одна «*О недостаткахъ дѣйствующаго нынѣ уголовнаго судопроизводства и о примѣненіи предполагаемыхъ преобразованій къ Закавказскому краю*» [5]). Указывая на недостатки нашего стараго дореформеннаго процесса, г. Старицкій даетъ такую характеристику стараго суда «подсудимые содержатся подъ стражею цѣлые годы и потомъ оставляются въ подозрѣніи по недостатку формальныхъ уликъ; самое наказаніе, опредѣляемое по прошествіи столь долгаго времени, представляется уже не

рицкій, бывшій тогда предсѣдателемъ Межевой Палаты, первое дѣло, и послѣ преній сторонъ вынесена была резолюція, по которой рѣшился давнишній споръ о землѣ, безнадежно тянувшійся въ прежнихъ судахъ. Ничто не нарушало торжественнаго отправленія правосудія, и лишь когда была прочитана резолюція по указу Е. И. В., одинъ старикъ крестьянинъ перекрестился и, поклонившись передъ портретомъ Государя, поднялъ руки къ небу и взволнованнымъ голосомъ произнесъ: «Да будетъ благословенъ нашъ Царь: наконецъ, мы дождались суда праведнаго». (*Тифлисскій Листокъ*, 1893, № 41).

3) Онъ былъ женатъ на сестрѣ С. И. Зарудnаго, главнаго руководителя судебной реформы, и находился въ самыхъ задушевныхъ отношеніяхъ съ другимъ важнымъ дѣятелемъ ея Н. А. Буцковскимъ.

4) См. опись этого дѣла въ приложеніи къ книгѣ моей „Основы судебной реформы".

5) XVII Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи. Матеріалы, № 9.

справедливымъ возмездіемъ за преступленіе, а какимъ-то *вторичнымъ истязаніемъ* за вину давно всѣми забытою и давно искупленную самимъ преступникомъ, вслѣдствіе долговременнаго его томленія въ тюрьмѣ и медленныхъ переходахъ дѣла по всѣмъ степенямъ слѣдствія и суда». Приводя многочисленные примѣры дѣлъ, *не рѣшенныхъ* «за справками» по прошествіи *12 лѣтъ* отъ начала дѣлъ, г. Старицкій продолжаетъ: «легко представить себѣ, какое вліяніе имѣютъ подобные примѣры на общественную нравственность и на степень довѣрія народа къ правительству. Если томительная медленность и многосложность, составляющія отличительный характеръ нашего судопроизводства, кажутся столь тягостными для людей знакомыхъ съ русскими учрежденіями и къ нимъ привыкшихъ, то они представляются совершенно невыносимыми для туземцевъ Закавказскаго края. Сохранивъ воспоминаніе о прежнихъ простыхъ и естественныхъ способахъ обличенія преступника и немедленнаго его наказанія, туземцы, и въ особенности мусульмане, не могутъ примириться съ ложными и медленными формами и обрядами нашего слѣдствія и суда: неправильный приговоръ они поставили бы въ вину судьямъ; медленность же и многосложность судопроизводства они ставятъ въ вину правительству, считая его безсильнымъ къ открытію и наказанію виновныхъ».

Переходя затѣмъ къ плану реформы Е. П., между прочимъ, настаиваетъ на необходимости для суда судить не по бумажному матеріалу, собраннымъ судебными слѣдователями, «рѣшавшими, по его вѣрному замѣчанію, участь подсудимаго», а на основаніи внутренняго убѣжденія, получаемаго *единственно* чрезъ непосредственный допросъ подсудимаго и свидѣтелей. Вслѣдствіе этого онъ рѣшительно возстаетъ противъ порядка, существующаго нынѣ на Кавказѣ, а именно противъ перевершенія, на основаніи бумажнаго матеріала, въ апелляціонномъ порядкѣ приговора, основаннаго на непосредственномъ личномъ знакомствѣ судей съ обстоятельствами дѣла. Но дабы сообщить приговорамъ первой инстанціи надлежащій юридическій и нравственный авторитетъ, г. Старицкій, считая пока невозможнымъ въ то время (1862 г.) введеніе суда присяжныхъ на Кавказѣ,

предлагалъ усовершенствовать существовавшій тамъ институтъ *общественныхъ представителей, безъ которыхъ судъ не можетъ внушить полнаго довѣрія.*

«Въ настоящее время,— писалъ г. Старицкій,— въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ участвуютъ въ губерніяхъ Кутаисской, Эриванской и Дербентской одни члены губернскаго суда, а въ Тифлисской и Шемахинской члены уѣзднаго суда и судебной палаты. Изъ числа ихъ *члены отъ сословій*, не зная русскаго языка и не будучи знакомы съ многосложными формами письменнаго судопроизводства, подписываютъ то, что имъ представляютъ; члены отъ правительства, управляя каждый своею частью, не въ состояніи изучить уголовное дѣло по документамъ и должны по необходимости вѣрить въ семъ отношеніи докладу канцеляріи или члена, завѣдующаго уголовною частью; затѣмъ рѣшеніе дѣла въ сущности зависитъ отъ сего послѣдняго члена, а онъ лишенъ возможности составить о дѣлѣ правильное заключеніе, ибо обязанъ полагаться *во всемъ на слѣдствіе*. Изъ этого очевидно, какъ мало гарантіи представляетъ въ настоящемъ составѣ уголовнаго суда и порядкѣ разсмотрѣнія оныхъ уголовныхъ дѣлъ и какъ легко слѣдовательно устроить уголовный судъ на мѣстѣ такъ, чтобы онъ въ отношеніи личнаго состава представлялъ если не бо́льшія, то по крайней мѣрѣ тѣ же гарантіи, которыя представляютъ въ настоящее время составъ губернскаго суда или соединенный составъ уѣзднаго суда и палаты. Для этого вполнѣ достаточно къ существующему составу уѣзднаго суда, заключающаго въ себѣ трехъ чиновниковъ по опредѣленію отъ правительства, придать съ одной стороны *выборныхъ отъ сословій*, которые своимъ знаніемъ мѣстнаго языка и народныхъ обычаевъ могли бы способствовать суду въ разъясненіи дѣла при словесномъ разборѣ и служить народу ручательствомъ въ безпристрастныхъ дѣйствіяхъ суда; а съ другой стороны, одного изъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ, который въ качествѣ предсѣдателя руководилъ бы всѣми дѣйствіями суда при словесномъ разборѣ и своимъ присутствіемъ устранялъ бы вліяніе мѣстныхъ интересовъ и пристрастія.

«Подобныя присутствія, — продолжаетъ авторъ ,— могли бы быть открываемы въ каждомъ уѣздномъ городѣ въ извѣстные

роки, какъ, напримѣръ, два раза въ годъ. Засѣданія ихъ могли
ы продолжаться по мѣрѣ накопленія дѣлъ, по коимъ возникли
окончены слѣдствія въ теченіе полугода, и такъ какъ при
веденіи словеснаго разбора въ высшей степени должно упро-
гиться и ускориться производство въ судѣ каждаго дѣла, то за-
ѣданія въ уѣздѣ не могутъ продолжаться болѣе двухъ или трехъ
едѣль, въ теченіе коихъ будутъ окончательно рѣшены всѣ дѣла,
озникшія въ предшествовавшее полугодіе. Для введенія этого
орядка въ Закавказскомъ краѣ достаточно пяти высшихъ граж-
анскихъ чиновниковъ, по одному для губерніи; каждый изъ
ихъ, будучи обязанъ открывать въ каждомъ уѣздѣ срочныя за-
ѣданія два раза въ годъ, долженъ будетъ употребить на это
ъ разъѣздами около десяти мѣсяцевъ и будетъ имѣть два мѣ-
яца для отдохновенія. Съ своей стороны выборные отъ сосло-
ій будутъ въ каждомъ уѣздѣ обязаны участвовать въ рѣшеніи
головныхъ дѣлъ не болѣе шести недѣль въ году, и при уста-
овленномъ порядкѣ словеснаго разбора будутъ въ состояніи
ринимать *дѣятельное и живое* участіе въ разъясненіи и рѣ-
еніи дѣла. Какъ краткость времени, которое они должны жерт-
овать на служеніе общему дѣлу, такъ и интересъ ихъ обязан-
остей могутъ служить ручательствомъ, что обязанности эти
хотно примутъ на себя лучшія изъ мѣстныхъ жителей, въ осо-
енности, если исполненіе сихъ обязанностей будетъ сопряжено
ъ почетомъ и будетъ давать прослужившимъ извѣстное время
раво на какое-либо отличіе; они могутъ быть названы *при-
яжными членами* и могутъ послужить впослѣдствіи къ уста-
овленію *дѣйствительнаго суда присяжныхъ*, въ то время, когда
азвитіе народной нравственности и образованіе дозволитъ при-
тупить ко введенію въ краѣ сего послѣдняго учрежденія. Что
асается до обезпеченія правильности рѣшенія посредствомъ
становленія лучшаго порядка для разсмотрѣнія уголовныхъ
дѣлъ и постановленія приговора, то въ семъ отношеніи нельзя
е убѣдиться, что предоставленіе уголовному суду права не-
осредственнаго передопроса подсудимаго, свидѣтелей и при-
основенныхъ къ дѣлу лицъ и доставленіе подсудимому воз-
ожности представить предъ судомъ на словахъ не только об-
цую защиту свою, но и частныя объясненія противъ каж-

даго изъ свидѣтельскихъ показаній и каждой приводимой противъ него улики, — представляетъ такія обезпеченія, которыя въ сущности далеко превосходятъ всѣ какія бы то ни было средства, предоставляемыя къ защитѣ подсудимому письменною обработкою дѣла, рукоприкладствомъ, ревизіею или апелляцію.

«Наконецъ, — говоритъ въ заключеніе г. Старицкій, — довершеніемъ обезпеченія правильности рѣшенія уголовныхъ дѣлъ можетъ служить допущеніе въ судъ посторонннихъ лицъ, присутствіе коихъ, съ одной стороны, будетъ побуждать судей и всѣхъ чиновниковъ къ добросовѣстному исполненію ихъ обязанностей и къ пріобрѣтенію всеобщаго чрезъ сіе *уваженія* и *одобренія*, а съ другой стороны, будетъ воздерживать ихъ отъ всякаго нарушенія установленнаго порядка и отъ всякихъ притѣснительныхъ и противозаконныхъ дѣйствій».

Къ сожалѣнію, при примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Закавказскому краю не былъ осуществленъ первоначальный планъ г. Старицкаго, что не могло не повредить полному успѣху реформы на Кавказѣ.

Е. П. Старицкій принималъ не только живое участіе въ подготовительныхъ законодательныхъ работахъ, но и въ практическомъ осуществленіи судебной реформы на Кавказѣ. Въ качествѣ перваго старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты и, стало-быть, перваго руководителя новаго сложнаго дѣла, Е. П. понесъ не мало трудовъ и вынесъ не мало столкновеній и огорченій. Если и во внутреннихъ губерніяхъ не легко было первымъ судебнымъ дѣятелямъ примѣнять начала новаго суда, праваго, равнаго для всѣхъ и независимаго отъ административнаго давленія, то легко представить себѣ, какъ велики были затрудненія дѣятелей новаго суда на Кавказѣ, гдѣ администрація издавна привыкла считать себя единственною, полновластною и безконтрольною представительницею закона и государственныхъ интересовъ. Только высокій нравственный авторитетъ, которымъ пользовался Е. П. на Кавказѣ, могъ сохранить за тамошнимъ судомъ ту небольшую долю самостоятельности, которая сохранена за нимъ закономъ. Не смотря на сильное ограниченіе судейской несмѣняемости, допущенное закономъ 22-го ноября

1866 г., сколько намъ извѣстно, ни разу не было примѣнено на Кавказѣ, пока во главѣ судебнаго вѣдомства стоялъ г. Старицкій, право намѣстника кавказскаго отрѣшать судей отъ должности безъ суда.

Любя новый судъ всей душею, Е. П. принесъ ему безпримѣрную жертву, на которую способны только благородныя и возвышенныя натуры. Вынеся на своихъ плечахъ самый тяжелый первый періодъ существованія новаго суда, спустя 7 лѣтъ по открытіи его, г. Старицкій добровольно сошелъ съ *перваго* мѣста *на второе*, уступивъ должность старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты и занявъ должность предсѣдателя департамента. Онъ надѣялся этимъ рѣдкимъ актомъ личнаго самопожертвованія облегчить условія существованія дорогому учрежденію. Къ сожалѣнію, великодушный шагъ Е. П. не принесъ желаемыхъ послѣдствій и ему выпалъ непріятный, но обычный въ такихъ случаяхъ жребій убѣдиться, какъ мало поняли и оцѣнили его благородный поступокъ многіе, не исключая и того, кто ближайшимъ образомъ воспользовался плодами его великодушнаго поступка. Но за то въ средѣ лучшихъ кавказскихъ судебныхъ дѣятелей имя Е. П. чтится до сихъ поръ свято и служитъ имъ могучимъ напоминаніемъ о вѣрномъ служеніи на этой отдаленной окраинѣ Россіи просвѣтительнымъ идеямъ новаго суда.

Съ конца 70-хъ годовъ г. Старицкій перешелъ на службу въ Петербургъ, въ Государственный Совѣтъ, въ качествѣ члена его. Здѣсь пришлось ему исполнить, между прочимъ, труднѣйшую задачу по ликвидаціи интенданскихъ счетовъ за послѣднюю войну и окончаніе разсчетовъ казны съ Николаевскою желѣзною дорогою. Убѣжденный сторонникъ принциповъ судебной реформы, Е. П. съ рѣдкимъ гражданскимъ мужествомъ отстаивалъ ихъ въ 80-хъ годахъ при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ Положенія о земскихъ начальникахъ и др. законовъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ коренными основами судебной реформы. Въ настоящее время Е. П. проживаетъ въ Полтавѣ.

V.

В. Н. Герардъ.

(6-ое марта 1868—1893 гг.).

6-го марта 93 г. исполнилось четверть вѣка со дня вступленія въ адвокатуру извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго Владиміра Николаевича Герарда. Корпорація петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ отпраздновала этотъ день весьма торжественно. Въ 11 час. утра въ квартиру юбиляра стали съѣзжаться присяжные повѣренные, члены совѣта и постороннія лица. Предсѣдатель совѣта, г. Люстигъ, прочелъ адресъ. Постановлено учредить фондъ имени юбиляра для вспомоществованія бѣднымъ членамъ семействъ умершихъ присяжныхъ повѣренныхъ; поднесенъ жетонъ отъ товарищей по совѣту, гдѣ В. Н. участвовалъ около 25 лѣтъ въ качествѣ члена или товарища предсѣдателя. За адресомъ присяжныхъ повѣренныхъ слѣдовалъ адресъ отъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Вечеромъ состоялся обѣдъ по подпискѣ въ ресторанѣ Кюба. Произнесено было много здравицъ и застольныхъ рѣчей лучшими представителями петербургской адвокатуры: В. Д. Спасовичемъ, А. И. Унковскимъ и К. Ѳ. Хартулари, а также знаменитымъ нашимъ публицистомъ бывш. петербургскимъ прис. повѣр. К. К. Арсеньевымъ. Всѣ почти петербургскія газеты отнеслись съ большою теплотою къ семейному празднику члена адвокатской корпораціи, что̀ указываетъ на то, что онъ имѣетъ и несомнѣнный крупный общественный интересъ.

Въ лицѣ г. Герарда товарищи его и общество чествовали не только одного изъ самыхъ талантливыхъ, безкорыстныхъ и мужественныхъ поборниковъ правды, но и типичнѣйшаго представителя присяжной адвокатуры. Принадлежа и по происхожденію, и по мѣсту воспитанія (какъ правовѣдъ) къ привилегированному разряду судебныхъ дѣятелей и имѣя, благодаря хорошимъ связямъ, впереди обезпеченную блестящую служебную карьеру, г. Герардъ добровольно и исключительно по нравственному влеченію избралъ и предпочелъ заманчивую, но трудное адвокатское поприще. Карьера эта можетъ дать иногда славу, рѣже богатство, но отнюдь не способна утолить жажду внѣшнихъ

отличій, властолюбія и честолюбія. Это широко открытое, исключительно только для соревнованія таланту и знанію, демократическое поприще, какъ извѣстно, совершенно уравниваетъ своихъ дѣятелей, безъ различія происхожденія и общественнаго положенія. Каждый адвокатъ самъ завоевываетъ себѣ мѣсто въ сословіи, и никакія усилія высокихъ покровителей и «кумушекъ» не побудятъ кліентовъ ввѣрять дѣла «по протекціи». Нужно было дѣйствительно глубокое внутреннее влеченіе къ этой трудной, но столь привлекательной для людей независимаго характера свободной профессіи, чтобы предпочесть ее другой, болѣе покойной, обезпеченной и блестящей, съ точки зрѣнія честолюбія, коронной службѣ. Нуженъ былъ не малый нравственный закалъ, чтобы благополучно обойти подводные камни, которыми такъ изобилуетъ адвокатское поприще и о которые такъ легко и часто разбиваются неразборчивые адвокаты, даже одаренные крупнымъ талантомъ. Нужно было дѣйствительно исключительное глубокое призваніе и влеченіе, чтобы съ честью пройти столь длинный общественный путь и до настоящаго времени сохранить живой интересъ къ адвокатской профессіи, то feu sacré, безъ котораго эта свободная профессія очень скоро превращается въ одно изъ тяжелѣйшихъ и скучнѣйшихъ ремеслъ.

Въ многочисленныхъ характеристикахъ В. Н., появившихся въ газетахъ и въ застольныхъ рѣчахъ, отмѣчались крайне цѣнныя въ адвокатѣ нравственныя и умственныя черты, изъ коихъ нѣкоторыя всецѣло присущи деликатной, мягкой натурѣ юбиляра, а другія объясняются частью его личными свойствами, частью тѣми добрыми и мужественно-честными традиціями строгой адвокатской этики, которыя издавна выдвинули впередъ петербургскую адвокатскую корпорацію, обезпечивъ ей первенствующее положеніе въ средѣ всей русской адвокатуры. В. Д. Спасовичъ отмѣтилъ въ дѣятельности В. Н. какъ выдающуюся черту ея—*свѣтскость*, галантность, джентльменство, благовоспитанность, мягкость, благодушіе.

Эта черта далеко не такъ маловажна, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Живое, теплое, даже горячее, страстное отношеніе къ дѣлу не только возможно, но и необходимо для адвоката мало-мальски добросовѣстно и по призванію исполняю-

щаго свои профессіональныя обязанности. Но тутъ, какъ и вездѣ, чувство мѣры и такта необходимо, иначе веденіе дѣла превращается въ бой обозленныхъ пѣтуховъ или грызню звѣрей, безпощадную, непримиримую битву по правилу—in hostem omnia licita est. Многіе въ высшей степени честные, безкорыстные и искренно преданные своимъ интересамъ адвокаты, отдаваясь безъ удержу дѣйствію своего живаго, нервнаго темперамента, столь драгоцѣннаго вообще для адвоката, вносятъ въ пренія черезчуръ много страстности, впадая въ то, что̀ французы défaut de ses qualites. Не говоря о другихъ неудобствахъ такого черезчуръ ожесточеннаго боя, онъ оставляетъ въ борющихся мутный и горькій осадокъ непріятныхъ воспоминаній, портящихъ тѣ добрыя товарищескія симпатическія отношенія confraternité, которыя составляютъ одну изъ основъ адвокатскаго корпоративнаго строя.

«Въ профессіи, говорилъ парижскій батонье Ліувиль, на которой нельзя подвизаться иначе, какъ вдвоемъ; на которой безпрестанно приходится сталкиваться лицомъ къ лицу съ товарищами; въ профессіи, гдѣ товарищъ, призванный для борьбы, воодушевленный долгомъ и убѣжденіемъ, смѣло возражаетъ своему противнику, гдѣ живость нападенія вызываетъ еще большую живость отпора, — что̀ бы съ нами было, Боже мой? восклицаетъ Ліувиль, если бы товарищеская симпатія не сходила съ неба для замиренія этихъ битвъ; если бы боевое оружіе не замѣняла она оружіемъ турниpовъ (armes courtoises); если бы, смягчая наше усердіе, умѣряя нашъ пылъ, она не возбраняла превращеніе стычки кліентовъ въ ссоры адвокатовъ; если бы къ концу засѣданія она, эта симпатія не обращала своего умиротворяющаго *quos ego!*... къ бушующимъ волнамъ, отголосокъ коихъ не идетъ дальше судебной камеры!... Это оно, это именно чувство товарищества, прелести котораго вы со временемъ узнаете, говорилъ батонье стажьерамъ, оно только насъ сдерживаетъ, оно одно дѣлаетъ возможнымъ, по окончаніи битвы, жать товарищамъ эти руки, всегда дружественныя, хотя то и руки противника» [1]).

---

[1]) F. Liouville: De la profession d'avocat. 33.

Г. Герардъ именно и былъ по преимуществу пропагандистомъ «цивилизованныхъ», «рыцарскихъ» пріемовъ судебной борьбы. Для удачнаго исполненія этой миссіи сама природа отпустила ему всѣ данныя и средства: внѣшнее изящество, привлекательная наружность, ласкающій ухо мягкій баритонъ, врожденная деликатность, развитая воспитаніемъ, утонченная чисто - французская вѣжливость и предупредительность которая не только на турнирѣ, а на самомъ полѣ настоящей битвы уступаетъ первый выстрѣлъ противнику, какъ это сдѣлалъ графъ д'Отрошъ въ 1745 г. въ битвѣ при Фонтенуа, сказавъ англійскому командиру: «non, monsieur, nous ne tirons jamais les premiers. Tirez, vous-mêmes!»... Распространеніе въ нашей молодой адвокатурѣ правилъ честнаго, благороднаго, рыцарскаго боя съ возможною, при всей горячности схватки, предупредительностью, было тѣмъ настоятельнѣе, труднѣе, а стало-быть и почетнѣе, что нравы наши вообще далеко не страдаютъ и не страдали избыткомъ мягкости и лояльности во взаимныхъ сношеніяхъ, а судебно-адвокатскія въ особенности, гдѣ на самомъ наканунѣ судебной реформы господствовали пріемы взаимнаго надувальства и мошенническаго «путанія дѣлъ» во вкусѣ гоголевскаго «юрисконсульта».

Послѣ такихъ «жестокихъ нравовъ» тѣмъ неожиданнѣе и пріятнѣе было встрѣтить этого изящнаго, галантнаго бойца, отважно бьющагося, какъ левъ, въ защиту взятыхъ имъ подъ свое покровительство интересовъ, но до фанатизма вѣрнаго въ охранѣ адвокатскаго point d'honeur, до щепетильности строгаго къ вопросамъ чести и порядочности.

Любопытный въ этомъ отношеніи казусъ представило извѣстное дѣло милліонера Овсянникова, обвиняемаго въ поджогѣ. Г. Герардъ былъ повѣреннымъ гражданскаго истца, страховаго общества. Вдругъ неожиданно по открытіи засѣданія защита Овсянникова заявляетъ отводъ противъ г. Герарда, ссылаясь на то, что Овсянниковъ обращался къ нему съ просьбою принять защиту. Оказалось, что Овсянниковъ дѣйствительно предлагалъ г. Герарду свою защиту, но, ознакомившись съ дѣломъ, онъ отказался принять ее. Стало быть, никакихъ основаній не было у г. Герарда не выступать противъ Овсянникова (а иначе стоило бы обвиняемому обойти всѣхъ корифеевъ адвокатуры

съ предложеніемъ защиты и такимъ простымъ способомъ освободить себя отъ опасныхъ противниковъ!). Г. Герардъ вправѣ былъ оставить безъ вниманія этотъ плутовскій отводъ, который, конечно, былъ бы отклоненъ и судомъ. Но еще больше былъ правъ В. И. добровольно отказавшись отъ дѣла по высшимъ соображеніямъ деликатности и безупречной честности, дабы устранить самую тѣнь сомнѣнія относительно своего поведенія. Г. Герардъ несъ не только матеріальный ущербъ, но рисковалъ даже навлечь на себя нѣкоторое нареканіе со стороны довѣрителя, несмотря на безупречность своего поведенія (говоримъ, безупречное, потому что: во 1-хъ, предвидѣть такой странный отводъ, не было возможности, а во 2-хъ, довѣритель въ правѣ требовать отъ своего довѣреннаго мужества и самопожертвованія, но не въ ущербъ требованій чести, хотя бы и очень тонкихъ и необщепринятыхъ), и добровольно отказавшись, тѣмъ не менѣе отъ дѣла, г. Герардъ совершилъ, съ высшей этической точки зрѣнія, прекрасный поступокъ, дѣлающій ему честь и создающій въ сословіи прецедентъ, достойный подражанія.

Только тотъ, кто близко зналъ съ интимной стороной адвокатской профессіи, знаетъ тѣ чрезвычайныя трудности, которыя, представляетъ она для адвоката, смотрящаго серіозно на свою дѣятельность, какъ на общественное служеніе. Не даромъ еще Квинтиліанъ на ряду съ техническимъ элементомъ съ умѣньемъ говорить, съ даромъ слова (dicendi peritus), ставилъ элементъ этическій, нравственную порядочность, адвокатскую чистоплотность (vir bonus). — Безъ этого нравственнаго элемента адвокатская профессія превращается въ одно изъ самыхъ несимпатичныхъ, антисоціальныхъ, грязныхъ ремеслъ, близкихъ, sit venia verbo, къ умственной и нравственной проституціи; ибо что же можетъ быть ниже, гаже и оскорбительнѣе для человѣческаго достоинства, какъ торговать, оптомъ и въ розницу, своимъ словомъ, мыслью, всѣмъ своимъ нравственнымъ существомъ, не имѣя иной цѣли и побужденія, какъ или слава непобѣдимаго софиста, или, того хуже, грубый матеріальный разсчетъ?—Существованіе такого адвокатскаго типа, къ сожалѣнію, фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но не онъ, къ счастью, давалъ и даетъ токъ русской

 Лучшіе представители петербургской адвокатуры:

К. К. Арсеньевъ, В. Д. Спасовичъ, А. М. Унковскій, В. Н. Герардъ, В. И. Танѣевъ и др., высоко державшіе знамя русской адвокатуры, сразу поняли и оцѣнили важное гражданское значеніе адвокатской каѳедры въ Россіи, какъ единственной почти публицистической каѳедры для распространенія въ обществѣ началъ законности, равноправности, гуманности и честности [2]). А для удачнаго выполненія такой благородной программы conditiones sine quibus non суть: a) тщательный выборъ дѣла и аргументовъ по дѣлу, съ точки зрѣнія нравственной и законной; b) безстрашное, беззавѣтное служеніе дѣлу «до послѣдней капли крови», по извѣстной присяжной формулѣ, разъ такъ сдѣланъ такой именно тщательный выборъ. Въ этихъ двухъ пунктахъ «весь законъ и пророки» адвокатскаго поведенія, альфа и омега адвокатскаго нравственнаго кодекса.

«Секретъ моего успѣха, сказалъ г. Герардъ въ отвѣтъ на одно изъ привѣтствій, очень простъ. Я всегда относился строго къ выбору дѣлъ, бралъ исключительно дѣла, которыя я долженъ бы выиграть, или по крайней мѣрѣ такія, за которыя не *краснѣлъ бы*, еслибъ и проигралъ. Другая привычка моя — строгій выборъ аргументовъ, приводимыхъ по дѣлу, хотя бы и такому, которому бы я и не сочувствовалъ, но которое обязанъ былъ вести по назначенію отъ суда. Только этому примѣру слѣдовать я и могу рекомендовать своимъ молодымъ коллегамъ»,

Благо тому, кто послѣ многолѣтней и обширной практики можетъ такъ говорить публично, не рискуя встрѣтить вокругъ себя либо скептическую улыбку, либо прямое возраженіе, а напротивъ, получаетъ, какъ это было въ данномъ случаѣ, отъ лица общепризнанныхъ авторитетовъ корпораціи, дорогое и непререкаемое свидѣтельство справедливости своей профессіональной исповѣди. «В. Н. Герардъ совершенно справедливо указалъ, говорилъ К. К. Арсеньевъ,—составлявшій нѣкогда красу и гордость петербургской адвокатуры, а нынѣ русской публицистики,— на послѣдовательность своей аргументаціи по дѣламъ, какъ напримѣръ достойный подражанья. Послѣдовательность эта выражается вовсе не въ «холодной» стройности умозаключеній, а

---

[2]) Leroy Beaulieu: L'empire des Tsars, t. II, p.

женіями личныхъ неудобствъ и безопасности и имѣя въ виду одно мужественное служеніе профессіональному долгу, закону и гуманности. Пріятно, лестно и почетно служеніе этому благородному знамени въ тиши кабинета или въ многочисленной аудиторіи, сочувственно внимающей призыву къ принципамъ человѣчнымъ и затѣмъ устно и печатно разносящей славу честнаго защитника угнетенныхъ, но во сколько кратъ почетнѣе геройская служба храбраго защитника, когда онъ среди недружелюбно настроенныхъ слушателей, полныхъ натерпѣнія, недовѣрія и негодованія, передъ нахмуренными лицами негодующихъ судей, едва сдерживающихъ себя, въ предѣлахъ, подобающаго мѣсту, внѣшняго приличія; когда онъ, враждебно коментируемый, часто прерываемый, умѣетъ найти въ самомъ страшномъ преступникѣ проблески человѣчности; когда онъ *заставляетъ*, если не внять то хоть прислушатся къ голосу состраданія, къ принципамъ человѣчнымъ, вѣчнымъ, во имя святого начала правосудія:

Nul n'est juste, s'il n'est doux [5]).

или, какъ говаривалъ Грановскій, человѣчность прежде всего!

Такихъ примѣровъ честнаго мужества и адвокатской доблести, безъ коей въ иныхъ случаяхъ защита превращается въ простой кощунственный обрядъ, было не мало въ славномъ прошломъ Б. Н. Герарда.

Нельзя не отмѣтить еще и той выдающейся роли, которую В. Н. игралъ въ корпоративной жизни петербургской адвокатуры, служа ей не только образцами своей личной профессіональной дѣятельности, но и какъ членъ сословнаго представительства. Въ теченіе 25-ти лѣтъ В. Н. былъ виднымъ и энергичнымъ сословнымъ дѣятелемъ, безпрерывно участвуя, въ качествѣ члена или товарища предсѣдателя Совѣта, въ выработкѣ тѣхъ профессіональныхъ правилъ поведенія, которыя составляютъ драгоцѣнный нравственный капиталъ не только петербургской, но и всей вообще русской присяжной адвокатуры.

Хорошо понимая все серьезное значеніе для будущности адвокатуры правильнаго и разумнаго устройства школы для молодой

---

[5]) Нѣтъ безъ милости суда.

адвокатуры, В. Н. и самъ отдавалъ много времени и любви для занятій съ своими личными помощниками и сильно отстаивалъ необходимость организаціи *сословныхъ учрежденій*, безъ которыхъ невозможно воспитаніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ духѣ традицій присяжной адвокатуры.—Искренняя и сердечная признательность, высказанная адвокатской молодежью В. Н. по поводу его юбилея была одною изъ многочисленныхъ заслуженныхъ наградъ, полученныхъ г. Герардомъ во время скромнаго, но знаменательнаго чествованія его, какъ достойнаго представителя присяжной русской адвокатуры.

VI

И. Я. Фойницкій.

(1-ое іюня 1868—1893 г.).

1-го іюня 1893 г. въ Петербургѣ происходило, домашнимъ образомъ, чествованіе извѣстнаго нашего криминалиста, профессора петербургскаго университета, товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента И. Я. Фойницкаго по случаю исполнившагося 25-ти лѣтія его профессуры и научно-литературной дѣятельности. Продолжительная научная и публицистическая дѣятельность уважаемаго криминалиста не замыкалась въ тѣсные предѣлы академическаго преподаванія и не разъ соприкасалась съ текущими государственными и общественными вопросами, имѣющими крупный жизненный интересъ. Объ диссертаціи его на ученыя степени — «Мошенничество по русскому праву» и «Ссылка на Западѣ», затрогивали вопросы, имѣющіе серьезное значеніе для русской дѣйствительности, какъ и большинство статей и монографій его, какъ-то: Исходные моменты законодательства о печати, Защита въ уголовномъ процессѣ [1]),

[1]) Выдвигая впередъ общественную миссію защиты и предостерегая ее отъ превращенія въ частный промыселъ, проф. Фойницкій указывалъ также на значеніе этого вопроса для молодаго поколѣнія. «Нынѣ, писалъ онъ въ 1885, для университетской молодежи доступъ въ правительственную судебную службу сокращается, частью благодаря привилегированнымъ читомникамъ юриспруденціи, частью по недостатку вакансій.

)правдательные приговоры присяжныхъ и мѣры къ ихъ сокращенію и мн. др. [2]).

Но самымъ капитальнымъ трудомъ проф. Фойницкаго, въ общественномъ смыслѣ, былъ знаменитый его «Курсъ уголовнаго судопроизводства» [3]), котораго значеніе и заслуга усугублялись временемъ его появленія. Это было время, когда вся реакціонная пресса, съ М. Н. Катковымъ во главѣ, сомкнутыми рядами, шла противъ Судебныхъ Уставовъ, выставляя всѣ ихъ основные принципы и въ теоріи, и на практикѣ опасными для нашего государственнаго порядка и несовмѣстными съ правильнымъ развитіемъ Россіи. Клики московской печати сумѣли даже день открываемаго судебнымъ вѣдомствомъ памятника въ Москвѣ творцу Судебныхъ Уставовъ въ средство для травли судебныхъ учрежденій, указывая кровавыя на бѣломъ мраморѣ статуи Александра II и недвусмысленно ставя ихъ въ счетъ новому суду... Возмущенный этими доносами и безшабашною травлею, И. С. Аксаковъ писалъ въ 1884 г. (по адресу публицистовъ Страстнаго бульвара и ихъ приспѣшниковъ): «Съ легкой или вѣрнѣе тяжелой руки *Московскихъ Вѣдомостей*, прочія газеты и газетки съ публикой вкупѣ хоромъ ревутъ на новый судъ: «ату его! ату!» глумятся, ругаются, мечутъ грязь, со свистомъ и хохотомъ, во весь судебный персоналъ, во весь судебный институтъ съ его прошедшимъ и настоящимъ, какъ будто кто имъ задалъ задачу

для молодежи университетской адвокатура остается почти *единственною* сферою юридическаго труда. Печаловаться объ этомъ нѣтъ причины въ виду привлекательности и симпатичности этого вида труда въ его чистомъ видѣ, но тѣмъ настоятельнѣе позаботиться, чтобы чистое русло его не было загрязнено въ самыхъ истокахъ и чтобы наша молодежь, мечтая нести общественную службу, не попадала за *прилавокъ* недобросовѣстной лавочки. Этого требуютъ интересы молодого поколѣнія, интересы судебной правды и судебнаго достоинства въ ближайшемъ будущемъ». (Стр. 64 Защ. Угол. Процес.).

[2]) Въ статьяхъ своихъ проф. Фойницкій доказывалъ, что большой процентъ оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ имѣетъ объясненія въ недостаткахъ нашего дѣйствующаго матеріальнаго и процессуальнаго уголовнаго права, а отнюдь не въ устройствѣ суда присяжныхъ. (Жур. Гражд. и Уголов. Права, 1879, № 6).

[3]) Курсъ уголовн. судопр. Спб. 1884 г., томъ I, стр. 624.

Напрасны были голоса, указывавшіе на необразованность массы и отсутствіе политическаго воспитанія; составители Уставовъ отвѣчали, что тотъ же гласный судъ воспитаетъ его политически, открывъ доступъ для его участія въ государственной дѣятельности, Они помнили притомъ, что русскіе государи въ самыя трудныя историческія минуты исправляли при помощи народа судебныя неурядицы, созданныя волостельскимъ и приказнымъ элементами; помнили, что русскій народъ въ теченіе всей эпохи крѣпостнаго гнета берегъ и хранилъ въ своей средѣ правый судъ, и безъ сомнѣнія положились на него. Опытъ блистательно подтвердилъ основательность ихъ мнѣній» [5]).

Переходя къ вопросу о «подражительности» Суд. Уст., проф. Фойницкій опровергаетъ распускаемый врагами судебной реформы нелѣпый упрекъ въ рабскомъ копированіи съ французскаго образца. «Составители Судебныхъ Уставовъ твердо вѣрили въ дѣло прогресса общечеловѣческаго,—замѣчаетъ г. Фойницкій,—имъ чуждъ малѣйшій упрекъ въ стремленіи быть національными, во чтобы то ни стало, *даже цѣною справедливости*»... Указавъ затѣмъ, что заимствованія дѣлались не только изъ французскаго, но и англійскаго законодательствъ, «являющихся учителями всего человѣчества», профессоръ Фойницкій устанавливаетъ, что самыя заимствованія дѣлались лишъ послѣ тщательной провѣрки и сообразуясь съ силами и особенностям русскаго народа. «Ни одинъ процессуальный институтъ нашихъ Уставовъ,—справедливо отмѣчаетъ онъ,—не можетъ быть признанъ ни англійскимъ, ни французскимъ: на каждомъ изъ нихъ легла печать *самобытности*, каждый изъ нихъ имѣетъ самостоятельную русскую физіономію, приноровленную къ русскимъ нуждамъ, непонятную безъ изученія русскихъ условій» [6]).

Переходя къ изученію въ отдѣльности главнѣйшихъ институтовъ нашего новаго судебнаго права, къ отдѣленію власти судебной отъ административной, къ несмѣняемости судей, участію въ судѣ народнаго элемента и т. д., г. Фойницкій съ большимъ знаніемъ и талантомъ слѣдить за тѣми историческими и

---

[5]) Тамъ же, 157.

[6]) См. тамъ же, 159.

бытовыми соображеніями, коими вызваны эти необходимыя гарантіи правосудія. Въ частности съ особенною тщательностью обработанъ въ книгѣ г. Фойницкаго отдѣлъ о судѣ присяжныхъ, дающій весьма полныя данныя о постановкѣ этого института какъ у западныхъ европейскихъ народовъ, такъ и въ Россіи. «Выросшее въ Англіи, — такъ начинаетъ свою характеристку г. Фойницкій, — принятое затѣмъ и обработанное въ Франціи, установленіе присяжныхъ стало *міровымъ* судебнымъ институтомъ, характеризующимъ цивилизованныя націи. Палладіумъ личной свободы и политической независимости народной ревностный стражъ общественной безопасности и строгій судья злодѣяній, это установленіе болѣе или менѣе дѣлается для культурнаго міра судомъ естественнымъ по преимуществу, отъ вѣдѣнія котораго, въ интересахъ народной экономіи, устраняются лишь дѣла наименьшей важности. Принятое Уставами Александра II, оно стало *центральнымъ узломъ* новой судебной системы, *наилучшимъ украшеніемъ и опорою ея*».

Послѣ этихъ прекрасныхъ строкъ авторъ переходитъ къ подробному разбору всѣхъ доводовъ pro и contra суда присяжныхъ шефеновъ и короннаго суда и приходитъ къ такому окончательному заключенію: «Въ той формѣ народнаго участія въ судѣ, которое извѣстно подъ именемъ суда присяжныхъ, судебныя достоинства его получаютъ высшее развитіе, до котораго до сихъ поръ достигало человѣчество, такъ что для нашихъ дней судъ присяжныхъ представляется наиболѣе близкимъ къ *идеалу* суда» [7]).

Относясь съ величайшею симпатіею къ русскому суду присяжныхъ, проф. Фойницкій указываетъ, что насажденіе его у насъ было вызвано чисто-юридическими и историческими мотивами. «Институтъ присяжныхъ, — говоритъ онъ, — введенъ у насъ не какъ вынужденная народомъ у правительства уступка, а добровольнымъ его актомъ, какъ видоизмѣненіе прежнихъ, уже устарѣвшихъ формъ народнаго участія, идея котораго глубоко коренится въ нашей жизни и неразрывна съ нашимъ *національнымъ* возрѣніемъ на правосудіе» [8]). Проф. Фойницкій касается

---

[7]) Тамъ же, 386, 389.

[8]) С

и вопроса, которымъ такъ злоупотребляла реакціонная печать, не понимая всей важности его. Какъ извѣстно, она силится доказать, что судъ присяжныхъ не совмѣстимъ съ существующемъ у насъ государственнымъ строемъ. Противъ этаго мнѣнія, усматривающаго въ судѣ присяжныхъ исключительно политическій институтъ г. Фойницкій возражаетъ: «Это мнѣніе несогласно съ дѣйствительностью. Присяжные берутся изъ всѣхъ классовъ народа, дѣйствуютъ совмѣстно съ коронным судомъ и подъ его контролемъ. Какъ установленіе судебное, судъ присяжныхъ подзаконенъ и долженъ сообразовать свою дѣятельность съ закономъ, которому онъ подчиненъ. Потому-то присяжные засѣдатели съ успѣхомъ функціонируютъ и въ странахъ, общій строй которыхъ далекъ не только отъ демократическаго, но даже отъ укладнаго (конституціоннаго) порядковъ; они не мыслимы только въ деспотіяхъ, гдѣ не можетъ быть рѣчи о судебной власти. Отправляя правосудіе, продолжаетъ авторъ, присяжные несутъ возложенную на нихъ повинность и участіемъ своимъ укрѣпляютъ правительство, усиливаютъ его, а отнюдь не ослабляютъ. Отъ нихъ правительство получаетъ практическія свѣдѣнія, необходимыя для правосудія; благодаря имъ, общество перестаетъ смотрѣть на правосудіе, какъ на дѣло, ему чуждое, и охотнѣе помогаетъ его ходу». Разсматривая условія дѣятельности суда присяжныхъ, г. Фойницкій указываетъ, между прочимъ, что «степень точнаго исполненія законовъ въ другихъ областяхъ сказывается на ихъ вердиктахъ: чѣмъ болѣе законности въ жизни, въ судѣ, въ дѣятельности прокуратуры и администраціи, тѣмъ болѣе ея и въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей... Громадное вліянія на дѣятельность присяжныхъ говоритъ онъ далѣе, имѣетъ отношеніе къ этому институту правительства: при довѣріи правительства присяжные сосредоточиваются въ рамкахъ судебной дѣятельности, при недовѣріи они проявляютъ стремленіе принесть въ судъ политическую борьбу. Въ этомъ отношеніи особенно вредны попытки подбора присяжныхъ засѣдателей, сокращенія ихъ компетентности» [9]). «Введеніе у насъ суда присяжныхъ, тотчасъ послѣ отмѣны рабства,—говоритъ въ заключеніе г. Фойницкій, — было смѣлымъ,

---

9) Стр. 448.

скажемъ болѣе—*дерзкимъ шагомъ* теоретическаго ума; однако—съ радостью спѣшитъ прибавить уважаемый ученый,—его *увѣнчалъ успѣхъ*, затмившій опасенія практиковъ» [10]).

Съ такою же глубокой симпатіею относится г. Фойницкій и ко всѣмъ другимъ основнымъ принципамъ судебной реформы. Объ отношеніи автора къ новелламъ послѣднихъ лѣтъ, во многомъ измѣнившимъ основы Судебныхъ Уставовъ, могутъ дать представленіе слѣдующія прочуствованныя строки. «Второе десятилѣтіе, приходящее къ концу со времени изданія этого замѣчательнаго памятника нашего законодательства, одного изъ самыхъ цѣнныхъ украшеній великаго освободительнаго царствованія, провожаетъ его съ тѣми же любовью и уваженіемъ, которыми онъ былъ стрѣченъ; святая обязанность каждаго юриста отнынѣ ясна: состоитъ она въ томъ, чтобы оберегать начала Судебныхъ Уставовъ въ ихъ первоначальной *чистотѣ*, ограждать животворящей ихъ *духъ*, внутренній смыслъ ихъ отъ всякихъ искаженій и передѣлокъ, составляющихъ явный или прикрытый поворотъ къ старому порядку вещей» [11]).

Краснорѣчивая, убѣдительная защита проф. Фойницкимъ основъ судебной реформы, подкрѣпленная солидными научно-практическими данными, произвела и должна была произвести сильное впечатлѣніе.

Если она не убѣдила ослѣпленныхъ враговъ новаго суда, которыхъ ничѣмъ убѣдить невозможно, то способствовала укрѣпленію въ шатавшемся общественномъ сознаніи довѣрія къ незыблемымъ *основамъ* судебной реформы; это гражданная заслуга проф. И. Я. Фойницкаго предъ наукою и русскимъ обществомъ и она своевременно была замѣчена и отмѣнена печатью [12]).

---

[10]) Стр. 447.

[11]) Стр. 159.

[12]) См. статью проф. Сергіевскаго въ *Юридической Библіографіи* 1885 г. и мою въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* № 8 того же года.

VII

М. А. Фальковскій.

(17-ое Декабря 1853 – 1893 г.)

17-го Декабря 1893 г. товарищи по сословію и представители московской магистратуры привѣтствовали адресомъ и личными поздравленіями одного изъ старѣйшихъ и уважаемыхъ московскихъ адвокатовъ присяжнаго повѣреннаго, почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества, Адама Михайловича Фальковскаго съ исполнившимся сороколѣтіемъ его государственно-общественной службы. Имя А. М. стоитъ въ спискѣ присяжныхъ повѣренныхъ московскаго судебнаго округа съ самаго открытія новаго суда и учрежденія сословія корпоративной присяжной адвокатуры и съ тѣхъ поръ пользуется вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ какъ въ средѣ товарищей, такъ и во всемъ судебномъ вѣдомствѣ, какъ одинъ изъ самыхъ добропорядочныхъ и безкорыстныхъ адвокатовъ.

А. М. Фальковскій—воспитанникъ Московскаго университета временъ Грановскаго. Математикъ по университетской спеціальности, А. М.—подъ вліяніемъ общаго гуманно-просвѣтительнаго духа университетской науки, господствовавшаго во время этого знаменитаго воспитателя длиннаго ряда университетскихъ поколѣній, во всемъ университетѣ, безъ различія факультетовъ —рано заинтересовался соціально-гуманитарными науками. Послѣдующая практическая дѣятельность въ старыхъ московскихъ судебныхъ установленіяхъ еще болѣе сблизила А. М. съ юридико-политическими науками. Одинъ изъ немногихъ честныхъ и образованныхъ судей того времени, А. М. умѣлъ какъ бы предвосхитить будущій типъ новаго судебнаго дѣятеля, не ограничивающагося при исполненіи своихъ обязанностей буквоѣдствомъ и механическимъ усвоеніемъ на память статей дѣйствующаго законодательства, но стремящагося къ разумному изъясненію внутренняго смысла его, а также цѣли его отдѣльныхъ институтовъ, согласно научнымъ указаніямъ, даннымъ исторіи и теоріи права.

Но настоящая научно-юридическая и разумная практическая судебная дѣятельность для г. Фальковскаго началась съ введе-

ніемъ Судебныхъ Уставовъ и съ возникновеніемъ того оживленія въ юридическихъ наукахъ, которое предшествовало ихъ изданію. «Великія реформы минувшаго царствованія и въ особенности судебная, вспоминалъ въ 1882 г. Фальковскій, возвысили у насъ значенье права и вызвали усиленную дѣятельность для дальнѣйшей теоретической и практической разработки его и, наконецъ, настоятельную необходимость въ преобразованіяхъ многихъ частей отечественнаго законодательства, сообразно съ измѣнившимися условіями народной жизни» [1]). Какъ разъ къ этому времени относится возникновеніе (см. выше главу XIV) перваго русскаго юридическаго Общества Московскаго. Вступивъ въ составъ его однимъ изъ первыхъ г. Фальковскій и понастоящее время является однимъ изъ его самыхъ неутомимыхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ, непропуская въ теченіе почти тридцати лѣтъ ни одного засѣданія. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ отправлялъ обязанности секретаря Общества и, даже по сложеніи оффиціальнаго званія секретаря, A. M. de facto былъ и остается тѣмъ, что французы называютъ sécretaire perpetuel, т. е., самымъ усерднымъ дѣятелемъ и неизмѣннымъ хранителемъ традицій Общества. Чередовались поколѣнія въ юридическомъ Обществѣ. Періодъ кратковременнаго оживленія смѣнялся временемъ продолжительной апатіи, когда большинство членовъ безучастно носило номинальное званіе членовъ, и лишь одинъ А. М. не забывалъ свои понедѣльники, свое насиженное мѣсто въ круглой правленской залѣ университета въ концѣ длиннаго стола, и какъ безсмѣнный стражъ науки права и хранитель добрыхъ традицій человѣчности, всегда былъ на-лицо и возвышалъ голосъ въ пользу неизмѣнно чтимыхъ имъ святыхъ началъ Судебныхъ Уставовъ.

Не довольствуясь участьемъ въ засѣданіяхъ юридическаго общества и сообщеніемъ ему многочисленныхъ докладовъ, г. Фальковскій почти десять лѣтъ редактировалъ органъ общества *Юридическій Вѣстникъ*, не только безвозмездно неся редакторскія обязанности, но и принося, при своихъ ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ, очень значительныя пожертвованія для покрытія дефицита журнала.

---

[1]) Первый съѣздъ Русскихъ юристовъ. М. 1883, стр. 275—276.

Всегда близко принимая къ сердцу всѣ научныя интересы и начинанія Московскаго Юридическаго Общества, А. М. съ большимъ рвеніемъ отнесся къ возникшей въ началѣ семидесятыхъ годовъ мысли о созывѣ перваго съѣзда русскихъ юристовъ. Мысль эта, встрѣченная скептически въ нѣкоторыхъ петербургскихъ юридическихъ сферахъ, тѣмъ не менѣе была осуществлена 5-го іюня 1876 г., послѣ продолжительныхъ подготовительныхъ работа, въ коихъ А. М. принималъ дѣятельное участіе. Будучи избранъ первымъ секретаремъ съѣзда, А. М. несъ огромный трудъ по редакціи протоколовъ съѣзда. На съѣздѣ онъ докладывалъ совмѣстно съ М. П. Соловьевымъ обширный рефератъ: «объ изданіи гражданскаго уложенія Россійской имперіи съ изложеніемъ причинъ необходимости отмѣны мѣстныхъ сводовъ гражданскихъ узаконеній, какъ дѣйствующихъ, и указаніемъ основныхъ положеній, могущихъ служить къ объединенію въ Россіи гражданскаго права».

Въ теченіе 1873—1876 гг. г. Фальковскій занималъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру гражданскаго судопроизводства, при чемъ, само собою разумѣется, выступалъ самымъ искреннимъ и убѣжденнымъ поборникомъ гуманно-либеральныхъ основъ судебной реформы, культъ которыхъ онъ старался внушить и своимъ слушателямъ.

Не обладая качествами, которые создаютъ громкую или крикливую ораторскую извѣстность, г. Фальковскій, чуждый всегда и всякихъ стяжательныхъ маневровъ, никогда не располагалъ обширною практикою, хотя онъ былъ изъ числа первыхъ немногочисленныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, приписавшихся къ московскимъ судебнымъ установленіямъ. Вѣрный правиламъ адвокатской этики, не прерывая никогда связи съ юридическими науками, А. М. всегда былъ желателенъ и пріятенъ для товарищей, какъ благодушный и честный противникъ, для суда—какъ добросовѣстный искатель истины, надежный пособникъ судей.

Въ сословныхъ дѣлахъ А. М. всегда стоялъ за принципы свободной самодѣятельности и посильно боролся противъ нездоровыхъ теченій послѣдняго времени, вызванныхъ междуплеменною враждою и уменьшеніемъ адвокатскаго заработка. Чуткій къ интересамъ молодежи г. Фальковскій, въ качествѣ руководителя,

всегда принималъ самое горячее участіе въ существовавшей въ Москвѣ (до 1891 г.) организаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, имѣвшей цѣлью знакомить стажьеровъ съ традиціями адвокатуры и принципами профессіональной дѣятельности, а также давать имъ и необходимую практическую подготовку. Г. Фальковскій былъ изъ числа тѣхъ, которые боролись противъ новыхъ крайне стѣснительныхъ правилъ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ и которые ратовали за сохраненіе и развитіе старой корпоративной организаціи. Но голосъ ветерана адвокатуры не былъ услышанъ и организація, съ трудомъ создававшаяся долгими усиліями, какъ извѣстно, была уничтожена вся безъ остатка, по мотивамъ далеко не симпатичнымъ и къ явному ущербу для правильнаго развитія адвокатскаго сословія. Этотъ прискорбный фактъ,—составляющій лишь одинъ изъ маленькихъ эпизодовъ въ длинномъ ряду другихъ ненормальныхъ явленій въ жизни новаго суда, свидѣтельствующихъ объ ослабленіи энергіи въ наше время,

Гдѣ то, что прежде создавала
Живая мысль, идетъ пока
Какъ бы снарядъ, идущій вяло
И силой прежняго толчка

все-таки не поколебалъ у стараго носителя добрыхъ традицій корпоративной адвокатуры вѣры въ ея благородные принципы и въ лучшую будущность для нея.

VIII

П. Н. Обнинскій.

(9-ое мая 1869—1894 гг.).

9-го мая 1894 г. въ Москвѣ въ скромной семейной обстановкѣ праздновалось двадцатипятилѣтіе литературно-публицистической дѣятельности одного изъ симпатичнѣйшихъ общественно-судебныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи, Петра Наркизовича Обнинскаго.

Окончивъ курсъ въ 1859 г. въ Московскомъ университетѣ,—въ числѣ послѣднихъ избранниковъ, сподобившихся слышать

вѣщее слово великаго учителя человѣчности Грановскаго,—уже вскорѣ по окончаніи курса П. Н. имѣлъ счастливую возможность примѣнять завѣты учителя на дѣлѣ.

Помѣщикъ Калужской губерніи, г. Обнинскій съ истинно-братскимъ великодушіемъ устроился съ своими крестьянами, отдавъ имъ даромъ въ надѣлъ лучшія земли въ своемъ имѣніи. Затѣмъ онъ вошелъ въ составъ той избранной благородной дружины мировыхъ посредниковъ, которую удалось сгруппировать около себя знаменитому калужскому губернатору В. А. Арцимовичу для приведенія въ исполненіе Положеній 19-го февраля. Въ должности предсѣдателя Боровскаго мироваго съѣзда П. Н. и въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ, и въ дѣятельности подвѣдомаго ему учрежденія старался, слѣдуя духу освободительной хартіи, внести въ старую крѣпостническую среду,—издавна воспитанную на своеволіи, на личномъ захватѣ всего, безъ вниманія къ чужимъ интересамъ,—первые элементы законности, равноправности, человѣколюбія. Не легка была эта задача въ виду дикости и некультурности среды, для которой дотолѣ единственными правилами жизни было: sic volo, sic jubeo или своя рука владыка, но тѣмъ болѣе чести этимъ первымъ проводникамъ культурныхъ бороздъ на нивѣ русской общественной жизни.

Съ 1866 г. съ открытіемъ новыхъ судовъ въ Калужской губерніи г. Обнинскій вступилъ въ составъ Боровскаго мироваго института, продолжая въ болѣе широкихъ размѣрахъ, исполненіе той же благородной миссіи водворенія законности, правды и милости.

Съ 1869 г. онъ перешелъ на службу въ прокуратуру и занималъ должность товарища прокурора въ разныхъ мѣстахъ. Въ послѣдніе годы службы онъ былъ прокуроромъ Московскаго Окружнаго Суда до выхода своего въ 1890 г., вслѣдствіе сильно разстроеннаго здоровья, въ отставку. И здѣсь такъ же, оставаясь вѣрнымъ принципамъ и традиціямъ новаго суда, онъ являлся блюстителемъ законности и человѣчности, отнюдь не замыкаясь въ броню узкаго формализма и равнодушія. Умѣя по человѣчеству найти слово снисхожденія для случайныхъ и неиспорченныхъ преступниковъ, П. Н. былъ безпощаденъ къ героямъ преступленія и въ частности къ героямъ преступленія должности,

когда властные носители ихъ изобличались въ систематическомъ, сознательномъ попираніи законовъ въ разсчетѣ на свою безнаказанность.—Съ честнымъ мужествомъ и чуждый угодливости сильнымъ міра сего, П. Н. всегда горячо отстаивалъ, въ дѣлахъ по преступленіямъ должности, интересы закона и общества, что̀, конечно, не обходилось безъ тяжелыхъ столкновеній съ администраціею.

Занимая по должности прокурора мѣсто члена въ разныхъ губернскихъ присутствіяхъ, П. Н. умѣлъ и здѣсь оставаться вѣрнымъ началамъ законности и человѣколюбія и иногда оказывалъ очень сильное и благотворное—на дѣятельность всей коллегіи, какъ это было въ Московскомъ губернскомъ фабричномъ присутствіи, обратившемъ, благодаря П. Н., нѣкоторое вниманіе на полный лишеній и страданій бытъ фабричныхъ рабочихъ Московскаго района.

Послѣдніе 3—4 года г. Обнинскій, помимо обширной литературно-публицистической дѣятельности, отдался по должности предсѣдателя Общества попеченія о нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ, широкой и раціональной благотворительности, которую вынужденъ былъ покинуть только тогда, когда физическіе недуги (сильное ослабленіе слуха и зрѣнія) сдѣлали невозможнымъ руководство общественнымъ дѣломъ. Съ тою же теплотою и беззавѣтною сердечностью,—которыя всегда вносилъ этотъ типичный представитель благороднаго поколѣнія людей 60-хъ годовъ во все, за что̀ ни брался, — онъ и въ этой скромной должности съумѣлъ вдохнуть новую жизнь въ управляемое имъ Общество и организовалъ совершенно новую отрасль благотворительности, судебную защиту во-истину беззащитныхъ малолѣтнихъ жертвъ произвола и жестокихъ нравовъ. Въ замѣчательной инструкціи, составленной П. Н. для названнаго Общества по «отдѣлу защиты», онъ сдѣлалъ попытку правильной организаціи, чрезъ особыхъ участковыхъ членовъ общества, надзора за беззащитными дѣтьми и возбужденія преслѣдованія въ случаяхъ, когда они дѣлаются жертвами преступленія или жестокаго обращенія [1]). Если это

---

[1]) Инструкція напечатана въ прилож. къ № 1-му *Дѣтской Помощи* 1898 г.

доброе начинаніе не успѣло еще привиться вполнѣ, то, конечно, не по винѣ его человѣколюбиваго иниціатора.

За послѣдніе годы литературная дѣятельность П. Н. приняла большіе размѣры. Бодрый духомъ, несмотря на свои недуги, чуткій, отзывчивый на всѣ вопросы, волнующіе общество, г. Обнинскій помѣщалъ въ концѣ 80-хъ годовъ рядъ статей по юридико-публицистическимъ и этическимъ вопросамъ какъ въ обще-литературныхъ изданіяхъ (*Русская Мысль*, *Русское Богатство*, *Русскія Вѣдомости*), такъ и въ спеціальныхъ (*Юридическій Вѣстникъ*, *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права*, *Дѣтская Помощь*). Въ 1891 г. г. Обнинскій издалъ первый выпускъ своихъ статей подъ заглавіемъ «Законъ и бытъ». Первая статья г. Обнинскаго «Къ вопросу о мировомъ институтѣ» была напечатана въ *Судебномъ Вѣстникѣ* въ маѣ 1869 г., въ № 111.

«Съ тѣхъ поръ, говорилось въ адрессѣ, поданномъ г. Обнинскому въ день его юбилея, безпрерывно продолжалась Ваша плодотворная литературно-публицистическая дѣятельность, какъ въ юридическихъ, такъ и общихъ изданіяхъ, то усиливаясь, то ослабѣвая, въ виду множества служебныхъ обязанностей и служа лучшимъ комментаріемъ и дальнѣйшимъ продолженіемъ какъ Вашей служебной, такъ и послѣдующей благотворительной дѣятельности. Въ этомъ тождествѣ направленія оффиціальнаго служенія и принциповъ литературной дѣятельности заключается лучшая провѣрка искренности, глубины и несокрушимости Вашихъ нравственныхъ убѣжденій, «какъ внутренняго смысла всей жизни», по выраженію Вашего любимаго писателя Салтыкова.

«Для Васъ, какъ истинно «мірскаго» человѣка, собственная личность, личное дѣло, личный интересъ всегда были на послѣднемъ планѣ. Поэтому дозвольте намъ, сердечно уважаемый, дорогой Петръ Наркизовичъ, не исчисляя подробно Вашихъ великихъ личныхъ заслугъ, засвидѣтельствовать, что Ваше горячее служеніе словомъ и дѣломъ гуманно - освободительнымъ идеаламъ эпохи великихъ реформъ прошло не напрасно, оно нашло сочувственный откликъ въ друзьяхъ русскаго прогресса и просвѣщенія и дало имъ новый стимулъ для вѣрнаго служенія тому благородному знамени, которому такъ долго и честно служите Вы и служить которому Вы научились еще въ стѣнахъ

нашей almae matris.—Если бы возсталъ изъ гроба наставникъ Вашъ Грановскій, котораго девизъ «человѣчность прежде всего» сталъ и вашимъ девизомъ, то, обозрѣвъ всю Вашу 35-ти-лѣтнюю дѣятельность, онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы ее достойною себя, достойною студента 59-го года. Это отрадное сознаніе да послужитъ Вамъ новымъ возбудителемъ къ дальнѣйшей бодрой литературно - общественной дѣятельности и успѣшной борьбѣ съ удручающими Васъ недугами, которые, къ счастью, безсильны побороть Вашу любовь къ ближнему, Вашъ не остывающій интересъ къ общественному дѣлу, Вашу пламенную преданность идеаламъ освободительной эпохи...»

На привѣтствіе г. Обнинскій отвѣчалъ слѣдующею замѣчательною рѣчью, приводимою in extenso:

«Много приходилось мнѣ на своемъ вѣку произносить всякихъ рѣчей, и земскихъ, и судебныхъ, и общественныхъ, и даже застольныхъ, но никогда я не чувствовалъ такого смущенія, какъ сегодня... Трудно говорить на своемъ собственномъ юбилеѣ. Къ тому же я и охмѣленъ тою нежданною - негаданною честью, какую вамъ угодно было оказать мнѣ, мои дорогіе и глубокоуважаемые гости. И при всемъ томъ мнѣ хочется, вмѣсто шаблонныхъ фразъ, сказать вамъ то, что въ данную минуту лежитъ у меня на душѣ.

«Я нѣсколько осваиваюсь въ такомъ положеніи, соображая, что въ сущности чествуется вами не моя рядовая личность, а то знамя, наше общее, дорогое знамя, подъ которымъ я имѣлъ честь служить въ трехъ послѣдовательныхъ реформахъ и отъ котораго теперь остаются одни лохмотья... Было время, когда оно развѣвалось на побѣдномъ пути противъ мрака и неправды; теперъ оно стоитъ въ забытомъ уголкѣ собора и свято только для немногихъ ветерановъ. Перебиты командиры и офицеры, и доживающимъ свой вѣкъ тогдашнимъ новобранцамъ достается привѣтъ почетнаго наслѣдія. Въ «благополучное время» этого не бываетъ: тогда новобранцы заслонены болѣе блестящимъ авангардомъ.

«Нѣчто подобное наблюдаемъ мы и въ природѣ,—при обмеленіи рѣкъ, наприм., отъ засухи и истребленія лѣсовъ понижается уровень водъ. Плоскіе острова кажутся горами, чахнутъ

былые поемные луга... Вода продолжаетъ падать все ниже и ниже,—и вотъ, надъ мутнымъ ручейкомъ торчитъ какая-нибудь коряга, о которой никто и неузналъ бы, если бы надъ нею, по прежнему, неслась благодатная рѣка въ то безбрежное море, которое зовется прогрессомъ человѣчества. Да и самой этой корягѣ жилось гораздо лучше въ общемъ потокѣ, нежели теперь, на отмели, привлекая къ себѣ вниманіе.

«Такова и моя доля. Въ юности, подъ могучимъ руководствомъ В. А. Арцимовича, мнѣ довелось принять участіе въ поворотномъ моментѣ нашего культурнаго развитія: *идея права и свободы воплощалась въ жизнь*. Викторъ Антоновичъ *дѣлалъ* то, чему такъ недавно еще *училъ* меня Грановскій. Не мудрено было, пройдя подобную двойную школу, уже на всю жизнь остаться убѣжденнымъ ревнителемъ этихъ началъ. Меня рано «бросили въ воду» и я «научился плавать»... Да и вода эта была особенная—цѣлебная, воскрешающая. Я даже думаю, что если-бъ можно было окрестить въ этомъ «живоносномъ источникѣ» кого-нибудь изъ новорожденной интеллигенціи, то и тотъ бы увѣровалъ, что идеалъ, какъ стимулъ дѣятельности, есть вовсе не какая-то дѣтски-мечтательная, а очень и очень реальная и ощутительная сила. Затѣмъ, въ дальнѣйшей службѣ, я оставался вѣренъ духу исполняемаго закона (въ прокурорскомъ надзорѣ это было не особенно легко); я старался истолковывать и отстаивать этотъ духъ въ своихъ литературныхъ работахъ. Положимъ, дружественно настроенная критика могла еще находить въ этомъ кое-какую заслугу; но я окончательно сконфуженъ передъ привѣтомъ Общества дѣтской защиты, уже разъ наградившаго меня званіемъ своего почетнаго члена. Въ этомъ отношеніи, вся дѣятельность моя можетъ быть выражена извѣстнымъ стихомъ Некрасова: «намъ суждены лишь благіе порывы, но свершить ничего не дано». Могу лишь сказать, что если не успѣлъ я *ничего свершить*, то случилось это не потому, чтобы я разъ увѣрился въ свое дѣло, охладѣлъ къ нему или отступилъ передъ извѣстными вамъ препонами,—нѣтъ: просто потому, что всѣ физическіе рессурсы, необходимые для веденія дѣла, одинъ за другимъ, какъ это вы видите, покидали меня.

«Если все такъ просто, естественно и не особенно казисто въ

отмѣченномъ, однако, вами итогѣ моихъ рабочихъ лѣтъ, то чѣмъ же объясняется ваше доброе вниманіе?—Ни чѣмъ инымъ, какъ вашею собственною, теперь столь рѣдкою преданностью тѣмъ завѣтамъ, какимъ онѣ были посвящены: только очень хорошее зрѣніе одинаково разбираетъ и крупный и мелкій шрифтъ въ той анонимной лѣтописи, куда капризная судьба заноситъ дѣла людскія и гдѣ каждая мелкая буква получаетъ свое значеніе лишь на столько, на сколько, въ связи съ другими, она образуетъ *слово*,—понятное, родное душѣ читателя и не вами, конечно, «забытое». Вотъ почему въ сегодняшнемъ фактѣ я вижу гораздо больше чести вамъ, нежели тому, кого вы подарили сладчайшею изъ возможныхъ наградъ — общественнымъ одобреніемъ, сознательнымъ и совершенно свободнымъ, и я не знаю, чѣмъ могу достойно отблагодарить васъ».

Съ разныхъ сторонъ и даже отъ неизвѣстныхъ ему лицъ П. Н. получилъ многочисленныя привѣтствія, свидѣтельствующія о большей популярности этого честнѣйшаго и скромнѣйшаго труженника новаго суда.

IX

Д. А. Ровинскій.

(13-ое іюля 1844—1894 гг.).

13-го іюля [1]) исполнилось пятидесятилѣтіе государственной службы одного изъ славныхъ ветерановъ минувшей эпохи великихъ реформъ, виднаго члена нашей магистратуры, сенатора уголовнаго кассаціоннаго департамента, почетнаго члена академіи наукъ и московскаго юридическаго Общества Дмитрія Александровича Ровинскаго. Д. А. по рожденію москвичъ. Воспитаніе онъ получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ окончилъ курсъ въ

1) Въ газетахъ ошибочно сообщалось, что пятидесятилѣтіе исполнилось 13-го іюня; въ этотъ же день былъ ему пожалованъ чинъ дѣйств. тайнаго совѣтника. Въ имѣющемся у меня оффиціально засвидѣтельствованномъ документѣ днемъ опредѣленія на службу г. Ровинскаго въ 7-й департаментъ сената показано 13-е іюля. Правильность этого числа подтверждается и дальнѣйшими производствами въ чины за выслугу, сдѣланными тоже 13 го іюля.

1844 г. съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Какъ и всѣ лучшіе ученики первыхъ выпусковъ училища, воспитанные въ духѣ законности и независимости, Д. А. выступилъ однимъ изъ первыхъ молодыхъ борцовъ противъ господствовавшаго во всѣхъ инстанціяхъ стараго суда, не исключая и департаментовъ Сената, взяточничества. Первые четыре года онъ служилъ въ канцеляріи сената, а съ 1848 г. перешелъ на службу въ Москву, гдѣ онъ сначала былъ губернскимъ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ, а потомъ совѣтникомъ и товарищемъ председателя уголовной палаты и, наконецъ, губернскимъ прокуроромъ. Съ открытіемъ новыхъ судебныхъ установленій г. Ровинскій занялъ важный постъ прокурора московской судебной палаты и первый направлялъ дѣятельность новаго прокурорскаго надзора согласно духу Судебныхъ Уставовъ, въ составленіи которыхъ, какъ увидимъ, онъ принималъ живое участіе. Затѣмъ онъ былъ председателемъ уголовнаго департамента московской судебной палаты, руководя трудною дѣятельностью обвинительной камеры обширнѣйшаго изъ нашихъ судебныхъ округовъ, а въ 1870 г. былъ переведенъ въ уголовный кассаціонный департаментъ сената, гдѣ и понынѣ онъ находится.

Помимо продолжительной судебной службы, гдѣ онъ далъ прекрасные образцы твердаго, разумнаго и человѣколюбиваго исполненія обязанностей должности, г. Ровинскій извѣстенъ дѣятельной ролью, которую онъ игралъ въ подготовкѣ либерально-гуманныхъ реформъ 60-хъ годовъ.

Въ исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ Д. А. Ровинскому принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Онъ примкнулъ къ этому дѣлу въ послѣдній,—но самый рѣшительный періодъ работъ по судебной реформѣ, сообщившій ей такое единство, блескъ и силу. Благополучное, вопреки мрачнымъ запугиваніямъ крѣпостниковъ, проведеніе великой освободительной реформы дало сильный импульсъ всѣмъ стоявшимъ на очереди реформамъ, съ нею тѣсно связаннымъ, и въ томъ числѣ—судебной.

Уже въ январѣ 1862 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о прикомандированіи къ государственной канцеляріи юристовъ для составленія «основныхъ началъ судебнаго преобразованія, несомнѣнное достоинство коихъ признано наукою и опытомъ

европейскихъ государствъ». Въ числѣ прикомандированныхъ юристовъ былъ и Д. А. Ровинскій, въ то время московскій губернскій прокуроръ.

Будучи основательно знакомъ съ недостатками стараго уголовнаго процесса, г. Ровинскій привезъ съ собой изъ Москвы нѣсколько записокъ по разнымъ отдѣламъ судопроизводства [2]) Изъ нихъ самою важною была извѣстная записка «объ устройствѣ уголовнаго суда», въ который онъ возымѣлъ благую и смѣлую рѣшимость *первый* оффиціально открыто поднять въ Государственной Канцеляріи вопросъ о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ, необходимость коего была выдвинута раньше, при крестьянской реформѣ, нѣкоторыми общественными собраніями, особенно тверскимъ губернскимъ комитетомъ.

Исходною точкою для своей записи Д. А. взялъ послѣднюю «объяснительную записку къ Уст. угол суд.» гр. Блудова, составленную въ 1860 г. т. е. еще до отмѣны крѣпостнаго права которая, какъ извѣстно произвела громадный переворотъ не только въ поземельно-экономическихъ отношеніяхъ, но и въ настроеніи общества и правительства. Находясь еще подъ вліяніемъ робкой, нерѣшительной, мнительной, недовѣрчивой политики дореформеннаго времени, когда на народъ смотрѣли съ недовѣріемъ и со страхомъ, какъ на дикую, невѣжественную массу,—хотя уже проявившую удивительный такъ и самообладаніе во время общей лихорадочной тревоги» [3]), Гр. Блудовъ, будучи самъ вообще сторонникомъ суда присяжныхъ, не рѣшился однако ввести его въ Россіи, ссылаясь на неразвитость массъ.

---

[2]) См. т. XVII „Дѣла о преобразованіи суд. части въ Россіи". Матеріалы, №№ 10, 11, 18, 19, 25, 27, 28.

[3]) Великое дѣло крестьянской реформы, писала въ 1861 г. полуоффиціальная *Сѣверная Пчела*, совершается столь мирно, что современемъ, когда новыя поколѣнія смѣнятъ нынѣ живущихъ, историки съ удовольствіемъ остановятъ взоры на переживаемой ими эпохѣ. Это *величайшее спокойствіе* народной массы при видѣ разрѣшенія множества жизненныхъ государственныхъ вопросовъ доказываетъ, что въ русскомъ народѣ есть много задатковъ высокаго политическаго такта, что со временемъ, когда разовьются государственныя способности этого, еще младенчествующаго теперь народа,—онъ представитъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи (1860 г. № 1).

«Въ настоящее время,—писалъ гр. Блудовъ,—едва ли полезно установить судъ черезъ присяжныхъ. Легко представить себѣ дѣйствіе такого суда, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только *юридическаго* (sic), но и первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и неясны (?), что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ (?) дѣломъ, иныя преступленія только удальствомъ (?) и преступники только несчастными. Допущеніе людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ и невиновности, требующаго способности къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, угрожаетъ не только неудобствами, но едва ли не прямымъ беззаконіемъ».— Такъ разсуждалъ гр. Блудовъ a priori въ 1860 г. Въ настоящее время, когда извѣстно a posteriori, что русскій народъ, съ перваго же вступленія въ судъ присяжныхъ, блистательно [1]) опровергъ эти кабинетныя измышленія мнительнаго бюрократа вовсе не знавшаго народъ, глубокомысленныя разсужденія его вызываютъ улыбку. Но не то было въ 1862 году. Тогда всѣ такія мрачныя и пессимистическія запугиванія казались многимъ и многимъ верхомъ серьезности, дальновидности и государственной предусмотрительности.

Большая заслуга г. Ровинскаго заключается въ томъ, что онъ имѣлъ рѣшимость, тактъ и искусство разоблачить спокойнымъ, но безпощаднымъ анализомъ ложную мудрость этихъ казавшихся вѣскими соображеній и, слѣдя за ними шагъ за шагомъ, блистательно ихъ опровергнуть, не безъ тонкой язвительности, притомъ не абстрактными теоретическими доводами, а данными, заимствованными изъ близкаго знакомства съ бытомъ русскаго народа и съ русскою судебною практикою. Приводимъ это остроумное опроверженіе г. Ровинскаго, которое и теперь читается съ большимъ интересомъ.

«Предположеніе, что народъ нашъ смотритъ на преступленіе

---

[1]) Въ первомъ же своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ министръ юстиціи съ особенною похвалою отзывался о присяжныхъ изъ крестьянъ, которые удачно разрѣшали дѣла, затруднявшія даже юристовъ. (см. гл. X).

снисходительно и признаетъ преступника «только несчастнымъ», — замѣчаетъ г. Рошинскій, — противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ: но и это будетъ несправедливо, — народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что *не имѣетъ никакого довѣрія ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.

«Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда.

«За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія.

«Гораздо важнѣе и *справедливѣе*,—говоритъ авторъ,— обвиненіе народа въ томъ, что понятіе о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того *не развиты* и не ясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. И дѣйствительно, кража всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и мелкой экономіи казенныхъ дровъ и провіанта и кончая колоссальными подрядами на строительныя работы и всякія поставки, *кража составляетъ въ общественной жизни нашей самое обыкновенное явленіе*. Многіе виды освящены *обычаями*, другіе даже *узаконялись отъ давности*.

«Но такой странный порядокъ вовсе не зависитъ отъ неразнародныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни

высшею способностью *къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ*. Да если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ *иностранцевъ*, то почему эти господа, перебравшись на *нашу почву, такъ скоро освоиваются* съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями и такъ *быстро теряютъ* и юридическое образованіе и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками *его слѣдитъ общество*, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не совсѣмъ сложилось и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще *такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ?* Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда *слить свои интересы съ нуждами общества*. Говорятъ, что введеніе такого суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ *предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей*, что только въ немъ народъ *научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло*.

«Опасаются допустить въ настоящую минуту неразвитый и необразованный народъ къ участію въ судѣ и считаютъ, что это участіе поведетъ не только къ неудобствамъ, но и къ *беззаконію*. Разумныя правила для составленія списка присяжнымъ засѣдателямъ значительно ослабятъ эти опасенія, и можно надѣяться, что на дѣлѣ новый судъ, который будетъ обвинять на основаніи одного убѣжденія въ виновности преступника, ни въ какомъ случаѣ *не будетъ беззаконнье* [5]) и неудобнѣе того суда,

[5]) Этого, какъ извѣстно, не осмѣливаются утверждать даже самые безстѣнчивые вопли новаго суда.

снисходительно и признаетъ преступника «только несчастнымъ», — замѣчаетъ г. Ровинскій, — противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо, — народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что *не имѣетъ никакого довѣрія ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.

«Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда.

«За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія.

«Гораздо важнѣе и *справедливѣе*,—говоритъ авторъ,— обвиненіе народа въ томъ, что понятіе о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того *не развиты* и не ясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣ… дѣйствительно, кража всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ… отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ … номіи казенныхъ дровъ и провіанта и кончая … подрядами на строительныя работы и всякія по… *составляетъ въ общественной жизни нашей … ное явленіе*. Многіе виды освящены *обыча… узаконялись отъ давности*.

«Но такой странный порядокъ вовс… витости народныхъ массъ, которы… не могутъ еще похвалиться ни ю…

высшею способностью *къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ.* Да если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ *иностранцевъ*, то почему эти господа, перебравшись на *нашу почву, такъ скоро освоиваются* съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями и такъ *быстро теряютъ* и юридическое образованіе и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками *его слѣдитъ общество*, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не совсѣмъ сложилось и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще *такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ?* Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать пост[illegible]собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого[illegible]*ить свои* [illegible]*ресы съ нуждами общества.* Говорят[illegible]ніе тако[illegible]исяжныхъ у насъ преждевременно, [illegible] общес[illegible]итъ, прежде все-[illegible]юридическое [illegible] т. д. М[illegible]отивъ, убѣждены, [illegible]кой судъ [illegible]гласны[illegible]важаемый, долженъ [illegible]*ествова*[illegible]*юри*[illegible]*витію и общества*, [illegible]*ихъ су*[illegible]ько [illegible]одъ *научи*[illegible]*правдѣ* [illegible]*еста*[illegible]*ажу за* [illegible]*ыкно-* [illegible]

[illegible]ую ми[illegible]тый и [illegible]въ су[illegible]ъ, что [illegible]неудоб[illegible]къ *без-* [illegible]став[illegible]исяжнымъ [illegible]ить [illegible] можно на-[illegible]удъ [illegible] обвинять на [illegible]ъ [illegible]упника, ни въ [illegible]*ззо*[illegible]обнѣе того суда,

[illegible]дать даже самые без-

который на основаніи *одной и той же* теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ оставляетъ въ подозрѣніи, обвиняетъ и, наконецъ, вовсе освобождаетъ одного и того же преступника; а въ томъ, что такой судъ одинъ и можетъ удовлетворить теперешнимъ требованіямъ нашего общества и что *только такой* судъ можетъ ожидать полнаго *сочувствія и уваженія* со стороны его, то въ этомъ не можетъ быть *ни малѣйшаго сомнѣнія*».

Опровергнувъ доводы гр. Блудова противъ введенія суда присяжныхъ, г. Ровинскій переходитъ затѣмъ къ судоустройству. Указывая на то, что общественный элементъ издревле участвовалъ въ Россіи въ отправленіи правосудія и что въ современномъ судоустройствѣ сословные представители занимаютъ видное мѣсто, онъ предлагалъ только измѣнить роль ихъ и дать имъ цѣлесообразное положеніе. Ссылаясь на то, что сословные представители, обязанные наравнѣ съ коронными судьями примѣнять совершенно недоступныя имъ правила о силѣ доказательствъ, о наказаніи и разрѣшать всѣ другіе возникающіе по дѣлу юридическіе вопросы, г. Ровинскій заявлялъ, что благодаря такой неудачной постановкѣ дѣла, роль засѣдателей сведена къ нулю и они, безсознательно подписывая приговоръ, служатъ ширмами для секретарей, рѣшающихъ дѣло по своему произволенію. Если предоставить представителямъ общества рѣшать по совѣсти только вопросъ о виновности, а вопросъ о примѣненіи наказанія и вообще руководство хода процесса предоставить свѣдущему юристу, то состоится безъ всякаго затрудненія преобразованіе современныхъ безсловесныхъ сословныхъ засѣдателей, являющихся игрушками въ рукахъ канцеляріи, въ настоящихъ присяжныхъ засѣдателей, сознательно рѣшающихъ по совѣсти вопросъ о винѣ и невинности подсудимаго. «Что касается до правильности рѣшенія такого суда, то нѣтъ никакого повода полагать,—писалъ г. Ровинскій, что эти рѣшенія будутъ хуже и незаконнѣе рѣшеній теперешнихъ уголовныхъ инстанцій: присяжные всегда подчинятся вліянію дѣльнаго и добросовѣстнаго предсѣдателя, и только *недостатокъ* этихъ качествъ можетъ вызвать со стороны ихъ *полезное противодѣйствіе*».

Записку свою г. Ровинскій заканчиваетъ такъ: «Правитель-

ство, можетъ быть, не рѣшится отдать на судъ присяжныхъ дѣла о такъ называемыхъ преступленіяхъ государственныхъ, о преступленіяхъ противъ цензуры и т. п. Но если бы и эти преступленія были отданы на судъ общества, то нѣтъ сомнѣнія, что оно и тогда бы выставило въ лицѣ своихъ присяжныхъ засѣдателей людей порядка, которые бы гласно осудили всякое безсвязное волненіе и назвали бы настоящимъ именемъ то, что еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія. Конечно, такой судъ, представляя разумную поддержку законной власти, разоблачилъ бы и всѣ злоупотребленія ея, но тѣмъ легче было бы предупреждать ихъ, знакомиться съ нуждами общества, идти во главѣ его и предлагать постоянно необходимыя преобразованія сверху, не дожидаясь требованій ихъ снизу» [6]).

Записка г. Ровинскаго была принята въ Государственной Канцеляріи очень сочувственно и послужила исходнымъ моментомъ для обширныхъ работъ, приведшихъ ко включенію суда присяжныхъ въ число «Основныхъ Положеній» судебнаго преобразованія, Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября 1862 г.

Съ утвержденіемъ Основныхъ Положеній была окончена важнѣйшая, принципіальная часть дѣла, но оставалась другая, не менѣе серьезная—составленіе проекта Судебныхъ Уставовъ. И въ этотъ періодъ работъ г. Ровинскій оказалъ значительныя услуги судебному преобразованію, войдя въ члены образованной для этой цѣли большой коммиссіи по отдѣленіи судоустройства.

Въ широкомъ гуманно-освободительномъ движеніи 60-хъ годовъ, приведшемъ къ отмѣнѣ въ 1863 г. жестокихъ и позорящихъ наказаній, голосъ Д. А. раздался однимъ изъ самыхъ первыхъ. Еще въ качествѣ депутата Звенигородскаго уѣзда въ Московскомъ дворянскомъ комитетѣ, составлявшемъ проектъ освобожденія крестьянъ, въ 1858 г., когда тѣлесныя наказанія купно съ крѣпостнымъ правомъ считались conditio sine qua non государственнаго порядка и общественнаго благополучія, г. Ровинскій выступилъ, будучи губернскимъ прокуроромъ, рѣшительнымъ противникомъ тѣлесныхъ наказаній, несмотря на то,

[6]) Стр. 28 Записки въ XVII томѣ назв. Дѣла.

что его прямой начальникъ, министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ, горой стоялъ за эти варварскія истязанія. Меньшинство названнаго комитета, съ г. Ровинскимъ во главѣ, заявило «о безполезности тѣлеснаго наказанія, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ орудіемъ самаго возмутительнаго произвола, указавъ, что оно можетъ быть уничтожено въ *всѣхъ* его видахъ, безъ всякаго вреда для общества» [7]).

Затѣмъ въ особой Запискѣ, поданной Московскому генералъ-губернатору въ томъ же 1858 г., Ровинскій вновь предлагалъ отмѣнить тѣлесное наказаніе. Ту же мысль онъ проводилъ и въ Запискѣ, привезенной въ 1862 г. въ Петербургъ. Прослѣдивъ 188 ступенекъ безконечной лѣстницы о наказаніи, установленной старымъ Улож. о нак., съ скрупулезнымъ указаніемъ размѣра тѣлеснаго наказанія, начиная отъ трехъ ударовъ розогъ и кончая ста ударами плетей,—г. Ровинскій отмѣчаетъ, что это наказаніе не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а является, главнымъ образомъ, какъ добавочное къ другимъ, для лицъ «податныхъ сословій». Предлагая разныя измѣненія въ карательной системѣ, г. Ровинскій замѣчаетъ, что плети и клейменія «могутъ быть уничтожены однимъ словомъ Высочайшаго милосердія, безъ всякой замѣны ихъ другимъ наказаніемъ». Переходя къ розгамъ, сохраненіе коихъ рутинеры оправдали ссылкою на force majeure, на неимѣніе мѣстъ въ тюрьмахъ, г. Ровинскій съ точными статистическими данными въ рукахъ доказывалъ, что при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ производствѣ слѣдствій, можно на $^2/_3$ сократить число заключенныхъ [8]).

Изданіе въ скоромъ времени благодѣтельнаго указа 17-го апрѣля 1863 г. объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній доставило г. Равинскому драгоцѣнное для всякаго убѣжденнаго государственнаго дѣятеля утѣшеніе видѣть, что и его посильное ное участіе способствовало уничтоженію одного изъ величайшихъ золъ дореформеннаго строя, не смотря на противодѣйствіе многихъ представителей высшей гражданской и даже духовной власти.

Бросая впослѣдствіи ретроспективный взглядъ на борьбу мнѣній, происходившую въ правительственныхъ сферахъ предъ отмѣ-

[7]) См. Крестьянское дѣло—А. И. Скребицкаго, т. I, стр. 538, прим. 86.
[8]) Стр. 53—54. п. Записки въ н. т. Дѣла.

ною тѣлеснаго наказанія, въ одномъ изъ своихъ монументальныхъ трудовъ «Русскія народныя картинки», онъ, между прочимъ, замѣчаетъ о консерваторахъ, съ азартомъ отстаивавшихъ (см. гл. III) жестокія тѣлесныя наказанія и предрекавшихъ всякіе ужасы послѣ отмѣны ихъ: «Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на то, что *кнутофилы* 1863 г., точно также какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню, — «что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ», и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится, (таковъ былъ отзывъ и митрополита Филарета); «всуе смятошася и вотще прорѣкоша!» Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постели; спать даже стали больше и крѣпче прежняго; дисциплина тоже не пострадала. Кнутъ и шпицрутены и даже розги изчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь *со самомъ гнусномъ ея видѣ*, и самое названіе пытки, благодаря *учрежденію суда присяжныхъ*, не нуждающемуся для сужденія въ признаніи подсудимаго, — навсегда изгладится... И не забудетъ русскій народъ этого *кровнаго* дѣла, и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти святое имя его Дѣлателя; словно въ сказкѣ какой — изъ битаго царства вдругъ не битое стало». Такъ заканчиваетъ знаменитый дѣятель преобразовательной эпохи свой привѣтъ гуманной реформѣ 63-го года, скорбя лишь о томъ, что розга не вполнѣ была изгнана [10]).

---

[9]) См. Д. Ровинскаго — «Русскія народныя картинки». Спб. 188, V, 325, 326.

[10]) Говоря объ оставленныхъ на волостномъ судѣ «административныхъ» розгахъ, получившихъ новую силу и развитіе съ изданіемъ Положенія о земскихъ начальникахъ, г. Ровинскій пишетъ: «Курьезно смотрѣть, какъ на судѣ какой-нибудь «аблакатъ» изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему «кліенту» мѣсяцъ-другой ареста, а за стѣнами суда распорядительный становой тому же кліенту за податную недоимку нипочемъ сотни три соленыхъ розогъ всыпитъ,—только не самъ, а «по приговору» волостныхъ судей, которые о такомъ приговорѣ только *черезъ годъ* узнаютъ» (н. т. Ровинскаго, стр. 324, прим. 273).

Человѣкъ съ очень широкимъ умственнымъ горизонтомъ, съ солиднымъ разностороннимъ образованіемъ, всегда дѣятельный и подвижный, г. Ровинскій помимо судебной службы, развивалъ съ давнихъ поръ обширную художественно-научную дѣятельность. Все свое значительное состояніе Д. А. употребилъ на пріобрѣтеніе замѣчательныхъ коллекцій гравюръ иностранныхъ (одна изъ лучшихъ въ Европѣ) и русскихъ народныхъ лубочныхъ гравюръ (unicum во всѣмъ мірѣ). Онъ выпустилъ рядъ монументальныхъ, пользующихся всемірною извѣстностью трудовъ, а именно: 1) «Русскія народныя картинки», пять томовъ съ обширнымъ атласомъ, въ который вошли всѣ лубочныя изданія, начиная съ XVII столѣтія до установленія надъ ними цензуры въ 1839 г. 2) Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ съ подробными историческими комментаріями.

Труды г. Ровинскаго [11]) интересны не для однихъ спеціалистовъ, но и для всякаго образованнаго читателя; они заключаютъ въ себѣ богатѣйшій литературный, бытовой матеріалъ и массу любопытныхъ историческихъ свѣдѣній о нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, которыхъ нельзя найти ни въ какой другой книгѣ, изданной въ Россіи [12]).

---

[11]) Приводимъ списокъ трудовъ г. Ровинскаго, изданныхъ имъ съ 1856 г. 1) Исторія русскихъ школъ иконописанія. 2) Русскіе граверы и ихъ произведенія. 3) Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. 4) Русскій граверъ Чемесовъ; съ 17 портретами. 5) Русскія народныя картины; 5 томовъ съ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 1,780 картинъ. 6) Достовѣрные портреты московскихъ государей; съ 47 рисунками. 7) Н. И. Уткинъ, его жизнь и произведенія; съ 34 портретами и рисунками. 8) Виды Соловецкаго монастыря; съ 51 рисункомъ. 9) Матеріалы для русской иконографіи; 12 выпусковъ съ 480 рисунками. 10) Одиннадцать гравюръ Берсенева. 11) Ѳ. И. Іорданъ. 12) В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія; съ 60 фототипіями. 13) Двадцать видовъ изъ привислянскихъ губерній. 14) Сборникъ сатирическихъ картинъ. 15) Полное собраніе гравюръ Рембрандта; съ 1,000 фототипій. 16) Полное собраніе гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ; съ 478 фототипіями. 17) Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ; 4 тома съ 700 фототипіями.

[12]) См. напр. приведенныя выше въ гл. III свѣдѣнія объ «аракчеевскомъ» способѣ прогнанія сквозь строй; о пыткахъ, еще недавно практиковавшихся въ Москвѣ, о московскихъ клоповникахъ конца 50-хъ годовъ и пр.

До нынѣ г. Ровинскій, несмотря на свои 70 лѣтъ, находится въ разгарѣ литературной продуктивности и въ настоящее время печатаетъ одновременно три изданія: 1) Русская гравюра на мѣди и деревѣ и словарь русскихъ граверовъ съ 1564 по 1894 г., съ 700 фототипіями. 2) И. П. Мартосъ, его жизнь и произведенія. 3) Русскія народныя картинки—уменьшенное изданіе въ одномъ томѣ (по невѣроятно дешевой цѣнѣ въ 3 руб.). Страстный цвѣтоводъ Д. А. пользуется большою извѣстностью между московскими любителями. Любя природу, Д. А. изъѣздилъ Европу и Азію. Свой знаменательный юбилейный день онъ провелъ въ Швейцаріи, въ виду величественной Юнгфрау въ Интерлакенѣ, въ чудной мѣстности, про которую не даромъ сложилась легенда, что тамъ именно обронена была ангелами частичка Эдема, когда они, послѣ грѣхопаденія, переносили райскую обитель съ береговъ Тигра и Евфрата обратно на небо.

Какъ не сказать этому бодрому, неутомимому, такъ много давшему и еще такъ много обѣщающему дѣятелю науки, этому достойному служителю добра, красоты и истины, доселѣ ярко сохранившему живую, сердечную отзывчивость ко всѣмъ умственно-нравственнымъ интересамъ своего времени, словами его достойнаго товарища по школѣ:

„Пускай живетъ! Хотя старикъ,
Онъ не убогъ и не калѣка;
И мудрость правила постигъ—
Не заѣдать чужаго вѣка.
Не только радуетъ его
Все, что̀ велико и прекрасно,
А зла и мрака торжество,
Волнуетъ ненавистью страстно;
Но въ мірѣ всѣхъ явленій рядъ,
Уму не чуждъ; и, какъ ни малы,
Лишь западутъ въ него, родятъ
Какъ бы мгновенные кристаллы.
О, если жить охота есть,
О, если милъ ему міръ Божій—
Пускай живетъ! Еще принесть
Онъ можетъ пользу молодежи“.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Скорбныя справки.

I.

И. М. Остроглазовъ.

(† 22 сентября 1892 г.)

22-го сентября 1892 г. умеръ одинъ изъ заслуженныхъ и симпатичныхъ представителей нашей магистратуры предсѣдатель Тульскаго Окружнаго Суда Иванъ Михайловичъ Остроглазовъ, вѣрою и правдою служившій свыше 26 лѣтъ просвѣтительной миссіи новаго суда. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ высокое званіе судьи было не заурядною чиновничьею казенною службою, отправляемою съ правильностью, однообразіемъ и безучастіемъ механизма, а дорогимъ любимымъ призваніемъ, дающимъ нравственное удовлетвореніе, не доступное многимъ другимъ видамъ службы и примиряющее съ лишеніями и трудностями судейской дѣятельности.

И. М. Остроглазовъ былъ сынъ московскаго священника при церкви Николая Чудотворца, что́ на Мокромъ. Получивъ среднее образованіе частью въ духовной семинаріи, частью дома, И. М. поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета въ знаменательное время, когда еще раздавалось животворящее слово безсмертнаго проповѣдника гуманности проф. Грановскаго [1]), и когда появились первыя освободительныя вѣя-

[1]) Человѣчность прежде всего, говорилъ Грановскій. За это одно замѣчаетъ преемникъ его по каѳедрѣ проф. П. Г. Виноградовъ, имя Грановскаго не забудется (Русская Мысль 1893, № 4).

нія. Пребываніе въ университетѣ оставило глубокій, неизгладимый слѣдъ на впечатлительной натурѣ отъ природы добраго и серьезнаго юноши. Особенно глубоко запалъ въ душу И. М. одинъ эпизодъ изъ студенческой жизни—это посѣщеніе университета Александромъ II, будущимъ Царемъ-Освободителемъ, и призывъ имъ студентовъ быть усердными помощниками въ готовящихся реформахъ (см. ниже).

По окончаніи курса въ 1859 г., полный благороднаго воодушевленія и свѣтлыхъ замысловъ, И. М. искалъ приложенія ихъ къ подходящему дѣлу. Нечего и говорить, что старый судъ съ его канцелярскою тайною, бумажнымъ производствомъ и затхлою атмосферою буквоѣдства и взяточничества не представлялъ собою ничего заманчиваго для молодаго юриста, воспитаннаго въ духѣ гуманныхъ и освободительныхъ принциповъ конца 50 хъ годовъ. Онъ вмѣстѣ со всею мыслящею Россіею былъ въ 1859 г. въ переходномъ, выжидательномъ положеніи, въ радостномъ и бодромъ ожиданіи освобожденія и обновленія ея:

Впередъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святаго искупленья
Умъ въ небесахъ завидѣлъ я...

Въ ожиданіи этого чаемаго «доблестнаго подвига» И. М. временно пристроился учителемъ исторіи въ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ теченіе 61—65 гг. занималъ только что учрежденную должность судебнаго слѣдователя, которая знаменовала начало отдѣленія власти судебной отъ административной и была, въ этомъ смыслѣ, предтечею настоящихъ новыхъ судебныхъ должностей, созданныхъ Судебными Уставами. Съ открытіемъ въ 1866 г. въ Москвѣ новаго суда, И. М. вступилъ на настоящее судебное поприще, занявъ должность товарища прокурора при вновь открытомъ Московскомъ Окружномъ Судѣ. Такимъ образомъ, И. М. пришлось переживать медовый мѣсяцъ судебной реформы и, какъ большинство дѣятелей этой эпохи, запечатлѣть глубоко въ сердцѣ завѣты творцовъ Судебныхъ Уставовъ о судѣ милостивомъ и равномъ для всѣхъ. Затѣмъ И. М. былъ прокуроромъ

Тульскаго Окружнаго суда, а съ 1870 по 1882 г. товарищемъ прокурора Московской Судебной Палаты. За это время много измѣнились взгляды на роль и положеніе прокуратуры, но не измѣнился И. М., внося въ роль прокурора тотъ мягкій тонъ безпристрастія, который составлялъ его отличительную черту и секретъ его успѣха.

Не замыкаясь въ формальныя рамки своихъ должностныхъ обязанностей, И. М. живо интересовался юридическими и историческими науками. Онъ былъ однимъ изъ учредителей Московскаго Юридическаго Общества, въ 1872 — 1879 товарищемъ предсѣдателя Общества и сотрудникомъ органа его *Юридическаго Вѣстника*, а также сотрудникомъ историческихъ журналовъ.

И. М. поступаетъ въ 1880 г., наконецъ, въ болѣе близкую ему по сердцу сферу, въ магистратуру, гдѣ его природная доброта и человѣколюбіе могли свободно проявляться безъ ущерба для профессіональныхъ обязанностей; съ 1880 по 1882 г. онъ былъ предсѣдателемъ Херсонскаго Окружнаго суда, а съ 1882 г. до смерти своей—Тульскаго.

Среди сослуживцевъ своихъ И. М. оставилъ память честнаго, добраго товарища, среди подчиненныхъ — необыкновенно деликатнаго и добродушнаго начальника. «Одинъ изъ многочисленныхъ его поклонниковъ, писали въ *Юридическую Газету*, при полученіи извѣстія о его смерти, сказалъ: «около этого человѣка никому холодно не было». Въ этихъ словахъ глубокая правда и вполнѣ вѣрная характеристика его. Простота и сердечность почившаго къ людямъ всякаго званіе и состоянія были удивительны. Самое большое для провинившагося наказанія были слова И. М.: «вѣдь этакъ, батенька, мы поссоримся; смотрите». Въ результатѣ такихъ добрыхъ сердечныхъ отношеній порядокъ при немъ былъ въ судѣ образцовый, потому что всякій дѣлалъ свое дѣло не за страхъ, но и за совѣсть, изъ любви и уваженія къ человѣку, стоявшему во главѣ учрежденія. И какъ онъ любилъ это учрежденіе, будучи пылкимъ поклонникомъ реформъ Александра! Онъ не могъ безъ слезъ вспомнить о томъ, какъ этотъ добрый царь при посѣщеніи во время его студенчества Московскаго университета приглашалъ студентовъ быть усерд-

ными Его помощниками въ готовящихся реформахъ, въ чемъ и дали клятву, которую покойный вѣрно сдержалъ» [2]).

И. М. Остроглазовъ дѣйствительно честно сдержалъ эту своего рода Аннибалову клятву бороться до послѣднихъ дней съ старымъ дореформеннымъ безправіемъ и дать русскому народу, безъ различія сословія и общественнаго положенія, гарантіи равноправности и правосудія. Необыкновенно мягкій въ личныхъ сношеніяхъ, всегда сдержанный, ровный и уступчивый, И. М. былъ упрямъ, неумолимъ, неуступчивъ и даже рѣзокъ разъ дѣло касалось принциповъ новаго суда. Увѣровавъ однажды и со всею пылкостью своего добраго и горячаго сердца, со всею глубиною зрѣлой убѣжденной мысли въ правоту либерально-гуманныхъ основъ судебной реформы, онъ остался имъ вѣренъ до конца дней своихъ. Судебные Уставы,—въ которыхъ онъ видѣлъ своего рода юридическое откровеніе для русскаго общественнаго сознанія—это было слабое мѣсто И. М., такъ сказать его нравственное noli me tangere. Куда дѣвалась его обычная сдержанность, привѣтливость, уступчивость и благодушіе, разъ рѣчь заходила объ основныхъ принципахъ новаго суда, въ которые онъ вѣрилъ съ пыломъ прозелита и съ твердостью убѣжденнаго мыслителя! Въ защиту этихъ дорогихъ принциповъ, чтимыхъ имъ, какъ евангельскія заповѣди, онъ готовъ былъ спорить до ссоры, до хрипоты, до изнеможенія, не разбирая ни общественнаго положенія, ни ранга своего противника, какъ это случилось съ И. М. не задолго до смерти при стычкѣ съ бывшимъ его профессоромъ, съ однимъ высокопоставленнымъ сановникомъ, нѣкогда крупнымъ участникомъ судебной реформы...

Выработка такихъ стойкихъ характеровъ, такой идейной крѣпости, довольно часто встрѣчающаяся въ жизни новыхъ судебныхъ установленій, безъ сомнѣнія, должна быть отнесена въ значительной мѣрѣ къ возбуждаемому и требуемому ими духу независимости. Только при независимости нравственная личность человѣка крѣпнетъ и получаетъ возможность яркаго проявленія; только она создаетъ, по вѣрному замѣчанію К. П. Побѣдоносцева, «не работниковъ только, но живыхъ дѣятелей

---

2) Юридическая Газета 1892, № 91.

и учителей, сословіе, связанное общимъ *духовнымъ* интересомъ и общею *честью* своего дѣла». [3]).

Только благодаря, привитому несмѣняемостью судебному сословію, духу независимости даже люди среднихъ способностей, къ числу коихъ принадлежалъ и И. М., учатся гражданскому мужеству и въ свою очередь дѣлаются достойными учителями его для другихъ. Тутъ наглядно обнаруживается воспитательное дѣйствіе новаго суда и совершенно правъ былъ Катковъ, говоря, что «если прежніе суды портили людей, то новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ» [4]).

Будучи преданъ всѣмъ сердцемъ освободительнымъ принципамъ реформъ императора Александра II, И. М. Остроглазовъ имѣлъ утѣшеніе видѣть осуществленнымъ одно начинаніе, иниціатива, движеніе и исполненіе коего всецѣло принадлежало ему. Въ 1884 г. по случаю двадцатилѣтія изданія Судебныхъ Уставовъ и въ самый разгаръ яростныхъ доносовъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на судебные установленія, И. М. робко и нерѣшительно закинулъ мысль объ открытіи памятника творцу Судебныхъ Уставовъ, не будучи увѣренъ относительно судьбы своего предложенія. Однако оффиціальное разрѣшеніе было получено, и благодаря популярности симпатичнаго предсѣдателя, подписка на сооруженіе памятника очень скоро дала нужныя матеріальныя средства [5]).

29-го октября 1886 г. въ день 20-ти лѣтія введенія новаго суда въ Тульской губерніи былъ открытъ памятникъ Александру II въ уголовной залѣ Тульскаго Окружнаго Суда. Къ этому торжеству, которое можно было назвать личнымъ праздникомъ для И. М., отнеслось мѣстное начальство [6]) и общество съ большимъ сочувствіемъ.

---

[3]) См. т. XII Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи. Замѣтку К. П. Побѣдоносцева отъ декабря 1861 г., стр. 2.

[4]) Москов. Вѣдом. 1866, № 263.

[5]) Какъ на образчикъ искренняго неподдѣльнаго сочувствія мѣстнаго судебнаго вѣдомства, можно указать на весьма характерный рапортъ одного изъ судебныхъ разсыльныхъ. Представляя три рубля (при содержаніи въ 40 р.) онъ писалъ, что онъ „считаетъ для себя величайшимъ счастіемъ принести на этотъ предметъ свое посильное пожертвованіе. (См. Истор. Запис. о сооруженіи памят. Александру II, Тула 1887, стр. 5).

[6]) Во время завтрака Остроглазовъ сказалъ рѣчь, въ которой онъ

Этотъ рѣдкій судебный праздникъ — на улицѣ новаго суда, какъ извѣстно, вообще рѣдки праздники! — былъ для И. М. однимъ изъ немногихъ пріятныхъ впечатлѣній послѣдняго времени. Видя вокругъ себя равнодушіе и даже непримиримую вражду къ принципамъ, которымъ служилъ онъ смолоду, онъ подъ старость какъ будто почувствовалъ къ нимъ еще болѣе любви и уваженія и преданности, честно выполнивъ вышеупомянутую «Аннибалову» клятву.

II.

П. Н. Грековъ

(† 29-го января 1893 г.).

29-го января 1893 г. московскій мировой институтъ понесъ чувствительную потерю въ лицѣ одного изъ достойнѣйшихъ представителей нашего новаго мироваго института, предсѣдателя столичнаго мироваго съѣзда, почетнагомироваго судьи Петра Николаевича Грекова. Съ открытіемъ въ Москвѣ новыхъ судебныхъ учрежденій П. Н., служившій раньше въ старомъ сенатѣ, получилъ скромную должность помощника секретаря московской судебной палаты, а затѣмъ, въ октябрѣ 1867 года, онъ былъ выбранъ Московскою Городскою Думою въ число участковыхъ столичныхъ мировыхъ судей. Съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе 25-ти лѣтъ

отмѣтилъ, что только съ водвореніемъ новаго суда появилось у насъ господство закона и равенство предъ нимъ всѣхъ и каждаго, не взирая на чины, богатство, и связи.—Мѣстный архіерей архіепископъ Никандръ, въ сердечной рѣчи, вспомнивъ объ открытіи Тульскаго Окружнаго Суда, который онъ освящалъ при открытіи, коснулся и всѣхъ его дѣятелей, прошедшихъ съ того времени на его глазахъ, и въ заключеніе сказалъ, что „онъ за все время существованія мѣстнаго Окружнаго Суда *никогда* и ни *отъ кого* не слыхалъ жалобы на неправильныя дѣйствія кого-либо изъ судей этого суда и что онъ все время стоялъ на высотѣ своего призванія“ (Истор. Записка, стр. 15).—Любопытно сопоставить съ этимъ отзывомъ, что не задолго передъ нимъ одинъ изъ извѣстныхъ дѣятелей судебной реформы, впослѣдствіи перемѣнившій свои взгляды, съ обычною въ подобныхъ случаяхъ рѣзкостью, бранилъ на чемъ свѣтъ стоитъ въ той же Тулѣ новый судъ за его „нечестивый“ либеральный духъ.

постоянно избирался то участковымъ, то почетнымъ мировымъ судьею и до конца дней своихъ неразрывно связалъ свою судьбу съ московскимъ мировымъ институтомъ, всецѣло преданный его интересамъ, раздѣляя съ нимъ его невзгоды и радости.

Съ 1872 г., отказавшись отъ болѣе выгодной въ матеріальномъ отношеніи должности члена московской городской управы, П. Н. принялъ избраніе своихъ товарищей на должность предсѣдателя съѣзда и занималъ эту должность въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, образуя въ своемъ лицѣ живую лѣтопись и вѣрное хранилище добрыхъ традицій московской мировой юстиціи. Стоя во главѣ мироваго института, покойный П. Н., помимо обязанностей судьи, несъ довольно важныя и сложныя административныя обязанности по поддержанію служебной дисциплины и по сношенію съ сторонними вѣдомствами и лицами. Доброта, природная мягкость и деликатность помогали ему удачно исполнять трудную обязанность—руководительства самостоятельной судебной корпораціей, для чего нужно не умѣнье приказывать, а способность воздѣйствовать своимъ примѣромъ и нравственнымъ авторитетомъ. Безъ рѣзкихъ столкновеній съ товарищами и подчиненными, но безъ всякаго колебанія относительно требованій службы, умѣлъ П. Н. прекрасно выполнять эти щекотливыя и деликатныя функціи предсѣдателя новаго типа, установленныя впервые Судебными Уставами. Съ другой стороны, въ отношеніяхъ съ представителями администраціи и органами самоуправленія П. Н. много содѣйствовало знаніе жизни и тотъ житейскій тактъ, при отсутствіи котораго часто терпятъ неудачу люди вполнѣ безукоризненные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Будучи гласнымъ Московской Городской Думы, П. Н. являлся живою связью между нею и однимъ изъ образцовыхъ ея учрежденій—мировыми установленіями, которыя не только не уступаютъ по своему благоустройству общимъ учрежденіямъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ, напримѣръ, относительно матеріальнаго обезпеченія, даже превосходятъ ихъ. Теперешнее новое удобное помѣщеніе съѣзда, архива, новый наказъ и все вообще современное устройство, а отчасти и подборъ персонала—

совершились при дѣятельномъ участіи покойнаго П. Н., отличавшагося большими организаторскими способностями и энергіею, не смотря на свой довольно преклонный возрастъ. По иниціативѣ же П. Н., открытъ былъ предусмотрѣнный Судебными Уставами первый во всей Россіи совѣтъ судебныхъ приставовъ, дѣйствующій успѣшно съ 1875 г. [1]).

Но самая главная заслуга покойнаго Грекова заключается въ томъ, что онъ, въ числѣ первыхъ дѣятелей мировой юстиціи, способствовалъ выработкѣ того симпатичнаго типа доступнаго, мягкаго, справедливаго «мироваго», который такъ полюбился народу съ первыхъ же дней открытія мироваго суда. Именно съ введеніемъ этого института, для П. Н. открылась возможность проявленія на пользу общества его богатыхъ духовныхъ даровъ и живыхъ общественныхъ инстинктовъ, привитыхъ воспитаніемъ и средой. Примкнувъ частью по родственнымъ связямъ (П. Н. былъ женатъ на двоюродной сестрѣ—извѣстнаго гуманиста Н. В. Станкевича, друга Бѣлинскаго), а также по складу ума и нравственнымъ симпатіямъ къ кружку Грановскаго и Кетчера, П. Н. принадлежалъ къ числу послѣднихъ эпигоновъ этого замѣчательнаго московскаго кружка людей сороковыхъ годовъ, имѣвшаго столь громадное вліяніе на русское общественное развитіе.

Гуманный идеалистъ, воспитанный въ школѣ Бѣлинскаго и Грановскаго, П. Н. долго, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, по окончаніи курса въ 1846 г. на философскомъ факультетѣ харьковскаго университета, не могъ найти настоящаго мѣста для общественнаго служенія. Съ введеніемъ же новыхъ судебныхъ учрежденій открылось поприще, отвѣчавшее его вкусамъ и наклонностямъ,—это именно былъ новый мировой институтъ. Если новыя судебныя учрежденія называютъ, и справедливо называютъ, школою гражданскаго воспитанія, то это названіе особенно идетъ къ мировому суду, который имѣетъ дѣло съ народною массою и съ ея мелкими повседневными нуждами и, наподобіе начальныхъ элементарныхъ школъ, разноситъ просвѣтительныя идеи его въ самые глубокіе слои народа. П. Н. принад-

---

[1]) См. „Сборникъ двадцатипятилѣтія москов. столичн. судебно - мировыхъ учрежденій". М. 1891 г., стр. 165.

лежалъ къ числу первыхъ піонеровъ, которые словомъ и дѣломъ проповѣдывали народу высокія идеи новаго суда, — суда праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ,—и тѣмъ стали возстановлять довѣріе народа къ суду, утраченное съ незапамятныхъ временъ.

П. Н. имѣлъ всѣ данныя, чтобы достойно исполнить эту великую культурную миссію новаго суда и пріучить народъ къ сознанію его правъ и обязанностей, т. е. къ сознанію его человѣческаго достоинства. Мягкій, терпѣливый, съ открытымъ лицомъ, съ симпатичною улыбкою на лицѣ — Грековъ умѣлъ своимъ простымъ и обходительнымъ обращеніемъ ободрить и участливо выслушать оторопѣвшаго маленькаго просителя, привыкшаго видѣть въ старой полицейской расправѣ лишь грозное начальство, умѣвшее только кричать, ругаться и драться [2]). Затѣмъ и самое разбирательство дѣла, — открытое, гласное, безпристрастное, равное для всѣхъ безъ различія сословій, — пріучило народъ къ сознанію, что и онъ можетъ надѣяться въ спорѣ съ богатымъ и сильнымъ на справедливую защиту новаго «мироваго». Это былъ громадный шагъ впередъ, бросившійся сразу всѣмъ въ глаза. Его не преминулъ отмѣтить въ своемъ первомъ министерскомъ отчетѣ о новомъ судѣ Д. Н. Замятнинъ. Удостовѣряя быстрое установленіе «всеобщаго довѣрія къ мировому институту», онъ свидѣтельствовалъ, «что мировымъ судьямъ приносятъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія» [3]). «Если судебная реформа,—писалъ уже въ 1866 году академикъ Безобразовъ,—вноситъ къ намъ дѣйствительное, живое право на мѣсто призрака права, то мировой судъ вноситъ право въ такую сферу отношеній, гдѣ *не существовало и призрака права*, даже понятія о возможности права» [4]).

Эта великая заслуга первыхъ дѣятелей мироваго суда, въ ряду которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ покойному

---

[2]) См. главу XII примѣч. 13.

[3]) Журн. Министерства Юстиціи 1867, № 5.

[4]) Русс. Вѣст. 1866, № 10.

Грекову, займетъ почтенную страницу въ исторіи русской культуры. Всею душею служа четверть вѣка на скромномъ, но благородномъ посту новаго суда, П. Н. имѣлъ на своемъ смертномъ одрѣ драгоцѣнное утѣшеніе сознавать значеніе принесенной отечеству пользы и завидное право сказать: «Я умираю спокойно: я всю жизнь служилъ тому, во что вѣрилъ».

III.

П. Я. Александровъ.

(† 11-го марта 1893 года).

Скончавшійся 11-го марта извѣстный судебный дѣятель, петербургскій присяжный повѣренный Петръ Якимовичъ Александровъ, оставляетъ весьма замѣтный слѣдъ въ исторіи новаго суда. Смерть этого виднаго представителя идей новаго суда и мужественнаго служителя адвокатскому долгу составляетъ громадную потерю для русской адвокатуры и общества.

Судебная карьера П. Я. дѣлится на двѣ половины. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ въ 1859 г. 21 года, П. А. поступилъ въ судебные слѣдователи и дошелъ до должности товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента. Съ 1876 года онъ переходитъ въ петербургскую адвокатору. На адвокатскомъ поприщѣ имя Александрова стало извѣстнымъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, благодаря громкому процессу Засуличъ. Въ дѣятельности П. Я. наиболѣе выдѣлялись двѣ крупныя черты, заслуживающія быть отмѣченными особо—это, во 1-хъ, замѣчательное трудолюбіе и до щепетливости тщательное изученіе дѣлъ, и, во 2-хъ, столь важныя для судебнаго дѣятеля твердость убѣжденій и независимость характера.

Первую черту П. Я., можно сказать, унаслѣдовалъ отъ предковъ своихъ. Сынъ священника Орловской губерніи, онъ и по женской линіи происходилъ изъ духовнаго званія, изъ довольно извѣстнаго духовнаго рода Амфитеатровыхъ, давшаго церкви рядъ замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ извѣстнаго архіепископа Филарета, митрополита кіевскаго, коему

П. Я. доводился внучатнымъ племянникомъ. Принадлежа по рожденію къ самому древнему и едва ли не къ самому стойкому слою русскаго культурнаго класса, покойный Александровъ закалилъ свой умъ и волю въ суровой школѣ старой семинарской школы. Что и говорить, жестка, жестока была ея ферула, формальна, суха и сурова была эта безжизненная схоластическая школа, но за то кто умѣлъ, при богатыхъ дарованіяхъ, уберечься отъ ея шлифующей и обезличивающей муштры, тотъ на всю жизнь сохранялъ пріобрѣтенную въ духовной школѣ гибкость умственнаго аппарата, если не стройность и содержательность, то логичность и строгость мышленія, а также настойчивость въ трудѣ. Эти немаловажныя качества помогали даровитымъ семинаристамъ дѣлаться выдающимися дѣятелями, на какое бы поприще ни забросила его судьба. Явленіе это, хорошо извѣстное во Франціи, наблюдалось и у насъ: не даромъ всѣ почти наши философы и критики (Чернышевскій, Добролюбовъ) прошли духовную школу.

Изъ этой именно школы вынесъ Александровъ ту настойчивость въ трудѣ, въ духѣ нѣмецкаго Ausdauer, замѣчательную по строгой продуманности и неотразимости логику, которая такъ поражала въ рѣчахъ этого нѣсколько сухаго, но всегда логичнаго оратора. И онъ самъ хорошо сознавалъ, кому и чему онъ обязанъ этими крупными чертами своего замѣчательнаго и своеобразнаго ораторскаго искусства. Припоминая эпизоды семинарскаго воспитанія, П. Я. съ ужасомъ вспомнилъ господствовавшую въ ней систему безсмысленнаго «зубренія» непонятныхъ формулъ. Чтобы избѣжать безпощадной «порки», приходилось молодому семинаристу — разсказывалъ Александровъ — напрячь всѣ свои умственныя способности, чтобы добраться до смысла безсмысленно составленныхъ записокъ (учебниковъ въ то время не было). И вотъ это-то хотя и безплодное, по объекту примѣненія, но все таки не безполезное умственное напряженіе въ связи съ пресловутыми «хріями», выработало въ будущемъ знаменитомъ судебномъ ораторѣ ту умственную строгость и дисциплину, ту гибкость ума и саркатическую находчивость, которыми онъ былъ такъ страшенъ своимъ противникамъ.

На «большую» публику, болѣе падкую на трескучіе эффекты, дѣловое краснорѣчіе Александрова не сразу производило такого

опьяняющаго, ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ безсодержательный пустоцвѣтъ риторики иныхъ «любимцевъ публики». Чтобы понять и оцѣнить рѣчь Александрова, не достаточно было хватать налету блестки громкихъ фразъ, нужно было ее слушать сосредоточенно, со вниманіемъ и дослушать до конца. При первомъ дебютѣ П. Я. въ Москвѣ въ началѣ рѣчь его вызвала разочарованіе.—Такъ это Александровъ?—говорили разочарованные слушатели, привыкшіе съ самаго начала слышать наборъ витіеватыхъ метафоръ и шумиху блестковъ мишурнаго краснорѣчія. Но чѣмъ дальше подвигалась впередъ аргументація, чѣмъ глубже шелъ анализъ изложенныхъ въ строго систематическомъ порядкѣ мельчайшихъ подробностей дѣла, тѣмъ болѣе завладѣвалъ ораторъ вниманіемъ аудиторіи. И когда кончилась рѣчь, публика выражала сожалѣніе о томъ, что такъ скоро кончилась она, стараясь запомнить тѣ мѣткія характеристики, ѣдкія «экскурсіи» въ область общественныхъ вопросовъ, которыми всегда была полна строго-логическая, остроумная, дѣловая рѣчь, полная изрѣдка добродушнаго юмора, чаще того уничтожающаго сарказма и кусающейся иронія, которая, по выраженію Герцена, «болѣе бѣситъ, нежели смѣшитъ».

Про сарказмъ Александрова говорили, что онъ, какъ разрывная пуля, убиваетъ на повалъ. И это совершенно справедливо, и объясняется очень просто. Такою сокрушительною силою своего слова Александровъ обязанъ былъ превосходному знанію дѣла, которое, по опредѣленію одного оратора, лучшее изъ краснорѣчій. Этотъ смѣло и непринужденно сыпавшій направо и налѣво колкими характеристиками ораторъ, не имѣвшій передъ собою ни письменной рѣчи, ни даже конспекта или короткихъ замѣтокъ, зналъ всѣ детали дѣла, какъ *никто* на судѣ. Слушанію дѣла всегда предшествовало у Александрова долгое и методическое изученіе, длившееся днями, недѣлями. Прочитавъ нѣсколько страницъ производства, долго и тщательно обдумывалъ онъ обстоятельства дѣла, стараясь запечатлѣть ихъ въ своей изумительной по емкости памяти. Когда такимъ образомъ страница за страницею *проштудировано* было все дѣло, Александровъ, будучи полнымъ хозяиномъ всего слѣдственнаго производства, смѣло шелъ на бой, будучи убѣжденъ если не въ побѣдѣ, которую предрѣшить

вообще невозможно, то въ своей неуязвимости. Зная такъ хорошо дѣло, онъ, какъ опытный стратегъ, прекрасно пользовался всѣми слабыми пунктами противной стороны, мѣтилъ вѣрно и всегда попадалъ своими «ядовитыми» стрѣлами въ цѣль. Вотъ почему рѣчи его производили такое опустошительное дѣйствіе во вражескомъ лагерѣ. Сарказмъ Александрова былъ дѣловой, вытекающій изъ логики фактовъ, и не имѣлъ того искусственнаго характера жалкаго острословія, которымъ, при незнаніи дѣла, часто стараются скрасить свою рѣчь, въ видахъ «оживленія», неискусные или лѣнивые ораторы.

Ораторская школа Александрова, совмѣщавшая въ себѣ хорошія стороны французскаго и англійскаго краснорѣчія, оставитъ глубокій слѣдъ въ русскомъ судебномъ краснорѣчіи. Рѣчи Александрова въ печати, благодаря своей содержательности, остроумію и логической стройности, читаются съ такимъ же удовольствіемъ и пользою, какъ и при изустномъ произнесеніи. Нужно думать, что не замедлитъ появиться сборникъ рѣчей этого своеобразнаго, первокласснаго оратора, котораго корифей русской адвокатуры В. Д. Спасовичъ охарактеризовалъ такъ: «Александровъ былъ остеръ, какъ бритва, холоденъ, какъ ледъ, безстрашенъ, какъ герой!»

Другая черта въ дѣятельности Александрова, заслуживающая быть отмѣченною, какъ уже сказано, это его нравственная независимость и уваженіе къ собственному достоинству. Онъ всегда служилъ не лицамъ, а учрежденіямъ, имѣя руководствомъ ихъ знамя, присущій имъ духъ. Тридцати-трехъ лѣтняя судебная дѣятельность покойнаго почти поровну была подѣлена между коронною службою и адвокатурою. Какъ тамъ, такъ и здѣсь онъ служилъ одному и тому же дѣлу, хотя и въ разныхъ положеніяхъ, дѣлу своего убѣжденія, тому, что онъ считалъ справедливымъ и разумнымъ, и служилъ «не взирая ни на какихъ особъ», какъ выражается законъ.

Службу свою началъ П. Я. въ должности судебнаго слѣдователя еще при старомъ судѣ, но собственно настоящая судебная карьера его началась съ открытіемъ новаго суда въ 1866 г., когда онъ былъ назначенъ товарищемъ прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда. Черезъ полгода онъ уже былъ прокуро-

ромъ Псковскаго окружнаго суда, а черезъ три года — товарищемъ прокурора Петербургской судебной палаты и затѣмъ товарищемъ оберъ-прокурора Сената, откуда онъ смѣнилъ вышитый золотомъ мундиръ на скромный адвокатскій фракъ. Карьера, стало-быть, довольно удачная, хотя и не отличающаяся такою головокружительною быстротою, какія иногда дѣлали въ то время «лихачи» судебной службы, умѣющіе прислужиться кому нужно (одинъ изъ товарищей прокурора палаты въ три года успѣлъ нахватать чиновъ и орденовъ и — дослужиться до сенаторскаго курульнаго кресла).

Александровъ никому не кланялся и карьерою своею всецѣло обязанъ себѣ, своимъ способностямъ и трудолюбію. Еще въ бытность его товарищемъ прокурора окружнаго суда, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе суда и начальства. Это было въ медовый мѣсяцъ судебной реформы, когда обвинительная камера еще не успѣла превратиться въ инстанцію для «штемпелеванія» обвинительныхъ актовъ. Акты эти вообще составлялись живо и тщательно, тѣмъ не менѣе акты Александрова обратили на себя особое вниманіе и печатались въ *Судебномъ Вѣстникѣ*, какъ chef-d'oeuvre'ы.

Отставка Александрова произошла при характерныхъ обстоятельствахъ. Въ Сенатѣ шло засѣданіе по извѣстному литературному дѣлу редактора *Петербургскихъ Вѣдомостей* Ватсона и фельетониста ихъ г. Суворина [1]). Заключеніе давалъ, въ качествѣ товарища оберъ-прокурора, Александровъ. Онъ съ большою энергіею и знаніемъ нападалъ на приговоръ судебной палаты, которая обвинила подсудимыхъ въ клеветѣ, хотя по дѣлу доказано было, что они добросовѣстно были введены въ заблужденіе своимъ постояннымъ корреспондентомъ. Александровъ принялъ къ сердцу этотъ жизненный для печати вопросъ и горячо доказывалъ, что съ принятіемъ взгляда палаты для русской печати сдѣлается совершенно невозможнымъ выполненіе ея высокой общественной миссіи разоблачать злоупотребленія. Сенатъ, по докладу М. Е. Ковалевскаго, одобрилъ взглядъ Александрова, но за то его не одобрило его высшее начальство.

---

[1]) См. Сборн. касс. рѣш. 1875, № 572.

Изъ ближайшаго награднаго списка имя Александрова было вычеркнуто. Онъ требовалъ удовлетворенія. Ему было въ томъ отказано. Какой остался выходъ? Или нужно было П. Я. молча преклониться предъ сужденіемъ начальства и, поступившись своимъ убѣжденіемъ, признать, что взглядъ начальства справедливъ, въ силу іерархическаго превосходства, или, если онъ дѣйствительно имѣлъ твердыя убѣжденія, не жертвовать ими ради соображеній карьеры. Александровъ избралъ послѣдній путь.— «Мы съ вами служить не можемъ», — сказалъ онъ,— и выйдя въ отставку, перешелъ въ адвокатуру, гдѣ онъ разсчитывалъ найти больше независимости и возможности слѣдовать своимъ убѣжденіямъ.

Такая нравственная стойкость и вѣрность убѣжденіямъ у насъ была явленіемъ совершенно новымъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ всецѣло духу судебной реформы. Судебная реформа, создавъ самостоятельную и независимую судебную власть, подняла значеніе нравственной личности не только среди несмѣняемой магистратуры, но и среди лучшей части прокуратуры, члены которой лучше предпочитали удалиться, нежели исполнить требованіе, не согласное съ ихъ убѣжденіемъ.

Въ этомъ отношеніи Александровъ являлся *типичнымъ* продуктомъ духа независимости, присущаго новому суду.

«Дѣйствіе учрежденій,—писалъ въ 1861 г. одинъ изъ дѣятелей судебной реформы, извѣстный юристъ К. П. Побѣдоносцевъ, — зависитъ отъ людей; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ виду. что и люди *образуются въ духѣ* тѣхъ или другихъ учрежденій и что есть учрежденія, при дѣйствіи коихъ нельзя ждать развитія людей въ томъ направленіи и духѣ, которому учрежденія сіи не соотвѣтствуютъ» [2]). Съ этой точки зрѣнія можно смѣло утверждать, что такая цѣльная личность и крупная индивидуальность, какъ Александровъ, немыслима была въ дореформенномъ судѣ, съ его приниженнымъ и обезличеннымъ судебнымъ персоналомъ, обязаннымъ раболѣпнымъ повиновеніемъ администраціи судебной и общей; и напротивъ, по-

---

2) См. записку К. Побѣдоносцева въ т. XIII ч. 3-й Дѣла о преобраз. судеб. части въ Россіи, стр. I.

явленіе такихъ независимыхъ дѣятелей, какъ Александровъ, вполнѣ соотвѣтствовало духу новыхъ судебныхъ учрежденій, которыя, говоря словами того же юриста, предоставляютъ «каждому дѣятелю выказать свою *личную духовную силу*, проявленіе которой служитъ самымъ могучимъ двигателемъ всякой дѣтельности и самымъ надежнымъ средствомъ образовательной дисциплины» [3]).

Лебединою пѣснью Александрова была рѣчь въ процессѣ газ. «Новости», разбиравшемся за три недѣли до его смерти. Всегда стоя за возможное расширеніе свободы слова, и въ послѣдней своей замѣчательной по убѣдительности и красотѣ рѣчи развивалъ свою любимую тему.

«Въ дѣлахъ о преступленіяхъ въ печати, говорилъ онъ, не въ примѣръ дѣламъ о другихъ, общихъ преступленіяхъ, судья не можетъ замыкаться исключительно въ сферу уголовнаго кодекса; онъ въ силу необходимости и высшей справедливости долженъ быть политикомъ, какъ органъ общественный, отправляющій свои функціи въ соображеніи условій и потребностей общественной жизни. Не нужно долго жить, чтобы видѣть, какъ въ непродолжительные періоды измѣняются взгляды самой администраціи на дозволенное и недозволенное въ печати, какъ измѣняются въ этомъ отношеніи воззрѣнія общества, какъ видоизмѣняется примѣненіе закона, хотя онъ самъ и остается тѣмъ же, не имѣя возможности поспѣвать за всѣми этими измѣненіями. Если обличеніе зла, продолжалъ П. Я., обнаруженіе явленій противозаконныхъ или просто вредныхъ для общественности имѣетъ право въ печати; если оно является однимъ изъ необходимѣйшихъ и наиболѣе сильно дѣйствующихъ средствъ общественной дезинфекціи, то ему долженъ быть данъ соотвѣтственный просторъ, должны быть приняты въ разсчетъ и неизбѣжность ошибокъ, и нѣкоторая неполнота доказательства истинности напечатаннаго оглашенія. Такъ и понимаетъ это наша еще молодая въ дѣлахъ печати судебная практика».

Коснувшись просимаго обвинителемъ увеличенія наказанія Александровъ пустилъ одну изъ своихъ ядовитыхъ стрѣлъ: «Я, по

---

[3]) См. Тамъ же, стр. 2.

крайней мѣрѣ, троихъ изъ господъ обвинителей знаю, какъ людей вполнѣ добродушныхъ, говорилъ онъ, и не вѣрю, чтобы они желали увеличенія наказанія. Я думалъ это и раньше; это подтвердилъ сегодня и представитель обвиненія А. В. Михайловъ, сказавшій, что, прося объ увеличеніи наказанія, они хлопочутъ только о возстановленіи *симметріи* между мотивами суда и резолютивной частью приговора. Слѣдовательно, дѣло идетъ объ *апелляціонномъ парадѣ*. Для симметріи просятъ накинуть четыре мѣсяца тюрьмы. Вотъ что значитъ художественный вкусъ и любовь къ красотѣ линій!! Такъ это крѣпость, воздвигнутая противъ насъ, на которую бы мы полѣзли и старались бы разрушить! Пусть она такъ и остается, какъ памятникъ парада».

Переходя къ вопросу о мотивахъ «преступленія», Александровъ говорилъ, между прочимъ:

«Господа судьи! съ большимъ волненіемъ я хочу сказать вамъ, что я не въ силахъ бороться на почвѣ этихъ обвиненій, выставленныхъ противъ г. Нотовича. Я человѣкъ *стараго времени*, я принадлежу началомъ моей дѣятельности къ первымъ годамъ судебной реформы. Я проникнутъ традиціями того времени, а въ то время всякая непорядочность въ преніяхъ удалялась, и чистоплотность и порядочность преній считались однимъ изъ лучшихъ украшеній суда. Мнѣ не по сердцу, не по вкусу, не по характеру, не по силамъ принимать борьбу на этой почвѣ— изслѣдовать мотивы, которыми руководствовался писатель, излагая ту или другую статью. Да развѣ преступленія печати представляютъ такія крупныя преступленія, по которымъ нужно еще рыться въ душѣ писателя и искать, почему онъ написалъ ту или другую статью? Развѣ мотивъ статьи можетъ имѣть вліяніе на составъ преступленія? Развѣ онъ можетъ имѣть вліяніе на опредѣленіе наказанія? Умыселъ—да, это необходимый элементъ клеветы, но мотивъ не имѣетъ значенія. Публика привыкла судить писателя по его тенденціи, по его образу мыслей и судить объ извѣстномъ фактѣ по содержанію статьи, по ея основательности, не отыскивая мотивовъ, въ разслѣдованіи которыхъ можно запутаться, какъ въ лабиринтѣ. И въ концѣ-концовъ, я думаю, пусть ужъ лучше наши публицисты будутъ недовольны непомѣщеніемъ объявленій и пишутъ правду,

чѣмъ будутъ получать, въ видѣ-ли объявленій, въ видѣ-ли чего другаго, то вознагражденіе, которое въ видѣ платы за publicité обнаружилось въ послѣднее время въ дружественной намъ державѣ въ такомъ яркомъ видѣ».

Съ большею сердечностью простилась петербургская адвокатура съ своимъ знаменитымъ сочленомъ, который и мертвый, какъ справедливо говорилось въ одной изъ надгробныхъ рѣчей, будетъ живымъ примѣромъ безтрепетнаго служенія благородной миссіи защиты.

IV

Н. С. Тихонравовъ.

(† 27 октября 1893 г.).

27-го Октября скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ ученыхъ заслуженный профессоръ Московскаго университета ординарный академикъ Николай Саввичъ Тихонравовъ.—Огромныя заслуги его предъ наукою такъ безспорны и давно всѣми признаны [1]), что ихъ не рѣшаются оспаривать и политическія противники покойнаго [2]). Но и помимо чисто-научныхъ заслугъ въ спеціальной области исторіи литературы, языкознанія и археологіи, въ дѣятельности Н. С. есть сторона, которая, по вѣрному замѣчанію Н. Г. Чернышевскаго, при оцѣнкѣ заслугъ собственно для *русскаго* ученаго, имѣетъ едвали не бльшее значенья, чѣмъ служеніе интересамъ чистой науки.

Въ статьѣ, посвященной разбору сочиненій Греновскаго, названной критикъ ставитъ ему въ особую чрезвычайную заслугу то, что человѣкъ такого выдающагося ума и таланта, пожертвовавъ для русскаго просвѣщенія личною славою великаго ученаго, въ интересахъ его онъ взялъ на себя не громкую, но благородную роль: служить потребностямъ апатичнаго русскаго обще-

---

[1]) См. *Вѣстникъ Европы* 1894 № 1 некрологъ, составленный А. Н. Пыпинымъ.

[2]) Даже у *Москов. Вѣдом.* и патентованнаго представителя обскурантизма *Гражданина* не хватило духа отрицать научныя заслуги Тихонравова.

ства, будить въ немъ любознательность и для этого передавать ему выводы европейской науки и развивать сочувствіе къ высшимъ человѣческимъ интересамъ [3]).

Ученикъ Грановскаго Тихонравовъ, поставленной, въ болѣе счастливыя условія для научной дѣятельности, чѣмъ учитель, тоже не забывалъ общественныхъ обязанностей, лежащихъ на русскомъ ученомъ. Плебей, сынъ калужскаго мѣщанина, Тихонравовъ,—завоевавъ [4]) благодаря своимъ выдающимся способностямъ и содѣйствію другаго плебея, сына дворовaго, проф. М. П. Погодина, право слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ, право на рѣдкое, незамѣнимое счастье непосредственно воспріять воодушевленное слово [5]) и очарованіе личности великаго учителя Грановскаго,—не забылъ его общественно-воспитательныхъ завѣтовъ.

Педагогическая дѣятельность Тихонравова началась около половины 50-хъ годовъ, почти на рубежѣ того перелома, который постепенно сталъ сказываться во всѣхъ отрасляхъ русской жизни общественной съ начала царствованія Александра II. Н. С., въ это время былъ учителемъ словесности въ одной изъ московскихъ гимназій. Схоластическая долбня стараго хлама риторики и допотопной эстетики и оцѣпененіе страха, составлявшія отличительныя черты дореформенной школы, уступили мѣсто жи-

---

[3]) См. Замѣтки о современной литературѣ Спб. 1894, стр. 330, 331.

[4]) Подъ вліяніемъ революціи 48-го года потерявшая голову реакція бросилась на университеты. «Наши псевдогосударственные мужи, писалъ П. А. Валуевъ. не знаютъ за что взяться. Иные придумываютъ *сумасбродныя* распоряженія; Д. П. Бутурлинъ напр. совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи». (*Русск. Стар.* 1891 № 4 стр. 172).—Вандальскій планъ Бутурлина не былъ принятъ, но комплектъ въ 300 человѣкъ былъ объявленъ. Благодаря объявленію комплекта въ 1849 г. Тихонравовъ не могъ попасть въ Московскій университетъ и только впослѣдствіи. обративъ на себя вниманіе своими литературными работами былъ переведенъ по ходатайству Погодина изъ педагогическаго института въ университетъ. (См. н. статью Пыпина.)

[5]) Чернышевскій въ помянутой статьѣ отмѣчаетъ. что воспитательное вліяніе Грановскаго проявлялось не одними лекціями, но и устными разговорами и т. п. до-гуттенберговскими средствами воздѣйствія, (стр. 33 — 334).

вымъ бесѣдамъ, устраивать которыя былъ такой мастеръ Н. С. Подъ его талантливымъ руководствомъ уроки словесности, ограничившіяся дотолѣ зубреніемъ текстовъ и писаніемъ хрій, превратились въ завлекательныя бесѣды, которыхъ не могли наслушаться ученики, когда предъ воспріимчивымъ ихъ умомъ мастерское изложеніе впервые открывало имъ и силу русской прозы, и гармонію русскаго стиха, и изящество построенія образцовъ русской словесности, а главное ихъ духовно-нравственное содержаніе, предъ которымъ они раньше проходили, безучастно, равнодушно. Пушкинскій стихъ тутъ впервые сталъ будить въ русской школѣ «чувства добрыя», Гоголевскій «смѣхъ сквозь незримыя слезы» впервые сталъ шевелить въ русскомъ юномъ поколѣніи незасоренныя гражданскія и человѣческія чувства. Гимназическія уроки Тихонравова, какъ видно изъ появившихся впослѣдствіи воспоминаній учениковъ его, глубоко запечатлѣлись въ ихъ сердцѣ.

Наканунѣ объявленія воли русское общество и правительство, какъ извѣстно, были охвачены лихорадочною, «неистовою» по выраженію Унковскаго, преобразовательною и просвѣтительною дѣятельностью:

Вижу въ прошломъ, будто нынѣ
Пробужденье въ насъ сознанья—
Словно выходъ изъ пустыни...
Сколько въ высь и ширь стремленій!
Но задержекъ сколько вмѣстѣ!

Однимъ изъ симпатичнѣйшихъ стремленій въ высь было, охватившее всю интеллигенцію, увлеченіе къ распространенію въ народѣ грамотности. Подъ припѣвъ благороднаго девиза:

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!

стали повсюду открываться общедоступныя воскресныя школы, гдѣ рядомъ съ бородатымъ степеннымъ старикомъ не рѣдкость было встрѣтить безусаго юношу, а то и мальчугана. Если этою модою увлекались даже великосвѣтскія дамы, пріѣзжавшія въ каретахъ, съ лакеями на запяткахъ, въ воскресныя школы себя показать и людей посмотрѣть, то нечего и говорить, что Тихонравовъ, съумѣвшій при «работѣ головою», вопреки смѣлому обобщенію одного новѣйшаго мудреца, сохранить и здоровыя

общественныя симпатіи, былъ сильно заинтересованъ этимъ небывалымъ порывомъ къ просвѣщенію. Самъ сынъ народа, самъ имѣвшій счастье достигнуть вершинъ знанья—могъ ли онъ, какъ иные педанты, такъ увлечься «палеями», «духовными стихами», чтобы не замѣтить этого великаго движенья къ свѣту и знанью:

Окрыленный мыслью животворной,
О, ты начнешь невольно вспоминать
О долѣ смертныхъ темной и ничтожной!
Взирая сверху, будетъ невозможно
Тебѣ, счастливому, не пожелать,
Чтобъ братьевъ, пресмыкающихся долу
Свѣтъ истины скорѣе освободилъ.

Тихонравовъ сталъ во главѣ московскихъ воскресныхъ школъ. Находясь въ центрѣ многочисленнаго кружка образованныхъ молодыхъ людей, изъ коихъ многіе были учениками и слушателями его, Н. С. сразу обнаружилъ свой выдающійся административный талантъ, организовавъ превосходно дѣло обученія и общественнаго контроля. Увлекаясь самъ, увлекая другихъ, онъ возлагалъ большія надежды на это благодатное начинаніе первостепенной важности. Но, къ несчастью, служеніе молодежи на благое просвѣщеніе быстро прекратилось. Кое-гдѣ замѣчены были попытки политической пропаганды, чему несказано обрадовались крѣпостники и обскуранты. Рѣшено было закрыть всѣ школы безъ разбора: разсердившись на блохъ, да шубу въ печь!

Оставляя въ сторонѣ обширную профессорскую дѣятельность Тихонравова,—въ которой онъ, подобно своему великому наставнику, дѣйствовалъ не только университетскими лекціями, но также и «до-гуттенберговскими» способами, и о которой слушатели его сохранили самыя трогательныя воспоминанія [*]),—мы коснемся вскользь дѣятельности Н. С., какъ выборнаго ректора, по уставу 63 года, имѣющей прямое отношеніе къ предмету настоящей книги.

Едва-ли можно указать другаго ректора, который въ такой степени вѣрно понялъ и стойко осуществилъ функціи этой по-

---

[*]) Въ февральской книгѣ *Историческаго Вѣстника* за 1894 г. напечатаны крайне любопытныя Воспоминанія бывшаго студента С. о «чаяхъ» и бесѣдахъ въ скромной и холодной квартирѣ Тихонравова на Остоженкѣ

луадминистративной, полуакадемической должности, какъ Тихонравовъ. Какъ главный администраторъ разнообразныхъ, особенно многочисленныхъ въ московскомъ университетѣ, хозяйственныхъ отраслей, Тихонравовъ съ рѣдкимъ вниманіемъ и любовью вникалъ во всѣ мелочи хозяйственнаго управленія.

Но самою главною задачею ректорскаго служенія Н. С. считалъ поднятіе авторитета науки, охрану университетской автономіи, твердую неукоснительную защиту, въ интересахъ свободы академической и въ точныхъ границахъ закона, какъ правъ университетской коллегіи въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ членовъ ея. Одинъ изъ недостатковъ стараго дореформеннаго университетскаго режима состоялъ въ томъ, что, благодаря неопредѣленности границъ попечительской власти, она мало по-малу узурпировала почти всю власть совѣтовъ (см. выше главу IV § 3). Университеты, благодаря господствовавшей въ дореформенное время безхарактерности или, какъ выразился Салтыковъ «атласистости души» и «удивительной способности таять и обращаться въ сырость, умерщвляющей всякую самодѣятельность», не имѣли ни желанья, ни способности и умѣнья, ни мужества отстаивать свои *законныя права* [7]). Новый Уставъ 1863 г. гораздо точнѣе опредѣлилъ границы попечительской власть. Однако не довольствуясь отмежеванной властью, учебная администрація дѣлала попытки разширить свою власть въ сторону loci minimae resistenciae повторяя по старой традиціи: «се мое, а се *мое же*». Вотъ противъ такихъ незаконныхъ захватовъ и боролся, подобно предшественнику своему знаменитому историку Соловьеву, и Тихонравовъ—съ изумительною выдержкою, непоколебимою твердостью, которую можетъ дать только твердое сознанье правоты и значенья отстаиваемыхъ правъ. И съ такою стойкою, доходящею порою до сухаго формализма, ригоризмома,

---

7) О „якобы-правахъ“ дореформеннаго времени Салтыковъ пишетъ въ Признакахъ времени: „Слабомысловъ исправникъ у насъ былъ: проси, говоритъ, у меня милости — отца родного съѣмъ, а будешь, говоритъ, по закону требовать, а тѣмъ паче по естеству—шабашъ! Потому, естество — оно глупо. По естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ того не написано, ну и шабашъ. А ты проси милости—и дастся“. (Соч. II, 199).

послѣдовательностью отстаивалъ ректоръ Тихонравовъ, какъ высшій блюститель университетской автономіи, всѣ права, предоставленныя закономъ совѣту и ректору. Когда Н. С. укоряли въ склонности къ формализму, то онъ измѣнно отвѣчалъ словами, напоминавшими изрѣченіе англійскаго юриста Блакстона: законныя формальности—это налогъ, который мы платимъ для охраненія нашей свободы.

Въ одной изъ своихъ знаменитыхъ актовыхъ рѣчей весьма наглядно пояснилъ значенье академической свободы [8]) дарованной университетамъ Уставомъ 1863 г. Говоря о дѣятельности Соловьева, Тихонравовъ припомнилъ слова Карамзина, что должность профессора, какъ недостаточно самостоятельная «неблагопріятна для таланта». Сославшись затѣмъ на монументальный трудъ профессора Соловьева, выношенный имъ, можно сказать, въ аудиторіяхъ университета подъ сѣнью либеральнаго Устава 1863 г., Н. С. утверждалъ, что мнѣніе Карамзина было опровергнуто Соловьевымъ: «онъ былъ, говорилъ Н. С., много лѣтъ опорою университетской коллегіи, во главѣ которой стоялъ, охранителемъ ея правъ, благодаря которымъ профессорская должность перестала быть неблагопріятною для таланта и ученыхъ изысканій» [9]).

Замѣтимъ кстати, что упомянутыя выше актовыя рѣчи, вносившія значительную степень оживленія въ шаблонный ритуалъ университетскихъ актовъ, были нововведеніемъ, сдѣланнымъ самимъ Тихонравовымъ и прекратившимся съ его удаленіемъ. Въ этихъ рѣчахъ онъ умѣло группировалъ, съ должными поясненіями, важнѣйшія событія ихъ университетской жизни за истекшій годъ. Эти своеобразныя рѣчи,—которыя Н. С. произносилъ съ большимъ мастерствомъ, не смотря на свой глухой голосъ и легкое пришепетыванье; съ умѣлыми подчеркиваніями и многозначительными паузами; съ глубокимъ и искреннимъ воодушевленіемъ, не смотря на внѣшнюю оффиціальную холодность выраженія своего серьезнаго, нѣсколько одутловатаго лица; съ едва уловимой усмѣшкой на устахъ, не смотря на всю наружную безстрастность этой могучей, затянутой въ ректорскій мундиръ фигуры—производили

---

[8]) См. выше въ главѣ IV Отзывъ проф. А. Н. Пыпина.

[9]) См. Отчетъ о состояніи И. московскаго университета, составленный и читанный на актѣ 12 января 1880 г. Н. С. Тихонравовымъ стр. 12.

на публику сильное впечатлѣніе. Покойный, московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, который не прочь былъ разыграть роль мецената, первый спѣшилъ на встрѣчу сходящему съ каѳедры среди грома рукоплесканій торжествующему, сіяющему представителю университета и долго, и крѣпко жалъ ему руку. Особенный фуроръ произвелъ Тихонравовъ своей замѣчательно искусною рѣчью, произнесенною на актѣ 12 января 1879 года, подъ впечатлѣніемъ особенно усиливавшихся не за долго передъ тѣмъ столкновеній съ попечителемъ учебнаго округа княземъ Мещерскимъ, который также присутствовалъ на актѣ.

Въ рѣчи своей Н. С. напомнилъ о знаменитомъ попечителѣ гр. С. Г. Строгановѣ, вводившимъ уставъ 1835 г. и видѣвшимъ въ немъ не средство для стѣсненія университетской автономіи, а напоминаніе о покровительствѣ научнымъ интересамъ. Затѣмъ Н. С. прочелъ поданный университетомъ адресъ, въ которомъ, между прочимъ говорилось слѣдующее: «многіе изъ членовъ Совѣта знаютъ о попечительствѣ вашемъ по преданію, но эти преданія живы и всегда останутся такими; пребываніе ваше среди насъ является лучшимъ временемъ для университета. Вы сами, графъ, были носителемъ того священнаго преданія, по которому лучшіе русскіе люди, сильные по своему положенію и средствамъ, высоко ставили интересъ науки и считали для себя честью и обязанностью служить имъ съ патріотическимъ усердіемъ. Вы вполнѣ уяснили себѣ «значеніе» попечителя въ отношеніи къ университету, значенье *охранителя его интересовъ*. Преданность великому дѣлу просвѣщенія, неутомимая забота объ усиленіи нравственныхъ средствъ университета высказались въ первыхъ же дѣйствіяхъ вашихъ. Университетъ увидалъ въ васъ «настоящаго» попечителя, и дружно пошла общая работа съ обновленными силами; тутъ всякія формальныя отношенія должны были исчезнуть предъ полнымъ довѣріемъ къ лицу, имѣвшему въ виду одно благо университета, предъ полнымъ уваженіемъ къ мнѣнію этого лица, знавшаго, изучавшаго средства каждаго, значеніе, заслугу каждаго. Своимъ вниманіемъ къ дѣятельности членовъ университета вы незамѣтно, естественно стали нравственнымъ его «средоточіемъ». При общей дружной дѣятельности попечителя не могло быть вопроса «о нашемъ и

вашемъ», не могло быть вопроса о правахъ, когда прежде всего видѣли въ попечителѣ самое честное исполненіе обязанностей. Вотъ почему, графъ, время вашего попечительства является такимъ свѣтлымъ временемъ въ исторіи московскаго университета и Совѣтъ не можетъ не обратиться къ вашему сіятельству съ изъявленіемъ искренней признательности за это время». [10])

Н. С. прочелъ этотъ адресъ взволнованнымъ голосомъ и съ обычнымъ своимъ умѣньемъ: публично воздано было suum cuique, и всякій понялъ, въ чей огородъ бросались камешки, направленные тонко и, съ оффиціальной точки зрѣнія, безусловно корректно и вѣжливо.

Считая себя обязаннымъ, какъ стражъ, поставленный на посту довѣріемъ университетской коллегіи, охранять всѣ права ея, Н.С., какъ сказано, стойко отстаивалъ права ея членовъ на почвѣ строгой законности. Былъ случай, что попечитель потребовалъ отъ Тихонравова экземпляръ лекціи профессора К. Въ отвѣтъ на это требованіе онъ, въ свою очередь, требовалъ у попечителя указаніе статьи устава, которая оправдывала бы этотъ шагъ. Это, конечно, былъ формализмъ, потому что лекціи профессора не трудно бы достать и они сами по себѣ не заключали ничего противозаконнаго, но всякій пойметъ, что Н. С. защищалъ въ данномъ случаѣ подъ видомъ формы очень важное по содержанію начало академической свободы. — Благодаря своему твердому и строго законному образу дѣйствій Н. С. умѣлъ внушить даже и высшему своему начальству такое уваженіе, что однажды оно, добиваясь какой-то льготы для своего великосвѣтскаго протеже, тщательно домогалось, чтобы Тихонравовъ не узналъ, отъ кого идетъ ходатайство.

Съ особенною силою это высокое уваженіе къ праву сказалось въ одномъ изъ послѣднихъ дѣйствій Тихонравова въ возбужденіи извѣстнаго «катковскаго» процесса о старой недоимкѣ въ 33,000 р. за аренду *Московскихъ Вѣдомостей*. Если тутъ прямо не были задѣты матеріальные интересы московскаго университета, то задѣтъ былъ духовный интересъ, достоинство университета, представитель котораго не могъ и не считалъ себя вправѣ

---

[10]) *Русскія Вѣдомости* 1879 № 14.

пройти равнодушно мимо явленія, гдѣ видѣлъ явное нарушеніе закона и интересовъ казны въ угоду сильнаго частнаго лица. Сопротивленіе безправаго, говоритъ знаменитый юристъ Ихерингъ, есть нравственная обязанность правообладателя по отношенію къ себѣ и долгъ по отношенію къ обществу. Исходя изъ этихъ побужденій, Тихонравовъ передалъ на обсужденіе гласнаго суда долго волновавшій общество вопросъ о недоимкѣ М. Н. Каткова, хорошо зная, какъ опасна съ нимъ борьба (еще въ 60-хъ годахъ, когда вліяніе Каткова было не очень сильно, онъ поручалъ передать И. С. Тургеневу, покинувшему *Русскій Вѣстникъ*, что онъ долженъ знать, какъ опасно имѣть его, Каткова, противникомъ). Не вина Тихонравова, если дѣло это не было доведено до конца и прекращено было по требованію высшаго начальства [11]).

Въ вышеупомянутой рѣчи о Соловьевѣ, говоря объ его глу-

[11]) Вотъ вкратцѣ исторія этого знаменитаго Катковскаго дѣла. Въ 1875 г. М. Н. Катковъ возобновилъ съ Правленіемъ Московскаго Университета контрактъ на аренду *Московскихъ Вѣдомостей*, университетской типографіи и казенныхъ объявленій за 74.000 р. въ годъ За первыя двѣ статьи плата вносилась аккуратно, а по послѣдней накопилось съ 1870—1873 г. недоимки по первому контракту болѣ 21.669 р. (См. записку о недоимкахъ по контракту на арендаторѣ *Москов. Вѣд.* стран. 2). Недоимка эта имѣла такое происхожденіе. Въ контрактѣ былъ пунктъ по которому Катковъ имѣлъ право просить о сбавкѣ арендной платы, если-бы былъ изданъ *новый законъ*, сокращающій число казенныхъ объявленій. Хотя такого закона не было создано, однако Катковъ ежегодно самовольно сталъ вычитывать изъ арендной платы за объявленія сумму тѣхъ объявленій, *которыя неправильно*, по его мнѣнію, миновали *Московскіе Вѣдомости* и появлялись въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Такое, явно неправильное съ юридической точки зрѣнія, пониманіе контракта было допущено съ молчаливаго согласія университета во время ректорства пріятеля Каткова и Леонтьева, С. И. Баршева. Министерство финансовъ давно требовало взысканія этой недоимки. Была даже Высочайшая резолюція на отчетѣ Государственнаго контролера съ требованіемъ окончанія этого дѣла, но министерство народнаго просвѣщенія (при графѣ Д. А. Толстомъ) довольствовалась простою отпискою, а то и вовсе ничего не отвѣчало. Такъ въ Запискѣ по этому дѣлу приводится справка, что на представленіе Правленія университета о взысканіи недоимки отъ 1 мая 1875 г. до времени составленія Записки т. е. ноября 1880 г., стало быть въ теченіе пяти съ половиною лѣтъ попечитель Московскаго Учебнаго Округа кн. Мещерскій *ничего* не отвѣчалъ (стр. 13).— Со вступленіемъ въ ректорство С. М. Соловьева, а потомъ Тихонравова

бокомъ уваженіи къ университетскому самоуправленію и къ Уставу 63-го года, Н. С. между прочимъ привелъ слѣдующія его прекрасныя слова, сказанныя имъ въ день столѣтняго юбилея Московскаго университета: «Учрежденіе живетъ полною жизнью, процвѣтаетъ, когда присущій ему *духъ* силенъ, когда даетъ себя чувствовать и въ совокупныхъ дѣйствіяхъ членовъ учрежденія, и въ поведеніи каждаго. Когда же преданіе забывается, духъ слабѣетъ, учрежденіе клонится къ упадку, тогда люди, ревностные къ славѣ учрежденія стараются воскресить преданіе, возвратить его къ первоначальной чистотѣ».

Такимъ ревнителемъ славы Московскаго университета былъ

помянутые вычеты (за недоставленныя объявленія) прекратились, не смотря на настойчивыя домогательства Каткова. Въ 1880 г. Катковъ предъявилъ искъ въ судъ къ Правленію университета въ 2996 о зачетѣ ненапечатанныхъ имъ суммъ объявленій. Университетъ, отвергая всецѣло искъ Каткова, предъявилъ встрѣчный искъ объ вышеуказанной недоимкѣ, что съ процентами составило болѣе 33.000 руб. Послѣ этого Катковъ перемѣнилъ тактику и сталъ доказывать, что 1) дѣло о недоимкѣ подсудно администраціи, а не суду и 2) что оно уже рѣшено ею!! Два года тянулось дѣло, но и то, и другое возраженіе Каткова было отвергнуто какъ Московскимъ Окружнымъ Судомъ, такъ и Московскою Судебною Палатою. Тогда Катковъ, во избѣжаніе скандала, сталъ хлопотать о прекращеніи дѣла во что бы то ни стало. На 7-е мая 1882 г. назначено было въ Московскомъ Окружномъ Судѣ для слушанія по существу дѣла, но оно не состоялось. Правленіе университета вынуждено было прекратить встрѣчный искъ и отказаться отъ возраженій противъ иска Каткова, вслѣдствіе предписанія министра народнаго просвѣщенія статсъ-секретаря (нынѣ графа) Делянова, рѣшившаго, въ удовлетвореніе ходатайства повѣреннаго Каткова присяжнаго повѣреннаго Моисея Гольденвейзера, искъ его довѣрителя „подлежащимъ разсмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія, коему ближе извѣстны, всѣ *мотивы* послужившіе основаніемъ для редакціи того или другаго параграфа контракта и разъясняющіе *точный* ихъ смыслъ“, а самое „требованіе Каткова подлежащимъ удовлетворенію“.— Любопытно отмѣтить „хронологическія“ совпаденія: съ 1881 г. и особенно съ 1882 г. послѣ столкновеній Каткова съ новыми судебными установленіями нападки и инсинуаціи его противъ судебныхъ установленій и Судебныхъ Уставовъ достигли неслыханной рѣзкости, доходившей до обвиненія ихъ въ государственныхъ преступленіяхъ, какъ раньше послѣ неудачи, постигшей alter ego Каткова, П. М. Леонтьева, начались безпощадныя нападки на университетскій уставъ 1863 г.

стойкій охранитель его автономіи Н. С. Тихонравовъ, вездѣ и всегда преслѣдовавшій одну цѣль: защиту достоинства и независимости университета, интересовъ свободной науки, этого, по выраженію Ломоносова «добра великаго, безопаснаго, постояннаго, добра всѣмъ любезнаго, кромѣ упрямыхъ невѣждъ и злобныхъ варваровъ, добра всѣмъ радостнаго, кромѣ завистниковъ благополучія нашего, добра по всей вселенной на подобіе солнца сіять и все освѣщать достойнаго». Аминь!

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Наканунѣ пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новеллъ . . .	VII
Къ 45-й год. смерти Бѣлинскаго (вмѣсто пред. къ 4-му изд.).	XXIII
Предисловіе къ 3-му изданію	XXXI
Предисловіе ко 2-му изданію	XXXV
Предисловіе къ 1-му изданію	XXXIX
Алексѣй Михайловичъ Унковскій † 20 декабря 1893 г. . . .	XLI

I.

Освобожденіе крестьянъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе.

(Справка по поводу исполнившагося тридцатилѣтія).

1. Объявленіе воли.—Чтеніе манифеста.—Причина сухаго тона его. — Смерть Я. И. Ростовцева и ея значеніе. — 2. Назначеніе гр. Панина пред. Ред. Комм. — Его личныя особенности. — Неопредѣленность положенія. — Роль гр. Панина въ Редакц. Коммиссіи. — Борьба съ ея членами. — Закрытіе ея. — Сопоставленіе гр. Панина съ Ростовцевымъ.—3. Составленіе манифеста 19 февраля.—Участіе митроп. Филарета.—Впечатлѣніе отъ манифеста.—4. Канунъ объявленія воли.—Послѣдняя стадія законодательныхъ работъ.—Подготовительныя мѣры. — 5. Объявленіе манифеста въ Петербургѣ.—Тревожное настроеніе высшихъ сферъ.—Радостное настроеніе интеллегенціи.—Народныя манифестаціи.—Адресы бывшихъ крѣпостныхъ и петербургской Думы.—6. Объявленія воли въ Москвѣ. — Адресъ крестьянъ 7. Объявленіе воли въ провинціи.—Неудачная редакція Положеній.—Трудность ознакомленія съ ними крестьянъ.—Спокойное принятіе народомъ воли. — Бездненская катастрофа. — 8. Первое время послѣ воли. М. Е. Салтыковъ.—Медаль 17-го апрѣля 1861 г.— Начало реакціи.—Удаленіе Ланскаго и Милютина.—Медовый мѣсяцъ свободы.—Воспитатель-

Стр.

ное вліяніе воли на настроеніе народа. —9. Значеніе освобожденія крестьянъ для либеральныхъ реформъ 60-хъ годовъ 3

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ.

(Эпизодъ изъ исторіи общественнаго движенія 60-хъ годовъ).

1. Значеніе губернскихъ комитетовъ и общественнаго элемента въ крестьянской реформѣ.—Отношеніе къ ней большинства дворянства.—Тверское дворянство, какъ представитель либеральной части общества и литературы.—Тверской губернскій Комитетъ и предсѣдатель его А. М. Унковскій. — 2. Прибытіе депутатовъ въ Петербургъ.—Тверской депутатъ А. М. Унковскій.—Сессія тверскаго дворянскаго губернскаго собранія и столкновеніе его съ правительствомъ.—3. Обзоръ Основаній, принятыхъ комитетомъ при составленіи Положенія.—Признаніе необходимости радикальной реформы.—Вопросъ о надѣленіи землей и о выкупѣ.—4. Проектъ мѣстныхъ реформъ, предложенныхъ Тверскимъ Комитетомъ.—Самоуправленіе и всесословность. Раздѣленіе властей.—Независимость суда и судъ присяжныхъ.— 5. Нападки на Положеніе со стороны крѣпостниковъ. 100

II.

Отмѣна тѣлеснаго наказанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Къ тридцатилѣтію отмѣны тѣлесныхъ наказаній.

(Эпизодъ изъ исторіи гуманныхъ вѣяній 60-хъ годовъ).

1. Жестокія тѣлесныя наказанія по Уложенію 1845 и 1857 гг.—Безуспѣшность усилій, направленныхъ къ смягченію наказаній при Екатеринѣ II и Александрѣ I.—Аракчеевская манера прогнанія сквозь строй.—Вліянія гуманныхъ вѣяній 60-хъ годовъ, приведшихъ, вслѣдъ за отмѣною крѣпостнаго права, къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, смягченію наказаній вообще и дѣйствительной отмѣнѣ пытокъ.—Ѳ. М. Достоевскій.—2. Записка кн. Н. А. Орлова объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и заключеніе Комитета.—3. Разныя мнѣнія министровъ.—Мнѣнія гр. Панина и митрополита Филарета.—4. Мнѣнія Валуева, Милютина, Ровинскаго и др.—Мнѣнія Буцковскаго о наказаніи для непривилегированныхъ сословій.—5. Обсуж-

Стр.

денія вопроса въ Государ. Совѣтѣ.—Гр. Панинъ, какъ защитникъ плети и розогъ.—Законъ 17-го апрѣля, его значеніе и недостатки.—Принципіальное значеніе побѣды гуманности и прогресса, сказавшейся въ изданіи закона 17 апрѣля. — Вопросъ о розгахъ въ Редакц. Коммиссіи. — Розги въ административномъ порядкѣ. — 6. Культурное значеніе закона 17-го апрѣля.—Наканунѣ отмѣны розогъ.—Отмѣна розогъ для ссыльныхъ женщинъ. 157

III.

Университетская автономія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Университетскій Уставъ 1863 года.

(Справка къ 18-му іюня 1863—1893 гг.).

1. Наука въ дореформенное время. — 2. Первые годы новаго царствованія.—Начатки автономіи.—Составленіе проекта Устава и опубликованіе.—3. Отзывы объ воспитательномъ значеніи университетовъ Чичерина, Пирогова, Андреевскаго; университетская автономія: отзывы Совѣта Харьков. Универс., Пирогова, гр. Делянова.—4. Организація академической жизни: отзывы Пирогова, Пыпина, гр. Делянова.—Допущеніе женщинъ въ университетъ.—Высшее медицинское женское образованіе.—5. Студенческій бытъ: отзывы Спасовича, Дмитріева, Каткова, Кавелина. — 6. Уставъ 63 г. и его значеніе 221

IV.

Земская реформа.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Земское самоуправленіе.

(Изъ исторіи Земскаго Положенія 1864 г.).

1. Связь земской реформы съ освободительнымъ движеніемъ 60-хъ годовъ.—Характеристика дореформеннаго режима Катковымъ, Аксаковымъ и Валуевымъ. — 2. Удаленіе Н. А. Милютина. — Смыслъ реакціи и вліяніе ея на земскую реформу.—П. А. Валуевъ и палліативный характеръ его проекта. — 3. Обсужденіе проекта въ государственномъ Совѣтѣ.—Мнѣніе бар. Корфа о сословности и самоуправленіи.—Кн. Щербатовъ о расширеніи правъ земства.—Отношеніе Валуева.—4. Введеніе земскихъ учрежденія . 279

V.

Стр.

Цензурная реформа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 г.

(Справка къ двадцатипятилѣтію).

1. Первыя попытки къ цензурной реформѣ въ 50-хъ годахъ.— Передача цензуры въ вѣдомство мин. внутр. дѣлъ.—2. Проектъ Комиссіи кн. Оболенскаго 1863 годм. — Критическія замѣчанія Головнина.—Подробный разборъ проекта бар. Корфомъ. — Вредъ цензуры и значеніе свободы печати и общественнаго мнѣнія. — Предостереженія. — Залоги. — 3. Обсужденіе проекта въ государственномъ совѣтѣ. — Оппозиція Норова. — Судъ присяжныхъ по дѣламъ печати.—Мнѣніе Д. А. Милютина.—Временный характеръ новаго закона о печати.—4. Послѣдующая цензурная практика и законодательство. 320

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Первые шаги безцензурной печати.

(Справка къ 4-му сентября 1865—1890 гг.).

1. Открытіе Главнаго Управленія по дѣламъ печати. — Статья *Сѣверной Почты*.— 2. Статьи *С.-Петерб. Вѣдом.*, *Голоса* и *Москов. Вѣдом.*—3 Статьи *Дня* И. С. Аксакова и *Отечеств. Записокъ*.— 4. Первыя административныя и судебныя взысканія. 343

VI.

Судебная реформа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Судебные Уставы Александра II.

(Справка къ 20-му ноября 1864—1889 гг.).

1. Причина радикализма судебной реформы.—Поворотъ къ раціональному направленію гр. Блудова.—2. Ходъ работъ до 1861 г. 3. Высочайшее повелѣніе 1862 г., какъ начало новой эры. — Соображенія государственной канцеляріи. — Мотивы введенія суда присяжныхъ и другихъ основъ судебной реформы.—4. Обсужденіе дѣла въ государственномъ совѣтѣ. — Основныя положенія 29-го сентября 1862 г.,—Бутковская комиссія для составленія проекта Судебныхъ Уставовъ.—Обнародованіе ихъ.—Отзывы Безобразова, Лероа-Больё, проф. Соколова 365

Стр.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Предтечи гласнаго суда.

(Апрѣль—октябрь 1865--1890).

1. Первое гласное судопроизводство въ военныхъ судахъ въ Новгородѣ и Москвѣ.—2. Гласное судопроизводство по правиламъ 11-го октября 1865 года. 396

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Петербургѣ.

(Справка къ 17-му апрѣля 1866 — 1891 гг.).

1. Введеніе Судебныхъ Уставовъ въ дѣйствіе.—Разныя мнѣнія о порядкѣ открытія новыхъ судебныхъ учрежденій. — 2. Приспособленіе зданій для новыхъ судебныхъ учрежденій. — Назначеніе на должности. — 3. Открытіе первыхъ судебныхъ учрежденій въ Петербургѣ. — Рѣчь Д. Н. Замятина. — 4. Отношеніе печати къ новому суду.—Неблагопріятныя условія дѣятельности новаго суда 404

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Москвѣ и въ провинціи.

(Справка къ 23-му апрѣля 1866—1891 гг.).

1. Исторія зданія Московскихъ Судебныхъ Установленій. — Обращеніе Аракчеевымъ ротонды въ амбаръ. — Реставрація зданія въ 1866 г. — Открытіе зданія Александру II въ 1884 г. — 2. Торжество открытія новаго суда въ Москвѣ. — Рѣчи Д. Н. Замятина, А. Н. Шахова и Е. Е. Люминарскаго. — 3. Открытіе провинціальныхъ окружныхъ судовъ.— Впечатлѣніе, произведенное первыми процессами. 428

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Введеніе мироваго суда.

(Справка къ 17-му мая 1866 — 1891 гг.).

1. Происхожденіе мироваго суда. — Записка Блудова 1859 г.— 2. Неблагопріятныя условія дѣятельности мироваго суда.—3. Причины успѣха мироваго суда: его доступность и правосудность по мелкимъ дѣламъ, равенство предъ судомъ. — 4. Мировой судъ какъ школа гражданскаго воспитанія. — Впечатлѣніе, произведен-

Стр.

ное мировымъ судомъ. — Отзывъ В. П. Безобразова и мин. юст. Д. Н. Замятнина.— 5. Отношеніе печати къ мировому суду . . 444

Post - scriptum.

(Либерализмъ и новый судъ) 466

VII.

Общая воинская повинность.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Воинскій уставъ. 1-го января 1874 г.

(Справка къ двадцатилѣтію).

1. Несправедливость старой рекрутчины и ея обременительность для бѣдныхъ. — 2. Комиссія военнаго министра Д. А. Милютина и его просвѣщенное руководство. Уравненіе сословій относительно воинской повинности. — 3. Замѣчанія разныхъ вѣдомствъ на проектъ: Гринвальда, Вестмана, гр. Д. А. Толстаго и Палена. — 4. Борьба Милютина съ гр. Толстымъ изъ - за льготъ для средняго и высшаго образованія. Соображенія Государственнаго Совѣта. — 5. Возобновленіе борьбы въ общемъ собраніи и одобреніе совѣтомъ взглядовъ Милютина. — 6. Изданіе Устава 1-го января рескриптъ на имя Милютина. — Примѣненіе Устава 479

VIII.

Изъ общественной хроники.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Какъ возникло Московское Юридическое Общество.

(Рѣчь, произнесенная 13 - го марта 1888 г. въ торжественномъ засѣданіи Москов. Юрид. Общ. по случаю 25 - лѣтія его основанія) 505

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“.

(Мартъ 1866—1891 гг.).

1. Значеніе журнала. — Первоначальная программа его, какъ спеціально историко - политическаго изданія. — 2. Разъясненіе направленія журнала. — 3. Принятіе въ 1868 г. характера общихъ

Стр.

литературно-научныхъ журналовъ.— Внимательная разработка вопросовъ, связанныхъ съ реформами 60-хъ годовъ.— Выдержанность направленія и литературная порядочность журнала 524

IX.

Дѣятели преобразовательной эпохи.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Корифей судебной реформы С. И. Зарудный.

1. Происхожденіе.—Воспитаніе.—Поступленіе въ министерство юстиціи въ 1842 г. и первое прикосновеніе къ судебной реформѣ.—2. Знакомство съ замѣчаніями практиковъ, какъ первая юридическая школа.—Созданіе школы въ консультаціи министерства юстиціи. — Комитетъ 1852 г. по гражд. суд. — Участье въ 1856 г. въ разоблаченіи злоупотребленій интендантовъ.—Переходъ въ Государственную Канцелярію и начало обсужденія проекта гражд. судопр. — Разсылка предварительныхъ заключеній Государственнаго Совѣта и напечатаніе отвѣтовъ. — Первыя самостоятельныя работы Зарудnаго по законодательнымъ вопросамъ въ т. IX Дѣла.— Участье его въ крестьянской реформѣ.—3. Рѣшительный поворотъ съ 1861 г. въ движеніи и направленіи судебной реформы.—Основныя Положенія 1862 г. — Коммиссія 1862 г. для составленія проекта судеб. уставовъ и руководящая въ ней роль Зарудnаго. — Утвержденіе суд. уст. и изданіе ихъ съ разсужденіями.—4. Удаленіе Зарудnаго въ старый Сенатъ. —Отзывы объ немъ членовъ Госуд. Совѣта.—Послѣдніе годы и литературные труды.—Столкновеніе съ сенатомъ. Смерть. 541

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Сподвижникъ Царя-Освободителя великій князь Константинъ Николаевичъ.

1. Воспитаніе вел. кн.—Начало преобразовательной эры.—Приказъ объ „оффиціальной лжи“. — 2. Участіе вел. кн. въ крестьянской реформѣ. — Его инициатива, настойчивость. — Вліяніе его въ Главномъ Комитетѣ.—Разсылка и обнародованіе рескриптовъ.— Вел., кн., какъ предсѣдатель Главнаго Комитета.—3. Участіе вел. кн. въ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.—Заключеніе 560

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Дѣятель крестьянской реформы В. А. Арцимовичъ. Стр.

1. Общая Характеристика Арцимовича.—2. Воспитаніе и первые годы службы.—Служба въ Сибири и популярность. — 3. Калужское губернаторство и участье въ крестьянскомъ вопросѣ.— Примѣненіе Положенія 19-го февраля и ожесточеніе помѣщиковъ. — Удаленіе Арцимовича изъ Калуги.—Полемика въ *Днѣ*.— 4. Переходъ его въ Сенатъ и назначеніе въ первый составъ уголов. нак. департ., а потомъ въ I департаментъ.—5. Разносторонняя дѣятельность Арцимовича. – 6. Послѣдніе годы, бодрая старость. —Вѣрность завѣтамъ молодости 589

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Юбилейныя справки.

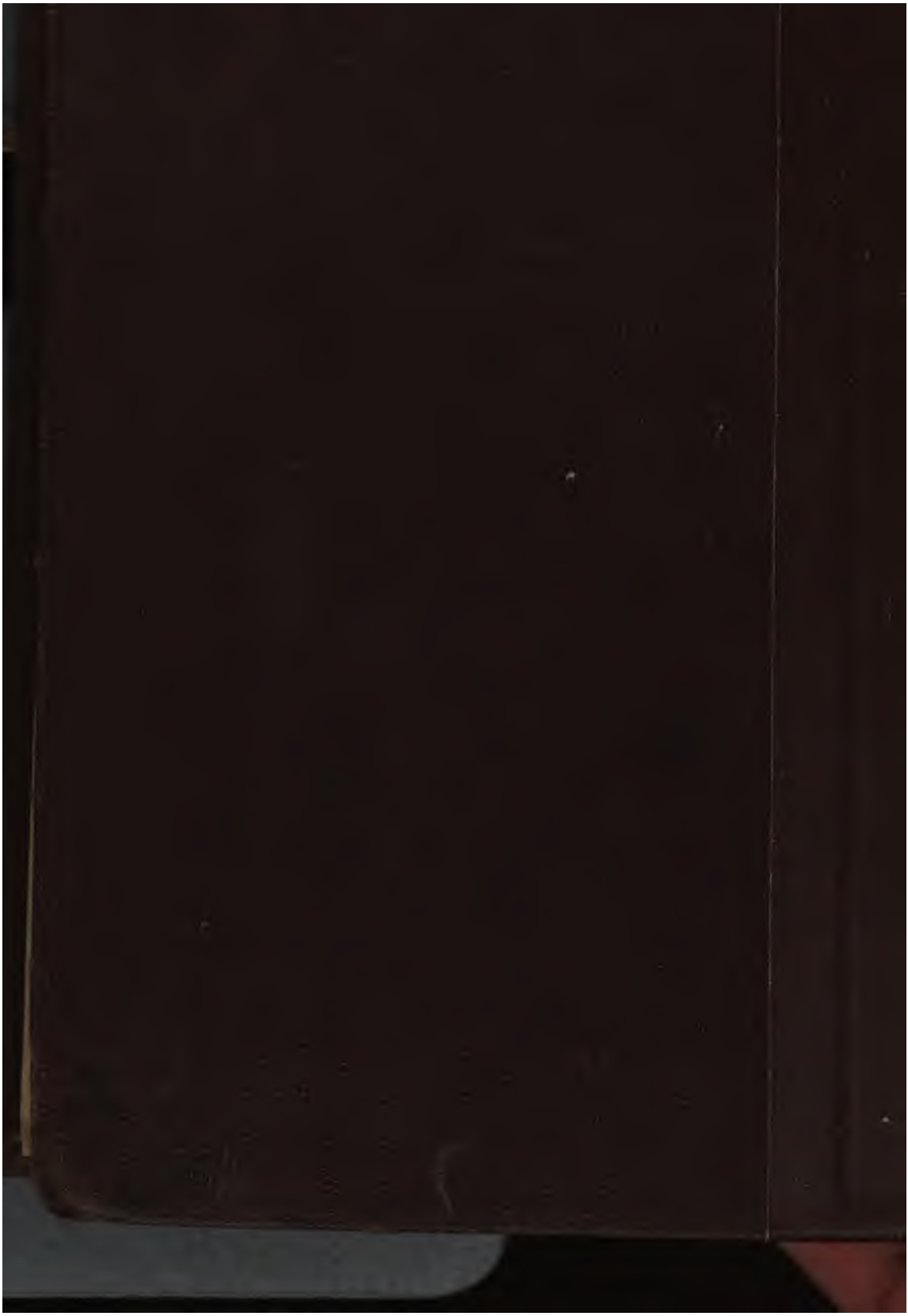
1. В. Д. Спасовичъ (31-е мая 1866 -1891) 617
2. Н. И. Стояновскій (17-е іюня 1841—1891) 622
3. А. А. Головачевъ (ноябрь 1841—1891) 628
4. Е. П. Старицкій (19-е февраля 1868—1893) 635
5. В. Н. Герардъ (6-е марта 1868—1893) 644
6. И. Я. Фойницкій (1-е іюня 1868 -1893) 652
7. А. М. Фальковскій (17-е декабря 1853—1893) 659
8. П. Н. Обнинскій (9-е мая 1869—1894) 662
9. Д. А. Ровинскій (13-е іюля 1844—1894 668

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Скорбныя справки.

1. И. М. Остроглазовъ († 22-го сентября 1892 г.) 680
2. П. Н. Грековъ († 28-го января 1893 г.) 685
3. П. Я. Александровъ († 11-го марта 1893 г.) 689
4. Н. С. Тихонравовъ († 26 октября 1893 г.) 697

Iz epokhi velikikh reform ...
Stanford University Libraries
3 6105 038 805 102

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305